

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855858 6

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ТОМЪ

ВОСЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

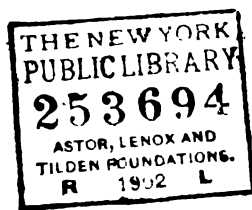
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казанск. моста,
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ,
№ 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1873.

(24)

ФИЛИППЪ ИЗЪ КОНОПЛЕЙ

РАЗСКАЗЪ ВЛ. СЫРОКОМЛИ ¹⁾.

I.

Пусть Гомеръ у древнихъ грековъ, пусть у римлянъ ихъ
Маронъ

Воспѣвають въ эпопеяхъ эпопеичный Иліонъ,
Тассъ—тріумфы крестоносцевъ въ завоеванномъ краю,
Мильтонъ—жизнь Адама съ Евой, и паденье ихъ въ рай,
Пусть поютъ подъ звуки арфы или жалкаго рожка—
Вѣдь арена стихотворства безгранично широка—
Пусть же каждый на свободѣ распѣваетъ пѣснь свою:
Я злосчастнаго Филиппа на досугъ воспою.
Муза! (такъ или иначе мы зовемъ тебя теперь?)
Будь со мной, мои порывы неумѣстные умѣрь;
Если слишкомъ расхожусь я, замечтаюсь невпопадъ,
Или просто ты замѣтишь въ сердцѣ съ разумомъ разладъ,
Или я примуся бредить въ изступленіи—не забудь
Ручку нѣжную въ источникъ водъ кастальскихъ обмокнуть
И водою сей священной ты главу мою облей,
Чтобы выскокной я не былъ, какъ Филиппъ изъ Коноплей!

¹⁾ Лудвигъ Кондратовичъ, извѣстный въ польской литературѣ подъ именемъ *Владислава Сырокомли* (отъ герба), родился 17 окт. 1822 года въ г. Смолковѣ, Слущаго уѣзда Минской губ., и умеръ 15 окт. 1862 года въ Вильно, отъ чахотки, оставивъ семью въ крайней бѣдѣ.

Въ рубежахъ земли Подольской (сотни лѣтъ съ тѣхъ поръ
прошли),
Скромный хуторъ былъ шляхетскій, подъ названьемъ—Конопля,
Оттого-ли, что Конопки основали тамъ свой домъ,
Оттого-ли, что тамъ были коноплянники крутомъ.
На полмили разстился вокругъ отличный грунтъ земли,
Частымъ ельникомъ зеленымъ разростались конопля:
Листъ ихъ былъ широкъ и зеленъ, полонъ матовый цвѣтокъ...
Вотъ и все, что разузнать я о помѣстѣи этомъ могъ.
Прадѣдъ, дѣдъ и всѣ потомки въ рубежахъ земли своей
Прозывались и писались: *«панъ N. N. изъ Коноплей»*.

Мая перваго, въ томъ мѣстѣ (годъ за давностію лѣтъ
Неизвѣстенъ), въ день Филипповъ нашъ Филиппъ явился въ свѣтъ.
Посмотрѣлъ на Божій міръ онъ и рученки крѣпко сжалъ,
И поморщился, какъ будто неудачи ожидалъ,
Громко вскрикнулъ, какъ сиротка трепеща бѣдняжка весь,
Словно мучимый вопросомъ: «для чего же я-то здѣсь?»
И кричалъ довольно долго, словно гордый панъ магнатъ,
На пути въ корчму попавшій изъ блистательныхъ палатъ,
Упрекающій хозяевъ: почему для пришлеца
На дорогѣ этой грязной не построено дворца?
Наконецъ, какъ-бы подумавъ: «да какой же тутъ исходъ?»
Не могло иначе выдти—пусть по прежнему идетъ!»
Онъ заплакалъ-ли тихонько, усмѣхнулся-ли потомъ,
Но заснулъ въ своихъ пеленкахъ безмятежнымъ, тихимъ сномъ

Собрались потомъ сосѣди, какъ всегда водилось встарь,
Мальчугана окрестили, заглянувши въ календарь,
Нарекли его Филиппомъ и съ стаканами въ рукахъ
Всѣ ему желали счастья, всевозможныхъ въ мірѣ благъ...

II.

Хорошо тому живется, кто отъ свѣта недалѣкъ,
Кто общественнымъ уставамъ подчиниться мирно могъ,
Тотъ, кому стезей пробитой любо-дорого брести,
Кто дороги новой, трудной не мечтаетъ провести.
О! въ толпѣ такіе люди вѣрно будутъ не одни:
Міръ ихъ скоро разгадаетъ, скоро міръ поймуть они.

А порой проглянетъ въ свѣтъ сущій баловень судьбы,
 Съ мыслью новой, съ мыслью свѣжей для протеста и борьбы.
 Своевременно, умѣстно начинается онъ протестъ,—
 Подготовленная почва передъ нимъ лежитъ окрестъ;
 И тогда ужъ не безслѣдно поучаетъ онъ народъ,
 И его посѣвъ удачный принесетъ желанный плодъ.
 А порою въ массѣ люда метеоръ мелькнетъ живой—
 Человѣкъ съ горячимъ сердцемъ и пальною головой,
 Разсуждающій, не зная—гдѣ и съ кѣмъ онъ говорить,
 Убѣжденія предъ всѣми выставляющій на видъ,
 Слишкомъ слабый, чтобъ низвергнуть то, что крѣпко съ давнихъ
 поръ—

Все онъ хочетъ опрокинуть, всѣмъ идти наперекоръ.
 Онъ, при видѣ фальши въ массѣ, выбивается изъ силъ—
 Дуется, бѣдный, встрѣчу вѣтру, чтобы вѣтеръ своротилъ;
 Тщетно хочетъ онъ наполнить силой немощную грудь:
 Легче лопнуть ей, чѣмъ злобу съ пьедесталовъ крѣпкихъ сдуть!
 Только хохотъ и насмѣшки встрѣтитъ жалкій сумасбродъ!
 То-и-дѣло надъ безумцемъ скалить зубы всякій сбродъ...
 «Слышалъ ты о чемъ онъ бредить?.. Да взгляни сюда скорѣй!..
 Вишь какъ бойко разлетѣлся!.. Вотъ Филиппъ изъ Коноплей!..»

III.

Напѣ Филиппъ къ іезуитамъ въ школу отданъ былъ въ
 Остротъ,

Чтобы шляхтичемъ достойнымъ онъ оттуда выдти могъ.
 Католицизмъ, Jus Romanum, ципероновскую рѣчь—
 Каждый шляхтичъ знать и ими не посмѣлъ бы пренебречь.
 Наблюдая за Филиппомъ, всѣ замѣтили, что онъ
 Много думаетъ, въ науки даже будто погруженъ,
 Да одна бѣда—вопросъ ли онъ предложить, или самъ
 Мысль свою дерзнетъ повѣдать въ классѣ школьнымъ сорван-
 цамъ—

Все ему не удавалось: порождалъ, бѣднякъ, во всѣхъ
 Или поводы къ соблазну, или просто только смѣхъ.
 Не высокъ онъ вышелъ ростомъ, но за то ужъ былъ вертлявъ;
 Со скамьи бывало вскочить, не сдержавши пылкій нравъ,
 На средину класса выйти и рацею заведетъ,
 И словами и руками спертый воздухъ школы бьетъ.

Рѣчь, исполненная жара, взглядъ сильнѣе самыхъ словъ!
 Въ результатѣ—или палки, или хохотъ школяровъ.
 Такъ однажды всендѣзъ-профессоръ, излагая цѣлый часъ
 Объ изящномъ стилѣ въ рѣчи, о подборѣ звонкихъ фразъ
 (А латынь вѣдралась сильно въ рѣчь поляковъ въ тѣ года,
 Боги древняго Олимпа были модными тогда),—
 Говорилъ, что «нужно много предварительныхъ работъ,
 «Чтобъ изящно выражаться, а не просто какъ народъ,
 «Нужно знать латынь настолько, чтобы даже безъ труда
 «Мысль изъ Флакка, стихъ Марона въ рѣчи вливать всегда;
 «Что періодъ округленный—это самый первый знакъ,
 «Что ораторъ не невѣжда—грубый хлопъ или простакъ.
 «Это разъ!.. (замѣтилъ всендѣзъ) а затѣмъ перехожу
 «Ко второму... и поймите, что теперь я вамъ скажу:
 «Пусть въ рѣчахъ какъ можно чаще попадаютъ у васъ
 «Боги древнихъ римлянъ, грековъ, весь Олимпъ и весь Парнассъ.
 «Тотъ, кто *мудръ*, да наречется не вульгарно *мудрецомъ*,
 «А *наперсникомъ Паллады*, и *любимцемъ*, и *жрецомъ*;
 «*Храбрецами* всѣхъ отважныхъ пусть зоветъ себѣ народъ,
 «А ученый сыномъ *Марса* пусть героя назоветъ;
 «И *цвѣтокъ—дитятей Флоры* называйте, не *цвѣткомъ*,
 «*Хлебъ—дानीемъ Цереры*; и о *яблокъ* простомъ
 «Выражайтесь вы изящно, что оно—*Помоны плодъ*;
 «И тогда невольно каждый васъ учеными сочтетъ»...
 Не стерпѣлъ Филиппъ! на лавкѣ усидѣть ужъ онъ не могъ:
 —«Нѣтъ!—вскричалъ онъ—всендѣзъ-профессоръ, не возьму я это
 въ толкъ!
 «Богъ—одинъ Творецъ вселенной, Онъ—Зижидатель естества!
 «Такъ къ чему же тутъ Церера, Флора, древнихъ божества?
 «И не Онъ ли запрещаетъ призывать *иныхъ боговъ*?
 «Если-жъ кто служилъ отчизнѣ, поражалъ ея враговъ,
 «Да реторику при этомъ забывать—и стыдъ и срамъ,
 «Такъ не лучше ли Тарновскимъ называть героя намъ?»
 Какъ Зевесъ-тучегонитель двинулъ брови всендѣзъ-старикъ,
 Удивляясь, какъ рѣшился съ нимъ заспорить ученикъ,
 И въ отмищеніе униженія и науки и лица,
 Головой кивнулъ онъ старшимъ, чтобъ смирili молодца...
 И Филиппъ несчастный, жертва разныхъ Флоръ, Цереръ, Помонъ,
 Тщетно сдерживалъ подъ палкой слезы горькія и стонъ.
 Не поддержкой онъ былъ встрѣченъ, а насмѣшками друзей:
 «Не высказывай нехстати, панъ Филиппъ изъ Коноплей!»...

Вотъ еще *пассажъ* съ Филиппомъ: порѣшили школяры
 Заявить любовь къ святынѣ въ духѣ мрачной той поры,
 И въ пятокъ страстной недѣли, чтобъ евреямъ отомстить,
 Согласились ихъ раввина не на шутку проучить.
 Вотъ толпой пустились къ дому, гдѣ несчастный равви жилъ,
 Подошли, шумятъ, грозятся и кричатъ что было силъ.
 Вотъ и камни засвистали, полетѣли стекла вонъ.
 Тутъ кагалъ жидовскій съ гвалтомъ налетѣлъ со всѣхъ сторонъ.
 И, то здѣсь, то тамъ на схватку подстрекатели нашлись,
 И два лагеря враждебныхъ очень близко ужъ сошлись,
 Перекидываясь бранью и камнями порой,
 А затѣмъ вступили оба въ рукопашный жаркій бой.
 И *Беллона* очевидно помогала бурсавамъ:
 То отвагою, то силою, успѣвая здѣсь и тамъ,
 Поражали иудеевъ; даже кровь ужъ полилась,
 А толпа не унималась и неистово дралась.
 Тамъ, гдѣ бой кинѣлъ упорно съ двухъ враждующихъ сторонъ,
 Нашъ Филиппъ въ ряды вмѣшался съ рѣчью, словно Цицеронъ:
 «Стойте, братцы! что я вижу? не съ ума ли вы сошли?
 «Предки ихъ вѣдь Иисуса на распятіе вели!
 «Виноваты ли потомки? Какъ не стыдно это вамъ?
 «Нападать на безоружныхъ... на слабѣйшихъ... стыдъ и срамъ!
 «Не позволю!..» И ворвался онъ въ средину схватки вдругъ,
 И мгновенно на него же поднялись десятки руей
 Тѣхъ гонимыхъ, за которыхъ онъ вступился не впопадъ,
 Не слышали, что промолвилъ въ ихъ защиту адвокатъ,
 И рѣшили, что на драку онъ своихъ же подстрекать...
 И защитникъ угнетенныхъ окрававленный упалъ.
 Еслибъ стража городская не нагрянула толпой—
 Смертью бѣднаго Филиппа былъ бы конченъ этотъ бой:
 Такъ досаду, месть евреи на бѣдняжку излили.
 Онъ одинъ тамъ оставался—остальные утекли.
 Вотъ явился ректоръ школы и по слѣдствію нашелъ,
 Что Филиппъ, зачинщикъ спора, всю тревогу произвелъ,
 И въ примѣръ другимъ велѣлъ онъ больно высѣчь наглеца,
 И насмѣшкамъ ядовитымъ просто не было конца.
 Злая шутка на Филиппа полилась словно дождь:
 «Вотъ Израиля защитникъ!.. Иудейскій новый вождь!»
 И за то, что былъ намѣренъ положить предѣлъ войнѣ
 И вмѣшался неудачно, онъ наказанъ былъ втройні!..

IV.

О Филипповыхъ невзгодахъ продолжать ли, полно, мнѣ?
 На воловьей цѣлой шкурѣ не упишешь ихъ вполне!
 Курсъ наукъ окончивъ въ школѣ, онъ какъ слѣдуетъ служить,
 Былъ въ походахъ, и какъ шляхтичъ при дворѣ магната жилъ;
 И вездѣ за все онъ терпѣть—за поступки и слова:
 «Не выскакивай некстати ты, пальная голова!
 «Дѣлай то же что другіе, своему не вѣрь уму!»
 Такъ нерѣдко говорили и товарищи ему.
 Да не каждый приметъ къ сердцу этотъ выгодный совѣтъ,
 Кто, какъ нашъ Филиппъ, некстати родился на Божій свѣтъ.
 Загремить труба, бывало, на атаку на войнѣ,
 Онъ изъ первыхъ рвется въ битву, ужъ гарцуетъ на конѣ.
 Несмотря на то—силенъ-ли, малъ-ли вражескій отрядъ,
 Въ центръ враговъ онъ заберется и ни шагу ужъ назадъ;
 И пока къ нему на помощь подоспѣетъ кто-нибудь,
 Много вражескихъ ударовъ онъ получить прямо въ грудь;
 Да потомъ получить гонку отъ начальниковъ своихъ,
 Будто онъ ихъ не послушалъ и разстроилъ планы ихъ.

Тамъ, гдѣ слава и добыча доставались всѣмъ легко,
 Нашъ Филиппъ больнымъ считался, былъ отъ битвы далеко;
 А туда, гдѣ приводилось прямо жертвовать собой,
 Онъ съ одра болѣзни тяжелой порывался въ жаркій бой.

Разъ въ войнѣ съ ордой татарской отличиться онъ съумѣлъ,
 И хорунжій ужъ къ наградѣ представлять его хотѣлъ,
 Но Филиппъ какихъ-то дразговъ отъ хорунжаго не снесъ
 И полковнику тотчасъ же написалъ о томъ доносъ;
 И, конечно, правду-матку написалъ въ доносѣ онъ,
 Но хорунжій этой правдой былъ до крайности възыщень:
 Называлъ Филиппа трусомъ, и поклясться былъ готовъ,
 Что Филиппъ во время битвы отлучился изъ рядовъ
 (А Филиппъ, рѣшивъ побѣду, искалѣченнымъ въ бою:
 Предлагалъ на перевязкѣ помощь братскую свою!),
 Въ пору вздумалъ о начальствѣ правду смѣлую писать
 И товарищей страдавшихъ, умиравшихъ утѣшать!...

Вскорѣ послѣ службы въ войскѣ пріютилъ его магнатъ.
 У магната-восводи былъ придворныхъ цѣлый штатъ.

«Братья-шляхта!» воевода говорить однажды имъ —
 «Скоро выборы! смотрите-жь, закричите: «не хотимъ!»
 «Если панъ Пилтынский, скарбникъ, избирателей найдетъ
 «И захочетъ быть маршалькомъ! Предваряю напередъ:
 «Другъ мой Рѣчицкій староста — вотъ кто лучше всѣхъ по мнѣ!
 «Вы его и выберете, какъ надѣюсь я вполнѣ!»
 И мгновенно раздался крики шляхты удалой:
 «Гей!... да здравствуетъ староста!... Къ чорту скарбника!... долой!...
 «Насъ враги не пересилятъ — въ этомъ мы убѣждены,
 «А не то, сейчасъ же съ нами перевѣдаться должны!...»
 — «Что?... да развѣ мы не шляхта?... развѣ, братцы, хлопы мы?»
 (Закричалъ Филиппъ, въ надеждѣ повліять на ихъ умы),
 «Правда, моспи-воевода, я твое и пью и ѣмъ,
 «Но при выборахъ, конечно, руководствуюсь не тѣмъ.
 «Сынъ республики — за право я на выборахъ стою:
 «За достойнѣйшаго только я свой голосъ подаю.
 «Скарбникъ — мужъ вполнѣ достойный по душѣ и по уму,
 «И кому же быть маршалькомъ, если только не ему?
 «И на выборахъ, повѣрьте, голоютою ручаюсь вамъ,
 «Противъ вашего старосты первый голосъ я подамъ.
 «Совѣсть, истина святая здѣсь въ словахъ моихъ звучать!...»
 Разумѣется, тотчасъ же и протнать его магнать,
 А оборвыши-дворяне не жалѣли колкихъ словъ,
 Увѣряя, что разсудкомъ онъ немножко нездоровъ,
 И что выскочилъ некстати, оказался чудачкомъ,
 Вспомнивъ *истину* и *совѣсть*...

Вотъ голодный и пѣпкомъ

Нашъ Филиппъ на сеймъ стремится, чтобы къ выборамъ попасть,
 И при выборахъ маршала накричался просто въ-сласть
 Въ пользу скарбника, который точно избранъ былъ и вслѣдъ
 За избраньемъ задалъ пышный избирателямъ банкетъ;
 Но не зная, что Филиппу онъ обязанъ больше всѣхъ,
 Одного его на пиръ свой онъ и не звалъ, какъ на смѣхъ!
 И Филиппъ въ корчмѣ убогой утолялъ свой аппетитъ:
 Кружкой пива съ чернымъ хлѣбомъ онъ доволенъ былъ и сытъ;
 И хоть внутренно собою онъ доволенъ былъ вполнѣ,
 Но другіе говорили, что по собственной винѣ
 Онъ обязанъ былъ оставить воеводскій пышный нтатъ,
 Потому что неумѣстно отличился — не впадать
 Защищая свободу мнѣній и какія-то права!
 И въ корчмѣ онъ слышалъ только ядовитыя слова,

А отъ словъ дошло до драки, — въ этой дражѣ наконецъ
Увѣнчалъ чело героя и трофей ея — рубецъ.

Проклиная злую долю, порѣшилъ бѣднякъ на томъ,
Что отъ свѣта удалится въ старый, ветхій, отчий домъ...

V.

Домъ нуждается въ хозяйкѣ — это знаетъ цѣлый свѣтъ;
И Филиппъ заводитъ связи, объѣзжаетъ весь повѣтъ.
Хоть онъ слылъ за горемыку и считался бѣднякомъ,
Но сосѣди указали и ему богатый домъ
Доливитовъ, у которыхъ дочь на возрастъ была.
Всѣмъ — красой, умомъ и сердцемъ эта дѣвушка вала,
Да ктому же и съ приданымъ (не послѣдняя статья!).
Эту дѣвушку Филиппу въ жены прочили друзья
И затѣмъ, что у Филиппа все хозяйство съ каждымъ днемъ
Приходило въ запущенье: не заботился о немъ
Нашъ герой, да холостому и заботиться не въ мочь,
А союзъ съ богатой панной могъ бы этому помочь.
Онъ знакомится съ семействомъ, какъ по маслу все идетъ,
И съ успѣхомъ можно было поздравлять его впередъ.
Онъ семейству полюбился, несмотря на нищету.
Мать за скромность уважала, а отецъ — за прямоту;
Только съ дочкой не поладилъ, — видитъ: сущая бѣда!
Дочка, словно, что-то труситъ и сторонится всегда,
То сидитъ себѣ — словечка не проронить и вздохнуть,
То кивнетъ головою съ грустью и слезинку вдругъ отретъ...
Жутки были для Филиппа взгляды этихъ чудныхъ глазъ:
Не на шутку онъ влюбился, и влюбился въ первый разъ.
— «Влюблена она въ другого!» онъ замѣтилъ одному.
«А тебѣ-то что за дѣло?» отвѣчаетъ тотъ ему.
«Развѣ будущность дѣвчонки уступаютъ ей во власть,
Чтобы въ выборѣ супруга въ ней рѣшала глупость, страсть?
Пусть поплачетъ, погорюетъ — послѣ съ радостнымъ лицомъ
Къ алтарю пойдетъ съ супругомъ, ей назначеннымъ отцомъ...
«Еслибъ даже эта мѣра и была на взглядъ жестока,
Такъ смягчить ее нетрудно парой словъ духовника.
Такъ у насъ всегда ведется!...»

— «Постыдись-же! ты не правъ!

«Развѣ сердце человѣка не имѣетъ вовсе правъ?»

«Развѣ я подругу жизни на цѣпи держать начну?
 •Не татаринъ я: мнѣ нужно не невольницу — жену!
 •Нѣтъ! съ рукой мнѣ нужно сердце; а не то подальше съ глазъ!»
 Вишь понадобилось сердце, а къ чему оно для насъ?
 Да, не сладишь съ головою, если въ ней все кверху дномъ!
 — «Образумься, братецъ! что ты? Вспомни только объ одномъ»,
 Говорилъ ему пріятель: «умъ не лишнее и тутъ;
 •Вѣдь приданое — не шутка, да и годы-то идутъ!
 •Ты бѣдишь съ каждымъ часомъ, почему же и не брать
 •Что судьба тебѣ послала, что даютъ отецъ и мать!..
 •Объяснись въ любви съ дѣвчонкой!..» Но Филиппа зло беретъ;
 Нѣтъ! въ подобномъ личномъ дѣлѣ онъ не выскочить впередъ!
 Онъ на сердце гордой панны думать дѣйствовать слегка;
 Началъ онъ сближаться съ панной понемногу, не срывая.
 Вотъ и шепчутся... печальна что-то панна... онъ смущенъ...
 Вотъ она и просила... и смутился пуще онъ...
 А шептались... и сосѣди всѣ замѣтили одно:
 •Какъ они другъ друга любятъ!.. все, какъ видно, рѣшено!»
 Каждый день онъ въ домѣ панны, и всегда вдвоемъ они,
 И все шепчутся о чемъ-то!.. и проходятъ въ этомъ дни.
 И, казалось, онъ спокоенъ, въ немъ тоска заглушена;
 А она?.. съ надеждой полной отдалась ему она!
 И порой въ слезѣ счастливой панна шлетъ ему привѣтъ...
 Вдругъ уѣхалъ онъ куда-то... нѣтъ его, и долго нѣтъ.
 Но куда, зачѣмъ онъ скрылся?.. вдругъ собрался и тайкомъ?..
 И пріятель самый близкій не провѣдалъ бы о томъ.

И вернулся онъ веселый, словно счеты свелъ съ бѣдой.
 Съ нимъ явился къ Доливитамъ незнакомецъ молодой.
 Вдругъ уводитъ изъ пріемной нашъ Филиппъ отца и мать:
 •Видно, просить руку панны, начинаетъ понимать,
 •Что пора пожить разсудкомъ, бредни бросить ужъ пора!..
 Говорятъ друзья, желая отъ души ему добра.

Что-то долго съ стариками онъ заспорилъ... а она
 То алѣетъ словно роза, то блѣднѣе полотна.
 Наконецъ къ гостямъ вернулись, и съ сіяющимъ лицомъ
 Нашъ Филиппъ остановился предъ заѣзжимъ молодцомъ
 И предъ панной, и, ударивъ разомъ съ ними по рукамъ,
 Онъ сказалъ: «Теперь пониже поклонитесь старикамъ:
 •Согласились!..» и, съ испугомъ въ выраженьи блѣдныхъ лицъ,
 Осчастливленные пали предъ родителями ницъ.

«Будьте счастливы!» съ слезами старики сказали имъ.
 И счастливыцѣ преклонились предъ ходатаемъ своимъ:
 «Благодѣтель!» говорили, «нашъ хранитель ангелъ ты!..»
 Гости всѣ отъ изумленья разѣвали только рты...
 Тутъ узнали (раньше кто же разгадаетъ чудака!),
 Какъ Филиппъ, замѣтивъ горѣ бѣдной дѣвушки, слегка,
 Понемногу съ ней сближался, какъ довѣрила она,
 Что въ другого (бѣденъ былъ онъ!) безнадежно влюблена,
 Какъ отецъ не соглашался на желанный бракъ, и дочь
 Выдти замужъ за Филиппа ужъ потомъ была не прочь...
 Съ горя... Тягостная доля быть и жертвой и жрецомъ;
 Но Филиппъ и въ этомъ дѣлѣ не ударилъ въ грязь лицомъ!
 Начинался праздникъ сердца, жизнь — и вдругъ всему конецъ!..
 Но несчастный не обманетъ двухъ довѣрчивыхъ сердецъ —
 И за нихъ предъ стариками онъ хлопочетъ, бѣдный, самъ,
 Сознавая, какъ онъ дорогъ этимъ добрымъ старикамъ.
 Прежде, чѣмъ поколебалъ онъ несогласіе отца,
 Помогалъ двоимъ влюбленнымъ въ перепискѣ до конца,
 До поры, пока мольбами, убѣжденіемъ достигъ,
 Что на бракъ влюбленной дочери далъ согласіе старикъ.
 Отличился!.. свѣтъ практичный не проститъ ему вины:
 И приданого лишился, и хорошенькой жены!
 Не жалѣй его, читатель! пусть онъ плачетъ — не жалѣй:
 Самъ сосваталъ эту свадьбу панъ Филиппъ изъ Коноплей.

.

VI.

Боленъ духомъ, боленъ тѣломъ, ничего въ грядущемъ нѣтъ:
 Чтѣ тутъ дѣлать?.. Скрыться дома, не показываться въ свѣтъ!
 И Филиппъ повелъ хозяйство, привязался къ хуторку,
 И въ одномъ трудѣ тяжеломъ забывалъ свою тоску;
 Угощалъ порой сосѣдей, не забывъ — и мужичка;
 И запѣвалъ, какъ прежде, садику, — скромный садику бѣдняка.
 Всѣ Филиппа уважали, и прошла о немъ молва,
 Что «хоть онъ чудаку великій и шальная голова,
 Но за то честнѣйшій малый и какъ волъ трудится самъ,
 И что можетъ пригодиться онъ къ общественнымъ дѣламъ».
 Такъ сосѣди говорили, — и, какъ видно, въ добрый часъ:
 Вскорѣ къ этому и случай имъ представился какъ-разъ:
 Общій сеймъ сзывался въ Гродно по указу короля,

Избирала депутатовъ вся сарматская земля.
Въ городѣхъ того повѣта, гдѣ нашъ витязь проживалъ,
Шляхта къ выборамъ столпилась — со всего повѣта свалъ.
Выбирать того, другого... «Панъ Филиппъ изъ Коноплей
Будетъ нашимъ депутатомъ!» кто-то вскрикнулъ посмѣлѣй.
Это имя всѣхъ волнуетъ и летитъ изъ устъ въ уста;
Мысль, подсказанная въ пору, быстро всѣми принята.
Хоть Филиппъ официальность и чиновность не любилъ,
Но на сеймъ единогласно въ депутаты избранъ былъ.

Въ благодарность за подобный неожиданный почетъ,
Избирателямъ тогда же онъ пирушку задаетъ.
И за чашей круговою онъ, растроганный до слезъ,
Предъ собравшеюся шляхтой съ силой, громко произнесъ:
«Vivat, vivat, братья-шляхта! кровь могучей шляхты той,
«Что всегда была опорой для свободы золотой!»
— «Vivat, шляхта!» кто-то вскрикнулъ и второй, и третій разъ.
«Нѣтъ сословія и выше, и священнѣе у насъ!
«Лишь она всего достойна — всей свободы, всякихъ правъ!...»
— «Ошибаешься! воскликнулъ, отъ досады задрожавъ,
Нашъ герой. «О цѣломъ классѣ забываешь... правда, онъ
«Безъ гербовъ, но равенъ шляхтѣ, да и будетъ съ ней сравненъ!»
— «Равенъ шляхтѣ?!.. Кто же это?.. я бы слышать очень радъ!...»
«Какъ же кто?.. конечно, хлопы!» отвѣчаетъ депутатъ
Грознымъ голосомъ, сверкая вновь огнемъ потухшихъ глазъ.
«Хлопы бѣдные, которыхъ такъ унизили у насъ...
«Мы воюемъ за отчизну, если къ ней подступитъ врагъ,
«А они насъ кормятъ хлѣбомъ, защищаютъ нашъ очагъ.
«Нѣтъ, гдѣ поле сотворили всеблагія небеса,
«Тамъ съ гербомъ поспорить въ силахъ плугъ тяжелый и коса.
«Ты воинственной породы, а и вымолвить-то стыдъ! —
«Еще съ прадѣда, быть можетъ, мечъ твой ржавчиной покрытъ;
«А взгляни на плуги хлоповъ — и увидишь самъ тогда,
«Какъ блестятъ они на солнцѣ отъ всегдашняго труда!
«Хлопы въ скромной тихой долѣ, угнетенные судьбой,
«Больше дѣлаютъ и, право, стоять больше насъ съ тобой:
«Съ шляхтой равныхъ правъ достойны!.. И какъ земскій депу-
татъ,
«Я на сеймъ явлюся съ мыслью, что и хлопъ мнѣ тоже братъ —
«Помогать забытымъ хлопамъ, братья-шляхта, мы должны!
«Предъ закономъ, какъ предъ Богомъ, всѣ сословія равны,
«И для всѣхъ одни законы, и изъ всѣхъ одинъ совѣтъ,

«И на сеймѣ вмѣстѣ съ шляхтой всѣмъ и мѣсто, и привѣтъ!
 «Сколько правды тутъ! И сколько этимъ самымъ, наконецъ,
 «Земской думѣ вдругъ прибудеть неиспорченныхъ сердець
 «И умовъ неповрежденныхъ!.. Имъ потребенъ свѣтъ наукъ,—
 «Но отцы-іезуиты не приложить развѣ руцъ
 «Къ просвѣщенію народа? мало что-ли ихнихъ школь?
 «Пусть съ дѣтьми почтенной шляхты сядетъ хлопъ за школьный
 столъ.
 «Пусть въ казну и шляхтичъ платитъ подать съ хлопомъ на-
 равнѣ.
 «Говорится: «братья-шляхта» — хлопъ такой же братъ по мнѣ!
 «Пью здоровье добрыхъ хлоповъ!.. Кто за нихъ со мною пьетъ?»
 Прокричалъ Филиппъ, съ божаломъ наклоняясь впередъ,
 И увлечшись, и отдавшись долго сдержаннымъ страстямъ,
 Онъ божалъ съ товайскимъ старымъ подавалъ своимъ гостямъ.

Огоршенная рѣчью, шляхта шумно встала съ мѣстъ,
 И раздался стоголосный угрожающій протестъ:
 — «Что!.. мой мечъ въ гербѣ старинномъ вздумалъ сравнивать
 съ цѣпомъ!»
 — «Что!.. въ дворянствѣ меньше проку, чѣмъ въ народнищѣ
 слѣпомъ!..»
 — «Что!.. мой сынъ съ мальчишкой-хлопомъ въ школѣ вытанется
 въ рядъ!..»
 — «Что!.. отъ шляхты тоже подать!.. Вотъ отличный депутатъ!..»
 — «Онъ на сеймѣ хочетъ наши привилегіи убить!..
 «Что и спорить съ нимъ напрасно!.. Уши, уши обрубить!»
 Засверкали сотни взглядовъ, вызывающихъ на бой.
 Сотни сабель засверкали надъ безумной головой
 И посыпались удары на него со всѣхъ сторонъ;
 Запнулся сьумасшедшій... окровавленъ... оглушенъ.
 Онъ хватается за саблю, но рука не держитъ сталь,—
 На полъ падаетъ несчастный; опрокинуть столъ, хрусталь
 Со стола летитъ со звономъ, кровь мѣшается съ виномъ...
 Лишь когда утихли страсти, порѣшили всѣ на томъ,
 Что пора поднять Филиппа. Вотъ онъ поднять на рукахъ,
 Страшно бѣдный изувѣченъ, въ ранахъ весь и въ синякахъ.

Шляхтѣ стало жалъ Филиппа: *братья-шляхта*, какъ могли,
 Привели Филиппа въ чувство и немного помогли;
 Утѣшали, какъ умѣли, и несчастный, чуть живой
 Попечительною шляхтой увезенъ на хуторъ свой...

И за дѣло! Кто-же спустить эту дерзость чудаку?..
 Приравнять задумалъ пана—и къ кому же?!.. къ мужику!..

VII.

На одрѣ болѣзни тяжелой онъ свернулся... недвижимъ.
 Кто присмотритъ за болящимъ?.. Кто поплачетъ вмѣстѣ съ нимъ?
 Ни души!.. И тутъ съумѣлъ онъ отличиться предъ врачемъ:
 Намекнулъ, что врачъ понятія не имѣетъ ни о чемъ,
 Что въ своемъ искусствѣ свѣдуешь меньше даже старыхъ бабъ.
 И прогнѣвался, конечно, оскорбленный эскулапъ
 И болящаго оставилъ на свободѣ умирать.
 Но Филиппъ не воздержался и еще успѣлъ навратъ
 Передъ ксендзомъ-богословомъ, будто подъ Богомъ равны
 Христіане всѣхъ религій, будто ксендзы не должны
 Брать законной десятины съ бѣдныхъ мелкихъ деревень,
 Будто мало для спасенья—попоститься въ постный день.
 Какъ же, какъ съ подобнымъ вздоромъ не нажить еще врага?
 Ксендзъ сказалъ ему: «Не будетъ у тебя моя нога!»
 И сдержалъ, конечно, слово. А затѣмъ пришла нужда:
 Взять послѣдній грошъ, добытый далеко не безъ труда;
 Все заброшено, хозяйство повернулось кверху дномъ;
 А лежать въ постели можно только съ полнымъ кошелькомъ!
 У Филиппа и на мази не хватило подъ исходъ,
 И въ проклятіяхъ и стонахъ прожилъ онъ послѣдній годъ.
 Вотъ гангрена въ старыхъ язвахъ показалась наконецъ,
 И покончилъ счеты съ жизнью голодающій глупецъ.

И за мигъ предъ смертью (нищій былъ при немъ на этотъ
 разъ)
 Онъ сказалъ, что «жалко съ жизнью разставаться» — и угасть.
 Боже, Боже, такъ безплодно погубивши столько лѣтъ,
 Лишь одинъ Филиппъ несчастный могъ жажать счастливый свѣтъ!...

VIII.

И Филиппа схоронили. Все покончилось безъ слезъ;
 Безъ обычныхъ возліаній по усопшемъ обошлось.
 На крестѣ ни слова въ память объ усопшемъ подѣ крестомъ,
 И могильный скромный холмикъ осыпался съ каждымъ днемъ.
 Спать Филиппъ и не откроетъ до суда сомкнутыхъ глазъ...
 Впрочемъ память о Филиппѣ въ поговоркѣ сбереглась:
 Кто *некстати* словомъ, дѣломъ, отличится у людей,
 Тотъ у нихъ и «сѹмаспешій» и «Филиппъ изъ Коноплей»¹⁾.

Вотъ тебѣ, читатель добрый, мой практическій совѣтъ:
 Если ты яснѣ многихъ понимаешь жизнь и свѣтъ,
 Не спѣши съ людьми дѣлиться, не кричи вездѣ о томъ,
 Чтѣ почувствовалъ ты сердцемъ, чтѣ подмѣтилъ ты умомъ.
 Никогда не увлекайся вдругъ порывами души:
 Жаждой кровной личной пользы тѣ порывы потуши.
 Съ откровеннымъ взоромъ, — съ сердцемъ, заключеннымъ на замокъ,
 Приступай, мой милый, къ дѣлу, если въ немъ предвидишь прокъ.
 Поскупись на жаръ сердечный — хладнокровья не жалѣй —
 О тебѣ за то не скажутъ: «Вотъ Филиппъ изъ Коноплей!»
 Нѣтъ!.. прошла пора героевъ и триумфовъ навсегда;
 Слезы, кровь, насмѣшка злая — ихъ единственная мзда.

М. П - с к і й.

¹⁾ Чисто польская поговорка: ni ztąd ni z owąd, wyrwał się jak Filip z Konopiel.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

У

АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА

Разсказы и воспоминанія.

II *).

Пріѣздъ въ Чикаго.—Эмигранты.—Луферы.—Эмиграціонная комиссія.—Кес-
гель-Гарденъ.—Рабочее бюро.—Уардъ-Эйландъ.—Богадѣльни.—Телеграфное и
почтовое бюро для эмигрантовъ.—Медицинское бюро.—Налогъ въ пользу комис-
сіи.—Переѣздъ на экспрессо.—Экспрессманъ.—Салонъ.—Знакомство съ аме-
риканскими нѣмцами.—Мистеръ Буманъ и его совѣты.—Мистеръ Балингъ и
мистеръ Геккенъ.—Отзывъ о русскихъ, живущихъ въ Америкѣ.—Русское
общество въ С. Франциско.—Знакомство съ городомъ.—Расположеніе улицъ
и авеню.—Мосты и тоннели въ Чикаго.—Торговое значеніе Чикаго и его бы-
строе развитіе.—Южная сторона Чикаго.—Куртъ-гаузъ и мѣстность, его окру-
жающая.—Пасификъ-отель.—Сѣверная сторона.—Западная сторона.—Под-
нятыя насыпями улицы.—Совершенство мостовыхъ.—Газовое освѣщеніе и
газовые заводы.—Водопроводы.—Поляки въ Чикаго.—Общественная безопас-
ность.—Взглядъ американцевъ на правительство.—Контроль общества.—
Полисмены.—Полицейскій судъ.—Дешевизна жизни.

Наконецъ, удовольствія, сопровождающія поѣздку въ эми-
грантскомъ вагонѣ, слава Богу, пришли къ концу! Кондукторъ
пробѣжалъ по вагонамъ, отобралъ билеты, возвратилъ намъ чеки
отъ багажа и на своемъ ломанномъ нѣмецкомъ нарѣчій объявилъ,
что мы сейчасъ пріѣдемъ въ Чикаго и что его заботы, какъ эми-
грантскаго агента, о насъ кончились. Мимо оконъ вагона за-
мелькали сперва грубо сколоченные бараки, потомъ бѣлые дере-

ванные домики, каменные фабрики съ высокими трубами и вывѣсками чуть ли не во всю стѣну, магазины съ зеркальными стеклами...

Густая толпа экспрессо и пѣшеходовъ двигалась около самыхъ рельсовъ, такъ что казалось, что вотъ сейчасъ вагонъ зацѣпить за какой-нибудь тяжело нагруженный экспрессо или быстро несущійся на встрѣчу намъ бегге. Но ничего подобнаго не случилось. Поѣздъ городомъ пошелъ еще быстрѣе и, почти не уменьшая хода, разомъ остановился передъ вокзаломъ.

Длинные остановки и безцѣльная ходьба по вокзаламъ во время нашего переѣзда въ эмигрантскомъ поѣздѣ принесли, однако, намъ нѣкоторую пользу. Мы благополучно отыскиали, безъ посторонней помощи, гдѣ выдается багажъ, причемъ не растеряли женщинъ. Наученные опытомъ въ Буфало, безъ затрудненій отдѣлялись отъ толпы агентовъ гостинницъ, которые и здѣсь, считывая на легкую поживу отъ зеленыхъ эмигрантовъ, принялись было тащить насъ каждый въ свою сторону. Ободренные успѣхомъ, мы стали гораздо смѣлѣе и мнѣ казалось, что было совершенно лишнее отдавать себя въ распоряженіе агентовъ эмиграціи, потому что тѣ затрудненія, которыми насъ такъ пугали и которыхъ я дѣйствительно боялся, оказались вовсе не такъ страшны. Не слѣдуетъ зѣвать, и все дѣлается совершенно такъ же, какъ въ Европѣ, по крайней мѣрѣ на желѣзныхъ дорогахъ. Правда, нѣтъ той массы служащихъ на всякомъ шагу, да и служащихъ не узнаешь, такъ какъ они не носятъ никакой формы. Да не къ чему и обращаться къ служащимъ,—вывѣски и надписи вездѣ укажутъ что дѣлать. Положимъ, на первыхъ порахъ, съ непривычки, сдѣлаешь нѣсколько ошибокъ, станешь въ затруднительное положеніе, но ошибки эти—всѣ поправимыя, а изъ затруднительнаго положенія выведетъ васъ всегда первый встрѣчный полисменъ. Вообще, изъ моего почти мѣсячнаго путешествія, подъ руководствомъ эмиграціонныхъ агентовъ, и изъ разныхъ рассказовъ объ эмиграціонной комиссіи, я пришелъ къ слѣдующему заключенію: эмиграціонная комиссія учреждена съ цѣлью покровительствовать эмигрантамъ и по возможности защищать ихъ отъ тѣхъ невзгодъ, съ которыми неминуемо встрѣчается переселенецъ въ совершенно незнакомой ему странѣ. Переселенцы изъ Европы раздѣляются на двѣ категоріи. Одни обладаютъ нѣкоторыми денежными средствами и имѣютъ родственниковъ или знакомыхъ, раньше выселившихся въ Америку. При выѣздѣ изъ Европы у нихъ уже составленъ планъ дѣйствій въ Америкѣ. Они ѣдутъ въ опредѣленное мѣсто, знаютъ приблизительно, чѣмъ будутъ за-

ниматься, а главное они ѣдутъ къ своимъ, которые, еще за-долго до ихъ переѣзда, перепиской снабжаютъ нужными для путешествія свѣдѣніями. Большая часть эмигрантовъ, принадлежащая къ этой категоріи, по прибытіи въ первый городъ Америки находятъ земляковъ и, не нуждаясь въ покровительствѣ эмиграціонной комиссіи, ѣдетъ сама до мѣста. Другая категорія эмигрантовъ—это личности, которымъ тѣсно въ Старомъ Свѣтѣ, гдѣ общественныя условія сложились такъ, что часто работникъ при постоянной усиленной работѣ едва можетъ прокормить свою семью, а о положеніи лучшемъ, чѣмъ положеніе чернорабочаго, не смѣетъ и мечтать. По слухамъ онъ знаетъ, что есть на свѣтѣ такая страна, Америка, гдѣ всѣмъ жить хорошо, гдѣ можно зарабатывать хорошія деньги, можно даже очень скоро разбогатѣть, что случилось съ тѣмъ или съ другимъ изъ его прежнихъ товарищей или земляковъ, переселившихся въ Америку. И вотъ, сколотивши кое-какіе нѣсколько денегъ, часто столько, чтобы доѣхать до Нью-Йорка, онъ забираетъ свою семью, если у него таковая есть, или отправляется одинъ безъ всякой обдуманной цѣли, безъ точныхъ свѣдѣній о мѣстѣ, куда онъ ѣдетъ,—богатѣть въ Америку.

Въ прошломъ письмѣ я говорилъ уже, что большая часть переселенцевъ, ѣхавшихъ со мною на пароходъ изъ Европы, отличалась такою низкою степенью развитія, какой мнѣ никогда не случалось видѣть въ Россіи. Лишенные всякихъ положительныхъ свѣдѣній, кромѣ необходимыхъ для ихъ ремесла, не имѣя никакого понятія о странѣ, въ которую ѣдутъ, всѣ они, а ирландцы и нѣмцы въ особенности, мечтали о какомъ-то Эльдorado въ Америкѣ. Переѣздъ въ обществѣ людей, побывавшихъ уже въ Америкѣ, немного сбивалъ ихъ съ толку, а первые два-три дня въ Нью-Йоркѣ убѣждали, что въ Америкѣ улицы не вымощены золотомъ и деньги добываются хотя въ болѣебольшемъ размѣрѣ, чѣмъ въ Европѣ, но за то и съ болѣебольшимъ трудомъ.

Обыкновенно переселенцы, несмотря на предостереженіе агентовъ эмигрантской комиссіи, по пріѣздѣ въ Нью-Йоркъ отправляются знакомиться съ городомъ, попадаютъ въ руки мошенниковъ (луферовъ), которыми изобилуютъ всѣ большіе города и не въ одной Америкѣ. Эти джентльмены подъ разными благовидными предлогами, въ особенности подъ личиною состраданія и желанія обезпечить переселенца отъ разныхъ злодѣевъ, которыми, по ихъ словамъ, кишитъ Нью-Йоркъ, облегчаютъ и безъ того не тяжелый запасъ денегъ эмигранта. Подобное приключеніе, приправленное рассказами о всякихъ ужасахъ, сбиваетъ бѣднаго эмигранта окончательно съ толку. Розовый взглядъ на жизнь въ

Америкѣ переходить въ какое-то мрачное недовѣріе, почти въ раскаяніе. Куда дѣвается прежняя самоувѣренность и заносчивость. Ходить бѣдный, ошибшійся въ своихъ расчетахъ и надеждахъ, эмигрантъ, опасаясь рѣшительно всего, какъ будто всякій встрѣчный имѣетъ на него какія-нибудь злостныя намѣренія. Въ этомъ состояніи человѣкъ теряетъ остатки энергіи и, Богъ вѣсть, къ какому плачевному исходу пришли бы многіе изъ этихъ личностей, еслибы та же эмиграціонная коммиссія не протянула имъ руку помощи и, своими благотѣльными и идущими прямо къ цѣли учрежденіями, не дала возможность стать, такъ сказать, на ноги.

Въ прошломъ письмѣ я упоминалъ объ эмиграціонной коммисіи и ея агентахъ, не очерчивая вполне ихъ дѣятельности; теперь кстати сообщу тѣ свѣдѣнія, какія мнѣ удалось собрать изъ довольно вѣрныхъ источниковъ. До 1847 года эмигранты просто выпускались на берегъ и почти всѣ подвергались въ болѣшей или меньшей степени грабежу со стороны мошенниковъ, спекулировавшихъ на ихъ неопытность. Очень многіе изъ эмигрантовъ, потерявъ послѣдніе деньги, не могли ѣхать далѣе на западъ—во внутрь страны и, волей-неволей, должны были увеличивать собою число бродягъ, которыми и безъ того изобиловали приморскіе города Америки. Въ 1847-мъ году въ Нью-Йоркѣ была образована эмиграціонная коммиссія, дѣйствіе которой имѣло такой блистательный успѣхъ, что почти во всѣхъ приморскихъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ въ скоромъ времени были устроены подобныя же коммиссіи. Въ вѣдѣніи Нью-Йоркской эмиграціонной коммиссіи находится зданіе, называемое Кестель-Гарденъ. Сюда перевозятся пассажиры съ парохода, вписываются въ особыя книги и могутъ получить всевозможныя свѣдѣнія для дальнѣйшаго путешествія, если того пожелаютъ. Здѣсь же можно получить билеты желѣзныхъ дорогъ по уменьшеннымъ цѣнамъ. Переселенцы, которымъ приходится пробыть нѣсколько дней въ Нью-Йоркѣ, получаютъ бесплатно мѣсто въ Кестель-Гарденѣ, гдѣ могутъ сложить свои пожитки и переночевать. Тутъ же можно получать пищу по умѣреннымъ цѣнамъ. Если эмигрантъ не желаетъ оставаться въ Кестель-Гарденѣ, то можетъ войти въ соглашеніе на счетъ помѣщенія съ однимъ изъ хозяевъ гостинницъ, которые приходятъ туда. Съ этими людьми онъ можетъ имѣть дѣло, такъ какъ въ Кестель-Гарденѣ допускаются только люди, извѣстныя коммиссіи, и послѣ всякой основательной жалобы эмигранта на недобросовѣстность, подавшій поводъ къ жалобѣ лишается права входа въ Кестель-Гарденъ.

Для эмигрантовъ, не имѣющихъ средствъ ѣхать далѣе или просто желающихъ остаться въ Нью-Йоркѣ, комиссія облегчаетъ возможность получить работу, на какой предметъ устроено рабочее бюро. Это особая зала, уставленная скамьями съ надписями, къ какому разряду рабочихъ или ремесленниковъ принадлежитъ ищущій работы. Хозяева изъ Нью-Йорка и его окрестностей, желающие получить рабочихъ, приходятъ въ бюро и чрезъ посредство одного изъ находящихся здѣсь агентовъ эмиграціонной комиссіи нанимаютъ нужное для нихъ число рабочихъ. Условія найма, имена нанимателей и нанимающихся тотчасъ же записываютъ въ книгу, такъ что, въ случаѣ недобросовѣстности со стороны нанимателя, эмигрантъ можетъ жаловаться агенту комиссіи, который съ своей стороны старается доставить удовлетвореніе по справедливой жалобѣ. Подавшій же поводъ къ жалобѣ лишается права входа въ Кестель-Гарденъ, а лишеніе этого права влечетъ за собою, кромѣ упадка въ общественномъ мнѣніи, къ матеріальнымъ убыткамъ. Такъ, хозяинъ гостинницы, лишенный права входа въ Кестель-Гарденъ, теряетъ посѣтителей изъ эмигрантовъ, для которыхъ преимущественно устроены гостинницы на Батери-Плазъ и прилегающихъ къ нему улицахъ, такъ что лишившись главныхъ посѣтителей, онъ долженъ, по большей части, закрыть свое заведеніе. Наниматели рабочихъ, лишенные права входа въ Кестель-Гарденъ, въ особенности фермеры изъ окрестностей, въ самое горячее рабочее время, должны терять много времени, собирая рабочихъ, на которыхъ спросъ, а слѣдовательно и требовательность у мѣстныхъ рабочихъ, очень велики. Между тѣмъ въ Кестель-Гарденѣ затрудненій въ полученіи рабочихъ, и сравнительно на выгодныхъ условіяхъ, почти не бываетъ, такъ какъ каждый пародъ изъ Европы пополняетъ выбывшее число ищущихъ работы.

Иногда спросъ на рабочихъ, преимущественно въ зимнее время, бываетъ очень малъ; тогда рабочихъ въ Кестель-Гарденѣ накопляется очень большое число. Многіе, въ ожиданіи работы, проѣдаютъ свои послѣднія деньги и могутъ стать въ безвыходное положеніе. Чтобы предупредить это, эмиграціонная комиссія устроила, на отведенномъ ей для этой цѣли островѣ Уардъ-Эй-ландѣ, особенный видъ богадѣльни, куда отправляютъ недоставшихъ мѣста работниковъ. Здѣсь они получаютъ квартиру и столъ, за что обязаны работать по указанію распорядителя богадѣльни. Для поступленія въ эту богадѣльню достаточно одного заявленія эмигранта. На томъ же островѣ устроены богадѣльни для старыхъ и калѣкъ, пріюты для сиротъ и госпитали для больныхъ эмигрантовъ.

Кромѣ рабочаго бюро, въ Кестель-Гарденѣ имѣется телеграфное и почтовое бюро, куда могутъ быть адресованы телеграммы и письма къ эмигрантамъ, что значительно облегчаетъ возможность сноситься съ родственниками и знакомыми, такъ какъ при значительномъ времени, нужномъ для пересылки писемъ изъ Европы, при частой перемѣнѣ мѣста жительства не освоившагося съ мѣстностью переселенца, безъ этого бюро получение писемъ представляло бы пропасть затрудненій и заставляло бы томиться, можетъ быть по нѣскольку мѣсяцевъ, безъ свѣдѣній о далеко оставленныхъ дорогахъ сердцу.

Медицинское бюро, гдѣ во всякое время находится нѣсколько искусныхъ докторовъ, также постоянно открыто для эмигрантовъ. Здѣсь они могутъ бесплатно получать совѣты и лекарства. Если же болѣзнь требуетъ серьезнаго леченія, то больного отправляютъ на Уардъ-Эйландъ въ госпиталь.

Такимъ образомъ, эмиграціонная коммиссія даетъ всякому, желающему трудиться эмигранту, возможность ознакомиться, безъ ущерба для его кармана, съ новой страной и устроиться по мѣрѣ силъ и возможности каждаго. Замѣтимъ при этомъ, что дѣятельность эмиграціонной коммиссіи ограничивается не одними постановленіями на бумагѣ, а вполне примѣняется на практикѣ.

Для покрытія расходовъ коммиссіи, компаніи, занимающіяся перевозкой эмигрантовъ изъ Европы, обложены пошлиной по 2¹/₂ доллара съ каждаго пассажира третьяго класса, или такъ-называемаго междупалубнаго помѣщенія. Кромѣ того, компанія должна содержать агентовъ коммиссіи для облегченія путешествія изъ Европы. Эмигранты, желающіе воспользоваться покровительствомъ коммиссіи для путешествія во внутрь страны, сдаются на попеченіе агентовъ, состоящихъ для этой цѣли при компаніяхъ желѣзныхъ дорогъ. Какъ примѣняется эта мѣра на практикѣ, вы можете судить изъ моего прошлаго письма. Можетъ быть, способъ обходиться съ эмигрантами, это постоянное запугиваніе и вообще третированіе насъ, какъ какихъ-то недоумковъ, описанные мною въ прошломъ письмѣ, отрекомендуютъ агентовъ съ невыгодной стороны; потому считаю не лишнимъ замѣтить здѣсь, что съ эмигрантами, по крайней мѣрѣ, съ той партіей, къ которой принадлежалъ я, трудно придумать болѣе цѣлесообразнаго способа обхожденія. Не забудьте, что большая часть эмигрантовъ нашей партіи—нѣмецкіе хлѣбопашцы и ремесленники, народъ почти всю жизнь свою не выѣзжавшій изъ своего городка или деревни, совершенно непривычный къ путешествію, къ тому же народъ до крайности неразвитой, упрямый и забытый; прибавьте къ этому,

что всё они разочаровались, хотя, вѣроятно, на время, въ своихъ розовыхъ надеждахъ на Америку, сбились окончательно съ толку и на всякомъ шагу дѣлали непростительные промахи — и вы поймете, что третировать такую публику, какъ взрослыхъ людей, было бы даже нелѣпо. Признаюсь, хотя меня часто выводила изъ терпѣнія эта постоянная опека агентовъ, эти длинные ожиданія, эта неопредѣленность положенія, теперь же я очень имъ благодаренъ; по крайней мѣрѣ мнѣ удалось безъ ущерба моему карману присмотрѣться къ манерамъ путешествія по американскимъ дорогамъ и опредѣлить, что оно вовсе не такъ затруднительно, какъ говорили въ Нью-Йоркѣ, и если отличается чѣмъ-нибудь отъ путешествія по Европѣ, то развѣ большею простотою и отсутствіемъ того педантизма, если можно такъ выразиться, пользы котораго я положительно не вижу. Вообще могу сказать, что для людей, никогда не путешествовавшихъ, покровительство агентовъ — настоящее благодѣяніе, потому что оно освобождаетъ отъ многихъ непріятностей, встрѣчающихся съ новичками впрочемъ и въ Европѣ. Конечно, въ Америкѣ эти непріятности могутъ имѣть, при незнаніи мѣстныхъ обычаевъ и языка, болѣе серьезные размѣры, чѣмъ въ Европѣ. Для человѣка же, которому случалось ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ, въ особенности въ Россіи, хотя настолько знакомому съ англійскимъ языкомъ, чтобы читать надписи, путешествіе по американскимъ дорогамъ не представитъ особаго затрудненія. Пожалуй даже покровительство агента, не принеся особой пользы, только стѣснить и заставить потерять понапрасну очень много времени.

Однако возвратимся къ разсказу. Здѣсь, какъ и въ прошломъ письмѣ, я постараюсь передать, не упуская по возможности мелкихъ подробностей, все, что случилось со мной по прибытіи моемъ въ Чикаго въ первые дни моей самостоятельной жизни въ Америкѣ.

Отыскавши багажный оффисъ, мы предъявили чеки и получили свои сундуки. Два рабочихъ, состоящихъ при вокзалѣ желѣзной дороги, съ нашею помощью взвалили ихъ на ручныя тележки и вывезли ихъ на открытую платформу передъ вокзаломъ. У платформы стояло нѣсколько экспрессо. Хозяинъ одного изъ нихъ оказался нѣмцемъ. Осмотрѣвши нашъ багажъ и справившись по плану о разстояніи до дома Бумана, онъ потребовалъ сперва по доллару съ человѣка, т.-е. 6 долларовъ, считая за человѣка и грудного ребенка Кристины, но потомъ, убѣжденный нашими доводами, согласился отвезти насъ и нашу кладь ровно за половину, т.-е. за 3 доллара. Тѣ же рабочіе взвалили наши

сундуки на экспрессо. На мой вопросъ, сколько имъ слѣдуетъ за труды, они очень удивились и объявили, что они получаютъ жалованье отъ компаніи желѣзной дороги и обязаны выгружать пассажирскій багажъ безъ всякаго вознагражденія со стороны послѣднихъ. Уставивши сундуки такъ, чтобы было половѣче сидѣть, мы посадили на нихъ женщинъ, взобрались сами и крупною рысью поѣхали по отличной торцовой мостовой, среди множества экспрессо, каретъ, бегге и вообще экипажей всевозможныхъ видовъ и названій. Ызда здѣсь еще быстрѣе, чѣмъ въ Нью-Йоркѣ, чему способствуютъ отлично мощенныя, широкія улицы. Даже экспрессо, довольно тяжело нагруженные, ѣдутъ довольно крупною рысью. Я невольно заглядѣлся на искусство, съ какимъ экспрессманъ управляетъ парюю своихъ отличныхъ бурыхъ лошадей, то перегоняя другихъ, ѣхавшихъ тише, то осаживая, чтобы дать проѣхать каретѣ конно-желѣзной дороги или красивенькому бегге, запряженному великолѣпнымъ полукровнымъ рысакомъ. Раза два намъ пришлось остановиться, чтобы дать пройти поѣзду желѣзной дороги, которая и здѣсь проложена посреди города, по самымъ бойкимъ улицамъ, безъ всякихъ оградъ и барьеровъ. Черезъ полчаса ѣзды по улицамъ, производившимъ особенно пріятное впечатлѣніе на глазъ, не только оживленностью движенія, почти такого же, какъ и въ Нью-Йоркѣ, но и чистенькою наружностью невысокихъ домовъ, мы остановились въ Мильвоке-авеню, у каменнаго дома, покрытаго вывѣсками. На большомъ стеклѣ главнаго входа красовалась золотая цифра 95. Это и былъ домъ Бумана. Вывѣска, изображающая какого-то фантастическаго короля въ золотой коронѣ, съ пѣнящейся кружкой пива въ рукахъ, указала намъ входъ въ Lager beer salon, гдѣ можно было найти хозяина. Спустившись по лѣстницѣ въ безементъ, очутились въ просторной чистой залѣ, обѣлированной орѣховыми подъ воскъ столами, такими же стульями и чѣмъ-то въ родѣ бильярда. За стойкой стоялъ очень красивый молодой человекъ. Оказалось, что самого Бумана нѣтъ дома, а молодой человекъ, мистеръ Клуге—его компаньонъ, съ которымъ они поочередно, черезъ день, торгуютъ въ салонѣ. Узнавъ, что мы тѣ эмигранты, которыхъ ждалъ Буманъ, онъ объяснилъ, что помѣщеніе на первое время для насъ приготовлено здѣсь же, въ домѣ Бумана. Нѣсколько посѣтителей-нѣмцевъ, услышавъ, что мы вновь пріѣзжіе изъ Европы, окружили насъ и закидали вопросами о liebes Deutschland, на что Якобъ отвѣчалъ съ искусствомъ и остроуміемъ, какого я положительно не ожидалъ отъ него. Они же пособили намъ перетащить кладъ въ назначенныя

ли насъ двѣ комнаты, причемъ не упустили случая связать нѣтълько приторныхъ нѣмецкихъ любезностей Фридерикъ и Кристианъ. Якобъ сталъ разсчитываться съ экспрессманомъ, у котораго оказались знакомые въ числѣ посѣтителей. Какъ только Клуге усчиталъ, что за доставку насъ съ вокзала экспрессманъ взялъ долларъ, какъ напустился на него, говоря: «Это разбой! Развѣ можно такъ пользоваться тѣмъ, что люди не знаютъ цѣны? Мы попочемъ о томъ, чтобы гарантировать эмигрантовъ отъ всякихъ надувательствъ, а сами будемъ обирать своихъ же земляковъ. Видъ вся сила Чикаго состоитъ въ томъ, что люди стремятся сюда со всѣхъ сторонъ жертвовать свой трудъ на общую пользу. Наши дѣла идутъ такъ хорошо именно вслѣдствіе той блестящей репутаціи, какою пользуется Чикаго. И мы будемъ изъ какого-нибудь доллара портить эту репутацію. Первое впечатлѣніе самое сильное. А какое послѣ этого можетъ быть мнѣніе этихъ джентльменовъ?» Много говорилъ на эту тему мистеръ Клуге. Посѣтители приняли его сторону, и какъ ни старался экспрессманъ доказать, что тутъ нѣтъ никакого надувательства, а было взаимное соглашеніе, все-таки долженъ былъ уступить и удовольствоваться обыкновенною платою по 25 центовъ со взрослаго чело-вѣка или всего 1 1/4 долларами.

Клуге предложилъ вспрыснуть прїѣздъ новыхъ переселенцевъ. Предложеніе его приняли почти единогласно, и какъ я ни старался отговориться отъ пива, котораго не люблю, меня почти силой заставили принять участіе въ попойкѣ. Нѣсколько кружекъ пива развязали еще больше языки и безъ того словоохотливыхъ нѣмцевъ. Разспросамъ о Европѣ и разсказамъ о жизни въ Америкѣ, казалось, не будетъ конца. Въ шесть часовъ, время, когда оканчиваются работы въ Чикаго, салонъ переполнился посѣтителями, зашедшими, по неоставленной нѣмецкой привычкѣ, выпить свой Abend-Seidel и поболтать съ прїятелями. Вообще мнѣ понравился прїемъ, сдѣланный намъ нѣмцами. Всѣ они родились въ Европѣ и переселились въ Америку не очень давно. Многимъ пришлось натерпѣться порядочно горя, но наконецъ удалось устроиться и они, повидимому, вполне довольны своимъ положеніемъ. Разсказы ихъ о жизни въ Америкѣ, хотя часто противорѣчили между собою, но вовсе не заключали въ себѣ тѣхъ страстей, какими угощали насъ въ Нью-Йоркѣ и во время дороги. Изъ этихъ разсказовъ я понялъ, что съ желаніемъ трудиться и при нѣкоторой бережливости устроиться въ Америкѣ не представлятъ большихъ затрудненій, тѣмъ болѣе, что мои первые знакомые наперерывъ обѣщались мнѣ помочь помѣститься куда-ни-

будь на фабрику, чтобы имѣть возможность освоиться съ мѣстностью и манерой работать, манерой, какъ меня увѣряли, значительно рознящейся отъ манеры работать въ Европѣ. Въ одиннадцать часовъ вечера салоны, по закону, должны быть закрыты. Посѣтители разбрелись по домамъ, а мы съ Якобсомъ, очень довольные своими новыми знакомыми, утѣшительными свѣдѣніями, какія получили отъ нихъ, а главное, окончаніемъ утомительнаго путешествія, залегли спать въ отведенной намъ комнатѣ. На другой день утромъ, часовъ въ шесть, въ нашу комнату вошелъ мистеръ Буманъ. Это господинъ еще не старый, небольшого роста, съ умнымъ, выразительнымъ и худощавымъ лицомъ. Спокойная манера и плавная, короткая рѣчь, съ перваго раза внушаютъ къ нему уваженіе. Онъ по-пріятельски поздоровался съ Якобсомъ, спросилъ меня, откуда я и съ какою цѣлью пріѣхалъ въ Америку, думаю ли навсегда остаться въ Америкѣ или рассчитываю со временемъ возвратиться на родину. «Якобсъ мой другъ, и я совѣтовалъ ему перебраться въ Америку. Въ дорогѣ люди узнаютъ другъ друга лучше чѣмъ гдѣ-либо. Вы подружились съ Якобсомъ, а его друзья и мнѣ друзья. Если вамъ понадобится какая-нибудь помощь или дружескій совѣтъ, смѣло обращайтесь ко мнѣ. Я готовъ для васъ сдѣлать, что отъ меня зависитъ». На мой вопросъ, какъ мнѣ начать дѣйствовать, онъ посовѣтовалъ мнѣ прожить недѣльку такъ, пообсмотрѣться, потомъ приняться за первое дѣло, подходящее къ моимъ наклонностямъ. «Жаль, что вы не имѣете ремесла, тогда бы вамъ легче было устроиться на первое время. На обѣщаніе тѣхъ джентльменовъ, которыхъ вы видѣли вчера, полагаться нельзя. Они наобѣщаютъ много, а не случалось мнѣ видѣть, чтобы могли, еслибы и желали, исполнить обѣщанное. Лучше всего полагайтесь на собственные силы. Пробуйте все и не пугайтесь неудачъ. Не удастся одно, удастся другое, не другое такъ третье. Изъ вашихъ словъ я вижу, что вы не хотите разбогатѣть разомъ, какъ большая часть нашихъ переселенцевъ, а больше хотите научиться работать. Если у васъ хватитъ характера и умѣнья выполнить свои предположенія и преодолѣть первыя затрудненія — вы сдѣланный человѣкъ въ Америкѣ. Впрочемъ обо всемъ этомъ мы успѣемъ поговорить. Главное не торопитесь, осмотритесь хорошенько сначала. А теперь пойдемъ ко мнѣ. Брекфестъ давно готовъ». Отправились въ квартиру, занимаемую самимъ мистеромъ Буманомъ съ семействомъ. Помѣщеніе это состоитъ изъ трехъ комнатъ: спальни, кухни и отлично меблированной пріемной. Мистеръ Буманъ представилъ насъ своей женѣ, очень невзрачной

и на видъ глуповатой леди. Показалъ двухъ сыновей, одного бойкаго, проворнаго мальчика лѣтъ восьми, другого лѣтъ четырехъ. За брекфестомъ, отлично сервированнымъ и приготовленнымъ, разговоръ тянулся очень вяло. Мис-съ Буманъ часто говорила ужасно нелѣпыя вещи, такъ что становилось неловко за нее, и мужу стоило большихъ усилій, чтобы сглаживать эти неловкости. По всему видно, что оба, Буманъ и его жена, вышли изъ грубаго неразвитаго низшаго разряда рабочихъ Сѣверной Германіи, и хотя самому Буману, при замѣчательномъ умѣ и силѣ характера, удалось выработать изъ себя джентльмена, но всѣ его старанія сдѣлать изъ своей супруги леди оказались тщетны. Ганноверская прачка такъ и осталась прачкой, несмотря на 10 лѣтъ прожи-тыхъ въ Америкѣ; несмотря на обладаніе доходнымъ домомъ и десятками тысячъ долларовъ. Наши спутницы Анна, Кристина и Фридерика, бывшія тутъ же, умѣли себя держать въ тысячу разъ лучше. Къ концу брекфеста пришли Густавъ Балингъ — сынъ Анны, и Адольфъ Геккенъ — женихъ Кристины. Вчера они по какому-то дѣлу уѣзжали изъ Чикаго и только что теперь возвра-тились и узнали о нашемъ пріѣздѣ. Балингъ встрѣтился съ ма-терью безъ особыхъ проявленій радости, какъ будто они расста-вались на нѣсколько дней. Вообще, насколько я могъ замѣтить, у нѣмцевъ какія-то странныя отношенія между родителями и дѣтьми; нельзя сказать, чтобы они не любили другъ друга, но сколько мнѣ случалось видѣть, въ ихъ отношеніяхъ всегда про-глядываетъ какая-то холодность, какое-то безразличіе, что мнѣ случалось рѣдко подмѣчать между родителями и дѣтьми другихъ національностей. За то трудно описать восторгъ, съ какимъ встрѣ-тились Геккенъ и Кристина. Въ прошломъ письмѣ я рассказы-валъ ихъ исторію и ожидалъ этой радости, но такого восторга я положительно не предвидѣлъ. Адольфъ Геккенъ — красивый брю-нетъ, лѣтъ 25-ти или 30-ти, атлетическаго тѣлосложенія. Послѣ бѣгства изъ Европы, онъ ходилъ нѣсколько времени матросомъ на рѣчныхъ судахъ, потомъ случайно попалъ въ Чикаго, гдѣ зани-мался поденной работой на дровяномъ дворѣ. На сбереженные деньги онъ выписалъ къ себѣ Кристину. Теперь онъ устроился гораздо прочтѣе. Хозяинъ дровяного двора, на которомъ онъ ра-боталъ, полюбилъ его за прямой характеръ и честность, и за нѣ-сколько дней до нашего пріѣзда предложилъ ему мѣсто приказ-чика въ своемъ фруктовомъ магазинѣ. Теперь Геккенъ получаетъ по 120 долларовъ въ мѣсяцъ, какъ лѣтомъ такъ и зимой, и на-дѣется не только прожить съ семействомъ, но и сберечь нѣсколько денегъ, чтобы заняться какимъ-нибудь дѣломъ на свой страхъ.

Свадьба Геккена и Кристины назначена въ будущее воскресенье. Незамѣтно прошло время до обѣда. И пріятно и грустно смотрѣть на чужое счастье: невольно вспомнятся дорогія лица, оставленные далеко — на той сторонѣ земного шара. Одиночество въ чужой сторонѣ, между чужими людьми, отъ которыхъ не услышишь и слова на родномъ языкѣ, въ такія минуты даетъ себя знать особенно сильно, несмотря на всѣ усилія преодолѣть себя. Я спросилъ, есть-ли русскіе въ Чикаго. «Вѣроятно есть, сказалъ мнѣ Буманъ, но только ихъ очень немного и трудно найти. Всѣ другія національности собираются въ вучки, свой къ своему, а русскіе дѣйствуютъ всегда врознь, какъ будто боятся другъ друга. Сколько мнѣ ни случалось встрѣчать русскихъ, всѣ они сначала пристають къ какому-нибудь кружку изъ нѣмцевъ, французовъ или поляковъ. Потомъ, присмотрѣвшись къ мѣсту, познакомившись съ англійскимъ языкомъ, пристають къ янки, и таково объамериканившагося русскаго трудно отличить отъ настоящаго янки. Двухъ же русскихъ вмѣстѣ мнѣ не случалось видѣть, даже компаньонами по какому-нибудь дѣлу». При разнорѣчивости показаній по всѣмъ вопросамъ, какіе мнѣ случалось предлагать по всѣмъ предметамъ, меня поражало то, что только о русскихъ приходилось слышать почти одинаковый отвѣтъ, сходный съ отвѣтомъ Бумана. Описанные мною поиски русскихъ въ Нью-Йоркѣ вполне убѣдили меня въ справедливости словъ Бумана. Не знаю, чѣмъ объяснить это странное свойство русскихъ: вмѣсто того, чтобы соединяться и общими силами прокладывать себѣ дорогу, какъ это дѣлаютъ другіе переселенцы въ Америку, гдѣ безпрестанно слышишь о томъ или другомъ нѣмецкомъ обществѣ или союзѣ, о той или другой ложѣ, состоящей исключительно изъ французовъ или поляковъ, они напротивъ, какъ будто избѣгаютъ другъ друга и пожалуй стыдятся называть себя русскими. Тѣмъ ли, что русскихъ сравнительно мало выселяется въ Америку, такъ что они, разбросанные на ея огромномъ пространствѣ, съ трудомъ могутъ сноситься между собою; тѣмъ-ли, что большая часть, вслѣдствіе особыхъ причинъ, должна была оставить родину и Старый Свѣтъ, гдѣ оставаться имъ было уже невозможно, а встрѣча съ земляками могла вывести наружу прошлое, которое иногда непріятно, даже опасно вспоминать; наконецъ, не особенной ли способностью русскихъ портить другъ другу изъ мелкаго самолюбія, способностью, довольно развитой въ Россіи, въ особенности въ кругу служащихъ, и положительною непривычкою къ какому бы то ни было общему дѣлу? Единственное русское общество, о которомъ мнѣ пришлось слышать, это русско-славянское общество въ С.-Фран-

нско въ Калифорніи. Объ этомъ обществѣ говорилъ мнѣ одинъ джентльменъ въ Буфало. Онъ недавно пріѣхалъ изъ Калифорніи и, кажется, знакомъ съ дѣйствіями этого общества. Вотъ свѣдѣнія, якія онъ мнѣ сообщилъ; за достовѣрность ихъ ручаться не могу, а передаю ихъ такъ, какъ они мнѣ были сообщены. Послѣ продажи русскихъ сѣверо-американскихъ владѣній Соединеннымъ Штатамъ, большая часть русскихъ, жившихъ на Аляскѣ и Ситхѣ, переселилась въ С.-Франциско, гдѣ и прежде уже было что-то въ родѣ маленькой колоніи. Такимъ образомъ въ С.-Франциско собралось значительное число русскихъ, которые года два тому назадъ образовали общество по примѣру нѣмецкихъ, которыми изобируетъ Америка. Цѣль этого общества—оказывать взаимную помощь членамъ, помогать новымъ переселенцамъ, хоронить умершихъ, давать средства къ существованію увѣчнымъ и сиротамъ, словомъ, оказывать покровительство не только русскимъ, но вообще славянскому элементу въ Соединенныхъ Штатахъ. Дай Богъ, чтобы это общество развилось и окрѣпло, но врядъ ли это когда-нибудь осуществится, такъ какъ съ самаго начала существованія общества въ немъ уже проявились признаки разложенія. Самолюбіе отравило благое начинаніе. Именно, въ обществѣ образовались двѣ враждебныя партіи, съ русскимъ консуломъ и священникомъ во главѣ одной, и издателемъ русско-англійской газеты г. Гончаренко во главѣ другой. Вражда эта дѣлалась съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе, далеко перешла даже за границу приличія и благоразумія и сдѣлала русско-славянское общество какимъ-то посмѣшищемъ въ глазахъ американцевъ. Гончаренко печатно ругаетъ консула и священника площаднымъ манеромъ, за что тѣ въ свою очередь не упускаютъ случая напавостить Гончаренко гдѣ только возможно. Практичные янки не могутъ понять подобнаго образа дѣйствій, подсмѣиваются надъ нимъ, а въ результатѣ выходитъ, что юное, не успѣвшее окрѣпнуть общество окончательно дискредитируется и не въ состояніи принести и сотой доли той пользы, которую могло бы принести, если бы члены его, вмѣсто того чтобы терять время на дразни, занялись выполнѣніемъ того, чѣмъ задалось общество при своемъ основаніи.

Сказанное выше о русскихъ въ Америкѣ заставило меня перемѣнить свое прежнее намѣреніе—отыскать русскихъ и, подъ ихъ руководствомъ, начать новую жизнь. Я рѣшился не разсчитывать на свои собственныя силы, предоставляя случаю и счастью дать мнѣ первоначальное направленіе. Кажется, судьба свела меня на первый разъ съ порядочными людьми (я говорю про Якоба и

Бумана); посмотримъ, каковы-то они будутъ дальше. Хоть было бы и пріятно поговорить съ землякомъ на родномъ языкѣ, посидѣть вечеромъ въ русскомъ семействѣ и поговорить о далекой родинѣ, да что-же дѣлать, когда нельзя: не для удовольствій пріѣхалъ я въ Америку.

Послѣ обѣда, очень сытнаго и поданнаго такъ же изящно, какъ и брѣкфестъ, Клуге предложилъ намъ пойти посмотрѣть городъ; а такъ какъ этого нельзя было сдѣлать въ одинъ день, то было положено, что Буманъ и Клуге, по очереди, будутъ водить насъ въ свободные дни и систематически знакомить съ городомъ, чтобы впослѣдствіи намъ можно было безъ затрудненій отыскивать что намъ нужно, не прибѣгая къ помощи нянекъ. Дѣйствительно, въ три дня, я и Якобъ настолько ознакомились съ городомъ, что могли не только ходить по нему, не спрашивая дороги, но даже могли исполнять разныя порученія Бумана и Клуге. Безъ этого систематическаго изученія города, раскинутаго на огромномъ пространствѣ, можно прожить въ немъ довольно долго и не умѣть попасть домой безъ помощи полицмена, что не разъ случалось со вновь пріѣзжими, какъ рассказывалъ намъ Буманъ. Скорому ознакомленію съ городомъ немало способствуетъ правильное расположеніе авенюес и улицъ, отличающее вновь строющіеся молодые города Америки, къ которымъ принадлежитъ Чикаго. Здѣсь нѣтъ кривыхъ улицъ и переулковъ, сбивающихъ съ толку новопріѣзжаго въ европейскихъ городахъ, отчасти и въ сравнительно старомъ Нью-Йоркѣ, особенно въ такъ-называемомъ «старомъ городѣ».

Чикаго расположенъ на западномъ берегу южной части озера Мичигана, при устьѣ Чикаго-Ривера. Чикаго-Риверъ и рукавъ его, извѣстный подъ названіемъ Малой-Рѣки, дѣлитъ городъ на три части: сѣверную, южную и западную; на мѣстѣ соотвѣтствующей четвертой, восточной стороны, приходится озеро. Съ сѣвера на югъ, вдоль сѣверной и продолжаясь на южную сторону, и параллельно имъ на западной сторонѣ, идутъ streets, или улицы, а перпендикулярно имъ, вдоль всего города, идутъ проспекты, или авенюес. Небольшое число улицъ и авенюес, какъ, напримѣръ, Гальстеть-стритъ и Чикаго-авеню, нарушаютъ нѣсколько этотъ планъ города, напоминающаго собою шахматную доску. Большая часть улицъ и авеню въ Чикаго имѣютъ свои названія, что не такъ удобно, какъ въ другихъ, еще болѣе новыхъ городахъ Америки, гдѣ названія замѣняются нумерами. Впрочемъ, если трудно запомнить, въ какой сторонѣ какая улица, то всегда можно справиться съ планомъ города, продающагося въ любой лавкѣ за бас-

носивно дешевую цѣну. Названія улицъ написаны не на углахъ стѣнъ, а на угловыхъ фонаряхъ, такъ что прочесть надпись можно и ночью, что не всегда удобно при надписи на стѣнахъ. Нумера домовъ написаны крупными цифрами на стеклахъ входной двери и расположены такъ: принимая исходнымъ пунктомъ рѣку, въ обѣ стороны, начиная съ 1-го, всѣ нечетные нумера помѣщаются по правую сторону, а всѣ четные — по лѣвую. Выходятъ такимъ образомъ, что на каждой улицѣ имѣется по два одинаковыхъ нумера, одинъ на сѣверной, другой на южной сторонѣ. То же самое относится и къ авеню. Поэтому, для избѣжанія ошибокъ, къ названіямъ street или avenue, всегда прибавляютъ nord, west или south, смотря по тому, въ которой части города находится искомый номеръ дома. — Для переправы черезъ рѣку устроены мосты и туннели. Устроить ихъ на всѣхъ улицахъ еще не успѣли, но вѣроятно не замедлятъ.

Мнѣ нравится устройство здѣшнихъ мостовъ, отличающихся не вычурностью отдѣлки, а удобствомъ и строгою, красивою простотою. Такъ какъ Чикаго-Риверъ и его притокъ не очень широки, то всѣ мосты черезъ нихъ устроены такимъ образомъ. Въ срединѣ рѣки изъ тесаннаго камня устроенъ бѣкъ, на которомъ держится весь мостъ; съ помощію особаго механизма, одинъ человекъ можетъ заставить вращаться мостъ на оси, укрѣпленной на бѣкѣ. Когда къ мосту подходитъ мачтовое судно, не могущее пройти подъ него, стоящій всегда для этой цѣли сторожъ поворачиваетъ мостъ вдоль рѣки, даетъ свободно пройти судну и потомъ снова поворачиваетъ его на прежнее мѣсто, причемъ концы моста опять совершенно плотно приходятся къ мостовой улицѣ, такъ что трудно замѣтить, что они не приврѣплены къ берегу. При этомъ замѣчу, что несмотря на массу движущихся по улицамъ и черезъ мосты каретъ конно-желѣзной дороги, которыми снабжены всѣ улицы, гдѣ есть мосты черезъ рѣку, и почти всѣ авеню, несмотря на множество экипажей и пѣшеходовъ, передъ поворотомъ моста не ставятся рогатки и никто не думаетъ предупреждать желающихъ переправляться черезъ мостъ. Несчастныхъ случаевъ почти вовсе не бываетъ. Дѣло въ томъ, что публика, привыкшая къ отсутствію полицейской опеки, сама поддерживаеъ порядокъ, какового врядъ-ли въ состояніи добиться полки полицейскихъ. Кучера, завидѣвъ издали, что судно подошло къ мосту, и что сторожъ вооружился рычагомъ, служащимъ для развода моста, безъ посторонняго приказа останавливаютъ лошадей. То же дѣлаютъ и пѣшеходы. Но такъ какъ суда проходятъ очень часто, и безпрестанное поворачиваніе мостовъ могло бы причи-

нить значительную задержку въ движеніи по улицамъ, то во избѣжаніе этого неудобства на многихъ улицахъ устроены подъ рѣкой тоннели, днемъ и ночью освѣщаемые газомъ. Здѣсь въ самомъ устройствѣ тоннеля приняты мѣры для устраненія несчастій, могущихъ произойти отъ стѣсненія экипажей и пѣшеходовъ въ сравнительно узкомъ пространствѣ тоннеля. Именно, тоннель раздѣленъ арками, или сплошными стѣнами, на три части. Посрединѣ проходъ для пѣшеходовъ, вымощенный плитами, а по обѣ стороны два болѣе широкихъ прохода, снабженные макадамомъ, для экипажей, ѣдущихъ въ разныя стороны. Здѣсь опять видна привычка къ порядку, отличающая американцевъ. Въ тоннель направляются преимущественно легкіе экипажи людей, спѣшащихъ куда-нибудь; изрѣдка увидишь экспрессо, и то ненагруженный. Нагруженные же экспрессо и фуры, для которыхъ задержка не такъ ощутительна, сами направляются въ улицы, гдѣ устроены мосты.

Каждая изъ трехъ частей города носить на себѣ характеръ, наложенный на нее временемъ застройки и національностью, населяющею ее преимущественно передъ другими. Южная сторона, застроенная раньше другихъ и населенная преимущественно природными американцами, янки, вполне характеризуетъ предприимчивость, дѣятельность и умѣнье окружить себя всѣми удобствами жизни, эти вездѣ и всегда характеристическія черты настоящаго янки. Идя по великолѣпно вымощеннымъ и освѣщеннымъ улицамъ этой части города, между сплошными рядами чудесныхъ зданій или, скорѣе, дворцовъ,—для сооруженія которыхъ щедрые, хотя расчетливые янки собрали все, что выработано наукой и искусствомъ, причемъ, видимо, не жалѣли никакихъ издержекъ,—трудно вѣрится, что не далѣе какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ на мѣстѣ, гдѣ стоитъ Чикаго, былъ всего одинъ блокгаузъ, и краснокожіе индѣйцы свободно рыскали по пустынной преріи, гоняясь за огромными стадами бизоновъ и подкарауливая рѣдко являющихся бѣлыхъ, не смѣвшихъ показаться сюда иначе, какъ хорошо вооруженными и партіями въ нѣсколько человекъ. Чикаго представляетъ собою примѣръ быстраго развитія города, невиданный въ Европѣ. Подобное развитіе возможно только въ странѣ, гдѣ предприимчивый, энергическій народъ, предоставленный самому себѣ, безъ опеки и нянекъ, безъ покровительства и стѣсненій, руководствуясь своимъ здравымъ смысломъ, избираетъ самъ удобнѣйшія мѣста для примѣненія своей дѣятельности. Чикаго, расположенный на берегу Мичигана, посредствомъ котораго имѣ-

есть самое дешевое водное сообщеніе съ системою великихъ озеръ и, помощью канала, обходящаго Ниагарскій водопадъ, съ Атлантическимъ океаномъ, есть, кромѣ того, центръ, гдѣ сходятся главнѣйшія линіи желѣзныхъ дорогъ, идущихъ отсюда во всѣ стороны, во самымъ плодороднымъ штатамъ Союза, и соединяющихъ какъ оба океана на востокъ и западѣ, такъ и южные штаты съ сѣверными. Вслѣдствіе этого выгоднаго положенія, Чикаго, одинъ изъ самыхъ молодыхъ городовъ, сдѣлался важнѣйшимъ торговымъ центромъ сѣверо-западныхъ штатовъ и сосредоточилъ въ себѣ главнѣйшія отрасли внутренней торговли Союза. Относительно Нью-Йорка Чикаго занимаетъ почти то же торговое положеніе, какое въ Россіи Москва относительно Петербурга. Но разница та, что Москва врядъ-ли когда-либо перестанетъ играть роль сборной станціи товаровъ, предназначенныхъ въ Петербургъ, тогда какъ Чикаго скоро оставитъ эту роль и сдѣлается самъ центромъ не только внутренней, но и вывозной торговли. Уже и теперь нѣкоторые торговые дома, не желая подчиняться посредничеству нью-йоркскихъ негодіантовъ, заводятъ прямыя торговыя сношенія съ Европой, и настояли на томъ, что товары, привозимые сюда изъ Европы, оплачиваются пошлиною въ Чикаго, а не въ Нью-Йоркѣ, какъ это было прежде. Нѣсколько судовъ прошло уже прямо изъ Европы въ Чикаго, минуя Нью-Йоркъ. Ихъ примѣръ найдетъ послѣдователей; за капиталами дѣло не станетъ, и Богъ знаетъ, къ какимъ результатамъ приведетъ возникающая конкуренція Чикаго съ Нью-Йоркомъ. Выгодность положенія Чикаго, большіе заработки, сопровождающіе быстрый ростъ города, сдѣлали его завѣтнымъ городомъ рабочихъ и эмигрантовъ, переселившихся сюда огромными массами и продолжающихъ и теперь переселяться. Но несмотря на то, что эти эмигранты, по численности, составляютъ большую часть населенія Чикаго и немало способствовали его развитію привезенными съ собою капиталами, а главное — своимъ личнымъ трудомъ, не имѣ однако обязать Чикаго своимъ цвѣтущимъ состояніемъ. Переселенцы изъ Европы играютъ здѣсь роль второстепенныхъ дѣателей и рабочей силы. Инициатива и руководство въ предпріятіяхъ, поражающихъ какъ своею громадностью, такъ и смѣлостью и вѣрностью расчета, вездѣ принадлежитъ энергическимъ, находчивымъ, не останавливающимся ни передъ какими затрудненіями яanei. Этимъ-то они и принадлежатъ, главнымъ образомъ, эти великобѣнные дорцы на южной сторонѣ, съ помѣщенными въ нихъ банкирскими, страховыми и прочими конторами, — съ магазинами, обшир-

ность и богатство которыхъ, пожалуй, не уступать магазинамъ Нью-Йорка, — со складами сырыхъ продуктовъ, свозимыхъ сюда со всѣхъ концовъ Союза.

Между оконченными зданіями, по громадности и красотѣ, первое мѣсто занимаетъ куртъ-гаузъ, или ратуша, гдѣ помѣщаются высшія административныя и судебныя мѣста какъ города Чикаго, такъ и штата Иллинойсъ. Зданіе это занимаетъ цѣлый кварталъ и украшено огромною башнею, съ плоской крыши которой виденъ не только весь городъ, но и окрестности на значительное пространство. Мѣсто, гдѣ находится куртъ-гаузъ, представляетъ собою центръ торговой и общественной жизни города. Здѣсь сосредоточено наибольшее число лучшихъ зданій, изъ которыхъ особенно замѣчательны зданіе главнаго почтамта и телеграфнаго вѣдомства. Здѣсь сгруппировались главнѣйшіе торговые дома и конторы. Во всѣ стороны отъ куртъ-гауза, чѣмъ дальше идешь по улицамъ, богатые магазины и конторы становятся рѣже, архитектура домовъ становится все проще и проще, поѣз на крайнихъ предѣлахъ города не переходитъ въ грубо сколоченные бараки. На сравнительно небольшой площади передъ куртъ-гаузомъ сходятся рельсы всѣхъ конно-железныхъ дорогъ, принадлежащихъ разнымъ компаніямъ и перерѣзывающихъ городъ по всѣмъ направленіямъ. Недалеко отъ куртъ-гауза, противъ вокзала восточной железной дороги, строится теперь новый Pacific-Hotel, который своими размѣрами и богатствомъ наружной отделки далеко превзойдетъ куртъ-гаузъ. Въ прошломъ году на этомъ мѣстѣ стоялъ довольно большой отель, просуществовавшій всего два года. Хозяинъ, считая размѣры его недостаточными, составилъ компанію съ нѣсколькими капиталистами, сломалъ почти совершенно новое зданіе и строить изъ тесаннаго камня новый отель, который по размѣрамъ долженъ быть наибольшимъ въ свѣтѣ. Зданіе, начатое эту весну, быстро растетъ; уже теперь возведено четыре этажа съ огромными окнами; вѣроятно, къ осени будутъ готовы и остальные пять этажей.

По времени застройки, слѣдуетъ за южной — сѣверная сторона. Здѣсь почти вовсе нѣтъ такихъ дворцовъ, какими сплошь застроена южная. Большими частными зданіями застроена только часть, прилегающая къ рѣкѣ, которая дѣлитъ южную сторону отъ сѣверной. Далѣе вся почти сторона застроена небольшими трехэтажными домами на англійскій манеръ. Отъ нихъ рѣзко отличаются своею обширностью и архитектурой общественныя школы, церкви, вокзалы железныхъ дорогъ и огромныя фабрики съ высочайшими трубами. По мѣрѣ удаленія отъ рѣки чаще и чаще

попадаютъ незастроенные еще пустыри съ пасущимися на нихъ лошадами и коровами; чаще попадаютъ неопрятныя, грубо сколоченныя изъ досокъ лачужки бѣднѣйшаго слоя ирландцевъ, составляющихъ, преимущественно, съ англичанами и небольшимъ числомъ нѣмцевъ, населеніе сѣверной стороны.

Самая новая часть Чикаго — западная; она заселена преимущественно нѣмцами и носитъ характеръ нѣмецкаго города. Здѣсь также большими домами застроена часть, прилегающая къ южной сторонѣ. Пустырей попадаетъ гораздо больше, чѣмъ на сѣверной или на краяхъ южной стороны. Улицы не отличаются тѣмъ строгимъ однообразіемъ, какое придаютъ имъ узкіе, трехъ-этажные, плотно пристроенные другъ къ другу англійскіе домики. Въ архитектурѣ домовъ видѣется страшное разнообразіе кусковъ и стилей. Часто отлично застроенная улица прерывается огромнымъ пустыремъ. Рядомъ съ затѣйливымъ, выложеннымъ мраморными плитами домоу, стоитъ сколоченный на скорую руку баракъ. Во многихъ мѣстахъ проложены на насыпяхъ цѣлыя улицы, на которыхъ нѣтъ еще ни одного дома, а по обѣимъ сторонамъ вымощенной и освѣщенной газомъ улицы тянутся огромныя преріи, предназначенныя въ очень непродолжительномъ времени застроиться. Надо замѣтить, что Чикаго расположенъ на вязкой, глинистой, совершенно ровной мѣстности, подверженной иногда наводненію. Кромѣ того, послѣ дождей вода не проходитъ въ вязкую глину и не имѣя хорошаго наружнаго стока, только размачиваетъ ее и превращаетъ въ густую, липкую грязь, которая дѣлала улицы Чикаго, въ первую пору его существованія, непроѣзжаемыми во время дождя. Такое свойство мѣстности затрудняло даже движеніе улицъ. Чтобы уничтожить это неудобство, улицы подняли насыпью почти на двѣ сажени, такъ что тротуаръ приходится противъ вторыхъ этажей домовъ. Нижняя часть домовъ, находящаяся ниже уровня мостовой, называется «безементъ» и играетъ роль нашихъ подваловъ. Насыпи для улицъ, сдѣланныя изъ взятой тутъ же синей глины, кромѣ того, что дали возможность отлично вымостить городъ, защищаютъ его собою отъ наводненій при повышеніи воды въ озерѣ и рѣкѣ. Въ прошломъ письмѣ я говорилъ уже о совершенствѣ мостовыхъ на большей части улицъ Нью-Йорка. Въ Чикаго мостовыя, если возможно, перещеголяли нью-йоркскія. На южной сторонѣ, по самымъ богатымъ улицамъ, делается гладкій макадамъ, на всѣхъ остальныхъ устроена деревянная, торцовая, залитая асфальтомъ и усыпанная крупнымъ пескомъ. Кромѣ удобства и спокойствія при ѣздѣ по подобнымъ мостовымъ, онѣ не портятъ ноги лошадямъ,

отчего въ Чикаго почти не случается видѣть такихъ несчастныхъ животныхъ съ разбитыми ногами, какихъ приходится встрѣчать такъ часто во всѣхъ большихъ городахъ, гдѣ каменная мостовая преобладаетъ передъ деревянною. Тротуары на южной сторонѣ устроены изъ огромныхъ, каменныхъ плитъ. Въ остальныхъ частяхъ ихъ замѣняютъ деревянные мостки. Положимъ, это не такъ красиво для глаза какъ каменные тротуары, но за то очень удобно для ногъ пѣшеходовъ. Подобныя мостовыя и тротуары проложены не только по застроеннымъ частямъ улицъ, но далеко за городъ, куда по предположеніямъ городъ будетъ разрастаться.

Нечего и говорить, что всѣ улицы освѣщены газомъ и вездѣ проведена вода. Насколько я могъ судить по разсказамъ, во всѣхъ городахъ Америки, какъ только они начинаютъ развиваться, прежде всего проводятъ конно-железныя дороги, устраиваютъ газовое освѣщеніе и водопроводы. Для снабженія города газомъ имѣются въ разныхъ мѣстахъ газовыя заводы, принадлежащія частнымъ компаніямъ; я насчиталъ ихъ до десяти, но ихъ вѣроятно болѣе. Легкость, съ которою устроивается здѣсь газовое освѣщеніе, объясняется отчасти устройствомъ газовыхъ заводовъ. Для нихъ не строятъ огромныхъ зданій, поглощающихъ значительныя капиталы, а довольствуются небольшою каменною постройкою, гдѣ помѣщаются печи. Газометры помѣщаются прямо подъ открытымъ небомъ, а каменный уголь, служащій для добыванія газа, сваленъ большими кучами подъ простыми досчатыми навѣсами. Снабженіе города водою, производимое управленіемъ города, представляло въ началѣ много затрудненій, которыя впрочемъ не остановили выборныхъ правителей города. Вооруженные наукой и капиталами, за которыми въ Америкѣ не бываетъ недостатка, когда рѣчь идетъ объ истинно-полезномъ предпріятіи, они создали сооруженіе, которое даже американцы, неспособные удивляться чему бы то ни было, почитаютъ чудомъ техническаго искусства. Какъ не специалистъ, я не могу дать полнаго понятія объ этомъ сооруженіи, потому ограничусь краткимъ его описаніемъ. Вода въ рѣкѣ, и у береговъ озера на довольно большое разстояніе содержитъ въ себѣ много примѣсей, мутна и негодна въ употребленію. Въ большей части володцевъ вода пахнетъ сѣрой и имѣетъ непріятный, желѣзный вкусъ. Небольшое число володцевъ съ прѣсною водою даютъ ее въ самомъ ничтожномъ количествѣ. Въ озерѣ же, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега вода совершенно чиста, а годностью къ употребленію и вкусомъ превосходить даже нашу невскую воду. Эту воду съ срединъ озера и провели въ городъ. Въ четырехъ миляхъ отъ берега изъ

огромныхъ камней устроили искусственный островъ, внутри котораго помѣщаются огромныя желѣзныя трубы или правильные цилиндры, расположенныя вертикально и наполняющіеся водою на такой глубинѣ отъ поверхности озера, гдѣ вода оказалась, по изслѣдованію, наилучшихъ качествъ. Обширный тоннель, изъ песчаннаго камня залитаго цементомъ, проложенъ глубоко подъ представлявшимъ прочнаго основанія илистымъ дномъ озера и проводитъ собранную въ цилиндрахъ, на островѣ, воду въ огромное водопроводное зданіе на берегу озера. Цилиндры и тоннель устроены такъ, что могутъ проводить воду въ такомъ громадномъ количествѣ, что ея будетъ достаточно, до какихъ бы размѣровъ ни достигъ городъ. Въ водопроводномъ зданіи двѣ паровыя машины вгоняють воду въ трубы, проложенныя по всѣмъ улицамъ города. Первоначально - устроенная паровая машина, два года тому назадъ, оказалась слишкомъ слабою и была замѣнена теперь дѣйствующими машинами. При невѣроятно быстромъ ростѣ Чикаго скоро и этихъ машинъ окажется недостаточно, тогда поставятъ третью въ нарочно оставленномъ для этой цѣли мѣстѣ и будутъ продолжать такое прибавленіе машинъ, по мѣрѣ увеличенія города.

Въ теченіи недѣли, употребленной на изученіе города, я по совѣту Бумана не упускалъ случая узнавать внутренній строй его жизни. У Якобса оказалось въ Чикаго много знакомыхъ земляковъ, съ которыми я тоже познакомился, такъ что съ встрѣтившимися въ первый день нашего пріѣзда у меня образовался довольно большой кругъ знакомыхъ. Всѣ они нѣмцы, переселенцы изъ Европы, за исключеніемъ нѣсколькихъ челоувѣкъ поляковъ.

Въ Чикаго довольно большое число поляковъ, выселившихся изъ Царства Польскаго во время послѣднихъ смутъ. Они громко проповѣдуютъ, что здѣсь, за океаномъ, подъ сѣнью великой республики, должна стихнуть всякая національная вражда, что братья-славяне должны подать другъ другу руку помощи, забывъ домашнія дразги, и общими силами прокладывать себѣ дорогу; но на практикѣ эти слова вовсе не примѣняются. Они держатся особымъ кружкомъ и въ обхожденіи ихъ, несмотря на наружную любезность, особенно относительно меня какъ русскаго, проглядываетъ какое-то недовѣріе, какая-то, если можно такъ выразиться, затаенная злоба. Видно ни разстояніе отъ родины, ни полная политическая свобода не въ состояніи искоренить искусственно привитой панами и всендзами ненависти къ русскимъ, не разбирая насколько они причастны къ такъ-называемымъ несчастіямъ Польши. Съ природными американцами, по

незнанію языка, мнѣ не удалось сойтись. Нѣмцы по природной словоохотливости не только охотно отвѣчали на вопросы, но сами навязывались съ совѣтами и разсказами о жизни въ Америкѣ. Эти разсказы, точно также какъ слышанные мною въ Нью-Йоркѣ и дорогой, страшно противорѣчили одинъ другому. Встрѣчались такіа несообразности, которыя я иначе не могъ объяснить, какъ ужъ черезъ-чуръ разыгравшимся воображеніемъ разсказчика, такъ что признаюсь, я не составилъ себѣ никакого яснаго понятія о подробностяхъ здѣшней жизни и постараюсь составить его, вступивъ въ нее самъ. И въ самомъ дѣлѣ, ничто такъ не научаетъ жизни, какъ сама жизнь; а всякій разсказъ, какъ бы добросовѣстенъ онъ ни былъ, всегда носитъ на себѣ отпечатокъ характера и личныхъ взглядовъ разсказчика, часто дающій совершенно превратное значеніе факту. Однако, изъ разсказовъ мнѣ удалось извлечь себѣ нѣсколько полезныхъ свѣдѣній. Прежде всего я убѣдился, что разсказы о буйствахъ и самоуправствахъ, помощію ножей и револьверовъ, которые мнѣ приходилось слышать и читать, могутъ быть справедливы относительно вновь образующихся штатовъ, но лишены всякаго основанія относительно сформировавшихся.

Въ Чикаго нигде не носятъ оружія, кромѣ полиціеменовъ. Ношеніе оружія частнымъ лицамъ въ чертѣ города даже запрещено закономъ, въ предупрежденіе могущихъ произойти не преступленій, а несчастныхъ случаевъ. Конечно, не обходится безъ того, чтобы въ такомъ большомъ городѣ не случилось убійства или крупнаго грабежа, но это явленіе случайное, повторяющееся не чаще, чѣмъ въ самыхъ спокойныхъ городахъ Европы; при этомъ, почти ни одно преступленіе не проходитъ нераскрытымъ. Это послѣднее обстоятельство объясняется тѣми отношеніями, въ какихъ находится публика къ полиціи.

Прежде, чѣмъ разъяснить эти отношенія, считаю необходимымъ объяснить, какъ смотрятъ американцы на администрацію и правительство вообще. Республика состоитъ изъ равноправныхъ гражданъ, которымъ принадлежитъ верховная власть. Всѣ административныя лица, такъ сказать, работники самодержавнаго народа, обязаны, за извѣстное вознагражденіе, исполнять ту или другую обязанность. Граждане, для того, чтобы не мѣшать другъ другу, соглашаются стѣснить часть своей свободы для гарантірованія остальной части и личной безопасности. Но эта часть свободы, которою они жертвуютъ, должна быть никакъ не больше того, сколько необходимо для успѣшнаго развитія общественной жизни. А такъ какъ хорошая администрація принадлежитъ къ числу важ-

нѣшнихъ потребностей государства, то на всѣ должности, начиная отъ президента до полицмена, выбираются, глядя по ихъ личнымъ способностямъ, лучшіе граждане. Эти выборные чиновники, облеченные огромною властью, рѣдко могутъ безнаказанно злоупотреблять ею, такъ какъ всякое ихъ дѣйствіе находится подъ контролемъ общества, неминуемо осуждающаго всякое дѣйствіе по достоинству: оттого между публикою и полиціею нѣтъ тѣхъ враждебныхъ отношеній, такъ сильно развитыхъ у насъ. Напротивъ, такъ какъ всѣ чиновники полиціи избираются изъ людей испытанной дѣятельности и честности, то къ нимъ относятся съ уваженіемъ и смотрятъ на нихъ какъ на друзей, охраняющихъ личность и имущество каждаго. Полиція не вмѣшивается въ политическія дѣла гражданъ, а наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ, служащихъ для охраненія спокойствія гражданъ. Низшіе чины полиціи или полицмены, которыхъ можно узнать по серебряной бляхѣ на груди, наблюдаютъ, чтобы на улицахъ не былъ нарушенъ общественный порядокъ. Они всегда охотно отвѣчаютъ на вопросы, съ которыми къ нимъ обращаются, переводятъ боязливыхъ лѣди черезъ улицы и чутко слѣдятъ за такъ-называемыми луферами, желающими изслѣдовать чужіе карманы. Какъ только на улицѣ начнется драка или произойдетъ какое-либо нарушеніе порядка, тотчасъ является полицмень, прекращаетъ беспорядокъ и арестовываетъ виновныхъ, передаетъ ихъ судѣ. Сопротивленіе полицмены встрѣчаютъ очень рѣдко. Въ подобныхъ случаяхъ полицмень имѣетъ право пустить въ дѣло свою коротенькую, налитую свинцомъ палочку и даже револьверъ. Впрочемъ, къ такимъ крутымъ мѣрамъ приходится прибѣгать въ исключительныхъ случаяхъ, такъ какъ каждый проходящій считаетъ своею обязанностью помочь полицмену. Для раскрытія крупныхъ преступленій и преслѣдованія мошенничества во всѣхъ его видахъ, употребляются особые тайные агенты или сыщики. Суды, весьма медленные и сопряженные съ разными формальностями, въ дѣлахъ гражданскихъ и крупныхъ уголовныхъ, доведены до послѣдней степени простоты и скорости по проступкамъ противъ полицейскаго устава. Обыкновенно разбирательство производится въ тотъ же день. Полицейскія правила гораздо строже, чѣмъ у насъ, и ни подъ какимъ видомъ не допускаютъ нарушенія спокойствія ближняго. Всякое нарушеніе мечетъ за собою штрафъ, замѣняемый, въ случаѣ несостоятельности, тюремнымъ заключеніемъ съ употребленіемъ арестованнаго на общественныя работы.

Еще я убѣдился въ томъ, что жизнь въ Чикаго вовсе не

такъ дорога, какъ объ этомъ говорили. Разумѣется, путешественнику, останавливающемуся въ лучшихъ отеляхъ, приходится порядкомъ поплативаться, но постояннымъ жителямъ жизнь обходится не дорого, пожалуй дешевле, чѣмъ у насъ въ Петербургѣ, если принять во вниманіе количество употребляемаго ежедневно мяса и вообще тѣ удобства, какими окружаетъ себя каждый рабочій, зарабатывающій здѣсь отъ одного до пяти долларовъ въ день. Дешевле обходится жизнь семействамъ, когда въ немъ есть женщина, могущая готовить кушанье и содержать порядкомъ въ домѣ. Людямъ безсемейнымъ жизнь обходится нѣсколько дороже. Имъ приходится помѣщаться въ такъ-называемыхъ бордингъ-гаузахъ, гдѣ за плату отъ трехъ до пяти долларовъ въ недѣлю, смотря по удобству, какимъ желаетъ пользоваться, онъ имѣетъ столъ и ночлегъ. Столъ во всѣхъ бордингъ-гаузахъ для всѣхъ одинаковъ. Утромъ кофе, хлѣбъ, масло, сыръ и какое-нибудь мясное блюдо. За обѣдомъ три блюда, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, одно мясное, и вечеромъ ужинъ, такой же какъ брекфестъ, только кофе, большею частію, замѣняется чаемъ. Разница въ цѣнѣ зависитъ отъ другихъ удобствъ, какими пользуются жильцы, именно: кто платитъ три доллара, спитъ на кровати съ какимъ-нибудь другимъ жильцомъ; кто платитъ четыре доллара, пользуется однимъ цѣлою кроватью, и, наконецъ, кто платитъ пять, имѣетъ въ своемъ распоряженіи цѣлую комнату. Мытье бѣлья здѣсь очень дорого, вслѣдствіе высокой задѣльной платы на женскій трудъ, такъ что для самыхъ экономныхъ оно обходится не менѣе пятидесяти центовъ или полъ-доллара въ недѣлю. Собравъ эти свѣдѣнія на счетъ стоимости жизни, мы порѣшили устроиться слѣдующимъ образомъ: Якобъ, Густавъ Балингъ, Анна и я, найдемъ общую квартиру. Якобъ омеблируетъ ее на свой счетъ, за что онъ освобождается отъ колотья дровъ, необходимыхъ въ хозяйствѣ, а эту обязанность должны нести Балингъ и я поочередно. Затѣмъ, всѣ мы трое платимъ Аннѣ по четыре доллара въ недѣлю, на которые она должна содержать насъ, включая плату за квартиру. Она не платитъ ничего, но должна держать квартиру въ чистотѣ, готовить кушанье и стирать наше бѣлье. Согласно съ этимъ рѣшеніемъ, наняли квартиру во вновь отстроенной George-street, гдѣ помѣщенія сравнительно дешевле, за 6 долларовъ въ мѣсяцъ. Квартира состоитъ изъ двухъ просторныхъ комнатъ, кухни, прихожей и помѣщается въ первомъ этажѣ. (George-street проходитъ по небольшому холму и дома на ней устроены безъ безементовъ). При квартирѣ имѣется сарай для дровъ и конюшня, на тотъ случай, если намъ придется обзаве-

стись лошадыю. Купили кухонную печь, кухонныя принадлежности, мебель и кровати, на что Якобъ израсходовалъ восемьдесятъ долларовъ. На дняхъ мы переберемся на новое мѣсто жительства и примемся хлопотать о томъ, чтобы избрать себѣ какой-либо родъ дѣятельности. О томъ, какъ мнѣ это удастся, напишу въ слѣдующемъ письмѣ.

III.

Переселеніе на новую квартиру. — Возможность окружить себя комфортомъ, не затрачивая разомъ значительной суммы. — Компанія, строящая дома въ кредитъ. — Напрасные поиски работы. — Внутренній порядокъ фабрикъ. — Отношенія между хозяевами и рабочими. — Газетныя объявленія. — Оригинальный взглядъ нѣкоторыхъ рабочихъ на работу. — Вызовъ рабочихъ для дѣланія куриныхъ кѣтокъ. — Совѣтъ янки. — Выгода отъ приготовления куриныхъ кѣтокъ. — Скандалъ при расчетѣ. — Впечатлѣніе, произведенное нѣдѣей черной работы. — Отдыхъ по-американски. — Работа въ столярной мастерской. — Банкротство хозяина. — Дѣйствія констебля и взглядъ рабочихъ на это банкротство. — Обманутыя надежды встрѣтиться съ русскимъ. — Свѣдѣнія о русскихъ въ Чикаго. — Знакомство съ хозяевами кирпичныхъ заводовъ. — Веденіе дѣла на заводѣ и его устройство. — Физическое утомленіе, производимое копаньемъ глины. — Кормистыны виды мистера Бумана на меня и Якоба. — Торговля пивомъ. — Наемъ рабочихъ на уборку брумъ-корна въ кентри. — Сберегательныя банки.

Когда все нужное для новаго хозяйства было закуплено, и нѣдѣля, которую мы предполагали прожить у мистера Бумана, истекла, мы перебрались на новую нашу квартиру. Мистеръ Буманъ, свободный въ этотъ день, пособлялъ намъ перебираться. Отъ всѣми силами старался выказать свое расположеніе ко мнѣ и Якобсу, даже не хотѣлъ брать съ насъ платы за время, прожитое нами у него, такъ что намъ стоило большихъ трудовъ заставить взять хоть по четыре доллара съ человѣка, какъ обыкновенно платять за помѣщеніе и столъ. Это обстоятельство заставило меня отчасти разубѣдиться въ корыстолюбіи, въ которомъ обвиняють американцевъ. Нѣсколько видѣнныхъ мною примѣровъ въ послѣдующіе дни убѣдили меня, что погоня за долларами, и только за одними долларами, не есть исключительная цѣль американцевъ, какъ привыкли думать. Напротивъ, на всякомъ шагу проявляются примѣры такого безкорыстія и желанія пособить ближнему, безъ всякаго за то вознагражденія, какія врядъ ли встрѣтятся даже въ славящейся своимъ гостепріимствомъ и добродушіемъ Россіи. Въ квартирѣ мы размѣстились такъ, какъ это видѣли у семейныхъ жителей Чикаго. Кухню отдали въ полное распоряженіе Анны. Въ задней комнатѣ устроили спальню, а переднюю предназначили для столовой и пріемной, на какой

предметъ установили въ ней, купленные Якобсомъ, два дивана, четыре кресла, обитые ковровою матеріею, шесть стульевъ и два стола, одинъ для обѣда, другой ломберный. Вся эта мебель, равно какъ и большой комодъ и три кровати, поставленные въ спальнѣ, изъ цѣльнаго орѣха, очень хорошей работы и обошлись всего тридцать долларовъ. По этому можно судить, какъ дешево можно приобрести здѣсь мебель. Мы заплатили наличныя деньги, но здѣсь есть возможность устроиться съ желаемымъ комфортомъ и не затрачивая разомъ значительной суммы денегъ. Именно, хозяева мебельныхъ магазиновъ охотно продаютъ мебель съ тѣмъ, чтобы покупатель уплачивалъ за нее помѣсячно. При этомъ къ цѣнности мебели прибавляются проценты за разсрочку и ставятъ непремѣннымъ условіемъ страхование мебели. Такимъ же образомъ можно приобрести рояль или фортепьяно, которыя за очень дешевую цѣну отдаются также напрокатъ, что даетъ возможность заниматься музыкой у себя дома даже рабочимъ, живущимъ по-денной работой. Печи, нужныя для какого-нибудь ремесленника, инструменты и машины, обыкновенно также покупаются на сроки. Есть даже компанія, которая берется строить дома на участкахъ, приобретенныхъ недостаточными людьми, и получаетъ плату за постройку по срокамъ изъ доходовъ выстроеннаго дома. Говорятъ, дѣла этой компаніи идутъ очень хорошо. Устроившись на новой квартирѣ, я принялся отыскивать себѣ занятія. Прежде всего я обратился къ мистеру Клуге, общавшему помѣстить меня въ одному изъ знакомыхъ ему хозяевъ механическихъ заведеній. Онъ самъ плотникъ и столяръ по ремеслу, и нѣсколько времени работалъ деревянные части машинъ. Въ назначенный день, когда онъ былъ свободенъ, я зашелъ къ нему и мы отправились. Въ первой мастерской, въ которую мы зашли, приготовлялись машины для механической обработки дерева. Огромный сарай былъ заставленъ множествомъ конченныхъ и еще не выполѣ собранныхъ, пильныхъ, строгальныхъ, токарныхъ и другихъ машинъ. Тутъ же около пятидесяти рабочихъ ковали, точили, строгали, полировали, шлифовали новыя части машинъ, помощью станковъ, приводимыхъ въ движеніе большою паровою машиною. Хозяинъ привалъ насъ очень любезно, повелъ въ ближайшій салонъ, угостилъ пивомъ; но принять меня въ рабочіе отказалъ наотрѣвъ на томъ основаніи, что теперь у него спѣшная работа, почему онъ не можетъ принять не-мастера, который можетъ, пожалуй, сдѣлать остановку другимъ. Отправились въ мастерскую, работающую сельско-хозяйственные машины. Здѣсь хозяинъ не могъ принять, потому что дѣла идутъ тихо и онъ принужденъ

разсчитать многихъ старыхъ рабочихъ, оставивъ у себя только самыхъ лучшихъ. Въ трехъ другихъ мастерскихъ, гдѣ хозяева были янки или англичане, не приняли по моему незнанію англійскаго языка. Но такъ какъ въ каждой изъ мастерскихъ разговоръ и разспросамъ не было конца, то намъ пришлось отложить поиски до другого раза и ни съ чѣмъ возвратиться домой. На другой день Клуге не могъ отлучиться изъ дому, почему снабдилъ меня нѣсколькими письмами, съ которыми я пошелъ по указаннымъ адрессамъ. Результатъ былъ тотъ же. Нѣкоторые, прочтя письмо, пожимали плечами и коротко объясняли, что взять меня не могутъ. Другіе закидывали вопросами о Россіи, о причинахъ, заставившихъ меня переѣхать въ Америку, угощали пивомъ и сигарами и въ концѣ концовъ, все-таки, объясняли, что они безъ компаньоновъ не могутъ дать мнѣ рѣшительнаго отвѣта, чтобъ я какъ-нибудь зашелъ въ другое время, и что врядъ ли у нихъ найдется для меня свободное мѣсто. Вечеромъ, по дорогѣ домой, зашелъ въ салонъ Бумана, чтобъ сообщить о вѣстившихъ результатахъ поисковъ мистеру Клуге. Бывшіе тутъ знакомые задали мнѣ вопросъ, почему я хочу непременно поступить въ механическую мастерскую. Когда я объяснилъ имъ, что здѣсь въ Америкѣ, вездѣ гдѣ только возможно, работы производятся машинами, то необходимо умѣть справляться съ ними. Я же хотя и имѣю нѣкоторые механическія свѣдѣнія, но машинами никогда не работалъ, а чтобъ изучить работу машинами, лучше всего научиться работать самыхъ машины. Они согласились съ справедливостью моего мнѣнія, и наперерывъ надавали рекомендательныхъ писемъ въ разныя мастерскія. Цѣлую недѣлю бѣгалъ я съ этими письмами. Видя, что въ механическую мастерскую попасть трудно, бѣгалъ съ рекомендательными письмами и на кожевенные заводы, и на пивоварни, и на ковровыя фабрики; все напрасно. Вездѣ нужны готовые спеціалисты, какими въ достаточномъ числѣ снабжены всѣ фабрики изъ переселенцевъ западной Европы. Напрасно я просилъ взять меня на первое время, пока я освоюсь съ работой, безъ жалованья. Подобныя предложенія видимо удивляли хозяевъ и они объясняли, что не стоятъ за платою рабочему, но нуждаются, чтобъ рабочий былъ способенъ выработать свою плату; что они охотнѣе заплатятъ дорого хорошему работнику, чѣмъ дешево дурному, могущему задержать работу другихъ. Якобъ, какъ фермеръ и понимающій толкъ въ разныхъ сортахъ хлѣба, всю недѣлю хлопоталъ, какъ бы пристроиться въ какому-нибудь торговому дому, занимающемуся хлѣбной торговлей. Такихъ домовъ въ Чикаго много, такъ какъ хлѣбъ со-

ставляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ его торговли; но успѣхъ его поисковъ былъ такой же печальный, какъ и у меня. Впрочемъ, бѣготня по фабрикамъ принесла ту пользу, что я хотя наглядно познакомился съ ихъ порядками и узнать нѣкоторые мѣстные техническіе термины. Такъ мастерская или фабрика называется шоопъ, хозяинъ — баасъ; распорядитель работы — форманъ и прочее. Обыкновенно шоопъ принадлежитъ двумъ баасамъ-компаньонамъ. Одинъ изъ нихъ занимается продажей произведеній и закупкою матеріала, однимъ словомъ внѣшнюю стороною предпріятія, постоянно въ разъѣздахъ и рѣдко бываетъ дома. Другой заведываетъ внутреннею стороною предпріятія, слѣдитъ за выполненіемъ заказовъ въ срокъ, за распределеніемъ работы, нанимаетъ и рассчитываетъ рабочихъ. Въ небольшихъ фабрикахъ онъ же исправляетъ должность формана. Въ большихъ же заведеніяхъ иногда имѣются нѣсколько особыхъ формановъ или распорядителей работъ, находящихся въ полномъ распоряженіи бааса и, кромѣ того, подчиненныхъ другъ другу, такъ что получаютъ названіе перваго, второго, третьяго и т. д. формана. Рабочихъ, нанятыхъ на годъ или мѣсяць, кромѣ формановъ нѣтъ. Вездѣ, гдѣ только можно, введена поштучная плата. Гдѣ плата отъ штуки затруднительна, тамъ платятъ понедѣльно, поденно или по числу рабочихъ часовъ. Когда работы много, сообразно съ нею набираютъ рабочихъ; какъ только дѣла пошли типе, излишнее число рабочихъ рассчитывается. Часто и такъ, если рабочій не понравится баасу или форману, ему вечеромъ выдаютъ расчетъ и безъ оковличностей объявляютъ, чтобы онъ не приходилъ на слѣдующій день. Рассчитанный такимъ образомъ рабочій не думаетъ не только претендовать на это, но даже не спрашиваетъ о причинѣ расчета, а отправляется искать себѣ другого мѣста. Точно также баасъ не въ претензіи, если рабочій, не объяснивъ причины, потребуетъ расчета и уйдетъ. Нечего и говорить, что въ отношеніяхъ между хозяиномъ и рабочимъ нѣтъ и тѣни того высокомерія съ одной стороны и самоуниженія съ другой, какъ это принято въ Европѣ. Здѣсь хозяинъ смотритъ на рабочаго, какъ на совершенно равнаго себѣ джентльмена, съ которымъ вступаетъ въ извѣстный договоръ и съ которымъ долженъ быть во всякое время вѣжливъ. Рабочій, исполняя работу, за которую взялся, не считаетъ себя обязаннымъ подлаживаться къ хозяину и считаетъ долгомъ исполнить относительно его только законы вѣжливости, принятые въ обществѣ. Отъ этихъ естественныхъ, свободныхъ отношеній много выигрываетъ работа. Хозяину и рабочему незачѣмъ прижимать и наду-

вать другъ друга, такъ какъ при малѣйшемъ поводѣ въ недовольству другъ другому они могутъ разойтись.

Утомленный бесполезной бѣготней по жарѣ (все это время жара стояла страшная, не ниже 30° по Реомюру), раздосадованный неудачей, не зная, на что рѣшиться дальше, я зашелъ въ салонъ Бумана, куда долженъ придти со своихъ поисковъ и Любсь. Обращаться, за совѣтомъ къ Буману я считалъ лишнимъ, такъ какъ, несмотря на свое обѣщаніе, когда я и Любсь обращались къ нему, онъ всегда отвѣчалъ какъ будто нехотя: «посмотрите, попробуйте», и уклонялся отъ положительнаго отвѣта. Въ салонѣ посѣтителей никого не было. Мистеръ Буманъ усѣлся за одинъ столъ со мною, положилъ по привычкѣ на него ноги и обратился самъ ко мнѣ съ вопросомъ, нашелъ ли я работу, чего не дѣлалъ ни разу во всю недѣлю. На мой отрицательный отвѣтъ онъ засмѣялся, сказалъ, что очень жаль, и предложилъ утѣшиться въ моихъ неудачахъ чтеніемъ очень поучительной, по его словамъ, газеты Schikago Stadt-Zeitung. Это меня вѣбѣсило. —Отстаньте вы съ вашей газетой, не до газетъ мнѣ теперь. Если и вы не можете указать, какъ достать работу, такъ нечего издѣваться. — «Тише, тише, не горячитесь по пустому. Если вы не отучитесь принимать все такъ близко къ сердцу, вамъ врядъ ли удастся ужиться въ Америкѣ. Думать, какъ достать работу, еще успеете; не умираете еще съ голоду. Послушайтесь лучше меня и прочитайте внимательно газету отъ доски до доски. Ничего, если не поймете половину политическихъ статей. Это отличное успокоительное средство». Дѣлать мнѣ было нечего, вступать въ разговоры не было охоты и я не нашелъ ничего лучшаго, какъ дѣйствительно приняться за чтеніе газеты. Прочиталъ какую-то передовую статью и вслѣдствіе незнанія мѣстныхъ политическихъ условій и личностей, о которыхъ шла рѣчь, не понималъ ничего. Перешелъ къ дневнику событій. Прочиталъ, что вчерашняго числа вспыхивалъ тамъ-то и тамъ-то пожаръ, но дѣйствіями пожарной команды былъ потушенъ, причемъ оказалось убытку столько-то. Прочиталъ, сколько тѣлъ, неизвѣстно кому принадлежащихъ, вытащено изъ рѣки и озера и выставлено для узнанія имени, въ особо для этого устроенномъ помѣщеніи. Просмотрѣлъ длинный списокъ привилегій, выданныхъ вашигтонскимъ правительствомъ на различныя изобрѣтенія; такой же списокъ нисемъ на имя лицъ, не оказавшихся на жительствѣ въ тѣхъ мѣстахъ, куда адресованы письма. Перешелъ, наконецъ, къ объявленіямъ, печатаннымъ шрифтами самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и стилей и занимающихъ цѣлыя полнѣе

шого формата. Отъ нечего дѣлать стали просматривать и ихъ. На послѣдней страницѣ, въ послѣднемъ столбцѣ, самымъ мелкимъ шрифтомъ пропечатано: *Arbeiter verlangt*. Прежде, при чтеніи здѣшнихъ газетъ мнѣ не случалось обращать вниманія на этотъ отдѣлъ объявленій. Теперь эти объявления меня очень заинтересовали. Здѣсь напечатано огромное число требованій, какъ на разныхъ ремесленниковъ, преимущественно ситарочниковъ и каменщиковъ, также землекоповъ на желѣзные дороги и просто рабочихъ на лѣсные дворы и для домашнихъ работъ. Вездѣ выставлены адреса, куда обратиться, условія работы и задѣльная плата. Я показалъ эти объявления мистеру Буману. «Да, отвѣчалъ онъ, здѣсь принято нанимателями, нуждающимися въ рабочихъ, публиковать объ этомъ въ газетахъ; это очень удобно какъ для нанимателей, такъ и для рабочихъ». — Но отчего же никто изъ хлопотавшихъ о помѣщеніи меня на мѣсто не свазалъ мнѣ объ этомъ? — «Они полагали, вѣроятно, что вы уже просматривали газеты и не нашли ничего подходящаго для себя. Кромѣ того, хлопоты о помѣщеніи кого-нибудь на мѣсто — отличный предлогъ для того, чтобы поговорить, пошумѣть и выпить лишній стаканъ пива. Я же не говорилъ вамъ ничего для того, чтобы вы на опытъ убѣдились, что на пустыхъ обѣщанія полагаться нечего. Кромѣ того эта бѣготня принесла вамъ пользу тѣмъ, что вы, сталкиваясь съ разнымъ народомъ, сами того не замѣчая, узнали многое, чему бы сторонній человѣкъ не скоро выучилъ васъ, и убѣдились, что недостаточно хотѣть работать, а надо умѣть достать работу. Теперь послушайте меня. Сегодня поздно, а завтра, какъ можно раньше, посмотрите, какая работа вамъ покажется подходящей, забирайте съ собой Якобса и отправляйтесь, нивому ничего не говоря, по пропечатанному адресу. Поработайте гдѣ придется, а тѣмъ временемъ не пропускайте удобнаго случая попасть въ механическую мастерскую, что, впрочемъ, я вамъ впередъ говорю, врядъ ли удастся ранѣе будущей весны, такъ какъ теперь къ осени дѣла идутъ тише, а зимой почти совсѣмъ стануть, а если теперь и случится надобность въ рабочихъ, то у формана всегда есть родственники или знакомые, которыхъ онъ и вотреть въ мастерскую преимущественно передъ чужими». Скоро пришелъ Якобсъ, раздосадованный не менѣе моего. Я сообщилъ ему новый способъ отыскиванія работы, что его очень обрадовало, и мы, полные новыхъ надеждъ, отправились домой.

На другой день часовъ въ пять утра я сбѣгалъ купить газету и мы принялись отыскивать подходящее занятіе, причемъ

положили постараться работать вмѣстѣ, такъ какъ вдвоемъ намъ больше удавалось, чѣмъ порознь. Балингъ, которому надо было идти на работу въ семь часовъ утра въ столярную мастерскую, отъ души смѣялся, какъ мы обсуждали родъ работы, на которую хотѣли рѣшиться. Онъ не могъ понять, какъ люди хлопчутъ о работѣ, когда у нихъ есть еще деньги, увѣряя, что когда послѣдній центъ выходитъ изъ кармана, родъ работы, за которую приходится взяться, не представляетъ такихъ затрудненій, и что когда карманъ пустъ, работа сама отыскиваетъ человѣка. Такой взглядъ на работу присущъ очень многимъ американскимъ рабочимъ изъ нѣмцевъ и постарше Балинга. Судьба подобныхъ личностей, вѣкъ свой оставаясь рабочимъ и никогда не достигнуть обезпеченнаго положенія.

Въ газетѣ значилось, что требуется много землекоповъ, циркульниковъ, уборщиковъ мусора, однимъ словомъ, рабочихъ, обладающихъ или спеціальными знаніями, или привычкою къ тяжелому физическому труду, къ чему ни я, ни Якобъ не имѣли достаточной подготовки. Поэтому вниманіе наше остановилось на объявленіи, гласившемъ: «Требуется восемьдесятъ рабочихъ собирать клѣтки для перевозки куръ. Особенно искусныхъ столяровъ не требуется, достаточно умѣющихъ владѣть пилой и молоткомъ. Инструментъ хозяйскій. Цѣна въ день (10 часовъ) два доллара. Продолжительная работа. Сюдъ-Кларкъ-стритъ, № 6, на лѣсномъ дворѣ въ конторѣ». Изъ всѣхъ объявленій, это ближе всего подходило къ нашимъ способностямъ. Пришли по напечатанному адресу, отыскиали контору лѣсного двора, гдѣ застали одного клерка, мальчика лѣтъ пятнадцати. Онъ записалъ наши имена и объявилъ, что работа начнется въ понедѣльникъ, т.-е., послѣ завтра, велѣлъ придти часовъ въ пять, съ тѣмъ чтобы переговорить съ самимъ баасомъ, котораго до того времени не будетъ въ конторѣ. Въ назначенный часъ передъ конторой мы встрѣтили толпу рабочихъ въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, начиная отъ щегольского спортука до оборванной, замаранной известью куртки, это были рабочіе, изъявившіе, подобно намъ, желаніе работать куринныя клѣтки. Въ конторѣ мы застали бааса, немолодого янки, довольно свободно говорившаго по-нѣмецки. Онъ съ перваго взгляда опредѣлилъ, что мы зеленые и что не принадлежимъ къ числу обыкновенныхъ поденщиковъ, почему пригласилъ насъ сѣсть, предложилъ по сигарѣ и сталъ разспрашивать, откуда мы, давно ли пріѣхали въ Чикаго, работали ли гдѣ-нибудь уже и думаемъ ли постоянно заниматься черной работой или на-дѣмся начать какое-нибудь дѣло. Узнавъ, что мы еще нигдѣ

не работали и положительно не составили себѣ плана для дальнѣйшихъ дѣйствій, онъ сказалъ: «Работать черную работу для человѣка, непривыкшаго къ ней съ малолѣтства, трудно и скоро надоедаетъ. Заняться какимъ-нибудь предпріятіемъ, повидимому, гораздо легче, въ особенности если есть нѣсколько денегъ. Но какъ легко начать дѣло, такъ трудно, не зная мѣстныхъ условій, привести его къ хорошему результату. Многіе эмигранты кидаются на выгодныя, повидимому, спекуляціи, теряютъ свои деньги и поневолѣ должны браться за черную работу, которой избѣгали съ начала. Немногіе выдерживаютъ характеръ, учатся работать сами, знакомятся тѣмъ временемъ съ языкомъ, обычаями и другими мѣстными условіями, и тогда уже съ твердою почвою подъ ногами берутся за прочное предпріятіе. Желаю, чтобъ вы принадлежали къ послѣднимъ, а теперь въ добрый часъ съ семи часовъ утра въ понедѣльникъ за работу. Замѣчу, что въ этомъ платьѣ ходить на работу не стоить, постарайтесь обзавестись настоящимъ рабочимъ платьемъ. Какъ приняться за работу, вамъ покажетъ форманъ, я попрошу его объ этомъ.» Потомъ онъ сообщилъ намъ, что занимается торговлею лѣсными матеріалами и взялся теперь, изъ накопившихся у него въ значительномъ количествѣ узкихъ досокъ, сколотить вѣтки для перевозки вуръ на предстоящую выставку въ Висконзингъ.

Очень довольные, что нашли хоть какую-нибудь работу, мы купили по полному рабочему костюму, состоящему изъ куртки, штановъ и фартука, сдѣланныхъ изъ грубой синей бумажной матеріи, что обошлось намъ по два доллара, и въ очень веселомъ расположеніи духа возвратились домой.

Въ понедѣльникъ, послѣ сытнаго брѣкфаста, одѣвшись въ новый мундиръ, безъ четверти въ семь часовъ утра были уже у конторы лѣсного двора въ Кларкъ-стритъ. Скоро собрались всѣ восемьдесятъ человѣкъ. Въ семь часовъ баасъ сдѣлалъ поимянную окличку рабочимъ, отдѣливъ знающихъ англійскій языкъ отъ незнающихъ; незнающихъ по-англійски, къ которымъ принадлежали и мы, оказалось ровно половина, т.е. сорокъ человѣкъ. Это были все нѣмцы, недавно прибывшіе изъ Европы. Онъ передалъ насъ въ распоряженіе перваго формана, который, съ своей стороны, сдалъ насъ двумъ вторымъ форманамъ, изъ которыхъ одинъ, американецъ, получилъ въ распоряженіе англійскую артель; другой, нѣмецъ, давно живущій въ Америкѣ, насъ или нѣмецкую артель. Англійскую артель назначили носить доски со двора, гдѣ онѣ помѣщались, въ сарай, гдѣ, распиливъ ихъ по данной мѣрѣ, должны складывать въ небольшія бучки, такъ,

чтобы нѣмецкой артели было удобно брать и сколачивать самыя клѣтки. Нѣмецкую артель отвели въ сарай, разбили на восемь партій, по пяти человекъ каждая. На партію выдали два молотка, клещи для выдергиванія неправильно вбитыхъ гвоздей и в боченку машиннаго гвоздя. Каждому назначили особую работу. Одинъ накладывалъ приготовленные бруски на надлежащее мѣсто, — двое сколачивали ихъ перекладинами, двое относили готовныя клѣтки въ особый, отведенный для этой цѣли сарай, на дворъ. Когда каждая партія окончила по пяти клѣтокъ, второй форманъ велѣлъ остановиться работать и далъ отдохнуть минутъ пять, причѣмъ желающіе могли выйти на дворъ покурить. По истеченіи пяти минутъ опять принялись за дѣло, но тутъ переѣхались работой. Кто прежде носилъ клѣтки, сталъ работать молоткомъ, а тотъ носить. Такимъ образомъ, послѣ каждыхъ пяти клѣтокъ, отдыхая и переѣхиваясь работой, мы доработали до 12-ти часовъ. Съ двѣнадцати до часу время обѣда. Нѣкоторые рабочіе, живущіе близко, отправились домой, другіе размѣстились тутъ же и вынувъ свой обѣдъ изъ небольшихъ жестяныхъ судочковъ или корзиночекъ, пообедали наскоро и отправились въ ближайшій салонъ. Мы не взяли съ собой обѣда, потому должны были съѣздить по конно-желѣзной дорогѣ домой. Въ часъ пополудни, когда опять начинается работа, насъ заставили носить и пилить доски, а сколачивать клѣтки — англійскую артель. На другой день то же самое, и такъ до субботы, только мы уже не ходили домой, а брали обѣдъ съ собой. Остальное время до часу проходило въ разговорахъ съ товарищами по работѣ, не ходившими въ салонъ, и въ осмотрѣ завода для механической обработки дерева, находящагося тутъ же на лѣсномъ дворѣ и принадлежащаго также нашему баасу. Баасъ былъ настолько любезенъ, что самъ проводилъ меня по заводу, объясняя выгоду употребленія строительныхъ и другихъ машинъ передъ ручною работою. Вообще, онъ утверждалъ, что при машинахъ, на его заводѣ, одинъ человекъ производитъ столько работы, сколько при ручныхъ инструментахъ едва ли бы могли произвести отъ двѣнадцати до пятнадцати искусныхъ рабочихъ. Въ теченіе недѣли мы приготовили 2500 клѣтокъ. Вотъ расчетъ ихъ стоимости. Матеріалъ, еслибы его купить нарочно для этой цѣли, обошелся бы для каждой клѣтки въ 50 центовъ; слѣдовательно, на всѣ клѣтки 1250 долларовъ; гвоздей пошло на 80 долларовъ; работа, 480 рабочихъ дней по 2 доллара — 960 долларовъ; жалованья первому форману 40 долларовъ; двумъ вторымъ по 25 долларовъ — 50 долларовъ; доставка клѣтокъ до вокзала желѣзной дороги, согласно

условію, сто долларовъ. Итого 2480 долларовъ. По условію за каждую клѣтку баасъ долженъ получить по два доллара, всего 5000 д., за вычетомъ расхода 2480 долларовъ, чистой прибыли 2520 долларовъ. Заработокъ недурной для одной недѣли. Кромѣ того, матеріалъ для клѣтокъ не былъ купленъ, а состоялъ изъ слегка оструганныхъ остатковъ отъ досокъ, дѣланныхъ для перегородокъ въ домахъ. Эти остатки обыкновенно продаются какъ дрова худшаго качества и самъ баасъ говорилъ, что считалъ бы для себя выгоднымъ продать эти остатки, занимающіе понапрасну мѣсто, за какихъ-нибудь 250 или 300 долларовъ. Взявшись дѣлать клѣтки, онъ и эти остатки сбылъ съ девятьюстами пятьюдесятью долларовъ барыша, такъ что полный барышъ можно считать въ 3470 д. Въ субботу вечеромъ, по окончаніи работы, баасъ внесъ въ сарай небольшой столикъ, складной стулъ и большую прихода-расходную книгу. Объявивъ, что работа кончена, почему въ понедѣльникъ намъ незачѣмъ приходить, онъ усѣлся на стулъ верхомъ и принялся производить расчетъ, выкливая рабочихъ поимянно. Въ толпѣ ирландцевъ, стоявшихъ отдѣльною группою (ихъ было человекъ 30), поднялся ропотъ неудовольствія, перешедшій скоро въ громкія ругательства. Несмотря на очень нелицеприятныя эпитеты, какими обзывали его ирландцы, обвинявшіе его въ надувательствѣ, такъ какъ въ объявленіяхъ значилась продолжительная работа, а не работа на одну недѣлю, баасъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ вызывалъ поочередно рабочихъ, отдавалъ слѣдующія имъ деньги, вписывалъ въ книгу, какъ будто весь этотъ крикъ вовсе до него не относился. Толпа мало-по-малу подошла къ самому столу и одинъ изъ ирландцевъ, посмѣявшись надъ другими, взялъ бааса за руку. Не успѣлъ онъ этого сдѣлать, какъ баасъ съ силою и ловкостью, какой я отъ него никакъ не ожидалъ, глядя на его худошавую фигуру, вскочилъ со стула и угодилъ дерзкаго ирландца такимъ толчкомъ, что тотъ растянулся во весь ростъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стола, при громкомъ хохотѣ не принимавшихъ участія въ буйствѣ рабочихъ. Въ то же время въ сарай вошли два полицмена, вѣроятно заранее предупрежденныхъ о могущемъ произойти безпорядкѣ, и отгнали толпу отъ стола. При появленіи полиціи ругательства прекратились и расчетъ былъ оконченъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ скандаловъ. Этотъ случай сильно противорѣчилъ съ мнѣніемъ, составленнымъ мною объ отношеніяхъ хозяина къ рабочимъ, и со всѣмъ, что я до сихъ поръ видѣлъ, почему я старался тутъ же разузнать, что было причиной этой исторіи. Одинъ изъ полицменовъ, нѣмецъ, на вопросъ мой объяснилъ мнѣ, что

этотъ фактъ никакъ нельзя считать общимъ правиломъ, это очень рѣдко повторяющійся, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ случаевъ. Эти ирландцы недавно пріѣхали изъ Европы, гдѣ на своей родинѣ привыкли ко всякимъ притѣсненіямъ со стороны хозяевъ и должны, такъ сказать, силою настаивать на удовлетвореніи своихъ самыхъ справедливыхъ требованій. Переѣхавъ въ Америку, они не оставили своей глубоко вкоренившейся привычки смотрѣть съ ненавистью на всякаго хозяина и видѣть во всякомъ его дѣйстви обманъ; также не оставили наклонности къ буйству и грубому насилию. Понимая ложно значеніе американской свободы, они полагаютъ, что подъ этимъ именемъ подразумѣвается возможность дѣлать безнаказанно всякія безобразія. Они причиняютъ много хлопотъ и возни полиціи, пока опытомъ не узнаютъ, что за всякое безобразіе въ Америкѣ взыскивается строже, чѣмъ въ Англіи. Полисменъ подтвердилъ мнѣ обстоятельство, слышанное мною еще въ Европѣ, что природный американецъ или объамериканившійся европеецъ рѣдко попадаетъ въ тюрьму, всѣ же тюрьмы, имѣющіяся въ городахъ Союза, переполнены переселенцами изъ Европы, не пробывшими и пяти лѣтъ въ Америкѣ. Большая часть этихъ, такъ хорошо отблагодарившихъ республику за ея гостепримство, преступниковъ, преимущественно ирландцы. Вообще ирландцы составили о себѣ здѣсь мнѣніе, какъ о народѣ самомъ невѣжественномъ, грубомъ, лѣнивомъ и склонномъ къ пьянству и буйству. Въ данномъ случаѣ, партія ирландцевъ, работавшая при нагрузкѣ судовъ, гдѣ платятъ только одинъ долларъ въ день, соблазнилась платою въ два, при сравнительно легкой работѣ, не узнавъ хорошенько, что понимаютъ подъ неопредѣленнымъ словомъ «продолжительная работа», гуртомъ оставили работу на пристани, чѣмъ надѣлали много хлопотъ своему прежнему хозяину. Теперь, когда, проработавъ недѣлю, они получили расчетъ и не имѣли въ виду другой работы, то по привычкѣ, сдѣланной въ Ирландіи, думали силою заставить хозяина или дать работу, или заплатить за нѣсколько дней впередъ, такъ какъ о времени расчета ихъ не предупредили заранее. Янки, съ американской точки зрѣнія, былъ тоже правъ. Онъ не обращалъ никакого вниманія на неосновательныя ругательства, которыя и передъ судомъ не считаются здѣсь оскорбленіемъ. Но какъ только слова перешли въ дѣйствіе и ужъ стали добираться до его личности, онъ избралъ кратчайшій способъ оградить себя помощью кулачной расправы, рассчитывая на то, что всякое быстрое, рѣшительное дѣйствіе способиѣ всего расположить толпу рабочихъ въ его пользу.

При расчетѣ, хозяинъ, отдавая мнѣ и Якобусу деньги, очень привѣтливо сказалъ намъ, что несмотря на замѣченную въ первые два дня непривычку къ работѣ, онъ, по отзывамъ формана, находитъ, что вообще мы принадлежали къ самымъ добросовѣстнымъ и полезнымъ рабочимъ нашей артели, что продолжая исполнять такъ же взятые на себя обязанности, что никогда не ускользаетъ отъ глаза формана, мы скоро освоимся съ работой и найдемъ возможность приискать занятія, болѣе подходящія намъ, чѣмъ занятія поденщиковъ, чего онъ отъ души намъ желаетъ.

Полученные мною двѣнадцать долларовъ, приправленные еще отзывомъ хозяина, доставили мнѣ большое удовольствіе. Это были первые деньги, заработанные мною буквально собственными руками.

Въ физическомъ отношеніи, эта первая недѣля тяжелой работы не произвела на меня особенно сильнаго впечатлѣнія. Правда, къ вечеру всякаго дня я чувствовалъ себя крайне утомленнымъ, и вообще, несмотря на крѣпость и значительную силу, уставалъ скорѣе рабочихъ, гораздо слабѣйшихъ меня. Но это происходило оттого, что, непривычный къ постоянному усилію въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, я слишкомъ горячо принимался работать сначала, не умѣлъ во-время сгулять и отъ непривычки долженъ былъ пускать въ ходъ силу, гдѣ другіе брали умѣньемъ и сноровкой. Тасканье тяжелыхъ клѣтокъ было просто мученьемъ первые два дня. Ихъ приходилось брать за четырехугольные бруски, ставить угломъ бруска на плечо и нести, придерживая рукою за тѣ же угловатые бруски, довольно большое пространство. При этомъ всякій невѣрный шагъ товарища, неспяга за другой конецъ, больно отзывался на плечѣ и рукахъ. Въ первый же день на рукахъ появились водяные мозоли. На другой день, при переносѣ первой же клѣтки, я ихъ раздавилъ, и они причиняли мнѣ почти невыносимую, тупую боль, нѣсколько похожую на зубную; вечеромъ я не могъ сжать пальцевъ. Потомъ слѣдующіе дни боль мало-по-малу прекратилась, мозоли засохли и приносили огромную пользу тѣмъ, что послѣдніе дни острые края брусковъ не производили никакого впечатлѣнія на руку, какъ будто я брался за что-нибудь круглое, мягкое. Эта первая недѣля убѣдила меня, что барское воспитаніе, полученное мною, не окончательно сдѣлало меня неспособнымъ къ физическому труду. При незначительной практикѣ, я, вѣроятно, освоюсь съ работами ручной работы; это очень важно потому, что во мнѣ недостаточное, какъ къ несчастію привыкли думать

въ Россіи, распорядиться и указать что дѣлать; необходимо, чтобы распорядитель зналъ какъ сдѣлать и, при случаѣ, могъ бы сдѣлать самъ; тогда только возможна правильная, добросовѣстная работа со стороны рабочихъ и успѣшный ходъ самаго дѣла.

Въ воскресенье я вполнѣ оцѣнилъ значеніе отдыха послѣ шести дней работы и понялъ всю цѣлесообразность строго соблюдаемаго здѣсь американскаго обычая. Проработавъ шесть дней, американецъ ни за что не возьмется работать въ воскресенье; это—день отдыха, когда, сходявъ въ церковь той секты, къ которой принадлежитъ, онъ цѣлый день проводитъ дома въ семействѣ или за чтеніемъ газеты, причемъ вся фигура его въ это время, съ надѣтой на затылокъ шляпой, съ поднятыми выше головы, отекившими отъ шестидневнаго напряженія ногами, выражаетъ, что этотъ человѣкъ вполнѣ наслаждается отдыхомъ и сознаетъ, что вполнѣ заслужилъ этотъ отдыхъ.

Въ понедѣльникъ утромъ мы въ газетахъ нашли, что въ столярную мастерскую требуются два варнишера. Густавъ объяснилъ, что обязанность варнишера—полировать и крыть лакомъ сдѣланную вчернѣ мебель; работа нетрудная и нѣсколько знакомая какъ мнѣ, такъ и Якобсу. Плата два доллара въ день. Отправились по адресу. Мѣста вѣзаныты; а какъ было уже семь часовъ утра, то тотчасъ же поступили на работу. Нашъ баасъ занимался приготовленіемъ верхнихъ досокъ и ящичковъ для швейныхъ машинъ. Мастерская приводилась въ движеніе паровою машиною. Порядокъ работы былъ таковъ: рабочій у пильнаго станка нарѣзаетъ доски по мѣрѣ и передавалъ ихъ другому, на строгальный станокъ. Оттуда выстроганныя доски поступали на машину, гдѣ ихъ обрѣзали по требуемой формѣ, снабжали разными вырѣзками и украшеніями и передавали въ сборочную мастерскую. Въ этомъ отдѣленіи мастерской работали при машинахъ шесть человѣкъ, включая машиниста, управлявшаго паровою машиною въ особой каменной пристройкѣ. Въ сборочной мастерской двадцать человѣкъ работали уже руками, склеивали и собирали заготовленные доски, сушили въ нарочно устроенной для этого печи и передавали въ отдѣлочную, гдѣ въ ящики вѣзали петли, замки и металлическія украшенія, полировали песчаной бумагой, крыли лакомъ и наконецъ упаковывали, для отправки въ магазинъ швейныхъ машинъ. Въ этомъ отдѣленіи работало пятнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ восемь варнишеровъ, къ которымъ принадлежали и мы съ Якобсомъ. Вся мастерская помѣщалась, какъ это мнѣ слоня и рядомъ случалось видѣть, при моей бѣготнѣ по разнымъ мастерскимъ, въ тесовомъ баракѣ, похожемъ скорѣе на

сѣнной сарай, чѣмъ на фабрику, приводимую въ движеніе паромъ, и на которой работаетъ до сорока человекъ. Только пристройка для паровой машины каменная, въ одинъ кирпичъ. Европейцу, привыкшему къ тому, что мастерскія помѣщаются въ капитальныхъ, дорого стоящихъ зданіяхъ, съ перваго раза кажется странной эта, такъ-сказать, небрежность въ устройствѣ помѣщенія, гдѣ поставлено машинъ на нѣсколько десятковъ и даже сотенъ тысячъ долларовъ.

Какъ велико количество ящиковъ, приготовляемыхъ на этой фабрикѣ, я не могу сказать, такъ какъ это можно бы было узнать въ концѣ недѣли; но, по непредвидѣнной катастрофѣ, о которой я скажу ниже, намъ не пришлось проработать цѣлой недѣли на этой фабрикѣ. Изъ разговоровъ я узналъ, что фирмы, торгующія швейными машинами, однимъ изъ самыхъ прибыльныхъ товаровъ, не имѣютъ мастерскихъ для приготовленія машинъ. Они заказываютъ отдѣльныя части на нарочно устроенныхъ для этой цѣли столярныхъ, литейныхъ и слесарныхъ мастерскихъ, и занимаются только сборкой, вывѣркой и продажей машинъ, причемъ получаютъ львиную долю барыша.

До обѣда перваго дня я шлифовалъ песчаной бумагой ящики и доски для столиковъ, а Якобъ крылъ ихъ лакомъ. При этомъ на рукахъ у меня прибавилось число мозолей на мѣстахъ, гдѣ не удалось ихъ натереть при переносѣ вѣтокъ. Послѣ обѣда мы перемѣнились работой съ Якобомъ: онъ сталъ шлифовать, а я крыть лакомъ. Вечеромъ баасъ выдалъ намъ по квитку, или по карточкѣ, на которой значилось, что предъавитель имѣетъ получить отъ него, за произведенную такого-то числа работу, два доллара. Такимъ образомъ мы проработали до пятницы вечера. Эта работа гораздо легче сбиванія вѣтокъ; уставали только ноги отъ десятичасового стоянья у верстака. Въ субботу утромъ, за четверть часа до свистка, дающаго знать о началѣ работы, ровно въ 7 часовъ, мы, по обыкновенію, пришли къ мастерской, но, къ великому удивленію, нашли всѣ двери запертыми. На дверяхъ и окнахъ нижняго этажа красовались огромныя красныя печати. Скоро собрались всѣ рабочіе и порѣшили, что это печати шерифа, и что, вѣроятно, нашъ баасъ обанкротился. Значить, наши деньги пропали или совсѣмъ, или придется получить нѣсколько центовъ за долларъ, и то если найдутся охотники скупить наши квитки. Всѣ рабочіе усѣлись у мастерской ждать, что будетъ дальше, а мы съ Якобомъ рѣшили поступить такъ: я остался ждать съ другими, а онъ отправился къ Буману спросить, что лучше предпринять.

Въ 7 часовъ легкое бегте, запряженное отличной лошадыю, остановилось противъ насъ. Изъ него вышелъ джентльменъ, въ которомъ рабочіе узнали констебля. Констебль объявилъ намъ, что, по приговору суда, заведеніе мистера Валя (имя нашего бааса) арестовано и будетъ продано съ аукціона за долги; вынулъ бумагу, и сталъ выкликать насъ поименно, спрашивая, вѣрно ли показано мистеромъ Валею количество денегъ, заработанныхъ каждымъ. Списокъ оказался совершенно согласнымъ съ количествомъ квитковъ, выданныхъ рабочимъ. Затѣмъ констебль объявить, что мы имѣемъ право получить свои деньги изъ арестованнаго имущества наравнѣ съ другими кредиторами, требовавшими непременно продажи заведенія. Полная сумма долга оказалась 40,520 долларовъ. Заведеніе оцѣнено въ десять тысячъ долларовъ, такъ что кредиторы получаютъ по двадцати центовъ за долларъ, если на аукціонѣ не набавятъ цѣну. Кромѣ того, констебль сообщилъ, что тѣ, которые могутъ ждать три недѣли—срока, когда назначена продажа мастерской, пусть подадутъ заявленіе о количествѣ слѣдующихъ имъ денегъ шерифу. Кто-же нуждается въ деньгахъ, тотчасъ можетъ продать свои квитки одному юристу, съ которымъ констебль уже переговаривалъ, и который черезъ нѣсколько минутъ прійдетъ. Дѣйствительно, скоро подѣхалъ пожилой джентльменъ и, при посредствѣ констебля, сталъ торговаться съ рабочими. Констебль, видимо, держалъ нашу сторону. Въ это время Якобъ вернулся тоже. Буманъ совѣтовалъ, если возможно, продать квитки по чемъ дадутъ, чтобы избавиться отъ дальнѣйшей возни, которая, по его словамъ, не принесетъ ничего, кромѣ убытка. Послѣ довольно долгаго торга, юристъ согласился дать по 25 центовъ за долларъ, и всѣ отдали свои квитки за эту цѣну, такъ что мнѣ пришлось получить два доллара вмѣсто заработанныхъ восьми. Замѣчательно при этомъ, что, несмотря на то, что многіе изъ рабочихъ громко выражали свою досаду, что приходится получать только четвертую часть денегъ, на которыхъ рассчитывали, никто и не думалъ изъявлять неудовольствій или какихъ-нибудь претензій на мистера Валя, нашего бааса. На мое замѣчаніе по этому поводу, съ которымъ я обратился къ одному старому, давно живущему въ Америкѣ столяру, тотъ мнѣ отвѣчалъ: «Да на что-же тутъ претендовать? обанкротиться можетъ всякій. Вѣдь онъ не укралъ наши деньги, и въ этой катастрофѣ потерялъ не нѣсколько рабочихъ дней, а все, что кровью и потомъ добылъ въ теченіи десятковъ лѣтъ постоянной работы. Я долго работалъ у него, и могу сказать, что онъ честный и хороший человекъ; такъ что, если ему удастся вывернуться теперь

и снова начать работать, я первый пойду къ нему и дамъ кредитъ въ заработной платѣ, пока будетъ чѣмъ кормить мою семью. Вѣроятно, и остальные сдѣлають то же». Многіе изъ рабочихъ, слышавшихъ эти слова, были вполне согласны съ ними. Позже я слышалъ, что мистеръ Валь не допустилъ мастерской до продажи — вонелъ въ сдѣлку съ кредиторами, такъ что чрезъ недѣлю, при помощи прежнихъ своихъ рабочихъ, помогшихъ ему не только работой, но и скопленными деньгами, снова повелъ такъ непріятно прерванное дѣло.

Разсказывая фактъ, предоставляю судить самому читателю, насколько полезно вліяетъ такой взглядъ и образъ дѣйствій на успѣхи промышленности, — успѣхи, которые въ Америкѣ уже теперь превзошли самыя смѣлыя ожиданія, и, — если существующія отношенія между хозяиномъ и рабочимъ не измѣнятся, — представлять вѣроятно такіе размѣры, какіе трудно даже вообразить.

Было уже поздно искать работы, почему мы съ Яеобсомъ пошли домой и вечеромъ отправились въ Буману. Въ салонѣ Клуге сообщилъ, что меня уже съ полчаса ждетъ джентльменъ, и подозвалъ какого-то красиваго молодого человѣка. «Вы меня, кажется, не узнаете?» сказалъ тотъ, подходя. «Мы на прошлой недѣлѣ работали въ Кларкъ-стритѣ». Съ перваго раза, подъ щегольскимъ костюмомъ, я не могъ узнать рабочаго, съ которымъ работалъ въ одной партіи и часто разговаривалъ въ свободное время. «Вы мнѣ говорили, что вы русскій и не знаете, какъ найти земляковъ. На-дняхъ у насъ на сѣверной сторонѣ одинъ русскій открылъ салонъ. Вы говорили, что такъ же бываете часто у Бумана; а такъ какъ мнѣ нужно было быть въ этой сторонѣ, то я и зашелъ сообщить вамъ объ этомъ. Идите скорѣе повидайтесь съ соотечественникомъ. Я — чехъ, и по пріѣздѣ въ Америку съ годъ не наткнулся на земляковъ, потому понимаю, что значить увидаться съ своимъ и поговорить на родномъ языкѣ». Я не зналъ какъ благодарить его за сообщенное свѣдѣніе, и побѣжалъ на сѣверную сторону по данному адресу. Отыскавъ новый, только-что отстроенный салонъ, я спросилъ тамъ о русскомъ. Представьте мое огорченіе, когда оказалось, что хозяинъ вовсе не русскій, а лейпцигскій еврей, прожившій нѣсколько лѣтъ въ Россіи и научившійся говорить страшно-ломаннымъ русскимъ языкомъ, что не мѣшало ему однако очень гордиться знаніемъ русскаго языка и называть себя изрѣдка русскимъ. Онъ очень обрадовался моему приходу, оставилъ стойку и торговлю на попеченіе своего компаньона и пригласилъ меня къ себѣ въ комнату пить чай по-русски, то-есть съ самоваромъ. Въ Америкѣ

завариваютъ чай на плитѣ, отчего онъ далеко уступаетъ вкусомъ чаю, заваренному при помощи самовара, какъ это мы привыкли дѣлать въ Россіи. Мистеръ Розенфельдъ (такъ звали моего новаго знакомаго) оказался очень неглупымъ, веселымъ и, насколько можно судить по первому знакомству, хорошимъ человекомъ. При разговорѣ на знакомомъ языкѣ о далекой родинѣ, за пріятно шумящимъ самоваромъ, незамѣтно пролетѣлъ для меня вечеръ, и было далеко за полночь, когда я наконецъ собрался идти домой, къ своимъ нѣмцамъ. Изъ разсказовъ Розенфельда я узналъ, что онъ лѣтъ десять жилъ въ Россіи въ качествѣ приказчика одного лейпцигскаго дома, занимающагося торговлей пушнымъ товаромъ. Сколотивши около пятнадцати тысячъ рублей, онъ задумалъ съ этими деньгами попытаться счастья въ Америкѣ, куда и пріѣхалъ два года тому назадъ. Но здѣсь ему не повезло. Недобросовѣстный компаньонъ, съ которымъ онъ началъ мѣховую торговлю, обобралъ его дочиста въ первый же мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Нью-Йоркъ, такъ что, безъ гроша денегъ, онъ долженъ былъ перебиваться то играя на фортепьяно, для привлеченія публики въ салоны, то разнося товаръ въ коробки по фермамъ, то занимаясь даже черной работой, къ которой, по слабому сложенію и совершенной непривычкѣ, былъ вовсе неспособенъ. Последнее время онъ какъ-то попалъ приказчикомъ въ магазинъ ювелира, гдѣ прослуживъ около мѣсяца, сбилъ столько денегъ, что могъ исправить свой, пришедшій въ сильный беспорядокъ, костюмъ; выхлопоталъ мѣсто агента страховой компаніи, гдѣ въ три мѣсяца заработалъ 200 долларовъ чистыми деньгами, сошелся съ теперешнимъ компаньономъ, имѣвшимъ около ста долларовъ наличныхъ денегъ, и открылъ салонъ, на которомъ думалъ поправиться и со временемъ взяться опять за мѣховую торговлю. Изъ русскихъ въ Чикаго онъ встрѣчался только съ двумя, изъ которыхъ одинъ, очень молодой человекъ, сильно бѣдствовалъ, но на дняхъ получилъ деньги изъ Россіи, куда и уѣхалъ. Другой былъ виждѣ съ Розенфельдомъ приказчикомъ у ювелира, но потерявъ мѣсто, толкается теперь по городу, живя на тѣ ничтожныя средства, которыя зарабатываетъ его жена уроками пѣнія и музыки. Адресъ его Розенфельду неизвѣстенъ. Еще слыхалъ онъ, что въ Чикаго живетъ одинъ очень богатый русскій, бывшій генераломъ въ сѣверныхъ войскахъ въ послѣднюю американскую войну; но кто онъ такой и гдѣ его квартира—тоже не знаетъ. Вечеромъ Розенфельдъ не иначе отпустилъ меня домой, какъ взявши слово непремѣнно придти на другой день, то-есть въ воскресенье, обѣщая познакомить меня съ нѣсколькими личностями, могущими мнѣ

быть очень полезными. Согласно общанію, въ воскресенье вечеромъ я пришелъ въ Розенфельду, гдѣ засталъ нѣсколько чело-вѣкъ, хозяевъ кирпичныхъ заводовъ, которые работаютъ кирпичъ изъ глины, добываемой со дна Чикаго-Ривера. Чикаго-Риверъ слишкомъ мелокъ для прохода большихъ судовъ, почему его углубляютъ на нѣсколько футовъ. Нѣсколько землечерпательныхъ машинъ вынимаютъ со дна огромныя массы синей глины и вываливаютъ ихъ на берегъ. Предпримчивые люди воспользовались этимъ прекраснымъ матеріаломъ, дающимъ отличный, желтоватаго цвѣта кирпичъ, и построили около мѣста, гдѣ свалена глина, нѣсколько десятковъ заводовъ, снабжающихъ городъ кирпичемъ. Одинъ изъ хозяевъ, по имени Кастень, по случаю подряда, долженъ былъ усилить заводъ и нуждался въ рабочихъ. Работа на кирпичныхъ заводахъ считается одною изъ самыхъ тяжелыхъ, почему, несмотря на три доллара поденной платы простому землекопу, рабочіе идутъ неохотно.

Мистеръ Кастень согласился взять меня и Якобса съ тѣмъ, что будетъ платить намъ первое время, глядя по работѣ, такъ какъ она, вѣроятно, покажется намъ кислой, по его собственному выраженію. Я сообщилъ объ этомъ Якобсу, и въ понедѣльникъ мы принялись копать вязкую глину. Проработавъ часа два, Якобсъ бросилъ лопату, сказалъ, что Богъ съ ними и съ деньгами, если изъ-за нихъ приходится ломать себѣ кости, и ушелъ домой, такъ что я остался работать одинъ. На кирпичномъ заводѣ работа распредѣлена слѣдующимъ образомъ. Артель землекоповъ наваливаетъ глину изъ кучъ на берегу въ большія фуры, запряженные парю лошадей или муловъ, которыми глина перевозится на самый заводъ, въ большія, круглыя, глубиною въ аршинъ ямы. Здѣсь въ сухой глинѣ прибавляютъ нужное количество воды и мнутъ ее, помощью особаго снаряда, состоящаго изъ круглаго вала съ винтовымъ нарѣзомъ, прикрѣпленнаго къ вертикальной оси, стоящей въ центрѣ ямы. На концѣ вала, противоположномъ прикрѣпленному къ оси, придѣланъ валекъ и построение для лошади, приводящей снарядъ въ движеніе. На валъ надѣвается большое колесо, сажени двѣ въ діаметрѣ съ толстымъ ободомъ, чугунною шиною, съ гачной нарѣзкой во втулкѣ. Когда лошадь тянетъ валъ въ одну сторону, колесо своею тяжестью разминаетъ глину и движется по винтовымъ нарѣзамъ отъ вальца къ оси, описывая все меньшіе и меньшіе круги; когда оно подходит къ самой оси, лошадь заставляютъ идти въ другую сторону, отчего колесо начинаетъ удаляться отъ оси. При этомъ глина переминается отлично. Изъ смятой такимъ образомъ глины формуютъ

сырецъ. Это дѣлается или руками или машиной. На заводѣ Кастана работали три машины и кромѣ того десять столовъ для ручной формовки. Для ручной формовки глина прямо изъ ямы, гдѣ ее смяли, накладывалась землекопомъ на столъ, поставленный у ея края. Здѣсь мастеръ, или по-русски порядовщикъ, набивалъ ее въ подставляемые ему формы. Два рабочихъ, обыкновенно мальчики лѣтъ семнадцати, исключительно занимались тѣмъ, что обливали формы водой, посыпали пескомъ и подкладывали подъ руку порядовщику, такъ что ему оставалось только набивать глину. Другихъ два рабочихъ снимали набитыя формы со стола, складывали на двухколесную тачку и отвозили на полянку, гдѣ опрокинувъ форму выкладывали кирпичъ для просушки, а форму отвозили обратно къ столу для послѣдующей набивки. Формы употребляли не одиночныя, а имѣющія восемь отдѣленій, соответствующихъ величинѣ сырца, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, чѣмъ употребляемый въ Россіи. Каждый столъ обязанъ сдать 1050 формъ или 8400 кирпичинъ въ день. По окончаніи урока, рабочіе каждаго стола обязаны перевернуть кирпичъ на полянкѣ для равномерной просушки и сложить въ ёлки просушенный сырецъ, формованный накануне для окончательной просушки.

При формовкѣ машиной, глина изъ ямы поступаетъ въ особую кадъ съ вертикальной вращающейся осью, снабженной горизонтальными ножами, гдѣ она еще разъ переминается и освобождается отъ камней и другихъ случайныхъ примѣсей. Изъ этой кади она черезъ отверстіе у нижняго дна переходитъ въ машину, вдавливающую ее въ подставляемые формы, сходными съ употребляемыми при ручной формовкѣ. Три землекопа накладываютъ глину изъ ямы въ кадъ, четыре рабочихъ приготавливаютъ пустыя формы и вынимаютъ изъ машины набитыя глиной, которыя шесть тачечниковъ отвозятъ на полянку. Ось въ кади и прессъ кирпичедѣлательной машины приводится въ движеніе лошадыю или муломъ, запряженнымъ въ простой деревянный приводъ и находящемся въ вѣдѣніи погонщика, мальчика лѣтъ 10—11-ти. Машина должна сдать въ день 25,450 кирпичинъ. Просушенный на солнцѣ сырецъ, приготовленный какъ руками, такъ и машиной, свозится на лошадахъ въ тесовымъ навісамъ, подъ которыми изъ него складывается напольная печь для обжига. Печь складывается изъ 300 или 500 тысячъ кирпичинъ. Обжигомъ завѣдуетъ особый обжигало съ своими помощниками, нанятыми не отъ бааса, а отъ него самого. Плату получаетъ онъ за каждую печь по сту долларовъ. Обжигъ печи продолжается 12 дней, послѣ чего кирпичъ складывается въ особый, крытый тесомъ

сарай для розничной продажи или прямо изъ печи отвозится на мѣсто постройки, куда запряженъ. Каждые три дня складывается новая печь изъ заготовленнаго въ это время сырца, взаимѣнъ печи, обжигъ которой конченъ, такъ что подъ надзоромъ обжигали всегда пять печей. Для присмотра за печами и подкладки дровъ, обжигало держитъ шесть рабочихъ съ платою по два доллара въ день каждому. Занятіе обжигали чрезвычайно выгодное, хотя требуетъ большого навыка и постоянного присутствія при печахъ, такъ что, напримѣръ, нашъ обжигало, ирландецъ, во все лѣто ни разу не отлучался съ завода далѣе салона, гдѣ выпивъ свой стаканъ виски, опять бѣжалъ къ своимъ печамъ, около которыхъ спалъ, какъ и гдѣ придется. Рабочіе у него были подобраны довольствовавшіеся двумя долларами въ день, при 18-ти часовой работѣ. Это были личности способныя работать развѣ только подъ руководствомъ крутого ирландца, обходившагося съ ними деспотически. Они отъ излишняго употребленія виски стали какими-то идіотами, и несмотря на строгость своего хозяина не упускали случая увернуться и напиться мертвецки пьяными. Несмотря на ненадежность такихъ помощниковъ, обжигъ шелъ чрезвычайно успѣшно, кирпичъ обжигался одинаково во всѣхъ частяхъ печи, и число лопнувшихъ и искривившихся кирпичей никогда не доходило до 50-ти на тысячу, что допускалось по договору. Рассказавши вератцѣ ходъ работы, постараюсь передать ходъ самаго предпріятія, какъ я его слышала отъ самого Кастена.

Мистеръ Кастенъ въ компаніи съ другимъ джентльменомъ, рѣдко бывавшимъ на заводѣ, и занимавшимся сдачею кирпича по подрядамъ, заключеніемъ новыхъ подрядовъ, закупкою дровъ и вообще внѣшнею стороною предпріятія, взялся приготовить въ теченіе лѣта отъ 6-ти до 7-ми милліоновъ кирпича для различныхъ строящихся зданій въ городѣ, съ платою за каждую тысячу, безъ доставки на мѣсто постройки, 6 долларовъ. Кирпичъ можно работать съ начала апрѣля до конца ноября, что, за выключеніемъ праздниковъ и дождливыхъ дней, даетъ сто пятьдесятъ рабочихъ дней. Запряженное количество въ сто пятьдесятъ дней могутъ приготовить двѣ машины; но такъ какъ дождливыхъ дней можетъ быть больше, то Кастенъ считъ болѣе удобнымъ обзавестись тремя машинами, рассчитывая, что приготовленный излишекъ кирпича, при сильномъ запросѣ на строительный матеріалъ, не только не вреденъ, но даже можетъ принести значительную выгоду, такъ какъ въ розницу, безъ подряда, тысяча кирпича продается отъ восьми до девяти долларовъ. Несмотря на то,

что лѣто было очень удобно для дѣланья кирпича по отсутствію дождей, и кирпича сдѣлали больше чѣмъ предполагали, спросъ на него былъ такъ великъ, что пришлось кромѣ машинъ прибавлять мало-по-малу до 10-ти столовъ для ручной формовки. Не поставили еще машинъ, при которыхъ формовка обходится дешевле, только потому, что случайные заказы, дѣлавшіеся на заводѣ, требовали быстрого приготовленія нужнаго количества кирпича и не давали гарантіи, что по выполненіи заказа работа будетъ идти въ такихъ же размѣрахъ. Постановка машинъ требуетъ затраты денегъ, покрывающей продолжительной работой, тогда какъ при ручной работѣ держится столько столовъ, сколько требуется, а по минованіи надобности излишнее число рабочихъ расчитывается.

Вотъ приблизительный расчетъ содержанія завода въ день.

Десять порядовщиковъ по пяти долларовъ	50 д.
20 рабочихъ для навалки глины и перевозки ея въ ямамъ по 3 д.	60 »
50 рабочихъ при столахъ по 3 д.	150 »
49 рабочихъ при машинахъ по 3 д.	147 »
20 рабочихъ при кладкѣ, обмазкѣ и разборкѣ по 3 д.	60 »
14 мальчиковъ-погонщиковъ въ 11-ти мѣльныхъ ямахъ и трехъ машинахъ по 1 д.	14 »
Итого	481 д.

Для обжига каждой тысячи требуется по одному клафтеру дровъ, обходящемуся съ доставкой на заводъ два доллара. Въ день готовится 154,000 кирпича, то на обжигъ надо 154 клафтера дровъ по 2 д. за каждый 308 д.

Обжигъ одной тысячи, полагая на кругъ за каждую 400 тысячъ — 100 д. 25 центовъ; слѣдовательно за 154,000. 38 »

Содержаніе 50-ти лошадей по 1-му д. въ сутки 50 »

Итого 396 д.

Изъ затраченныхъ на первоначальное обзаведеніе, т.е., на лошадей, машины, тесь и проч.—10 тысячъ л., одну двухсотую часть, предполагая, что всѣ эти купленные вещи потеряютъ всякую цѣнность черезъ 200 дней работы 50 »

Полагая, что 4000 кирпичей пропадутъ, 100,000	
продадутся по 6 д. за тысячу	600 д.
50,000 въ розницу по 8 д.	400 "
Итого . .	1000 д.

Выходить въ день чистой пользы 70 долларовъ, или въ теченіи 200 рабочихъ дней 14,000 д. или по 7000 д. на компаньона; не считая того, что лошади, машины, сарай, все-таки, имѣютъ цѣнность не многимъ ниже той, за которую приобретены. Предпріятіе выгодное, въ особенности если принять въ соображеніе, что у Кастена съ компаньономъ имѣлось въ началѣ предпріятія всего 1000 долларовъ и на первоначальное заведеніе имъ пришлось употребить полученный впередъ задатокъ.

Въ первый день меня поставили выкладывать глину изъ мѣльной ямы на столъ. Съ начала работа показалась мнѣ не особенно трудной, но послѣ часа постоянного усилія подѣ пальцимъ зноемъ, лопата стала плохо слушаться руки, и какихъ усилій я ни употреблялъ, мнѣ никакъ не удавалось, ни захватить надлежащее количество глины на лопату, ни вскинуть ее на надлежащее мѣсто на столъ. Въ горлѣ и груди пересохло до рѣзи, проходившей на нѣсколько секундъ послѣ выпитаго ковша воды, а потомъ возобновлявшейся съ новой силой. Всѣмъ моимъ существомъ одолѣю томленіе, какая-то тоска, и я чуть-было не послѣдовалъ примѣру Якобса и не ушелъ съ работы. Однако, усиленіемъ воли, преодолѣлъ эту нравственную слабость и продолжалъ, пуская въ ходъ всю свою силу, выхватывать изъ ямы куски глины и вскидывать ихъ на столъ, гдѣ они быстро исчезали подѣ проворными руками порядовщика. Вотъ онъ сталъ работать тише, приостановился немного, чтобы выкинуть камень, или смыть запачканныя глиной руки; я удвоиваю усиліе, чтобы заготовить большій запасъ глины, съ тѣмъ, чтобы перевести духъ на нѣсколько секундъ, но онъ снова берется за работу, запасъ видимо уменьшается, пока не исчезаетъ совсѣмъ и не раздается знакомое «проворнѣе глины». Работая такимъ образомъ, какъ взапуски, доработали свои пять часовъ до обѣда. Вотъ она настоящая тяжелая работа. Понялъ я теперь, отчего часто останавливались рабочіе, которыхъ въ былыя времена я упрекалъ въ лѣнности. Покрикивать и заставлять работать не въ примѣръ легче, чѣмъ работать самому. Понялъ я также разницу работать лопатой въ теченіе полчася, какъ это мнѣ случалось дѣлать прежде, причемъ тяжелая работа кажется игрушкой, и работать цѣлые пять часовъ. Отъ сильнаго утомленія обѣдать я не могъ, а про-

лежалъ до часу въ тѣни у только-что сложенной обжитательной пачи. Въ часъ опять принялись за работу. Сначала лопата чуть не вываливалась изъ рукъ, но мало-по-малу руки какъ будто ошѣлѣли, на меня нашло какое-то ошѣпѣніе, совершенное отсутствіе мысли, и я доработалъ день какъ автоматъ, не думая ни о чемъ, такъ что не составилъ себѣ даже понятія, долго или коротко тянулось время. Намъ столь окончили работу позже другихъ, что подвергло насъ насмѣшкамъ остальныхъ рабочихъ. Одинъ изъ нашихъ старъ-было упрекать меня, что я причина этихъ насмѣшекъ, но порадовщикъ, онъ же и форманъ своего стола, оставилъ его, говоря: «Перестаньте, развѣ вы не видите, что человекъ въ первый разъ держитъ лопату въ рукахъ, такъ не можетъ же онъ быть сразу мастеромъ своего дѣла. Довольно того, что онъ доработалъ день и не сбѣжалъ, какъ его товарищъ. А вы, обратился онъ ко мнѣ, не смотрите на этихъ зубоскаловъ, — работайте. Трудна только первая недѣля, а какъ спина и плечи перестанутъ болѣть, лопата будетъ играть въ вашихъ рукахъ». Замѣчу, что форманъ и рабочіе нашего стола нѣмцы, родившіеся въ Америкѣ. По окончаніи работы, я чувствовалъ такую усталость, что съ радостью воспользовался приглашеніемъ Розенфельда, къ которому зашелъ по дорогѣ, переночевать у него, отказался отъ ужина и не раздѣваясь, заснулъ какъ убитый. Проснулся на другой день въ пять часовъ отъ сильнаго голода. Хорошо, что со мной въ суднахъ былъ вчерашній обѣдъ, съѣвши который, я настолько удовлетворилъ свой голодъ, что могъ дожидаться до шести часовъ, когда встали Розенфельдъ и его компаньонъ. Скоро подали брекфестъ, за которымъ я поглотилъ такое количество хлѣба и мяса, какого навѣрно хватило бы мнѣ въ другое время на три дня. Было время опять идти на работу. Невольно повторилъ я самъ то, что меня въ былое время сердило въ рабочихъ, оттягивать время ухода, обманывая самого себя разными благовидными предложениями. Поясница и плечи ломали страшно, какъ будто были разбиты, руки опухли, а лопнувшія и стертые мозоли причиняли боль при малѣйшемъ движеніи пальцевъ. Однако дѣлать нечего, пошелъ на работу. На заводѣ встрѣтилъ меня Кастентъ, говоря: «А я ужъ думалъ, что сегодня вы не захотите работать. Уже вчера вы сдѣлали задержку другимъ, а сегодня навѣрно васъ разломало такъ, что вы не въ состояніи работать какъ слѣдуетъ. Поэтому я сегодня назначилъ васъ въ артель насыпать глину на фуры. Тамъ все-таки вамъ можно будетъ ступить, если съумѣете. Приучитесь къ земляной работѣ, она самая трудная у насъ. Съ трудной работы хорошо перейти

на легкую, чего нельзя сказать наоборотъ». Я присоединился къ артели, состоявшей на половину изъ ирландцевъ и нѣмцевъ, и принялся наваливать глину на фуру. Сначала опять лопата положительно не хотѣла слушаться руки, которая болятъ такъ, что надо по временамъ дѣлать усиліе, чтобы не вскрикнуть. Мало-по-малу боль утихла, плечи и спина, такъ сказать, размялись, и работа пошла успѣшнѣе. Но все-таки, несмотря на силу, которой я обладаю въ значительныхъ размѣрахъ и которую пускалъ постоянно въ дѣло, я никакъ не могъ утнаться въ количество захватываемой на лопату глины и быстротѣ выбрасыванья на фуру, съ тѣмъ, какъ работали даже самые маленькіе, видимо слабосильные ирландцы, которые, впрочемъ, далеко превосходили въ земляной работѣ даже привычныхъ къ тяжелому труду нѣмцевъ. Моя неловкость въ работѣ часто вызывала смѣхъ артели, но такъ какъ я не обращалъ на это никакого вниманія и продолжалъ работать, то скоро смѣхъ прекращался. Обѣдать я опять не могъ, вечеромъ едва дошелъ до дому, проспалъ съ 8 часовъ вечера до 6 утра, поглотилъ огромное количество сѣстныхъ припасовъ и опять принялся копать. На этотъ третій день боль въ плечахъ, спинѣ и рукахъ чувствовалась только покамѣстъ шелъ на работу и нѣсколько минутъ въ началѣ ея. Потомъ цѣлый день безъ всякой мысли, какъ какая-нибудь машина, работалъ лопатой, пообедалъ съ отличнымъ аппетитомъ, дошелъ до дому и опять проспалъ десять часовъ. Такимъ образомъ работа продолжалась до субботы. Въ искусствѣ захватывать глину и подбрасывать ее на фуру я сдѣлалъ значительные успѣхи, такъ что рабочіе послабѣе уже стали наравнѣ стать подлѣ меня, къ чему въ началѣ приходилось прибѣгать мнѣ, т.-е. становиться къ лучшему землепоу, чтобы количество работы уравнивалось и фура насыпалась равномерно. Въ субботу Кастень разсчиталъ меня наравнѣ съ другими по три доллара въ день. Въ воскресенье проснулся по обыкновенію въ 6 часовъ, съѣлъ свой брѣкфестъ и вспомнивъ, что не надо идти на работу, опять залегъ и проспалъ цѣлый день и ночь до понедѣльника, вставая только для того, чтобы пообѣдать и поужинать. Отъ приглашенія Якобса, идти къ Буману, отказался наотрѣзъ. Съ понедѣльника меня опять поставили подавать глину на столъ, чтó казалось мнѣ теперь вовсе не такъ трудно, и я не только успѣвалъ заготавливать нужное количество глины, но даже, поработавши усиленно съ полчаса, могъ выгадать достаточно времени, чтобы выкурить трубку. Такъ прошла еще недѣля. Воскресенье опять проспалъ. Слѣдующая, уже третья, недѣля работы

на заводѣ была не такъ удачна. Во вторникъ пошелъ дождь, такъ что, проработавъ два часа, пришлось спрятаться въ сарай, гдѣ мы и просидѣли до вечера, напрасно ожидая, не разяснить ли, чтобы опять взяться за дѣло. Среда и четвергъ шель сильный дождь и мы цѣлые два дня просидѣли въ салонѣ Розенфельда, такъ какъ работать было нельзя. Въ пятницу проработали часа два, но должны были бросить. Старожилы Чикаго увѣрили, что распогодилось недѣли на три. Эти нѣсколько дней, проведенные безъ работы, дали мнѣ отдохнуть и обдумать свое положеніе. Во все время работы на заводѣ физическое утомленіе не давало возможности заняться чѣмъ-нибудь другимъ въ свободное время. Изученіе англійскаго языка остановилось. Съ знакомыми почти не видался, а потому не приобрѣлъ никакихъ новыхъ свѣдѣній и сталъ въ такое положеніе, что не предвидѣлось возможности узнать, нельзя ли перемѣнить копанье глины на какое-нибудь болѣе подходящее мнѣ дѣло. Тяжелая работа приноситъ кромѣ того нравственный вредъ тѣмъ, что при однообразныхъ усиліяхъ мысль какъ-бы засыпаетъ, обращаешься въ какого-то истукана, не думающаго ровно ни о чемъ во время работы, а чуть она кончилась, такъ и наровишь какъ-бы поскорѣ поѣсть и завалиться спать. Выгода того, что я проработалъ на кирпичномъ заводѣ, та, что научившись копать глину, я обезпечилъ себя на будущее время возможностью имѣть работу, когда бы ни захотѣлъ, на вновь строящихся желѣзныхъ дорогахъ, гдѣ постоянно, лѣтомъ и зимой, требуются землекопы. Хотя плата на желѣзныхъ дорогахъ ниже, чѣмъ на кирпичномъ заводѣ, за то и работа не такъ изнурительна. Работая при задѣльной платѣ три доллара въ день, при постоянной работѣ можно легко откладывать по 50 долларовъ въ мѣсяцъ и въ очень непродолжительномъ времени собрать достаточно денегъ, чтобы войти въ какое-нибудь предпріятіе. Но если во время работы не удастся приобрести достаточно свѣдѣній для веденія какого бы то ни было дѣла, собранныя и выработанныя деньги буквально въ потѣ лица почти навѣрно пропадутъ. Да и работа на кирпичномъ заводѣ зависитъ вполне отъ погоды, такъ что нельзя рассчитывать на опредѣленный заработокъ, и окончится въ началѣ ноября. Когда въ теченіи зимнихъ мѣсяцевъ бываетъ застой въ дѣлахъ, и спросъ, а следовательно и задѣльная плата рабочимъ значительно уменьшается, придется или израсходовать заработанные деньги, или идти работать на желѣзную дорогу за 2¹/₂ доллара, къ чему я рѣшился прибѣгнуть только въ крайнемъ случаѣ. На основаніи этихъ мыслей, я положилъ оставить кирпичный заводъ и приис-

катъ себѣ мѣсто, обезпечивающее мнѣ заработокъ на всю зиму, а главное, могущее мнѣ дать возможность изучить языкъ и способъ веденія предпріятій. Другія обстоятельства утвердили меня въ моемъ намѣреніи. Якобсъ, послѣ того какъ ушелъ съ кирпичнаго завода, не работалъ нигдѣ, сталъ сильно пить и по цѣлымъ днямъ просиживать въ салонѣ у Бумана. Въ три недѣли у него вышло слишкомъ двѣсти долларовъ. Анна постоянно пилила его, зачѣмъ не работаетъ, а только изводитъ деньги, такъ что онъ старался бѣгать изъ дому какъ только встанетъ и возвращался поздно. Въ теченіи этихъ трехъ недѣль мы почти съ нимъ не видались и не случилось ни разу переговорить. Геккенъ раза два заходилъ ко мнѣ, но не заставалъ дома. Въ пятницу вечеромъ зашла Кристина и передала мнѣ, что ея мужъ, т.-е. Геккенъ, желаетъ со мною поговорить о важномъ дѣлѣ, но такъ какъ не можетъ застать меня, то проситъ зайти въ фруктовый магазинъ, какъ только у меня будетъ время. На другой день, въ субботу съ утра шелъ дождь, такъ что на работу идти не стоило, и я отправился къ Геккену, который сообщилъ мнѣ слѣдующее. — Салонъ Бумана приносилъ прежде хорошій доходъ; но съ тѣхъ поръ, какъ въ той же мѣстности открылось много другихъ салоновъ, торговля идетъ въ убытокъ. Буманъ, зная, что у Якобса есть деньги, и полагая, несмотря на мои увѣренія въ противномъ, что и у меня есть въ запасѣ тысяча-другая долларовъ, задумалъ сбыть свой салонъ намъ, чтобы деньгами зеленыхъ эмигрантовъ пополнить понесенные убытки и развязаться съ невыгоднымъ предпріятіемъ. Съ этою цѣлью онъ опаиваетъ Якобса и отвлекаетъ его отъ работы, рассчитывая, что мнѣ скоро надоѣстъ тяжелая работа, и я буду считать себя облагодѣтельствованнымъ, если онъ дастъ мнѣ возможность заняться болѣе легкимъ дѣломъ. А что дѣла пойдутъ плохо, всегда можно свалить на нашу неожитность и неумѣнье вести дѣло. Геккенъ въ благодарность за то, что Якобсъ много помогъ Кристинѣ, хотѣлъ бы избавить его отъ этой ловушки, пробовалъ-было говорить это Якобсу, но видя, что тотъ беретъ дѣло слишкомъ горячо въ сердце и пожалуй поссоритъ Бумана съ Геккеномъ, чего послѣдній положительно не хочетъ, рѣшился поговорить со мною, чтобы я употребилъ свое вліяніе на Якобса и отговорилъ отъ вѣрной потери денегъ. Я поблагодарилъ Геккена за его совѣтъ; но не имѣя никакихъ данныхъ быть недовольнымъ на Бумана, не считалъ себя вправѣ вѣрить такому голословному обвиненію, хотя бы со стороны такого, на видъ прямого и честнаго малаго, какъ Геккенъ, почему рѣшился самъ, насколько возможно, изслѣдовать это дѣло. Отправился къ

Розенфельду и стороной разспросилъ его о ходѣ торговли пивомъ. Отъ него я узналъ, что для открытія салона надо представить залогъ въ 800 долларовъ или двухъ состоятельныхъ поручителей, какъ обезпеченіе въ томъ, что въ салонѣ не будетъ продаваться пиво, не оплаченное налогомъ. Свидѣтельства на право торговли стоить 150 долларовъ въ годъ, или 80 на полгода. Помѣщеніе для салона стоитъ Розенфельду 30 долларовъ въ мѣсяцъ. Газовое освѣщеніе около 10 долл., разныхъ починокъ, ремонтъ мебели и посуды около 10 долл. Для обзаведенія мебелью и приведенія салона въ порядокъ, израсходовано имъ отчасти наличными деньгами, отчасти въ кредитъ до 200 долларовъ. Въ салонѣ непременно надо имѣть газеты, что обходится 3 долл. въ мѣсяцъ. Кромѣ того, въ Чикаго существуетъ въ салонахъ обычай имѣть обильную закуску, состоящую изъ различныхъ холодныхъ блюдъ. Всякій, выпившій кружку пива, можетъ безплатно закушивать чѣмъ хотѣтъ и въ какихъ угодно размѣрахъ. Такъ что обыкновенно, кто отоидетъ слишкомъ далеко отъ дому и проголодается, наконецъ, когда дѣла не позволяютъ ему надолго отлучиться съ извѣстнаго мѣста, забѣгаетъ въ ближайшій салонъ, выпиваетъ кружку пива и превратно закусываетъ. Эта закуска носитъ особое названіе—«люнчъ». Лунчъ стоитъ Розенфельду до 4-хъ долларовъ въ день. Итакъ, для открытія салона на шесть мѣсяцевъ, Розенфельду надо было имѣть наличными деньгами или кредитомъ 1080 долларовъ, изъ которыхъ 280 должны быть покрыты изъ торговли, т.-е. по 46 д. 70 ц. въ мѣсяцъ; съ другими расходами по содержанію салона безъ лунча 99 долл. 70 ц. или проще 100 долларовъ въ мѣсяцъ или 3½ д. въ день, а съ лунчемъ отъ 6 до 7 долл. въ день. Пиво продается съ заводовъ въ небольшихъ боченкахъ, въ шесть галлоновъ. Заводъ имѣетъ особыя экспрессы, на которыхъ развозятъ пиво ежедневно въ салоны, въ количествѣ, какое потребуетъ назавануѣ содержатель салона. Число сданныхъ боченковъ, или кеѣ, записывается въ особую расчетную книгу, находящуюся у заводскаго экспрессмана. Пиво должно быть оплачено налогомъ на заводѣ, въ удостовѣреніе чего чиновникъ, наблюдающій за взносомъ этого налога, наклеиваетъ на втулку боченка особую зеленую марку. Содержатель салона, уличенный въ продажѣ пива безъ такой марки на кеѣ, лишается залога и кромѣ того все находящееся въ салонѣ конфискуется. Кеѣ пива стоитъ 2½ доллара. Въ продажѣ среднимъ числомъ можно выручить за него 5 долларовъ, т.-е. 2½ д. пользы. Въ салонѣ Розенфельда продается шесть кеѣ въ день, что даетъ ему пользы 15 долларовъ. Кромѣ того продается въ салонѣ ли-

монадъ, доходъ съ котораго такъ ничтоженъ, что его нечего принимать въ расчетъ, также виски или водка, и виноградныя вина низшаго достоинства. Вслѣдствіе того, что по близости нѣтъ Simpl Room или заведенія, гдѣ продаются исключительно спиртные напитки, а въ мѣстности, гдѣ находится салонъ Розенфельда, живутъ преимущественно ирландцы, любители крѣпкихъ напитковъ, доходъ съ нихъ доходить до 14 долларовъ въ день. Доходность салона зависитъ оттого, въ бойкой или глухой мѣстности онъ находится, есть ли по близости другіе салоны, сколько ихъ, а главное, отъ личныхъ качествъ содержателя, отъ его умѣнья угодить покупателямъ, знать, кому можно сдѣлать кредитъ, а кого просто отвадить отъ посѣщенія салона. Дѣла Розенфельда пошли хорошо еще вслѣдствіе того обстоятельства, что будучи въ хорошихъ отношеніяхъ съ хозяевами находящихся вблизи кирпичныхъ заводовъ, онъ дѣлаетъ рабочимъ кредитъ въ теченіи недѣли и получаетъ деньги при недѣльномъ расчетѣ отъ хозяевъ съ согласія самихъ рабочихъ. На возвратномъ пути домой, я увидѣлъ у одного салона экспрессо пивного завода Гука, съ котораго получаетъ пиво Буманъ. Я зашелъ въ салонъ, гдѣ засталъ экспрессмана, француза, котораго не разъ видалъ у Бумана. Хозяина въ салонѣ не было, за стойкой стояла какая-то дева, почему экспрессманъ долженъ былъ одинъ скатывать кеки въ ящики со льдомъ, гдѣ ихъ постоянно держатъ, чтобы пиво не испортилось. Я пособилъ ему и заговорилъ съ нимъ на его языкѣ, которымъ владѣю довольно порядочно. Завязался разговоръ, продолжавшійся и за парю стакановъ *vin français*, которые мы спросили себѣ, поставивъ кеки на мѣсто. Я навелъ разговоръ на его занятіе, и между прочимъ спросилъ, сколько пива доставляется въ салонъ Бумана. — «Прежде я возилъ ему 5 кековъ въ день, но вотъ уже недѣли три какъ вожу по шести. Какой-то нѣмецъ пропиваетъ и пропаиваетъ тамъ свои европейскія деньги. Видно не знаетъ бѣды, что деньги легче пропить, чѣмъ выработать.» При этомъ онъ показалъ мнѣ расчетную книжку Бумана, гдѣ количество забираемаго пива оказалось согласнымъ съ его словами. Не трудно было мнѣ догадаться, что нѣмецъ, пропивавшій деньги, никто другой какъ Якобъ, тѣмъ болѣе, что количество израсходованныхъ имъ денегъ почти соотвѣтствовало стоимости пива, на которое увеличился расходъ въ салонѣ.

Собравши эти свѣдѣнія, я могъ придти къ такому заключенію, что выручка за пиво въ салонѣ Бумана, не считая расхода производимаго Якобомъ, равняется 12½ долларовъ въ день. Съ лимонада и спиртныхъ напитковъ, до которыхъ нѣмецъ, обычно-

венные посѣтителѣ салона, не большіе охотники, выручается, какъ мнѣ какъ-то разъ говорилъ Клуге, не болѣе трехъ долларовъ, всего 15¹/₂ дол. За ланчемъ ходилъ я по порученію Бумана два два самъ, и зналъ, что на него расходуется до восьми долларовъ ежедневно. Это еще при томъ, что Буманъ и Клуге давно живутъ въ Америкѣ, хорошо знаютъ привычки посѣтителѣй и имѣютъ обширное знакомство. Принимая расходъ въ салонѣ равный расходу Розенфельда, т.-е. безъ ланча 3 доллара, съ ланчемъ выйдетъ 11, затѣмъ чистой пользы 5 долл. Но какъ обстановка, вслѣдствіе конкуренціи, въ салонѣ Бумана должна быть поддерживаема въ лучшемъ видѣ, а стоимость освѣщенія и ремонта должна обходиться дороже, то слова Геккена должны быть справедливы и дѣла въ салонѣ, пожалуй, идутъ въ убытокъ.

Вечеромъ Якобъ вернулся домой довольно рано и не очень пьянъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что дѣйствительно Буманъ предлагаетъ ему купить салонъ, и что зная, что у меня нѣтъ достаточно наличныхъ денегъ, чтобы идти съ нимъ въ половину, онъ желалъ бы сойтись со мною на такихъ условіяхъ. Онъ затрачиваетъ деньги, заботится о расчетахъ внѣ салона, а я обязанъ вести самый торгъ и смотрѣть, чтобы салонъ былъ въ порядкѣ. Производить самому торговлю, онъ сознавался, что по своей слабости къ пиву онъ не можетъ. Барышни дѣлается пополамъ. Я отказался наотрѣзъ отъ этого предложенія и показалъ ему расчетъ, не упоминая, впрочемъ, источниковъ, изъ которыхъ получилъ эти данныя. Воскресенье провелъ у Геккена. Въ понедѣльникъ за брѣкфестомъ Якобъ сказалъ мнѣ, что онъ спрашивалъ Бумана о количествѣ расхода пива и узналъ, что хотя мои цифры расходовъ и количество пива, получаемого съ завода Гука, вѣрны, но что кромѣ пива Гука продается еще пиво съ другихъ заводовъ, какъ это ему сказалъ самъ Буманъ; что въ теченіи воскресенья, какъ это видѣлъ самъ Якобъ, разошлось 15 кеѣ, и что онъ будетъ слѣдить за продажей и сегодня. Дождя не было, такъ что я проработалъ цѣлый день, а вечеромъ, несмотря на усталость, послѣ ужина отправился въ салонъ Бумана узнать о результатахъ наблюденія Якобса. Посѣтителѣй оказалось больше обыкновеннаго. Кромѣ обыкновенныхъ посѣтителѣй, было много новыхъ, которыхъ я прежде здѣсь не видалъ. Между ними было нѣсколько человекъ, работавшихъ со мною на кирпичномъ заводѣ Кастена. Они подозвали меня къ себѣ и посовѣтовали воспользоваться даровымъ угощеніемъ. На мой вопросъ, что это значитъ, они, не зная моихъ отношеній къ Буману и Якобсу, рассказали, что вѣроятно хозяинъ хочетъ продать повыгоднѣе свой

салонъ, разослалъ нѣсколько человекъ, которые собираютъ съ улицы посѣтителей и поятъ ихъ на свой или вѣрнѣе на хозяйскій счетъ, чтобы выставить выгодность салона. Такая мошенническая уловка взбѣсила меня, я подозвалъ Якобса, попросилъ его выслушать эти рассказы, а самъ ушелъ домой.

До субботы хотя и шелъ дождь, но не силенъ, и всякій день можно было работать по нѣскольку часовъ. Въ это время я раза два заходилъ въ салонъ Бумана. Мистеръ Буманъ былъ со мною предупредителенъ, по прежнему не упускалъ случая высказать мнѣ свое расположеніе, за то въ обхожденіи Якобса произошла большая перемѣна, онъ сталъ смотрѣть на меня очень недружелюбно, и почти не хотѣлъ со мною говорить. Отъ Анны узналъ я, что когда Буманъ заходилъ безъ меня къ нимъ, то постоянно посмѣивался надъ Якобсомъ за его страсть связываться съ разными бродягами, говоря, что онъ всегда подпадаетъ подъ ихъ вліяніе, и что эти бродяги, вѣшиваясь въ его дѣла, вѣроятно доведутъ его когда-нибудь до нищеты, если не хуже. Мнѣ стала понятна перемѣна обращенія со мною Якобса. А такъ какъ подобныя отношенія могли только привести къ открытой ссорѣ съ Якобсомъ, чего я положительно не хотѣлъ, то и рѣшился разойтись съ нимъ, хоть на время, подъ благовиднымъ предлогомъ, для чего лучшимъ средствомъ было оставить заводъ и принесть работу гдѣ-нибудь за городомъ, въ кѣнтри, какъ говорятъ здѣсь. Удержать Якобса отъ неблагоприятнаго предпріятія я не могъ, несмотря на мое желаніе; поэтому, пусть онъ распоряжается собой и своими деньгами по своему усмотрѣнію. Въ кѣнтри, какъ я слышалъ, работа не такъ утомительна, такъ что будетъ возможно заняться чѣмъ-нибудь въ свободное время. Кромѣ того, меня, привычнаго къ жизни въ деревнѣ, тянуло вонъ изъ города, и хотѣлось мнѣ познакомиться поскорѣе съ американскимъ сельскимъ хозяйствомъ, въ которомъ кроется основаніе громаднаго развитія торговли и промышленности, такъ рѣзко выражающагося въ городахъ. Въ субботу при расчетѣ я объявилъ баасу, что врядъ ли приду на работу въ слѣдующій понедѣльникъ, и нашедши въ воскресномъ номерѣ газеты требованіе рабочихъ на плантацію брумъ-корна, отправился въ понедѣльникъ утромъ по адресу, узнать ближе условія найма.

Для найма рабочихъ въ значительномъ числѣ, какъ это нужно на желѣзныя дороги, каналы, лѣсопильни и проч., устроены особыя агентства, исключительно занимающіяся наймомъ рабочихъ и доставкой ихъ на мѣсто работы. Въ одно изъ такихъ агентствъ пришелъ я по вычитанному въ газетѣ адресу.

Здѣсь я узналъ, что плантаторъ изъ окрестностей Пексена, близъ границы съ штатомъ Арканзасъ, желаетъ нанять до 100 человекъ, для рѣзанья, молоченья и прессованья брумъ-корна, растеній, похожаго на просо и идущаго на приготовленіе щетокъ. Условія найма слѣдующія: плантаторъ везетъ на свой счетъ рабочихъ до мѣста и выдаетъ рабочему, пробывшему у него не менѣе мѣсяца, деньги на обратный путь въ Чикаго. Во все время работы, долженствующей продолжаться отъ двухъ до двухъ съ половиной мѣсяцевъ, т. е., до половины или до конца сентября, за каждый рабочий день плата производится по полтора доллара. Содержаніе, какое принято на фермахъ, обязанъ давать плантаторъ какъ въ рабочие дни, такъ и въ воскресенье и дождливые дни, когда работать нельзя, а слѣдовательно, не получается задѣльная плата. Такъ какъ на плантаціи нѣтъ достаточно помѣщеній, то для сна рабочіе должны быть отведенъ сѣновалъ, куда рабочіе могутъ принести съ собою сѣна въ какомъ угодно количествѣ. Кромѣ того каждому рабочему обязанъ плантаторъ дать, на все время работы, по подушкѣ и по два байковыхъ одеяла. Въ случаѣ болѣзни, рабочий можетъ пролежать на содержаніи плантатора не болѣе трехъ дней, по истеченіи которыхъ, смотря по желанію больного, плантаторъ обязанъ помѣстить его въ бесплатную больницу въ ближайшемъ городѣ или производить ему содержаніе въ счетъ заработанныхъ денегъ. За это рабочіе обязаны работать 10 часовъ въ сутки по указанію плантатора, на всѣхъ работахъ при уборкѣ брумъ-корна, равно и на другихъ сельскихъ работахъ по назначенію плантатора, кромѣ орева плугомъ, на которое, въ случаѣ надобности, рабочіе назначаются по особому уговору. Мытье бѣлья, въ количествѣ одной сѣбины въ недѣлю на каждого рабочаго, производится на счетъ плантатора живущими у него на плантаціи работниками. Условія эти я назвалъ выгодными, въ особенности когда агентъ на мое заявленіе, что я не только никогда не работаю съ брумъ-корномъ, но даже не видалъ какъ онъ растетъ, сказалъ, что какъ работать—мнѣ покажутъ, и что работа эта не требуетъ никакихъ специальныхъ знаній. Кромѣ того онъ прибавилъ, что если по окончаніи работы я не пожелаю возвращаться въ Чикаго, то въ той мѣстности всегда могу найти работу на всю зиму, при уборкѣ и молотбѣ маиса, посящей названіе вертгесленъ, хотя не на такихъ выгодныхъ условіяхъ какъ теперь, но все-таки не ниже одного доллара въ день на хозяйскихъ харчахъ, что врадѣ ли возможно въ зимнее время въ городѣ. Я подписалъ предложенныя мнѣ условія, писанныя по-англійски

съ нѣмецкимъ переводомъ, и отправился домой. Агентъ велѣлъ придти въ четыремъ часамъ послѣ обѣда и принести свои пожитки, причѣмъ посовѣтовалъ мнѣ, если у меня есть гдѣ оставить свои вещи, то взять съ собою только самое необходимое, такъ какъ большой багажъ можетъ напрасно затруднить какъ меня, такъ и плантатора, а главное не стоить брать цѣнныхъ вещей, такъ какъ неизвѣстно, съ какимъ народомъ придется спать въ одномъ помѣщеніи. Когда я дома объявилъ Аннѣ о своемъ намѣреніи идти въ кѣнтри и о томъ, что заключилъ уже условіе, Якобъ, только-что вставшій въ это время, выскочилъ изъ спальни и старался удержать меня отъ этого, стараясь доказать всю нелѣпость моего желанія разойтись съ нимъ. Насилу я убѣдилъ его, что непродолжительная разлука нисколько не измѣнитъ нашихъ хорошихъ отношеній, напротивъ, пожалуй, укрѣпитъ ихъ. Насчетъ квартиры я сдѣлался такимъ образомъ: на случай, если мнѣ придется вернуться въ Чикаго ранѣе, чѣмъ я полагаю, я оставилъ за собою помѣщеніе у Якобса и заплатить за два мѣсяца впередъ, приходящіеся на мою долю за это время, четыре доллара. Отобравъ и уложивъ въ дорожный мѣшокъ двѣ смѣны бѣлья, пару платья, одѣяло и нѣсколько книгъ, сдать остальные вещи на храненіе Аннѣ, которая не упустила удобнаго случая поплакать при разставаньи. Оставивъ у себя на расходъ три доллара, остальные деньги, которыхъ у меня теперь набралось до 250 долларовъ, снесъ въ нѣмецкій севингъ-банкъ. Пообѣдалъ, размѣнялся разными пожеланіями съ Анной, Якобсомъ, Балингомъ и обоими Геккенъ, пришедшими проводить меня, и въ три часа отправился въ агентство.

Я упомянулъ, что отнесъ свои деньги въ севингъ-банкъ; это очень удобное учрежденіе, нѣчто похожее на наши сберегательныя кассы. Частное лицо или компанія представляетъ залогъ въ цѣнныхъ бумагахъ или чаще въ недвижимой собственности и отерываетъ, съ разрѣшенія правительства штата и подъ его непосредственнымъ контролемъ, контору, въ которую принимаются вклады, начиная съ одного доллара. Такихъ сберегательныхъ банковъ очень много въ большихъ городахъ и непрѣмѣнно есть хоть одинъ въ каждомъ городѣ; платимые ими проценты бываютъ различные и вполнѣ зависятъ отъ популярности и прочности банка. Чѣмъ вѣрнѣе банкъ, тѣмъ меньшій процентъ онъ платитъ. Я помѣстилъ свои деньги въ нѣмецкомъ сберегательномъ банкѣ, по полъ-процента въ мѣсяцъ. Случаи несостоятельности такихъ банковъ, вслѣдствіе ихъ устройства, бываютъ очень рѣдки, и то вкладчики теряютъ не всѣ, а только часть своихъ денегъ, такъ

какъ залогъ, долженствующій соответствовать $\frac{1}{3}$ взятаго на сбереженіе капитала, принимается по весьма низкой оцѣнѣ, и съ аукціона продается всегда несравненно выше. Кромѣ того правительство не допускаетъ, чтобы эти банки доводили свои дѣла до крайности, а заставляеть ликвидироваться, когда еще не все потеряно. Вкладчикамъ очень выгодно вносить свои деньги въ сберегательный банкъ; кромѣ того, что это даетъ возможность получать проценты даже на самыя незначительныя суммы, еще избавляетъ отъ разныхъ случайностей, какъ потеря, пожаръ, и, наконецъ, не вводитъ въ соблазнъ воровъ, такъ какъ квитанція банка занумерована и записана съ именемъ вкладчика въ книгу и можетъ быть передаваема однимъ лицомъ другому не иначе какъ съ вѣдома банка. Получить деньги вкладчикъ можетъ во всякое время, когда пожелаетъ. Квитанціи сберегательнаго банка удобны еще тѣмъ, что обладателю таковой всегда и вездѣ открыть кредитъ, равный и даже, въ большей части случаевъ, превышающій стоимость квитанціи. Отдача денегъ въ сберегательный банкъ такъ распространена, что почти никто не держитъ наличныхъ денегъ дома, а всѣ до послѣдняго рабочаго, тотчасъ по полученіи денегъ, относятъ ихъ въ банкъ, откуда и получаютъ по мѣрѣ надобности. Вслѣдствіе распространенія этихъ банковъ, разрозненные деньги, лежащіе непроизводительно, стекаются здѣсь въ большіе капиталы и, сосредоточенныя въ искусныхъ рукахъ, идутъ на обширныя предпріятія, возможность которыхъ была бы даже немислима, если бы эти капиталы остались въ рукахъ своихъ владѣльцевъ, а послѣдніе отъ такого помѣщенія не имѣютъ ничего, кромѣ прямой выгоды.

А. К.***

ВТОРАЯ ИМПЕРІЯ

ВЪ

РОМАНЪ ЭМИЛЯ ЗОЛЯ

Les Rougon-Macquart, histoire naturelle et sociale d'une famille, sous le second empire, par *Emile Zola*. Tome troisième: Le Ventre de Paris. Paris, 1873.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ *).

ПАРИЖСКОЕ ЧРЕВО.

Эмиль Золя, съ которымъ мы уже отчасти познакомили нашихъ читателей, поставилъ себѣ задачей написать цѣлый рядъ отдѣльныхъ романовъ съ самостоятельной завязкой и развязкой, но связанныхъ другъ съ другомъ общей идеей, которая легла въ основаніе цѣлаго, задуманнаго имъ произведенія.

«Съ фیزیологической стороны, говоритъ авторъ, *Руоны-Маккаръ* представляютъ медленную передачу различныхъ случайныхъ свойствъ, проявляющихся въ нервной системѣ или въ крови какой-нибудь расы вслѣдствіе первоначальнаго органическаго поврежденія и которыя опредѣляютъ, смотря по средѣ, у каждой отдѣльной личности этой расы, чувства, желанія, страсти, всѣ человѣческія проявленія, естественныя и инстинктивныя, результаты которыхъ принимаютъ названіе добродѣтелей и пороковъ. Съ исторической стороны, они выходятъ изъ народа, проникаютъ

*) См. 1872 г. июль 112, августъ 594.

во всё слов современнаго общества, поднимаются на всё его ступени, благодаря тому, чисто новѣйшему импульсу, который толкаетъ низшіе классы въ ихъ движеніи черезъ социальный организмъ, и такимъ образомъ поясняютъ, посредствомъ своихъ личныхъ драмъ, вторую имперію, начиная съ 2-го декабря до Седана».

Эта задача выполняется Эмилемъ Золя весьма удачно, какъ читатели могли убѣдиться по первымъ двумъ томамъ. Третій томъ еще зрѣлѣе по замыслу, еще выдержаннѣе по исполненію. Въ первыхъ двухъ томахъ мы видѣли шайку голодныхъ и безсовѣстныхъ проходимцевъ, для которыхъ декабрьскій переворотъ послужилъ средствомъ къ быстрой наживѣ и удовлетворенію плотскихъ и честолюбивыхъ стремленій. Въ третьемъ томѣ Эмилъ Золя указываетъ, какъ честные буржуа, съ ихъ ограниченностью, наивнымъ тревоугодіемъ и отсутствіемъ всякаго идеала, служили крѣпкимъ оплотомъ порядку, установленному путемъ разбойническаго и насильственнаго захвата.

I.

Въ ночной тиши, по безлюдной дорогѣ тянулись, по направленію къ Парижу, тележки огородниковъ изъ окрестностей города, нагруженные всякаго рода овощью. На мосту Нейлы возъ съ капустой и другой, съ горохомъ, присоединился къ восьми остальнымъ, ѣхавшимъ изъ Нантерра и нагруженнымъ рѣпой и морковью; лошади плелись нахлбомъ, понуривъ головы. Балтазаръ, конь г-жи Франсуа, шелъ впереди поѣзда, лѣнливо переступая въ полу-снѣ; вдругъ онъ весь встрепенулся отъ испуга и сталъ, какъ пень. Остальные лошади ударились головами въ задки тележки и весь поѣздъ остановился: со всѣхъ сторонъ поднялись ругательства заспанныхъ возчиковъ. Г-жа Франсуа, воссѣдавшая въ своемъ возу, нагнувшись, увидѣла направо, почти подъ ногами у лошади, черную массу, лежавшую поперекъ дороги.

По дорогѣ растянулся, какъ пласть, человѣкъ, раскинувъ руки и уткнувшись лицомъ въ пыль. Отъ казался необычайно худъ. Г-жа Франсуа сочла его мертвымъ; она стала передъ нимъ на колѣни и взяла его за руку; рука была теплая.

— Эй, любезный! произнесла она тихимъ голосомъ.

Но остальные возчики терли терпѣніе. Одинъ изъ нихъ закричалъ хриплымъ голосомъ:

— Стогните-ка лошадеу; кума!.. Онъ пьянъ, какъ стельва, бездѣльнигы! Оттащите-ка его въ банаву!

Между тѣмъ, человѣкъ раскрылъ глаза. Онъ глядѣлъ на г-жу Франсуа растерянными взоромъ, не двигаясь. Г-жа Франсуа успѣла разглядѣть его. Онъ былъ ужасно жалокъ въ своихъ истасканныхъ черныхъ панталонахъ и черномъ скртугѣ, обрисовывавшемъ всѣ его кости. Изъ-подъ фуражки толстаго чернаго драпа глядѣли большіе, темные глаза, чрезвычайно кроткіе и освѣщавшіе жесткое и неправильное лицо. Г-жа Франсуа подумала, что онъ слишкомъ худъ для того, чтобы быть пьянымъ.

— Вы очень устали? спросила она.

— Да, очень, отвѣчалъ онъ.

Тогда она проговорила рѣзкимъ и какъ-бы недовольнымъ голосомъ, толкнувъ его къ возу:—Ну, скорѣй, полѣзайте на мою телѣгу! Я ѣду на рынокъ и доведу васъ.

И такъ какъ онъ отказывался, она почти силой втащила его на возъ:

— Будетъ ломаться... говорю же вамъ, что я ѣду на рынокъ! спите, я васъ разбуджу.

Телѣги двинулись, лошади поплелись, понуря головы. Человѣкъ, котораго г-жа Франсуа подобрала на дорогѣ, лежалъ растянувшись на животѣ, ноги его терялись въ грудѣ рѣпы, наваленной на задѣй телѣги, а лицо упиралось въ грудь моркови. На горизонтѣ поднимался бѣлый туманъ, который облекалъ сонный Парижъ свѣтящимся покровомъ.

— Я изъ Нантерра и меня зовутъ г-жа Франсуа, сказала огорожденная, спустя минуту.—Съ тѣхъ поръ, какъ я лишилась своего бѣднаго мужа, я каждый день ѣзжу на рынокъ. Это, знаете-ли, не легко!.. А вы кто таковой?..

— Меня зовутъ Флораномъ, я прибылъ издалека... отвѣчалъ незнакомецъ съ смущеніемъ. Прошу васъ извинить меня; я такъ усталъ, что мнѣ трудно говорить.

Онъ не желалъ разговаривать. Она также замолчала, опустивъ возжи вдоль спины Балтазара, шествовавшаго своей дорогой, какъ и подобаетъ вою, которому знакомъ каждый камень. Флоранъ, устремивъ глаза на громадныя огни Парижа, размышлялъ о той повѣсти, о которой умалчивалъ. Убѣжавъ изъ Каенны, куда забросилъ его декабрьскій переворотъ, пробродивъ около двухъ лѣтъ въ голландской Гвіанѣ, обуреваемый безумнымъ желаніемъ снова увидѣть милый сердцу городъ и страхомъ императорской полиціи, онъ видѣлъ теперь передъ собой дорогую столицу, которую такъ долго оплакивалъ, о которой такъ долго

мечталъ. Онъ укроется въ ней, онъ заживетъ въ ней прежней спокойной жизнью. Полиція ничего не узнаетъ. Къ тому же, онъ бы умеръ тамъ, въ Кайеннѣ. И онъ припоминалъ свой приѣздъ въ Гавръ, когда у него оставалось всего пятнадцать франковъ, завязанныхъ въ уголокъ носового платка.

До Руана онъ могъ ѣхать въ почтовой каретѣ. Изъ Руана онъ отправился пѣшкомъ, потому что у него оставалось всего тридцать су. Но въ Вернонѣ онъ изстратилъ на хлѣбъ свои послѣдніе два су. Чтѣ было дальше, онъ хорошенъко не помнилъ. Ему казалось, что онъ спалъ нѣсколько часовъ въ канавѣ. Ему приходилось показывать жандарму документы, которые онъ себѣ добылъ. Все это мѣшалось въ его головѣ. Онъ пришелъ изъ Вернона не ѣвши, впадая попеременно то въ ярость, то въ отчаяніе, которое заставляло его жевать листья съ живыхъ изгородей, мимо которыхъ онъ проходилъ. Онъ все шелъ и шелъ, не смотря на судороги въ желудкѣ; въ глазахъ у него темнѣло, ноги едва волочились, но онъ почти безсознательно шелъ впередъ, влекомый образомъ Парижа, который манилъ его, тамъ, гдѣ-то далеко, на горизонтѣ, который ждалъ его. Когда онъ прибылъ въ Курбува, ночь спустилась надъ землей. Парижъ, похожій на клочокъ звѣзднаго неба, упавшаго на черную землю, представлялся ему сердитымъ, какъ-будто недовольнымъ его возвращеніемъ. Переходя черезъ мостъ въ Нейли, онъ держался за перила, наклоняясь надъ Сеной, которая катила черныя, какъ чернила, волны, между темной массой береговъ. Теперь ему приходилось идти въ гору. Дорога казалась ему безконечной. Тѣ сотни верстъ, которыя онъ уже сдѣлалъ, представлялись ему совершеннѣйшимъ пустякомъ, но тотъ клочокъ дороги, который ему приходилось теперь сдѣлать, приводилъ его въ отчаяніе; никогда ему не добраться до этой вершины, увѣнчанной огнями. Флоранъ не двигался впередъ, улица была все длиннѣе, а Парижъ какъ будто уходилъ все дальше во мракъ. Ему повзало, что одноклазые газетные фонари бѣжали справа и слѣва, унося съ собой дорогу; онъ пошатнулся и упалъ на мостовую, какъ безжизненная масса.

Теперь онъ тихо катился на своемъ зеленомъ ложѣ, которое казалось ему мягкимъ, какъ пухъ. Голодь проснулся съ новой силой. Запахъ овощей одурялъ его до дурноты. Поѣздъ остановился на минуту, слышался говоръ грубыхъ голосовъ; то была заставка, таможенные пристава осматривали возы. Затѣмъ Флоранъ въѣхалъ въ Парижъ, безъ памяти, стиснувъ зубы, распрстертый на морзови.

Г-жа Франсуа съ трудомъ растолкала его и помогла сойти съ воза, попросивъ затѣмъ помочь ей разгрузить возъ. Когда дѣло было сдѣлано, она попросила его постеречь товаръ, пока она отведетъ лошадь въ конюшню. Онъ завѣрилъ ее, что она можетъ быть спокойна. Движеніе было для него неприятно; онъ чувствовалъ, что голодъ сильнѣе терзалъ его съ тѣхъ поръ, какъ онъ задвигался. Онъ усѣлся у груди капустныхъ вѣнчикъ, рядомъ съ товаромъ г-жи Франсуа, говоря, что чувствуетъ себя хорошо въ этомъ положеніи и не тронется съ мѣста. Голова его была пуста, какъ котелъ, и онъ не могъ объяснить себѣ, гдѣ онъ находится...

Между тѣмъ г-жа Франсуа вернулась. Она рѣвно спорила съ человѣкомъ, у котораго былъ перекинутъ мѣшокъ черезъ плечо, и который торговалъ у нея морковь по одному су за связку. Она не уступала, и покупщикъ ушелъ.

— Эти люди, право, думаютъ, что морковь растетъ сама собой... Пусть-ка пьяница Лакайль поинтересуется морковью по одному су... Увидите, что онъ вернется.

Она обращалась къ Флорану.

— А скажите, вѣдь если вы давно не бывали въ Парижѣ, то пожалуй и не знаете новаго рынка? Вотъ уже около пяти лѣтъ какъ его выстроили... Вонъ, смотрите, этотъ павильонъ, что рядомъ съ нами, отведенъ подъ фрукты и цвѣты; дальше идетъ рыба, живность, а позади крупныя овоцы, масло, сыр... Съ этой стороны шесть павильоновъ, по ту сторону, напротивъ насъ, еще четыре: мясной и другіе... Рынокъ великъ, но въ немъ страшно холодно зимою. Говорятъ, выстроить еще два павильона, сломавъ дома вокругъ хлѣбнаго рынка. Знакомо-ли вамъ все это?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Флоранъ. Я былъ за-границей... А эта большая улица, которая тянется передъ нами, какъ она называется?

— Это новая улица, улица Понъ-Нефъ, которая идетъ отъ Сены и доходитъ до-сюда, до улицы Монмартръ и улицы Монторгейль... Если бы было свѣтло, вы бы сейчасъ признали это мѣсто.

Флоранъ глядѣлъ въ улицу Монторгейль. Здѣсь именно захватила его кучка городскихъ сержантовъ въ ночь на 4-е декабря. Онъ шелъ вдоль Монмартрскаго бульвара, около двухъ часовъ, тихо подвигаясь вмѣстѣ съ толпой, улыбаясь всѣмъ этимъ солдатамъ, которыхъ выслали на мостовую Елисейскій дворецъ, чтобы заявить о своемъ существованіи, какъ вдругъ эти солдаты принялись расчищать троттуары ружейными залпами въ теченіи

добрѣй четверти часа. Онъ, отѣсненный, сбитый съ ногъ толпой, упалъ на углу улицы Вивьеннъ; онъ ничего не понималъ, что творится вокругъ него, обезумѣвшая отъ ужаса толпа перебѣгала по нему, спасаясь отъ ружейныхъ выстрѣловъ. Когда все замолкло, онъ хотѣлъ подняться. На его ногахъ лежала молодая женщина, въ розовой шляпѣ; шаль, соскочивъ съ ея плечъ, открыла манишку въ мелкихъ складочкахъ. Пovyше груди, манишку пробили двѣ пули и когда онъ тихонько оттолкнулъ молодую женщину, чтобы высвободить свои ноги, двѣ струйки крови хлынули изъ пробитыхъ отверстій на его руки. Тогда онъ вскочилъ однимъ прыжкомъ и удалился, совсѣмъ обезумѣвъ, безъ шляпы, съ обогранными кровью руками. До самаго вечера онъ бродилъ, терявъ голову, постоянно видя передъ собой молодую женщину, лежащую передъ нимъ, съ блѣднымъ лицомъ, большими раскрытыми голубыми глазами, страдальческими губами и изумленіемъ, написаннымъ на лицѣ, что смерть такъ вдругъ, неожиданно застигла ее. Онъ былъ застѣнчивъ; въ тридцать лѣтъ онъ не осмѣливался глядѣть въ лицо женщинамъ, и лицо этой женщины на вѣки запечатлѣлось въ его памяти и въ его сердцѣ. Онъ какъ будто потерялъ дорогую для него женщину. Вечеромъ, самъ не зная какимъ образомъ, все еще не опомнившись отъ ужасныхъ утреннихъ сценъ, онъ очутился въ винномъ погребѣ, гдѣ пили какіе-то люди, толковавшіе про баррикады. Онъ пошелъ за ними, помогъ имъ выворотить нѣсколько булыжниковъ, усялся на баррикаду, утомясь отъ своей прогулки по улицамъ, говоря себѣ, что станетъ драться, когда придутъ солдаты. У него не было даже ножа и онъ все былъ съ непокрытой головой. Около одиннадцати часовъ онъ заснулъ; ему все мерещились два отверстія въ бѣлой манишкѣ, которыя глядѣли на него точно два красныхъ отъ слезъ и крови глаза. Когда онъ проснулся, то его держали четыре городскихъ сержанта, осыпая ударами кулака. Люди, строившіе баррикаду, всѣ разбѣжались. Разсвирѣпѣвшіе сержанты чуть не задушили его, когда замѣтили у него кровь на рукахъ — кровь молодой женщины... Флоранъ припоминалъ, что его едва не разстрѣляли у церкви св. Евстахія. Отрядъ жандармовъ разбилъ тамъ головы пятерымъ бѣднякамъ, схваченнымъ на баррикадѣ. Пять труповъ валялись на тротуарѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ теперь видѣлъ груди красного редиса. Его не разстрѣляли единственно лишь потому, что у городскихъ сержантовъ были только шпаги. Его отвели на ближайшую гауптвахту, оставивъ дежурному офицеру записку слѣдующаго содержанія, набросанную карандашомъ

на клочкѣ бумаги: «Взять съ руками, обгагранными кровью. Весьма опасенъ». До самаго утра его таскали съ одной гауптвахты на другую. Клочокъ бумажки слѣдовалъ за нимъ. Ему надѣли кандалы на руки; его стерегли какъ бѣшеннаго звѣря. На гауптвахтѣ улицы Ленжри, пьяные солдаты хотѣли его разстрѣлять; они уже засвѣтили фонарь, когда пришелъ приказъ отвести арестованныхъ въ депо полицейской префектуры. На слѣдующій день, онъ уже находился въ казематѣ Бисетрской крѣпости. Съ этого дня онъ ознакомился съ чувствомъ голода; онъ почувствовалъ голодь въ казематѣ и съ тѣхъ поръ чувство это не покидало его больше. Ихъ было человѣкъ сто въ этомъ погребѣ, куда не проникалъ воздухъ, и куда имъ бросали, какъ дикимъ звѣрямъ въ клѣткѣ, небольшіе куски хлѣба. Когда онъ былъ призванъ къ слѣдователю, безъ свидѣтелей, безъ защитника, то былъ обвиненъ въ участіи въ тайномъ обществѣ и въ то время какъ онъ божился, что это неправда, слѣдователь вынулъ изъ дѣла клочокъ бумажки: «Взять съ руками, обгагранными кровью. Весьма опасенъ». Этого было достаточно. Его присудили къ ссылке. По истеченіи шести недѣль, въ январѣ мѣсяцѣ, тюремщикъ разбудилъ его однажды ночью, заперъ во дворѣ съ четырьмястами другихъ арестантовъ. Часъ спустя, этотъ первый поѣздъ отправился на помтоны и въ ссылку, съ кандалами на рукахъ, между двухъ рядовъ жандармовъ, съ заряженными ружьями. Они перешли черезъ Аустерлицкій мостъ, прошли вдоль линіи бульваровъ и прибыли на Гаврскій дебаркадеръ. Дѣло было въ карнавалъ; окна бульварныхъ ресторановъ сияли; на углу улицы Вивьеннъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ ему все еще мерещилась мертвая молодая женщина, Флоранъ увидѣлъ въ коляскахъ замаскированныхъ веселыхъ женщинъ, съ обнаженными плечами; онъ сердился, что не могутъ проѣхать, браня «этихъ каторжниковъ, которымъ не было конца». Отъ Парижа и до Гавра арестантамъ не дали ни крошки хлѣба, ни глотка воды; передъ отъѣздомъ имъ позабыли роздать порціоны. Имъ дали поѣсть уже тридцать шесть часовъ спустя, какъ загнали ихъ въ трюмъ фрегата «Канада».

Нѣтъ! голодь не покидалъ его больше съ тѣхъ поръ! Онъ перебиралъ въ своихъ воспоминаніяхъ, но не могъ припомнить ни единого часа, когда бы онъ чувствовалъ себя сытымъ. Онъ высохъ, желудокъ его ссылся, кожа обтягивала однѣ кости. И вотъ онъ снова находилъ Парижъ жирнымъ и великолѣпнымъ, плавающимъ въ изобиліи, среди мрака; онъ возвращался въ него на ложѣ изъ овощей; онъ катился въ него среди массы незнакомыхъ яствъ, которыя кипили вокругъ и раздражали его. Зна-

чить, блаженная ночь карнавала длилась цѣлыхъ семь лѣтъ! Передъ глазами его воскресали сіяющія окна ресторановъ, смѣющіяся женщины, обжорный городъ, который онъ покинулъ въ ту отдаленную январскую ночь; и ему казалось, что все это разрослось, расцвѣло на этомъ громадномъ рынкѣ, колоссальное дыханіе котораго, еще стѣсненное отъ вчерашняго обжорства, начинало долетать до него.

Между тѣмъ г-жа Франсуа была съ рукъ свой товаръ. У нея оставалось всего нѣсколько пучковъ моркови, когда снова появился Лакайль съ своимъ иппеомъ. Они скоро поладили на этотъ разъ, потому что г-жа Франсуа торопилась домой. Когда Лакайль ушелъ, она сказала Флорану: «видите-ли, онъ стерегъ меня; онъ дожидается иногда послѣдняго удара колокола, чтобы купить товару на четыре су... Охъ, ужъ эти парижане! они готовы глаза выпарапать другъ другу изъ-за двухъ грошей, а сами пропиваютъ всѣ свои деньги.»

Когда г-жа Франсуа говорила о Парижѣ, то превсполилась ироніи и пренебреженія; она третировала его какъ очень отдаленный городъ, совсѣмъ вздорный и презрѣнный, въ который она соглашалась показываться только ночью. Флоранъ молчалъ, онъ только-что совершилъ кражу. Послѣ ухода Лакайля, онъ увидѣлъ, что на мостовой валяется морковь. Онъ поднялъ ее и зажалъ въ рукѣ. Огородница совсѣмъ уже собралась уѣзжать, застѣнчиво предложивъ свою помощь Флорану, который отъ нея отказался. Въ эту минуту къ ней подошелъ худой малый, съ большой головой, бородатый, съ тонкимъ носомъ и свѣтлыми глазами. То былъ одинъ знакомый ей живописецъ, добрый малый, съ широкими планами о преобразованіи искусства въ чисто реальномъ духѣ и съ пустымъ вопиельемъ, по имени Клодъ Лантье, которому огородница сдала съ рукъ на руки Флорана. Они безцѣльно бродили по рынку, послѣ того какъ Клодъ свелъ Флорана въ знакомый ресторанъ, гдѣ какой-то пріятель угостилъ ихъ рюмкой пунша. Клодъ, засунувъ руки въ карманы, посвистывалъ и толковалъ про свою великую любовь къ этому разливному морю пицци, которая каждое утро заливаетъ самый центръ Парижа. Онъ бродилъ здѣсь по цѣлымъ ночамъ, мечтая о колоссальныхъ картинахъ. Клодъ бранилъ романтизмъ; онъ предпочиталъ груды капусты средневѣковымъ лохмотьямъ. Возбравшись на скамейку въ порывѣ восторга, онъ заставилъ своего спутника полюбоваться картиной занимающейся зари надъ овощами. То было цѣлое море. Оно танулось отъ св. Евстахія до улицы Рынка, между двумя группами павильоновъ. А съ двухъ концовъ на

обоихъ перекресткахъ, волна все расширялась, овощи наводняли мостовую. Заря медленно занималась, сообщая всѣмъ предметамъ свѣтлый акварельный тонъ. Эти груды овощей, напоминавшія сжатенныя волны, это море зелени, которое какъ-бы заливало мостовую, подобно осеннему разливу, принимало нѣжныя, тигровыя оттѣнки, отливало лиловымъ, блѣдно-розовымъ, зеленымъ, переходящимъ въ желтый цвѣтъ.

Клодь хлопалъ въ ладоши при видѣ этого зрѣлища. Онъ находилъ, что «эти негодные овощи» изумительны, поразительны, безподобны! Онъ утверждалъ, что они не умерли, что вырванные изъ земли накануне, они ждали появленія солнца, чтобы проститься съ нимъ на мостовой рынка. Онъ говорилъ, что ему слышится предсмертное хрипѣние всѣхъ окрестныхъ огородовъ. Между тѣмъ толпа бѣлыхъ чепцовъ, черныхъ кофточекъ, голубыхъ блузъ наполняла узкія тропинки, оставленныя между кучами. То были цѣлый муравейникъ. Большія ноши носильщиковъ мелькали надъ головами. Перекупщики, мелочные торговцы спѣшили, покупали. Капраны и кучки монахинь тѣснились вокругъ капустныхъ горъ, повара учебныхъ заведеній нюхали воздухъ, отыскивая выгодной поживы. Возы все еще продолжали сваливать свой грузъ прямо на мостовую, точно булыжникъ, и новая волна присоединялась къ прежнимъ волнамъ, которыя уже доходили до противоположнаго троттуара. А изъ глубины улицы Понтъ-Нефъ тянулся нескончаемый рядъ новыхъ возовъ. — «Дивно хорошо!» повторялъ Клодь въ азартѣ.

Флоранъ страдалъ. Ему казалось, что его подвергаютъ какому-то нечеловѣческому соблазну. Вдругъ Клодь, не слѣзавшій со скамьи, увидѣлъ въ толпѣ бѣлокурую голову съ густыми волосами, за которой слѣдовала маленькая, черная головка, вся взъерошенная и кудрявая. — «Эге, Маржолентъ! Эге, Кадина!» закричалъ онъ. И такъ какъ голосъ его терялся въ общемъ гамѣ, то онъ спрыгнулъ на землю и бросился-было бѣжать, но вспомнилъ про Флорана, вернулся однимъ прыжкомъ и быстро проговорилъ: «Вы знаете, есть глухой переулокъ Бурдоннѣ. Мое имя написано мѣломъ на дверяхъ — Клодь Лантье... Приходите». Онъ исчезъ. Онъ не зналъ имени Флорана; онъ расстался съ нимъ, какъ и сошелся, на троттуарѣ улицы, сообщивъ ему о своихъ артистическихъ идеалахъ.

Флоранъ остался одинъ. Сначала онъ былъ радъ своему одиночеству. Съ тѣхъ поръ, какъ г-жа Франсуа подобрала его въ улицѣ Нейлли, онъ двигался въ какомъ-то полуснѣ и страданіи, которые мѣшали ему сознать окружающее. Наконецъ онъ былъ

свободенъ, онъ хотѣлъ встряхнуться, отдѣлаться отъ этой нестерпимой мечты о разливномъ морѣ яствъ, которая его преслѣдовала. Но голова его оставалась пуста; онъ разобралъ лишь въ своей душѣ глухой страхъ. Уже почти совсѣмъ разсвѣло; его могли теперь видѣть; онъ глядѣлъ на свои жалкіе панталоны и спортукъ. Два городскихъ сержанта ночной смѣны прохаживались рядомъ вдоль троттуара, заложивъ руки за спину; всякій разъ, какъ они проходили мимо скамейки, они поглядывали на дичь, которую чуяли на ней. Флоранъ вообразилъ, что они его узнаютъ, что они совѣщаются о томъ, чтобы арестовать его. Ужасъ охватилъ его. Имъ овладѣло безумное желаніе вскочить и убѣжать. Но онъ не рѣшался встать съ мѣста; не зналъ, какъ ему уйти. Наконецъ, поднялся со скамейки, удерживаясь изъ всѣхъ силъ, чтобы не пуститься бѣжать, и удалился шагомъ, пожимая плечами, съ ужаснымъ чувствомъ, что вотъ-вотъ сержанты схватятъ его за шиворотъ сзади.

Имъ овладѣла теперь одна мысль, одно стремленіе — уйти съ рынка. Онъ пытался выбраться изъ него, но тщетно: не зная дороги, онъ заблудился и очутился на прежнемъ мѣстѣ. Онъ страдалъ невыразимо. Дрожь пробѣгала по немъ; зубы его стучали, онъ боялся, что за-мертво упадетъ на землю. Въ глазахъ у него потемнѣло, онъ прислонился къ дереву, съ закрытыми глазами, со звономъ въ ушахъ. Сырая морковь, которую онъ проглотилъ, почти не жуя, производила судороги въ его желудкѣ, а выпитая имъ рюмка пунша совсѣмъ опьянила его. Онъ опьянѣлъ отъ нищеты, усталости, голода. Огонь палилъ его внутренности. Страданія его стали такими невыносимыми, что онъ предпочелъ двигаться, чтобы ихъ заглушить. Онъ пошелъ впередъ и снова очутился среди овощей. Онъ въ нихъ заблудился. Поднявъ глаза, онъ поглядѣлъ на рынокъ. Онъ пылалъ на солнцѣ. Громадный чугунный остовъ темнымъ контуромъ вырѣзался на яркомъ пламени восходящаго солнца. Пробужденіе было полное; въ настоящую минуту рынокъ кипѣлъ народомъ, звенѣлъ всѣми возможными голосами. Со всѣхъ сторонъ неслись крики разносчиковъ, которые пробивались точно рѣзкія ноты флейты среди низкаго и глухого ропота толпы. Здѣсь была рыба, масло, живность, говядина! Колокольный звонъ проносился въ воздухъ, покрывая собой рыночный гулъ. Вокругъ него солнце золотило овощи. Онъ не узнавалъ уже нѣжныхъ акварельныхъ тоновъ занимающейся зари. Сердцевина салата горѣла, зеленые цвѣта ярко сверкали, морковь рѣла, рѣпа сіяла въ этомъ морѣ пламени. Налѣво отъ него выгузались новые возы съ капустой. Море продолжало расти.

Сначала оно доходило ему до колѣнъ, затѣмъ до пояса, теперь грозило затопить съ головой. Остѣпленный, растерянный, со звономъ въ ухахъ, съ желудкомъ растерзаннымъ всѣмъ, что его окружало, чуя новое и необъятное обиліе пищи, онъ сталъ молить о пощадѣ, и безумное горе овладѣло имъ при мысли, что ему приходится умереть съ голоду въ этомъ сытомъ Парижѣ, среди сверхающаго пробужденія рынка. Крупныя и жгучія слезы хлынули изъ его глазъ...

Флоранъ оглянулся машинально. Онъ увидѣлъ маленькаго человѣчка, дюжаго, съ счастливымъ лицомъ, съ сѣдыми, стриженными подъ гребенку волосами, который держалъ подъ мышками двухъ жирныхъ гусей, головы которыхъ свѣшивались и колотили его по бокамъ. И внезапно, у него вырвалось движеніе радости; онъ побѣждалъ за этимъ человѣкомъ, забывая о своей усталости. Когда онъ нагналъ его, онъ позвалъ его, хлопая его по плечу: «Гаварь!» Тотъ поднялъ голову, съ удивленіемъ оглядѣлъ эту длинную, черную фигуру, которую не узнавалъ, потомъ, вдругъ вскричалъ, вѣвъ себя отъ изумленія: «Вы! вы! Неужели это вы!»

Онъ чуть-было не выронилъ своихъ жирныхъ гусей. Онъ никакъ не могъ успокоиться, но замѣтивъ, что за ними наблюдаютъ любопытные прохожіе, увелъ его за собой, говоря: «уйдемте отсюда... здѣсь есть лишніе уши и языки».

Гаварь сообщилъ Флорану, что братъ его Кеню открылъ колбасную въ двухъ шагахъ, въ улицѣ Рамбюто, напротивъ рынка, и повелъ его туда.

Въ дверяхъ лавки стояла женщина, озаренная солнечными лучами.

Она была красавица, полная, но не слишкомъ жирная. Тонкая кожа ея отличалась той прозрачною бѣлизной и тѣмъ нѣжнымъ румянцемъ, какой обыкновенно замѣчается у людей живущихъ среди жира и сырого мяса. Она была серьезна, весьма спокойна, съ медлительными движеніями и строгими губами. Костюмъ ея отличался безукоризненной свѣжестью и опрятностью и вся фигура дышала честностью.

— Это жена вашего брата, ваша невестка Лиза, сказалъ Гаварь Флорану. Онъ кивнулъ ей слегка головой и прибавилъ: «Погодите, я погляжу, нѣтъ ли кого у вашего брата. Вы войдете, когда я хлопну въ ладоши».

Онъ толкнулъ дверь, но когда Флоранъ слышалъ за дверью голосъ своего брата, то однимъ прыжкомъ очутился въ комнатѣ. Кеню, который его обожалъ, бросился ему на шею. Они цѣловались какъ дѣти.

— Ахъ, чортъ возьми! ахъ, это ты! бормоталъ Кеню; вотъ уже никакъ не ожидалъ! Я считалъ тебя умершимъ, я еще вчера говорилъ Лизѣ: — Этотъ бѣдный Флоранъ...

Онъ остановился и закричалъ, просовывая голову въ лавку:

— Эй, Лиза! Лиза!

Затѣмъ, обратившись къ маленькой дѣвочкѣ, которая забилась въ уголъ:

— Полина, поди позови мать.

Но дѣвочка не тронулась съ мѣста. Это былъ великолѣпный ребенокъ лѣтъ пяти, съ большимъ круглымъ лицомъ, очень напоминавшимъ красавицу-колбасницу. Она держала въ рукахъ громадную желтую кошку, которая себя не помнила отъ удовольствія и распустила лапы; дѣвочка сжимала кошку изъ всей мочи своими маленькими ручками, сгибаясь подъ ея тяжестью и какъ-бы опасаясь, чтобы этотъ плохо одѣтый господинъ не укралъ кошки.

Лиза медленно вошла.—Это Флоранъ, это мой братъ, повторять Кеню.

Она назвала его «monsieur», но обошлась очень ласково. Она спокойно оглядѣла его съ ногъ до головы, не выказывая невѣжливаго недоумѣнія. Только губы ея слегка улыбались. Мужъ ея наконецъ успокоился. Тогда онъ замѣтилъ удобу и нищету Флорана: «Ахъ! мой бѣдный другъ,—сказалъ онъ,—ты не похорошѣлъ тамъ... А я вотъ разжирѣлъ, чтó дѣлать!»

Онъ дѣйствительно былъ жиренъ, черезъ-чуръ жиренъ для своихъ тридцати лѣтъ. Его выбритое лицо удлиннилось, и приняло отдаленное сходство съ свиными рылами, съ тѣмъ мясомъ, которое по цѣлымъ днямъ мали его руки. Флоранъ едва узнавалъ его. Онъ сѣлъ и глаза его переходили отъ брата къ красавицѣ Лизѣ, къ маленькой [Полинѣ]. Они дышали здоровьемъ; они сияли и поглядывали на него съ изумленіемъ очень тучныхъ людей, которыми овладѣваетъ смутная тревога при видѣ тощаго человѣка. И сама кошка, вся лоснившаяся отъ жиру, недовѣрчиво палила на него свои желтые глаза.

— Ты подождешь завтрака, не правда-ли? спросилъ Кеню. Мы рано ѣдимъ, въ десять часовъ.

Сильный запахъ кухни проникалъ въ комнату. Флорану представилась ужасная ночь, которую онъ провелъ, его пребываніе среди овощей, его агонія среди рынка, тотъ непрерывный потокъ пищи, отъ котораго онъ только-что избавился. Онъ проговорилъ тихимъ голосомъ, съ кроткой улыбкой.

— Нѣтъ! я, видишь-ли, голоденъ.

II.

Флоранъ только-что поступилъ на юридическій факультетъ въ Парижъ, когда умерла его мать. Она жила въ Виганъ и вышла вторично замужъ за нормандца Кеню, изъ Ивето, котораго привезъ на югъ одинъ суб-префектъ, да и забылъ его тамъ. Онъ такъ и остался чиновникомъ при суб-префектурѣ, находя край прекраснымъ, вино вкуснымъ, а женщинъ пріятными. Три года спустя послѣ женитьбы, онъ умеръ отъ расстройства желудка. Въмѣсто всякаго наслѣдства онъ оставилъ женѣ толстаго мальчугана, который былъ очень на него похожъ. Матери было очень тяжело платить за обученіе въ коллегіи своего старшаго сына Флорана, родившагося отъ перваго брака. Онъ доставлялъ ей много радости: былъ очень кротокъ, учился усердно, получалъ первыя награды. На немъ сосредоточила она всю свою нѣжность, всѣ свои надежды. Быть можетъ, въ любви къ этому блѣдному и тонкому мальчику сказалось предпочтеніе къ первому мужу, ласковому и изнѣженному провансальцу, который любилъ ее до смерти. Быть можетъ Кеню, прельстившій ее сначала своимъ веселымъ нравомъ, оказался слишкомъ жирнымъ, слишкомъ самодовольнымъ. Она рѣшила, что изъ ея младшаго сына ничего путнаго не выйдетъ, и предоставила ему бить баклуши. Братья росли вдали одинъ отъ другого, какъ чужіе.

Когда Флоранъ прибылъ въ Виганъ, его мать только-что схоронили. Она требовала, чтобы отъ него срывали ея болѣзнь до послѣдней минуты, чтобы не мѣшать его занятіямъ. Онъ нашелъ маленькаго Кеню, которому было двѣнадцать лѣтъ, въ кухнѣ; мальчикъ сидѣлъ на столѣ и заливался горькими слезами. Со-сѣдъ, мебельный торговецъ, рассказалъ Флорану про агонію несчастной матери. Она истощила послѣднія средства, убила себя на работѣ, чтобы сынъ ея могъ окончить свое «право». Эта повѣсть произвела потрясающее впечатлѣніе на нѣжный характеръ Флорана. Слѣзы душили его. Онъ обнялъ брата, прижалъ его къ груди и осыпалъ поцѣлуями, какъ-бы желая вознаградить за любовь, которой онъ его лишилъ. Онъ глядѣлъ на разорванные башмаки, прорванные локти, грязныя руки, всю эту нищету заброшеннаго ребенка и твердилъ ему, что возьметъ его съ собой, что сдѣлаетъ его счастливымъ. Онъ сдержалъ свое слово. Продавъ послѣднія крохи изъ материнскаго имущества, онъ вернулся съ братомъ въ Парижъ и зажилъ тамъ съ нимъ въ большой комнатѣ дома, занимавшаго уголъ улицы Ройе-Колларъ и

Сень-Жакъ, которую меблировалъ двумя желѣзными кроватями, шкапомъ, столомъ и четырьмя стульями. Ему пришлось отказаться отъ юриспруденціи; онъ жилъ уроками и содержалъ ими брата, котораго обожалъ, баловалъ и держалъ до восемнадцати лѣтъ на полной волѣ и въ совершеннѣйшей праздности, точно дѣвушку-невѣсту. Онъ даже не давалъ ему заниматься ихъ маленькимъ хозяйствомъ, самъ ходилъ покупать провизію и самъ стряпалъ. Это, говаривалъ онъ, отгоняло отъ него дурныя мысли. Онъ былъ обыкновенно мраченъ и считалъ себя злымъ.

Но краткая болѣзнь Флорана, истощившая всѣ его небольшіе ресурсы, заставила Кеню одуматься; онъ нашелъ, что пора ему перестать бить баклуши и рѣшилсѣ научиться какому-нибудь мастерству. Перепробовавъ ихъ съ десятокъ, онъ открылъ наконецъ свое призваніе. Онъ сталъ поваромъ. Оба брата пріобрѣли себѣ друга. Въ домѣ, въ которомъ они жили, находилась большая лавка съѣстныхъ припасовъ, которую содержалъ одинъ почтенный человѣкъ; по имени Гаваръ. Когда Флоранъ возвращался слишкомъ поздно, чтобы заниматься стряпней, то покупалъ у Гавара кусокъ жареной индѣйки или гуся. То были дни настоящихъ пиршествъ. Гаваръ наконецъ заинтересовался этимъ худымъ малымъ, узналъ его исторію и приручилъ къ себѣ меньшого брата. Вскорѣ Кеню почти переселился въ кухню Гавара. Тамъ вѣроятно впервые въ немъ проснулася любовь къ стряпнѣ. Онъ сначала боялся признаться въ своемъ призваніи брату, который не отличался большимъ аппетитомъ и относился ко всякимъ яствамъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ гастрономическаго невѣжды. Но видя, что Флоранъ внимательно слушаетъ, когда онъ объясняетъ ему какое-нибудь весьма сложное блюдо, признался, въ какую сторону его тянетъ, и поступилъ въ большой ресторанъ. Съ тѣхъ поръ жизнь обоихъ братьевъ вполне опредѣлилась. Они продолжали обитать въ своей большой комнатѣ, въ улицѣ Ройе-Колларъ, гдѣ сходились каждый вечеръ: одинъ, съ лицомъ рагорѣвшимся отъ плиты, другой съ измученной физиономіей злосчастнаго оборванца - учителя. Флоранъ, не снимая чернаго сюртука, занимался исправленіемъ сочиненій и упражненій своихъ учениковъ, между тѣмъ какъ Кеню, чтобы ему было привольнѣе, снова надѣвалъ свой бѣлый передникъ, бѣлую куртку и бѣлый колпакъ и готовилъ въ печѣ какое-нибудь лакомое блюдо. Иногда они улыбались контрасту, который представляли: одинъ весь бѣлый, другой весь черный. Никогда болѣе противоположныя натуры не уживались лучше! Хотя старшій все худѣлъ, сжигаемый южной кровью своего отца, а младшій

все толстѣлъ, какъ достойный сынъ нормандца — они обожали другъ друга.

Эти годы прошли для Флорана, какъ сладкій и вмѣстѣ съ тѣмъ печальный сонъ. Онъ узналъ всѣ горькія радости самоотверженія. Дома, онъ весь преисполнялся нѣжностью. Внѣ дома, переноса обиды и униженія отъ своихъ учениковъ, терпя толчки прохожихъ, онъ чувствовалъ себя недобрымъ. Его убитое честолюбіе распалялось. Ему потребовались долгіе мѣсяцы, чтобы покорно склонить голову и примириться съ страданіями человѣка некрасиваго собой, дюжиннаго по уму и бѣднаго. Желая убитъ злобу, онъ ударился въ идеальное добро; онъ создалъ себѣ рай справедливости и абсолютныхъ добродѣтелей. Тогда онъ сталъ республиканцемъ; онъ поступилъ въ республиканцы, какъ дѣвушки, въ порывѣ отчаянія, поступають въ монахини. Убаюкивать себя, усыплять, мечтать, что онъ вполнѣ счастливъ, что весь міръ скоро станетъ счастливъ, строить республиканскій городъ, въ которомъ онъ желалъ бы жить: вотъ чтó служило ему отдыхомъ, вотъ чѣмъ онъ наполнялъ часы досуга! Онъ совсѣмъ пересталъ читать, кромѣ тѣхъ книгъ, которыя ему были необходимы для его учительскихъ занятій. Онъ отправлялся бывало вдоль улицы Сентъ-Жакъ до крайнихъ бульваровъ, совершалъ длинную прогулку и возвращался черезъ итальянскую заставу; и во всю дорогу, устремивъ глаза въ кварталъ Муфтаръ, разстилавшійся у него подъ ногами, онъ придумывалъ нравственные мѣры, гуманные законопроекты, которые превратили бы этотъ городъ страданія въ городъ блаженства. Когда февральскіе дни окровавили Парижъ, онъ пришелъ въ отчаяніе, бѣгалъ по клубамъ, требуя искупить эту кровь «братскимъ поцѣдуемъ республиканцевъ всего міра.» Онъ сдѣлался однимъ изъ тѣхъ ораторовъ-иллюминатовъ, которые проповѣдывали революцію, какъ новую религію, исполненную благодати и искупленія. Потребовались декабрьскіе дни, чтобы отрезать его отъ всесвѣтной нѣжности. Онъ былъ безоруженъ. Онъ дался въ руки, какъ баранъ, а съ нимъ поступили, какъ съ волкомъ. Когда онъ пробудился отъ своей проповѣди о братствѣ, то умиралъ съ голода на холодной плитѣ Бисетрсаго каземата.

Кеню, которому было тогда двадцать-два года, смертельно встревожился, видя, что братъ пропалъ изъ дому. Онъ побѣждалъ его розыскивать и, наконецъ, уже черезъ недѣлю узналъ въ полицейской префектурѣ, что братъ арестованъ. Ему удалось наконецъ повидаться съ Флораномъ. Но вернувшись изъ Бисетра, онъ долженъ былъ лечь въ постель, и три недѣли пролежалъ въ горячкѣ. Это была его первая и единственная болѣзнь. Вѣсть,

что Флорана сослала въ Кайенну, произвела такой кризисъ, что на другой же день Кеню поднялся на ноги. Горесть его растала; его жирное тѣло точно поглотило всѣ его слезы. Мѣсяць спустя онъ смѣялся, раздражался, горюя о томъ, что могъ смѣяться; затѣмъ веселый нравъ бралъ верхъ и онъ смѣялся безсознательно.

У братьевъ былъ родственникъ въ Парижѣ, братъ ихъ матери, по имени Градель, у котораго была колбасная лавка въ улицѣ Пируэттъ въ рыночномъ кварталѣ. Это былъ скупой и грубый человѣкъ, который принялъ ихъ, какъ нищихъ, когда они впервые посѣтили его. Но убѣдись, что племянники не рассчитываютъ на его помощь, сталъ терпѣть ихъ рѣдкія посѣщенія. Къ нему-то поступилъ теперь Кеню. Онъ учился колбасному дѣлу, которое нравилось ему еще больше, чѣмъ поварская стряпня.

Кеню былъ доволенъ своей жизнью у Граделя, тѣмъ болѣе, что приобрѣлъ себѣ друга въ его домѣ. Когда жена Граделя умерла, то ему волей-неволей пришлось нанять себѣ конторщицу. Онъ выбралъ здоровую, красивую дѣвушку, зная, что такая пріятнѣе для покупателя и придаетъ болѣе аппетитный видъ произведеніямъ колбаснаго искусства. Лиза была старшая дочь Маккаровъ изъ Плессана. Отецъ ея былъ еще живъ. Она говорила, что онъ находится за границей и никогда ему не писала. Порою она проговаривалась, что мать ея при жизни была ликой работницей и что она уродилась въ мать. Она дѣйствительно была очень упорна въ трудѣ, но прибавляла также, что мать убила себя на работѣ, чтобы содержать домъ въ порядкѣ. Лиза очень разумно рассуждала объ обязанностяхъ жены и объ обязанностяхъ мужа, чѣмъ приводила въ восторгъ Кеню. Онъ утверждалъ, что вполне раздѣляетъ ея идеи. А идеи Лизы заключались въ томъ, что всѣ люди должны работать, чтобы добывать себѣ пропитаніе; что каждый обязанъ самъ заботиться о своемъ счастьи; что поощрять лѣность вредно; наконецъ, что если есть несчастные, то тѣмъ хуже для этихъ лѣнтяевъ. Въ этихъ мнѣніяхъ звучало рѣзкое осужденіе пьянства, традиционной лѣни стараго Маккара. Но, помимо ея сознанія, Маккаръ громко говорилъ въ ней; она сама была Маккаромъ, но только разсудительнымъ, благоразумнымъ, логичнымъ въ своихъ стремленіяхъ къ благосостоянію. Она поняла, что всего легче убавить себя въ счастливой нѣгѣ, когда своими руками взобьешь свой пуховикъ. Она посвящала этому пуховику все свое время, всѣ свои помысленія. Уже съ шестилѣтняго возраста, она соглашалась весь день смирно сидѣть на своемъ стулѣ, съ условіемъ,

вечеромъ ей дадутъ въ награду сладкій пирожокъ. Вскорѣ лтность фартуговъ Лизы вошла въ пословицу въ кварталѣ. Дядюшка Градель былъ такъ доволенъ этой красивой дѣвушкой, что говаривалъ Кеню, изготовляя сосиски:—«если бы мнѣ не стукнуло шестидесяти лѣтъ, честное слово, я сдѣлалъ бы глупость и женился на ней... У этой женщины золотыя руки.» Кеню вторилъ похваламъ дяди, однако громко расхохотался, когда одинъ сосѣдъ обвинилъ его въ томъ, что онъ влюбленъ въ Лизу. Онъ не испытывалъ при ней ни малѣйшаго безпокойства. Они были большіе друзья. Вечеромъ вмѣстѣ всходили по лѣстницѣ, уходя спать. Лиза занимала возлѣ темнаго чулана, гдѣ спалъ Кеню, маленькую комнатку, которую она изукрашила бѣлыми кисейными занавѣсками. Они останавливались на минуту на площадѣ, со свѣчей въ рукѣ, болтая и вкладывая ключъ въ замокъ своей двери. И затѣмъ запирали дверь, дружески произнеся:

— Спокойной ночи, *mademoiselle* Лиза.

— Спокойной ночи, *monsieur* Кеню.

Такъ продолжалось цѣлый годъ, и при этомъ Лиза ни разу не покраснѣла, а Кеню ни разу не смутился. Однажды утромъ дядюшку Граделя пристукнуло параличъ, въ то время, какъ онъ приготовлялъ галантирь. Онъ упалъ носомъ прямо на тотъ столъ, гдѣ рубилъ мясо. Лиза не потеряла присутствія духа. Она сказала, что не слѣдуетъ оставлять покойника въ кухнѣ, и велѣла снести его въ спальню. Затѣмъ придумала цѣлую исторію вмѣстѣ съ прислужниками: всѣ должны были говорить, что дядюшка умеръ въ своей постелѣ,—если не желали разогнать покупателей. Кеню былъ единственнымъ наслѣдникомъ Граделя, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Флораномъ. Дядюшка оставилъ по себѣ восемьдесятъ пять тысячъ франковъ, которые Лиза откопала въ кадкахъ, гдѣ солили мясо. У Лизы было своего приданаго около десяти тысячъ франковъ. Кеню пожелалъ, чтобы она присоединила ихъ къ восьмидесяти пяти тысячамъ и спрятала «кладъ» въ свой комодъ. Свадьба произошла черезъ мѣсяцъ. Весь кварталъ нашелъ ее весьма естественной и вполне приличной. Исторія съ кладомъ смутно распространилась и честность Лизы служила предметомъ нескончаемыхъ похвалъ; вѣдь въ концѣ-концовъ она могла скрыть свою находку и если сказала о ней Кеню, то прямо изъ честности, такъ какъ ее никто не видѣлъ. Она заслуживала того, чтобы Кеню на ней женился. Этому Кеню, право, везетъ. Онъ некрасивъ, а нашелъ себѣ красавицу жену, которая отрыла ему состояніе. Восхищеніе зашло такъ далеко, что стали толковать шопотомъ, что «Лиза право глупа, что такъ посту-

пиза». Лиза улыбалась, когда ей обиняками говорили объ этихъ вещахъ. Она и мужъ ея жили по прежнему въ тѣсной дружбѣ, въ счастливомъ мирѣ. Она помогала ему, дотрогивалась до его рукъ, приготовляя начинки, склонялась надъ его плечомъ, чтобы заглянуть въ кастрюли. Но по прежнему лишь огонь плиты заставлялъ рдѣть ихъ щеки.

Однажды, въ сумерки, когда въ колбасной царствовалъ мракъ, оба супруга услышали, какъ передъ ихъ дверью одна женщина изъ квартала говорила другой:—и, нѣтъ! я больше не забираю у нихъ товара; я, душа моя, не куплю у нихъ больше ни кусочка колбасы... У нихъ въ кухнѣ побывалъ мертвецъ.

Кеню заплакалъ съ досады. Исторія про мертвеца, побывавшаго въ кухнѣ, распространилась въ кварталѣ. Онъ краснѣлъ, когда покупатели какъ-будто принюхивались къ его товару. Лиза, ни слова не говоря, пріискала новую лавку, въ двухъ шагахъ, въ улицѣ Рамбюто, на отличномъ, бойкомъ мѣстѣ. Кеню увлекся и употребилъ на отдѣлку лавки больше тридцати тысячъ франковъ. Стѣны были выложены бѣлымъ мраморомъ. Потолокъ зеркальный, полъ мозаичный, бѣлый съ розовымъ. Лиза проводила цѣлые дни съ работниками, вникая во всякія мелочи. Когда она въ первый разъ стала за прилавокъ, то весь кварталъ перебивалъ у нихъ, единственно за тѣмъ, чтобы поглядѣть на новую лавку. Кварталъ возгордился своей колбасной. Въ продолженіи цѣлаго мѣсяца прохожіе останавливались на троттуарѣ, чтобы поглядѣть на Лизу, сквозь колбасы и окороки, красовавшіеся на выставкѣ. Она казалась душой, свѣтлымъ гениемъ, здравымъ и трезвымъ идоломъ колбасной: съ тѣхъ поръ ее стали звать не иначе, какъ красавица-Лиза.

Дѣла пошли прекрасно. Черезъ пять лѣтъ у нихъ было около восьмидесяти тысячъ франковъ капитала въ вѣрныхъ процентныхъ бумагахъ. Лиза объясняла, что они не честолюбивы и не гонятся за скорой наживой.—Знаете ли, говорила она въ минуты откровенности, у меня есть кузень въ Парижѣ... Я съ нимъ не вижу, наши семьи въ ссорѣ. Онъ принялъ имя Саккара, чтобы заставить забыть кое-какія продѣлки... Ну, вотъ меня убѣждаютъ, будто этотъ кузень наживаетъ миллионы. Онъ не живетъ, а въ котлѣ кипитъ, вѣчно мается и не знаетъ покоя ни днемъ, ни ночью. Я не вѣрю въ такіе миллионы. Я видѣла его на-дняхъ, какъ онъ ѣхалъ въ каретѣ; онъ желтъ какъ лимонъ и совсѣмъ не веселъ. У человѣка, который наживаетъ много денегъ, не должно быть такое лицо. Ну, да это его дѣло... Мы

предпочитаемъ нажить пять франковъ и насладиться на эти пять франковъ.

Хозяйство ихъ дѣйствительно процвѣтало. У нихъ родилась дочь въ первый же годъ ихъ брака. Весело было глядѣть на нихъ троихъ. Жизнь текла привольно, счастливо, безъ большихъ хлопотъ, какъ того желала Лиза. Она старательно устраняла всякіе поводы къ безповойству и дни ихъ текли среди жирнаго воздуха и соннаго благополучія. То былъ уголокъ, гдѣ процвѣтало разсудочное счастье; комфортабельный хлѣвъ, въ которомъ откармливали самихъ себя мать, отецъ и дочь.

И вотъ, въ эту-то среду благоразумныхъ радостей и жирнаго, обдуманнаго благополучія влетѣлъ Флоранъ, какъ бомба, въ одинъ прекрасный сентябрьскій день, въ тотъ часъ, какъ Лиза грѣлась на солнышкѣ, а Кеню, съ заспанными глазами, лѣниво выкладывалъ застывшій жиръ изъ вчерашнихъ кастрюль. Колбасная пережила цѣлую революцію. Гаваръ пожелалъ, чтобы «ссылнаго», какъ онъ выражался, пріютили. Лиза, блѣднѣе и серьбѣе обыкновеннаго, провела его въ пятый этажъ, гдѣ отвела ему комнату своей служанки. Рѣшено было выдать его за кузена Лизы, пріѣхавшаго изъ Америки. Баснѣ этой благопріятствовало то обстоятельство, что Флоранъ вернулся во Францію съ документами одного бѣдняги, умершаго отъ желтой лихорадки у него на рукахъ, въ Суринамѣ. По странному стеченію обстоятельствъ, этого человѣка тоже звали Флораномъ. Прохворавъ нѣсколько дней, нашъ Флоранъ за-ново экипировался снова въ черное съ головы до ногъ, не смотря на совѣты Кеню, на котораго этотъ цвѣтъ нагонялъ тоску. Его перестали прятать. Лиза всѣмъ рассказывала про исторію своего кузена. Онъ жилъ въ колбасной; за обѣдомъ Кеню пичкалъ его кушаньями, сердясь, что онъ мало ѣстъ. Лиза снова зажила своей мирной жизнью; она терпѣла Флорана въ лавкѣ даже по утрамъ, когда онъ стѣснялъ торговлю; иногда она совсѣмъ забывала про него, и когда вдругъ замѣчала черную фигуру, то слегка вздрагивала, однако улыбалась ему, чтобы не обидѣть. Безвыростіе этого тощаго человѣка, отказавшагося принять свою долю въ наслѣдствѣ стараго Граделя, которую она поспѣшила ему предложить, поразило ее; онъ внушалъ ей нѣкоторое уваженіе, къ которому примѣшивался смутный страхъ.

Гаваръ съ своей стороны искалъ мѣста для Флорана, но желалъ обставить его совсѣмъ необычайными условіями. Ему хотѣлось найти какое-нибудь драматическое занятіе или такое, какое было бы отмѣчено горькой ироніей, ^{size} какъ подобало для

«сильнаго». Гаваръ былъ человѣкъ оппозиціи. Ему стукнуло пятьдесятъ лѣтъ и онъ хвалился тѣмъ, что проучилъ на своемъ вѣку цѣлыхъ четыре правительства. Карлъ X; попы, дворяне, вся эта ракалія, которую, онъ выпшвырнулъ за дверь, заставляла его пожимать плечами! Луи-Филиппъ былъ дуракъ съ своими буржуа и онъ рассказывалъ исторію про шерстяные чулки, куда король-гражданинъ пряталъ свои мѣдные гроши! Что касается республики 1848 г., то это былъ фарсъ, работники надули его; но онъ не признавался, что рукоплескалъ 2-му декабря, потому что считалъ теперь Наполеона III своимъ личнымъ врагомъ, канальей, который заперался съ Морни и другими, чтобы «пировать на славу». На этотъ счетъ онъ былъ неистовымъ; онъ многогласно утверждалъ, что каждый вечеръ закрытые экипажи привозили женщинъ въ Тюльери и что онъ самъ слышалъ однажды шумъ оргіи съ Карусельной площади. Религія Гавара заключалась въ томъ, чтобы быть какъ можно непріятнѣе для правительства. Онъ вотировалъ за кандидата, который долженъ былъ «бѣсить министровъ» въ законодательномъ корпусѣ. Если онъ могъ надути акцизъ, провести полицію, заварить какую-нибудь кашу, то старался придать всему дѣлу какъ можно болѣе революціонный характеръ. Онъ лгалъ, впрочемъ, когда выдавалъ себя за человѣка опаснаго, который могъ бы навести трепетъ на «шайку въ Тюльери», если бы только она прослышала про него; онъ говорилъ, что слѣдуетъ гильотинировать половину этихъ негодяевъ, а другую сослать, при «первой же оказіи». Такимъ образомъ вся его болтливая и свирѣпая политика питалась пусто-звонной похвалой, баснями, отъ которыхъ уши вяли, той потребностью къ гвалту и сумятицѣ, которая заставляетъ парижскаго лавочника отпирать ставни въ день баррикады, чтобы поглядѣть на трупы. Поэтому, когда Флоранъ вернулся изъ Байенны, онъ придумалъ злую штуку, ломая голову какимъ бы особенно остроумнымъ образомъ насмѣяться надъ императоромъ, министерствомъ и всѣми чиновниками, до послѣдняго городского сержанта включительно.

Обращеніе Гавара съ Флораномъ было преисполнено запретной радости. Онъ подмигивалъ ему, говорилъ ему на ухо самыя простыя вещи въ мірѣ и съ масонскими пріемами жалъ ему руку. Наконецъ-то онъ набрелъ на приключеніе; онъ нашелъ товарища, по настоящему скомпрометтированнаго, и могъ безъ всякой лжи толковать объ опасностяхъ, которымъ подвергался. Онъ испытывалъ, конечно, страхъ, въ которомъ не признавался самому себѣ, когда глядѣлъ на этого тощаго малаго, худоба ко-

торого повѣствовала о долгихъ страданіяхъ; но этотъ сладкій страхъ придавалъ ему значеніе въ своихъ собственныхъ глазахъ, убѣждалъ его, что онъ дѣлаетъ удивительно доблестный поступокъ, укрывая, какъ друга, такого опаснаго человѣка, какъ Флоранъ.

Наконецъ, ему удалось найти мѣсто для послѣдняго въ своемъ вкусъ. Одинъ изъ его друзей, инспекторъ рыбы на рынкѣ, Верлакъ, былъ такъ боленъ, что желалъ взять отпускъ и найти человѣка, который бы замѣнилъ его на время.

— Но вы понимаете, прибавилъ Гаваръ, что Верлакъ не протянетъ долѣе шести недѣль и Флоранъ сохранить его мѣсто. Это славная штука! Каковъ носъ натянемъ мы полиціи! Мѣсто-то зависить отъ префектуры. То-то забавно, если Флоранъ будетъ получать жалованье отъ этихъ сбировъ!

Онъ хохоталъ и находилъ все дѣло въ высшей степени комичнымъ.

Флоранъ не хотѣлъ и слышать о подобномъ мѣстѣ, но его сопротивленіе разбилось о желѣзную волю Лизы. Эта женщина, которая не выносила праздности, которая не вѣрила въ возможность того, чтобы честный человѣкъ умиралъ съ голода и говорила:—все это пустыя фразы, когда толкуютъ: «такой-то-де умираетъ съ голоду». Всегда бываетъ, что поѣсть, *болѣе или менѣе...* надо быть совсѣмъ потеряннымъ, совсѣмъ погибшимъ человѣкомъ!... Эта женщина, о которой ея племянникъ, извѣстный уже намъ живописецъ, Клодъ Лантье, говорилъ, что *она не любитъ несчастныхъ людей*, кончила тѣмъ, что стала раздражаться, встрѣчая Флорана безпрестанно на своей дорогѣ, празднымъ, не знающимъ, куда убрать свои длинныя ноги и руки. Сначала въ ней заговорила сознательная вражда противъ людей, которые живутъ сложа руки. Она ему повторяла:—«Нѣтъ, я бы не могла проводить цѣлые дни въ мечтаніяхъ. Не мудрено, что у васъ нѣтъ аппетита за обѣдомъ... Надо, чтобы человѣкъ работалъ.» Но потомъ, когда поселеніе Флорана у Кеню взбудоражило весь кварталъ и подало поводъ къ безконечнымъ сплетнямъ и толкамъ, она стала особенно настаивать на томъ, чтобы Флоранъ принялъ предлагаемое мѣсто.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорила колбасница, это дѣло рѣшеное... Послушайте, любезный Флоранъ, вы достаточно натерпѣлись. Пора вамъ образумиться. Вы принадлежите къ честной семьѣ, вы получили образованіе и, право, неприлично вамъ шататься безъ дѣла, какъ какому-нибудь нищему... Въ ваши лѣта непозволительно дурачиться... Вы наглушили, ну, вамъ простать это,

позабудутъ ваши дурачества. Вы снова вернетесь въ свой кругъ, въ кругъ честныхъ людей, словомъ, вы заживете, какъ и всѣ люди.

Флорантъ слушалъ ее изумленный, не находя слова, чтобы возразить ей. Она, конечно, была права. Она, такая здравомыслящая, такая спокойная, не могла желать худого. Онъ, одинъ онъ, разумѣется, неправъ!

Она продолжала дружески журить его, какъ маленькаго мальчика. Послѣдній аргументъ ея былъ слѣдующій:—Сдѣлайте это для насъ, Флорантъ. Мы занимаемъ извѣстное положеніе въ кварталѣ, которое вынуждаетъ насъ къ большой осмотрительности... Я боюсь сплетень, говоря вамъ откровенно. Это мѣсто все улаживаетъ, вы станете особой, вы принесете намъ честь.

Она переходила въ ласкающій тонъ. Флорантъ чувствовалъ, какъ таяла его воля въ этомъ жирномъ воздухѣ, которымъ онъ дышалъ уже цѣлыхъ двѣ недѣли. Его расслабляли тихіе вечера, проводимые въ столовой брата; ароматъ колбасъ и топленнаго свиного сала, видъ толстой Полины, засыпавшей у него на коленяхъ; въ немъ пробуждалось желаніе проводить много, много такихъ вечеровъ, отъ которыхъ онъ долженъ былъ разжирѣть. Но всего болѣе подбѣйствовалъ на его рѣшеніе котъ, Мутонъ. Мутонъ крѣпко спалъ, выставивъ брюхо вверхъ, прикрывъ одной лапой носъ, поджавъ хвостъ подъ себя, словно затѣмъ, чтобы ему было мягче лежать, и спалъ съ такимъ явнымъ наслажденіемъ, что Флорантъ пробормоталъ, глядя на него:

— Нѣтъ, это было бы слишкомъ глупо, наконецъ... Я согласенъ. Скажите, Гаваръ, что я согласенъ.

Тогда Лиза докончила набивать колбасу, вытерла пальцы краемъ передника. Она пожелала сама вставить свѣчу въ подсвѣчникъ своего деверя, между тѣмъ, какъ Гаваръ и Кеню поправляли Флорана съ его рѣшеніемъ. Надо же было утомониться въ концѣ-концовъ; политическія тревоженія не кормятъ. Лиза, стоя съ зажженной свѣчей въ рукѣ, глядѣла на Флорана съ довольнымъ выраженіемъ на своей красивой, спокойной фізіономіи священной коровы—Изиды.

III.

Гаваръ лишился жены нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ декабрьскаго переворота. Онъ держалъ лавку съѣстныхъ припасовъ до 1856 года. Въ эту эпоху прошелъ слухъ, что онъ на-

жилъ большія деньги, войдя въ компанію съ сосѣднимъ бакалейщикомъ, который взялъ подрядъ на доставку сушеныхъ овощей для крымской арміи. Какъ бы то ни было, но продавъ свою лавку, Гаваръ жилъ цѣлый годъ, какъ рантье. Но онъ не любилъ говорить о томъ, какъ нажилъ свое состояніе; это стѣсняло его, мѣшало выражать откровенно свое мнѣніе о крымской кампаніи, которую онъ называлъ рискованной экспедиціей, «затѣянной единственно лишь затѣмъ, чтобы упрочить тронъ и набить кое-кому карманы». Черезъ годъ онъ уже страшно скучалъ въ своей холостой квартирѣ и рѣшился нанять мѣсто въ павильонѣ живности на рынокѣ, единственно затѣмъ, чтобы найти себѣ развлеченіе, наполнить праздные дни рыночными сплетнями. У торговца живностью, изъ всѣхъ родныхъ, оставалась только невѣстка и племянница. Когда его жена умерла, то ея старшая сестра, м-ме Лёкёръ, овдовѣвшая за годъ передъ тѣмъ, оплакивала ее съ преувеличенной печалью и почти каждый вечеръ ходила утѣшать несчастнаго мужа. Въ это время она, по всей вѣроятности, питала желаніе понравиться ему и занять еще неостывшее мѣсто покойницы. Но Гаваръ ненавидѣлъ худыхъ женщинъ; онъ говорилъ, что ему непріятно чувствовать кости подъ кожей; онъ и кошекъ, или собакъ, ласкалъ только такихъ, которыя были жирны. М-ме Лёкёръ, оскорбленная, взбѣшенная тѣмъ, что денежки ея зятя ускользнули отъ ея рукъ, прониклась смертельной враждой къ нему. Зять сталъ ей личнымъ врагомъ, которымъ она занималась цѣлый день. Когда Гаваръ помѣстился на рынокѣ въ двухъ шагахъ отъ павильона, гдѣ Лёкёръ торговала масломъ, сыромъ и айцами, она обвинила его въ томъ, что онъ «нарочно придумалъ это, чтобы ее подразнить и сглазить ея торговлю». Съ этихъ поръ она стала непрерывно ныть, пожелтѣла еще сильнѣе и такъ раскисла, что дѣйствительно стала терять покупателей и дѣла ея пошли худо. Она долго держала при себѣ дочь одной изъ своихъ сестеръ, крестьянки, которая прислала къ ней дѣвочку и забыла про нее. Ребенокъ выросъ на рынокѣ. Такъ какъ ея фамилія по отцу была Сарріа, то ее вскорѣ стали звать не иначе, какъ Сарріеттой. Шестнадцати лѣтъ Сарріетта была такой развязной плутовкой, что господа пріѣзжали покупать сыръ единственно лишь затѣмъ, чтобы на нее поглядѣть. Но она не хотѣла знать господъ; она была настоящее дитя народа, съ блѣднымъ и смуглымъ лицомъ и глазами, горѣвшими какъ уголья. Выборъ ея палъ на одного носильщика, который исполнялъ порученія ея тетки. Когда, двадцати лѣтъ, она открыла собственную торговлю фруктами на

деньги, происхожденіе которыхъ всегда оставалось неразгаданнымъ, то ея любовникъ, требовавшій, чтобы его называли не иначе какъ м-г Жюль, началъ заниматься своей наружностью, носить чистыя блузы и бархатную фуражку, и являлся на рынокъ лишь послѣ полудня, въ туфляхъ. Неблагодарность Сарриетты окончательно ожесточила м-ше Лёкёръ. Ненависть свою къ Гавару она перенесла и на Кеню, съ которыми Гаваръ былъ друженъ. Появленіе Флорана заинтриговало ее, какъ и всѣхъ рыночныхъ кумушекъ. Флоранъ служилъ предметомъ пескончаемыхъ сплетенъ, и это обстоятельство послужило даже поводомъ къ примиренію между м-ше Лёкёръ и ея племянницей Сарриеттой.

— Не знаю, какія козни затѣваются у Кеню,—говорила въ одно прекрасное утро общая пріятельница тетки и племянницы, м-ле Сажэ,—но только дѣло неладно... Этотъ Флоранъ, этотъ кузень м-ше Кеню! какъ вы о немъ думаете?

М-ле Сажэ была старая дѣва; маленькое, совсѣмъ высохшее существо, въ полиняломъ платьѣ, съ вѣчной черной корзинкой на рукѣ, куда она складывала выманиваемые ею всѣми правдами и неправдами подачки, въ шляпкѣ изъ черной соломы, безъ лентъ, которая бросала хитрую тѣнь на ея бѣлесоватое лицо. Она знавала Кеню и Лизу еще съ того времени, какъ тѣ жили въ улицѣ Пируэтты у дядюшки Граделя. Сама она и до сихъ поръ жила въ этомъ домѣ, гдѣ нанимала квартиру уже цѣлыхъ сорокъ лѣтъ. Она существовала, по всей вѣроятности, небольшой рентой, о которой однако никогда не говорила. Однажды только упомянула, что родилась въ Шербургѣ. Больше отъ нея ничего не узнали. Она рассказывала только о другихъ, перечисляя число сорочекъ, которыя они отдавали въ мытье ежемѣсячно, и доводила страсть проникать въ чужія дѣла до того, что подслушивала у дверей и распечатывала чужія письма. Лычка ея трепетала весь кварталъ. День-деньской шныряла она съ своей пустой корзинкой, подъ предлогомъ закупки провизіи, ничего не покупая, собирая новости, расспрашивая о самыхъ незначительныхъ мелочахъ и такимъ образомъ узнавая до подлинности исторію домовъ, этажей, жителей квартала. Кеню всегда обвинялъ ее въ томъ, что она разгласила о томъ, что дядюшка Градель умеръ надъ кухоннымъ столомъ; съ тѣхъ поръ онъ питалъ къ ней вражду. М-ле Сажэ впрочемъ знала всю подноготную про дядюшку Граделя и про Кеню, и рассказывала ихъ жизнь до мельчайшихъ подробностей. Но прибытіе Флорана совсѣмъ сбило ее съ толку. М-ле Сажэ чувствовала себя больной, если въ ея

памятной книжкѣ появлялась прорѣха. А между тѣмъ она клялась и божилась, что уже видала гдѣ-то этого верзилу.

Всѣ три женщины тѣснѣ сдвинулись и понизили голосъ.

— Вы вѣдь помните,—замѣтила м-ме Лёкёръ,—что мы уже видали его разъ утромъ, съ прорванными сапогами, въ запыленномъ платьѣ и съ видомъ вора, который только-что совершилъ злое дѣло... Онъ меня пугаетъ; этотъ малый.

— Нѣтъ, онъ худой, но не злой человѣкъ, продолжала Сарриетта.

М-ме Сажэ размышляла. Она думала вслукъ: — я уже двѣ недѣли ломаю голову, я просто теряюсь въ догадкахъ... Гаваръ его конечно знаетъ... Я навѣрное встрѣчала его, не помню только гдѣ...

Она продолжала ломать голову, когда къ нимъ подлетѣла, какъ буря, еще новая особа. То была красавица рыбная торговка, Луиза Мегюдень, прозванная *Нормандкой*. У нея была смѣлая красота; кожа ея была почти также бѣлая и нѣжна, какъ и у Лизы, но въ глазахъ выражалось нахальство и вся особа дышала большимъ оживленіемъ. Она щеголяла прической, нарядами, и считалась одной изъ кокетливыхъ королевъ рынка. Она и Лиза жили одно время въ одномъ домѣ, въ улицѣ Пируэттъ, считались короткими пріятельницами; ихъ сближала отчасти ревность, заставлявшая постоянно заниматься другъ другомъ. Въ кварталѣ говорили: красавица-Нормандка, какъ говорили: красавица-Лиза. Это вынуждало каждую хлопотать о томъ, какъ бы поддержать свою репутацію красавицы. Наклонясь немного, колбасница могла изъ-за своего прилавка увидѣть, напротивъ, рыбную торговку, среди ея лососей и камбалы.

Онѣ наблюдали другъ за другомъ. Красавица-Лиза сильнѣе затыгивалась въ корсетъ. Красавица-Нормандка прибавляла перстней на пальцы и бантовъ на шею. Когда онѣ встрѣчались, то очень ласково обращались другъ съ другомъ, осыпали одна другую любезностями, изподтишка слѣдя одна за другой, отыскивая недостатки. Онѣ притворялись, что очень любятъ одна другую и забирали товаръ другъ у друга.

Но въ это достопамятное утро скрытая вражда и соперничество вышли наружу, и мнимыя пріятельницы поссорились не на живое, а на смерть.

Нормандка вылетѣла изъ колбасной, какъ буря.

— Она очень вѣжлива, нечего сказать, эта дурища Кеню! закричала она, завидя трехъ кумушекъ и радуясь случаю облегчить свою душу. Представьте, она сказала мнѣ сейчасъ, что я

продаю гнилую рыбу! Ахъ! да и отдѣлала-жъ я ее, скажу вамъ!.. Ужъ эта мнѣ лавчонка, съ ея испорченнымъ товаромъ, которымъ они отравляютъ народъ.

— А. кузенъ, что на это сказалъ? спросила зло m-lle Сажэ.

— Кузенъ! повторила Нормандка пронзительнымъ голосомъ, — такъ вы вѣрите въ кузена, скажите!.. Этотъ верзило — ея любовникъ.

Остальные три кумушки протестовали. Добродѣтель Лизы не подвергалась сомнѣнію въ кварталѣ.

— И, полноте! развѣ можно полагаться на этихъ толстыхъ тихонь, которыя совсѣмъ заросли жиромъ? Желала бы я поглядѣть на ея добродѣтель безъ сорочки!.. У нея мужъ слишкомъ глухъ, чтобъ не быть рогоносцемъ.

M-lle Сажэ качала головой, какъ-бы желая сказать, что она готова присоединиться къ этому мнѣнію.

— Она одѣла его въ новое съ ногъ до головы, замѣтила m-me Лёкёръ. Онъ долженъ ей стоить большихъ денегъ.

— Да, да, вы, быть можетъ, и правы, пробормотала старая дѣвица. Надо будетъ разузнать...

Тогда онѣ уговорились сообщать другъ другу обо всемъ, что будетъ происходить въ лавчонкѣ Кеню-Градель. Торговка масломъ увѣряла, что она желаетъ объяснить своему зятю, какихъ людей онъ посящаетъ. Между тѣмъ, Нормандка нѣсколько успокоилась; она была въ сущности добродушной женщиной и утомилась сплетнями. Когда она ушла, m-me Лёкёръ замѣтила лукаво:—Ужъ лучше бы она не толковала про чужихъ кузеновъ, когда сама нашла ребенка въ своей рыбной лавкѣ.

Всѣ три переглянулись со смѣхомъ. Потомъ, когда m-me Лёкёръ ушла въ свою очередь, Сарриетта замѣтила:—Моя тетушка напрасно занимается этими исторіями, она только пуще худѣетъ. Бывало она меня била, когда мужчины на меня заглядывались. Да-съ! сколько бы ни искала моя тетушка, а не найти ей ребеночка подъ своимъ изголовьемъ.

M-lle Сажэ опять расхохоталась. Затѣмъ, оставшись одна, направилась въ улицу Пируэттъ, размышляя про себя, что всѣ эти три «дуры» не стоили той веревки, на которой ихъ слѣдовало повѣсить.

Три дня спустя, всѣ формальности были совершены, префектура съ закрытыми глазами приняла Флорана изъ рукъ m-г Верлака, какъ временнаго помощника. Гаваръ пожелалъ ихъ сопровождать въ префектуру. Когда онъ вышелъ изъ нея вмѣстѣ

съ Флораномъ на улицу, то толкнулъ его въ бокъ, молча по-смѣиваясь и подмигивая лукавыми глазами. Городскіе сержанты, которыхъ онъ встрѣчалъ на улицѣ, казались ему, надо полагать, весьма забавными; потому что, проходя мимо нихъ, онъ слегка пожималъ плечами и корчилъ такую рожу, точно онъ удерживается, чтобы не разсмѣяться людямъ въ лицо.

На слѣдующій день Верлакъ сталъ посвящать новаго инспектора въ его дѣло. Верлаку приходилось нѣсколько дней сряду руководить Флораномъ въ томъ шумномъ мірѣ, за которымъ ему приходилось теперь наблюдать. Въ первое утро, когда Флоранъ прибылъ въ семь часовъ, онъ совсѣмъ растерялся, голова у него пошла кругомъ, глаза разбѣжались. Вокругъ аукціонныхъ столовъ уже бродили перекупщицы, между тѣмъ, какъ чиновники появлялись съ своими регистрами, а агенты экспедиторовъ, съ кожаными сумками черезъ плечо, дожидались выручки, сидя на опрокинутыхъ стульяхъ. Рыбу выгружали въ громадномъ количествѣ. Весь полъ былъ загроможденъ маленькими плетушками, большими ящиками и корзинами, мѣшками съ ракушками, изъ которыхъ струилась вода. Озабоченные опѣшники шагали черезъ груды рыбы, живо вытаскивали солому изъ плетушекъ, опорожняли ихъ и отбрасывали прочь, и въ одно мгновеніе она распрѣдѣляла доли по круглымъ корзинамъ, придавая имъ самый аппетитный видъ. Когда всѣ корзинки наполнились, Флоранъ могъ думать, что къ этому троттуару прибило цѣлую мель съ рыбой, которая еще дышала, отливая розовымъ перламутромъ, краснымъ коралломъ, молочно-бѣлымъ жемчугомъ, всѣми переливками красокъ и аквамариновыми тѣнями океана.

Флоранъ плохо слушалъ объясненія Верлака. Въ лицо ему дулъ свѣжій вѣтерокъ, морской вѣтерокъ, горькій и соленый, который ему былъ такъ хорошо знакомъ. Ему припоминались берега Гвѣаны, прекрасные дни плаванія. Ему казалось, что передъ нимъ разстилается заливъ въ моментъ отлива, когда отъ водорослей идетъ паръ на солнцѣ, обнаженные утесы высыхаютъ, а песокъ издаетъ сильный запахъ морской рыбы. Вокругъ Флорана рыба, весьма свѣжая, издавала тотъ рѣзкій и раздражающій запахъ, который отбиваетъ аппетитъ.

Верлакъ закашлялся. Сырость пробирала его, онъ плотнѣе закутывался въ свое кашне.

— Теперь, сказалъ онъ, перейдемъ въ отдѣленіе прѣсноводной рыбы.

Возлѣ павильона съ фруктами и послѣдняго по направленію къ улицѣ Рамбюто, аукціонный столъ окруженъ двумя круглыми

садками, раздѣленными на отдѣленія чугунными рѣшетками. Изъ жѣдныхъ крановъ текутъ тонкія струйки воды. Въ каждомъ отдѣленіи кипятъ раки, мелькаютъ черноватые спинки карповъ, видѣются угри, свертывающіеся въ кольца и развертывающіеся. Верлакъ еще сильнѣе расквашлся. Здѣсь сырость была болѣе прѣсная, слышался рѣчной запахъ, запахъ теплой воды, застрявшей на тогѣ.

Они вернулись въ павильонъ морской рыбы. Верлакъ водилъ Флорана и давалъ ему весьма сложныя объясненія. Между тѣмъ толпа росла вокругъ аукціонныхъ столовъ. Образовались сплошныя живыя стѣны. Тогда Флоранъ, который задыхался, объявилъ, что съ него довольно, что онъ все понялъ. Въ то время, какъ Верлакъ помогалъ ему выбраться изъ толпы, они очутились лицомъ къ лицу съ красавицей Нормандеой. Она не уступила имъ дороги и съ видомъ королевы спросила: — Неужели это рѣшено, что вы покидаете насъ, *monsieur* Верлакъ?

— Да, да, отвѣчалъ маленькій человѣчекъ. Я отправлюсь отдыхать въ деревню, въ Клармаръ. Надо полагать, что запахъ рыбы для меня вреденъ... Вотъ господинъ, который меня замѣнитъ.

Онъ повернулся уважывая на Флорана. Красавица-Нормандка задохнулась. Флорану послышалось, когда онъ уходилъ, что она проговорила на ухо своимъ сосѣдкамъ, съ заглушаемымъ смѣхомъ: — Ну, хорошо же, значить, мы позабудимся!

Это первое утро пробудило всю нерѣшительность Флорана. Онъ жалѣлъ, что уступилъ Лизѣ. Уже на слѣдующее утро, стряхнувъ съ себя жирную сонливость кухни, онъ упрекалъ себя въ подлости съ такою силой, что слезы навертывались у него на глазахъ. Но онъ не осмѣлился взять свое слово назадъ. Лиза пугала его немного; ему мерещилась складка на ея губахъ, нѣмой упрекъ на ея прекрасномъ лицѣ. Онъ считалъ ее слишкомъ серьезной и слишкомъ самодовольной женщиной, чтобы ей можно было противорѣчить. Къ счастью Гаваръ внушилъ ему идею, которая его нѣсколько утѣшила.. Онъ отвелъ его въ сторону, вечеромъ въ тотъ же самый день, какъ Верлакъ водилъ его по рынку, и объяснилъ съ большими предисловіями, что «этотъ бѣдняга» въ очень стѣсненномъ положеніи и что со стороны Флорана было бы очень великодушно уступить часть своего жалованья бывшему инспектору. Флоранъ съ радостью ухватился за эту идею. Рѣшено было, что Флоранъ повидается съ женою Верлака и уговорится съ ней, чтобы не оскорбить мужа. Это доброе дѣло устроилось его отчасти, но онъ взялъ слово, съ Гавара, что тотъ

никому не проговорится. Такъ какъ Гаваръ смутно боялся Лизы, то и сохранилъ тайну, что было великимъ подвигомъ съ его стороны.

Теперь въ колбасной воцарилось полное довольство. Красавица Лиза относилась весьма дружелюбно къ своему деверю; она отсылала его рано спать, чтобы ему легче было вставать по утрамъ; она заботилась объ его завтракахъ; она не стыдилась больше разговаривать съ нимъ на улицѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ носилъ фуражку съ галуномъ. Кеню, въ восторгѣ отъ этихъ дружескихъ отношеній, никогда еще не усаживался съ такимъ удовольствіемъ за обѣдъ, въ обществѣ брата и жены. Обѣдъ продолжался иногда до девяти часовъ вечера. Желудокъ работалъ въ перемежку съ языкомъ; передавались мѣстные новости, колбасница высказывала положительные мнѣнія о политикѣ. Флорантъ долженъ былъ сообщать о томъ, какъ шла торговля рыбой. Онъ мало-по-малу втягивался въ эту покойную, размѣренную жизнь. Столовая, оклеенная свѣтло-желтыми обоями, дышала чистотой и теплотой, чисто буржуазными, которыя его охватывали, какъ тольео онъ входилъ. Вниманіе красавицы Лизы устлало его путь слоемъ теплаго пуха, въ которомъ утопали всѣ его члены. То была эпоха взаимнаго уваженія и полнаго согласія.

Но Гаваръ находилъ внутреннюю жизнь Кеню-Градель слишкомъ заспанной. Онъ прощалъ Лизѣ ея пристрастіе къ императору, потому что, какъ онъ говорилъ, съ женщинами никогда не слѣдуетъ разсуждать о политикѣ и потому что красавица-колбасница была все же очень честной женщиной, которая хорошо вела свои торговые дѣла. Но тѣмъ не мѣнѣе, онъ предпочиталъ проводить свои вечера у г. Лебигра, гдѣ онъ сходилъ съ небольшой кучкой друзей, раздѣлявшихъ его мнѣнія. Когда Флорантъ назначенъ былъ инспекторомъ рыбы, онъ совратилъ его съ пути истиннаго и сталъ уводить его съ собой, убѣждая, что ему теперь слѣдуетъ вести холостую жизнь, такъ какъ у него есть мѣсто.

Лебигръ содержалъ очень хорошее заведеніе, отдѣланное съ роскошью, чисто современной. Оно помѣщалось на углу улицы Пируэттъ и улицы Рамбюто и могло служить достойнымъ *pendant* съ колбасной Кеню-Градель. Обыкновенно Лебигръ красовался за прилавкомъ, на мягкой табуреткѣ, обитой краснымъ сафьяномъ. Чтобы придать своему заведенію видъ кафе-ресторана, Лебигръ помѣстилъ напротивъ прилавка, у стѣны, два маленькихъ столика изъ полированного чугуна и четыре стула. Люстра съ пятью розежами и стеклянными, колпаками спускалась съ потолка. За-

тѣмъ въ углубленіи была особая комната, подъ которую былъ отгороженъ уголъ лавки; днемъ, окно, выходившее на улицу Пируэтты, пропускало въ нее тусклый свѣтъ; а по вечерамъ въ ней горѣлъ газовый рожокъ надъ двумя столами, выращенными подъ мраморъ. Здѣсь Гаваръ и его политическіе друзья собирались послѣ обѣда, каждый вечеръ. Они считали себя здѣсь какъ дома и приучили хозяина предоставлять этотъ уголокъ въ ихъ распоряженіе. Когда послѣдній прибывшій запиралъ дверь стеклянной перегородки, они чувствовали себя въ такой безопасности, что свободно толковали о томъ, какъ «слѣдуетъ вымести всю эту дрянь». Ни одинъ посторонній посѣтитель не осмѣливался войти въ нимъ.

Въ первый день Гаваръ сообщилъ Флорану нѣсколько подробностей о Лебигрѣ. Это былъ славный человекъ, который иногда пилъ кофе съ ними. При немъ не стѣснялись, потому что онъ сказалъ однажды, что дрался въ 1848 г. Онъ мало говорилъ, казался простиномъ. Проходя мимо, каждый изъ этихъ господъ протягивалъ ему руку молча, цоверхъ рюмокъ и бутылокъ. Чаше всего рядомъ съ нимъ на маленькомъ красномъ кожаномъ табуретѣ возсѣдала маленькая бѣлокурая дѣвушка, которую онъ взялъ въ услуженіе. Ее звали Ровой; она была очень кротка и очень покорна. Гаваръ, подмигивая глазомъ, разсказалъ Флорану, что она доводитъ покорность очень далеко относительно хозяина. Въ тотъ день, какъ торговецъ живностью представилъ Флорана своимъ друзьямъ, они нашли, входя въ кабинетъ, только одного господина лѣтъ пятидесяти, съ кроткимъ и задумчивымъ видомъ, въ довольно потасканной шляпѣ и большомъ коричневомъ пальто. Онъ сидѣлъ опершись подбородкомъ на востанной набалдашникъ трости, передъ кружкой, полной пива; ротъ его совсѣмъ терялся въ густой бородѣ, такъ что его лицо казалось нѣмымъ и безгубымъ.—Какъ поживаете, Робинъ? спросилъ Гаваръ. Робинъ молча протянулъ руку, затѣмъ снова оперся подбородкомъ на набалдашникъ трости и глядѣлъ на Флорана черезъ кружку. Флоранъ взялъ слово съ Гавара, что тотъ не разскажетъ про его исторію, дабы не возбудить опасной болтовни; ему было пріятно замѣтить нѣкоторую недовѣрчивость въ этомъ болдатомъ господинѣ. Но онъ ошибался. Робинъ никогда не говорилъ ни слова. Онъ приходилъ всегда первымъ, въ восемь часовъ, садился въ свой уголъ, не снимая ни шляпы, ни пальто; никто никогда не видѣлъ Робина безъ шляпы на головѣ. Онъ оставался здѣсь до полуночи, потягивая пиво изъ кружки и поочередно переводя глаза на того, кто говорилъ, точно слушалъ глазами. Никто не зналъ, гдѣ онъ проводилъ свои дни, тѣмъ

жилъ, и затѣмъ поселился въ этомъ шумномъ кварталѣ. Но Гаваръ отозвался о немъ Флорану, какъ объ очень умномъ человѣкѣ, и не будучи въ состояніи подтвердить свои слова никакими доказательствами, выдавалъ его за человѣка оппозиціи, котораго особенно боялось правительство.

— Ну-съ, какъ вамъ нравится тронная рѣчь? вы ее читали? спросилъ Гаваръ, беря со стола газету. — Робинъ пожалъ плечами. Но дверь стеклянной перегородки сильно хлопнула. Вошелъ горбунъ. Флоранъ призналъ въ немъ одного изъ рыночныхъ оцѣнщиковъ. Онъ былъ чисто одѣтъ и закутанъ въ большое красное кашне, конецъ котораго свѣшивался на его горбъ, точно венеціанскій плащъ.

— Ахъ! вотъ Логръ, произнесъ торговецъ живностью. Онъ намъ скажетъ, чтó онъ думаетъ про тронную рѣчь. — Но Логръ казался разъяреннымъ. Онъ чуть не вырвалъ гвоздя, вѣшая на него свою шляпу и кашне. Затѣмъ съ шумомъ сѣлъ, хлопнулъ кулакомъ по столу и отбросилъ газету, говоря: «Развѣ я читаю ихъ павостную ложь!» Послѣ чего разразился: «Видано ли, чтобы такъ ломались надъ человѣкомъ! Вотъ уже добрыхъ два часа, что я жду своего жалованья. Насъ было человѣкъ десять въ бюро. Да, какъ бы не такъ! не угодно ли подождать, мои голубчики... Г-нъ Манури наконецъ пріѣхалъ въ каретѣ, отъ какой-нибудь дѣвчонки, навѣрное. Эти факторы грабятъ деньги, роскошествуютъ... И вдобавокъ, онъ мнѣ все далъ крупными бумажками, такая свинья». Затѣмъ, успокоившись нѣсколько, прибавилъ: «Но кому должно быть надобно ждать, такъ это Шарвэ... Онъ ждетъ Клемансъ на улицѣ».

Тутъ вошелъ Шарвэ, въ сопровожденіи Клемансъ. Это былъ высокій, костлявый малый, старательно выбритый, съ длиннымъ носомъ и тонкими губами, выдававшій себя за свободного профессора. Въ политикѣ онъ былъ гебертистъ. Распустивъ длинные волосы по плечамъ, онъ разыгрывалъ роль члена конвента съ такимъ потокомъ ѣдкихъ словъ и такой высокоумной эрудиціей, что обыкновенно побивалъ своихъ противниковъ. Гаваръ его побаивался, хотя и не признавался въ этомъ. Въ отсутствіе Шарвэ, онъ замѣчалъ, что этотъ послѣдній заходитъ слишкомъ далеко. Робинъ одобрялъ все глазами. Одинъ Логръ иногда спорилъ съ Шарвэ. Но этотъ послѣдній оставался деспотомъ всей группы, самымъ авторитетнымъ и самымъ образованнымъ. Онъ и Клемансъ жили *maritalement* уже слишкомъ десять лѣтъ, на строго выработанныхъ началахъ, по договору, который свято соблюдался съ обѣихъ сторонъ. Флоранъ, не безъ изумленія глядѣвшій на мо-

лодую женщину, припоминалъ, что видѣлъ ее на рынкѣ; она была тамъ конторщицей.

— Чтѣ, Манури заплатилъ вамъ мелочью? спросилъ Логръ у Клемансъ. Она отвѣчала: да, и вынула свертки съ однофранковыми и двухфранковыми монетами, которыя развернула. — Намъ надо свести наши счеты, сказалъ ей Шарвэ вполголоса. — Разумѣется, сегодня вечеромъ, прошептала она. — Впрочемъ, мы должны быть квиты. Я обѣдала на твой счетъ четыре раза, не правда-ли? но я дала тебѣ займы пять франковъ на прошлой недѣлѣ.

Флорантъ, удивленный, отвернулся, изъ боязни быть нескромнымъ.

Гаваръ снова взялъ газету и читалъ голосомъ, которому старался придать комизмъ, отрывки изъ тронной рѣчи, произнесенной утромъ, при открытіи палаты. Тутъ Шарвэ расходился не на шутку. Онъ по ниточкѣ разобралъ эту официальную фразеологию. Одна фраза въ особенности забавляла ихъ: «мы питаемъ довѣріе, господа, что, опираясь на ваше просвѣщеніе и на консервативныя чувства страны, намъ удастся увеличивать со дня на день общественное благосостояніе».

— Хорошо благосостояніе! сказалъ Шарвэ. — Всѣ съ голоду помираютъ.

— Торговля идетъ плохо, утверждалъ Гаваръ.

— Да и чтѣ это такое, скажите на милость, господинъ, «опирающийся на просвѣщеніе?» спросила Клемансъ, претендовавшая на литературное образованіе.

Разговоръ оживился. Рѣчь зашла о законодательномъ корпусѣ, который жестоко отдѣляли. Затѣмъ заговорили о женщинахъ.

— Женщина, объявилъ рѣзко Шарвэ: — равна мужчинѣ, и потому не должна стѣснять его въ жизни. Бракъ есть ассоціація... Все пополамъ—не правда ли, Клемансъ?

— Очевидно, отвѣчала молодая женщина.

Тутъ вошли Лакайлъ, рыночный торговецъ, и Александръ, вольничикъ, другъ живописца Клода Лантье. Эти люди не принадлежали къ одному кругу съ этими господами, но политика сблизила ихъ. Шарвэ, въ глазахъ котораго они представляли народъ, разнивалъ ихъ, а Гаваръ разыгрывалъ лавочника безъ предразсудковъ, чужаясь съ ними рюмками.

Въ этотъ же вечеръ, Флорантъ увидѣлъ въ полуоткрытую дверь перегородки m-me Сажэ, стоявшую передъ прилавкомъ. Она вытаскивала бутылку изъ-подъ фартука и глядѣла на Роуэ, которая наполняла ее наливкой изъ черной смородины. Затѣмъ бутылка

исчезла подъ фартукомъ. Флоранъ, видя, что она выпрашиваетъ Розу, догадался, что она замѣтила его. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ на рынокъ, онъ встрѣчалъ ее на каждомъ шагѣ, чаще всего въ обществѣ м-ле Лёкёръ и Сарриетты. Всѣ три съ любопытствомъ оглядывали его. Роза, вѣроятно, была тута на слова, потому что м-ле Сажэ, повертѣвшись на мѣстѣ, ловко пробралась къ перегородкѣ, какъ вдругъ Гаваръ замѣтилъ ее. Онъ ее терпѣть не могъ.

— Заприте же дверь, Флоранъ, грубо сказалъ онъ. — Нельзя поговорить спокойно.

IV.

Первыя недѣли, которыя Флоранъ провелъ въ рыбномъ павильонѣ, были для него очень тяжелы. Онъ встрѣтилъ въ семьѣ Мегюдень открытую вражду, которая вскорѣ поставила его во враждебныя отношенія ко всему рынку. Красавица-Нормандка желала отомстить красавицѣ Лизѣ, и кузень оказался какъ-разъ подходящей жертвой. Мегюдены были родомъ изъ Руана. Мать Луизы рассказывала, какъ она прибыла въ Парижъ съ угрями въ корзинкѣ. Она болѣе не разставалась съ рыбной торговлей и вышла замужъ за таможеннаго чиновника, который умеръ, оставивъ ей двухъ дѣвочекъ. Во время оно она сама заслужила своимъ плотнымъ станомъ и изумительной свѣжестью прозвище красавицы, которому наследовала ея старшая дочь.

Старуха Мегюдень, судя по сплетнямъ квартала, нажилъ большое состояніе. Но объ этомъ можно было судить только по тяжелымъ золотымъ украшениямъ, которыми она покрывала грудь, шею и руки по большимъ праздникамъ. Дочери ея не ладили другъ съ другомъ. Меньшая, Клара, лѣнивая блондинка, жаловалась на то, что сестра груба съ ней. Мать принуждена была раздѣлить ихъ. Она уступила Луизѣ торгъ морской рыбой, а Клара, которая не могла выносить запаха сѣтотъ и селедокъ, занялась продажей прѣсноводной рыбы. Клара была очень упряма, какъ говорили; сильно развитый духъ независимости заставлялъ ее жить особнякомъ, не подчиняясь общимъ порядкамъ. Порой она выказывала непоколебимое прямодушіе, порой бывала возмутительно несправедлива. Она часто бунтовала весь рынокъ, повышая или понижая цѣны, безъ всякаго, повидимому, основанія. Она не была кокеткой, и рассказывали, что сынъ богатаго лавочника въ кварталѣ уѣхалъ странствовать отъ ярости, что не могъ добиться отъ нея добраго слова.

Луиза оказалась болѣе нѣжнаго характера. Ея свадьба съ однимъ чиновникомъ хлѣбнаго рынка была уже рѣшена, какъ вдругъ несчастный молодой человекъ былъ раздавленъ упавшимъ кулемъ съ зерномъ. Она тѣмъ не менѣе родила здороваго мальчика, семь мѣсяцевъ спустя. Близкіе Мегюденовъ считали ее вдовой. Старуха часто говаривала: «когда мой зять былъ еще живъ, Мегюдены были силой». Когда Верлакъ вполнѣ познакомилъ Флорана съ его новыми обязанностями, онъ рекомендовалъ ему шадить нѣкоторыхъ торговцевъ, если хочетъ жить спокойно; онъ довелъ свою симпатію до того, что посвятилъ его во всѣ секреты ремесла, объяснилъ, когда слѣдовало глядѣть сквозъ пальцы, когда показать притворную строгость, когда можно принять подарокъ. Тактика красавицы-Нормандки заключалась въ томъ, чтобы звзвать Флорана на ссору. Она поклялась, что онъ не останется на своемъ мѣстѣ долѣе двухъ недѣль.

— Вотъ еще, сказала она однажды утромъ м-ше Лёвьеръ, неужели же толстая Лиза воображаетъ, что мы захотимъ пользоваться ея остатками!.. У насъ вкусу побольше, чѣмъ у нея. Онъ ужасенъ, ея возлюбленный!

Однажды утромъ война вспыхнула. Въ этотъ день Флоранъ нашель у красавицы-Нормандки испорченную рыбу. «Выбросьте эту рыбу», приказалъ онъ ей. Она сухо засмѣялась и глядя на него исподлбья, ничего не отвѣчала:— «слышите ли, я вамъ приказываю выбросить эту рыбу?» Онъ-было не замѣтилъ старухи Мегюдень, которая встала съ своего мѣста и, опершись руками на мраморный столъ, дерзко проговорила: «вотъ еще новости! съ какой стати она станетъ выбрасывать рыбу; небось, не вы за нее заплатили!»

Тогда Флоранъ понялъ, въ чемъ дѣло. Остальные торговки хихикали. Онъ почувствовалъ, что вокругъ него готовится мятежъ, и что одного слова достаточно, чтобы заставить его разразиться. Онъ сдержалъ себя, вытащилъ изъ-подъ скамьи ведро съ помоями, собственноручно бросилъ туда испорченную рыбу и удалился съ строгимъ видомъ, преслѣдуемый насмѣшками и дѣлая видъ, что не слышитъ ихъ. Съ этихъ поръ не проходило дня, чтобы съ нимъ не сыграли какой-нибудь шутки. Старинное учительское ремесло приучило его къ ангельскому терпѣнію, онъ умѣлъ сохранять непоколебимое хладнокровіе, когда сердце его обливалось кровью отъ наносимыхъ ему оскорбленій. Но никогда мальчишки не доходили до такой свирѣпости, какъ эти жирныя бабы, необъятныя груди и животы которыхъ волыхались какъ море отъ безумной радости, когда онъ попадалъ въ про-
gle

сакъ. Красныя рожи нагло глядѣли на него. Въ грубыхъ интонаціяхъ голоса, въ беззащитныхъ позахъ, въ нахальныхъ движеніяхъ, онъ угадывалъ цѣлый потокъ непристойностей, которыми его угощали. Но среди этихъ расходившихся самокъ у него былъ однако другъ. Клара прямо заявляла, что новый инспекторъ славный человекъ. Когда онъ проходилъ, она улыбалась ему. Но симпатія Клары служила плохимъ утѣшеніемъ для Флорана. Она навлекала на него грязныя шуточки, когда онъ вступалъ въ бесѣду съ молодой дѣвушкой. Эта послѣдняя пожимала плечами, говоря, что мать ея—старая негодяйка, а сестра не лучше ея. Несправедливость рынка въ новому инспектору вывела ее изъ себя. Война между тѣмъ ожесточалась съ каждымъ днемъ. Флоранъ подумывалъ о томъ, чтобы отказаться отъ должности; онъ не пробывъ бы сутокъ, если бы не боялся показаться трусомъ Лизѣ.

Послѣдній кризисъ былъ ужасенъ. Красавица-Нормандка, поссорившись съ одной кухаркой, которая упрекала ее въ томъ, что она продала ей несвѣжую камбалу, и требовала обратно деньги, пустила рыбой прямо въ лицо противницѣ. Кровь хлынула изъ носу кухарки. Эта грубость вывела Флорана изъ себя. Красавица - Нормандка испугалась и отступила назадъ, когда онъ ей закричалъ:—«я вамъ запрещаю торговать въ теченіе цѣлой недѣли! Я отниму у васъ торговое свидѣтельство, слышите!»

И заслышавъ свистки за спиной, онъ повернулся съ такимъ угрожающимъ видомъ, что укрощенныя торговли присмирѣли. Когда Мегюденъ возвратилъ кухаркѣ деньги, онъ заставилъ ихъ немедленно прекратить торговлю. Старуха задыхалась отъ ярости. Дочь онѣмѣла отъ негодованія, поблѣднѣвъ, какъ смерть. Ее, красавицу-Луизу, прогоняють съ ея скамьи! Клара замѣтила, что по дѣломъ ей, вслѣдствіе чего обѣ сестры чуть не вцѣпились другъ другу въ волосы.

Когда Мегюденъ вернулись на рынокъ черезъ недѣлю, то, затаивъ въ душѣ злобу, повели себя чопорно и прилично. Къ тому же нашли павильонъ усмирненнымъ и въ порядкѣ. Красавица-Нормандка поклялась въ душѣ жестоко отомстить. Но самое неожиданное обстоятельство повернуло вверхъ дномъ всѣ ея планы. Ребенокъ ея росъ на волѣ среди рыбы. Уже съ трехъ лѣтъ онъ засыпалъ на какой-нибудь трапикѣ, среди камбалы, тунцовъ и макрели. Семи лѣтъ, Мюшъ, такъ прозвали его, былъ хорошъ какъ ангелъ и грубъ какъ извозчикъ. У него были густые, кудрявые волосы, большіе, чудные глаза и очарователь-

ный ротикъ, изъ котораго сыпались такіа непристойныя слова, что могли опарапать горлю жандарма. Наступала зима; Мюшъ забнулъ. Съ первыхъ же холодовъ онъ живо заинтересовался конторой инспектора. Въ ней была печка. Объ этой печкѣ мечтала Мюшъ. Флоранъ обожалъ дѣтей. Когда онъ увидѣлъ этого крошку, съ мокрыми ножонками, глядѣвшаго сквозь стекло въ контору, онъ подозвалъ его. Первая бесѣда съ Мюшемъ глубоко изумила его. Мюшъ усѣлся передъ печкой, говоря:—«я, знаешь-ли, погрѣю себѣ маленько лапы. На дворѣ-то стоитъ такой каналья морозъ!»

Затѣмъ, съ жемчужнымъ смѣхомъ, прибавилъ:—«вотъ ужъ моя тетушка Клара, такъ совсѣмъ похожа на мокрую рыбу сегодня. Слушай-ка, сударь, правдали, что ты ей ходишь грѣть ноги по ночамъ?»

Флоранъ, огорошенный, почувствовалъ живой интересъ къ этому мальчику. Онъ приманивалъ его къ себѣ, и задаясь мыслью схватить изъ него добропорядочнаго ребенка. На третій день, онъ уже притащилъ съ собой азбуку. Мюшъ восхитилъ его своей понятливостью. Дома ребенокъ прожужжалъ всѣ уши своей матери, толкуя про своего друга Флорана. Другъ Флоранъ нарисовалъ деревья и людей въ хижинѣ. Другъ Флоранъ сказалъ, что люди станутъ добрѣе, когда научатся грамотѣ, такъ что Нормандка невольно освоивалась съ внутреннимъ міромъ чловѣка, котораго мечтала задупнить. Когда Мюшъ прочиталъ ей отрывокъ изъ газеты, въ которую былъ завернуть угорь, она растаяла. Мало-по-малу, она начала думать, что Флоранъ должно быть вовсе не такой злой чловѣкъ; образованіе его внушало ей уваженіе, смѣшанное съ любопытствомъ: поближе заглянуть въ его душу. Наконецъ она приискала предлогъ для знакомства съ Флораномъ, убѣдивъ себя, что всего лучше отомстить толстой Лизѣ, подружившись съ кузеномъ и поссоривъ его съ толстой Лизой; такъ-то будетъ забавнѣе.

Однажды она пришла къ инспектору въ то время, какъ тотъ давалъ урокъ Мюшу, и обошлась съ Флораномъ очень ласково, наговорила ему много комплиментовъ и пригласила его придти къ нимъ по вечерамъ заниматься съ Мюшемъ. Она заговорила и о деньгахъ, но онъ покраснѣлъ и рѣшительно отказался. Тогда она рѣшила въ умѣ, что вознаградитъ его подарками, рыбой. Послѣ этого наступилъ миръ. Красавица-Нормандка взяла Флорана подъ свое покровительство. Но рынокъ и безъ того уже начиналъ мириться съ новымъ инспекторомъ: торговки находили, что онъ добрѣе, чѣмъ Верлакъ, несмотря на свои

недобрые глаза. Одна старуха Мегюдентъ пожимала плечами; она не утратила своей вражды къ «тощему верзилѣ», какъ она его презрительно обзывала, да еще Клара совершенно измѣнила свое обращеніе съ нимъ. Однажды, когда Флоранъ остановился передъ ея садками съ улыбкой, молодая дѣвушка, выпустивъ изъ рукъ угря, котораго держала, повернулась къ нему спиной, разъяренная, негодующая, съ краской на лицѣ.

Флоранъ прожилъ около восьми мѣсяцевъ на рынкѣ въ какомъ-то состояніи нравственнаго усыпленія. Послѣ семилѣтнихъ страданій онъ попалъ въ такую покойную среду, повелѣ жизнь столь правильную, что почти не сознавалъ, что живетъ. Онъ отдался потоку съ пустой головой, постоянно удивляясь, что находитъ себя каждое утро на томъ же самомъ креслѣ, въ той же самой тѣсной конторѣ. Эта комната ему правилась своей простотой, своими размѣрами каюты. Онъ искалъ въ ней убѣжища среди непрерывнаго рыночнаго ропота, заставлявшаго его мечтать, что онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ большимъ моремъ, которое изолируетъ его отъ остального міра. Но мало-по-малу имъ овладѣла глухая тревога; онъ чувствовалъ себя недовольнымъ, винился въ проступкахъ, которыхъ не могъ съ точностью опредѣлить, возмущался противъ пустоты, которая все болѣе и болѣе водворялась въ его головѣ и въ его груди. Онъ медленно расклеивался, неопредѣленная скука томила его, затѣмъ перешла въ нервное раздраженіе.

Онъ страдалъ въ этой грубой средѣ. Всѣ эти женщины стѣсняли его. Онъ чувствовалъ себя привольно лишь въ обществѣ г-жи Франсуа, съ которой свидѣлся. Она такъ искренно обрадовалась, узнавъ, что онъ на мѣстѣ, счастливъ, пристроенъ, какъ она выражалась, что совсѣмъ растрогала его. Лиза, Нормандка и другія смущали его своими смѣшками. Г-жѣ Франсуа онъ готовъ былъ все довѣрить. Она никогда не насмѣхалась; она смѣялась, какъ женщина, которую радуетъ чужое счастье. Она была мужественная женщина, терпѣливо переносившая тягости своего промысла: дождь, холодъ, грязь, сырость; женщина сострадательная, жалѣвшая даже своего коня, она вытирала его старымъ передникомъ, приговаривая:—«эти животныя большія нѣженки; отъ всякихъ пустяковъ съ ними дѣлаются колики... Ахъ! мой бѣдный старикъ Бальтазаръ! Когда мы проѣзжали черезъ мостъ въ Нейлльи, мнѣ показалось, что мы спустились въ Сену,—такой лиль дождь!»

Бальтазаръ отправлялся въ конюшню, а она оставалась на проливномъ дождѣ, и продавала овощи. Флоранъ прибѣгалъ по-

болтать съ ней. Она ласково глядѣла ему въ лицо, а его радовала свѣжій воздухъ, который она привозила съ собой на рынокъ. Отъ нея пахло землей, свѣномъ, вольнымъ воздухомъ; просторомъ. — «Привѣжайте-ка въ Нантерръ, мой милый, говаривала она, поглядите на мой огородъ; я кругомъ обсадила его тминомъ... Въ вашемъ подломъ Парижѣ воняетъ!»

Флоранъ роковымъ образомъ снова втянулся въ политику. Онъ слишкомъ много настрадался отъ нея, чтобы не сдѣлать изъ нея любимого занятія своей жизни. При другихъ обстоятельствахъ изъ него бы вышелъ добрый провинціальный учитель, который бы наслаждался мирной жизнью своего города. Но съ нимъ обошлись какъ съ волею и ссылка какъ-бы отмѣтила его для борьбы. Его нервное разстройство было не что иное, какъ пробужденіе многолѣтнихъ мечтаній Кайенны, горечи, овладѣвавшей имъ при видѣ незаслуженныхъ наказаній, клятвъ отмстить за человѣчество, исполосованное ударами кнута, и за поруганную справедливость. Гигантскій рынокъ, разливанное море пищи только ускорило кривизь. Рынокъ казался ему самодовольнымъ чудовищемъ, которое пожрало Парижъ и переваривало его, поддерживая своимъ тучнымъ чревомъ имперію. То было чрево лавочника, чрево честной посредственности, раздутое, блаженное, лоснящееся на солнцѣ, находившее, что все идетъ къ лучшему, что никогда еще смирнымъ людямъ не было такъ удобно жирѣть. Тогда онъ сжималъ кулаки, готовый на борьбу, сильнѣе раздражаясь воспоминаніемъ о своей ссылке, чѣмъ въ первыя минуты своего возвращенія во Францію. Ненависть безраздѣльно завладѣла имъ. Каждый мѣсяцъ онъ ѣздилъ въ Клармаръ повидаться съ Верлакомъ. Эти свиданія были для него почти радостью. Бѣднякъ все еще влачилъ свое существованіе, къ великому удивленію Гавара. Мало-по-малу, почти все жалованье Флорана переходило на его содержаніе и леченіе.

Къ Мегюденамъ онъ являлся чопорный и кроткій, какъ учитель. Мюшъ бросался ему на шею. Онъ просиживалъ нѣсколько минутъ, держа на колѣняхъ ребенка, который болталъ безъ умолку; затѣмъ начинался урокъ. Красавица-Нормандка привѣтливо встрѣчала его. Она вязала или штопала бѣлье, придвинувъ свой стулъ къ тому же столу; иногда игла выпадала у нея изъ рукъ: она прислушивалась къ уроку, который ее занималъ. Вскорѣ она прониклась большимъ уваженіемъ къ этому ученому малому, брѣткому, какъ женщина, и никогда не устававшему повторять

ребенку одно и то же. Она перестала находить его некрасивымъ, и мало-по-малу стала ревновать къ красавицѣ Лизѣ. Она ближе придвигала стулъ и поглядывала на Флорана съ улыбкой, которая его смущала.

— Мамаша, ты меня толкаешь подъ самый локоть, ты мнѣ мѣшаешь писать! говорилъ Мюшъ, разсердясь. — Ну, вотъ и клякса, видишь! Отодвинься же подальше.

Флоранъ, отличавшійся прекраснымъ почеркомъ, приготовлялъ прописи для Мюша. Онъ предпочиталъ для своихъ прописей слова: «тиранническій, анти-конституціонный, революціонный»; а не то заставлялъ мальчика списывать такия фразы: ...«Частъ правосудія пробьетъ... Страданія праведника являются осужденіемъ порочнаго... Когда пробьетъ частъ, виновный падетъ». До самаго ухода учителя старуха Мегюдень вертѣлась ворча вокругъ стола. Она продолжала питать страшную вражду къ Флорану: — «Что ты ни говори, а у него фальшивый взглядъ, толковала старуха дочери... Къ тому же я не довѣряю худымъ. Человѣкъ худой на все способенъ. Никогда еще я не встрѣчала худого и добраго человѣка. Да и не красивъ же онъ, надо сказать! Мнѣ шестьдесятъ пять лѣтъ, а я бы не захотѣла и плюнуть на него».

Она говорила это потому, что видѣла, какой оборотъ принимали дѣла, и тутъ же съ восторгомъ отзывалась о Лебигрѣ, который очень ухаживалъ за красавицей-Нормандкой; онъ не только чуялъ богатое приданое, но и находилъ, что молодая женщина была бы очень эффектна за прилавкомъ. Клара продолжала дуться на Флорана. Что касается послѣдняго, то онъ не обращалъ никакого вниманія на этихъ красивыхъ женщинъ. Онъ привыкъ обращаться съ женщинами, какъ съ человѣкомъ, который не пользуется у нихъ никакимъ успѣхомъ. Но это не мѣшало m-lle Сажэ клясться и божиться, что онъ любовникъ обѣихъ сестеръ. Она замѣтила, что красавицу Лизу раздражаетъ знакомство Флорана съ «этими тварями». Послѣ этого, она стала ежедневно являться въ колбасную съ новыми вѣстями и новыми сплетнями. Такимъ образомъ соперничество Лизы и Нормандки ожесточилось до крайности. Красавица - Луиза воображала, что отбила любовника у своей непріятельницы, а красавица-Лиза негодовала на эту дрянъ, которая могла скомпрометтировать ихъ, завлекая этого лукаваго Флорана къ себѣ въ домъ.

Но настоящей жертвой этихъ двухъ женщинъ былъ Флоранъ. Въ сущности онѣ воевали изъ-за него. Съ его пріѣздомъ все пошло хуже да хуже; онъ компрометтировалъ, сердилъ, смущалъ весь этотъ людъ, который до тѣхъ поръ жирѣлъ-себѣ покойно. Кра-

савица-Нормандеа охотно бы надавала ему пощечинъ въ тѣ дни, когда онъ слишкомъ долго засиживался у Кеню; увлеченіе борьбой играло главную роль въ ея желаніи предъстѣить этого чужбца.

Обѣдъ у Кеню сталъ менѣе радуженъ. Чистота столовой принимала какой-то острый и черствый характеръ. Флорану чудился упрекъ, чуть-чуть не осужденіе въ свѣтломъ дубѣ, въ блестящей лампѣ, въ новехонькомъ половникѣ. Онъ почти не осмѣливался ѣсть, изъ боязни насорить крошками хлѣба и запачкать свою салфетку. Со всѣмъ тѣмъ, онъ былъ до того простодушенъ, что не замѣчалъ главнаго. Онъ вездѣ хвалилъ кротость Лизы. Она дѣйствительно оставалась кротка по прежнему и говорила ему, какъ-бы шутя: — «Странно, вы плотно кушаете теперь, а между тѣмъ не толстѣете... Пища идетъ вамъ не въ прокъ».

Она была въ періодѣ терпимости, съ безмолвнымъ лицомъ, строгой вѣжливостью, притворнымъ равнодушіемъ; она была въ самомъ дѣлѣ добра, но не слѣдовало выводить ее изъ себя.

Флоранъ мало-по-малу все рѣже и рѣже оставался дома, онъ почти не разставался съ маленькимъ кабинетомъ въ погребеѣ Лебигра. Онъ находилъ тамъ ту опьяняющую среду, въ которой было раздолье для его политической лихорадки. Въ первые вечера гвалтъ, шумиха словъ стѣсняли его; онъ чувствовалъ всю ихъ бессодержательность, но онъ ощущалъ потребность забыться, подзадорить себя, рѣшиться на что-нибудь крайнее, чтобы утомить свой умъ.

По правдѣ сказать, въ кабинетѣ происходили весьма серьезныя вещи. Однажды вечеромъ, когда Логръ шумѣлъ больше обыкновеннаго, стучалъ кулаками объ столъ, объявляя, что будъ въ нихъ крошечку мужества, то правительство давно полетѣло бы къ чорту, и прибавилъ, что нужно немедленно столковаться, чтобы быть готовымъ на тотъ случай, когда начнется катавасія. Послѣ этого, сдвинувшись тѣснѣе, они тихимъ голосомъ говорились образовать маленькую кучку, готовую на всякій случай. Съ этого дня Гаваръ получилъ убѣжденіе, что онъ принадлежитъ къ тайному обществу и участвуетъ въ заговорѣ. Тогда поднялись нескончаемые толки, которые длились нѣсколько мѣсяцевъ сряду: обсуждались вопросы организаціи, вопросы цѣли и средствъ, вопросы стратегическіе и будущее правительство. Шарвэ и Флорану, само собой разумѣется, принадлежалъ первый голосъ въ этихъ преніяхъ. Гаваръ не въ силахъ былъ держать языкъ за зубами и мало-по-малу разболталъ про Кайенну, что придавало

Флорану ореолъ мученичества. Слова его получали значеніе догмата вѣры. Это преимущество очень раздражало Шарвэ.

Однимъ изъ любимѣйшихъ вопросовъ былъ вопросъ о преобразованіи страны на другой день послѣ побѣды. — Ну вотъ мы побѣдили... начиналъ Гаваръ.

И разъ допустивъ это, каждый заявлялъ свое мнѣніе. Общество раздѣлилось на два лагеря. Шарвэ, проповѣдывавшій гебертизмъ, имѣлъ на своей сторонѣ Логра и Робина. Флорантъ, увлекаемый своими гуманными мечтами, считалъ себя социалистомъ и опирался на Александра и Лакайля. Что касается Гавара, то онъ былъ противъ крайнихъ идей; но такъ какъ его попрекали иногда его состояніемъ очень ѣдко, то онъ выдавалъ себя за коммуниста: «Долой все существующее!» говорилъ Шарвэ своимъ отрывистымъ тономъ, точно рубилъ топоромъ. Стволъ сгнилъ, надо его подсѣчь».

— Да! да! подхватывалъ Логръ, приподнимаясь, чтобы казаться выше и потрясая перегородку ударами своего горба.

Робинъ одобрялъ бородой. Онъ молча наслаждался, когда предложенія становились совсѣмъ революціонными. Глаза его умигались при словѣ «гильотина»; онъ полу-закрывалъ ихъ въ умиленіи, мурлыкая отъ удовольствія.

— Однако, вступался въ свою очередь Флорантъ, если вы срубите дерево, то должны сохранить сѣмена... Я думаю, наоборотъ, что нужно оставить дерево, чтобы привить къ нему новую жизнь... Политическая революція уже совершена; теперь надо подумать о работникѣхъ... Народъ утомился ждать, онъ хочетъ получить свою долю.

Эти слова приводили въ восторгъ Александра. Онъ утверждалъ, съ своей открытой, добродушной физіономіей, что народъ утомился.

— Мы хотимъ получить свою долю,—прибавлялъ Лакайль, съ болѣе угрожающимъ видомъ. До сихъ поръ всѣ революціи шли на пользу буржуа. Довольно, наконецъ. Первая революція будетъ для насъ.

Тогда поднимались споры. Гаваръ предлагалъ дѣлиться. Логръ отказывался, божась, что ему не надо денегъ. Затѣмъ, мало-помалу Шарвэ, покрывая гвалтъ, ораторствовалъ: «Эгоизмъ классовъ одна изъ самыхъ крѣпкихъ поддержекъ тиранніи. Не хорошо, что народъ эгоистиченъ. Если онъ поможетъ намъ, то получить свою долю... Какъ вы хотите, чтобы я дрался за рабочаго, если рабочий отказывается драться за меня. Къ тому же вопросъ совсѣмъ не въ этомъ. Необходимо десять лѣтъ революціонной диктатуры,

если хотѣть приучить такую страну, какъ Франція, къ пользова-
нію свободой.

— Тѣмъ болѣе, — прибавляла отчетливо Клемансъ, — что рабо-
чій не созрѣлъ и что имъ нужно руководить.

Она рѣдко говорила. Эта высокая, серьезная дѣвушка, заблудившаяся среди всѣхъ этихъ мужчинъ, какимъ-то докторальнымъ образомъ слушала разговоры о политикѣ. Она упиралась въ перегородку, потягивая мелкими глотками грогъ и поглядывала на собесѣдниковъ, хмурия брови, раздувая ноздри, выражая безмолвное одобреніе или неодобреніе, которыя доказывали, что она понимаетъ, что у ней есть весьма опредѣленные идеи о самыхъ сложныхъ вопросахъ. По временамъ она свертывала папирску, пускала углами губъ тонкія струйки дыма и среди самыхъ оживленныхъ споровъ вставляла свое словцо, рѣшала споръ одной фразой, «заклепывала гвоздь», по выраженію Гавара. Въ сущности она считала себя гораздо умнѣе всѣхъ этихъ господъ.

Однажды вечеромъ, Флоранъ былъ свидѣтелемъ знаменитыхъ счетовъ. Такъ какъ Клемансъ только-что получила свое жалованье, то Шарвэ хотѣлъ занять у ней десять франковъ. Но она сказала, что прежде нужно свести счета. Они жили на началахъ свободнаго брака и раздѣленія имущества; каждый платилъ за свои издержки со строгой аккуратностью. Такимъ образомъ, по ихъ мнѣнію, они ничѣмъ не обязываются другъ другу, не становятся рабами. Квартира, пища, стирка бѣлья, разные развлечения — все строго записывалось, распредѣлялось, подсчитывалось. Въ этотъ вечеръ Клемансъ, провѣривъ счета, доказала Шарвэ, что онъ уже долженъ ей пять франковъ. Затѣмъ вручила ему еще десять, говоря: — «Помни, что ты мнѣ долженъ теперь пятнадцать. Ты мнѣ ихъ отдашь 5-го числа изъ денегъ, которыя получишь за уроки».

Иногда Шарвэ, смѣясь, обзывалъ Клемансъ аристократкой, потому что она пила грогъ; онъ говорилъ, что она хочетъ унижить его, дать ему почувствовать, что онъ зарабатываетъ меньше, чѣмъ она, что было справедливо: въ сущности смѣхъ его прикрывалъ протестъ противъ этого большаго заработка, который его унижалъ, не смотря на его теорію о равенствѣ половъ.

Но если споры ни къ чему не приводили, за то очень волновали этихъ господъ. Изъ кабинета доносился страшнѣйшій гвалтъ, стекла перегородки звенѣли. Порою шумъ становился такъ силенъ, что Роза, наливавшая рюмку вина какой-нибудь блузѣ, съ тревогой поворачивала голову.

— Эге! да у нихъ тамъ никакъ потасовка, замѣчала блуза, ставя рюмку и утирая ротъ ладонью.

Лебигръ, очень суровый ко всѣмъ остальнымъ потребителямъ, предоставлялъ нашей компаніи кричать, сколько душѣ угодно, не позволяя себѣ ни малѣйшаго замѣчанія. Но однажды Флорантъ услышалъ на рынкѣ, какъ одна рыбная торговка, повздоривши съ Розой, назвала Лебигра «шпіономъ» и «полицейскимъ зельемъ». Въ тотъ же самый вечеръ онъ счелъ за нужное сообщить объ этомъ своей компаніи; но эти господа пожимали плечами, подсмѣиваясь надъ его тревогой.

— Этотъ бѣдняга Флорантъ, — зло сказалъ Шарвэ, — побывавши въ Кайеннѣ, воображаетъ, что вся полиція гонится за нимъ по пятамъ.

Заговоръ медленно созрѣвалъ. Въ началѣ лѣта все дѣло еще ограничивалось толками о необходимости «попытать счастья». Флорантъ, который въ первое время испытывалъ нѣкоторое недовѣріе, кончилъ тѣмъ, что увѣровалъ въ возможность революціоннаго движенія. Онъ занимался имъ весьма серьезно, дѣлалъ замѣтки, составлялъ письменные планы. Другіе все говорили. Но онъ мало-по-малу сосредоточилъ всю свою жизнь на идеѣ, завладѣвшей его мозгомъ до такой степени, что онъ свелъ своего брата Кеню къ Лебигру, такъ, просто, безъ всякихъ злыхъ умысловъ.

M-me Сажэ признала однажды вечеромъ тѣнь Кеню на бѣлыхъ стеклахъ большого окна кабинета, выходившаго на улицу Пируэтты. Она со всѣхъ ногъ бросилась къ Лебигру и заставила Розу выполоскать свою бутылку, чтобы выгадать время. Однако уже готовилась вернуться домой, какъ вдругъ услышала голосъ колбасника, произносившій съ дѣтской отчетливостью:

— Нѣтъ, долой ихъ всѣхъ... Всѣмъ имъ надо задать хорошаго жара, и этимъ шутамъ депутатамъ и министрамъ, словомъ всей этой сволочи!

На другое утро уже съ восьми часовъ m-me Сажэ отправилась въ колбасную. Она нашла тамъ m-me Лекеръ и Сарриетту, покупавшихъ сосиски. Въ это утро, старая дѣва намѣревалась нанести рѣшительный ударъ Лизѣ. Она повертѣлась передъ прилавкомъ; затѣмъ самымъ кроткимъ тономъ замѣтила: — «я видѣла вчера вечеромъ m-г Кеню. Знаете ли, вѣдь они очень веселятся, кажется, въ этомъ кабинетѣ, гдѣ они такъ шумятъ».

Лиза повернулась къ улицѣ, настороживъ уши, но не желая

показать видъ, что слушаетъ. Тогда м-лле Сажэ пустила въ ходъ самыя сильныя средства. Она обратилась къ м-те Лёкёръ: — «я хотѣла вамъ сказать, чтобы вы посовѣтовали своему зятю быть осторожнѣе. Они ужасныя вещи говорятъ тамъ въ этомъ кабинетѣ. Право, эти мужчины совсѣмъ неблагоразумны съ своей политикой; вѣдь еслибы ихъ кто подслушалъ, то имъ плохо пришлось бы».

— Гаваръ поступаетъ, какъ ему заблагоразсудится, вздохнула м-те Лёкёръ. Только этого недоставало. Безпокойство совсѣмъ загрызетъ меня, если его когда-нибудь посадятъ въ тюрьму.

Отонекъ свернулъ въ ея тусклыхъ глазахъ. Сарриетта хохотала, кивая своимъ маленькимъ свѣженькимъ личикомъ: — «надо послушать, сказала она, какъ Жюль отдѣлывается тѣхъ, кто дурно отзывается объ имперіи... Ихъ всѣхъ слѣдуетъ утопить въ Сенѣ, потому что, какъ онъ мнѣ объяснялъ, съ ними нѣтъ ни одного приличнаго человѣка».

— О, — отвѣчала м-лле Сажэ, — все это не бѣда, пока неосторожныя ихъ слова долетаютъ до ушей такого человѣка, какъ я. Вы знаете, я скорѣе позволю отрѣзать себѣ руку... Вчера вечеромъ, напримѣръ, м-г Кеню говорилъ...

Она остановилась. У Лизы вырвалось легкое движеніе.

— М-г Кеню говорилъ, что слѣдуетъ разстрѣлывать министровъ, депутатовъ и всю эту сволочь.

На этотъ разъ колбасница рѣзко повернулась, блѣдная, какъ смерть, запрятавъ руки подъ передникъ: — «Кеню сказалъ это?» спросила она отрывистымъ тономъ.

— Это и многое другое. Да вы не тревожьтесь, м-те Кеню. Вы знаете, что я-то умѣю держать языкъ за зубами. Все это останется между нами.

Но Лиза уже оправилась. Она гордилась честнымъ миромъ, царившимъ въ ея семьѣ; она ни за что не созналась бы въ самой ничтожной размолвкѣ съ мужемъ. Поэтому она пожала плечами, прошептавъ съ улыбкой:

— Все это такія глупости, что курамъ на смѣхъ.

За завтракомъ и за обѣдомъ колбасница избѣгала всякаго намѣка. Вечеромъ, когда Флоранъ и Кеню ушли къ Лебигру, она не позволила себѣ ни малѣйшаго замѣчанія. На слѣдующій день Кеню заспался. Когда онъ проснулся, то увидѣлъ, что Лиза сидитъ передъ письменнымъ столомъ и приводитъ въ порядокъ бумаги.

— Зачѣмъ ты меня не разбудила?.. Что ты дѣлаешь, — спросилъ онъ, сознавая себя виноватымъ.

— Я убираю бумаги, отвѣчала она, спокойне и своимъ обычнымъ голосомъ. Онъ было успокоился. Но она прибавила:— неизвѣстно, что можетъ случиться; если нагрянетъ полиція...

— Какъ, полиція?

— Разумѣется, такъ какъ ты вздумалъ заниматься политикой.

Онъ выпрямился на постели, это неожиданное нападеніе за- стало его совсѣмъ врасплохъ.

— Я занимаюсь политикой! я занимаюсь политикой! повто- рялъ онъ. Полиціи нѣтъ до этого никакого дѣла, я себя не компрометирую.

— Нѣтъ,—возражала Лиза, пожимая плечами,—ты только тол- куешь, что надо всѣхъ разстрѣлять...

— Я! я!

— И кричишь объ этомъ въ винномъ погребкѣ... М-lle Сажэ тебя слышала. Въ настоящую минуту весь кварталъ знаетъ, что ты красный.

Кеню снова юркнулъ въ постель. Онъ еще не вполнѣ очнулся. Слова Лизы гремѣли, точно шпоры жандармовъ у дверей спальни.

— Не думай, что я желаю съ тобой ссориться или даже объясняться, начала жена... Вотъ, еслибы ты со мной посовѣто- вался, то мы бы вмѣстѣ обсудили все дѣло! Совсѣмъ напрасно говорить, что женщины ничего не понимаютъ въ политикѣ... Хо- чешь ли, я тебѣ скажу, какъ я понимаю политику?

Она встала и прохаживалась между кроватью и окномъ, смета- я рукой пылинки, которыя замѣчала на блестящемъ деревѣ зеркальнаго шкафа и туалета.

— Моя политика—политика честныхъ людей... Я благодарна правительству, когда моя торговля идетъ хорошо, когда я спо- койно ѣмъ свой обѣдъ, когда меня не будятъ отъ сна ружейные выстрѣлы... Хорошо было въ 1848 г., нечего сказать! Дядюшка Градель, человекъ достойный, показывалъ намъ свои торговныя книги тогдашняго времени. Онъ потерялъ слишкомъ шесть ты- сячъ франковъ... Теперь, когда у насъ имперія, дѣла идутъ хо- рошо, торговля процвѣтаетъ. Ты не можешь сказать противнаго... Чего же вамъ еще нужно? чего же вы добьетесь, если всѣхъ пе- рестрѣляете?

Кеню попробовалъ было объяснить, чего желали эти господа, но запутался и искалъ спасенія въ фразѣ, которую онъ подхва- тилъ у Логра: видишь-ли, сказалъ онъ, мы жертва шайки аван-

юристовъ, которые грабятъ, насилуютъ, рѣжутъ Францію... Ихъ не надо больше!»

— Полно, — отвѣчала Лиза, пожимая плечами: — все это до насъ не касается. Моя совѣсть ни въ чемъ меня не упрекаетъ. Я никому не должна ни копѣйки, я покупаю и продаю хороший товаръ, я не беру дороже сосѣдей... Все, что ты говоришь, относится къ нашимъ кузенамъ Саккарамъ. Они дѣлаютъ видъ, будто не знаютъ о томъ, что я въ Парижѣ; но я горда не меньше ихъ и презираю ихъ миллионы. Говорятъ, что Саккаръ спекулируетъ на перестройкахъ, что онъ всѣхъ обворовываетъ. Ну, и пусть призываютъ къ отвѣту людей его сорта, которые слишкомъ наживаются; это я понимаю. Я сама, если ты хочешь знать, не уважаю Саккара... Но мы, мы, которые живемъ такъ смиренно, мы, которые слишкомъ пятнадцать лѣтъ трудимся, чтобы нажить скромное довольство, мы, которые не занимаемся политикой и всю заботу полагаемъ въ томъ, чтобы воспитать свою дочь и устроить свои дѣла! Полно, ты шутишь, мы — честные люди!

Она усѣлась на краю постели. Слова ея поколебали Кеню.

— Послушай-ка, продолжала она болѣе задушевнымъ голосомъ. Ты не желаешь, надѣюсь, чтобы пришли грабить твою лавку, отнимать твои деньги? Если бы господа, собирающіеся у Лебигра, восторжествовали, то неужели же ты думаешь, что завтра ты бы лежалъ спокойно въ кровати, какъ вотъ теперь? И неужели ты думаешь, что сойдя въ кухню, ты бы спокойно принялся за свой галантерей, какъ сдѣлаешь это сейчасъ? Нѣтъ! Неправда-ли?... Такъ зачѣмъ же ты толкуешь о томъ, чтобы низвергнуть правительство, которое тебѣ покровительствуетъ и позволяетъ дѣлать сбереженія? У тебя есть жена, есть дочь, — ты прежде всего обязанъ заботиться о нихъ. Ты былъ бы виновенъ, если бы рискнуть ихъ счастьемъ. Только тѣ люди, у которыхъ нѣтъ ни кола, ни двора, которымъ нечего терять, желаютъ ружейной стрѣльбы. Ты вѣдь не желаешь, надѣюсь, попасть какъ куръ во щи! Оставайся же у себя, дурачокъ, спи спокойно, ѣшь здорово, наживай деньги, не тревожь свою совѣсть и заруби себѣ на носу, что Франція сама выпутается, если имперія ей надоѣстъ. Вѣдь она-то, Франція, въ тебѣ не нуждается!

Она улыбалась своей красивой улыбкой. Кеню совсѣмъ убѣдился. Она была, разумѣется, права. И къ тому же она была такая красивая женщина, всегда спозаранку расчесанная, чистенькая и свѣженькая, въ ослѣпительно-бѣломъ передникѣ.

Онъ попытался оправдаться: — «Это Гаваръ»... пробормоталъ онъ.

Лицо Лизы омрачилось, она рѣзко перебила его: «нѣтъ, это не Гаварь... Я знаю, кто это. Ему слѣдовало бы подумать о своей собственной шкурѣ, прежде чѣмъ компрометтировать другихъ».

— Ты говоришь о Флоранѣ? робко спросилъ Кеню.

Она не сразу отвѣчала. Встала съ мѣста, подошла къ письменному столу, какъ-бы съ усиліемъ сдерживая себя. Наконецъ рѣзко произнесла:

— Да, о Флоранѣ... Ты знаешь, что я терпѣлива. Ни за что въ свѣтѣ не хотѣла бы я поссорить тебя съ братомъ. Семейныя узы — вещь святая. Но мѣра переполнилась. Съ тѣхъ поръ какъ твой братъ здѣсь, все пошло хуже... Нѣтъ, твой братъ совсѣмъ не похожъ на другихъ людей. Онъ меня пугаетъ... Я уже не говорю про его поведеніе, которое заставляетъ весь кварталъ сплетничать на нашъ счетъ. Пусть онъ ѣстъ, спитъ, стѣсняетъ насъ, это еще можно вынести. Но только я не позволю ему замѣшивать насъ въ свою политику. Если онъ еще разъ собыетъ тебя съ толку, если онъ мало-мальски скомпрометтируетъ насъ, предупреждаю тебя, что я отъ него отдѣлаюсь безъ церемоній... Я предупреждаю тебя, понимаешь.

Флоранъ былъ осужденъ. Она въ самомъ дѣлѣ съ трудомъ сдерживала себя, чтобы не дать волю злобѣ, накопившейся у нея на сердцѣ. Флоранъ оскорблялъ всѣ ея инстинкты, пугалъ ее, дѣлалъ истинно несчастной. Она прошептала: «человѣкъ, съ которымъ были самыя гадкія приключенія, который не сумѣлъ устроить себя... Я понимаю, что ему хочется ружейныхъ выстрѣловъ. Пусть онъ напрашивается на нихъ самъ, но пусть оставитъ честныхъ людей въ ихъ семьѣ... Потомъ, онъ мнѣ не нравится! Отъ него пахнетъ рыбой за обѣдомъ. Это отбиваетъ меня отъ ѣды. Самъ-то онъ ѣстъ за четверыхъ, но все безъ толку! Онъ даже не можетъ потолстѣть, несчастный, до того его изсушила злость».

Она подошла къ окну и увидѣла Флорана, который переходилъ черезъ улицу Рамбюто, отправляясь въ рыбный павильонъ. Лиза поглядѣла вслѣдъ своему деверю, и въ этомъ взглядѣ выразилась твердость женщины, рѣшившейся вступить въ борьбу и побѣдить.

V.

Маржолень былъ найденъ на рынкѣ *des Innocents* на грудѣ капусты, подъ громаднымъ бѣлымъ кочнемъ, большой, отвернутый листъ котораго прикрывалъ розовое личико спящаго ребенка.

Чья злосчастная рука положила его туда — осталось тайной навсегда. Мальчугану было уже около двухъ или трехъ лѣтъ; онъ былъ очень жирный, веселый ребенокъ, но совсѣмъ неразвитый, едва лепеталъ кое-какія слова и только умѣлъ улыбаться. Когда одна торговка овощами открыла его подъ громаднымъ бѣлымъ бочномъ, то такъ закричала отъ удивленія, что сосѣдки собѣжались, пораженные; а онъ протягивалъ всѣмъ руки, завернутый въ обрывокъ одѣяла. Онъ не могъ сказать, кто его мать, и глядѣлъ большими, изумленными глазами, прижимаясь къ плечу толстой торговки требухой, которая взяла его на руки. До самаго вечера мальчикъ занималъ весь рынокъ. Онъ совсѣмъ успокоился, поѣдалъ тартинки и улыбался всѣмъ женщинамъ. Толстая торговка требухой оставила его у себя; затѣмъ онъ перешелъ къ ея сосѣдкѣ; мѣсяцъ спустя, онъ ночевалъ у третьей. Когда у мальчика спрашивали: гдѣ твоя мать? у него вырывался очаровательный жестъ: онъ обводилъ рукой по всѣмъ торговкамъ, указывая на всѣхъ нихъ за разъ. Онъ сталъ дитятей рынка, вѣчно висѣлъ на юбкѣ той или другой торговки; у всѣхъ находился для него уголокъ кровати, кусокъ хлѣба; одѣвался онъ во что Богъ послалъ, и даже мѣдные грошники водились въ его дырявыхъ карманахъ. Красивая, рыжая дѣвушка, торговавшая аптекарскими травами, прозвала его Маржолономъ, неизвѣстно почему.

Маржолону исполнилось четыре года, когда другая торговка, кума Шантмесь, въ свою очередь нашла маленькую дѣвочку на троттуарѣ улицы Сень-Дени, на углу рынка. Малюткѣ могло быть около двухъ лѣтъ, но она уже болтала, какъ сорока, коверкая слова на дѣтскій ладъ, и кума Шантмесь разобрала, что дѣвочку звали Кадина, что мать посадила ее вечеромъ у какой-то двери, приказавъ ей дожидаться. Ребенокъ тутъ и уснулъ; она не плакала и рассказывала, что ее били. Дѣвочка охотно послѣдовала за кумой Шантмесь, восхищаясь рынкомъ, на которомъ было такъ много народу и такъ много овощей. Кума Шантмесь, торговавшая въ розницу, была весьма почтенная женщина, очень сварливая, доживала свой пятый десятокъ и при этомъ обожала дѣтей, потому что лишилась троихъ мальчиковъ въ колыбели. Она подумала: «сорная трава не вянетъ», и взяла дѣвочку въ пріемныя дочери.

Но однажды вечеромъ, когда кума Шантмесь уходила домой, держа Кадину за руку, Маржолентъ безъ церемоніи завладѣлъ ея другой рукой.

— Эге! голубчикъ, сказала старуха, останавливаясь, мѣсто-

то вѣдь занято... Развѣ ты больше не живешь у долговязой Терезы! Ты страшный бродяга, скажу тебѣ.

Онъ смотрѣлъ на нее, улыбаясь и не выпуская руки. Она растаяла, глядя на его кудрявую, хорошенькую головку и пробормотала:

— Ну, идемте, ребятишки.. Я васъ вмѣстѣ уложу спать.

И она пришла на квартиру, держа за руку обоихъ дѣтей. Маржолень загостился у кумы Шантмесь. Когда дѣти бывало распугаются, она дастъ имъ нѣсколько плепковъ, радуясь, что можетъ кричать, сердиться, мыть ихъ, укладывать спать. Она устроила имъ маленькую постель въ старой тележкѣ. Кадина и Маржолень спали рядышкомъ. Они росли товарищами и были неразлучны. По ночамъ кума Шантмесь слышала, какъ они тихонько болтали. Тоненькій голосокъ Кадины что-то безъ умолку рассказывалъ, между тѣмъ какъ Маржолень слушалъ, издавая глухія восклицанія изумленія. Кадина была очень зла: она выдумывала сказки, чтобы напугать его. Маржолень едва дышалъ отъ страха, а она насмѣхалась надъ нимъ и называла его «толстой розиней».

Восьми лѣтъ Кадина продавала лимоны въ розницу; перепробовавъ нѣсколько занятій, она поступила — когда построено былъ центральный рынокъ, — къ одной цвѣточной торговкѣ въ услуженіе. Цвѣлый день составляла она букеты. Въ нѣсколько недѣль она приобрѣла большое искусство и оригинальную грацію въ этомъ дѣлѣ. Букеты ея нравились не всѣмъ; они вызывали улыбку, тревожили какимъ-то характеромъ жестокой наивности. Красные цвѣта преобладали въ нихъ, испещренные рѣзкими тонами, голубыми, желтыми, лиловыми, придававшими имъ варварскую прелесть. Въ тѣ утра, когда она дразнила Маржолена до слезъ, щипала его до синяковъ, она составляла свирѣпыя букеты, съ рѣзкимъ запахомъ, съ бьющими въ глаза тѣнями. Въ другія утра, когда она умилялась какой-нибудь радостью или горемъ, она составляла кроткіе букеты, нѣжныхъ, скромныхъ цвѣтовъ. У Кадины былъ скверный характеръ; она не могла освоиться съ ролью служанки и кончила тѣмъ, что стала торговать самостоятельно.

Она бродила день-деньской по рынку, вокругъ рынка, продавая букеты фіалокъ, цвѣною въ одинъ су и оставляя за собой струю благовоннаго воздуха. Маржолень съ наслажденіемъ ходилъ за ней. Съ ногъ до головы она благоухала фіалкой. Онъ увѣрялъ, что она сама не что иное, какъ большая-большая фіалка. Онъ пряталъ голову въ ея юбку, повторяя: — «помнишь ли тотъ день, какъ мы были въ Роменвиллѣ? Ну, вотъ теперь ты

точь-въ-точь такъ пахнешь, въ особенности вотъ тутъ, вовлѣ рукава... Не мѣняй больше ремесла. Ты такъ хорошо пахнешь!»

Она и не мѣняла больше своего ремесла. Но пока они были дѣтьми, она часто забывала про свою торговлю, чтобы вмѣстѣ съ Маржоленомъ бѣгать по кварталу. Постройка центральнаго рынка служила для нихъ источникомъ безконечныхъ палостей. Они забирались въ самую середину лѣсовъ, черезъ какую-нибудь скважину въ доскахъ; спускались до самого фундамента, карабкались по первымъ чутуннымъ колоннамъ. Павильоны выросли подъ ихъ маленькими ручками. Отсюда родилась нѣжная дружба ихъ къ рынку, который платилъ имъ такой же точно дружбой. Они освоились съ этимъ гигантскимъ кораблемъ, какъ старые друзья, которые присутствовали при его постройкѣ. И рынокъ какъ будто улыбался этимъ двумъ гаменамъ, которые олицетворяли собой вольную пѣсню, нахальную идиллію его гигантскаго чрева.

Позднѣе они наполняли рынокъ своей любовью, какъ беззаботные воробьи. Они жили жизнью молодыхъ счастливыхъ животныхъ, руководящихся своими инстинктами, удовлетворяющихъ своимъ потребностямъ среди разливнаго моря пищи, на которомъ они выросли на волѣ. Кадина въ шестнадцать лѣтъ была бѣдовой дѣвчонкой, уличной цыганкой, прожорливой, чувственной. Маржолень въ восемнадцать лѣтъ уже разжирѣлъ, какъ тридцатилѣтній толстякъ, былъ непроходимо тупъ, жилъ одними животными инстинктами. Она часто убѣгала на ночь къ нему и они ночевали въ погребѣ, гдѣ хранилась живность. На другой день, она смѣялась въ лицо кумѣ Шантмесъ, убѣгая отъ ея мебли, которою та никогда не попадала въ негодную дѣвчонку, съ рѣдкимъ нахальствомъ увѣрявшую, что она не спала всю ночь, «чтобы поглядѣть, не растутъ ли рога у луны». Маржолень велъ тоже бродяжническую жизнь; въ тѣ ночи, когда Кадина не приходила къ нему, онъ спалъ на мѣшкахъ, на ящикахъ, въ первомъ попавшемся углу. Они кончили тѣмъ, что больше не разставались съ рынкомъ. Онъ сталъ ихъ влѣткой, ихъ хлѣвомъ, колоссальными ясами, гдѣ они ночевали, любили, жили на громадномъ ложѣ изъ мяса, масла, овощей.

Они познакомились съ Клодомъ Лантье въ кишечномъ ряду, куда ходили каждый день, привлекаемые аппетитомъ къ крови, той жестокостью, свойственной уличнымъ мальчишкамъ, которыхъ забавляетъ видъ отрѣзанныхъ головъ. Живописецъ очень подружился съ двумя гаменами. Онъ любилъ красивыхъ животныхъ. Онъ долго мечталъ о колоссальной картинѣ, которая изображала бы

Кадину и Маржолена, слюбившихся среди центрального рынка, среди овощей, рыбы, мяса. Онъ мечталъ помѣстить ихъ на ложе изъ яствъ, обнимающихся и обмѣнивающихся идиллическимъ поцѣлуемъ. Онъ усматривалъ въ такомъ произведеніи артистическій манифестъ, позитивизмъ искусства, современное искусство, чисто экспериментальное и матеріалистическое; онъ усматривалъ также сатиру противъ идейной живописи, пощечину старымъ нѣволамъ. Но въ теченіи двухъ лѣтъ онъ возился съ эскизомъ, никакъ не умѣя найти вѣрную ноту и только портилъ натянутае полотно. Онъ сильно досадовалъ на себя и продолжалъ возиться съ своими двумя моделями, обуреваемый безнадежной любовью къ неудавшейся картинѣ. Зачастую, послѣ полудня, встрѣчая ихъ бродящими по рынку, онъ вмѣстѣ съ ними прогуливался по кварталу, глубоко интересуясь уличной жизнью. Онъ объяснял галменамъ новую жизнь, великолѣпные тротуары, высокіе дома, роскошь магазиновъ; онъ возвѣщалъ оригинальное искусство, появленіе котораго предчувствовалъ, по его словамъ, грызя кулаки съ досады, что не можетъ открыть его самъ.

Маржолень поступилъ въ услуженіе къ Гавару. Этому высокому малому, отличавшемуся чисто-фламандской тупостью и кротостью, покровительствовала красавица Лиза. Она говорила, что онъ не золъ, немножко глуповатъ, силенъ какъ лошадь и заслуживаетъ участія, какъ круглый сирота. Она-то и помѣстила его къ Гавару. Маржолень былъ очень доволенъ своимъ мѣстомъ, такъ какъ ему почти ничего не приходилось дѣлать, а только слушать безконечные рассказы своего патрона.

Кадина продавала букеты, не обращая вниманія на ворчанье вумы Шантмесь. Они по прежнему жили какъ дѣти, не зная стыда, повинуваясь своимъ инстинктамъ и наивнымъ порокамъ. Со всѣмъ тѣмъ, въ Кадинѣ по временамъ просыпалась какая-то смутная тревога, когда она прохаживалась по троттуарамъ, связывая свои букеты. А Маржолень тоже ощущалъ волненіе, въ которомъ самъ не отдавалъ себѣ отчета. Онъ иногда оставлялъ Кадину и бѣжалъ глядѣть на m-me Беню, черезъ окна колбасной. Она была такая красивая, такая толстая, такая круглая, что ему пріятно было на нее глядѣть. Онъ испытывалъ, глядя на нее, такое ощущеніе, точно хорошо поѣлъ или выпилъ. Уходя, онъ уносилъ съ собой жажду снова увидѣть ее. Такъ длилось цѣлые мѣсяцы. Съ нѣкоторыхъ поръ Маржолень видать красавицу Лизу каждое утро. Она проходила мимо лавки Гавара и останавливалась съ нимъ на минутку. Въ сущности, она старалась вызвать Гавара на откровенность: она дала себѣ слово

узнать черезъ него доподлинно, что происходитъ у Лебигра, и выѣдала отъ него разныя неопредѣленныя вещи, которыя смертельно напугали ее. Два дня спустя послѣ объясненія съ мужемъ, она вернулась домой вся блѣдная и сдѣлала знакъ мужу послѣдовать за ней въ столовую. Тамъ, затворивъ двери, она сказала:—«твой братъ хочеть, должно быть, спровадить насъ на эшафотъ!.. Отчего ты скрываешь отъ меня то, что тебѣ извѣстно?»

Кеню поклялся, что онъ ничего не знаетъ, что ноги его больше не было и не будетъ у Лебигра. Тогда Лиза сообщила, что Флорантъ, по всѣмъ примѣтамъ, участвуетъ въ заговорѣ, и объявила, что не желаетъ, чтобы онъ жилъ съ ними долѣе. Кеню попробовалъ-было протестовать, но она зажала ему ротъ, говоря:

— Если такъ, то выбирай между нимъ и мною. Клянусь тебѣ, что я уйду вмѣстѣ съ дочерью, если онъ останется. Этотъ человѣкъ смутилъ нашу семейную жизнь и не остановится ни передъ чѣмъ. Но я не поддамся, увѣряю тебя... Ты слышалъ: или онъ, или я?

Вечеромъ, за обѣдомъ, она обдавала холодомъ, ни разу не услужила Флоранту и нѣсколько разъ повторила:—«странно, какъ много хлѣба выходитъ у насъ съ нѣкоторыхъ поръ».

Флорантъ понялъ, наконецъ. Онъ почувствовалъ, что съ нимъ обращаются, какъ съ родственникомъ, которому указываютъ на дверь. Лиза въ послѣдніе два мѣсяца одѣвала его въ старые панталоны и старые скюртуки Кеню; а такъ какъ онъ былъ столько же худъ, сколько братъ его былъ жиренъ, то это платье шло къ нему, какъ къ коровѣ сѣдло. Теперь онъ началъ терзаться неумѣньемъ распрощаться съ семьей брата. Этотъ деликатный человѣкъ увлеклся такими иллюзіями, что боялся оскорбить брата и невестку, если объявить, что не будетъ больше у нихъ обѣдать. Наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ объявилъ имъ объ этомъ, отговариваясь, что ему такъ удобнѣе. Кеню вскричалъ разстроганный:

— Не стѣсняйся, обѣдай внѣ дома, если это тебѣ удобнѣй... Ты вѣдь знаешь, чортъ возьми, что мы тебя не прогоняемъ. Приходи къ намъ обѣдать иногда по воскресеньямъ.

Флорантъ поспѣшно вышелъ. У него было тяжело на душѣ. Лиза торжествовала. Но спустя недѣлю тревога ея еще усилилась. Ей сообщили, что Флорантъ взялъ отпускъ и собирается провести его вмѣстѣ съ Клодомъ Лантье у m-те Франсуа, въ Нантеррѣ. Она рѣшила пригласить Гавара обѣдать и вывѣдать отъ него всю подноготную. Послѣ полудня Лиза отправилась на рынокъ.

Маржолень былъ одинъ въ лавѣ и въ ожиданіи прихода хозяина, предложилъ ей показать подвалы, гдѣ сохраняется птица. Въ концѣ прогулки Маржолень очень запыхался. Когда они дошли до того мѣста, гдѣ рѣжутъ птицу, Лиза увидѣла, при болѣе яркомъ свѣтѣ газа, что въ глазахъ у него загорается какой-то огонекъ, котораго она прежде въ нихъ не замѣчала. Обыкновенно онъ опускалъ передъ ней глаза, какъ красная дѣвушка. Она находила, что онъ очень красивъ съ своими широкими плечами, большимъ розовымъ лицомъ и блондинскими кудрями. Она поглядѣла на него съ такимъ восхищеніемъ, что онъ смутился. Тогда она взяла его за подбородокъ, какъ часто дѣлала, не замѣчая, что онъ уже больше не маленькій мальчикъ. Она была чуть-чуть взволнована этой подземной прогулкой, взволнована очень пріятнымъ волненіемъ, которое съ удовольствіемъ испытывала, какъ вещь дозволенную и не ведущую ровно ни къ чему. Быть можетъ, она долѣе обыкновеннаго гладила рукой этотъ нѣжный, юношескій подбородокъ. Тогда, подъ вліяніемъ этой ласки и уступая внушеніямъ своего инстинкта, Маржолень, оглянувшись изподлобья кругомъ и увидя, что они одни, бросился на красавицу-Лизу и схватилъ ее за талию. Но она, откинувшись назадъ, вся блѣдная отъ этого неожиданнаго нападенія, сжала свой здоровый кулакъ и ударила Маржолена по переносицѣ, какъ—она видѣла—дѣлаютъ это на бойняхъ. Онъ упалъ, ударившись головой о камень. Въ этотъ моментъ раздался протяжный и рѣзкій крикъ пѣтуха. Красавица-Лиза вся похолодѣла. Надъ ея головой проносился глухой ропотъ рынка. Она подумала, что только здоровыя руки спасли ее, и отрахнула съ юбки нѣсколько приставшихъ къ ней перьевъ. Затѣмъ боясь, какъ бы ее не застали, ушла, не глядя на Маржолена.

Вернувшись домой, она пошла наверхъ въ комнату Флорана и выдвинула ящикъ въ его письменномъ столѣ, биткомъ набитый исписанной бумагой. Она прочитала на одной страницѣ два раза слово «революція». Но честность ея проснулась при видѣ этой тайны, столь плохо охраняемой. Она задвинула ящикъ и подошла къ окну, рѣшивъ про себя, что пойдетъ посоветоваться съ аббатомъ Рустаномъ, очень разумнымъ человекомъ.

Выглянувъ нечаянно изъ окна, она увидѣла на мостовой рынка толпу, собравшуюся вокругъ носилокъ. Стемнѣло, но она отлично узнала плачущую Кадину, среди группы народа. Она поспѣшила сойти внизъ. Едва успѣла она стать за прилавокъ, какъ вошла m-lle Сажэ, говоря:—«повѣсу Маржолена только-что

нашли въ подвалѣ, съ разбитой головой... Хотите взглянуть на него, ш-те Кеню?»

Она перешла черезъ улицу. Молодой человѣкъ лежалъ блѣдный, съ закрытыми глазами, въ бѣлокурыхъ волосахъ запекалась кровь. Кругомъ народъ толковалъ, что бѣда еще не очень велика, что Маржолень оправится, и объяснялъ его паденіе случайностью. Маржолена оживилъ свѣжій уличный воздухъ и онъ открылъ большіе, изумленные глаза, озираясь кругомъ; потомъ, замѣтя Лизу, наклоненную надъ нимъ, кротко и покорно улыбнулся ей. Онъ очевидно ничего не помнилъ. Лиза, успокоенная, посоветовала перенести его немедленно въ больницу.

Возвращаясь въ колбасную, она услышала, какъ Клодъ Лантье прошепталъ Флорану, сжимая ему руку на прощанье:—«Ахъ! негодный мальчишка! онъ испортилъ мнѣ мой день... А мы славно повеселились!»

Клодъ и Флоранъ дѣйствительно возвращались изъ Нантерра усталые и счастливые. Они принесли съ собой свѣжій запахъ полей. Флоранъ съ наслажденіемъ вдыхалъ запахъ тмина; онъ отдыхалъ на огородѣ г-жи Франсуа, какъ отъ долгой ходьбы среди оглушительнаго шума и вонючаго запаха. Рынокъ, съ которымъ онъ разстался поутру, представлялся ему громаднымъ кладбищемъ; онъ воскресалъ на свѣжемъ воздухѣ. Клодъ былъ правъ, все прошло съ жизнью на рынокѣ. Земля—вотъ жизнь, вѣчная колыбель, здоровье міра!

Г-жа Франсуа дивилась, глядя на Флорана и безпрестанно повторяла:

— Вы совсѣмъ другой стали, вы точно помолодѣли на десять лѣтъ. Этотъ подлый Парижъ дѣлаетъ ваше лицо такимъ мрачнымъ. Мнѣ кажется теперь, что у васъ солнечный лучъ играетъ въ глазахъ... Видите ли, большіе города никуда не годятся; вамъ бы слѣдовало пріѣхать и поселиться здѣсь.

Клодъ смѣялся, отстаивалъ Парижъ. Послѣ обѣда г-жа Франсуа и Флоранъ остались одни на огородѣ, въ уголку, усаженномъ плодовыми деревьями. Они усѣлись на землѣ и дружески бесѣдовали. Она давала ему совѣты съ материнской и вмѣстѣ нѣжной лаской. Она разспрашивала про его жизнь, про его будущіе планы, скромно заявляя, что онъ можетъ рассчитывать на нее, если найдетъ, что она нужна для его счастья.

Онъ былъ растроганъ. Никогда и ни одна женщина съ нимъ такъ не говорила. Она представлялась ему сильнымъ и здоровымъ растеніемъ, выросшимъ какъ овощи на огородѣ, между тѣмъ какъ Лиза, Нормандка и красивыя рыночныя торговки произво-

дили на него впечатлѣніе мяса подозрительной свѣжести, выставленнаго въ лавкахъ.

Около пяти часовъ друзья распростились съ м-ше Франсуа. Они желали вернуться пѣшкомъ. Огородница проводила ихъ до конца улицы и продержала съ минуту руку Флорана въ своихъ рукахъ, говоря: — «Приходите сюда, если у васъ будетъ какое горе».

Около четверти часа Флоранъ шелъ молча, омраченный, говоря себѣ, что оставляетъ позади себя свое здоровье. Клодъ тоже шагаль, погруженный въ глубокое раздумье, наконецъ спросилъ: — «Знаете ли вы битву Тучныхъ съ Тощими?»

Флоранъ, удивленный, отвѣчалъ, что нѣтъ. Тогда Клодъ съ восторгомъ заговорилъ объ этой серіи эстамповъ. Онъ привелъ нѣкоторые эпизоды: какъ Тучные, достигшіе необъятныхъ размѣровъ, готовятъ ужинъ, между тѣмъ какъ Тощіе, согнутые голодомъ въ три погибели, глядятъ съ улицы съ завистью на лицъ; затѣмъ какъ одинъ Тучный, уже усѣвшійся за столъ и у котораго щеки совсѣмъ отвисли, прогоняетъ Тощаго, осмѣлившася забраться потихоньку и напоминающаго кеглю среди толстыхъ шаровъ. Клоду мерещилась въ этомъ вся человѣческая драма; онъ кончилъ тѣмъ, что классифицировалъ людей на Тучныхъ и Тощихъ, — двѣ враждебныя группы, изъ которыхъ одна пожираетъ другую, толстѣетъ и наслаждается.

— Каинъ навѣрное былъ Тучнымъ, говорилъ онъ, а Авель Тощимъ. Послѣ перваго смертоубійства, всегда громадныя аппетиты высасывали кровь людей плохо питающихся... Мы постоянно видимъ, какъ сильный пожираетъ слабого, и въ свою очередь пожирается сильнѣйшимъ. Другъ мой, берегитесь Тучныхъ.

Онъ умолкъ на минуту; затѣмъ, слѣдя глазами за ихъ двумя тѣнями, которые все удлинялись на заходящемъ солнцѣ, пробормоталъ:

— Мы вѣдь съ вами два Тощихъ, понимаете.... Скажите-ка мнѣ, много ли мѣста на солнцѣ занимаютъ два такихъ плоскихъ брѣха, какъ наши.

Флоранъ, улыбаясь, поглядывалъ на двѣ тѣни. Но Клодъ сердился и кричалъ: «Вы напрасно смѣтаетесь надъ этимъ. Я очень страдаю отъ того, что я Тощій. Если бы я былъ Тучный, я бы спокойно себѣ рисовалъ и продавалъ свои картины на вѣсь золота. Вмѣсто того, я Тощій, то-есть я мучу себя, ломая голову надъ вещами, надъ которыми Тучныежимаютъ плечами. Это меня въ гробъ сведетъ, я въ этомъ увѣренъ; и я окажусь по смерти такимъ плоскимъ, что меня можно будетъ схоронить между

двумя страницами какой-нибудь книги, въ видѣ закладки... А вы-то сами! да вы изумительный Тоцій, вы король между Тоццими, честное слово! Помните ли вы про вашу ссору съ рыбными торговцами; неподобно было видѣть, какъ всѣ эти гигантскія формы напирали на вашу плоскую грудь; и ими, повѣрьте, руководилъ тутъ инстинктъ, онѣ охотились за Тоццими, какъ кошки охотятся за мышами... Въ принципѣ, слышите, Тучному противенъ видъ Тоцаго, онъ старается его извести. Вотъ почему, будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы принялъ свои предосторожности. Кеню—Тучные, Мегюдены—Тучные, словомъ, вокругъ васъ тѣнятся одни тучные. Меня бы это беспокоило.

— А Гаваръ, а m-lle Сажэ, а вашъ другъ Маржолень? спросилъ Флоранъ, продолжая улыбаться.

— О, если хотите, я вамъ классифицирую всѣхъ нашихъ знакомыхъ. У меня давно уже покоятся ихъ головы въ моихъ картонахъ, съ указаніемъ отряда, къ которому они принадлежать. Это цѣлая глава изъ естественной исторіи... Гаваръ—Тучный, но Тучный, корчащій изъ себя Тоцаго. Эта разновидность довольно обыкновенна... М-lle Сажэ и m-me Лёкёръ — Тоція, но принадлежатъ къ весьма опасной разновидности, къ отчаяннымъ Тоццими, способнымъ рѣшительно на все, чтобы только растолстѣть... Мой другъ Маржолень, маленькая Кадина, Сарриетта—три Тучныхъ, обрѣтающихся еще въ невинности и отличающихся скромнымъ аппетитомъ юности. Слѣдуетъ замѣтить, что Тучный, пока онъ не состарѣлся, очень милое существо... Лебигръ — Тучный, не правда-ли? Что касается вашихъ политическихъ друзей, то все это по большей части Тоціе: Шарвэ, Клемансъ, Логръ, Лакайль. Я исключаю только это добродушное животное Александра и изумительнаго Робина. Этотъ послѣдній сбивалъ меня съ толку много разъ, да и теперь часто ускользаетъ отъ меня.

Живописецъ продолжалъ въ этомъ тонѣ отъ моста Нейльи до Триумфальной Арки. Онъ снова перебиралъ всѣхъ знакомыхъ, дополняя ихъ портреты какими-нибудь характеристическими подробностями: Логръ былъ Тоцій, у котораго брюхо помѣщалось между плечами; красавица Лиза вся состояла изъ одного брюха, а красавица-Нормандка вся превратилась въ одну сплошную грудь; m-lle Сажэ навѣрное упустила случай въ жизни разжирѣть, потому что ненавидѣла Тучныхъ, презирая вмѣстѣ съ тѣмъ и Тоццихъ; Гаваръ компрометтировалъ свой жиръ, и кончить тѣмъ, что сдѣлается тонкимъ, какъ клошъ.

— А г-жа Франсуа? спросилъ Флоранъ.

Клошъ затруднилъ этотъ вопросъ. Онъ сбился и забормоталъ:

— Г-жа Франсуа, г-жа Франсуа... Нѣтъ, не знаю, никогда не приходило въ голову классифицировать ее... Она просто славная женщина, вотъ и все. Она не изъ Тучныхъ и не изъ Тощихъ, чортъ возьми!

Оба разсмѣялись. Они находились напротивъ Триумфальной Арки. Солнце склонялось такъ низко на горизонтѣ, что ихъ колоссальныя тѣни достигали верхушки монумента. Клода это забавляло; онъ махалъ руками, сгибался; потомъ, прощаясь, замѣтилъ:

— Видѣли! когда солнце сѣло, наши головы доросли до неба!

Но Флоранъ больше не смѣялся. Парижъ захватывалъ его въ свои лапы, — Парижъ, который пугалъ его теперь, хотя стоилъ столько слезъ въ Кайеннѣ. Когда онъ прибылъ на рынокъ, ночь наступила, запахъ былъ удушающій. Онъ поникъ головой, вступая снова въ область кошмара, давившаго его необъятнымъ обиліемъ пищи, вспоминая о здорово-проведенномъ днѣ, среди ароматовъ тмина.

VI.

На другой день, Лиза отправилась въ церковь св. Евстафія. Она была знакома съ аббатомъ Рустаномъ, умнымъ человѣкомъ, дружбой и совѣтами котораго очень дорожила. Лиза доказывала абсолютную необходимость религіи для массы; она считала религію какъ-бы нѣкотораго рода полиціей, безъ которой невозможно никакое управленіе.

Лиза объяснила свои сомнѣнія аббату Рустану. Они никогда не толковали о религіи. Она не исповѣдывалась у него, а просто совѣтовалась съ нимъ, потому что довѣряла ему больше, чѣмъ обыкновеннымъ дѣльцамъ, отъ которыхъ, какъ она выражалась, несло ваторгой. Онъ относился къ ней съ неисчерпаемой снисходительностью, рылся для нея въ законахъ, указывалъ, какъ вѣрнѣе помѣстить деньги, разрѣшалъ затруднительные нравственные вопросы и довольствовался за все улыбкой и словомъ благодарности. Въ настоящемъ случаѣ, она не поставила ему никакихъ прямыхъ вопросовъ, но обставила дѣло такъ, что аббату можно было разсуждать вообще, не вдаваясь въ личности. Онъ высказалъ много противорѣчивыхъ аргументовъ. Въ концѣ-концовъ, заявилъ однако, что, по его мнѣнію, праведная душа имѣетъ право и даже обязана воспрепятствовать злу и при этомъ употребить всѣ средства, необходимыя для торжества добра.

Тѣмъ временемъ m-lle Сажэ удалось наконецъ разгадать ве-

ликую тайну, мучившую ее такъ долго. Маленькая Полина выболтала ей, что слышала, какъ однажды мать говорила отцу: «Твой братъ убѣжалъ съ каторги лишь затѣмъ, чтобы всѣхъ насъ упечь туда.»

М-ше Сажэ слегка вскрикнула и вскочила съ мѣста вся дрожа. Истина стала ей вдругъ очевидна. Она поспѣшила сообщить исторію Флорана m-ше Лёкёръ и Сарриеттѣ. Теперь она припоминала о смутномъ слухѣ, носившемся одно время о племянникѣ старика Граделя, сосланномъ въ Кайенну за то, что убилъ шестерыхъ жандармовъ на баррикадахъ. Она даже видѣла его однажды въ улицѣ Пируеттѣ. Это былъ несомнѣнно онъ, мнимый кузенъ. И при этомъ она горевала о томъ, что память-де измѣняетъ ей, что вотъ она совсѣмъ поглубѣла и скоро ничего не будетъ знать.

М-ше Лёкёръ захворала со страха; ей мерещилось, что рынокъ запылаетъ въ одну прекрасную ночь, когда Флоранъ съ своими сообщниками ринется изъ погребовъ, какъ изъ засады, на Парижъ.

Въ самомъ непродолжительномъ времени, глухіе толки поднялись на рынокѣ. М-ше Лёкёръ и Сарриетта держали свою клятву въ скромности. Въ этомъ случаѣ, m-ше Сажэ выказала особенную ловкость: она молчала, предоставляя послѣднимъ двумъ разболтать исторію Флорана. Сначала рассказъ ходилъ весьма немногосложный, но затѣмъ, пройдя черезъ нѣсколько редакцій, эпизоды его удлиннились, составила цѣлая легенда, гдѣ Флоранъ игралъ роль пугала. Онъ убилъ десять жандармовъ на баррикадѣ; онъ вернулся изъ Кайенны на суднѣ пиратовъ, которые убивали все, что имъ попадалось на пути въ морѣ; со времени его прибытія видали, какъ онъ бродилъ ночью съ какими-то подозрительными людьми, которыхъ онъ былъ предводителемъ.

Когда же эти басни дошли до ушей красавицы-Нормандки, она пожала плечами, говоря: «Полноте, вы его не знаете... Онъ смиренъ, какъ баранъ, этотъ бѣдняга!»

Она только-что на-отрѣзъ отказала Лебигру, который сдѣлалъ ей формальное предложеніе. Старуха Мегюдень, разъяренная отказомъ дочери, кричала во всеуслышаніе, что ея дочь съ ума сошла, что «тощій вервила» опонялъ ее какимъ-нибудь мерзкимъ зельемъ. Соперничество между красавицей-Нормандкой и красавицей-Лизой приняло болѣе сосредоточенный и болѣе грозный характеръ. Но преимущество оказывалось теперь на сторонѣ красавицы-Лизы. Она выказывала большое спокойствіе, готовясь на-

нести рѣшительный ударъ своей соперницѣ, у которой постоянно вырывалась какая-нибудь грубость, о которой она послѣ сожалѣла. Честолюбіе красавицы-Нормандки заключалось въ томъ, чтобы казаться *«comme-il-faut»*. Ее ничѣмъ нельзя было, такъ раздражить, какъ похваливъ при ней хорошія манеры ея соперницы. Старуха Мегюдень замѣтила эту слабую струну, и съ этой стороны повела атаку на дочь.

— Я видѣла m-me Кеніу у ея двери, говаривала она иногда по вечерамъ. — Право, удивительно какъ хорошо сохраняется эта женщина! И при этомъ она такъ хорошо одѣта, а видъ у нея, какъ у настоящей дамы!.. Это, знаешь ли, все отъ прилавка. Прилавокъ приучаетъ женщину къ прекраснымъ манерамъ.

Въ этихъ словахъ скрывался отдаленный намѣкъ на предложеніе Лебигра. Красавица-Нормандка ничего не отвѣчала и на минуту задумывалась. Ей мерещилось, что она красуется за прилавкомъ виноторговца, въ *pendant* красавицѣ Лизѣ. Это нанесло первый ударъ ея нѣжности къ Флорану.

Послѣднего, по правдѣ сказать, стало очень трудно защищать; весь кварталъ накинулся на него. Казалось, что каждый усматривалъ непосредственную выгоду въ томъ, чтобы погубить его. На рынкѣ одни утверждали теперь, что онъ проданъ полиціи, другіе, что видали, какъ онъ старался пробить металлическія стѣны подваловъ, чтобы набросать туда зажженныхъ спичекъ. Рыбный павильонъ послѣдній возсталъ на Флорана. Торговки полюбили Флорана за его кротость. Онѣ защищали его нѣкоторое время, затѣмъ увлеклись общимъ потокомъ. Одинъ Флоранъ ничего не замѣчалъ, поглощенный своей *idée fixe*.

До слуха Кеніу однако не доходило ни одной сплетни. Жена старательно оберегала его. Но онъ замѣчалъ прискорбные взгляды, бросаемые на него сердобольными кумушками: — «Чего онѣ смотрятъ на меня такъ жалостно? спросилъ онъ однажды у Лизы. — Развѣ у меня нездоровый видъ?»

Она успокоила его, завѣривъ, что онъ свѣжъ какъ роза. Со всѣмъ тѣмъ въ великолѣпной колбасной царилъ какой-то сумракъ и даже Клодъ Лантье, котораго Флоранъ безуспѣшно старался заинтересовать политикой, объявилъ однажды своей тетужкѣ, что ея выставка точно «завяла отъ скуки». Красавица-Лиза съ безмолвнымъ достоинствомъ носила трауръ по колбасной. Она позволяла себѣ только одно развлеченіе: безъ страха гладила атласистый подбородокъ Маржолена. Онъ вышелъ изъ больницы съ починеннымъ черепомъ, такой же жирный, такой же веселый, какъ и прежде, но еще глуше прежняго, совершенный идиотъ.

Онъ отличался наивностью пятилѣтняго ребенка, съ туловищемъ юнossen; смѣялся, картавилъ, почти не могъ ясно произносить слова и сталъ кротокъ и послушенъ, какъ ягненокъ. Когда Лиза гладила его по подбородку, онъ раздувалъ шею и закрывалъ глаза, какъ животное, которое ласкаютъ. Красавица-колбасница, чтобы извинить въ своихъ глазахъ невинное развлеченіе, которое она себя позволяла, говорила себя, что вознаграждаетъ этимъ Марколена за ударъ кулака, которымъ она свалила его съ ногъ въ подвалѣ.

М-ле Сажэ безпрестанно забѣгала теперь въ колбасную, общая Лизѣ все, что толковалось про ея деверя и не скрывая больше, что она знаетъ, кто такой мнимый кузенъ. Она уносила съ собой обильныя подачки, цѣну своихъ услугъ и обѣщанной скромности.

Однажды она принесла особенно страшную новость: — «Я не желала бы напугать васъ, м-ме Кеню, — сказала она, — но дѣло становится слишкомъ серьезно... Мнѣ страшно, честное слово. Ради неба не передавайте того, что я вамъ сообщу. Они свернуть мнѣ шею, если узнаютъ. Вы знаете, говорятъ, что всѣ эти господа, которые собираются у Лебигра, вооружены ружьями и готовятся повторить 48-й годъ!»

— Пустяки! замѣтила Лиза, чтобы подстрекнуть ее.

Старая дѣвица поклялась, что она своими глазами видѣла у Гавара пистолетъ и цѣлую грудку какихъ-то красныхъ тряпокъ. Оно сама не знаетъ, что это такое. Точно лоскутья, вымоченные въ крови. Логръ, горбунъ, накинулъ одинъ такой лоскутъ себя на плечи и сталъ совсѣмъ похожъ на палача... Это навѣрное не къ добру.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ пошарила въ комнатѣ деверя, докончила м-ле Сажэ. Видѣ вы вправѣ это сдѣлать; онъ можетъ совсѣмъ погубить васъ.

Лиза слегка вздрогнула. Она тревожно поглядѣла на старую дѣвицу, думая, что та догадалась объ ея намѣреніяхъ.

Оставшись одна, колбасница усѣлась за прилавкомъ, чтобы лучше обдумать, какъ ей поступить. Послѣднюю недѣлю она очень безпокоилась. Однажды вечеромъ Флоранъ попросилъ пятьсотъ франковъ у Кеню, совсѣмъ просто, какъ человѣкъ, у котораго есть открытый счетъ. Кеню отослалъ его къ Лизѣ. Послѣдняя, ни слова не говоря, выдала ему деньги. Три дня спустя, онъ являлъ еще тысячу франковъ.

— Не стоило разыгрывать безкорыстнаго человѣка, сказала въ этотъ вечеръ Лиза Кеню, ложась спать.

Флоранъ черезъ два дня попросилъ еще 1500 франковъ. Логръ сказалъ какъ-то, что дѣла пошли бы гораздо быстрее, если бы были деньги. На другой день онъ пришелъ въ восторгъ, увидя, что слова, сказанныя имъ на вѣтеръ, принесли золотую жатву. Тогда начались постоянныя требованія: такой-то секціи надобно было нанять локаль; другой приходилось поддерживать несчастныхъ патріотовъ; то требовалось приобрести запасы оружія и боевыхъ снарядовъ, то закупить полицію и проч. Флоранъ вспомнилъ про наслѣдство, которымъ охотно готовъ былъ пожертвовать. Лиза, благодаря болтовнѣ m-lle Сажэ, догадывалась, куда уходили деньги.

Когда по уходѣ m-lle Сажэ Лиза поднялась наверхъ, въ комнату деверя, то остановилась, какъ испуганная. На кровати валялась груда красныхъ шарфовъ и значковъ, спускавшихся до полу. При этомъ зрѣлищѣ вся ея душа возмущилась. Какъ! ея деньги, ея честнымъ трудомъ заработанныя деньги идутъ на то, чтобы организовать мятежъ! Ей пришло въ голову, что мятежъ могъ вспыхнуть завтра. Значки развѣвались, шарфы мелькали въ воздухѣ, трескъ барабана раздавался въ ушахъ. Она поспѣшно сошла внизъ и одѣлась, какъ для выѣзда изъ дому. Въ эту торжественную минуту красавица-Лиза старательно и сповойной рукой причесалась. Въ ней проснулась большая рѣшимость и глаза стали еще острее. Застегивая съ трудомъ свое черное шелковое платье, она припоминала слова аббата Рустана. Она пыталась свою совѣсть и совѣсть отвѣчала ей, что она готовится выполнить свой долгъ. Объяснивъ мужу первымъ попавшимся предлогомъ свой выѣздъ изъ дому, она сѣла въ фіакръ и велѣла себя везти въ *Palais-de-Justice*. Остановясь у рѣшетки, отпустила экипажъ и тихонько черезъ залы и корридоры добралась до полицейской префектуры. Ее провели въ небольшую комнату, убранную съ тою роскошью, которая напоминаетъ роскошь меблированныхъ комнатъ, гдѣ толстый и плѣшивый господинъ, весь въ черномъ, принялъ ее съ угрюмой холодностью. Онъ ее слушаетъ. Тогда, поднявъ свой вуаль, она назвала себя и рассказала все, какъ было, духомъ, безъ всякой запинки. Плѣшивый господинъ слушалъ, не перебивая, съ утомленнымъ видомъ. Когда она кончила, онъ спросилъ просто:

— Вы невѣстка этого человѣка, не правда ли?

— Да, отвѣчала Лиза, безъ запинки. Мы честные люди... Я не хочу, чтобы мой мужъ былъ скомпрометтированъ.

Онъ пожалъ плечами, какъ будто желая сказать, что все это очень скучно. Затѣмъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ замѣтилъ:

— Видите ли, вотъ уже слишкомъ годъ, какъ меня осаждаютъ съ этимъ дѣломъ. Я получаю доносъ за доносомъ, меня торопятъ, меня понуждаютъ. Вы понимаете, что если я не дѣйствую, то потому, что предпочитаю ждать. У насъ есть свои reasons... Поглядите, вотъ дѣло. Я могу его вамъ показать.

Онъ подвинулъ къ ней громадную кипу бумагъ въ синей обложкѣ. Она перелистывала бумаги. То были какъ-бы отдѣльныя главы той исторіи, которую она только-что пересказала. Полицейскіе комиссары Гавра, Руана, Вернона извѣщали о прибытіи Флорана. Затѣмъ шелъ докладъ, извѣщавшій объ его поселеніи у Кеню-Градель. Затѣмъ поступленіе его въ рыночныя инспекторы, его жизнь, его вечера у м-г Лебигра. Ни одна подробность не была пропущена. Лиза, ошеломленная, замѣтила, что доклады были двойные, что они вѣроятно происходили изъ двухъ разныхъ источниковъ. Наконецъ она нашла кучу писемъ, анонимныхъ писемъ всѣхъ форматовъ и всѣхъ почерковъ. Она узнала кончатій почеркъ m-lle Сажэ, доносившей про общество, собиравшееся у Лебигра. Она увидѣла на большомъ, жирномъ листѣ бумаги крупныя каракули m-me Лёкёръ и гласированную бумажку, украшенную желтымъ цвѣткомъ съ каракулями Сарриетты и м-г Жюля: оба послѣднія письма предупреждали правительство остерегаться Гавара. Она узнала затѣмъ непристойный слогъ старухи Межюденъ, которая повторяла на четырехъ страницахъ неразборчиваго маранья дикія сказки, ходившія о Флоранѣ на рынкѣ. Но ее въ особенности взволновалъ счетъ ея лавки, на верху котораго стояли слова: *Колбасная лавка Кеню-Градель*, и на оборотѣ, котораго стоялъ доносъ на Флорана ея слуги, Августа.

Замѣтивъ ея волненіе, плѣшивый господинъ слабо улыбнулся, говоря:—«Вы видите, сударыня, что ваше извѣщеніе нѣсколько опоздало... Но я обещаю вамъ, что его примутъ къ свѣдѣнію. Въ особенности же посоветуйте вашему мужу сидѣть смирно... Могутъ возникнуть нѣкоторые обстоятельства...»

Онъ не кончилъ, слегка поклонился, полу-приподнявшись въ креслѣ. Это было знакомъ, что пора уходить. Она удалилась. Въ передней, Лиза увидѣла Логра и Лебигра, которые поспѣшно отвернулись. Но она была болѣе смущена, чѣмъ они. Она проходила черезъ эти залы и корридоры съ такимъ ощущеніемъ, какъ будто ее держала за шиворотъ вся полиція, которая, какъ ей казалось теперь, все видитъ и все знаетъ. Наконецъ Лиза вышла на площадь Дофинъ и медленно пошла по набережной Сены, освѣжаемая вѣтеркомъ, который дулъ съ рѣки.

Она особенно живо сознавала бесполезность своего поступка. Мужу ея не грозило никакой опасности. Это ее успокаивало и вмѣстѣ съ тѣмъ будило угрызения совѣсти...

VII.

Недѣлю спустя Флоранъ вообразилъ, что ему наконецъ можно перейти къ дѣйствию. Представился случай въ неудовольствію, который давалъ поводъ спустить на Парижъ революціонныя банды. Законодательный корпусъ, въ которомъ возникло несогласіе по закону о дотаціи, обсуждалъ въ настоящую минуту проектъ о налогѣ, весьма непопулярномъ и на который роптали предмѣстья. Министерство, опасавшееся неудачи, напрягало всѣ силы. Лучшаго повода могло долго не представиться. Утромъ, на разсвѣтѣ, Флоранъ пошелъ бродить около Пале-Бурбонъ. Онъ позабылъ про свою должность инспектора и осматривалъ мѣстность до восьми часовъ, не помышляя о томъ, что его отсутствіе должно было переполошить рыбный павильонъ. Онъ обошелъ всѣ улицы: улицу Лилль, улицу Университетскую, улицу Бургонъ и улицу Сентъ-Доминикъ; онъ дошелъ до площади Инвалидовъ, останавливаясь на нѣкоторыхъ перекресткахъ, измѣряя разстояніе большими шагами. Затѣмъ, вернувшись на набережную Орсе и усѣвшись на перила, онъ рѣшилъ, что атака начнется со всѣхъ пунктовъ разомъ. Банды *Gros-Caillois* придутъ черезъ Марсово поле; секціи сѣверной части Парижа спустятся черезъ Мадленъ; западныя и южныя секціи пройдутъ вдоль набережной или же разобьются на маленькія группы, въ улицахъ Сентъ-Жерменскаго предмѣстья. Но на томъ берегу его тревожили Елисейскія поля съ ихъ открытыми аллеями; онъ предвидѣлъ, что тамъ разставятъ пушки, чтобы очищать улицы. Тогда онъ измѣнилъ нѣкоторыя подробности своего плана, отмѣчая пункты, на которыхъ завяжется битва различными секціями, въ записной книжкѣ, которую держалъ въ рукѣ. Настоящая атака рѣшительно поведется изъ улицъ Бургонъ и Университетской, между тѣмъ какъ со стороны Сены сдѣлана будетъ диверсія. Восьмичасовое солнце грѣло ему затылокъ, свѣтлыми пятнами испещряло широкіе тротуары и золотило колонны большого монумента, напротивъ него. И ему уже мерещилась битва, кучки людей, взгромоздившіяся на эти колонны, пробитыя рѣшетки и тамъ, на самой верхушкѣ, колонны худыя руки, водружающія знамя.

Между тѣмъ въ это самое утро весьма важныя событія происходили у Кеніу-Градель. На разсвѣтъ, Августъ приближалъ весь въ поспѣхахъ и разбудилъ ее, говоря, что полиція пришла арестовать Флорана. Затѣмъ сбивчиво передалъ, что Флоранъ нѣтъ дома, что онъ вѣроятно убѣжалъ. Когда Лиза спустилась по лѣстницѣ, то столкнулась съ полицейскими. Коммиссаръ переговорилъ съ нею шопотомъ, и засѣлъ съ своими людьми въ комнату Флорана, посоветовавъ ей открыть лавку, какъ ни въ чемъ не бывало, такъ, чтобы никого не смущать. Западня была разставлена. Красавица-Лиза въ этомъ случаѣ опасалась только удара, готового разразиться надъ бѣднымъ Кеніу. Она боялась, кромѣ того, что если онъ узнаетъ о присутствіи полиціи, то разстроитъ весь планъ своими слезами. Поэтому она потребовала отъ Августа безусловнаго молчанія. Вернувшись въ свою комнату, она успокоила заспаннаго Кеніу какой-то выдумею. Полчаса спустя, она уже красовалась на порогѣ колбасной, расчесанная, затянутая въ корсетъ, свѣжая, какъ роза. Августъ спокойно убиралъ выставку. Кеніу показался на минуту на троттуарѣ, слегка зѣвая, доканчивая свой туалетъ на свѣжемъ утреннемъ воздухѣ. Ничто не намекало на драму, которая завязалась на верху.

Но коммиссаръ самъ встревожилъ весь кварталъ, отправившись съ обыскомъ къ Мегюденамъ, въ улицу Пируеттъ. У него были самыя точныя свѣдѣнія. Въ анонимныхъ письмахъ, полученныхъ въ префектурѣ, утверждалось, что Флоранъ ночуетъ чаще всего у красавицы-Нормандки. Рыночныя кумушки прославили его любовникомъ обѣихъ сестеръ. Коммиссару пришлось въ голову, не укрывается ли онъ тамъ. Когда коммиссаръ, въ сопровожденіи двухъ агентовъ, постучался въ двери отъ имени закона, Мегюдены только-что встали. Старуха отворила двери, разъяренная, но вдругъ успокоилась, оскаливъ зубы, когда узнала, въ чемъ дѣло. Она усѣлась, завязывая свои юбки и говоря этимъ господамъ:

— Мы честные люди, мы ничего не боимся, вы можете войти.

Такъ какъ Нормандка недостаточно скоро отворила свою дверь, то коммиссаръ велѣлъ ее выломать. Нормандка одѣвалась; грудь и великолѣпныя плечи ея были обнажены; она держала юбку въ зубахъ. Это наглое вторженіе, котораго она не могла объяснить себѣ, вывело ее изъ себя; она выпустила юбку и собиралась броситься на полицейскихъ въ одной рубашкѣ, покраснѣвъ больше отъ гнѣва, чѣмъ отъ стыда. Коммиссаръ, увидя передъ собой эту высокую, полуобнаженную женщину, высту-

пилъ впередъ, защищая грудью своихъ людей и повторяя своимъ холоднымъ голосомъ:—Во имя закона! во имя закона!

Тогда она упала въ кресло, рыдая въ истерикѣ, оттого что чувствовала себя безпомощной и не понимала, чего отъ нея хотятъ. Волосы ея распустились, рубашка спустилась съ плечъ; полицейскіе изподтишка поглядывали на нее. Коммиссаръ бросилъ ей шаль, которая висѣла на стѣнѣ. Она даже не завернулась въ нее и заплакала сильнѣе, увидя, что агенты грубо роются въ ея кровати, ощупываютъ подушки, осматриваютъ простыни.

— Но чтó же я сдѣлала? пролепетала она наконецъ.—Чего вы ищете въ моей постели?

Коммиссаръ произнесъ имя Флорана; старуха Мегюдентъ стояла на порогѣ двери:

— Ахъ! бездѣльница, это все ея штуки! вскричала молодая женщина, собираясь броситься на мать.

Она бы ее поколотила, но ее удержали, насильно завернули въ шаль. Она билась, повторяя задыхающимся голосомъ:

— За кого же меня принимаютъ!... Этотъ Флоранъ никогда не входилъ сюда, слышите. Между нами ничего не было. Меня стараются очернить въ кварталѣ, но пусть-ка скажетъ мнѣ кто-нибудь въ лицо то, чтó они обо мнѣ выдумываютъ, и вы увидите, какъ я его отдѣлаю. Пусть меня сажаютъ въ тюрьму, мнѣ все равно... Вотъ еще невидаль Флоранъ! У меня есть лучше его! Я могу выйти замужъ за кого хочу! Я заставлю лопнуть отъ злобы тѣхъ, кто васъ подослалъ.

Этотъ потокъ словъ успокоилъ ее. Ярость ея обратилась на Флорана, который былъ виноватъ во всемъ. Агенты перерыли все, ища какихъ-нибудь бумагъ. Она сама выдала имъ тетради и прописи Мюша.

Въ то время, какъ агенты уходили со связкой этихъ бумагъ, Клара вошла въ комнату сестры, въ которую не входила больше году.

— Какая ты подлая женщина, сказала Клара, выростая передъ сестрой.

Та вскочила въ ярости, выпустивъ изъ-рукъ шаль.

— Ты, значить, шпионишь! закричала она.—Повтори-ка, чтó ты сказала.

— Какая ты подлая женщина! повторила молодая дѣвушка еще презрительнѣе.

Тогда Нормандка изъ всѣхъ силъ ударила по щегѣ Клару, которая страшно поблѣднѣла и бросилась на сестру, запустивъ ногти въ ея шею. Онѣ боролись съ минуту, вырывая другъ у друга волосы, стараясь задушить одна другую. Младшая сестра съ не-

человѣческой силой, не взирая на свое тѣдешное сложеніе, такъ сильно толкнула старшую, что онѣ обѣ упали, ударившись головой о шкафъ, стекло котораго разлетѣлось въ дребезги. Мюшъ рыдалъ, старуха Мегюдень кричала m-lle Сажэ, подоспѣвшей на эти сцены, чтобы та помогла ей разнять сестеръ. Но Клара вырвалась изъ рукъ, говоря:

— Подлая, подлая... Я пойду, предупрежу этого несчастнаго, котораго ты продала.

Мать загородила ей дорогу. Нормандка бросилась на нее сзади, и съ помощью m-lle Сажэ имъ удалось втолкнуть ее въ комнату, гдѣ онѣ заперли ее на ключъ, не смотря на отчаянное сопротивленіе.

М-ле Сажэ постѣшила выдти изъ дому. Она подоспѣла въ колбасную какъ разъ въ ту минуту, какъ комиссаръ возвращался въ нее; Лиза сдѣлала ей знакъ молчать, указавъ на Кеню, который развѣшивалъ окорока. М-ле Сажэ постѣшила передать все видѣнное ею Сарриеттѣ и m-me Лёкёръ. Въ тотъ моментъ, какъ онѣ втроемъ обсуждали событія нынѣшняго утра, онѣ увидѣли, что изъ рыбнаго павильона вышелъ Гаваръ, съ озабоченнымъ видомъ. Онѣ поглядѣли другъ на друга блестящими глазами, не говоря ни слова. Торговецъ живностью подошелъ къ нимъ.—Не видали ли вы Флорана, спросилъ онъ.

Онѣ не отвѣчали.

— Мнѣ нужно тотчасъ же переговорить съ нимъ, продолжалъ Гаваръ. Его нѣтъ въ павильонѣ. Онъ должно быть вернулся къ себѣ... Вы, можетъ быть, его видѣли?

Всѣ три женщины были нѣсколько блѣдны. Онѣ глядѣли другъ на друга и губы ихъ дрожали. Наконецъ, m-me Лёкёръ проговорила:—«Мы здѣсь всего какихъ-нибудь пять минутъ. Онъ, вѣрно, прошелъ раньше».

— Когда такъ, то я рискну взбѣжать на пятый этажъ, вызвать Гаваръ, смѣясь.

У Сарриетты вырвалось движеніе, какъ будто бы она желала остановить его; но тетка взяла ее за руку и удержала, шепча на ухо:—«Оставь, дура! По-дѣломъ ему. Это научить его задирать передъ нами носъ».

Пять минутъ спустя, Гаваръ вернулся въ сопровожденіи двухъ агентовъ. Онъ былъ блѣденъ какъ смерть. Наверху его обыскали и нашли на немъ пистолетъ съ патронами. По рѣзкости комиссара, по движенію, которое вырвалось у него, когда онъ услышалъ имя Гавара, послѣдній заключилъ, что онъ погнѣбъ. То была страшная развязка, которая никогда ему отчет-

ливо не представлялась. Между тѣмъ Сарриетта и m-me Лёкёръ подбѣжали къ нему. Когда онъ объяснилъ имъ, въ чемъ дѣло, торговка масломъ принялась рыдать, между тѣмъ, какъ племянница, очень взволнованная, обнимала дядю. Онъ прижалъ ее къ груди, вручилъ ключъ, шепнувъ на ухо: — «Возьми себѣ все и сожги бумаги».

M-me Лёкёръ отлично замѣтила всю эту продѣлку и вынудила Сарриетту подѣлиться съ ней десятью тысячами франковъ, которые были ими найдены въ шкафу, на квартирѣ Гавара. Вмѣстѣ съ деньгами онѣ нашли въ шкафу коллекцію всѣхъ политическихъ запрещенныхъ книгъ, брюссельскіе памфлеты, иностранныя каррикатуры на императора. Однимъ изъ любимыхъ развлеченій Гавара было запираяться по-временамъ съ какимъ-нибудь пріятелемъ и показывать ему эти опасные предметы.

— Онъ просилъ меня сжечь бумаги, замѣтила Сарриетта.

— Вотъ еще! у насъ нѣтъ огня, это отниметь слишкомъ много времени... Я чую приближеніе полиціи. Надо удирать.

И онѣ ушли, въ сопровожденіи m-me Сажэ, тоже получившей свою долю въ дѣлежѣ, въ количествѣ пятидесяти франковъ, которые она сжимала въ кулакѣ, строя планы, какъ бы ей еще поживиться на счетъ разбогатѣвшихъ кумушекъ.

— Эге! замѣтила старая дѣва, когда онѣ подходили къ рынку:— мы подоспѣли какъ-разъ во-время; вотъ и Флоранъ, котораго сейчасъ изловятъ.

Флоранъ дѣйствительно возвращался со своей долгой прогулки. Ему показалось, что на него какъ-то странно поглядываютъ; рыбныя торговки шептались, когда онъ проходилъ мимо, опуская носы съ лукавымъ видомъ. Онъ подумалъ, что онѣ готовятъ ему какую-нибудь новую непріятность. Но когда проходилъ мимо скамьи Мегюденовъ, то очень удивился, услышавъ, что старуха сказала ему заискивающимъ голосомъ: «М-г Флоранъ, васъ сейчасъ спрашивалъ какой-то господинъ среднихъ лѣтъ. Онъ отправился наверхъ, въ вашу комнату.»

— Вы увѣрены въ этомъ? спросилъ онъ.

— О, совершенно увѣрена,— не правда ли, Луиза? сказала старуха.

Онъ подумалъ, что это касается ихъ великаго дѣла, и рѣшился идти наверхъ. Онъ собирался выйти изъ павильона, когда, обернувшись машинально, увидѣлъ красавицу-Нормандку, которая слѣдила за нимъ глазами, съ серьезнымъ лицомъ. Онъ прошелъ мимо трехъ кумушекъ.

— Замѣтили, прошептала m-lle Сажэ:—что колбасная пуста? Красавица Лиза не такая женщина, чтобы скомпрометтировать себя.

Между тѣмъ наверху Флоранъ попался въ западню, какъ баранъ. Агентъ бросился на него, ожидая вѣроятно отчаяннаго сопротивленія. Онъ потихоньку попросилъ ихъ выпустить его. Затѣмъ сѣлъ, между тѣмъ какъ агенты принялись связывать бунаги, красные шарфы и значки. Эта развязка, повидимому, не удивила его; она служила для него облегченіемъ, хотя онъ и не желалъ сознаться себѣ въ этомъ. Но онъ страдалъ при мысли о ненависти, которую возбудилъ противъ себя. Ему припоминалась блѣдная физіономія Августа, опущенные носы рыбныхъ торговыхъ; ему припоминались слова старухи Мегюдентъ, молчаніе Нормандки, безлюдная колбасная, и онъ говорилъ себѣ, что рынокъ — сообщникъ въ его арестѣ, что весь кварталъ предать его.

Когда они спустились съ лѣстницы, Флоранъ остановился передъ дверью, которая вела въ кухню колбасной. Коммиссаръ, подкашавшій его тутъ и почти тронутый его кроткой покорностью, спросилъ: «Не хотите ли проститься съ вашимъ братомъ?»

Онъ колебался съ минуту. Вдругъ до него долетѣлъ веселый голосъ Кеню, говорившій: «Ахъ, чортъ возьми, колбаса будетъ хороша... Августъ, передайте мнѣ сало».

Флоранъ поблагодарилъ коммиссара и прошелъ мимо двери, радуясь, что братъ его ничего не знаетъ, и ускоряя шаги, чтобы избавить колбасную отъ послѣдняго горя. Въ ту минуту, какъ фіакръ, въ который усадили Флорана, тронулся съ мѣста, m-lle Сажэ дернула за юбки m-me Лёкёръ и Сарриетту и указала имъ на Клару, которая выбѣжала изъ улицы Пируэттъ, обезумѣвшая, съ распущенными волосами, съ окровавленными ногтями. Она выбила свою дверь. Когда она поняла, что опоздала, что Флорана увозили, то бросилась-было бѣжать за фіакромъ, но тотчасъ же остановилась съ движеніемъ безсильной злобы, показавъ кулакъ убѣгавшимъ колесамъ. Затѣмъ пустилась бѣгомъ обратно въ улицу Пируэттъ.

— Ужъ не обѣщаль ли онъ жениться на ней! вскричала Сарриетта съ хохотомъ.— Она совсѣмъ спятила, эта дура!

Кварталъ успокоился. Образовались группы, толковавшія о событіяхъ дня. Всѣ съ любопытствомъ поглядывали на колбасную. Лиза не показывалась за прилавкомъ. Послѣ завтрака, она нашла необходимымъ передать обо всемъ Кеню, изъ боязни, чтобы кто другой не ошеломилъ его этой новостью, безъ подготовки. Кеню, узнавъ истину, залился слезами, упрекая себя въ

томъ, что пожалѣлъ для брата денегъ, что не настоялъ на немедленномъ раздѣлѣ наслѣдства. «Ты не знаешь, какъ онъ былъ добръ со мной, когда мы жили въ улицѣ Ройе-Колларъ», твердилъ онъ. «Онъ любилъ меня, какъ своего ребенка».

Она утѣшала его,ставляла ему на видъ, что вся жизнь ихъ шла вкривь и вкосъ при Флоранѣ, что даже торговля шла хуже обыкновеннаго. Замѣтивъ, что утѣшенія ея дѣйствуютъ, она призвала на помощь Полину, прося ее уговорить отца не горевать. Ребенокъ ласково попросилъ его объ этомъ. Они поглядѣли другъ на друга и заключили другъ друга въ объятія, уже оправляясь отъ тревоги, которая угнетала ихъ цѣлый годъ. Широкія, круглыя лица ихъ улыбались, между тѣмъ какъ колбасница повторяла: «Въ сущности, мы должны жить другъ для друга, мой толстякъ, только другъ для друга.»

Два мѣсяца спустя Флоранъ былъ снова приговоренъ къ ссылке. Дѣло его надѣлало страшнаго шума. Газеты передавали малѣйшія подробности, сообщали портреты подсудимыхъ, рисунки шарфовъ и значковъ, планы тѣхъ локалей, гдѣ собиралась банда. Цѣлыхъ двѣ недѣли въ Парижѣ ни о чемъ другомъ не толковали, какъ о рыночномъ заговорѣ. Полиція пускала слухи все тревожище и тревожище; кончилось тѣмъ, что стали толковать, будто подъ весь Монмартрскій кварталъ подведены мины. Въ законодательномъ корпусѣ волненіе было такъ велико, что центръ и правая забыли про злосчастный законъ о дотации, который было раздѣлил ихъ на время, и примирились, вотиновавъ подавляющимъ большинствомъ проектъ непопулярнаго закона, на который даже предмѣстья не смѣли жаловаться,—такая паника овладѣла городомъ. Процессъ длился цѣлую недѣлю. Флоранъ глубоко изумился значительному числу сообщниковъ, которыхъ ему присчитывали. Онъ знавалъ всего шестерыхъ или семерыхъ изъ числа слишкомъ двадцати, сидѣвшихъ на скамьѣ подсудимыхъ. По прочтеніи приговора ему померещились пляпа и невинная спина Робина, который медленно уходилъ въ толгѣ. Логръ былъ оправданъ, равно какъ и Лакайлъ. Александръ присужденъ къ двухгодичному тюремному заключенію за то, что допустилъ скомпрометтировать себя, какъ большой ребенокъ. Шарвэ не былъ привлеченъ къ процессу, потому что за нѣсколько времени до развязки разорвалъ съ компаніей, собиравшейся у Лебигра, не будучи въ силахъ вынести нравственнаго преобладанія Флорана. Что касается Гавара, то онъ, такъ же какъ и Флоранъ, былъ приговоренъ къ ссылке. Это было ударомъ дубины, который раздавилъ его среди послѣднихъ его радостей, по окончаніи тѣхъ

длинныхъ преній, которыя ему удалось наполнить своей особой. Онъ дорого заплатилъ за свое оппозиціонное остроуміе парижскаго лавочника. Двѣ крупныхъ слезы скатились по его смущенному лицу гамена съ сѣдыми волосами.

Въ одно прекрасное августовское утро, среди пробужденія рынка Клодь Лантье бродилъ между овощами, подтянувъ животъ краснымъ кушакомъ и подошелъ позвать руку г-жѣ Франсуа. Она возсѣдала съ грустнымъ лицомъ на своей моркови и рѣпѣ. Живописецъ оставался мрачнымъ; не смотря на яркое солнце, которое уже начинало золотить темно-зеленый бархатъ капустной горы.

— Ну вотъ! конечно, сказалъ онъ. Они отсылаютъ его туда... Я думаю, что они уже спроводили его въ Брестъ.

У огородницы вырвался жестъ нѣмой горести. Она медленно обвела рукой вокругъ себя и проговорила глухимъ голосомъ: «во всемъ виноватъ Парижъ, этотъ подлый Парижъ».

— Нѣтъ, я знаю, кто виноватъ; виноваты всѣ эти негодии, возразилъ Клодь, кулаки котораго сжимались. Вообразите, г-жа Франсуа, что нѣтъ тѣхъ глупостей, которыхъ бы они не наговорили на судъ... Вѣдь они вздумали рыться въ прописяхъ ребенка! Этотъ болванъ прокуроръ наговорилъ по этому поводу съ три короба: уваженіе въ дѣтскому возрасту съ одной стороны, демагогическое воспитаніе съ другой... Точно вспомнить...

Клодь ушелъ и снова принялся бродить. День взошелъ уже бѣлымъ снопомъ изъ глубины улицы Рамбюто. Солнце заливало розовымъ свѣтомъ крыши и длинные, широкіе лучи уже золотили мостовую. Клодь созерцалъ веселое пробужденіе громаднаго звучнаго рынка въ кварталѣ, переполненномъ пищей. То была какъ-бы радость выздоровленія, гвалтъ, подымаемый людьми, освободившимися отъ тяжести, которая давила имъ желудокъ. Онъ увидѣлъ Сарриетту съ золотыми часами, распѣвавшую среди сливъ и земляники и дергавшую за маленькіе усы м-г Жюля, облеченного въ бархатный жилетъ. Онъ увидѣлъ м-ше Лекеръ и м-ше Сажэ, которыя проходили подъ крытой улицей; лица ихъ какъ-будто утратили свою желтизну, щеки были почти розовыя; онѣ казались двумя добрыми пріятельницами, забавляющимися какой-то веселой повѣстью. Въ рыбномъ павильонѣ старуха Меподенъ, снова занявшая свою лавку, перебирала свою рыбу, тараторила во всеуслышаніе и морочила новаго инспектора, молодого человѣка, котораго она побожилась высѣчь розгами, между тѣмъ какъ Клара, казавшаяся еще томнѣе, еще лѣнивѣе, доставала своими посинѣвшими отъ холодной воды руками громадную кучу улитокъ.

Когда Клодь повернулъ назадъ, было уже восемь часовъ, становилось жарко; онъ увидѣлъ, возвращаясь черезъ улицу Рамбюто, Мюша и Полину, игравшихъ въ лошадки: Мюшъ ходилъ на четверенькахъ, между тѣмъ, какъ Полина, сидя у него на спинѣ, держалась за его волосы, чтобъ не упасть. А на крышѣ рынка, возлѣ дождевыхъ желобовъ, промелькнула тѣнь, заставившая его поднять голову: то Кадина и Маржолень смѣялись и цѣловались, грѣясь на солнышкѣ и выставляя на показъ всему кварталу свою счастливую животную любовь.

Тогда Клодь показалъ имъ кулакъ. Его обсилъ этотъ праздничный мостовой и неба. Онъ ругалъ Тучныхъ, онъ говорилъ, что Тучные побѣдили. Вокругъ себя онъ видѣлъ однихъ только Тучныхъ, раздобывшихъ, здоровенныхъ, привѣтствующихъ новый день здороваго пищеваренія. Остановившись напротивъ улицы Пируэтты, онъ увидѣлъ справа и слѣва такое зрѣлище, которое нанесло ему послѣдній ударъ.

Справа, красавица-Нормандка, красавица m-me Лебигръ, какъ ее теперь величали, стояла на порогѣ своей лавки. Мужъ ея, наконецъ, получилъ разрѣшеніе присоединить къ своей виноторговлѣ продажу табаку,—мечта, которую онъ долго мелѣялъ и которая, наконецъ, осуществилась, благодаря оказаннымъ имъ услугамъ. Красавица m-me Лебигръ показала Клоду великолѣпной, въ шелковомъ платьѣ, съ завитыми волосами, готовая засѣсть за прилавокъ, куда всѣ господа квартала придутъ покупать сигары и табакъ. Она сдѣлалась совсѣмъ приличной особой, настоящей дамой. Позади нея, зала, выкрашенная заново, щеголяла свѣжими гроздьями на свѣтломъ фонѣ; прилавокъ сіялъ, между тѣмъ, какъ бутылки съ виномъ отливали всѣми цвѣтами радуги. М-me Лебигръ улыбалась ясному утру.

Слѣва, красавица-Лиза, на порогѣ колбасной, загораживала своей особой всю дверь. Никогда бѣлье ея не было свѣжѣй; никогда ея спокойная, розовая фізіономія не обрамлялась болѣе гладкими бандо. Отъ нея вѣяло сытымъ покоемъ, жирнымъ довольствомъ, котораго ничто не нарушало, даже улыбка. То было полнѣйшее успокоеніе, невозмутимое благополучіе, безъ потрясеній, безъ жизни, залитое теплыми лучами солнца. Колбасная снова сіяла здоровьемъ, жирнымъ здоровьемъ.

Вдругъ обѣ женщины нагнулись впередъ. Красавица m-me Лебигръ и красавица m-me Кеню обмѣнялись дружескимъ поклономъ.

Какъ скоро между ними не стало яблока раздора, то-есть

Флорана, онѣ примирились, и примиреніе это торжественно совершилось на глазахъ у цѣлаго квартала.

Клодъ, который, вѣроятно, позабылъ пообѣдать наканунѣ, разсерженный тѣмъ, что видѣлъ ихъ такими здоровенными, такими приличными, съ ихъ громадными формами, подтянулъ свой кушакъ, проворчавъ сердитымъ голосомъ:—*Quels gredins que les honnêtes gens!*

Этимъ, трудно переводимымъ восклицаніемъ Клода, авторъ кончаетъ свое мастерское изображеніе внутренней, домашней жизни малой буржуазіи при второй имперіи; въ парадоксальности этого восклицанія и находится ключъ къ основной идеѣ романа. Клодъ инстинктивно сознавалъ, что этимъ «честнымъ людямъ» чего-то недостаетъ, чтобы быть на самомъ дѣлѣ честными; что вышнее частное довольство, матеріальное благосостояніе, безъ фундамента общественной нравственности, не бываютъ прочны. Клодъ не былъ созданъ для глубокаго анализа; но онъ все-таки понималъ, что весь этотъ блескъ обманчивый, что эти «честные люди» могутъ быть и порядочными негодаями. Дальнѣйшая общественная исторія Франціи подтвердила справедливость восклицанія молодого художника, которому довелось быть постороннимъ зрителемъ и начала романа и конца его.

А. Э.

НОВѢЙШАЯ ИСТОРІЯ АВСТРІИ

Десять лѣтъ реакціи.—Министерство Шварценбергъ-Ваховское,
1848—1859.

III *).

Какъ успокоена была имперія.

Тотъ же мѣсяцъ апрѣль 1849 года, въ которомъ обнаружилось сумасшествіе Стадіона, оказался роковымъ и для Виндишгреца и ознаменовался паденіемъ его на политической аренѣ. Старый, упрямый и самоувѣренный баринъ, отвѣдя себѣ въ исключительный удѣлъ усмиреніе венгерскаго мятежа, не торопился въ путь на несомнѣнную, по его мнѣнію, побѣду и посвятилъ весь почти конецъ 1848 г. на то, чтобы поражать издали противниковъ на бумагѣ. Его приказы грозили военнымъ судомъ священникамъ, которые не объявлять съ амвона крестьянамъ, что имъ дана воля императоромъ, и срытіемъ въ уровень съ землею всякаго города или посада, оказывающаго сопротивленіе, дѣлали всякое сельское начальство отвѣтственнымъ за селеніе и подвергали секвестру имущество всѣхъ сторонниковъ Кошута. При самомъ вступленіи войскъ на венгерскую землю, Виндишгрецъ произнесъ слова: «я не веду переговоровъ съ мятежниками», въ отвѣтъ депутаціи, состоящей изъ Франца Деака, архіепископа Ло-

*) См. выше: май, стр. 122.

новца и несчастного Людвига Баттани, которого онъ тутъ же велѣлъ арестовать. О блистательныхъ успѣхахъ начатой въ половинѣ декабря кампаніи публиковалъ въ Вѣнѣ бюллетени военный губернаторъ Вельденъ, который выражалъ въ нихъ сожалѣніе, что «быстрота военныхъ дѣйствій лишаетъ его возможности знакомить публику съ подробностями событій». Занявъ безъ выстрѣла 5 января 1849 г. Буду-Пенцъ, Виндишгрецъ вполнѣ былъ убѣжденъ, что усмирению положенъ конецъ и что остается только ловить и казнить мятежниковъ. Газеты наполнены были драгоцѣнными объявленіями о розыскѣхъ коноводовъ движенія: «вкрадчиваго Кошута», Пульсвага, «который носить лѣтомъ отложной воротникъ», «яраго Мадарата, который, однако, умѣетъ сдерживать свой гнѣвъ», и другихъ лицъ, столь же типически описанныхъ. Верхъ совершенства въ своемъ родѣ составляетъ приказъ 12 февраля, которымъ Виндишгрецъ грозилъ разстрѣляніемъ по военному суду всякому, кто будетъ имѣть сношенія съ живущими за Тейсомъ, и налагалъ 20 т. гульденовъ штрафа на каждое еврейское общество, членъ котораго уличенъ будетъ въ сношенія съ мятежниками, «такъ какъ извѣстно, что главнымъ образомъ евреи служатъ мятежникамъ шпионами и поставщиками». Приказомъ этимъ Виндишгрецъ пресѣкъ себѣ возможность знать, что дѣлается за Тейсомъ. Въ сущности Виндишгрецъ только то и дѣлалъ, что позировалъ и представлялъ изъ себя alter ego императора. Вскорѣ ни для кого не было тайною, что онъ не знаетъ ни людей, ни края, что его распоряженія противорѣчатъ одно другому, что у него тотъ всегда правъ, кто побывалъ послѣднимъ. Когда венгерцы неожиданно для него появились подъ Пенцтомъ и побили императорскія войска 6 апрѣля подъ Ивашегомъ и Годолло; когда появился безсмертный бюллетень, представлявшій эти стычки какъ побѣду, вслѣдствіе которой главнокомандующій рѣшился «приблизиться къ своимъ резервамъ» и занять сосредоточенную позицію предъ Пенцтомъ, за каковымъ движеніемъ «послѣдовалъ и непріятель съ великою поснѣшностью»; когда изъятые изъ обращенія, по весьма несвоевременному настоянію министерства, бумажныя деньги кошутковского правительства не только не упали въ цѣнѣ въ Пенцѣ, но держались по курсу почти на одинаковой высотѣ съ билетами вѣнскаго національнаго банка; когда, наконецъ, самый Пенцъ пришлось очистить, — тогда самымъ отъявленнымъ реакціонеромъ выяснилась необходимость пожертвовать Виндишгрецомъ. 12 апрѣля въ засѣданіи совѣта министровъ въ Ольмюцѣ рѣшено было его отозваніе или, лучше сказать, «восемилѣтнѣйшее разрѣшеніе на отпускъ»

съ освобожденіемъ отъ командованія войсками въ Венгріи, но съ назначеніемъ главнокомандующимъ всѣми императорскими войсками, кромѣ находящихся въ Италіи.» Пришлось начинать съизнова покореніе страны, ставъ въ то самое положеніе, въ какомъ находились дѣла до декабря 1848 г. и вести войну при обстоятельствахъ все болѣе и болѣе неблагоприятныхъ, при возрастающемъ общемъ неудовольствіи правительствомъ всѣхъ безъ исключенія національностей, которыя министерство сумѣло такъ противъ себя вооружить, что ни въ одной, несмотря на ихъ междоусобицы, оно не находило настоящей опоры и поддержки.

Участіе польской эмиграціи, Дембинскаго и Бема въ венгерскомъ движеніи послужило достаточнымъ поводомъ генералу Гаммерштейну для провозглашенія осаднаго положенія въ Буковинѣ и Галиціи (январь 1849). Въ Прагѣ послѣ великолѣпнаго фіаско, которое потерпѣли Палацкій, Ригеръ и ихъ друзья въ Кремзирѣ, младо-чешская партія имѣла перевѣсъ и шла на открытую оппозицію. Обнаруженъ былъ даже заговоръ, съ цѣлью завладѣть Градчиномъ, изъ 80 человекъ, въ которомъ, правда, кромѣ Бакунина и молодого журналиста Сладковскаго не участвовалъ никто изъ извѣстныхъ людей. Не обошлось безъ уличныхъ безпорядковъ, 10 мая опять объявлено въ Прагѣ осадное положеніе, арестовано множество студентовъ, приостановлено изданіе газеты «Narodni Nowiny» и официально заявлено, что правительство имѣетъ въ рукахъ доказательства, что мадыарско-нѣмецкая революціонная партія распространяетъ свою дѣятельность и на Прагу. Если чехи изъ ненависти къ грубой военной реакціи стали мириться мысленно съ Кошутомъ, то и венгерскіе славяне, у которыхъ въ крови была ненависть къ мадыарамъ, обнаруживали недвусмысленно, что и они равнодушны къ гражданской свободѣ и конституціоннымъ гарантіямъ; чѣмъ менѣе было надежды на эту свободу и гарантіи, тѣмъ слабѣе становились ихъ содѣйствіе правительству и отпоръ мадыарамъ. Не было уголка въ имперіи, который бы пострадалъ отъ мадыаръ болѣе, нежели 11 словацкихъ комитатовъ, въ которыхъ хозяйничалъ свирѣпый Чани (Čaný), сдѣлавшійся потомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ добречинскаго правительства, разорявшій селенія и въшившій людей десятками; но и этотъ уголокъ, ополчившійся подъ предводительствомъ пастора Гурбана, учителя Штура и Годжи, прислалъ депутацію въ Ольмюцъ просить (20 марта 1849), вмѣстѣ съ отдѣленіемъ отъ Венгріи, о самоуправленіи и учрежденіи земскаго сейма, — требованія, которыхъ министерство никогда не думало удовлетворить. Несравненно труднѣе министерству было

уравниться съ южными славянами, которые столь недавно брали итежную Вѣну и явили себя спасителями государства. Банъ Іеллачичъ, превратившійся изъ народнаго дѣятеля въ австрійскаго генерала, потерялъ у хорватовъ всякую популярность. Хорваты громко заявляли свои сожалѣнія о закрытіи сейма въ Кремшрѣ, свое пренебреженіе къ пожалованной конституціи и свое негодованіе за обращеніе съ ними правительства. Старикъ графъ Сечени имѣлъ полное основаніе писать въ своемъ предсмертномъ сочиненіи: «кто знаетъ 1848 годъ только по слуху и видитъ, какъ ласкають нынѣ Италію и ни во что не ставятъ Кроацію, долженъ бы заключить, что хорваты возмущались и что ихъ укротили ломбардо-венеціанскіе полки.» Въ Банатѣ эфемерное сербское движеніе близилось къ печальнѣйшей развязкѣ. Двѣ вновь созданныя силы, патриархатъ и воеводство, пожирали себя взаимно. Патриархъ Раячичъ, сошедшійся съ австрійскимъ генераломъ Руковиною, заманилъ въ укрѣпленный Темешваръ народный *отборъ* и претендующаго на должность воеводы Стратимировича, арестовалъ послѣдняго и вымогъ у «отбора» передачу въ его духовныя руки военной диктатуры. Но австрійскіе генералы помогли Раячичу вовсе не затѣмъ, чтобы ему потомъ подчиняться. Столкновеніи патриарха съ Руковиною кончились тѣмъ, что осадное положеніе объявлено было въ Банатѣ, и что Виндишгрецъ, образовавъ изъ Баната седьмой военный округъ, назначилъ туда начальникомъ генерала Майергофера, то-есть поступилъ съ Банатомъ, какъ съ отвоєванной частью короны св. Стефана. Въ мартовской конституціи подтверждены права Кроаціи, но ничего не постановлено о самостоятельности Воеводины. «Мы промѣняли Пештъ на Вѣну, — говорили сербы, — мы позабыли, что Австрія и свобода двѣ разныя вещи, что въ Австріи не было и не будетъ свободы.» 6 мая 1849 г. явилась въ Ольмюцъ хорвато-сербская депутація просить о пожалованіи сербской Воеводинѣ земскаго устава, выработаннаго «отборомъ», который былъ основанъ на началахъ чистѣйшаго федерализма и самоуправленія земель. Іеллачичъ, на котораго напирали со всѣхъ сторонъ о поддержкѣ этихъ требованій, не могъ ровно ничего сдѣлать; его мало уважали въ Вѣнѣ. Автономія сербамъ не была дана, но дождались они позже, послѣ венгерской кампаніи, что патентомъ 18 ноября 1849 изъ жироу тѣла Венгрии мырѣзанъ сочный кусокъ Воеводины, по Маронъ, что императоръ принялъ титулъ воеводы сербскаго, а вице-воеводою назначаетъ тотъ же Майергоферъ, независимый отъ венгерскаго намѣстника, но вполне и исключительно зависимый отъ вѣнскаго министерства. Понятно, что при такихъ условіяхъ

съ марта 1849 г. національная партія южныхъ славянъ стала разлагаться, что перевѣсъ получили крайніе радикалы, такіе же федералисты, но отъявленные враги централизаціи, нетерпящіе еще больше нѣмцевъ, нежели мадьяръ. Австрія должна, говорили они, либо разрѣшиться федераціею, либо, завязнуть опять въ абсолютизмъ; какъ Венгрія погибла отъ мадьяризма, такъ Австрія погибнетъ вслѣдствіе своихъ стремленій къ обильмеченію. Еслибы спросить нѣмцевъ, что они думаютъ о положеніи своемъ въ имперіи, которой правительство попрекаемо было тѣмъ, что оно ихъ выдвигаетъ и имъ особенно покровительствуетъ,—то они заявили бы вѣроятно, что они недовольны больше всѣхъ другихъ. Отношенія министерства къ Германіи и нѣмецкому элементу составляютъ одну изъ курьезнѣйшихъ и забавнѣйшихъ сторонъ исторіи этого режима, для оцѣнки которой надобно строго отличать правительственную утопію отъ правительственной практики.

Утопія была великолѣпная: въ официальныхъ и полу-официальныхъ вѣстныхъ газетахъ конца 1848 г. стали появляться статьи, которыхъ основная идея внушена была свыше и которыя проповѣдывали образованіе могущественной семидесяти-милліонной европейской державы изъ цѣлой Германіи, слившейся въ одно съ цѣлою Австріею въ полномъ ея составѣ. Условія и основанія соединенія оставались проповѣдниками его благоразумно, осторожно, въ туманѣ, но звонкими фразами воспѣваема была гигантская сила этой громады въ срединѣ Европы, у которой заискать будетъ Англія, передъ которою дрожать будутъ Франція и Россія и которая, отодвинувъ до Балкановъ свою грань, соединитъ Азію съ Европою и будетъ предписывать законы міру. Германіи тѣсно въ ея германскомъ союзѣ; ей надобно имѣть свои гавани въ Адриатическомъ морѣ, входъ въ Черное, надзоръ за турецкимъ наслѣдствомъ и всю великую будущность, назрѣвающую незримо и тихо на востокѣ имперіи. Разгоряченное воображеніе мечтателей предвидѣло даже сліяніе племенъ и образованіе новой расы славяно-германской, причемъ предполагалось, что во главѣ этого химерическаго необозримаго союза стоять будутъ въ полувосточныхъ формахъ австрійскій монархъ, какъ царь царей, какъ солнце, окруженное системою планетъ. Эта несказанно нелѣпная химера вливалась въ сущности только въ тому, чтобы положить конецъ парламентаризму, рѣшительно невозможному въ 70-милліонной разношерстной федераціи и возможному только въ деспотіи; она вталкивала германское движеніе въ старыя колѣна сонливаго сейма германскаго союза и абсолютизма. Благодаря своему источнику, эта пустая идея пошла быстро въ курсъ. Она

знаменовала одно из двух: или то, что ею хотѣли морочить легковѣрныхъ, или то, что крайне несостоятельны были тѣ умы, которые изобрѣли этотъ безсодержательный мыльный пузырь и превратно имъ забавлялись.

Такова была утопія; перейдемъ теперь къ дѣйствительности. Австрійское правительство никогда не было особенно расположено къ народному нѣмецкому собранію, сейму, сѣмю у Св. Павла во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Оно поддерживало съ нимъ сношенія настолько, насколько надѣялось достигнуть главенства Австріи въ Германіи. Несмотря на его двусмысленную политику, на предугадываемое его стремленіе къ восстановленію до-мартовскихъ отношеній, въ проектируемой союзной Германіи за Австрію почти безспорно признаваемо было первенствующее положеніе. Слова официального уполномоченнаго при центральной власти союза, Шмерлинга, на сеймѣ во Франкфуртѣ, почти не встрѣтили противорѣчій въ началѣ 1849 г., когда онъ заявлялъ, что нѣтъ собственно нѣмецкой исторіи и что, только соединяясь съ Австріей, Германія пріобрѣтаетъ историческое значеніе. Другіе ораторы изъ австрійцевъ, Вюрт и Гиссера, доказывали съ успѣхомъ, что Германія будетъ жалка и мизерна безъ Австріи, что австрійское войско есть средство пропаганды германской культуры на востокъ, куда и направится потокъ германской колонизаціи. Сеймъ рукоплескалъ предложенію Гиссеры ввести всю Австрію въ полномъ ея составѣ въ союзъ. — Первымъ рефлексомъ государственнаго переворота, совершеннаго въ Кремзирѣ, было отчужденіе нѣмцевъ вообще отъ Австріи и разрывъ ея окончательный съ народнымъ собраніемъ во Франкфуртѣ. Шварценбергъ предложилъ парламенту, чрезъ Шмерлинга, родъ ультиматума, основанный на томъ, что сдѣлавшись унитарнымъ государствомъ по конституціи 4-го марта, Австрія не можетъ дробиться, выдѣляя нѣкоторые свои части въ германское государство; а потому единство Германіи должно быть отыскиваемо такими путями, чтобы Австрія представлена была возможностью, не жертвуя собой, оставаться въ обществѣ отечествъ. Въ то же время конфиденціально народному собранію сообщено, что Австрія можетъ согласиться на такую организацію Германіи, въ которой бы центральную власть составлялъ союзный директоріатъ подъ предсѣдательствомъ Австріи, а законодательное собраніе или палата державъ, *Staatenhauts*, состояло бы изъ выборныхъ, частью отъ германскихъ правительствъ, частью отъ законодательныхъ собраній отдѣльных германскихъ державъ; Германія дѣлилась бы на округа, Австрія составляла бы первый округъ и давала бы самое большее число членовъ въ

палату державъ. Не только многіе изъ австрійцевъ протестовали въ церкви Св. Павла какъ противъ пожалованной мартовской конституціи, такъ и противъ плановъ Шварценберга, но и многіе самые ревностные сторонники Австріи, напримѣръ Валькеръ, перешли въ лагерь прусскій и образовали большинство, которое предположило предложить наследственную императорскую власть въ Германіи королю прусскому. Тогда Шмерлингъ сложилъ съ себя званіе австрійскаго уполномоченнаго, подъ тѣмъ предлогомъ, что по конституціи 4-го марта нѣмецкія области Австріи не могутъ болѣе участвовать въ нѣмецкомъ союзномъ государствѣ. Многіе депутаты изъ австрійцевъ вышли со Шмерлингомъ изъ сейма, а остальные были формально отозваны австрійскимъ правительствомъ 5-го апрѣля. «Австрійскій императоръ, сказано было въ нотѣ Шварценберга, никогда не подчинится иному нѣмецкому государю и не допустить, чтобы иностранное законодательное собраніе распространяло свою власть на его владѣнія». — Въ границѣ Австріи идея о семидесяти-милліонной державѣ повидимому провалилась; въ самой Австріи культурная сила, которая должна была служить цементомъ проектируемой державѣ и на которую падали всѣ нареканія за германизацію, находилась въ слѣдующемъ положеніи. Высланный усмирять мадьяръ, Виндингрецъ заигрывалъ съ венгерскими аристократами-реакціонерами; вездѣ правительство выдвигало впередъ одни феодальные и клерикальные элементы; по всѣмъ канцеляріямъ имперіи господствовалъ въ перепискѣ такой жаргонъ чехо-нѣмецкій или славяно-нѣмецкій, который можно было принять за признакъ начала образованія новаго племени славяно-германскаго. Вѣна продолжала считаться въ глазахъ правительства гнѣздомъ революціонеровъ, городомъ, который готовъ подняться на выручку венгерцамъ при малѣйшей побѣдѣ надъ императорскими войсками. Самые солидные и безупорочно благонамѣренные редакціи газетъ подвергались изысканіямъ и преслѣдованіямъ, напримѣръ газета «Ost-deutsche Post», въ которой сотрудничалъ Пиллерсдорфъ и которая была все-таки нѣкоторое время приостановлена Стадіономъ, и редакція «Allgemeine Oestereichische Zeitung», у редактора которой, бывшаго министра Шварцера, произведенъ былъ обыскъ (вскорѣ потомъ тѣмъ же Шварцеръ приговоренъ къ 48-ти-часовому аресту). Военные суды судили преступленія политическія; столица укрѣпляема была новыми фортами. Первый декретъ по возвращеніи правительства изъ Ольмюда въ Шенбруннъ (8-го іюня) былъ декретъ по докладу Баха объ учрежденіи 13-ти ландармскихъ полковъ съ бюджетомъ въ 5 милліоновъ, объясняемомъ тѣмъ, что

при предоставляемой теперь политической свободѣ могутъ участвовать посягательства на порядокъ, а мѣры предупрежденія становятся малочисленнѣе и могутъ быть употребляемы только въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Цензура внутренняя не была восстановлена на мѣстныхъ произведенія печати, но введены залогн для газетъ; заграничныя произведенія печати цензуровались со всею строгостью меттерниховскаго времени, вслѣдствіе чего книгопродавцы отказались брать свои книги изъ таможни и подали адресъ министерству на это нарушеніе конституціи; наконецъ репертуаръ театровъ просматриваемъ былъ и утверждаемъ военнымъ губернаторомъ Вѣны, генералъ-фельцейхмейстеромъ Вельденомъ, и такъ какъ съ каждымъ днемъ росло вліяніе на дѣла высшаго духовенства, которое обращало особенное вниманіе на прессу и театръ, но котораго совѣты не очень расположенъ былъ уважать Вельденъ, то Бахъ, не имѣвшій связей при дворѣ и всячески занесившій у клерикальной партіи, устроилъ дѣло такъ: намѣстничество архіерцогства и городская полиція заставляли, посредствомъ разныхъ угрозъ и внушеній, дирекціи театровъ отказываться отъ представленія неприятныхъ духовенству пьесъ, не доводя о томъ до свѣдѣнія Вельдена. Инициативу въ подобныхъ требованіяхъ брали на себя церковныя братства (Severinus-Verein, Michael-Verein): онѣ обращались съ представленіями къ архіепископу «о поруганіи Бога и церкви». Архіепископъ отвѣчалъ выраженіемъ сожалѣнія, что ему не принадлежитъ власть надъ театральною цензурою, но сообщалъ намѣстничеству о господствующемъ «общественномъ мнѣніи», каковое сообщеніе исполняемо было столь аккуратно, какъ и всякій министерскій приказъ. Линцскій епископъ Рюдигеръ, — извѣстный тѣмъ, что терпѣть не могъ, когда духовные предавались ученымъ занятіямъ, и что одному вѣрному министру канонику, поднесшему ему написанную книгу, замѣтилъ сухо: «а сколько разъ могли бы вы прочесть въ это время требникъ», — поступалъ еще рѣшительнѣе; онъ прямо требовалъ къ себѣ актеровъ и изучалъ ихъ скромности въ костюмахъ; онъ распорядился также исправленіемъ пьесъ для сцены: Шиллеръ, Гёте, всѣ классики были процензурованы и очищены епископскою властью, и въ такомъ только видѣ являлись передъ публикою. Вѣнскій магистратъ распорядился ознаменовать иллюминацію обнародованіе пожалованной конституціи 4 марта и отправилъ даже по этому случаю депутацію въ Ольмицъ, которую государь ободрилъ при представленіи словами: «надѣюсь, что выраженныя вами чувства жителей поставятъ меня скорѣ въ возможность возвратиться въ среду вапу». Въ апрѣлѣ Вельденъ назначенъ

былъ на мѣсто Виндишгреца главнокомандующимъ въ Венгрію, городъ вздохнулъ свободнѣе, вслѣдствіе воспослѣдовавшаго при этомъ случаѣ отдѣленія гражданскаго управленія отъ военнаго. 5 мая прибылъ и дворъ въ Шенбруннъ, причемъ върноподданническія чувства вънцевъ проявились тѣмъ съ большею силою, что всякое сочувствіе къ венгерцамъ пропало въ простонародіи послѣ того, какъ состоялось въ Дебrecинѣ 14 апрѣля низложеніе династіи по предложенію Кошута. Но 30 мая Вельденъ сдалъ команду въ руки Гайнау и вернулся на прежнее мѣсто, минимая побѣда гражданскаго управленія надъ генералами оказалась призракомъ, все пошло по старому. Вскорѣ потомъ разразился громовымъ ударомъ фактъ, унижительный для всякаго австрійца и окончательно уничтожавшій въ корнѣ надежды самыхъ неисправимѣйшихъ оптимистовъ: австрійское правительство, не совладѣвъ съ подданными и не находя нигдѣ въ нихъ поддержки, выпросило и получило вооруженную помощь Россіи. Почти въ одинъ день и въ Вѣнѣ, и въ С.-Петербургѣ (1—11 мая) опубликованы были манифесты, гдѣ оповѣщалось дружеское вмѣшательство Россіи для подавленія мятежа въ Венгріи, соединившаго въ себѣ всѣ элементы европейской революціонной партіи и грозящаго разрушеніемъ всѣхъ основъ общественнаго порядка. Россійскій императоръ далъ помощь даромъ, онъ только потребовалъ, чтобы корпусъ генерала Паскевича не считался вспомогательнымъ, чтобы дѣйствовалъ сосредоточенною массою и не подчинялся никому изъ австрійскихъ генераловъ. Русская помощь не только обнаруживала передъ всѣмъ свѣтомъ несостоятельность габсбургской монархіи, какъ государства, безсиліе его при разрѣшеніи задачъ внутренней политики; она знаменовала еще отказъ отъ всякихъ либеральныхъ начинаній, отъ всѣхъ потребностей, сказавшихся несвязно и смутно въ великой суматохѣ 1848 г. Тогдашнее правительство Россіи играло сознательно роль неприступной крѣпости и центра европейскаго консерватизма; оно представляло изъ себя свалу, у стопъ которой должны разбиваться волны революціи, гдѣ бы она ни проявлялась,—революціи, понимаемой какъ нераздѣльное цѣлое и смѣшиваемой въ одну кучу съ идеями и потребностями, которыхъ она являлась носителемъ. Въ довершенію картины умственнаго состоянія общества въ первой половинѣ 1849 г., вспомнимъ, что въ тотъ самый день 1 мая, когда въ вѣнскихъ газетахъ объявлено о вооруженной помощи Россіи для матеріальнаго укрощенія революціи, открытъ былъ въ Вѣнѣ мѣстный соборъ или синодъ высшаго римско-католическаго духовенства всемъ нѣмецкихъ и славянскихъ, на который

пріѣхало 35 епископовъ и который вызванъ былъ заботами объ укрощеніи той же революціи духовными мѣрами, при дѣятельномъ пособіи со стороны свѣтской власти. Не только на расположеніе, но и на совершенную податливость этой свѣтской власти представители церкви могли съ каждымъ днемъ болѣе разсчитывать. Никто не созывалъ этого духовнаго собора, епископы сѣхались въ силу гарантированныхъ конституціею 4 марта основныхъ правъ, которыми на дѣлѣ никто кромѣ ихъ не пользовался. Они подали адресъ императору (7 мая), въ которомъ, прося о покровительствѣ со стороны правительства, они обѣщали внушать австрійскимъ народамъ вѣрноподданническія чувства и содѣйствовать возрожденію и обновленію монархіи. «Католическая церковь, — гласилъ адресъ, — есть вѣрная твердыня для всѣхъ, алчущихъ вѣчныхъ благъ, но она распространяетъ свое вліяніе и на всѣ отношенія земной жизни. Твердое основаніе и высшее освященіе, сообщаемыя религіею чувству долга, составляютъ необходимую потребность нравственной силы государства. Годъ 1848 свидѣтельствуетъ громовымъ голосомъ, что въ тѣсныхъ предѣлахъ этой истины врапцается всемірная исторія». Въ папирскомъ посланіи, заключившемъ (17 іюня) соборъ, епископы высказались противъ политической свободы и объявили національность остаткомъ «язычества», такъ какъ разноязычіе есть послѣдствіе грѣха и совращенія людей съ пути истины. Еще сильнѣе выразился пражскій епископъ въ своемъ посланіи, резюмировавшемъ постановленіе собора: «Знаменитый манифестъ нѣмцевъ демократіи, — сказано было въ манифестѣ, — запечатлѣнный тѣмъ крайнимъ *нигилизмомъ* (честь изобрѣтенія знаменитаго слова, очевидно, не принадлежитъ Тургеневу), который вмѣсто свободы вѣры защищаетъ необходимость невѣрія, откроетъ глаза многимъ. Рядомъ съ атеизмомъ вкрадываются другія анти-религіозныя направиленія, во-первыхъ, національность, противная космополитическому характеру христіанства, во-вторыхъ, отдѣленіе школы отъ церкви». Отъ государства соборъ требовалъ бездѣлицъ: отмены *placetum regium*, то-есть правительственнаго разрѣшенія на обнародованіе папскихъ буллъ и бреве, освобожденія отъ предварительнаго просмотра правительствомъ папскихъ посланій епископовъ, предоставленія полновласти духовенству и духовнымъ судамъ въ брачныхъ дѣлахъ, завѣдыванія кладбищами, разрѣшенія погребенія, наконецъ, непосредственнаго участія духовенства въ завѣдываніи 80-милліоннымъ церковнымъ фондомъ, образованнымъ при Іосифѣ II, взятымъ конфискованными монастырскими имѣніями. Министерство не затруднилось вступить по

этой программѣ въ переговоры по открытому вопросу объ отношеніи государства къ церкви; для этихъ переговоровъ былъ избранъ соборомъ постоянный комитетъ подъ предсѣдательствомъ зальцбургскаго, а вскорѣ потомъ пражскаго архіепископа, кардинала Шварценберга, брата перваго министра. Мечты о высокомъ положеніи Австріи въ европейской системѣ государствъ; милитаризмъ, какъ основа матеріальнаго порядка, восстановленіаго хозяйства, съ помощью иностранцевъ; и обращеніе за содѣйствіемъ для нравственнаго дисциплинированія людей къ римско-католическому духовенству, предлагающему это содѣйствіе государству по крайне дорогой цѣнѣ и на крайне несходныхъ условіяхъ—всѣ эти главныя черты шварценберговской политики успѣли обозначиться уже въ первой половинѣ 1849 года. Въ одномъ только отношеніи эта политика одержала легкій и несомнѣнный успѣхъ: она покончила съ Венгріею, добилаь совершеннаго подавленія мятежа. Венгерцы дѣлали видъ, что они побѣждены только русскою силою, но не австрійскимъ оружіемъ, и Гёргей съ арміею сдался 13 августа фельдмаршалу Паскевичу, который по этому случаю написалъ въ донесеніи своему государю памятные слова, бѣсившія Гайнау и австрійскихъ генераловъ: «Венгрія у ногъ вашего величества». 27 сентября сдалась на почетную капитуляцію, съ полною амністіею для гарнизона и свободнымъ пропускомъ для командовавшихъ, неприступная крѣпость Коморнъ, послѣдній пунктъ, на которомъ развѣвалось венгерское знамя. Незадолго предъ тѣмъ (22 августа) сдалась и Венеція; вооруженное сопротивленіе не существовало нигдѣ болѣе въ предѣлахъ австрійской имперіи, оставалось только пожинаать плоды побѣды. Легко можно было предвидѣть, что правительство не будетъ любезничать съ мятежниками, что ихъ ожидаетъ суровый, строгій судъ, что покоренная свободная страна будетъ сдавлена въ ежѣвыхъ рукавицахъ,—но всѣ ожиданія превзошла жестокость и злость, съ которою обошлись съ побѣжденными: жестокость эта имѣла всѣ признаки безпощадной мести и поставила въ исторіи распорядителя казней Гайнау у поворота столба.

Побочный сынъ курфюрста гессенскаго, баронъ Юліи Гайнау былъ человѣкъ шестидесяти лѣтъ, высокій, тощій, съ длиннѣйшими метлообразными бакенбардами (по которымъ его узнали впоследствии рабочіе на заводѣ Барклай и Перкинсъ, гдѣ, какъ извѣстно, ему сдѣланъ былъ весьма горячій приѣмъ), человѣкъ притомъ пользовавшійся всю свою жизнь самою дурною репутаціею. Фарнгагенъ фонъ-Энзе (Tagebücher X, 66, 256), служившій съ нимъ въ одномъ полку въ 1809 году, называетъ его про-

сто-на-просто шпиономъ на жалованьи у французовъ. Онъ постоянно нуждался въ деньгахъ, проматывъ свое состояніе. Своенравный, никогда не ладившій съ начальниками, Гайнау получилъ отставку въ чинѣ фельдмаршалъ-лейтенанта и выпросилъ себѣ съ трудомъ разрѣшеніе отправиться въ 1848 году простымъ начальникомъ полка въ Италію, гдѣ его и отличилъ Радецкій, называвшій его «бритвою, которую послѣ употребленія ея надо прятать въ футляръ». Гайнау хвастался потомъ тѣмъ, что въ Италіи имя его стоить арміи; иными словами, что его какъ чорта боится за его изобрѣтательность въ мученіяхъ (онъ носилъ еще другое прозвище—«гіены»). О впечатлѣніи, которое Гайнау оставилъ послѣ себя потомъ въ Венгріи, можно приблизительно судить по ѣдкимъ, юмористическимъ словамъ предсмертнаго памфлета Сечени, писаннымъ черезъ 6 лѣтъ по смерти Гайнау, въ 1859 году: «Бѣдняга, слѣпой и свирѣпый, какъ бульдогъ, котораго спускаютъ и науськиваютъ, онъ собственно и не зналъ, что онъ только высокопоставленный палачъ. Сдѣлавъ свое дѣло, превосходительный господинъ отправился путешествовать, и, несмотря на шорку на заводѣ Барклая и Перкинса, все-таки не догадывался, этотъ бравый рубака, что никто не выноситъ его запаха крови. Потомъ купилъ онъ имѣніице въ Венгріи и отправился, замаскировавшись мадьяромъ, съ визитами, но отъ него бѣжали, какъ отъ бѣшеной собаки. Только тогда, когда на его жильѣ напустить былъ красный пѣтухъ, сталъ онъ смекать, что у него есть съ кѣмъ-то какіе-то расчеты.» Изъ отвѣта на ходатайство князя Паскевича за вилагошскихъ капитулянтовъ (23-го августа) можно было угадывать, что власть не расположена къ снисхожденію. «Если бы я могъ слѣдовать влеченію сердца,—писалъ императоръ,—то я бы покрылъ непроницаемымъ забвеніемъ прошедшее, но я не могу забыть, что у меня есть священнѣйшія обязанности въ отношеніи къ другимъ народамъ, и что общее благо имперіи внушаетъ мнѣ соображенія, которыхъ я не могу терять изъ виду.» Имя Гайнау ручалось за суровость; сверхъ того, онъ былъ до ярости раздраженъ образомъ дѣйствій князя Паскевича, сдачею русскимъ венгерской арміи, и горѣлъ желаніемъ выместить на венгерцахъ свое нерасположеніе къ русскимъ. Онъ имѣлъ однако терпѣніе выждать сдачу Коморна; тогда только, съ 6-го октября, годовщины смерти Латура, по 28-е, произведены гуртомъ казни надъ множествомъ лицъ, въ значительной степени виноватыхъ. Большая часть этихъ лицъ полагали, что худшее время прошло; съ ними послѣ сдачи обходились на первыхъ порахъ довольно ласково, со всѣми снисхожденіями и облегченіями

(напр. съ генералами въ Арадѣ). Нѣкоторые провинились только въ томъ, что, служа въ венгерскомъ войскѣ, получили въ самое послѣднее время патенты на чины отъ Гѣргея, который отправленъ только въ Клагенфуртъ на жительство, или что они носили историческія имена. Въ Арадѣ повѣшено и разстрѣляно 13 генераловъ и штабъ-офицеровъ, въ томъ числѣ графъ Лейнингенъ, родственникъ королевы Викторіи. Въ Пештѣ, въ громадной казармѣ *Neugebäude* происходили ежедневныя экзекуціи венгерскихъ офицеровъ, министровъ и членовъ сейма. Первое мѣсто между казненными, по своему сану и своему прошедшему, занялъ бывшій первый министръ, венгерскій графъ Людвигъ Батіани, 40-лѣтъ, котораго кончина и до сихъ поръ юридически необъяснима и должна имѣть свои особыя тайныя причины, такъ какъ Батіани, законнымъ образомъ назначенный министромъ, получилъ точно такимъ же законнымъ образомъ отъ правительства въ Вѣнѣ отставку, въ первыхъ числахъ октября, значить, до октябрьской революціи, и съ тѣхъ поръ не участвовалъ въ движеніи. Говорятъ, что ему не могли простить въ Вѣнѣ ни сцены 16-го марта 1848 года, когда, пріѣхавъ въ Вѣну для поднесенія императору Фердинанду пресбургскихъ требованій сейма, онъ сѣлъ въ присутствіи императора въ кресло и объявилъ, что не выйдетъ, пока не получитъ его подписи; ни того, какимъ образомъ онъ исторгъ у слабого императора, 10-го іюня 1848 г., въ Иннсбрукѣ, рескриптъ, отставляющій Іеллачича и требующій его къ суду. Несчастнаго Батіани обвинили на судѣ въ соучастіи въ убіеніи Латура. Такъ какъ, во избѣжаніе казни, онъ порѣзалъ себѣ шею жесточайшимъ образомъ, то, по заключенію врача о невозможности его вѣшать, возникъ вопросъ о замѣнѣ висѣлицы разстрѣляніемъ. Гайнау нарочно ѣздилъ въ Вѣну противодействовать замѣнѣ и былъ внѣ себя, когда его старанія не увѣнчались успѣхомъ; потомъ имъ было возбуждено слѣдствіе и противъ врача, и противъ монаха, заподозрѣннаго въ доставленіи кинжала графу. Число приговоровъ, присуждавшихъ къ тяжкимъ наказаніямъ, по приговорамъ военныхъ судовъ въ Арадѣ, Пештѣ, Пресбургѣ, Германштадтѣ, дошло съ конца 1849 по начало 1850 г. до 900.

Казни въ Венгріи нисколько не разрѣшали и не подвигали даже къ разрѣшенію венгерскаго вопроса. Вопросъ этотъ былъ не новый: много разъ австрійскіе монархи наталкивались на венгерскіе оппозицію или мятежъ, должны были давить ихъ пятою и устанавливали на продолжительное время возможно прочныя отношенія между Венгріею и остальными своими владѣніями, въ которыхъ они были самодержавны. Казни входили конечно въ

программу побѣды, и памятенъ донинѣ кровавый еперіешскій судъ 1687 года .Леопольда I-го, который внималъ усердно совѣтамъ, преподаваемымъ ему въ то время іезуитами: «reddere Hungariam miseram, deinde catholicam, denique germanicam». .Леопольдъ I и его министры постарались конечно принизить Венгрію казнями—reddere miseram; не менѣ Шварценберга и его товарищей, они желали конечно ее и окатоличить, и онѣмечить. Но они были настолько люди государственные, что сообразовали цѣль со средствами и понимали, что нужно установить извѣстное преемство законнаго порядка, заставить побѣжденный народъ, въ виду оставляемаго ему сознательно и добровольно со стороны побѣдителя кончика, обрубка конституціи, если не помириться совсѣмъ съ своимъ положеніемъ, то остановиться до поры до времени на предоставляемомъ остаткѣ конституціи, какъ на исходной точкѣ, усвоенной обѣими сторонами, какъ на добровольно принятомъ и потому обоюдно обязательномъ договорѣ. Когда какой-нибудь народъ побѣжденъ, а побѣдившее его правительство не надѣется въ конецъ его истребить, тогда побѣдителю только и остается одно средство избавиться отъ бѣды и хлопотъ въ будущемъ: дать добровольно побѣжденному тотчасъ послѣ побѣды средства жить, хотя съ трудомъ, не доводить его до отчаянія, и своими уступками, имѣющими видъ дара, создать въ самомъ побѣжденномъ народѣ свою правительственную партію. Это правило распространяется на всѣ государства, даже самыя централизованныя; но оно вдвое сильнѣе дѣйствуетъ въ обществахъ, которыя, подобно Австріи, по самому строенію своему обречены на федеративность. Создать австрійскую партію въ Венгріи было весьма легко; даже такой недалновидный человѣкъ, какъ Виндиггрецъ, понималъ, что можно ладить и устроиться съ магнатами, консерваторами, любителями стараго, людьми, для которыхъ движеніе 1848 года было ударъ ножомъ въ сердце. Подъ вліяніемъ террора и пользуясь впечатлѣніемъ казней, можно было собрать сеймъ, заставить его прорезивовать революціонные законы 1848 года и даже до-мартовскую конституцію, въ духѣ согласованія ихъ съ новыми требованіями государственнаго единства. Тогда и память о законахъ 1848 года не воскресла бы, какъ не воскресли требованія сейма 1683 года при .Леопольдѣ I, а новое соглашеніе усвоено было бы столь же неизбежно и прочно, какъ *sanctio pragmatica* 1723 года, которую заставили сеймъ принять съ помощью вооруженной силы, но которая тѣмъ не менѣ составляетъ нынѣ одинъ изъ основныхъ венгерскихъ законовъ. Но отважные люди-дилеттанты, въ чьихъ рукахъ были судьбы Австріи, не стѣснялись преданіями

и были въ своемъ родѣ радикальны. Ихъ ненависть къ парламентаризму была столь велика, что не допускала, чтобы остались малѣйшія лохмотья отъ прежняго устройства. Среди экзекуцій въ Арадѣ и Пештѣ обнародованъ былъ 17-го октября уставъ о временномъ управленіи Венгріи (всѣ тогдашніе законы были временные), заключавшій въ себѣ своего рода экзекуцію надъ Венгріею, какъ надъ лицомъ собирательнымъ, юридическимъ. Уставъ установилъ «органическую связь Венгріи съ имперіею» въ духѣ единства имперіи, такъ какъ *«бывшая конституція края упразднена (beseitigt) вслѣдствіе самой же революціи»*. Венгрія обѣщала особый органическій статутъ, но отказано во всякомъ особомъ положеніи, въ ущербъ оставшимся вѣрноподанными областямъ. Кроато-Славонія и Трансильванія признаны вполнѣ самостоятельными, Воеводинѣ обѣщано соединеніе не съ Венгріею, а съ одною изъ коронныхъ земель, значить, Кроаціею. Особая Словакія не была учреждена. Порядокъ управленія былъ дѣлать нельзя просто, — гражданское управленіе совпадало географически съ военнымъ; оно или сливалось въ однихъ рукахъ съ военнымъ, или было военному подчинено. Страна дѣлилась на 5 военныхъ округовъ (Militär-districte); эти военные округа подраздѣлялись каждый на 3 гражданскіе; каждый гражданскій округъ на уѣзды (Regierungsbezirke), соотвѣтствующіе прежнимъ комитатамъ, а каждый уѣздъ на участки, соотвѣтствующіе прежнимъ судебнымъ участкамъ (sedes judiciaris). Въ видѣ уступки народнымъ воспоминаніямъ, поставлены надъ этими округами, уѣздами и участками чиновники отъ короны, именуемые по прежнему оберъ-гешпанами, старшинами комитатскими и управляющими судьями (Stuhlrichter), но вся власть сосредоточивалась въ рукахъ военныхъ окружныхъ комендантовъ, изъ которыхъ каждый охранялъ порядокъ и спокойствіе, опекалъ права національностей, разрѣшалъ и запрещалъ газеты (§§ 5, 6); а хотя для гражданскихъ дѣлъ у каждого коменданта былъ свой гражданскій, приставленный къ нему въ помощь, комиссаръ, а при главнокомандующемъ такой же главный комиссаръ, баронъ Герингеръ, но эти комиссары сносились съ министерствомъ только при посредствѣ своихъ военныхъ начальниковъ. Инструкція, приложенная къ уставу, уничтожила однимъ почеркомъ пера то старинное комитатское самоуправленіе, основанное на реставраціяхъ, то-есть на выборахъ земскихъ должностныхъ лицъ комитатами, которое составляло краеугольный камень конституціи и спасало Венгрію въ эпохи, когда австрійскіе монархи на цѣлые десяти лѣтъ приостанавливали парламентское правленіе, не созывая сеймовъ. § 12 предписывалъ

обнародованіе всякихъ узаконеній на всевозможныхъ мѣстныхъ варѣчійхъ и уничтожалъ преобладаніе мадьярскаго языка въ школахъ и церкви, но въ то же время § 13-мъ предписывалось оберъ-гешпанамъ вести переписку между собою и съ комендантами, а равно съ властями коронныхъ земель, исключительно на нѣмецкомъ языкѣ. Въ § 27 запрещалось строжайше терпѣть на службѣ, даже въ самыхъ низшихъ должностяхъ, лицъ политически неблагонадежныхъ. Наконецъ (§ 28), крестьянамъ повторено въ сотый разъ, что они свободны отъ барщины, по волѣ правительства, а помѣщикамъ внушено, что ихъ вознагражденіе посредствомъ выкупа зависитъ отъ спокойствія края и развитія производительныхъ силъ страны. Среди этого закрѣпляемаго на неопредѣленное время военнаго положенія послѣдовало въ декабрѣ событіе, сильно похожее на иронию и насмѣшку: по всей Венгріи опубликована имперская мартовская конституція имперіи на языкахъ нѣмецкомъ и мадьярскомъ. Правителей Австріи можно бы заподозрить въ томъ, что они сознательно пробовали, до чего можетъ дойти общественное легковѣріе, если бы въ то же время множество фактовъ изъ области административной не доказывали, что и министерство не имѣло еще никакого опредѣленнаго понятія о томъ, что оно предприметь съ этою конституціею въ ближайшемъ будущемъ; оно дѣлало попеременно то шагъ впередъ, то два назадъ; оно какъ будто бы работало въ одно и то же время и надъ отбѣною, и надъ исполненіемъ и консолидированіемъ конституціоннаго порядка. Приведемъ нѣсколько такихъ явныхъ противорѣчій изъ второй половины 1849 года.

По выходѣ изъ кабинета Стадіона и увольненіи Виндишгреца произошли нѣкоторыя перемѣны въ личномъ составѣ министерства: Бахъ перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, министромъ юстиціи сдѣлался возвратившійся изъ Франкфурта риттеръ фонъ-Шмерлингъ, а портфель исповѣданій и просвѣщенія достался Льву Туну, который, несмотря на то, что былъ въ душѣ ультра-католикъ и поклонникъ іезуитовъ, возился съ проектами университетской реформы и, не имѣя смѣлости кинуться прямо въ обскурантизмъ и распинаясь за іезуитскую *ratio studiorum*, сочинялъ либеральные на видъ уставы, которые спиты были, почти всѣ, по прусскому образцу: уставъ о гимназіяхъ, объ учительскихъ испытаніяхъ, уставъ университетскій, въ которомъ расширена область корпоративной жизни ученаго сословія и самоуправленія, допущеніемъ въ факультетскія собранія экстраординарныхъ профессоровъ съ правомъ голоса и даже доцентовъ безъ права участвовать въ голосованіи. Въ новыхъ уставахъ про-

водима была мысль, что надо поднять университеты, которые унижены были до степени простыхъ школъ при до-мартовскомъ режимѣ. Университетъ вѣнскій обновленъ призывомъ нѣсколькихъ знаменитыхъ людей на кафедры (Пуркинье, Вагсмутъ) и открытъ вновь 26-го ноября, послѣ долгаго перерыва. Министръ финансовъ Краузь обѣщалъ, въ сентябрѣ 1849-го г., не дѣлать новыхъ выпусковъ билетовъ національнаго банка и открыть подписку на внутренній заемъ, «чтобы доставить *благодѣтельнымъ* людямъ возможность принять участіе въ излеченіи ранъ отечества». Въ томъ же объявленіи министръ, обнаруживая можно сказать наивно-дѣтскій взглядъ свой на условія денежнаго обращенія, сердился по поводу лажа и угрожалъ принятіемъ энергическихъ мѣръ, съ цѣлю положить конецъ проискамъ, которые избрали себѣ денежный рынокъ ареною. Существованіе лажа министръ объяснялъ такимъ образомъ, что враги государства и порядка, пользуясь корыстолюбіемъ и легковѣріемъ публики, распространяютъ тревожные слухи о бумажныхъ деньгахъ, поднимаютъ искусственно вѣсельный курсъ, мѣшаютъ обращенію и ставятъ въ затрудненіе государство. Вступленіе Шмерлинга въ кабинетъ возбудило нѣкоторыя надежды. Шмерлингъ заявилъ себя во Франкфуртѣ такимъ либераломъ, человекомъ настолько прямымъ, по крайней мѣрѣ на словахъ, и настолько на видъ рѣшительнымъ, что невольно ставилась, по отношенію къ нему, дилемма: либо министерство не имѣетъ тѣхъ крайне реакціонныхъ намѣреній, которыя ему приписывали, что весьма сомнительно, либо Шмерлингъ перемѣнилъ вдругъ свои убѣжденія. Оказалось ни то, ни другое. Новый министръ въ общихъ вопросахъ не имѣлъ никакого вѣса въ кабинетѣ, даже въ своей специальной области онъ былъ мало самостоятеленъ, держалъ себя такъ, какъ будто бы до него совсѣмъ не относилось то, что дѣлалось сообща, и работала надъ устройствомъ судебной части, въ которой не обошлось безъ сильно реакціонныхъ вставокъ, но тѣмъ не менѣе даже при этихъ вставкахъ создаемое было неизмѣримо выше введенныхъ потомъ, послѣ Шмерлинга, порядковъ. Основаніями шмерлинговскаго судоустройства, введеннаго въ іюнѣ и іюлѣ 1850-го г. въ коронныхъ земляхъ, были современныя идеи: отдѣленіе суда отъ администраціи, отмѣна помѣщичьяго суда (патримоніальной юрисдикціи), обвинительная форма процесса съ прокуратурою, адвокатурою и судомъ присяжныхъ для обыкновенныхъ болѣе тяжкихъ преступленій (съ начала революціи 1848 года судомъ присяжныхъ судились уже преступленія печати). Первое дѣло съ присяжными докладывалось въ ноябрѣ 1850 года въ Цилли;

съ 15-го января 1851-го г. судъ присяжныхъ дѣйствовалъ въ Вѣнѣ съ великимъ успѣхомъ. Никто не подозрѣвалъ, что его отменить черезъ годъ. Единоличные участковые судьи (Bezirksgericht), ландгерихты, оберъ-ландгерихты и кассационный судъ въ Вѣнѣ, образовали лѣстницу судебныхъ инстанцій; ландгерихты функционировали съ присяжными; оберландгерихты функционировали, какъ обвинительная камера. Наконецъ, что касается до вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, то нельзя сказать, чтобы оно бездѣйствовало; какъ ни податливъ былъ Бахъ вліянію реакціи аристократической и клерикальной, а все-таки въ немъ прорывался еще иногда неожиданнымъ образомъ прежній «баррикадный» министръ съ конституціонными поползновеніями и замашками. Онъ не гораздъ былъ либеральничать на дѣлѣ, но онъ не скупился иногда на либеральныя фразы. Всѣхъ удивилъ его циркуляръ 15-го августа, который стоило бы вездѣ, не только въ Австріи, но и у насъ начертать золотыми буквами: «чиновники обязаны слѣдить за теченіемъ жизни, быть въ общеніи съ политическою и гражданскою дѣятельностью, знать мѣстные народныя языки. Они имѣютъ самостоятельное положеніе, а потому ихъ призваніе состоитъ въ отстаиваніи участковыхъ (Bezirks), окружныхъ (Kreis) и земскихъ (Landes) представительствъ въ отношеніи къ правительству при общихъ мѣропріятіяхъ. Если правительство счумѣетъ внушить убѣжденіе, что оно озабочено тѣмъ, чтобы выработать начала конституціоннаго государства, а не тѣмъ, какъ бы уменьшить ихъ значеніе и силу сопротивленія, то оно должно снискать себѣ довѣріе. Чиновникамъ должно быть поставлено на видъ, чтобы они прислушивались къ общественному мнѣнію и проявленіямъ его въ печати и въ законныхъ общественныхъ собраніяхъ. Партіямъ, стремящимся къ разрушенію законнаго порядка, надо противодѣйствовать, но лишь законными мѣрами. Въ странѣ, въ которой вся общественная дѣятельность сосредоточена была долгое время въ одномъ правительствѣ, администрація обязана опережать гражданъ на конституціонномъ пути». Въ то же самое время Бахъ приостановилъ исполненіе Стадіонова закона объ общинахъ (29-го октября), или лучше сказать о земскихъ учрежденіяхъ, до введенія новыхъ властей мѣстнаго управленія, а въ устройствѣ органовъ управленія въ областяхъ онъ, вопреки своимъ убѣжденіямъ, допустилъ въ пользу аристократіи страшныя уступки, совершенно противныя интересамъ не только конституціоннаго, но и самодержавнаго унитарнаго государства, котораго идеаль долженъ былъ носиться передъ глазами и его и Шварценберга. Въ ста-

ринной Австріи, представлявшей собою кучу земель, состоящихъ каждая на особыхъ правахъ подъ общео державою одного государя, каждая земля имѣла своего намѣстника, который былъ представителемъ государя и его alter ego. Эти намѣстники изъ самой породистой знати сообщались съ государемъ помимо министровъ; вотъ почему Стадіонъ и предлагалъ ихъ упразднить какъ лишнюю спицу въ колесницѣ, поставивъ крупными единицами вышшаго порядка въ мѣстномъ управленіи одни округа (Kreise), а не историческія области. Бахъ вернулся въ старому и ввелъ участковыхъ начальниковъ съ ихъ совѣтами (Bezirkshauptleute), предсѣдателей округовъ (Kreispräsidenten), съ ихъ совѣтами, и намѣстниковъ (Statthalter) съ ихъ совѣтами, причемъ въ цѣлой организаціи сквозила та мысль, что главное въ ней—реакція, а централизація стоитъ на второмъ планѣ, и что централизація осуществляется настолько, насколько она не очень противна корпоративнымъ интересамъ духовенства и кастовымъ—знати. Въ одномъ только направленіи событія развивались съ неудержимою силою и работа подвигалась независимо отъ воли и даже помимо воли гласи—а именно по освобожденію крестьянъ и по надѣленію ихъ землею; но и эта работа шла не равномернo, въ иныхъ мѣстахъ успѣшнѣе, въ иныхъ медленнѣе, гдѣ ее тормозили враждебныя вліянія. Всего сходнѣе оцѣнены были крестьянскіе надѣлы и опредѣлены оброки въ Богеміи и Моравіи въ іюнѣ 1849-го г., когда опасались вторженія туда арміи Гѣргея. Менѣе удачно шло регулированіе отношеній крестьянъ съ помѣщиками въ эрцгерцогствѣ Австріи и нѣмецкихъ земляхъ, гдѣ внѣ операціи остались и вошли въ выкупъ церковныя десятины. Наконецъ, всего тяжелѣе крестьянамъ пришлось въ Венгріи, гдѣ кошутовскій парламентъ пожаловалъ крестьянамъ ихъ участки даромъ, и въ Галиціи, гдѣ помѣщики вовсе не отличались преданностью правительству. Въ Венгріи выкупы вышли вдвое больше нежели въ Богеміи, что, конечно, пошло впрокъ оппозиціонистамъ, консерваторамъ-магнатамъ и доставило имъ неожиданно многіе лишніе милліоны. Въ Галиціи намѣстникъ графъ Голуховскій успѣлъ оттянуть разводъ и разграниченіе помѣщиковъ съ крестьянами до 1853-го года, причемъ многіе вопросы о пастбищахъ, лѣсахъ, продажѣ водки совсѣмъ не были затронуты. Изъ существующихъ министерствъ предполагено (24-го октября) упразднить одно, а именно военное, которому оставлены пока только дѣла и отношенія экономическія, вся же инспекторская часть, расположеніе войскъ и ихъ движеніе подчинены особому Armee-Ober-commando, то-есть самому государю непосредственно и лично, а такъ какъ

государь не управлялъ еще, то князю Шварценбергу, помимо кабинета. Это *Agmee-Ober-commando* завѣдывало арміею, раздѣленною на 4 генеральныхъ команды, подраздѣляющіяся на 14 корпусовъ. Легко понять громадное значеніе такого сосредоточенія военной власти, если принять въ соображеніе, что двѣ трети имперіи состояли въ то время на осадномъ положеніи.

Приведенныхъ фактовъ достаточно для характеристики хаоса. Общее впечатлѣніе внутренняго обзрѣнія государства въ послѣдніе дни первой половины XIX в. могло бы быть изображено слѣдующими чертами. Главное направленіе духа времени рѣшительно реакціонное, кое-гдѣ оазисами на поверхности держатся люди и учрежденія прежней эпохи движенія. Въ совѣтѣ министровъ никакого единства, никакихъ общихъ принциповъ, каждый министръ тянулъ въ свою сторону и бывалъ «внѣ себя» отъ того, что дѣлаютъ его товарищи, вслѣдствіе чего при повтореніи этой фразы, почти стереотипной, въ публикѣ ходилъ шуточный вопросъ: «когда же они бывають у себя?» Во главѣ министерства дилетантъ-политикъ, своенравный, причудливый, до безумія гордый, который по недостатку положительнаго знанія людей и отношеній выдался очертя голову въ невозможныя предпріятія съ самоувѣренностью, имѣвшею въ глазахъ профановъ всѣ признаки гениальности. Главная руководящая мысль политики была централизація, объединеніе посредствомъ абсолютизма. Абсолютизмъ въ исторіи дѣлалъ порою чудеса, бывалъ носителемъ прогресса, но, разумѣется, не этотъ абсолютизмъ былъ въ ходу, а другой—военно-бюрократически-клерикальный, превосходно уживающійся съ испанскими финансами, со всякаго рода привилегіями и смиренно подчиняющій государство церкви. Когда набитые на государство желѣзные обручи военного строя были вполнѣ сшиблены неудачами итальянской кампаніи, обнаружилось, что система объединенія ничего не создала, а многое испортила, и что зданіе разваливается по кускамъ. Бюрократія не имѣла достаточно смѣлости, чтобы разбить бывшія земскія, историческія единицы, перемѣшать ихъ и сгладить ихъ границы, но она умѣла раздражить до послѣдней степени и вооружить противъ правительства всѣ безъ исключенія національности, не привязавъ къ себѣ ни одной. Полиція, арестовавшая и ссылавшая множество людей безъ суда, была не въ силахъ справиться съ какимъ-нибудь высокороднымъ барономъ, для котораго законъ не писанъ, заставить знатнаго домовладѣльца исполнять санитарныя правила или взыскать съ помѣщика систематически неплатимыя недоимки. Прибавимъ къ тому полную уступчивость всякому церковному авторитету, нако-

нецъ, еще одну черту: многописаніе, сочиненіе безчисленныхъ уставовъ и проектовъ, безъ всякой нужды и съ полнымъ сознаниемъ, что они не будутъ введены, или ихъ отмѣнять тотчасъ-же послѣ введенія. Къ концу года совершенное усмиреніе Венгріи отразилось и на коронныхъ земляхъ въ повсемѣстномъ усиленіи духа реакціи, въ стѣсненіи прессы, въ наклонности къ большому и большому умственному запусѣнію при усиленной работѣ внѣшней регламентаціи, неизбѣжной послѣ такихъ домоговъ, которыя произведены въ два послѣдніе года. Такимъ образомъ, когда по истеченіи двухъ другихъ лѣтъ отмѣнена, въ концѣ 1851 г., формально конституція 4-го марта 1849 г., тѣмъ же министромъ, который ее скрѣпилъ, подобная отмѣна того, что никогда не существовало на дѣлѣ, принята была всѣми какъ самое естественное и самое простое событіе.

IV.

Отмѣна конституціи 4-го марта. — Смерть Шварценберга.

Судя по газетамъ, князь Феликсъ Шварценбергъ въ исторіи дипломатіи европейской начала пятидесятихъ годовъ былъ едва-ли не первое лицо. Онъ импонировалъ своею дѣятельностью, находчивостью, высокоумнымъ и рѣшительнымъ тономъ своихъ требованій, готовностью ссылаться на сильнѣйшій аргументъ—оружіе. Общеввропейскимъ вопросомъ былъ тогда тайный антагонизмъ Шварценберга и лорда Пальмерстона и явная антипатія Австріи съ Англіею, изъ которыхъ послѣдняя поддерживала итальянскія стремленія къ независимости и давала у себя великолѣпное гостепріимство Кошуту и изгнанникамъ венгерцамъ. Въ шахматной игрѣ политики германскихъ государствъ, самые смѣлые ходы принадлежали Шварценбергу, въ сравненіи съ которымъ министр иностранныхъ дѣлъ Пруссіи Мантѣйфель долженъ былъ казаться крайне слабымъ, неблестящимъ и уступчивымъ. а между тѣмъ вся эта политика, блистательная и исполненная задора, не привела ни къ какому результату и оказалась крайне безплодною. Ни одинъ изъ замысловъ Шварценберга не осуществился, напротивъ того, при всей уступчивости и нерѣшительности прусской дипломатіи, она не сдѣлала въ сущности въ главныхъ вопросахъ ни одного промаха. Своею уклончивостью, предоставленіемъ Австріи чести почина во всѣхъ почти реакціонныхъ предпріятіяхъ, самыхъ неприятныхъ и ненавистныхъ, Пруссія благоразумно облегчила себѣ позднѣйшее свое наступательное движеніе, кончившееся Кёниггрецомъ, Садовою, и учрежденіемъ Сѣверо-Германскаго Союза.

Обе державы сходились в 1850 г. самым искренним образом в реакции, которая была у них первым делом, а затем уже вторым являлось соперничество их из-за преобладания в Германии.

Во всех предприятиях, имевших целью подавление революции, Австрия с Пруссией были заодно. В то самое время, когда русские войска вступали в Венгрию (22 июля 1849 г.), Шварценберг добивался того, чтобы участвовать вместе с прусскими войсками в усмирении революционного движения в Бадене и выражал в ноты сожаление, что в этом деле обошлось без Австрии. Обе державы очень мало заботились о Германии и ее интересах, а помышляли только о том, как бы выгодно устроиться в Германии, в видах чисто династических. Пруссия мечтала о *меньшем, теснейшем или ограниченном союзе* (das engere Bund, union restreinte), о сгруппировании вокруг себя в одну федерацию, с легкой примесью парламентаризма, германских государств, кроме Австрии, в границах созданного Пруссией *цольферейна*, в который предполагалось включить государства отдельного Steuerverein'a, особого, меньшего таможенного союза, образуемого Ганновером, Ольденбургом и Шаумбург-Липпе. Австрия, разорвав связь с парламентом, стремилась к осуществлению, посредством переговоров с германскими правительствами, 70-миллионной федерации под своим председательством. Ни та, ни другая идея не удовлетворяла второклассных держав, которые своим пассивным сопротивлением и той и другой содействовали простому восстановлению прежней, старой, ржавой и неуклюжей конституции Германского Союза 1815 г. Сама слабость союзной связи в этой конституции приносила в то время известную долю пользы, потому что при ней общие реакционные меры не могли быть ни последовательны, ни решительны. 30 сентября 1849 года, по соглашению Австрии с Пруссией, эрцгерцога Иоанн сложил свое имперское регентство и центральная власть передана им была временно Австрии и Пруссии сообща, по 1 мая 1850 года. В начале 1850 года собрался съезд прусских унитаристов в Эрфурте, но в пику ему Австрия созвала в мае 1850 года во Франкфурте все германские государства в старинный *Бундестаг*. Как только съехался в сентябре 1850 года этот сейм, в который явились все четыре меньшие королевства (Бавария, Вюртемберг, Ганновер, Саксония), оба Гессена и множество других, и не явилась одна только Пруссия, возникло на этом сейме дело Гессен-Кассельское, послужившее *блоком* раздора между двумя соперниками. Гессен-Кассель

скій министр Гассенпфлутъ, борясь съ конституціонною партіею, которая отказывала правительству въ податяхъ, просилъ сеймъ о вооруженномъ содѣйствіи для союзной экзекуціи, но въ то же время, какъ союзныя войска вступали въ курфюршество, Пруссія ввела туда же и свои военныя силы, для совмѣстнаго разрѣшенія вопроса съ цѣлью собственно тою же, съ какою и Союзъ, то-есть, «для поддержанія авторитета власти и монархическаго принципа». Миръ висѣлъ на волосѣхъ, съ обѣихъ сторонъ начались сильныя вооруженія, сосредоточенія войскъ, были даже схватки и обмѣны выстрѣловъ между австрійцами и пруссаками на пограничьяхъ; но вдругъ гроза прошла, Мантѣйфель пріѣхалъ въ Ольмюцъ 29 ноября 1850 г., имѣлъ свиданіе съ Шварценбергомъ, уступилъ по всѣмъ почти пунктамъ спора, согласился на выдачу австрійцамъ крѣпости Рапштадта, на занятіе ими Гамбурга, на очищеніе отъ пруссаковъ Гессена. Одно только условіе поставлено Пруссіею и принято Австріею: въ Ольмюцкой конвенціи, составлявшей на видъ дипломатическую побѣду Шварценберга, рѣшено, что откроются въ Дрезденѣ дипломатическія конференціи о способахъ возстановленія союзнаго сейма и о способахъ разрѣшенія вопросовъ Гессенскаго и Гольштейнскаго, посредствомъ совмѣстнаго дѣйствія всѣхъ союзныхъ государствъ, значить въ томъ числѣ и Пруссіи. На дрезденскія конференціи, которымъ предшествовала поѣздка Шварценберга въ Берлинъ и которыя живо шли въ январѣ и февралѣ 1851 г., и дотянулись до 15 мая, Шварценбергъ явился съ полною вѣрою въ успѣхъ, съ надеждою осуществить идею, составлявшую его конекъ, а именно, ввести Австрію со всѣми ея славянами, итальянцами и мадьярами, въ полное ея составѣ въ Германскій Союзъ. Блестательна была рѣчь его, отрывшая конференцію, о необходимости усилить центральную власть Союза, въ виду необходимости дать дружный отпоръ демагогіи и революціи; но когда дѣло дошло до практической разработки задачи и когда обнаружилось, что Шварценбергъ стремится къ тому, чтобы совсѣмъ исключить изъ союзнаго совѣта, имѣющаго исполнительную власть, всѣ мелкія государства, составлявшія главную силу прусской партіи въ Германіи, и допустить только второстепенныя, болѣе крупныя державы, всегда тянувшія сильнѣе къ Австріи, нежели къ Пруссіи; когда не только Пруссія не согласилась, но Великобританія и Франція заявили формальные протесты противъ нарушающаго равновѣсіе Европы введенія всей австрійской имперіи въ Германскій Союзъ; когда, наконецъ, и сама Россія высказалась объ этомъ проектѣ неодобрительно, — проектъ этотъ провалился, по

настоянію Пруссіи и мелкихъ нѣмецкихъ державъ и ко всеобщему удовольствію государствъ, гарантировавшихъ трактаты 1815 г. Дрезденскія конференціи кончились прямымъ, безъ всякихъ перекъ, возстановленіемъ до-мартовскихъ учреждений и Бундестага во Франкфуртѣ, съ пленумомъ въ 70 голосовъ, и 17-членнымъ союзнымъ совѣтомъ, подъ предсѣдательствомъ Австріи. Неудача великогерманскихъ затѣй была полная, Мантѣйфель расквитался съ Шварценбергомъ за ольмюцскую конвенцію, пораженія не прикрыли тѣ празднества и то великолѣпіе приѣма, съ которыми въ Ольмюцѣ въ послѣднихъ дняхъ мая монархъ австрійскій со всѣми сановниками и министрами, кромѣ Баха, угощать русскаго императора. Свиданіе ольмюцское не скрѣпило, а скорѣе охладило личныя отношенія монарховъ. Чѣмъ больше Шварценбергъ чувствовалъ себя въ долгу передъ Россією, тѣмъ больше избѣгалъ онъ казаться обязаннымъ и, конечно, помышлялъ о томъ, что когда-нибудь Австрія удивитъ Европу своею неблагодарностью.

Послѣ совершеннаго крушенія, которому подверглись честолюбивые замыслы Шварценберга на поприщѣ политическомъ въ дѣлѣ объединенія Германіи подъ знаменемъ Австріи, онъ, не отставая отъ этой идеи, началъ ее преслѣдовать инымъ путемъ на поприщѣ торговомъ и экономическомъ, причемъ его увлекъ примѣръ той же Пруссіи, которая своимъ польфрейномъ умѣла достигнуть замѣчательныхъ политическихъ результатовъ. Задача состояла въ созданіи по инициативѣ Австріи такого таможеннаго союза, который бы оцѣпилъ одною таможенною цѣпью и всю Германію, и всю австрійскую имперію, то-есть опять воспроизвелъ бы любимую мечту о 70-милліонномъ цѣломъ. Кругъ понятій, которыя затрогивала эта сторона внѣшней политики Шварценберга, былъ столь рѣзко противоположенъ общему направленію его дѣятельности; благотворные результаты, достигнутые вполнѣдствіи Австрією чрезъ торговый трактатъ съ Германією, были столь не похожи на то, чего Шварценбергъ добивался всю жизнь, что необходимо приходится остановиться на слѣдующемъ предположеніи. Ломавъ китайскую стѣну запретительной системы, открывавшей Австрію въ промышленномъ отношеніи на полный застой и стараясь ввести Австрію въ общеніе съ Германією, которая стояла на высшей степени промышленнаго развитія, Шварценбергъ самъ не вѣдалъ, что творилъ, и всѣ хорошіе результаты дѣла явились помимо его воли и желаній. Для объясненія странности, заключающейся въ томъ, какъ могъ Шварценбергъ—человѣкъ реакціи, быть поборникомъ такой прогрессивной идеи

какъ свобода торговли, необходимо вспомнить, что подлѣ Шварценберга находился высоко-талантливый человѣкъ, министр торговли, промышленности и общественныхъ построекъ, Брукъ, который, служа идее свободной торговли, прилаживалъ ее къ замысламъ Шварценберга о преобладаніи Австріи въ Германіи. Брукъ былъ лицомъ настолько замѣчательнымъ въ экономическомъ развитіи Австріи послѣ революціи 1848 года, что на немъ необходимо подольше остановиться.

Карль-Людвигъ Брукъ, эльберфельдецъ (родился 1798), сынъ переплетчика, самъ былъ книгопродавцемъ въ Боннѣ, обанкротился и переселился въ Австрію, въ Триестъ, съ намѣреніемъ отправиться волонтеромъ въ Грецію сражаться за ея независимость. Въ Триестѣ дѣла его однако поправились посредствомъ богатой женитьбы; онъ сталъ заниматься торговыми оборотами и основалъ общество торговли и пароходства «Австрійскій Ллойдъ» (1833), котораго быстрые успѣхи обратили на него вниманіе правительства и сблизили его съ Стадіономъ. Брукъ засѣдалъ въ 1848 во франкфуртскомъ парламентѣ и по рекомендаціи Стадіона призванъ былъ въ кабинетъ, образуемый подъ предсѣдательствомъ Шварценберга, гдѣ присутствіе его рѣзало, такъ сказать, глаза, потому что онъ былъ человѣкъ не того десятка—плебей, иностранецъ и протестантъ. Ему помогало, конечно, держаться на трудномъ посту то, что авторитетъ его, какъ спеціалиста по своей части, былъ весьма великъ и что онъ самъ благоразумно и осторожно старался, не заходя въ высшую политику, держаться въ границахъ своей спеціальности, въ заботахъ объ одномъ только развитіи производительныхъ силъ имперіи безъ всякаго соотношенія къ формѣ правленія, конституціонной или самодержавной, и къ господствующему направленію, либеральному или обскурантски-клерикальному. Вслѣдствіе того и могъ онъ функціонировать при Шварценбергѣ, какъ министръ торговли, при Бахѣ, послѣ конкордата, и даже послѣ Баха, по заключеніи Виллафранкскаго мира, когда созданный десятилѣтнею реакціею порядокъ распадался кусками.

Какъ ни былъ гибокъ умъ Брука, а все-таки привычка уступать, приноровляться, проводить свои взгляды контрабандно подъ знаменемъ реакціонныхъ цѣлей, посредствомъ натяжекъ и софизмовъ, не могла не умалить нравственнаго достоинства человѣка и не исказить его характера. При всей необычайной ясности его ума, душа у него была посредственная и мелкая; въ сущности онъ оказался такимъ же, какъ и другіе честолюбцы, искателемъ портфеля, готовымъ на всякія уступки, даже на отступ-

ничество отъ своего прошлаго. Чѣмъ дальше подвигался онъ въ своей министерской карьерѣ, тѣмъ рѣзче обозначалось это паденіе. Сдѣлавшись вполнѣ министромъ финансовъ, Брукъ любилъ играть роль отъявленнаго абсолютиста, хвастать пренебреженіемъ къ общественному мнѣнію и гласности, насилуoval это общественное мнѣніе, то запрещая газетамъ разбирать отчеты банковъ, вопросы государственнаго бюджета, то заставляя ихъ перепечатывать тѣ или другія купленные похвалы австрійскимъ финансамъ и министерству изъ англійскихъ и французскихъ газетъ. Онъ выпустилъ негласно 111 милліоновъ гульденовъ облигацій внутренняго займа, непоказанныхъ въ отчетѣ національнаго банка, утайка, которая обнаружилась послѣ виллафранкскаго мира и была немалымъ для всѣхъ сюрпризомъ. Возможность открытія подобныхъ сюрпризовъ заставила его стать подъ конецъ въ ряды ярыхъ противниковъ конституціонной жизни: «А вы, писакъ, хотѣли бы усчитывать правительство на каждый грошъ», сказалъ онъ передъ итальянскою войною въ конфиденціальномъ собраніи нѣсколькихъ приглашенныхъ имъ корифеевъ общественнаго мнѣнія, когда бывшій министръ добблгофовскаго министерства Шварцеръ замѣтилъ, что безъ парламента нѣтъ спасенія для Австріи. Говорятъ, что въ 1859 г., послѣ бурнаго засѣданія совѣта министровъ подъ предсѣдательствомъ императора (22 октября), засѣданія, рѣшившаго отставку министра Гюбнера, этотъ послѣдній, условившійся съ Брукомъ заодно стоять или пасть, обратился къ Бруку съ вопросомъ: «а что же вы, г. баронъ?» тогда Брукъ отвѣтилъ патетически: «я какъ солдатъ долженъ до конца выдерживать на моемъ посту.» И выдержалъ онъ до конца, до грязнаго Эйнатеновскаго процесса о поставкахъ, до скандальнаго увольненія отъ должности министра 22 апрѣля, послѣ чего 23 утромъ его нашли въ кровати съ перерѣзаннымъ горломъ. Каковъ ни былъ Брукъ, Австрія ему обязана многимъ. Мастеръ своего дѣла, онъ шибко и ловко закрѣпилъ несполна въ три года (1849—1851) новыми законами главныя экономическія пріобрѣтенія революціи, пресѣкъ возможность старымъ учрежденіямъ и порядкамъ, мѣшавшимъ экономическому развитію Австріи, немедленно опять сомкнуться, спаяться, задѣлать свои бреши и остановить теченіе жизни, прорывшей себѣ между тѣмъ новые пути. Сильные интересы были задѣты при передѣлкѣ экономическихъ условій быта страны, при превращеніи его изъ изолированнаго и чисто земледѣльческаго государства въ фабричное и торговое. Крупные фабриканты жаловались на то, что они неизбежно разоряются; помѣщики-владѣльцы фабрикъ тѣмъ съ большою силою

отстаивали высокій тарифъ, какъ свое неотъемлемое право, что ихъ источники доходовъ были подрѣзаны освобожденіемъ крестьянъ. Первымъ важнымъ дѣломъ Брука было упраздненіе (съ 1-го іюля 1851 г.) внутренней таможенной линіи, отдѣлявшей земли венгерскія отъ коронныхъ областей, причемъ, конечно, главнымъ господствующимъ мотивомъ было политическое объединеніе имперіи, съ уничтоженіемъ слѣдовъ самобытности Венгріи. Предприняты были работы надъ передѣлкою тарифа, въ смыслѣ существеннаго пониженія таможенныхъ пошлинъ на всѣ почти товары. Работы эти совпадали съ приготовленіями къ дрезденскимъ конференціямъ и должны были служить введеніемъ къ *Zolleinigung*, то-есть, къ проектированному таможенному объединенію Австріи съ Германіею. Бруку досталась по должности незавидная роль: согласуя свои прогрессивныя стремленія съ реакціонными замыслами Шварценберга, облекать фритредерскія идеи въ туманъ неясной германской политики князя, прибѣгать къ софизмамъ, сочинять абсурды. Такихъ абсурдовъ много въ двухъ меморіяхъ Брука, которыя были сообщены на разсмотрѣніе германскимъ правительствамъ, одна 30-го декабря 1849-го г., другая 30-го мая 1850-го г. Всякій согласится, что есть порядочная доза нелѣпости въ слѣдующихъ соображеніяхъ, которыми поддерживаемо было Брукомъ предложеніе передать таможенное законодательство союзному совѣту изъ уполномоченныхъ отъ правительствъ, съ примѣсю экспертовъ-промышленниковъ и торговцевъ, и поручить завѣдываніе торговыми дѣлами союза союзному совѣту. «Свобода торговли и протекціонизмъ,—писалъ Брукъ,—не суть вовсе необходимые контрасты. Борьба между ними разрѣшается удовлетворительно австро-германскимъ таможеннымъ соединеніемъ, которое одинаково удовлетворяетъ какъ одному, такъ и другому принципу. Чѣмъ меньше государство, тѣмъ нужнѣе ему свобода торговли, тѣмъ тягостнѣе протекція; но чѣмъ обширнѣе свой собственный рынокъ, чѣмъ больше внутренняя конкуренція, тѣмъ невозможнѣе монополія, тѣмъ ниже цѣны и тѣмъ больше способность конкурировать на всемірномъ рынкѣ». Какъ только подъ такое простое дѣло, какъ таможенное, стали подкладываться неясныя политическія идеи, имѣвшія конечною цѣлію гегемонію Австріи, со всѣми ея славянами и мадьярами, въ средѣ Германіи, понятно, что къ этому дѣлу должны были отнестись крайне подозрительно германскія государства, и ни на дрезденскихъ конференціяхъ, ни на другихъ, собиравшихся спеціально по вопросу объ установленіи таможенныхъ и торговыхъ трактатовъ, австрійское правительство не достигло никакихъ практическихъ резуль-

татовъ. Тогда Мантейфелю въ его шахматной игрѣ съ Шварценбергомъ удалось сдѣлать капитальный ходъ, разстроившій всю партію противника. Пруссія, какъ извѣстно, стояла во главѣ Таможеннаго Союза нѣмецкихъ государствъ, имѣвшихъ въ совокупности до 29 милліоновъ жителей; между участвующими въ этомъ Союзѣ таможенные доходы и издержки дѣлились пропорціонально числу жителей. Соглашеніе о Таможенномъ Союзѣ было срочное и кончалось съ 1 января 1854, еслибы не было возобновлено. Кромѣ этого Zollverein'a существовалъ Steuerverein сѣверогерманскій, ганноверско-ольденбургскій, въ 2 приблизительно милліона жителей. Не спрашивая своихъ соучастниковъ въ Zollverein'ѣ, Пруссія, сдѣлавъ весьма значительныя денежныя уступки, заключила трактатъ 7-го сентября 1851 г. о вступленіи Steuerverein'a въ таможенный союзъ съ Пруссіею и ея Zollverein'омъ, если таковой будетъ существовать съ начала 1854-го года; но такъ какъ этотъ трактатъ заключенъ былъ помимо соучастниковъ въ Zollverein'ѣ, то прусское правительство заявило этимъ соучастникамъ, что оно не будетъ настаивать на возобновленіи трактата о Zollverein'ѣ, иными словами Пруссія предложила контрагентамъ, если это имъ невыгодно, разойтись не возобновляя договора. Политическое значеніе подобнаго заявленія было громадное; укрѣпивъ свое преобладаніе на сѣверъ отъ Майна, Пруссія предоставила государствамъ южнѣ Майна ходатайствовать о возобновленіи союза, ради ихъ же собственныхъ выгодъ. Разсчетъ былъ смѣлъ, но вѣренъ. Хотя Шварценбергъ открылъ въ январѣ 1852-го г. таможенный конгрессъ, на который прибыли представители всѣхъ германскихъ государствъ, кромѣ Пруссіи, но соединеніе таможенное съ Австріею во главѣ не состоялось, а съ выходомъ изъ министерства Брука (май 1851 г.) Шварценбергъ лишился единственнаго человѣка, который могъ ему помогать въ этомъ сложномъ дѣлѣ. Оно ограничилось съ тѣхъ поръ весьма секретными переговорами со второстепенными королевствами: Баваріею, Саксоніею, Виртембергомъ, на случай если Пруссія либо не согласится на таможенное соединеніе, Zollverein'ъ, либо потребуетъ такихъ низкихъ пошлинъ, которыя были бы противны «нуждѣ въ протекціи, испытываемой промышленностью». Но каковы бы ни были желанія германскихъ правительствъ, имъ приходилось считаться съ управляемыми, а общественное мнѣніе населеній оказало такой стойкій, сильный и дружный отпоръ идеѣ о разрѣшеніи и прекращеніи Zollverein'a, что пришлось, во что бы то ни стало, его возобновить. Въ томъ же апрѣлѣ 1852 г., въ которомъ умеръ Шварценбергъ, открылись

берлинскія конференціи о продолженіи Zollverein'a. Австрія, убѣдившись въ безполезности своихъ усилій привлечь на свою сторону германскія государства посредствомъ оторванія ихъ отъ Пруссіи, вступила въ прямые переговоры съ Пруссіею, для которыхъ въ концѣ 1852 года отправленъ былъ Брукъ въ Берлинъ. Вопросъ теперь стоялъ уже на чисто-экономической почвѣ, изъ него были выдѣлены прежнія политическія затѣи. Плодомъ переговоровъ и былъ знаменитый торговый и таможенный трактатъ 19-го февраля 1853 года, между Австріей и Пруссіею, къ которому вскорѣ потомъ, 4-го апрѣля 1853 года, приступили всѣ государства Zollverein'a. Австрія была положительно въ выигрышѣ, какъ отъ дипломатическихъ переговоровъ по таможенному вопросу, такъ и отъ трактатовъ 1853 года. Первая выгода была та, что во время дипломатической кампаніи совершилось внутреннее преобразование системы, изъ запретительной въ протекціонную. Не взирая ни на сѣтованія богемскихъ и иныхъ фабрикантовъ и помѣщиковъ, несмотря ни на какія оппозиціонныя заключенія торговыхъ палатъ и экспертовъ изъ промышленниковъ, Брукъ энергически и сильно подвинулъ впередъ работу пересмотра тарифа и рѣшилъ отмѣну всѣхъ почти запрещеній ко ввозу, отмѣну или пониженіе пошлинъ на сырье, громадное пониженіе пошлинъ на издѣлія. Изданный 6-го ноября 1851 года тарифъ есть главнымъ образомъ произведеніе Брука. Трактаты 1853 года еще уменьшили пошлины съ товаровъ по германской границѣ на всѣ почти издѣлія на 25 — 50% противъ австрійскаго тарифа 1851 года. Тарифу 1851 г. и трактатамъ 1853 года Австрія обязана быстрыми успѣхами своей промышленности въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ — успѣхи мирные и совсѣмъ независимые отъ честолюбивыхъ замысловъ и стремленій къ осуществленію великогерманской идеи Шварценберга, потергѣвшей основательное крушеніе.

Отъ внѣшней политики перейдемъ къ внутренней. Роковая почти необходимость, сила вещей, логика событій заставляли государство применить тѣснѣйшимъ образомъ къ церкви и предоставить церкви самое широкое и непосредственное вліяніе на свѣтскія дѣла. Военная сила не могла служить для общества постоянною, нормальною точкою опоры; бюрократія сама по себѣ есть только гибкій механизмъ, направляемый въ ту или другую сторону по произволу. Всякое правительство, если оно желаетъ существовать, должно искать поддержки въ нравственныхъ силахъ общества, въ умахъ людей и ихъ наклонностяхъ и привычкахъ; эту поддержку могутъ ему доставить либо свобода, знаніе, критика,

либо преданіе и авторитетъ. — Ни одна страна въ Европѣ не представляла лучшаго, нежели Австрія, образца полнѣйшаго развитія начала авторитета, которое вросло въ почву безчисленными юрями и всю жизнь общественную держала подъ своею сѣнью. Независимо отъ испанскаго происхожденія своихъ монарховъ, Австрія, въ теченіи всего времени отъ конца среднихъ вѣковъ и до XVIII в., занята была главнымъ образомъ только двумя задачами: служить оплотомъ западному христіанству противъ магометанъ-турокъ и блюсти единство римско-католической вѣры противъ протестантизма. При такомъ прошедшемъ понятно, почему Австрія представляла въ XIX-мъ в. царство непробуднаго застоя; когда она помутилась въ 1848 г., это потрясеніе и всѣ ужасы безначалія отнесенны были людьми реакціи на счетъ безвѣрія, ослабленія религіознаго авторитета въ умахъ, распущенности. Люди реакціи и поспѣшили обратиться къ римско-католической церкви, какъ къ установленію, обладающему всѣми тайнами такой дрессировки народныхъ массъ, которая бы защищала эти массы отъ искушеній и наветовъ духа вѣка. Римская церковь въ свою очередь по принципу своему и преданіямъ имѣетъ притязанія, несовмѣстимыя съ понятіемъ современнаго государства; мы уже видѣли съ какими непомерными требованіями обратился въ 1849 году мѣстный вѣнскій соборъ или съѣздъ епископовъ къ правительству, поручивъ переговоры съ правительствомъ избранному изъ среды своей комитету. Министерство не было расположено уступить, Бахъ колебался, Шмерлингъ ссылался на необходимость равноправности всѣхъ вѣроисповѣданій и помышлялъ о разрѣшеніи гражданскихъ браковъ и, несмотря на то, всѣ требованія епископовъ были удовлетворены особымъ, безпримѣрнымъ до того времени способомъ, личнымъ непосредственнымъ изъявленіемъ воли государя посредствомъ особыхъ рескриптовъ его къ безусловно-преданному иезуитамъ министру просвѣщенія и исповѣданій, Льву Туру. Въ этихъ рескриптахъ предположено полное и совершенное осуществленіе заключеній собора епископовъ и предписана немедленная подготовка вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ необходимо войти въ соглашеніе съ папскимъ престоломъ, и значить, уже намѣченъ конкордатъ, какъ средство закрѣпить болѣе прочными узами сближеніе, состоявшееся между государствомъ и церковью, съ охраненіемъ этого союза отъ всякихъ переменъ, могущихъ произойти въ политикѣ государства. Императоръ оставлялъ за собою право назначать епископовъ, обѣщая дѣлать эти назначенія совѣстливо, во благо церкви и не иначе, какъ по требованію совѣта отъ епископовъ подлежащей церковной области. На

основаніи этихъ рескриптовъ изготовленъ патентъ 18 апрѣля 1851 г., которымъ отмѣнено *placetum regium*, разрѣшено епископамъ непосредственно сноситься съ папою и получать отъ него приказанія, дано епископамъ право издавать наставленія и посланія, сообщая ихъ только въ копіяхъ правительству; наконецъ, отнято право у подначальныхъ духовныхъ лицъ приносить жалобы правительству на приостановленіе въ исправленіи должностей, на отставленіе отъ должностей и на лишеніе доходовъ по распоряженіямъ духовныхъ начальствъ. Вслѣдъ затѣмъ опредѣлены (23 апрѣля) отношенія церкви къ преподаванію въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Начиная съ народныхъ училищъ и кончая университетами, каѳедры закона Божія и богословія должны были быть замѣщаемы только духовными, получившими специальное разрѣшеніе преподавать отъ епархіальнаго епископа, которое точно также могло быть и отнято епископомъ безъ означенія причинъ и съ увольненіемъ того, у кого оно отнято, въ отставку. Не только такимъ образомъ богословскіе факультеты университетовъ поставлены въ безусловную зависимость отъ епископовъ; не только для полученія степени доктора богословія епископу предоставлено избрать половину членовъ экзаменаціонной комиссіи, а отъ докторанта требовалось признаніе, что онъ вѣруеть въ догматы, установленные тридентскимъ соборомъ, но и въ философскихъ факультетахъ учреждены каѳедры римско-католической религіи, дабы церкви дано было средство «доказать свою связь съ истинными приобрѣтеніями науки». Подъ видомъ того, что богословскіе факультеты даютъ образованіе слишкомъ теоретическое, заведены, для болѣе практическаго подготовленія къ священническому званію, высшія епархіальныя духовныя училища съ преподаваніемъ на латинскомъ языкѣ и съ преподавателями по назначенію епископовъ. Римско-католическое духовенство постигло всѣ выгоды своего положенія и стало твердою ногою въ учебныхъ заведеніяхъ. Монахи лигуоріанцы, изгнанные въ 1848 г., возвращались въ Ломбардо-Венеціанскую область; съ генераломъ іезуитовъ Тунъ вели тайные переговоры, съ намѣреніемъ передать въ ихъ руки гимназіи. Католическія братства не только въ Австріи, но и въ Германіи подносили императору благодарственные адреса. Ревность католическаго духовенства возбуждала опасенія въ другихъ исповѣданіяхъ, и эти опасенія имѣли основаніе, потому что духъ нетерпимости проявлялся на каждомъ шагѣ по поводу смѣшанныхъ браковъ, погребенія иновѣрцевъ на общественныхъ кладбищахъ, по поводу недозволенія евреямъ селиться въ городахъ внѣ отведенныхъ имъ кварталовъ. Въ Вѣнѣ богословскій факультетъ

протестовали противъ выбора филологическимъ факультетомъ въ деканы профессора Боница, протестанта, и филологическій факультетъ долженъ былъ уступить и избрать другого (1851). Въ Прагѣ послѣдовало отлученіе отъ церкви профессора философіи, бывшаго священника, доктора Сметаны, и когда онъ умеръ (1851), прежніе его товарищи, профессора университета получили выговоръ отъ намѣстника за то, что присутствовали на его похоронахъ. Но всего сильнѣе гнѣтъ новаго порядка вещей ощущался въ Венгріи, съ которою поступаемо было, какъ съ завоеванною страной. Административнымъ путемъ, безъ суда отставлены всѣ протестантскіе супер-интенденты и на мѣсто ихъ назначены правительствомъ другіе; инспекторамъ католическихъ школъ поручено было заведеніе и надзоръ за протестантскими учебными заведеніями. Венгрія переживала тяжелую эпоху. Надъ нею совершаемы были, безъ всякаго съ ея стороны сопротивленія, всевозможные опыты и хирургическія операціи, которыя заключались въ слѣдующемъ.

По выдѣленіи изъ Венгріи Баната и Воеводины, по отчисленіи къ Кроаціи треугольника, образуемаго низовьями Мура и Дравою (Mugl Invel), и нѣсколькихъ комитатовъ къ Трансильваніи (Краена, Сред. Сольнокъ, часть Ковара, Зарандъ), царство Св. Стефана представлялось значительно урѣзаннымъ со всѣхъ сторонъ. Уменьшенную такимъ образомъ страну предполагалось раздробить на 5 отдѣльныхъ частей, и затѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ де-мадьяризовать, призывая къ управленію покрытыя верхнимъ мадьярскимъ слоемъ, мѣстныя не-мадьярскія племена и группы населенія. Зародышъ административнаго и національнаго разложенія великой исторической единицы заключался въ дѣленіи на пять военныхъ округовъ, сосредоточенныхъ въ слѣдующихъ пяти пунктахъ: Пештъ, Пресбургъ, Эдембургъ, Кошицы (Kaschau) и Дебречинъ. При каждомъ изъ комендантовъ были гражданскіе комиссары, а при главнокомандующемъ главный комиссаръ, баронъ Герингертъ; можно было предвидѣть, что эти комиссары останутся по прекращеніи осаднаго положенія и превратятся въ постоянныхъ губернаторовъ. Въ Кошицы назначенъ комиссаромъ Сечени изъ Галиціи, который явно стремился къ тому, чтобы изъ сѣверной Венгріи образовать особую Словакію, съ славянскимъ языкомъ; къ помѣщикамъ онъ неблаговолилъ и покровительствовалъ крестьянамъ. Въ Пресбургѣ, мораванъ графъ Атемъ сильно притѣснялъ протестантскія гимназіи; въ Эдембургѣ, баронъ Гауеръ задался мыслью обнѣмечить округъ и ввелъ въ нѣсколькихъ комитатахъ нѣмецкій языкъ въ дѣлопроизводство. Всѣ три не знали ни слова по-мадьярски. Пештскій комиссаръ былъ бывший бур-

гомистръ нѣмецъ Коллеръ, а Дебречинскій—славянинъ, бывшій сремскій вице-гешпанъ Чехъ. По мѣрѣ того, какъ успокоивался край и уменьшались казни, власть комиссаровъ возрастала; изъ простыхъ совѣтниковъ, приставленныхъ къ комендантамъ округовъ, они превращались въ настоящихъ управляющихъ, съ которыми оберъ-гешпанамъ гражданскихъ округовъ предписано сношиться непосредственно, помимо генераловъ-комендантовъ. Тогда произошло нѣчто, на первый взглядъ странное: венгерцамъ больше пришлось выносить отъ этихъ гражданскихъ правителей, нежели отъ Гайнау и генераловъ, при всей строгости военной диктатуры этихъ послѣднихъ, потому что строгость генераловъ, имѣвшая цѣлью установить покорность, кончалась съ наступленіемъ совершенной покорности,—правители же гражданскіе, не обращая вниманія на покорность, безъ всякой страсти, хладнокровно, безсердечно проводили систему, убійственную для національности мадьярской. Съ концомъ 1849 года Гайнау значительно смягчился, сдѣлался смирнѣе, смертныя казни не были больше исполняемы по приговорамъ, работа военныхъ судовъ сдѣлалась не меньше, но мелочнѣе, количество производимыхъ дѣлъ оставалось почти то же, но наказанія слабѣе. Въ то же время Гайнау, какъ породистый, кровный аристократъ поддался невольно обаянію, которое неудержимо производитъ на всякаго аристократа, кто бы онъ ни былъ по происхожденію, сильно аристократическій складъ общества, гдѣ ему приходится жить и дѣйствовать. Знатные господа, венгерскіе магнаты сблизились съ главнокомандующимъ, были вскорѣ у него какъ у себя дома, оказались вполне подходящими къ нему людьми по сословному сродству, и тѣмъ охотнѣе были выслушиваемы, что самымъ усерднымъ образомъ нападали на революцію 1848 г., проклинали всѣ преобразованія и стояли грудью на сторонѣ всякихъ реакціонныхъ мѣръ противъ того, что носило малѣйшій знакъ либерализма. Какъ ни сильно было душевное сродство между Гайнау и венгерскими магнатами, оно оказалось безплоднымъ, союзъ не состоялся. Гайнау готовъ былъ оказывать самыя существенныя услуги тому или другому изъ своихъ друзей-магнатовъ, онъ увлекалъ ихъ къ занятію мѣстъ въ личномъ составѣ администраціи, но съ своей стороны эти знатные господа, служа дѣлу реакціи, думали и о томъ, чтобы не прослыть измѣнниками передъ своею націею. Они могли бы связаться прочнымъ образомъ съ правительствомъ, еслибы правительство дало имъ возможность оказать націю извѣстныя услуги, вывести край изъ осаднаго положенія и возстановить до-мартовское устройство или подобіе этого устройства, хотя бы въ самыхъ оли-

гарническихъ формахъ. Гайнау не хотѣлъ и не могъ сулить имъ прекращенія военнаго режима, которымъ только и держался онъ самъ въ Венгріи; если бы Гайнау даже дѣйствительно хотѣлъ выхода изъ этого состоянія, то ему помѣшали бы Герингеръ и комиссары. При такихъ условіяхъ магнаты венгерскіе, пощупавъ общественное мнѣніе націи и убѣдившись, что исключительное и временное превращается въ постоянное, что они себя только скомпрометтируютъ служа правительству, ничего не выигравъ и не восстановивъ своего вліянія на націю,—отшатнулись отъ правительства и подавали въ отставку цѣлыми толпами. Въ Кошицкомъ округѣ не остался ни одинъ изъ прежнихъ оберъ-гешпановъ; въ пресбургскомъ только одинъ—славянскаго происхожденія. Всего дольше выдержали на своихъ постахъ юристы, которые по приглашенію Шмерлинга приняли участіе въ весьма существенной для Венгріи работѣ, въ организаціи судебной части на основаніи § 7 мартовской конституціи, обезпечивающей за Венгрією особые законы гражданскіе и уголовные, особое судоустройство и судопроизводство. Извѣстные патріоты помогали правительству устроить на этихъ основаніяхъ суды (Серенчи, Сентивани, Рогончи), но и они отказались въ первой половинѣ 1850 г. Изъ нихъ Рогончи, который былъ сильнымъ противникомъ Кошута въ парламентѣ 1848, потерялъ сына въ императорской арміи и считался однимъ изъ самыхъ талантливыхъ вождей консервативной партіи, мотивировалъ слѣдующимъ образомъ свою просьбу объ отставкѣ: «Убѣждаясь съ горестію въ томъ, что въ управленіи Венгрією примѣняются начала, направленные къ уничтоженію дипломатическаго и историческаго права страны; что Венгрія управляется какъ нельзя управлять ею конституціонно, что, наконецъ, увеличивается болѣе и болѣе пропасть между правительствомъ и венгерскимъ народомъ, я не могу даже и на юридическомъ поприщѣ посвящать мои слабыя силы поддержанію политики, которую я считаю пагубною и для престола, и для государства, и какъ венгерецъ, и какъ австрійскій гражданинъ, потому что она оскорбляетъ чувства моей націи, мѣшаетъ успокоенію края и вызываетъ между народами, долженствующими брататься, ненависть, сѣвѣющую жизненные силы всей монархіи, въ совокупности взятой». Съ тѣхъ поръ о венгерцахъ радили въ Вѣнѣ и Пештѣ безъ венгерцевъ. Въ іюнѣ 1850 г. открылась въ Вѣнѣ, подъ предсѣдательствомъ Баха, организаціонная коммиссія изъ Герингера, Сечени и нѣмцевъ, приглашенныхъ въ эту коммиссію; двухъ или трехъ графовъ (Чираки, Форгачъ) нельзя собственно и называть венгерцами: они проводили русскихъ чрезъ трансильванскія ущелья и

служили интендантами и комиссарами при князѣ Паскевичѣ. При этихъ условіяхъ Гайнау становился сносите́ль, нежели мягче стелющіе его гражданскіе сотрудники, и даже странно сказать, приобрѣлъ нѣкоторую популярность, когда случилось столкнове́ніе съ министерствомъ, кончившееся его отставкою. Забавнѣе всего, что эту отставку онъ получилъ за мадьяровъ, за бунтовщи́ковъ, за помилованіе ихъ противъ воли центральнаго правитель́ства. Поводомъ къ столкновенію послужилъ неконченный еще процессъ членовъ дебечинскаго сейма, голосовавшихъ за отрѣ́шеніе отъ престола династіи. Предсѣдатель верхней палаты Перени уже былъ до того времени повѣшенъ, предсѣдатель нижней палаты Альмаши и множество членовъ сейма бѣжали за границу. Около 60 или 70 подсудимыхъ, между которыми были нѣкоторые весьма крупные, судились еще въ 1850 г., когда министерство предписало главнокомандующему отправить политическое дѣло о нихъ въ Вѣну. Гайнау принялъ это предписаніе, нѣсколько разъ повторенное, какъ личную обиду, какъ умаленіе своей власти и далъ письменный приказъ военному суду постановить немедленно приговоръ. Подсудимые, въ числѣ 30, осуждены были на смерть повѣшениемъ, и всѣмъ имъ, по подведеніи ихъ подъ висѣлицы, было объявлено совершенное помилованіе ихъ, безъ всякихъ условій, главнокомандующимъ. Выхода Гайнау внушена была просто-на-просто желаніемъ вѣзбѣсить своихъ вѣнскихъ недоброжелателей. Она попала въ цѣль, произвела неописанное раздраженіе, тѣмъ болѣе сильное, что нельзя было сдѣланнаго воротить и что для прикрытія досады пришлось помиловать еще 109 арестантовъ менѣе виновныхъ, нежели дебечинскіе детронизаторы. Главнокомандующему поставлено явнымъ образомъ только то въ вину, что онъ вышелъ изъ предѣловъ власти, присвоивъ себѣ государеву прерогативу помилованія; хотя онъ утверждалъ съ своей стороны не безъ основанія, что какъ полномочный представитель государя, снабженный правомъ жизни и смерти, онъ имѣлъ и право помилованія въ своемъ распоряженіи. 8-го іюня 1850 г. послѣдовалъ лаконическій приказъ объ увольненіи, по представленію совѣта министровъ, Гайнау отъ занимаемыхъ имъ должностей. Отставленный генералъ отвѣчалъ статью, помѣщенною въ пеннскихъ газетахъ, въ которой, опровергая корреспонденцію полу-официальныхъ вѣнскихъ газетъ, онъ представлялъ изъ себя жертву *демагогии* (въ корректурѣ стояло: *демократіи*, но Гайнау собственноручно измѣнилъ демократію въ демагогію) и демагогическаго министерства, подвергающаго опасности государство. Какое зрѣлище, исполненное неисчерпаемаго комизма: Шварценбергъ про-

изводитъ Гайнау въ мятежники, Гайнау Шварценберга въ демагоги! Статью Гайнау секвестровала полиція, но войско, при своемъ прощаніи съ главнокомандующимъ, которое имѣло видъ демонстраціи, показало, что оно вовсе не сочувствуетъ министерству. За то въ управленіи верхъ взяли окончательно статскіе и пошла работа, не имѣющая ни имени, ни смысла. Спокойствіе существующія границы комитатовъ были измѣняемы или для разчлененія этихъ единицъ на части по племенному составу, или для соединенія частей нѣмецкихъ съ мадьярскими, въ видахъ германизаціи. Славянскій языкъ вводимъ былъ въ чисто-мадьярскихъ комитатахъ, личный составъ чиновниковъ набираемъ былъ сверху и до низу изъ лицъ, ни слова не знавшихъ и вовсе не старавшихся выучиться по-мадьярски, такъ что потомъ, въ 1860 г., назначенный намѣстникомъ Бенедекъ имѣлъ полное основаніе обратиться при представленіи ему властей въ Пештѣ, съ слѣдующими словами: «Какой скандалъ! десять лѣтъ въ Венгріи и ни слова по-венгерски!» Словацкіе предводители—профессоръ Штуръ и пасторъ Гурбанъ посажены въ ноябрѣ 1850 г. въ тюрьму за панславизмъ и коммунизмъ, и въ то же время Герингеръ грозитъ отставкою чиновникамъ въ Кошицкомъ округѣ, если они не усвоятъ себѣ словацкаго языка, и разсылаетъ даромъ газету «Славянскія Новины». Еще 38 членовъ дебречинскаго сейма осуждены на смерть (октябрь 1851) и помилованы замѣною наказанія тяжкимъ заключеніемъ; совершенно помилованные отданы подъ надзоръ полиціи, бѣжавшіе за границу осуждались заочно съ выставкою именъ ихъ на висѣлицѣ. Такимъ-то образомъ 22-го сентября 1851 прибиты къ висѣлицѣ въ Пештѣ фамиліи графовъ Казимира Батіани, Владислава Телеки, епископа-историка Михаила Горвата, генераловъ Перчеля и Гюйона и теперешняго перваго министра, графа Юлія Андраши. 15-го сентября 1851 г. изданъ особый общинный законъ для Венгріи, предоставляющій намѣстнику либо назначать пожизненно членовъ общинныхъ управъ, либо предоставить общинамъ выбирать ихъ (разумѣется, что на практикѣ заведено было только первое, а не послѣднее). Отмѣнены пандуры и прежніе полицейскіе чины, и заведены жандармы. Всѣ подати коронныхъ земель распространены на Венгрію, въ томъ числѣ и табачная регалія со всѣми ея стѣсненіями, самая тягостная для страны, которая сама производитъ столько табаку и въ которой послѣдній крестьянинъ не выпускаетъ почти никогда трубки изо рта. По положенію 13 сентября 1851 г. предметы вѣдомства намѣстничества уменьшены, мѣстныя установленія пяти областей поставлены почти въ прямое сообщеніе съ каби-

нетомъ, такъ что званіе намѣстника, или гражданскаго и военнаго губернатора Венгріи, сдѣлалось только почетнымъ. На этотъ постъ назначенъ былъ дядя императора, эрцгерцогъ Альбрехтъ, который, чтобы расположить къ себѣ венгерцевъ, разрѣшилъ всѣмъ чиновникамъ, вербуемымъ теперь изъ разныхъ частей имперіи на всевозможныя должности, носить костюмъ національный венгерскій, т.-е. собственно гусарскій, съ доломаномъ, шпорами и саблею. Венгерцы дали этимъ чиновникамъ мѣткое прозвище, которое за ними и осталось: «Баховскихъ гусаръ».

Съ концомъ 1850 г. система мѣръ къ объединенію Венгріи съ имперіею была завершена, учрежденія новыя всѣ въ ходу; можно было предоставить самое дѣло объединенія его естественному теченію и дожидаться спойной вихоръ отъ этихъ сѣмянъ.

Венгрія перестала быть главнымъ предметомъ заботъ правительства, его занимали другіе вопросы. Очередной вопросъ 1851 г., въ которомъ Шварценбергъ полагалъ теперь всю суть своей дѣятельности, заключался въ томъ, чтобы отдѣлаться отъ конституціи 4-го марта 1849 г., или, говоря словами Шварценберга, покончить съ «кремзирскою фикціею». Упраздненіе конституціи было совершенно возможно и даже вполне удобоисполнимо. На вопросъ о томъ, было ли оно вынуждено необходимостью, слѣдуетъ отвѣтить отрицательно. Лучшимъ доказательствомъ его безполезности служить, во-первыхъ, то, что восемь лѣтъ потомъ, силою вещей и безъ всякаго внутренняго переворота, Австрія должна была вступить на путь конституціонный, съ котораго и не предвидится теперь, чтобы она могла сойти; во-вторыхъ, что въ тотъ же періодъ столь же реакціонное министерство (Вестфаленъ-Мантейфель) успѣло однако обойтись безъ ломки, и избавивъ Пруссію отъ крайностей крутого поворота назадъ, своимъ благоразумнымъ, осторожнымъ, здравымъ образомъ дѣйствій подготовило Пруссіи ту великую будущность, которую мы видимъ теперь. Анти-конституціонная политика Шварценберга была его личнымъ дѣломъ, или, самое большее, дѣломъ той малочисленной ультра-феодальной и ультра-клерикальной фракціи, которой онъ былъ блистательнымъ, но весьма недалекимъ представителемъ. Несмотря на то, что не могло быть никакого ни съ чьей стороны противодѣйствія, отмена совершилась не разомъ, а въ нѣсколько пріемовъ и съ всевозможными предосторожностями. Къ числу такихъ предосторожностей слѣдуетъ отнести поставленіе печати въ такое положеніе, въ которомъ она совсѣмъ не могла ни въ малѣйшей степени служить выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Самая распространенная изъ вѣнскихъ газетъ: «Presse» (8000 подписчиковъ),

подверглась сильнѣйшему преслѣдованію; редакторы «Ostdeutsche Post», Куранда и Франкль отправлены въ Грацъ и Богемію; штрафы и аресты сыпались щедро и на министерскіе органы (Lloyd, Fremdenblatt), которые то и дѣлали, что восхваляли правительственныя мѣропріятія. Талантливый журналистъ, чехъ Гавличекъ отправленъ на жительство въ Брисенъ (декабрь 1851 г.). Входило въ употребленіе сильное средство дѣйствовать на печать безъ предварительной цензуры и помимо суда, считающееся неосновательно изобрѣтеніемъ Наполеона III, тогда какъ оно употребляемо было въ Австріи гораздо раньше переворота 2 декабря и французскаго закона о печати 19 февраля 1852 года, въ которомъ оно формулировано впервые—я хочу говорить о *предостереженіяхъ*. Въ ноябрѣ 1850 г. министерствомъ издано распоряженіе о приостановленіи газеты, которая, разъ получивъ предостереженіе, стала бы публиковать военныя извѣстія, а по закону о печати 6 іюня 1851 года поводы для предостереженій обобщены и постановлено, что одновременно съ третьимъ предостереженіемъ намѣстникъ можетъ приостановить газету на три мѣсяца, а министерство совѣтъ ее запретить. Для дополненія характеристики того времени не лишнее вспомнить, что одновременно подвергались подслѣдственному аресту въ Львовѣ Смолка и нынѣшній министръ Земляковский; что въ ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ преслѣдовались некурильщики табаку за воздержаніе отъ куренія съ политическою цѣлью уменьшить доходы казны; что носившіе длинные волосы подвергались опасности въ Вѣнѣ быть остриженными на гауптвахтѣ; что, наконецъ, министръ финансовъ Краузь, озлобленный неудачами внутренняго займа и невозможностью возстановить курсъ бумажныхъ денегъ *al pari* съ звонкою монетою, при помощи директора полиціи Вейса фонъ-Штаркенфельда, преслѣдовалъ и арестовалъ съ ноября 1850 г. до конца 1851 мѣсяцъ, ростовщиковъ, биржевикувъ, «бесстыдныхъ» ажіотеровъ, преимущественно изъ евреевъ, изъ которыхъ многіе отдаваемы были въ солдаты, а нѣкоторые, чтобы не быть изгнанными изъ столицы, принимали христіанство.

Въ началѣ 1851 года въ самомъ кабинетѣ случились знаменательныя перемѣны въ личномъ составѣ министерства, которыя произвели глубокое впечатлѣніе. 24 января Шмерлингъ вышелъ изъ министерства и получилъ мѣсто председателя верховнаго суда, а 23 мая вышелъ въ отставку Брунь. Объ этихъ заѣздахъ, какъ о послѣднихъ конституціонныхъ людяхъ въ кабинетѣ, съ этой точки зрѣнія сожалѣнія были напрасны: ни Шмерлингъ, ни Брунь не могли считаться конституціонными министрами, но

Австрія теряла въ нихъ послѣднихъ дѣловыхъ людей, способныхъ къ проведенію бюрократическимъ путемъ настоящихъ реформъ. Шмерлингъ успѣлъ только-что довершить судоустройство, создавъ въ духѣ сильнѣйшей централизаціи верховный судъ, который долженъ былъ въ Вѣнѣ судить и рѣшать на нѣмецкомъ языкѣ всѣ дѣла, даже итальянскія и венгерскія, хотя они были судимы по-итальянски и мадьярски въ двухъ низшихъ инстанціяхъ. Шмерлингу дали почувствовать, что онъ не на мѣстѣ. «Кажется, что меня не хотятъ имѣть?» спросилъ онъ у Шварценберга, котораго нашелъ забавляющимся съ охотничьими собаками. — И мнѣ кажется то же самое, — отвѣчалъ князь, не прекращая своего интереснаго занятія. Такимъ образомъ была, по рассказамъ, принята отставка Шмерлинга, котораго мѣсто предоставлено явному противнику суда присяжныхъ, брату министра финансовъ, Краузу. Что касается до Брука, то о причинахъ его увольненія ходили разнообразнѣйшіе толки, причемъ указывалось и на озлобленіе помѣщиковъ и фабрикантовъ, и на столкновеніе съ министромъ финансовъ по поводу желѣзныхъ дорогъ, и на страшные расходы по сооруженію рельсоваго пути на югъ, чрезъ Земмерингъ. Всѣ эти толки ничѣмъ не подтверждены; вѣроятнѣе всего, что хотѣли освободиться отъ новатора и плебея. Портфель Брука достался риттеру фонъ-Баумгартнеру, который вскорѣ потомъ (въ началѣ 1852 г.), по увольненіи отъ должности министра финансовъ Крауза, сдѣлавъ былъ и министромъ финансовъ. Съ тѣхъ поръ торговля и промышленность стали опять по прежнему добавочными статьями къ государственнымъ финансамъ.

Въ августѣ 1851 г., въ связи съ учреждаемымъ государственнымъ совѣтомъ, послѣдовало нѣсколько распоряженій, которыя въ сущности уже вмѣщали въ себѣ весь замышляемый переворотъ. Государственный совѣтъ (Reichsrath) предусмотрѣнъ былъ конституціею, получилъ еще въ концѣ 1850 года председателя въ лицѣ извѣстнаго Алоизія фонъ-Кюбека, состоялъ изъ лицъ по назначенію императора, долженъ былъ имѣть совѣщательный голосъ по всѣмъ законодательнымъ вопросамъ и стоялъ, по отношенію къ императору, на одной высотѣ съ кабинетомъ, такъ что по чину председатель государственнаго совѣта слѣдовалъ тотчасъ послѣ председателя совѣта министровъ. Дѣла подлежали обсужденію государственнаго совѣта, либо по сообщенію ихъ на заключеніе председателемъ совѣта министровъ, либо по высочайшему порученію. Статутъ государственнаго совѣта изданъ 13 апрѣля 1851 г.; въ дополненіе къ нему послѣдовали три императорскіе рескрипта 20 августа 1851 г. Въ одномъ изъ нихъ,

на имя Шварценберга, государь объявлялъ министрамъ, что они отвѣтственны только передъ престоломъ и свободны отъ отвѣтственности передъ какою бы то ни было иною политическою властью. Съ тѣхъ поръ скупка министра на высочайшихъ указахъ должна была служить только доказательствомъ соблюденія извѣстныхъ формъ и точнаго изложенія воли государя. Другимъ рескриптомъ, на имя Кюбена, пресѣчены всякія непосредственныя сношенія между кабинетомъ и государственнымъ совѣтомъ; совѣтъ долженъ сообщаться только съ самимъ монархомъ, и дасть заключенія только по дѣламъ, специально ему предлагаемымъ, въ заседанияхъ подъ предсѣдательствомъ либо предсѣдателя, либо лично государя. Такимъ образомъ вновь образованный совѣтъ обреченъ былъ на совершенное ничтожество, и долженъ былъ неминуемо превратиться въ мѣсто покоя, въ пріютъ для отставныхъ министровъ и сановниковъ. Третій рескриптъ заключалъ въ себѣ предписаніе князю Шварценбергу войти съ представленіемъ о томъ, какъ разрѣшить вопросъ о существованіи и о возможности приведенія въ исполненіе мартовской конституціи. Если до приведенія въ исполненіе этого закона возбуждаемъ былъ вопросъ о существованіи его и возможности его исполнить, то становилось понятнымъ, что его не намѣревались вовсе приводить когда-либо въ исполненіе. Такъ поняла дѣло публика, и это пониманіе оказалось вполне вѣрнымъ. 31-го декабря 1851 г. четыре недѣли послѣ переворота 2-го декабря во Франціи, значительно возвысившаго Людовика-Наполеона въ глазахъ Шварценберга и людей того же образа мыслей, опять даны были три новые рескрипта, окончательно измѣнявшіе форму правленія. Одинъ изъ нихъ отмѣнилъ мартовскую конституцію съ предвареніемъ, что остаются въ полной силѣ равенство подданныхъ передъ закономъ и отмѣна вѣрностнаго состоянія. Второй рескриптъ отмѣнилъ основныя права гражданъ (Grundrechte), гарантированныя конституціею, причемъ однако сказано, что всякая признанная церковь, подчиняясь общимъ законамъ государства, пользуется правомъ публичнаго богослуженія, самоуправленія, а равно обладанія и пользованія учрежденіями и фондами, предназначенными на цѣли богослуженія, обученія и благотворительности. Третій рескриптъ начерталъ главныя основанія будущаго устройства, въ которомъ не оставлено уже ни малѣйшаго мѣстечка ни для Стадіонова закона объ общинахъ, ни для Шмерлингова судоустройства, по причинѣ извѣстной либеральности этихъ законовъ въ сравненіи съ новыми порядками. Члены общинныхъ управъ должны быть назначаемы правительствомъ, какъ въ селѣ такъ и въ городѣ. Крупная

поземельная собственность выдѣлена изъ общины; ей отведено мѣсто въ единицахъ высшаго порядка, участкахъ (Bezirk), и округахъ (Kreis), съ преобладающимъ голосомъ и вліяніемъ. Въ городахъ перевѣсъ данъ домовладѣльцамъ надъ представителями капитала и труда. Опубликованные въ 1850 г. земскіе статуты отложены въ сторону, за то дворянству обѣщаны всевозможныя облегченія для учрежденія майоратовъ и фиден-коммиссовъ. Въ округахъ вмѣсто управъ предположено устроить совѣщательныя комитеты изъ титулованнаго дворянства и изъ представителей крупнаго и мелкаго землевладѣнія и промышленности. Въ участкахъ предположено созывать отъ времени до времени на сѣзды (Zusammentretungen), для совѣщаній объ общихъ интересахъ, общинныхъ старшинъ и крупныхъ землевладѣльцевъ или ихъ повѣренныхъ. Въ судебной реформѣ клочки новаго перемѣшаны съ восстановленнымъ старымъ. Институтъ присяжныхъ для обыкновенныхъ преступленій похороненъ и остался только для преступленій по дѣламъ печати. Уголовное производство восстановлено старинное, письменное и инквизиціонное, съ тою разницею, что въ день доклада дѣла въ засѣданіи не публично, куда пускались отдѣльные слушатели по спеціальному разрѣшенію предсѣдателя, прокуроръ давалъ свое заключеніе обвинительное, а защитникъ оправдательное, послѣ каковыхъ устныхъ преній судъ рѣшалъ дѣло, не производя судебного слѣдствія по актамъ. Судъ изъ пяти человекъ техникувъ-юристовъ рѣшалъ дѣло окончательно, безъ апелляціи, допускались только кассаціонныя жалобы. Для осужденія подсудимаго требовалось не менѣе четырехъ голосовъ, но между осужденіемъ и совершеннымъ оправданіемъ введенъ посредствующій членъ: освобожденіе отъ инстанціи по недостаточности доказательствъ вины, соответствующее нашему оставленію въ подозрѣніи, которое приходилось освобождаемому всю жизнь носить на себѣ, какъ позорное пятно. Гражданское судопроизводство осталось инквизиціонное и письменное. Учреждена адвокатура изъ лицъ по выбору и назначенію министра юстиціи. Задуманъ кромѣ того еще одинъ громаднй шагъ по пути въ объединенію и централизаціи: введеніе повсемѣстно во всей имперіи гражданского австрійскаго кодекса 1811 г. и уголовного кодекса, который былъ изданъ вскорѣ потомъ 27-го мая 1852 г. Составителемъ этого кодекса былъ любимецъ академическаго легіона, профессоръ и ярый либераль, рыцерь Гіе (Нуге) фонъ-Глюнекъ, впоследствии одинъ изъ самыхъ рьяныхъ реакціонеровъ и противниковъ суда присяжныхъ. Для характеристики автора достаточно сказать, что въ уложеніе введено тѣлесное наказаніе ров-

гами и палками для мужчинъ и женщинъ, и что въ своемъ комментарий на кодексъ, Гие оправдывалъ это тѣлесное наказаніе тѣмъ, что оно необходимо въ Венгрии, и значить, въ видахъ объединенія неизбежно и въ предѣлахъ всей имперіи. Въ постановленіяхъ уложенія, касающихся печати, подъ одинъ уровень по наказанію подведены всѣ лица, касавшіяся въ какой бы то ни было степени противозаконнаго по содержанію сочиненія: авторъ, переводчикъ, издатель, типографщикъ, книгопродавецъ; наказаніе было рассчитано на то, чтобы внушить, что печать есть занятіе опасное, прикосновеніемъ къ которому можно себя повредить на всю жизнь.

Упраздненіемъ конституціи выполнена была до конца и можно сказать исчерпана политическая задача, которую поставилъ себѣ князь Феликсъ Шварценбергъ. Смерть поразила его внезапно, безъ предшествовавшей болѣзни, безъ сильнаго какого-нибудь нравственнаго сотрясенія. 5-го апрѣля 1852 г. въ 5 часовъ вечера, выходя изъ засѣданія совѣта министровъ, одного изъ самыхъ обыкновенныхъ и безцвѣтныхъ, князь былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ. Смерть его не произвела въ управленіи никакой существенной и ощутительной перемѣны: налаженная имъ машина продолжала идти тѣмъ же ходомъ, только все тише. Преемниковъ власти у него не было, никто не былъ назначенъ предсѣдателемъ совѣта министровъ. Совѣтъ сталъ собираться подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя; на этихъ *конференціяхъ* министровъ давались мнѣнія, но не было никакого собранія государей. На первомъ планѣ являются лица, близкія государю по его воспитанію: полковникъ, оберъ-камергеръ, а потомъ генералъ-адъютантъ графъ Грюнне, заслонившій собою по вліянію на военныя дѣла министра войны; въ дѣлахъ духовныхъ, бывшій преподаватель закона Божія, назначенный въ мартѣ 1853 г. вѣнскимъ архіепископомъ, Раушеръ; въ дѣлахъ внутренней политики Бахъ, которому противопоставленъ былъ въ министерской конференціи начальникъ жандармовъ фонъ-Каппенъ, возведенный въ должность, вновь созданную, министра полиціи и имѣвшій въ своемъ вѣдѣніи печать и театры. Со смертю Шварценберга реакція вступила въ свой второй періодъ, сдѣлалась еще мелочивѣе и кончилась глубокимъ застоємъ, оцѣпенѣніемъ, изъ котораго имперія могла быть выведена только спасительнымъ для нея сотрясеніемъ отъ внѣшнихъ событій, а именно — погромомъ франко-итальянской войны.

В. Спассовичъ,

ЛЮДИ И ПРАВЫ

ВРЕМЯ

ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

LITERATUR UND GESELLSCHAFT IN FRANKREICH ZUR ZEIT DER REVOLUTION 1789 — 94.
VON LOTHKESEN.

III.

Восемнадцатое столѣтіе объявило войну всѣмъ выдающимся авторитетамъ во Франціи. Но была одна сила, противъ которой не рѣшались возстать даже самые смѣлые новаторы. То была сила женскаго вліянія, которое прошло нетронутымъ черезъ всѣ историческія превратности и сохранило за собой свое господство въ цѣлости. Безъ женскаго покровительства не была возможна никакая слава; никто не достигалъ ни почестей, ни значенія, если не находилъ опоры въ женщинахъ. Онѣ произносили судъ не только надъ поетами и художниками, но и надъ учеными. Даже государственные и военные люди восемнадцатаго вѣка, — или по крайней мѣрѣ тѣ, которые считали себя таковыми, — должны были рыцарски преклоняться передъ женщинами, если хотѣли занять прочное положеніе между современниками. Франція въ теченіе прошлаго столѣтія была школой утонченной любезности въ обращеніи и изысканности въ языкѣ.

Но быть любезнымъ одно, а мыслить и дѣйствовать въ либеральномъ духѣ — другое. Какъ ни казалось блестяще положеніе

женщины во Франціи, при ближайшемъ разсмотрѣніи блескъ этотъ являлся чисто внѣшнимъ. Неограниченное господство женщины было чистая мечта, — въ дѣйствительности она всю свою жизнь оставалась безправной и безвластной. Даже и въ позднѣйшее время женщина въ Германіи пользуется гораздо большей свободой, самостоятельностью и уваженіемъ, чѣмъ во Франціи, гдѣ ей, можетъ быть, оказываютъ болѣе внѣшняго почета.

Это извращенное положеніе вещей особенно ярко выступало въ знатныхъ французскихъ семействахъ. Самое появленіе на свѣтъ дѣвочки встрѣчалось недоброжелательно отцомъ, который желалъ наследника своему имени, и даже матерью. Едва дѣвушка немного подрастала, родители, образъ жизни которыхъ не позволялъ имъ держать близъ себя невинное дитя, спѣшили отдать ее въ какой-нибудь изъ аристократическихъ монастырей, гдѣ она, вдали отъ материнской любви, получала самое поверхностное и чисто внѣшнее образованіе. Лишь только дочь достигала возраста, когда дѣвушка можетъ вступать въ бракъ, ее тотчасъ брали изъ монастырскихъ стѣнъ и въ силу холодныхъ семейныхъ расчетовъ отдавали мужу, котораго она вовсе не знала. Тотъ немедленно вводилъ ее въ шумное, легкомысленное общество тогдашней аристократіи. Мудрено-ли, если она, быстро разочарованная, съ пустымъ сердцемъ, терзаемая честолюбіемъ, только о томъ и думала, какъ бы ей забыться среди веселья, или, путемъ интриги, достигнуть власти? Всѣ мемуары того времени, и въ особенности записки извѣстной госпожи Жанлисъ, отлично рисуютъ это положеніе вещей. Съ подобнаго рода умственной пустотой какъ нельзя лучше уживалось кокетничанье съ наукой, въ которомъ такъ изощрились дамы второй половины прошлаго столѣтія. И въ былое время не одна жажда къ познаніямъ побуждала госпожу де-Севинье и другихъ знатныхъ дамъ изучать классическіе языки, философію и физіку. Это мнимое рвеніе къ наукѣ помогало имъ проводить время и давало возможность легче и естественнѣе прикидываться невѣрующими, когда это входило въ ихъ расчеты. То была эпоха Гольбаха, Гельвеціяса, Ла-Меттри.

Не столько безотрадное зрѣлище представлялъ семейный бытъ провинціального дворянства. Хотя жизнь въ сѣмьяхъ и была лишена всякой умственной пищи, по крайней мѣрѣ она не дѣйствовала такъ разрушительно на нравственныя силы и не уничтожала способности приносить себя въ жертву высшимъ интересамъ. Женщинамъ этого класса во время революціи особенно часто приходилось выказывать свое мужество и хладнокровіе въ минуты опасности. Изъ ихъ среды вышла Шарлотта Кордэ, ко-

торая, дѣйствуя въ духѣ героической древности, думала своею смертію купить свободу отечества. Изъ ихъ же среды выступила мужественная маркиза де-Ларошъ-Жакленъ, которая во время вандейскаго возстанія выходила на поле сраженія и своимъ примѣромъ воодушевляла солдатъ. Къ ихъ же сословію принадлежить и кроткая, благочестивая мать Ламартина, которую поэтъ съ такой любовью изображаетъ въ разсказѣ о своей собственной идиллически проведенной молодости въ Милли, во время террора.

Будущность Франціи явно зависѣла отъ средняго сословія, которое еще хранило въ себѣ зародышъ свѣжей, здоровой жизни. Замѣчательно, что въ среднемъ сословіи женщина имѣла гораздо болѣе вліянія, чѣмъ въ высшемъ кругу. Семейство не было лишено здѣсь своего внутренняго содержанія, и женщина находила въ немъ возможность примѣнять къ дѣлу свою полезную, благотворную дѣятельность. Дочери родителей, принадлежавшихъ къ среднему классу, правда, также воспитывались въ монастыряхъ, но онѣ не оставались такъ долго въ разлукѣ съ матерями и рано возвращаясь домой, принимали участіе въ ихъ трудахъ, радостяхъ и печаляхъ.

Прекрасную картину такого семейнаго быта мы находимъ въ воспоминаніяхъ госпожи Роланъ. Въ этомъ кругу, молодыя дѣвушки также занимались различными серьезными предметами и наукой. Было очень много женщинъ, изучавшихъ классическіе языки и литературу, математику и физику. Госпожа Роланъ разсказываетъ, какъ она на девятомъ году восторгалась Плутархомъ, нѣсколько позже занималась богословскими науками, а потомъ съ жадностью предавалась философіи, въ которой искала успокоенія своему пылливому уму. Такого рода серьезныя занятія пробуждали въ женщинахъ стремленіе къ идеаламъ, которое и заставляло ихъ чрезвычайно дѣятельно распространять новыя идеи.

Всѣ общественныя и политическія преобразованія до сихъ поръ ничѣмъ существенно не измѣнили положенія женщинъ. Государственные перевороты касались ихъ только слегка, потому что ихъ всегда старательно устранили отъ всякихъ политическихъ вопросовъ. Изреченіе: *Mulier taceat in ecclesia*,—всегда и повсюду было въ большомъ ходу, и даже въ частномъ быту на женщину смотрѣли, какъ на несовершеннолѣтнюю, какъ на ребенка.

Многіе первостепенные умы уже давно возставали противъ такого рода позволеннаго рабства. Направленіе эпохи, о которой мы говоримъ, повидимому, обѣщало уничтожить его. Если англійскіе романисты, и во главѣ всѣхъ Ричардсонъ, своими

рассказами глубоко трогали чувствительныя сердца, то Руссо въ своей «Элоизѣ» внезапно коснулся такихъ струнъ человѣческой души, существованія которыхъ до него, повидимому, никто не подозрѣвалъ. Онъ смѣло поднялъ голосъ на защиту правъ сердца отъ тиранніи условныхъ приличій; онъ въ самой страсти открылъ источникъ добродѣтели и потребовалъ для женщины самостоятельности и свободы. Кромѣ того, рисуя въ своемъ «Эмилѣ» картину извращеннаго воспитанія дѣтей, онъ указывалъ матерямъ на ихъ прямыя обязанности. Умы все болѣе и болѣе приходили въ движеніе въ этомъ направленіи. Какъ молнія, сверкая посреди душной, грозной атмосферы, очищаетъ воздухъ, — картинно выражается Геттнеръ, — такъ блеснуло передъ челоуѣчествомъ сознаніе, что его возрожденіе и обновленіе должны выдти изъ него самого. Неудивительно, если революція, представшая въ качествѣ общественнаго прогресса, была съ радостью встрѣчена женщинами. Именно образованный кружокъ женщинъ, обыкновенно наиболѣе опасавшихся государственныхъ волненій, съ особеннымъ восторгомъ привѣтствовалъ зарю новаго времени, и много прекрасныхъ женскихъ личностей поднимаются передъ нами изъ той эпохи.

Приверженцы стараго порядка вещей нерѣдко старались истить насмѣшками, и преслѣдовали дамъ, занимавшихся политической. Такъ въ началѣ революціи одинъ журналъ, «l'Eclair du Palais», громко жаловался на то, что хозяйки дома, вмѣсто того, чтобъ по прежнему миролюбиво царствовать въ спокойныхъ кружкахъ, теперь, воссѣдая за чайнымъ столомъ, сильно смахиваютъ на воинственную царицу амазонокъ, Пентезилаю. Онѣ смѣло вмѣшиваются въ разговоръ, толкуютъ о вопросахъ дня, но въ жару спора часто обвариваютъ себѣ кипяткомъ руки, или опрокидывая чашки, обливаютъ свои новыя платья. Эти насмѣшки, конечно, бывали иногда вѣрны, но преступленіе во всякомъ случаѣ было не велико. Могло бы показаться гораздо болѣе удивительнымъ, если бы женщины держались въ сторонѣ отъ всеобщаго движенія и оставались равнодушными къ вопросамъ, которые столько же касались интересовъ государственныхъ, сколько и благосостоянія отдѣльныхъ семействъ. «Все тщесловіе нынѣшнихъ молодыхъ людей, — говоритъ одинъ писатель, — заключается во-первыхъ въ томъ, чтобъ при входѣ въ салонъ, какъ-бы невзначай ронять слова; во-вторыхъ, въ томъ, что они возвращаются прямо изъ революціоннаго клуба. Если они къ этому еще могутъ прибавить свидѣніе о какомъ-либо предложеніи, которое имъ удалось тамъ сдѣлать, то они немедленно превращаются въ героевъ»

вечера; всѣ взоры устремляются на нихъ, всѣ сердца располагаются въ ихъ пользу». Моднымъ мѣстомъ сборища были теперь уже не опера и не театръ, а залы національнаго собранія во время засѣданій, куда получался доступъ по билетамъ, за которые иногда платились служителямъ огромныя деньги.

Совершенно естественно, что въ обществѣ, гдѣ мечтали воскресить древнія спартанскія добродѣтели и подвиги римскихъ и греческихъ героевъ, женщины полагали всю свою славу въ томъ, чтобъ быть «гражданками». Слышать, какъ ихъ привѣтствовали этимъ именемъ, было для нихъ истиннымъ наслажденіемъ. Настоящая, чистая, святая свобода составляла идеалъ, который жилъ во многихъ благородныхъ женскихъ сердцахъ, пока имъ не пришлось съ горечью убѣдиться, что время всѣхъ этихъ благъ на землѣ далеко еще не настало.

Женщина, въ которой особенно ярко выразилось это направленіе, была знаменитая госпожа Роланъ, жена министра Ролана.

Эта замѣчательная женщина писала свои извѣстные мемуары въ послѣдніе дни жизни, проведенные въ заточеніи въ «Аббатствѣ», въ ежеминутныхъ ожиданіяхъ смертнаго приговора. Тонъ ея воспоминаній тѣмъ не менѣе такъ свѣжъ и спокоенъ, какъ будто бы она ихъ повѣрjala бумагѣ въ мирномъ и безопасномъ загородномъ пріютѣ, который особенно любила. Спокойное теченіе разсказа только время отъ времени прерывается у нея вздохомъ о судьбѣ дочери, или замѣчаніемъ объ ея собственномъ процессѣ. Если подъ конецъ у нея и вырываются энергическія выраженія, то они во всякомъ случаѣ совершенно чужды чувства ненависти къ врагамъ. Въ виду смерти воспоминанія о ранней молодости пріобрѣтаютъ въ ея глазахъ особенную прелесть. Ея разсказъ дышетъ поэзіей и поражаетъ художественностью выполненія. Отецъ ея, Гатъень Флипонъ, былъ граверъ и кромѣ того занимался покупкой и перепродажей драгоценныхъ камней, что давало ему возможность существовать скромно, но безъ особенныхъ лишеній. Дочь его, Марія-Жанна, имѣла въ своей матери истиннаго друга и опору. Съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ воспоминаетъ она въ своихъ запискахъ о воскресныхъ прогулкахъ съ родителями въ Мёдонъ или Сень-Клу. Разсказъ объ этихъ простыхъ событіяхъ, которые вводятъ насъ въ среду честнаго семейства изъ средняго сословія, напоминаетъ идиллическія описанія Бернардена де-Сень-Пьера и можетъ служить образцомъ французской прозы. Отъ природы благочестивая, госпожа Роланъ на одиннадцатомъ году своей жизни была по собственному

желанію отдана въ монастырь. Тамъ она оставалась одинъ годъ, а затѣмъ вернулась въ семью, гдѣ шло ея дальнѣйшее развитіе. Серьезный складъ ума и пылкая любознательность влекли ее все дальше и дальше. Начавъ свои занятія съ произведеній Франциска де-Салля, она перешла къ сочиненіямъ извѣстнѣйшихъ богослововъ своего времени, а потомъ мало-по-малу и къ философамъ, какъ Декартъ, Мальбраншъ и Дидро. Послѣдніе приковали ея вниманіе, хотя не могли обратить ее къ своему ученію. Она съ внутреннимъ трепетомъ искала разрѣшенія великихъ загадокъ творенія и Божества и ни одно изъ этихъ ученій ее не удовлетворяло. Чтѣ въ тишинѣ кабинетной правилось ей въ ученіи энциклопедистовъ, то казалось ей ложнымъ, когда она видѣла себя посреди воодушевленной природы, лицомъ къ лицу съ высшими проявленіями творческой силы, которыя возбуждали ея духъ и заставляли искать иного разрѣшенія великой тайны.

Мать желала видѣть ее пристроенной и она, въ угоду ей, вышла въ 1770 г. замужъ за Ролана, который былъ гораздо старше ея и занималъ должность главнаго инспектора промышленности и мануфактуръ. Впослѣдствіи онъ составилъ себѣ имя многими техническими сочиненіями. Когда во время революціи онъ былъ министромъ, домъ его привлекалъ многочисленное общество и госпожа Роланъ стала центромъ политическаго кружка, который занималъ господствующее положеніе. Роланъ принадлежалъ къ партіи жирондистовъ и съ паденіемъ ихъ, въ маѣ 1793 г., принужденъ былъ бѣжать. вмѣсто его была задержана его жена и подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ отправлена на эшафотъ, гдѣ и погибла 10-го ноября 1793 г. Если она въ своихъ мемуарахъ выказала большую нравственную силу, не покидавшую ее до послѣдней минуты, то съ другой стороны чрезвычайно ярко выставила въ нихъ противорѣчія, составлявшія отличительную черту положенія, въ которомъ тогда находились женщины. Въ преувеличенномъ стремленіи сообразоваться съ требованіями новаго времени и въ усиліяхъ выказать себя достойными его, онѣ нерѣдко теряли чувство стыдливости и женственной сдержанности.

Госпожа Роланъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о своей наружности съ мельчайшими подробностями. Она описываетъ свою грудь, талію и всю фигуру, такъ хладнокровно, какъ будто бы рѣчь шла о мраморной статуѣ. Затѣмъ ея раздирающее душу прощаніе съ мужемъ и рядомъ съ нимъ съ какимъ-то другимъ сердца, котораго она не называетъ, доказываетъ, какъ даже въ подобной личности могла уживаться вмѣстѣ съ понятіемъ о супру-

жеской вѣрности идеальная любовь къ другому. Гильотина, по-видимому, не внушала господамъ Роланъ ни малѣйшаго страха. Она горько шутила надъ ней и утверждала, что ей не страшенъ эшафотъ, на который она взойдетъ въ отличномъ обществѣ: ей напротивъ было противно долге жить посреди такого громаднаго числа преступниковъ. Она пошла на смерть, какъ вдохновенная пророчица, одѣтая въ бѣлый праздничный нарядъ. Умирая за свои убѣжденія, она на мѣстѣ казни привѣтствовала статую свободы слѣдующими знаменательными словами: «О свобода, какія преступленія совершаются въ твое имя!» Роланъ не долго пережилъ ее. Когда до него дошло извѣстіе о ея смерти, онъ повинулъ свое убѣжище близъ Руана, нѣсколько времени скитался по окрестностямъ и, наконецъ, самъ покончилъ съ жизнью, чтобъ избѣжать смерти на эшафотѣ, которая повлекла бы за собой конфискацію его имущества и тѣмъ лишила бы наслѣдства его дочь.

Тотъ же самый духъ, который воодушевлялъ г-жу Роланъ, закалилъ еще и многихъ другихъ женщинъ. Смотри на поступокъ Шарлотты Кордэ, какъ на нравственное заблужденіе, ей все-таки нельзя отказать въ патріотическомъ самопожертвованіи. Мы могли бы указать цѣлый рядъ благородныхъ женщинъ, которыя спойно шли на встрѣчу смерти, чтобъ запечатлѣть ею свои убѣжденія или спасти кого-нибудь изъ близкихъ. Исторія сохранила только ничтожную часть трогательныхъ событій, которыя въ то время ежедневно повторялись въ каждой провинціи, въ каждомъ мѣстечкѣ, въ каждой тюрьмѣ. Довольно будетъ указать на Люсилъ, молодую жену Камилла Дюмулена, которая, показавъ больше мужества, чѣмъ онъ, побуждала народъ къ возстанію противъ главныхъ виновниковъ терроризма. Послѣ смерти мужа, она съ намѣреніемъ разразилась горькими и гнѣвными упреками его убійцамъ, чтобъ тѣ вслѣдъ за нимъ и ее отправили на эшафотъ. Можно также упомянуть объ Олимпіи де-Гужъ, которая печатно выступила съ защитой Людовика XVI и была за то казнена¹⁾.

Такія явленія отрадны, утѣшительно дѣйствуютъ на душу, которую, съ другой стороны, глубоко возмущаетъ зрѣлище разъ-

¹⁾ Олимпія де-Гужъ, по словамъ нѣкоторыхъ, незаконная дочь Людовика XV, родилась въ 1755 г. и кончила свое существованіе 8-го ноября 1793 г. Она была замужемъ, но вскорѣ разошлась съ мужемъ, писала комедіи и романы, горячо сочувствовала революціи и писала въ защиту освобожденія женщины. Но потомъ, подъ вліяніемъ состраданія, она объявила себя защитницей королевской семьи и тѣмъ навлекла на себя гоненія и смерть.

аренных мегеръ, вышедших изъ столичной черни и предававшихся самымъ отвратительнымъ излишествамъ.

Въ теченіи этого времени, занимающаго пространство всего нѣсколькихъ лѣтъ, но ознаменованнаго великими, мировыми событіями, прежняя утонченная свѣтскость вовсе исчезла изъ общественныхъ нравовъ. Но за то женщинамъ блеснула надежда на возможность найти свою дѣятельность и заслужить истинное уваженіе къ своему полу.

Несмотря на всѣ свои крайности, революція почти осуществила эту мечту, но Директорія разсѣяла ее снова.

За царствомъ ужаса наступило царство разврата. Женщина спустилась съ высоты, на которую поднялась - было во время революціи. Она снова обратилась въ царицу общества, моды и поэзій, но у нея опять отняли право на свободное, независимое существованіе. Наполеонъ окончательно скрѣпилъ это въ своемъ кодексѣ, объявивъ женщину несовершеннолѣтней въ теченіи всей ея жизни.

IV.

Политическое и парламентское краснорѣчіе, которое уже около восьмидесяти лѣтъ играетъ во Франціи такую важную роль, можетъ, еще скорѣе чѣмъ періодическая печать, быть названо порожденіемъ революціи. Въ прежнія времена, выборные отъ народа ни сужденіями о дѣлахъ, ни рѣшеніями не участвовали въ управленіи страной. Генеральные штаты, собиравшіеся при прежнихъ короляхъ, не составляли исключенія. Они много спорили въ своихъ засѣданіяхъ, но не имѣли ораторовъ, потому что были лишены гласности. Но такъ какъ политическая жизнь все-таки не могла вполнѣ быть подавлена,—такъ какъ различнымъ партіямъ, если только онѣ хотѣли существовать, необходимо было дѣйствовать,—то политическія пренія, за отсутствіемъ трибуны, обыкновенно переносились на церковныя кафедры и въ судебныя залы. Такъ, во время лиги, фанатическіе монахи возбуждали парижанъ къ возстанію противъ короля, къ цареубійству, къ повторенію Варроломеевской ночи, потому что, говорили они, «Франція больна и можетъ вылечиться только хорошимъ глоткомъ французской крови!» Подобнаго рода декламация напоминаетъ грозныя выходки ораторовъ революціи, но еще далеко не составляетъ такъ-называемаго публичнаго краснорѣчія. Въ судахъ адвокаты могли говорить чаще и больше, но безъ гласности, о которой тогда и помину не было, истинное краснорѣчіе невозможно. Подъ ста-

рымъ режимомъ во Франціи могли процвѣтать только придворныя проповѣди, да надгробныя или льстивыя похвальные слова, которыя въ томъ видѣ, какой имъ сообщили Массильонъ и Боссюэтъ, достигли классическаго совершенства.

Съ открытіемъ національнаго собранія въ маѣ 1789 года въ Версали, народные представители обнаружили большую неопытность. У ораторовъ не было ни преданій, ни школы, ни образцовъ. Ими руководили только возбужденное настроеніе умовъ, состраданіе къ народу, ожидавшему отъ нихъ спасенія, быстрый ходъ событій и внезапно выступившіе на свѣтъ великіе вопросы, которые всякаго, хоть сколько-нибудь къ нимъ причастнаго, невольно воодушевляли и подергивали.

Любимыми представителями этой молодой, кипучей эпохи были самыя молодыя и горячіе ораторы. Воинственно-настроенные своими избирателями, депутаты являлись въ Парижъ большею частью преисполненные надеждъ на будущее и ненависти къ злоупотребленіямъ прошлаго. Они стремились все сокрушить и низвергнуть, вырывая съ корнемъ старое зло. По ихъ мнѣнію, стояло только выдержать одну разрушительную бурю — и побѣда одержана. Прежде всего надо было низвергнуть стѣны старой, феодальной государственной крѣпости, а затѣмъ уже думать о наиболѣе приличномъ способѣ постройки новаго зданія. Сообразно съ этими стремленіями, краснорѣчіе революціонной эпохи отличается бурнымъ, порывистымъ характеромъ. Почти всѣ ораторы и коноводы этого времени были люди отъ 25 до 30-ти лѣтъ. Таковы Барнавъ, Камилль Дюмуленъ, Дантонъ. Одному Робеспьеру было 31 годъ, и самъ Мирабо едва достигъ 40 лѣтъ. Наибольшій успѣхъ имѣли не тѣ ораторы, которые старались говорить ясно и убѣдительно, а тѣ, которые, обладая отвагой, увлекали слушателей особенно рѣзкими выходками.

Зала національнаго собранія вмѣщала въ себѣ около тысячи двухсотъ депутатовъ, которые раздѣлялись на враждебныя партіи и часто въ своихъ спорахъ переходили предѣлы парламентскихъ приличій. Посреди такого шумнаго, безпокойнаго собранія уже нелегко было говорить просто, внятно, а овладѣть вниманіемъ слушателей оказывалось тѣмъ труднѣе. «Мониторъ» въ своихъ отчетахъ о засѣданіяхъ національнаго собранія представляетъ только блѣдную картину дѣйствительности. Онъ не передаетъ ни духа, ни характера этихъ засѣданій, не упоминаетъ ни о страшномъ шумѣ и горячихъ спорахъ, нерѣдко угрожавшихъ перейти въ рукопашныя схватки, ни о самовластномъ вмѣшательствѣ въ пренія галлерей. Въ немъ одна рѣчь слѣдуетъ за другою, остав-

для насъ въ невѣдѣніи о главномъ, именно объ ея дѣйствіи на слушателей. Въ этомъ отношеніи ораторъ подвергается одной участи съ актеромъ. Чѣмъ значительнѣе его личность, тѣмъ болѣе теряетъ она въ глазахъ послѣдующихъ поколѣній. Главныя средства оратора: звучный, гибкій голосъ, выразительная наружность и жесты, огонь глазъ, — все это не имѣетъ ровно никакого значенія для потомства. Поэтому, читая рѣчи ораторовъ революціи, необходимо дополнять ихъ воображеніемъ, но и тогда все-таки приходишь къ убѣжденію, что, несмотря на многочисленность громкихъ именъ, между ними было мало истинно даровитыхъ личностей. Одинъ Мирабо, какъ гигантъ, высится надъ всѣми. Природа щедро надѣлила его всѣми качествами великаго оратора, и то, что онъ совершенно одиноко стоитъ на своей высотѣ, заставляетъ его казаться еще выше, представляя въ немъ полное олицетвореніе бурнаго краснорѣчія эпохи ¹⁾.

Крѣпкаго сложенія, очень некрасивый, съ лицомъ, изрытымъ оспой, но съ большими, чрезвычайно быстрыми и умными глазами, одаренный голосомъ необыкновенно сильнымъ и способнымъ передавать малѣйшіе оттѣнки мысли, Мирабо, несмотря на свое аристократическое происхожденіе, былъ самымъ горячимъ и неутомимымъ защитникомъ новыхъ идей. Во всей его фигурѣ было что-то мощное, невольнo подчинявшее ему все собраніе. Оно понимало, что этотъ человѣкъ ясно видѣлъ передъ собой путь, по которому хотѣлъ идти, тогда какъ всѣ остальные еще колебались и бродили во тьмѣ. Тишина и уединеніе продолжительнаго заточенія сдѣлали изъ Мирабо глубокаго мыслителя. Закаленный въ борьбѣ съ страстями, обладая большою опытностью, онъ явился въ собраніе вооруженный практической и государственной мудростью. Онъ совершенно естественно и по праву сталъ во главѣ всѣхъ. Несмотря на свой революціонный пылъ, онъ никогда вполне не отрекался отъ аристократизма. Его много упрекали въ томъ, что онъ заставлялъ за себя работать другихъ, и именно въ то время, когда въ національномъ собраніи разсматривались важнѣйшіе вопросы дня. Но, при изобиліи матеріала, требовавшаго разработки, въ этомъ не было ничего ни удивительнаго, ни предосудительнаго. Его секретари и друзья, каковы Шамфоръ, Вольней и другіе, исполняли за него предварительную часть труда и даже иногда снабжали его идеями, такъ что рѣчи, которыя онъ

¹⁾ Генриэтта Герцъ съ восторгомъ упоминаетъ о немъ въ своихъ запискахъ. „Слушай его, говоритъ она, забываешь все остальное. Его способъ выраженія, несмотря на страстную пылкость его рѣчи, всегда прекрасенъ и изысканъ“.

произносить, не всегда были исключительно его произведениемъ. Поэтому онъ часто, когда начиналъ говорить, бывалъ холоденъ и вялъ, пока противорѣчіе со стороны слушателей не поднимало въ немъ бури и не заставляло его разражаться въ гнѣвныхъ выходкахъ. Тогда рѣчь его мгновенно измѣнялась, въ умѣ возникали собственные мысли. Онъ облакалъ ихъ въ соответствующія положенію слова, и тутъ же разомъ находилъ разрѣшеніе самыхъ большихъ трудностей.

Вслѣдствіе этого, страстные рѣчи Мирабо всегда имѣли гораздо больше успѣха, чѣмъ спокойное изложеніе фактовъ и доводовъ, къ которому онъ иногда прибѣгалъ. Какъ часто одно его смѣлое слово разсѣивало недоумѣнія и рѣшало самыя упорныя пренія! Такъ, напримѣръ, онъ съумѣлъ придать особенный вѣсъ противодѣйствию, съ какимъ было встрѣчено предполагаемое раздѣленіе генеральныхъ штатовъ на три отдѣла. Ему же принадлежитъ смѣлое возраженіе на требованіе королевскаго оберъ-церемоніймейстера, чтобъ собраніе разошлось. «Депутаты,—воскликнулъ онъ,—собранны здѣсь властью народной, и разогнать ихъ могутъ развѣ только штыки!»

Некверъ, въ виду поправленія финансовъ, представилъ на разсмотрѣніе національнаго собранія рядъ новыхъ податей и финансовыхъ оборотовъ. Большинство депутатовъ отнеслось къ нимъ недоброжелательно и многіе указывали на государственное банкротство, какъ на единственное средство спасенія. Мирабо энергической рѣчью старался поддержать министра, но не могъ убѣдить собранія. Сознавая свою неудачу, онъ внезапно прибѣгъ къ послѣднему, крайнему средству. Слова, которыя онъ произнесъ съ цѣлью напугать своихъ противниковъ, съ тѣмъ чтобы сдѣлать ихъ потомъ податливѣе, принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ образцамъ краснорѣчія.

«Въ теченіи двухсотъ лѣтъ,—воскликнулъ онъ,—рылась пропасть, въ которую готово упасть государство. Эту страшную пропасть необходимо засыпать. Вотъ списокъ лицъ, владѣющихъ во Франціи кое-какимъ имуществомъ. Выберите самыхъ богатыхъ изъ нихъ, чтобы число жертвъ было какъ можно ограниченнѣе, но тѣмъ не менѣе выберите ихъ! Пусть лучше погибнетъ небольшое число лицъ и спасется масса народа! Состоянія двухъ тысячъ гражданъ хватить на покрытіе дефицита; оно поправитъ финансы и возвратитъ странѣ миръ и благоденствіе. Кидайтесь же на нихъ, бейте ихъ безъ пощады,—эти несчастныя жертвы! Бросьте ихъ въ пропасть, и она закроется!

«Вы дрожите? какая непослѣдовательность, какое малодушіе!

Развѣ вы не видите, что рѣшаясь на банкротство, или, — что еще хуже, — безъ всякаго рѣшенія дѣлая его неизбѣжнымъ, вы себя пятнаете въ тысячу разъ болѣшимъ преступленіемъ и къ тому же, — почти невѣроятно! — преступленіемъ вполнѣ бесполезнымъ. Та страшная жертва, по крайней мѣрѣ, уничтожила бы дефицитъ. Неужели вы думаете освободиться отъ долга, прекративъ его уплату? Неужели вы полагаете, что тысячи, миллионы людей, которыхъ вы осуждаете мгновенно лишиться всего, что составляетъ ихъ радость въ жизни или ихъ единственное средство къ существованію, — что эти люди станутъ спокойно смотрѣть, какъ вы будете вкушать отъ плодовъ своего преступления?

«О вы, стончески взирающіе на зло, какое навлекла бы на Францію подобная катастрофа, — вы, бездушные эгоисты, воображающіе, будто нищета и отчаяніе столькихъ пройдутъ бесслѣдно — и тѣмъ скорѣе, чѣмъ они будутъ ужаснѣе, — неужели вы думаете, что люди, лишенные вами насущнаго хлѣба, дадутъ вамъ безнаказанно наслаждаться роскошнымъ пиромъ, за который вы ничѣмъ не заплатили? Нѣтъ! нѣтъ! вы погибнете! Вамъ не удастся, принеся въ жертву вашу честь, спасти изъ всеобщаго, зажженного вами пожара ни одной постыдной выгоды... Соглашайтесь скорѣй на эти чрезвычайные налоги и будемъ надѣяться, что ихъ хватитъ! Соглашайтесь: если вы не вполнѣ увѣрены въ средствѣ, за то не можете сомнѣваться въ необходимости прибѣгнуть къ нему и въ невозможности найти другое болѣе вѣрное. Соглашайтесь: положеніе вещей таково, что не терпите отлагательствъ и мы будемъ призваны къ отвѣту за всякое промедленіе! Не требуйте отсрочки: бѣдствіе не ждетъ! Господа! недавно по нелѣпому требованію изъ Пале-Рояля, вслѣдствіе неосновательнаго опасенія смутъ, которое существовало только въ воображеніи трусовъ и поддерживалось немногими злонамѣренными отверженцами, между нами раздался забавный возгласъ: «Катилина у воротъ Рима, а вы совѣщаетесь!» Но около насъ не было ни Катилины, ни опасности, ни смутъ, ни Рима!... а теперь передъ нами банкротство со всѣми его ужасающими послѣдствіями: оно угрожаетъ вамъ всѣмъ потерей чести и имущества, — а вы совѣщаетесь!» ¹⁾

Въ другой разъ былъ поднятъ вопросъ о провозглашеніи католицизма господствующею религіей въ государствѣ. Мирабо съ смѣлостью, ему одному свойственной, отстранилъ его съ разу. «Прошу васъ не забывать, — сказалъ онъ, — что съ этой самой трибуны видно окно, изъ котораго французскій король, подстре-

¹⁾ Засѣданіе 26 сентября 1789 года.

каемый достойными проклятія совѣтниками, стрѣлялъ по своимъ подданнымъ и подалъ этимъ знакъ къ Вареоломеевской ночи. Я не скажу болѣе ни слова: объ этомъ нечего совѣщаться» ¹⁾).

Утверждаютъ, будто этотъ намѣкъ на Вареоломеевскую ночь былъ ему внушенъ Вольнеемъ. Если это и правда, то никто, кромѣ Мирабо, не сумѣлъ бы произнести его такъ выразительно. Эти слова произвели на собраніе такое сильное впечатлѣніе, что вопросъ безъ дальнѣйшихъ споровъ былъ отложенъ въ сторону.

Такимъ образомъ Мирабо отодвинулъ всѣхъ другихъ ораторовъ на задній планъ. Въ первые годы революціи всѣ единодушно признавали его главою революціи. Полный мужества и гордаго сознанія собственныхъ силъ, онъ надѣялся, несмотря на всѣ препятствія, создать новую монархію, которая вполне соответствовала бы требованіямъ новаго времени.

Но слава его была кратковременна и популярность его исчезла въ потокѣ республиканскихъ стремленій, все сильнѣе и сильнѣе овладѣвавшихъ обществомъ. Самыя жаркія парламентскія пренія были вызваны вопросомъ о королевскомъ правѣ объявлять войну и заключать миръ. Мирабо говорилъ по этому поводу два раза, и чрезвычайно пространно. Въ первой своей рѣчи онъ ясно высказался въ пользу короля. Барнавъ, который до тѣхъ поръ всегда его поддерживалъ, теперь выступилъ противъ него, и вызвалъ этимъ шумное одобреніе большинства слушателей. Мирабо, послѣ долгихъ дебатовъ, удалось только отложить подачу голосовъ, а слѣдовательно и рѣшеніе вопроса до слѣдующаго дня. Онъ понималъ, что потерялъ свою власть надъ собраніемъ. На другой день ему нужно было пустить въ ходъ всѣ свои средства, чтобы вернуть потерянное вліяніе, которое, иначе, грозило совсѣмъ ускользнуть. На улицахъ уже продавался листокъ, въ которомъ жестоко нападали на измѣну графа Мирабо; но онъ еще не отчаялся. «Они сегодня должны или разорвать меня въ куски, или съ триумфомъ вынести отсюда на рукахъ», сказалъ онъ, всходя на трибуну. Всѣ въ залѣ не меньше его понимали важность настоящей минуты.

— «Я не нуждался въ этомъ урокѣ,—произнесъ онъ съ горечью посреди мертваго молчанія собранія, —чтобъ знать, какъ близко отъ Капитолія до Тарпейской скалы. Но человѣкъ, который борется за отечество и за торжество разума, не признастъ себя такъ скоро побѣжденнымъ».

Онъ изложилъ въ своей рѣчи мнѣніе Барнава и попытался

¹⁾ Засѣданіе 13 апрѣля 1790 года.

склонить національное собрание къ тому, чтобы оно взглянуло на вопросъ съ предложенной имъ самимъ точки зрѣнія. Это ему действительно удалось, но только потому, что онъ успѣлъ незамѣтно дать своимъ мыслямъ новый оборотъ. Онъ объявилъ, что его предыдущія объясненія были невѣрно поняты, и излагая ихъ вторично, придавъ имъ отгѣнокъ мнѣнія, котораго держалось большинство. Въ заключеніе онъ выступилъ передъ собраніемъ съ предложеніемъ, почти совершенно противоположнымъ его прежнимъ требованіямъ. Побѣда, имъ одержанная, была такимъ образомъ только наружная и въ сущности сильно походила на скрытое отступленіе ¹⁾. Съ этой поры онъ все болѣе и болѣе отодвигался на задній планъ. Его тайныя сношенія съ королемъ вскорѣ еще болѣе его связали. Съ тѣхъ поръ онъ могъ еще нѣмѣть вліяніе, какъ государственный человѣкъ, но какъ ораторъ онъ почти совсѣмъ потерялъ свой прежній пылъ и энергію.

Барнавъ, талантливѣйшій ораторъ той же партіи послѣ Мирабо, котораго онъ взялъ себѣ въ образецъ, далеко не можетъ съ нимъ сравниться. Обладая большими способностями онъ, пожалуй, со временемъ и достигъ бы значительной высоты. Но появленіе его на трибунѣ было мимолетное и политическая дѣятельность слишкомъ кратковременна. Отъ него осталось всего двѣ рѣчи, по которымъ можно судить, что изъ него могло выдти при дальнѣйшемъ развитіи. Первое торжество доставила ему вышеупомянутая борьба съ Мирабо. Затѣмъ онъ одержалъ еще болѣе важную побѣду, защищая короля послѣ его несчастной попытки къ побѣгу. Онъ былъ однимъ изъ комиссаровъ, которые, по порученію національнаго собранія, сопровождали королевскую чету во время переѣзда ея изъ Варенна въ Парижъ. Рассказываютъ, что съ тѣхъ поръ въ сердцѣ молодого человѣка возникло не только состраданіе къ печальной судьбѣ королевы, но еще и болѣе нѣжное чувство къ ея особѣ. Національное собраніе посвятило три длинныя засѣданія на то, чтобы рѣшить вопросъ: неприкосновенность, которую законъ обезпечиваетъ за королемъ, должна или нѣтъ избавить Людовика отъ послѣдствій, каковымъ онъ подвергся вслѣдствіе своей попытки къ побѣгу? Большая партія, и въ томъ числѣ Петіонъ и Робеспьеръ, объявили, что считаютъ ученіе о неприкосновенности короля жестокимъ и несправедливымъ и требовали замѣны его другимъ, основаннымъ на иныхъ началахъ, которыя имѣли бы въ виду пользу націи, а не одной только отдѣльной личности, — словомъ, они хотѣли при-

¹⁾ Засѣданія 20, 21 и 22-го мая 1790 г.

звать короля къ отвѣтственности передъ судомъ. Все это было предисловіемъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ Конвента, который низложеннаго короля не только судилъ, но и приговорилъ къ смерти. Барнавъ былъ послѣдній ораторъ, говорившій въ пользу Людовика. Онъ вѣроятно произнесъ свою рѣчь съ особеннымъ жаромъ и увлеченіемъ, потому что въ печати она ничѣмъ не оправдывается того впечатлѣнія, какое Барнаву удалось произвести на слушателей. Собраніе закрыло засѣданіе постановленіемъ напечатать рѣчь и разослать ее по всѣмъ провинціямъ. Всѣ предложенія Барнава были приняты и немедленно приведены въ исполненіе. Короля Людовика еще разъ оставили въ покоѣ и вся отвѣтственность за его побѣгъ пала на мецскаго губернатора, маркиза Буйлье.

Нѣсколько недѣль спустя, національное собраніе закрыло свои засѣданія. Барнавъ вернулся къ частной жизни и съ тѣхъ поръ дѣятельность его ограничилась публицистичею. Онъ напечаталъ нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ особенное вниманіе возбудило его «Предисловіе къ французской революціи». Хотя онъ очень скромно жилъ на своей родинѣ въ Греноблѣ, но онъ не былъ забытъ гроннымъ правительствомъ. Его вмѣстѣ съ Александромъ Ламетомъ обвинили въ роялистскомъ заговорѣ. Онъ болѣе года пробылъ въ тюрьмѣ и наконецъ, тридцати двухъ лѣтъ отъ роду, погибъ на эшафотѣ (30-го ноября 1793).

Рѣшеніе въ пользу неприкосновенности короля было послѣднимъ усиліемъ и успѣхомъ консервативной партіи. Вскорѣ послѣ того она совсѣмъ разсѣялась. Главные члены ея бѣжали за границу, предоставивъ короля его собственной участи.

Въ числѣ ихъ были два человѣка, которые могли бы быть опасными противниками даже для самого Мирабо. Казалось, блестящій кавалерійскій офицеръ, исполненный мужества и прямоты, еще въ началѣ революціи подстрекалъ своихъ братьевъ-аристократовъ къ противодѣйствію новымъ идеямъ и въ то же время къ сопротивленію королю, власть котораго онъ намѣревался спасти, даже противъ его собственной воли. Совѣты его были оставлены безъ вниманія. Тогда онъ поступилъ въ національное собраніе, но и тамъ продолжалъ постоянно защищать право церкви и трона.

Еще съ большимъ успѣхомъ возставалъ противъ революціи аббатъ Мори (Maury). Какъ Мирабо былъ главой либераловъ, такъ онъ былъ руководителемъ консерваторовъ. Сынъ сапожника, онъ сумѣлъ приобрѣсти утонченныя манеры придворнаго крута и достигъ высокихъ церковныхъ почестей. Одно его аббатство

приносилъ ему ежегодный доходъ въ двадцать тысячъ ливровъ. Въ качествѣ депутата отъ духовнаго сословія, онъ не замедлилъ обратить на себя вниманіе національнаго собранія своими обширными свѣдѣніями, діалектическими способностями, краснорѣчіемъ и рѣзкими возраженіями, которыя многихъ заставляли его бояться. Привычка говорить съ церковной катедры придавала ему нѣкоторую торжественность и сдержанность въ способѣ выраженія, но это не мѣшало ему по временамъ дѣлаться колкимъ, и даже оскорбительнымъ. Онъ никогда не уставалъ говорить. Его громкого голоса не заглушала никакой шумъ, и онъ всегда покрывалъ крики противниковъ, и въ залѣ, и на галлереяхъ. Къ тому же, послѣдствія не рѣдко оправдывали его слова. Онъ между прочимъ вставалъ противъ проекта о несмѣняемости судей и противъ системы ассигнацій, которую Мирабо усердно поддерживалъ. Въ пылу доказательствъ Мори бросилъ въ собраніе нѣсколько банковыхъ билетовъ временъ Лау, которые два поколѣнія тому назадъ сдѣлали во Франціи столько несчастныхъ. «Вотъ эти проклятыя бумаги,—воскликнулъ онъ,—на которыхъ еще не высохли слѣды слезъ и крови нашихъ дѣдовъ!» Во многихъ важныхъ вопросахъ онъ старался противоdѣйствовать стремленіямъ новаго времени и, къ сожалѣнію, рѣдко бывалъ такъ правъ, какъ въ предъидущемъ случаѣ.

«Онъ каждый день терпѣлъ пораженія,—говорить о немъ Мармонтель,—и каждый день снова выступалъ съ оружіемъ въ рукахъ, повидимому, нисколько не сознавая ни своего пораженія, ни опасностей, какимъ ежеминутно подвергался. Крики и брань обезумѣвшей отъ ярости черни никогда его не смущали. Онъ улыбался на угрозы со стороны народа; на оскорбленія, сыпавшіяся на него съ галлерей, отвѣчалъ шутками или смѣлыми выходами и невозмутимо продолжалъ борьбу».

Но аббатъ Мори вовсе не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые всегда остаются вѣрны своимъ убѣжденіямъ и ради торжества любимой идеи готовы на всѣ жертвы. Въ характерѣ его и образѣ мыслей не было ничего возвышеннаго. Онъ любилъ хорошо пожить и отстаивалъ права своего сословія изъ честолюбивыхъ цѣлей и личныхъ расчетовъ. «Я или погибну, или добуду себѣ кардинальскую шапку», сказалъ онъ, когда его въ іюлѣ 1789-го г., во время его первой попытки къ побѣгу, задержали на границѣ и вернули въ національное собраніе. Его надежды сбылись. По обнародованіи французской конституціи, онъ вторично бѣжалъ, достигъ Рима и въ послѣдствіи былъ однимъ

изъ тѣхъ кардиналовъ, которые оказали наиболѣе услугъ императору Наполеону.

Съ открытіемъ законодательнаго собранія въ великой драмѣ революціи начался новый актъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и краснорѣчіе получило другое направленіе. На трибуну выступили совсѣмъ иные люди. Мирабо, Мори, Барнавъ, Казалесь исчезли. На первый планъ выдвинулись талантливые представители Жиронды, каковы: Верньо, Гаде, Жансонне. Съ другой стороны начали входить въ силу сторонники «горы», которые все съ большимъ и большимъ вниманіемъ прислушивались къ рѣчамъ Дантона и Робеспьера.

Время было смутное, странѣ угрожали внѣшніе враги, а внутри ея новый порядокъ вещей имѣлъ много противниковъ. Король и его приближенные считались подозрительными, и различныя партіи съ каждымъ днемъ недоувѣрчивѣе относились одна къ другой. Неудивительно, если всеобщее настроеніе умовъ становилось все возбужденнѣе, а требованія общества энергичнѣе и грознѣе. Время благороднаго энтузіазма давно миновало, волны революціи вздымались все выше и выше. Законодатели прибѣгали къ немнѣвѣрнымъ усиліямъ, чтобъ держаться на поверхности бурнаго потока.

Въ законодательномъ собраніи говорилось больше, чѣмъ въ конституціонномъ. Произносимыя тамъ рѣчи отличались, можетъ быть, большей округленностью и внѣшней отдѣлкой, но часто не заключали въ себѣ почти ничего, кромѣ фразъ, цѣль которыхъ была ласкать слухъ. Иначе развѣ могъ бы Верньо, говоря о приготавлившемся празднествѣ въ ознаменованіе новаго братскаго союза, которому правительство угрожало помѣшать,—могъ ли бы онъ декламировать о «черствости сердца, съ какою отталкивались объятія?» Если Мирабо игралъ первую роль въ конституціонномъ собраніи, то Верньо, безспорно, превзошелъ всѣхъ ораторовъ законодательнаго собранія. Но Мирабо превосходилъ своего противника какъ широтой государственныхъ взглядовъ и рѣшимостью, такъ и краснорѣчіемъ. Онъ умѣлъ говорить просто, ясно и убѣдительно, не говоря уже о способности увлекать и воодушевлять, какою обладалъ въ высшей степени. Но онъ не былъ риторомъ; онъ не говорилъ только для того, чтобъ говорить, не старался округлять своихъ періодовъ, а шелъ прямо къ цѣли, которую всегда ясно имѣлъ передъ глазами. Верньо былъ менѣе всего государственнымъ человекомъ; произнося рѣчь, онъ полагалъ, что исполнилъ всѣ свои обязанности. Ему и въ голову не приходило дѣйствовать и смѣло вступать въ борьбу съ противникомъ.

Находчивый, талантливый, краснорѣчивый, онъ съ одинаковымъ искусствомъ произносилъ всякаго рода рѣчи. То спокойный и рѣзкій, то убѣдительный и порывистый, онъ производилъ сильное впечатлѣніе на слушателей. Но въ рѣчахъ его всегда чувствовалось присутствіе искусства; видно было, что онъ старался округлять періоды и сообщать цвѣтистость языку. Онъ любилъ щеголять контрастами, перемѣшивая ихъ съ мнѣологическими воспоминаніями и ссылками на древнюю исторію. Такого рода способъ выраженія часто ставилъ оратора въ необходимость жертвовать главнымъ предметомъ своей рѣчи второстепеннымъ требованіямъ, и ради звучной фразы упускать случай убѣдительно подействовать на слушателей.

Къ замѣчательнѣйшимъ рѣчамъ Верньо принадлежитъ между прочимъ та, въ которой онъ, 25-го октября 1792-го г., жестоко порицалъ эмигрантовъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ также его мастерское изображеніе общаго положенія вещей во Франціи, въ его рѣчи, которую онъ произнесъ 3-го іюля того же года и главнымъ образомъ направленной противъ короля. Доказавъ, что эмигранты и иностранныя державы угрожали Франціи войною единственно съ цѣлью возратить королю его могущество и блескъ, онъ обращается къ Лудовику съ слѣдующимъ энергическимъ воззваніемъ:

«О король, ты, который, подобно Лизандру, не сомнѣваешься въ томъ, что истина ниже лжи, что людей слѣдуетъ забавлять клятвами, какъ дѣтей игрушками, — ты, который притворялся въ любви къ законамъ только для того, чтобъ удобнѣе обходить ихъ;... не думаешь-ли ты и нынѣ обмануть насъ лживыми обѣщаніями? Развѣ ты дѣйствительно защищалъ насъ, когда выставилъ передъ непріателемъ столь ничтожныя силы, что онѣ неизбежно должны были погибнуть? Развѣ ты защищалъ насъ и тогда, какъ отказался послѣдовать совѣтамъ, которые могли содѣйствовать къ развитію внутреннихъ силъ страны?... Для чего конституція поставила тебя во главѣ арміи?—Чтобъ навлекать на насъ славу, или позоръ? Для чего дала она тебѣ столько различныхъ правъ?— Не для того ли чтобъ ты, опираясь на нее, погубилъ и ее и государство? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Человѣкъ, не понявшій великодушія французовъ, увлекаемый страстью къ деспотизму,— ты не выполнилъ цѣли конституціи! Она, можетъ быть, падеть, но тебѣ не удастся пожать плодовъ клятвопреступленія... Ты ничто въ глазахъ оскорбленной тобой конституціи, — ничто и въ глазахъ народа, которому столь низко измѣнилъ!»

Даже и «горѣ» нечего было болѣе прибавлять къ такого

рода выходкамъ. Она предоставляла жирондистамъ говорить, а сама приготовлялась дѣйствовать. Монархія такимъ образомъ окончательно пала. Жирондисты, достигнувъ своей цѣли, несказанно радовались. Они полагали, что съ провозглашеніемъ республики имъ удалось осуществить свой идеалъ. Но вслѣдъ за побѣдой тотчасъ обнаружилась ихъ слабость. Нерѣшительные риторы, они ничего не могли сдѣлать безъ поддержки сторонниковъ «горы», которые внезапно изъ ихъ союзниковъ превратились въ враговъ. Борьба оказалась неровной и исходъ ея не подлежалъ сомнѣнію. Жирондисты пали, и Верньо вмѣстѣ съ своими приверженцами погибъ на эшафотѣ.

Съ водвореніемъ царства ужаса исчезли и печать и краснорѣчіе. Всякая оппозиція волѣ властителей строго преслѣдовалась и жестоко каралась. Ни Дантонъ, ни Робеспьеръ не отличались особеннымъ умѣньемъ говорить. Первый, впрочемъ, обладалъ нѣкоторыми качествами оратора, громкимъ голосомъ, энергіею выраженія и осанки, но ему не доставало образованія, логики и діалектики. Онъ былъ народный трибунъ, который однимъ мѣткимъ словомъ увлекаетъ массы, но не парламентскій ораторъ, имѣющій въ виду доказывать и убѣждать. Робеспьеръ съ своей невзрачной наружностью и слабымъ голосомъ еще менѣе былъ созданъ для трибуны. Онъ выражался ясно и обдуманно, но особенно въ первое время своей политической дѣятельности всегда оставался холоденъ и вялъ. Впослѣдствіи его рѣчи слушались съ напряженнымъ вниманіемъ, не столько изъ уваженія къ его таланту, сколько изъ страха къ системѣ, какою онъ руководствовался.

Еще немного, и во Франціи исчезло даже самое названіе парламентскаго краснорѣчія. Въ теченіи послѣдующихъ двадцати лѣтъ она слышала только военный громъ. Чтобъ свободное слово опять въ ней могло раздаваться, надо было совершиться новому перевороту, который снова измѣнилъ весь существовавшій порядокъ вещей.

V.

Говоря о французской литературѣ времени революціи, нельзя умолчать о вліяніи на умы періодической печати. Она, какъ и отражавшееся въ ней общество, представляла странную смѣсь высокихъ умственныхъ стремленій и крайней пошлости, благороднѣйшихъ порывовъ человѣческой души и самыхъ низкихъ страстей. Сегодня она проповѣдывала безкорыстіе и самоотверженіе, завтра защищала преступленія и разжигала ненависть.

Газеты начали существовать очень недавно. Прошло много времени съ изобрѣтенія книгопечатанія, прежде чѣмъ люди почувствовали потребность правильнымъ образомъ и постоянно слѣдить за ходомъ политическихъ событій. Въ средніе вѣка общество не нуждалось въ газетахъ, тогда какъ теперь можно сказать, что онѣ сдѣлались для образованныхъ націй такой же необходимостью, какъ для римлянъ зрѣлища цирка. Европейскіе и американскіе народы имѣютъ нынѣ общіе интересы, относительно цивилизаціи и прогресса; благосостояніе одной націи болѣе или менѣе тѣсно связано съ благосостояніемъ всѣхъ другихъ государствъ. Гатѣнъ въ своей превосходной исторіи печати ¹⁾ обращаетъ вниманіе читателя на замкнутую жизнь, какую въ былое время вели не только отдѣльные народы, но и каждая провинція, почти каждый городъ. Люди рѣдко переступали за границу своей родины. Государства, правда, и тогда были перерѣзаны большими торговыми путями, на которыхъ предприимчивые торговцы подвергали опасности свою жизнь и имущество, но это дѣлалось въ видѣ исключенія. Исторія тогдашнихъ международныхъ торговыхъ сношеній ясно показываетъ, какъ тогда каждый народъ жилъ своей особенной, исключительной жизнью.

Реформація впервые возбудила въ Европѣ интересы, общіе различнымъ народамъ. Повсемѣстно вспыхнувшая борьба протестантизма съ папствомъ вызвала живѣйшее участіе одной стороны къ другой. Хотя и тогда они могли обмѣниваться важными извѣстіями только посредствомъ легучихъ листовъ или частной переписки, но и это уже было шагомъ впередъ. Чувство общности между народами съ тѣхъ поръ постоянно росло, пока, наконецъ, мыслителямъ прошлаго столѣтія удалось окончательно разъяснить его и сдѣлать всеобщимъ новый взглядъ, какового до тѣхъ поръ держались только высшіе умы, на національности, вражду и зависть одной страны къ могуществу другой. Только съ этой минуты, когда созрѣла настоящая задача періодической печати, она и могла собственно возникнуть.

Первое появленіе газеты во Франціи относится къ срединѣ семнадцатаго столѣтія. Въ правленіе Людовика XIII и его всемогущаго министра Ришелье привлекали вниманіе сначала внутренняя борьба партій, а потомъ внѣшняя политика. Каждому интересно было знать о ходѣ событій, и облетавшіе всю Францію слухи, анекдоты и эпиграммы уже мало удовлетворяли общество, искавшее болѣе точныхъ и серьезныхъ свѣдѣній. Въ Парижѣ

¹⁾ Eugène Hatın, Histoire de la presse en France. 6 vol. Paris 1859.

существовали опредѣленные мѣста, гдѣ желавшіе могли выслушивать и сами сообщать другимъ разнаго рода извѣстія и новости, но такой способъ обмѣна мыслей былъ слишкомъ ограниченъ. Наконецъ, въ 1631 году, одному предпримчивому человеку пришло на мысль удовлетворить всеобщее любопытство изданіемъ печатнаго періодическаго листа, который предлагалъ бы публикѣ желаемыя свѣдѣнія. Это былъ Теофрастъ Ренодо. Онъ родился въ Луденѣ въ 1584 г. Въ Парижъ онъ первоначально явился въ качествѣ медика, но не нашедши почти никакой практики, открылъ школу, а потомъ завелъ адресную контору и агентство для всевозможныхъ справокъ. Это послѣднее предпріятіе ему удалось. Вскорѣ Ренодо сдѣлался центромъ огромнаго дѣлового круга съ множествомъ развѣтвленій и корреспондентовъ. Послѣдніе общались въ своихъ письмахъ между прочимъ и политическія извѣстія, вслѣдствіе чего контора Ренодо не замедлила превратиться въ мѣсто сборища праздныхъ людей всѣхъ сословій. Чтобы угодить имъ, Ренодо выбиралъ изъ получаемыхъ писемъ самыя интересныя мѣста, приказывалъ ихъ переписывать на отдѣльных листкахъ, а затѣмъ раздавалъ ихъ своимъ посѣтителямъ. Отъ переписыванія до печати оставался одинъ шагъ, и 30 мая 1631 г. дѣйствительно появился первый нумеръ газеты, вскорѣ получившей названіе «Французской газеты» (Gazette de France), которая, пройдя черезъ многіе фазисы и превратности, дошла до нашего времени и можетъ по справедливости назваться прародительницей всѣхъ періодическихъ изданій. Листокъ выходилъ разъ въ недѣлю и сначала состоялъ изъ одной, а потомъ изъ восьми страницъ. Предпріятіе это для того времени заслуживало не мало похвалы и было соединено со многими затрудненіями; ему приходилось бороться съ большимъ числомъ враговъ и завистниковъ. Первый нумеръ заключалъ въ себѣ извѣстія изъ Константинополя, Рима, Венеціи и другихъ большихъ городовъ, а также изъ Майнца и Франкфурта-на-Майнѣ отъ 14-го мая; — послѣднія, впрочемъ, представляли мало интереснаго. Въ началѣ Ренодо не осмѣливался печатать внутреннихъ извѣстій, какія сообщались ему изъ разныхъ концовъ Франціи. Для читателей они были бы особенно интересны, но для него самого опасны. Когда же онъ нѣсколько позднѣе рѣшился печатать корреспонденціи изъ нѣкоторыхъ французскихъ городовъ, то долгое время ограничивался одними описаніями празднествъ, минеральныхъ источниковъ или происшедшихъ дракъ. Но несмотря на столь невинное содержаніе своей газеты, Ренодо уже несъ на себѣ всѣ тягости журналиста. Онъ не разъ жаловался на невозможность угодить своимъ

читателямъ. «Солдаты, говорилъ онъ, ропшутъ, что я имъ слишкомъ мало рассказываю о сраженіяхъ и военныхъ походахъ; придворные находятъ недостаточными сообщаемыя мною свѣдѣнія о придворной жизни». Съ другой стороны, тѣ же придворные нѣредко преслѣдовали его и за то, что онъ, толкуя о нихъ въ газетахъ, какъ-бы унижалъ ихъ достоинство, а армія упрекала его, что онъ обходилъ молчаніемъ ея подвиги и тѣмъ самымъ лишалъ ее вполне заслуженной славы.

Ришелье вскорѣ понялъ, какую пользу онъ можетъ извлечь изъ предпріятія Ренодо, если дать ему привилегію на изданіе во Франціи политической газеты, сохранивъ за собой въ тайнѣ ея главное управленіе. И дѣйствительно, онъ не ошибся въ своемъ расчетѣ: «Газета» съ жадностью читалась не только во Франціи, но и при иностранныхъ дворахъ. Это обстоятельство кардиналъ часто употреблялъ на то, чтобъ дѣлать всѣмъ извѣстнымъ многое такое, чего не хотѣлъ помѣщать въ свои депеши. Должно полагать, что многія статьи по вопросамъ высшей политики прислались въ газету имъ самимъ.

Король Людовикъ XIII тоже иногда удостоивалъ дѣлаться сотрудникомъ Ренодо. Онъ, какъ извѣстно, не только во всемъ слушался кардинала, но также часто ссорился съ своей супругой. Всякій разъ, когда ему случалось быть недовольнымъ королевой и уступать ей,—а дѣло всегда оканчивалось этимъ,—онъ обращался для мнѣнія къ газетѣ. Рассказываютъ, будто въ такихъ случаяхъ онъ, переодѣтый, отправлялся къ Ренодо, и лично вручалъ ему свои статьи. Королевскіе труды большею частью заключались въ коротенькихъ извѣстіяхъ; имѣвшихъ въ виду сердить королеву. Въ нихъ передавались слухи о предстоящемъ будто бы разводѣ королевской четы или о другихъ тому подобныхъ крутыхъ мѣрахъ, но всегда чрезвычайно осторожно. Людовикъ XIII истинно наслаждался, когда его хитрость достигала цѣли. При этомъ онъ никогда не допускалъ призывать къ отвѣственности издателя газеты и королева принуждена была отложить свою месть до перехода въ вѣчность своего супруга. Тогда отъ Ренодо былъ немедленно потребованъ отчетъ. Но предусмотрительному издателю удалось оправдаться: онъ тщательно берегалъ рукописи своего высокаго покровителя и теперь предъявилъ ихъ. Король пришлось согласиться, что Ренодо не имѣлъ возвращать ненапечатанными статьи столь высокопоставленнаго сотрудника.

Газета такимъ образомъ была спасена, и хотя впоследствии на исключительное право изданія и потеряла свое

значеніе, однако листокъ отъ этого нисколько не пострадалъ, благодаря своему официальному характеру. Этотъ характеръ сохранилъ онъ до VIII года республики, т.е. до 1800 года, когда правительство избрало своимъ органомъ «Всеобщій Мониторъ» (*Moniteur universel*)¹⁾. «Французская Газета» за это время вообще представляетъ мало историческаго матеріала, потому что она говорила на своихъ столбцахъ только о тѣхъ событіяхъ и дѣйствіяхъ, которыя считала одобрительными. Такъ, напримѣръ, она въ іюлѣ 1789 года ни однимъ словомъ не упоминаетъ о взятіи Бастильи.

Гораздо болѣе интереса въ этомъ отношеніи представляетъ газета «Меркурій» (*Mercurie*), основанная въ 1672 году и въ 1724 превратившаяся въ «Французскаго Меркурія» (*Mercurie de France*). Въ годы, предшествовавшіе революціи, это была самая любимая и наиболѣе распространенная во Франціи газета. «Меркурій» долгое время имѣлъ до пятнадцати тысячъ подписчиковъ, несмотря на то, что его подписная цѣна доходила до 30 ливровъ въ годъ. Онъ не ограничивался одними сухими политическими извѣстіями, но заключалъ въ себѣ также литературный отдѣлъ, гдѣ были сотрудниками замѣчательные писатели въ родѣ Лагарпа, Мармонтеля и многіе другіе. Но правительство и на «Меркурія» смотрѣло, какъ на свою собственность. Изъ доходовъ его оно присвоило себѣ сумму въ тридцать тысячъ ливровъ, которую распредѣляло въ видѣ пенсій различнымъ писателямъ. Этимъ удобнымъ и недорогимъ для себя способомъ оно думало приобрести себѣ приверженцевъ и защитниковъ, но на дѣлѣ создало только рядъ льстецовъ и паразитовъ, которые, когда настала минута опасности, всѣ тотчасъ умолкли и разсѣялись.

Чѣмъ «Меркурій» былъ въ политическомъ и литературномъ отношеніи, тѣмъ «Журналъ для ученыхъ» (*Journal des Savants*) стремился сдѣлаться въ кругу ученой дѣятельности. Но, несмотря на свои значительныя силы и на свое вліяніе, онъ также не могъ завоевать себѣ полной независимости. Правительство не выпускало монополіи изъ своихъ рукъ и цензура была строга²⁾.

¹⁾ «Мониторъ» вышелъ въ первый разъ 20-го ноября 1789 въ форматѣ in-folio. Съ 3-го февраля 1790 г. къ нему былъ присоединенъ «Бюллетень» національнаго собранія, и съ тѣхъ поръ въ немъ постоянно появлялись самые подробные и вѣрные отчеты о засѣданіяхъ. Это было тѣмъ труднѣе, что журналисты не имѣли опредѣленныхъ мѣстъ въ залѣ собранія и часто вмѣстѣ съ остальной публикой по цѣлымъ часамъ стояли у дверей, ожидая минуты завоевать себѣ входъ. Въ IV году «Мониторъ» напечаталъ еще 71 добавочный номеръ, чтобъ пополнить весь рядъ засѣданій національнаго собранія, начиная съ открытія его и до 3-го февраля.

²⁾ Кто хотѣлъ открыто говорить противъ существовавшаго порядка вещей, тотъ долженъ былъ, или скрываться за границей, какъ Бриссо, который издавалъ жур-

Бто до революціи хотѣлъ разработывать текущіе вопросы и говорить съ обществомъ, тому надо было прибѣгать къ брошюрамъ, изданіе которыхъ было менѣе затруднительно. Такого рода небольшія сочиненія печатались тогда тысячами; они касались всевозможныхъ вопросовъ и читались съ жадностью. Съ открытіемъ національнаго собранія положеніе вещей нѣсколько измѣнилось. При необычайно быстромъ ходѣ событій, брошюры не могли болѣе удовлетворять требованіямъ публики. Каждый день имѣлъ теперь свою задачу, свое назначеніе, свой вопросъ, ожидавшій немедленнаго разрѣшенія. Съ каждымъ днемъ возникали новыя требованія, пробуждались новыя страсти. Въ то время люди жили и дѣйствовали скоро. Чтобы найтись посреди всего этого хаоса, произведеннаго наплывомъ новыхъ идей, постановленій и законовъ, которые въ нѣсколько недѣль измѣнили весь государственныи и общественныи порядоки Франціи, ей необходимо было постоянно слѣдить за ходомъ событій. Провинціи желали какъ можно скорѣе узнавать то, что совершалось въ столицѣ, и такимъ образомъ возникла ежедневная политическая печать.

Только тотъ можетъ составить себѣ вѣрное понятіе о первыхъ годахъ революціи, кто по газетамъ того времени прослѣдитъ всѣ быстрые переходы общества отъ одного настроенія къ другому. Вначалѣ всѣ были воодушевлены любовью къ человечеству и надеждой на лучшія времена. Идеалъ, который люди такъ долго носили въ сердцѣ, сомнѣваясь въ возможности его осуществить, казалось, готовъ былъ воплотиться въ дѣйствительную жизнь. Человѣчеству предстояло сдѣлать большой шагъ впередъ на пути умственнаго и нравственнаго развитія. Каждый хотѣлъ ближе видѣть столь необычайное явленіе, каждый стремился дѣлиться своими мыслями съ другими. Поэтому заря революціи, длившаяся весьма недолго, ознаменовалась возникновеніемъ множества всякаго рода газетъ. Цензура болѣе не осмѣливалась противиться этому движенію и, наконецъ, послѣ взятія Бастильи должна была совсѣмъ прекратить свои дѣйствія. До насъ дошло около тысячи названій періодическихъ изданій, которыя появились во Франціи въ короткій промежутокъ времени отъ мая 1789 г. до мая 1793 г. Списокъ этотъ еще далеко не полонъ. Въ 1790 г., когда печать освободилась отъ всякихъ наложовъ и стѣсненій, въ одномъ Парижѣ насчитывали до 64 газетъ. Самыя большія изъ нихъ, впрочемъ, не достигали размѣ-

ровъ нѣтъ ни одной французской газеты. За исключеніемъ «Монитера», почти всѣ выходили въ четвертую или восьмую долю листа.

Въ концертѣ, который составилъ изъ такого количества разнообразныхъ голосовъ, конечно, трудно было найти гармонію. Печать тоже только мало-по-малу привыкаетъ къ свободѣ и научается съ пользою располагать своими силами. Время предшествовавшее революціи было для нея плохой подготовкой, и потому большинство этихъ листовъ наполнялось жалкими произведеніями писавъ, которыхъ въ послѣдствіи даже Маратъ могъ упрекать въ невѣжествѣ. «Эти господа сдѣлали бы гораздо лучше, говорить онъ въ своемъ «Другѣ Народу», еслибъ, вмѣсто того, чтобъ писать, принудили національное собраніе позаботиться по крайней мѣрѣ о насущномъ пропитаніи тѣхъ, кого оно разорило для пополненія государственной казны».

Съ меньшей горечью отзываются о ихъ нравственной испорченности и одинъ изъ самыхъ выдающихся писателей той эпохи, Малле-дю-Панъ. «Писатели, жалуются онъ, не составляютъ болѣе почетнаго сословія, но представляютъ изъ себя безпорядочную, голодную толпу. Только немногіе изъ нихъ пользуются уваженіемъ; большинство же гибнетъ въ нищетѣ». Въ своемъ «Дневникѣ» (1785—1789 г.) онъ называетъ академіи и лицеи вредными учрежденіями, потому что они разжигаютъ страсть къ сочинительству и размножаютъ писателей. «Парижъ кипитъ молодыми людьми, которые извѣстнаго рода легкость писать принимаютъ за талантъ; писаря, сидѣльцы въ лавкахъ, адвокаты, солдаты,—всѣ хотятъ быть писателями, почти умираютъ съ голоду, не стыдятся просить милостыню—и выпускаютъ въ свѣтъ брошюры».

До начала революціоннаго движенія, свобода печати была вовсе незнакома газетамъ. Бриссо рассказываетъ, что онъ, изучивъ въ 1783 году положеніе англійскихъ колоній въ Индіи, хотѣлъ напечатать о нихъ статью въ своей газетѣ. Но, вмѣсто содѣйствія, онъ встрѣтилъ со стороны правительства безчисленное множество затрудненій. Корректурные листы должны были всякій разъ проходить чрезъ четыре департамента цензуры, и, въ заключеніе, оказывалось, что почти ничего изъ нихъ не оставалось для печати.

Мирабо и на этомъ пути первый показалъ примѣръ. Онъ, въ качествѣ депутата, основалъ газету, которую назвалъ: «Генеральные Штаты». Но цензура въ ту минуту была еще слишкомъ сильна, и онъ принужденъ былъ избрать для распространенія своихъ взглядовъ болѣе скромную форму — «Письма къ своимъ

«обирателямъ» (*Lettres à mes commettants*). Но съ паденіемъ Бастильи и съ торжествомъ революціи онъ не замедлилъ основать новую газету: «Провансальскій Вѣстникъ» (*Courtier de Provence*), которой уже нечего было опасаться со стороны министровъ. Цѣль этого «Вѣстника» была главнымъ образомъ распространять славу Мирабо и печатать его рѣчи. Но, несмотря на значительное число подписчиковъ въ провинціи, онъ остался почти безъ всякаго вліянія на умы. Мирабо былъ ораторъ, а вовсе не публицистъ.

Одновременно съ нимъ Бриссо основалъ своего «Французскаго Патриота» (*Patriote français*), въ которомъ открыто требовалъ республики на федеративныхъ началахъ, полагая, что въ независимости общинъ лежитъ основаніе великаго зданія національной свободы.

За ними послѣдовало множество другихъ листовъ. Въ первые три года революціоннаго движенія печать находилась, главнымъ образомъ, въ рукахъ двухъ партій, изъ которыхъ одна стояла за власть, другая за свободу, и обѣ вели между собой ожесточенную борьбу. Попытка создать третью партію, которая бы примиряла эти два крайнія начала, не имѣла успѣха. Сильныя арміи роялистовъ и республиканцевъ преслѣдовали одна другую въ частной жизни и въ публичной, съ церковной касседры и съ трибуны, въ театрѣ и даже на улицахъ. Никогда борьба не велась съ большимъ ожесточеніемъ, и печать совершенно естественно была вовлечена въ общій потокъ. Ею пользовались, чтобы все сильнѣе и сильнѣе раздувать пламя ненависти между партіями. Чего не могло сдѣлать живое слово въ политическихъ сборищахъ и въ засѣданіяхъ народныхъ представителей, то довершала печать, которая проникала повсюду, во всѣ города, общины и самыя уединенныя жилища.

Нападающіе всегда въ выгоду; революціонная печать въ этомъ качествѣ пользовалась гораздо большимъ вліяніемъ, чѣмъ роялистская, которая иной разъ находилась въ весьма затруднительномъ положеніи. Къ тому же, число читателей у послѣдней было несравненно меньше. Всѣ строго-консервативные листки, взятые вмѣстѣ, имѣли не болѣе двадцати тысячъ подписчиковъ, тогда какъ одна только газета противной партіи, «Парижская революція» (*La révolution de Paris*), ежедневно расходилась въ десять разъ большимъ количествомъ экземпляровъ. Газета эта выходила еженедѣльно и имѣла около пятидесяти печатныхъ страницъ. Она разсуждала о событіяхъ дня не только съ большимъ знаніемъ дѣла, но даже и съ некоторымъ безпристрастіемъ. Главнымъ редакторомъ ея былъ молодой человѣкъ, уроженецъ южной Франціи, Элизе Лу

стало, одинъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ революціи и преданныхъ сыновъ Жиронды. Многие могли превосходить его силой таланта, блескомъ краснорѣчія и искусствомъ, но никто не могъ быть честнѣе его и тверже въ своихъ патріотическихъ стремленіяхъ. Въ эпоху самаго крайняго возбужденія страстей, ему удалось сохранить ясность взгляда и сужденій не только о настоящемъ, но и о будущемъ. Уже въ августѣ 1789 года онъ предостерегалъ общество отъ слишкомъ большой довѣрчивости и непоследовательности. «Мы быстро перешли отъ рабства къ свободѣ, писалъ онъ, но еще быстрѣе стремимся отъ свободы обратно къ рабству. Похвалы, какими осыпаютъ народъ за его подвиги, только усыпляютъ его; къ тому-же его слишкомъ много забавляютъ праздниками, процессіями и мундирами». Въ учрежденіи національной гвардіи онъ видѣлъ новую опасность и предсказывалъ скорое водвореніе еще худшаго деспотизма, хотя, можетъ быть, въ другомъ видѣ, чѣмъ тотъ, отъ котораго только-что избавились. Дѣйствія національнаго собранія его вообще мало удовлетворяли; несмотря на его самопожертвованіе, онъ находилъ его еще слишкомъ феодальнымъ, слишкомъ мало народнымъ.

Къ сожалѣнію, Лустало погибъ слишкомъ рано. Онъ умеръ въ сентябрѣ 1790 года, на двадцать восьмомъ году жизни, отъ горя при извѣстіи о страшныхъ, кровавыхъ событіяхъ въ Нанси, которыя раскрыли передъ нимъ всю глубину пропасти, куда было готово упасть общество.

Гораздо болѣе революціонный отъѣнокъ носилъ еженедѣльный журналъ, который съ 1789 года издавалъ Камилль Демуленъ, подъ заглавіемъ: «Французскія и брабантскія революціи». Упомянемъ также о «Французскомъ Вѣстникѣ» (*Compteur français*), изъ котораго заимствовала свои политическіе взгляды Шарлотта Кордэ;—о «Другѣ народа» (*L'ami du peuple*), Марата, который своей необузданностью и страстностью превосходилъ всѣ остальные изданія подобнаго рода, — и о грязномъ листѣѣ Фрерона, извѣстномъ подъ именемъ «Народный ораторъ». Эти періодическія изданія представляютъ собой рядъ наиболѣе распространенныхъ произведеній революціонной печати.

Съ такими врагами не легко было бороться. Роялистской печати слѣдовало бы держать себя съ достоинствомъ и повозиться о томъ, чтобъ расширить кругъ своихъ читателей посредствомъ умныхъ увѣщаній и благоразумныхъ уступокъ правильнымъ требованіямъ времени. Чѣмъ меньше ея представители были способны вѣряться на улицахъ силами съ приверженцами Марата, тѣмъ болѣе надо было имъ постараться приобрести вліянія посреди сво-

войной и болѣе миро-настроенной части народа. Но родившіяся газеты ничѣмъ не оказались лучше террористскихъ. «Другу народа» былъ противопоставленъ подъ редакціей аббата Ройу (Rouy) «Другъ короля» (l'Ami du Roi). Рядомъ съ нимъ сражались: «Журналъ для двора и города» (le Journal de la cour et de la ville), «Копѣчный журналъ» (le Journal à deux liards), «Королевскій журналъ» и такъ-называемыя «Дѣянія Апостоловъ» (Les Actes des Apôtres). Последнія заслуживаютъ особеннаго вниманія. Въ числѣ замѣчательныхъ сотрудниковъ этой газеты былъ остроумный, но легкомысленный Ривароль, который легкую шутку и насмѣшку называлъ «аристократизмомъ ума». Его меткія эпиграммы и жестокія выходки противъ героевъ дня всегда глубоко уязвляли его противниковъ. Кромѣ него въ редакціи «Дѣяній Апостоловъ» участвовали Мунье, Лалли-Толлендаль, аббатъ Мори и Мирабо младшій, прозванный «бочкой». Но настоящимъ основателемъ и издателемъ газеты былъ нѣкто Пеллетье, человѣкъ весьма дурной репутаціи, носившій между прочимъ званіе посла, при англійскомъ дворѣ, его величества короля острова Гаяти Кристофа. Шатобрианъ утѣшаетъ, будто онъ все свое состояніе превратилъ въ сахарныя головы и пропилъ на шампанскомъ. О передовой личности этой маленькой роялистской арміи, объ остроумномъ, блестящемъ и легкомысленномъ Сюло, мы будемъ имѣть случай говорить послѣ.

Разсказываютъ, что всѣ эти люди собирались въ одномъ ресторанѣ Пале-Рояля и тамъ писали «Дѣянія Апостоловъ». Уже самое названіе было насмѣшливой, направленной противъ депутатовъ, «апостоловъ и провозвѣстниковъ новой свободы». За ужинами, подъ влияніемъ винныхъ паровъ, они вели между собой оживленный разговоръ съ перекрестнымъ огнемъ самыхъ злыхъ и острыхъ нападокъ на противниковъ. Одинъ изъ собесѣдниковъ записывалъ все что говорилось, и это служило матеріаломъ для слѣдующаго нумера газеты. Но революцію также мало можно было побороть подобнымъ оружіемъ, какъ и ожесточенными нападениями, къ какимъ прибѣгала роялистская печать.

Такого рода люди не были въ состояніи ни остановить бурный потокъ, ни успѣшно бороться съ крайними требованіями времени. Ихъ главная слабость заключалась въ томъ, что они стремились противодействовать не однимъ только излишествами революціи, но и самымъ скромнымъ проявленіямъ прогресса. Ни одинъ даже очень умѣренный либераль не могъ идти съ ними вмѣстѣ. Какъ слѣпые, сбившіеся съ пути, они бросались во всѣ стороны, имѣя въ виду одинъ идеалъ — прошедшій блескъ роялизма и веселое житье. Они осыпали самими развѣтлыми

насмѣшками предводителей враждебной партіи и получали за то награду въ похвалахъ и улыбкахъ, съ какими встрѣчались въ аристократическихъ салонахъ ихъ жестокия выходки. Но этимъ и кончилось ихъ торжество. Народъ, въ руки котораго перешла власть, и не узналъ о существованіи этихъ газетъ, если же иногда и попадался ему на глаза какой-нибудь отдѣльный номеръ, то онъ только еще болѣе воспламенялъ его ненавистью и злобою.

Роялистскія газеты были первыми, которыя прибѣгли къ кровавымъ угрозамъ и стали взывать къ грубой силѣ. Онѣ открыто проповѣдовали междоусобную войну, совѣтовали конфискаціи и тѣмъ подрывали къ себѣ всякое довѣріе. «Дѣянія Апостоловъ» въ одно прекрасное утро потребовали, въ виду, по ихъ мнѣнію, неизбежной контръ-революціи, шестьсотъ головъ главѣйшихъ народныхъ предводителей. Они научали иностранныя войска, стоявшія близъ границъ Франціи, какъ удобнѣе проникнуть въ Парижъ и печатали письма эмигрантовъ, въ которыхъ тѣ открыто выражали надежду на успѣхъ чужеземнаго оружія и угрожали, въ случаѣ своего возвращенія, въ свою очередь устроить другое потѣшное *са ira*. Тѣ же «Дѣянія Апостоловъ» въ пѣсняхъ легкаго содержанія выражали желаніе, чтобъ во Франціи было воздвигнуто пятнадцать тысячъ висѣлицъ, которыя «служили бы доказательствомъ вротости и мудрой бдительности императора»; — они прямо искали опоры у германскаго императора. «Журналъ для двора и города» совѣтовалъ національной гвардіи не терять времени, но, быстро ввязавшись за оружіе, броситься на явобинцевъ и перебить ихъ всѣхъ до одного человѣка. Что же удивительнаго, если противники еще превозносили эти угрозы и лишь только достигли власти, то поспѣшили привести ихъ въ исполненіе?

Въ жалкой полемикѣ этой печати уже явно рисовался страшный образъ междоусобной войны.

Роялистскія газеты, кромѣ того, стояли огромныхъ денегъ. Монморенъ самъ сознавался, что онъ въ короткое время своего министерства выдалъ семь милліоновъ на подкупъ явобинцевъ, журналистовъ, ораторовъ. Мирабо, и тотъ далъ себя подкупить! Между тѣмъ, какъ дворъ такимъ образомъ сыпалъ деньгами съ одной стороны, съ другой герцогъ орлеанскій не щадилъ своихъ сокровищъ, чтобъ составить вокругъ себя партію и устроить народное возстаніе. Никто изъ нихъ не хотѣлъ понять, что купленные люди не стоятъ потраченныхъ на нихъ денегъ и что тотъ, кто употребляетъ чернь для обмана націи, рѣдко достигаетъ цѣли и никогда не получаетъ прочныхъ результатовъ.

Между этими двумя партиями, осыпавшими друг друга бранью и клеветами, существовали еще, такъ-называемые, конституционные листки. Къ числу ихъ принадлежали: «Французскій Меркурій», выходившій подъ редакціей Малле-дю-Пана, и газеты, издававшіяся клубомъ des Feuillants. Между послѣдними особеннаго вниманія заслуживаетъ парижскій журналъ («Journal de Paris»), гдѣ печатались свои сочиненія несчастный Андре Шенье.

Но для возбужденнаго настроенія умовъ еще недостаточно было всѣхъ этихъ газетъ, и каждый день непременно являлось на свѣтъ еще множество брошюръ политическаго содержанія, уже одни названія которыхъ должны были подстрекать любопытство читающей публики. Приводимъ для примѣра нѣсколько такихъ заглавій. «Если я не правъ,—пусть меня повѣсятъ!» «Открытие великаго заговора». «Партія въ триктракъ между королемъ и національнымъ гвардейцемъ». «Вліяніе ассигнацій на цѣну хлѣба» и т. д. ¹⁾ Какъ въ наши дни улицы Флоренціи и Неаполя внезапно оживляются въ извѣстные часы появленіемъ продавцовъ газетъ, которые крикливымъ голосомъ предлагаютъ на углахъ свой товаръ,—такъ точно по улицамъ французской столицы сновали тогда тысячами разносчики всевозможныхъ періодическихъ изданій.

Но и этого было еще мало, и газетчики нерѣдко дрались за мѣсто на стѣнахъ, гдѣ прибывали свои листки. Такимъ образомъ, толпы народа могли даромъ читать на углахъ разнаго рода прокламаціи и воззванія. Талльенъ распространялъ этимъ способомъ свою газету: «Другъ гражданъ», на что его снабжали средствами клубъ якобинцевъ. Роялистская партія, съ своей стороны, вывѣшивала на домахъ свой «Крикъ пѣтуха», который издавался на казенныя деньги. При этомъ, конечно, дѣло также не обходилось безъ борьбы. Каждое утро, на зарѣ, появлялись на улицахъ работники съ безконечными свертками бумаги и украшали стѣны домовъ произведеніями этого особаго рода литературы. Имъ приходилось очень зорко наблюдать, чтобы никто не пачкалъ и не срывалъ ихъ листовъ. А то случалось нерѣдко, что поддразнивался работникъ изъ противоположнаго лагеря и наклеивалъ свою газету поверхъ той, которая тамъ уже красо-

¹⁾ „Si j'ai tort, qu'on me pend!“ „Grand complot découvert!“—„La chemise lavée“ (противъ монастырей)—„Aristocrate emprisonné!“—„Partie de trictrac du roi avec un garde national!“—Combat à mort!“—L'effet des assignats sur le prix du pain.“—Le premier pas à faire!“—La chasse aux monopoleurs sur le pain“ etc. etc. Duval, Mémoires de la Terreur.

валясь. Все это подавало поводъ къ спорамъ и разнаго рода траги-комическимъ сценамъ.

Въ теченіи трехъ лѣтъ царствовала во Франціи полная свобода печати, пока, наконецъ, она сама не пала одной изъ первыхъ жертвъ терроризма.

10-го августа 1792 года верховная власть, вслѣдствіе народнаго возстанія, перешла въ руки жирондистовъ и представителей партіи «Горы», которые въ тотъ день заключили между собой союзъ. Людовикъ XVI былъ перевезенъ изъ Тюльери въ Тамплъ, гдѣ съ тѣхъ поръ и содержался въ заключеніи. Монархія пала, а съ ней вмѣстѣ и роялистская печать. Уже 12-го августа парижская община обнародовала приказъ, чтобы всѣ «отравители общественнаго мнѣнія», издатели анти-революціонныхъ газетъ, были немедленно арестованы, а ихъ типографіи предоставлены патріотамъ. Почтовое управленіе обязано было впередъ задерживать всѣ «подозрительныя» листки. Такимъ образомъ исчезъ цѣлый рядъ роялистскихъ и умѣренныхъ журналовъ, а въ числѣ ихъ и «Французскій Меркурій».

Съ той поры свободное выраженіе мнѣній кончилось и печать потеряла почти всякое вліяніе и значеніе. Лишенная права заниматься разработкой общественныхъ вопросовъ, она падала все ниже и ниже, пока, наконецъ, превратилась въ арену, гдѣ происходила недостойная борьба изъ-за чисто личныхъ интересовъ. Къ тому же, якобинцы энергическими мѣрами, въ каковыхъ они прибѣгли для уничтоженія враждебной имъ печати, подали примѣръ, которымъ послѣдующіе правители не преминули слишкомъ охотно воспользоваться.

Съ августа 1792 года до іюля слѣдующаго года еще длилась борьба между жирондистами и якобинцами. Первые, съ водвореніемъ во Франціи республики, достигли своей цѣли и хотѣли въ свою очередь остановить бурный потокъ. Извѣстно, какъ тщетны были ихъ усилія. Всворѣ листки Робеспьера, Марата и Фрерона съ такимъ же ожесточеніемъ обратились противъ жирондистовъ, съ каковымъ эти друзья свободы сами еще такъ недавно нападали на аристократовъ. Въ мартѣ 1793 г. Конвентъ угрожалъ авторамъ сочиненій, направленныхъ противъ участія народа въ управленіи страной, смертной казнью, а распространителямъ такихъ «вредныхъ» произведеній тремя мѣсяцами тюрьмы и до двухъ лѣтъ каторжной работы. Правительственные комиссары и республиканскіе провонсулы, разосланные въ провинціи, предписывали, какія газеты могутъ безнаказанно читаться и какія нѣтъ.

Партія жирондистовъ погибла въ октябрѣ. Гильотина быстро

останавливала всякое сопротивление или малѣйшій намекъ на него. Еще держались только журналы, открыто поддерживавшіе систему терроризма.

То было золотое время для «Отца Дюшена» (Père Duchesne). Такъ назывался листокъ самаго низкаго разряда, превзошедшій даже кровавыя стремленія Маратова «Друга народа». «Отецъ Дюшень» былъ не что иное, какъ народная воображаемая личность, нѣчто въ родѣ арлекина, грубый и неотесанный, гончаръ по ремеслу, который всѣмъ рѣзалъ правду въ лицо и пересыпалъ свою рѣчь самыми непристойными ругательствами. Имя этого народнаго представителя было дано извѣстному листку, который Геберъ издавалъ уже съ 1790 г., но который вошелъ въ силу только съ водвореніемъ террора. Геберъ, по смерти Марата, занялъ его мѣсто и, если возможно, превзошелъ его своей жестокостью. Издаваемый имъ журналъ сдѣлался тогда чѣмъ-то въ родѣ официального органа. По приказанію Конвента онъ, въ числѣ пятидесяти тысячъ экземпляровъ, разсылался по общинамъ и въ армію, чтобы содѣйствовать ея «политическому» образованію. Одинъ нумеръ газеты предназначался на каждую сотню солдатъ. Нѣсколько позже Камилль Дюмуленъ осмѣлился упрекнуть Гебера въ обманѣ, говоря, что онъ печатаетъ меньшее число экземпляровъ, чѣмъ имѣетъ подписчиковъ. Но Геберъ хотѣлъ не только жить, но и хорошо жить. Онъ былъ истый эпикуреецъ съ изящными аристократическими манерами, бѣлокурый, съ нѣжнымъ лицомъ и голубыми глазами. Трудно повѣрить, чтобъ изъ-подъ его пера выходили кровавыя статьи, наполнявшія столбцы «Отца-Дюшена», заглавная виньетка котораго изображала самого этого Дюшена, съ искаженнымъ лицомъ, угрожающаго смертью стоявшему передъ нимъ на колѣнахъ аббату. Но противорѣчіе выступаетъ еще рѣзче, если вспомнить, что этотъ народный трибунъ, покровитель бѣдныхъ и угнетенныхъ, оставилъ послѣ своей смерти состояніе въ два милліона, нажитое имъ въ самое короткое время.

Правленіе Робеспьера представляетъ длинный рядъ кровавыхъ дѣлъ, жестокостей и разореній; но въ исторіи литературы ему нѣтъ мѣста. Даже такой воплощенный революціонеръ, какъ Камилль Дюмуленъ, и тотъ былъ смущенъ этой системой крайностей. Онъ осмѣлился возвысить голосъ въ пользу кротости и за то, вмѣстѣ съ Дантономъ, взмошелъ на эшафотъ. По смерти Робеспьера измученная страна, наконецъ, легче вздохнула и въ ней пробудилась надежда на болѣе спокойныя времена.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЙ

ОТЪ ДВАДЦАТЫХЪ ДО ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

Историческіе очерки.

IX *).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ предыдущемъ изложеніи конечно далеко не исчерпана исторія литературныхъ мнѣній избраннаго періода, обозначены только главнѣйшія черты этой исторіи, нѣкоторыя стороны ея едва затронуты, но существенный смыслъ литературнаго движенія уже сказывается и въ тѣхъ фактахъ, какіе были здѣсь приведены, если обратить вниманіе на послѣдовательную связь явленій, на отношеніе литературы къ массѣ общества и на отношеніе литературныхъ школъ сороковыхъ годовъ къ послѣдующему періоду.

Несомнѣнно, во-первыхъ, что указанный ходъ литературы былъ послѣдовательный и прогрессивный, въ томъ смыслѣ, что чужія формы все больше и больше устраниются, что литература все тѣснѣе и тѣснѣе примыкаетъ къ жизни, и содержаніе ея съ каждой новой ступенью становится все глубже и серьезнѣе.

Въ двадцатыхъ годахъ еще сохраняются остатки старинной псевдо-классической школы, но господствуетъ романтизмъ, съ чужой

*) См. выше: 1871, май, 233; сент. 301, дек. 455; — 1872, май, 145; ноябрь, 47; дек. 618; — 1873, апр. 471; май, 223 стр.

формой и съ большимъ количествомъ чужого содержанія. Какъ литературная форма, нашъ романтизмъ былъ шагомъ впередъ противъ старой школы, но по понятіямъ общественнымъ онъ былъ въ сущности консервативенъ. Правда, пушкинская школа въ первое время была нѣсколько склонна къ политическому либерализму, отчасти подъ байроновскими впечатлѣніями, отчасти подъ вліяніемъ того круга, съ которымъ Пушкинъ въ молодости былъ дружески связанъ; но вскорѣ, она покинула свои первые увлеченія и стала чисто консервативной. За Пушкинымъ остается великая заслуга, что съ него начинается первая возможность истиннаго сближенія поэтической литературы съ жизнью, что въ немъ впервые масса общества находила дѣйствительнаго поэта, который затронулъ долго гложувшіе въ ней и не развивавшіеся поэтическіе интересы, что въ его поэзии впервые являлись вѣрныя черты народнаго быта, преданій и исторіи: въ художественномъ развитіи литературы, дѣятельность Пушкина стала эпохой. Но со стороны общественнаго содержанія пушкинская школа еще мало отдѣлилась отъ прежняго преданія и отличалась отъ него только тѣмъ, что переживши свой періодъ увлеченій, познавѣившіеся отчасти съ возможностью иныхъ взглядовъ, она хотѣла теперь являться сознательно - консервативной, хотѣла поддерживать свою точку зрѣнія какъ обдуманную, снабженную аргументами теорію, а въ понятіяхъ художественныхъ имѣла уже гораздо болѣе высокое, хотя еще очень отвлеченное, представленіе о нравственномъ достоинствѣ искусства.

Это былъ исходный пунктъ. Въ литературѣ уже скоро обнаруживается движеніе болѣе критическаго и прогрессивнаго характера, различными нитями связанное съ политическимъ либерализмомъ двадцатыхъ годовъ, или, точнѣе, съ тѣмъ общимъ настроеніемъ, изъ котораго этотъ либерализмъ произошелъ. Для политическихъ интересовъ, въ разсматриваемомъ періодѣ, и особенно въ его началѣ, не было никакого мѣста; но въ образованнѣйшемъ литературномъ кругу не исчезло и, напротивъ, укрѣплялось возникшее въ прежнемъ періодѣ стремленіе выяснить общественные принципы, усвоить обществу понятія европейской образованности и т. д. Продолженіемъ и отголоскомъ либерализма двадцатыхъ годовъ была, во-первыхъ, журнальная дѣятельность Полевого, которая въ свое время оставалась освѣжающимъ элементомъ въ наступившемъ глухомъ періодѣ общественной жизни. Такимъ отголоскомъ былъ, во-вторыхъ, скептицизмъ Чаадаева. Наконецъ, болѣе отдаленнымъ, но очень живымъ отголоскомъ были упомянутыя нами прежде мнѣнія одного изъ

московскихъ кружковъ въ тридцатыхъ годахъ, уже тогда принявшаго политическое направленіе. Но, независимо отъ этихъ болѣе или менѣе замѣтныхъ связей разсматриваемаго періода съ предыдущимъ, во всемъ общемъ составѣ литературы развивалась очевидная наклонность къ изученію общественныхъ отношеній, въ весьма различныхъ, несходныхъ и повидимому не имѣвшихъ между собою никакой связи отношеній.

Новыя литературныя школы, образовавшіяся въ московскихъ кружкахъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, въ началѣ далека отъ всякаго общественно-политическаго интереса и даже совершенно безучастны къ нему, мало-по-малу приходили къ нему, — очевидно было, что сознательная мысль общества, работа которой выразилась въ этихъ школахъ, съ какихъ бы отвлеченностей она ни начинала, не могла не придти въ концѣ-концовъ къ тому, что такъ или иначе становилось очереднымъ моментомъ развитія. Критика Бѣлинскаго, сначала теоретически и отвлеченно, потомъ въ самомъ реальномъ смыслѣ наставляла на необходимости изучать жизнь и дѣйствительность, и только въ ней находила истинное и глубокое содержаніе литературы. Съ «западнымъ» направленіемъ согласны были въ этомъ и славянофилы. Обѣ школы различно оцѣнивали непосредственную дѣйствительность, но одинаково считали ея изученіе истиннымъ содержаніемъ литературы, и одинаково видѣли свою цѣль въ развитіи общественнаго самосознанія; въ ихъ общественныхъ понятіяхъ было сходно понятіе о неправильности многихъ существующихъ отношеній, напр. крепостного состоянія, о необходимости поднять народную массу, нравственно и матеріально, о необходимости болѣе свободы для науки и для печатнаго слова и т. д.

Въ литературѣ ученой развиваются съ особенной силой интересы, которыхъ она до тѣхъ поръ почти не знала. Исторія, археологія и этнографія больше и больше обращались къ изученію народныхъ элементовъ. Любознательность археологическая и этнографическая мало-по-малу освѣщалась принципомъ болѣе широкимъ чѣмъ прежде, переходила въ увлеченіе, въ пристрастіе ко всему народному; довольно поверхностное сначала, несвободное отъ странныхъ преувеличеній, это пристрастіе переходило въ сочувствіе къ народу въ общественномъ смыслѣ, въ такое же убѣжденіе о ненормальности его гражданскаго положенія и необходимости измѣнить это положеніе въ смыслѣ болѣе благопріятномъ для нравственнаго достоинства того «народа», который былъ теперь упомянуть даже въ официальной программѣ русской жизни, и для развитія національнаго содержанія.

Наконецъ, параллельное явленіе того же рода происходило въ литературѣ поэтической, въ беллетристичѣ. Великое значеніе Гоголя состояло именно въ томъ, что въ его произведеніяхъ впервые являлась картина живой непосредственной дѣйствительности, изображенная съ такой правдивостью и такъ ярко, какъ этого еще не бывало въ русской литературѣ. Какъ мы видѣли, по теоретическимъ понятіямъ, даннымъ его образованіемъ, Гоголь былъ вполне человѣкомъ пушкинской школы, чисто консервативныхъ мнѣній; но по гениальной отгадкѣ, данной его талантомъ, его картина, вѣрно схватившая пошлыя стороны жизни, ея бѣдность и вмѣстѣ испорченность, приобретала смыслъ, далеко превывшій его собственныя теоретическія соображенія. Онъ самъ предчувствовалъ этотъ обширный смыслъ своего дѣла (это предчувствіе высказывается въ извѣстныхъ «лирическихъ мѣстахъ» Мертвыхъ Душъ), но по своей точкѣ зрѣнія не могъ опредѣлять его правильно. Отсюда вышелъ извѣстный разладъ, отрицаніе Гоголемъ своихъ собственныхъ произведеній,—фактъ, печальный въ его личной исторіи, но характеризующій положеніе вещей. Критика и наиболѣе серьезныя или впечатлительныя люди общества извлекли изъ его произведеній тотъ выводъ, который не былъ ясенъ самому автору: къ этому выводу приводили серьезныя наблюденія надъ жизнью, въ немъ соглашались понятія мыслящихъ людей. Этотъ выводъ былъ—ненормальное подавленное состояніе русской жизни, бѣдность общественныхъ интересовъ, недостатокъ образованности, необходимость преобразованій, которыя подняли бы нравственный и умственный уровень, устранили бы общественную несправедливость, тяготѣвшую надъ громадной частью всей націи.

Литература съ различныхъ сторонъ приходила къ мысли о народѣ; она проникалась любопытствомъ и сочувствіемъ къ его исторіи, къ его настоящему; хотѣла сблизиться съ нимъ, и на первое время старалась ознакомиться съ нимъ по крайней мѣрѣ тѣми средствами, какія были для нея возможны... Это было возвращеніе тѣхъ же идей, какія одушевляли лучшихъ людей двадцатыхъ годовъ,—но идей, очищенныхъ временемъ и развитыхъ новыми изученіями; онѣ были теперь болѣе или совершенно независимы отъ вліяній европейскаго либерализма, были болѣе свободны отъ платонической романтики, направлялись на дѣйствительные вопросы народнаго блага, приобретали настоящій общественный смыслъ.

Такимъ образомъ, ходъ того направленія литературы, за которымъ мы въ особенности слѣдили въ настоящихъ очеркахъ, былъ весьма послѣдовательнымъ развитіемъ одной основной идеи—

постепенно выроставшаго общественнаго сознанія, критики существующаго порядка вещей, интереса къ народной массѣ, какъ основанію національнаго цѣлаго. Все, что стояло внѣ этого направленія, не имѣло иного значенія, кромѣ значенія старой рутины, привычнаго продолженія отживавшихъ преданій; эти новыя стремленія, представляли собой результатъ развитія, совершенно естественный и логически законный въ общественномъ отношеніи, и имъ принадлежало будущее. Здѣсь была *правда*, требованіямъ которой должно было быть дано удовлетвореніе, для того, чтобы просто возможно было дальнѣйшее развитіе, и общественное, и національное.

Къ сожалѣнію, необходимость удовлетворить новымъ потребностямъ общества была признана только тогда, когда на это указало и объ этомъ напомнило внѣшнее потрясеніе, толчокъ, данный крымскою войною... Трудно сказать, сколько бы длилось прежнее положеніе вещей, безъ этого внѣшняго толчка.

Въ самомъ дѣлѣ, внѣшнее положеніе новой литературы было въ томъ періодѣ очень незавидно. Она встрѣчала пониманіе и сочувствіе только въ незначительномъ *меньшинствѣ* общества; въ остальной его части находила она или невниманіе, или положительную вражду и преслѣдованіе.

Это обстоятельство имѣетъ весьма существенную важность для правильной оцѣнки тогдашняго состоянія общественной мысли и вообще образованности. Противъ этого меньшинства было то большинство, понятія котораго выражались системой официальной народности. Мы видѣли выше общія черты этой системы; какимъ же образомъ эта система относилась къ новому порядку идей?

Говоря о литературѣ тѣхъ временъ, у насъ довольствуются обыкновенно замѣчаніями о строгости цензуры, которая въ особенности тяжело отзывалась на прогрессивной литературѣ; но цензура была только послѣдствіемъ цѣлаго характера господствовавшей системы, и самая система была не случайной принадлежностью одного извѣстнаго времени, или частнымъ взглядомъ отдѣльных лицъ, но именно была давно слагавшимся взглядомъ и выраженіемъ мнѣній огромнаго большинства общества.

По своимъ общимъ основаніямъ, система официальной народности была продолженіемъ давнишнихъ общественныхъ понятій, которыя въ этомъ періодѣ получили только извѣстную законченность, сведены были въ одно цѣлое. Это были старинныя понятія патріархальнаго общества, мало затронутыя реформой. На-

слѣдіе еще до-петровской старины, они идутъ черезъ все восемнадцатое столѣтіе, до самаго новаго времени, мало измѣняясь при новыхъ формахъ государственнаго управленія, при новыхъ обычаяхъ и правахъ общества... Реформа Петра, которая вносила столько новаго въ темную жизнь древней Руси и которой, безъ сомнѣнія, принадлежитъ та заслуга, что въ ней были первые ростки дальнѣйшихъ умственныхъ успѣховъ, — эта реформа, въ ближайшемъ смыслѣ, почти нисколько не измѣнила понятій объ отношеніяхъ общественныхъ. Петръ могъ ставить интересъ государства, силу закона выше собственнаго интереса и собственной силы, но его примѣръ не былъ принятъ обществомъ, которое привыкло къ личному господству и къ личному произволу власти. Петръ нашелъ государство деспотическимъ, и такимъ же оставилъ его. Понятія общества остались неизмѣнны, хотя бы можно было ждать, что заявленная Петромъ мысль о господствѣ государственнаго интереса надъ личнымъ авторитетомъ получить свое значеніе, что заявленная имъ необходимость науки будетъ признана и наука будетъ оказывать свое дѣйствіе на умы... Результатъ этого рода явился только довольно поздно.

Въ то время, о которомъ мы говоримъ, стали думать, однако, что петровская реформа уже совершила свой цѣль, что она исчерпана, что для русской жизни наступаетъ періодъ другихъ началъ, періодъ самобытнаго, независимаго развитія. Это была собственно та новая мысль, которая проводилась въ системѣ официальной народности, какъ она понималась въ разсматриваемомъ періодѣ: эта прибавка и отличала систему отъ правительственныхъ взглядовъ прежняго времени и составляла ея особенность. Мысль о томъ, что реформа завершалась, была, впрочемъ, довольно распространена. Такъ думали и люди, слѣдовавшіе системѣ официальной народности, и люди новаго, критическаго направленія; только тѣ и другіе понимали это каждый по-своему. Первымъ казалось, что намъ нечему учиться у Европы собственно потому, что она преисполнена заблужденій и порчи умственной, нравственной и политической, и что начала нашей жизни несравненно лучше и выше. Вторые думали, что намъ нельзя оставаться подражателями Европы, потому что и самимъ пора работать надъ началами ея цивилизаціи, примѣнить которыя къ нашей жизни можемъ только мы сами; что намъ, усвоивая европейскую образованность, — высшую, какою только достигло человѣчество, — пора внести въ ея запасы и собственный нашъ вкладъ; по мнѣнію нѣкоторыхъ, этотъ вкладъ былъ уже и готовъ... Первые высказывали точку зрѣнія большинства и принадлежащаго ему уровня образованности; въ ихъ мнѣ-

ніяхъ отражалось то иногда грубое, иногда наивное высочайшее, съ какимъ тогда очень часто смотрѣли у насъ на западную Европу,—на основаніи того военного преобладанія, которое дѣйствительно тогда было и шаткости котораго еще не предвидѣли. Вторые выражали взглядъ меньшинства; онъ могъ быть относительно вѣренъ для тѣхъ немногихъ, образованнѣйшихъ людей, которые дѣйствительно стояли на уровнѣ европейской науки и могли относиться къ ней съ извѣстной самостоятельностью,—но онъ былъ крайне ошибоченъ и совершенно неприменимъ къ массѣ общества...

На дѣлѣ, положеніе образованности было далеко не таково; и если первая точка зрѣнія была очевиднымъ заблужденіемъ, то и вторая была крайне преувеличена.

Занятіе европейской образованности, которое подразумевали говоря о реформѣ Петра, далеко не могло считаться дѣломъ завершеннымъ во второй четверти нашего столѣтія.

Въ теченіе XVIII-го столѣтія, какъ мы замѣтили, не измѣнились почти нисколько и характеръ общественныхъ понятій. Измѣнились только внѣшнія формы. Прежде чѣмъ образованіе могло распространиться настолько, чтобы водворить нѣкія общественныя понятія, все дѣло реформы, веденной принудительными средствами, только укрѣпляло старыя формы власти и полную подчиненность общества; прежде, чѣмъ послѣднее могло уразумѣть реформу (а по своимъ старымъ понятіямъ, оно и не могло уразумѣть ея скоро), оно было уже вынуждено къ принятію нововведеній; новыя административныя учрежденія развили, на мѣсто прежняго патріархальнаго подчиненія, казарменную и канцелярскую дисциплину; канцелярское управленіе стало усиливаться все больше и больше, и захватило наконецъ всѣ самыя важныя отправленія общественной жизни и уничтожило послѣдніе остатки старыхъ порядковъ, гдѣ еще были нѣкоторые слѣды патріархальной свободы. Канцеляріи и въ своемъ подлинникѣ, которому у насъ подражали, не были учрежденіемъ благоприятнымъ для духа общественности; у насъ онѣ привели окончательное порабощеніе общества. Наука развивалась очень медленно; введенная какъ дѣло государственной надобности, она долго оставалась какъ будто только наружной приставкой къ русской жизни, въ видѣ «де-сіансъ» академіи, члены которой также выписывались изъ-за границы, какъ выписывались другіе мастера, художники и ремесленники: выписанные академики естественно чувствовали себя чужими этому обществу, держались особымъ кружкомъ, и ихъ наука, собственно говоря, оставалась чужда русской жизни,

или пускала въ ней только рѣдкіе ростки. Мало-по-малу, запасы образованія увеличивались и съ теченіемъ времени оно приносило свои ближайшіе плоды, но положеніе науки вовсе не было обезпечено, за ней не было признано самостоятельнаго права и необходимой для нея свободы,—понятно, что въ области гуманитарическихъ наукъ у насъ до самаго поздняго времени не было ни одного русскаго ученаго, который бы занялъ высокое положеніе въ обще-европейской наукѣ... При этомъ недостатокъ собственной научной силы, наша наука все-таки должна была еще выдерживать отголоски европейскихъ реакцій, подвергаться преслѣдованіямъ, которыя были печальной ироніей,—потому что преслѣдованіе падало на ребенка, едва выхотившаго изъ колыбели: таково было, напримѣръ, обскурантное преслѣдованіе университетовъ при Александрѣ I-мъ и проч. Главнымъ умственнымъ вліяніемъ оставалась европейская литература...

Словомъ, если принципъ науки и былъ допущенъ въ русскую жизнь реформой, то наука еще не заняла въ ней подобающаго мѣста, ея осязательное вліяніе оказывалось только въ незначительномъ меньшинствѣ и не успѣло много измѣнить стараго характера общественныхъ понятій, господствовавшихъ въ массѣ.

Въ теченіе всего XVIII-го и нынѣшняго столѣтія, исторія нашей образованности представляетъ картину крайней шаткости, неопредѣленности, боязливости и неполноты. Литература оставалась въ совершенно подчиненномъ положеніи.

Государство развивалось почти исключительно; внѣшнія силы и объемъ его выросли съ каждымъ царствованіемъ; авторитетъ власти, наслѣдованный отъ полу-восточнаго московскаго царства, все усиливался. Отъ Европы государство прежде всего и охотнѣе всего приняло военные приемы и приемы канцелярской администраціи; съ ихъ помощью оно стягивало національныя силы, которыя и пошли на внѣшнее укрѣпленіе государства, на завоевательныя войны. Прежде всего, и надолго усвоена чисто практическая сторона европейской образованности, которая нужна была для необходимой, конечно, цѣли — утвержденія государства, — а затѣмъ и цѣнилась почти исключительно только съ этой стороны. Общество играло роль чисто служебную, безъ всякихъ учрежденій, которыя давали бы ему какую-нибудь долю самостоятельности. Государство поглощало въ себѣ всѣ національныя силы, и матеріальныя и нравственныя...

На исключительное служеніе государству пошла и первая дѣятельность начинавшейся литературы. На первое время, это было вполне естественно и необходимо: литература, какъ выра-

женіе возникавшей общественной мысли, не могла не стать, совершенно искренно, на сторонѣ того авторитета, который выступилъ на борьбу съ невѣжествомъ,—могла, пожалуй, и не видѣть непригодности нѣкоторыхъ средствъ, какія были употреблены въ этой борьбѣ. Но литература и впоследствии почти не выходила изъ этого отношенія къ авторитету. За немногими исключеніями, она оставалась въ своемъ чисто служебномъ положеніи, въ соотвѣтствіи съ чисто служебнымъ положеніемъ массы общества. Это общество, въ массѣ, владѣло еще столь ограниченнымъ образованіемъ, жило въ столь патріархальныхъ нравахъ, что его не тревожили никакіе запросы ни умственные, ни общественные. Большой частью, литературѣ приходилось исполнять относительно этой массы только обязанности элементарнаго обученія; въ болѣе образованной части общества эти запросы также не были еще довольно сильны, и литература вращалась въ томъ же кругѣ идей: поэзія была торжественной одой и восхваленіемъ настоящаго; сатира вооружалась противъ смѣшныхъ сторонъ жизни, насколько это могло быть одобряемо властью, и молчала о всемъ томъ, что столько же или гораздо болѣе заслуживало бы сатиры, но о чемъ не позволялось и помыслить литературѣ, какъ и самому обществу...

Такъ это продолжалось въ теченіе всего XVIII-го вѣка. Литература панегириковъ была безконечна; торжественная ода надолго установила тонъ, въ которомъ литература относилась къ общественнымъ событіямъ; литература привыкла говорить только по торжественнымъ случаямъ, восхвалять героическія добродѣтели и подвиги. Сатира въ позднѣйшее время пробовала касаться болѣе серьезныхъ предметовъ, но ей не было мѣста въ тогдашнихъ нравахъ; иногда ее останавливала сама власть, находившая неприличнымъ и дерзкимъ вышатаство литературы въ то, что считалось исключительно дѣломъ правительства; но иногда ее останавливало и само общество, нападавшее на «Ябеду», на «Ревизора» и т. д.

Къ сожалѣнію, реформа Петра осталась, въ сущности, единственнымъ фактомъ, гдѣ авторитетъ съ энергіей дѣйствовалъ въ пользу образованія. Реформа внушала уваженіе позднѣйшимъ правителямъ, которые не могли не чувствовать, что на ней утверждается новое возростаніе Россіи, и не могли не преклоняться передъ ея величіемъ; но сами они не были способны продолжать ее достойнымъ образомъ. Русская жизнь въ XVIII-мъ вѣкѣ уже не находила такого могущественнаго руководителя, какимъ былъ Петръ; въ правительственныхъ сферахъ движеніе продолжалось

какъ-будто только силой инерціи. То, что дѣлалось для образованія въ XVIII-мъ вѣкѣ, едва ли не было тотъ минимумъ, безъ котораго уже нельзя было обойтись...

Разъ возбужденная, русская образованность была почти предоставлена самой себѣ, и лучшія силы общества сумѣли поддержать ее и дать ей серьезное развитіе. Дѣло не обошлось безъ ошибокъ, но мысль была уже возбуждена, и въ умахъ общества, какъ и въ литературѣ возникаетъ потребность критики и самостоятельной дѣятельности. Таково въ особенности литературное и общественное возбужденіе время Екаторины, — отъ котораго идутъ уже осязательныя нити развитія до новѣйшаго времени. Но это критическое направленіе, повторяемъ, было дѣломъ меньшинства, исключеніемъ; а правиломъ было упомянутое нами отношеніе литературы къ общественному вопросу, — служебное, панегирическое, консервативное, основанное на тѣхъ данныхъ, которыя вообще произвели систему официальной народности. Эти данныя были — и авторитетъ власти, и преобладаніе внѣшней государственной дѣятельности, ослѣплявшей умы блескомъ и завоеваніями, и слабое развитіе умственныхъ интересовъ въ массѣ общества...

Итакъ, легко видѣть, что система официальной народности — какъ мы находимъ ее во второй четверти нынѣшняго столѣтія — выросла естественно изъ долговременныхъ представленій самого авторитета, и изъ долговременныхъ привычныхъ мыслей у большинства. Всѣ подробности системы легко развивались изъ общаго, господствовавшаго понятія о положеніи Россіи относительно Европы и изъ тѣхъ частныхъ обстоятельствъ, какія представлялись у насъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Характеристическою чертою системы и вмѣстѣ большинства (въ противоположность направленію критическому) стало сомнѣніе, которому и не мудрено было придти въ мысли, что Петровскій періодъ нашего развитія, періодъ усвоенія европейскаго образованія кончился, что мы не только можемъ обойтись безъ Европы, но даже выше ея, и по вдрагмъ началамъ нашей жизни (патріархальный миръ и благочестіе съ одной стороны; революція и безбожіе съ другой), и даже по матеріальному благосостоянію (мы кормили Европу нашимъ хлѣбомъ, и держали въ страхѣ нашей военной силой). При сильномъ убѣжденіи въ вѣрности этого взгляда, — а такое убѣжденіе при нежеланіи критически себя провѣрить, могло являться очень легко, — очевидно, что другой взглядъ, который бы являлся съ какими-нибудь сомнѣніями относительно этихъ предметовъ, долженъ былъ внушать самое непріятное чувство: въ этому взгляду должны

были чувствовать только или пренебреженіе, какъ къ легкомыслию, или вражду, какъ къ недоброжелательству... Таково и было отношеніе людей господствующаго образа мыслей къ новымъ литературнымъ школамъ.

При такомъ отношеніи огромнаго большинства къ меньшинству, господствующаго образа мыслей ко взглядамъ, едва пролагавшимъ себѣ путь въ литературѣ, господствующей дѣйствительности къ теоретическому идеалу, не трудно видѣть, въ какомъ прискорбномъ заблужденіи находились обѣ теоріи новыхъ литературныхъ школъ, и славянофильской, и особенно западной, когда онѣ съ своей стороны (каждая по-своему) также думали видѣть въ настоящемъ (въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ) завершеніе Петровскаго періода, находить въ настоящемъ уже готовую, въ принципѣ, самобытность русской цивилизаціи, уже достаточно воспринявшей начала европейскаго образованія, или даже открывать, какъ славянофилы, въ нашемъ настоящемъ бытѣ идею, далеко превосходящую то, что могла представить цивилизація Европы. Славянофилы, собственно говоря, еще могли спокойное смотрѣть на окружающую дѣйствительность, которая въ сущности во многомъ была вѣрна семнадцатому вѣку; ея грубыя стороны они могли перетолковывать благопріятнымъ образомъ и подкрашивать картину. Но для другой школы и это было невозможно. Она просто заблуждалась, если искренно вѣрила въ завершеніе реформы въ тридцатыхъ годахъ,—потому что судьбу русской образованности далеко еще нельзя было считать тогда упроченной...

Это заблужденіе литературныхъ школъ имѣло разныя причины. Во-первыхъ, та критическая мысль, которая дѣйствовала въ нихъ,—сколько волею, а еще болѣе того неволею, слишкомъ ограничивалась чисто теоретическими вопросами, литературными и философскими, и отъ нея нерѣдко ускользало реальное положеніе вещей. Гоголевскій періодъ показался ей, и не безъ основанія, вступленіемъ литературы на прямую дорогу единства и согласія съ жизнью; но она преувеличила значеніе гоголевскаго вліянія и сочла его за весь искомый результатъ литературнаго развитія... Съ другой стороны, тамъ, гдѣ для писателей «западной» школы становилась ясной общая бѣдность литературы, ограниченность ея дѣйствія на цѣлую массу общества, гдѣ для нея самой были чувствительны внѣшнія препятствія, мѣшавшія ея успѣхамъ,—люди этого направленія какъ-будто хотѣли уйти отъ тяжелаго сознанія, успокоиться отъ него на высотѣ своихъ теоретическихъ надеждъ и идеаловъ, хотѣли впередъ видѣть въ нихъ

истинную русскую мысль, и, убѣжденные въ вѣрности своего собственного образа мыслей, думали, что этимъ образомъ мыслей уже теперь долженъ быть обозначенъ новый періодъ въ развитіи цѣлаго общества. Какъ будто они хотѣли обмануть себя—«насъ возвышающимъ обманомъ», или, сознавая противорѣчіе, думали силой своего убѣжденія и своей вѣры объяснить и внушить другимъ свои стремленія... Они были, конечно, правы, когда считали—относительно своего тѣснаго круга, собравшаго въ себѣ лучшіе умы, таланты и характеры тогдашняго общества,—пройденными и пережитыми извѣстными ступени историческаго европейскаго развитія; но не были правы, когда не приняли въ расчетъ, сколько времени еще потребуется для того, чтобы въ массѣ общества привились и распространились тѣ понятія, которыя отличали ихъ самихъ,—привились настолько, чтобы можно было признавать за ними сколько-нибудь дѣйствительную силу. Бѣлинскій не видѣлъ того открытаго заявленія мнѣній большинства, которое выразилось рядомъ репрессивныхъ мѣръ съ 1848-го г.; но другіе писатели этого круга (дальше мы приведемъ примѣры) должны были горько сознаться въ ошибкахъ своего прежняго догматичнаго идеализма...

Если отъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ мы обратимся къ нашему собственному времени,—черезъ промежутокъ въ тридцать-сорокъ лѣтъ,—мы увидимъ, какъ преждевременны были относительно большинства эти надежды на литературную и научную самобытность русскаго общества. Не только масса общества, но можно сказать большинство самой литературы слишкомъ далеки отъ сколько-нибудь серьезнаго пониманія вещей; напротивъ,—не говоря о той низменной литературѣ, у которой нѣтъ никакого интереса кромѣ мелкаго прислужничества и денежной аферы, даже въ такихъ кружкахъ, которые заявляютъ притязаніе на извѣстную самостоятельность, на извѣстную рациональность и послѣдовательность своего образа мыслей, господствуетъ такое рабское подчиненіе ходячимъ понятіямъ и ходячему расчету, что смѣшно было бы говорить о присутствіи въ нихъ истинно-критическаго начала. Освѣжающія явленія возникаютъ изрѣдка въ нѣкоторыхъ отдѣльных трудахъ, иногда приходятъ изъ иностранной литературы,—но большинство наличной литературы относится къ нимъ съ тупымъ непониманіемъ и наглýmъ гаерствомъ. Правда, не останавливается рядъ разнообразныхъ изученій историческихъ, экономическихъ и проч., продолжаетъ и возникаетъ вновь дѣятельная фактическая разработка общественной исторіи и народнаго быта,—и все это общается нѣко-

гда полезные результаты, но въ данную минуту еще мало оказываетъ дѣйствія на общественное мнѣніе массы. Современное положеніе литературы есть безспорно упадокъ. Правда, многие относятъ его причину только къ внѣшнимъ репрессивнымъ мѣрамъ, — и ихъ вліянія невозможно не признать, — но быстрое обдѣленіе литературы въ общественно-критическомъ направленіи все-таки показываетъ, какъ мало въ самомъ обществѣ тѣхъ живыхъ интересовъ, сила и слабость которыхъ всегда отражается въ литературѣ...

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ большинство стояло еще степенно ниже. Соотвѣственно этому, общественно-критическое направленіе двухъ передовыхъ школъ было еще болѣе одиноко и слабо противъ окружавшихъ его препятствій. Пересмотрѣвъ нѣсколько примѣровъ того, какъ относились къ литературѣ и новымъ стремленіямъ образованности руководящія власти, мы выйдемъ съ тѣмъ увидимъ и отношеніе большинства къ этой литературѣ, потому что упомянутыя власти несомнѣнно выражали и господствующія понятія большинства, именно понятія системы официальной народности.

Тридцатые и сороковые года представляютъ много любопытныхъ столкновеній этого рода, которыя наглядно изображаютъ, какъ въ самыхъ разнообразныхъ предметахъ критическое направленіе или просто малѣйшіе признаки самостоятельнаго вкуса и противорѣчія принятому взгляду встрѣчались съ недоувѣріемъ, запрещеніемъ и преслѣдованіемъ. Эти предметы болѣею частью были совершенно безобидны, иногда до такой степени, что въ наше время трудно даже понять, чѣмъ они могли возбуждать такую подозрительность.

Въ 1834, подвергается запрещенію «Московскій Телеграфъ», Полевого, замѣчательнѣйшій журналъ того времени, за *литературно-критическую* статью объ извѣстной пьесѣ Кукольника «Рука Всевышняго отечество спасла», — статью, которая «даже поводъ нѣкоторымъ давнимъ врагамъ этого журнала прямо указывать на него, какъ на органъ вредный и вольнодумный». Журналъ былъ запрещенъ, и самъ Полевой съ жандармомъ привезъ въ Петербургъ къ отвѣту. Столь неприкосновенной считалась пьеса Кукольника! ¹⁾

¹⁾ Еще ранѣе, были случаи запрещенія (въ 1830 г.) „Литературной Газеты“, стол извѣстнаго въ свое время изданія барона Дельвига, за напечатаніе *переводнаго и сжоростившаго* въ память июльскихъ дней во Франціи, и запрещеніе „Европейца“, изданаго Ив. Кнуревскаго. По словамъ г. Бартенева, Дельвигъ „погибъ“ за эти четыре

Въ 1836, произошло извѣстное запрещеніе «Телескопа», Надеждина, за напечатаніе «Философическаго письма» Чаадаева. Извѣстно, что мѣра, принятая противъ Чаадаева, была почти мягкой въ сравненіи съ тѣмъ ожесточеніемъ, съ какимъ приняла статью въ первую минуту московская публика. Сама публика шла еще дальше въ своей нетерпимости, чѣмъ даже руководящія власти.

Въ 1842 году самъ Кукольникъ, столь высоко цѣнимый, подвергся строгому выговору за свою повѣсть изъ петровскихъ временъ «Сержантъ Ивановъ, или всѣ за одно», въ которой отыскано было «желаніе выказать дурную сторону русскаго дворянина и хорошую — его двороваго челоуѣка»; самое сочиненіе названо въ выговорѣ «ничтожнымъ». Повидимому, только усердные извиненія Кукольника сняли съ него немилость начальства ¹⁾.

Въ 1832 году, вышли «Русскія сказки» извѣстнаго Даля. Книжка была захвачена, и авторъ арестованъ, потому что въ одной сказкѣ открыли какіе-то намѣки, которыхъ, повидимому, и не было. Впослѣдствіи, изданіе его «Пословицъ», уже въ началѣ пятидесятихъ годовъ, встрѣтило сначала большія цензурныя затрудненія; цензурныя опасенія относительно «Пословицъ» Даля ощутилъ даже одинъ изъ членовъ русскаго отдѣленія академіи наукъ. «Пословицы» Даля изданы были уже въ наше время, безъ всякой опасности для народной нравственности.

Мы упоминали прежде, какъ тѣ же условія тяжело подѣйствовали на дѣятельность И. В. Кирѣевскаго, журналъ котораго «Европеецъ» (1832) прервался на второй книжкѣ, по подозрѣніямъ въ крайнемъ либерализмѣ; какъ въ сороковыхъ годахъ Кирѣевскій затруднялся простымъ изданіемъ своего сборника пѣсенъ, невиновность которыхъ надо было объяснять и доказывать. Извѣстны болѣе или менѣе различные случаи подобнаго рода, происходившіе съ другими славянофильскими писателями, Хомяковымъ, И. С. Аксаковымъ и пр.

Гоголь также не избѣгъ неудобствъ цензурныхъ. «Мертвыя Души», проходя черезъ цензуру, потеряли небольшой кусокъ, который только впослѣдствіи былъ присоединенъ въ собранію его сочиненій. «Переписка» потеряла цѣлый рядъ писемъ, напечатанныхъ уже только въ 1867 г. ²⁾.

спла объ польской революціи (Дельвигъ умеръ въ томъ же 1830 году). „Р. Арх.“ 1872, стр. 2025. Подробности этого обстоятельства еще не были, кажется, разсказаны въ литературѣ.—О запрещеніи «Телеграфа» см. „Р. Старину“ 1870, I, стр. 550—553.

¹⁾ См. „Р. Старину“ 1871, III, 793—794.

²⁾ До сихъ поръ остается неразъясненнымъ временное исчезновеніе „Мертвыхъ Душъ“.

Когда-нибудь въроятно собраны будутъ подробности о томъ какъ дѣйствовали тѣ же условія на такъ-называемую художественную литературу, на «свободное творчество», на «искусство искусства». Но извѣстно вообще, что «свобода творчества», о которой такъ много говорила и заботилась наша художественная критика, была, къ сожалѣнiю, нерѣдко слишкомъ фиктивной, воображаемой, какъ это показываютъ довольно и нѣкоторые изъ приведенныхъ сейчасъ примѣровъ¹⁾. Этого обстоятельства, кажется намъ, до сихъ поръ не умѣла достаточно оцѣнить ни исторiя нашей литературы, ни художественная критика, иногда и до сихъ поръ такъ горячо защищающая свободное искусство.

Дѣятельность того литературнаго круга, къ которому принадлежалъ Бѣлинскiй, была въ особенности подвергнута недовѣрчивому надзору. Въ примѣръ этого укажемъ нѣсколько случаевъ извѣстныхъ относительно Грановскаго и дающихъ понятiе о положенiи вещей. Грановскiй, изъ всѣхъ писателей этого круга, въ особенности отличался той ровной мягкостью и тактомъ, которыми могли бы внушить довѣрiе къ его профессорской и литературной дѣятельности; но и эти свойства нисколько не спасали его отъ подозрѣнiй и стѣсненiй,—и главное, все это шло не отъ однихъ только руководящихъ властей: къ сожалѣнiю, многое, стѣснявшее дѣятельность Грановскаго, исходило отъ нѣкоторыхъ людей и той самой средѣ, гдѣ онъ вращался, отъ людей «интеллигенции» отъ самаго общества, большинству котораго не были ни понятны ни сочувственны его стремленiя.

Уже вскорѣ послѣ того, какъ Грановскiй основался въ Москвѣ, онъ сталъ прiобрѣтать ту извѣстность и популярность, которыми онъ пользовался потомъ въ кругу слушателей и образованнаго общества. Въ 1843-мъ году онъ читалъ публичный курсъ сопровождавшiйся небывалымъ успѣхомъ. Но рядомъ съ этимъ готовились и непрiятныя обстоятельства. «Профессорскому поприщу Грановскаго среди успѣховъ уже грозила опасность (въ 1843-мъ году),—замѣчаетъ его биографъ. Оно было до того непрочно, что онъ уже вынужденъ былъ помышлять о перемѣнѣ службы». Въ письмѣ къ одному изъ друзей онъ сообщаетъ, что отъ него требовали апологiй и оправданiй въ видѣ лекцiй: «реформація и ре-

Думъ», въ то время, когда онъ посланъ былъ изъ Петербурга къ Гоголю въ Москву и при этомъ на нѣсколько недѣль пропадали неизвестно куда.

¹⁾ Лѣтъ 17—18 тому назадъ, въ числѣ появившейся тогда рукописной литературы, была небольшая, довольно остроумно написанная статья, которая ходила съ именемъ одного изъ старѣйшихъ нынѣшнихъ писателей, и гдѣ было собрано много любопытныхъ примѣровъ цензурной практики сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ.

волюція должны быть излагаемы съ католической (!) точки зрѣнія и какъ шагъ назадъ. Я предложилъ не читать вовсе о революціи. Реформація уступить я не могъ. Что же бы это была за исторія?..» Нечего говорить, что это была бы исторія очень сомнительная.

Въ эту пору оживленной дѣятельности, Грановскаго сильно занимала мысль издавать съ своими друзьями журналъ. Онъ подавъ (въ іюнѣ 1844) просьбу о разрѣшеніи ему издавать журналъ «Ежемесячное Обзорніе». Отвѣтъ послѣдовалъ только въ 1845-мъ году; онъ былъ кратокъ и ясенъ: «не нужно.»

Въ кругу «интеллигенціи» Грановскій и его друзья встрѣчали не одно противорѣчіе мнѣній, но настоящую вражду, которая могла вліять и на ихъ общественное положеніе. Въ мартѣ 1845, Грановскій пишетъ къ одному изъ друзей, — «обо мнѣ кричать, что я интригантъ и тайный виновникъ всѣхъ оскорбленій, какія наносятся славянству» (рѣчь идетъ вѣроятно о разныхъ университетскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ), что эти обвиненія распространяются и на его друзей, что, напримѣръ, Бѣлинскаго обвиняютъ въ томъ, что онъ своими статьями подрываетъ народность (?), семейную нравственность и православіе. Въ письмѣ къ Бирѣвскому, сохранившемся въ бумагахъ Грановскаго, онъ съ «необычайнымъ раздраженіемъ», по словамъ біографа, говоритъ объ отношеніяхъ къ нему его учено-литературныхъ противниковъ, именно «большей части сотрудниковъ Москвитина», — по милости которыхъ отчасти онъ «ославленъ врагомъ церкви и Рос-
си»... ¹⁾

Извѣстно отчасти, какія столкновенія этого рода приходилось испытывать также Бѣлинскому и другимъ писателямъ этого круга. И опять должно сказать, что не только руководящія власти выказывали подозрительность къ нему, или принимали репрессивныя мѣры противъ лицъ этого круга, — но въ самомъ обществѣ, въ другихъ литературныхъ партіяхъ, не только партіяхъ ничтожныхъ по своему умственному и нравственному характеру, но и въ настоящей «интеллигенціи», эти писатели встрѣчали вражду чисто обскурантнаго свойства. Одна независимость мысли, одно нѣсколько послѣдовательное проведеніе критическаго взгляда на жизнь были достаточны для того, чтобы этимъ писателямъ была придана репутация, въ нашихъ условіяхъ самая неблагоприятная. Иногда почти трудно сказать, кто шелъ впереди въ этихъ инквизиціяхъ литературы, осторожны ли власти,

¹⁾ Біографія Гран., стр. 142, 143, 148 и проч.

или неразумная публика... Въ 1848-мъ году, когда умеръ Бюлинскій, друзья его находили, что онъ умеръ во-время...

Такъ поставлена была литература художественная, историческая и критическая. Практическіе общественные вопросы почти не находили мѣста въ литературѣ, иначе—какъ въ видѣ почтовыхъ официальныхъ свѣдѣній, или въ видѣ безусловнаго гиряка; допускались только предметы, которые самимъ властямъ казались индифферентными. Нѣсколько примѣровъ изъ истории тогдашней цензуры покажутъ, до какихъ размѣровъ доходило обязательное молчаніе литературы объ этихъ предметахъ.

Въ 1829-мъ, одинъ изъ петербургскихъ цензоровъ былъ выдержанъ 8 дней на гауптвахтѣ за пропущеніе статьи объ упадкѣ питейныхъ сборовъ въ Курской губерніи.

Въ 1841-мъ, извѣстный академикъ Кеппелъ напечаталъ статью, подъ названіемъ «Почтовые сообщенія», которая возбудила негодованіе управлявшаго почтовымъ вѣдомствомъ князя Голицына (извѣстнаго министра народнаго просвѣщенія при Александрѣ I). Онъ жаловался Уварову на дерзость Кеппелена—ходить въ разборъ «коренныхъ почтовыхъ законовъ» и осуждать дѣйствія почтоваго управленія. «Эго—попытка того либеральнаго духа западной Европы (!), который стремится подвергать дѣйствія правительства контролю свободнаго книгопечатанія... Кеппелъ теперь уже возглашаетъ въ той же статьѣ: наступаетъ и для насъ время развитія силъ народныхъ!..»

Въ 1845-мъ, явилась статейка о строившейся тогда московской желѣзной дорогѣ. Управляющій путей сообщенія, «нисколько не порицая ея содержанія, вполнѣ благонамѣреннаго, испросилъ однакожъ высочайшее повелѣніе, чтобъ впредь ничего не печаталось объ этомъ предметѣ безъ его предварительнаго одобренія»...

Въ 1828-мъ, дана была льгота литературѣ: разрѣшено было печатать разборы театральныхъ пьесъ, что прежде совершенно не допускалось, такъ какъ актеры считались людьми, состоявшими на службѣ, и сужденіе объ ихъ достоинствахъ или недостаткахъ принадлежало только ихъ начальству. Печатаніе этихъ разборовъ должно было, впрочемъ, происходить съ разрѣшенія начальника III-го отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи.

Сужденія о «политическихъ видахъ» правительства съ 1826 года были строжайше запрещены всѣмъ изданіямъ, кромѣ тѣхъ сужденій, которые заимствуются изъ официальныхъ изданій, академической газеты и «Journal de St.-Pét.», издаваемого при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; потомъ къ этимъ газетамъ при-

соединена была еще «Сѣверная Пчела», куда политическій отдѣлъ доставляемъ былъ изъ одного officialнаго вѣдомства.

Въ началѣ описываемаго періода изданъ былъ, въ 1826 году, уставъ, изготавленный адмираломъ Шишковымъ; въ 1828, этотъ уставъ былъ замѣненъ другимъ, нѣсколько болѣе снисходительнымъ. Но и послѣдній, какъ мы видѣли, былъ достаточно стѣснителенъ и сохранилъ, кромѣ главной, нѣсколько специальныхъ цензуръ; именно: духовную цензуру—для книгъ духовнаго содержания; цензуру медицинскаго вѣдомства—для лечебниковъ; цензуру III-го отдѣленія—для театральныхъ пьесъ, и наконецъ цензуру особаго specialнаго комитета—для разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ.

Всюрѣ къ этимъ различнымъ цензурамъ присоединились новыя specialныя цензуры—министерства финансовъ, военнаго, двора—по тѣмъ предметамъ, которые касались этихъ вѣдомствъ. Впослѣдствіи такое же отдѣльное право предварительнаго цензурнаго просмотра книгъ и статей дано было управленію военно-учебныхъ заведеній, кавказскому комитету, II-му отдѣленію собственной канцеляріи, археографической комиссіи (!), главному попечительству дѣтскихъ пріютовъ, петербургскому оберъ-полицеймейстеру, управленію государственнаго коннозаводства и президенту академіи наукъ. Наконецъ, то же право предоставлено было еще и другимъ вѣдомствамъ.

Въ министерство Уварова установились и другія стѣсненія литературы. Разрѣшеніе новыхъ журналовъ было до чрезвычайности затруднено; у ученыхъ обществъ отнято было издавна присвоенное имъ право—самимъ цензировать свои изданія, и проч.

Общій результатъ всѣхъ этихъ мѣръ, очевидно, не могъ не быть крайне отяготительнымъ для литературы. Это рѣзко выразилось даже чисто вѣшными цифрами. Число книгъ уменьшилось: оно чрезвычайно уменьшилось по отдѣламъ философіи и естествознанія, и возвысилось только по предметамъ чисто практическаго свойства—по сельскому хозяйству и юридическимъ наукамъ; по отдѣлу періодическихъ изданій размножились только изданія хозяйственно-промышленныя, медицинскія и модныя, и уменьшилось число изданій учено-литературныхъ. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ, за 1833—1847 годы, средняя годовая цифра выходившихъ книгъ, разсчитанныхъ по пятилѣтіямъ, понизилась съ 10,365, въ началѣ этого періода, до 9,158 въ концѣ его.

Этотъ результатъ самъ по себѣ довольно удивителенъ, потому что надо же предполагать, что въ теченіе этого періода все-таки возрастала любовь къ чтенію, увеличивалось число образованныхъ

и читающихъ людей; можно бы было предполагать, что по крайней мѣрѣ не упадетъ общая численность выходящихъ книгъ, каково бы ни было ихъ содержаніе и внутренняя цѣнность. Но если одинъ подобный результатъ показывалъ, какъ трудны были внѣшнія условія литературы до 1848 года, то условія эти стали еще труднѣе въ послѣдующіе годы... Новыя стѣснительныя мѣры приведены были европейскими событіями 1848 — 49-хъ годовъ. Къ удивленію, у насъ нашли возможнымъ распространять на русское общество тѣ опасенія, какія пробудило революціонное движеніе въ западной Европѣ, и сочли нужными немедленныя и рѣшительныя мѣропріятія для противодѣйствія предполагаемымъ вреднымъ идеямъ. Цензура, и прежде достаточно строгая, дошла въ своей строгости до послѣдняго предѣла въ дѣйствіяхъ такъ называемаго комитета 2-го апрѣля 1848, который явился высшей контролирующей цензурой надъ всѣми дѣйствіями цензуръ обыкновенныхъ. Литература была обезличена, лишена содержанія — насколько возможно. Къ прежнимъ ограниченіямъ, исключавшимъ изъ ея области разнообразныя общественныя вопросы, присоединились новыя ограниченія. Нечего и говорить о томъ, что невозможны были ни малѣйшія упоминанія о европейскихъ событіяхъ, — кромѣ тѣхъ, какія являлись въ официальныхъ изданіяхъ и «Сѣверной Пчелѣ», — что современная исторія была вообще закрыта отъ литературы. Запрещенія распространились и на такіе предметы, гдѣ они были совершенно неожиданны и гдѣ на первый взглядъ трудно объяснить себѣ ихъ мотивъ. Такъ, напримѣръ, являлись запрещенія писать о древнихъ нравахъ и обычаяхъ русскаго народа, — вслѣдствіе чего долженъ былъ прекратиться «Этнографическій Сборникъ», важное изданіе, тогда начатое было Географическимъ Обществомъ; запрещено было касаться разныхъ эпохъ древней русской исторіи, какъ, напр., періодъ между царствія, эпохи народныхъ волненій и т. д. Выраженіе даже чисто литературныхъ мнѣній бывало не безопасно, какъ то случилось напр. съ г. Тургеневымъ въ 1852, вслѣдствіе написанной имъ газетной статьи о Гоголѣ.

Параллельно съ этимъ, столько же мѣръ предосторожности найдено было нужнымъ принять противъ учебныхъ заведеній. Въ 1849-мъ году возникли слухи о предстоящемъ закрытіи университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Дворянскій институтъ въ Москвѣ былъ дѣйствительно закрытъ. Число студентовъ и вольныхъ слушателей въ каждомъ университетѣ должно было ограничиться тремястами. Плата за слушаніе лекцій была возвышена. Издавались строгія инструкціи для способа

преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ и надзора за ними. Профессора университетовъ должны были представлять подробныя программы своихъ лекцій для предварительнаго просмотра со стороны начальства...» «Московский университетъ обращалъ на себя подозрительное вниманіе. Собирались свѣдѣнія о его преподавателяхъ, объ ихъ образѣ мыслей, ихъ лекціяхъ, о настроеніи и духѣ университетскаго юношества... ходили уже слухи о предстоящемъ закрытіи университета» ¹⁾. Уваровъ, управление котораго, какъ мы видѣли, нельзя было обвинить въ недостаточности надзора за литературой и настроеніемъ умовъ, счелъ нужнымъ удалиться изъ министерства.

Мы не будемъ сообщать другихъ подробностей объ этомъ тягостномъ и печальномъ періодѣ русской литературы и образованности, еще для многихъ памятномъ по личному опыту, и упомянемъ только объ одномъ обстоятельстве, которое находится въ связи съ административными мѣрами того времени относительно преподаванія и литературы. Это — такъ-называемое дѣло объ обществѣ Петрашевскаго. Начатое въ 1848-мъ, и конченное въ 1849-мъ году, это дѣло послужило особеннымъ поводомъ къ репрессивнымъ мѣрамъ, такъ какъ полагали, что имъ несомнѣнно доказывается превратное направленіе умовъ, заимствованное изъ революціонныхъ европейскихъ ученій и стремившееся къ ниспроверженію существующаго порядка.

Теперь, когда это время отдалено отъ насъ четвертью столѣтія и многими общественными опытами, кажется, можно говорить о немъ спокойно и составить о немъ правильное историческое понятіе. Вѣроятно, для безпристрастныхъ людей, — какихъ бы то ни было мнѣній, — теперь ясно, что броженіе, происходившее въ упомянутомъ обществѣ, на дѣлѣ не представляло такой опасности, какъ это предполагается или даже считается несомнѣннымъ въ напечатанномъ недавно современномъ «Мнѣніи» г. Липранди, имѣвшемъ, по его собственнымъ словамъ, вліяніе и на самый исходъ дѣла ²⁾. Теперь ясно, что общество, — настолько не тайное, что въ него попадалъ всякій, кто хотѣлъ, между прочимъ, легко проникли и агенты г. Липранди, — вовсе не было опаснымъ заговоромъ, который бы могъ угрожать существовав-

¹⁾ Біогр. Гран., стр. 238—239, 242—243 и друг. Ср. напечатанныя въ послѣднее время нѣкоторые документы изъ того времени; каковы, напримѣръ, распоряженіе г. Бутурлина (предсѣдательствовавшего въ комитетѣ 2 апрѣля) отъ 5 мая 1848 въ „Русской Старинѣ“, 1872, V, стр. 784; инструкцію ректорамъ и деканамъ факультетовъ, 24 октября 1849,—тамъ же VI, 448 и проч.

²⁾ Это „Мнѣніе“ напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1872, т. VI.

шему порядку ниспроверженіемъ, и вообще имѣлъ бы какую-нибудь возможность практическаго дѣйствія въ социалистическомъ направленіи, отличавшемъ это общество. Въ упомянутомъ «Мнѣніи» общество изображается именно какъ обширный заговоръ, но изображеніе это утверждается съ одной стороны на такихъ мелочныхъ фактахъ, а съ другой на такихъ далекихъ и крупныхъ аналогіяхъ и сближеніяхъ, несостоятельность которыхъ бросается въ глаза ¹⁾. Существенное обвиненіе, которое основано на дѣйствительныхъ фактахъ, заключается въ двухъ главныхъ пунктахъ: во-первыхъ, въ усвоеніи и распространеніи социалистическихъ идей, чтеніи и рукописномъ переводѣ социалистическихъ книгъ; а во-вторыхъ, въ недовольствѣ (выражавшемся извѣстно и въ частной перепискѣ) многими тогдашними учреждениями и въ разговорахъ о необходимости преобразованій, какова, на примѣръ, отмѣна крѣпостного права ²⁾.

По господствовавшимъ понятіямъ времени, эти обвиненія стали столь серьезными, что получили для обвиняемыхъ самый печальный исходъ. На дѣлѣ, весь социализмъ названнаго общества заключался въ чисто теоретическомъ увлеченіи Фурье, Сент-Симономъ и другими социалистами этого рода, которое высказывалось чтеніемъ книгъ и разговорами, было совершенно безвредно въ практическомъ смыслѣ (такъ какъ ничего не могло бы, да и не пыталось дѣлать) и тѣмъ болѣе безобидно, что большинство «общества» состояло изъ людей самой первой молодости, изъ юношей, у которыхъ весь этотъ «социализмъ» только и могъ быть дѣломъ платоническаго идеализма. Правда, самый глава общества не былъ юношей и отличался большой рѣшительностью мнѣній, но и его планы были настолько далеки отъ всякой возможности практическаго примѣненія, что могли не возбуждать большихъ опасеній.

Но, рассматривая это броженіе умовъ съ точки зрѣнія общественной исторіи, нельзя не допустить, что оно хотя до нѣкоторой степени было такимъ преувеличеніемъ, которое вытекло изъ крайности стѣсненій, которыя въ теченіе предыдущихъ десятилѣтій тяготѣли надъ образованіемъ и литературой. Какъ скоро въ общество проникли извѣстные элементы умственной жизни, общественнаго интереса, они должны были развиваться: они развивались бы болѣе правильно, еслибъ имъ данъ былъ какой-

¹⁾ Такъ авторъ „Мнѣнія“ ставитъ взглядъ общества въ связь съ различными безпорядками, на примѣръ, случаями неповиновенія крестьянъ помѣщикамъ и т. п., фактами, очевидно, не имѣющими къ обществу никакого отношенія.

²⁾ Между прочимъ, въ этомъ отношеніи однимъ изъ особо важныхъ обвиненій было—чтеніе и сообщеніе другимъ письма Бѣлинскаго къ Гоголю.

нибудь просторъ; они развиваются въ крайность, въ рѣзкое противорѣчіе съ окружающимъ, наконецъ, въ уродливость, когда обставлены препятствіями, когда ихъ хотятъ задержать и заглушить. Это такая же необходимость въ органическомъ ростѣ общества, какъ и въ развитіи физическаго организма. Молодые поколѣнія всегда и вездѣ наиболѣе чутки къ назрѣвающимъ потребностямъ общества, — имъ уже видны недостатки старины, съ которой они еще не успѣли связаться долгой привычкой, предъ ними впереди жизнь, для которой они стремятся завоевать лучшіе принципы и порядки, вмѣстѣ съ тѣмъ, у нихъ и меньше, или вовсе нѣтъ опыта, который бы помогъ имъ оцѣнить условія и обстоятельства, разсчитывать возможности и шансы, и больше молодого энтузіазма, который не останавливается предъ затрудненіями и рискомъ: оттого, молодые поколѣнія, — въ такихъ періодахъ, когда общество только-что устанавливаетъ свое политическое существованіе, — всего чаще попадаютъ въ коллизію между старымъ и новымъ порядкомъ вещей и дѣлаются жертвами этого столкновенія. Какъ ни случайны и, повидимому, произвольны бываютъ формы подобныхъ движеній, тѣмъ не менѣе не трудно видѣть, что въ этихъ фактахъ совершается не случайное явленіе, а историческій процессъ. Соціализмъ молодого поколѣнія сороковыхъ годовъ былъ такимъ, слишкомъ юношескимъ. порывомъ къ общественному самосознанію, стремленіемъ выяснитъ себѣ и усвоить интересы общества и работать для нихъ; — за невозможностью спокойнаго и открытаго развитія, эта потребность удовлетворяема была чисто теоріей, даже въ самыхъ фантастическихъ формахъ, какова она и была въ тогдашнемъ соціализмѣ. Рядомъ съ этимъ, однако, въ умахъ составлялись и болѣе или менѣе ясныя представленія о непосредственной дѣйствительности, и вопросы о необходимыхъ для русской жизни практическихъ преобразованіяхъ ставились такъ, какъ они еще раньше ставились прежнимъ поколѣніемъ, и какъ потомъ они были поставлены въ наше время (реформы вѣрнопостная, судебная и проч.).

Мы приводимъ въ сносѣ замѣчанія одного изъ ближайшихъ свидѣтелей и участниковъ этого броженія. Въ этихъ замѣчаніяхъ совершенно вѣрно указано психологическое развитіе этихъ увлеченій въ молодомъ поколѣніи сороковыхъ годовъ, и историческая связь этого броженія со всѣмъ теченіемъ тогдашней общественности и тогдашняго умственнаго состоянія ¹⁾.

¹⁾ Изображая характеръ одного изъ полу-дѣйствительныхъ героев своего романа, человека молодого поколѣнія тѣхъ временъ, характеръ, удивившій людей жи-

Атмосфера, конечно, была ненормальна, и отсюда и выходили тѣ заблужденія, о которыхъ говорить цитируемый авторъ, и тѣ одностороннія увлеченія и крайности, въ которыя впадали люди съ тѣми или другими стремленіями къ идеалу, къ осмысленному принципу. Историческое и моральное оправданіе или объясненіе этихъ увлеченій и заключается въ особенныхъ условіяхъ времени, стѣснявшихъ или отнимавшихъ правильное удовлетвореніе нравственно-общественныхъ и умственныхъ потребностей. Восходя далѣе этого броженія конца сороковыхъ годовъ, мы найдемъ то же явленіе и раньше. Люди, умомъ или талантомъ стоявшіе выше толпы, жившіе идеалами, не находили себѣ мѣста въ обычныхъ правахъ, не могли свободно дышать въ спертomъ воздухѣ бѣдной общественной жизни, и удержаться въ области своего призванія, которая въ сущности еще не была признаваема обществомъ. Пушкинъ не хотѣлъ въ своемъ обществѣ быть только писателемъ; въ душѣ онъ гордился и наслаждался своей поэтической славой, былъ самымъ собой въ ближай-

тейскаго благоразумія своими странностями, удаленіемъ отъ общества, скептическимъ раздраженіемъ и проч., авторъ говоритъ:

„Никому не приходило въ голову поискать причинъ въ атмосферѣ не только того исключительнаго круга, въ которомъ онъ вращался, но вообще всей русской жизни того времени, неотразимыхъ причинъ тому, что каждая энергическая, дѣятельная личность бросалась во всѣ нелегія—отъ мрачнаго мистицизма до полудняго бреттерства, отъ чаадаевскаго отрицанія всей нашей исторической жизни до бѣгства къ отцамъ иезуитамъ, отъ помѣщичьихъ жестокостей до безприсыннаго пьянства...”

„Не крупные факты, не радикальные катализмы въ общественной или личной нашей жизни ужасны,—напротивъ, въ нихъ есть всегда нѣчто освѣжающее, какъ въ разразившейся грозѣ,—ужасны ежедневныя, будничныя пошлости и подлости, опутывающія цѣною сѣтью всѣ общественныя отношенія, приобрутающія силу авторитета, заслоняющія собою благородные человѣческіе идеалы...”

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ также вѣрно касается историческихъ обстоятельствъ, въ которыхъ составлялось это настроеніе умовъ молодого поколѣнія сороковыхъ годовъ:

„Дѣятельная работа общественнаго сознанія, начавшаяся гораздо раньше, вслѣдствіе историческихъ условій, не могла развиваться свободно и правильно, а потому приобрула неестественную напряженность, ушла въ меньшинство и вмѣстѣ съ нимъ погибла (движеніе двадцатыхъ годовъ). Преемственность развитія была нарушена, образовался перерывъ, въ темнотѣ котораго люди бродили ошупью, стараясь опознаться, гдѣ они, въ какихъ мѣстахъ и что такое они сами... Начались робкія, неуверенныя попытки опредѣлить свое я, поставленное на метафизическія подмостки мудреной нѣмецкой работы... Всѣ схватились за Гегеля и комментировали его по-своему. Это направленіе привело насъ къ замѣчательнымъ тонкостямъ психологическаго анализа и къ развѣдающей рефлексіи, парализовавшей каждый смѣлый шагъ въ сторону отъ торной дороги.

„Среди повсюдной тишины едва слышались воркованія бездѣльнаго эпикуреизма и одинокія, подавленные жалобы личныхъ страданій...”

шемъ кругѣ сочувствующихъ друзей, но съ людьми общества онъ хотѣлъ быть свѣтскимъ человѣкомъ, потомкомъ древняго рода, увлекся аристократическимъ тщеславіемъ. Гоголь надолго бѣжалъ изъ русской жизни, въ лучшую пору своего творчества, по какому-то странному инстинкту, не смогъ помирить своего гениальнаго таланта съ господствующимъ характеромъ общества и копилъ аскетизмомъ и мистикой. Лермонтовъ велъ въ своемъ обществѣ жизнь чисто внѣшнюю, лучшіе свои помыслы скрывалъ про себя, и относился въ обществу съ презрѣніемъ, иногда циническимъ. Не будемъ приводить другихъ примѣровъ, въ которыхъ нѣтъ, къ сожалѣнію, недостатка въ прошедшемъ нашей литературы. Молодое поколѣніе конца сороковыхъ годовъ, мечтавшее, что нашло—хотя въ далекомъ будущемъ—положительный идеалъ, ради его забыло объ окружающемъ и стало жертвою своего увлеченія. Мы увидимъ далѣе, какъ это положеніе вещей дѣйствовало на людей двухъ передовыхъ литературныхъ школъ того времени, людей серьезныхъ настолько, чтобы не увлекаться фан-

„Въ этой ночи народилось и выросло поколѣніе людей, на долю которыхъ выпало много тяжелыхъ дней и горькихъ упрековъ. Они еще дѣтми зорко присматривались къ торжествовавшей кругомъ ихъ безсознательности и, ставъ юношами, увидѣли, что на родной почвѣ имъ дѣлать нечего. Отсюда начинается блѣдный, художническій типъ „лишнихъ людей“ въ одну сторону, и тоже ненормальныхъ проповѣдниковъ далекаго идеала въ другую... Разумѣется, всѣ они прошли искусы идеалистической философіи,—и въ ту минуту, когда съ Гегелемъ въ рукахъ добивались отвѣтовъ на „проклятые вопросы“,—до ихъ слуха долетали другія рѣчи. Въ нихъ не было холода абстрактныхъ умозрѣній, а кипѣла ключомъ живая человѣческая кровь и рѣшался тяжелый вопросъ труженника: „на сколько же обокралъ меня лавочникъ одинъ разъ при разсчетѣ за мою работу, и въ другой, когда я на этотъ заработанный грошъ купилъ у него фунтъ хлѣба по установленной таксѣ?“

„Этого было довольно.

„Вся сила молодыхъ умовъ ушла туда, на усвоеніе этого вновь открывшагося передъ ними міра,—міра насущныхъ вопросовъ, энергическихъ протестовъ, страстнаго разрыва ранъ настоящаго горя и обольстительныхъ построеній всеобщаго будущаго счастья человѣчества... Загорѣлась страстная отвага мысли... А газеты изъ Парижа, начиная съ 24-го февраля, приносили какое-то нервическое раздраженіе... Онѣ читались нарасхватъ во всѣхъ петербургскихъ кофейныхъ; доходило часто до того, что кто-нибудь одинъ овладѣвалъ листкомъ, становился на столъ, окруженный толпою, и всеуслышаніе читалъ декреты временнаго правительства и рѣчи Луи Блана въ Люсембургскомъ дворцѣ... Домашніе газетчики тоже, кажется, дали слово подерживать недоразумѣніе: вмѣсто простой передачи фактовъ, они—думая, что такъ и надобно дѣйствовать,—издѣвались и глумились не только надъ событіями, но даже надъ именами, называя, напримѣръ, Барбеса—Балбесомъ...

„Теперь, оглядываясь на это далекое прошлое, позволительно спросить—нормальна ли была тогдашняя атмосфера, нормально ли было состояніе молодыхъ головъ и могло ли быть нормально сужденіе объ ихъ заблужденіяхъ?“

(В. Е. 1872, II, 503, 547—543).

тастическими идеалами; трудность положенія подавляла ихъ сознаниемъ беспомощности, въ данную минуту, того дѣла, которому посвящены были всѣ ихъ силы.

Такимъ образомъ, это броженіе умовъ, которое — при всей ограниченности его размѣровъ при всей юношеской его наивности — въ то время не замедлили поставить въ прямую связь съ тогдашней европейской революціей и изображать столь же опаснымъ, и которое стало поводомъ къ новымъ репрессивнымъ мѣрамъ, — само было слѣдствіемъ прежнихъ мѣръ этого рода, которыя не давали никакого правильного исхода нарастающимъ потребностямъ и интересамъ.

Но существенная трудность этого положенія вещей состояла въ томъ, что условія его лежали въ самомъ обществѣ, — непониманіе или чисто внѣшнее пониманіе науки, недовѣріе ко всякой новой мысли, выходящей изъ принятой рутины, не только недостатокъ сочувствія, но положительная вражда къ новымъ стремленіямъ литературы, были принадлежностью цѣлой обширной массы общества. Тѣ же взгляды высказывались въ самой литературѣ, — въ той части ея, которая вполне, и намѣренно и безнамѣренно, слѣдовала понятіямъ официальной народности. Эта литература можетъ служить отличнымъ представителемъ большинства; разныя степени этой литературы, начиная «Москвитининомъ» и романтизмомъ Кукольника, и кончая «Маякомъ» и «Сѣверной Пчелой», представляли разныя степени этого большинства, отъ нѣкоторой образованности, съ извѣстнымъ пониманіемъ пригодности науки, до самыхъ низшихъ ступеней образованія, граничившихъ съ невѣжествомъ, и до тѣхъ ступеней общественной нравственности, какія представляла «Сѣверная Пчела». И если руководящія вѣдомства были недовѣрчивы къ новымъ литературнымъ школамъ, находили ихъ вредными, то эти школы сталкивались здѣсь не съ какимъ-либо случайнымъ произволомъ, а съ цѣлымъ взглядомъ на вещи, который масса общества вполне и искренно раздѣляла, съ цѣлымъ умственнымъ тономъ огромнаго большинства такъ-называемаго образованнаго общества. Исполнители дѣлали, конечно, то, что отъ нихъ требовалось, но они сами были убѣждены въ справедливости требованій, и взгляды Бутурлина, Шихматова, Мусина-Пушкина и пр. и пр. принадлежали имъ не только какъ администраторамъ, но и какъ людямъ общества. Въ главѣ о Гоголѣ мы указывали, что критическая школа казалась «скaredной», приписываемое ей знамя казалось «чернымъ», ея дѣятельность казалась положительно зловредною, и такимъ людямъ, отъ которыхъ можно

было бы ожидать болѣе просвѣщеннаго взгляда, людямъ, которые нѣкогда сами стояли въ первыхъ рядахъ литературы, были друзьями и литературными союзниками Пушкина...

Словомъ, критическое направленіе было мало вразумительно и несимпатично большинству, которое чувствовало себя въ лучшемъ изъ міровъ, и вслѣдствіе того считало критику дѣломъ не только не нужнымъ и пустымъ, но злонамѣреннымъ, не понимало въ ней внутреннего побужденія искать истины, а находило только недоброжелательную хулу на вещи, заслуживающія одного удивленія, nepозволительное своеволие и вольнодумство. Самъ Гоголь, который въ своихъ теоретическихъ заблужденіяхъ съ начала и до конца былъ близокъ къ подобной точкѣ зрѣнія, чувствовалъ, однако, силой своего таланта, это положеніе вещей, и не одинъ разъ съ глубокимъ чувствомъ жаловался на тяжелое положеніе писателя, который хочетъ изображать жизнь такую, какова она есть, и не хочетъ только льстить обществу ¹⁾.

¹⁾ Мы приводили уже нѣкоторыя цитаты этого рода. Напомнимъ еще одно мѣсто, въ концѣ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, мѣсто, въ которомъ онъ сдѣлалъ печальную, но, къ сожалѣнію, слишкомъ справедливую характеристику огромной части тогдашняго (а также, кажется, и теперешняго) русскаго общества:

„Но не то' тяжело — говорить онъ, разсуждая о герояхъ своей поэмы, — что будутъ недовольны герои; тяжело то, что жить въ душѣ *неотразимая увѣренность*, что тѣмъ же самымъ героемъ, тѣмъ же самымъ Чичиковымъ, были бы довольны читатели. Не загляни авторъ поглубже ему въ душу... а покажи его такимъ, какимъ онъ показывается всему городу, Манилову и другимъ людямъ, — и всѣ были бы радешеньки, и приняли бы его за интереснаго человѣка. Нѣтъ нужды, что ни лицо, ни весь образъ его не метался бы какъ живой предъ глазами: за то, по окончаніи чтенія, душа не встревожена ничѣмъ, и можно обратиться вновь къ карточному столу, *тишащему всю Россію*. Да, мои добрые читатели, вамъ бы не хотѣлось видѣть обнаруженную человѣческую бѣдность. *Зачѣмъ*, говорите вы, *къ чему это?* Развѣ мы не знаемъ сами, что есть много презрѣннаго и глупаго въ жизни? И безъ того случается намъ часто видѣть то, что вовсе не утѣшительно. Лучше же представляйте намъ прекрасное, увлекательное; пусть лучше позабудемся мы. „Зачѣмъ, ты, братъ, говоришь мнѣ, что дѣла въ хозяйствѣ идутъ скверно?“ говорить помѣщикъ приказчику: „Я, братъ, это знаю безъ тебя; да у тебя рѣчь развѣ нѣтъ другихъ, что ли? Ты дай мнѣ позабыть это, не зная этого — я тогда счастливъ.“ И вотъ тѣ деньги, которыми бы поправили сколько-нибудь дѣло, идутъ на разныя средства для приведенія себя въ забвеніе. Спать уми, можетъ быть, обрѣтшій бы внезапный родникъ великихъ средствъ; а тамъ мѣнѣе бухъ съ аукциона, — и пошелъ помѣщикъ забываться по міру...“

Очевидно, что эта тема могла быть развита еще гораздо дальше, въ гораздо болѣе широкихъ примѣрахъ и примѣненіяхъ.

„Еще падетъ обвиненіе на автора, — продолжаетъ Гоголь, — со стороны такъ-называемыхъ *патріотовъ*, которые спокойно сидятъ себѣ по угламъ и занимаются совершенно посторонними дѣлами, накапливаютъ себѣ капиталы, устроивъ судьбу свою на-счетъ другихъ; но какъ только случится что-нибудь, *по мнѣнію ихъ, оскорбительное* для отечества, появится кака-нибудь книга, въ которой скажется иногда *торжествен-*

Гоголь былъ правъ въ этихъ жалобахъ, и справедливо могъ сказать русскому обществу, — не только по поводу своего героя, который вызвалъ въ немъ эти печальныя размышленія: — «Вы боитесь глубоко устремленнаго взора, вы боитесь сами устремить на что-нибудь глубокій взоръ, вы любите скользять по всему недумающими глазами»... Въ самомъ дѣлѣ, сколько разъ въ то время, и послѣ, до настоящей минуты, сколько разъ происходилъ въ этомъ обществѣ переполохъ, пауки выбѣгали изъ угловъ, и раздавались крики объ оскорбленномъ патріотизмѣ по поводу книги, статьи, говорившихъ о нашей исторіи, нашей общественной жизни и т. д. не въ томъ тонѣ, въ которому привыкли описываемые Гоголемъ патріоты. Тридцать лѣтъ тому назадъ, эта патріотическая чувствительность была развита еще сильнѣе, во всѣхъ кругахъ общества, низшихъ и высшихъ — и можно себѣ представить положеніе той литературы, которая рѣшалась противорѣчить общему мнѣнію, хотѣла указывать обществу идеалы болѣе высокаго достоинства, — для большинства эти идеалы были даже просто невразумительны.

Этотъ общій характеръ жизни, среди которой надо было дѣйствовать новымъ стремленіямъ литературы, безъ сомнѣнія не могъ самъ по себѣ не стѣснять и ея собственное развитіе, и ея вліяніе. По необходимости, она ограничивалась только тѣми предметами, какіе оставались доступны; по необходимости, мысли ея не были досказаны, — а такъ какъ это бывало постоянно, то, быть можетъ, оттого онѣ и не додумывались до конца; лишенные правильныхъ возраженій другой стороны, ограниченныя своими, такъ сказать, алгебраическими формулами, не находя себѣ опоры въ жизненномъ опытѣ, эти мысли не могли развиться до своего естественнаго результата. Цензурная опека ограничивала даже чисто научныя стороны литературы, до полной невозможности серьезнаго научнаго изысканія. Нѣсколько фактовъ могутъ достаточно показать, какъ съ разныхъ сторонъ и до какой прискорбной степени ограничивалось *содержаніе* литературы.

правда, они выбѣгутъ со всѣхъ угловъ какъ пауки, увидѣвши, что запуталась въ паутину муха, и подымутъ вдругъ крики: „Да хорошо ли выводить это на себѣ, провозглашать объ этомъ? Видь это все, что ни описано здѣсь, это все наше, — хорошо ли это? А что скажутъ иностранцы? Развѣ весело слышать дурное мнѣніе о себѣ? Думаютъ: это не больно? Думаютъ: развѣ мы не патріоты“. На такія мудрыя замѣчанія, особенно на-счетъ мнѣнія иностранцевъ, признаюсь, ничего нельзя прибрать въ отвѣтъ...”

Авторъ прибралъ, впрочемъ, одинъ отвѣтъ — извѣстную исторію о двухъ обитателяхъ, Кифѣ Мокиевичѣ и его дѣтищѣ.

Мы видѣли, къ какимъ результатамъ приводила цензурная практика за пятнадцать лѣтъ, 1833 — 1847. Число книгъ значительно уменьшилось по отвлеченнымъ, чисто научнымъ отдѣламъ; уменьшилось даже по отечественной исторіи, теоріи словесности и проч., и увеличилось только по предметамъ чисто практической полезности. Правда, вкусъ къ чисто - отвлеченной философіи въ это время упалъ въ самой литературѣ, но тѣмъ не менѣе философскія изученія, въ которыхъ теперь больше начинала привлекать ихъ реальная сторона, были все-таки невозможны, какъ только сближались съ какими-нибудь вопросами дѣйствительности и какъ-нибудь задѣвали принятую мораль и систему мнѣній. Вопросъ религіозной философіи былъ совершенно въ области разсужденій,—онъ являлся въ литературѣ только въ формѣ догматическихъ сочиненій, писанныхъ специалистами. Подъ конецъ, философія вообще признана была за науку опасную, и послѣ 1849 года была исключена изъ университетскаго преподаванія (вмѣсто нея введено преподаваніе логики и психологіи, поручаемое, кажется вездѣ, преподавателямъ богословія). Репутацию опасныхъ издавна имѣли и науки естественныя, о которыхъ думали, что онѣ имѣютъ специальную способность приводить къ материализму. Геологіи ставилось въ особую обязанность не противорѣчить традиціонному понятію о происхожденіи и возрастѣ земли. Впослѣдствіи, въ наше время, нужна была нѣкоторая смѣлость со стороны цензуры, чтобы снять запрещеніе, лежавшее на цѣломъ рядѣ, между прочимъ, весьма знаменитыхъ, европейскихъ книгъ по естествознанію, которыя до тѣхъ поръ не имѣли никакого доступа въ нашу литературу. Ту же судьбу дѣлила политическая экономія, которой приписывали способность вести къ волюндумству, такъ какъ она вмѣшивалась въ дѣло государственнаго хозяйства съ непрошенными разсужденіями, и къ социализму¹⁾.

Далѣе, опасна казалась и классическая древность, которую теперь такъ восхваляютъ защитники классицизма, какъ путь къ благонамѣренности. Въ министерство кн. Ширинскаго-Шихматова, уваровская система смѣнилась другою системой; обученіе греческому языку въ гимназіяхъ было прекращено; исторія классическаго міра считалась вовсе не такъ важной и полезной, какъ полагали прежде, и нѣкоторые педагоги были того

¹⁾ Эти неблагопріятныя понятія о политической экономіи были тогда довольно распространены и очень сходны съ тѣми, которыя въ двадцатыхъ годахъ повели къ гоненію противъ профессоровъ петербургскаго университета Германа и Арсеньева, преподававшихъ политическую экономію и статистику.

мнѣнія, что греческую и римскую исторію до Августа было бы полезно почти исключить совсѣмъ изъ курса исторіи, такъ какъ греческая исторія, писанная язычниками и республиканцами, какъ-ковы были Геродотъ и Фукидидъ, Титъ-Ливій и Тацитъ, должны были оказывать вредное вліяніе на юные умы. Очень близкій съ этимъ взглядъ выражала и новая программа, составленная въ 1848—1849 году для военно-учебныхъ заведеній генералъ-майоромъ Ростовцовымъ, который также возставалъ противъ «безотчетнаго, можно сказать, поклоненія событіямъ исторіи грековъ и римлянъ, которое такъ долго, и такъ несправедливо, господствовало и въ книгахъ и въ школахъ»: онъ хотѣлъ отдавать справедливость тому, что было замѣчательнаго въ древнихъ классическихъ государствахъ, но предостерегалъ отъ «ложнаго блеска», имъ придаваемаго, и говорилъ, что «не теряя уваженія къ обоимъ народамъ, достигшимъ высокой степени образованія (то-есть, къ грекамъ и римлянамъ)...., мы, теперь, не плѣняемся уже безотчетно республиканскими, нерѣдко, такъ сказать, *мишурными*, театральными добродѣтелями многихъ героевъ Греціи и Рима», и т. д. ¹⁾. Въ университетскомъ преподаваніи греческаго языка явилась новая черта: такъ какъ по вышеуказаннымъ основаніямъ изученіе древнихъ греческихъ писателей, языческихъ и республиканскихъ, представлялось и для университетовъ не полезнымъ въ нравственномъ смыслѣ, или ненужнымъ, то, по указанію начальства, вмѣсто чтенія древнихъ классиковъ вводимо было чтеніе греческихъ писателей византійскаго періода, какъ важныхъ для насъ по своему нравственному и религіозному содержанію ²⁾...

Въ преподаваніи исторіи всеобщей уже и раньше появились особые требованія, смыслъ которыхъ состоялъ въ томъ, что преподаваніе должно было противодѣйствовать либеральнымъ взглядамъ европейскихъ историковъ. Такъ, отъ Грановскаго еще въ 1843—44 году требовали, чтобъ онъ излагалъ реформацію и революцію съ католической (!) точки зрѣнія. Нѣсколько лѣтъ спустя, новый министръ народнаго просвѣщенія указывалъ необходимость «хорошаго руководства къ изученію всеобщей исторіи, написаннаго въ русскомъ духѣ и съ русской точки зрѣнія» ³⁾. Изъ того, какъ понималось тогда это дѣло педагогическими властями, очевидно, что ихъ русская точка зрѣнія была та же са-

¹⁾ Вѣстн. Евр. 1866, III, педагог. Хрон. стр. 14. Біограф. Грановскаго, 244, и слѣд. „Наставленіе для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній“, Сиб. 1849, стр. 103—103.

²⁾ Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ петербургскомъ университетѣ.

³⁾ Біограф. Грановскаго, стр. 245 и слѣд.

мая, что католическая въ предыдущемъ примѣрѣ. Взгляды, составлявшіе эту такъ-называемую русскую точку зрѣнія, были дѣйствительно таковы, какъ намекалъ на это Грановскій въ своей запискѣ о новой программѣ преподаванія всеобщей исторіи. Какъ эта точка зрѣнія дѣйствовала въ дѣлѣ преподаванія, такъ она дѣйствовала и въ цензурѣ. Тѣ историческіе предметы, для которыхъ требовалась католическая точка зрѣнія, наконецъ, просто отсутствовали въ литературѣ. Это были цѣлые періоды исторіи, цѣлыя явленія историческаго развитія. Новѣйшая исторія была окончательно невозможна въ русской книгѣ. Книги европейской знаменитости, какъ сочиненія Шлоссера, Гервинуса и т. п., были запрещены даже и въ подлинникѣ. Впослѣдствіи, съ нѣкоторымъ трудомъ были допущены первыя извлеченія изъ Маколея, и т. д.

Это повторилось даже и въ самой русской исторіи. Тѣ взгляды, какихъ давно уже держались тогдашніе консерваторы, или люди, выражавшіе мнѣніе большинства, — эти взгляды вполне высказались въ репрессивныхъ цензурныхъ мѣрахъ, принятыхъ послѣ 1849 года. Русская исторія должна была изображать и доказывать извѣстные принципы, которые давались готовыми; въ историческихъ сочиненіяхъ должны были устраняться черты и эпохи, въ которыхъ можно было видѣть что-либо неблагопріятное этимъ принципамъ. Извѣстна печальная исторія по поводу перевода книги Флетчера о Россіи *XVI-го вѣка*, — исторія, результатомъ которой было прекращеніе на много лѣтъ изданія «Чтеній московскаго общества исторіи и древностей» г. Бодянскимъ. Къ числу неблагопріятныхъ подробностей, устранявшихся изъ литературы, отнесены были всѣ періоды народныхъ волненій, исторія переворотовъ XVIII-го столѣтія; даже древній бытъ, міеологія, этнографическое изученіе народныхъ обычаевъ возбуждали недоумѣніе, и печатаніе изслѣдованій затруднялось и останавливалось ¹⁾.

¹⁾ Въ напечатанныхъ недавно запискахъ извѣстнаго археолога Сахарова («Р. Арх.», 1873, стр. 930) мы находимъ свѣдѣніе, что даже Сахаровъ встрѣчалъ неблагопріятныя пріятствія при изданіи своихъ книгъ. По поводу своего изданія: «Сказанія русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ» (описаніе народныхъ обычаевъ), выходившаго еще въ 1836 году, Сахаровъ замѣчаетъ: «Бѣдная книга! Сколько она прошла митарствъ, судовъ, пересудовъ, толковъ...» А г. Саввантовъ, одинъ изъ друзей Сахарова, сообщившій его записки въ «Р. Арх.», прибавляетъ: «Дѣйствительно, дѣло доходило до того, что Сахарову угрожали уже Соловками, и бѣда уже висѣла надъ его головою; но участіе, принятое въ немъ кн. А. Н. Голицынымъ, избавило нашего археолога отъ душевнеспасительнаго пребыванія въ отдаленной обители...» По ходатайству кн. Голицына, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ врачомъ въ почтовомъ вѣдомствѣ, Сахаровъ потомъ получилъ даже высочайшую награду.

Такъ смотрѣли низшія вѣдомства на этнографическіе труды, очевидно, подъ влі-

Новѣйшая исторія была невозможна, за исключеніемъ чисто официальной. Исторія церкви — также. Расколъ былъ раздѣленъ между двумя специальными вѣдомствами: министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, свѣдѣнія котораго, и даже печатныя изданія, были официальны и «совершенно секретны», и другимъ вѣдомствомъ, которое являлось только съ одними богословско-полемическими обличеніями.

Наконецъ, вопросы общественные, наблюденіе современныхъ явленій, ихъ историческое объясненіе были совершенно закрыты отъ литературы; многочисленныя спеціальныя цензуры, подъ строгимъ надзоромъ комитета 2-го апрѣля, исключали всякую возможность касаться множества предметовъ общественной и государственной жизни, или прилагать къ нимъ какую-нибудь критику.

Такими трудностями обставлена была дѣятельность литературы, и всего больше были эти трудности въ сороковыхъ и первыхъ пятидесятихъ годахъ, когда замѣченные успѣхи новыхъ направлений вызвали еще болѣе суровыя репрессивныя мѣры. Огромное большинство общества не было на сторонѣ этихъ новыхъ направлений; оно или мало интересовалось ими, или относилось къ нимъ недружелюбно, — потому что предпочитало не тревожить своего сонливаго спокойствія никакими размышленіями. Но эти трудности не остановили развитія новой литературы, и ея внутренняя сила ни въ чемъ не обнаруживается такъ наглядно и ясно, какъ именно въ томъ, что она не только удержалась при этихъ условіяхъ, но успѣла наконецъ оказать вліяніе на умы. Стѣсненная въ самомъ содержаніи изслѣдованій, она выработала довольно опредѣленныя представленія объ историческомъ ходѣ и современномъ состояніи русской жизни, о томъ, что нужно для ея здраваго развитія, и уже вскорѣ привлекала къ себѣ горячее сочувствіе людей, въ которыхъ были возбуждены болѣе глубокіе интересы. Въ литературѣ новыхъ школъ господствовали по преимуществу общіе историческіе, литературно-художественные вопросы, но они ставились въ такомъ широкомъ смыслѣ, что заключали въ себѣ цѣлое нравственное и общественное міровоззрѣніе, и литература пріобрѣтала широкое воспитательное значеніе. Вышнія стѣсненія

ніемъ понятій, жившихъ въ самомъ обществѣ. Желательно, чтобы исторія трудовъ Сахарова была разсказана подробнѣе знающими ее современниками. — Всего удивительнѣе то, что образъ мыслей Сахарова былъ въ высшей степени патріотическій, и именно въ тогдашнемъ патріотическомъ духѣ. Онъ былъ преданныйшій поклонникъ тогдашней системы (см. любопытныя подробности его мнѣнія тамъ же, въ „Р. Арх.“, стр. 903 и слѣд., особенно 915 и друг.).

не остановили, по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ тѣсномъ кругѣ людей, развитія ихъ мыслей. То, чего нельзя было говорить въ печати прямо, говорилось косвенно, намеками. Одинъ историкъ нашей цензуры дѣлалъ по этому поводу такое замѣчаніе: «Невозможно исчислить случаевъ удержанія или смягченія цензурою всѣхъ горькихъ сатирическихъ выходовъ въ сороковыхъ и даже тридцатыхъ годахъ; но нерѣдко ей это не удавалось; случалось, что подъ вымышленными именами... сатира обманывала бдительность цензуры, и уже публика разгадывала ее истинное значеніе». Одна официальная записка, поданная въ 1848 году, указывала, что въ этой литературѣ «каждое слово есть обвинякъ», что «литература наша, и особенно нѣкоторые изъ петербургскихъ журналовъ, исполнены этихъ обвинявовъ и намековъ, прозрачныхъ для смышленныхъ читателей». То, что не могло быть досказано въ книгѣ и намеками, досказывалось въ разговорахъ. Чтеніе иностранной литературы, которая, въ самыя строгія цензурныя времена, проникла контрабандой, довершало распространеніе понятій, на которыя литература только указывала, и давало этимъ понятіямъ ясность и опредѣленность. Правда, книги были рѣже, чѣмъ впослѣдствіи, обращеніе ихъ было труднѣе; но самое преслѣдованіе, которому онѣ подвергались, придавало имъ тѣмъ больше значенія, онѣ читались усерднѣе, и приобрѣтали ревностныхъ послѣдователей ученіямъ, которыя при другомъ положеніи вещей, по всей вѣроятности, не нашли бы такого обширнаго успѣха...

Въ такомъ отношеніи стояли другъ къ другу два направленія понятій—старое и новое, строго консервативное и прогрессивное, узко-національное и національное въ гораздо болѣе широкомъ смыслѣ, одно, принадлежавшее огромному большинству, другое — незначительному меньшинству. Въ понятіяхъ большинства, и органовъ, выражавшихъ его мысли, литературныхъ и не-литературныхъ, господствовавшій *statusquo* былъ наилучшій, какой только можетъ существовать: здѣсь предполагалось, что мы—народъ избранный, который не нуждается въ Европѣ и превосходство котораго она, если иногда и не признаетъ, то только по безсильной зависти,—что вслѣдствіе того, новое направленіе умовъ, проявлявшееся въ обществѣ и наклонное къ скептическому сомнѣнію, есть просто злонамѣренное покушеніе внести раздоръ въ это мирное благосостояніе. Люди консервативныхъ мнѣній могли совершенно искренно не понимать этого направленія, его побужденій и желаній, и приходили къ выводу, что единственный источникъ его—самоволіе мысли, которое и нужно было поэтому обуздать и смирить. Когда новое направленіе, естествен-

нымъ ходомъ образованности, покидало прежнюю дорогу и начинало строже присматриваться къ явленіямъ нашей общественности,—другое направленіе оставалось еще въ той степени умственного развитія, когда критика вовсе не составляет непреодолимой потребности. Какъ ни мало выражалось въ литературѣ содержаніе новаго направленія, но люди консервативныхъ мнѣній угадывали, что сущность его въ этомъ пунктѣ была прямо противоположна ихъ понятіямъ, — и потому они относились къ нему съ враждой и съ репрессивнымъ противодействіемъ. По всему складу ихъ понятій, по всей давнишней практикѣ этого рода нельзя было конечно и ждать, чтобы они предоставили противной сторонѣ свободу высказываться...

Натянутыя отношенія того времени были таковы, что едва ли можно было предвидѣть ихъ измѣненіе безъ вмѣшательства новыхъ обстоятельствъ. Иначе, тягостное положеніе литературы могло продолжаться безъ конца: одна сторона не могла бы слишкомъ скоро придти къ иному взгляду на вещи, другая не имѣла средствъ измѣнить свое вѣдѣніе. Новымъ обстоятельствомъ, которое произвело довольно сильный, временный поворотъ общества,—была крымская война.

Извѣстно, какимъ высокоуміемъ преисполнено было русское общество въ началѣ этой борьбы, съ какою самоувѣренностью оно рассчитывало на непобѣдимость своихъ силъ и на посрамленіе врага. Это было совершенно сообразно съ тѣмъ, что думало это общество въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, въ чемъ его убѣждали и воспитывали: могла ли быть страшна Европа, къ которой оно привыкло относиться съ такимъ чувствомъ своего превосходства? Другая, меньшая часть общества, именно люди новаго направленія, смотрѣла на вещи гораздо болѣе трезво, далеко не самонадѣянно и, какъ показали послѣдствія, очень вѣрно. Они думали, что Европа, съ которой приходилось бороться, если и не превосходила насъ энергіей національнаго чувства, военнаго мужества, то, въ счетъ силъ, имѣла надъ нами несомнѣнное преимущество болѣе высокой цивилизаціи, болѣе высокаго гражданскаго развитія; что въ предстоящей борьбѣ должна была соперничать не только сила оружія, но и сила образованности. Меньшинство съ опасеніями ожидало событій, которыя должны были рѣшить не одинъ политическій международный вопросъ, но и указать и на рѣшеніе нашего внутренняго вопроса о судьбѣ русской образованности и направленіи общественнаго развитія.

Какъ дѣйствовали событія на людей этого меньшинства, можно

видѣть (чтобы говорить фактическими данными), напримѣръ, изъ того, какое впечатлѣніе производили они на Грановскаго. Мы особенно охотно обращаемся къ этому примѣру, потому что Грановскій (какъ ни смотрѣли на него въ свое время крайніе консерваторы), человекъ отъ природы мягкій, примиряющій, всего меньше могъ быть обвиненъ въ рѣзкости мнѣній, въ нетерпимости, въ какомъ-нибудь радикализмѣ. Съ людьми послѣдняго рода онъ доходилъ даже до настоящаго разрыва, защищая свои идеалистическія, гуманныя теоріи; онъ далеко не былъ крайнимъ и въ своихъ мнѣніяхъ о предметахъ общественныхъ.

Грановскій, какъ вообще люди, принадлежавшіе къ новымъ литературнымъ школамъ, былъ тяжело пораженъ тѣми мѣрами, какія принимались съ 1848 года противъ литературы, университетовъ и т. д. Сколько могъ, онъ старался защищать ихъ дѣло, когда представлялся къ тому какой-нибудь случай. Иногда, онъ съ горечью высказывалъ друзьямъ безотрадное чувство, которое ихъ овладѣвало ¹⁾. Ему совершенно ясно было значеніе тѣхъ явленій, которыя онъ видѣлъ кругомъ себя. Для него ясно было и значеніе того столкновенія, которое привело къ восточной войнѣ... «На западѣ скоплялась гроза и надвигалась на Россію,— рассказываетъ біографъ Грановскаго. Русское общество исполнилось тревожныхъ и неясныхъ ожиданій. Началось передвиженіе войскъ нашихъ, начались уже столкновенія съ турецкими войсками. Торжество русскаго флота при Синопѣ (18-го ноября 1853 г.) возбудило радость въ русскомъ обществѣ, но порождало вмѣстѣ и преувеличенныя, легкомысленныя надежды. Въ кругахъ московскаго общества Грановскій встрѣчалъ людей, говорившихъ о врагахъ, выступавшихъ противъ Россіи: мы ихъ шапками забрасаемъ. Когда союзный флотъ французскій и ан-

¹⁾ Въ 1850 г. онъ писалъ къ одному изъ своихъ друзей: „Положеніе наше становится нестерпимѣе день ото дня. Всякое движеніе на Западѣ отзывается у насъ стѣснительной мѣрой. Доносы идутъ тысячами. Обо мнѣ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ два раза собирали справки. Но что значить личная опасность въ сравненіи съ общимъ страданіемъ и гнетомъ.“ Онъ упоминаетъ о мѣрахъ, которыя приняты были относительно университетовъ; замѣчаетъ, что господствовавшая тогда система „громко говорила, что она не можетъ ужиться съ просвѣщеніемъ“; упоминаетъ о программѣ новаго преподаванія для кадетскихъ корпусовъ. „Иезуиты позавидовали бы военному педагогу, составителю этой программы. Священнику предписано внушать кадетамъ, что величіе Христа заключалось преимущественно въ покорности властямъ. Онъ представляется образцомъ подчиненія и дисциплины. Учитель исторіи долженъ разоблачать мншурныя добродѣтели древнихъ республикъ и показывать величіе непонятой исторіи римской имперіи, которой недоставало только одного — насѣдственности!“

гійскій уже готовился войти въ Черное море, въ Москвѣ не только многія изъ дамъ, но и изъ воиновъ, доживавшихъ въ ней свой вѣкъ, толковали, что враги недоумѣваютъ, что имъ дѣлать, и хлопочутъ только о томъ, какъ выпросить себѣ пощады и мира у Россіи... Грановскій, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившій за ходомъ готовившихся и грозно развивавшихся событій, за общественнымъ мнѣніемъ Европы, за планами и переговорами европейскихъ правительствъ, за приготовленіями къ войнѣ, раздражался и оскорблялся невѣжественными или легкомысленными толками и мнѣніями, раздававшимися вокругъ него. Опасность, грозившая Россіи, была для него ясна. «Чѣмъ приготовились мы для борьбы съ *цивилизацией*, высылающей противъ насъ свои силы?» задавалъ онъ горькій вопросъ людямъ, легко вѣровавшимъ въ счастливый для Россіи исходъ возникшей борьбы...

«Съ этого времени онъ находился въ особенно возбужденномъ состояніи. Грозныя событія, переживаемыя тогда Россіею, начали вызывать въ лучшихъ умахъ русскаго общества сознаніе положенія и недостатковъ общественнаго устройства Россіи. Для Грановскаго такое сознаніе становилось мучительнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Въ то тяжкое время мысль его обращается чаще всего къ великому преобразователю Россіи, къ *Петру*... Онъ горячо любилъ русскихъ и Россію, онъ зналъ и высоко цѣнилъ многія стороны русскаго характера, но понималъ и всѣ ихъ недостатки. Съ горечью замѣчалъ онъ, что русскій народъ умѣетъ славно умирать за отечество, но жить для него не умѣетъ. Россіи нужны *преобразования*, ей нуженъ преобразователь — вотъ что глубоко сознавалъ и глубоко чувствовалъ онъ въ послѣднее время своей жизни» ¹⁾).

Это послѣднее время вообще наводило его на самыя мрачныя мысли. Оно разрушало всѣ надежды дѣятельности, которыя онъ питалъ съ давняго времени. «Есть съ чего сойти съума. Благо Бѣлинскому, умершему во-время» — говорилъ онъ въ 1850 году. «Сердце ноетъ при мысли, чѣмъ мы были прежде и чѣмъ стали теперь» — писалъ онъ къ одному другу въ 1853 году, указывая на то, какъ тогдашнія условія русской жизни не давали мѣста ни малѣйшему проявленію тѣхъ идеальныхъ, научныхъ, общественно-воспитательныхъ стремленій, которыя въ особенности у Грановскаго отличались кроткимъ и любящимъ характеромъ...

¹⁾ Біогр. Гран., 270—275.

Указанное нами настроеніе Грановскаго, какъ мы замѣтили, было общее настроеніе всего круга людей, раздѣлявшихъ тотъ же образъ мыслей. Это общее настроеніе видоизмѣнялось по различіямъ личнаго характера, темперамента, ясности и силы убѣжденій; но для всѣхъ эти годы были годами тяжелаго испытанія, опасеній за судьбу русскаго развитія, горькаго чувства подавленныхъ надеждъ, — и результатомъ всего было глубокое убѣжденіе въ необходимости иного порядка дѣлъ, необходимости широкихъ и энергическихъ преобразованій, которыя одни могли вывести Россію изъ ея фальшиваго и опаснаго положенія.

Прошло два-три года, и съ окончаніемъ войны въ русскомъ обществѣ произошла метаморфоза — наступили знаменитые годы нашего «прогресса». Общій тонъ мнѣній чрезвычайно измѣнился: во-первыхъ, невозможно было не признать превосходства той «цивилизациі», о которой говоритъ Грановскій; во-вторыхъ, новый правительственный періодъ давалъ возможность ожидать смягченія опеки, и это оказало вліяніе не только на людей, которые прежде боялись высказывать свои мысли, но и на людей, которые привыкли совсѣмъ «не смѣть свое сужденіе имѣть». Положеніе литературы измѣнилось не вдругъ; въ первое время еще продолжали господствовать прежніе цензурные приемы, — но постепенно эти приемы смягчались, литературѣ давалось все болѣе и болѣе простора противъ прежняго, и она тотчасъ воспользовалась новыми, благопріятными условіями.

Если мы обратимъ теперь вниманіе на то, что говорилось теперь въ обществѣ, что стало высказываться въ литературѣ и встрѣчать всего больше одобренія въ самой публикѣ, встрепенувшейся къ «прогрессу», — мы увидимъ, что въ сущности это были именно тѣ взгляды, которые господствовали въ литературныхъ школахъ сороковыхъ годовъ. Когда, во второй половинѣ пятидесятихъ годовъ, начались эти разнообразныя заботы о русскомъ прогрессѣ, въ сущности это было то же самое, что говорили нѣкогда Бѣлинскій, Грановскій и ихъ друзья. Мнѣнія этой школы, которыя немного лѣтъ тому назадъ считались у большинства дерзкимъ вольнодумствомъ, умничаньемъ кабинетныхъ людей, стали теперь какъ будто вновь открытой истиной и вскорѣ потомъ общими мѣстомъ, которымъ смѣло пользовался каждый, кому, искренно или неискренно, хотѣлось не отстать отъ вѣка. Наша общественная дѣятельность стала теперь представляться вовсе не въ томъ блистательномъ видѣ, какою считали ее прежде; сколько прежде большинство находило ее благополучной, столько теперь стали отыскивать въ ней недостатковъ; самообличеніе полилось потоками.

Извѣстно, какъ это движеніе въ либеральную сторону захватывало даже людей, собственно говоря вовсе не склонныхъ къ какому-нибудь либерализму и которые, нѣсколько лѣтъ спустя, потропились вернуться къ прежнему, находя, что это и проще и можетъ быть при новыхъ обстоятельствахъ гораздо выгоднѣе... Но если, мимо этихъ каррикатурныхъ сторонъ того времени, въ которыхъ уже тогда люди болѣе проникательные угадывали ту же безхарактерную податливость большинства, если обратить вниманіе на то, что занимало людей, болѣе серьезно и горячо принимавшихъ общественный интересъ, и что стало теперь предметомъ правительственныхъ начинаній, то параллель съ идеями литературныхъ школъ сороковыхъ годовъ становится несомнѣнна. Въ этомъ и заключается ихъ историческій смыслъ. Въ нихъ было именно стремленіе къ тому преобразованію, которое совершалось теперь въ различныхъ областяхъ общественной и государственной жизни. Освобожденіе крестьянъ; уничтоженіе взяточничества—не моральными проповѣдями, а болѣе разумными учрежденіями; преобразование судовъ и введеніе присяжныхъ; извѣстный просторъ для общественной самодѣятельности; введеніе гласности какъ для дѣятельности административной и судебной, такъ и для другихъ предметовъ общественаго значенія, и рядомъ съ этимъ, свобода печати; наконецъ, сколько возможно болѣе широкое образованіе для всѣхъ классовъ общества—все это было ясно сознаннымъ и безспорнымъ убѣжденіемъ сороковыхъ годовъ. Правда, писатели того времени не могли развить всего этого прямымъ образомъ, не изложили этого въ положительной формѣ,—но имъ помѣшала въ этомъ только практическая невозможность, тѣ цензурныя препятствія, которыя вообще не дали имъ высказать вполне своего образа мыслей. Для читателей серьезныхъ былъ и тогда, въ общихъ чертахъ, ясенъ тотъ характеръ общественной и государственной жизни, какого они должны были желать по ихъ взгляду на вещи. Многіе изъ тѣхъ писателей продолжали дѣйствовать и послѣ, дѣйствуютъ и до сихъ поръ, и когда въ пятидесятыхъ годахъ они говорили объ общественныхъ преобразованіяхъ, они конечно высказывали не вновь придуманныя, а давнишнія свои мысли. До какой рѣзкой ясности доходили понятія этого круга въ сороковыхъ годахъ, можетъ служить примѣромъ не разъ нами указанное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю.

Итакъ, если въ сороковыхъ годахъ эти люди были гонимы, если имъ ставили въ упрекъ, что они точно по недоброжелательству не хотятъ признавать порядка вещей, составляющаго общее благополучіе, ихъ вина состояла только въ томъ, что они думали

массы общества понимали положеніе вещей, истинный интересъ народа и государства: они не хотѣли повторять лъстивой лжи о всеобщемъ благополучіи, и видѣли тѣ слабыя стороны общества и государства, которыя нуждались въ перемѣнѣ и по требованію разумной справедливости, и по требованію національнаго само-сохраненія. Первое испытаніе, которое встрѣтилось потомъ націи, подтвердило ихъ предвидѣнія и повело общество на тотъ путь преобразованія, каковаго они давно желали.

Такова нравственно-общественная заслуга писателей сороковыхъ годовъ и ихъ историческое значеніе. Не будемъ говорить о томъ, какой урокъ слѣдуетъ изъ ихъ исторіи: историческіе уроки сами собою ясны тѣмъ, кто умѣетъ понимать общественныя явленія и относится къ нимъ съ честнымъ желаніемъ истины, и бесполезно указывать ихъ тѣмъ, кто смотритъ на міръ, «выирая пальцемъ въ носу», какъ выражается великій реалистъ Гоголь, или кому нѣтъ дѣла до истины и до интересовъ общества.

Намъ остается упомянуть тѣ, не вполнѣ благоприятныя заключенія о литературной эпохѣ сороковыхъ годовъ, какія вызвала современная дѣятельность нѣкоторыхъ писателей, принадлежавшихъ той эпохѣ по началу своей дѣятельности; мы уже касались отчасти этого предмета, и ограничимся немногими замѣчаніями. «Московскія Вѣдомости» и «Русскій Вѣстникъ» издаются людьми сороковыхъ годовъ, и это заставляло нѣкоторыхъ думать, что въ идеяхъ сороковыхъ годовъ была извѣстная неустойчивость, неясность, неполнота, которыя и сдѣлали возможнымъ превращеніе ихъ прежняго либерализма въ нѣчто не только консервативное, но какъ будто просто обскурантное. Можно пожалуй прибавить, что и нынѣшній «Гражданинъ» издается также самымъ настоящимъ, повидимому, человекомъ сороковыхъ годовъ, и прислать другіе примѣры подобныхъ превращеній. Но они еще не доказываютъ того, что хотятъ ими доказать. Начать съ того, что издатели «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника» не занимали въ литературѣ сороковыхъ годовъ никакой яркой роли, по которой можно было бы опредѣленно характеризовать ихъ прошедшее. Нынѣшній редакторъ «Гражданина» приобрѣлъ тогда («Бѣдными людьми») свою славу какъ писатель беллетристическій, извѣстнаго гражданско-филантропическаго характера, навѣяннаго Гоголемъ, — но о другихъ его произведеніяхъ Бѣлинскій еще тогда же мѣтко отзывался какъ о «нервической чепухѣ», которая въ послѣднее время и господствуетъ, кажется, безраздѣльно, въ его произведеніяхъ. Словомъ, эти и подобные примѣры, гдѣ превращеніе слишкомъ опредѣлялось личными свойствами, еще не го-

ворять противъ силы, искренности и исторической важности идей сороковыхъ годовъ, какъ онѣ понимались лучшими людьми того времени. Противъ приведенныхъ примѣровъ можно было бы привести другіе, гдѣ превращенія не послѣдовало, и гдѣ, напротивъ, сущность взглядовъ не только сохранялась, но и развивалась далѣе. Но, дѣйствительно, есть пункты различія, гдѣ люди сороковыхъ годовъ (т.-е. люди тогдашнихъ прогрессивныхъ понятій) уже не сходились съ новыми поколѣніями, гдѣ взгляды первыхъ могли не удовлетворять, могли казаться ошибочными и узкими даже и въ томъ случаѣ, еслибъ нисколько не отступили отъ своего первоначальнаго типа. Первые были больше идеалисты и отвлеченные либералы, когда вторые больше чувствовали реальныя стороны жизни, науки и искусства. Эта существенная разница весьма понятна. Первые начинали то дѣло, которое продолжали вторые, и продолженіе естественно встрѣчало новыя стороны предмета, ближе опредѣляло прежнія, отъ вещей общихъ приходило къ частностямъ, отъ отвлеченныхъ — къ практическимъ. Съ другой стороны, измѣнилось направленіе европейской мысли, которая продолжала оказывать сильное вліяніе на содержаніе нашей образованности. Первые больше были подъ вліяніемъ отвлеченно-философскихъ, обще-историческихъ изученій, или встрѣчались съ ученіями социальными въ ихъ самой крайней идеалистической формѣ у французскихъ социалистовъ, которые могли дать только самыя общія черты своего отдаленнаго идеала. Вторые уже не видѣли безусловнаго господства отвлеченной философіи, и больше знакомы были уже съ ея послѣдними развитіями у лѣвой стороны гегелянства, или съ новыми изслѣдованіями въ области естественной философіи; изученія историческія приняли болѣе широкій и положительный характеръ, который представляла теперь сама европейская литература, и который обнаруживался также и въ нашихъ собственныхъ изученіяхъ своего прошлаго; политико-экономическія ученія новѣйшаго времени оставили почву отвлеченнаго социализма, и говорили о достиженіи лучшаго устройства экономическихъ отношеній, уже не фантастическими, но въ дѣйствительности возможными средствами, напр. извѣстными учрежденіями, развитіемъ коопераціи внѣ государственной инициативы или подъ ея прямымъ вѣдѣніемъ, и т. д. Новое положеніе печати, во всякомъ случаѣ болѣе благоприятное чѣмъ прежде, произвело также разницу условій, вліяніе которой отражается и на сужденіяхъ о литературѣ сороковыхъ годовъ. Наконецъ, самыя событія преобразованія, совершавшіяся въ новый правительственный періодъ, могли производить, и производили на тѣхъ и дру-

гихъ различное впечатлѣніе. Первые мечтали нѣкогда о лучшихъ временахъ, о болѣе свободѣ для общества, для литературы и науки, такъ мало видѣли кругомъ себя условій для этого, и такъ мало надѣялись въ свое время на исполненіе своихъ мечтаній, и съ другой стороны вынесли изъ-за нихъ такъ много мелкихъ и крупныхъ испытаній, что этихъ людей, очевидно, должна была удовлетворять гораздо меньшая доля исполненія ихъ желаній, чѣмъ людей, для которыхъ общественный опытъ почти начинался прямо съ этого новаго порядка вещей. Для первыхъ было важно одно то, что признанъ былъ тотъ или другой общій принципъ: по тому, что они видѣли въ прежней русской общественности, и это казалось уже, и дѣйствительно было важнымъ приобрѣтеніемъ, и утомившаяся энергія не увлекалась новыми исканіями. Для вторыхъ, новый принципъ, вводимый въ жизнь, казался дѣломъ необходимости, почти условіемъ національнаго существованія, которому безъ этого грозила, по ихъ мнѣнію, серьезная опасность ослабленія и упадка, въ виду европейскаго сосѣдства и враждебнаго соперничества. Съ этой точки зрѣнія, справедливость которой едва ли подлежитъ сомнѣнію, не довольно было одного неяснаго, обоюднаго, такъ сказать, безхарактернаго заявленія принципа, но было необходимо послѣдовательное проведеніе его, потому что только это послѣднее и могло считаться сколько-нибудь дѣйствительнымъ противъ многообразныхъ золь, продолжающихъ искажать и обезсиловать внутреннюю русскую жизнь. Чѣмъ болѣе вторые имѣли случаевъ не находить этой послѣдовательности, естественно тѣмъ болѣе ихъ точка зрѣнія дѣлалась исключительною, и тѣмъ меньше становилось возможно соглашеніе съ идеалистическимъ оптимизмомъ.

Таково отношеніе двухъ періодовъ прогрессивнаго направленія нашей литературы, или, пожалуй, двухъ литературныхъ и общественныхъ поколѣній. Если притомъ многіе изъ людей школы сороковыхъ годовъ въ послѣднее десятилѣтіе не выдержали своего либерализма, и, напр., изъ англоманско-либеральнаго «Русскаго Вѣстника» пятидесятихъ годовъ могли произойти новѣйшіе «Русскій Вѣстникъ» и «Московскія Вѣдомости», и послѣднія могли (по крайней мѣрѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ) приобрѣсти еще болѣе пламенныхъ поклонниковъ, чѣмъ имѣли въ пору своего либерализма (а тогда поклонниковъ также было очень много), то очевидно, что это отступленіе бывшихъ либераловъ на попятный дворъ надо разсматривать не только какъ ихъ личное дѣло, но и какъ явленіе общественнаго свойства. Если отступленіе и

было внушено расчетомъ на личный интересъ, на популярность и т. д., то возможность популярности, приобретаемой подобнымъ отступленіемъ, показываетъ, что въ самомъ обществѣ заговорили уже иные инстинкты, и писатели, поддавшіеся имъ, возвращались въ ту же толпу, изъ которой они выдѣлились нѣкогда, какъ ея руководители. Въ этой массѣ снова заговорили ея давнишнія свойства, та вражда къ умственному труду, ненависть къ тому, что не льститъ ея грубому самодовольству, которыя два десятилѣтія тому назадъ обошлись обществу такъ дорого.

Насъ отдѣляетъ отъ литературныхъ шеолъ сороковыхъ годовъ цѣлый періодъ новаго развитія, въ которомъ совершилось много важныхъ событій, общественныхъ и литературныхъ; теперь привыкли считать описываемое нами время давнимъ прошлымъ. которое мы далеко опередили,—но, какъ ни важны многія изъ совершившихся перемѣнъ, въ сущности наше время, по своему содержанію, еще не такъ далеко ушло отъ этого давняго прошедшаго и не исполнило тѣхъ задачъ, которыя послѣднее ставило русскому общественному развитію и литературѣ. Не будемъ говорить о тѣхъ понятіяхъ гражданской жизни, которыя были уже прочно усвоены лучшими людьми той эпохи, и которыя до сихъ поръ еще не были признаны нашимъ временемъ и не получили мѣста въ учрежденіяхъ. Самый вопросъ образованія, хотя разъяснился нѣсколько съ того времени, и самимъ обществомъ было при этомъ положено не мало прекрасныхъ намѣреній и дѣйствительнаго труда,—все еще находится въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Нравственное освобожденіе общества образованностью, которое было основнымъ интересомъ того времени, до сихъ поръ не достигнуто даже въ средѣ наиболѣе образованнаго общества, стоящаго во главѣ народа. И въ этихъ скромныхъ размѣрахъ оно остается идеаломъ, быть можетъ еще очень не близкаго будущаго. Нашимъ обществомъ не достигнуто, и не существуетъ въ обычаяхъ и нравахъ его, и то понятіе, безъ котораго немислимы серьезныя успѣхи въ образованіи,—понятіе о свободѣ научнаго изслѣдованія. Положеніе науки, правда, съ тѣхъ поръ также нѣсколько улучшилось, но самый принципъ этого положенія остался тотъ же. Какъ тогда, наука все еще находится подъ надзоромъ опеки; ея отдѣлы все еще дѣлятся на полезные и вредные, безопасные и опасные, желательные и нежелательные; нѣкоторые все еще не имѣютъ мѣста въ русской литературѣ и на русскомъ языкѣ. Оттого, существованіе нашей науки до сихъ поръ случайно и непрочно, и она продолжаетъ оставаться въ прежнемъ вассальномъ отношеніи къ

европейской образованности, — которое оставляет за нами репутацію умственного несовершенности и, къ сожалѣнію, не безъ основанія; потому что отсутствіе самой возможности собственнаго свободнаго изслѣдованія, поневолѣ дѣлаетъ бѣдной нашу научную литературу и ставитъ, какъ ее, такъ и цѣлую нашу образованность, въ подчиненіе литературѣ и образованности европейской.

Въ нашей литературѣ — и въ той, которую мы изучали въ этихъ очеркахъ, и въ современной, — къ сожалѣнію, слишкомъ часто чувствуется этотъ недостатокъ свободнаго движенія, связывавшій мысли лучшихъ писателей, въ наукѣ и поэзіи, въ критикѣ и романѣ, въ изученіи прошедшаго и въ изображеніяхъ настоящаго. Имѣвши въ виду указать нѣкоторые основные факты въ исторіи нашего общественнаго самосознанія, мы не могли не встрѣчаться съ прискорбными явленіями подобнаго рода, такъ какъ они слишкомъ часто повторяются въ этой исторіи. Скучно припоминать, сколько это навлекло настоящимъ очеркамъ нелѣпыхъ обвиненій — въ неуваженіи къ нашей литературѣ, въ желаніи бросать на ея славныя имена невыгодную тѣнь, въ непризнаніи того, что есть въ ней высочайшаго и замѣчательнаго и т. д., — обычный приѣмъ невѣжественныхъ людей, которымъ трудно отвѣчать вразумительнымъ для нихъ образомъ. Эти очерки — не исторія художественной литературы; ихъ цѣлью было указать общественную сторону нашего литературнаго развитія, и только съ этой точки зрѣнія мы высказывали свое мнѣніе. Оно опиралось на фактахъ, на цитатахъ, къ пересмотру которыхъ и слѣдовало обращаться критикѣ. Если указанные факты оставляли иногда неблагоприятное впечатлѣніе, — неужели надо было скрывать ихъ, или поддразнивать ихъ? И неужели это послѣднее было бы уваженіемъ къ литературѣ? Въ высказанныхъ мнѣніяхъ могутъ быть ошибки, преувеличенія, — они могутъ быть исправлены новымъ изслѣдованіемъ.

То, чего мы искали въ своемъ изслѣдованіи, это — опредѣленіе дѣйствительныхъ отношеній литературы къ образованію общественныхъ понятій; чего мы глубоко желали бы для литературы, это будетъ понятно каждому читателю, у котораго есть интересъ къ ея широкому и свободному развитію и процвѣтанію.

А. Пыпинъ.

ПЕРЕДѢЛКИ СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ

Нападенія Ласкера на прусскихъ концессионеровъ и учредителей акціонерныхъ обществъ обратили вниманіе на неудовлетворительность послѣдняго акціонернаго закона, изданнаго въ 1870 году; въ палатахъ и въ печати стали раздаваться громкія требованія о его немедленномъ пересмотрѣ и измѣненіи. Но многіе изъ нѣмецкихъ юристовъ возвысили свой голосъ противъ излишней, въ этомъ отношеніи, торопливости; они доказывали, что всякій законъ, будучи введенъ въ дѣйствіе, въ теченіе первыхъ же лѣтъ выказываетъ свои недостатки, что не слѣдуетъ спѣшить исправленіемъ этихъ недостатковъ потому, что по исправленіи вскорѣ окажутся новые и законоположеніе такимъ образомъ никогда не установится.

Быть можетъ, въ данномъ случаѣ мнѣніе это отзывалось излишнею осторожностью, такъ какъ необходимость положить конецъ надувательствамъ всякаго рода со стороны концессионеровъ и учредителей стала очевидной и не въ одной Германіи; но, говоря вообще, такое мнѣніе несомнѣнно справедливо. Частыя переизмѣненія въ законодательствѣ, особенно когда онѣ исходятъ изъ различныхъ, одно другому противорѣчащихъ побужденій, представляютъ самыя серьезныя неудобства: онѣ колеблютъ уваженіе къ закону, вызываютъ сомнѣніе въ твердости намѣреній законодательной власти и отнимаютъ необходимое къ ней уваженіе. „Когда новые законы противорѣчатъ принципу, установленному прежними законами,—говоритъ І. Бентамъ,—то чѣмъ сильнѣе этотъ принципъ, тѣмъ ненавистнѣе подобная непоследовательность въ законахъ; изъ этого истекаетъ противорѣчіе въ мнѣніяхъ и обманутыя ожиданія обвиняютъ законодателя въ тиранніи. Вотъ почему нововведенія въ законахъ должны быть дѣлаемы съ большою осмотрительностью. Не слѣдуетъ разрушать подъ пред-

логомъ пересозданія, ибо легко разрушить зданіе законовъ, но трудно возсоздать его, а самое измѣненіе законовъ не должно быть довѣряемо умамъ опрометчивымъ и невѣжественнымъ“.

Высказывая эти истины, англійскій юристъ являлся вѣрнымъ сыномъ своей земли, ибо нигдѣ такъ не вкоренилось крайнее предубѣжденіе противъ всякихъ измѣненій законодательства, какъ въ Англіи, и въ то же время нигдѣ законъ и законодательная власть не пользуются такимъ уваженіемъ, какъ въ этой консервативной странѣ.

Для насъ, русскихъ, также мало понятенъ англійскій консерватизмъ, какъ и нѣмецкая осторожность, быть можетъ, потому, что у насъ пока еще немного есть такого, что желательно было бы надолго сохранить неприкосновеннымъ, а быть можетъ также и оттого, что мы слишкомъ привыкли къ переменамъ въ сферѣ законодательной и всякое преобразование, какъ бы оно ни казалось глубокимъ и важнымъ, вызываетъ въ насъ прежде всего не опасеніе за то, какъ оно привѣтся къ жизни, а увѣренность, что оно еще прежде подвергнется равнымъ передѣлкамъ, которыя могутъ не только уменьшить, но и вовсе уничтожить благотворныя послѣдствія совершившейся реформы. Правда, что не всегда такія ожиданія оправдываются: освобожденію крестьянъ и военнымъ преобразованиямъ не грозятъ крутые повороты назадъ. Надо впрочемъ замѣтить, что исполненіе предначертаній законодательной власти объ улучшеніи и переустройствѣ русской арміи съ самой минуты ихъ осуществленія оставалось въ однихъ и тѣхъ же рукахъ, и военное министерство непрерывно заботилось о дальнѣйшемъ развитіи и преуспѣяніи ввѣреннаго ему дѣла.

Къ сожалѣнію, не вездѣ замѣтна такого рода послѣдовательная работа въ проведеніи совершившагося преобразования. Такъ, нельзя не видѣть, что судебная реформа еще прежде, нежели она распространилась на всю Россію, въ теченіе семи лѣтъ подверглась болѣе или менѣе существеннымъ передѣлкамъ. При взглядѣ на совершившіяся уже измѣненія судебныхъ уставовъ и на приготовляемыя, судя по слухамъ и газетнымъ извѣстіямъ, дополненія ихъ, будущій историкъ судебного преобразования можетъ, пожалуй, придти къ заключенію, что примѣненіе новаго законодательнаго акта попало въ руки лицъ, ему не сочувствовавшихъ и стремившихся къ тому, чтобы путемъ мелкихъ, повидимому, передѣлокъ и исправленій отнять у него то значеніе, которое въ началѣ придавала ему законодательная власть. Быть можетъ, такое заключеніе будетъ и невѣрно, но къ нему придти не мудрено въ виду того, что сдѣлано до сихъ поръ съ судебными уставами, когда еще не успѣло накопиться достаточно опыта и фактовъ, оправдывающихъ переменъ въ преобразованіи, даже еще не вполнѣ примѣненномъ и которое Богъ вѣдаетъ, когда дой-

доть до Сибири, ожидающей его съ нетерпѣніемъ, и до Остзейскаго края, гдѣ съ самаго начала нѣмецкое населеніе не желало имѣть его въ томъ видѣ, въ какомъ оно состоялось 20 ноября 1864 года.

Говоря о передѣлкахъ судебныхъ уставовъ, послѣдовавшихъ въ большинствѣ случаевъ по иниціативѣ министерства юстиціи, на которомъ лежало и лежитъ сохраненіе новаго закона въ его первоначальномъ видѣ, одобренномъ законодательною властью, мы не намѣрены вовсе останавливаться на каждомъ изъ повдѣйшихъ дополненій и измѣненій, потому что не считаемъ это въ настоящее время удобнымъ. Но и самое краткое перечисленіе этихъ новѣйшихъ узаконеній едва ли не можетъ возбудить сомнѣнія въ ихъ благовременности и опасенія за излишнюю торопливость въ измѣненіи закона прежде, нежели успѣло быть понято истинное его значеніе. Вѣдь „всякое нововведеніе,—говоря словами того же І. Бентама,—бываетъ сначала окружено нечистою атмосферой; капризы и предразсудки скопляють кругомъ него тучи, которыя препятствуютъ разглядѣть его истинныя формы,—глазу нужно нѣсколько времени присмотрѣться къ нему, чтобы отдѣлить отъ него то, что ему чуждо; но мало-помалу правильныя взгляды берутъ перевѣсъ и если первыя усилія не удаются, то вторыя бывають обыкновенно удачнѣе, потому что ближе знакомятся съ трудностью, которую предстоитъ преодолѣть.“

Вотъ краткій перечень главнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ по гражданскому и уголовному судопроизводству, состоявшихся съ апрѣля 1866 года, когда открылся первый въ Россіи петербургскій окружной судъ: 5 августа 1866 года послѣдовало новое правило объ особомъ порядкѣ исполненія судебными мѣстами рѣшеній, которыми отчуждается въ чье-либо владѣніе имѣніе, состоящее въ завѣдываніи департамента удѣловъ и другихъ установленій министерства императорскаго двора; 12 декабря того же года утвержденъ новый порядокъ судопроизводства по дѣламъ печати, изъяснившій большую часть дѣлъ этого рода изъ вѣдомства окружныхъ судовъ и прямо возложившій на прокурорскій надзоръ обязанность возбуждать преслѣдованіе по дѣламъ печати на основаніи сообщеній должностныхъ лицъ и присутственныхъ мѣстъ, не взирая на статью 130 учрежд. суд. уст., по которой лица прокурорскаго надзора обязывались основывать высказываемыя ими по дѣламъ мнѣнія „единственно на основаніи своего убѣжденія и существующихъ законовъ“; законъ 4 іюня 1869 года освободилъ лицъ, болѣе или менѣе высокопоставленныхъ въ служебной іерархіи, начиная съ исправляющихъ должность губернаторовъ и градоначальниковъ и соотвѣтствующихъ имъ чиновъ военной, морской и духовной администраціи, отъ обязанности лично являться въ судъ въ качествѣ свидѣтелей и предоставилъ имъ право

быть допрашиваемыми на дому, подобно тому, какъ это до того было предоставлено только лицамъ, не могущимъ являться въ судъ по хрихлости и тяжкой болѣзни; 21 марта 1872 года, дано разрѣшеніе лицамъ прокурорскаго надзора на безпрепятственный входъ въ тюремныя помѣщенія, безъ предъявленія особыхъ на то билетовъ, причѣмъ о такомъ же правѣ судей вовсе не упомянуто, хотя по судебнымъ уставамъ „каждый судья, также какъ и каждый прокуроръ въ предѣлахъ своего округа или участка обязанъ немедленно освобождать лицъ, неправильно лишенныхъ свободы (ст. 10 уст. угол. судопр.)“ „... что очевидно, исполнимо только при ихъ правѣ входить во всѣ мѣста заключенія; 7 іюня того же года состоялись два закона, совершенно измѣнившіе опредѣленные уставами: порядокъ судопроизводства по государственнымъ преступленіямъ и порядокъ судебного преслѣдованія проступковъ печати.

Таковы совершившіяся, въ теченіе семи лѣтъ, измѣненія новаго судопроизводства, въ значительной степени обязанныя своимъ происхожденіемъ министерству юстиціи, оставившему въ сторонѣ указанія судебныхъ мѣстъ на другія, желательныя въ судопроизводствѣ улучшенія,—таковы эти измѣненія, объясняемые отчасти и нѣкоторыми другими особыми обстоятельствами, говорить о которыхъ теперь не время и не мѣсто.

Гораздо большаго вниманія заслуживаетъ, впрочемъ, то, что дѣлается самимъ министерствомъ юстиціи или по его требованіямъ въ новомъ судоустройствѣ, въ учрежденіи судебныхъ установленій. Нельзя при этомъ не вспомнить, какъ вслѣдъ за обнародованіемъ „Основныхъ Положеній судоустройства и судопроизводства“ въ 1862 году, вмѣстѣ съ выраженіемъ искренней радости по поводу предстоявшаго преобразованія, въ печати раздавались голоса, выражавшіе сомнѣніе въ возможности установить у насъ справедливый и нелицепріятный судъ при отсутствіи условій для независимости судей. „Существованіе особаго вѣдомства юстиціи,—говорилось въ одной изъ журнальныхъ статей того времени,—по представленіямъ котораго назначаются предсѣдатели и члены окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, должно быть сильнымъ препятствіемъ къ осуществленію начала независимости судебной власти. Гдѣ уже есть вѣдомство, въ рукахъ котораго находится раздача мѣстъ, тамъ необходимо является и зависимость отъ него должностныхъ лицъ, имъ опредѣленныхъ. Если вѣдомство представляетъ къ назначенію въ должности, то въ его рукахъ находятся и новышенія. Такимъ образомъ въ этомъ вѣдомствѣ сосредоточатся всѣ средства доставить такъ-называемую судебную карьеру. Притомъ въ Основныхъ Положеніяхъ нигдѣ не говорится, чтобы лица, занимающія судебныя

должности, не могли рассчитывать на особые награды чинами, орденами, деньгами. Можетъ быть, вѣдомство юстиціи будетъ имѣть и эти особые средства поощренія. Очевидно, что при такомъ порядкѣ всѣ суды и даже адвокаты очутятся въ совершенной зависимости отъ лицъ, располагающихъ судебною карьерой. Это такъ ясно, что не требуетъ дальнѣйшихъ разсужденій“.

Серьезность этого опасенія и боязнь видѣть въ новыхъ судахъ не судей, которые бы являлись защитниками закона и порядка, а чиновниковъ, послушныхъ капризамъ ближайшаго начальства, вызвала въ лицахъ, которымъ законодательная власть ввѣрила составленіе уставовъ, на основаніи предначертанныхъ ею Положеній, особенное вниманіе къ опредѣленію порядка назначенія и увольненія судей. Понимая очень хорошо, что для насъ недоступна судебная независимость, какая существуетъ, напримѣръ, въ Англіи, гдѣ нѣтъ вовсе министра юстиціи, гдѣ нѣтъ никакого разсчета на карьеру, гдѣ судьи даютъ присягу, строго ими исполняемую, въ томъ, что они будутъ судить по правдѣ, не взирая ни на какое лицо, и никому не откажутъ въ правосудіи, хотя бы самъ король требовалъ противнаго, — составители судебныхъ уставовъ заботились о томъ, чтобы хотя такая независимость суда, какая возможна при нашемъ общемъ строѣ жизни, дѣйствительно существовала. Съ этою-то цѣлью такъ обстоятельно и изложены въ учрежденіи судебныхъ установлений правила, опредѣляющія необходимыя условія образованія и юридической практики, безъ которыхъ невозможенъ доступъ на судебное поприще, подробно опредѣлены порядки назначенія на различныя должности по судебному вѣдомству, права и обязанности всѣхъ дѣйствующихъ на новомъ судебномъ поприщѣ лицъ.

При самомъ поверхностномъ взглядѣ на весь этотъ рядъ правилъ не трудно замѣтить, что статьи уставовъ, нисколько не отступаая отъ Основныхъ Положеній и развивая только изложенныя въ нихъ мысли законодателя, связаны между собою неразрывно такъ, что измѣненіе одного правила неминуемо должно влечь за собою передѣлку и измѣненіе всѣхъ остальныхъ правилъ. Не трудно также замѣтить во всѣхъ этихъ статьяхъ закона, имѣющихъ первенствующее значеніе въ судебномъ устройствѣ, тѣ существенныя начала, которыя въ нихъ положены и послѣдовательно во всѣхъ нихъ проведены.

Такъ прежде всего видно, что судебные уставы считали возможнымъ открыть доступъ на судебное поприще только лицамъ, достаточно къ тому подготовленнымъ, не отступая въ томъ случаѣ отъ мнѣнія графа Блудова, который прямо высказалъ, что къ занятію должностей по судебному вѣдомству слѣдуетъ допускать только та-

кихъ лицъ, которыя имѣютъ нужныя для того познанія, пріобрѣтенныя какъ изученіемъ юридическихъ наукъ, такъ и достаточною въ дѣлахъ практикою. Понимая, однако, что съ самаго начала, при открытіи первыхъ судовъ, нельзя было не воспользоваться тѣми изъ пристовъ-практиковъ, которые хотя не посѣщали курса юридическихъ наукъ, но продолжительною службою по судебному вѣдомству пріобрѣли основательныя познанія по судебной части, — уставы открыли временно и этимъ лицамъ доступъ въ новыя судебныя учрежденія. вмѣстѣ съ тѣмъ, желая на будущее время составить такой, постоянно пополняемый, контингентъ лицъ, юридически образованныхъ и пріобрѣвшихъ практику по судебной части, уставы создали должность кандидатовъ по судебному вѣдомству исключительно изъ лицъ, получившихъ высшее юридическое образованіе. Но спустя годъ послѣ открытія первыхъ новыхъ судебныхъ учреждений, когда, конечно, не могло быть недостатка въ лицахъ, вполне пригодныхъ для новой судебной дѣятельности, состоялся 26-го іюня 1867 года законъ, допустившій на должность кандидатовъ и лицъ, не получившихъ юридическаго образованія, впредь до введенія судебныхъ уставовъ во всѣхъ губерніяхъ, управляемыхъ по общему учрежденію и въ Бессарабской области. Такимъ образомъ надолго отсрочилась возможность пополнять суды людьми, достаточно подготовленными не только своею практическою дѣятельностью, но и теоретическимъ образованіемъ.

Признавъ положительно необходимымъ, чтобы суды и прокурорскій надзоръ состояли изъ лицъ, надѣленныхъ какъ теоретическимъ образованіемъ, такъ и практическою опытностью, судебные уставы, руководствуясь Основными Положеніями, опредѣлили такія же требованія по отношенію къ присяжнымъ повѣреннымъ. Странно было бы повторять теперь, спустя одиннадцать лѣтъ послѣ утвержденія верховною властью Основныхъ Положеній, почему признанъ былъ необходимымъ самый институтъ присяжныхъ повѣренныхъ, когда подробный отвѣтъ на это можно найти въ журналахъ государственнаго совѣта, выписки изъ которыхъ приведены въ изданныхъ государственною канцеляріею судебныхъ уставахъ. Довольно сказать, что два раза, въ Основныхъ Положеніяхъ 1862 года и въ судебныхъ уставахъ 1864 года, выразилась одна и та же мысль законодателя объ учрежденіи сословія присяжныхъ повѣренныхъ, какъ посредниковъ между судомъ и представшими передъ судъ лицами, „которые правильнымъ участіемъ своимъ не только ускоряли бы ходъ дѣла, но и содѣйствовали бы справедливому ихъ рѣшенію судомъ“. Казалось, послѣ этого, что учрежденіе этого сословія можетъ считаться прочнымъ. Но прошло семь лѣтъ послѣ введенія судебныхъ

установъ въ дѣйствіе, и не только не опредѣленъ комплектъ присяжныхъ повѣренныхъ въ столицахъ, гдѣ число ихъ совершенно достаточно, а еще составляется проектъ объ организаціи ходатаевъ по дѣламъ, которымъ ни образованіе, ни судебная практика, ни нравственные качества не дадутъ доступа въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. Проектъ этотъ игнорируетъ, конечно, высказанное въ 1861 году въ государственномъ совѣтѣ мнѣніе, что допущеніе въ число адвокатовъ отставныхъ чиновниковъ, не получившихъ юридическаго образованія, будетъ имѣть болѣе вредныхъ, нежели полезныхъ послѣдствій; онъ оставляетъ въ сторонѣ представленія многихъ судовъ о скорѣйшемъ опредѣленіи комплекта присяжныхъ повѣренныхъ, и, слѣдовательно, объ уничтоженіи ходатаевъ, изъ которыхъ многіе уже успѣли попасть подъ судъ за мошенничество, а большинство непопавшихъ подъ судъ своими дѣйствіями наносятъ постоянный вредъ какъ частнымъ лицамъ, такъ и судамъ. Объяснять чѣмъ бы то ни было полезность организаціи общества частныхъ ходатаевъ, которые, подъ чѣмъ бы номинальнымъ надзоромъ ни находились, и хотя бы подъ надзоромъ министерства юстиціи, стоящаго въ сторонѣ отъ суда,—будутъ дѣйствовать скопомъ еще вреднѣе, чѣмъ они дѣйствовали до сихъ поръ въ одиночку, и превращать адвокатскую дѣятельность въ свободный промыселъ, мы, конечно, не беремся. Нельзя, напротивъ того, не сказать, что нѣтъ никакихъ основаній къ тому, чтобы разрушать только-что создающееся сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, успѣвшее доказать свою полезность и представляющее несомнѣнные задатки къ своему развитію, какъ это доказываетъ примѣръ столицъ и въ особенности Петербурга, если только исполнится требованіе закона (ст. 388 учрежд. суд. уст.) и опредѣлится комплектъ, то-есть число присяжныхъ повѣренныхъ, признаваемое достаточнымъ въ столицахъ, губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, для чего въ настоящее время данныхъ налицо уже достаточно.

Опредѣливъ общія условія для дѣятельности въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, судебные уставы указали и еще особыя необходимыя условія для занятія различныхъ судебныхъ должностей. Такъ, напримѣръ, уставами опредѣлено, что членами окружныхъ судовъ и судебными слѣдователями назначаются лица, прослужившія не менѣе трехъ лѣтъ въ судебныхъ должностяхъ не ниже секретаря окружнаго суда; членами судебныхъ палатъ, предсѣдателями и товарищами предсѣдателя окружныхъ судовъ назначаются лица, состоявшія не менѣе трехъ лѣтъ въ судебныхъ должностяхъ не ниже членовъ и прокуроровъ окружнаго суда; въ прокурорскій надзоръ назначаются лица, занимавшіяся судебною практикою: для должности то-

варища прокурора окружнаго суда — не менѣе четырехъ лѣтъ, для должности прокурора окружнаго суда и товарища прокурора судебной палаты не менѣе шести лѣтъ, для должности прокурора судебной палаты и товарища оберъ-прокурора — не менѣе восьми лѣтъ и для должности оберъ-прокурора не менѣе двѣнадцати лѣтъ. Ограничивъ, такимъ образомъ, кругъ лицъ для замѣщенія судебныхъ должностей, судебные уставы опредѣлили и особый порядокъ назначенія въ должности, не подчиненныя министерству юстиціи, судей и судебныхъ слѣдователей, по которому кандидатовъ для замѣщенія открывающихся вакансій членовъ судовъ и судебныхъ палатъ представляютъ общія собранія суда и палаты.

Существенное значеніе всѣхъ этихъ правилъ очевидно, ибо только соблюденіе ихъ открываетъ доступъ къ извѣстнымъ должностямъ всѣмъ лицамъ, совмѣщающимъ въ себѣ тѣ качества, которыми обуславливается успѣшное исполненіе возлагаемыхъ обязанностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ самое назначеніе ставится въ зависимость не отъ одного одобренія претендентовъ лицами, завѣдывающими опредѣленіемъ судебныхъ чиновъ, но представляетъ болѣе доступную контролю ручательства въ основательности избранія.

При громадной обширности Россіи и при тѣхъ условіяхъ развитія и образованія, въ которыхъ она находится, нѣтъ никакой возможности имѣть въ Петербургѣ, въ департаментѣ министерства юстиціи, вѣрные и подробныя свѣдѣнія о способностяхъ, познаніяхъ и нравственныхъ качествахъ всѣхъ судебныхъ чиновъ. Министру юстиціи, даже и надѣленному необыкновенными познаніями и прозорливостью, можетъ быть извѣстна только незначительная часть лицъ судебного вѣдомства. Поэтому предоставлять избраніе на должность судей и судебныхъ слѣдователей одному личному усмотрѣнію министра юстиціи, значило бы съ одной стороны суживать кругъ избираемыхъ до такихъ размѣровъ, при которыхъ нельзя быть очень разборчивымъ въ выборѣ, а съ другой, подвергать назначеніе на весьма важныя должности случайностямъ, при которыхъ лицо, назначенное на извѣстную должность, вовсе не окажется къ тому годнымъ; если же министръ юстиціи станетъ полагаться на рекомендаціи, то отъ этого неминуемо разовьется система протекцій, самая фальшивая и вредная изъ всѣхъ системъ избранія кандидатовъ на общественныя должности. Вотъ причины, по которымъ уставы предоставили самимъ судебнымъ мѣстамъ право избирать кандидатовъ на открывшіяся должности. „Поручивъ этотъ выборъ обсужденію общаго собранія всѣхъ департаментовъ или отдѣленій судебного мѣста, при участіи прокурора, едва ли можно опасаться вліянія протекцій и какихъ-либо ошибокъ; напротивъ, есть много основаній ду-

мать, что только при такомъ порядкѣ люди дѣйствительно полезны получать возможность заслуженнаго повышенія, преграждая дорогу людямъ случайнымъ, а высшее управленіе судебною частію пріобрѣтеть вѣрныя свѣдѣнія о достойныхъ лицахъ, съ ручательствомъ самихъ судовъ въ ихъ благонадежности и знанія дѣла*.

Всѣ эти предположенія, соображенія и основанныя на нихъ правила судебныхъ уставовъ до сихъ поръ, въ большинствѣ случаевъ, остаются безъ исполненія. На должность судебныхъ слѣдователей само министерство юстиціи чаще всего „командируетъ“ разныхъ лицъ для временнаго исполненія обязанностей слѣдователя. Въ судахъ и палатахъ, существующихъ по нѣскольку лѣтъ, открывающіяся вакансіи замѣщаются часто вовсе не лицами, избранными самими судебными учрежденіями. При этомъ должности товарищей предсѣдателей и предсѣдателей замѣщаются безъ всякаго соображенія съ прежнею дѣятельностью назначаемаго и преимущественно изъ состава прокурорскаго надзора, неизвѣстно почему сдѣлавшагося разсадникомъ людей, годныхъ на всѣ высшія должности. Нѣтъ надобности перечислять постоянно повторяющіяся такія назначенія, когда быстрая карьера сдѣлалась какой-то маніей въ новомъ судебномъ вѣдомствѣ, гдѣ повышенія идутъ быстрѣе, чѣмъ въ дѣйствующей арміи въ военное время; когда юноши, только-что окончившіе курсъ, побывъ немного времени помощниками секретарей въ какомъ-нибудь судѣ, пройдя затѣмъ сквозъ горнило прокурорскаго надзора, возвращаются затѣмъ въ тотъ же судъ предсѣдательствовать надъ судьями, у которыхъ они учились первымъ приѣмамъ дѣлопроизводства. При этомъ нужно сказать, что высшія инстанціи пополняются не съ большимъ разборомъ, чѣмъ окружные суды, и потому иногда членами судебныхъ палатъ можно видѣть людей, впервые, послѣ своего назначенія, знакомящихся съ судебными уставами. О томъ, какъ этотъ порядокъ назначеній долженъ отзываться на дѣлахъ, вліять на правильное ихъ рѣшеніе—и говорить нечего. Но такой порядокъ назначеній общается въ будущемъ еще худшее: теперь уже оберъ-секретари сената нейдутъ въ члены окружныхъ судовъ, какъ это было въ 1866 году; должности судей и слѣдователей не только не привлекаютъ многихъ изъ другихъ сферъ дѣятельности, а напротивъ того, весьма часто судебное поприще мѣняется на другую карьеру, гдѣ больше цѣнится трудъ и способности и гдѣ матеріальное обезпеченіе гораздо лучше того, какое даетъ судебная дѣятельность.

Заботясь о томъ, чтобы дать суду возможную самостоятельность, судебные уставы не могли, конечно, допустить подчиненія судей министерству юстиціи. Но признавъ необходимость несмѣняемости судей, уставы подчинили новое судебное вѣдомство строгому безпри-

страстному контролю и серьёзной ответственности, которыхъ до сихъ поръ не знаетъ ни одно административное учрежденіе. Съ одной стороны, надзоръ за судебными установленіями и должностными лицами судебного вѣдомства возложенъ на высшія, въ порядкѣ подчиненности, судебныя мѣста, то-есть, на кассационные департаменты сената, судебныя палаты и окружныя суды; бывшіе доселѣ случаи преданія суду и дисциплинарныхъ взысканій, которымъ подвергались разные должностныя лица судебного вѣдомства за проступки и упущенія, остающіяся въ другихъ мѣстахъ безъ всякихъ взысканій, уже успѣли показать, насколько надзоръ этотъ дѣйствителенъ и строгъ. Съ другой стороны, общій надзоръ за судебными установленіями возложенъ на министра юстиціи, который если и лишенъ права вмѣшиваться въ производство дѣлъ и во внутренніе порядки судебныхъ учреждений, за то можетъ лично, или черезъ своего товарища, производить ревизію всѣхъ судебныхъ установленій, а обревизованіе окружныхъ судовъ и мировыхъ учреждений поручать членамъ судебныхъ палатъ. Несмотря на обширность такого, данного министру, права, несмотря даже на положительно высказанное при составленіи уставовъ мнѣніе, что ревизія судебного мѣста посредствомъ чиновниковъ, не принадлежащихъ къ составу высшаго надъ тѣмъ мѣстомъ суда, рѣшительно не можетъ быть допущена и что исключеніе въ этомъ отношеніи для самого министра юстиціи и его товарища оправдывается лишь главнымъ ихъ начальствомъ надъ всею судебною администраціею,—не дальше какъ черезъ три года послѣ открытія первыхъ окружныхъ судовъ, состоявшихъ изъ лицъ, избранныхъ самимъ министерствомъ юстиціи, въ этомъ министерствѣ возникло предположеніе о коренномъ измѣненіи правилъ о ревизіи и о полномъ подчиненіи судовъ надзору министерства. По этому проекту предполагалось производить ревизію окружныхъ судовъ и мировыхъ учреждений даже черезъ членовъ консултанціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, которымъ вовсе и не обязательно знать новый судебный порядокъ. Проектъ министерства не прошелъ, правда, въ томъ видѣ, въ какомъ предлагался; тѣмъ не менѣе однако, закономъ 23 іюня 1872 года, предоставлено министру юстиціи производить „обовѣрѣніе дѣлопроизводства окружныхъ судовъ и мировыхъ судебныхъ установленій“ черезъ оберъ-прокуроровъ кассационныхъ департаментовъ сената, ихъ товарищей, прокуроровъ судебныхъ палатъ и предсѣдателей окружныхъ судовъ.

Казаюсь бы, что при такомъ строгомъ надзорѣ, когда всякое упущеніе судей можетъ дать поводъ къ дисциплинарной или уголовной ихъ ответственности, не представляется уже никакой надобности во вмѣшательствѣ администраціи въ дѣла внутренняго распо-

ряда въ судебныхъ мѣстахъ. По судебнымъ уставамъ, назначенные верховною властью судьи одного судебного учрежденія сами между собою распредѣляютъ занятія, за успѣшное исполненіе которыхъ сами и отвѣчаютъ. Такимъ образомъ, всѣ вопросы и правила о внутреннемъ порядкѣ и устройствѣ судебныхъ мѣстъ, въ томъ числѣ и распредѣленіе судебныхъ слѣдователей по участкамъ, судей по отдѣленіямъ и департаментамъ гражданскимъ и уголовнымъ, назначеніе состава присутствія суда для періодическихъ выѣздовъ по округу, назначеніе дней засѣданій, все это предоставлено разрѣшенію общихъ собраній всѣхъ отдѣленій или департаментовъ судебныхъ мѣстъ. Чтобы это правило обнаружило какія-либо неудобства на практикѣ, этого рѣшительно ничѣмъ доказать нельзя; напротивъ того во всемъ, что касается предметовъ внутреннего распорядка, судебныя учрежденія успѣли показать большую добросовѣстность и честное отношеніе къ порученному имъ дѣлу, а нѣкоторые изъ составленныхъ ими наказовъ могутъ даже служить образцами инструкцій.

Между тѣмъ, начиная съ 1868 года, замѣчается рядъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы и въ этомъ отношеніи лишить судебныхъ учрежденій необходимой самостоятельности даже въ распредѣленіи занятій между своими членами. Мѣры эти начались съ судебныхъ слѣдователей, которые очень скоро потеряли большею частью свои права членовъ судовъ и право несмѣняемости вслѣдствіе неутвержденія ихъ въ должности, а назначенія ихъ къ исправленію обязанностей слѣдователей. 30 октября 1867 года впервые учреждена должность особыхъ временныхъ судебныхъ слѣдователей по особо важнымъ дѣламъ, причѣмъ не окружному суду, а министру юстиціи предоставлено право поручать имъ производство слѣдствій. Закономъ 8 марта 1871 года, въ видѣ временной мѣры, постановлено, что состоящіе при петербургскомъ окружномъ судѣ судебные слѣдователи, опредѣляемые для производства слѣдствій собственно по столицѣ, производить ихъ на всемъ пространствѣ города: такимъ образомъ отмѣнилась статья 288 уст. угол. судопр., по которой каждый слѣдователь производить слѣдствія въ назначенномъ ему участкѣ города, но все же еще распредѣленіе занятій между слѣдователями и по новому закону осталось за окружнымъ судомъ съ утвержденія министра юстиціи. Это послѣднее право окружнаго суда сдѣлалось ничтожнымъ послѣ закона 18 января 1872 года, которымъ уже прямо предоставлено министру юстиціи измѣнять составленные судомъ правила о порядкѣ распредѣленія занятій между слѣдователями столицы.

Говоря о распредѣленіи занятій между судьями, можно, въ видѣ примѣра, указать на порядокъ, дѣйствующій у всѣхъ передъ гла-

зани въ петербургскомъ окружномъ судѣ. Всѣ вновь назначаемые въ этотъ судъ члены суда и товарищи председателей поступаютъ: если они криминалисты, то въ одно изъ трехъ уголовныхъ отдѣленій, а если они цивилисты, то въ 7-е отдѣленіе, въ которомъ сосредоточены всѣ дѣла охранительныя и старыхъ судебныхъ мѣстъ и гдѣ, приучаясь къ господствующей въ судѣ практикѣ по различнымъ предметамъ, они остаются до открытія вакансіи въ одномъ изъ другихъ трехъ гражданскихъ отдѣленій; но при этомъ, въ 3-мъ уголовномъ отдѣленіи, въ которомъ сосредоточены всѣ производства, возникающія по уголовнымъ дѣламъ до преданія обвиняемаго суду, дѣла, подлежащія рѣшенію съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по другимъ уѣздамъ петербургской губерніи, и дѣла, рѣшающіяся безъ присяжныхъ,—личный составъ мѣняется періодически, такъ что ни одинъ судья не остается въ этомъ отдѣленіи болѣе года. Такой порядокъ перемѣщенія судей, установленный наказомъ, объясняется тѣмъ, что дѣла 3-го отдѣленія труднѣе дѣлъ другихъ двухъ уголовныхъ отдѣленій и при томъ такого свойства, съ которыми необходимо знакомиться всѣмъ судьямъ-криминалистамъ: такъ, на примѣръ, ознакомиться съ положеніемъ слѣдственной части въ петербургской губерніи можно только въ этомъ 3-мъ отдѣленіи.

Мы не безъ умысла указали на распредѣленіе занятій между судьями, установленное петербургскимъ окружнымъ судомъ, считающимся во многихъ отношеніяхъ образцовымъ. Такой порядокъ распредѣленія занятій,—несомнѣнно, какъ доказалъ опытъ, полезный,—могъ выработаться только самимъ судомъ, увидѣвшимъ практическія неудобства всякаго иного распредѣленія. Понятно, что всякое раздѣленіе занятій между членами одного и того же учрежденія всего лучше можетъ быть установлено ими самими и, дѣйствительно, нельзя указать ни одного примѣра, гдѣ бы это правило представляло дурныя послѣдствія. Противники всякой судебной самостоятельности обыкновенно указываютъ на отдѣльные случаи того, какъ одинъ судья, долгое время занимавшійся гражданскими дѣлами, перешелъ затѣмъ въ уголовное отдѣленіе или наоборотъ, или на неудачное, съ внѣшней стороны, председательствованіе какого-нибудь члена суда въ уголовномъ отдѣленіи съ присяжными засѣдателями,—не понимая того, что такіе отдѣльные, не имѣющіе никакого значенія, факты ничего не доказываютъ и никакихъ вредныхъ послѣдствій не представляютъ. А, между тѣмъ, эти-то исключительные, ничтожные и весьма рѣдкіе факты, вѣроятно, и дали министерству юстиціи поводъ писать новый проектъ о предоставленіи министру права производить ежегодное распредѣленіе судей по департаментамъ и отдѣленіямъ, а также назначать изъ состава суда судей, имѣющихъ

право, въ случаѣ необходимости, председательствовать. Проектъ этотъ, правда, не утвержденъ еще въ настоящее время, но это не уменьшаетъ его значенія.

Самый вопросъ о періодическомъ перемѣщеніи судей возникалъ еще при составленіи уставовъ, хотя, конечно, въ иной формѣ. Въ комиссіи, составлявшей уставы и въ которой принимали участіе многіе изъ лучшихъ юристовъ, по этому вопросу произошло существенное разногласіе. Большинство комиссіи (въ томъ числѣ гг. Будковский, Ав. и С. Зарудные, Зубовъ, Книримъ, Ковалевскій, Любичинскій, Матюнинъ и Б. Утинъ), находя, что различныя отрасли права такъ тѣсно между собою связаны, что для основательнаго изученія одной изъ нихъ необходимо изучить и прочія, признавало по этому необходимымъ періодическое, по крайней мѣрѣ черезъ два года, перемѣщеніе судей изъ департаментовъ или отдѣленій гражданскихъ въ уголовныя и наоборотъ. Меньшинство же комиссіи (гг. Квистъ, Рѣпинскій, Фришъ и Эссенъ) не согласилось съ такимъ мнѣніемъ, между прочимъ и потому, что „никакой трудъ не исполняется добросовѣстно, съ любовью къ дѣлу, а потому и успѣшно, который возлагается на человѣка противъ его воли и наклонностей“. Государственный совѣтъ принялъ мнѣніе меньшинства комиссіи на томъ основаніи, что „перемѣщеніе судей можетъ лишить ихъ возможности пріобрѣтать основательныя практическія свѣдѣнія въ той отрасли законодательства, изученію которой они преимущественно себя посвятили и такимъ образомъ затруднить ихъ въ правильномъ производствѣ и рѣшеніи вѣренныя имъ дѣла“.

Теперь тотъ же вопросъ о перемѣщеніи возникаетъ въ иной формѣ, въ которой на первомъ планѣ стоятъ вовсе не желанія, чтобы судьи изучали всѣ отрасли права и законодательства, а инныя, административныя цѣли, не имѣющія ничего общаго ни съ правомъ, ни съ законодательствомъ. Теперь министерство юстиціи, не совмѣщая въ себѣ необходимыхъ для этого условій, желаетъ пріобрѣсти власть, принадлежащую самимъ судебнымъ учрежденіямъ, относительно распределенія судей по отдѣленіямъ и предоставленія нѣкоторымъ судьямъ права председательствовать въ засѣданіяхъ. Никакихъ неудобствъ, происходившихъ отъ существовавшаго доселѣ порядка распределенія занятій между судьями, не испытывали до сихъ поръ ни тяжущіеся и подсудимые, ни сами судебныя учрежденія. Напротивъ того: только при нынѣшнемъ порядкѣ можно достигнуть того, чтобы каждый судья имѣлъ занятія сообразныя съ его познаніями, опытностью, практическою снаровкой и свойствами характера, потому что всѣ эти качества могутъ быть извѣстны только его сослуживцамъ и сотрудни-

какъ, а никакъ не министерству юстиціи, какія бы оно свѣдѣнія ни собирало черезъ прокурерскій надзоръ.

Нельзя не опасаться, что мѣра эта могла бы уменьшить довѣріе общества къ суду, который, такимъ образомъ, состоялъ бы изъ лицъ, не только награждаемыхъ черезъ министра, но еще и перемѣщаемыхъ имъ съ мѣста на мѣсто. Для общества не будетъ дѣла до того, что предварительное распредѣленіе судей будетъ производиться самимъ судомъ и что министерство только въ „крайней необходимости“ перемѣнитъ сдѣланное судомъ распредѣленіе, такъ какъ оно уже успѣло убѣдиться въ томъ, какимъ малымъ авторитетомъ пользуются иногда представленія судебныхъ учреждений передъ министерствомъ, смотрящимъ на нихъ, какъ на пустую формальность. Каждый тяжущійся и подсудимый, имѣя противникомъ сильнаго міра сего, будетъ опасаться, что проиграетъ свое дѣло не потому, что оно неправо, а потому что судьи не желаютъ подпасть подъ гнѣвъ вліятельныхъ лицъ и за „дурное направленіе“ попасть неожиданно „для пользы дѣла“ изъ гражданскаго отдѣленія въ уголовное или наоборотъ.

Что мѣра, подобная той, о которой мы говоримъ, легко вызоветъ такое толкованіе—это не только легко предвидѣть, но и легко объяснить. На всякаго непредубѣжденнаго человѣка весь рядъ совершаемыхъ, по инициативѣ министерства юстиціи, съ 1866 года переѣлокъ въ судебныхъ уставахъ никакъ не можетъ произвести ободряющаго впечатлѣнія. Какъ ни незначительны кажутся нѣкоторыя изъ перемѣнъ, но каждая изъ нихъ видимо выбиваетъ по куску, хотя и небольшому, фундамента, на которомъ построены новыя судебныя учрежденія, и становится понятнымъ опасеніе того, что такая передѣлка можетъ расшатать стройное зданіе и превратить его въ груду развалинъ, немногимъ отличную отъ развалинъ стараго судебного порядка. Понятно также сожалѣніе и о томъ, что идя путемъ подобныхъ мѣропріятій, все болѣе и болѣе отдалается исполненіе благой воли законодателя: „возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждого, отъ высшаго до низшаго“.

Ошибется ли въ этомъ случаѣ общественное мнѣніе,—это другой вопросъ, на который отвѣтимъ словами К. Миттермайера: „Исторія поучаетъ насъ, что народъ можетъ наслаждаться справедливымъ судомъ, обеспечивающимъ общественный порядокъ, силу законовъ и личную свободу гражданъ, только въ такомъ случаѣ, когда правительство твердо держится законовъ...; когда всѣ должностныя лица

проникнуты сознаніемъ своего долга и строго держатся законовъ, будучи твердо увѣрены, что всякое уклоненіе отъ нихъ влечетъ за собою неминуемую тяжкую отвѣтственность; когда судьи столько же уважаютъ частное право, какъ и государственное; когда они ничего не боятся и ни на что не надѣются и убѣжденія ихъ не зависятъ отъ воли другихъ"...

— 2.

ОПЕРАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА

Съ кѣмъ бы вы ни заговорили, читатель, объ условіяхъ существованія, разговоръ вѣчно сойдетъ на постоянно возрастающую дороговизну. Всѣ жалуются на дороговизну, цѣны растутъ на все, на квартиры, на земли, на жизненные потребности. Чѣмъ объяснить такое явленіе? Его объясняютъ, въ городахъ, наплывомъ населенія; но въ деревняхъ вѣдь этого нѣтъ. Не могутъ же городскія цѣны, при рѣдкости нашихъ городовъ и относительно ничтожномъ числѣ городского населенія, вліять на деревенскія цѣны настолько, чтобъ объяснить нынѣшнее вздорожаніе и земель и сельскихъ продуктовъ. Сельское населеніе возрастаетъ не быстро, по крайней мѣрѣ далеко не такъ быстро, чтобы только этимъ возрастаніемъ объяснить возвышеніе стоимости жизненныхъ потребностей чуть не въ геометрической прогрессіи. Во многомъ винять, съ одной стороны, желѣзныя дороги, съ другой поземельные банки. Последніе, будто-бы, значительными ссудами сильно возвысили цѣну на землю, а первыя, удобствомъ сбыта, цѣну на жизненные потребности. Конечно, нельзя отвергать до извѣстной степени вліянія этихъ факторовъ на цѣны и земель и продуктовъ; но мы не думаемъ, чтобы только эти причины вызывали постоянное возрастаніе цѣнъ, въ особенности если мы сравнимъ количество сдѣланныхъ ссудъ подъ земли съ количествомъ всѣхъ вообще удобныхъ земель въ Россіи, и количество перевезенныхъ жизненныхъ продуктовъ по желѣзнымъ дорогамъ съ количествомъ ихъ производства. При тѣхъ условіяхъ, какія существуютъ, эти факторы могли бы поднять цѣны на пять, на десять процентовъ, но не могли бы ихъ удвоить. У насъ же мы замѣчаемъ повсюду удвоеніе цѣнъ въ какія-нибудь пять-шесть лѣтъ. На этомъ основаніи мы должны допустить вліяніе другихъ условій, между кото-

рини условия денежнаго обращенія играютъ едва ли не главную роль.

Если мы припомнимъ нѣкоторые условия нашего денежнаго обращенія за послѣднιά пятнадцать лѣтъ, то нельзя отвергать громаднаго вліянія, которое оно могло имѣть на цѣны всѣхъ предметовъ. Никто, конечно, не сомнѣвается въ томъ, что цѣна выражаетъ собою отношеніе между покупными средствами страны и количествомъ предметовъ, предлагаемыхъ для продажи, и что покупныя средства страны выражаются количествомъ денежныхъ знаковъ, находящихся въ обращеніи, и быстротою торговыхъ оборотовъ, такъ что одно и то же количество денежныхъ знаковъ при быстротѣ торговыхъ оборотовъ можетъ представлять собою гораздо большее количество покупныхъ средствъ. Слѣдовательно, на возрастаніе цѣнъ имѣетъ вліяніе не одно увеличеніе количества денежныхъ знаковъ, но и возможность болѣе быстрого ихъ обращенія.

На этомъ основаніи, если мы припомнимъ событія за послѣднιά пятнадцать лѣтъ, то увидимъ не только громадное увеличеніе денежныхъ знаковъ на нашемъ рынкѣ, но также и много очень важныхъ измѣненій въ нашей экономической жизни, которыя и всѣ вмѣстѣ, и каждое порознь необходимо увеличивали быстроту не только денежнаго обращенія, но и всѣхъ торговыхъ оборотовъ. Такое усиленіе быстроты торговыхъ оборотовъ равносильно увеличенію спроса и, слѣдовательно, должно было возвысить цѣны. Если мы не видимъ значительнаго возвышенія цѣнъ мануфактурныхъ произведеній, то это происходитъ оттого, что средства этого рода промышленности къ удовлетворенію спроса безграничны, техническія условия производства совершенствуются съ каждымъ днемъ, а передвиженіе продуктовъ не представляетъ большихъ затрудненій. Вотъ причины, которыя препятствуютъ вздорожанію мануфактурныхъ товаровъ, — причины, которыя должны бы вызвать громадное паденіе цѣнъ на нихъ, если бы не существовало другихъ условий, ихъ возвышающихъ. Что же касается тѣхъ предметовъ, производство которыхъ ограничено естественными условиями пространства, какъ, напримѣръ, производство сырыхъ матеріаловъ и въ особенности предметовъ, идущихъ на пищу человѣка и животныхъ, то всѣ они, а съ ними и недвижимая собственность, возвышаются въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, которые не представляютъ собой ничего утѣшительнаго, такъ какъ дороговизна жизни вовсе не есть идеальное человѣческаго общежитія.

Но, если развитіе торговыхъ оборотовъ вызываетъ возвышеніе цѣнъ, то на этомъ основаніи намъ могутъ возразить, что это неизбежное послѣдствіе, что нельзя же задерживать развитіе кредита и устройство желѣзныхъ дорогъ для удешевленія жизни, что тутъ

накъ говорятъ, ничего не подѣлаешь, и что стало быть наше положеніе о томъ, что дороговизна не есть идеаль общезнѣтїя—нѣвѣрна.

Постараемся, во-первыхъ, успокоить людей, которыми могли бы придти эти мысли въ голову. Мы нисколько не думаемъ создавать преградъ для промышленнаго развитїя и не принадлежимъ къ тѣмъ умственнымъ кастратамъ, которые полагаютъ, что современное развитіе цивилизаціи противоположно интересамъ большинства; къ тѣмъ нравственнымъ недоросткамъ, которые, замѣтивъ одну изъ сторонъ дѣла, временно невыгодную для какой-нибудь части общества, или даже злоупотребленіе капитала своей силой, закрываютъ глаза на всѣ полезныя результаты, вызываемыя промышленнымъ прогрессомъ въ общемъ историческомъ развитіи человѣчества, думаютъ, что они открыли Америку и возвѣщаютъ міру великія идеи, никому другому неизвѣстныя. Что касается этихъ людей, то мы смѣемъ увѣрить ихъ, что все то, что они говорили и имѣютъ высказать въ будущемъ, очень хорошо извѣстно каждому образованному человѣку, наблюдавшему настоящій экономическій порядокъ, недостатки котораго не могли остаться незамѣченными. Но такъ какъ совершенство не есть удѣлъ человѣчества, то люди менѣе близорукіе не рожься на одномъ заднемъ дворѣ, а стараются расширить свой кругозоръ, ищутъ средствъ къ улучшенію существующаго порядка и относятся къ будущему съ полною вѣрой. Намъ кажется, что вооружаться въ принципѣ противъ самаго капитала въ виду тѣхъ злоупотребленій, которыя онъ себѣ позволяетъ, или противъ машинъ, въ виду тѣхъ рабочихъ, которые въ данную минуту лишаются заработка—все равно, что вооружаться противъ ножа, которымъ можно зарѣзать человѣка, или противъ свободнаго слова, которымъ можно сдѣлать пользу и принести вредъ. Мы съ сожалѣніемъ смотримъ на эти ограниченныя и одностороннія умы, которые думаютъ защитить интересы большинства, вооружаясь противъ современной цивилизаціи, противъ свободнаго промышленнаго прогресса, не замѣчая, какъ непослѣдовательны они и какое ужасное оружіе они даютъ противъ себя лицамъ, принадлежащимъ къ крайней ретроградной партіи. Если можно вооружаться противъ свободы экономической, то нѣтъ резона допускать и свободу слова. Какъ та, такъ и другая свобода, имѣютъ извѣстныя неблагоприятныя послѣдствія. Съ точки зрѣнія ретроградовъ надо регулировать свободу слова, съ точки зрѣнія радикаловъ—свободу экономическую. Обѣ стороны не замѣчаютъ, что они даютъ оружіе своимъ противникамъ противъ самихъ себя, и не желаютъ видѣть, что оба рода свободы вызываютъ неисчислимыя блага результаты, выкупатицею сторицею невыгодныя ихъ стороны, несутъ вмѣстѣ съ собою лежарство противъ порождаемыхъ или золь. Мы уклонились отъ на-

нго предмета, но мы не могли не оговориться изъ опасенія, чтобы наши мысли не были перетолкованы въ другую сторону. Къ этому мы считаемъ нужнымъ прибавить, что мы вовсе не смѣшиваемъ экономическую свободу съ произволомъ капитала, съ его тенденціей эксплуатировать рабочаго, котораго необходимость можетъ заставить подчиняться всякимъ условіямъ. Человѣческое общество необходимо должно дорожить интересами большинства, и одна изъ задачъ политической жизни настоящаго времени состоитъ въ томъ, чтобы оградить интересъ этого большинства отъ произвола капитала. Но ограниченіе произвола не есть еще стѣсненіе свободы. Опредѣленіе границы между первымъ и послѣдней составляетъ задачу нашего времени, которую должна разрѣшить только практика.

Затѣмъ мы возвращаемся въ нашему предмету. Если съ одной стороны развитіе торговыхъ оборотовъ и ихъ быстрота, увеличивая покупныя средства страны, возвышаетъ цѣну предметовъ потребленія и влѣсть цѣну недвижимой собственности, а дороговизна жизни противѣдитъ понятію о благосостояніи, то необходимо должны существовать и средства, парализующія это возвышеніе цѣнъ, такъ какъ безъ нихъ развитіе благосостоянія было бы немыслимо. Въ странахъ, гдѣ мѣриломъ цѣнности служитъ звонкая монета, средство, парализующее постоянное возвышеніе цѣнъ, заключается въ подвижности этого мѣрила. Какъ скоро въ странѣ, вслѣдствіе облегченія кредитныхъ сдѣлокъ или болѣе скорого способа передвиженія товаровъ, сдѣлается ощутителенъ излишекъ денежныхъ знаковъ, въ которомъ торговля не нуждается, этотъ излишекъ уходитъ въ другія страны при посредствѣ внѣшней торговли, такъ какъ возвышеніе цѣнъ на товары дѣлаетъ звонкую монету товаромъ болѣе дешевымъ и, слѣдовательно, болѣе удобнымъ для вывоза; затѣмъ, съ уменьшеніемъ количества денежныхъ знаковъ, цѣны на другіе товары необходимо должны опять понизиться въ виду уменьшившагося количества покупныхъ средствъ. Такимъ образомъ, если денежнымъ знакомъ служить звонкая монета, то она, составляя товаръ, обращающійся на всемірномъ рынкѣ, служитъ весьма чувствительнымъ регуляторомъ цѣнъ и обеспечиваетъ до извѣстной степени ихъ постоянство. Со всѣмъ другое явленіе замѣчаемъ мы тамъ, гдѣ мѣриломъ цѣнности служатъ бумажныя деньги. Эти денежные знаки не выходятъ съ внутренняго рынка, какое бы обиліе ихъ ни было. Съ возрастаніемъ быстроты торговыхъ оборотовъ отъ улучшенія путей сообщенія и денежнаго обращенія отъ устройства банковъ, покупныя средства страны растутъ постоянно, между тѣмъ какъ отливъ денежныхъ знаковъ съ внутренняго рынка положительно невозможенъ. На этомъ основаніи, равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ устанавливается

только возвышеніемъ цѣнъ, такъ какъ другое условіе для установленія этого равновѣсія, а именно усиленіе производства обуславливается не обиліемъ денежныхъ знаковъ, но большей производительностію труда, что, въ свою очередь, достигается накопленіемъ какъ умственного, такъ и матеріальнаго капитала, и притомъ въ такой мѣрѣ, чтобы эти капиталы могли подѣйствовать на развитіе промышленности. Примѣняя эти общія положенія къ нашему отечеству, должно сознаться, что мы весьма мало заботились о развитіи техническаго образованія, а наши матеріальныя средства постоянно подрывались возрастающей дороговизной жизни. На этомъ основаніи, наше производство не могло такъ усиленно возрастать, чтобы остановить возвышеніе цѣнъ, являющееся слѣдствіемъ болѣе быстрого обращенія денежныхъ знаковъ. Не говоря уже о томъ, что нашъ денежный рынокъ былъ потрясенъ до основанія въ пятидесятыхъ годахъ громаднымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ, не говоря о многихъ нерасчетливыхъ операціяхъ, которыя были производимы послѣ того для исполненія средствъ государственнаго казначейства и государственнаго банка, припомнимъ лишь время за послѣднія восемь лѣтъ, когда казалось, что исчезли наконецъ всѣ иллюзіи и наше финансовое управленіе вступило, повидимому, на новый путь. Сколько за это время возникло такихъ обстоятельствъ, которыя были равносильны новымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ. Единство кассы, несмотря на всю рациональность этой мѣры, извлекло изъ различныхъ правительственныхъ кассъ громадное количество кредитныхъ билетовъ, хранившихся въ нихъ въ видѣ запасовъ на предстоящіе расходы, и ввело ихъ въ обращеніе при посредствѣ государственнаго банка. Съ открытіемъ конторъ государственнаго банка, трансферты замѣнили въ значительной степени почтовую пересылку денегъ и, слѣдовательно, ввели въ оборотъ также значительную часть денежныхъ знаковъ, уменьшивъ цифру суммъ находившихся въ пути. Затѣмъ открытіе текущихъ счетовъ въ казенныхъ и частныхъ банкахъ не только въ столицахъ, но и во всѣхъ почти губернскихъ городахъ объединило кассы частныхъ лицъ и сдѣлало возможнымъ производство платежей, безъ посредства денежныхъ знаковъ, простою перепискою по текущимъ счетамъ съ одного лица на другое. Наконецъ, устройство желѣзныхъ дорогъ сдѣлало возможнымъ болѣе быстрое обращеніе капиталовъ какъ денежныхъ, такъ и матеріальныхъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, которыя конечно не могли быть неожиданными, и послѣдствія которыхъ всегда и вездѣ бываютъ одинаковы, мы позволимъ себѣ предложить вопросъ: не слѣдовало ли нашему финансовому управленію принять какія-нибудь мѣры, чтобы парализовать эти послѣдствія, то есть парализовать возможность быстрого возвышенія цѣнъ? Мы раз-

рѣшаемъ этотъ вопросъ утвердительно, во-первыхъ, на томъ основаніи, что Россія только-что пережила страшный кризисъ отъ излишества бумажныхъ денегъ, и слѣды его далеко еще не были изглажены въ то время, о которомъ мы говоримъ, и слѣдовательно необходима была значительная осторожность, чтобъ не вызвать еще болѣе худыхъ послѣдствій; во-вторыхъ, потому, что на нашемъ рынкѣ уже не было звонкой монеты, а только одни кредитные билеты, вслѣдствіе чего отливъ денежныхъ знаковъ на заграничные рынки былъ положительно невозможенъ; въ-третьихъ, потому, что этого требовало самое положеніе государственнаго казначейства, такъ какъ возрастающая дороговизна обуславливала уже возвышеніе государственныхъ расходовъ.

Если же состояніе денежнаго рынка было таково, что необходимо требовало нѣкоторыхъ мѣропріятій для того, чтобъ остановить возрастаніе цѣнъ, то въ чемъ же должны были состоять эти мѣры, принятіе которыхъ, какъ видно изъ всего сказаннаго, лежало на прямой и безусловной обязанности финансоваго управленія?

Намъ кажется, что сокращеніе количества бумажныхъ денегъ, по мѣрѣ того, какъ новыя жизненныя условія давали возможность болѣе быстрого ихъ обращенія, было единственнымъ радикальнымъ средствомъ парализовать это возвышеніе цѣнъ, губительное не только для интересовъ частныхъ лицъ, но еще болѣе для интересовъ государственнаго казначейства. Къ сожалѣнію, наше финансовое управленіе не уяснило себѣ вполне дѣйствительныхъ причинъ затруднительнаго положенія дѣлъ, и прибѣгало къ такимъ мѣрамъ, которыя только давали ему возможность покрывать возрастающіе расходы, нисколько не улучшая положенія денежнаго рынка. Для покрытія дефицитовъ оно выпускало билеты государственнаго казначейства, которые представляютъ собою тѣ же кредитные билеты, но только не имѣютъ за собою достоинства безпроцентнаго долга, а для улучшенія будущаго положенія возвышало налоги. И та, и другая мѣра, конечно, не могла вызвать пониженія цѣнъ, а, напротивъ, въ значительной степени содѣйствовала ихъ возвышенію. Затѣмъ налоги выросли до такой цифры, что стали покрывать расходы, и тогда выпускъ билетовъ государственнаго казначейства былъ прекращенъ, но возрастаніе цѣнъ не остановилось и продолжается до сихъ поръ. Такое явленіе составляетъ ясный признакъ излишества денежныхъ знаковъ на рынкѣ,—излишества, которое становится тѣмъ вреднѣе, чѣмъ болѣе развиваются кредитныя сдѣлки.

Мы предвидимъ два возраженія на сказанное нами, и постараемся ихъ обсудить. Намъ могутъ сказать, что государство не имѣло возможности сокращать количество кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ

въ обращеніе, такъ какъ для этого нужны средства, а ихъ-то и не было, чему доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что государственный банкъ никогда не могъ сосредоточить въ своей кассѣ такое количество кредитныхъ билетовъ, чтобъ быть въ состояніи приступить къ уничтоженію ихъ. Затѣмъ намъ могутъ сказать, что трудно было опредѣлить и цифру кредитныхъ билетовъ, дѣлавшуюся ненужной, вслѣдствіе болѣе быстрого ихъ обращенія. Мы приводимъ эти два возраженія потому, что намъ случалось ихъ слышать отъ людей, повидимому, вполне компетентныхъ.

Посмотримъ, насколько оба эти возраженія могутъ выдержать критику. Что касается того обстоятельства, что банкъ никогда не могъ сосредоточить въ своей кассѣ значительное количество кредитныхъ билетовъ, чтобъ быть въ состояніи приступить къ ихъ уничтоженію, то на это мы скажемъ, что если бы было и вдвое большее число кредитныхъ билетовъ въ обращеніи, то и тогда государственный банкъ могъ бы не имѣть ихъ въ количествѣ, нужномъ для уничтоженія, такъ какъ кредитные билеты выпускались вовсе не за счетъ государственнаго банка. Обязанность сосредоточить извѣстное количество кредитныхъ билетовъ для уничтоженія лежала на государственномъ казначействѣ, а вовсе не на государственномъ банкѣ, и средства къ тому *слѣдовало найти*, если только такая мѣра была необходима. Они могли быть найдены или сокращеніемъ расходовъ, или возвышеніемъ налоговъ, или, наконецъ, займомъ. Мы не допускаемъ возможности, чтобъ всѣ наши расходы за это время были настолько настоятельны, чтобъ поглотить не только всѣ доходы, но даже и всѣ займы, которые могли быть сдѣланы, и чтобъ не было никакой возможности удѣлить изъ этихъ средствъ для ежегоднаго уничтоженія нѣкотораго количества кредитныхъ билетовъ. Какъ ни велика у насъ потребность въ развитіи сѣти желѣзныхъ дорогъ, но мы думаемъ, что расходъ на уничтоженіе кредитныхъ билетовъ былъ бы гораздо болѣе производительнымъ расходомъ, нежели постройка нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогъ, какъ, напримѣръ, царичинско-борисоглѣбской или моршанско-сызранской. Каждые десять миллионныя уничтоженныхъ кредитныхъ билетовъ увеличивали бы покупную стоимость денегъ, т.-е. возвышали бы доходы государства безъ увеличенія налоговъ. Даже не прибѣгая къ займу, стоило бы только отложить нѣкоторые расходы на одинъ или два года, употребить эти средства на уничтоженіе кредитныхъ билетовъ и возрастаніе цѣны остановилось бы, а возможность удовлетворять государственныя нужды возрасла бы значительно—при одной и той же номинальной цифрѣ государственнаго дохода. Но этого сдѣлано не было и издержки государственнаго казначейства растутъ съ возвышеніемъ

цѣнъ, что по необходимости ведетъ къ увеличенію налоговъ, а увеличение налоговъ въ свою очередь еще болѣе возвышаетъ цѣны. Такимъ образомъ, не прибѣгая къ уничтоженію кредитныхъ билетовъ, наше финансовое управленіе вращается въ заколдованномъ кругѣ, выходъ изъ котораго весьма затруднителенъ, въ особенности потому, что онъ мѣшаетъ возможности прибѣгнуть къ уничтоженію такихъ налоговъ, которые задерживаютъ развитіе благосостоянія массъ, какъ, напримѣръ, къ уничтоженію соляного налога.

Итакъ, несостоятельность перваго возраженія очевидна; относительно же втораго можно сказать, что мѣриломъ для сокращенія кредитныхъ билетовъ можетъ всегда служить цѣна золота, возвышеніе котораго, въ сравненіи съ кредитными рублями, указываетъ на излишество послѣднихъ. Точнаго опредѣленія, какое количество денежных знаковъ, вслѣдствіе болѣе быстраго ихъ обращенія, стало излишнимъ, разумѣется, сдѣлать невозможно; но намъ кажется, что страна въ правѣ ожидать не только яснаго сознанія, что извѣстныя явленія вызываютъ извѣстныя послѣдствія, но и необходимыхъ мѣръ для предупрежденія вредной стороны этихъ явленій, если не исполнѣ, то по крайней мѣрѣ въ значительной степени. Развитіе кредитныхъ операцій имѣетъ своимъ необходимымъ послѣдствіемъ болѣе быстрое обращеніе денежных знаковъ и, слѣдовательно, количество ихъ, если оно состоитъ изъ бумажныхъ денегъ, не имѣющихъ отлива на всемірный рынокъ, при новыхъ обстоятельствахъ непремѣнно будетъ превышать потребность и выразится въ возвышеніи цѣнъ на предметы купли и продажи. Никто, конечно, не будетъ спорить, что это послѣднее явленіе производитъ весьма вредныя послѣдствія, перемѣщая богатства изъ однихъ рукъ въ другія путемъ не естественнымъ, а потому вовсе не желательнымъ. Но такъ какъ это возвышеніе цѣнъ можетъ быть предотвращено сокращеніемъ количества бумажныхъ денегъ, то его слѣдовало сдѣлать, и это было не трудно потому, что возвышеніе цѣнъ не является мгновенно, но происходитъ довольно медленно, по закону реакцій, и слѣдовательно всегда есть время принять подобныя мѣры. Чтобы доказать это, бросимъ взглядъ на тѣ явленія, которыя сопровождаютъ общее повышеніе цѣнъ. На первый разъ избытокъ денежных знаковъ выражается, повидимому, благотворительно въ развитіи торговыхъ дѣлъ и общество, не понимающее своихъ дѣйствительныхъ интересовъ, встрѣчаетъ подобное явленіе сочувственно. Торговля, производя хорошія дѣлки, въ свою очередь, представляетъ большій запросъ производительности, что представляетъ новый поводъ для оживленія промышленнаго рынка. Номинальная цѣна бумажныхъ денегъ скрываетъ на время дѣйствительную ихъ стоимость,

производство стремится расшириться, но вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ и заработная плата, и предприниматели, принявшіе заказы въ виду прежнихъ обстоятельствъ, по цѣнамъ повидимому весьма выгоднымъ, остаются въ убыткѣ и имъ часто грозитъ совершенное разореніе, если ихъ оборотный капиталъ при новыхъ обстоятельствахъ оказывается недостаточнымъ для окончанія операций. Тогда отовсюду слышатся жалобы на недостатокъ кредита; потребность его растетъ съ каждымъ днемъ; банковое дѣло, въ виду затруднительнаго положенія рынка, становится самымъ выгоднымъ предпріятіемъ и спекуляція, сосредоточивая на немъ свои операции, пользуется такимъ положеніемъ дѣла и наживаетъ громадныя состоянія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается еще болѣе быстрота денежнаго обращенія, а рядомъ съ нею идетъ новое возвышеніе цѣнъ и такимъ образомъ узелъ затягивается все болѣе и болѣе. Хорошо еще, если добытыя кредитомъ средства идутъ на биржевую игру, спекуляція здѣсь разрывается весьма скоро и биржевой кризисъ, подобный нынѣшнему вѣнскому, влечетъ за собою разореніе биржевыхъ игроковъ, но не касается дѣйствительной промышленности страны. Но часто развитіе кредитныхъ операций вызываетъ другую спекуляцію, промышленную и торговую, которая не влечетъ за собою рѣзкихъ переходовъ, но вызываетъ только возрастающую дороговизну жизни. Тогда разореніе идетъ медленно и всею тяжестью ложится на мелкія состоянія и немимущіе классы, такъ какъ всего болѣе дорожаютъ предметы общаго потребленія и возвышаются налоги. Подобный исходъ требуетъ довольно продолжительнаго времени, въ теченіе котораго такія явленія не только могутъ быть замѣчены, но и остановлены въ своемъ развитіи сокращеніемъ количества бумажныхъ денегъ. Въ мирное время для этой цѣли должны быть принесены всякія жертвы. Человѣкъ, наблюдавшій событія послѣдняго времени, конечно, не будетъ отвергать, что именно такія явленія совершались и совершаются въ нашемъ отечествѣ и притомъ не настолько быстро, чтобъ ихъ трудно было замѣтить и предупредить тѣми мѣрами, на которыя мы указываемъ. Спекуляція, конечно, возопіяла бы противъ подобной мѣры, но люди, понимающіе законы денежнаго обращенія, не въ состояніи были бы возразить противъ нея ни слова и, конечно, согласились бы, что эта мѣра необходима въ интересахъ большинства, а также въ интересахъ государственнаго казначейства. Для людей, понимающихъ дѣло, представится лишь одинъ вопросъ—въ какомъ размѣрѣ необходимо сокращать количество бумажныхъ денегъ. Но необходимость ихъ изыятія изъ обращенія не могла и не можетъ подлежать сомнѣнію. Люди эти знаютъ, что какъ ни благотѣльно дѣйствуетъ развитіе кредита въ государствѣ, но что и оно имѣетъ свои оборотную

сторону, въ особенности, когда оно имѣетъ такую неблагопріятную для себя почву, какъ бумажное денежное обращеніе; они знаютъ, говоримъ имъ, что благотворное сѣмя кредита на этой почвѣ порождаетъ массу плесевъ, и что необходимо принимать мѣры, чтобъ отвратить подобное перерожденіе, а эти мѣры могутъ состоять только въ сокращеніи количества бумажныхъ денегъ. Но какъ разрѣшить вопросъ, въ какой мѣрѣ должно произойти это сокращеніе? Отвѣчать на этотъ вопросъ на основаніи теоретическихъ соображеній едва ли возможно, тѣмъ болѣе, что и самый вопросъ является вслѣдствіе излишествъ практической жизни. Но намъ кажется, что искусство администраціи состоитъ именно въ томъ, чтобъ чувствовать и понимать пульсъ общественныхъ потребностей и удовлетворять ихъ своевременно въ такомъ размѣрѣ, какой необходимъ въ данное время, не болѣе и не менѣе. Взгляните на полицію, какъ дѣйствуетъ она въ тѣхъ случаяхъ, когда предвидятся большія скопленія народа. Никакія теоретическія соображенія не могутъ ей дать данныхъ для опредѣленія числа лицъ, необходимыхъ для охраненія порядка, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ не нужно было вовсе охранять порядокъ. Если полиція не приметъ достаточныхъ мѣръ для охраненія порядка, то мы въ правѣ обвинить ее въ непредусмотрительности; если же она нагонитъ толпу полицейскихъ, которая будетъ не многимъ менѣе собравшейся толпы, мы будемъ вправѣ смѣяться надъ подобными распоряженіями. При угрожающей эпидеміи никто не можетъ предвидѣть, какъ велико будетъ число жертвъ, но это нисколько не освобождаетъ администрацію отъ обязанности приготовить въ извѣстномъ размѣрѣ помѣщеніе для больныхъ и медицинскія пособія; однако было бы смѣшно, еслибъ администрація половину зданій въ городѣ обратила во временныя больницы. — Этими примѣрами мы хотимъ объяснить нашу мысль, какъ должна была дѣйствовать и наша финансовая администрація при введеніи, напримѣръ, единства кассы и въ виду нашей банковской горячки, которая вовсе не чужда эпидемическаго характера. Принятіе необходимыхъ мѣръ становилось тѣмъ болѣе обязательнымъ, что наша банковая горячка развивалась довольно медленно и слѣдовательно не требовала какихъ-либо чрезвычайныхъ средствъ. Сокращеніе бумажно-денежнаго обращенія могло идти также медленно, но неуклонно и постоянно, парализуя до извѣстной степени возвышеніе цѣнъ. При ясномъ пониманіи условій промышленнаго рынка, практика конечно указала бы ту границу, гдѣ слѣдовало остановиться. Казалось бы, что государство и общество могли бы ожидать отъ финансоваго управленія настолько умѣнья и предусмотрительности, чтобы подобныя некитрыя мѣры были приняты своевременно, и

чтобы отъ отсутствія ихъ не страдали самые насущные интересы наиболѣе нуждающагося населенія. Въ этомъ случаѣ мы не можемъ считать пренятствіемъ недостатокъ средствъ. Намъ кажется, что въ виду той необходимости, на которую мы указали выше, нельзя говорить о какихъ-нибудь десяти или двадцати милліонахъ рублей въ годъ, тѣмъ болѣе, что наши доходы возрастали постоянно. Какъ бы ни были настоятельны другіе расходы, ихъ слѣдовало отложить въ виду необходимости остановить возвышеніе цѣнъ и тѣмъ увеличить средства государственнаго казначейства. Это въ особенности можетъ относиться къ расходамъ не прямо производительнымъ, какъ, напримеръ, расходы на военное министерство, въ особенности когда нашему отечеству не угрожала никакая внѣшняя опасность. Еслибы вопросъ о необходимости сокращенія бумажно-денежнаго обращенія былъ ясно сознанъ и поставленъ категорически въ правительственныхъ сферахъ, то мы не думаемъ, чтобы онъ могъ встрѣтить серьезную оппозицію, тѣмъ болѣе, что эта отсрочка расходовъ не только улучшала бы положеніе рынка, но и дала бы въ послѣдствіи средства къ производству этихъ расходовъ изъ обыкновенныхъ доходовъ, между тѣмъ какъ безъ нея нужно было прибѣгать къ чрезвычайнымъ ресурсамъ или къ увеличенію налоговъ, что однакожъ нисколько не улучшало положеніе дѣлъ.

Къ сожалѣнію, мы имѣемъ полное основаніе думать, что вопросъ этотъ не только не былъ категорически поставленъ въ правительственныхъ сферахъ, но что и въ настоящее время вовсе не сознается необходимость сокращенія количества бумажныхъ денегъ, несмотря на то, что дороговизна идетъ постоянно въ гору. На это мы имѣемъ въ виду доказательство двухъ родовъ: одно въ оборотахъ государственнаго казначейства, другое — въ оборотахъ государственнаго банка. Первое состоитъ въ томъ, что изъ общихъ доходовъ государственнаго казначейства до сихъ поръ не назначалось на этотъ предметъ ничего, а напротивъ даже дефициты покрывались выпускомъ билетовъ государственнаго казначейства, которые представляютъ собою тѣ же кредитные билеты, но только не имѣющіе за собою достоинства безпроцентности, и, слѣдовательно, болѣе убыточные для государственнаго казначейства. Другое доказательство состоитъ въ томъ, что обороты государственнаго банка за все время его существованія вели постоянно къ прямому возвышенію цѣнъ, и въ ряду этихъ оборотовъ постоянные новые выпуски кредитныхъ билетовъ мы считаемъ мѣрою наиболѣе вредною, которая усиливаетъ въ значительной степени всѣ неблагоприятныя послѣдствія развитія кредитныхъ дѣлъ. Государственный банкъ не только не принималъ никакихъ

и́ръ противъ возраставшей дороговизны, но, выпуская кредитные билеты подъ различными предлогами, содѣйствовать возвышенію цѣнъ едва ли не болѣе, чѣмъ всѣ другія условія нашего рынка вѣстѣ взятыя. Мы говоримъ, что выпускъ кредитныхъ билетовъ производился подъ различными предлогами на томъ основаніи, что дѣйствительно этихъ предлоговъ было нѣсколько. Такъ, банкъ выпускалъ кредитные билеты подъ обезпеченіе поступавшихъ въ его кассу металическихъ билетовъ, обязательствъ государственнаго казначейства, а также билетовъ государственнаго казначейства. Затѣмъ выпускъ производился, и повидимому продолжаетъ производиться до сихъ поръ, въ облегченіе переводной и разнѣнной операціи: въ облегченіе первой, къ 1 января 1872 года, было выпущено 41,400,000 руб. Сколько же состоитъ въ настоящее время, мы не знаемъ, такъ какъ эти выпуски не значатся въ балансахъ банка, и настоящее свѣдѣніе мы заимствуемъ изъ Статистическаго Временника (выпускъ девятый, таблица XXIV). Кромѣ того многіе утверждаютъ, что въ каждомъ отдѣленіи банка существуетъ особый фондъ для обезпеченія безостановочнаго разнѣна кредитныхъ билетовъ крупныхъ на мелкіе и, наоборотъ, мелкіхъ на крупныя. Фондъ этотъ также не значится въ балансахъ банка, такъ какъ онъ не увеличиваетъ количество денежных знаковъ въ обращеніи. Но если справедливо, какъ утверждаютъ многіе, что банкъ разрѣшаетъ иногда конторамъ и отдѣленіямъ дѣлать позаймствованія изъ этого фонда при недостаткѣ наличности, перечисляя въ разнѣнный фондъ избытокъ наличности по другому отдѣленію или конторѣ банка, то ясно, что такой фондъ служить запаснымъ средствомъ къ расширенію оборотовъ и вызываетъ послѣдствія, равносильныя увеличенію количества бумажныхъ денегъ на рынкѣ, парализуя реакцію, задерживающую возвышеніе цѣнъ. Въ этомъ отношеніи подобные обороты хуже всякихъ новыхъ выпусковъ, потому что убиваютъ спасительную реакцію при самомъ ея зародышѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ недостатокъ покупныхъ средствъ начинаетъ ощущаться и не допускаютъ даже возможности почувствовать этотъ недостатокъ. Если же, благодаря подобнымъ операціямъ банка, въ покупныхъ средствахъ многихъ торговыхъ центровъ не можетъ быть недостатка, то ясно, что цѣны должны возвышаться постоянно. — Наконецъ, выпускъ кредитныхъ билетовъ въ обмѣнъ на золото тяготѣетъ также на нашемъ рынкѣ и производитъ тѣ же самыя послѣдствія. Повидимому, управленіе государственнаго банка нисколько не считаетъ опаснымъ этотъ послѣдній способъ выпуска и полагаетъ, что оно, увеличивая разнѣнный фондъ, уменьшаетъ отношеніе между нимъ и количествомъ бумажныхъ денегъ и тѣмъ самымъ возвышаетъ довѣріе общества къ послѣднимъ, а слѣ-

довательно и ихъ цѣну. Мы же смѣемъ увѣрить управленіе государственнаго банка, что такое мнѣніе основывается на чистомъ недоразумѣніи. Довѣріе общества къ кредитнымъ билетамъ вовсе не зависитъ отъ количества размѣннаго фонда, хранящагося непроизводительно въ Петропавловской крѣпости и не имѣющаго рѣшительно никакого вліянія на денежный рынокъ, но зависитъ единственно отъ того, что правительство принимаетъ кредитные билеты во всѣхъ своихъ кассахъ въ уплату податей и налоговъ. Такое мнѣніе подтверждается многими доказательствами: а) билеты государственнаго казначейства не имѣютъ никакого отношенія къ размѣнному фонду, ихъ состоитъ въ обращеніи 216 милл. р. и кромѣ приѣма въ уплату податей и налоговъ, они не имѣютъ никакого спеціального обезпеченія, а между тѣмъ всѣми принимаются по номинальной цѣнѣ. Но уничтожьте приѣмъ ихъ въ казначействахъ, и завтра же эти билеты будутъ стоить по сравненію съ 5% банковыми билетами не болѣе 80% ихъ теперешней стоимости, а можетъ быть и менѣе. б) Въ 1865 году металлическій размѣнный фондъ состоялъ всего изъ 55 мил. руб., а между тѣмъ нашъ вексельный курсъ держался не многими ниже теперешняго, когда металлическій фондъ превышаетъ 200 мил. руб. Существующая разница между тогдашнимъ и теперешнимъ курсомъ въ три или четыре процента объясняется не количествомъ металлическаго фонда, а движеніемъ капиталовъ съ заграничныхъ на нашъ рынокъ для постройки желѣзныхъ дорогъ и устройства банковъ; наконецъ с) послѣднее пониженіе вексельнаго курса и повышеніе цѣны золота прямо доказало, что цѣна нашихъ кредитныхъ билетовъ вовсе не зависитъ отъ количества металлическаго фонда, такъ какъ это паденіе цѣны кредитныхъ билетовъ совершалось одновременно съ увеличеніемъ запасовъ звонкой монеты въ государственномъ банкѣ. Вотъ наши доказательства въ подтвержденіе нашей мысли и мы позволяемъ себѣ думать, что обществу нѣтъ никакого дѣла до той массы золота, которая хранится въ Петропавловской крѣпости, тогда какъ всякій кредитный рубль, выпускаемый банкомъ въ обмѣнъ на это золото, ложится на общественный рынокъ тяжкимъ бременемъ. Золотая монета, еслибъ она осталась на рынкѣ, по своей подвижности не можетъ тяготить его и возвышать сильно цѣну предметовъ: она быстро бы вышла за границу. Но будучи замѣнена въ обращеніи кредитными рублями, которые должны найти для себя помѣщеніе во внутреннихъ оборотахъ, она ложится тяжелымъ бременемъ на рынкѣ для всѣхъ потребителей, а въ томъ числѣ и для государственнаго казначейства. Такой выпускъ кредитныхъ билетовъ, по своимъ послѣдствіямъ для денежнаго рынка, не имѣетъ никакой существенной разницы отъ обыкновенныхъ вы-

пусковъ на покрытие государственныхъ расходовъ, но для государственнаго казначейства онъ гораздо вреднѣе послѣдняго. Если онъ дѣлается на покрытие обыкновенныхъ расходовъ, то вредъ, происходящій впослѣдствіи, отчасти вознаграждается удовлетвореніемъ извѣстныхъ, и быть можетъ, довольно существенныхъ потребностей государства; за приносимую обществомъ жертву оно получаетъ какую-нибудь пользу, хотя и купленную дорогой цѣной. Но при выпускѣ бумажныхъ денегъ въ обмѣнъ на золото, которое остается безъ движенія и притомъ на рынкѣ, который переполненъ ими, приносимый вредъ не оплачивается ничѣмъ, такъ какъ одна увѣренность, что вотъ тамъ-то находится такое-то количество золота безъ всякаго для кого бы то ни было реальнаго значенія, ни въ какомъ случаѣ не можетъ окупать никакой доли этого вреда. Мы говоримъ „безъ всякаго реальнаго значенія“ на томъ основаніи, что при обращеніи на рынкѣ исключительно бумажныхъ денегъ, покупателя золота на новые ихъ выпуски не даетъ никогда возможности открыть разнѣнъ, хотя бы запасъ золота, добытаго этимъ путемъ, достигъ громадныхъ размѣровъ, такъ какъ по открытіи разнѣна въ банкѣ явилось бы все количество бумажныхъ денегъ, которое имъ выпущено и банкъ долженъ былъ бы возвратиться къ тому положенію, въ которомъ онъ находился въ началѣ операціи, начавшейся покупкою золота, потерявъ только всю разницу въ курсѣ. Вредъ подобныхъ операцій долженъ быть тѣмъ болѣе сильный, чѣмъ быстрѣе производится покупка золота, такъ какъ она сопровождается болѣе быстрымъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ и, слѣдовательно, болѣе быстрымъ пониженіемъ ихъ цѣны, выражающемся въ повышеніи цѣнъ на всѣ другіе предметы потребленія. Значеніе этихъ явленій возрастаетъ еще болѣе, если другія условія экономическаго и социальнаго строя государства вызываютъ приливъ иностранныхъ капиталовъ. Такое движеніе капиталовъ представляетъ собою условіе, задерживающее паденіе вексельнаго курса и тѣмъ скрывающее дѣйствительную цѣну бумажныхъ денегъ. Многіе, даже финансовыя люди привыкли оцѣнивать стоимость бумажныхъ денегъ только высотой вексельнаго курса, забывая совершенно, что послѣдній зависитъ не отъ одного денежнаго обращенія, но еще и отъ другихъ условій, какъ, напримѣръ, отъ разности высоты процента въ разныхъ странахъ и большей или меньшей обезпеченности капитала, т.е. высоты страховой преміи. Такимъ образомъ, если условія внутренняго рынка привлекаютъ иностранныя капиталы и вѣстѣ съ тѣмъ происходитъ выпускъ бумажныхъ денегъ, хотя бы и въ обмѣнъ на золото, то вредныя послѣдствія такого выпуска не будутъ отражаться на паденіи вексельнаго курса, замаскируютъ отчасти дѣйствительное положеніе дѣлъ и вы-

разытятся всецѣло въ болѣе сильномъ возвышеніи цѣнъ на предметы общаго, наибольшаго потребленія. Такое возвышеніе съ одной стороны ложится бременемъ на классы нуждающіеся, съ другой ограничиваетъ нашъ отпускъ за границу, слѣдовательно, сокращаетъ производство и ведетъ къ обѣднѣнію страны. Къ довершенію же всего дороговизна возвышаетъ расходы государственнаго казначейства и влечетъ за собою возвышеніе старыхъ и установленіе новыхъ налоговъ, а съ ними и новую причину обѣднѣнія страны. Опять тотъ же заколдованный кругъ, изъ котораго выбраться безъ энергическихъ усилій невозможно.

Изложивъ такимъ образомъ послѣдствія выпуска бумажныхъ денегъ въ обмѣнъ на золото, посмотримъ, въ какой мѣрѣ нашъ государственный банкъ производилъ эту операцію въ продолженіи послѣдняго десятилѣтія. Казалось, что въ 1863 году, отказавшись отъ поддержки вексельнаго курса, банкъ вступилъ на правильную дорогу по отношенію къ операціи выпуска бумажныхъ денегъ. такъ какъ въ этомъ году мы замѣчаемъ значительное сокращеніе количества бумажныхъ денегъ, а именно изъ 713 милл. бывшихъ въ обращеніи въ началѣ 1862 года, къ 1-му января 1864 года цифра эта падаетъ до 636 милл. рублей. Но съ этого времени взглядъ на дѣло опять измѣняется и начинаетъ преобладать мнѣніе о необходимости во что бы то ни стало составить значительный размѣнный фондъ, даже посредствомъ новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ. Такимъ образомъ, въ теченіи послѣднихъ девяти лѣтъ мы видимъ постоянное увеличеніе количества бумажныхъ денегъ въ обмѣнъ на золото, такъ что въ первой четверти настоящаго года оно достигло громадной и никогда еще небывалой цифры болѣе 768 милл. рублей. Если принять въ соображеніе, что съ того же 1864 года начинается особый выпускъ кредитныхъ билетовъ въ облегченіе переводной операціи, по которому къ 1872-му году было выпущено 41 милл. руб., то понятно, какую пертурбацію производитъ на нашемъ денежномъ рынкѣ эта масса мѣновыхъ знаковъ, постоянно возрастающая въ такое время, когда все экономическое движеніе, совершающееся въ Россіи, ведетъ къ тому, чтобы ускорить обращеніе капиталовъ какъ денежныхъ, такъ и матеріальныхъ, т.-е. чтобы обойтись меньшимъ количествомъ мѣновыхъ знаковъ. Если въ странѣ обращаются металлическіе денежные знаки, то выгода отъ развитія кредита состоитъ въ томъ, что весь запасъ звонкой монеты, становящейся излишнимъ во внутреннихъ оборотахъ, обращается при посредствѣ внѣшнихъ сношеній на пріобрѣтеніе недостающихъ странѣ новыхъ орудій производства какъ матеріальныхъ, такъ и нравственныхъ и тѣмъ усиливается производительность труда. Когда же въ странѣ обращаются только бумажныя

денегъ, то при развитіи кредита весь излишекъ, обусловливаемый болѣе быстрымъ ихъ обращеніемъ, не уходитъ съ рынка, а оставаясь на немъ нарушаетъ установившееся равновѣсіе между количествомъ денежныхъ знаковъ и количествомъ продаваемыхъ предметовъ, нарушаетъ равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ, что выражается въ возвышеніи цѣнъ. Поэтому, насколько полезно развитіе кредита въ странахъ, гдѣ обращаются металлическія деньги, настолько же оно вредно въ странахъ, гдѣ мѣновымъ знакомъ служитъ бумага, если развитіе кредита не сопровождается сокращеніемъ количества бумажныхъ денегъ. У насъ же мы видимъ, что количество бумажныхъ денегъ не только не сокращалось, но увеличивалось вмѣстѣ съ развитіемъ кредитныхъ сдѣлокъ и, слѣдовательно, въ этомъ состоитъ главная причина постоянно возрастающей у насъ дороговизны. Всѣ указанные выше обороты государственнаго банка подрываютъ въ самомъ корнѣ, въ самомъ зародышѣ спасительную реакцію противъ дороговизны. Едва только возникаетъ гдѣ-либо денежное затрудненіе, способное отрезвить спекуляцію, какъ нашъ государственный банкъ, вооруженный правомъ выпуска кредитныхъ билетовъ, является на выручку и не допускаетъ этого отрезвленія, а при такихъ условіяхъ спекуляція дѣйствуетъ завязавши глаза, цѣны растутъ все болѣе и болѣе, и средства государственнаго казначейства, получаемыя тѣми же кредитными рублями, становятся все менѣе и менѣе, хотя номинальная ихъ цифра возрастаетъ.

Изъ всего сказаннаго необходимо слѣдуетъ вывести, что обороты государственнаго банка идутъ прямо въ разрѣзъ съ интересами государственнаго казначейства. Лишь только государственное казначейство успѣетъ выдти изъ настоящаго положенія дѣлъ посредствомъ возвышенія налоговъ, какъ государственный банкъ своими оборотами уничтожаетъ всѣ плоды новыхъ налоговъ, такъ какъ возвышеніе цѣнъ ставитъ государственное казначейство опять въ невозможность покрывать возрастающія потребности и принуждаетъ его прибѣгать къ новымъ налогамъ. Если дѣятельность государственнаго банка будетъ продолжаться въ томъ же направленіи, то мы позволимъ себѣ утверждать, что государственное казначейство принуждено будетъ прибѣгать къ постоянному возвышенію налоговъ, которые по прошествіи одного или двухъ лѣтъ окажутся опять недостаточными для покрытія самыхъ настоятельныхъ потребностей. Въ подтвержденіе нашей мысли мы укажемъ на всѣмъ извѣстные и безспорные факты. При изданіи судебныхъ уставовъ всѣмъ казалось, что содержаніе должностныхъ лицъ судебного вѣдомства громадно. Но кто же скажетъ это теперь? Напротивъ, содержаніе членовъ окружнаго суда можетъ удовлетворить только молодыхъ людей или лицъ,

не обремененныхъ семействомъ. Для людей же, которые обязаны дѣлать издержки на воспитаніе дѣтей, не только жалованье членовъ суда, но даже членовъ палаты и товарищей предсѣдателя окружнаго суда недостаточно; если они не имѣютъ своихъ собственныхъ средствъ. Но возможно ли требовать, чтобъ люди эти посвятили себя исключительно и на всю жизнь такому дѣлу, которое ихъ не обезпечиваетъ? Даже должность предсѣдателя окружнаго суда не настолько обезпечена въ настоящее время, чтобъ доставить лицу, ее занимающему ту обстановку, которая требуется его высокимъ положеніемъ. Лица судебного вѣдомства должны быть избираемы изъ такихъ людей, которые запаслись достаточною житейскою опытностію, успѣли приглядѣться къ различнымъ жизненнымъ явленіямъ и могутъ отнестись къ нимъ безъ увлеченій и совершенно объективно. Такіе люди обыкновенно имѣютъ уже семейства, а воспитаніе дѣтей въ Россіи обходится не дешево. Но на 2,400 рублей жизнь въ губернскомъ городѣ можетъ быть заманчива только человѣку одинокому. Практика это доказываетъ очень ясно. На должности членовъ окружныхъ судовъ у насъ встрѣчаются большею частію люди молодые, и изъ нихъ дѣйствительно способные остаются не долго на этихъ мѣстахъ. Если же дороговизна будетъ возрастать по прежнему, то мы убѣждены въ томъ, что въ недалекомъ будущемъ на этихъ должностяхъ останется одна бездарность. Между тѣмъ, намъ кажется весьма опаснымъ замѣщать должности судей не только лицами бездарными, но также и молодыми, хотя бы они и отличались своими способностями. Не говоря уже о томъ, что бездарность уничтожаетъ всякое значеніе коллегіальнаго принципа, мы находимъ, что молодость также вредна въ дѣлѣ суда, какъ и бездарность. Необходимая торжественность судебной обстановки очень способна вскружить голову даже хорошему молодому человѣку и развить въ немъ извѣстное самооптѣненіе, которое съ лѣтами можетъ сдѣлать изъ него юриста-самодура. Надо много житейской опытности и самообладанія, чтобъ относиться совершенно пассивно къ этой торжественности и среди ея не забыть, что судья все-таки не болѣе, какъ служитель того общества, члены котораго являются къ нему въ видѣ просителей. Нельзя ожидать такого самообладанія отъ людей молодыхъ, а тѣмъ болѣе винить ихъ за недостатокъ этого самообладанія. Положеніе ихъ весьма скользко. Намъ кажется, что жалобы, которыя раздаются въ обществѣ о недоступности нѣкоторыхъ лицъ судебного вѣдомства, о томъ высокомеріи, съ которымъ иногда обходятся въ судахъ съ публикою, едва ли не составляютъ результатъ того обстоятельства, что слишкомъ молодыя силы занимаютъ высокое положеніе судей. Объ этомъ не мѣшаетъ серьезно подумать, въ избѣжаніе весьма печальныхъ послѣдствій.

Мы просимъ читателя извинить насъ за это невольное отступленіе отъ нашего предмета: оно намъ нужно было, чтобы выяснить, какія послѣдствія могутъ быть вызваны возрастающей дороговизной, и съ этой цѣлью мы позволимъ себѣ указать еще примѣры изъ другой сферы государственной жизни. Если положеніе лицъ судебного вѣдомства перестаетъ быть завиднымъ, то что же можно сказать о положеніи нашей арміи, обезпеченной гораздо менѣе? Можетъ ли мало-мальски образованный человѣкъ довольствоваться тѣмъ содержаніемъ, которое получаетъ субальтернъ-офицеръ въ арміи, при настоящей дороговизнѣ жизни? Очевидно нѣтъ, такъ какъ человѣкъ, имѣющій какія-либо свѣдѣнія, во всякаго рода другой дѣятельности получаетъ гораздо болѣе. Въ настоящее время, въ армейскую военную службу идетъ только тотъ, кто не хотѣлъ или не могъ учиться. Такого порядка не измѣнить и всеобщая воинская повинность. Припоминая порядокъ вещей пятидесятихъ годовъ, мы должны необходимо согласиться, что уровень умственныхъ силъ въ средѣ офицеровъ арміи, сравнительно съ другими частями государственной службы, въ то время былъ много выше, и нельзя отвергать, что теперь люди болѣе даровитые оставляютъ военную карьеру, если судьба и забросила ихъ въ эту службу. Одной изъ причинъ такого положенія дѣлъ мы считаемъ дешевизну денегъ. Жалованье офицеровъ увеличилось съ тѣхъ поръ далеко не въ томъ размѣрѣ, насколько повысились всѣ безусловно необходимые расходы, и если наша денежная система не измѣнится, то въ недалекомъ будущемъ намъ придется или вновь возвышать налоги, или довольствоваться въ арміи офицерами безъ всякаго образованія. Но если уровень образованія въ нашей арміи оказался недостаточнымъ въ пятидесятихъ годахъ, то при такихъ условіяхъ, на которыя мы указали, онъ будетъ еще ниже и тогда оборона государства будетъ не въ надежныхъ рукахъ. Пусть намъ не указываютъ на воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній: число ихъ не настолько значительно, чтобы пополнить все необходимое число офицеровъ. Кромѣ того, если условія военной службы не измѣнятся, то наиболѣе даровитыя личности не долго будутъ оставаться въ рядахъ арміи: онѣ всегда найдутъ для себя другое болѣе выгодное дѣло. Армія, по условіямъ службы и стоянки, никогда не можетъ рассчитывать пополнять необходимый контингентъ офицеровъ изъ людей со средствами: эти люди, въ случаѣ избранія военной карьеры, будутъ служить въ гвардіи или въ войскахъ спеціальнаго рода оружія, но армейская пѣхота можетъ рассчитывать только на людей, для которыхъ служба представляетъ средство существованія. Вслѣдствіе этого, чтобы имѣть въ средѣ офицеровъ людей сколько-нибудь образованныхъ, нельзя ихъ оставить на томъ содержаніи, которое они

получаютъ въ настоящее время. Четыреста рублей въ годъ не могутъ удовлетворить потребностей образованнаго человѣка и заставить его обресть себя на жизнь въ деревняхъ, лишениую всякихъ удобствъ и вдалекѣ отъ общества. На такую жизнь могутъ идти только тѣ, которымъ недоступна иная дорога. Увеличеніе расходовъ по военному вѣдомству необходимо въ значительной степени даже и теперь, иначе придется довольствоваться весьма малоразвитымъ контингентомъ офицеровъ. Практика очень ясно указываетъ на это послѣднее обстоятельство.

Недавно въ газетахъ было извѣстіе о сужденіяхъ комиссіи, занятой составленіемъ программы для юнкерскихъ училищъ; въ нихъ предполагается принимать съ тѣми свѣдѣніями, которыя требуются для второго класса гимназій. Стало быть, офицеры будутъ имѣть свѣдѣнія не выше четвертаго класса гимназій. На этомъ основаніи нельзя не сказать, что такой уровень образованія очень невысокъ и далеко отстаетъ отъ образованія не только германскихъ, но и австрійскихъ офицеровъ. Сила же арміи измѣряется не только числомъ и вооруженіемъ, но и умственнымъ развитіемъ ея личнаго состава.

Въ этомъ кажется нельзя сомнѣваться въ настоящее время, а между тѣмъ повседневный опытъ указываетъ намъ, что постоянно возрастающая дороговизна удаляетъ изъ арміи лучшія ея силы. Даже прибавки жалованья здѣсь не помогутъ, если вмѣстѣ съ тѣмъ не будутъ приняты другія мѣры, способныя остановить возвышеніе цѣнъ на всѣ предметы потребленія.

Изъ всего сказаннаго нами ясно видно, какое важное вліяніе имѣютъ обороты государственнаго банка на всѣ отрасли государственнаго управленія. Цѣна нашихъ денежныхъ знаковъ зависитъ отъ этихъ оборотовъ, и каждые 40 или 50 милліоновъ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ вновь въ обращеніе хотя бы и въ обмѣнъ на звонкую монету, понижаютъ ихъ цѣну, а вмѣстѣ съ тѣмъ понижаютъ и средства всѣхъ министерствъ, ассигнованныя въ ихъ распоряженіе. Удивительно ли послѣ этого, что этихъ средствъ оказывается недостаточно, и что ни одна смѣта не заключается безъ громаднаго количества сверхсмѣтныхъ расходовъ. Одною изъ причинъ такого порядка вещей мы должны считать обороты государственнаго банка. Если таково значеніе этого учрежденія, то страннымъ намъ кажется то мѣсто, которое оно занимаетъ въ ряду нашихъ государственныхъ учреждений. Управление государственнаго банка, несмотря на свое обще-государственное значеніе, стоитъ какъ-то въ сторонѣ въ исключительномъ вѣдѣніи министерства финансовъ и совѣта государственныхъ кредитныхъ учреждений и совершенно изъято изъ вѣдѣнія комитета министровъ, въ которомъ сосредоточивается высшая административная власть, тогда какъ дѣятельность банка хотя и косвенно,

но все-таки может имѣть вліяніе на распоряженія отдѣльных вѣдомствъ. Намъ кажется, что такой порядокъ не можетъ существовать безъ нарушенія общей гармоніи государственнаго управленія, и что главныя распоряженія по оборотамъ государственнаго банка должны исходить изъ комитета министровъ. Въ противномъ случаѣ нельзя возлагать ответственность на отдѣльныхъ министровъ, если вслѣдствіе оборотовъ банка средства, ассигнованныя въ ихъ распоряженіе, оказываются недостаточными.

Говоря о выпускѣ банкомъ кредитныхъ билетовъ, мы постоянно указывали на возвышеніе цѣнъ, какъ на слѣдствіе подобныхъ оборотовъ. Въ подтвержденіе нашихъ словъ, мы сошлемся на изслѣдованія о хлѣбной торговлѣ, сдѣланныя г. Барковскимъ по маринской системѣ съ 1864 по 1870-й годъ. Изъ этихъ изслѣдованій видно, что разница въ среднихъ цѣнахъ 1864 и 1869 годовъ на рожь и пшеницу въ Петербургѣ была 40%, а въ Рыбинскѣ доходила до 52%. Такое повышеніе цѣнъ сопровождалось сильнымъ ихъ колебаніемъ, какъ видно изъ приложеннаго графическаго изображенія ихъ движенія. Такое явленіе становится весьма понятнымъ, если мы сопоставимъ его съ развитіемъ системы кредита, не только безъ уменьшенія количества кредитныхъ билетовъ, но съ постояннымъ ихъ умноженіемъ. Въ столицѣ, гдѣ до извѣстной степени существуетъ возможность обмѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, цѣна ихъ не могла упасть такъ значительно, какъ въ провинціи, гдѣ такой возможности вовсе нѣтъ и гдѣ, слѣдовательно, цѣны товаровъ возвышались сильнѣе чѣмъ въ столицѣ. Одно это обстоятельство могло дѣйствовать весьма вредно на правильный ходъ торговыхъ сдѣлокъ, не говоря уже о колебаніи цѣнъ, которое есть прямое слѣдствіе отсутствія на нашемъ рынкѣ прочной денежной валюты, т.-е. слѣдствіе излишняго количества бумажныхъ денегъ въ обращеніи.

То же изслѣдованіе г. Барковского даетъ намъ возможность, хотя отчасти, опредѣлить цифру тѣхъ потерь, которую несетъ населеніе отдѣльной мѣстности, вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на хлѣбныя товары. Такъ, по этому изслѣдованію, въ Новгородскую губернію ввозится хлѣбнаго товара на каждого жителя на сумму 5 р. 5 к., что по числу жителей составитъ сумму въ 5.132,890 руб. Если принять для Новгородской губерніи возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ въ 46%, т.-е. цифру среднюю между возвышеніемъ ихъ въ Петербургѣ и Рыбинскѣ, то мы получимъ, что на одно дополнительное продовольствіе жителей Новгородской губерніи потребовалось въ 1869 году, въ сравненіи съ 1864 годомъ, лишнихъ 2.361,129 руб., что по числу душъ мужского населенія составляетъ на каждую душу 4 р. 80 к. или 12 руб. на каждого работника. Такая прибавка къ расходамъ равносильна по

вому налогу и мы не думаемъ, чтобъ заработки, на которые уходятъ далеко не всѣ жители, могли возвратить населенію Новгородской губерніи и четвертую часть этой суммы, въ видѣ возвышенія заработной платы. Стало быть, каждый работникъ въ виду этого расхода долженъ сократить удовлетвореніе другихъ своихъ потребностей на равную сумму и это независимо отъ того, что всѣ другіе налоги, платимые крестьянами, значительно возросли. Но такъ ли широко удовлетворялъ свои потребности крестьянинъ Новгородской губерніи въ 1864 году, чтобъ быть въ состояніи сократить ихъ въ виду болѣе настоятельной нужды, и именно въ виду продовольствія хлѣбомъ своей семьи? Конечно нѣтъ, и потому мы смѣло можемъ сказать, что эти издержки производятся на счетъ необходимаго крестьянскаго инвентаря и тѣмъ заставляютъ опасаться за положеніе крестьянъ сѣверныхъ губерній, въ очень недалекомъ будущемъ. Мы указываемъ на это обстоятельство всѣмъ серьезнымъ людямъ, советуемъ имъ обратить на него особое вниманіе и притомъ безотлагательно. Теперь еще есть время поправить зло, но всякая отсрочка можетъ привести къ окончательному разоренію большинства крестьянъ, а это подорветъ въ корнѣ источники государственныхъ доходовъ...

Вотъ наше заключеніе объ операціяхъ государственнаго банка, по выпуску кредитныхъ билетовъ.

Теперь посмотримъ, насколько другіе его обороты соотвѣтствуютъ той цѣли, для которой онъ учрежденъ. Государственный банкъ учрежденъ для содѣйствія промышленности. Съ этой цѣлью въ распоряженіе его предоставленъ капиталъ, сначала въ 16 милл. руб., а нынѣ онъ увеличенъ до 23 милл. рублей. Какъ же велико то содѣйствіе, которое банкъ оказываетъ промышленности? Для этого возьмемъ первый попавшійся намъ балансъ банка, на примѣръ 1-го мая 1873 года, и бросимъ бѣглый взглядъ на его счетъ коммерческихъ операцій. Прежде всего, въ этомъ счетѣ бросается въ глаза цифра наличности, которая простирается въ банкѣ, конторахъ и отдѣленіяхъ до 53 милл. руб., что составляетъ сумму въ два съ третью раза болшую, чѣмъ весь оборотный и резервный капиталъ банка. Такимъ образомъ, банкъ не только не употребляетъ ввѣреннаго ему капитала на содѣйствіе промышленности, но платитъ напрасно проценты за 30 милл. руб., которые у него хранятся въ кассахъ непронизводительно. Мы позволимъ себѣ сравнить такое положеніе дѣлъ развѣ только съ тѣми порядками, которые существовали въ нашихъ кредитныхъ учрежденіяхъ въ 1857 году, когда вкладовъ было на миллиардъ рублей и когда люди, стоявшіе тогда въ управленіи, предположили, что въ Россіи появилось накопленіе капиталовъ и понизили процентъ какъ по ссудамъ, такъ и по займамъ, чтобъ облегчить

кассы отъ излишнихъ вкладовъ. Чтобъ удержать полное сходство, государственному банку остается тоже понизить процентъ, иначе онъ не избавится отъ необходимости платить проценты за всю излишнюю наличность. Мы удивляемся только, какъ подобное положеніе наличности не указываетъ управленію государственнаго банка, что рынокъ переполненъ бумажными деньгами и что тѣмъ болѣе онъ будетъ выпускать кредитныхъ билетовъ въ обмѣнъ на звонкую монету, тѣмъ болѣе будетъ увеличиваться его наличность и тѣмъ болѣе онъ принужденъ будетъ понижать учетный процентъ, а этимъ путемъ онъ конечно дойдетъ до того же положенія, въ которомъ очутились, во время оно, наши прежнія кредитныя учрежденія, съ тою только разницею, что процентныхъ текущихъ счетовъ нельзя будетъ обратить въ пятипроцентные билеты, а придется ихъ уплачивать новыми выпусками кредитныхъ билетовъ, уже не въ обмѣнъ на звонкую монету, а въ обмѣнъ на расчетныя книжки государственнаго банка. Мы думаемъ, что управленію государственнаго банка серьезно взвѣснить эти доводы, во избѣжаніе очень печальныхъ послѣдствій. Такое положеніе дѣлъ немислимо ни въ одномъ коммерческомъ предпріятіи, хотя бы оно было и кредитное. Возьмемъ примѣры: с.-петербургское общество взаимнаго кредита имѣетъ наличность, по балансу 12-го марта, съ небольшимъ въ 13% съ его оборотнаго капитала; въ рускомъ банкѣ для внѣшней торговли, по балансу 28-го февраля, наличность еще менѣе и составляетъ немногимъ болѣе 11% оборотнаго капитала, несмотря на то, что банкъ этотъ производитъ свои операціи не только въ Петербургѣ, но и въ Лондонѣ, государственный же банкъ имѣетъ наличность въ 230% съ своего оборотнаго капитала. Не знаемъ, выгодно ли государственному банку вести коммерческія операціи при такихъ условіяхъ, какихъ не можетъ быть ни въ какомъ другомъ банкѣ, но знаемъ, что отъ подобныхъ операцій промышленность выигрывать не можетъ: здѣсь не банкъ дѣлаетъ ссуды промышленности, а промышленность банку и притомъ для того только, чтобъ эти ссуды, въ количествѣ 30 милл. рублей, лежали въ кассахъ банка. Если мы возьмемъ балансы государственнаго банка за 10 лѣтъ назадъ, то увидимъ, что къ 1-му января 1863 года наличность банка и его конторъ и отдѣленій была лишь въ 17 милл. рублей. Съ тѣхъ поръ она постоянно возрастала, и въ особенности когда началась усиленная покупка золота на новые выпуски кредитныхъ билетовъ, а къ 1-му мая 1873 года достигла 53 милл. при наибольшемъ выпускѣ кредитныхъ билетовъ, доходившемъ къ тому же числу до 768 милл. Избавиться отъ такой обременительной для банка суммы возможно только переменной системы, т.-е. не увеличеніемъ, а сокращеніемъ количества бумажныхъ денегъ въ обра-

печеніи, и мы думаемъ, что банку вмѣсто того, чтобъ понижать учетный процентъ, слѣдуетъ счесть половину своей наличности, а учетный процентъ возвысить. Такой мѣрой банкъ дѣйствительно бы приближался къ возможности открыть размѣнъ, хотя бы и ниже номинальной цѣны. Но если банкъ не рѣшится на означенную мѣру, то несмотря на увеличивающійся металлическій фондъ, возможность размѣна будетъ все болѣе и болѣе отдаляться. Если при этомъ банкъ будетъ продолжать вымѣнивать звонкую монету на новые выпуски бумажныхъ денегъ, то наличность его будетъ расти, а онъ долженъ будетъ сначала понижать учетный процентъ и затѣмъ процентъ по текущимъ счетамъ, пока не повторится исторія прежнихъ кредитныхъ учреждений ¹⁾.

Другое обстоятельство, которое поражаетъ въ счетахъ банка, состоитъ въ томъ, что по пассиву банкъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи для коммерческихъ операций 332 милл. рублей. Если изъ этой цифры исключить долгъ банка конторамъ въ 25 милл. рублей, такъ какъ эта сумма уже вошла въ счетъ долговъ конторъ и отдѣленій частнымъ лицамъ, то окажется, что всѣхъ ввѣренныхъ банку суммъ было 307 милл., въ томъ числѣ около 2 милл. только для храненія. Изъ всей этой суммы на ссуды всѣхъ родовъ по банку, конторамъ и отдѣленіямъ употреблено всего 95 милл. руб., остальные же или лежатъ въ видѣ наличности, или же употреблены на ликвидацію прежнихъ кредитныхъ учреждений. На этомъ основаніи, намъ кажется довольно страннымъ говорить о содѣйствіи промышленности такого учрежденія, при посредствѣ котораго 210 милл. руб. серебромъ изъято съ промышленнаго рынка и употреблено или на покрытие убытковъ по прежнимъ неосновательнымъ операціямъ, или же остаются въ кассахъ банка безъ движенія. Ко всему этому необходимо прибавить, что въ активѣ конторъ и отдѣленій банка показано, что банкъ долженъ конторамъ 53 милл., а въ пассивѣ банка показано долгу конторамъ только 25 милл. Куда дѣвались остальные 28 милл., изъ счетовъ банка не видно. Во всякомъ случаѣ по этому предмету было бы не лишне разъясненіе государственнаго банка, такъ какъ, принимая въ расчетъ съ одной стороны всѣ суммы, ввѣренныя банку и его конторамъ, а съ другой—суммы, употребленныя

¹⁾ Къ 1-му января 1868 года наличность банка тоже доходила до 54 милл. руб., но это потому, что въ 1867 году было выпущено въ обращеніе кредитныхъ билетовъ, подъ обезпеченіе серій, на 23 милл. руб., что и увеличило кассу банка. Это обстоятельство ясно показало, что выпускъ кредитныхъ билетовъ не дѣлается безнаказанно; и что проценты за нихъ все-таки приходится платить, въ видѣ потери процентовъ въ излишней наличности. Хотя въ слѣдующемъ году эти билеты были изъяты, но такъ какъ въ томъ же году начался усиленный выпускъ бумажныхъ денегъ въ обмѣнъ на золото, то цифра наличности банка никогда уже не падала до цифръ, бывшей въ 1867 году.

банкомъ и конторами, — въ общемъ балансѣ этихъ учреждений выйдетъ разница на 28 милл. рублей. Другими словами, для опредѣленія отношеній банка къ публикѣ по его коммерческимъ операциямъ, изъ общаго итога баланса банка и конторы слѣдуетъ исключить счета его съ конторами, какъ не имѣющие никакого отношенія къ публикѣ, и тогда общій итогъ актива сократится на 53 милл., а общій итогъ пассива только на 25 милл., то-есть въ активѣ банка будетъ недоставать 28.429,938 руб. 21 коп. Если здѣсь и нельзя предположить серьезныхъ безпорядковъ, если подобная неточность является только въ силу того обстоятельства, что суммы, показанныя конторами и отдѣленіями за банкомъ, не приняты были къ 1-му мая по счетамъ центрального учрежденія, то и тогда подобный порядокъ счетоводства и, въ особенности, отчетности нельзя назвать правильнымъ. При подобныхъ обстоятельствахъ въ балансахъ банка, назначаемыхъ для печати, причины такой неточности должны быть подробно объясняемы, если только управленіе государственнаго банка придаетъ какое-нибудь значеніе своимъ публикаціямъ. Въ противномъ случаѣ, всякій человѣкъ, рассматривающій со вниманіемъ балансы государственнаго банка, можетъ очень удивиться, что банкъ, печатавъ свой балансъ 8-го мая, несмотря на нынѣшнія удобства сообщенія, не имѣлъ еще свѣдѣній объ употребленіи конторами и отдѣленіями 28 милл. руб., поставленныхъ на его счетъ къ 1-му мая. Если отсутствіе объясненій банка по этому поводу происходитъ отъ небрежнаго составленія балансовъ, то подобное отношеніе къ публикѣ, ввѣряющей банку свои капиталы, едва-ли извинительно; если же банкъ къ 8-му мая не имѣлъ подробныхъ свѣдѣній для объясненія подобной разницы, то пришлось бы сдѣлать заключеніе еще болѣе невыгодное для управленія государственнаго банка, — заключеніе полной несостоятельности существующей у него системы счетоводства и отчетности. Если бы послѣднее предположеніе было возможно, то банкъ не въ состояніи былъ бы замѣтить въ теченіи недѣли даже и умышленную растрату денегъ, а въ настоящее время въ одну недѣлю можно уѣхать далеко. Полагаемъ, что подобнаго счетоводства и отчетности не допустить ни одна частная контора, такъ какъ при такомъ порядкѣ существованіе ея было бы немыслимо даже въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Надо признаться, что управленіе государственнаго банка чрезвычайно счастливо, если у него не бываетъ никакихъ непріятныхъ оцѣнокъ, несмотря на то, что скрыть преступленіе на извѣстное время очень не трудно.

Затѣмъ мы переходимъ къ послѣднему счету государственнаго банка по его коммерческимъ операциямъ. Выше мы замѣтили, что банкъ употребляетъ суммы, ввѣряемыя ему по его текущимъ опера-

ціямъ, на ликвидацію прежнихъ кредитныхъ учреждений. Дѣйствительно, въ активѣ банка показанъ долгъ государственнаго казначейства по этой ликвидаціи въ 118 милл. руб. Такой счетъ вводится съ исключительной цѣлью уравновѣсить балансъ банка по счету коммерческихъ операций. Въ дѣйствительности же, эта сумма состоитъ въ долгу, по ссудамъ прежнихъ кредитныхъ учреждений и является вслѣдствіе постепеннаго погашенія прежнихъ вкладовъ и невозможности полученій по ссудамъ, вслѣдствіе ихъ долгосрочности. Такимъ образомъ, въ общемъ балансѣ государственнаго банка сумма эта показывается вдвойнѣ: въ активѣ ликвидаціоннаго счета въ числѣ ссудъ прежнихъ кредитныхъ учреждений, и въ активѣ коммерческихъ операций въ видѣ фиктивнаго долга государственнаго казначейства, собственно для того, чтобъ уравновѣсить балансъ коммерческихъ оборотовъ. Для того же, чтобъ уравновѣсить балансъ ликвидаціи, въ пассивѣ ея вводится особый, довольно странно названный счетъ самого банка съ государственнымъ банкомъ въ той же самой суммѣ 118 милл. Такая двойственность счетовъ, для человѣка непривычнаго, значительно затемняетъ суть дѣла. Для уясненія счетовъ банка слѣдуетъ исключить эти счета въ 118 милл., какъ изъ актива коммерческихъ операций, такъ и изъ пассива ликвидаціи прежнихъ кредитныхъ учреждений, и тогда въ балансѣ коммерческихъ операций пассивъ будетъ превышать активъ на эту сумму, но за то въ балансѣ ликвидаціоннаго счета активъ будетъ превышать на ту же сумму пассивъ. Въ общемъ же итогѣ балансъ будетъ вѣренъ и гораздо ближе къ дѣйствительности, потому что уменьшится на фиктивную цифру долга государственнаго казначейства. При такомъ порядкѣ составленія балансовъ банка, для всякаго было бы ясно, что изъ суммъ, ввѣренныхъ банку по коммерческимъ его операциямъ, затрачено имъ по 1-е мая 1873 года, на удовлетвореніе обязательствъ прежнихъ кредитныхъ учреждений 118.023,507 р. 36 к., что на эту затрату употребленъ не только весь капиталъ государственнаго банка какъ основной, такъ и резервный, но что, сверхъ того, банкъ беретъ у промышленнаго рынка болѣе 95 милліоновъ для поправленія ошибочныхъ распоряженій прежнихъ кредитныхъ учреждений. Такимъ образомъ операціи, отнимающія капиталы у промышленности, едва-ли могутъ содѣйствовать ея развитію и мы должны сознаться, что государственный банкъ дѣйствуетъ прямо противъ тѣхъ цѣлей, достиженіе которыхъ имѣлось въ виду при его учрежденіи.

Кромѣ этого, мы должны сдѣлать еще одно замѣчаніе по счету ссудъ изъ прежнихъ кредитныхъ учреждений. Къ 1 января 1862 года такихъ ссудъ значилось на сумму 405 милліоновъ рублей; затѣмъ въ теченіе этого и слѣдующаго года цифра эта понижается и выражается въ двухъ счетахъ: въ счетѣ собственно ссудъ и въ счетѣ

долга крестьянъ, погашаемаго выкупными платежами. Общій итогъ этихъ двухъ счетовъ къ 1 января 1864 года составляетъ 392 милліона. Но затѣмъ цифра эта вновь повышается, и къ 1 января 1871 года доходитъ до 423 милліона, затѣмъ опять начинаетъ понижаться и въ балансѣ къ 1 мая сего года доходитъ до 412 милл. Кажалось бы, что съ прекращеніемъ ссудъ, за уничтоженіемъ прежнихъ кредитныхъ учрежденій, цифра этихъ счетовъ, вслѣдствіе постепенныхъ уплатъ, должна была постоянно понижаться; между тѣмъ, мы этого не видимъ, а напротивъ съ 1864 года замѣчаемъ ея возвышеніе до 1871 года. Такого явленія мы себѣ объяснить никакъ не можемъ, потому что не думаемъ, чтобъ недоимки въ платежахъ такъ были значительны, чтобъ возвысить сумму этихъ счетовъ на 31 милл. въ теченіе 7 лѣтъ, т.-е., по $3\frac{1}{2}$ милл. руб. въ годъ, тогда какъ въ 1862 и 1863 годахъ такихъ недоимокъ не только не замѣчается, а напротивъ оказывается довольно значительное погашеніе долга, доходившее до 13 милл. руб. въ два года. На этомъ основаніи было бы весьма желательно видѣть объясненіе причинъ подобнаго явленія путемъ официальнымъ. Точно также непонятна разница долговъ крестьянъ по выкупной операціи прежнимъ кредитнымъ учрежденіямъ, числящихся по счетамъ государственнаго банка и главнаго выкупнаго учрежденія. По счету банка къ 1 мая 1873 года, долгъ этотъ показанъ въ 304.904,272 руб. 24 коп., тогда какъ по счету выкупнаго учрежденія, этотъ долгъ къ тому же числу, доходилъ лишь до 274.449,271 руб. 85 коп. Такая разница въ показаніяхъ двухъ государственныхъ учрежденій совершенно непонятна, и мы удержимся отъ всякихъ догадокъ и предположеній, впредь до разъясненія этой разницы путемъ официальнымъ. Необходимость подобнаго разъясненія не подлежитъ повидимому ни малѣйшему сомнѣнію, даже въ интересахъ государственнаго казначейства, а тѣмъ болѣе въ интересахъ государственнаго банка. Всякое кредитное учрежденіе, хотя бы и государственное, необходимо должно пользоваться довѣріемъ публики для успѣшнаго веденія дѣла, и потому счета его не должны возбуждать никакихъ недоумѣній.

Наконецъ, при оффиціальности государственнаго банка представляется еще одинъ, весьма существенный вопросъ: насколько прочно его положеніе, т.-е. насколько его средства соответствуютъ его обязательствамъ? Для рѣшенія этого вопроса сравнимъ, на основаніи того же баланса къ 1 мая, тѣ суммы, которыя банкъ обязанъ уплатить по первому требованію, съ имѣющимися въ его распоряженіи средствами.

По пассиву коммерческихъ операцій такихъ обязательствъ значится:

1) Безсрочныхъ вкладовъ и текущихъ счетовъ

подъ разными названіями 197,825,477 р. 78 к.

2) Переводные билеты и телеграммы 30,530,801 „ 56 „

3) Проценты по вкладамъ	6,365,141 р. 68 к.
4) Переходныя суммы	5,739,497 „ 52 „
5) Разныя „	611,900 „ — „

Кромѣ того, по ликвидаціи прежнихъ кредитныхъ учреждений предстоитъ выдать по востребованію:

1) Процентомъ по вкладамъ бывшихъ кредитныхъ учреждений	4,915,382 р. 52 к.
2) Вкладовъ прежнихъ кредитныхъ учреждений	18,706,202 „ 50 „
3) Суммъ отчисленныхъ на оплату купоновъ по 5% банковымъ билетамъ	2,123,507 „ 36 „

Итого . . . 266,817,910 р. 94 к.

На всѣ эти платежи банкъ имѣеть въ наличности 53 милл. руб., и кромѣ того, въ портфель банка имѣется различныхъ обязательствъ частныхъ лицъ на сумму въ 87 милл. рублей—обязательствъ, которыми банкъ можетъ реализовать только въ теченіи 9 мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, въ случаѣ какого-либо серьезнаго кризиса, даже при полной ликвидаціи дѣлъ, банкъ имѣеть не многимъ болѣе половины для уплаты своихъ безсрочныхъ обязательствъ и притомъ въ теченіи 9 мѣсяцевъ, не говоря уже о срочныхъ, которыхъ имѣется въ виду также 31 миллионъ.—Вглядываясь внимательно въ положеніе нашего рынка очень не мудрено предположить, что капиталы, нынѣ вѣренныя государственному банку, получать другое назначеніе, въ особенности при усиленномъ развитіи поземельнаго кредита. Не будетъ ничего удивительнаго, если требованіе капиталовъ изъ банка пойдетъ гораздо быстрѣе нежели взносы; очень не мудрено, что ему могутъ быть предъявлены внезапно такія требованія уплатъ, которыя будутъ доходить до четвертой и болѣе части его безсрочныхъ обязательствъ. При такихъ обстоятельствахъ, вся наличность банка не будетъ въ состояніи покрыть платежей и реализація портфеля съ положительнымъ прекращеніемъ всѣхъ ссудъ можетъ дать не болѣе 10 миллионновъ въ мѣсяцъ. Если же въ платежахъ банка послѣдуетъ задержка или банкъ рѣшится сдѣлать новый выпускъ кредитныхъ билетовъ для уплаты своихъ обязательствъ, то это произвело бы панику, послѣдствіемъ которой было бы предъявленіе къ платежу обязательствъ банка цѣлыми массами. Подобную развязку мы считаемъ очень возможною, вслѣдствіе натянутого положенія всего промышленнаго рынка, а операція покупки золота въ обмѣнъ на новые выпуски кредитныхъ билетовъ могла бы только ускорить эту развязку.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

ВЪ ЕВРОПѢ И АМЕРИКѢ.

По донесеніямъ англійскихъ дипломатическихъ агентовъ и новѣйшимъ результатамъ статистическихъ работъ.

[ГЕРМАНІЯ].

V. Ж и л и щ а *).

Въ предыдущей главѣ, сопоставивъ цифры дохода и расхода рабочаго люда въ различныхъ частяхъ Германіи, мы вмѣстѣ съ тѣмъ въ общихъ чертахъ ознакомились съ пищею, которою могутъ пользоваться рабочіе. Какъ мы видѣли, расходы на пищу поглощаютъ большую часть его доходовъ, и необходимо было выяснитъ по возможности, какую именно пищу получаетъ рабочій при данномъ заработкѣ. Но послѣ пищи самый крупный предметъ его расходовъ составляетъ наемъ квартиры или постепенная уплата за недвижимое имущество, приобрѣтенное въ собственность, въ томъ числѣ и денегъ для жилья.

О жилищахъ, собственно земледѣльческихъ рабочихъ въ Пруссіи и Саксенъ-Кобургѣ, мы говорили во II-й главѣ и потому въ настоящей будемъ касаться по преимуществу жилищъ остальныхъ рабочихъ.

Въ большихъ городахъ ремесленники живутъ почти исключительно въ нанятыхъ квартирахъ, и отступленія отъ этого правила встрѣчаются весьма рѣдко. Стоимость наемныхъ помѣщеній въ городахъ весьма высока, и потому рабочіе почти всегда помѣщаются по нѣсколько человѣкъ въ одной небольшой комнатѣ. Въ Берлинѣ, напримѣръ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ за 1867 годъ, число помѣщеній, заклю-

*) См. выше: июль, 756 стр.

чавшихъ въ одной комнатѣ пять или шесть жильцовъ, а въ двухъ— 10 или болѣе того, простиралось до 15,574 и въ нихъ жило 111,280 человекъ. Всѣхъ комнатъ въ этихъ помѣщеніяхъ насчитывалось до 16,489. Среднимъ числомъ, на каждую комнату приходилось по 6—7 обитателей. Въ числѣ этихъ 111,280 человекъ, заключалось 31,980 женатыхъ и членовъ ихъ семействъ, кромѣ дѣтей, которыхъ въ такой тѣснотѣ насчитывалось до 58.736. Эти 111 тысячъ жителей, конечно, были помѣщены хуже, чѣмъ всѣ остальные ихъ собратья. Дѣйствительно, трудно себѣ представить что-либо худшее маленькой комнаты въ городѣ, служащей жильемъ для 7-ми человекъ, изъ которыхъ половина дѣтей. Остальныя комнаты, занятыя рабочими въ Берлинѣ, вмѣщали по 3—5 человекъ. Многіе большіе и промышленные города Германіи представляютъ тѣ же условія, какъ Берлинъ и, вдобавокъ, имѣютъ неудобства, которыя не удручаютъ этотъ, сравнительно, молодой городъ. Въ старыхъ городахъ Германіи большинство улицъ очень узки, темны и сыры. А между тѣмъ въ этихъ только улицахъ, и даже въ самыхъ плохихъ изъ нихъ, рабочіе и могутъ находить себѣ квартиры по дороговизнѣ ихъ въ другихъ частяхъ города. Между тѣмъ, тутъ представляются обыкновенно два существеннѣйшихъ, для рабочаго семейства, неудобства. Во-первыхъ, въ этихъ городахъ существуетъ обычай сбрасывать разнаго рода нечистоты въ закрытыхъ помойныхъ ямахъ, распространяющихъ часто весьма непріятный и вредный запахъ, который дѣлается совершенно невыносимымъ, когда эти ямы очищаютъ. Если очистка ихъ поручается особо для того организованнымъ компаніямъ и обществамъ, они принимаютъ надлежащія предосторожности для предупрежденія зловонія, но такъ какъ чаще всего этой работой занимаются простые поселяне, объ гигиеническихъ условіяхъ ни мало не помышляющіе, то воздухъ въ этихъ улицахъ почти постоянно зараженъ всякаго рода міазмами. Второе неудобство заключается въ томъ, что при домахъ, построенныхъ въ такихъ улицахъ, далеко не всегда есть вода, да и въ тѣхъ, при которыхъ устроены насосы, хозяйкѣ приходится носить ее въ верхніе этажи, гдѣ обыкновенно нанимаются рабочими квартиры. Чаще же всего хозяйкѣ приходится ходить за водой на общественный водоемъ, что не только требуетъ значительнаго труда, но и значительной потери времени, такъ какъ у такихъ водоемовъ скопляется обыкновенно много женщинъ, пришедшихъ за водой, и каждой приходится по-долгу ждать своей очереди. Во избѣжаніе всѣхъ этихъ неудобствъ, германскіе рабочіе большихъ городовъ стараются жить внѣ ихъ, нанимая квартиры или маленькіе домики съ огородомъ и садомъ, которые они особенно склонны приобретать въ собственность. Ремесленники и фа-

бричные рабочіе, живущіе и работающіе въ селеніяхъ, нерѣдко живутъ въ своихъ собственныхъ домахъ. Но самыя жилища этихъ рабочихъ весьма непривлекательны. Мы указали въ своемъ мѣстѣ на жилища сельскихъ земледѣльческихъ рабочихъ; обращаясь къ помѣщеніямъ фабричныхъ, мы встрѣчаемся опять съ неопрятностію, духотой, тѣснотой и тому подобными неудобствами, окружающими ремесленника такъ же, какъ и земледѣльца. Тѣ, которые не обзавелись собственными домиками, живутъ въ наемныхъ отдѣльныхъ домахъ или большихъ помѣщеніяхъ, нарочно для того устроенныхъ, въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи крупными землевладѣльцами, а въ западныхъ — значительными фабрикантами. Въ Мемельскомъ округѣ жилища рабочихъ представляютъ одноэтажныя зданія, построенныя изъ глины, а иногда даже изъ дерна; они состоятъ изъ одной комнаты и спальни, часто не имѣютъ пола, окна ихъ заколочены гвоздями и никогда не открываются. Въ Силезіи (въ Лейгницкомъ округѣ) одноэтажные низенькіе домики, крытые соломой, тѣсны, низки и темны внутри, крошечное окно едва пропускаетъ свѣтъ и воздухъ въ жилище. Въ Балкенгайнскомъ округѣ (въ Силезіи же), гдѣ живетъ много ткачей, ихъ дома обыкновенно имѣютъ отъ двухъ до трехъ комнатъ и одну или двѣ спальни; только одна изъ комнатъ попросторнѣе, и та бываетъ загромождена ткацкими станками, остальные очень тѣсны и такъ низки, что въ нихъ едва можетъ стоять человѣкъ высокаго роста, окна же имѣютъ не болѣе двухъ квадратныхъ футовъ. Въ Плесскомъ округѣ, въ Силезіи же, по нѣскольку рабочихъ семействъ помѣщаются въ одной комнатѣ. Въ Агаусскомъ и нѣкоторыхъ другихъ округахъ Вестфаліи жилища рабочихъ состоятъ изъ кухни, одной комнаты, угла, въ который можно поставить нѣсколько кроватей, погреба, или кладовой, и хлѣва для коровы, козы или свиньи. Комнаты очень малы, низки, сыры и большею частью содержатся весьма неопратно. Краткій очеркъ жилищъ, приведенный нами, основанъ на матеріалахъ, относящихся до 1864 г., послѣ котораго, судя по послѣдующимъ свѣдѣніямъ, эта сторона жизни рабочаго люда нѣсколько улучшилась. Впрочемъ, должно оговориться, что хотя приведенные нами примѣры относятся до громаднаго большинства рабочихъ жилищъ въ 1864 году, но и тогда уже въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи рабочіе пользовались помѣщеніями гораздо лучшими описанныхъ нами, хотя этихъ исключеній представляется весьма немного, кромѣ, впрочемъ, саксонскихъ провинцій Пруссіи и самой Саксоніи. Въ этой части Германіи только рабочіе горныхъ округовъ помѣщались дурно, скучиваясь по нѣскольку семействъ въ одной комнатѣ, но почти всѣ остальные, благодаря особенной аккуратности и наклонности саксонцевъ къ порядку и чистотѣ, скромно,

но хорошо съумѣли обставлять свои жилища, которыя отличались и въ то время большою опрятностью и были довольно просторны. Въ описаніяхъ же рабочихъ жилищъ за послѣдніе годы можно встрѣтить весьма привлекательныя картинки съ натуры, къ сожалѣнію, впрочемъ, въ большей части случаевъ снятыя не въ тѣхъ преобладающихъ мѣстностяхъ, на которыя мы указали, какъ на самые дурныя примѣры. По словамъ бременскаго консула, жилища рабочихъ въ этомъ городѣ въ 1872 году представлялись въ весьма хорошемъ видѣ. Рабочій могъ найти себѣ квартиру во всякомъ разстояніи отъ мѣста работы: цѣны на нихъ были весьма невысоки, сравнительно со стоимостью прочихъ жизненныхъ потребностей и вообще плата за квартиру не превышала одной шестой части заработка рабочаго; всѣ эти помѣщенія содержались весьма хорошо, чистота въ домахъ и на улицахъ составляла отличительную черту города; жилища эти весьма достаточно освѣжались воздухомъ и объ этомъ заботились ихъ обитатели. Система водосточныхъ трубъ, необходимыхъ для надлежащаго осушенія города, еще не была приведена, но приводилась въ порядокъ и къ концу 1872 года ожидалось окончаніе работъ, принятыхъ съ этою цѣлію. Изъ Вюртембергскаго королевства доставлены, за тотъ же 1872 годъ, свѣдѣнія, еще болѣе удовлетворительныя. „Я сожалѣю,—пишетъ мѣстный агентъ,—что не имѣлъ возможности ознакомиться съ вопросомъ о жилищахъ рабочихъ такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось, но могу сказать, что если не считать неудобствомъ присутствіе въ каждомъ изъ нихъ печей, что придаетъ комнатному воздуху нѣкоторую удушливость, къ которой, впрочемъ, германцы, повидимому, привыкли, то нельзя не признать эти помѣщенія, крайней мѣрѣ всѣ тѣ изъ нихъ, которыя мнѣ удалось посѣтить, весьма хорошими. Всѣ они просторны, хорошо вентилируются и видимо удобно приспособлены для жизни рабочихъ. Я былъ особенно пріятно пораженъ помѣщеніями рабочихъ, видѣнными мною на одной бумажной фабрикѣ въ Эсслингенѣ“, и проч.

Подобныя утѣшительныя описанія относятся до мѣстностей и въ 1864 г. находившихся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, поэтому ихъ далеко нельзя обобщать, и нами они приведены для того, чтобъ не разсматривать предметъ только съ одной дурной его стороны. На дурную же сторону его германцы сами давно обратили вниманіе и старались ее улучшить ¹⁾. Во-первыхъ, нѣкоторые фабриканты и особо организовавшіяся общества заботились о томъ, чтобъ доставить рабочимъ лучшія помѣщенія вблизи фабрикъ или фермъ. Еще

¹⁾ Хотя усилія ихъ, сравнительно съ существующимъ зломъ, до сихъ поръ были весьма слабы.

въ сороковых годахъ, въ Пруссіи составилось нѣсколько мѣстныхъ обществъ съ центральною ассоціаціею въ Берлинѣ, связующею ихъ всѣхъ, которыя собрали значительныя денежныя средства для сооруженія домовъ, съ тѣмъ чтобы дома эти могли быть отдаваемы въ наемъ рабочимъ и даже поступать въ ихъ собственность въ случаѣ постепенной уплаты ими обществу нѣкотораго процента на погашеніе, затраченнаго на постройку, капитала. Это послѣднее предположеніе образовавшихся въ то время обществъ не осуществилось по разнороднымъ причинамъ и возведенныя постройки, до 1871 года, по крайней мѣрѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ только нанимались, но не покупались рабочими. Вышеупомянутыя общества съ 1849 по 1851 г. устроили 10 домовъ, содержащихъ до 91 квартиры и 9 помѣщеній для лавочекъ, а съ 1851 по 1858 возвели еще 8 большихъ строеній и 6 сельскихъ небольшихъ построекъ, которыя всѣ вмѣстѣ вмѣщали въ себѣ до 130 отдѣльныхъ квартиръ. Около того же времени, по инициативѣ и при денежномъ содѣйствіи императора Николая Павловича, организовалось въ Берлинѣ особенное александровское общество, которое въ 1867 году имѣло 6 большихъ зданій съ 31 квартирой и 120 мелкихъ построекъ, которыя всѣ были заняты рабочими. Въ 1841 году въ рейнскихъ провинціяхъ образовалось общество, подъ названіемъ Кнаррschaftsverein, имѣвшее цѣлю улучшить жилища рудокоповъ и дать имъ возможность пріобрѣсти эти жилища въ собственность. Въ этихъ видахъ общество пріобрѣло въ наиболѣе промышленныхъ мѣстностяхъ провинціи 1350 акровъ земли для устройства на ней рабочихъ колоній. Оно продавало и продаетъ до сихъ поръ всѣмъ желающимъ за покупную цѣну участки земли, не превосходящія одну восьмую часть акра, подъ постройку дома и такое же пространство подъ огородъ или садъ. Для того, чтобы облегчить покупателей при постройкѣ домовъ, оно выдаетъ имъ 4-хъ-процентныя долгосрочныя ссуды, постепенно погашаемыя вычетомъ изъ заработка и, кромѣ того, отъ 21 до 30 фунт. стерлинговъ безвозвратно каждому рабочему, возведшему постройку. Съ 1842 по 1861 г., при содѣйствіи Кнаррschaftsverein, возведено рудокопами 1499 домовъ, на что обществомъ выдано ссудъ на сумму 58.159 фунт. ст. и безвозвратныхъ премій до 22.626 ф. ст. Всѣ построенные такимъ образомъ домики отличаются опрятностію и имѣютъ весьма веселый видъ.

При королевскихъ угольныхъ копяхъ въ Нейницѣ, правительствомъ устроено 3 большихъ дома, вмѣщающихъ до 800 удобныхъ для рабочихъ кроватей. Въ минденскомъ округѣ Вестфалии, отличающемся особенно дурными жилищами для простого класса, построено, при помощи общественной благотворительности, нѣсколько

домовъ, которые за низкую плату отдаются въ наемъ бѣднѣйшимъ рабочимъ. Въ Вюртембергѣ само правительство озаботилось постройкой удобныхъ жилищъ для рабочихъ, служащихъ при желѣзныхъ дорогахъ и по почтовому вѣдомству. Съ этой цѣлью оно устроило въ различныхъ пунктахъ государства 26 домовъ съ двумя-стами квартирами. Каждое семейство имѣетъ особое помѣщеніе, особый ходъ, только крыльцо общее. Въ большихъ домахъ квартира состоитъ изъ трехъ комнатъ, кухни, кладовой и проч., а въ малыхъ они имѣютъ только двѣ комнаты и кухню. Наемная плата за послѣднія 80 фл., (6 ф. 13 ш. 4 п.) и 120 фл. (10 ф. ст.) за большія. Нѣкоторые изъ значительнѣйшихъ фабрикантовъ строятъ помѣщенія для работающихъ на ихъ фабрикахъ, которые отдають въ наемъ. Такъ, нѣкто Гольмбергъ, въ Штуттгартѣ, построилъ нѣсколько домовъ съ этою цѣлью. Въ нихъ помѣщаются 43 семейныхъ квартиры и спальни для 36 холостыхъ рабочихъ, столовая и большая зала для занятій рабочихъ въ свободное отъ фабричнаго труда время. Кромѣ того, онъ устроилъ въ Салахѣ, при своей бумажной фабрикѣ, подобное же зданіе. Семейныя квартиры въ этихъ домахъ состоятъ, по большей части, изъ двухъ просторныхъ комнатъ и устроены такъ, чтобы въ нихъ могъ помѣщаться, кромѣ членовъ семейства, какой-либо холостой нахлѣбникъ рабочій, не стѣсняя хозяевъ. Плата за эти квартиры рассчитана такъ, чтобы она составляла 4 процента на затраченный для постройки капиталъ. Плата эта удерживается изъ жалованья. Если рабочій желаетъ, онъ можетъ, уплачивая нѣсколько болѣе 4 процентовъ, приобрести помѣщеніе со временемъ въ свою собственность. Примѣру Гольмберга послѣдовали нѣкоторые другіе фабриканты. Кромѣ того, нѣсколько частныхъ обществъ стремятся къ той же цѣли, доставить рабочимъ удобныя квартиры и возможность приобрести ихъ въ собственность. Стремленіе къ этой цѣли самихъ рабочихъ такъ велико, что они готовы подвергать себя большимъ лишеніямъ для того, чтобы имѣть свой домъ или свое собственное помѣщеніе; нѣкоторые этого достигаютъ. Но случается и такъ, что отдавъ всѣ накопленные деньги въ видѣ задатка, и заложивъ вновь приобретенную собственность въ обезпеченіе уплаты остальной покупной суммы, рабочій подвергается какому-либо несчастію: недостатку работы, болѣзни, смерти или пьянству, и тогда собственность становится для него и его дѣтей тяжкимъ бременемъ, связываетъ ихъ съ мѣстностью, лишаетъ возможности оставить ее, чтобы прискаты себѣ наивыгоднѣйшій заработокъ въ другомъ мѣстѣ, а долгъ остается невыплаченнымъ. Вообще, изъ всего нами сказаннаго ясно, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ помѣщенія, которыми пользуются рабочіе, крайне неудовлетворительны, и усилія

фабрикантовъ и разнаго рода обществъ усовершенствовать эту сторону народной жизни, далеко еще не привели къ желаемымъ результатамъ и только указали путь, по которому должно идти для достиженія цѣли.

VI.—Количество дневной работы.—Работа дѣтей.

Германское законодательство до сихъ поръ не обратило вниманія на количество ежедневной работы, исполняемой какъ фабричными, такъ и земледѣльческими взрослыми рабочими, и только оградило дѣтей, какъ мы будемъ имѣть случай указать ниже, отъ чрезмернаго обремененія физическимъ трудомъ. Между тѣмъ, почти во всей Пруссіи и во многихъ другихъ частяхъ Германіи, число рабочихъ часовъ такъ велико, что даже трудно повѣрить цифрамъ, которыя по этому поводу приводятъ англичане. Такъ, напримѣръ, по свѣдѣніямъ ими сообщеннымъ, нѣкоторые чернорабочіе, ломовые извозчики и проч., въ Берлинѣ работающіе иначе, какъ по письменному условію съ хозяиномъ и зарабатывающіе въ мѣсяцъ около 5 ф. ст. что для Берлина весьма немного, ежедневно бываютъ въ работѣ 16 и болѣе часовъ. Работа берлинскихъ пекарей, получающихъ на готовомъ содержаніи отъ 3 до 9 шилл. въ недѣлю, продолжается 19 часовъ въ сутки, и считается одной изъ самыхъ утомительныхъ. Затѣмъ, почти во всей Пруссіи, и почти во всей Германіи, ремесленники, подмастерья и взрослые ученики проводятъ за работой ежедневно лѣтомъ отъ 5 часовъ утра до полудня, потомъ отъ 1 часу дня до 7 и позднѣе, а зимой отъ разсвѣта, иногда отъ 6 часовъ утра до 8 и 9 вечера. Ткачи просиживаютъ за своими станками до 16-ти часовъ въ сутки, причемъ утомительность работы усиливается ея чрезвычайнымъ однообразіемъ. Земледѣльцы же обыкновенно усиленно трудятся 12 часовъ въ сутки,—а во время жатвы и 14 часовъ.

Многіе ремесленники и фабричные рабочіе въ Саксенъ-Кобургѣ работаютъ по 13-ти и 14-ти часовъ въ сутки, большинство 12, и только нѣкоторые всего 10 часовъ. Такъ, напримѣръ, на фарфоровыхъ, чугуно-литейныхъ фабрикахъ, красильныхъ и нѣкоторыхъ другихъ фабрикахъ они за работой проводятъ всего 10 часовъ. Въ Саксоніи и Вюртембергѣ 12 часовъ работы въ сутки въ послѣднее время составляютъ почти нормальное количество рабочаго времени, и подъ дневнымъ заработкомъ подразумѣвается обыкновенно та сумма денегъ, которую рабочій можетъ получить за это именно число рабочихъ часовъ. Если же онъ соглашается работать дольше, то трудъ его оплачивается соразмѣрно излишнему количеству времени. За каждый лишній часъ уплачивается $\frac{1}{12}$ часть дневного жалованья. Въ

обоихъ этихъ государствахъ и въ особенности въ Вюртембергѣ еще очень недавно количество дневной работы было такъ же велико, какъ и въ Пруссіи и только немного лѣтъ тому назадъ, частью по настоянію рабочихъ, а частью по усмотрѣнію самихъ хозяевъ, установилась 12-часовая норма для дневной работы, а въ нѣкоторыхъ фабрикахъ и заводахъ (машинные заводы въ Эссlingenѣ, Берѣ, Гельброннѣ; химическіе заводы, сигарныя фабрики и типографіи) работаютъ всего 10 часовъ въ сутки.

Хотя 12-часовая работа не можетъ быть признана чрезмѣрно обременительною, но имѣя въ виду тѣ скромныя удобства жизни, которыми при ней пользуется рабочій, нельзя не пожелать, чтобы норма ея была нѣсколько уменьшена, съ тѣмъ чтобы рабочій могъ посвятить часть своего времени плодотворному умственному труду. Что же касается до работы болѣе 12-ти часовъ въ сутки, то, конечно, продолжительность ея отражается весьма вредно и на здоровьѣ и на нравственности рабочихъ, въ особенности женщинъ, тѣмъ болѣе, что она неминуемо захватываетъ часть ночи, а иногда ведется исключительно въ ночное время, причемъ отдыхать работнику приходится днемъ. Поэтому нельзя не признавать крайне необходимымъ, чтобы правительство обратило вниманіе на этотъ предметъ и оградилъ законодательными мѣрами и нравственностью, и здоровье рабочихъ отъ разрушительнаго вліянія чрезчуръ продолжительной работы, въ особенности ночной.

Собственно дѣти удовлетворительно ограждены закономъ (Gewerbe-Ordnung), изданнымъ въ 1869-мъ году, отъ излишняго обремененія трудомъ. Законъ этотъ коснулся не только числа рабочихъ часовъ, которое онъ ограничилъ для дѣтей отъ 12 до 14-ти лѣтъ 6-ю ч. въ день, и для подростковъ отъ 14 до 16-ти лѣтъ 10-ю ч., но и нѣкоторыхъ другихъ весьма важныхъ обстоятельствъ. Такъ онъ не дозволяетъ дѣтей моложе 12-ти лѣтъ употреблять въ какія бы то ни было постоянныя фабричныя работы; для дѣтей отъ 12 до 14-ти лѣтъ онъ требуетъ ежедневно трехъ-часового ученія въ школѣ. Установивъ въ 10 часовъ максимумъ работы для подростковъ 14—16 лѣтъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляетъ усмотрѣнію мѣстныхъ властей уменьшать, въ случаѣ надобности, это число часовъ до 6, съ тѣмъ, чтобы молодые люди остальное время употребляли на занятія въ школѣ. Кромѣ того каждый хозяинъ обязанъ освобождать дѣтей отъ труда, на часъ среди дня и по получасу во время утренней и вечерней работы, и предоставлять имъ возможность во время этого отдыха непремѣнно пользоваться движеніемъ на свѣжемъ воздухѣ.

Цѣны какъ работы, такъ и жизненныхъ потребностей, приведенныя нами выше, существовали въ послѣдніе годы, передъ франко-

прусской войной и только весьма немногія изъ нихъ относятся ко времени, послѣ заключенія мира. Для того, чтобы не сбиваться въ нашихъ выводахъ, мы этихъ послѣднихъ цифръ не принимали въ расчетъ, такъ что, сдѣланный нами экономическій очеркъ положенія германскихъ рабочихъ, выражаетъ собою состояніе ихъ до войны. Война, конечно, не могла не оказать вліянія на экономическій бытъ германскаго рабочаго, но сколько можно судить по свѣдѣніямъ, заключающимся въ англійскихъ донесеніяхъ, послѣдствія ея еще далеко не вполне обрисовались и не могутъ быть достаточно вѣрно оцѣнены. Несомнѣнно, что она значительно поколебала цѣнность труда и жизненныхъ потребностей и что цѣнность эта не успѣла вновь окончательно установиться къ тому времени, когда составлялись послѣдніе рапорты, то-есть, къ веснѣ 1872-го года.

Громадныя суммы, уплаченныя Франціею Германіи, понизили цѣнность денегъ въ послѣдней, то-есть, возвысили цѣнность всего остального. Въ особенности это стало ощутительно въ западной части Германіи и рейнскихъ провинціяхъ, гдѣ послѣ заключенія мира все, а главнымъ образомъ недвижимыя имущества чрезвычайно вздорожали вслѣдствіе водворенія въ этой странѣ, долгіе годы находившейся подъ страхомъ французскаго нашествія, спокойствія и увѣренности въ прочности собственности. Реорганизация арміи при установленіи имперіи была причиной возвышенія податей во вновь присоединенныхъ къ имперіи частяхъ ея, и также, конечно, усилила дороговизну жизни. Но возвышеніе цѣнъ на квартиры, пищевое довольствіе, одежду и проч., сопровождалось пропорціональнымъ возвышеніемъ цѣны на трудъ, такъ что отъ возвышенія цѣнъ въ общемъ итогъ не пострадали ни рабочіе, ни капиталисты, а потерпѣли только лица, живущія на опредѣленномъ жалованьи, какъ, напримѣръ, чиновники, состоящіе на государственной службѣ. Нельзя, однако, не замѣтить, что возвышеніе послѣ войны цѣнъ на жизненные потребности совершилось гораздо, если можно такъ выразиться, естественнѣе чѣмъ соотвѣтственное возвышеніе рабочей платы. Война возвысила непосредственно цѣны на жизненные потребности, а рабочимъ приходилось почти завоевывать увеличеніе своего заработка, такъ какъ при прежнемъ нельзя было существовать. Болѣе благоразумные фабриканты добровольно уступили и уступаютъ силѣ обстоятельствъ и стараются даже ихъ предупредить, а недостаточно дальновиднымъ приходится выдерживать съ трудомъ бесплодную борьбу, которая, въ силу экономическихъ условій, въ огромномъ большинствѣ случаевъ кончается ихъ пораженіемъ. Какъ бы то ни было, однако и въ томъ и въ другомъ случаѣ общій характеръ экономическаго положенія рабочаго класса послѣ войны, какъ свидѣлствуютъ

донесенія, не настолько измѣнился, чтобы выводы, сдѣланные о немъ на основаніи данныхъ, собранныхъ до войны, могли быть признаны непримѣнимыми въ настоящее время.

Кромѣ всеобщаго возвышенія дѣнь на работу и на жизнь, война и образованіе германской имперіи имѣли и другія болѣе благоприятныя послѣдствія для нѣкоторыхъ частей Германіи, и въ особенности тѣхъ, которыя вновь присоединились къ германской имперіи. Основаніе ея разрушило не мало преградъ, стѣснявшихъ правильное развитіе промышленности въ этихъ мѣстностяхъ. Обще-германскіе законы, вытѣснившіе большинство мѣстныхъ устарѣлыхъ установленій, предоставили подданнымъ этихъ государствъ право свободного движенія и переселенія въ предѣлахъ всей Германіи; уничтоженіе паспортной системы значительно облегчило всякій промышленный трудъ, много расширивъ кругъ доступной ему дѣятельности. Рабочій получилъ возможность предлагать свою работу тамъ, гдѣ это для него всего выгоднѣе, что придавало ему много энергіи. Образованіе рабочихъ и промышленныхъ союзовъ, воспрещаемое прежде въ нѣкоторыхъ изъ этихъ государствъ, какъ, напримѣръ, Вюртембергѣ, подъ страхомъ тюремнаго заключенія, сдѣлалось совершенно свободнымъ по замѣнѣ мѣстныхъ по этому предмету узаконеній законами новой имперіи. Надо при этомъ замѣтить, что и въ Вюртембергѣ образованіе рабочихъ союзовъ, воспрещаемое закономъ, рѣдко сопровождалось за послѣдніе годы тюремнымъ заключеніемъ его членовъ, но тѣмъ не менѣе стѣсненіе это неблагопріятно отражалось на развитіи этихъ учреждений, оказавшихъ весьма полезное вліяніе на промышленность въ другихъ частяхъ Германіи и въ особенности Пруссіи, которая, на опытѣ испытавъ ихъ благотѣльное дѣйствіе, успѣшила сдѣлать ихъ доступными для всей Германіи, какъ только сама стала во главѣ вновь созданной имперіи.

VII. Народное образованіе.—Отношеніе рабочихъ къ нанимателямъ.— Рабочіе союзы и кооперативныя общества.

Обязательность начальнаго образованія, какъ въ Пруссіи, такъ и въ другихъ частяхъ германской имперіи, принесла весьма хорошіе плоды. Она съ одной стороны смягчила суровый характеръ германскаго простолудина, а съ другой—дала ему возможность болѣе осмысленно относиться къ своей работѣ, слѣдовательно, лучше ее выполнять, и, кромѣ того, открыла доступъ къ спеціальному техническому образованію для всѣхъ жителей имперіи, безъ исключенія.

Мы видѣли, что новыми германскими законами ограничено количество работы на фабрикахъ дѣтей, какъ для того, чтобы оградить

ихъ здоровье отъ излишняго обремененія трудомъ, такъ и для того, чтобы предоставить имъ возможность учиться. Хозяева ремесленныхъ и промышленныхъ заведеній должны предоставлять своимъ ученикамъ возможность продолжать образованіе, которому положенъ фундаментъ въ начальныхъ школахъ. Чтобы этотъ законъ не оставался мертвою буквою, во многихъ частяхъ Германіи и преимущественно въ Пруссіи учреждены такъ-называемыя Fortbildungschulen, то-есть такія школы, въ которыхъ каждый молодой человѣкъ, окончившій курсъ обязательнаго образованія, можетъ обогатить себя дальнѣйшими общими научными свѣдѣніями. Преподаваніе во многихъ изъ этихъ школъ, основанныхъ въ фабричныхъ и промышленныхъ центрахъ, приспособлено къ профессіи посѣщающихъ ихъ лицъ, молодыхъ ремесленниковъ, фабричныхъ рабочихъ, учениковъ и подмастерьевъ. Эти школы, впрочемъ, не имѣютъ цѣлью доставлять спеціально техническое образованіе; его можно получить въ особо для того устроенныхъ заведеніяхъ высшаго разряда. Fortbildungschulen даютъ однако возможность каждому простолюдину подготовиться къ поступленію въ эти высшія техническія заведенія. Въ Fortbildungschulen Пруссіи преподаваніе ведется только въ воскресные и праздничные дни и изрѣдка, по какому-либо исключительному случаю, въ будни. Въ Пруссіи эти школы посѣщаются учениками зимой аккуратно, чѣмъ-лѣтомъ. Въ нѣкоторыхъ же другихъ мѣстностяхъ Германіи, какъ, напримѣръ, въ Гессенъ-Дармштадтѣ, онѣ открываются только на зимнее время для мальчиковъ и мужчинъ, а лѣтомъ для дѣвочекъ и женщинъ. Въ Гессенъ-Дармштадтѣ существуютъ особыя рисовальныя школы, приспособленныя исключительно для ремесленниковъ. Рисовальныя школы устроены за послѣднее время почти во всей Германіи, но гессенъ-дармштадтскія могутъ назваться старѣйшими изъ нихъ и замѣчательны тѣмъ, что возникли первоначально при самой ничтожной матеріальной поддержкѣ. Начало этимъ весьма полезнымъ заведеніямъ, развивающимъ въ ремесленникахъ вкусъ и любовь къ своему дѣлу и слѣдовательно способствующимъ усовершенствованію самаго ремесла, положено было еще въ 1837 году, когда въ Дармштадтѣ имѣла мѣсто промышленная выставка, за покрытіемъ расходовъ которой изъ собранныхъ на устройство ея денегъ осталось 50 ф. ст. Эти деньги были употреблены на организацію, въ видѣ опыта, двухъ рисовальныхъ школъ, одной въ Дармштадтѣ, другой въ Гессенѣ. Въ первой школѣ обучалось первоначально 50 учениковъ, во второй—28. Школы эти пошли сразу такъ успѣшно и дали быстро такіе осязательные результаты, что къ настоящему времени по образцу ихъ устроено въ Гессенъ-Дармштадтѣ, на средства уже мѣстныхъ городскихъ обществъ, до 52 школъ, въ которыхъ обучается

болѣе 3000 учениковъ. За право обученія въ нихъ вносится самая ничтожная плата, отъ 2 до 10 пенс. въ мѣсяцъ, и то при бѣдности ученика плата эта съ него слагается, по распоряженію мѣстнаго общественнаго начальства. Во многихъ промышленныхъ центрахъ Германіи образовались, какъ мы упоминали выше, *Bildungsvereine*, особые общества, имѣющія цѣлю развить въ рабочихъ любовь къ умственному труду и доставить имъ средства къ нравственному развитію. Общества эти состоятъ изъ весьма просвѣщенныхъ и преданныхъ дѣлу людей и дѣйствуютъ весьма успѣшно. Кромѣ исчисленныхъ нами школъ, существуютъ воскресные и вечерніе классы, на которыхъ всякій рабочій можетъ приобрести много полезныхъ для него общихъ, а иногда и специальныхъ свѣдѣній. Мы однако не вдаемся въ подробное описаніе ихъ, такъ какъ это не входитъ въ программу нашей статьи. Успѣхи и благодѣтельныя послѣдствія, какъ обязательнаго, такъ и необязательнаго начальнаго образованія, даже въ самой Пруссіи распределяются не совсѣмъ равномерно между ея отдѣльными провинціями. Наиболѣе промышленныя изъ нихъ отличаются отъ наименѣе промышленныхъ какъ болѣе числомъ образованныхъ (въ смыслѣ начальнаго образованія) простолюдиновъ, такъ и болѣе высокой нравственностію сихъ послѣднихъ, и обратно. Западныя провинціи имѣютъ въ этомъ отношеніи несомнѣнное преимущество передъ восточными, гдѣ и процентъ грамотныхъ рабочихъ и ихъ нравственный уровень гораздо ниже, чѣмъ въ первыхъ. Въ восточныхъ провинціяхъ рабочіе сохранили до сихъ поръ, несмотря на долготѣнее существованіе обязательнаго обученія, весьма грубые и даже жестокіе нравы, какъ свидѣлствуютъ англичане. Свѣдѣнія, обнародованныя прусскимъ военнымъ министерствомъ о количествѣ грамотныхъ рекрутъ, поступившихъ въ армію въ наборъ 18⁶⁶/₆₇ года изъ разныхъ провинцій, подтверждаютъ сказанное нами. Изъ каждыхъ 100 рекрутъ, поступившихъ на службу, неграмотныхъ въ при-рейнскихъ провинціяхъ было только 0,68, въ Бранденбургѣ 0,81, въ Саксоніи 0,17, въ Помераніи 1,19, въ Силезіи 3,42, собственно въ прусскихъ провинціяхъ 12,28 и въ Познани 13,8. Въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ относительно менѣе неграмотныхъ, промышленность процвѣтаетъ болѣе, чѣмъ въ остальныхъ, и обратно, тамъ, гдѣ болѣе процвѣтаетъ промышленность, рабочіе болѣе заботятся о своемъ образованіи, ибо заработокъ ихъ не можетъ не увеличиваться по мѣрѣ возвышенія искусства рабочаго. Это обстоятельство играетъ особенно важную роль въ виду того, что всѣ почти англійскіе агенты, писавшіе о Германіи, сходятся въ томъ мнѣніи, что въ настоящее время германскіе рабочіе гонятся гораздо болѣе за высокой платой, чѣмъ за высокимъ достоинствомъ своей работы, и что побудить

ихъ заботиться объ ея хорошемъ выполненіи возможно никакъ не нравственными убѣжденіями, а единственно увеличеніемъ заработной платы. Хотя англичане ставятъ это нѣкоторымъ образомъ въ укоръ нѣмецкому простолюдину, но намъ такое явленіе кажется весьма естественнымъ при экономическихъ условіяхъ, въ которыхъ находятся, какъ мы видимъ, германскіе рабочіе въ настоящую минуту. При всей своей бережливости и крайне скромномъ образѣ жизни, даже лишеніяхъ, они не имѣютъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, возможности сберегать изъ своего заработка болѣе одного-двухъ процентовъ. Количество дневной работы такъ велико, что не представляетъ досуга, который можно бы было употребить съ пользою для увеличенія дневного заработка или для своего развитія; между тѣмъ, желаніе упрочить благосостояніе и будущность своего семейства приобрѣтеніемъ недвижной собственности въ видѣ жилища для семьи и небольшого клочка земли, въ нихъ сильно развито и усиливается по мѣрѣ расширенія круга ихъ понятій. Чѣмъ рабочій болѣе развивается, тѣмъ болѣе сознаетъ потребности въ матеріальной самостоятельности, влекущей за собою самостоятельность нравственную и политическую, тѣмъ болѣе ощущаетъ онъ необходимость въ нѣкоторомъ досугѣ для умственного развитія. А такъ какъ онъ почти не имѣетъ досуга и сбереженія можетъ дѣлать въ весьма неудовлетворительныхъ размѣрахъ, то весьма естественно, что онъ гонится прежде всего за деньгами. Если же онъ получитъ возможность жить безъ нужды и обезпечивать будущность семьи, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что станетъ относиться къ своему труду съ большею сознательностью и любовью, и постарается выполнять его наилучшимъ образомъ не изъ-за однихъ только матеріальныхъ выгодъ, а изъ-за того отраднаго ощущенія, которое доставляетъ каждому развитому человѣку совершенная форма и успѣхъ его труда. Неблагопріятныя экономическія условія, составляя одну изъ причинъ исключительно меркантильнаго отношенія германскихъ рабочихъ къ своему труду, не составляютъ однако единственной причины, породившей ея. Цеховыя привилегіи, которыя уничтожены только въ 1862 году, и вліяніе которыхъ на характеръ германской промышленности еще неокончательно изгладилось и до сихъ поръ, играютъ при этомъ весьма большую роль. Стѣсненіе, которое испытывали во время существованія привилегій способные рабочіе, формальности, съ которыми было сопряжено полученіе права на самостоятельное занятіе какимъ-либо ремесломъ, крайне подчиненное положеніе, въ которомъ находились ученики и подмастерья къ хозяевамъ, цеховымъ мастерамъ, придавали труду первыхъ почти обязательный крѣпостническій характеръ и положили на него, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ,

отпечатокъ небрежности. Отпечатокъ этотъ еще далеко не изгладился, несмотря на то, что вслѣдъ за уничтоженіемъ цеховыхъ привилегій совершенно измѣнился строй промышленной дѣятельности. Съ одной стороны, капиталисты устроили цѣлый рядъ фабрикъ и заводовъ, существованіе которыхъ было немислимо при цехахъ, и привлекали къ работѣ въ этихъ заведеніяхъ много рукъ, трудившихся прежде въ мелкихъ мастерскихъ, что парализовало дѣятельность послѣднихъ, многихъ хозяевъ вынудило поступить рабочими, надсмотрщиками или мастерами на фабрики; съ другой стороны, множество ремесленниковъ, работавшихъ въ мелкихъ городскихъ мастерскихъ, принадлежащихъ цеховымъ мастерамъ, получали возможность работать самостоятельно. Ремесленная промышленность перестала быть привилегіей городовъ. Свобода ремесленного труда вызвала соревнованіе между рабочими, которое, конечно, не могло не отразиться благотворно на качествѣ изготавливаемыхъ предметовъ. Какъ развитіе фабричнаго труда, такъ и перенесеніе многихъ ремеселъ изъ городовъ въ селенія удешевило производство различныхъ предметовъ потребленія и сдѣлало ихъ наиболѣе доступными для большинства населенія. Если же при этомъ самый предметъ и не становился иногда дешевле, — что происходило отъ того, что самый трудъ дорожалъ ¹⁾, — то и въ этомъ случаѣ относительная цѣнность предмета все-таки значительно понижалась, и онъ дѣлался доступнѣе для большинства.

Кромѣ всего этого, уничтоженіе цеховыхъ привилегій совершенно уничтожило нѣкоторыя отрасли ручной промышленности, за то самое развитіе фабрикъ создало новыя производства, которыми могли зарабатывать себѣ хлѣбъ мелкіе ремесленники, не покидая своихъ домовъ. Нѣкоторыя изъ ремеселъ, сосредоточивавшіяся прежде въ одной мастерской, подъ флагомъ извѣстнаго цеха, распались на нѣсколько вѣтвей и создали новыя отрасли труда. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ труда, какъ, напримѣръ, плотничномъ, столярномъ ремеслахъ, замѣчается уже и въ настоящее время, кромѣ правильного раздѣленія труда, возвышеніе заработной платы или уменьшеніе рабочихъ часовъ.

¹⁾ Насколько развитіе крупныхъ мануфактурныхъ заведеній вліяетъ на возвышеніе заработной платы въ той мѣстности, гдѣ они открываются, доказываетъ пріятель, приведенный профессоромъ Якоби въ его сочиненіи о силезскихъ рабочихъ. Въ одномъ изъ округовъ силезской провинціи, не знавшей ранѣе ни фабрикъ, ни заводовъ, и имѣвшей исключительно земледѣльческій характеръ, поденный трудъ обыкновеннаго рабочаго оплачивался 6 пенс., а женщины получали 3 пенса. Съ открытіемъ въ этомъ уголкѣ только одной значительной фабрики, потребовавшей много рабочихъ рукъ, цѣна на рабочихъ поднялась сразу для мужчинъ на 100, а для женщинъ на 50 процентовъ.

Независимо отъ этого, уничтоженіе цеховыхъ привилегій, какъ говорятъ противники новыхъ порядковъ, послужило поводомъ къ установленію почти враждебныхъ отношеній между хозяевами ремесленныхъ и промышленныхъ заведеній и ихъ рабочими, сдѣлавъ первыхъ слишкомъ требовательными. Какъ на причину этого явленія, обнаружившагося въ послѣднее время, указываютъ также на развитіе промышленныхъ союзовъ и кооперативныхъ обществъ, которыя, какъ сказано въ одномъ изъ англійскихъ донесеній, хотя и доставили нѣкоторымъ рабочимъ денежныя выгоды, но за то вызвали множество забастовокъ и стачекъ, которыя, не приведя ни къ какимъ существеннымъ результатамъ, безъ толку колебали ту или другую отрасль промышленности и надѣлали болѣе шума и тревоги, чѣмъ принесли пользы. Въ другихъ донесеніяхъ выражено мнѣніе, что социалистическія ученія проникли въ рабочую среду и содѣйствовали нѣкоторому охлажденію рабочихъ къ своему труду, и возбудили въ нихъ новыя стремленія и надежды. Всѣ эти причины заставляютъ землевладѣльцевъ и фабрикантовъ болѣе дорожить своими рабочими, чѣмъ прежде, и доставлять имъ большія противъ прежняго жизненныя удобства, а рабочихъ дѣлаютъ болѣе требовательными и строптивыми. Эта строптивость и требовательность рабочихъ, выражающіяся то тамъ, то сямъ вспыхивающими стачками и какъ-бы питаемыми утопическими идеями и ихъ тайными и явными пропагандистами, конечно не мало возбуждаютъ спасеній въ средѣ людей, озабоченныхъ спокойнымъ разрѣшеніемъ рабочаго вопроса. Между тѣмъ, явленіе это весьма естественно, легко объясняется, имѣетъ далеко не такой страшный видъ, какъ думаютъ, и можетъ быть устранено само собой при внимательномъ къ нему отношеніи со стороны правительства и общества. Уничтоженіе цеховъ произошло такъ недавно, что остатки раздраженія рабочихъ противъ своихъ хозяевъ, крайне ихъ въ свое время притѣснявшихъ, не могли еще изгладиться, и выражаются какъ дурными личными отношеніями, такъ и неслыханною дотогѣ требовательностію. Съ одной стороны, недавній рабъ, еще не освоивъ съ свободой и не насытивъ ею, склоненъ злоупотреблять ею и вымещать на прежнемъ господинѣ, при случаѣ, свою застарѣлую досаду; съ другой — прежній господинъ не можетъ спокойно слышать громкаго голоса своего недавняго раба и смотреть на каждое его дѣйствіе и требованіе испуганными глазами, вооруженными увеличительнымъ стекломъ. Прежнія отношенія рабочихъ къ цеховымъ мастерамъ отразились на современныхъ отношеніяхъ первыхъ къ фабрикантамъ, заводчикамъ и вообще капиталистамъ, и служатъ часто поводомъ къ столкновеніямъ между тѣми и другими. Поводы къ столкновеніямъ усиливаются вслѣдствіе далеко неудовлетворительнаго положенія рабочихъ

Существовать они, конечно, могутъ, какъ оказывается, умудряются даже дѣлать нѣкоторыя сбереженія, но существованіе ихъ становится возможнымъ только благодаря усиленному, часто чрезмѣрному труду, крайней бережливости и, главное, снисходительности къ матеріальной обстановкѣ, пищѣ, одеждѣ, жилищу. Приходъ съ расходомъ едва балансируетъ—струна натянута; и при этихъ условіяхъ всякаго рода агитаторамъ дѣйствительно весьма легко было бы возбуждать неудовольствія массъ, суля имъ въ осуществленіе своихъ утопическихъ теорій матеріальныя блага, недоступныя какъ будто бы при существующемъ порядкѣ вещей. Самыя идеи могли бы легко ослѣпить непросвѣщенныя массы. Но дѣло въ томъ, что если умственное развитіе германскаго народа, идущее доселѣ правильно, ничѣмъ не будетъ задержано въ своемъ поступательномъ движеніи, то оно доставитъ ему средство критически относиться къ предлагаемымъ ему теоріямъ и не гнаться за неосуществимыми идеями. Поэтому, прочное начало, положенное германскимъ правительствомъ народному образованію, служить однимъ изъ залоговъ будущаго спокойнаго развитія промышленности въ государствѣ. Но одного умственнаго развитія рабочихъ массъ тамъ недостаточно для этого. Какъ бы разумно ни относился человѣкъ къ своему положенію и искушеніямъ ему представляющимся, онъ не можетъ отрѣшиться отъ законнаго желанія ѣсть, пить, быть тепло одѣтымъ, спокойнымъ на счетъ участи своего семейства и проч. Разумъ можетъ ему указать предѣлы благосостоянія, за которыми могутъ быть построены только воздушныя замки, но онъ не можетъ заставить его отрѣшиться отъ вполне законныхъ желаній. Поэтому желательно, чтобы какъ сами капиталисты, такъ и правительство внимательно прислушались къ законнымъ требованіямъ рабочихъ. Уменьшеніе числа рабочихъ часовъ, возвышеніе заработной платы до такой цифры, которая доставляла бы рабочему возможность жить чисто и тепло, ѣсть сытно и имѣть нѣкоторый досугъ, откладывать копѣйку на черный день, вотъ все что нужно сдѣлать для рабочихъ. Возвышеніе цѣнъ на жизненныя потребности послѣ войны и не вполне устоявшееся отношеніе этихъ цѣнъ къ цѣнности труда, указываютъ на необходимость позаботиться о приведеніи этихъ цѣнностей повсюду въ надлежащее равновѣсіе, на что, какъ оказывается, уже обращено вниманіе, хотя сдѣлано пока еще весьма немного. Какъ мы указывали выше, многіе капиталисты, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ особыя общества озаботились доставленіемъ рабочимъ возможности при наименьшихъ лишеніяхъ приобрѣтать въ собственность жилища, многіе фабриканты согласились вполне добровольно уменьшить число рабочихъ часовъ или увеличить заработную плату. Такъ поступили почти всѣ фабриканты Вюртемберга и Саксоніи, и такъ

поступают повсемѣстно капиталисты, правильно понимающіе свой интересъ. Такъ, въ апрѣлѣ 1872 года въ Данцигѣ произошла забастовка всѣхъ рабочихъ на лѣсныхъ дворахъ, которыхъ весьма много въ этомъ городѣ. Рабочіе требовали возвышенія платы. Многіе лѣсовладельцы заупрямились, и понесли убытокъ. Но одинъ изъ главнѣйшихъ торговцевъ немедленно согласился на требованія рабочихъ, которыя признавалъ вполнѣ правильными, въ виду стоимости содержанія рабочей семьи въ Данцигѣ, превышавшей существовавшую заработную плату поденщиковъ на лѣсныхъ дворахъ. Слѣдовало возвысить жалованье на 15 и 20%, платить за работу въ день до 25 зильбергр., т.-е. ту сумму, которую зарабатываютъ всѣ остальные ремесленники и которая составляетъ минимумъ дневного расхода семейнаго рабочаго. И онъ не потерялъ никакихъ убытковъ. Также благополучно разрѣшаются и другія забастовки и стачки, при здоровомъ смыслѣ капиталиста и самихъ рабочихъ. Если же, по невѣжеству этихъ послѣднихъ, ими руководить кто-либо, имѣющій какія-либо утопическія цѣли, тогда, для предостереженія рабочаго можетъ служить только образованіе.

Разбираемые нами матеріалы не даютъ достаточно полныхъ свѣдѣній о рабочихъ союзахъ и промышленныхъ товариществахъ и разнаго рода кооперативныхъ обществахъ рабочихъ, столь распространенныхъ за послѣднее время въ Германіи, чтобы можно было сдѣлать достаточно полный очеркъ этого предмета, по донесеніямъ англійскихъ агентовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдніе положительно утверждаютъ, что всѣ эти учрежденія приносятъ существенную пользу населенію, находятся въ цвѣтущемъ состояніи и могутъ рассчитывать на блестящую будущность. Хотя нѣкоторые изъ англійскихъ донесеній, какъ мы упомянули выше, видятъ въ этихъ обществахъ одну изъ причинъ дурныхъ отношеній, существующихъ между капиталистами и рабочими, но такой взглядъ нельзя признать правильнымъ. Если бы эти общества дѣйствительно разжигали страсти рабочихъ и грозили какою-либо опасностью правильному экономическому развитію Германіи, то прусское правительство, весьма, какъ извѣстно, предусмотрительное, не только не поощряло бы ихъ, но постаралось бы стереть съ лица земли. Оказывается, напротивъ, что рабочіе союзы и кооперативныя общества различныхъ формъ, устроенныя по преимуществу по системѣ Шульце-Делича, безпрепятственно и быстро развивались въ Пруссіи за послѣднія 12 лѣтъ и нисколько не помѣшали крѣпнуть въ то же самое время государственному организму этой монархіи. Мало того, при созданіи германской имперіи Пруссія успѣшила настоять на томъ, чтобы во всѣхъ государствахъ, вошедшихъ въ ея составъ, были уничтожены всѣ существовавшія до

тѣхъ поръ преграды къ развитію упомянутыхъ обществъ и тѣмъ упорила успѣхъ экономическаго развитія этихъ странъ.

II.

ФРАНЦІЯ.

I. Населеніе.

Возрастаніе населенія во Франціи за послѣдніе годы идетъ весьма медленно; такъ, наприимѣръ, въ 1845-мъ году весь приростъ населенія (простиравшагося тогда до $34\frac{1}{2}$ милл.) едва достигъ 200 тыс., а за годъ до войны, оно въ теченіи одного года даже уменьшилось на 130,000 чел. въ годъ. Такъ, что если сравнить приростъ англійскаго населенія въ теченіи послѣднаго столѣтія, съ таковымъ же французскимъ и на основаніи этого сравненія сдѣлать предположенія о будущемъ, то окажется, что въ 40 лѣтъ населеніе Англіи можетъ удвоиться, а во Франціи увеличиться едва одною только третью. Несмотря, однако, на медленность, съ которой возрастаетъ населеніе Франціи, средняя продолжительность жизни за послѣднее пятидесятилѣтіе увеличилось почти на 5 лѣтъ. Въ 1806—1809 годахъ она не превосходила для мужчинъ $30\frac{1}{2}$ года, а для женщинъ $32\frac{7}{12}$, а въ 1860-мъ году, для первыхъ достигла 36, а для вторыхъ 38 лѣтъ, причемъ это увеличеніе шло, за нѣкоторыми неважными колебаніями, прогрессивно. Такъ, въ 1806—1809 годахъ, средняя долгота жизни для лицъ обоого пола была $31\frac{1}{2}$ года, въ 1825—1829— $32\frac{2}{3}$, въ 1840—1844—35 лѣтъ, въ 1850—1854— $36\frac{2}{3}$, 1860— $37\frac{1}{3}$. Послѣдняя перепись народонаселенія Франціи была произведена въ 1861-мъ году, причемъ оказалось, что имперія имѣетъ 38,067,094 души обоого пола. Эти 38 милл. человѣкъ составляютъ 9 милл. семействъ, изъ которыхъ 8 милл. принадлежатъ къ ремесленнымъ и рабочимъ классамъ. Изъ всего населенія Франціи 19,598,115 человѣкъ (изъ нихъ 9,737,295 мужчинъ и 9,860,320 женщинъ) принадлежатъ къ земледѣльческому классу и 10,959,091 (5,574,818 мужчинъ, 8,384,273 женщины) къ промышленному. На каждыя 10,000 жителей въ 1866-мъ году приходилось 5194 земледѣльцевъ обоого пола, а въ 1861—5316 человѣкъ. На то же число жителей промышленныхъ классовъ приходилось въ 1866 году 2879, а въ 1861—2735. Въ 1846 году сельское насе-

леніе Франціи составляло 75,58 процентовъ всего населенія, городское всего 24,42, а въ 1861 это отношеніе представлялось уже въ другомъ видѣ: сельскихъ жителей было 71,14 процентовъ, а городскихъ 28,86. Въ слѣдующіе годы эта пропорція измѣнялась въ томъ же направленіи. Изъ вышеприведенныхъ цифръ слѣдуетъ, во-первыхъ, что одна половина населенія Франціи кормится земледѣльческимъ трудомъ, и собственно къ промышленнымъ и ремесленнымъ классамъ принадлежитъ одна треть всѣхъ жителей; во-вторыхъ, что отношеніе числа земледѣльцевъ къ общему числу населенія уменьшается за послѣдніе годы, а ремесленныхъ и промышленныхъ классовъ возрастаетъ. Изъ 38 милл. всего населенія Франціи въ 1866 году, (кромѣ такихъ лицъ, которыя, принадлежа къ промышленному и ремесленному классамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ были хозяевами заведеній, и кромѣ земледѣльцевъ) собственно рабочихъ мужского пола считалось 3.337,480, женскаго 1.748,582, а всего 5.086,062, членовъ ихъ семействъ 5.581,691; прислуги мужского пола 892,759 и женскаго 1.311,471, всего 2.204,210 лицъ обоего пола, получающихъ жалованье, но не принадлежащихъ къ рабочему классу въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; членовъ ихъ семействъ, живущихъ на счетъ ихъ труда, считалось до 1.188,022. На каждые 10,000 жителей приходилось нанимателей ¹⁾ 2023, прислуги 321, рабочихъ 1376, то-есть, изъ 10,000 жителей этихъ категорій 3720 добывали средства къ жизни непосредственно и 6280 жили на счетъ рабочихъ членовъ семействъ. Изъ этихъ цифръ видно, что 37% всего населенія Франціи добывали средства къ жизни собственнымъ трудомъ. Остальныя же лица, живущія на счетъ заработка этихъ послѣднихъ, члены ихъ семействъ и домашняя прислуга составляютъ 63% всего населенія или, иначе, каждое лицо, получающее доходъ отъ своего труда или капитала, обязано кромѣ самого себя содержать среднимъ числомъ 2,60 человѣка, то-есть, немного менѣе трехъ человѣкъ; а если исключить прислугу, то средняя численность членовъ семейства, содержимыхъ однимъ лицомъ, выразится 2,53; причемъ для земледѣльческихъ рабочихъ цифра эта доходитъ для хозяевъ до 3,53, для простыхъ рабочихъ понижается до 2,40, а для ремесленныхъ и промышленныхъ классовъ на каждого хозяина приходится 2,98 членовъ, а на рабочего 1,86. Собственно численность ремесленныхъ и промышленныхъ классовъ преобладаетъ въ сѣверныхъ провинціяхъ, гдѣ къ нимъ принадлежитъ болѣе половины всѣхъ жителей; въ двадцати-семи

¹⁾ Къ числу которыхъ отнесены какъ лица, живущія на доходы съ капиталовъ, такъ и всѣ хозяева разнородныхъ промышленныхъ, торговыхъ и ремесленныхъ заведеній, мелкіе фермеры, нанимающіе рабочихъ и проч.

департаментахъ оно колеблется между половиной и третьей частью всего населенія, а въ 6-ти департаментахъ не достигаетъ даже и десятой доли. Что касается до отношенія численности женскаго пола къ мужскому, то оказывается, что на 100 женщинъ, добывающихъ лично средства къ жизни, среднимъ числомъ приходится мужчинъ этой же категоріи 271, причемъ на каждые 100 человѣкъ женской прислуги мужской приходится всего 68, а на каждые 100 женщинъ, живущихъ на счетъ другихъ лицъ, мужского пола того же разряда выходитъ 56,50. Общее же число женщинъ къ числу мужчинъ относится какъ 100 : 99,80 или населеніе раздѣляется почти поровну. Въ сферѣ ремеслъ и промышленности по преимуществу преобладаетъ мужской трудъ и только въ нѣкоторыхъ ихъ отрасляхъ, какъ, напримѣръ, обработкѣ волокнистыхъ продуктовъ и приготовленіи одежды всякаго рода преобладаютъ женщины. Такъ въ заведеніяхъ, изготовляющихъ различные предметы туалета, на каждые 100 женщинъ приходится всего 51 мужчина, а при обработкѣ волокнистыхъ продуктовъ на каждые 100 женщинъ приходится 96 мужчинъ. Затѣмъ, женщины если не преобладаютъ, то все-таки относительно встрѣчаются въ довольно большомъ числѣ въ заведеніяхъ, изготовляющихъ предметы роскоши, связанныхъ съ литературой, наукой и искусствомъ, на фарфоровыхъ и химическихъ заводахъ, въ пекарняхъ, кухмистерскихъ и даже въ рудникахъ. Что же касается мужчинъ, то на строительныя работы и для передвиженія грузовъ они употребляются исключительно, затѣмъ значительно преобладаютъ въ ремеслахъ и промышленности, связанныхъ съ военнымъ дѣломъ и обработкой металловъ и кожи. Наибольшее число рабочихъ рукъ поглощается строительными работами, $2\frac{1}{3}$ милл. (включая въ это число членовъ семействъ), обработкой волокнистыхъ продуктовъ 2 милл. Затѣмъ слѣдуютъ металлическіе заводы и работы по передвиженію тяжестей. Каждый изъ этихъ послѣднихъ отдѣловъ кормитъ также по полумилліону человѣкъ.

Среднее число непроеизводительныхъ, такъ сказать, членовъ семействъ, которыхъ рабочимъ приходится кормить своимъ трудомъ, наименьшее среди рабочаго населенія, занятаго обработкой волокнистыхъ продуктовъ, приготовленіемъ предметовъ роскоши, туалета и книжнымъ дѣломъ. Оно достигаетъ до высшаго размѣра въ промышленности металлической, кожаной, извозномъ промыслѣ, между носильщиками, рудокопами, гончарами и проч.

Въ 1866 году населеніе Парижа простиралось до 1.825,274, изъ которыхъ собственно къ ремесленному классу принадлежало 948,541 и около 100 тыс. къ рабочимъ разныхъ категорій. Десятая часть жителей состояла исключительно изъ лицъ, обезпеченныхъ вполне

помимо своего труда. А все населеніе, добывающее средства къ жизни при помощи личнаго труда въ качествѣ хозяевъ заведеній, служащихъ на государственной и частной службѣ, и проч. простиралось до 1.730,000, изъ нихъ 915,000 работали сами, а 814,000 получали средства къ жизни отъ другихъ. Наибольшее число рукъ, 330 тыс. (съ семьями) занято было изготовленіемъ одежды и различного рода принадлежностей туалета; затѣмъ изготовленіемъ сѣстныхъ припасовъ около 170 тысячъ.

II. Земледѣліе.

Въ 1866 году во Франціи числилось 50 милл. гектаровъ удобной земли, подлежащей обложенію различного рода сборами. Это пространство раздѣлялось на слѣдующія категоріи угодій: естественныхъ пастбищъ 5 милл., виноградниковъ 2 милл., садовъ и огородовъ 2 милл., пахатной земли 25 милл., лѣсовъ 8 милл., искусственныхъ пастбищъ и проч. 8 милл. гектаровъ. Болѣе одной четверти всей пахатной земли, а именно $6\frac{1}{2}$ милл. было засѣваемо пшеницей, остальные зерновые хлѣба вмѣстѣ, какъ-то рожь, ячмень, гречиха, кукуруза и овесъ занимали 8 тыс. гектаровъ; корнеплодами были заняты $1\frac{1}{2}$ милл. гектаровъ, искусственными лугами $2\frac{1}{2}$ милл. гектаровъ и подъ паромъ оставалось до $5\frac{1}{2}$ милл. гектаровъ.

Понятно, что какъ форма земледѣлія, такъ и его успѣхи зависятъ главнымъ образомъ отъ климата, преобладающаго въ той или другой части Франціи; климатъ же ея отличается большимъ разнообразіемъ. Такъ, 15 сѣверо-восточныхъ ея департаментовъ одарены самымъ неблагопріятнымъ климатомъ. Зима тамъ бываетъ сравнительно весьма продолжительна и пренеполнена дождями и туманами. Всѣхъ дождливыхъ дней въ году считается въ этой части Франціи около 137. Поэтому земледѣліе здѣсь развито весьма слабо, но за то ремесленная и фабричная промышленность преобладаютъ, и благодаря ихъ значительному развитію эти департаменты, несмотря на бѣдность природы, должны быть отнесены къ наиболѣе производительнымъ. Ея земледѣльцы, болѣею частію помимо обработки земли, извлекаютъ свои средства къ жизни при помощи временной работы на заводахъ, свеклосахарныхъ и винокуренныхъ. На первыхъ работа продолжается обыкновенно отъ октября до марта, и поэтому земледѣльцамъ весьма удобно ею пользоваться. Но къ сожалѣнію и этотъ краткій періодъ работы на свеклосахарныхъ заводахъ сокращается изъ году въ годъ, ибо, какъ оказывается, свекловица съ каждымъ годомъ менѣе и менѣе содержитъ въ себѣ сахару. На винокурняхъ же работа продолжается круглый годъ, но эти заведенія требуютъ

весьма ограниченное число рабочихъ. Сѣверо-восточная часть Франціи, въ которой лежитъ Бургонь, Шампань и Франшъ-Конте, вся изрѣзана горами, долинами, покрыта лѣсами и имѣетъ гораздо болѣе сухой климатъ, чѣмъ сѣверо-восточная. Населеніе ея отличается болѣе трудолюбіемъ и, не унывая, трудится надъ обработкой довольно не благодарной почвы. Шампань наименѣе гористая часть этого округа и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе производительная. То, что теперь называется Арденнскимъ департаментомъ, представляло въ прежнее время громадную площадь лѣсного пространства. Почва этого департамента очень скудна, растительность не только бѣдна, но даже уродливо-мелка, самое животное царство представляется въ видѣ какого-то царства карликовъ. Едва ли овца не самое крупное четвероногое, которое можетъ тамъ привольно существовать. И въ томъ среднимъ числомъ приходится по одной штукѣ на гектаръ. Только на склонахъ горъ, около источниковъ Марны, Сены и-и-Мезы и по берегамъ Сены и нѣкоторыхъ другихъ, орошающихъ эту страну, рѣкъ возможна успѣшная обработка земли, которая по преимуществу употребляется подъ виноградники. Подъ ними находится болѣе 60,000 гектаровъ, дающихъ ежегодно до 24,000 фунт. ст. дохода. Вслѣдствіе недостатка воды въ Шампани населеніе ея весьма разбросано. Огромныя пространства, покрытыя лѣсами, отдѣляютъ населенія одни отъ другихъ и отъ наиболѣе населенныхъ центровъ и городовъ, что затрудняетъ часто пріисканіе рабочихъ рукъ, а главное, перевозку вина въ города. Бургонь заключаетъ въ себѣ четыре департамента, изъ которыхъ два ничѣмъ не отличаются отъ Шампани по скудости даровъ природы. Винодѣіе въ Бургони, какъ и въ Шампани, составляетъ главнѣйшее занятіе населенія, которое однако за послѣдніе годы начинаетъ нуждаться въ работѣ, потому что вина южной Франціи значительно опередили по своимъ достоинствамъ бургонскія и стали вытѣснять послѣднія въ Парижѣ. Происшло это оттого, что хозяева виноградниковъ стали-было разводить особый родъ винограда, весьма плодovitаго и крупнаго, дающаго болѣе вина, но худшаго качества, чѣмъ старые сорта. За послѣднее время они сознали свою ошибку и возвращаются къ прежнему винограду. Франшъ-Конте представляетъ изъ себя и по климату и по почвѣ совершенно горную страну, и жители ея по своимъ занятіямъ и образу жизни весьма напоминаютъ швейцарцевъ. Долгую зиму они проводятъ въ какихъ-либо домашнихъ занятіяхъ и болѣе посвящаютъ по преимуществу заботамъ о скотѣ и приготовленіи сыра; полей у нихъ очень мало и зерноводство развито слабо.

Западная часть Франціи, особенно изъ южной части, считалась одною изъ богатѣйшихъ, но по преданности ея жителей старому

порядку, который разрушила революція, она сдѣлалась театромъ кровопролитныхъ междоусобій, и съ тѣхъ поръ населеніе ея впадо въ апатію и лѣнность, весьма вредно отражающіяся на успѣхахъ крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства, хотя климатъ и почва вполне имъ благопріятствуютъ: зима такъ коротка и тепла, что ее едва можно назвать зимой; умѣряющее вліяніе Атлантическаго океана въ соединеніи съ влажной атмосферой всей страны, чрезвычайно содѣйствуютъ развитію богатой растительности. На югѣ преобладаютъ виноградники, а на сѣверѣ лежитъ большая площадь обработанныхъ земель, завоеванныхъ у моря трудолюбіемъ и искусствомъ человѣка. Земли эти чрезвычайно производительны, и многіе капиталисты спѣшатъ за послѣдніе годы ихъ раскупать и эксплуатировать. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ въ самые отдаленные уголки этого края увеличиваетъ ихъ цѣнность, которая ежегодно возрастаетъ. Въ прошломъ году она достигла почтенной цифры 400 фунт. стерлинговъ за гектаръ. Уже теперь крупное сельское хозяйство такъ хорошо тамъ идетъ, что вся страна имѣетъ чрезвычайно привлекательный видъ и вполне заслуживаетъ названіе сада Франціи. Землевладѣлецъ этого округа представляетъ изъ себя типъ настоящаго сельскаго хозяина, заботливаго, знающаго свое дѣло, любящаго его и сельскую жизнь, здороваго и довольнаго. Типъ этотъ напоминаетъ англійскихъ country gentlemen, и гораздо симпатичнѣе обыкновенныхъ французскихъ баръ-землевладѣльцевъ. Самая сѣверная часть этого округа, Бретань, столь поэтическая по воспоминаніямъ и преданіямъ, завѣщаннымъ стариной и исторіею и столь непривлекательная съ виду въ настоящее время. Природа и растительность ея не бѣдны, но сами жители имѣютъ жалкій нищенскій видъ. Они говорятъ на своемъ особомъ нарѣчій, очень мало понятномъ для француза, и весь складъ ихъ жизни не имѣетъ ничего общаго съ обычаями остальной части французскаго народа. Они терпѣливы и охотно повинуются хозяевамъ, но необыкновенно невѣжественны, суевѣрны, далеко не трудолюбивы, и отличаются необыкновенной скупостью, почти скарედностью. Это послѣднее свойство и составляетъ причину нищенскаго и жалкаго вида окружающей ихъ житейской обстановки. Въ сущности большинство ихъ живетъ безъ всякой нужды, и не рѣдкость встрѣтить бретонца, скопившаго порядочныя деньги. Когда во Франціи была измѣнена монетная система и со всего государства стекались въ Парижъ металлическія деньги для перечековки, ихъ болѣе всего было привезено изъ Бретани. Послѣ рейнскихъ провинцій, которыя нынѣ отдѣлились отъ Франціи, Бретань представляетъ изъ себя страну наиболѣе раздробленную на мелкіе участки. Мелкая собственность въ ней

значительно преобладаетъ. Главнѣйшій источникъ дохода бретонцевъ составляетъ скотъ, котораго они содержатъ весьма въ большомъ количествѣ, хотя не заботятся о его размѣрахъ. Они имъ торгуютъ, торгуютъ масломъ, которое готовятъ очень искусно, разводять и воспитываютъ лошадей. Зерноводство хотя и составляетъ второстепенный источникъ ихъ дохода, но также процвѣтаетъ въ Бретани и приноситъ земледѣльцамъ тѣмъ большіе выгоды, что бретонецъ ни за что не станетъ употреблять въ пищу пшеницу, которая растетъ у него въ полѣ; онъ всю ее до послѣдняго зерна продаетъ, вырученныя деньги прячетъ, а самъ будетъ питаться ржанымъ хлѣбомъ и пшеномъ, изъ котораго приготовляетъ себѣ похлебку. Рожь прекрасно родится на самой плохой мѣстной почвѣ, не требуетъ никакого почти за собой ухода, а потому скупому бретонцу и не жалко ее употреблять въ пищу.

Южная часть Франціи пользуется такимъ благодѣтельнымъ климатомъ, что, напримѣръ, въ западной ея части разведеніе тутовыхъ деревьевъ для шелковичныхъ червей составляетъ едва ли не главнѣйшую отрасль сельской промышленности, которой однако, такъ какъ и вообще успѣхамъ шелководства весьма вредятъ часто повторяющіяся въ этой странѣ наводненія. Такъ что самую причину болѣзни шелковичныхъ червей, которая, появившись въ 1854 году, губительно отразилась на шелководствѣ и шелковой промышленности вообще, приписываютъ этимъ наводненіямъ, придающимъ климату слишкомъ влажный характеръ, въ особенности весной. Рационально устроенное орошеніе земель около Авиньона положило начало новой отрасли промышленности въ этой части Франціи, а именно разведенію оливковыхъ деревьевъ и марены. Юго-западному округу Франціи, несмотря на его прекрасный, почти тропическій климатъ, совершенно чуждо земледѣліе. Весьма немногіе изъ его жителей, поселившихся въ долинахъ, занимаются земледѣліемъ. Но самую бѣдную, не только относительно земледѣлія, но и относительно остальныхъ отраслей промышленности страной, нельзя не признать центральную часть Франціи, заключающую въ себѣ, между прочимъ, департаменты Шерры, Шерры-и-Лоары, верхней Лоары. Земледѣліемъ собственно занимается тамъ огромное большинство населенія, около $\frac{4}{5}$ его. Но самое населеніе такъ рѣдко, что на 100 гектаровъ земли едва приходится 50 человѣкъ жителей. Трудно, говоритъ репортеръ, найти мѣстность, которая равнялась бы по бѣдности этой части Франціи. Нѣчто подобное можно встрѣтить развѣ только въ центрѣ Испаніи. Какъ составъ почвы, такъ и топографическій характеръ мѣстности одинаково дурно вліяютъ на успѣхи сельскаго хозяйства. Вся эта страна расположена на возвышенной сухой пло-

сности, бѣдной рѣками и долинами, которыя могли бы представлять участки земли, благопріятныя для земледѣлія. Только близость ея къ Парижу даетъ нѣкоторую возможность ея жителямъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Такъ, Нievрскій департаментъ посылаетъ въ Парижъ ежегодно болѣе 10,000 штукъ скота. Несмотря на то, что болѣе половины населенія Франціи занимается обработкою земли; несмотря на то, что большая часть этой земли весьма производительна и климатъ содѣйствуетъ успѣхамъ агрономіи, цѣны на земледѣльческіе продукты возвышаются во Франціи такъ быстро, что простой народъ крайне страдаетъ отъ этого возрастанія и заработокъ его не успѣваетъ возвышаться пропорціонально ему. Мы еще вернемся къ этому вопросу, — а покада приведемъ нѣкоторыя мысли и числовыя данныя, касающіяся причинъ быстрого возрастанія цѣнъ на жизненныя потребности, приведенныя профессоромъ Жоржемъ Вилле, произнесенныя 14 марта 1871 года въ Сорбоннѣ рѣчь, въ которой онъ хотѣлъ доказать, что возрастаніе цѣнъ на жизненныя потребности зависитъ отъ недостаточной производительности почвы. Онъ утверждалъ, что Франція производитъ зерна и мясныхъ продуктовъ гораздо менѣе, чѣмъ потребляетъ, и что этотъ дефицитъ ежегодно увеличивается. Такъ, по его исчисленію размѣръ дефицита простирался въ періодъ отъ 1827 по 1836 г. до 23 милл. фр., отъ 1837 по 1846 г. онъ возвысился до 25 милл. фр., въ теченіе слѣдующихъ двухъ десятилѣтій онъ колебался между 49 и 79 милл. фр. Этотъ недостатокъ мѣстной производительности, громадное расширение военной силы, накопленіе населенія въ городахъ въ ущербъ сельскому труду, все это привело къ одному результату — къ возвышенію цѣнъ на предметы первой необходимости, необыкновенно вздорожавшіе за послѣднія 40 лѣтъ.

Въ большихъ городахъ изъ году въ годъ стало проживать все больше и больше рабочаго люда, для котораго припасы приходилось привозить изъ селеній. Кромѣ того, что самая перевозка увеличивала цѣну товара, посредствующіе между производителемъ и потребителемъ торговцы соблюдали свои выгоды. Цѣна сельскихъ продуктовъ на городскихъ рынкахъ постоянно возрастала, и это возрастаніе отражалось даже на мѣстной ихъ цѣнѣ, такъ что, по мѣрѣ возрастанія цѣнности городской жизни, возрастала и цѣнность сельской. По исчисленію профессора Вилле, средній урожай пшеницы съ одного гектара доходилъ до 14 гектолитровъ при обыкновенномъ, наиболѣе распространенномъ во Франціи способѣ обработки земли, тогда, какъ согласно даннымъ, представляемымъ наукой и практикой, при употребленіи искусственнаго удобрения производительность того же пространства земли могла быть доведена до 30 гектолитровъ.

Поэтому Вилле ставилъ вопросъ, что можетъ быть выгодно для Франціи—продавать 14 гект. по 20 фр. каждый, или получая 30 гект.—продавать ихъ по пониженной цѣнѣ, напримѣръ по 16 фр. за гектаръ. Англійскій репортеръ разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу усиленія производительности почвы при помощи искусственныхъ удобрений.

Переходимъ теперь къ матеріальному положенію самого французскаго земледѣльца. Всѣ они могутъ быть раздѣлены главнымъ образомъ на два разряда: на годовыхъ рабочихъ и на поденщиковъ.

Годовые работники живутъ обыкновенно на фермѣ, принадлежащей землевладѣльцу, у котораго нанялись работать, и кромѣ пищи получаютъ жалованье частію деньгами и, почти всегда, частію натурой. Среднимъ числомъ годовая плата такого рабочаго, выдаваемая собственно деньгами, равняется 5 фунт. 16 шилл. (145 фр.). Въ нѣкоторыхъ департаментахъ: Энъ, Объ, устьяхъ Роны, Котъ д'Орь, работники получаютъ въ годъ до 8 ф. ст. (200 фр.) Въ другихъ же, какъ Аріежъ, Соррезъ, Котъ дю-Норъ, Финистерре, Верхняя Гаронна, годовое жалованье едва достигаетъ 4 фунт. ст. (100 фр.) Размѣръ добавочнаго жалованья, которое выдается натурой, среднимъ числомъ составляетъ около 1 ф. 9½ п. (26 фр.), но размѣры этой платы измѣняются въ зависимости отъ мѣстности гораздо болѣе, чѣмъ размѣры денежной платы. Такъ, напримѣръ, въ департаментахъ устьевъ Роны, Гардскомъ и Жирондскомъ, нѣтъ вовсе обычая уплачивать что-либо натурой. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ цѣнность продуктовъ, выдаваемыхъ въ счетъ жалованья, не превышаетъ 8 шилл. (10 фр.), а въ нѣкоторыхъ она превосходитъ денежную плату.

Принимая въ соображеніе какъ денежное, такъ и вещевое довольствіе, получаемое годовыми рабочими, оказывается, что среднимъ числомъ земледѣльческій рабочій получаетъ въ годъ 6 фунт. ст. 16 ш. 9½ п. (171 фр.). Стоимость употребляемой имъ пищи равняется въ день 4¾ п. (50 сант.), или въ годъ 182½ фр., такъ что каждый рабочій обходится землевладѣльцу въ 14 ф. 3 ш. 2 п. (354 фр.) въ годъ.

Заработокъ поденщика, конечно, зависитъ оттого, работаетъ онъ на своихъ харчахъ и хлѣбѣ или на хозяйскомъ. Принявъ въ соображеніе вышеприведенную цифру стоимости дневнаго пищевого довольствія рабочаго въ 50 сант., намъ не трудно будетъ получить понятіе о размѣрѣ заработка, получаемого на хозяйскихъ харчахъ, если мы будемъ знать его размѣръ при иномъ условіи.

Средній заработокъ земледѣльца-поденщика, работающаго на своемъ содержаніи, равняется 1 ш. 4¾ п. (1 ф. 75 сант.). Высшій получаемый въ Сенскихъ департаментахъ, доходить до 2 ш. (2 ф. 50 сант.), и низшій въ департаментѣ Котъ дю-Норъ, падаетъ до

10⁷/₈ п. (1 фр. 13 сант.). Дневной заработок женщины равняется (85 с.), 8¹/₂ п. а дѣтей (63 с.) 6¹/₄ п.

Мужчины среднимъ числомъ въ годъ работаютъ до 200 дней, женщины до 120 и дѣти до 80. Такъ что принимая эти цифры въ соображеніе мы можемъ заключить, что въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ мужчина зарабатываетъ 14 фунт. (350 фр.), женщина 4 ф. 1 ш. 7¹/₂ п. (102 фр.) и дѣти 2 ф. (50 фр.). Для одинокаго рабочаго такой заработокъ, какъ 350 фр., весьма достаточенъ, ибо ему приходится издерживать по исчисленію, приведенному въ англійскомъ донесеніи, не болѣе 12 ф. 1 ш. 7¹/₄ п. на свое годовое содержаніе, а именно:

плата за квартиру	1 ф. 1 ш. 7 ¹ / ₄ п.
пища	9 " 4 "
одежда	1 " 16 "
<hr/>	
	12 ф. 1 ш. 7 ¹ / ₄ п.

Такъ что при воздержномъ образѣ жизни онъ можетъ ежегодно сберегать до 1 ф. 18 ш. (48 фр.). Но положеніе женатаго рабочаго уже гораздо менѣе выгодно. Казалось бы, ему слѣдовало отлаживать на черный день гораздо болѣе чѣмъ холостому, а оказывается наоборотъ. И дѣйствительно, возьмемъ семейство, состоящее изъ пяти членовъ: мужа, жены и трехъ дѣтей, изъ которыхъ, допустимъ, нѣтъ ни одного неспособнаго работать (если младшій совсѣмъ не работаетъ, за то старшій получаетъ жалованье, превышающее средній дѣтскій заработокъ), такъ что годовой доходъ этого семейства можетъ быть исчисленъ такъ:

мужъ получаетъ	14 ф.
жена	4 ф. 1 ш. 7 ¹ / ₈ п.
трое дѣтей, каждый среднимъ числомъ 2	6 "
<hr/>	
Всего	24 ф. 1 ш. 7 ¹ / ₄ п.

Изъ этихъ 24 ф. или 600 фр. семейство должно издержать:

на квартиру	1 ф. 13 ш. 7 ¹ / ₄ п.
" пищу	15 " 2 " 9 ³ / ₄ "
" одежду	3 " 12 " 9 ¹ / ₂ "
" отопленіе и освѣщеніе	1 " 5 " 7 ¹ / ₂ "
" подати	— " 4 " 4 ¹ / ₂ "
" прочіе мелкіе расходы	1 " 5 " 7 ¹ / ₄ "
<hr/>	
Всего	23 ф. 5 ш. 1 ¹ / ₂ п.

Значить у него въ годъ можетъ остаться въ экономіи менѣе 20 шилл. или около 24 франковъ.

Правда, какъ мы уже отчасти указали выше, что многіе земледѣльцы, кромѣ обработки земли, занимаются посторонними промыслами. Нѣкоторые работаютъ на винокурняхъ и сахарныхъ заводахъ, другіе ткутъ, рубятъ лѣсъ или пилятъ дрова, занимаются столярнымъ или плотничнымъ ремесломъ, нѣкоторые изготовляютъ деревянную обувь. Такой дополнительный трудъ можетъ возвысить годовою заработокъ одинокаго рабочаго до 7 ф. ст. (170 фр.) въ годъ. Но надо имѣть въ виду, что такія побочныя занятія уменьшаютъ число рабочихъ дней, употребляемыхъ собственно на обработку земли, а слѣдовательно вышеприведенныя нами цифры дохода отъ земледѣлія для лицъ, занимающихся посторонними работами, должны быть соотвѣтственно уменьшены. Впрочемъ, изъ всего числа земледѣльцевъ только 8 процентовъ занимаются временно работами, не связанными непосредственно съ обработкой земли.

III. Фабричныя и ремесленныя рабочіе.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и во Франціи, какъ въ Германіи, отмѣна цеховъ значительно повліяла на успѣхи промышленности и на благосостояніе рабочаго класса, хотя и не довела послѣдняго до вполне удовлетворительнаго положенія. Мы не станемъ исчислять всѣхъ неудобствъ, которыя представляла французская цеховая система, болѣе обременительная для населенія, чѣмъ германская и напомнимъ только, что на ея разрушеніе впервые посягнула не окровавленная рука революціи 1789 года, а мудрый государственный человѣкъ монархической, до-революціонной Франціи, министръ Людовика XVI Тюрго. При помощи чуть не сверхъестественныхъ усилій, прибѣгнувъ къ самымъ крайнимъ конституціоннымъ мѣрамъ, онъ почти вынудилъ у короля и парламента утвержденіе проектированнаго имъ закона, который, благодаря ослѣпленію самого короля и его совѣтниковъ, былъ отмѣненъ черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ его обнародованія и палъ вмѣстѣ съ Тюрго, которому приказано было выйти въ отставку. Этотъ министръ столь хорошо сознавалъ всю глубину зла, причиняемаго Франціи цехами, и такъ ясно доказалъ, проводя законъ объ ихъ уничтоженіи, необходимость такой мѣры, что генеральнымъ штатамъ, потребовавшимъ въ 1789 году уничтоженія цеховыхъ привилегій и свободы промышленнаго труда, нечего было прибавлять къ тѣмъ доводамъ, которые были одиннадцать лѣтъ назадъ приведены Тюрго. Надо было быть весьма недалекимъ, чтобы не понимать, какъ жаждалъ народъ уничтоженія вѣковыхъ несправедливыхъ монополій и привилегій, лишившихъ его самой законной

свободы—свободы труда. Не вдаваясь въ отвлеченныя соображенія, не обременяя себя изслѣдованіемъ всѣхъ подробностей дѣла, не заглядывая въ провинціи, правительство Людовика XVI могло бы, не выѣзжая изъ Парижа, во-очію убѣдиться, какъ назрѣло негодованіе массъ противъ зловредной системы и какъ грозно бушевалъ потокъ, готовый прорвать изгнившую плотину. Непослѣдовательность законодательства, относящагося до цеховыхъ привилегій, была такъ велика, что при всей строгости, съ какою преслѣдовались самыя ничтожныя отступленія отъ общихъ установленныхъ правилъ, изъятія изъ нихъ, вслѣдствіе различныхъ, часто не имѣвшихъ никакого солиднаго основанія причинъ, допускались по произволу правительства, но, распространяясь неравномѣрно и весьма не широко, не объединенныя никакою системой, изъятія эти только разжигали народныя страсти. Такъ, напримѣръ, въ Парижѣ существовали нѣкоторыя мѣстности и, между прочимъ, дома, принадлежавшія различнымъ духовнымъ и свѣтскимъ знатымъ людямъ, въ предѣлахъ которыхъ, вопреки общимъ узаконеніямъ, предоставлялось извѣстное право на свободный трудъ и не имѣли дѣйствія цеховыя привилегіи. Напримѣръ, часть улицы Loursine была свободна, а другая часть нѣтъ. Faubourg du Temple и Faubourg de St. Antoine — также были свободны, а сосѣдніе округа того же города находились подъ тягостнымъ гнетомъ цехового устройства. Житель одного дома могъ свободно заниматься своимъ ремесломъ, а его сосѣдъ не только лишенъ былъ этого права, но, не имѣя возможности обзавестись своимъ хозяйствомъ и жениться, принужденъ былъ погрязать въ развратѣ. Въ такихъ мѣстностяхъ, огражденных отъ остальныхъ буквально заборами и рогатками, тѣснились огромныя массы рабочихъ, которыхъ не называли даже *ouvriers*, а *faux ouvriers*. Въ одномъ Faubourg St. Antoine жило еще до революціи 70,000 рабочихъ. Понятно, что если, съ одной стороны, такія мѣстности, изъятія отъ цеховыхъ ограниченій, сдѣлались въ послѣдствіи колыбелью промышленнаго прогресса Парижа и Франціи ¹⁾, то съ другой въ нихъ же накоплялось до революціи то негодованіе, подъ напоромъ котораго должны были рухнуть не только цехи, но и основы бурбонской монархіи. Стоило противникамъ Тюрго заглянуть въ эти уголки Парижа и побесѣдовать съ его обывателями, чтобъ получить вѣрное понятіе о неотложной необходимости примѣненія предлагаемой имъ мѣры, но они объ этомъ не позаботились и предоставили выполнить это раздѣлившей ихъ самихъ республикѣ. „Только по установленіи свободной

¹⁾ Moritz Mohl. Die Gewerbwissenschaftlichen Ergebnisse einer Reise nach Frankreich.

промышленности для французскаго народа, говоритъ Морицъ Моль, открылась возможность нравственнаго, самостоятельнаго, счастливаго промышленнаго существованія. Съ этой только поры начались промышленные успѣхи страны и стало улучшаться положеніе рабочаго сословія¹⁾. Дѣйствительно, свобода, предоставленная промышленности, настолько расширила и усовершенствовала нѣкоторыя ея отрасли, что трудно повѣрить, до какой дешевизны, вслѣдствіе распредѣленія труда и различныхъ техническихъ и механическихъ усовершенствованій, доведены въ настоящее время нѣкоторыя издѣлія, доступныя прежде весьма немногимъ. Напримѣръ, въ XV-мъ столѣтіи, когда стали входить въ употребленіе пуговицы, обтянутыя матеріей, мастера, выдѣлывавшіе металлическія, кожаныя и другія т. п. пуговицы, заявили такой энергическій протестъ противъ этого нововведенія, что парламентъ предоставилъ полиціи право на улицахъ срѣзывать такія пуговицы съ платья прохожихъ. Можно себѣ представить, что должны были стоять привилегированныя пуговицы, не подвергавшіяся преслѣдованію цеховой цензуры. Спустя же нѣсколько лѣтъ послѣ уничтоженія цеховыхъ привилегій, стоимость 12-ти дюжинъ бѣлыхъ металлическихъ пуговицъ дошла до 30-ти сантимовъ, а фарфоровыя пуговицы, которыя употребляются для мужскихъ рубашекъ, продаются нынѣ менѣе чѣмъ по 10-ти сантим. за гроссъ (12 дюжинъ). Одна фабрика въ день можетъ ихъ выдѣлать столько, сколько едва-ли всѣ парижскіе пуговщики XV-го столѣтія выдѣлывали въ цѣлый годъ. Напримѣръ, фабрика Вельдона и Вейля производитъ ежедневно до 1,200,000 пуговицъ. Для приготовленія пары башмаковъ и для совершенія всевозможныхъ съ этою цѣлью съ кускомъ кожи операций, требуется нынѣ всего часъ или полтора. Одно заведеніе въ день приготовляетъ ихъ по нѣскольку тысячъ. То же самое можно сказать и о многихъ другихъ издѣліяхъ промышленности, и въ особенности о выдѣлѣ жѣлѣза, которое даетъ хлѣбъ огромному числу людей. Конечно, успѣхи технологій, механики и связанныхъ съ ними наукъ, содѣйствовали всѣмъ этимъ усовершенствованіямъ, но примѣненіе ихъ было бы невозможно, если бы почва для того не была приготовлена своевременно декретомъ 2-го марта 1791 года¹⁾, давшимъ первый толчокъ погибавшей промышленности Франціи.

Если, съ другой стороны, и по уничтоженіи цеховъ благосостояніе французскаго рабочаго не дошло до той степени, которая была желательна, и онъ до сихъ поръ остается недоволенъ своимъ положеніемъ, то все-таки нѣтъ сомнѣнія, что оно значительно улучшилось противъ прежняго, чему начальной причиной была свобода

¹⁾ Отмѣнившимъ ремесленные уставы, цехи, корпораціи и проч.

труда, открывшая для рабочихъ возможность примѣнять его въ формахъ, наиболѣе для себя выгодныхъ. Какъ ни скромны цифры сбереженій, вносимыя рабочими въ сберегательныя кассы, но самое появленіе ихъ, съ начала настоящаго столѣтія, говоритъ въ пользу нашего предположенія. Статистическія изслѣдованія распространенія нищенства въ Парижѣ, за 60 почти лѣтъ, очевидно, указываютъ на то, что изъ году въ годъ (за исключеніемъ годовъ, отмѣченныхъ какими-либо особыми общественными бѣдствіями) отношеніе бѣдныхъ, содержимыхъ при помощи общественной благотворительности, къ общему числу жителей уменьшается. Такъ, одинъ бѣдный приходился въ 1802 г. на каждые 5 жителей Парижа, въ 1817—на $8\frac{3}{4}$, въ 1838—на $15\frac{1}{3}$, въ 1850—на $16\frac{1}{3}$, въ 1869 уже на $18\frac{1}{2}$.

Непосредственно повліявъ на раздѣленіе труда, уничтоженіе цеховъ дало значительный просторъ женскому труду, который совершенно не допускался прежними законами, внѣ только трехъ весьма узкихъ специальностей. Немудрено, что французская женщина искала въ развратѣ средствъ къ жизни, если другія дороги были для нея закрыты. Въ настоящее же время трудно встрѣтить семью, въ которой бы мать и дочь или обѣ вмѣстѣ не помогали брату, мужу или отцу добывать кусокъ хлѣба. Женскій трудъ по преимуществу находитъ себѣ примѣненіе на табачныхъ, шлифовальныхъ и обойныхъ фабрикахъ. Затѣмъ, огромное количество женскихъ рукъ занато, кромѣ стирки и шитья всякаго рода, плетеніемъ кружевъ, вязаніемъ, приготовленіемъ искусственныхъ цвѣтовъ, выдѣлкой соломенныхъ шляпъ, картонажной работой, приготовленіемъ дѣтскихъ игрушекъ. При этомъ женщины выполняютъ свое дѣло съ большимъ вкусомъ, отчетливостью и аккуратностью. Къ сожалѣнію, надо сознаться однако, что женскій трудъ цѣнится весьма низко и цѣнность его, какъ увидимъ далѣе, находится въ продолжительномъ застоѣ, несмотря на то, что стоимость жизни быстро возрастаетъ.

Конечно, широкое и внезапное предоставленіе труду полной свободы имѣло, кромѣ многихъ хорошихъ, кратко очерченныхъ нами сторонъ, и нѣкоторыя временно дурныя стороны. Не всѣ рабочіе умѣли пользоваться своей свободой и злоупотребляли ею часто въ ущербъ своей чести и репутаціи своего ремесла. Отношенія между нанимателями и фабрикантами установились весьма плохія, и пришлось дальнѣйшими узаконеніями вновь ставить въ нѣкоторыя рамки самую свободу труда. Понадобились законы, обуславливающіе судопроизводство по дѣламъ рабочихъ, особенныя установленія для разбора столкновеній между ними и фабрикантами, явилась нужда въ узаконеніяхъ, устанавливающихъ отношеніе мастеровъ къ ученикамъ, нанимателей къ рабочимъ и проч. Какъ и за всякой широкой

реформой, совершенной смѣло и быстро, потому что нельзя было ей медлить, послѣдоваль цѣлый рядъ узаконеній, выражавшій—съ одной стороны, желаніе правительства поставить трудъ и промышленность въ наилучшія условія, а съ другой и нѣкоторыя временныя колебанія правительства между новыми и старыми началами. Наполеонъ I подчинилъ большинство техническихъ производствъ различнымъ правиламъ, допустившимъ вмѣшательство правительства во всѣ почти части ремесленного и фабричнаго дѣла. Правительство Людовика-Филиппа озаботилось изданіемъ, большею частію съ филантропическою цѣлю, постановленій о работѣ дѣтей, условіяхъ найма и проч. Наполеонъ III, не отступая отъ системы своего дяди, старался сохранить за правительствомъ право вмѣшательства въ дѣла рабочихъ и фабрикантовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заботился объ укрѣпленіи власти послѣднихъ, а также ихъ нравственнаго вліянія на рабочихъ. Для того, чтобы успокоить и самихъ рабочихъ, весьма несклонныхъ видѣть властелина въ своемъ нанимателѣ, онъ заботился объ устройствѣ для нихъ разнаго рода учреждений, имѣвшихъ благотворительный характеръ.

Не вдаваясь въ критику французскаго законодательства по рабочему вопросу, что, не составляя нашей задачи, повело бы насъ слишкомъ далеко, мы постараемся сдѣлать краткій очеркъ установленныхъ законами и обычаями отношеній между рабочими и нанимателями, въ томъ видѣ, въ которомъ они представлялись во время учрежденія послѣдней республики во Франціи. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, насколько правительственная власть этой страны, три четверти столѣтія тому назадъ провозгласившей принципъ равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ, заботилась объ охраненіи интересовъ капитала, достаточно будетъ указать на ст. 1781 Кодекса Наполеона, которая гласила, что въ случаѣ какихъ-либо дошедшихъ до суда споровъ между хозяиномъ и рабочимъ о размѣрѣ установленной платы, о томъ, уплачена она или нѣтъ и когда уплачена, словамъ хозяина должна быть даваема полная вѣра и они должны быть принимаемы за полное доказательство, такъ что судья, по совѣсти признававшій справедливость требованій рабочаго, не могъ рѣшить дѣло въ его пользу, если хозяинъ отрицалъ показанія своего противника. Замѣчательно, что статья эта была отмѣнена только въ августѣ 1868 года.

Ст. 1710 гражданскаго уложенія (Code civil) говорить: „подъ наймомъ въ работу понимается условіе, коимъ одна сторона обязуется исполнить что-либо для другой за условную плату“. Затѣмъ, законъ подраздѣляетъ виды найма на три разряда, изъ коихъ наемъ собственно рабочихъ относится къ третьему. Нанимателя во

Франціи вообще нынче называютъ патрономъ (*patron*), а не *maitre*, какъ называли прежде. Слово *maitre* опротивѣло во время цехового устройства и нынче стало чуть не браннымъ словомъ. На работу нанимаются или на извѣстное время, то-есть поденно, понедѣльно, на двѣ недѣли и на мѣсяцъ, или берутся за выполненіе ея поштучно и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, за выдѣлку изъ готового матеріала извѣстнаго количества предметовъ, получаютъ условную плату, причемъ время, въ которое исполнена работа, вовсе не принимается во вниманіе. Этотъ послѣдній разрядъ рабочихъ носить въ Франціи названіе *façonniers* или *tâcherons* и становится съ каждымъ днемъ многочисленнѣе. Такіе рабочіе не рѣдко нанимаютъ другихъ для исполненія принятаго ими на себя обязательства, или просто передаютъ другому часть взятой у патрона работы. Передача эта называется *marchandage*. При заключеніи всякаго условія для работы поштучно или на время, словеснаго или письменнаго, необходимо должны быть приняты во вниманіе: 1) взаимное согласіе договаривающихся сторонъ; 2) размѣръ заработной платы; 3) родъ работы; 4) срокъ найма и 5) за сколько времени одна сторона должна предупредить другую, если пожелаетъ прекратить дальнѣйшее дѣйствіе условія. Бываютъ случаи, когда обозначать въ условіи размѣръ платы не представляется необходимости, если, напримѣръ, рабочій поступаетъ въ заведеніе, гдѣ существуетъ одинаковая, ранѣе для всѣхъ, исполняющихъ извѣстную работу, опредѣленная плата. Также особыхъ условій насчетъ платы не требуется, если рабочій ту же работу, за которую берется впередъ, исполнялъ ранѣе, получая, безъ возраженій, извѣстное вознагражденіе, но всякое измѣненіе въ размѣрѣ жалованья или платы (возвышеніе или уменьшеніе ея), должны быть непременно оговариваемы. Большею частію плата устанавливается до начала работы, но въ нѣкоторыхъ производствахъ она опредѣляется не ранѣе, какъ послѣ недѣльнаго испытанія рабочаго. Расчетъ за работу по времени и поштучно, если она выполняется не на дому рабочаго, а въ самомъ заведеніи, производится, въ большинствѣ случаевъ, каждую недѣлю, обыкновенно по субботамъ, а въ нѣкоторыхъ мелкихъ парижскихъ *établissements* по воскресеньямъ. Если же работающіе поштучно трудятся дома, то получаютъ расчетъ тогда, когда доставятъ исполненную работу. Деньги выдаются тому лицу, которое работало, будь это женщина или даже ребенокъ; но если мужъ, отецъ или опекунъ предвѣрять хозяина или лично приходить къ нему ко времени расчета, то имѣютъ право сами получить деньги, заработанныя женой, сыномъ или воспитанникомъ. Иногда часть денегъ выдается впередъ. Впрочемъ, законъ не признаетъ выдачу впередъ въ размѣрѣ, превышающемъ

30 франк., и только въ случаѣ, если долгъ рабочаго не превосходить этой суммы, нанимателю предоставляется право погашать его постепенно удержаніемъ десятой доли заработка. Работа, на которую нанимается какое-либо лицо, не должна быть воспрещена закономъ, и не должна превышать силъ рабочаго. Срокъ найма измѣняется въ зависимости отъ существа самой работы, мѣстныхъ обычаевъ и другихъ условий. Большею частію срокъ найма совпадаетъ съ срокомъ уплаты, то-есть бываетъ недѣльный и только иногда рабочихъ нанимаютъ подневно или на двѣ недѣли, а помѣсячно весьма рѣдко, за исключеніемъ приказчиковъ и надзирателей, которыхъ, по преимуществу, нанимаютъ на долгіе сроки, по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ, по большей же части на годъ, а иногда даже и на три года. Рабочею недѣлею въ городахъ считается шесть буднихъ дней, за воскресенье никакой платы не получается, такъ какъ въ этотъ день никто не работаетъ, но въ нѣкоторыхъ сельскихъ промышленныхъ заведеніяхъ, при недѣльномъ расчетѣ, къ рабочей платѣ причисляютъ по дневному расчету и плату за седьмой день.

Когда работу отдаютъ поштучно, особаго срока для ея выполненія не устанавливаютъ. Время, къ которому она должна быть окончена, опредѣляется практикой и обычаемъ. Если работниковъ нанять понедѣльно, то, какъ установлено обычаемъ, обѣ стороны должны за недѣлю же и предупредить другъ друга о желаніи прекратить дѣйствіе условія. Въ нѣкоторыхъ городахъ существуетъ правило, чтобъ это предупредимленіе дѣлалось за такой промежутокъ времени, который составляетъ условленный періодъ работы. Такъ, если рабочій нанять помѣсячно, то онъ долженъ за мѣсяцъ предупредить хозяина, что желаетъ оставить работу. Къ тому же обязывается и наниматель, желающій отказать рабочему. Въ Парижѣ для всѣхъ сроковъ найма держатся въ этомъ случаѣ обычая предупредимлять за недѣлю. Большею частію такіа предупредимленія и съ той и съ другой стороны дѣлаются въ день расчета, то-есть въ субботу. При работѣ поштучно предупредимленіе требуется только въ такомъ случаѣ, если она производится въ заведеніи самого хозяина. Предупредимленія письменнаго никогда не дается, да и не требуется. Условія заключаются почти всегда словесно, но они могутъ быть и письменными. Если возникаетъ какой-либо споръ по словесному условію, то при судебномъ разбирательствѣ принимаются за доказательства свидѣтельскія показанія. Въ большинствѣ промышленныхъ заведеній хозяева вывѣшиваютъ на стѣнахъ правила, одобренныя мѣстнымъ conseil des prud'hommes, хотя и не имѣющія силы обязательнаго закона, но которымъ всѣ рабочіе обыкновенно безпрекословно подчиняются, такъ что штрафовать за отступленіе отъ нихъ приходится

чрезвычайно рѣдко. Правила эти касаются внутренняго распорядка и времени работы. Въ большинствѣ случаевъ они обязываютъ рабочихъ въ заведеніи не курить, не обѣдать, не приходить на работу выпивши и не приносить съ собой вина, не принимать и не приводить съ собой постороннихъ, не пѣть, не кричать, не собираться толпами безъ нужды и проч. Тутъ же обозначается и размѣръ штрафа, которому подвергаются рабочіе въ случаѣ невыполненія того или другого правила. Изъ штрафовъ обыкновенно составляется особый фондъ, имѣющій какое-нибудь благотворительное назначеніе: выдачу пособій больнымъ рабочимъ, издержки по обученію ихъ дѣтей и проч. На тѣхъ фабрикахъ, на которыхъ такихъ письменныхъ правилъ не существуетъ, каждый вновь поступающій рабочій словесно предупреждается о соблюдаемыхъ въ заведеніи порядкахъ. Рабочіе отвѣтственны за убытки, которые могутъ причинить хозяину небрежностью или неосторожностью. Если, работая поштучно, рабочіе обязуются къ извѣстному сроку окончить работу, то они отвѣчаютъ также за убытки, которые можетъ понести хозяинъ въ случаѣ невыполненія принятаго ими на себя обязательства. Заключенное условіе можетъ быть нарушено конечно по обоюдному согласію, а кромѣ того нарушается само соборъ вслѣдствіе какихъ-либо чрезвычайныхъ причинъ, смерти рабочаго (смерть хозяина не есть законная причина для нарушенія условія; наследники должны принять на себя выполненіе обязательствъ, принятыхъ покойнымъ), пожаръ на фабрикѣ, наводненіе, призывъ на военную службу и проч. Кромѣ того хозяинъ можетъ по своему желанію отказать рабочему, но иначе какъ уплативъ ему жалованье за весь условленный срокъ найма. Но, кромѣ того, условіе можетъ быть нарушено нанимателемъ, если при наймѣ на время рабочій не исполняетъ его приказаній или не оказываетъ ему и его семейству должнаго уваженія, бросаетъ работу, производитъ безпорядки въ заведеніи или наноситъ ему какой-либо личный ущербъ. При работѣ поштучно кромѣ исчисленныхъ случаевъ условіе нарушается и тогда, когда рабочій портитъ матеріалъ, дурно знаетъ свое дѣло и проч. Рабочіе съ своей стороны могутъ требовать чрезъ судъ нарушенія заключеннаго условія, если хозяинъ не платитъ имъ жалованья, заставляетъ ихъ работать въ нездоровомъ помѣщеніи, выполнять не ту работу, на которую данное лицо нанималось, или трудиться въ часы, назначенные для обѣда или отдыха, если онъ оскорбитъ рабочаго или ударить его. Лица, работающія поштучно, кромѣ исчисленныхъ случаевъ, имѣютъ право требовать нарушенія условія, если хозяинъ поставяетъ имъ дурной матеріалъ, не доставляетъ его въ-время и проч.

Всѣ споры и тяжбы между хозяевами и нанимателями вѣдаются

промышленнымъ судомъ, conseil des prud'hommes—а въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ не существуетъ, мѣстными мировыми судьями. Conseil des prud'hommes состоитъ изъ нѣсколькихъ лицъ, отъ 5 до 17-ти, избираемыхъ изъ среды хозяевъ и рабочихъ, рабочими и хозяевами. Фабриканты и рабочіе, тѣ и другіе отдѣльно, избираютъ изъ среды себя тройное число кандидатовъ; потомъ первые выбираютъ половину всего нужнаго числа промышленныхъ судей, изъ кандидатовъ рабочихъ, послѣдніе же берутъ другую половину изъ списка хозяевъ, такъ что каждый судья рекомендуется своимъ сословіемъ, но призывается къ своимъ обязанностямъ голосомъ противоположнаго интереса и представляетъ изъ себя какъ-бы нейтральный, пользующійся общимъ довѣріемъ элементъ. Англійскія донесенія свидѣлствуютъ, что стороны, желающія нарушить контрактъ, въ весьма только рѣдкихъ случаяхъ доводятъ свои претензіи до промышленнаго суда, а большею частью расходятся миролюбиво. А. Штапельбергъ, въ своемъ сочиненіи объ изслѣдованіи цехового устройства и свободной промышленности въ Европѣ, приводитъ числовыя данныя, убѣждающія въ большой пользѣ, приносимой промышленными судами и связанной съ ними системой судебного разбирательства фабрикантовъ съ рабочими. Онъ говоритъ, что въ 1854 году было разсмотрѣно во Франціи при посредствѣ промышленныхъ судовъ 31,564 дѣла, изъ которыхъ окончено миромъ 29,721. Въ 29,000 случаевъ неудовольствія или споры прекращены прежде, чѣмъ доходили до настоящаго суда, около 1½ тысячи рѣшены семейно безъ всякой потери времени и издержекъ. Изъ 348 дѣлъ, подлежащихъ пересмотру, на апелляцію взято только 34, т.е. десятая доля. Несмотря на недружелюбныя отношенія рабочихъ къ капиталистамъ, о чемъ мы имѣемъ въ виду говорить въ слѣдующей главѣ, стачки между ними, суда по крайней мѣрѣ по указаніямъ англійскихъ донесеній, случаются рѣже, чѣмъ можно было ожидать. Законы о стачкахъ и забастовкахъ были весьма суровы и несправедливы до 1849 года. Суровость заключалась въ томъ, что всѣ лица, въ стачкѣ участвовавшія, безразлично привлекались къ отвѣтственности передъ закономъ. Если нѣсколько рабочихъ, не производя никакого безпорядка, оставляли одновременно работу, потому что недовольствовались получаемой платой, законъ признавалъ ихъ всѣхъ заслуживающими наказанія. До 1849 года вся тяжесть этого закона падала только на рабочихъ. Въ 1849 году правительство допустило привлеченіе къ отвѣтственности въ извѣстныхъ случаяхъ и самихъ данIMATEЛЕЙ, а въ 1864 году было обнародовано постановленіе, по которому за стачки привлекаются къ отвѣтственности только зачинщики или подстрекатели, и то, если они при этомъ употребляли насилие, угрозы и вообще

прибѣгали къ преступнымъ дѣйствіямъ (*manoeuvres coupables*). Приведенными нами порядками и обычаями обуславливаются внѣшнія отношенія фабрикантовъ и хозяевъ промышленныхъ заведеній. Въ слѣдующей главѣ мы будемъ имѣть случай сказать нѣсколько словъ о нравственной между ними связи, которая болѣе чѣмъ слаба и никакія усилія правительства Наполеона III не могли ей придать того патріархальнаго характера, о которомъ мечталъ императоръ. На работѣ въ самомъ заведеніи простолюдинъ подчиняется безотвѣтно патрону, внѣ работы онъ его не признаетъ и относится къ нему не только безъ уваженія, но даже съ нѣкоторой примѣсью озлобленія. Работаютъ французы хорошо, хотя они болѣе заботятся объ изяществѣ издѣлій, чѣмъ объ ихъ прочности, что, впрочемъ, обуславливается требованіями самихъ потребителей. Англичане находятъ впрочемъ, что ихъ соотечественники могутъ въ данное время сдѣлать болѣе француза. Справедливость этого дѣйствительно подтверждается тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ англичане работаютъ рядомъ съ французами, первымъ платится высшее жалованье. Нельзя сказать, чтобы французскій рабочій не находилъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ своего труда большого наслажденія и не занимался съ любовью своимъ дѣломъ, но главнымъ побужденіемъ, усиливающимъ и совершенствующемъ работу для Франціи, какъ и для Германіи, остается увеличеніе заработка.

Главнѣйшія основанія, которыми обусловлены отношенія учениковъ въ ремесленныхъ и фабричныхъ заведеніяхъ, установлены законами 22-го февраля и 4-го марта 1851 года. До 1791 года, когда была объявлена свобода промышленнаго труда, никакимъ ремесломъ и промышленностью нельзя было заниматься, не пройдя извѣстнаго ученическаго искуса. Съ 1791 по 1803-й годъ, по этому предмету не существовало никакихъ правилъ; въ этомъ послѣднемъ году были установлены нѣкоторыя частныя правила. Учрежденіе промышленныхъ судовъ, въ 1806 году, нѣсколько упорядочило отношенія учениковъ къ хозяевамъ, и только въ 1851 году былъ изданъ законъ, въ которомъ систематически былъ обработанъ этотъ предметъ. Сущность этого послѣдняго постановленія заключается въ слѣдующемъ: никто моложе 21-го года не имѣетъ права брать въ обученіе дѣтей. Условія, заключаемыя между хозяиномъ и ученикомъ или его родителями, могутъ быть письменныя и словесныя. Они большею частью бывають письменныя. Законъ предоставляетъ право представлять ихъ къ засвидѣтельствованію (нотариусами, секретарями промышленныхъ судовъ или секретарями мировыхъ судовъ), или оставлять незасвидѣтельствованными. Условіе, кромѣ именъ, мѣста жительства обѣихъ сторонъ и проч., должно заключать въ себѣ указанія срока обученія и исчислить всѣ

условія, касающіяся содержанія ученика, платы за обученіе и проч. Хозяинъ долженъ относиться къ своимъ ученикамъ какъ добрый отецъ семейства, слѣдить за ихъ поведеніемъ и нравственностью по-
решу. О дурныхъ наклонностяхъ или поступкахъ, выходящихъ изъ
ряда обыкновенныхъ, а также о могущей приключиться съ нимъ
болѣзни, онъ обязанъ своевременно увѣдомлять его родителей. Онъ
имѣетъ право употреблять ученика только на посильную работу,
имѣющую непосредственную связь съ даннымъ ремесломъ или про-
мышленностью. Но на практикѣ это не всегда соблюдается, од-
нако по взаимному соглашенію. Ученики въ теченіи перваго, впро-
чемъ, года убираютъ мастерскую, отворяютъ и запираютъ двери, хо-
дятъ за пищею для мастеровыхъ и исполняютъ множество другихъ
порученій, не входящихъ въ кругъ ремесла, за то хозяева и ма-
стеровые въ свою очередь стараются за ихъ услуги вознаградить
учениковъ. Рабочіе ихъ учатъ, хозяинъ даетъ пользоваться его ин-
струментами, хотя бы заключенное условіе его къ этому и не обя-
зывало. Дѣйствительная работа (*travail effectif*) для дѣтей моложе
14-ти лѣтъ не должна превышать 10 часовъ въ сутки, а юноши
отъ 14 до 16-ти лѣтъ могутъ работать до 12 ч. Если ученикъ мо-
ложе 16-ти лѣтъ не умѣетъ читать, писать и незнакомъ со счисленіемъ,
или не окончилъ своего религіознаго воспитанія, хозяинъ обязанъ осво-
бождать его отъ работы ежедневно въ теченіи двухъ часовъ для того,
чтобы онъ имѣлъ возможность посвятить это время ученію. Въ 1865
году была учреждена особая коммиссія, съ цѣлью изслѣдованія вопроса
о техническомъ образованіи, и послѣдствіями ея работъ было учреж-
деніе цѣлаго ряда учебныхъ заведеній для подготовленія мастеровыхъ
и ремесленниковъ. О заведеніяхъ этихъ мы будемъ имѣть случай
упомянуть въ своемъ мѣстѣ. Ученикъ обязанъ оказывать хозяину
уваженіе, слушаться его, а также помогать ему въ трудахъ по мѣрѣ
своихъ силъ. Если вслѣдствіе болѣзни или какихъ-либо другихъ
причинъ онъ не можетъ во время своего обученія работать въ за-
веденіи болѣе 15 дней сряду, то за это долженъ вознаградить хо-
зяина по окончаніи контрактнаго срока. Первые два мѣсяца заня-
тій считаются пробнымъ временемъ, и въ теченіи этого срока вся-
кое условіе между ученикомъ и хозяиномъ можетъ быть нарушено
безъ особенныхъ, закономъ указанныхъ поводовъ, по личному жела-
нію той или другой стороны. Условіе можетъ быть также нарушено
по требованію одной изъ договорившихся сторонъ, по причинамъ,
исчисленнымъ въ законѣ, между прочимъ, въ случаѣ перемѣны хо-
зяиномъ своего мѣста жительства, женитьбы ученика, дурного съ
нимъ обращенія, или его дурного поведенія и проч. Разбиратель-
ство недоразумѣній и тяжбъ по этому поводу лежитъ на промыш-

ленномъ судѣ или, тамъ гдѣ ихъ нѣтъ, на мировыхъ судьяхъ. Когда молодой человѣкъ кончаетъ курсъ своего обученія, хозяинъ обязанъ выдать ему свидѣтельство въ томъ, что онъ выполнилъ всѣ условія заключеннаго между ними контракта. Отпуская ученика, по окончаніи контрактнаго срока, хозяинъ обыкновенно отдаетъ ему въ полную собственность инструменты, которыми онъ работалъ, постель и нѣкоторыя другія принадлежности, которыми онъ пользовался во время ученія. Ученіе обыкновенно длится отъ 3-хъ до 6-ти лѣтъ. За обученіе мастеру оплачивается работой ученика или деньгами, чаще деньгами. Въ такомъ случаѣ уплата производится по частямъ и вносится впередъ въ установленные сроки. Въ Ліонѣ ученикъ, приобрѣтшій нѣкоторый навыкъ, получаетъ право пользоваться частью заработка своего хозяина. Если же онъ успѣваетъ сработать болѣе задаваемой ему обыкновенно работы, то получаетъ половину слѣдующей за нее заработной платы. Въ Парижѣ ученикамъ уплачивается небольшое жалованье послѣ извѣстнаго промежутка времени, въ которое онъ учился. Въ Руанѣ же ученики съ самаго начала ученичества получаютъ нѣкоторое жалованье: хозяинъ ежедневно удерживаетъ 25 сант., что до дня истеченія контрактнаго срока составляетъ обыкновенно отъ 200 до 300 фр. Окончившій курсъ ученикъ получаетъ эти деньги на руки; но если онъ нанесъ какой-либо ущербъ своему хозяину, часть времени не работалъ и т. п., то хозяинъ имѣетъ право вознаграждать себя удержаніемъ части этихъ денегъ, а если ученикъ самовольно его оставляетъ раньше срока, то и всю сумму. Хозяева нѣкоторыхъ промышленныхъ заведеній находятъ для себя болѣе выгоднымъ обходить законъ объ обученіи мастеровыхъ и берутъ въ свое заведеніе молодыхъ людей не въ качествѣ учениковъ, а въ качествѣ простыхъ рабочихъ, которымъ по мѣрѣ совершенствованія прибавляютъ жалованье. Въ такихъ случаяхъ имъ приходится руководиться не только-что приведеннымъ нами закономъ, а другимъ, который они считаютъ для себя менѣе стѣснительнымъ, закономъ 22-го февраля 1841 года, объ употребленіи въ работу дѣтей въ промышленныхъ и фабричныхъ заведеніяхъ. Согласно этому закону, дѣйствія котораго распространяются на тѣ только заведенія, въ мастерскихъ которыхъ работаетъ не менѣе 20 человѣкъ, и на тѣ фабрики и заводы, которые дѣйствуютъ при помощи механическихъ двигателей или постоянного употребленія огня, дѣти моложе 8-ми лѣтъ вовсе не могутъ быть допускаемы въ заведенія. Всѣ дѣти до 12-ти лѣтъ обязаны посѣщать школу, старѣе 12-ти лѣтъ могутъ быть избавлены отъ этого, если представить свидѣтельство мѣстнаго мера о томъ, что кончили курсъ первоначальнаго (элементарнаго) ученія. Дѣти моложе 12-ти лѣтъ могутъ быть

употребляемы въ работу не болѣе 10-ти часовъ въ сутки, а отъ 12-ти до 16-ти лѣтъ не болѣе 12-ти часовъ. До 13-ти лѣтъ не позволяется заставлять работать дѣтей въ ночное время, которое считается отъ 9 часовъ вечера до 5 часовъ утра. До 16-ти-лѣтняго возраста никто не можетъ работать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Нѣкоторыя отступленія отъ приведенныхъ нами правилъ могутъ быть допускаемы по усмотрѣнiю мѣстныхъ властей. Для наблюденiя за точнымъ ихъ выполненiемъ учреждены особые правительственные инспекторы. Должность эта почетная, несвязанная ни съ какимъ матеріальнымъ вознагражденiемъ и, какъ оказывается, существующая только на бумагѣ. Это обстоятельство значительно уменьшаетъ пользу, которую можно было бы ожидать отъ примѣненiя закона 22-го марта 1841 года. Другая слабая сторона его заключается въ томъ, что дѣйствiя его распространяются относительно на весьма небольшое число промышленныхъ заведенiй и работающихъ въ нихъ дѣтей. Такъ, въ 1870 году немного болѣе 100,000 дѣтей могли пользоваться его благодѣянiями — это были по преимуществу малолѣтныя, работающiе на ткацкихъ и прядильныхъ фабрикахъ и главнымъ образомъ на послѣднихъ. Заведенiя этого рода пользовались работою до 90,000 дѣтей изъ всего числа 100,000. Значить, на всѣ остальные заводы и всякаго рода мастерскiя оставалось всего 10 тысячъ дѣтей; всѣ же остальные никакимъ закономъ отъ обремененiя работою не были ограждены. Французское правительство дѣлало попытки расширить дѣйствiе этого закона и подчинить ему болѣе мелкихъ, и даже всѣ промышленныя заведенiя, но по разнымъ причинамъ попытки эти до сихъ поръ не увѣнчались успѣхомъ.

Н. Ф.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое іюля 1873.

Возвышеніе виннаго акциза и пошлнны. — Предполагаемое измѣненіе патентнаго сбора и правилъ раздробительной продажи вина. — Еще судебное преслѣдованіе раскольниковъ. — Запросъ петербургскому воспитательному дому. — Общество подаванія помощи при кораблекрушеніяхъ. — Женскіе курсы при с.-петербургской медицинской академіи и московскомъ университетѣ. — Полезно или вредно оспопрививаніе?

Въ одномъ изъ предположеній нашего бюджета на текущій годъ послѣдовало важное измѣненіе. Въ іюнѣ обнародованъ законъ о возвышеніи размѣра акциза съ вина и спирта и таможенныхъ пошлннъ съ привозныхъ издѣлій изъ вина и спирта. Сверхъ того, по слухамъ, государственный совѣтъ, въ концѣ своей сессіи, принялъ предположеніе объ установленіи новыхъ правилъ по раздробительной продажѣ крѣпкихъ напитковъ въ Петербургѣ, съ распространеніемъ ихъ на Москву, Одессу и еще нѣкоторые уѣзды разныхъ губерній, и о возвышеніи патентнаго сбора съ водочныхъ заводовъ и мѣстъ продажи питей по всей имперіи въ весьма значительномъ размѣрѣ, напр., съ питейныхъ домовъ въ столицахъ до 560 рублей. Введеніе новыхъ правилъ раздробительной продажи въ Петербургѣ и другихъ большихъ городахъ, а также и взиманіе возвышеннаго патентнаго сбора предположены съ 1-го января 1874 года, причемъ государственный совѣтъ предоставилъ себѣ въ осеннюю сессію разсмотрѣть еще и вопросъ о мѣрахъ къ ограниченію питейной торговли вообще. Такимъ образомъ, всѣ эти послѣднія предположенія не могутъ имѣть вліянія на исполненіе смѣты 1873 года, кромѣ въ такъ-называемомъ „льготномъ періодѣ“ ея, то-есть въ первой половинѣ 1874. Сверхъ того, доселѣ они еще и не получили окончательнаго законодательнаго утвержденія.

Но возвышеніе акциза, на основаніи мнѣнія государственнаго совета, высочайше утвержденнаго 15-го прошлаго мая, вступаетъ въ

дѣйствіе немедленно, а именно взиманіе возвышеннаго акциза положено начать со всего вина и спирта, а также водокъ изъ свеклосахарныхъ остатковъ, медовой пѣны и восковой воды, которыя будутъ выкурены изъ заторовъ, сдѣланныхъ съ 15-го іюня 1873 г. Согласно съ этимъ новымъ закономъ, особый циркуляръ министра финансовъ, отъ 25-го мая, предписываетъ привести въ извѣстность, сколько къ 15-му іюня будетъ находиться въ подвалѣ каждаго завода вина, выкуреннаго до этого срока, а также хотя и послѣ 15-го іюня, но изъ заторовъ, сдѣланныхъ до этого срока, и затѣмъ, опредѣливъ количество этого вина, подлежащаго оплатѣ акцизомъ въ прежнемъ размѣрѣ, подвергать вино, выкуренное изъ заторовъ, сдѣланныхъ послѣ 15-го іюня, уже оплатѣ новымъ, возвышеннымъ акцизомъ.

Новый размѣръ акциза назначенъ въ 7 копѣекъ съ градуса (0,01 ведра) по спиртомѣру Траллеса, или въ 7 рублей съ ведра—въ имперіи, а въ царствѣ польскомъ—по 5 1/2 коп. съ градуса, или 5 руб. 50 коп. съ ведра безводнаго спирта. Со времени отмены откуповъ (первоначально въ 1861, и окончательно съ 1863 г.), это есть третье возвышеніе акциза, который сперва былъ опредѣленъ въ 4 к. съ градуса, потомъ въ 5 к. и наконецъ въ 1869 году въ 6 к. (6 рублей съ ведра безводнаго спирта въ имперіи). Такъ какъ у насъ выкуривается ежегодно около 28 милл. спирту, то увеличеніе акциза на рубль съ ведра представляетъ весьма важное измѣненіе въ предположеніяхъ бюджета на 1873 годъ.

Извѣстно, что питейный сборъ составляетъ главную, безъ всякаго сравненія, статью нашихъ государственныхъ доходовъ. Въ росписи на 1873 годъ изъ 495 1/4 милл. рублей, представляющихъ итогъ всѣхъ обыкновенныхъ доходовъ государства, безъ оборотныхъ поступленій, предположены къ поступленію изъ питейнаго сбора 166,601,600 рублей, то-есть болѣе трети всего итога обыкновенныхъ доходовъ. Извѣстно также, что въ ежегодномъ значительномъ возрастаніи нашихъ доходовъ и превышеніи ими бюджетныхъ предвидѣній, питейный сборъ игралъ первую роль, то-есть сумма нашихъ доходовъ возрастала, главнымъ образомъ, отъ возрастанія именно питейнаго дохода. Дѣйствительно, съ 1867 года по 1872, питейный доходъ увеличился съ почти 134 до слишкомъ 174 1/2 милл., то-есть одинъ далъ почти 2/3 всего возрастанія доходовъ, которое представлялось цифрою около 106 милл. рублей.

При такихъ данныхъ естественно спросить: для чего же предположено возвышеніе акциза, если питейный сборъ даетъ столь удовлетворительные результаты, и не слѣдуетъ ли опасаться, что значительное возвышеніе акциза можетъ имѣть послѣдствіемъ нѣчто похожее на басню о курицѣ и золотыхъ яйцахъ? Ответъ заключается

прежде всего въ томъ, что и доселѣ возрастаніе питейнаго дохода обусловлено было не только бѣльшимъ производствомъ спирта, но и возвышеніемъ акциза. Возвышеніе его на копѣйку съ градуса, то-есть въ томъ же размѣрѣ, какъ нынѣ, въ 1869 году способствовало тому, что питейный доходъ съ 137³/₄ милл. (1869 г.) возросъ до 163³/₄ милл. рублей (1870 г.). Но, кромѣ того, надо замѣтить, что поступленіе питейнаго дохода давало результаты, которые можно было признать удовлетворительными именно только въ финансовомъ отношеніи, но въ теченіе 1872 года и въ финансовомъ отношеніи оно не было вполнѣ удовлетворительно. Изъ свѣдѣній „Указателя министерства финансовъ“, по 60-ти губерніямъ имперіи, царства и донской области, оказывается, что въ 1872 году питейный доходъ хотя и превзошелъ на 8 милл. предвидѣніе росписи 1872, но упалъ на слишкомъ 2¹/₂ милл. рублей противъ поступленія 1871 года. Нѣтъ сомнѣній, что именно этотъ относительный упадокъ питейнаго дохода и побудилъ министерство финансовъ прибѣгнуть къ возвышенію размѣра акциза, которое имѣетъ значеніе именно какъ финансовая мѣра. Возвышеніе размѣра акциза должно увеличить питейный доходъ, хотя, по всей вѣроятности, возвышеніе это и не произойдетъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ возвышенъ акцизъ, какъ то замѣчалось и въ прежніе годы при увеличеніи акциза. Нынѣшняя роспись предполагала усиленіе питейнаго дохода противъ росписи 1872 г. на 4 милл. 173 тыс. р. На основаніи дѣйствительнаго поступленія за 1872 годъ можно было полагать, что и въ нынѣшнемъ году питейный доходъ превзойдетъ исчисленія росписи миллионѣвъ на 8; но вслѣдствіе введенія новаго размѣра акциза съ 15-го іюня можно ожидать еще нѣсколькихъ миллионѣвъ рублей.

Что касается возвышенія патентнаго сбора и въ особенности введенія новыхъ правилъ раздробительной продажи вина въ главныхъ городахъ, то эти мѣры имѣютъ еще и полицейское значеніе. Столь значительное возвышеніе патентовъ, какъ, напримѣръ, въ столицахъ, для распивочныхъ продажъ — 550 рублей вмѣсто 275, безъ сомнѣній, поведетъ къ значительному сокращенію числа этихъ продажъ. Но въ этомъ отношеніи, предположенія о новыхъ правилахъ раздробительной продажи въ большихъ городахъ, а также о мѣрахъ къ ограниченію питейной торговли вообще, по слухамъ, идутъ еще дальше, а именно прямо къ ограниченію числа питейныхъ заведеній въ каждой мѣстности опредѣленною нормою (напримѣръ, для Петербурга всего 182), съ тѣмъ, чтобы содержаніе заведеній въ такомъ опредѣленномъ числѣ сдавалось желающимъ съ торговъ, не болѣе однако, чѣмъ три заведенія одному лицу. Это предположеніе, впрочемъ, касается только питейныхъ домовъ, то-есть такихъ заведеній, которыя

торгуютъ однимъ виномъ, а для закуски предлагаютъ только хлѣбъ и соль. Сколько извѣстно, государственный совѣтъ положилъ установить патентный сборъ съ 1-го января 1874 г. въ слѣдующемъ размѣрѣ въ мѣстахъ перваго разряда: 1) съ водочныхъ заводовъ 600 р., 2) оптовыхъ складовъ 600 р., 3) рейсковыхъ погребовъ 400 р., безъ распивочной продажи, а 4) за эту продажу добавочныхъ 550 р., 5) съ трактирныхъ заведеній 330 р., и 6) съ питейныхъ домовъ, штофныхъ и водочныхъ магазиновъ, постоянныхъ дворовъ и т. д. 550 р. Въ мѣстахъ второго и третьяго разряда этимъ цифрамъ соотвѣтствуютъ слѣдующія: 1) 300 и 225 р., 2) 200 и 100 р., 3) 200 и 70 р., 4) 280 и 90 р., 5) 110 и 70 р., и 6) 280 и 140 рублей.

Правила же раздробительной продажи питей, предложенныя для Петербурга, государственный совѣтъ, какъ слышно, поручилъ министерству финансовъ немедленно приспособить и для примѣненія къ Москвѣ, Одессѣ и къ нѣсколькимъ уѣздамъ разныхъ губерній, и затѣмъ внести въ теченіи лѣта въ комитетъ министровъ, а по утвержденіи ввести ихъ въ дѣйствіе въ видѣ опыта на 3 года съ 1-го января 1874 г. Что касается собственно мѣръ къ ограниченію питейной торговли вообще, то, какъ уже сказано, разсмотрѣніе этого вопроса отложено государственнымъ совѣтомъ до осенней сессіи. Однимъ изъ послѣдствій значительнаго сокращенія числа распивочныхъ продажъ могло бы быть уменьшеніе дохода, получаемого съ нихъ земствомъ и сельскими обществами. Здѣсь интересы земства и сельскихъ обществъ, впрочемъ, не представляютъ полнаго сходства. Для увеличенія земскаго дохода, очевидно, чѣмъ больше питейныхъ домовъ, тѣмъ лучше, такъ какъ земство облагаетъ ихъ не съ суммъ оборотовъ, а съ суммы казеннаго ихъ обложенія. Но изъ этого же слѣдуетъ, что если уменьшеніе числа кабаковъ происходитъ вслѣдствіе возвышенія казеннаго обложенія и пропорціонально ему, то земство при этомъ ничего не теряетъ. Если вмѣсто 40 рублей патентнаго сбора, сельскій кабакъ будетъ платить 140 рублей, и если вслѣдствіе того число кабаковъ по селеніямъ и мелкимъ городамъ сократится на $\frac{2}{3}$, то доходъ земства съ нихъ, опредѣляемый въ 20% казеннаго обложенія, останется прежній. Совѣтъ иначе обстоитъ дѣло по отношенію къ сельскимъ обществамъ, у которыхъ болѣе или менѣе вошло въ обычай брать до разрѣшенія содержанія кабака неофіціальный, иногда крупный налогъ въ свою пользу. Возвышеніе патентнаго сбора лишитъ кабатчиковъ возможности платить обществамъ деньги въ прежнемъ размѣрѣ. Съ другой стороны, тамъ, гдѣ содержатель питейнаго дома найдетъ непосильнымъ себѣ уже и плату одного процентнаго сбора, кабакъ закроется и общество, совѣтъ лишится своего неофіціального питейнаго дохода. Не во

всѣхъ этихъ отношенійхъ, какъ намъ кажется, излишне было бы всякое сожалѣніе о предстоящемъ возвышеніи патентнаго сбора. Едва ли даже и сельскія общества потеряютъ много въ самомъ своемъ доходѣ съ кабаковъ. Если вмѣсто трехъ кабаковъ въ трехъ деревняхъ будетъ одинъ кабакъ въ волости, то крестьяне могутъ выскрывать съ него тройную сумму въ пользу волости, а не того селенія, гдѣ онъ будетъ существовать. Но во всякомъ случаѣ, и даже если бы доходъ сельскихъ обществъ съ кабаковъ въ общности значительно уменьшился отъ сокращенія ихъ числа, объ этомъ сожалѣть не слѣдуетъ. Едва ли кто-либо рѣшится утверждать, что та хотя бы сотня рублей, какую дастъ кабакъ сельскому обществу, представляетъ такую выгоду, которая превосходитъ невыгоду, происходящую отъ самаго существованія кабака. Число кабаковъ въ Россіи за послѣднее десятилѣтіе колебалось между 140 и 160 тысячами. Въ первой, меньшей цифрѣ оно стало вновь склоняться съ 1871 года, вслѣдствіе возвышенія въ томъ году патентнаго сбора на 30%. Но надо всегда помнить, что число кабаковъ находится, во-первыхъ, въ нѣкоторомъ неоспоримомъ отношеніи къ развитію пьянства; во-вторыхъ, что каждый лишній кабакъ, особенно въ селеніи, то-есть далеко отъ надзора, и притомъ закупившій себѣ самой своей платой въ пользу общества поблажку сельскихъ властей, представляетъ собою не только лишній соблазнъ для пьянства, но и лишній очагъ всевозможной деморализаціи; лишній ростовщическій складъ, лишній притонъ всякаго разврата и заразы, а нерѣдко лишній сбытъ краденыхъ вещей и пріютъ мошенничества. Вотъ почему совсѣмъ не все равно для народной нравственности и безопасности, будетъ ли въ Россіи такихъ пріютовъ еще на 20 тысячъ или хотя бы на 100 тысячъ менѣе или болѣе. Чѣмъ менѣе ихъ будетъ, тѣмъ будетъ лучше. Доходъ получаемый съ нихъ сельскими обществами далеко не искупаетъ зла, производимаго ихъ размноженіемъ и возникающею отселемъ ихъ конкуренціею. Въ малой деревнѣ кабакъ, по отзывамъ компетентныхъ людей, одними законными доходами существовать не можетъ; содержатель его вынужденъ расчитывать на чужие доходы. Если доходъ сельскихъ обществъ съ сокращеніемъ числа кабаковъ и уменьшится, то можно предположить, что это уменьшеніе послѣдуетъ въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ уменьшеніе распространяемой ими всякаго рода заразы, котораго надо ожидать въ прямомъ отношеніи къ сокращенію самаго числа кабаковъ.

Таможенная пошлина съ привозимыхъ вина, спирта и издѣлій изъ нихъ, закономъ 15 мая возвышена въ слѣдующемъ размѣрѣ: 1) на вино и спиртъ, привозимые въ порты Восточнаго океана, съ 6 до 7 р. за ведро; 2) на издѣлія изъ вина и спирта повсемѣстно: въ

бочкахъ съ 8 р. 50 коп. до 9 р. 92 к. съ пуда; въ бутылкахъ съ 65 до 68 к. съ бутылки. Въ этомъ размѣрѣ возвышена пошлина на бутылки ликеровъ и водокъ. Итакъ, на виноградныя вина, привозимыя изъ-за границы въ Россію по европейской торговлѣ, пошлина не возвышается.

Въ числѣ вопросовъ, которыхъ государственный совѣтъ не успѣлъ, за накопленіемъ дѣлъ, рассмотреть въ минувшую сессію и долженъ былъ отложить до осени, находится, какъ слышно, и вопросъ о дарованіи семейно-гражданскихъ правъ раскольникамъ, т.-е. объ узаконеніи ихъ браковъ. Весьма полезно было бы воспользоваться этой отсрочкой для того, чтобы дополнить тѣ частныя льготы, которыя предположено нынѣ дать раскольникамъ, такими постановленіями, которыя опредѣляли бы съ точностью гражданское положеніе раскольниковъ вообще и установили бы отношенія къ нимъ администраціи на твердой законной почвѣ. Какъ мы замѣчали недавно, немисливо, чтобы пятая или четвертая часть всего великорусскаго населенія оставалась внѣ общихъ юридическихъ условий, обезпечивающихъ права личности; чтобы 10—15 милліоновъ душъ въ Россіи продолжали жить подъ полицейскимъ надзоромъ и только въ силу благодѣтельнаго послабленія не подвергались преслѣдованію, до времени. Возвращаясь къ этому предмету, между прочимъ, и потому, что къ числу приведенныхъ нами примѣровъ, какъ по инициативѣ мѣстныхъ духовныхъ властей, администрація бываетъ вынуждена отказаться отъ своей системы „неофициальной терпимости“ и новыя суды бываютъ принуждены судить, на основаніи устарѣвшихъ законовъ, дѣла личной совѣсти, — прибавился еще рельефный примѣръ. Въ концѣ апрѣля, въ московскомъ окружномъ судѣ разсматривалось дѣло по обвиненію крестьянина и крестьянки Родиныхъ въ устройствѣ раскольниковъ монастыря.

Дѣло это возникло прямо по сообщенію московской духовной консисторіи прокурору, что въ деревнѣ Садовой слободы московскаго уѣзда, въ домѣ Родиныхъ „самовольно устроена раскольниковъ моленная, которая въ спискѣ 1826 года о существовавшихъ въ то время моленныхъ не значится.“ По осмотрѣ дома, въ немъ дѣйствительно было найдено помѣщеніе съ разными церковными вещами. Обвиненные показывали, что у нихъ молебствій не совершается и скита нѣтъ, а домъ достался имъ отъ инокини Рогожскаго кладбища Дарьи Дмитріевой. Но при осмотрѣ дома и вещей находился православный священникъ, который и объяснялъ, что у Родиныхъ бываетъ раскольниковъ іерей, что найденныя у нихъ письма адресованы именно къ этому лицу; тотъ же православный священникъ выразилъ мнѣніе, что домъ Родиныхъ „представляетъ скорѣе не пуб-

личную молельню, а раскольниковій женскій монастырь или скитъ," и въ подтвержденіе такого мнѣнія указалъ на женскія монашескія одежды и нѣкоторыя бумаги. Присяжные, однако, произнесли оправдательный приговоръ. Но для насъ не такъ важно оправданіе подсудимыхъ, сколько самое привлеченіе ихъ къ суду при данныхъ обстоятельствахъ, то-есть по почину духовной власти и съ содѣйствіемъ православнаго священника обвиненію при слѣдствіи. Мы не знаемъ, были ли Родины подвергнуты предварительному заключенію и сколько времени въ немъ находились; намъ извѣстно только, что въ подобныхъ дѣлахъ предварительное заключеніе иногда продолжается годы. Но что сказала бы наша печать, что подумали бы образованные русскіе читатели, если бы до свѣдѣнія ихъ доходили изъ западной Европы подобныя факты, если бы они узнали, что гдѣ-нибудь, въ самомъ тѣмномъ уголѣ, въ какой-нибудь глуши Мекленбурга или Испаніи господствующая церковь привлекаетъ къ суду диссидентовъ, что слѣдствіемъ надъ ними руководить священникъ господствующей церкви, дополняя добытые факты извѣстіями о тайныхъ пріѣздахъ диссидентскаго пастора, и что свѣтскій судъ въ той странѣ обязанъ давать ходъ такимъ дѣламъ, а въ случаѣ удостовѣренія присяжными матеріальнаго факта, поставленъ въ необходимость присуждать диссидентовъ къ тяжкимъ свѣтскимъ карамъ, соединеннымъ съ лишеніемъ гражданскихъ правъ? Нѣтъ сомнѣнія, что образованные русскіе читатели пришли бы въ крайнее изумленіе, а нѣкоторые органы нашей печати обрушились бы на такіе заграничныя факты безъ всякой оглядки, съ неменьшимъ осужденіемъ, чѣмъ то, какому недавно подвергъ „Голосъ“ германскій проектъ закона о печати. Настоятельность точнѣйшаго опредѣленія закономъ гражданского положенія нашихъ раскольниковъ слишкомъ очевидна; тѣмъ не менѣе долгъ добросовѣстной печати почаще напоминать объ этой „очевидности“, пока наконецъ въ самомъ дѣлѣ наши „очи увидятъ“, что обветшалые законы о раскольникахъ подверглись коренному пересмотру и громадное число нашихъ соотечественниковъ стали подъ общую всѣмъ охрану закона.

Уравненіе правъ приверженцевъ безвредныхъ раскольниковыхъ толковъ имѣетъ одною изъ своихъ цѣлей устраненіе того печальнаго явленія, что масса дѣтей раскольниковъ признаются незаконнорожденными. Отъ этого вопроса близокъ переходъ къ судьбѣ массы незаконныхъ дѣтей Петербурга, поступающихъ въ здѣшній воспитательный домъ. Судьба воспитанниковъ петербургскаго воспитательнаго дома въ послѣднее время сдѣлалась предметомъ довольно оживленной полемики, въ которой самое это учрежденіе приняло участіе своими опроверженіями. Полемику эту мы встрѣчаемъ съ сочувствіемъ

уже потому, что въ ней высказывается симитомъ вполне справедливаго и реального стремленія общества отдавать себѣ ясный отчетъ о томъ положеніи, въ какомъ находятся въ дѣйствительности его дѣла. Такое вниманіе общества къ разнымъ отраслямъ дѣятельности общественныхъ учреждений и стремленіе къ повѣркѣ этой дѣятельности должно возрастать по мѣрѣ успѣховъ развитія и по мѣрѣ сознанія самими властями совершенной необходимости и огромной пользы общественного контроля. Кто правъ въ настоящемъ случаѣ: обличители ли воспитательнаго дома, или это учрежденіе, объ этомъ пока нельзя произнести рѣшительное сужденіе. Но происходившая полемика принесла уже ту пользу, что теперь становится непреложной обязанностью воспитательнаго дома измѣнить составъ публикуемыхъ имъ отчетовъ и представить обществу цифры ясныя и подробныя, какихъ послѣ высказанныхъ въ печати предположеній общество вправе рѣшительно требовать отъ воспитательнаго дома. Выступать вновь съ отчетами, которые не даютъ возможности сдѣлать положительнаго заключенія о смертности всѣхъ дѣтей, ввѣренныхъ этому учрежденію за первый годъ ихъ жизни, теперь, послѣ заявленій въ печати, что дѣти эти, что называется „мрутъ какъ мухи“, немисливо; это значило бы молча согласиться съ такими фактами, которые, если они справедливы, должны бы произвести потрясающее впечатлѣніе на общество.

Этими словами мы не хотимъ сказать, что цифрамъ, приведеннымъ г. Пятковскимъ въ его чтеніяхъ въ педагогическомъ обществѣ, мы придаемъ окончательное значеніе, хотя онъ и ссылается на официальные данныя. Но кромѣ этихъ цифръ имѣются еще выписки доктора Рейтца, въ его брошюрѣ объ оснопрививаніи относительно общей смертности дѣтей въ первые пять лѣтъ поступленія ихъ подъ попечительство воспитательнаго дома (74% слишкомъ) и появившееся въ газетахъ заявленіе священника одного изъ приходовъ Петергофскаго уѣзда. Въ виду всего этого, мы говоримъ только, что общество въ правѣ ожидать со стороны воспитательнаго дома самаго яснаго и обстоятельнаго объясненія.

Особеннаго сочувствія заслуживаетъ другое благотворительное учрежденіе, которое только недавно образовалось, но со временемъ можетъ получить весьма большое значеніе. Мы говоримъ объ „Обществѣ поданія помощи при кораблекрушеніяхъ“. Общества, основанныя съ этой цѣлью, существуютъ почти во всѣхъ государствахъ Европы и вездѣ пользуются покровительствомъ, а въ нѣкоторыхъ странахъ и субсидіями со стороны правительства. Старѣйшія изъ этихъ обществъ основаны въ Англіи и Голландіи въ 1824 году. Какое широкое развитіе можетъ принять дѣятельность подобнаго общества и какъ велика мо-

жать быть приносимая имъ польза, о томъ свидѣлствуютъ слѣдующія цифры: англійское спасительное общество, состоящее подъ покровительствомъ королевы Викторіи, имѣетъ теперь 233 шлюпочныхъ спасительныхъ станцій со шлюпками, телѣгами, сараемъ и т. д. На этихъ станціяхъ имѣется спасительныхъ шлюпокъ 211, которыми спасено въ теченіи одного 1871 года 882 человѣка, а съ учрежденія общества, то-есть, съ 1824 по 1872 г. спасено 20,746 человѣкъ. Кромѣ этихъ шлюпочныхъ станцій, въ Англіи существуетъ еще 265 ракетныхъ станцій, принадлежащихъ правительству. Приходъ общества за 1871 годъ былъ 28,140 фунтовъ стерлинговъ, что на наши деньги составляетъ до 200 тысячъ рублей.

Общество съ той же цѣлью въ Россіи образовалось въ 1872 году. Оно состоитъ подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны. Въ мартѣ нынѣшняго года утверждено мнѣніе государственнаго совѣта о передачѣ въ вѣдѣніе этого общества спасительныхъ станцій на берегахъ Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана, и суммы отпускаемой на нихъ казною, 1,800 р. въ годъ. Въ концѣ того же мѣсяца происходило общее собраніе общества, въ которомъ прочитанъ былъ отчетъ о его дѣйствіяхъ съ 7 марта 1872 по 7 марта нынѣшняго года. Средства общества состоятъ изъ основнаго неприкосновеннаго капитала 60,812 р., переданнаго ему изъ морскаго министерства, 6,011 р. накопившихся на этотъ капиталъ процентовъ, капитала на устройство спасительныхъ станцій и снарядовъ 21,812 р. и текущихъ доходовъ, то-есть, членскихъ взносовъ и частныхъ пожертвованій. Текущіе доходы общества пока состоятъ изъ около 9 т. р. взносовъ и пожертвованій, которые съ процентами въ 3 т. р. на капиталъ и составляютъ всего около 12 тыс. рублей. Работы общества до сихъ поръ были, по необходимости, преимущественно приговорительнаго свойства, причемъ главное содѣйствіе оказано было морскимъ министерствомъ. Морское министерство командировало за границу инспектора общества, капитана 1-го ранга Небольсина, для обзора нынѣшняго положенія спасительнаго дѣла въ Европѣ, доставило обществу карту кораблекрушеній на нашихъ моряхъ, приняло на свой счетъ выпускъ нѣкоторыхъ снарядовъ для общества и т. д. Таможенное вѣдомство предназначило между прочимъ, и для содѣйствія дѣлу спасенія погибающихъ, учреждаемую имъ на Балтійскомъ морѣ флотилію крейсеровъ, а общество приняло на себя снабдить эти суда спасительными снарядами. Въ теченіе года, общество уже открыло нѣсколько своихъ окружныхъ правленій въ разныхъ губерніяхъ, учредило двѣ шлюпочныя станціи на Балтійскомъ морѣ, спасительную лодку на Черномъ морѣ. Въ вѣдѣніе общества поступила и спасительная станція, учрежденная въ Браніен-
Digitized by Google

баумѣ г. Говоровымъ на его частныя средства, еще за годъ до открытія общества. Эта станція успѣла уже спасти 32 человѣка, причемъ самъ почтенный учредитель лично участвовалъ въ спасеніи погибавшихъ.

Ближайшими цѣлями общества въ предстоящій годъ избраны: устройство спасительной станціи близъ отмелей, находящихся у острова Даго, а также по одной станціи на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ. Нельзя не пожелать обществу успѣшнаго развитія его полезной дѣятельности, и наши общественныя пожертвованія, столь часто обращающіяся на потребности прихоти или роскоши, должны были бы направиться въ изобиліи къ такому истинно - гуманному и несомнѣнно - богоугодному дѣлу, какъ спасеніе тружениковъ мореплаванія отъ смерти, едва ли не самой ужасной, по предшествующей ей долгой агоніи отчаянія. Дѣйствительность спасительныхъ станцій удостовѣряется какъ приведеннымъ выше огромнымъ числомъ случаевъ спасенія средствами англійскаго общества, такъ и слѣдующими сравнительными цифрами, собранными въ Германіи: съ 1866 по 1872 годъ на германскихъ берегахъ было 635 крушеній; при этомъ въ виду береговъ погибло 291 человѣкъ, а спасено было лодками и ракетными снарядами 518 человѣкъ. Значить, вслѣдствіе учрежденія спасительныхъ станцій, число погибающихъ въ виду береговъ уменьшилось почти на двѣ трети.

Въ настоящее время, особенно кстати, является блестящій результатъ нынѣшнихъ переводныхъ экзаменовъ женскихъ курсовъ при медицинской академіи. По словамъ „С.-Петерб. Вѣдомостей“, изъ 80-ти слушательницъ этихъ курсовъ приступило къ экзаменамъ 63 и окончило ихъ съ успѣхомъ 60, такъ что всѣ онѣ переведены на слѣдующій курсъ. Фактъ этотъ, по словамъ названной газеты, „даже обратилъ вниманіе начальства академіи, сравнившего эти экзамены съ общимъ уровнемъ успѣшности экзаменовъ мужчинъ“. Далѣе газета говоритъ о „безусловномъ одобреніи профессорами занятій слушательницъ. Профессоръ одного изъ главныхъ предметовъ, на вопросъ одного высокопоставленнаго лица, котораго сочувствію дѣлу женскаго медицинскаго образованія обязано самое существованіе курсовъ, отвѣтилъ, что онъ — семнадцать лѣтъ профессоромъ, но такихъ отвѣтовъ не слыхалъ“.

Остановимся еще на минуту на московскихъ женскихъ курсахъ, учрежденныхъ профессоромъ Герье. По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, результаты годичнаго ихъ существованія оказываются весьма удовлетворительными. На этихъ курсахъ состоитъ 59 слушательницъ, изъ которыхъ только меньшая половина (27) числятся вольными слушательницами, то-есть не носятъ обязанности подчиняться провѣркѣ

своихъ знаній и работъ. Вольныхъ слушательницъ, посѣщавшихъ лекціи только въ теченіи одного полугодія, и которыя въ приведенныхъ числахъ не значатся, было всего 11. Число слушательницъ, подчиненныхъ провѣркѣ и выдержавшихъ гимназическій экзаменъ, 32. Въ составѣ женской аудиторіи московскихъ профессоровъ находятся нѣсколько слушательницъ, принадлежащихъ къ высшему обществу, — обстоятельство утѣшительное въ томъ смыслѣ, во-первыхъ, что стало-быть потребность серьезнаго научнаго образованія начинаетъ проникать въ Москвѣ и въ среду женщинъ этого класса, а во-вторыхъ, еще и въ томъ смыслѣ, что стало-быть всѣ круги московскаго общества свободны отъ того предубѣжденія, которое у насъ нерѣдко можно встрѣтить въ извѣстной средѣ противъ посѣщенія дѣвушками публичныхъ курсовъ вообще. Въ этомъ обстоятельствѣ, имѣющемъ значеніе чисто-внѣшнее, но весьма немаловажное по нашимъ условіямъ, мы не можемъ не усмотрѣть заслуги почтенныхъ учредителей и преподавателей. Лекціи читаются пока по слѣдующимъ предметамъ: космографія и астрономія (проф. Бредихинъ), исторія цивилизаціи (проф. Герье), всеобщая и русская литература, всеобщая и русская исторія, физика и математика. Предсѣдателемъ педагогическаго совѣта этихъ курсовъ состоитъ самъ почтенный ректоръ университета. Доходъ курсовъ составлялъ 5081 р., а расходъ 2719 рублей.

Недавно вышла изъ печати брошюра доктора Рейтца, главнаго врача при Елизаветинской дѣтской больницѣ, подъ названіемъ „Критическій взглядъ на оспопрививаніе“. Мы уже замѣтили, что въ этой брошюрѣ затрогивается, между прочимъ, и вопросъ о значительной смертности въ воспитательномъ домѣ и о неудовлетворительности составляемыхъ этимъ учрежденіемъ отчетовъ.

Обратимся теперь къ главному предмету названной брошюры доктора Рейтца. Если бы онъ ограничился медицинскою критикою оспопрививанія, то и тогда по огромной, такъ сказать все-народной важности предмета, не одни спеціалисты, но и все общество не могло бы остаться равнодушнымъ въ виду попытки самымъ рѣшительнымъ образомъ поколебать довѣріе къ предохранительной мѣрѣ противъ одной изъ самыхъ страшныхъ эпидемій. Но авторъ зашелъ далѣе. Онъ прямо призываетъ къ содѣйствію правительствъ, и приглашаетъ ихъ „положить конецъ лжеученію и лжевѣрованію“ оспопрививанія, и „довольствоваться лишь тѣми мѣрами для пресѣченія оспы, которыя выработаны наукою для прекращенія эпидемій вообще“. Какія это мѣры, докторъ Рейтцъ не говоритъ; но вѣроятно онъ разумѣетъ здѣсь очистку улицъ и дворовъ отъ нечистотъ, такъ какъ къ этому, кажется, сводятся въ дѣйствительности мѣры, доселѣ „выработанныя наукою для прекращенія эпидемій вообще“. Въ виду

такой постановки вопроса авторомъ, мы считаемъ прямой обязанностью печати не оставлять его разсужденіе безъ провѣрки, и буде оно этой провѣрки не выдержитъ, отвергнуть его попытку столь же рѣшительнымъ образомъ, какъ она сдѣлана. Это дѣло не шуточное, не такое, въ которомъ одна оригинальность взгляда сама уже представляетъ достоинство ¹⁾; здѣсь рѣчь идетъ о сохраненіи многихъ десятковъ тысячъ жизней. Специалисты безъ сомнѣнія подвергнутъ медицинскія изслѣдованія доктора Рейтца компетентной критикѣ. Но выводы его построены главнымъ образомъ на статистикѣ, на произвольномъ выборѣ статистическихъ данныхъ, и въ этомъ смыслѣ нѣтъ необходимости быть специалистомъ, чтобы провѣрить ихъ состоятельность. Сверхъ того, самое логическое построеніе разсужденія доктора Рейтца вполнѣ подлежитъ критикѣ и не-специалистовъ. Вотъ почему и мы считаемъ себя имѣющими какъ обязанность, такъ и право просмотрѣть выводы автора въ бесѣдѣ съ нашими читателями. Для справокъ мы возьмемъ одного изъ цитируемыхъ самимъ докторомъ Рейтцомъ авторовъ, именно Куссмауля ²⁾.

Докторъ Рейтцъ объясняетъ, что сомнѣніе въ пользѣ оспопрививанія впервые возникло въ немъ во время его прикомандированія къ здѣшнему воспитательному дому. Но приводимыя имъ цифры заболѣванія тамъ дѣтей послѣ оспопрививанія относятся главнымъ образомъ къ развитію рожистыхъ процессовъ. Здѣсь представляется вопросъ, не было ли развитіе рожистыхъ заболѣваній вызываемо не привитіемъ оспы къ самимъ заболѣвшимъ въ послѣдствіи дѣтямъ, но наоборотъ слишкомъ неумѣреннымъ привитіемъ оспы съ этихъ дѣтей постороннимъ, приходящимъ въ воспитательный домъ для инокуляціи? Затѣмъ, какъ только въ госпиталѣ появляется рожа, она тотчасъ распространяется и независимо отъ всякаго оспопрививанія. Этимъ вопросомъ авторъ вовсе не занялся, а потому мы можемъ оставить въ сторонѣ всѣ его разсужденія о многочисленности заболѣваній рожею въ воспитательномъ домѣ *вслѣдствіе* привитія оспы. Разсужденія его по этому пункту имѣютъ собственно только ту цѣну, что указываютъ именно на необходимость болѣе точнаго составленія отчетовъ по воспитательному дому. Что же касается до

¹⁾ Ниже мы помѣщаемъ обзоръ сочиненія Эстерлена, который доказываетъ даже, что никакія эпидеміи не заразительны, и дѣлаетъ это именно вслѣдствіе оригинальности гипотезы Эстерлена. Но одно дѣло высказывать въ теоріи оригинальную гипотезу, другое дѣло практически советовать отжигну оспопрививанія, какъ это дѣлаетъ д-ръ Рейтцъ. Самая оригинальность тѣхъ выводовъ, какіе дѣлаетъ Эстерленъ, можетъ служить полезнымъ предостереженіемъ противъ легкости, съ какою ныне относятся къ указаніямъ вѣковаго опыта.

²⁾ Kussmaul. Zwanzig Briefe über Menschenpocken und Kuhpocken-Impfung. 1870.

желанія автора бросить сомнѣніе на сравнительныя цифры доктора Бока, изъ которыхъ выходить, что съ 1864 года процентъ заболѣванія рожей въ воспитательномъ домѣ уменьшился съ 3,22% всѣхъ привитыхъ до 1,8%, то мы въ этомъ отношеніи можемъ только сказать, что въ Петербургѣ довольно извѣстенъ тотъ общій фактъ, что съ 1867 года оспопрививаніе въ этомъ учрежденіи производится лучше, причемъ мы говоримъ не о питомцахъ, а о проходящихъ. Затѣмъ авторъ переходитъ къ перенесенію сифилитическаго яда одновременно съ оспопрививаніемъ. Но здѣсь нѣтъ ничего новаго. Что случаи такого перенесенія бывали, теперь никѣмъ не отвергается; но если, какъ принимаетъ Куссмаулъ, на нѣсколько милліоновъ оспопрививаній приходится 1 констатированный случай одновременнаго перенесенія сифилиса, то такой ничтожный размѣръ опасности нисколько не подрываетъ довѣрія къ оспопрививанію, которое къ тому же можетъ быть производимо и прямо съ животнаго, причемъ исчезаетъ и всякая возможность сифилитическаго зараженія.

Перехода къ существу дѣла, докторъ Рейтцъ доказываетъ статистикою, что несмотря на распространеніе оспопрививанія, оспенныя эпидеміи продолжали и продолжаютъ являться въ Европѣ. Это несомнѣнно, какъ несомнѣнно и то, что доселѣ въ Европѣ остается множество людей вовсе невакцинованныхъ, неуспѣшно вакцинованныхъ и наконецъ такихъ, у которыхъ вакцина уже утратила свое дѣйствіе и требуетъ повторенія этого предохранительнаго средства. Но курьёзно то, что нашъ авторъ приводитъ противъ пользы вакцинаціи множество такихъ цифръ, которыя показываютъ, что въ разныхъ странахъ въ числѣ больныхъ оспою большинство оказывалось вакцинованныхъ, а невакцинованныхъ только меньшинство. Напримѣръ, въ лондонскомъ оспенномъ госпиталѣ изъ 5795 больныхъ оспою за 16 лѣтъ 3084, т.-е. 53% было вакцинованныхъ; въ берлинскомъ оспенномъ лазаретѣ за 13 мѣсяцевъ (1863—1864) было 1060 больныхъ оспою, и изъ нихъ привитыхъ 1020, т.-е. 96,2%, а невакцинованныхъ всего 36, т.-е. только 3,3%. Но вѣдь подобныя цифры, въ томъ смыслѣ, какъ ихъ принимаетъ авторъ, доказывали бы *иногда болѣе*, чѣмъ онъ желаетъ самъ доказать: онѣ доказывали бы, что вакцинація предрасполагаетъ къ зараженію натуральной оспой, а отсутствіе привитія — предохраняетъ отъ зараженія! Въ дѣйствительности означенныя цифры обнаруживаютъ собою только два совсѣмъ иные факта: во-первыхъ, что вакцинованные составляли огромное большинство населенія, во-вторыхъ, что вакцина, однажды принятая не всѣ организмы навсегда предохраняетъ отъ оспы; а оба эти факта извѣстны. Еще нагляднѣе это доказывается слѣдующими цифрами, которыя авторъ также приводитъ противъ пользы оспо-

прививанія: въ мюнхенскую оспенную больницу въ 1871 г. поступило 627 больныхъ, и изъ нихъ только 2 невакцинованныхъ. Ясно, что это зависѣло просто оттого, что въ Баваріи оспопрививаніе обязательно для всѣхъ подъ значительными штрафами, такъ что все населеніе вакциновано. Если же понимать эти цифры въ иномъ смыслѣ, то изъ нихъ слѣдуетъ выводить мысль, что въ 99,7 случаевъ на 100 привитіе коровьей оспы было причиною зараженія натуральной оспою, что и докторъ Рейтцъ найдетъ вѣроятно „слишкомъ сильнымъ“ для поддержанія своихъ тезисовъ. Впрочемъ, авторъ самъ далѣе объясняетъ, что заболѣванія привитыхъ въ нѣкоторыхъ странахъ встрѣчаются рѣже, чѣмъ заболѣванія непривитыхъ, потому что привитые составляютъ большинство населенія. Непонятно, для чего въ такомъ случаѣ онъ приводитъ массу цифръ, ничего не доказывающихъ, и какъ послѣ собственнаго объясненія, которое мы только-что привели, онъ все-таки доказываетъ этими цифрами, что привитіе не предохраняетъ отъ натуральной оспы? Что вакцина, привитая однажды, не всѣхъ предохраняетъ навсегда — это достаточно извѣстно. Но этимъ никакъ нельзя доказывать бесполезности прививанія оспы вообще.

„У дѣтей, которымъ короткое время тому назадъ была съ успѣхомъ привита коровья оспа,—говоритъ докторъ Рейтцъ,—не можетъ быть и рѣчи объ исчезновеніи предохраняющей силы вакцины“, и затѣмъ приводитъ таблицу елисаветинской дѣтской больницы для приходящихъ, съ 9 марта 1870 по 1 января 1873 года, изъ которой слѣдуетъ, что изъ 8326 вакцинованныхъ дѣтей заболѣло оспою 133, т.-е. 1,59%, а изъ 10.460 невакцинованныхъ дѣтей заболѣло оспою 215, т.-е. 2,05%, стало быть, разница между процентомъ заболѣванія оспою дѣтей вакцинованныхъ и невакцинованныхъ незначительна. Но при этомъ спрашивается еще, какимъ образомъ докторъ Рейтцъ удостовѣрлся, что у тѣхъ дѣтей, которыхъ онъ зачислилъ вакцинованными, оспа была привита въ самомъ дѣлѣ и притомъ успѣшно? Вѣдь онъ имѣлъ дѣло съ дѣтьми, приносимыми въ больницу вслѣдствіе всевозможныхъ болѣзней; если онъ только *спрашивалъ* у принесшихъ, привита ли ребенку оспа, и удовлетворялся отвѣтомъ, что привита и принялась, то его цифры значать пемного. Наблюденія главнаго врача больницы въ самой этой больницѣ имѣютъ особенную цѣну, поэтому надъ таблицею д-ра Рейтца изъ управляемой имъ больницы мы остановимся долѣе, чѣмъ на приводимыхъ другихъ статистическихъ цифрахъ, иногда весьма разнородныхъ. Таблица д-ра Рейтца, какъ заявляетъ онъ самъ, показываетъ еще, „что число дѣтей, которымъ привита оспа до годового возраста, незначительно“, но сверхъ того, „изъ этой же таблицы видно,

что процентъ заболѣванія оспою *больше* у вакцинованныхъ (всѣхъ вакцинованныхъ этого возраста 877; изъ нихъ одержимыхъ оспою 19, т.-е. 2,1%), чѣмъ у невакцинованныхъ дѣтей (всѣхъ невакцинованныхъ 5871, изъ нихъ одержимыхъ оспою 89, т.-е. 1,5%) моложе одного года; то-есть, заключаетъ докторъ Рейтцъ, % заболѣванія больше у дѣтей такого возраста, въ которомъ предохраняющая сила вакцины должна быть всего *сильнѣе*. Чѣмъ меньше возрастъ вакцинованнаго ребенка, тѣмъ сила вакцины, во время наблюденія, должна быть больше—это совершенно вѣрно. Но это же доказываетъ, что таблица доктора Рейтца составлена на основаніи невѣрныхъ наблюденій. Въ самомъ дѣлѣ, если мы вычислимъ процентъ заболѣваній на основаніи таблицы для разныхъ возрастовъ ¹⁾, то обнаружится изъ цифръ нашего же автора, что предохранительная сила вакцины оказывается больше, не чѣмъ *моложе*, но чѣмъ *старше* наблюдаемый ребенокъ. Отношеніе между процентомъ подвергшихся оспѣ вакцинованныхъ и невакцинованныхъ, которое до года выражается цифрами 2% и 1,5%, на второмъ году уже опредѣляется какъ 0,9 къ 1,9% и затѣмъ еще уменьшается. Начиная съ 6-ти лѣтъ, это отношеніе выражается какъ 2% къ 4%. Стало быть изъ собственныхъ цифръ доктора Рейтца выходитъ, что со второго года и въ послѣдующіе возрасты предохранительная сила вакцины, по меньшей мѣрѣ, такова, что вакцинованныхъ заболѣваетъ *вдвое* менѣе, чѣмъ невакцинованныхъ, и это уже нельзя называть разницею *незначительною*. Но это еще не все; сдѣланное нами сравненіе показываетъ еще, что по таблицѣ автора выходитъ, будто предохраненіе тѣмъ *сильнѣе*, чѣмъ *старше* наблюдаемый вакцинованный ребенокъ. А это противорѣчитъ и общему убѣжденію, и здравому смыслу, и словамъ самого доктора Рейтца. Наконецъ, если допустить, что вакцина будетъ дѣйствовать *сильнѣе*, чѣмъ больше лѣтъ пройдетъ со времени ея привитія, тогда незачѣмъ было и придавать особое значеніе наблюденіямъ надъ дѣйствіемъ предохраненія именно въ дѣтскомъ возрастѣ. Какъ же объяснить тотъ фактъ, что таблица, составленная докторомъ Рейтцомъ, противорѣчитъ его же словамъ? Нѣтъ иного исхода, какъ допустить, что она составлена на основаніи невѣрныхъ наблюденій. Авторъ самъ замѣтилъ, что число дѣтей, ко-

1)	Вакцин:	Оспа	%	Невакц:	Оспа	%
До года	877	19	2,1%	5871	89	1,5
1—1½	1035	14	1,3	1666	28	1,8
1½—2	1029	10	0,9	1669	21	1,9
2 — 3	1463	17	1,1	940	29	3,0
3 — 6	1839	29	1,5	639	37	5,7
6 и старше	2033	44	2,0	275	11	4,0

торымъ привита оспа до годового возраста, незначительно. Но намъ, кажется, нужно пойти далѣе и сказать, что оно—ничтожно. Извѣстно, что въ простомъ народѣ если прививаютъ оспу, то поздно и обыкновенно именно около 2 лѣтъ. Если мы вовсе отбросимъ числа таблицы до этого возраста, то и увидимъ, что далѣе она будетъ согласна съ тѣмъ, чего ожидаетъ самъ докторъ Рейтцъ: дѣйствіе вакцины будетъ всего сильнѣе именно въ первую пору послѣ ея привітія и начнетъ нѣсколько ослабѣвать не ранѣе, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Отношеніе заболѣвшихъ вакцинованныхъ и невакцинованныхъ будетъ сперва 1,1% въ 3% и 1,5% къ 5,7% (въ три раза менѣе) и уже въ послѣдствіи, въ болѣе старшемъ возрастѣ нѣсколько увеличится, но все же (въдвое менѣе) незначительнымъ не будетъ.

Ошибка эта, вѣроятно, произошла оттого, что д-ръ Рейтцъ дѣлалъ свою таблицу просто по спросу: была ли привита оспа, причемъ относительно многихъ дѣтей отвѣты давались невѣрные. А такъ какъ въ простомъ народѣ менѣе всего прививаютъ оспу именно въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, то отсюда и вышло, что ошибка всего сильнѣе сказалась по отношенію къ дѣтямъ до 1½-годового возраста.

Что сказать о такихъ произвольныхъ сопоставленіяхъ, какія дѣлаетъ авторъ, выхватывая изъ сочиненія одного защитника оспопрививанія цифры, посредствомъ которыхъ онъ доказываетъ, что до введенія оспопрививанія въ избранные имъ, каждый отдѣльно, годы прошлаго столѣтія въ Штутгартѣ умерло отъ оспы 17 чел., между тѣмъ какъ въ такое же число, опять отдѣльно выбранныхъ, 60-хъ годахъ нынѣшняго вѣка умерло 310. Это уже совсѣмъ не серьезныя приемы. Да и вообще, сопоставленіе числа смертныхъ случаевъ даже за правильный рядъ лѣтъ въ прошломъ столѣтіи съ тѣмъ же числомъ въ такой же рядъ лѣтъ нынѣшняго столѣтія ровно ничего не доказываетъ. Пусть д-ръ Рейтцъ забавляется выпискою такихъ свѣдѣній, что съ 1763 по 1768 годъ въ Берлинѣ отъ оспы умерло 800 чел., а съ 1863 по 1868 — 1332 чел., но пусть онъ не ожидаетъ, что такими странными сопоставленіями онъ можетъ убѣдить какое-либо правительство въ бесполезности оспопрививанія. Справился ли авторъ, какое число жителей имѣлъ Берлинъ въ 1768 и какое въ 1868 году? Между тѣмъ въ англійской „синей книгѣ“, представленной парламенту въ 1857 году, и на основаніи которой въ Англіи введено было обязательное оспопрививаніе, приведенъ былъ расчетъ для многихъ странъ Европы, сдѣланный по отношенію числа смертныхъ случаевъ отъ оспы на миллионъ населенія, до и послѣ введенія прививанія. Изъ него оказывается (Куссмаулъ), что

именно въ Берлинѣ смертность отъ оспы, послѣ введенія прививанія, составляла всего $\frac{1}{20}$ числа той смертности, какая была до введенія въ Швецію $\frac{1}{12}$, въ Копенгагенѣ $\frac{1}{11}$, въ Вестфалии $\frac{1}{20}$; такимъ образомъ въ Вестфалии послѣ примѣненія Дженнера открытія умираю отъ оспы только 4 человѣка вмѣсто 100 умиравшихъ прежде. Еще характеристичнѣе графическое изображеніе (въ той же „синей книгѣ“) возрастанія эпидеміи въ Швецію до и послѣ введенія вакцины: до введенія ея, эпидемія, въ теченіе 28-ми лѣтъ, поднималась 10 разъ выше 2000 смертныхъ случаевъ на миллионъ населенія, 5 разъ выше 3000 смертей на миллионъ, 3 раза выше 5000 на миллионъ, 1 разъ даже 7000 на миллионъ населенія (7 человѣкъ умерло отъ оспы въ теченіе года изъ каждой 1000 душъ всего населенія!)

Можно ли сопоставить съ этими страшными, памятными доселѣ еще и по народнымъ преданіямъ, эпидеміями, тотъ размѣръ, въ какомъ оспа проявляется нынѣ? Та же таблица показываетъ, что со времени введенія прививанія, въ теченіи 40-ка лѣтъ въ Швецію смертность отъ оспы только однажды дошла до 1000 на миллионъ и однажды до 700 на миллионъ, а въ нѣкоторые годы была равна нулю, такъ какъ оспопрививаніе въ Швецію обязательно.

Въ виду такихъ подавляющихъ свидѣтельствъ, оригинальныя статистическія выкладки д-ра Рейтца не имѣютъ никакого значенія, и изъ всего его разсужденія остаются или ошибки, или возраженія, въ родѣ того, что предохранительнаго дѣйствія вакцинаціи нельзя доказать физиологически. Но, вѣдь, нельзя показать физиологически и того, какъ дѣйствуетъ хининъ для излеченія лихорадки; несомнѣнно только, что онъ лечитъ большую часть случаевъ лихорадки; то же самое должно сказать и объ оспопрививаніи.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое іюля, 1873.

Занятіе Хивы.—Персидская концессія.—Французскія дѣла.—Циркуляръ о печати.—Германскій законопроектъ о печати.—Замѣтка для газеты «Голось».

Занятіе Хивы ¹⁾, послѣдовавшее 29-го мая, представляетъ такой подвигъ, которымъ справедливо можетъ гордиться наша армія. Генералъ Кауфманъ говоритъ въ своемъ приказѣ, что войска „мужественно и честно одолѣли неимоверныя трудности, поставляемыя природой на тысячеверстныхъ пространствахъ“ и сообщаетъ, что на другой день по вступленіи нашихъ войскъ въ столицу хивинскаго ханства, а именно „30-го мая, въ годовщину рожденія императора Петра Великаго, въ войскахъ отслужено молебствіе за здравіе Государа Императора и панихида за упокой Петра I-го и подвижниковъ, убіенныхъ въ войнѣ съ Хивой“. Изъ того же приказа видно, что хивинскій ханъ скрывается нынѣ среди іомутовъ, неизвѣстно въ какой именно мѣстности.

Извѣстный писатель-путешественникъ Германъ Вамбери, неблагоприятный къ Россіи вообще, принужденъ былъ, однако, отдать справедливость необычайному подвигу нашихъ солдатъ и ставить успѣшный переходъ ихъ въ Хиву выше знаменитыхъ походовъ Аннибала и Наполеона черезъ Альпы. И эту-то армію, этихъ-то солдатъ, которые, по словамъ другого приказа генерала Кауфмана, среди лишеній отъ недостатка воды, глубины раскаленного песка и подъ 40-градуснымъ жаромъ „шли какъ на ученьи,—нельзя было налюбоваться этимъ внушительнымъ маршемъ“—этихъ-то солдатъ обвиняли у насъ нѣкоторые въ томъ, что среди ихъ будто-бы ослабѣла дисциплина! Успѣхъ этого, почти неимовернаго, похода прежде всего

¹⁾ Официально объявлено уже послѣ корректурнаго исправленія нашего «Внутренняго Обозрѣнія».

есть блистательное доказательство дисциплины русской арміи и той нравственной энергіи, которая и мыслима только тогда, когда дисциплина поддерживается средствами, не унижающими въ глазахъ солдата личное его достоинство. Для успѣшности такого похода, необходима была, конечно, и заботливая распорядительность начальниковъ; но, отдавая ей полную справедливость, мы не можемъ, однако, не поставить на первомъ планѣ, въ такомъ дѣлѣ, именно высокую нравственную энергію, какую способенъ выказать русскій народъ подъ ружьемъ, какъ и въ иныхъ случаяхъ, когда обращаются къ его собственному сознанию и не грозятъ ему унижительной карой, но призываютъ именно къ нравственной силѣ его, къ его „крѣпкому сердцу“.

Послѣ тѣхъ усилій и пожертвованій, какихъ стоилъ намъ этотъ походъ, слишкомъ ясно, что Россія должна извлечь изъ него всю ту выгоду, какую онъ только можетъ обѣщать ей. Будетъ ли обращена Хива въ русскую область или нѣтъ, во всякомъ случаѣ подчиненность ея и безвредность ея въ будущемъ должны быть обезпечены — въ этомъ отношеніи едва-ли возможно какое-либо разногласіе. Однимъ изъ основныхъ условій нашихъ послѣднихъ переговоровъ съ Англіею было, какъ извѣстно, молчаливое, но безспорное признаніе со стороны Англіи права Россіи дѣйствовать исключительно въ виду однихъ ея интересовъ въ предѣлахъ извѣстнаго пояса, къ которому относятся всѣ хивинскія владѣнія. Впрочемъ, англичане, еслибы даже полное удержаніе нами Хивы было для нихъ „сюрпризомъ“, едва-ли имѣли бы право удивляться этому сюрпризу послѣ того, какъ ближайшій сосѣдъ Хивы и Россіи — шахъ, былъ склоненъ англійскими капиталистами къ такой неожиданной и небывалой доселѣ въ исторіи комбинаціи, какъ полное предоставленіе, въ ихъ руки въ Персіи постройки желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, разработки рудниковъ, лѣсного хозяйства, даже таможенныхъ сборовъ, такъ что—по замѣчанію нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ—остается только, чтобы шахъ прямо назначилъ себѣ „вице-шахомъ“ кобургскаго барона, лондонскаго капиталиста Рейтера съ компаніею.

Коалиція партій, смѣнившая правленіе Тьера, держится до сихъ поръ довольно крѣпко, хотя и были уже слухи объ увольненіи трехъ членовъ новаго кабинета: Бѣле, Эрнѣ и Батбі, слухи, которые однако не оправдались. Коалиція даже одержала новыя побѣды въ собраніи, по поводу двухъ новыхъ, неизбежныхъ incidents. Эти два incidents—циркуляръ, сочиненный помощникомъ министра внутреннихъ дѣлъ Паскалемъ о намѣреніяхъ правительства по отношенію къ печати и преданіе суду вновь избраннаго въ депутаты, бывшаго члена парижской коммуны Ранка,—и сосредоточили на себѣ главнымъ образомъ

исторію Франціи за мѣсяць. Къ нимъ прибавился еще третій incident—распоряженіе новаго лійонскаго префекта Дюкрэ насчетъ тѣхъ похоронъ, которыя обходятся безъ участія духовенства. Извѣстно, что коалиція выдаетъ себя за новую „спасительницу порядка“ во Франціи; извѣстно также, что и въ Франціи есть такіе консерваторы, которые съ немалымъ удовольствіемъ увидѣли ниспроверженіе „подчинявшагося радикаламъ Тьера“ и установленіе во Франціи консервативнаго, „солиднаго“ правительства. Но если судить о характерѣ этого правительства по первымъ его дѣйствіямъ, то нельзя не признать, что ему присущи въ гораздо меньшей мѣрѣ, чѣмъ Тьеру, тѣ именно качества, которыя консерваторами считаются исключительно ихъ принадлежностью: серьезность, солидность, отсутствіе увлеченій. Во имя такихъ качествъ, будто бы специально имъ принадлежащихъ, консерваторы обыкновенно и рекомендуютъ себя народамъ въ правители, не безъ основанія доказывая, что эти качества правителямъ имѣть необходимо, если народы желаютъ мира и порядка. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ оказывается, что консервативное правительство, „спасающее Францію“, далеко уступаетъ въ этихъ именно качествахъ либеральному правительству Тьера, которое, по недавнему заявленію газеты „Assemblée Nationale“, офиціознаго органа новаго президента республики, неминуемо привело бы страну въ гибельному кризису. Доказательствомъ тому—тѣ самые три incidents, на которыхъ сосредоточился интересъ французскихъ дѣлъ за послѣднее время. Трудно найти что-нибудь менѣе солидное и серьезное и болѣе похожее на ребяческое увлеченіе по поводу мелочей, чѣмъ тѣ дѣйствія новаго правительства Франціи, которыя обнаружались въ этихъ incidents. Правда, и въ правленіе Тьера разные „необыкновенные случаи“, такъ-сказать „пассажи“ были нерѣдки. Но различіе въ томъ,—и различіе огромное,—что не правительство Тьера ихъ вызывало, а наоборотъ, правительство видѣло въ нихъ затрудненія для себя и всегда старалось очистить отъ нихъ свой путь, дѣйствуя притомъ съ безспорнымъ безпристрастіемъ и замѣчательнымъ тактомъ. Нынѣшнее же, консервативное правительство пока исключительно и занималось именно только созданіемъ такихъ затрудненій, занималось чистѣйшими пустяками, возбуждало совершенно понапрасну неудовольствія и не поддерживало порядокъ, но донкихотствовалъ во имя какого-то порядка, заключающагося въ томъ, чтобы растравлять раны больной страны, раскапывать забытое и раздражать всѣхъ сколько-нибудь безпристрастныхъ людей.

Если бы выбрать посредствомъ жребія по одному присяжному изъ всѣхъ народовъ Европы и предложить имъ на обсужденіе циркуляръ Паскаля о печати, возбужденіе преслѣдованія противъ Ранда и рас-

пораженіе ліонскаго префекта насчетъ похоронъ, принятое правительствомъ подъ защиту, то — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія — присяжные признали бы, что циркуляръ Паскаля былъ некрасивой попыткой, которая не могла имѣть иного послѣдствія, какъ только уронить министерство въ глазахъ Франціи и Европы, — позднее преслѣдованіе Ранка, который добровольно вышелъ изъ коммуны, — предпріятіе ни къ чему ненужное, въ которомъ только сказывается чувство мелкой мести, а запрещеніе хоронить послѣ семи часовъ утра безъ участія духовенства — бесполезная выходка мелкаго произвола. Развѣ такими мѣрами „спасаютъ“ страну? Въмѣсто того, чтобы запретить всѣ оппозиціонныя газеты — пишется офиціальная бумага о подкупѣ ихъ; вмѣсто того, чтобы предать суду Тьера и Гамбетту — колютъ ихъ преслѣдованіемъ Ранка; вмѣсто того, чтобы пойти на Римъ и возстановить папу — указываютъ часы для „цивическихъ“ похоронъ въ Ліонѣ! Это значить вмѣстѣ и обнаруживать свои желанія, и представлять въ каррикатурахъ невозможность самаго приступа къ ихъ исполненію.

По всѣмъ этимъ тремъ случаямъ состоялись постановленія собранія, благопріятныя правительству; численное превосходство осталось на его сторонѣ, а потому и должно признать, что коалиція торжествовала новыя побѣды. Но каждая изъ этихъ побѣдъ стоила въ дѣйствительности правительству доли уваженія, на какое оно имѣло право рассчитывать со стороны людей безпристрастныхъ и хладнокровныхъ, которымъ пустяки всегда противны, а особенно такіе пустяки, въ которыхъ сказывается злоба, безсильная и скрыть себя, и удовлетворить себя дѣйствительнымъ ударомъ противнику.

Легитимисты и клерикалы, участвующіе въ коалиціи 24-го мая, до сихъ поръ должны были удовольствоваться исчисленными мелочами. Существеннѣйшіе же результаты коалиціи пока оказались въ пользу однихъ бонапартистовъ. Таковы: назначеніе генерала Ламиро, губернатора Парижа, главнокомандующимъ версальскою арміею, удаленіе генерала Шанзи на постъ временно-командующаго въ Алжиріи и позволеніе принцу Наполеону пріѣхать въ Парижъ, позволеніе, которымъ онъ тотчасъ воспользовался. Удаленіе генерала Шанзи и самое принятіе имъ этого почетнаго изгнанія есть симптомъ весьма неутѣшительный. Это нѣсколько напоминаетъ практику временъ упадка римской республики, а еще болѣе новѣйшую испанскую практику.

Циркуляръ помощника министра внутреннихъ дѣлъ о печати былъ разосланъ префектамъ „весьма конфиденціально“, но прочтенъ въ собраніи Гамбеттою, который внесъ и обставилъ его эффектно, съ необыкновенной ловкостью. Послѣ запроса Лепера, по поводу за-

прещенія республиканской газеты „Coursaire“, въ засѣданіи 10 іюня Гамбетта сказалъ, что правительство не только подвергаетъ печать нѣкоторому явному террору—такъ какъ, по словамъ французскаго оратора, таковъ смыслъ запрещенія изданія—однимъ словомъ, безъ вызова редактора къ суду,—но еще затѣваетъ противъ печати тайные происки. Правая сторона насмѣшливо отрицала это положеніе. „Не торопитесь, господа!—сказалъ ораторъ,—иначе вы будете сожалѣть о вашей поспѣшности.“ —Знаемъ мы эти уловки!—возражали съ правой.—„А если знаете—продолжалъ Гамбетта,—то позвольте же мнѣ познакомить съ ними и все собраніе“. —Очень желательно,—замѣтилъ голосъ съ правой стороны, не подозревавшій, что у Гамбетты въ карманѣ.—„Желаніе ваше будетъ исполнено“ сказалъ ораторъ, и затѣмъ прочелъ слѣдующій курьёзный документъ: „*Мин. вн. дѣлъ, помощникъ статъ-секретаря.* Доставьте мнѣ неотлагательно докладъ о печати въ вашемъ департаментѣ. Настало время возстановить правительственное на нее вліяніе, которое было разрушено аффектаціею нейтральности. Укажите мнѣ газеты консервативныя и тѣ, которыя способны сдѣлаться таковыми (*susceptibles de le devenir*), какого бы оттѣнка онѣ ни держались; сообщите мнѣ, каково ихъ финансовое положеніе, и во что онѣ могли бы оцѣнить (*le prix qu'ils rougiraient attacher*) благосклонное содѣйствіе правительства, имена ихъ главныхъ редакторовъ, прежній образъ ихъ мыслей и ихъ личную исторію (*antécédents*). Если можете переговорить съ ними, узнайте, приняли ли бы они корреспонденцію и какой смыслъ она должна бы имѣть по ихъ желаніямъ? Мы устроимъ бюллетень телеграфическихъ и рукописныхъ извѣстій, которыя будутъ регулярно доставляемы вамъ, и которыя вы можете сообщать сообразно со степенью довѣрія, какую вамъ будетъ внушать та или другая газета. Съ этой цѣлью, вы хорошо бы сдѣлали, образовавъ при вашей канцеляріи отдѣленіе по дѣламъ печати, только не изъ туземныхъ чиновниковъ. Сообщите мнѣ ваше мнѣніе по всѣмъ этимъ пунктамъ. Полагаюсь на вашъ тактъ. Нѣтъ вопроса болѣе деликатнаго, требующаго болѣе осторожности и ловкости. Умножайте вокругъ себя ваши сношенія и будьте какъ можно доступнѣе для представителей печати“. Это разоблаченіе произвело весьма сильное впечатлѣніе во всемъ французскомъ обществѣ. Правда, министръ внутреннихъ дѣлъ Белье пытался оправдаться; онъ отрицалъ главнымъ образомъ мысль о подкупѣ, доказывалъ, что „не могло быть и рѣчи о производствѣ субсидій шестистамъ газетамъ“. Но этотъ „численный“ аргументъ не убѣдилъ никого, и чтобы охарактеризовать впечатлѣніе, произведенное на французское общество документомъ, который огласилъ Гамбетта, лучше всего привести нѣсколько словъ весьма умѣренной и консер-

вѣтивно-либеральной газеты *Journal des Débats*: „*Habemus confitentem gentem! L'ordre moral a parlé! Nous le tenons* ¹⁾“. Теперь мы знаемъ, что такое значить нравственный порядокъ. Это значить управлять исходя изъ того принципа, что всѣ могущіе имѣть вліяніе на мѣстныя своихъ согражданъ — продажны, что продажно во Франціи каждое перо, и что требуется только узнать его цѣну. Правда, министръ внутреннихъ дѣлъ назвалъ это не подкупомъ, а *субсидією*. Хорошо различіе! Ему позавидовалъ бы Паскаль въ своемъ изображеніи иезуитовъ ²⁾. Что касается Макиавеля, то ему, можетъ быть, понравились бы мысли циркуляра, но онъ навѣрное назвалъ бы этотъ документъ неловкимъ, неумѣстнымъ и надо прибавить — наивнымъ. Этотъ великій мастеръ и учитель въ искусствѣ управлять посредствомъ развращенія людей подумалъ бы, что такія вещи можно писать въ теоретическомъ руководствѣ для правителей, но что на практикѣ ихъ предпочтительно передавать устно, а еще проще дѣлать ихъ, не говоря о нихъ вовсе“. Это въ сущности та же мысль, которую мы высказали выше, говоря о промахахъ правительства коалиціи: сдѣлать что-нибудь серьезное крайне хотѣлось бы, но не рѣшаются, а говорить—говорять. Кажется, къ чему бы тутъ всѣ эти подступы и коловращенія: запретить десятокъ газетъ, другой, третій и такъ далѣе, предвѣщая ихъ о томъ или не предвѣщая, какъ будетъ лучше по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Тогда, по крайней мѣрѣ, если бы и говорили *l'ordre moral a parlé*, то прибавляли бы—*il nous tient*, а не—*nous le tenons*. Но видно, во Франціи не такъ-то легко рѣшиться на средство самое простое, хотя и по-французски говорится нѣчто въ родѣ того, что смѣлость города беретъ. Человѣкъ, стоящій нынѣ во главѣ французскаго правительства, именно простою смѣlostью и бралъ города и сдавалъ ихъ; онъ взялъ Малаховъ Курганъ и выручилъ армию при Маджентѣ, онъ смѣло шелъ къ Седану, на вѣрную гибель; а тутъ, по отношенію къ печати идетъ изворотами, между тѣмъ какъ прямой путь не можетъ не быть для него очевиденъ. И если взглянуть на дѣло не съ мѣстной точки зрѣнія, — которая разумѣется одна и объясняетъ робкіе подходы французскаго министерства, — то можно пожалуй и удивиться, изъ-за чего французы такой гвалтъ поднимали по поводу весьма вѣжливаго циркуляра префектамъ. Начальство выражаетъ мысль, что ему слѣдуетъ быть какъ можно доступнѣе для представителей печати, убѣжденіе,

¹⁾ Виновникъ сознался. Система возстановленія нравственнаго порядка сказала свое слово; она у насъ въ рукахъ.

²⁾ Ссылка на Паскаля, автора *Provinciales*, сдѣлана съ цѣлью назвать обвиняемаго Паскаля—автора циркуляра.

что вся печать состоитъ изъ благоразумныхъ людей, которые если еще не сдѣлались консерваторами, то способны ими сдѣлаться, высказываетъ даже желаніе оказывать печати „содѣйствіе“,—а неугомонные французы отмѣчаютъ на это злобными насмѣшками.

Но о дѣлахъ иностранныхъ слѣдуетъ всегда судить именно съ мѣстной точки зрѣнія. Такъ, одна наша газета—„Голосъ“, недавно разбирая проектъ новаго закона о печати, представленнаго германскимъ правительствомъ рейхстагу, весьма справедливо стала въ такомъ дѣлѣ на мѣстную, то-есть нѣмецкую, точку зрѣнія. Если-бы мы прочли статью „Голоса“ въ нѣмецкомъ переводѣ, то намъ не могла бы придти и мысль, что такой приговоръ надъ германскимъ законопроектомъ о печати могъ быть произнесенъ гдѣ-либо кромѣ самой Германіи или, по меньшей мѣрѣ, въ условіяхъ сходныхъ съ германскими.

Дѣйствительно, германскія газеты сильно порицаютъ прусскій проектъ и имѣютъ, конечно, достаточное основаніе порицать его, потому что онѣ ожидали значительнаго шага впередъ сравнительно съ закономъ, доселѣ дѣйствующимъ въ Пруссіи, а между тѣмъ нынѣшній проектъ есть скорѣе шагъ назадъ, не только потому, что нѣкоторыя статьи его изложены еще менѣе либерально, чѣмъ въ существующемъ прусскомъ законѣ, но въ особенности потому, что предположенъ онъ ко введенію въ дѣйствіе во всей Германіи, между тѣмъ, какъ въ южныхъ государствахъ ея дѣйствуютъ теперь законы о печати несравненно либеральнѣе и нынѣшняго прусскаго закона 12-го мая 1851 г. Проектъ отмѣняетъ залоги и штемпельный сборъ; но отмѣна ихъ и представляетъ единственную сколько-нибудь существенную уступку. Онъ не отмѣняетъ обязанности представленія нумера каждаго изданія въ полицію и права полиціи задерживать выпускъ нумера. Но два важные параграфа закона, предположеннаго для всей Германіи, составлены такъ, что они значительно увеличиваютъ существующія нынѣ въ Пруссіи стѣсненія печати. Одинъ изъ этихъ параграфовъ ставитъ редакціямъ въ обязанность помѣщать поправки (Berichtigungen) въ объемѣ до двойного числа строкъ въ сравненіи съ статью, къ которой поправка относится, между тѣмъ какъ доселѣ размѣръ поправки, обязательный для помѣщенія ея, былъ равенъ статьѣ, вызвавшей поправку. Другой параграфъ замѣняетъ существующій и нынѣ въ прусскомъ законѣ пунктъ о „возбужденіи ненависти и презрѣнія“ (der Hass-und Verachtungs-paragraph, какъ его прозвали въ нѣмецкой печати) наложеніемъ еще болѣе растяжимымъ, въ дѣйствительности столь растяжимымъ, что подъ него можно будетъ, при желаніи суда (nota bene), подвести всякую статью политическаго или философскаго характера. Такъ какъ этотъ параграфъ

(двадцатый) проекта особенно возбудилъ противъ себя всю нѣмецкую печать, не исключая даже и феодальной „Крестовой“ газеты, то мы приведемъ его текстъ: „Кто въ печатномъ сочиненіи будетъ нападать (*angreift*) на семейство, собственность, всеобщую воинскую повинность или инныя основы государственнаго порядка, такимъ способомъ, который подкапываетъ нравственность, сознание законности или любовь къ отечеству, или станетъ представлять дѣйствія наказуемыя закономъ въ видѣ достойныхъ подражанія, составляющихъ заслугу или долгъ; равнымъ образомъ кто будетъ разсматривать общественныя гражданскія отношенія въ смыслѣ угрожающемъ опасностью общественному миру—наказывается заключеніемъ въ тюрьму или въ крѣпость срокомъ до двухъ лѣтъ“. Нѣтъ сомнѣнія, что подобная редакція прежняго параграфа о „возбужденіи ненависти и презрѣнія“ къ властямъ оставляетъ широкій просторъ суду.

Сверхъ этихъ двухъ параграфовъ особенное неудовольствіе высказывается нѣмецкою печатью еще и по поводу удержанія въ проектѣ, существующаго въ нынѣшнемъ прусскомъ законѣ, права полиціи задерживать нумера періодическихъ изданій, до судебного рѣшенія вопроса о нихъ. Проектъ вводитъ здѣсь малозначущія, впрочемъ, облегченія въ видѣ сокращенія срока, отъѣзды права прокурора переносить дѣла о задержкѣ въ высшую инстанцію, но самое право полиціи оставляетъ неприкосновеннымъ. Естественно, что германскія газеты весьма недовольны такимъ проектомъ и, понятно, съ какой именно точки зрѣнія онѣ его осуждаютъ: общество ожидало шага впередъ, а ему предлагаютъ шагъ назадъ; остальная Германія желала бы идти подъ предводительствомъ Пруссіи къ улучшеніямъ въ своемъ бытѣ, а не ухудшать условій своего быта съ тѣмъ, чтобы приблизиться къ отсталымъ порядкамъ, существующимъ въ Пруссіи. Главный недостатокъ — ошибка политическая — новаго проекта въ глазахъ германскихъ газетъ заключается не столько въ томъ, что въ этомъ проектѣ прусскій законъ о печати является еще въ нѣсколько ухудшенномъ видѣ, сколько именно въ томъ, что прусское правительство выступило передъ Германіею съ предложеніемъ ей устарѣвшаго для самой Пруссіи закона. Намъ, стоящимъ въ сторонѣ отъ дѣла, нельзя не замѣтить впрочемъ, что проектъ, включая въ себя всѣ недостатки прусскаго закона и даже нѣсколько ихъ увеличивая, въ то же время сохраняетъ и то, что намъ представляется достоинствами прусскаго закона 1851 года. Законъ этотъ не имѣетъ ничего общаго съ изобрѣтенными второй французской имперіею административными мѣрами: предостереженіями, приостановленіями, запрещеніемъ административной власти, лишеніемъ права продажи на улицахъ и т. п. Въ руки администра-

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

12 (24) іюня 1878.

Мучительное чувство возбуждаетъ во мнѣ всякій разъ, какъ я къ вамъ пишу, непрочность нашего политическаго положенія при всякихъ данныхъ условіяхъ. Чтѣ мы дѣлали два мѣсяца тому назадъ, и чтѣ ожидаетъ насъ еще черезъ два мѣсяца? Вотъ вопросъ, который никогда не приходится задавать себѣ нѣмцу, швейцарцу или англичанину, и въ этомъ отношеніи французы заодно съ испанцами пользуются печальной привилегіей—вѣчно ставить себѣ подобные вопросы. Два мѣсяца тому назадъ, мы были, если не ошибаюсь, наканунѣ избранія Бародэ, которое я предчувствовалъ, хотя при существовавшихъ обстоятельствахъ оно было чистѣйшимъ безуміемъ. Я не преувеличу, если скажу, что это избраніе, которое слѣдуетъ приписать безумію радикальной партіи, равно какъ и неисправимой стадной глупости извѣстной части парижской буржуазіи, въ третій разъ похоронило республику во Франціи. Если бы радикалы были настолько благоразумны, чтобы признать кандидатуру Ремюза, то республика, не говорю: была бы основана, но по крайней мѣрѣ временно обезпечена. Радикалы пожелали выставить своего кандидата вовсе не по тѣмъ причинамъ, на которыя они ссылались, но единственно изъ духа партіи и чтобы посчитать свои силы. Значительная часть буржуазіи, сыновья тѣхъ, которые произвели февральскую революцію, присоединились къ нимъ подъ вліяніемъ негѣпныхъ фразъ, въ родѣ „необходимости разъяснить положеніе вещей“, или въ наивной иллюзіи оказать поддержку Тьеру пораженіемъ, нанесеннымъ ему въ лицѣ его министра иностранныхъ дѣлъ, или въ еще болѣе наивной иллюзіи, что собраніе разойдется, какъ скоро Бародэ будетъ избранъ. Они проглядѣли врага, давно готовившагося воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ. Конечно, избраніе Бародэ не одно играло тутъ роль, но оно было той каплей, которая переполнила сосудъ. Страхъ доставилъ реакціи тѣхъ послѣднихъ рекрутовъ, въ которыхъ она нуждалась, чтобы изъ меньшинства стать большинствомъ.

Тьеръ, слишкомъ самоувѣренный и рассчитывавшій на заслуженную имъ благодарность, сохранилъ свои иллюзіи до конца, и былъ выведенъ изъ заблужденія только самимъ событіемъ.

То, чтѣ я давно уже писалъ вамъ, если хорошо помню, должно

было до известной степени подготовить васъ, и васъ не долженъ былъ особенно удивить ни союзъ трехъ монархическихъ партій, ни преобладаніе, выпавшее на долю бонапартистовъ въ этомъ союзѣ, которыми они обязаны, не смотря на свое численное ничтожество въ собраніи, своей ловкости и безстыдству. Но не одна ненависть къ республикѣ объединила эти три партіи: четвертый факторъ, который, не знаю, рельефно ли я изобразилъ въ своихъ предыдущихъ нискахъ, не мало повліялъ въ рѣшительную минуту на дѣйствія трехъ остальныхъ. Этотъ факторъ — клерикализмъ. Ультрамонтанамъ крайне необходимо, въ виду смертельной борьбы, которую они завязали, содѣйствіе великой державы, а такой державой въ Европѣ можетъ быть только Франція. Если реакція выказала такую рѣшимость и поспѣшность, то я не сомнѣваюсь, что плохія извѣстія о здоровьѣ Піа IX, получаемыя въ то время, играли значительную роль во всемъ этомъ. Необходимо было поскорѣе обезпечить за собой содѣйствіе французскаго правительства, на случай новыхъ папскихъ выборовъ. Въ этомъ заключалась тайна вожаконъ, и хотя не всѣ изъ лицъ, содѣйствовавшихъ паденію Тьера, были посвящены въ секретъ, но я охотно вѣрю, что маршалъ Макъ-Магонъ, не смотря на свою хваленую честность, съ самаго начала зналъ, въ чемъ дѣло. Герцогъ Омальскій, пустившій себя на голоса на предварительномъ засѣданіи, долженъ былъ бы понять, что его дурачать и что у него нѣтъ ни малѣйшихъ шансовъ на избраніе, какъ скоро сліяніе не совершилось въ смыслѣ легитимистическомъ и какъ скоро, съ другой стороны, бонапартисты, поддержка которыхъ была бы крайне необходима, не желаютъ его. Триумвиратъ, мысль о которомъ была заронена, представлялъ очевидныя неудобства. Макъ-Магонъ былъ единственнымъ возможнымъ человекомъ, который въдобавокъ удовлетворялъ требованіямъ монархическихъ партій, потому что — клерикалъ.

Слѣдуетъ говорить безъ утайки. Внезапное паденіе Тьера, которое мало кто предвидѣлъ, его немедленное замѣщеніе, рѣшительный образъ дѣйствія большинства, повышение курсовъ, ловко вызванное на биржѣ, — все это произвело громадное впечатлѣніе. Въ первыя минуты ожидали рѣшительно всего, и, по мнѣнію компетентныхъ судей, все было возможно. Монархія, или имперія — если бы побѣдоносныя партіи могли столковаться — была бы такъ же безпрекословно принята, какъ и избраніе маршала Макъ-Магона, и даже — таково отвратительное воспитаніе, данное политическими бурями современному поколѣнію — самый арестъ Тьера или мѣры проскрипціи никого бы не удивили. Радикалы, гордые накануне, упали духомъ. Съ тѣхъ поръ они думали выдать свое безсиліе за политическую мудрость, но дѣло въ томъ, что если они ничего не предприняли, то един-

ственно лишь потому, что не имѣли ни мужества, ни возможности поступить иначе. Они хлопотали лишь о собственной безопасности.

Поэтому, событіе далеко не сдержало всего того, чего отъ него ожидали, но послѣдствія его скажутся лишь въ будущемъ и уже возможно предвидѣть, каковы они будутъ. Не то, чтобы новое правительство ознаменовало себя чѣмъ-нибудь особенно блестящимъ. Оно уже претерпѣло нѣсколько неудачъ, хотя я имѣю всѣ основанія думать, что оно встрѣтило далеко не столь неблагоприятный приемъ за границей, какъ это увѣряли. Печать, правда, жестоко разбранила его, но печать не всегда выражаетъ настроеніе правительства и не всегда даже соответствуетъ общественному мнѣнію. Изъ всѣхъ иностранныхъ государственныхъ людей, всѣхъ болѣе огорчился паденіемъ Тьера и всего искреннѣе его оплакивалъ князь Бисмаркъ: во-первыхъ, въ силу личной дружбы, о которой я уже упоминалъ, во-вторыхъ, потому что онъ видѣлъ, что Тьера сдѣлалъ его самый страшный врагъ. Но германскій императоръ, который еще болѣе чѣмъ Тьеръ питаетъ слабость къ маршаламъ и который, быть можетъ, не такъ проникателенъ, какъ его канцлеръ, сразу же отнесся симпатично къ маршалу Макъ-Магону, такъ что нѣмецкій посланникъ въ Парижѣ очутился, говорятъ, въ очень щекотливомъ положеніи. Вѣскія газеты метали громъ и молніи, но при дворѣ и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ отнеслись къ дѣлу гораздо спокойнѣе и реакціонныя заявленія новаго французскаго кабинета, въ связи съ благоприятными донесеніями австрійскаго посланника Алпони, немедленно произвели хорошее дѣйствіе. Я имѣю полное основаніе думать, что затрудненія, которыми было обставлено признаніе новаго правительства, за исключеніемъ развѣ, быть можетъ, со стороны Бисмарка, было дѣломъ чистой формальности. Англичане, сердившіеся на Тьера за его торговую политику, безъ особеннаго неудовольствія отнеслись къ его паденію. Итальянское правительство, конечно, встревожилось всѣхъ сильнѣе, и я очень хорошо понимаю, что оно сблизилось съ Германіей. Но новое французское правительство поняло съ своей стороны, что настоящее положеніе дѣлъ въ Европѣ предписываетъ ему особенную сдержанность и особенную осторожность, именно въ тѣхъ вопросахъ, которые ему всего дороже. Поэтому оно поспѣшило успокоить Италію и вынуждено терпѣть у самыхъ воротъ Франціи политико-религіозную революцію, совершающуюся въ Швейцаріи. Клерикаламъ, которые руководятъ правительствомъ, приходится повременить. Но, если папа умретъ и если избранный ему преемникъ не будетъ одобренъ Италіей и Германіей, и если этотъ новый папа поселится во Франціи — чего, быть можетъ, слѣдуетъ ожидать, — то я полагаю, что положеніе дѣлъ

сдѣляется весьма критическимъ. Въ ожиданіи, правительство лавируетъ. Первые свои подвиги оно проявило во внутренней политикѣ. Тутъ оно, какъ вамъ извѣстно, выставляетъ себя ревнителемъ „нравственности“, и я не отрицаю, что нравственность во Франціи сильно пострадала. Всего хуже во Франціи въ этомъ отношеніи то, что старыя вѣрованія пропадаютъ, не замѣняясь никакими другими вѣрованіями или убѣжденіями. Упраздненный католицизмъ оставляетъ за собой пустоту, которая, повидимому, ничѣмъ и не можетъ быть наполнена. Всякая попытка нравственного или религіознаго обновленія, повидимому, заранѣе обречена на безплодіе. Это мы слишкомъ хорошо видимъ на примѣрѣ патера Гіацинта, который вынужденъ былъ уѣхать въ Швейцарію, чтобы найти для себя благопріятную почву. Онъ пользуется тамъ громаднымъ успѣхомъ, между тѣмъ какъ во Франціи ему удалось только возбудить къ себѣ ненависть въ католикахъ и полное пренебреженіе въ людяхъ индифферентныхъ. Но кабинетъ 24-го мая отнюдь не заботится о нравственномъ и религіозномъ обновленіи. Онъ просто-на-просто орудіе въ рукахъ ультрамонтановъ. Для него возстановленіе нравственности, значитъ возстановленіе власти католицизма, и конечно не стариннаго галликанскаго католицизма, сравнительно либеральнаго и толерантнаго, но современнаго римскаго католицизма. Всѣ средства хороши для него, чтобы достичь этой цѣли, и поэтому оно сочло возможнымъ дебютировать попыткой конфискаціи прессы, путемъ подкупа. Эта попытка, за которую взялись слишкомъ наивно, къ несчастію была обличена съ трибуны, и что всего лучше доказываетъ крѣпость клерикальнаго цемента, связующаго большинство собранія, такъ то, что кабинетъ могъ пережить такое громоносное обличеніе. Кабинетъ, якобы парламентскій, — претендующій на роль блюстителя общественной нравственности, уличенный въ намѣреніи подкупить всю департаментскую прессу, оправдывается большинствомъ! Фактъ, полагаю, небывалый.

Но на чемъ кабинетъ окончательно проявилъ себя, такъ это на дѣлѣ гражданскихъ похоронъ, то-есть похоронъ, не сопровождаемыхъ религіозными церемоніями, по случаю которыхъ сдѣланъ ему, какъ разъ сегодня, запросъ. Я не большой приверженецъ, сознаюсь, этого рода похоронъ, тѣмъ менѣ шумной манеры, съ которой противники духовенства имѣютъ обыкновеніе ихъ устраивать. Неоспоримо, что фанатики отрицанія видятъ въ нихъ средство анти-религіозной пропаганды. Но, съ другой стороны, существуютъ такіа лица, для которыхъ является вопросомъ совѣсти не обставлять своей смерти обрядами религіи, которую они отвергали при жизни. Къ тому же въ странѣ, гдѣ законнымъ признается одинъ только гражданскій бракъ,

было бы странно стѣснять свободу гражданъ относительно похоронъ. Между тѣмъ, вотъ чтó сдѣлалъ, и самымъ грубымъ образомъ, новый префектъ, посланный въ Ліонъ министерствомъ 24-го мая, предписавъ своей личной властью, чтобы лица, нежелающія участія духовенства въ ихъ похоронахъ, хоронились почти какъ собаки, на разсвѣтѣ, въ 6 часовъ утра лѣтомъ и въ 7 часовъ зимою, и отвозились на кладбище по самымъ пустыннымъ улицамъ. Сильное волненіе поднялось въ лагерѣ свободныхъ мыслителей, не только вслѣдствіе самого факта, но и вслѣдствіе того, чѣмъ онъ грозилъ въ будущемъ: если преслѣдуются гражданскія похороны, нѣтъ никакого основанія не преслѣдовать гражданского брака. Это волненіе усилилось еще вслѣдствіе одного обстоятельства, случившагося въ самомъ Версалѣ. Одинъ депутатъ крайней лѣвой, очень богатый и вмѣстѣ съ тѣмъ очень честный человекъ, свободный мыслитель, умираетъ, завѣщавъ себя похоронить гражданскимъ порядкомъ. По смыслу закона, тѣло его должны были сопровождать отрядъ войскъ и депутация отъ собранія. Войско и депутация явились на мѣсто, но когда увидали, что похоронный поѣздъ не сопровождается ни однимъ священникомъ, то удалились во-свояси. Увѣряютъ, что солдаты дѣйствовали въ силу непосредственного приказа маршала Макъ-Магона. Крики негодованія и скандалъ усилились еще болѣе оттого, что этотъ еретикъ, не пожелавшій, чтобы тѣло его сопровождало духовенство, составилъ завѣщаніе, составленное въ духѣ настоящаго христіанскаго милосердія. Онъ пожертвовалъ 400,000 франковъ на разныя благотворительныя цѣли, а свой замокъ подѣлилъ на школу. Обо всемъ этомъ, объ указѣ ліонскаго префекта и о версальскихъ похоронахъ, толкуютъ въ ту минуту, какъ я вамъ пишу, въ собраніи. Результатъ засѣданія не можетъ быть сомнителенъ: правительство получить значительное большинство, а результатомъ этого будетъ то, что всѣ префекты поспѣшатъ послѣдовать примѣру своего ліонскаго собрата. Не только большинство собранія было всегда клерикальнымъ, но клерикализмъ вообще теперь въ ходу, потому что правительство клерикально и потому что ультрамонтанская партія рѣшилась дѣйствовать на проломъ. Либеральныя и радикальныя газеты тщетно напоминаютъ, что Франція есть страна Вольтера: это, конечно, справедливо, но справедливо также и то, что Франція есть страна, гдѣ народныя массы подвижны и впечатлительны. Со времени 24-го мая, религиозныя процессіи повсемѣстно показываются на улицахъ въ провинціи, чтó совершенно незаконно въ городѣ, гдѣ существуетъ нѣсколько вѣроисповѣданій. Всѣ чиновники, генералы, префекты, президенты судовъ, не включая чиновниковъ, назначенныхъ правительствомъ 4-го сентября, присутствовали на про-

пессіяхъ, со свѣчами въ рукахъ, и это зрѣлище не вызвало никакихъ протестовъ. Мы переживаемъ, слѣдовательно, клерикальную реакцію и на этотъ разъ зайдемъ дальше, чѣмъ даже въ первые годы второй имперіи. Мы перешеголяемъ, надо думать, самую реставрацію. Если бы папа поселился во Франціи, то онъ дѣлалъ бы въ ней все, что хочетъ. Было бы, конечно, много недовольныхъ, но, повторяю, массы очень подвижны и могло бы сдѣлаться даже опаснымъ выражать свое неудовольствіе.

На ряду съ попыткой подкупить газеты и вопросомъ о похоронахъ, выступило дѣло Ранка, о которомъ я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ. Ранкъ одинъ изъ авторитетовъ радикальной партіи. Человѣкъ весьма умный, но хитрый, скрытный и въ сущности мало симпатичный, онъ былъ поочередно начальникомъ полиціи въ провинціи во время войны, при диктатурѣ Гамбетты, а затѣмъ членомъ коммуны, изъ которой удаленъ гораздо раньше взятія Парижа, хотя принималъ участіе въ нѣкоторыхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ мѣстнаго правительства. Онъ скрывался нѣкоторое время, но затѣмъ появился и, во всеобщему удивленію, его оставили въ покоѣ, и онъ даже былъ назначенъ членомъ муниципальнаго совѣта. Безнаказанность, которою онъ пользовался, скандализировала многихъ и всѣмъ представлялась загадочной. Это была одна изъ ошибокъ Тьера, которую реакціонныя газеты эксплуатировали съ большою ловкостью, а либеральныя отстаивали съ большимъ трудомъ. Предполагали, что Ранкъ, въ то время, какъ онъ стоялъ въ главѣ провинціальной полиціи, захватилъ документы, могущіе скомпрометтировать Тьера, а не то, что онъ оказывалъ Тьеру, во время коммуны, полицейскія услуги. Я вовсе не вѣрю въ первое предположеніе: въ упомянутую эпоху, во время войны, когда Тьеръ искалъ по всей Европѣ союзниковъ для своей страны, онъ былъ чуждъ всякимъ личнымъ цѣлямъ и преслѣдовалъ лишь свою миссію спасенія отечества. Онъ не могъ, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ скомпрометтироваться. Второе предположеніе гораздо вѣроятнѣе, и я слышалъ его изъ довольно вѣрнаго источника, хотя возможно также и то, что Тьеръ покровительствовалъ Ранку просто изъ безпечности, изъ великодушія, а быть можетъ также отчасти и изъ политики: нельзя отрицать, что онъ считалъ радикаловъ необходимыми для себя. Какъ бы то ни было, а дѣло Ранка давно уже занимало умы, когда паденіе Тьера и избраніе бывшаго члена коммуны депутатомъ отъ Ліона случились почти одновременно. Преслѣдовать Ранка было уже поздно и если безнаказанность, которою онъ пользовался, въ принципѣ была очень непохвальна, но тѣмъ не менѣе обезпечила за нимъ нѣкотораго рода нравственное право. Къ тому же, оттого во-

енный совѣтъ не призвалъ Ранка раньше къ отвѣтственности? Отчего генераль Ламиро, парижскій губернаторъ, только теперь, по истеченіи слишкомъ двухъ лѣтъ, спохватился о виновности Ранка, которую до сихъ поръ, повидимому, не признавалъ? Но ни правительство, ни собраніе не останутся ни передъ однимъ изъ этихъ соображеній. Ненависть къ радикаламъ, а еще болѣе надежда скомпрометтировать Тьера осужденіемъ Ранка, берутъ верхъ надъ всѣмъ, и генераль Ламиро получилъ приказъ потребовать отъ собранія разрѣшенія преслѣдовать судебнымъ порядкомъ его новаго члена. Разрѣшеніе, разумѣется, было дано, но результатъ преній вышелъ не таковъ, какъ ожидали; пренія ничего не раскрыли, а Тьеру не представился даже случай объясниться. Самъ же Ранкъ, вмѣсто того, чтобы защищать свою свободу съ трибуны, какъ онъ имѣлъ на то право, предпочелъ обратиться въ бѣгство. Его друзья увѣряютъ, что онъ желалъ лишь избѣжать предварительнаго ареста, но что явится въ судъ; однако я позволяю себѣ въ этомъ усумниться.

Дѣло Ранка будетъ разбираться *par contumace* и судебныя пренія не болѣе разъяснятъ все дѣло, чѣмъ и парламентскія.

Такъ какъ я заговорилъ о процессахъ, то упомяну, кстати, о процессѣ маршала Базена. Я убѣжденъ, что величайшимъ утѣшеніемъ для Тьера является то, что онъ избавился отъ этого кошмара. Его сниспаніе къ маршаламъ вообще и его поклоненіе маршалу Базену въ частности, убѣжденіе его если не въ полнѣйшей невинности, то въ извинительности его образа дѣйствія, сознаніе неудобствъ и даже опасностей, представляемыхъ этимъ процессомъ, но съ другой стороны невозможность отказать лѣвой въ этомъ процессѣ, котораго та требовала съ страстью, нежеланіе самого маршала быть оправданнымъ безъ суда — все это должно было доставлять тяжелыя минуты бывшему президенту. Утверждаютъ, что новое правительство приняло рѣшеніе касательно этого щекотливаго дѣла и что маршалъ будетъ судимъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, то-есть, во время будущихъ парламентскихъ каникулъ, но судимъ лишь для формы съ предвзятымъ рѣшеніемъ оправдать его. Во всякомъ случаѣ исходъ дѣла зависитъ отъ направленія, которое будетъ дано процессу. Дѣло будетъ замято и, говоря по справедливости, при томъ состояніи, въ которомъ находится Франція, его трудно было бы изслѣдовать въ точности. Маршалъ, въ случаѣ серьезнаго нападенія, сталъ бы ожесточенно защищаться и весь авторитетъ, который еще оставался за арміей или который она успѣла вернуть себѣ, погибъ бы въ вихрѣ обвиненій и упрековъ, который неизбѣжно поднялся бы. Ошибки, заблужденія и проступки обвиненнаго легко будутъ оправданы, если этого захотятъ. Это вполне зависитъ оттого, чьи свидѣтельства

будутъ приняты во вниманіе. Что касается его политическаго поведенія, то можно ли осуждать его съ той точки зрѣнія, которая теперь въ ходу? Съ этой точки зрѣнія, преступленіе, измѣна — сама революція 4-го сентября, и Базенъ очень хорошо сдѣлалъ, что не принявъ ея стороны, что остался вѣренъ своей присягѣ имперіи, старался завязать переговоры при содѣйствіи императрицы и вмѣсто того, чтобы рисковать своей арміей для спасенія республики, желалъ сохранить ее въ цѣлости въ виду реставраціи ли, регентства или созванія національнаго собранія. Вотъ, если не ошибаюсь, легкая тема для защиты, тема, подготовленная въ теченіи двухъ лѣтъ реакціонными газетами и въ силу которой политическое поведеніе маршала будетъ поставлено ему въ заслугу. Это не произведетъ хорошаго впечатлѣнія повсемѣстно, въ особенности среди населенія восточныхъ провинцій, тѣмъ менѣе въ провинціяхъ, отчужденныхъ отъ Франціи, которыя ждали кары маршала Базена, какъ нѣкотораго рода мщенія и утѣшенія. Тѣмъ не менѣе такой исходъ представляется мнѣ неизбѣжнымъ при настоящемъ положеніи политическихъ дѣлъ во Франціи.

Дѣйствительно, бонапартизмъ постоянно усиливается, къ великому отчаянію остальныхъ двухъ монархическихъ партій и не смотря на то, что онъ находится еще въ значительномъ меньшинствѣ въ собраніи. Никто не знаетъ, каковы окончательныя намѣренія маршала Макъ-Магона. Храбрый католическій маршалъ не изъ числа сообщительныхъ людей. Его прошлое должно было бы связывать его съ имперіей, но фамиліное родство сближаетъ его съ легимитистами. Такъ какъ онъ происходитъ отъ стариннаго королевскаго дома въ Ирландіи, а его жена слыветъ за весьма честолюбивую женщину, то нѣкоторые лица приписываютъ ему поползновеніе стать основателемъ новой династіи. Хотя все возможно, но я упоминаю объ этомъ подозрѣніи лишь мимоходомъ и не придаю ему особеннаго значенія. Несомнѣнно одно только, что маршалъ ничему лучшаго не желаетъ, какъ оставаться президентомъ какъ можно долѣе. Клерикалы, которые господствуютъ въ настоящую минуту, мирятся съ настоящимъ переходнымъ положеніемъ, потому что находятъ въ маршалѣ и въ собраніи такое послушное орудіе, какового только могутъ пожелать.

Совсѣмъ тѣмъ, монархическія партіи стараются обезпечить за собой результатъ окончательной развязки; но такъ какъ сліяніе двухъ отраслей бурбонскаго дома, не смотря на безпрестанно возобновляемыя попытки, все еще остается невозможнымъ, то шансы бонапартистовъ постоянно увеличиваются. Казалось бы, что клерикалы должны были сильнѣе тяготѣть къ легимитистамъ, но они гораздо свѣптивнѣе и индифферентнѣе относятся къ династическому

вопросу, чѣмъ это вообще думаютъ. Для нихъ важны: сущность вѣсти, законодательство, воспитаніе, и они охотно примирятся съ бонапартизмомъ, если у него больше шансовъ на успѣхъ, чѣмъ у легитимистовъ, и если онъ выкажетъ готовность служить имъ. Вспомните, какъ они отлично ладили съ Наполеономъ III.

Орлеанисты, богатые, многочисленные, вліятельные, не могутъ однако ничего достигъ, въ силу естественной слабости своего политическаго положенія. Большинство изъ нихъ, включая и самихъ принцевъ, охотно приняли бы бѣлое знамя, да не смѣютъ. Въ той коалиціи, которая низвергла Тьера и въ которой они составляли большинство, имъ пришлось однако подчиниться условіямъ легитимистовъ и бонапартистовъ. Эти послѣдніе не только исключили герцога Омальскаго изъ правительства, но также исключили изъ министерства одного изъ самыхъ способныхъ орлеанистовъ, герцога Одиффрѣ-Паке, потому что онъ нападалъ на имперію въ рѣчи, получившей громкую извѣстность, о приготовленіяхъ къ войнѣ 1870 года. Орлеанисты стремятся въ настоящую минуту укрѣпиться въ средѣ національнаго собранія и привлечь на свою сторону лѣвый центръ, но это врядъ ли имъ удастся. По крайней мѣрѣ имъ не удастся образовать въ настоящей палатѣ большинство, способное провозгласить конституціонную монархію. Вообще очевидно, что эта средняя форма правленія во Франціи больше невозможна. Для нея необходимо болѣе крайнее, болѣе абсолютное, болѣе цѣльное правленіе. Такъ какъ умѣренная республика упразднена вмѣстѣ съ Тьеромъ, а радикальная побѣждена одновременно съ ней, то цезаризму открывается свободное поприще для дѣйствія и рѣшительно все равно, будетъ ли цезарь называться Генрихомъ V, или Наполеономъ IV, или маршаломъ Макъ-Магономъ. Орлеанскіе принцы не годятся въ цезари.

Генрихъ V, Наполеонъ IV съ своей матерью, маршалъ Макъ-Магонъ со своей женой, были бы клерикальными цезарями. Но вотъ мы уже можемъ прослѣдить образованіе въ зародышѣ анти-клерикальнаго цезаризма. Принцъ Жеромъ Наполеонъ, двоюродный братъ Наполеона III, поспѣшилъ пріѣхать въ Парижъ немедленно послѣ паденія Тьера, для того, какъ онъ объявилъ, чтобы констатировать свое право на вѣздъ и выѣздъ изъ Франціи, которое предшествовавшее правительству у него оспаривало. Онъ оставался въ Парижѣ около мѣсяца, къ великому неудовольствію легитимистовъ, орлеанистовъ и даже частью бонапартистовъ, которые подозреваютъ его въ личномъ честолюбіи, и совершенно основательно. Несомнѣнно, что принцъ Наполеонъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Парижѣ, чтобы положить первое основаніе демагогической и анти-клерикальной кандидатурѣ въ президенты республики. То,

что этотъ принцъ можетъ льстить себя надеждой на успѣхъ, является одной изъ величайшихъ и печальнѣйшихъ странностей нашей современной исторіи. Весьма интеллигентный, но мало симпатичный и глубоко развращенный, презираемый арміей за дѣйствительную или кинную трусость, этотъ принцъ долгое время служилъ типомъ непопулярности и при имперіи его одинаково ненавидѣли, какъ приверженцы, такъ и противники правительства. И вотъ, тѣмъ не менѣе, онъ пробирается въ ряды нашихъ претендентовъ, старался сгруппировать вокругъ себя всѣ элементы, враждебные клерикализму, и провозглашаетъ атеистическій цезаризмъ, въ противоположность цезаризму клерикальному. Но какъ бы то ни было, онъ можетъ сдѣлаться серьезнымъ и опаснымъ конкурентомъ лишь въ томъ случаѣ, если собраніе, которое смѣнитъ настоящее, будетъ радикальнымъ. Въ такомъ случаѣ у него было бы много шансовъ добиться власти въ качествѣ демагогическаго деспота. Но клерикалы, господствующіе въ настоящую минуту, не созовутъ выборовъ наудачу. Они выберутъ удобный моментъ, когда имъ можно будетъ разсчитывать на побѣду путемъ ли избирательной реформы, или путемъ вліянія на духъ населенія.

Странное, но весьма отрадное явленіе мы видимъ въ томъ, что не смотря на тягостную необезпеченность настоящаго и на опасности, грозящія въ будущемъ, и не смотря на самыя тяжкіе налоги, промышленно-экономическая Франція не ослабѣваетъ. Ничто лучше не доказываетъ, какъ велики ресурсы страны и какъ выносливо население, способное рѣшительно ко всему, кромѣ политики. Этимъ уваженіемъ къ труду Франція главнымъ образомъ отличается отъ Испаніи и будетъ, надо надѣяться, всегда отличаться.

Въ Парижъ приходятъ хорошія вѣсти о большомъ эффектѣ, произведенномъ французской промышленностью на всемірной выставкѣ въ Вѣнѣ. На ней не только не отразились несчастья, пережитыя страной, но она даже развилась. Ліонскіе шелки, парижская бронза никогда, говорятъ, не были такъ хороши; фарфоровое и фаянсовое производство сдѣлало также большіе успѣхи. Увѣряютъ, что наши экспоненты уже успѣли заключить выгодныя сдѣлки и весьма довольны результатомъ выставки. Къ несчастью, промышленность и торговля еще не пережили всѣ свои испытанія. Такъ какъ экономическая система Тьера, отнюдь не заслуживающая одобренія и возбуждавшая неудовольствіе промышленнаго и торговаго люда, будетъ отвергнута, то придется прискивать новыя ресурсы, которые должны будутъ доставить трудъ, въ той или другой формѣ, если только не рѣшится, наконецъ, прибѣгнуть къ подходящему налогу, что мало вѣроятно.

Французское искусство также развивается если не блестящимъ, то довольно удовлетворительнымъ образомъ, какъ это доказала выставка нынѣшняго года. Мы пишемъ также изъ Вѣны, что наша художественная выставка занимаетъ тамъ первое мѣсто; но правда также и то, что туда посланы произведенія, далеко превосходящія тѣ, которыя выставлены на парижской выставкѣ, произведенія артистовъ уже умершихъ, какъ напримѣръ Делакруа, и которымъ нѣтъ до сихъ поръ соперниковъ въ средѣ ихъ преемниковъ. Несмотря на это парижская выставка нынѣшняго года показалась весьма удовлетворительной, въ особенности по части пейзажа и жанра.

Театръ и литература далеко не даютъ такихъ удовлетворительныхъ результатовъ. Къ будущей зимѣ обѣщаютъ новую комедию Эмиля Ожье, но то, что дается въ настоящую минуту, ниже всякой критики. Литература совсѣмъ бесплодна и только время отъ времени, въ видѣ исключенія, появляется какое-нибудь первоклассное произведение. Таково новое сочиненіе Ренана объ исторіи первыхъ временъ христіанства, сочиненіе, озаглавленное „*Антихристъ*“, которое, впрочемъ, давно уже было окончено. Мы кажется, что я вамъ упоминалъ о немъ годъ тому назадъ, какъ о вещи уже готовой появиться въ печати. Оно главнымъ образомъ посвящено объясненію Апокалипсиса св. Іоанна. Антихристъ—по объясненію Ренана—это императоръ Неронъ, котораго Ренанъ рисуетъ намъ весьма оригинально и краснорѣчиво. Это новое сочиненіе отличается той прелестью изложенія и той силой мысли, какія свойственны Ренану. Но съ ученой точки зрѣнія его изслѣдованія даютъ весьма небольшой результатъ, потому что богословская критика давно уже выяснила всѣ эти вопросы. Но главное достоинство Ренана въ томъ самомъ и заключается, что онъ дѣлаетъ доступными публикѣ результаты, уже добытые критикой, очищая ихъ отъ ихъ педантическихъ аксессуаровъ.

P. S. Какъ я и предвидѣлъ, запросъ о гражданскомъ погребеніи далъ въ результатъ новое торжество правительству, торжество нѣсколько умѣряемое, впрочемъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что правительство, ожидавшее слишкомъ сильной оппозиціи и нѣкотораго неудовольствія даже со стороны своихъ друзей, не осмѣлилось возвести въ общій принципъ мѣру ронскаго префекта и оправдало ее лишь мѣстными причинами, а именно слишкомъ часто повторяющимся скандаломъ при похоронахъ въ Ліонѣ. Въ переходѣ къ очереднымъ дѣламъ, воти-
 рованномъ съ согласія правительства, до нѣкоторой степени обезпечивается принципъ свободы совѣсти, потому что объявляется, что его

отнюдь не намѣрены затрогивать. Кажется, что известная часть большинства, а именно правый центръ, испугалась силы и рѣзкости клерикальнаго направленія. Одинъ изъ членовъ настоящаго кабинета Бру, министръ юстиціи, въ бывшее время заявилъ, что признаетъ *слабость*, въ которомъ находитъ для себя безусловное руководство для частной и общественной жизни. Это заявленіе теперь откопали, и по поводу его одинъ изъ членовъ оппозиціи печатаетъ текстъ *слабуса*, чтобы показать Франціи, куда ее ведутъ. Увѣряютъ, что мысль этой своевременной публикаціи внушена членами праваго центра, желающими задержать движеніе. Но толчокъ тѣмъ не менѣе данъ. Мы переживаемъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда сила на сторонѣ самыхъ крайнихъ людей, и римская курія, которая направляетъ все дѣло, съумѣетъ поддержать и развить его; хотя мѣра ліонскаго префекта и признается исключительной; однако примѣръ его найдетъ подражателей, и во всѣхъ департаментахъ всегда можно будетъ приискать мѣстныхъ причины. Нѣкоторое впечатлѣніе произшло въ собраніи то обстоятельство, что ораторъ оппозиціи, который дѣлалъ запросъ правительству, доказавъ, опираясь на историческіе документы, что указъ ронскаго префекта былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ воспроизведеніе одного изъ эдиктовъ Людовика XIV противъ гугенотовъ. Ничто не могло болѣе рельефно доказать отсталость этой мѣры, но я увѣренъ, что насъ ожидаютъ другія, еще болѣе отсталыя.

Увѣренность клерикаловъ усиливаетъ еще то обстоятельство, что они усматриваютъ не безъ нѣкотораго основанія симптомы слабости въ германской имперіи, главнаго противника въ настоящую минуту ультрамонтановъ въ центральной и западной Европѣ. Первый рейхстагъ этой имперіи новѣйшаго происхожденія разошелся, какъ вамъ известно, при довольно неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, далеко не оправдавъ надежды либераловъ. Бисмаркъ, повидимому, въ немилости при дворѣ, но вмѣстѣ утратилъ часть своей популярности, вслѣдствіе усилія угодить двору. Всѣ эти симптомы заботливо наблюдаются ультрамонтанами и возбуждаютъ ихъ надежды. Казалось бы, что теперь самый удобный моментъ для Франціи, въ виду такого либеральнаго безсилія своихъ побѣдителей, выступить на либеральный путь и идти по нему!

Н.

ВАРШАВСКІЯ ПИСЬМА

Письмо третье *).

Недавно вышелъ здѣсь изъ печати „Варшавскій Литературный Ежегодникъ“ (Warszawski Rocznik literacki. Warszawa, 1873), посвященный обзоръ польской письменности за прошедшій 1872 годъ. Въ этомъ, весьма полезномъ, изданіи систематически сгруппированы всѣ данныя, по которымъ легко уже составить болѣе или менѣе вѣрное понятіе о мѣстномъ умственномъ движеніи, насколько оно проявляется въ печатномъ словѣ. Этотъ „Ежегодникъ“ составленъ по той же программѣ, что и прошлогодній литературный календарь, заключающій обзоръ польской письменности за 1871 годъ. Такимъ образомъ, имѣя подъ рукой оба эти изданія, представляющія весьма подробный и весьма добросовѣстно составленный отчетъ о польской письменности за послѣдніе два года, не трудно провести между этими годами параллель и вывести, основанное на точныхъ и фактическихъ данныхъ, заключеніе о томъ, въ какомъ направленіи развивается польская письменность въ послѣднее время, въ какую сторону направлена общественная мысль, какіе вопросы, общественные и литературные, ее интересуютъ по преимуществу и, наконецъ, опредѣлить уровень развитія новѣйшей польской письменности сколько по внутреннему достоинству ея литературныхъ и научныхъ произведеній, столько же и по самому ихъ количеству. Оба изданія заключаютъ самый полный библиографическій отдѣлъ, систематически разработанный и изложенный въ двоякомъ видѣ: по содержанію книгъ и по алфавитному порядку именъ авторовъ и заглавій сочиненій. Этому отдѣлу, составляющему существенное содержаніе и болѣе интересную часть обоихъ изданій, предпосланы: общій взглядъ на польскую письменность и краткія критическія замѣтки о болѣе выдающихся произведеніяхъ художественной и научной литературы. Нужно еще замѣтить, что оба изданія, хотя и носятъ названіе „варшавскихъ“, не ограничиваются обзоромъ только тѣхъ произведеній, которыя появились въ самой Варшавѣ; они даютъ довольно вѣрный отчетъ о всѣхъ произведеніяхъ вообще польской литературы, какъ

*) См. выше: февр. 932; апр. 944 стр.

иѣстной, такъ и заграничной,—насколько, впрочемъ, произведенія послѣдней допущены въ здѣшней книжной торговлѣ и имѣютъ свободное обращеніе въ публикѣ.

Размѣры настоящаго письма не даютъ возможности представить подробный обзоръ содержанія этихъ изданій, или, что все равно — дать обстоятельный отчетъ о состояніи польской письменности за послѣдніе два года: матеріалъ самъ по себѣ довольно обширенъ. Но я попробую сопоставить истекшіе два литературные года, изобразивъ взаимное ихъ отношеніе въ цифрахъ. Обобщивъ названія книгъ и брошюръ, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, изданныхъ на польскомъ языкѣ въ 1871 и 1872 г., мы получимъ слѣдующую таблицу.

	1871 г.	1872 г.
По философін	3	12
„ математикѣ	4	7
„ естествознанію	15	40
„ медицинѣ и гигиенѣ	26	41
„ социологін и законовѣдѣнію	32	44
„ исторіи (съ исторіею литературы)	42	93
„ географіи и статистикѣ	11	19
„ технологін	33	41
„ педагогикѣ	5	16
„ филологін	10	26
„ изящнымъ искусствамъ	6	6
„ словесности (романъ, драма, комедія и проч.)	89	109
Книги для народнаго чтенія	4	6
Книги для дѣтей	28	22
Учебныя пособія	12	58
Книги духовнаго содержанія и молитвенники	53	125
Сборники	7	25
Календари	28	27
Записки ученыхъ обществъ	10	12
Смѣсь	23	104
Названій	501	833

Такимъ образомъ оказывается, что въ истекшемъ году польская письменность значительно оживилась и далеко оставила за собой своего предшественника, такъ какъ въ 1872 году количество ея произведеній увеличилось слишкомъ на 40%. Частное сравненіе цифръ показываетъ, что особенное оживленіе замѣтно по отдѣлу

естествознанія. Составители „Ежегодника“ не могли не обратить вниманія на тотъ фактъ, что въ последнее время польская интеллигенція, въ лицѣ лучшихъ своихъ и чуткихъ къ требованіямъ времени представителей, положительно начинаетъ склоняться на сторону точныхъ и реальныхъ знаній, усматривая въ нихъ существенное условіе всякаго прогрессивнаго развитія. „Однимъ изъ важнѣйшихъ симптомовъ, характеризующихъ у насъ современное направленіе общественной мысли,—говоритъ „Ежегодникъ“,—слѣдуетъ признать тотъ общій интересъ, который начинаютъ приобретать у насъ реальныя науки. Потребность реального знанія, возникшая въ сознаніи современнаго поколѣнія, должна сопровождаться, безъ сомнѣнія, весьма полезными результатами, особенно для будущихъ поколѣній. Собственно говоря, такой поворотъ былъ необходимъ — просто какъ реакція, такъ какъ сфера реального знанія до послѣдняго времени была у насъ почти въ совершенномъ пренебреженіи. Наша періодическая печать въ разное время достаточно успѣла раскрыть и доказать, что точныя науки, въ связи съ естествознаніемъ, самымъ могущественнымъ образомъ вліяютъ на развитіе ума, приучаютъ къ правильности мышленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, едва ли не исключительнымъ образомъ способствуютъ увеличенію матеріальнаго благосостоянія“... Слова эти вполне подтверждаютъ ту характеристику современнаго настроенія мыслящей части польскаго общества, которую я старался представить вамъ въ первомъ моемъ письмѣ, говоря о существенныхъ задачахъ и о преобладающемъ направленіи лучшихъ органовъ современной польской журналистики. Точно, едва ли въ какомъ-либо иномъ западно-европейскомъ обществѣ система шляхетско-клерикальнаго, или прямѣе — іезуитскаго воспитанія произвела такіе разрушительные результаты, систематически дѣйствуя на отупѣніе общества, какъ это было въ Польшѣ. И кому же неизвѣстно, что вообще ко всякому реальному и положительному знанію іезуиты всегда пылали самою непримиримою ненавистью? Потому трудно понять, на какомъ основаніи и въ силу какихъ фактовъ г. Куторга старается доказать въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, что система іезуитскаго воспитанія потому убила Польшу, что отличалась яко бы реально-утилитарнымъ направленіемъ!.. Подобное утвержденіе до такой степени противно несомнѣнной истинѣ, что его слѣдовало бы назвать если не положительнымъ абсурдомъ, то самымъ оригинальнымъ парадоксомъ. Справедливость требуетъ сказать, однако, что іезуитское воспитаніе не имѣло ничего почти общаго и съ такъ-называемымъ классическимъ: оно имѣло цѣлью подавленіе всякой самостоятельной и здравой мысли; систематически стремилось къ поддержанію въ обществѣ самаго заплѣсневѣлаго обскурантизма, къ полнѣй-

пему его отупѣнію и, съ этою цѣлю, главнымъ образомъ вращалось въ сферѣ бездушной и безсодержательной схоластики, налегая въ то же время на изученіе латыни; но дѣло въ томъ, что самое это изученіе ограничивалось едва ли не однимъ зубреніемъ наизусть латинской грамматики *Альгара*, написанной отъ начала до конца латинскими стихами, и дальше не шло.

Какъ бы то ни было, во потребность серьезнаго и положительнаго знанія, возникая въ современномъ польскомъ поколѣніи, составляетъ очевидный и неподлежащій сомнѣнію фактъ. Съ недавняго времени издается въ Варшавѣ спеціальныи еженедѣльный журналъ: „Przegląd i Przegląd“, посвященный исключительно популяризаціи реальныхъ знаній и имѣющій сравнительно значительное число подписчиковъ и обширный кругъ читателей, такъ что журналъ этотъ вы встрѣтите даже въ канцелярскихъ и въ иныхъ посѣщаемыхъ публическихъ мѣстахъ. Съ другой стороны, издатели и книгопродавцы, вовсе не боясь остаться въ убыткѣ, переводятъ на польскій языкъ и издаютъ такія книги, какъ напр., „Физика“ Рейса или „Книга природы“ Шедлера. Въ Львовѣ, въ Галиціи, съ 1871 года также издается спеціальный, посвященный естествознанію, журналъ „Przegląd“; тамъ же продолжаетъ свою дѣятельность „Техническое Общество“, организовавшееся въ 1862 году и издавшее два обширныхъ тома своихъ „Записокъ“, существенное содержаніе которыхъ составляютъ изслѣдованія въ области естествознанія, промышленности, гигиены и технологіи. Въ Парижѣ издаются на польскомъ языкѣ „Записки“ парижскаго „Общества точныхъ наукъ“; въ послѣднемъ изъ томъ, вышедшемъ въ прошломъ году, помѣщенъ между прочимъ весьма интересный трудъ Ф. Кухаржевскаго, подъ заглавіемъ: „Astronomia w Polsce“, въ которомъ исторія астрономіи въ Польшѣ доведена до самаго послѣдняго времени. Въ Краковѣ съ недавняго времени издается „Biblioteka umiejętności przyrodniczych“ (библіотека естествознанія); тамъ же переведена, кромѣ того, на польскій языкъ „Физиологія“ Льюиса, а также „Земледѣльческая Химія“ Либиха. Въ Варшавѣ г. Рогойскій издалъ въ прошломъ году оригинальный свой трудъ, подъ заглавіемъ: „Земледѣльческая химія“ (*Chemia rolnicza*). Не говоря уже о многихъ иныхъ изданіяхъ въ томъ же родѣ и не упоминая о 50-ти томахъ научно-популярныхъ сочиненій, издаваемыхъ редакцію журнала „Przegląd Tygodniowy“, о чемъ я уже замъ писалъ, и которыми, по содержанию, относятся главнымъ образомъ къ области реального знанія, нельзя уже не приведеннымъ сейчасъ даннымъ не придти къ заключенію, что характеръ умственнаго движенія въ послѣднее время начинаетъ пріобрѣтать здѣсь разумное и трезвое направленіе, и что направленіе это, несмотря на то, что оно

возникло такъ недавно, успѣло уже заявить себя серьёзными и почтенными результатами.

Само собою разумѣется, что въ связи съ этимъ умственнымъ движеніемъ неизбежно долженъ былъ возникнуть вопросъ о превосходствѣ той или иной системы общественнаго образованія. Полемика разныхъ органовъ нашей печати о такъ-называемомъ „классическомъ“ и „реальномъ“ воспитаніи отразилась и на здѣшней журналистикѣ: были голоса contra классицизма, были и про. Я не стану, конечно, входить въ разборъ этихъ мнѣній; но вотъ взглядъ на это дѣло составителей „Ежегодника“, высказанный въ статьѣ, имѣющей значеніе статьи руководящей: „Что должно имѣть преобладающее значеніе въ воспитаніи — классицизмъ или реализмъ? По этому вопросу мнѣнія у насъ весьма различны. Не подлежитъ сомнѣнію, что классическимъ предметамъ посвящено у насъ чересчуръ много времени и, что всего хуже, безъ соотвѣтственныхъ результатовъ. Тѣмъ не менѣе, отнюдь не слѣдуетъ желать, чтобы классицизмъ вовсе не имѣлъ болѣе мѣста въ учебныхъ заведеніяхъ. За-границей нигдѣ вполнѣ не отказываются отъ классицизма въ школахъ, а успѣхи западно-европейской науки доказываютъ, что жаловаться на классицизмъ не имѣется разумаго основанія. Но дѣло въ томъ, что, наравнѣ съ классицизмомъ, слѣдовало бы предоставить надлежащую роль въ воспитаніи юношества и наукамъ реальнымъ... Не всякій учащійся юноша долженъ готовиться въ литераторы или чиновники, громадное большинство учащихся должно приготавливаться къ разумной и полезной практической дѣятельности. Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что если прикладныя науки не создаютъ сами по себѣ ни техниковъ, ни фабрикантовъ, особенно если въ странѣ фабрикъ весьма мало, то древніе языки вовсе не стоятъ на дорогѣ тѣмъ, кто желалъ бы посвятить свой трудъ и силы практической дѣятельности. Для этого слѣдовало бы только, въ дѣлѣ общественнаго воспитанія, поставить реализмъ въ соотвѣтствіе съ классицизмомъ“. Мы не станемъ останавливаться на этихъ словахъ и только замѣтимъ, что въ вопросѣ о превосходствѣ той или иной системы воспитанія сущность дѣла состоитъ не въ томъ только, къ чему должно готовиться учащееся юношество—въ литераторы и чиновники, или для роли практическихъ дѣятелей, а въ большей или меньшей образовательной силѣ той или иной системы. Какъ бы то ни было, но сущность подобныхъ воззрѣній имѣетъ весьма много общаго съ тѣми принципами, которые легли въ послѣднее время въ основаніе западно-европейскихъ воззрѣній на дѣло общественнаго воспитанія, которымъ слѣдуютъ въ Пруссіи и во имя которыхъ составленъ извѣстный проектъ школьной реформы Жюль Симона, французскаго ми-

нистра народнаго просвѣщенія. Если не ошибаюсь, этимъ принципамъ и воззрѣніямъ въ вопросѣ о системѣ общественнаго образованія слѣдуетъ и вашъ журналъ.

По отдѣлу *философіи* заслуживаетъ вниманія, кромѣ „Библіотеки позитивной философіи“, о которой я уже писалъ вамъ, самостоятельный трудъ г. Масловскаго „O prawie postępu“ (Законы прогресса). Воззрѣнія автора на законы и условія прогресса главнымъ образомъ заимствованы имъ изъ философскихъ теорій Конта и грѣшатъ нѣкоторою односторонностью; тѣмъ не менѣе книга эта не лишена многихъ серьезныхъ достоинствъ, хотя бы уже потому, что заключаетъ въ себѣ подробное и ясное изложеніе философіи Конта и сопоставленіе ея принциповъ съ результатами научныхъ изслѣдованій Дарвина. Весьма интересенъ также „Przegląd dziejów przyrody“ (Взглядъ на исторію природы), д-ра Шишло, какъ плодъ продолжительнаго труда и многосторонняго знанія. Авторъ—позитивистъ. Изложеніе его просто, ясно, отличается доступностью, и потому даетъ возможность массѣ читающей публики наглядно познакомиться изъ его труда (2 тома) съ важнѣйшими результатами новѣйшихъ изслѣдованій въ сферѣ философіи природы.

По *законодѣннѣ* весьма сочувственно встрѣченъ здѣшнею критикою трудъ г. Губе: „Historia prawa karnego ruskiego“ (Исторія русскаго уголовного права). Начиная съ древнѣйшаго періода, авторъ обозрѣлъ всю исторію русскаго законодательства, которую довелъ до 1870 года. Но это только начало болѣе обширнаго труда, имѣющаго обнять вообще исторію славянскихъ законодательствъ. Весь вышедшій трудъ г. Губе составленъ по источникамъ; авторъ имѣлъ возможность пользоваться даже архивами государственнаго совѣта и II отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, кромѣ множества иныхъ, не всякому доступныхъ источниковъ. Отмѣчая этотъ цѣнный и серьезный трудъ, составители „Ежегодника“ говорятъ: „По богатству источниковъ и по умѣнью, съ какимъ авторъ воспользовался ими, трудъ его представляетъ весьма важное и цѣнное приобращеніе для нашей литературы. Въ эпоху, когда наука сравнительнаго законовѣдѣнія начинаетъ приобрѣтать значеніе одной изъ важнѣйшихъ отраслей знанія, всестороннее изслѣдованіе исторіи законодательства каждаго отдѣльнаго народа имѣетъ весьма серьезный интересъ. Въ сферѣ законодательствъ иныхъ европейскихъ народовъ, исторія русскаго уголовного права возбуждаетъ тѣмъ болѣе живой интересъ, что сохранившіеся письменные памятники знакомятъ насъ съ древнѣйшею русскою уголовною системою, между тѣмъ какъ исторія древняго права у другихъ европейскихъ народовъ большею частію исчезаетъ въ туманѣ отдаленнаго прошлаго и весьма недоста-

точно изслѣдована." По отдѣлу законовѣдѣнія можно бы отмѣтить еще нѣсколько сочиненій, нелишенныхъ серьезнаго значенія и интереса, если бы размѣры письма это дозволили. Такъ можно бы указать на дѣльный трудъ г. Островскаго „O posu prawnej dowodu ze zwiadków" (О юридической силѣ свидѣтельскихъ показаній), а также на трактатъ г. Миклашевскаго „O małoletnich przestępcach" (О несовершеннолѣтнихъ преступникахъ), и на нѣкоторые иные.

Прошедшій годъ былъ особенно богатъ историческими трудами, но — въ количественномъ только отношеніи, по внутреннему же достоинству польская историческая наука не обогатилась положительно ничѣмъ сколько-нибудь замѣчательнымъ. Какъ болѣе заслуживающіе вниманія, критикою отмѣчены только слѣдующіе труды: „Kurs historii wieków średnich", соч. Т. Корвона, и изданныя въ Познани „Dzieje narodu polskiego" Э. Моравскаго. Изъ множества историческихъ монографій, появившихся въ истекшемъ году, заслуживаютъ нѣкотораго вниманія весьма немногія. Къ ихъ числу можетъ быть отнесена отчасти, изданная д-ромъ Черни въ Краковѣ, монографія: „Zawiązki państwowe i kościelne Czech, Polski i Węgier" (Первобытная исторія Чехій, Польши и Венгріи). Интересна также и весьма сочувственно встрѣчена критикою диссертация г. Гоффмана, изданная въ Краковѣ: „Przyczyny podziału monarchji polskiej po Bolesławie Krzywoustym" (въ XII ст.), т.-е. о причинахъ распаденія польскаго государства на удѣлы по смерти Болеслава Кривоустаго. Кромѣ того не лишена также интереса коротенькая монографія, изданная въ Познани: „Wypawa Kijowska Bolesława Chrobrego." Авторъ этой брошюры, г. Карловичъ, на основаніи историческихъ данныхъ, критически обслѣдованныхъ, старается точно опредѣлить время похода этого короля на Русь, съ цѣлю возведенія на киевскій великокняжескій престолъ Святополка и усмиренія брата его Ярослава. Г. Карловичъ критически доказываетъ, что лѣтописцы и позднѣйшіе историки смѣшиваютъ весьма неправильно двѣ разныя эпохи, именно — удачный походъ Болеслава Храбраго съ несчастною попыткою, или предпріятіемъ Болеслава II, отдѣленнымъ отъ перваго событія цѣлыми 50-ю годами. Вообще, польская историческая наука, при всемъ своемъ количественномъ богатствѣ, хромаетъ многими существенными недостатками, зависящими отъ весьма многихъ причинъ, между прочимъ отъ пристрастія въ рутиннымъ приемамъ исторической критики и отъ характера историческихъ воззрѣній, имѣющихъ въ виду болѣе внѣшнюю, государственную сторону исторіи, чѣмъ внутреннюю, народно-бытовую. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что современная научная критика, подъ живительнымъ вліяніемъ прогрессивнаго умственнаго движенія, выразителемъ котораго служитъ извѣстная часть здѣшней не-

ріодической печати, вполне понимаетъ всѣ недостатки, всю рутинность и отсталость польской исторической науки, и указываетъ на нихъ откровенно и безпристрастно. „Истецкій 1872 годъ“,—говоритъ редація „Ежегодника“,—не прошелъ безслѣдно для нашей исторіографіи. Правда, не далъ онъ намъ твореній монументальныхъ (1), но, во всякомъ случаѣ, онъ принесть намъ нѣсколько весьма почтенныхъ и серьезныхъ изслѣдованій. Тѣмъ не менѣе, вникая въ ихъ внутреннее достоинство, а также опираясь на знакомствѣ съ прочнымъ этой отрасли нашей литературы, приходишь къ тому заключенію, что наши историки отличаются всѣми качествами нѣмецкой добросовѣстности, но имъ недостаетъ свойственной французскимъ и особенно англійскимъ ученымъ широты взгляда. Въ любомъ историческомъ трудѣ нашихъ ученыхъ вы найдете надлежащую и даже весьма часто глубокую эрудицію, васъ поразитъ кропотливость въ группировкѣ фактовъ и тщательное обслѣдованіе подробностей, но нигдѣ вы не найдете полной и живой картины, набросанной смѣлою и талантливою кистью. Наши историческіе писатели умѣютъ отшлифовать и подбирать мелкіе камешки, но не умѣютъ уложить ихъ въ художественную мозаику. Разработка почвы, критическое обслѣдованіе матеріала—это ихъ дѣло; но составить одно стройное цѣлое они не могутъ. Можно бы ихъ назвать способными и трудолюбивыми плотниками, которымъ чужда высшая степень пониманія и знанія, свойственная архитектору. Въ ближайшей связи съ отсутствіемъ въ нашихъ историческихъ писателяхъ надлежащей широты взгляда находится другой, еще болѣе существенный недостатокъ, именно—односторонность изслѣдованій. Каждый почти историческій трудъ нашихъ ученыхъ посвященъ исключительно внѣшней сторонѣ событій, ихъ занимаетъ и поглощаетъ все ихъ вниманіе преимущественно хронологія, генеалогія, этнографія, географія, походы, битвы, отдѣльные подвиги, дѣятельность правительственная и иныя подробности, составляющія только внѣшнюю сторону исторической жизни народовъ; но для нихъ не существуетъ ни жизнь домашняя, ни социальныя условія быта, ни нравы и обычаи, ни характеръ и уровень образованія, ни организація экономическихъ отношеній, словомъ—для нихъ не существуетъ именно все то, что заключаетъ въ себѣ существенный смыслъ и главное содержаніе исторіи. Потому-то обыкновенно бываетъ такъ, что самый даже почтенный трудъ представляется какиъ-то скелетомъ, имѣющимъ всѣ, даже мельчайшія косточки, всѣ связующія жилы, но который лишенъ совсѣмъ тѣла...” Эта характеристика, безъ сомнѣнія, заключаетъ въ себѣ весьма много правды, хотя нельзя безусловно подводить подъ такую характеристику всѣхъ

историческихъ польскихъ писателей ¹⁾. По мнѣнію цитируемаго нами рецензента, причина односторонности историческихъ воззрѣній, присущая польскимъ писателямъ, заключается въ недостатѣ всесторонняго и особенно философскаго образованія, общему большинству ихъ. Мнѣ кажется, что кромѣ этой, весьма серьезной причины, есть и другія, именно — самый характеръ польской исторической жизни, которая сама по себѣ есть не что иное, какъ голый скелетъ, потому что объемлетъ собою преимущественно жизнь одного сословія, или касты, не имѣющей ничего общаго съ народами и производившей на него мертвящее давленіе, убившей въ немъ всѣ силы духа, даже до потери сознанія человѣческаго достоинства. Потому-то, собственно говоря, какъ самая польская исторія есть только исторія одного сословія, но отнюдь не народа, который никогда не жилъ историческою жизнью, такъ и историческія воззрѣнія собственно польскихъ бытописателей не могутъ быть шире самого предмета, подлежащаго изслѣдованію и воспроизведенію.

По исторіи литературы истекшій годъ не принесъ ничего сколько-нибудь замѣчательнаго. Можно упомянуть развѣ о полной и обстоятельной біографіи „Владислава Сырокомли“, составленной г. Тишинскимъ, которая, однако, грѣшитъ тѣмъ, что разсматриваетъ жизнь и произведенія поэта не въ связи съ духомъ эпохи, въ которую онъ жилъ и дѣйствовалъ, а вполне отрѣшенно, внѣ всякаго вліянія окружающей его среды, какъ-будто кому бы то ни было возможно быть свободнымъ отъ такого вліянія. Какъ на курьёзъ, можно еще указать на брошюру г. Семенскаго, трактующую „О религіозности и мистицизмѣ въ жизни и поэзіи Мицкевича...“ Почтенный авторъ говоритъ не столько о религіозности этого извѣстнаго поэта, сколько по поводу этой религіозности, которую авторъ тенденціозно преувеличиваетъ и фальшиво понимаетъ. Авторъ какъ-будто даже весьма обрадовался удобному, по его мнѣнію, случаю и съ запальчивостью свирѣпаго фанатика нападаетъ на „безбожную демократію“, на „диавольскій матеріализмъ“ и т. п. Изъ болѣе обширныхъ трудовъ по исторіи литературы слѣдуетъ упомянуть о „Польской бібліографіи“ Эстрейхера, которой вышелъ пока еще одинъ томъ, а также о сочиненіи г. Куличковскаго: „Zarys dziejów piśmiennictwa polskiego“ (Очеркъ исторіи польской литературы), вышедшемъ во Львовѣ. Авторъ дѣлитъ всю исторію польской литературы на три періода: схоластическій, классическій и романтический, и такое дѣленіе, несмотря на видимую свою странность, по отношенію къ польской письменности какъ нельзя болѣе вѣрно. Новѣйшій, современный намъ

¹⁾ Шайноха прямо противорѣчитъ ей. — *Ред.*

періодъ польской письменности есть не что иное, какъ продолженіе романтической эпохи Мицкевича. Только въ послѣднее время стали возникать новыя литературныя требованія, новый взглядъ на отношеніе литературы къ жизни... Польская литературная критика ждетъ еще своего Бѣлинскаго, а польское слово ждетъ своего Гоголя, словомъ — нуженъ сильный, самобытный талантъ, который бы могъ положить начало новой литературной школѣ, болѣе соответствующей духу и требованіямъ времени. Талантъ такой пока еще не родился, и поляки въ своей литературѣ, какъ во всемъ иномъ, стараются жить преданіями, становясь перѣдко въ весьма странное противорѣчіе съ самими собой, съ современными требованіями и задачами жизни, науки и искусства.

Кромѣ множества монографій и болѣе обширныхъ научныхъ трудовъ по исторіи вообще и по исторіи литературы въ частности, въ истекшемъ году появилось въ печати значительное количество сырого историческаго матеріала, какъ, напримѣръ, „Scriptores rerum polonicarum“ (Львовъ, 3 тома); изданъ также во Львовѣ, по распоряженію гр. Голуховскаго „Codex diplomaticus Vielicensis“. Особенно любопытна изданная въ Познани „Korrespondencja krajowa Stanisława Augusta z lat 1784—1792“ (Внутренняя корреспонденція Станислава-Августа, отъ 1784 до 1792 г.). Это весьма интересная книга, подробный разборъ которой я постараюсь доставить вамъ отдѣльно, такъ какъ послѣдніе годы царствованія Станислава-Августа имѣютъ близкое отношеніе къ нашей исторіи конца прошлаго столѣтія, хотя „Korrespondencja“ проливаетъ особенно яркій свѣтъ преимущественно на внутреннія отношенія короля къ мѣстнымъ политическимъ партіямъ и наглядно характеризуетъ внутреннее состояніе страны, быстро и неудержимо клонившейся къ окончательному разложенію и гибели.

Несмотря на всю односторонность воззрѣній польскихъ историческихъ писателей, нельзя не признать, что въ послѣднее время многіе изъ нихъ начинаютъ смотрѣть на свое прошлое разумнѣе и трезвѣе, усматривая главную причину своей политической смерти больше всего въ самихъ себѣ, въ тѣхъ разлагающихъ элементахъ, которые скрывались въ самомъ государственномъ устройствѣ Польши, въ организаціи политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ ея отношеній. Подобный взглядъ начинаетъ уже входить въ сознаніе большинства мыслящихъ людей, хотя принадлежитъ онъ вовсе не мѣстнымъ корифеямъ исторической науки, а молодому поколѣнію польскихъ писателей, ведущихъ упорную борьбу съ традиціоннымъ обскурантизмомъ и предразсудками, ревниво охраняемыми въ обществѣ и наукѣ мѣстными авторитетами. Но пора деспотизма автори-

тетовъ, съ признаннымъ характеромъ непогрѣшимости, начинаетъ быстро проходить... Еще весьма недавно лучшіе изъ польскихъ историческихъ писателей проводили въ своихъ трудахъ самыя превратныя идеи и ратовали во имя самыхъ невѣроатныхъ принциповъ, не встрѣчая со стороны критики сколько-нибудь энергическихъ возраженій. Не болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ умеръ въ Варшавѣ одинъ изъ замѣчательныхъ тружениковъ на подрищѣ исторической науки, именно Юліанъ Бартошевичъ, отличавшійся глубокою эрудиціей и чрезвычайнымъ трудолюбіемъ. Въ своихъ историческихъ трудахъ, весьма многочисленныхъ и во многихъ отношеніяхъ весьма почтенныхъ, онъ съ силою полнѣйшаго убѣжденія проводилъ ту оригинальную мысль, что Польшу сгубили... не іезуиты, а враги іезуитовъ, не безсиліе власти, не шляхта съ ея буйствомъ, эгоизмомъ и политическою безтактностію, а вольнодумныя и безбожныя идеи Запада, растлѣвающее вліяніе которыхъ извратило будто бы шляхетскую чистоту нравовъ и обычаевъ, вообще — шляхетскую чистоту духа!... Нынѣ подобныя взгляды сдѣлались уже невозможными и были бы нещадно осмѣяны.

Переходя, по порядку, къ произведеніямъ художественной литературы, необходимо, для уразумѣнія многихъ ея явленій, имѣть въ виду, что по настоящее время не установилась еще въ этой литературѣ опредѣленная и здравая художественная критика, которая бы дада болѣе живое направленіе польскому художественному слову. Только въ послѣднее время нѣкоторые прогрессивные органы мѣстной печати стали усвоивать рациональные критическіе приемы и прилагать ихъ къ произведеніямъ изящной словесности. Большинство современныхъ польскихъ поэтовъ не перестаетъ жить въ мірѣ традицій, увлекаться бесплодными романтическими мечтаніями, не имѣющими ничего общаго съ жизнію и ея задачами. Они относятся къ ней презрительно и не признаютъ ее достойною быть предметомъ ихъ вдохновенія. Для нихъ все еще существуетъ „чернь непросвѣщенная“, съ которою они не хотятъ имѣть дѣла, чувствуя себя хорошо только въ избранномъ „шляхетскомъ обществѣ“, въ пропитанной экзальтаціею атмосферѣ, средѣ богинь, боговъ и дьяволовъ, въ морѣ слезъ, вздоховъ, неземного восторга и адскаго отчаянія.... Жизнь реальная, съ ея тревогами, заботами, горемъ и радостію — все это еще кажется имъ „низко и тривиально“! На классическомъ Парнассѣ, въ царствѣ лучезарнаго Феба, въ таинственномъ мірѣ нимфъ и эротовъ — вотъ гдѣ источникъ истиннаго и „чистаго“ вдохновенія.... Но и въ сферѣ поэзіи, какъ во многихъ иныхъ сферахъ, начинаютъ уже возникать новыя требованія и раздаваться идице годоса. Лучшіе изъ современныхъ польскихъ поэтовъ, принадлежавшихъ къ

молодому поколѣнію, каковы Аснѣкъ, Свидзинскій и иные, смѣются надъ „обманчивыми мечтаніями и созданіями фантазіи“, возмущаются „сонливою бездѣятельностью духа“ и не признають никакихъ „нездѣльныхъ міру страданій“.... Но эти трезвые взгляды на значеніе поэзии и отношеніе ея къ жизни все еще являются чѣмъ-то случайнымъ, внѣшнимъ и вполнѣ чуждымъ освященному традиціями художественному міровоззрѣнію, усвоенному польскою литературною школою. Тѣ же поэты и писатели, которые, подъ вліяніемъ минутнаго умственнаго просвѣтленія, рѣшались высказать здравую мысль, начинаютъ какъ-бы стыдиться самихъ себя и слѣдующе скорѣе искупить свой грѣхъ, погружаясь еще съ большею силою въ безсодержательный сентиментализмъ, въ „океанъ слезливыхъ lamentaцій“ и ища „успокоенія“ въ такихъ сентиментально-мистическихъ бредняхъ, какими наполнены, напримѣръ „Сонъ гробовъ“—произведеніе Аснѣка, одного изъ даровитѣйшихъ современныхъ польскихъ поэтовъ, извѣстнаго также подъ псевдонимомъ „Э—ли“. Очевидно, говоритъ одинъ рецензентъ, что „наши такъ-называемые „прогрессивные“ пѣвцы и поэты не выработали еще для себя никакихъ опредѣленныхъ и прочныхъ убѣжденій и не имѣють яснаго взгляда на жизнь и общество. Колеблясь въ разныя стороны, они все-таки склоняются больше къ заплѣсневѣлымъ традиціямъ, предразсудкамъ и преданіямъ прошлаго.... Подражательность составляетъ существенный характеръ произведеній современной польской поэзии, которая все еще не можетъ отрѣшиться отъ романтическихъ преданій байронизма и отъ болѣзненной раздражительности Гейне, А. де-Мюссе, Словацкаго и иныхъ“....

Но если поэзія, въ извѣстномъ отношеніи, можетъ почерпнуть свое содержаніе въ мірѣ мечты и воспроизводить образы идеальныя, создаваемые празднымъ воображеніемъ, то драма, комедія, романъ, повѣсть — не могутъ ограничиваться исключительно плодами фантазіи, а неизбежно должны стоять въ ближайшемъ отношеніи къ жизни и быть вѣрнымъ ея отраженіемъ. Но дѣло въ томъ, что по характеру своихъ воззрѣній, по своимъ симпатіямъ, по требованіямъ литературной школы, польскій художникъ относится къ здоровой дѣятельности равнодушно, большею частію не хочетъ ея знать. Тотъ умершій міръ, который давно уже перешелъ въ область традицій, сдѣлался легендою, гораздо симпатичнѣе ему и гораздо ближе къ его идеаламъ, чѣмъ живая дѣйствительность, съ ея идеалами, задачами и требованіями. Все, чѣмъ дорожитъ наше время, чѣмъ оно гордится, все это въ большинствѣ случаевъ для него не существуетъ.... Обитыя плещемъ развалины прошлаго, подъ грудями котораго сокрытъ цѣлый міръ воспоминаній — вотъ гдѣ источникъ всѣхъ его вдохновеній. Потому-то ни въ романѣ, ни въ драмѣ, ни въ комедіи

большую частью вы не найдете ничего живого, что имѣло бы ближайшее отношеніе къ жизни, къ ея дѣйствительнымъ интересамъ, и выражало бы обычныя людскія отношенія. Для правильной оцѣнки произведеній польской художественной литературы постоянно слѣдуетъ имѣть въ виду то обстоятельство, что она не заключаетъ въ себѣ собственно ничего чисто-народнаго, въ надлежащемъ смыслѣ этого слова. Въ этотъ затхлый міръ, въ гнилой атмосферѣ котораго легко задохнуться, не проникла еще свѣжая и здоровая народная струя. Весь богатый міръ собственно народныхъ думъ, вѣрованій, воззрѣній, нравовъ и обычаевъ остается пока незатронутымъ. Что такое польскій „хлопъ“, что и какъ онъ мыслить и чувствуетъ, этого никто не знаетъ, никто этимъ не интересуется. Въ силу чисто шляхетско-польскихъ воззрѣній, слѣдуетъ даже допустить, что онъ ничего не мыслить, ничего не чувствуетъ.... Въ польской литературѣ нѣтъ ни единого романа, повѣсти или драмы, предметомъ которыхъ была бы тяжелая жизнь „хлопа“, въ которыхъ воспроизводилась бы эта жизнь со всею ея дѣйствительностью, обстановкою и характеромъ. Плодовитѣйшій изъ современныхъ польскихъ романистовъ Крашевскій, изъ трехъсотъ слишкомъ своихъ произведеній, посвятилъ столь „низкому“ предмету только одно произведеніе, подъ заглавіемъ „Chatka za wsią“ (Избушка за селомъ), но и въ этомъ романѣ онъ воспроизводитъ жизнь не столько хлопа, сколько жизнь и приключенія какого-то цыгана, соорудившаго себѣ избушку на выгонѣ.... Иногда только для панской потѣхи и развлечения выводится на сцену хлопъ, вымытый, причесанный, чисто-одѣтый, словомъ — хлопъ идеализованный, а не настоящій, не дѣйствительный. Онъ или поетъ чувствительно (Галька, Флясь и пр.), или танцуетъ молодецки, ловко отбивая каблучками (Wesele w Oucowie).... Но никто не видитъ въ немъ хлопа и не признаетъ его хлопомъ. Это не больше, какъ фантазія, какъ простой капризъ, воплощенный въ идеализованный образъ хлопа, который на все время представленія возводится въ шляхетское достоинство.... Въ дѣйствительности же, въ силу традиціонно-сложившихся убѣжденій, сермяжный людъ вѣчно остается не только грубою, служебною и рабочею силою, но составляетъ какую-то отдѣльную, особенную и „низшую расу“ и въ нравственномъ, и въ физическомъ отношеніи. Въ качествѣ существа низшаго и служебнаго онъ самъ по себѣ, въ настоящемъ своемъ видѣ и званіи, не смѣетъ даже кричать „kochajmy-się“, не можетъ и не долженъ танцовать „мазура“.... Ни въ романѣ, ни въ драмѣ и комедіи онъ никогда не является какъ существо мыслящее, самостоятельное, какъ „человѣкъ“, а только какъ неизбѣжный аксессуаръ, въ видѣ горничной, лакея и т. п. Но обращенный въ ливрею, онъ уже перестаетъ

быть хлопомъ. Въ немъ остается обыкновенно отъ прежняго его званія только одно всегдашнее качество: безпробудная глупость, граничащая съ идиотизмомъ. Представленіе и изображеніе крестьянина въ видѣ существа глупаго и наивнаго, способнаго разсмѣшить „dyszgowana“ публику, составляетъ даже одинъ изъ любимыхъ и общепринятыхъ приемовъ у польскихъ драматическихъ писателей; въ романѣ же и повѣсти, въ которыхъ обыкновенно „паничъ и паненка“ пылаютъ неземною страстію, призывая небо и адъ во свидѣтельство своей любви, — горничная Мариса или Аннуса тѣмъ только и отличается отъ аркадской пастушки, что, по чувству сервиллизма, помимо опасеній получить отъ самого пана или пани затрепину, служить посредницею между паничемъ и панною, отъ которыхъ, въ концѣ-концовъ, получаетъ за свои услуги два злата „на пиво“, самъ же панъ и пани даютъ ей свое прощеніе и разрѣшеніе вступить въ законный бракъ съ свинопасомъ Барткомъ, плодъ любви къ которому она носитъ уже подъ своимъ хамскимъ сердцемъ....

Служа исключительно интересамъ одного сословія, но не всего народа, заимствуя все свое содержаніе изъ сферы чисто сословныхъ воззрѣній и отношеній, добровольно отвращаясь отъ живительнаго и всегда свѣжаго источника народныхъ думъ и вѣрованій, польская художественная литература давно уже исчерпала весь узкій міръ традицій. Идеализируя ихъ на всевозможные лады, она дошла, наконецъ, въ опоэтизированиі этихъ традицій до абсурда и стала жить въ мірѣ галлюцинацій... А между тѣмъ, жизнь идетъ впередъ безостановочно, вызывая живые вопросы, возбуждая неотступныя требованія, ставя новыя задачи и не допуская ни малѣйшаго уклоненія отъ ихъ рѣшенія. Не признать или удалить ихъ — литература въ концѣ-концовъ не можетъ, и вотъ возникаетъ новое литературное направленіе, состоящее въ томъ, что оно признаетъ новыя условія и требованія жизни, но въ то же время насильно втягиваетъ ихъ въ гнилыя рамки чисто-традиціонныхъ воззрѣній... Къ такому именно направленію принадлежитъ большая часть произведеній лучшихъ современныхъ польскихъ драматурговъ и романистовъ, между которыми самое почетное мѣсто занимаютъ три молодые писателя: Наржинскій (нынѣ покойный), Балуцкій и Сарнецкій. Имя перваго изъ нихъ извѣстно, отчасти, русской публикѣ по комедіи „Epidemia“, переведенной на русскій языкъ подъ заглавіемъ: „Биржевая лихорадка“. Другая комедія его: „Pozytywni“ (Позитивисты), проникнутая тенденціозностью, затрогиваетъ одинъ изъ важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ, живо интересующихъ мѣстное общество, исполненное предразсудковъ и недовѣрчиво относящееся ко всякому новому движенію въ сферѣ мысли и общественныхъ отношеній. Авторъ признаетъ

тотъ фактъ, что въ обществѣ начинается реакція противъ традиціонныхъ симпатій и воззрѣній, уступающихъ свое мѣсто „позитивному“ отношенію къ жизни; что возникаетъ потребность реальнаго и положительнаго знанія, весьма плохо гармонирующаго со всѣми исторически сложившимися строемъ этой жизни. Авторъ ищетъ якобы типовъ современныхъ позитивистовъ, создаетъ или находитъ ихъ и подвергаетъ осмѣянію. Сколько же нашелъ онъ этихъ типовъ и каковы они? Ихъ два: въ роли одного изъ нихъ является обыкновенный искатель богатыхъ невѣстъ, индивидуумъ безъ вѣры и чести, холодный эгоистъ и циникъ; въ качествѣ другого выводится на сцену безнравственный и продажный писака; нѣчто въ родѣ Вейльа, продавшій свою совѣсть и перо клерикаламъ и каншамъ. Въ подобныхъ негодяхъ и общественныхъ трутяхъ авторъ усматриваетъ типы современныхъ позитивистовъ!... Если бы комедія эта, по несомнѣнной даровитости автора, не представляла многихъ литературныхъ достоинствъ, она прошла бы незамѣченной; но въ литературномъ и сценическомъ отношеніи она написана весьма талантливо, и потому не могла не обратить на себя вниманія. „Подобные типы, говорится въ критической замѣткѣ „Ежегодника“ (рецензій здѣшнихъ прогрессивныхъ журналовъ въ настоящую минуту я не имѣю подъ рукою), весьма часто попадаются въ нашей литературѣ того еще времени, когда самое слово „позитивизмъ“ было неизвѣстно, и мы по-истинѣ не въ состояніи понять, въ силу какихъ логическихъ выводовъ и умозаключеній авторъ рѣшается отождествлять трезвое и разумное научное движеніе съ портретами такихъ людей. Очевидно, что онъ производилъ свои наблюденія надъ фальшивыми экземплярами, которые могли вырасти только на такой гнилой почвѣ, какую представляетъ Галиція и особенно запльсневѣлый Краковъ, къ которому никакія здоровыя понятія привиться не могутъ“... Слѣдуетъ замѣтить, что покойный Наржимскій былъ краковянинъ. Другой сценический писатель г. Сарнецкій, хотя содержаніе для своихъ произведеній тоже заимствуетъ изъ современныхъ отношеній, тѣмъ не менѣе и въ его взглядахъ опять проглядываетъ чисто традиціонная закуска. Лучшимъ произведеніемъ его признается комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ „Bezinteresowni“ (Безкорыстные), написанная не безъ таланта, свидѣтельствующая о замѣчательной наблюдательности автора и знаніи человѣческаго сердца. Третій писатель, г. Балуцкій, извѣстенъ болѣе какъ даровитый романистъ, по своимъ произведеніямъ: „O kawi ziemi“ (Изъ-за куска земли) и „Siostrzenica księdza proboszcza“ (Племянница приходскаго священника); но комедія его „Radcy pana radcy“ (Совѣтнику господина совѣтника), которая на варшавской сценѣ дается весьма часто, дышетъ такой веселостью, исполнена такого

свѣжаго юмора и глядится, несмотря даже на плохую игру большинства жетеровъ, съ такимъ удовольствіемъ, что нельзя не признать автора въ то же время однимъ изъ замѣчательныхъ водевилистовъ. Нельзя не упомянуть еще объ одномъ сценическомъ писателѣ, пользующемся немалою популярностью. Это—графъ Янъ-Александръ Фредро, сынъ извѣстнаго автора многихъ польскихъ комедій. Изъподъ пера гр. Фредро-сына вышло достаточное количество сценическихъ бездѣлушекъ, но ни одной сколько-нибудь замѣчательной вещи. Онъ пишетъ веселенькіе и порядочно пошленькіе фарсы, въ которыхъ не ищите ни характеровъ, ни дѣйствительнаго комизма, ни серьезной мысли, ни даже правдоподобія. Онъ беретъ обыкновенно какой-либо анекдотъ и облачаетъ его въ жиденькую драматическую форму. Самая интрига у него весьма незамысловатаго свойства и вертится неизмѣнно на *qui pro quo*,—дальше этого „комизмъ“ его нейдетъ. Если принять притомъ во вниманіе весьма плохую игру актеровъ, ихъ склонность къ шаржировкѣ и крайней каррикатурности (по ихъ понятію, въ томъ именно и заключается комизмъ), то лично для меня нѣтъ ничего безвкуснѣе, пошлѣе и скучнѣе этихъ фарсовъ, возбуждающихъ въ добродушной здѣшной публикѣ громкіе взрывы смѣха.

Что касается до романа и повѣсти, то оба эти рода произведеній польской художественной литературы имѣютъ значительное число своихъ представителей. Не говоря уже о патріархѣ польскихъ романистовъ—Крашевскомъ, снабжающемъ ежегодно польскую литературу за-разъ нѣсколькими романами, содержаніемъ которыхъ обыкновенно служатъ шляхетскіе интересы и традиции, возникаетъ рядъ молодыхъ талантовъ, болѣе чуткихъ къ дѣйствительнымъ требованіямъ времени. Такимъ образомъ возникаетъ романъ „тенденціозный“, въ лучшемъ значеніи этого слова. Новѣйшіе романисты начинаютъ проводить въ своихъ произведеніяхъ извѣстные принципы и идеи, воспроизводить жизнь, съ ея требованіями и задачами, освобождались отъ безплодной мечтательности и отъ платоническаго служенія „искусству для искусства“... Невозможно было бы перечислять всѣ имена и указывать на всѣ болѣе или менѣе замѣчательныя произведенія современной польской художественной литературы. Замѣчу только, что къ числу болѣе замѣчательныхъ современныхъ талантовъ принадлежитъ безспорно даровитая романистка г-жа Элиза Оршешко, которой романъ „Pan Graba“ встрѣченъ былъ съ восторгомъ мнѣшцею публикою и сразу поставилъ ее во главѣ современныхъ польскихъ романистовъ. Романъ этотъ, по духу и содержанію—шляхетскій; но онъ безжалостно бичуетъ шляхетскій эгоизмъ и раскрываетъ всю гнилость и бессмысліе шляхетскихъ воззрѣній, указывая

какъ на существенный источникъ зла, на фальшивыя начала, положенныя въ основу панскаго воспитанія. При относительно разумныхъ и здравыхъ тенденціяхъ, при глубинѣ мысли и широтѣ взгляда, романъ отличается безспорными литературными достоинствами, какъ въ общемъ построеніи, такъ и въ частностяхъ. Характеры и типы поразительно вѣрны; богатство и разнообразіе эпизодовъ нисколько не вредитъ единству руководящей идеи и служитъ только къ болѣе наглядному и всестороннему ея развитію. Перу этой писательницы принадлежитъ еще нѣсколько иныхъ романовъ и повѣстей. Къ той же категоріи даровитыхъ и тенденціозныхъ романистовъ, вращающихся не въ лазурныхъ сферахъ идеальнаго міра, а стоящихъ твердою ногою на реальной почвѣ, принадлежатъ молодые писатели: Балуцкій, Сенкевичъ, Иорданъ, Хлопицкій и Шелига. Но есть и представители стараго пошиба, послѣдователи школы Крашевскаго и Корженевскаго, каковы: Моржковская, Хлендовскій, Захарьясевичъ и др., которымъ невозможно отказать въ талантѣ, но которыхъ произведенія лишены какого бы то ни было живого и серьезнаго интереса.

Изъ этого бѣглаго, общаго и, признаюсь, крайне недостаточнаго очерка состоянія современной польской письменности, по важнѣйшимъ ея отдѣламъ (объ остальныхъ я умалчиваю, ибо пришлось бы писать не корреспонденцію, а цѣлый трактатъ), легко придти къ заключенію, что въ ней начинается въ послѣднее время отражаться совершенно новое, молодое, здоровое и прогрессивное направленіе, находящееся еще въ зародышѣ, но не лишенное задатковъ дальнѣйшаго и болѣе широкаго развитія и, очевидно, стоящее въ ближайшей связи съ тѣмъ умственнымъ движеніемъ, съ характеромъ котораго я старался познакомить васъ въ первомъ моемъ письмѣ и выразителемъ котораго служить преимущественно извѣстная часть здѣшней періодической печати.

Не лишнимъ считаю, въ заключеніе настоящаго очерка, дополнить его свѣдѣніями о нѣкоторыхъ, существующихъ въ настоящее время, польскихъ ученыхъ обществахъ. Общества эти суть слѣдующія:

„Варшавское Медицинское Общество“, основанное въ 1820 году и имѣющее цѣлю, по словамъ устава, способствовать „развитію медицинскихъ знаній, взаимному сближенію людей, посвятившихъ себя медицинской наукѣ, для взаимнаго обмѣна мыслей“ и т. п. Только съ 1837 г. Общество стало издавать свои „Записки“ (Pamiętniki). Въ 1857 г. основана при Обществѣ вспомогательная касса для нуждающихся врачей, ихъ вдовъ и сиротъ. Общество имѣетъ бібліотеку,

состоящую изъ 9900 томовъ. Собранія происходятъ ежемѣсячно. Это — единственное ученое общество въ Варшавѣ.

Львовское „Техническое Общество“, существующее съ 1862 года. Цѣль Общества — распространеніе техническихъ знаній и естественныхъ наукъ и практическое приложеніе ихъ въ жизни. По настоящее время оно издало только два тома своихъ записокъ.

„Краковское Ученое Общество“, основанное въ 1816 году и самое старое изъ всѣхъ существующихъ обществъ. Въ 1856 году оно подверглось нѣкоторому преобразованію, причемъ ограничена была отчасти и его программа, обнимавшая до того времени „всѣ сферы знанія“. По вновь утвержденной программѣ, Общество состояло изъ трехъ отдѣловъ: 1) отдѣла нравственныхъ наукъ; 2) естественныхъ и точныхъ наукъ, и 3) изящныхъ искусствъ и археологіи. Въ истекшемъ мѣсяцѣ Общество это преобразовано въ академію наукъ, открытіе которой торжественно совершено было 7-го мая, въ присутствіи эрцгерцога Карла-Людвига, съ этой цѣлью пріѣзжавшаго въ Краковъ изъ Вѣны.

„Литературно-Славянское Общество“ въ Бреславлѣ, основанное въ 1837 г. Собранія происходятъ въ залѣ университета; предсѣдателемъ назначается одинъ изъ профессоровъ. Цѣль Общества, по утвержденному академическимъ совѣтомъ уставу, состоитъ въ томъ, чтобы „съ помощію взаимныхъ научныхъ трудовъ, знакомить членовъ съ славянскими языками, исторіей, литературой и законодательствами“. Членами Общества могутъ быть только слушатели бреславскаго университета, безъ различія національностей; требуется лишь знаніе одного изъ славянскихъ языковъ. Всѣхъ членовъ въ настоящее время не больше 40; бібліотека Общества состоитъ изъ 1800 томовъ.

„Познанское ученое Общество“ существуетъ съ 1857 г. Первоначально оно состояло изъ двухъ отдѣловъ — исторіи и наукъ естественныхъ, но въ 1865 году примкнуло къ нему вновь организовавшееся „Медицинское Общество“. Библіотека общества состоитъ изъ 7187 томовъ, изъ 200 атласовъ и 56 автографовъ, археологическій кабинетъ изъ 3748, а геологическій изъ 2378 нумеровъ.

Самымъ живымъ выразителемъ общественныхъ, научныхъ и литературныхъ интересовъ, безъ сомнѣнія, служить періодическая печать. Въ послѣднее время польская журналистика стала развиваться, количественно и качественно, весьма быстро. Въ Варшавѣ въ настоящее время издаются: одинъ ежемѣсячный *научно-литературный* журналъ: „Варшавская Библіотека“; ежемѣсячно же „Собраніе романовъ и повѣстей“; два двухнедѣльных журнала: „Нива“ и „Семейная Хроника“; еженедѣльные: „Колосъ“, „Семейный Опекунъ“.

„Еженедѣльное Обзорѣніе“, „Журналъ Модъ“, „Журналъ романовъ и повѣстей“ и „Путешественникъ“. Юмористическіе: „Шипы“, „Праздничный Курьеръ“ и „Муха“. Научно-спеціальныхъ издается въ Варшавѣ же *пятнадцать* журналовъ и газетъ; *духовныхъ* журналовъ *два*; *народныхъ*—одинъ; *дѣтскій*—одинъ, и ежедневныхъ газетъ, литературно-политическихъ,—*пять*. Частныхъ провинціальныхъ газетъ въ Привислинскомъ краѣ издается четыре. Кромѣ того за границей, во Львовѣ, Краковѣ, Познани и другихъ мѣстахъ, издается въ настоящее время до 70 журналовъ и газетъ, научно-литературныхъ, политическихъ, спеціальныхъ, выходящихъ въ разные сроки. Перечислять всѣ ихъ поименно—заняло бы слишкомъ много времени и мѣста.

Л. Л.

Варшава, 2-го мая.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯДЪ НА ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЭПИДЕМІЙ.

Die Seichen, ihre Ursachen, Gesetze und Bekämpfung. Von Dr. Fr. Oesterlen. Tübingen, 1873. (Эпидемія, ихъ причины, законы и устраненіе, соч. доктора *Эстерлена*).

Врачи дѣлятъ всѣ болѣзни на спорадическія и эпидемическія, на основаніи частости ихъ появленія и числа заболѣвающихъ. Спорадическими болѣзнями называются тѣ, которыми изъ году въ годъ заболѣваютъ отдѣльныя личности, напримѣръ, разныя воспаленія и катарры. Эпидемическими же болѣзнями или просто эпидеміями называются такія болѣзни, которыми заболѣваютъ лишь въ извѣстные годы весьма многіе люди въ продолженіи небольшого промежутка времени; потомъ эти болѣзни или совсѣмъ исчезаютъ на нѣсколько лѣтъ, или принимаютъ спорадическую форму, то-есть, поражаютъ отъ времени до времени лишь отдѣльныхъ личностей. Когда эпидемія ограничивается лишь отдѣльными мѣстностями, населеніе которыхъ страдаетъ отъ нея ежегодно въ болѣе или менѣе сильной степени, то ее называютъ болѣзью *эпидемическою*; такова, напримѣръ, перемежающаяся лихорадка. Къ эпидемическимъ болѣзнямъ причисляютъ холеру, моровую язву, сибирскую язву, тифъ, желтую лихорадку, корь, скарлатину, оспу, коклюшъ, гриппу, кровавый поносъ.

Всѣ эти болѣзни могутъ проявляться и спорадически, но такъ какъ ихъ эпидемическое проявленіе всегда оказывало особенно сильное впечатлѣніе и на самихъ заболѣвающихъ, и на общество, и на врачей, то въ этомъ *особенномъ* способѣ ихъ распространенія всѣ искали всегда чего-то столь важнаго и замѣчательнаго, что онъ сталъ какъ-бы главнымъ отличіемъ этихъ болѣзней отъ всѣхъ другихъ. Всѣ эпидемическія болѣзни—*острыя*, такъ какъ они протекаютъ скоро, оканчиваясь или смертью или выздоровленіемъ, но эпидеміи—это *особенныя* острыя болѣзни, необыкновенныя. И давъ этимъ болѣзнямъ особое названіе, люди въ этомъ особомъ признаѣ стали искать и главную сущность эпидемій.—Что и какъ именно обуславливаетъ эту внезапность и быстроту столь многихъ одновременныхъ заболѣваній этими опасными недугами?—вотъ тотъ первый вопросъ, который ставили себѣ общество и врачи съ самыхъ древнихъ временъ. Казалось, что будь найдена эта причина, и эпидеміи могутъ быть уничтожены. Казалось также, какъ думаетъ большинство врачей и въ наше время, что эта причина находится внѣ человѣка, во внѣшнемъ мірѣ, и что стоило бы только опредѣлить ея природныя свойства, какъ нашлись бы противъ заразы и противоядія.

Съ другой стороны, находились врачи и другіе общественные дѣятели,—особенно духовенство,—которые утверждали, что эпидемичность вышеупомянутыхъ болѣзней зависитъ отъ разныхъ небесныхъ явленій. Даже въ 40-хъ годахъ нашего вѣка нѣкоторые врачи приписывали холеру появленію той или другой кометы. Духовенство всегда проповѣдовало, что эпидеміи насылаются на людей самимъ Провидѣніемъ какъ-бы въ возмездіе за ихъ грѣхи, и что противъ эпидемій всякія человѣческія старанія бесплодны. Вообще говоря, всѣ существовавшія до сихъ поръ понятія о причинахъ эпидемій склоняются къ тому, что главная причина имѣетъ непремѣнно самостоятельный или отдѣльный характеръ и находится внѣ человѣческаго организма. Во врачебной практикѣ, частной и общественной, осталось и укоренилось послѣднее предположеніе, и этому же вѣритъ общество въ государствахъ всего цивилизованнаго міра. Книга, заглавіе которой мы выписали въ оглавленіи нашей статьи, простираетъ свою дерзостную руку именно на эту вѣру и надѣется ее окончательно разбить и уничтожить—ни больше, ни меньше! Какъ это ни странно, но это такъ: докторъ Эстерленъ утверждаетъ и доказываетъ, что во всѣхъ врачебныхъ изысканіяхъ касательно эпидемическихъ болѣзней *нѣтъ ни одного доказаннаго факта* заразы ни чрезъ простое соприкосновеніе здороваго человѣка съ больнымъ, ни чрезъ посредство воздуха, что вообще нѣтъ никакихъ заразительныхъ веществъ, ни-

какихъ мѣзмъ ни при холерѣ, ни при тифѣ, ни въ скарлатинѣ, ни въ кори, ни въ другихъ эпидемическихъ болѣзняхъ.

Эстерленъ рѣшился возстать противъ того, что по его мнѣнію есть нелѣпое ученіе, а именно противъ ученія о заразительности эпидемическихъ болѣзней, въ основѣ котораго, по словамъ автора, нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ, ни одного опытнаго довода, ни одного серьезнаго, изслѣдованнаго факта. А между тѣмъ, основываясь на этомъ нелѣпомъ ученіи, сколько стѣснительныхъ и подчасъ весьма жестокихъ мѣръ предпринималось для охраненія той или другой страны отъ эпидемической заразы, которую никто никогда не улавливалъ, по той простой причинѣ, что такихъ заразъ вовсе нѣтъ на земномъ шарѣ. Сколько людей гибло оттого, что ихъ почему-то считали способными производить эпидемическія болѣзни, и по этой причинѣ держали въ душныхъ помѣщеніяхъ карантиновъ! А сколько терпѣли и терпятъ еще теперь отъ тѣхъ же причинъ торговля и вообще обмѣнъ и передвиженіе товаровъ и людей между различными странами! Всѣ эти предосторожности не предохраняли, правда, никого и ни одна страна не можетъ похвастать, что она спаслась посредствомъ карантиновъ отъ которой-либо эпидемической болѣзни; но такова сила человѣческихъ заблужденій, что разъ заведенная этими заблужденіями рутина продолжается даже тогда, когда несостоятельность ея давно уже обнаружена житейскимъ опытомъ, практическими фактами! Вотъ какъ смотритъ на дѣло Эстерленъ. Онъ высказывается съ большимъ ожесточеніемъ противъ врачей (Гризингера въ ихъ числѣ), которые поддерживаютъ подобныя заблужденія.

Эстерленъ имѣетъ право на порицаніе разныхъ медицинскихъ авторитетовъ, такъ какъ онъ самъ весьма крупный авторитетъ въ самыхъ жизненныхъ, для общества, медицинскихъ вопросахъ. Онъ первый создалъ медицинскую статистику; онъ написалъ превосходное, во всѣхъ отношеніяхъ, руководство къ гигиенѣ; онъ уже осмѣивалъ однажды, и съ большою пользою для врачебной практики, вѣру разныхъ знаменитостей въ дѣйствіе тѣхъ или другихъ лекарствъ (см. его „Handbuch der Heilmittellehre“, вышедшее теперь седьмимъ изданіемъ). Наконецъ, Эстерленъ же сталъ чуть ли не первый говорить врачамъ (см. его „Medicinische Logik“), что для серьезныхъ научныхъ изслѣдованій и выводовъ необходимо обладать логическимъ разсудкомъ. Вообще говоря, Эстерленъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ высокой степени образованныхъ врачей, какихъ въ наше время мало не только у насъ, но и въ Германіи. Тому именно обстоятельству, что на медицинскихъ факультетахъ обучаютъ однимъ лишь естественнымъ наукамъ и специальнымъ медицинскимъ, Эстерленъ при-

писываетъ замѣчательное невѣжество врачей во всемъ, что касается общественной и политической жизни гражданъ, и возможность укрѣпленія во врачебной наукѣ самыхъ жалкихъ суевѣрій и предрасудковъ касательно причинъ и леченія болѣзней; такимъ же суевѣріемъ является передъ судомъ его критики происхождение эпидемій отъ заразного вещества. Мы изложимъ взглядъ Эстерлена, устраняя себя совершенно отъ приговора по его гипотезѣ, которая во всякомъ случаѣ оригинальна и остроумна.

Есть двѣ теоріи происхожденія эпидемій отъ заразы. Одна учитъ, что распространеніе эпидемическихъ болѣзней происходитъ посредствомъ *прямого соприкосновенія* съ больнымъ человѣкомъ или вещами, въ которыхъ больной прикасался,—это старая теорія заразы. Другая, новая теорія, созданная вслѣдствіе фактическаго опроверженія старой, полагаетъ возможнымъ найти *заразу въ воздухѣ* ¹⁾, хотя до сихъ поръ никому не удалось уловить заразное вещество ни при одной изъ эпидемическихъ болѣзней.

Посмотримъ прежде всего, насколько соответствуетъ дѣйствительный ходъ и развитіе эпидемій требованіямъ обѣихъ теорій заразы.

Положимъ, что эпидеміи заразительны и распространяются черезъ передачу заразнаго вещества отъ одного человѣка къ другому; — какія явленія должны происходить въ обществѣ при такой передачѣ?.. Первыми и чаще всего должны заболѣвать тогда тѣ, кто всего чаще и всего ближе приходитъ въ соприкосновеніе съ эпидемическими больными; частотъ и послѣдовательный рядъ случаевъ заболѣваній должны идти параллельно съ частотью и близостью сношеній съ зараженными, и никто не можетъ заболѣть эпидемическою болѣзью иначе, какъ лишь путемъ личнаго соприкосновенія съ заразою. Среди большихъ, густыхъ массъ людей, въ густо населенныхъ домахъ и квартирахъ, въ многочисленныхъ городахъ и при быстрыхъ и безпрестанныхъ сношеніяхъ людей между собою, должно заболѣвать большее число лицъ, чѣмъ при противоположныхъ обстоятельствахъ, и распространеніе эпидеміи во всѣхъ этихъ мѣстахъ должно быть параллельно густотѣ населенія и массѣ сношеній;—чѣмъ гуще населенъ городъ или домъ, тѣмъ масса сношеній между ихъ жителями больше, тѣмъ сильнѣе и быстрѣе должно совершаться распространеніе эпидеміи. Съ другой стороны, люди уединяющіеся, живущіе сами по себѣ и избѣгающіе всякихъ сношеній съ тѣмъ, что носить на себѣ хотя тѣнь эпидемической подозри-

¹⁾ Теорія Петтенкофера о распространеніи холеры подѣ эту классификацію не подходитъ.—Ред.

тельности, не должны заболѣвать вовсе, или только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, и вообще рѣже тѣхъ, которые не прячутся и не бѣгутъ отъ общественныхъ дѣлъ. Самый ходъ эпидеміи долженъ совершаться согласно съ вышеупомянутыми обстоятельствами. Сперва медленно, но въ постоянно возрастающей прогрессіи и всегда параллельно съ массою сношеній, должна эпидемія распространяться все далѣе вокругъ первыхъ случаевъ заболѣванія, при чемъ каждый новый больной долженъ, въ свою очередь, становиться источникомъ зараженія для всѣхъ его окружающихъ. При такомъ распространеніи, эпидемія не можетъ прекратиться до тѣхъ поръ, пока ея не переболѣютъ почти всѣ, или, по крайней мѣрѣ, огромный процентъ всего населенія.

Дѣйствительный ходъ эпидеміи не только не подтверждаетъ исполнѣ всѣхъ предположеній теоріи зараженія посредствомъ соприкосновенія съ больными, но, напротивъ, совершается совсѣмъ иначе: и способъ распространенія, и фактъ появленія, и прекращеніе эпидемій—все происходитъ не такъ, какъ этого требуетъ изложенная нами теорія. Оказывается, что приближенные больныхъ: родственники, сосѣди, прислуга, врачи, даже спящіе съ ними въ одной комнатѣ и т. п., заболѣваютъ во всякомъ случаѣ лишь изрѣдка въ большей пропорціи, чѣмъ все остальное населеніе данной мѣстности. Съ другой стороны, люди, удаленные отъ всякаго соприкосновенія съ больными ли, или съ подозрительными вещами и мѣстами, заболѣваютъ въ такомъ же числѣ, а иногда и въ большемъ, чѣмъ люди, смѣло вращающіеся среди больныхъ. Эпидеміи проникаютъ и въ такія замкнутыя со всѣхъ сторонъ помѣщенія, какъ тюрьмы, монастыри, гаремы, или казармы и т. п. Опытъ учитъ также, что можно совершенно спокойно посѣщать и даже прикасаться къ больнымъ холерою, тифомъ, моровою язвою, скарлатиною и даже оспою ¹⁾, карбункуломъ или такъ-называемымъ госпитальнымъ антоновымъ огнемъ, и зараженія оттого не происходитъ. Также не доказано, чтобы въ госпиталяхъ, гдѣ для эпидемическихъ больныхъ отведены особые павильоны, эпидеміи менѣе свирѣпствовали, чѣмъ въ больницахъ съ свободнымъ сообщеніемъ между всѣми отдѣленіями. Случаи одновременнаго заболѣванія многихъ лицъ въ семьѣ или въ больницѣ, подавшіе поводъ къ предположенію о существованіи заразы, въ дѣйствительности происходятъ отъ общихъ вредныхъ вліяній, которымъ подвергались всѣ эти люди, вмѣстѣ и одновременно или послѣдовательно заболѣвшіе. Эпидемическія болѣзни возникаютъ иногда на

¹⁾ Удостовереніе дѣйствительности такого опыта во всякомъ случаѣ должно лежать на ответственности Эстермана.—Ред.

кораблѣхъ, среди океана, но и тамъ ими заболѣваютъ лишь нѣкоторые люди. Эпидемія появляется также среди дикихъ кочующихъ племенъ, на уединенныхъ островахъ и притомъ при обстоятельствахъ, не допускающихъ и мысли о заразѣ чрезъ прикосновеніе.

Эпидемія нападаетъ не на всѣхъ, кто попадаетъ ей на дорогѣ, но лишь на нѣкоторыхъ: въ одномъ и томъ же домѣ, госпиталѣ, тюрьмѣ или кораблѣ она поражаетъ далеко не всѣхъ,—при самомъ сильномъ развитіи не болѣе 10-ти процентовъ, а иногда только одинъ процентъ и даже менѣе. Въ городахъ она болѣе всего расположена къ бѣднымъ классамъ, разслабленнымъ, голоднымъ, а изъ богатыхъ всего охотнѣе поражаетъ тѣхъ, кто ведетъ беспорядочную жизнь. Теорія прикосновенія ничего не можетъ объяснить въ этомъ выборномъ началѣ каждой эпидеміи. Имѣй фактъ прикосновенія серьезный смыслъ, эпидемія должна была бы распространяться кругами возлѣ заразительнаго пункта, а не по пунктамъ, гдѣ живетъ бѣдность, истома, излишній трудъ и развратъ.

Какъ распространеніе эпидеміи, такъ и фактъ появленія и прекращенія ея, противорѣчатъ разбираемой нами теоріи. Эпидемія начинается обыкновенно отдѣльными случаями заболѣванія или группами такихъ случаевъ. Всегда заболѣваютъ сначала отдѣльныя личности, потомъ многіе, и обыкновенно въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ обитаетъ бѣдное населеніе, въ тѣсныхъ, грязныхъ помѣщеніяхъ, въ сырыхъ подвалахъ домовъ съ дурными отводами для нечистотъ и т. п., а также въ пансіонахъ, сиротскихъ домахъ, больницахъ, казармахъ, тюрьмахъ и т. п. Въ этихъ мѣстностяхъ эпидемія держится, въ большей части случаевъ, цѣлыя недѣли и мѣсяцы, а иногда только ими одними и ограничивается, несмотря на то, что сношенія этихъ зараженныхъ мѣстъ съ другими частями города продолжаютъ по прежнему. Бываетъ, что эпидемія идетъ по одной сторонѣ рѣки, даже по одной сторонѣ улицы, не обнаруживаясь ни однимъ фактомъ на другой; иногда она ограничивается лишь отдѣльными домами и даже отдѣльными комнатами въ домахъ.

Относительно времени заболѣваній эпидеміи тоже весьма прихотливы: въ началѣ всегда заболѣваютъ немногіе, иногда на самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ,—затѣмъ быстро другъ за другомъ слѣдуютъ многіе случаи заболѣванія, иногда въ одинъ и тотъ же день и даже въ одинъ и тотъ же часъ, въ разныхъ частяхъ города.

Если всѣ факты распространенія эпидеміи, всѣ случаи заболѣванія представить графически съ птичьяго полета, то наша карта будетъ вся испещрена болѣе или менѣе многочисленными группами, сосредоточенными главнымъ образомъ въ отдѣльныхъ частяхъ, въ

отдѣльныхъ квартирахъ, между тѣмъ какъ тутъ же, между этими зараженными мѣстностями, большинство квартиръ, улицъ и домовъ явится чистымъ или только слегка задѣтымъ эпидеміей.

По теоріи прикосновенія слѣдовало, чтобы число заболѣваній постоянно увеличивалось, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности оно то падаетъ, то возрастаетъ, то вдругъ совсѣмъ исчезнетъ на нѣкоторое время, то снова появится и быстро подымется, причемъ замѣчено, что смертность идетъ параллельно съ цифрою заболѣванія. Но достигнувъ однажды своего высшаго пункта, эпидемія опускается и ослабѣваетъ въ одно и то же время, или вдругъ исчезаетъ.

Въ послѣднее время теорія простого прикосновенія была приведена въ сильное замѣшательство еще тѣмъ физиологическимъ фактомъ, что человѣческая здоровая, непораненная кожа не пропускаетъ сквозь себя никакихъ жидкостей. Но за то тѣмъ больше сторонниковъ явилось у теоріи зараженія чрезъ легкія, посредствомъ вдыханія міазмы съ воздухомъ.

Міазматическая теорія находитъ, что эпидемическія болѣзни возникаютъ лишь тамъ, гдѣ воздухъ зараженъ тѣмъ или другимъ болѣзнетворнымъ, ядовитымъ веществомъ, причемъ распространеніе эпидеміи можетъ, слѣдовательно, происходить болѣе или менѣе тихо и быстро, независимо отъ взаимныхъ сношеній людей между собою или съ больными и ихъ вещами. Другими словами, при эпидеміи люди должны заболѣвать въ большомъ количествѣ, болѣе или менѣе одновременно, въ цѣломъ ли городѣ, въ одномъ ли домѣ, или въ одной и той же квартирѣ. Зараженный воздухъ, проникнувъ туда, долженъ заразить всѣхъ въ болѣе или менѣе степени. Квартиры, дома или мѣстности, сосѣднія съ выбранными эпидеміей пунктами, съ „гнѣздами“ ея, и особенно если эти квартиры, дома и мѣстности подобны, въ своихъ существенныхъ гигиеническихъ качествахъ, съ эпидемическими гнѣздами, должны во всякомъ случаѣ тоже подвергнуться вліянію эпидеміи. Точно также одно и то же мѣсто, одна и та же группа домовъ и т.-п. не могутъ подвергаться эпидемической заразы въ разной степени: то сильно, то слабо, то вовсе не подвергаться. Съ другой стороны, здоровыя мѣстности и квартиры, хорошо отстроенныя и всѣмъ снабженныя дома и заведенія, и вообще мѣстности, въ которыхъ присутствіе міазмовъ немыслимо, не должны подвергаться эпидемическимъ болѣзнямъ. Здоровый, чистый воздухъ и хорошая вентиляція должны предохранять отъ эпидемій и быстро дѣйствовать противъ ихъ распространенія; точно также должны дѣйствовать въ ограниченныхъ пространствахъ дезинфекція и нагрѣваніе воздуха. Если происхожденіе и распространеніе эпидеміи зависитъ вообще отъ вредныхъ атмосферныхъ вліяній, то и

сама эпидемія должна мѣняться, смотря по состоянію атмосферы, т.-е. вмѣстѣ съ переměнами погоды, времени года, направленья вѣтровъ и т. п.

Есть много фактовъ, которые какъ-бы служатъ подтвержденіемъ требованій міазматической теоріи, и эти факты даютъ ей, разумѣется, большое преимущество передъ теоріей прямого прикосновенія, но тѣмъ не менѣе міазматическая теорія не въ состояніи объяснить многихъ другихъ фактовъ, и никто еще не уловилъ ни одной воздушной міазмы. Между тѣмъ, наука можетъ признавать основательною лишь такую теорію, которая объясняетъ всѣ факты и которой не противорѣчитъ ни одинъ. Міазматическая теорія можетъ, напр., объяснить тѣ факты распространенія эпидеміи, когда болѣзнь появляется одновременно въ разныхъ странахъ и островахъ, отдѣляемыхъ другъ отъ друга широкими морями, — когда, однимъ словомъ, факта прямого прикосновенія вовсе не было; она можетъ также объяснить частое ограниченіе эпидеміи какою-либо отдѣльною мѣстностью, густо населенною или сырою, или грязною и т.-п.; она можетъ объяснить еще тѣ переměны въ числѣ заболѣваній, которыя происходятъ вслѣдствіе переměны погоды: лѣтнихъ жаровъ или продолжительныхъ дождей, и т. п., но противъ этихъ, доступныхъ ея объясненію фактовъ, можно противопоставить другіе, которые не только затираютъ значеніе этихъ объясненій, но и вовсе не поддаются толкованіямъ міазматической теоріи. Такъ, — особенныя свойства атмосферы, вредныя вліянія погоды никакъ не могутъ служить достаточною причиною для обращенія какой-либо болѣзни въ эпидемическую, потому что извѣстно, что одна и та же эпидемія можетъ возникать при *всякой* погодѣ, въ *любомъ* изъ временъ года, во *всѣхъ* климатахъ, и на высокихъ горахъ и въ низменностяхъ, хотя не всегда съ равною силою и одинаково часто. И какъ объяснить, въ то же время, что эпидеміей заболѣваетъ сравнительно небольшой процентъ всего населенія, и часто лишь въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, улицахъ и домахъ, причѣмъ сосѣднія съ ними мѣстности, улицы и дома не подвергаются дѣйствію міазмовъ? Число заболѣваній при эпидеміи то падаетъ, то повышается, иногда безъ всякихъ соотвѣтственныхъ переměнъ въ атмосферѣ; эпидемія исчезаетъ, хотя въ атмосферѣ не произошло никакихъ измѣненій. Если воздухъ дѣйствительно насыщаетъ заразою, то отчего же почти во всѣхъ эпидеміяхъ большая часть животныхъ не подвергается зараженію? Отчего также эпидеміи распространяются иногда въ противоположномъ господствующимъ вѣтрамъ направленіи? Почему богатые люди и жители здоровыхъ кварталовъ въ городѣ не застрахованы отъ эпидемической мѣ-

азмы?... На всѣ эти вопросы мiasmатическая теорія не имѣетъ рѣшительнаго, научнаго отвѣта.

Само понятіе о мiazмѣ не выдерживаетъ серьезной критики. Или этой мiazмы вовсе нѣтъ, или она должна быть какимъ-нибудь ядомъ совершенно особеннаго свойства, такъ какъ въ ней нѣтъ никакой аналогіи съ другими, извѣстными намъ ядами и заразами. Возьмите дѣйствительно заразительныя вещества, которые уловлены и подлежатъ научному изслѣдованію, — возьмите оспенную матерію, лимфу коровой оспы, гной сифилитическихъ язвъ, змѣиный ядъ, — всѣ эти заразительныя вещества теряютъ свою ядовитость, если ихъ развести водою. Эпидемическая мiazма представляется въ видѣ газа и потому, попавши въ воздухъ, можетъ находиться въ немъ лишь въ крайне слабомъ количествѣ. Такъ происходитъ, по крайней мѣрѣ, со всѣми другими газами, попадающими въ воздухъ, гдѣ они въ скоромъ времени или теряются въ массѣ воздуха, или разлагаются, давая воду, углекислоту, амміакъ и т. п. Можно ли себѣ представить, чтобы газы, возникающіе изъ разложенія гніющихъ человѣческихъ или животныхъ веществъ — а такими представляются мiazмы — могли оставаться въ воздухѣ, неизмѣненными и въ болѣе сгущенномъ состояніи, гораздо долѣе всякихъ другихъ газовъ, и чтобы они могли переноситься чрезъ громадныя пространства, даже чрезъ океанъ свѣжаго воздуха, чтобы тамъ, за океаномъ, внести заразу лишь въ опредѣленныя мѣстности и въ отдѣльныхъ личностей?... Все, что извѣстно о вліяніи газовъ, развивающихся при гніеніи органическихъ тѣлъ, на здоровье людей, это вліяніе дѣйствительно вредитъ здоровью, но оно никакъ не можетъ само по себѣ создавать цѣлыя эпидеміи или заразительныя болѣзни. Прямими опытами вдыханія этихъ газовъ (опыты Геммера) доказано, что это вліяніе остается почти незамѣтнымъ, и что вреднаго вещества содержатъ они сравнительно въ весьма ничтожной пропорціи, что углеводовъ и окиси углерода въ нихъ вовсе нѣтъ. Сильно ядовитыми оказываются не газы, отдѣляющіеся отъ гніющихъ животныхъ и растительныхъ тканей, а сами гніющія вещества, такъ что ядовитость ихъ не исчезаетъ даже при варкѣ. Какъ бы то ни было, ядовитость гніющихъ веществъ не имѣетъ ничего общаго съ такъ-называемою мiazмою: она убиваетъ организмъ, который подвергнется ея дѣйствію, но самъ организмъ не становится оттого исходнымъ пунктомъ заразы.

Есть, наконецъ, такіе факты, гдѣ теорія воздушной мiazмы остается совершенно несостоятельною. Какъ объяснить, напримѣръ, заболѣваніе младенца оспою въ утробѣ совершенно здоровой матери, которая вынесла оспу въ свои ранніе годы или у которой была прежде прививная оспа? Если оспа — болѣзнь не самостоятельная, но рас-

пространяющаяся лишь посредством воздушной заразы, то какимъ образомъ могъ заболѣть ею утробный младенецъ, до котораго никакая зараза не могла проникнуть, не заразить прежде самой матери?..

Приверженцы мiasmатической теоріи старались отпарировать всѣ сильныя возраженія противъ ихъ ученія и всѣ факты, не поддающіеся объясненіямъ посредствомъ мiazмы, изобрѣтеніемъ разныхъ добавочныхъ гипотезъ, въ родѣ, на примѣръ, „инкубаціоннаго періода“, въ продолженіи котораго зараза, будто бы, пребываетъ въ тѣлѣ въ скрытомъ состояніи. Особенно много занимались они погоней за мiazмами, но химія показала, что въ воздухѣ во время эпидеміи нѣтъ ничего особеннаго. Взамѣнъ химическаго яда, мiazматики придумали затѣмъ разныя микроскопическія вещества: грибки, водоросли и т. п., но вскорѣ оказалось, что эти „специфическіе“ отравители находятся микроскопомъ повсюду: и въ здоровомъ тѣлѣ, и въ больномъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время мiazматическая гипотеза оказывается лишь страннымъ сдѣланіемъ разныхъ предположеній, въ основаніи котораго нѣтъ никакой фактической почвы: не доказано, что существуютъ такія ядовитыя вещества, которыя могли бы обусловливать возникновеніе и распространеніе эпидемическихъ болѣзней; не сдѣлано никакихъ прямыхъ опытовъ въ подтвержденіе того, что эпидеміи производятъ какія-либо вещества, которыя переносятъ заразу отъ лица къ лицу посредствомъ ли воздуха, или прямо прикосновенія между лицами. Все, что было сдѣлано въ этомъ родѣ, дало или сомнительныя, или прямо отрицательныя результаты. Всѣ ссылки на нѣкоторыя, дѣйствительно, заразительныя болѣзни, на примѣръ, на сифилисъ, на собачье бѣшенство, на дифтерію, или оспу и сибирскую язву, при развитіи которыхъ дѣйствительно получается такое вещество, которое при прививкѣ къ здоровому организму производитъ въ послѣднемъ ту же болѣзнь,—не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ многія изъ этихъ болѣзней не эпидемичны, и такъ какъ не доказано, чтобы при эпидемическомъ развитіи нѣкоторыхъ изъ нихъ распространеніе болѣзни совершалось путемъ какой-либо воздушной мiazмы, а не путемъ прививки или обстоятельствами совершенно особаго рода, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Эстерленъ, считаетъ возможнымъ заключить изъ анализа всего того, что дали до сихъ поръ опытъ и наука, что „хотя зараженіе при эпидеміяхъ возможно подъ вліяніемъ особыхъ обстоятельствъ, но до сихъ поръ ничѣмъ не подтверждено еще, чтобы зараженіе было обусловливающей, существенной причиной заболѣванія, и вмѣстѣ съ тѣмъ не исключена не только возможность, но и крайняя вѣроятность другихъ причинъ“ (стр. 146).

Несостоятельность мiasmатической теории можно доказывать также на основаніи *общихъ* воззрѣній современной науки. По ученію мiasmатической теории выходитъ, что „эпидемія—вліянія совершенно особеннаго, если не специфическаго свойства, и притомъ совершенно случайныя и быстро возникающія, такъ какъ онѣ вообще и существенно обусловливаются случайною передачею столь же особенныхъ, сколько быстро и сильно дѣйствующихъ заразительныхъ веществъ или ядовъ“. Общая основанія науки прежде всего не могутъ допустить *случайности* такого явленія, какъ эпидемія. Въ природѣ и человѣческихъ обществахъ, напротивъ, все совершается въ извѣстной причинной связи и послѣдовательности, и изъ-подъ того основнаго начала всего существующаго, что „нѣтъ дѣйствія безъ причинъ“, не можетъ уходить ни одно явленіе. Если вездѣ, и въ живой и въ безжизненной природѣ, все совершается не случайно, но въ силу твердыхъ неизмѣнныхъ законовъ, то такими же законами должно обусловливаться. также происхожденіе и распространеніе эпидемій. Допустивъ однажды такую случайность, какъ эпидемическое заболѣваніе и смерть цѣлыхъ населеній, пришлось бы допустить возможность истребленія путемъ эпидемій всего человѣческаго рода. Но такъ могутъ разсуждать лишь люди, лишенные всякаго научнаго развитія, или тѣ духовныя лица, которые видятъ въ эпидеміяхъ гнѣвную руку неба. Въ дѣйствительности, медицинская статистика показываетъ, что эпидеміи не производятъ никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ *общемъ* выводѣ смертности. Наука доказываетъ, что жизнь и смертность народовъ зависятъ отъ постоянныхъ, а не случайныхъ факторовъ, и этому выводу не можетъ противорѣчить смертность отъ эпидемій. Къ сожалѣнію, въ настоящее время литература эпидемическихъ болѣзней даетъ слишкомъ мало фактовъ и статистическихъ данныхъ для подтвержденія того, что эпидеміи находятся къ общей смертности населенія въ постоянныхъ отношеніяхъ, а не случайныхъ. Однако, точныя статистическія свѣдѣнія, собираемыя въ нѣкоторыхъ странахъ (особенно въ Великобританіи, Бельгіи и Женеvѣ), относительно движенія народонаселенія и смертности отъ разныхъ болѣзней, даютъ уже теперь возможность придти къ тому выводу, что эпидемическая смертность имѣетъ предѣлы и что она находится въ постоянномъ отношеніи къ смертности населенія вообще, или къ смертности отъ другихъ болѣзней. Это постоянное отношеніе эпидемической смертности въ данной мѣстности къ смертности ея вообще служить очевиднымъ доказательствомъ того, что самыя эпидеміи не случайныя явленія и что ихъ причины кроются не внѣ населенія, а въ самомъ населеніи, въ самой жизни его. Съ особенною ясностью проявляется постоянное отношеніе эпидемической смер-

ности къ общей смертности населенія въ *периодичности* эпидемій: эпидеміи посѣщаютъ ту или другую мѣстность чрезъ извѣстный промежутокъ времени и уносятъ при этомъ какъ разъ такую массу людей, какой не хватало въ обычной общей смертности даннаго населенія, живущаго въ извѣстной общественной и климатической обстановкѣ. То же самое доказываетъ другой фактъ: усиленная смертность во время эпидемій стариковъ и дѣтей, и вообще людей слабыхъ и истощенныхъ; эти слабые люди легко погибли бы и отъ другихъ болѣзней, и эпидемія, унося ихъ, лишь лишаетъ другія болѣзни удобнаго для ихъ нападенія матеріала. Такимъ образомъ, въ общей смертности всего населенія, эпидемическая смертность не играетъ особенной и болѣе важной роли, чѣмъ смертность отъ другихъ болѣзней; люди, погибшіе при эпидеміи, погибли бы и отъ другихъ, спорадическихъ болѣзней въ томъ же числѣ, потому что гибель ихъ заключалась въ слабости ихъ собственнаго организма. Фактъ гибели слабыхъ организмовъ во время эпидеміи подтверждаетъ еще знаменитымъ врачомъ Виллерме на основаніи данныхъ, собранныхъ Дювилляромъ во время оспенной эпидеміи, и Райе во время перемежающейся лихорадки, а также Мозеромъ и въ новѣйшее время Алленъ Нейсономъ при холерѣ. Данныя готскаго банка страхованія жизни также показали, что при холерѣ цифра смертности страховавшихся въ этомъ банкѣ лицъ постоянно повышалась соразмѣрно съ возрастомъ, то-есть, что болѣе старыя люди умирали отъ холеры сравнительно въ большей пропорціи, чѣмъ болѣе молодыя.

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ очевидно, что эпидемическая смертность, взятая въ отношеніи къ общей смертности населенія, никакъ не случайность, такъ какъ между тою и другою есть опредѣленная постоянная связь, которая въ свою очередь заставляетъ насъ предполагать, что эпидемическая смертность имѣетъ свои законныя причины въ самомъ бытѣ и органической жизни населенія.

Другая половина общаго вывода мiasmатической теоріи, при внимательномъ изслѣдованіи съ точки зрѣнія общихъ положеній современной науки, оказывается столь же несостоятельною, какъ и первая. Общія положенія науки не допускаютъ не только случайнаго происхожденія эпидемій, но и тѣхъ специфическихъ, или просто быстро и сильно дѣйствующихъ факторовъ на цѣлыя населенія. Природа дѣйствуетъ и въ крупныхъ явленіяхъ и въ мелкихъ постепенно, медленно; крупнаго и, повидимому, быстраго результата она всегда достигаетъ мало-по-малу, помощью слабыхъ и долго дѣйствующихъ средствъ. Нормальное развитіе человѣческаго организма, его ростъ и всѣ его перемѣны въ разные возрасты, какъ и самая сила жизни

подвигаются впередъ и совершаются по такимъ вѣчнымъ законамъ, какъ все въ природѣ. Поэтому, все, что случается съ организмомъ вдругъ, случайно, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, должно быть лишь результатомъ долгихъ и мелкихъ вліаній, а не какой-либо невидимой и непонятной внѣшней силы, взявшей ее неизвестно откуда. Человѣческій организмъ обладаетъ превосходными рычагами, и нужно привести его въ весьма сильное разстройство, чтобы онъ погибъ вдругъ; поэтому, если эти организмы начинаютъ одновременно гибнуть большими массами, то никакъ не отъ какой-нибудь случайности, внѣ организма находящейся, но отъ причинъ, кроющихся въ самихъ организмахъ. Эпидемія указываетъ на какое-то внезапное дѣйствіе, на внезапную смертность населенія, но могла ли эта смертность произойти безъ предварительнаго къ ней подготовленія? Мы знаемъ, конечно, что есть такіе яды, которые убиваютъ разомъ самый здоровый организмъ, какъ убиваетъ его механическая сила, но чтобы утверждать, что эпидемическая миазма принадлежитъ къ того же рода ядовитымъ веществамъ, нужно было бы привести и доказательства того свойства, какими убѣждается наука въ силѣ дѣйствительныхъ, видимыхъ и осязаемыхъ ядовъ, а не приписывать природѣ способность случайнаго созданія всякихъ миазмъ, которыхъ по всей вѣроятности вовсе нѣтъ на земномъ шарѣ.

Что касается до „специфичности“, до особенности эпидемическихъ ядовъ, это понятіе точно также противорѣчитъ общимъ воззрѣніямъ науки, какъ понятіе о внезапномъ и сильномъ дѣйствіи эпидемическаго яда. Извѣстно, что всякой эпидемической болѣзни соответствуютъ вполнѣ ея спорадическіе случаи, а съ этими послѣдними имѣютъ самое тѣсное отношеніе другія формы болѣзни. Такъ, заболѣваніе тифомъ или холерою можетъ происходить спорадически, то есть, внѣ всякой эпидеміи, въ городѣ, гдѣ ни до этого спорадическаго случая, ни послѣ него не было холеры; извѣстно также, что въ холеру можетъ переходить болѣзнь, именуемая холериною, и что сама холерина происходитъ всего чаще отъ самыхъ обыкновенныхъ причинъ, отъ обжорства, напримѣръ. Въ спорадическомъ случаѣ холеры мы ясно видимъ, что никакой заразы въ немъ нѣтъ; все теченіе этой холеры, всѣ припадки ея тѣ же, что и въ случаяхъ холеры эпидемической или азіатской (какъ ее несправедливо называютъ миазматиче-
скими): съ какой же стати, при этомъ *эпидемическомъ* проявленіи ея, она станетъ создавать въ заболѣвшихъ ею организмахъ еще особую миазму, которая способна заражать воздухъ?.. Одинъ тотъ признакъ, что теперь холерою заболѣваютъ разомъ не два-три человѣка въ году, а множество каждый день, — неужели одинъ этотъ признакъ даетъ какое-нибудь право заключить о томъ, что природа вдругъ

бросила въ сторону свой обычный, медленный способ достиженія крупныхъ результатовъ и стала создавать *специфическіе, неуловимые* яды, когда въ дѣйствительности въ природѣ нѣтъ ничего специфическаго и неуловимаго. Не проще ли было бы принять фактъ таинный, каковы онъ есть въ самомъ дѣлѣ, и признать между эпидеміей и спорадическимъ случаемъ лишь количественное различіе, а не качественное?..

Говоря вообще, мы представили въ нашей статьѣ лишь самые существенные доводы Эстерлена противъ мiasmатической теоріи. По его мнѣнію, остается искать причинъ эпидеміи въ обычныхъ, повсюду дѣйствующихъ вредныхъ вліяніяхъ на здоровье. Не виноваты ли въ эпидемическомъ проявленіи тѣхъ или другихъ болѣзней вдыхаемый нами воздухъ, или жилище и мѣстность вообще, или матеріальное состояніе людей? Эстерленъ допускаетъ эти причины, но лишь какъ второстепенныя, помогающія главной. Въ самомъ дѣлѣ, вредность одного воздуха не можетъ обуславливать эпидеміи по той простой причинѣ, что эпидеміи рождаются при всякихъ перемѣнахъ и состояніяхъ атмосферы, во всѣ времена года; — съ другой стороны, будь воздухъ главнымъ проводникомъ и распространителемъ эпидеміи, заболѣваніе должно было бы происходить во всѣхъ частяхъ эпидемической мѣстности, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности, въ одномъ и томъ же городѣ, цѣлыя группы домовъ, иногда цѣлыя улицы или только одна сторона улицы, и даже цѣлыя кварталы не даютъ ни одного случая заболѣванія.

Относительно происхожденія эпидеміи отъ жилищъ, отъ мѣстности, грунта, на которомъ построены дома, и т. п. приходится сказать то же самое. Еслибы въ дѣйствительности существовали эпидемическія *мѣзда*, то спрашивается, съ какой стати эпидеміи прекращаются, хотя „гнѣзда“ ихъ въ городѣ продолжаютъ пребывать въ томъ же вредномъ для здоровья жителей состояніи; или, почему при постоянномъ существованіи дурныхъ въ гигіеническомъ отношеніи жилищъ эпидеміи бывають не постоянно, но лишь въ извѣстные періоды, иногда весьма долгіе?.. Несомнѣнно, что и дурной воздухъ и дурное жилище, какъ факторы предрасполагающіе ко всякой болѣзни, предрасполагають и къ болѣзнямъ эпидемическимъ, но тѣмъ и ограничивается ихъ роль при эпидеміи. Такую же роль, но въ сильнѣйшей степени, играетъ и неравенство состояній въ обществѣ; сама по себѣ нищета со всѣми ея послѣдствіями не создаетъ эпидеміи, такъ какъ отъ эпидемическихъ болѣзней умирають и богатые люди: не *все* бѣдные и нуждающіеся захватываются эпидеміей, случается иногда и такъ, что богатые заболѣвають ею въ большемъ числѣ, чѣмъ пролетаріи. Несомнѣнно однако, что нищета и рос-

кошъ состоятъ въ составѣ причинъ эпидеміи, но лишь во второмъ ряду.

Главную общую причину эпидемій Эстерленъ находитъ въ самомъ организмѣ, а не внѣ его. Къ этому выводу онъ приходитъ не только тѣмъ отрицательнымъ путемъ, который мы совершили сами въ этой статьѣ, но и на основаніи положительныхъ соображеній. Если причина эпидеміи не кроется ни въ особыхъ заразахъ, ни въ условіяхъ внѣшней жизни организма, ни въ атмосферныхъ вліяніяхъ, ни въ климатическихъ, ни въ общественныхъ, то ясно, что ее слѣдуетъ предположить въ самомъ организмѣ. Но это предположеніе можетъ стать положительною гипотезою лишь въ томъ случаѣ, если въ пользу него можно привести твердыя научныя соображенія и несомнѣнные факты, и если гипотеза не оставитъ безъ достаточнаго объясненія ни одного явленія, такъ или иначе входящаго въ составъ изучаемаго предмета. Такое именно предположеніе созидаетъ намъ авторъ на самомъ физическомъ строѣ человѣческаго организма, на томъ свойствѣ его, что въ немъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, слабѣетъ его жизненная энергія, и что вслѣдствіе этого ослабленія организмъ дѣлается склоннымъ къ заболѣванію, въ выходу изъ того состоянія равновѣсія въ борьбѣ съ окружающею его природою, которое мы называемъ „нормальнымъ состояніемъ“. Эпидемія только тогда становится возможною, когда въ населеніи находится значительная масса людей съ ослабленной жизненной энергіей (*Vitalität*). Въ пользу этого объясненія говорятъ многіе статистическіе факты. При эпидеміяхъ заболѣваютъ и умираютъ преимущественно дѣти, старики и вообще слабые люди, которые могли заболѣть и умереть прежде всѣхъ другихъ людей въ обществѣ населенія, даже еслибы никакой эпидеміи не состоялось; та же причина объясняетъ намъ, почему наибольшая смертность при эпидеміи бываетъ всегда въ началѣ ея, и почему затѣмъ число заболѣваній идетъ вообще параллельно съ смертностью. Что жизненная энергія населенія находится во время эпидеміи въ слабомъ состояніи, это очевидно еще изъ тѣхъ фактовъ, что при всѣхъ трудныхъ эпидемическихъ болѣзняхъ: при кори, скарлатинѣ, оспѣ, и еще болѣе во время тифа, моровой язвы, желтой горячки и холеры, подымается въ большей или меньшей степени число внезапныхъ не-эпидемическихъ смертныхъ случаевъ, — что самой эпидеміей обыкновенно предшествуетъ усиленіе заболѣваемости и смертности, — что во время эпидеміи переходитъ за средній уровень смертность отъ другихъ болѣзней, даже отъ легочной чахотки, — что, наконецъ падаетъ плодovitость населенія и увеличивается цифра выкидышей и мертворожденныхъ. Всѣ эти факты ясно доказываютъ, что жизненная энергія населенія находится накануне и во время эпидеміи

въ разслабленномъ состояніи, и что потому люди въ этотъ періодъ склонны умирать массами. Самые ничтожныя вредныя вліянія могутъ въ это время, присоединившись къ тѣмъ другимъ, которыя прежде существовали, произвести быстрое заболѣваніе и сильную смертность въ населеніи, то-есть *эпидемію*. Отъ этихъ новыхъ вредныхъ вліяній или даже отъ простого продолженія старыхъ будетъ зависѣть и органическая форма эпидеміи и способъ ея распространенія: если эти вліянія ослабляли главнымъ образомъ пищеварительный аппаратъ, то произойдутъ эпидеміи съ страданіями этого аппарата, напримѣръ: холера; если она вредила нервной системѣ, то эпидемія приметъ форму страданія нервнаго аппарата, и т. д.

Въ теоріи Эстерлена, такимъ образомъ, главный вопросъ науки и практики заключается въ опредѣленіи причинъ паденія жизненной энергіи, ибо въ этомъ паденіи именно заключается основное условіе—*causa efficiens*—происхожденія эпидеміи. Отчего и каковымъ образомъ ослабѣваетъ и падаетъ жизненная энергія населенія? — вотъ единственный существенный вопросъ. Приверженцы мiasmатической теоріи могутъ, разумѣется, сказать, что присутствіе міазмы въ воздухѣ обуславливаетъ паденіе жизненной энергіи, но подобный отвѣтъ, не подтверждаемый ни фактами, ни общими началами науки, не имѣетъ серьезнаго значенія. Патологія и физиологія, къ сожалѣнію, не могутъ еще объяснить, во всѣхъ подробностяхъ, процессъ паденія жизненной энергіи; кромѣ разныхъ болѣе или менѣе остроумныхъ гипотезъ, построенныхъ на приложеніи физики и химіи къ объясненію жизненныхъ явленій, эти науки ничего не даютъ. Эстерленъ приводитъ эти гипотетическія соображенія съ примѣненіемъ ихъ къ происхожденію эпидемической болѣзни (см. стр. 176—179), и они имѣютъ, разумѣется, свой вѣсъ въ глазахъ врачей, такъ какъ включаютъ въ себя всѣ факты и теоріи, созданныя мiasmатиками. Но для неспеціалиста гораздо болѣе убѣдительными кажутся не медицинскія гипотезы, а простое описаніе внѣшнихъ причинъ паденія жизненной энергіи.

Эти причины двоякаго рода: физико-химическаго и нравственнаго; онѣ могутъ дѣйствовать на разные органы или разные жизненные акты. Все, что способствуетъ ослабленію жизненной энергіи и мѣшаетъ сопротивленію организма внѣшнимъ силамъ, все это ведетъ къ тому, чтобы предрасположить организмъ къ заболѣванію вообще и къ эпидемическимъ болѣзнямъ въ особенности. Къ такимъ факторамъ принадлежатъ прежде всего тѣ, которые препятствуютъ сохраненію или постоянному возстановленію органическаго вещества и его жизнеспособности, то-есть обмѣну вещества, питанію, дыханію и потребленію вещества посредствомъ проявленія силы и работы, въ об-

ширномъ смыслѣ этого слова. Въ происхожденіи эпидеміи мы должны поэтому видѣть результатъ не внѣшнихъ непосредственныхъ и быстро дѣйствующихъ вліяній, но скорѣе цѣлаго ряда второстепенныхъ причинъ болѣе общаго и глубокаго характера, въ числѣ которыхъ главныя роли играютъ отчасти недостатокъ пищи въ обширномъ смыслѣ и истощеніе, отчасти же безпорядочный образъ жизни, излишества и расслабляющіе, угнетающіе факторы всякаго рода. Фактически доказано, что именно тамъ эпидеміи возникаютъ всего чаще и съ болѣею силою, гдѣ вышеупомянутые факторы сосредоточены въ наибольшемъ числѣ. Короче сказать, эпидеміи суть не что иное, какъ окончательный результатъ цѣлаго ряда неблагоприятныхъ, если не положительно вредныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ жило подвергшееся эпидеміи населеніе.

Немаловажную роль играютъ въ происхожденіи и силѣ эпидеміи и нравственные факторы.

Уже въ древности замѣчали, что душевное настроеніе имѣетъ большое значеніе во время эпидеміи. Всѣмъ извѣстно было, что побѣжденные арміи весьма склонны къ эпидемическимъ болѣзнямъ и притомъ въ самой сильной степени. Замѣчено также, что послѣ страшныхъ явленій въ природѣ—послѣ вулканическихъ изверженій, землетрясеній, большихъ пожаровъ—нерѣдко возникаютъ эпидеміи, даже эпидемія перемежающейся лихорадки. Когда въ 1825 году опечатка въ «Almanach Maritime» предвѣщала повышеніе воды на 11.33 метра, вмѣсто 1.13, то многіе заболѣли отъ одного страха передъ новымъ потопомъ, котораго ожидали эти испуганные люди на всемъ берегу Франціи и Бельгіи. На Востокѣ существуетъ поговорка, что страхъ передъ моровою язвою убиваетъ столь же многихъ людей, сколько сама язва; эта поговорка имѣетъ весьма серьезный смыслъ и относится съ одинаковою справедливостію ко всѣмъ эпидемическимъ болѣзнямъ. Эстерленъ придаетъ страху особенную важность, какъ одной изъ причинъ распространенія эпидемической болѣзни. „Во всякомъ случаѣ,—говоритъ онъ,—нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что въ столь грозныя времена болѣе или менѣе страдаетъ нервная система, спокойствіе духа очень многихъ людей, особенно въ нашемъ вѣкѣ, при нервности и распущенности нынѣшняго общества, столь ревниваго относительно сохраненія своего здоровья и жизни. Даже оставаясь нетронутыми эпидеміей, сотни людей приходятъ отъ страха въ столь возбужденное состояніе или въ такое нервное ослабленіе, что впадаютъ то въ ипохондрію, то въ истерику, съ разными иллюзіями чувства, головокруженіемъ, безумными представленіями и мнимыми болѣзнями. Во время холеры, каждую рѣзъ въ животѣ или его пученіе принимаютъ испуганные люди за очень

опасные признаки; — при тифѣ и во время оспенной эпидеміи ихъ смущаетъ малѣйшая головная боль, отсутствіе аппетита или почесываніе въ кожѣ, — и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что у такихъ лицъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, ихъ сосредоточенное вниманіе на томъ или другомъ органѣ тѣла можетъ привести къ дѣйствительному его разстройству... Когда, въ 1859 году, во время холеры, въ университетской клиникѣ въ Галле одного юношу, ради опыта, положили въ кровать, на которой до него, какъ ему сообщили, умеръ человѣкъ отъ холеры, юноша быстро почувствовалъ колики и съ нимъ сдѣлалась рвота, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока его не убѣдили, что его постель совершенно чистая и что на ней никто не умиралъ“ (стр. 181, 182). Такимъ образомъ, та способность человѣка къ подражанію, которая вызываетъ произвольные взрывы смѣха, или плача, или зѣвоту, въ обществѣ смѣющихся, плачущихъ или зѣвающихъ, и которая въ средніе вѣка создавала цѣлыя эпидеміи нервныхъ болѣзней, имѣетъ огромное значеніе и въ наше время въ дѣлѣ распространенія эпидемическихъ болѣзней. Пусть только состоится общее ослабленіе жизненной энергіи въ населеніи, страхъ и способность подражанія, вмѣстѣ съ другими второстепенными причинами, додѣлаютъ все остальное, что необходимо для появленія и распространенія эпидеміи. Возникновеніе или, какъ обыкновенно говорятъ, взрывъ эпидеміи указываетъ, слѣдовательно, лишь на то, что въ данное время въ данномъ обществѣ существовало больше, чѣмъ обыкновенно, людей, расположенныхъ къ заболѣванію болѣзью, которая стала теперь изъ спорадической эпидемическою. Или, другими словами: — теперь заболѣло столь необыкновенное число людей, въ сущности одинаковымъ образомъ, просто потому, что всѣ эти люди были предрасположены къ этой формѣ заболѣванія, и что это предрасположеніе возникло въ нихъ вслѣдствіе того, что на нихъ вліяла въ большей или меньшей степени группа однихъ и тѣхъ же вредныхъ обстоятельствъ, сочетанныхъ именно такимъ образомъ, чтобы обусловить развитіе данной формы болѣзни.

Объясненіе Эстерлена тѣмъ особенно заслуживаетъ вниманія, что имъ можно бы объяснить весьма важный фактъ въ эпидемическомъ вопросѣ: *периодическое* появленіе эпидемій. Во всѣхъ другихъ теоріяхъ этотъ фактъ просто устраняется посредствомъ предположенія, что происхожденіе эпидемій дѣло случайное. Мы уже говорили, что современная наука не признаетъ ничего случайнаго и безпричиннаго, особенно въ такомъ явленіи, какъ смертность цѣлыхъ населеній. Объясненіе Эстерлена вполне соотвѣтствуетъ какъ всѣмъ другимъ требованіямъ науки, такъ и этому. Фактъ появленія эпидеміи въ разные сроки не есть случайный фактъ, но легко объяснимый теоріей

паденія жизненной энергіи и развитія склонности къ заболѣванію извѣстной формою болѣзни. Серьезныя статистическія изслѣдованія показали, что промежутки, въ которые повторяется та или другая эпидемія, напр., холера, желтая горячка и т. п., бываютъ тѣмъ длиннѣе, чѣмъ больше были заболѣваемость и смертность при прежнемъ взрывѣ. Если въ тотъ разъ переболѣло много людей, то новое ослабленіе жизненной энергіи въ обществѣ, необходимое для эпидемическаго заболѣванія, можетъ создаться лишь въ очень долгій періодъ времени, такъ какъ тѣхъ, которые расположены были заболѣть и уже переболѣли, было много, и такъ какъ, слѣдовательно, новый контингентъ предрасположенныхъ можетъ образоваться лишь изъ остальной, устоявшей и притомъ сравнительно немногочисленной массы людей. Какъ много зависитъ повторяемость эпидеміи и быстрота распространенія ея отъ этого относительнаго числа предрасположенныхъ къ ней, показываетъ, напримѣръ, островъ Исландія, гдѣ эпидеміи скарлатины, оспы, коклюша, кори и т. п., случаются рѣдко, но за то всегда распространяются весьма широко и держатся очень долго, иногда нѣсколько лѣтъ сряду. То же самое видимъ мы на Ферерскихъ островахъ, гдѣ съ 1761 года по 1846 годъ не было ни одного больного корью, но за то въ 1846 году изъ 7782 жителей, этою болѣзною переболѣло не менѣе 6000 человекъ. По той же самой причинѣ тифозныя эпидеміи проявляются несравненно рѣже въ городахъ, чѣмъ въ селахъ, ибо въ городахъ тифъ сталъ какъ-бы эндемическою болѣзною. Тѣмъ же самымъ, вѣроятно, объясняется совпаденіе факта появленія эпидеміи желтой горячки во многихъ городахъ Востъ-Индіи и Мексиканскаго залива съ фактомъ введенія ихъ въ кругъ судоходства, которое, доставляя имъ жителей сѣверной Америки и европейцевъ, доставляетъ въ лицѣ этихъ переселенцевъ и матеріалъ для желтой горячки. Напротивъ, въ полярныхъ поясахъ и умѣренномъ поясѣ южнаго полушарія эпидеміи почти вовсе не бываетъ, несомнѣнно по той простой причинѣ, что тамошняя рѣдкость населенія не можетъ представить въ одинъ моментъ достаточнаго числа предрасположенныхъ къ заболѣванію людей. Всѣ эпидеміи у эскимосовъ являются лишь вслѣдствіе большой нужды въ пищѣ. Мы понимаемъ, — далѣе, — почему послѣ холеры, тифа, желтой горячки и т. п., населеніе, подвергшееся этимъ эпидеміямъ, избавляется на долгое время не только отъ этихъ болѣзней, но и отъ другихъ, и часто даже отъ перемежающейся лихорадки, — и почему также мѣстности, заведенія, арміи, которыя подверглись однажды которой-либо изъ этихъ эпидемій, остаются невредимыми и здоровыми при взрывахъ эпидемій въ какомъ-либо другомъ ближнемъ или сосѣднемъ мѣстѣ. Какъ съ цѣлымъ населе-

нѣтъ, такъ и съ этими частицами произошло въ обоихъ случаяхъ одно и то же: и тамъ и тутъ прежняя эпидемія такъ или иначе успѣла уже устранить всѣхъ, къ ней предрасположенныхъ и слабыхъ жизненной энергіей, а извѣстно, что человѣкъ рѣдко заболѣваетъ эпидемическою болѣзью болѣе одного раза. Многія страны и мѣстности потому, быть можетъ, только изрѣдка или вовсе не посѣщаются эпидеміями, что населеніе въ нихъ подвергается почти постоянно пережевающейся или возвратной лихорадкѣ, оспѣ, скорбуту и т. п., причѣмъ эти эндемическія болѣзни служатъ главною причиною всѣхъ тамошнихъ смертныхъ случаевъ.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ и другихъ, касающихся отношенія эпидемической смертности къ смертности населенія вообще, очевидно слѣдуетъ, что между смертностью и заболѣваемостью отъ эпидемій съ одной стороны, и заболѣваемостью и смертностью отъ другихъ болѣзней съ другой — существуетъ нѣкоторая постоянная связь, и что эпидемія, слѣдовательно, есть фактъ, источникомъ которому служитъ движеніе народонаселенія. „Эпидеміи, подобно всѣмъ народнымъ болѣзнямъ,—говоритъ Эстерленъ,—суть не что иное, какъ конечный результатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіе того факта, что при данныхъ условіяхъ число людей превышаетъ существующія средства къ продолженію и сохраненію жизни“. Тамъ, гдѣ соответственно производству средствъ къ сохраненію и продолженію жизни живетъ излишнее число людей, тамъ должно, то отдѣльными случаями, то массами, преждевременно умирать то или другое число людей. Главнѣйшій отливъ въ этой постоянной убыли живыхъ людей составляютъ эпидеміи, которыя уносятъ съ собою всѣхъ, кто по недостатку жизненной энергіи не въ состояніи противодѣйствовать вреднымъ внѣшнимъ вліяніямъ. Въ число этихъ истощенныхъ организмовъ попадаютъ, разумѣется, всѣ тѣ, которые не могли пользоваться достаточнымъ количествомъ питательныхъ веществъ или не умѣли бережливо и осторожно пользоваться своею жизнью. Такимъ образомъ, постоянно всѣ общественные элементы, наиболѣе слабые и предрасположенные къ заболѣванію, устраняются вездѣ въ опредѣленные промежутки времени, и на ихъ мѣсто прибываетъ затѣмъ новый матеріалъ изъ живыхъ организмовъ, возвращающій общество къ его прежнему относительно-нормальному положенію. Сами эпидеміи, слѣдовательно, служатъ какъ-бы выраженіемъ стремленія природы привести въ равновѣсіе число живыхъ людей съ находящимися въ ихъ рукахъ средствами для продолженія и сохраненія жизни. Эпидеміи могутъ такимъ образомъ служить яснымъ доказательствомъ того, что у многихъ людей не доставало средствъ къ удовлетворенію главнѣйшихъ потребностей жизни и здоровья и что многіе другіе, имѣя по

добныя средства въ своемъ распоряженіи, не умѣли или не хотѣли ими воспользоваться. Этотъ послѣдній выводъ изъ теоріи Эстерлена имѣетъ, несомнѣнно, важное значеніе не для медицины только, но также въ общественномъ и политическомъ смыслѣ.

На практикѣ Эстерленова теорія измѣняетъ весьма многое: карантинныя оказываются вещью не только бесполезною, но и вредною, такъ какъ одно ихъ существованіе во время эпидеміи наводитъ ужасъ какъ на близлежащее къ карантинамъ населеніе, такъ и на всѣхъ, кого въ карантинѣ запираютъ, а ужасъ, какъ извѣстно, самъ по себѣ можетъ причинить заболѣваніе. Всѣ другія средства, такъ или иначе скучивающія людей въ тѣсныя группы, тоже бесполезны. Все, что можетъ возбуждать въ людяхъ страхъ и нелѣпыя опасенія—все это должно быть устранено. Сама мiasmатическая теорія, сама мысль о заразѣ является, во время эпидеміи, орудіемъ ея распространенія. Въ это время требуется не распространеніе подобной мысли, не возбужденіе опасеній относительно возможности зараженія, но, напротивъ, слѣдуетъ дѣлать все, что только можетъ успокоить общество относительно факта распространенія эпидеміи. Съ другой стороны, требуются всевозможныя мѣры относительно усиленія въ людяхъ жизненной энергіи: нужны даровые, сытныя и свѣжіе обѣды для всѣхъ бѣдныхъ, истощенныхъ работою, — нужно сократить число рабочихъ часовъ на фабрикахъ, въ мастерскихъ и вездѣ, гдѣ трудъ, физическій ли, или умственный—все равно, сильно истощаетъ жизненную энергію трудящихся; нужны большія пожертвованія одеждою, и т. п., — однимъ словомъ, нужно дѣлать все, что можетъ поднять жизненную энергію въ людяхъ и устранить все, что такъ или иначе способствуетъ распространенію и поддержанію эпидеміи.

Для окончательнаго уничтоженія эпидемій, для предупрежденія ихъ на всѣ будущія времена, нужно стремиться къ уничтоженію всѣхъ второстепенныхъ причинъ ея, т. е., всякихъ вліяній, которыя могли бы дурно отзываться на общественной гигиенѣ населенія; сюда принадлежатъ мѣры, касающіяся не только матеріальной обстановки жителей: ихъ жилища, пища, одежды, заработка и т. п., но также умственнаго и нравственнаго развитія ихъ. Эпидемія есть результатъ многихъ сторонъ общественной и политической жизни современныхъ народовъ, и потому борьба съ нею на-смерть требуетъ одновременной борьбы съ разными общественными и политическими учрежденіями, которыя, съ одной стороны, препятствуютъ людямъ приобретать за посильный, въ гигиеническомъ отношеніи, трудъ такое вознагражденіе, которое обезпечивало бы за человѣкомъ всѣ средства къ сохраненію и продолженію его жизни, — и съ другой, лишаютъ

ихъ возможности развивать свои умственные и нравственные способности путемъ изученія разныхъ отраслей знанія. Таковы положенія Эстерлена и нельзя не признать, что практическіе выводы, къ какимъ онъ приходитъ, остаются вѣрными и при иныхъ гипотезахъ о самомъ зарожденіи и распространеніи эпидеміи.

Очерки анагоміи и физиологіи человѣка. Лекціи профессора Э. К. Брандта. Сиб. 1873.

Задачи естественныхъ наукъ такъ тѣсно связаны съ проявленіемъ нашей жизни, онѣ такъ близки каждому мыслящему человѣку, что публичное объясненіе какихъ-либо явленій окружающей насъ среды, или даже нашего собственного организма, постройки его и происходящихъ въ немъ отравленій, не можетъ не останавливать на себѣ нашего вниманія. Въ странахъ, какъ, на примѣръ, Англія, гдѣ мы встрѣчаемъ громадныя музеи предметовъ естественныхъ наукъ, доступъ къ которымъ свободенъ каждому, гдѣ предупредительность доходитъ до того, что у каждого выставленнаго предмета существуетъ описаніе всѣхъ характеристическихъ признаковъ его, такъ что не представляется даже надобности въ покупкѣ каталога, гдѣ естественныя науки пользуются вообще большимъ вниманіемъ публики—тамъ и публичныя бесѣды объ этихъ предметахъ, о значеніи и приложеніи ихъ въ жизни, составляютъ обычное явленіе, правильно повторяющееся и составляющее существенную принадлежность этихъ музеевъ. Нельзя не порадоваться, что и у насъ слѣдуетъ этому примѣру. Этимъ всего вѣрнѣе можно бы противодѣйствовать различнымъ вреднымъ обычаямъ, привычкамъ и т. д. За примѣромъ идти не далеко: возьмемъ, на примѣръ, обыкновенное обращеніе съ новорожденнымъ младенцемъ: таково ли оно какъ требуютъ указанія науки? Знаютъ ли окружающіе, какіе ему необходимы воздухъ, пища, питье, одежда? Могутъ ли они сознательно опредѣлить, что ему вредно и что полезно? Конечно, на всѣ эти вопросы приходится отвѣчать отрицательно. Новорожденнаго завертываютъ въ пеленки, затягиваютъ бинтами, мажутъ масломъ, поятъ ромашкой съ сахаромъ и успокаиваютъ соскомъ, и этимъ ограничиваются попеченія объ немъ. Что лучше и нагляднѣе музея познакомить насъ съ строеніемъ и составомъ нашего тѣла, съ составомъ принимаемой нами пищи, матеріаломъ, употребляемымъ для нашей одежды и съ способомъ производства этой послѣдней? Понятно, что при этомъ необ-

ходимо иногда и живое слово, связующее между собою видимые факты, указывающее на истинное ихъ значеніе и примѣненіе къ жизни, на процессы, происходящіе въ нашемъ организмѣ при извѣстномъ строеніи, на количество и качество пищи, питья, воздуха, одежды и т. д., необходимыя при различныхъ условіяхъ жизни. При этомъ очень удобно было бы объяснить тотъ вредъ, который мы наносимъ нѣжному и гибкому организму новорожденнаго, стягивая его и накладывая на него пеленки, препятствующія свободному развитію его организма. При такомъ способѣ мы наглядно убѣдимся также, какой вредъ мы наносимъ молодому организму, затягивая его въ корсетъ или узкій мундиръ, сажая молодого субъекта за школьный столъ, не соотвѣтствующій его росту, или подвергая его организмъ непосильному труду, худо направленнымъ и недостаточно послѣдовательнымъ гимнастическимъ упражненіямъ; стоить только показать постройку организма, дѣйствующія орудія и производимыя ими измѣненія, чтобъ такими фактами убѣдить cadaго.

Узнать строеніе нашего тѣла и вліяніе на него внѣшнихъ условій важно еще потому, что, убѣдившись въ простѣйшемъ значеніи этихъ условій, мы узнаемъ, какимъ образомъ эти условія могутъ усилить или уменьшить извѣстную дѣятельность въ нашемъ организмѣ, сдѣлать даже отправленія его совершенно невозможными; или же, допуская несоотвѣтствующее вліяніе извѣстнаго условія, мы, понятно, вызовемъ ненормальное явленіе, причина котораго будетъ лежать не въ субъектѣ, а въ тѣхъ, которые не успѣли направить такое вліяніе этого условія. Трудно себѣ представить раціональное воспитаніе безъ образованныхъ матерей и воспитателей, безъ того, чтобы эти послѣдніе были знакомы съ предметомъ воспитанія, съ строеніемъ и отправленіями организма воспитываемаго и съ вліяніями на него хотя бы только тѣхъ предметовъ, которые постоянно на него дѣйствуютъ.

Признавая такимъ образомъ всю важность публичныхъ чтеній по предметамъ естественныхъ наукъ, нельзя не относиться къ нимъ серьезно. Предъ нами лежатъ лекціи профессора Брандта, читанныя имъ въ зданіи музея прикладныхъ знаній объ анатоміи и физиологіи чловѣка. Первая изъ лекцій есть общій обзоръ строенія и отправленій чловѣческаго организма; предметомъ второй служатъ пищеварительные органы и пищевареніе и т. д. Разсмотримъ напримѣръ эту вторую лекцію, имѣющую болѣе опредѣленную задачу.

Изъ нея мы узнаемъ, что зубы раздѣляются на рѣзцы, клыки и коренные, что рѣзцы (стр. 10) дѣйствуютъ какъ щипцы, это—органы, служащіе для схватыванія пищи; клыки же, какъ довольно острое

орудіе, въ родѣ ножей, раздробляютъ пищу; затѣмъ, коренные зубы работаютъ въ родѣ терокъ,—растираютъ пищу. На 8 стр. г. Брандтъ говоритъ, что „клыки у мясоѣдныхъ или хищныхъ животныхъ очень сильно развиты“. Взглянувъ на клыки кошки, никакого сходства съ *ножами* не видишь, да и странно, почему зубы называются рѣзцами, а служатъ для схватыванія пищи; стѣбитъ взять въ ротъ хоть яблоко, и увидишь, что эти зубы рѣжутъ; понятно, что тотчасъ же и не соглашаешься съ г. Брандтомъ. При строеніи зуба мы узнаемъ, что кончикъ его покрытъ эмалью и т. д., а какое значеніе этой эмали, какими она обладаетъ качествами, затѣмъ она—г. Брандтъ не объясняетъ. На стр. 12-й говорится, что „во время прорѣзыванія зубовъ дѣти становятся очень безпокойными и больными, легко получаютъ поносы и подвержены сильнымъ приливамъ крови къ головѣ, сопровождающимися судорогами, не рѣдко оканчивающимися смертью“. Но почему же это такъ? Зависитъ ли это отъ самого процесса прорѣзыванія, или отъ какихъ-либо побочныхъ причинъ? Какъ это предупредить или возможно ли это предупредить? Объ этомъ ничего не сказано и читатель остается, относительно такого важнаго явленія, въ полномъ невѣдѣніи. Еще о зубахъ (стр. 7-я) г. Брандтъ замѣчаетъ, что у „животныхъ, иногда даже у самыхъ близкихъ къ человѣку—обезьянъ, нѣтъ вполнѣ замкнутаго зубнаго ряда. У обезьянъ между верхними рѣзцами и между верхними клыками есть промежутокъ, въ который, при закрытыхъ челюстяхъ, входятъ клыки нижнихъ челюстей. У человѣка такихъ промежуточныхъ нѣтъ, и этимъ его зубная система отличается отъ зубной системы обезьянъ; только въ нѣкоторыхъ, хотя и исключительныхъ случаяхъ, а именно у идіотовъ, между рѣзцами и клыками бываетъ промежутокъ; въ этомъ отношеніи эти послѣдніе сходны съ обезьянами“. Почему г. Брандтъ полагаетъ, что у идіотовъ существуетъ промежутокъ между рѣзцами и клыками—неизвѣстно. У Карла Фохта въ его сочиненіи о малоголовыхъ или о *модякъ-обезьянахъ*, мы читаемъ (на стр. 167 оригинала), что у этихъ послѣднихъ величина, форма, положеніе и т. д., зубовъ, совершенно такіе же, какъ у нормальнаго человѣка, они расположены *замкнутымъ* рядомъ, безъ промежуточныхъ. Въ видѣ отступленія у человѣка дѣйствительно встрѣчаются подобные промежутки, въ особенности у дѣтей съ молочными зубами, а между тѣмъ такіе субъекты не представляютъ качествъ идіотовъ.

Далѣе (на стр. 13 и 14), мы читаемъ: „назади рта видѣются образованія въ видѣ сводовъ, называющихся мягкою нѣбною занавѣскою. Эта часть состоитъ изъ двухъ дугъ: передней и задней; между этими дугами находится полость, называющаяся зѣвомъ. На днѣ

зѣва, а именно по бокамъ его, помѣщаются два продолговато-круглыя желѣзки, называющіяся миндалевидными желѣзками; онѣ выделяютъ слизистое вещество (1) и всасываютъ нѣкоторыя растворимыя части пищи и т. д." Анатомическое опредѣленіе расположенія зѣва, миндалевидныхъ желѣзъ, отправленіе этихъ послѣднихъ и т. д., совершенно невѣрно: стоить только прочесть самое элементарное руководство по анатоміи, наконецъ, посмотрѣть въ собственный зѣвъ, чтобъ убѣдиться, что зѣвъ находится позади дужекъ мягкаго нѣба и никакой миндалевидной желѣзы на днѣ его нѣтъ. Описывая уздечку языка, находящуюся подъ нимъ, г. Брандтъ продолжаетъ: „если уздечка длинна, то языкъ не можетъ правильно двигаться и такіе люди обыкновенно шепеляютъ“. Здѣсь явная ошибка: вмѣсто *длинна*, читай *коротка*. Но далѣе идутъ такія ошибки, которыя несогласны съ самыми элементарными анатомическими знаніями, такъ напр. (стр. 20), „Пищепроводъ, желудокъ, кишки, то-есть всѣ пищеварительныя органы, вообще состоятъ изъ 3-хъ оболочекъ или перепонокъ, лежащихъ другъ на другѣ. Снаружи находится сывороточная или серозная оболочка, затѣмъ слѣдуетъ средняя мышечная и, наконецъ, третья часть — слизистая оболочка“. Предположимъ, что пищевприемникъ, у котораго нѣтъ серозной оболочки, попалъ сюда по ошибкѣ, но нѣтъ, на стр. 22-й мы читаемъ: „онъ, то-есть желудокъ, точно также какъ и пищевпроводъ, состоитъ изъ трехъ оболочекъ: снаружи находится на немъ сывороточная оболочка, потомъ слѣдуютъ мышечная и затѣмъ слизистая оболочка“. Трудно себѣ объяснить появленіе такихъ ошибокъ.

Какъ во 2-й, такъ и въ прочихъ лекціяхъ характеръ одинъ и тотъ же, невѣрность и неточность поражаетъ почти на каждой страницѣ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ 3-й лекціи о кровеносной системѣ, она опредѣляется (стр. 5—6) такъ: „Аппаратъ, приводящій кровь въ движеніе, называется кровеносной системой“; на страницѣ 7-й говорится: „сердце не лежитъ непосредственно въ груди, но окружается мѣшкомъ — сердечной сумкой или сердечной сорочкой, которая выделяетъ кровеносную жидкость, омывающую сердце и т. д.“ Такое омываніе кровеносною жидкостью было бы уже болѣзненное явленіе и даже явленіе очень серьезное. Далѣе на страницѣ 39-й говорится: „когда яйцо входитъ въ матку, то на внутренней оболочкѣ этой послѣдней образуются складки и въ одну изъ такихъ складокъ попадаетъ яйцо. Затѣмъ на наружной оболочкѣ яйца образуются также складки, и эти складки ложатся въ промежутки между складками слизистой оболочки матки и это-то соединеніе, въ которое входятъ кровеносныя сосуды дитяти и материн-

скаго тѣла, и есть послѣдъ". Это объясненіе образованія послѣда не-согласно съ самыми элементарными понятіями объ образованіи оболочекъ яйца у человѣческаго зародыша. Въ 5-й лекціи г. Брандтъ уже слишкомъ увлекается; на 32-й страницѣ онъ увѣряетъ, что „Потъ и моча должны быть удалены, такъ какъ эти жидкости болѣе не нужны организму. Потому мы должны постоянно всѣми средствами способствовать выдѣленію пота, и всякое задержаніе пота, то-есть задержаніе вещества, которое не только не нужно, но даже вредно, понятно, будетъ имѣть вредныя послѣдствія“. Съ такими требованіями наврядъ-ли кто согласится. Въ 7-й лекціи, на страницѣ 15-й, г. Брандтъ раздѣляетъ нервы по ихъ отправленіямъ на „двигательные, чувствительные и *чувственные*“, опредѣляя послѣдніе такимъ образомъ: чувственные нервы не отличаются существенно по своимъ отправленіямъ отъ нервовъ чувствительныхъ, они суть специально чувствительные нервы. На страницѣ 20-й, при разборѣ головныхъ нервовъ оказывается, что „пятая пара или тройничный нервъ представляетъ собой весьма толстый стволъ, раздѣляющійся на три вѣтви, которыя снабжаютъ нервами всѣ мышцы лица“. Это опять грубая ошибка; только одніе жевательныя мышцы получаютъ вѣтви отъ этого нерва, всѣ же прочія мышцы лица отъ него никакихъ вѣтвей не получаютъ. На страницѣ 23-й мы читаемъ: „весь спинной мозгъ покрывается, такъ же какъ и головной, тремя особыми оболочками. Первая оболочка есть наружная или твердая мозговая оболочка, затѣмъ слѣдуетъ оболочка паутинная—тонкая и весьма богатая кровеносными сосудами (на головномъ мозгу она выдѣляется во всѣ промежутки между мозговыми извилинами); наконецъ, есть еще третья оболочка весьма тонкая, называемая серозной оболочкой, которая непосредственно покрываетъ спинной мозгъ“. Опять не вѣрно, а главное, все это—такія ошибки, за которыя студента удаляютъ съ экзамена. Въ 8-й лекціи, на страницѣ 26-й, говорится: „если косые мускулы очень развиты, то происходитъ кошеніе глазъ“. На страницѣ 27-й: „волосы бровей всасываютъ потъ и потомъ онъ испаряется“. На страницѣ 33-й: „та часть свѣта, которая падаетъ на радужную оболочку, отчасти поглощается, отчасти отбрасывается изъ глаза. Отъ этого мы видимъ собственное изображеніе въ глазу другого человѣка, точно также, какъ въ зеркалѣ“. Или на страницѣ 36-й: „если мы смотримъ въ стереоскопъ, то оба изображенія сливаются въ одно общее, если только при этомъ мы смотримъ обоими глазами; если же мы будемъ глядѣть однимъ глазомъ, то нужно будетъ безпрестанно принаравливать для того, чтобы не двоилось изображеніе“. Я полагаю, что эти объясненія не требуютъ комментаріевъ, они сами за себя говорятъ.

Далѣе разбирать эти лекціи не будемъ; приходилось бы останавливаться на каждомъ шагѣ; большая часть опредѣленій невѣрны, вообще вездѣ мы встрѣчаемся съ неточными, поверхностными описаніями и даже съ грубыми ошибками. На вопросы, почему и какое значеніе имѣеть извѣстное явленіе, мы отвѣта не находимъ. Кромѣ всѣхъ этихъ недостатковъ у г. Брандта замѣчается еще одинъ, очень существенный: онъ разбираетъ нѣкоторые вопросы совершенно несоотвѣтственно настоящему ихъ положенію, приводитъ теоріи старыя, отжившія, и о вопросахъ спорныхъ говорить рѣшительно. Такъ, напримѣръ, о размноженіи клѣтокъ (1-я лекц., стр. 27), онъ говорить, что оно бываетъ трехъ видовъ, а именно: наружное дѣленіе, внутреннее дѣленіе и почкованіе, а въ нѣкоторыхъ, *хотя немногихъ случаяхъ*, замѣчаемъ и свободное образованіе клѣтокъ, т.е. происхожденіе ихъ не отъ другихъ клѣтокъ, а совершенно отдѣльно изъ протоплазмы, *находящейся внутри клѣтокъ и выполняющей промежутки между ними*. Я привелъ здѣсь подлинныя слова г. Брандта; онъ приводитъ здѣсь способы размноженія, которые или совсѣмъ не признаются въ настоящее время, или существованіе которыхъ очень сомнительно, между тѣмъ объ образованіи элементовъ, какъ оно признается большинствомъ современныхъ гистологовъ, онъ не говоритъ ни одного слова. О крови г. Брандтъ говоритъ (1-я лекц., стр. 34), что она „есть тоже ткань и притомъ ткань въ жидкомъ видѣ, такъ-какъ она заключаетъ въ себѣ много клѣтокъ, но межъ-клѣточное вещество жидкое“ — вотъ и все. Правда, что къ этому прибавленъ рисунокъ съ красными и бѣлыми кровяными шариками, но въ текстѣ о нихъ ничего не говорится. Еще во второй лекціи авторъ упоминаетъ (стр. 35), что „кровь есть жидкость, предназначенная для питанія тѣла; *только жидкія части крови просачиваются чрезъ стѣнки сосудовъ и входятъ въ различныя ткани нашего тѣла*“. Между тѣмъ, разборъ строенія и развитія тканей въ настоящее время иначе нельзя начать, какъ съ крови; здѣсь оказываются бѣлые кровяные шарики, которые наполнены мелкимъ порошкомъ красящаго вещества и которые вмѣстѣ съ частями этого порошка *проходятъ*, какъ принимаютъ въ настоящее время, чрезъ стѣнки сосудовъ и могутъ служить образовательными элементами *почти для всѣхъ тканей нашего тѣла*. Наблюденія эти такъ важны, они такъ упрощаютъ понятія о различныхъ процессахъ въ нашемъ тѣлѣ, что достойны полного вниманія, и, говоря о размноженіи, нельзя не остановиться надъ этими наблюденіями. То же самое явленіе мы встрѣчаемъ и на стр. 44-ой (лекц. 1-я): „въ оплодотворенномъ яйцѣ,—говоритъ г. Брандтъ,—начинается измѣненіе: желточная масса, которая наполняла сначала всю

полость и была расплавная, ссучивается въ шарикъ, на которомъ замѣчается ядро и ядрышко; затѣмъ, желтокъ начинаетъ дробиться, а его дробленію предшествовало дробленіе ядра и ядрышка". Мнѣніе, что дробленію предшествовало дробленіе ядра и ядрышка, дѣйствительно существовало во времена Иог. Мюллера, но теперь уже давно оставлено; въ каждомъ учебникѣ по эмбриологіи можно прочесть, что послѣ оплодотворенія ядро (зачаточный пузырекъ) и ядрышко (зачаточное пятно) исчезаютъ, и только впослѣдствіи въ раздробленныхъ пузырькахъ появляются ядра, не имѣющія ничего общаго съ ядрами, расположенными въ желточной массѣ. Все это основныя положенія въ гистологіи и эмбриологіи, и грѣшить противъ того положительно нельзя. Такія явленія очень часто встрѣчаются и въ другихъ лекціяхъ г. Брандта. Трудно объяснить всѣ эти явленія, но я полагаю, что это зависитъ оттого, что у насъ, по господствующему мнѣнію, публичныя лекціи можетъ читать каждый, умѣющій читать и писать: купишь книгу и читаешь по ней; понятно, что если попадется плохая книга, то лекторъ и прочтетъ плохо; но можетъ случиться и противное. Сколько извѣстно, г. Брандтъ не анатомъ и не фізіологъ, а между тѣмъ онъ читаетъ по этимъ предметамъ, мало того — печатаетъ читанное. Публичныя лекціи по естественнымъ наукамъ могутъ быть полезны только тогда, когда читающій, при хорошемъ общемъ образованіи, вполне владѣетъ своимъ предметомъ, а если дѣло касается нормальнаго и болѣзненнаго состоянія нашего организма — то и хорошимъ общимъ медицинскимъ образованіемъ. Чтобы по возможности объяснить тѣ явленія, которыя представляются въ нашемъ организмѣ, нельзя ограничиться одними учебниками, а нужно самому поработать и обдумать замѣчаемыя явленія, и кромѣ общаго образованія, имѣть также и обще-медицинское.

Собирая для публичнаго изложенія факты болѣе важныя, мы должны надъ ними останавливаться и разъяснять ихъ не поверхностно, и если намъ встрѣчаются вопросы, не разрѣшенные наукой, то и въ публичной бесѣдѣ нельзя ихъ признавать рѣшенными; грѣшить же противъ научныхъ истинъ положительно нельзя. Публичныя лекціи — дѣло столь важное, что добросовѣстный спеціалистъ никогда не долженъ рѣшаться читать по предмету, не соотвѣтствующему его спеціальности; не долженъ браться спеціалистъ-анатомъ читать фізіологію, или наоборотъ, не говоря уже о какомъ-либо другомъ предметѣ. Европейскіе ученые относятся такъ серьезно къ этому дѣлу, что публичныя лекціи тамъ читаютъ такіе люди, какъ Гельгольцъ, Тиндаль, Вирховъ и др. Почему же намъ шутить этимъ

дѣломъ? Еще нельзя не указать на то странное явленіе, что въ текстѣ лекцій г. Брандта рисунковъ очень много, но болѣею частью они вовсе не разъяснены, а о нѣкоторыхъ и вовсе въ текстѣ не упомянуто, такъ, напримѣръ, о рис. 45 (2-я лекц.), о рис. 3 и 4 (1-я лекц.), рис. 26 (1-я лекц.) и др., а при нѣкоторыхъ рисункахъ хотя и выставлены буквы, но они оставлены безъ объясненій, напримѣръ рис. 11 (1-я лекц.). Остается сказать, что Комисія педагогическаго отдѣла музея прикладныхъ знаній, желая распространять полезныя свѣдѣнія, повидимому не пожалѣла для этой хорошей цѣли никакихъ средствъ, но оказалось, что выборъ на этотъ разъ былъ неудаченъ, что этими очерками можно распространить только неясныя и даже ложныя свѣдѣнія.

П. Лесгафтъ.

ИЗВѢСТІЯ.

I. ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ.

Засѣданіе комитета 9-го апрѣля.

- 1) Выдано 150 р. больной вдовѣ писателя.
- 2) Отпущено 50 р. на похороны вдовы писателя.
- 3) Выдано 60 р. писателю, находящемуся въ затруднительномъ положеніи.

4) Отклонено ходатайство двухъ писателей, такъ какъ предложенныя имъ условія относительно возвращенія просимыхъ ими суммъ не могутъ быть приняты комитетомъ, какъ несогласныя съ правилами общества о порядкѣ выдачи ссудъ.

5) Выдано 25 р. писателю, разбитому параличемъ, на поѣзду въ Москву.

6) Согласно заявленію г. Тюриня, поручено секретарю сдать въ книжные магазины Базунова, Колесова и Михина, и Черкесова нѣсколько экземпляровъ устава и отчетовъ общества, для ознакомленія съ ними публики.

7) Отклонены ходатайства трехъ лицъ, такъ какъ просители не удовлетворяютъ тѣмъ условіямъ, при существованіи которыхъ выдаются пособія изъ литературнаго фонда.

8) Утверждена выдача 100 руб. находящемуся въ крайности писателю и выслано ему еще 100 рублей.

9) Изъявлена глубочайшая благодарность общества:

а) В. П. Гаевскому за устройство концерта, доставившаго обществу 3,435 р. 70 к.;

б) Е. А. Лавровской, А. Н. Есиповой, г. Ауэру, И. А. Мельникову и Э. Ф. Направнику—за участіе ихъ въ этомъ концертѣ;

в) магазинамъ: Базунова, Бесселя, Бютнера, Иогансена и Черкесова за продажу билетовъ на концертъ;

г) душеприкащику Н. Н. Лобанова, Н. С. Яковлеву, за доставленіе завѣщанныхъ покойнымъ двухъ 5% билетовъ на 200 р.;

д) К. К. Рененкампу за содѣйствіе его комитету въ назначеніи пенсіи вдовѣ писателя;

е) Н. Н. Буличу за труды его по собиранію свѣдѣній о положеніи одного писателя.

Отчетъ казначея за мартъ.

Въ 1-му марта въ кассѣ было 59,084 р. 78 к. Поступило: 1,106 р. 66 к., въ томъ числѣ годовые взносы 29-ти членовъ 1,005 руб., еди-

новременно отъ двухъ лицъ 40 р. и процентныя деньги отъ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“ 64 р. 96 к. Израсходовано 905 руб., а именно: на пенсіи четыремъ лицамъ 185 р., на единовременныя пособія 720 р. Къ 1-му апрѣля въ кассѣ оставалось 59,286 р. 44 к.

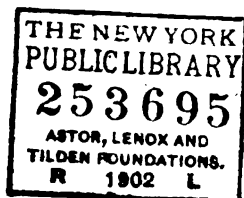
Засѣданіе комитета 15-го мая.

- 1) Выдано 75 р. писателю, временно находящемуся въ затруднительномъ положеніи.
- 2) Выдано 200 р. писателю, обремененному семействомъ и долгами, слѣдованными по случаю перемѣны мѣста служенія.
- 3) Выдано 25 руб. вдовѣ писателя, на уплату долга.
- 4) Выдано 25 р. вдовѣ недавно скончавшагося писателя.

Отчетъ казначея за апрѣль.

Къ 4-му апрѣля въ кассѣ было 59,286 р. 44 к.; поступило: 4,779 р. 70 к., въ томъ числѣ: 1) взносовъ 73 членовъ 1,126 р., 2) единовременно отъ г. П. чрезъ редакцію „Недѣли“ 18 р., 3) по завѣщанію Лобанова 200 р., 4) выручки отъ концерта 3,435 р. 70 к. Израсходовано: на пенсіи 5-ти лицамъ 410 р., на единовременныя пособія 375 р., на воспитаніе 30 р. Къ 1-му мая въ кассѣ 63,251 рубль 14 коп.

М. Стасюлевичъ.

РАСПОРЯЖЕНІЕ

УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

6-го іюля 1873 г.

Принимая въ соображеніе:

что въ статьѣ «Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятихъ годовъ», помѣщенной въ 7-й книжѣ журнала «Вѣстникъ Европы», высказывается мысль о томъ, что осужденное въ 1849 г. общество съ преступными цѣлями возникло будто бы въ слѣдствіе мѣръ самаго правительства,

что въ другой статьѣ того же номера: «Передѣлки судебныхъ уставовъ», подрывается довѣріе къ правительству, и

что такое превратное истолкованіе дѣйствій правительства, обнаруживающее явно вредное направленіе этого журнала, продолжается, не смотря на объявленное уже ему предостереженіе,—

Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 29 гл. II Высочайше утвержденнаго 6-го апрѣля 1865 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, и согласно заключенію Совѣта Главнаго управленія по дѣламъ печати, *опредѣлилъ*: объявить журналу «Вѣстникъ Европы» *второе* предостереженіе въ лицѣ издателя и редактора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Стасюлевича.

ВѢНА, МЮНХЕНЪ, ВЕНЕЦІЯ

Художественныя замѣтки.

...Св. Стефанъ въ Вѣнѣ, по высотѣ своей башни и по старинѣ своей, считается въ числѣ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ готики. Дѣйствительно, врядъ ли найдется въ Европѣ болѣе характерный храмъ готическаго стиля; онъ насквозь проникнутъ наивностью и цѣльностью средневѣковаго міросозерцанія; въ камняхъ его вы до сихъ поръ можете читать мистическую поэзію и фанатическій жаръ людей тяжелаго темнаго времени. Вы не видите св. Стефана пока не очутитесь подъ нимъ. Его до послѣдней минуты прячетъ отъ васъ сѣтъ узкихъ глубокихъ улицъ, вьющихся кругомъ него, улицъ не новой роскошной Вѣны, а той, которую осаждали турецкіе султаны, которая городила свои башнеподобные дома тѣснѣе другъ на друга и другъ къ другу, чтобы умѣститься въ своихъ стѣнахъ и окопахъ, чтобы добыть безопасность цѣною воздуха, свѣта и красоты. Теперь сами окопы эти уже обратились въ фешенебельный Грабенъ, сверкающій роскошными магазинами, въ эlegantные бульвары Schottenring и множества всякихъ другихъ Ring, въ эти главныя артеріи Вѣны, по которымъ безостановочно течетъ шумная толпа людей, лошадей, экипажей, одинаково днемъ и ночью, при ослѣпительномъ свѣтѣ газа. Новая Вѣна ушла давно за старые окопы, и тамъ, на просторѣ предмѣстій, воздвигла свои изящные дворцы, театры, церкви, разбила свѣтлыя улицы и широкія площади съ веселыми садами. Все та же исторія, что съ Парижемъ, съ Москвою, со всѣми историческими городами; древніе валы вездѣ обращаются въ кольцо оживленныхъ бульваровъ, и новый городъ вездѣ ух-

дѣть за черту когда-то необходимыхъ, теперь уже стѣсняющихъ укрѣпленій, оставляя тѣсноту вмѣстѣ съ историческимъ интересомъ на долю старому ядру. Эти старинные кварталы, съ потемнѣвшими постройками страннаго вида, съ пустынными переулками, напоминающими подземелья, съ мистическими памятниками, потерявшими свой смыслъ, — производятъ на меня то же самое впечатлѣніе среди роскошнаго и шумнаго простора новой цивилизаціи, какое производятъ на посѣтителя свѣтской гостинной неожиданная встрѣча, среди пышныхъ нарядовъ моды, какой-нибудь чопорной бабушки, съжившейся отъ старости и сохранившей на себѣ всѣ наивныя складочки, всю смѣшную обтянутость и всѣ туалетныя рельефы давно исчезнувшаго вѣка. Они также странны, но и также почтенны какъ она.

Когда вы вынырнете изъ глубокой продушины старой улицы на Стефанову площадь, соборъ появится передъ вами такъ внезапно и такъ близко, что васъ чуть не отбрасываетъ назадъ. Собственно говоря, онъ не передъ вами — для этого нужно было гораздо болѣе простора отдаленія, а онъ буквально надъ вами, надъ вашей головою. Вы копошитесь у самыхъ ногъ этой необъятной каменной массы, поднимающейся подъ облака, и если хотите взглянуть на верхъ, должны чуть не опрокинуть голову. Это ужъ какъ будто не зданіе, а естественное произведеніе, какъ скала, лѣсъ. Незыблемое и огромное какъ скала; сквозное, многовершинное какъ лѣсъ; вѣками росло и все еще продолжаетъ расти, переживая царства; именно, росло, а не строилось; на работѣ смѣнялись не люди, а поколѣнія людей. Изумительная смѣлость и цѣльность мысли: задуманъ полетъ къ небу, и этотъ полетъ воплощенъ въ камень. Всѣ отдѣльныя части, всякое мелкое украшеніе — выражаютъ одну мысль, одно стремленіе. Главная башня — лѣсъ узорчатыхъ стрѣлъ, уносящихся все выше и выше, догоняющихъ другъ друга; чѣмъ выше, тѣмъ они легче, сквознѣе, воздушнѣе; кажется, оторвутся и взлетятъ къ облакамъ. Глядя на эту воздушность, забываешь, что она запечатлѣна въ камнѣ, и не постигаешь, куда могъ страхнуть художникъ тяжкую и однообразную неподвижность, присущую камню. Въ башнѣ главное выраженіе готической мысли, этой молитвы, поднимающейся къ небу легко и тихо, какъ свѣча, горящая передъ образомъ. Если римскій куполь геометрическимъ совершенствомъ своего свода выразилъ идею неба, то готическая стрѣла съ неменьшею силою выразила стремленія человѣка къ небу. Италія вдохновила художника созерцаніемъ вѣчно объемлющей его красоты южнаго голубого свода; старая Германія, туманная и лѣсистая, могла вложить

въ тугую душу только одинъ страстный порывъ къ тому, что такъ недоступно ему и такъ мало знакомо; германецъ не видѣлъ небснаго свода иначе какъ сквозь частныя стрѣлы сосноваго бора, возносящіяся другъ надъ другомъ, все выше и выше, все легче и острѣе, и потому, можетъ быть, его готическій храмъ и вылился въ форму каменнаго лѣса, со всею его таинственною и безшумною тьмою, съ безконечными колоннадами стволовъ, съ узорчатыми просвѣтами листвы, сквозь которую свѣтъ солнца проникаетъ въ лѣсную тьму во всевозможныхъ фантастическихъ краскахъ. Боковыя островонечныя «*tribuni*» храма—всѣ сплошь изъ каменнаго кружева, вполне отвѣчаютъ характеру башни. Но самъ центръ зданія имѣетъ въ себѣ что-то массивное и неуклюжее. Впечатлѣніе этой неуклюжести усиливается огромною крутою кровлею самаго прозаическаго вкуса, изъ оригинальныхъ пестрыхъ черепицъ.

Когда я вошелъ черезъ маленькую почернѣвшую дверь за темный суконный пологъ, внутрь храма, меня охватило неизъяснимое чувство. Высота, громадность, темнота, обставшія вдругъ кругомъ меня—были слишкомъ необычны. Колонны уходили полчищами къ алтарю, не одинокія, а по нѣскольку вмѣстѣ, сгруппированныя какъ стебли въ снопѣ; между рядами этихъ колоннъ открывались перспективы пересѣкающихся острыхъ сводовъ. Алтари казались въ большой дали. Строгостію и страхомъ вѣяло отъ этихъ ветхихъ сводовъ и почернѣвшихъ колоннъ. Все тутъ было, или черно, или темносѣро; свѣжей яркости красокъ нигдѣ. Длинные и узкія окна готическаго рисунка, почти въ высоту храма, пропускаютъ сквозь свои узорно-раскрашенные цвѣтныя стекла какой-то особенный свѣтъ, еще болѣе усиливающий таинственность. Пыльные столбы солнечнаго луча стоятъ и дрожатъ въ этомъ полумракѣ, какъ что-то матеріальное и осязательное. Тишина полная. Народу довольно, но всѣ безмолвно сидятъ на скамьяхъ или бродятъ затерянные въ какомъ-нибудь углу храма; шума ихъ шаговъ не услышишь подъ этими громадными сводами. Не обращайте вниманія на подробности, проникнитесь общимъ впечатлѣніемъ храма, перспективами колоннъ, пересѣченіемъ сводовъ, игрою свѣтогѣней; проникнитесь чувствомъ его древности, громадностью, тишины. Пыль и копоть вѣковъ вѣялись въ эти черные камни вмѣстѣ съ преданіями вѣковъ. Потъ и слезы молившихся, прахъ тысячи усопшихъ слыпался въ этомъ тяжеломъ воздухѣ. Тутъ все исторія, все вѣковѣчное. Каменные сѣдалища, на которыхъ сидятъ молящіеся, не передвигаются какъ стулья

новыхъ храмовъ. Это недвижимое наслѣдіе дѣдовъ и прадѣдовъ, общее цѣлымъ семействамъ, каеъ земли и замки. Они полны погибшихъ воспоминаній, оборвавшихся надеждъ, стихнувшихъ вздоховъ цѣлыхъ поколѣній. Вонъ еще на нѣкоторыхъ видна рѣзьба старинныхъ гербовъ, видны слова, начертанныя вѣка тому назадъ въ минуту какого-нибудь тяжелаго раздумья.

Каждая колонна — работа поколѣній. Здѣсь поймешь легко, что для созданія подобныхъ храмовъ необходимо было посвящать имъ всю свою жизнь, запирались каеъ въ монастырь въ строгіе мистическіе уставы цеха и отказываться отъ своихъ личныхъ правъ во имя интересовъ великой цѣли, великаго дѣла. Только художники-подвижники, сохранявшіе каеъ реликвию тайну своего святого искусства, и передававшіе его по наслѣдству, могли доводить до конца эти многовѣковыя постройки, эту работу не корыстнаго стѣха, а благоговѣйнаго и самоотверженнаго подвига. Печать религіознаго чувства видна на каждомъ камнѣ Стефанова храма. Его бы не могли построить ни евреи, ни магометане, ни равнодушное поколѣніе христіанъ XIX-го вѣка. Стефанъ — настоящій средневѣковой храмъ, сурово-мрачный и наивно-теплый въ одно и то же время. Каждый камень — какое-нибудь олицетвореніе; не найдешь угла, выступа, карниза, который бы дѣтская фантазія средневѣкового художника не обратила въ фигуру. Лавки, колонны, каеэды, стѣны — все украшено безхитростною скульптурою. Капители безчисленныхъ колоннъ — тоже статуи на кронштейнахъ, подъ навѣсомъ рѣзныхъ готическихъ балдахиновъ. Черные, неподвижные ряды мужей страннаго вида, толпящіеся на недосигаемой высотѣ сводовъ, производятъ такое впечатлѣніе, словно это люди давно протекшихъ вѣковъ, пришедшіе молиться въ свой старый храмъ вмѣстѣ съ живыми людьми настоящаго. На цвѣтныхъ стеклахъ оконъ опять фигуры. Около алтарей ихъ особенно много. Алтарь — центръ молитвенныхъ помысловъ, и сюда перенесенъ весь внутренній мѣръ простодушнаго художника, котораго религіозность еще не въ силахъ освободиться отъ языческой образности. Вокругъ главнаго алтара цѣлая іерархія статуй во всѣхъ позахъ; одні выше и ближе, другія дальше и меньше; онѣ почти сливаются съ фигурами иконъ и съ фигурами живого причта; священника почти трудно замѣтить въ этой толпѣ изваяній. Тутъ все: епископы и цари, иноки и витязи, кресты и мечи вмѣстѣ. Возлѣ меня каеэдра, вся рѣзная, изъ камня, будто изъ кружева. Тутъ цѣлый сонмъ святителей: строгіе, иссушенные постомъ лики, съ глубокимъ и сильнымъ выраженіемъ, въ которомъ сказывается глубокій и сильный духъ, способный на пе-

двиги—лики Амвросіевъ, Іеронимовъ, Августиновъ глядятъ на васъ во всей исторической правдѣ, постигнутой созвучною душою художника. И самъ художникъ тутъ же внизу, подъ каедрою, съ циркулемъ въ рукѣ. Онъ счастливъ этимъ сосѣдствомъ даже и въ фантазіи. По стѣнамъ другіе лики и изваянія, еще болѣе реальные. Бургомистры, рыцари, епископы съ своими надгробными надписями и портретами, въ шапкахъ и вѣнкахъ, неумѣло, но любовно изсѣченные въ камнѣ. За честь этого увѣковѣченія дарились земли и капиталы храму Стефана. Тутъ и настоящіе черепа, кости. Стѣны изрыты склепами; гробницы и гробовыя плиты снаружи и внутри храма. Въ каждой складкѣ стѣны дверочки и проходы, а въ подземныхъ глубинахъ цѣлая система склеповъ, лѣсенокъ и таинственныхъ пыльных сводовъ съ заржавленными замками. Вотъ на стѣнѣ одна изъ характерныхъ средневѣковыхъ фигуръ: какое-то худое, горькое лицо, съ воздѣтыми въ небо ладонями, и подъ нимъ обычная аллегорія смерти—черепъ съ двумя перекрещенными костями; этотъ каменный покойникъ уже нѣсколько столѣтій возсылаетъ въ правосудію потомства свою трагически-наивную жалобу: «Hier bin ich, Peter M... verschlossen meuchelmörderisch durch den Neid erschossen Gott gebe Ruhe meiner Seele!» то-есть: «здѣсь заключенъ я, Петръ М., застрѣленный вѣроломною завистью; даруй, Господи, миръ душѣ моей!» Вотъ рядомъ дианирамбъ гражданскимъ доблестямъ и воинской славѣ тѣхъ славныхъ герцоговъ, которыхъ имена давно позабыты міромъ. Одни камни Стефана живутъ еще ими, сохраняя и память стараго тщеславія, и теплоту старой молитвы. Въ нѣкоторыхъ придѣлахъ впрочемъ громкія историческія имена. Драгоценная рава изъ рѣзного краснаго мрамора торжественно стоитъ на возвышеніи посрединѣ праваго придѣла. Это настоящая императорская гробница: въ ней лежитъ прахъ императора Фридриха III. Гробница Евгенія Савойскаго, какъ подобаетъ солдату: въ получасовѣ плита съ мѣднымъ щитомъ и тяжелыми мѣдными кольцами, украшенная Савойскимъ крестомъ; тутъ же фрескъ знаменитаго Эндерса.

Вдругъ заигралъ большой соборный органъ. Не видно было, откуда неслись и кто извлекалъ эти звуки. Старые черные своды постепенно наполнялись гуломъ этихъ торжественныхъ звуковъ и медленно перекачивали ихъ. На строгомъ, густомъ фонѣ органной музыки едва были замѣтны слуху тонкіе женскіе голоса, запѣвшіе вѣсть съ нимъ. Они только обвивались и переливались кругомъ этого мощнаго безличнаго голоса, потухая въ немъ и съ нимъ сливаясь, какъ нераздѣльная съ нимъ система нѣж-

ныхъ живыхъ флейтъ; точно безъ этой могучей всенапоминающей волны они были безсильны плыть одни черезъ бездны громаднаго храма. Участіе органа въ церковной молитвѣ производило потрясающее впечатлѣніе. Органъ какъ нельзя болѣе идетъ въ служенію, въ которомъ человѣкъ стремится забыть все малое, личное, измѣнчивое и вознестись духомъ въ свои абсолютныя идеалы. Въ звукахъ органа нѣтъ личности: въ нихъ тонетъ всякая субъективность. Онъ не знаетъ ни утомленія, ни переменъ въ настроеніи духа; всегда одинаково торжественъ, одинаково глубоко. Это ужъ не голосъ людей, а голосъ цѣлаго храма; въ немъ покоятся сами многовѣковые своды храма, колоннады и подпирца статуй. Органъ почти не инструментъ, а скорѣе учрежденіе, созданіе вѣковъ, какъ самый храмъ. Органу св. Стефана, напр., 170 лѣтъ. Оттого органъ и служитъ постоянною школою музыки для народовъ, которые ввели его въ свои храмы. Онъ не даетъ сбиться ни голосу, ни уху молящагося. Каждый нищій, каждая невѣжественная поселянка, научатся пѣнію подъ сводами католическаго храма, поддерживаемые этимъ общимъ учителемъ поколѣній, не знающимъ ошибки и измѣненія методовъ. Я приблизился къ главному. алтарю—посмотрѣть на поющихъ. Впечатлѣніе растроганныхъ женскихъ голосовъ, возносящихся и нѣдающихъ вмѣстѣ съ перекатами органа, было для меня ново и сладостно. Снизу былъ виднѣнъ цѣлый букетъ бѣлокурыхъ, голубоокихъ Гретхенъ, съ благоговѣнно сложенными ручками, углубленныхъ въ тетради нотъ. Въ эту минуту своего сердечнаго умиленія эти хорошенькія молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ и золотистыхъ кудряхъ, поющія священные гимны, — были дѣйствительно похожи на хоръ ангеловъ.

Скромныя молящихся тоже пѣли. Даже беззубые старички и старухи съ увлеченіемъ участвовали въ общемъ голосѣ молитвы; ихъ разнохарактерное и нетвердое пѣніе со всей своей старческой хрипцостью и рѣзкостью отдѣльныхъ возгласовъ, — исчезало, какъ въ морской пучинѣ, въ величественныхъ октавахъ органа, наполнявшихъ храмъ.

Въ темныхъ отдаленныхъ углахъ храма тоже молящіеся. Передъ статуями, передъ иконами, особенно чтимыми, передъ огнемъ лампадокъ и длинныхъ восковыхъ свѣчей, измощенные старческие уста торопливо шепчутъ боязливую и жалостную молитву. Слезящіеся глаза прикованы съ фанатическимъ упорствомъ къ золотой фигурѣ святого, и сухая рука судорожно прижата къ груди; такъ молятся только на краю могилы, когда надежды міра уже кончились. Дѣвушки почти всегда передъ мадоннами, или передъ кѣмъ

больше. Ихъ встревоженные губки тоже что-то шепчутъ, и влажные глаза, въ которыхъ дрожатъ огоньки восковыхъ свѣчей, тоже устремлены въ умиленномъ самозабвеніи на ликъ Дѣвы. Но въ этомъ взорѣ уже гораздо болѣе для всѣхъ очевидныхъ земныхъ надеждъ, и горе, скорѣе исцѣлимое. Много такихъ дѣвушекъ увидите вы предъ одинокими иконами св. Стефана. Кончики пальцевъ благочестиво сложены вмѣстѣ, и глаза не оторвутся отъ Богородицы въ парчѣ съ золотымъ Младенцемъ, окруженной кистейными цвѣтами, стекломъ, бархатомъ и позументами. Она кажется имъ дѣйствительно въ раю и изъ рая. Онѣ прильнули къ рѣшеткѣ, за которою статуя Дѣвы, и боятся упустить на мгновеніе это лицезрѣніе, точно имъ удалось увидѣть сходженіе съ неба истинной Дѣвы. Въ другихъ углахъ вы увидите вмѣсто молящихся—преспокойно спящихъ; они, можетъ быть, тоже молились и заснули отъ утомленія; а можетъ быть, зашли подъ своды Стефана отдохнуть отъ солнечнаго жара и уличной бѣготни на неподвижныхъ скамьяхъ. Храмъ отпертъ цѣлый день, и всѣ могутъ пользоваться этимъ пріютомъ. Я нахожу такой обычай очень почтеннымъ и полезнымъ, вполне соответствующимъ значенію храма. Это не театръ, куда ходятъ въ опредѣленные дни за деньги. Доступъ къ молитвѣ, къ самосозерцанію, долженъ быть открытъ всегда и всѣмъ. Одинъ наслаждается красотою храма, другой поучается по его картинамъ священной исторіи, третій служитъ молебень, четвертый углубляется въ самого себя; утомленный отдыхаетъ, взволнованный успокоивается. Тутъ никто не мѣшаетъ, тутъ всѣхъ право одинаково—богатаго и бѣднаго.

Католичество портитъ свои величественные храмы пестротой, безвкусіемъ и идолопоклонническою расписанностью безчисленныхъ алтариковъ. Въ св. Стефанѣ 38 алтарей, всѣ въ сусальномъ золотѣ, въ раскрашенныхъ статуяхъ, въ разноцвѣтныхъ лоскуткахъ.

За то способъ служенія—нельзя не одобрить. Строгая тишина и изумительное благоговѣніе. Священникъ и причетъ двигаются стройно, какъ одинъ; личности священника не замѣчаешь, богослуженіе течетъ само собою, точно одна отъ безчисленныхъ статуй, обстоящихъ кругомъ алтаря, двигается и произносить слова молитвы. Тутъ вы уже не замѣтите улыбочки отца Ивана, кивковъ попа Матвѣя. Вмѣстѣ съ неизмѣнными звуками органа и несокрушимостью храма—католическое богослуженіе производитъ впечатлѣніе неподвижности. Дѣйствительно, католицизмъ самъ по себѣ есть вѣчный органическій *non possumus*.

Строго говоря, только такая неподвижность, только такая неуступчивость и послѣдовательна. Католицизмъ по своей сущности не можетъ терпѣть компромиссовъ. Онъ есть полное отрицаніе современной цивилизаціи, современной науки; онъ—живое воплощеніе средневѣкового мистицизма. Поэтому папа Пій IX и другой *черный папа*, незримо направляющій его на пути своей корпорации, и опутавшій его сѣтью этой корпорации, гораздо логичнѣе всѣхъ старо- и нео-католиковъ, всѣхъ оппонентовъ и реформаторовъ. Каменная твердыня готическаго собора, обросшая мхомъ вѣковъ, вросшая въ землю, какъ скала, устоявшая противъ стихій и времени, полная преданій, управляющаяся цѣлымъ капиталомъ, какъ провинція,—вѣрное изображеніе той несокрушимой католической церкви, которая изъ-за своей идеи сокрушала имперію, выжигала еретиковъ цѣлыми царствами, двигала Европу умирать въ Азіи, отрицала науку Галилея и открытіе Колумба, которая во всемъ была безусловна и беспощадна, во всемъ проявляла глубокую выработанность, настойчивость и силу, и съ помощью ихъ сѣумѣла во всѣхъ странахъ свѣта утвердиться единою, нераздѣльною, не взирая на различіе языка, племени и интересовъ.

На кафедрѣ взмохъ сытый и важный каноникъ, коротко остриженный, съ перстнями на жирныхъ пальцахъ. Это былъ хорошо выдрессированный ораторъ; ему очевидно немного стоили его ораторскіе эффекты руки и голоса. Съ какимъ-то холоднымъ и строго-приличнымъ пафосомъ произносилъ онъ необыкновенно звучныя и красивыя слова, строя ихъ въ пышныя, закругленные періоды. Тексты отборнаго сорта сыпались направо и налево. Ораторъ, кажется, проповѣдовалъ на текстъ: «Не о хлѣбѣ единымъ живъ будетъ человекъ». Возлѣ него, тоже на кафедрѣ, стоялъ истощенный сѣдой клирикъ, повидимому, болѣе другихъ нуждавшійся въ утѣшительной проповѣди сытаго прелата. Когда проповѣдникъ слегка вскинулъ къ небу свои хладнокровныя глаза и простеръ съ дипломатическою сдержанностью свои изнѣженные бѣлые руки, въ золотыхъ перстняхъ, къ статуѣ мадонны—тощій клирикъ благоговѣйно взялъ тетрадь изъ этой пухлой руки и напечатлѣлъ на ней умиленный поцѣлуй. Проповѣдь кончилась, и сановитый ораторъ съ медленнымъ величіемъ сходилъ со ступеней кафедры, придерживая пышныя складки своихъ одеждъ. Въ воздухѣ будто звенѣли еще его надутые безсодержательные періоды, и толпа молящихся тѣснилась еще вокругъ кафедры, отъ которой вѣяло на всѣхъ холодомъ безучастія.

Передъ главнымъ алтаремъ начинается собираться толпа гораздо болѣе для меня интересная. Монахи разныхъ орденовъ, одни въ рыжихъ уродливыхъ капюшонахъ, другіе въ черныхъ капотахъ, кто съ бритыми, какъ тарелка, макушками, кто съ босыми ногами въ сандаляхъ, появились вдругъ, не знаю откуда и зачѣмъ. Пришли три ордена, и всѣ выстроились вдоль стѣны. Я смотрѣлъ съ нѣкоторымъ отвращеніемъ на эту коллекцію безкровныхъ, золотушныхъ людей, на эти безлобые угреватые лица, выражающія почти идіотическую тупость и апатію. Въ изуродованномъ тѣлѣ этихъ кастратовъ можетъ, конечно, жить только изуродованный духъ. Каждый орденъ выставилъ впередъ, какъ знамя, свое огромное распятіе. Эти жалкіе и бесполезные уроды въ своихъ неестественныхъ душныхъ одѣяніяхъ, съ лысыми на молодыхъ головахъ, считаютъ себя, разумѣется, избранною дружиною того Страдальца за человечество, котораго ученіе была одна жизненная правда и простота.

Привалили семинаристы, громоздкіе, неуклюжіе, съ грубыми и изломанными чертами, въ грязныхъ бѣлыхъ кофтахъ. Все какіе-то животныя, забитыя или злобно-мстительныя лица, у всѣхъ невѣрующія и неуважающія. Машинально и быстро, хотя неповоротливо, преклоняли они колѣно передъ алтаремъ и сбивались въ свою кучу. Вотъ стали появляться одинъ за однимъ ксендзы, въ кружевныхъ кофтахъ, снимаютъ свои черныя четырехъ-угольныя шапочки и съ смиреніемъ фарисея кланяются алтарю, на поученіе семинаристовъ; это, большею частью, сѣдые, полныя, геморроидальныя фигуры, съ отталкивающимъ выраженіемъ лица, въ которомъ лицемѣріе сквозитъ сквозъ каждую черту. За черными шапочками начинаютъ подходить фіолетовыя, съ фіолетовыми же пелеринами, съ осанкою гораздо болѣе важною; это должно быть каноники. Монахи и семинаристы усердно кланяются каждому вновь входящему. Скоро весь придѣлъ наполнился арміею священниковъ, монаховъ, пѣвчихъ. Оказалось, что хоронятъ какого-то патера. Церемоніймейстеръ, во фракѣ, устроилъ, какъ на театрѣ, погребальную процессію и двинулся впередъ, поминутно оборачиваясь и командуя своей палочкой. Пѣвчіе и трубачи тоже шли во фракахъ; носильщики гроба не только во фракахъ, но и съ шляпами на головѣ въ стѣнахъ храма. Гробъ былъ забитъ заранѣе. Среди толпы фіолетовыхъ одеждъ елѣднгался почти уже развалившійся худой старикъ, въ бѣлой епископской митрѣ, со спиною, перегнутою въ стулъ, собраніе старческихъ морщинъ безъ костей и мяса, окутанное въ дорогія одежды. Процессія тянулась на полверсты и шла шагъ за шагомъ въ

удивительно стройномъ порядкѣ, съ пѣніемъ, трубнымъ звукомъ, съ крестами впереди. Всякая подробность была обдуманна и рассчитана на эффектъ. Сразу было замѣтно, что духовное воинство католицизма дисциплинировано и организовано также прочно, какъ любая армія свѣтскаго монарха.

Въ Вѣнѣ необходимо зайти въ Augustiner Kirche. Едва вы переступите порогъ церкви, васъ поразитъ необыкновенная и неожиданная картина. Передъ вами черный зѣвъ гробовой пещеры, выбитой въ пирамидѣ бѣлаго мрамора. Цѣлая группа бѣлыхъ мраморныхъ изваяній у входа въ этотъ гротъ. И расположение группы, и отдѣльныя фигуры — исполнены благородства стиля, глубокой поэзіи и классическаго совершенства. Это монументъ Маріи-Кристины, дочери Маріи-Терезіи, работы Кановы. Я думаю, это одно изъ самыхъ обширныхъ и удачныхъ произведеній его. Тутъ не отдѣльныя статуи, а цѣлая драма, исполненная въ мраморѣ. Трудно вообразить себѣ лучший памятникъ смерти. На порогѣ слепа въ грустномъ снѣ поковится левъ — вѣроятно, эмблема царственной семьи; геній жизни — прекрасный величественный юноша — въ нѣмомъ изнеможеніи упалъ около гробового входа и опрокинулъ потухающій факелъ. Бѣломраморныя дѣвы въ широкихъ льющихся складкахъ своихъ античныхъ одеждъ, благоговѣнно наклонившись, съ глубокою, но безропотною печалью входятъ въ черное отверстіе могилы, бережно неся въ своихъ траурныхъ урнахъ священный для нихъ прахъ. Вы знаете, что это статуи, что это мраморъ, и между тѣмъ вы просто видите ихъ величавое и покорное движеніе.

Другой chef-d'oeuvre Кановы въ отдѣльномъ афинскомъ храмѣ въ Volksgarten. Онъ не провинитъ тою сердечною поэзіею, какъ гробница Кристины, но чрезвычайно замѣчателенъ по мастерству исполненія громадной и необыкновенно оживленной группы. Это — бой Тезея съ кентавромъ, почему и храмъ называется *храмомъ Тезея*. Современники Фидіи, безъ сомнѣнія, воздвигли бы для этой статуи дѣйствительный храмъ. Задача художника была очень сложна и трудна. Необходимо было *убѣдить глаза* зрителя, что это гармонически-сложенное, умѣренно-развившееся, прекрасное человѣческое тѣло дѣйствительно *въ состояніи* задавить это тяжкое и ужасное чудовище, на него навалившееся. Для этого потребовалось одушевить каждый мраморный мускулъ, каждый поворотъ члена Тезея всесокрушающею энергіею. Кроме того, было необыкновенно трудно слить въ одно гармоническое цѣлое позу борющагося титана въ верхней положеніи кентавра съ позою брыкающагося дикаго коня въ нижней

его половинѣ. Художникъ все побѣдилъ: подъ его рѣзцомъ глыба камня выразила съ недосыгаемымъ совершенствомъ моментъ величайшаго внутреннего одушевленія и величайшей энергіи нервовъ. Я увѣровалъ, стоя передъ этимъ мраморнымъ колоссомъ, что дисциплинированная, благоустроенная и красивая мощь Те-везя, мощь разумнаго человѣка, — повергнетъ въ прахъ другую, животную мощь, грозную, разъяренную, неповоротливую, которая бѣшено впиалась въ него всѣми своими десятью звѣроподобными пальцами...

II.

...Мюнхенъ кажется такимъ скромнымъ послѣ шумной и блестящей Вѣны; тихо, безлюдно, мало магазиновъ, мало движенія. За то улицы поразительной чистоты и ровности, и постройки ка-кого-то величественнаго характера. Все задумано въ античномъ стилѣ. Даже частные дома исполнены художественнаго чувства и художественнаго образованія. Лудвигова улица — отрывокъ Рима. Университетъ, семинарія съ прекраснымъ фонтаномъ, триумфальныя ворота, увѣнчанныя прекрасною статуею Баваріи на колесницѣ, запряженной львами, портикъ полководцевъ, — все въ римскомъ стилѣ. Частныхъ домовъ на этой улицѣ мало. Дворецъ простъ, изященъ, не давить своею громадностью; театръ — эгинскій храмъ съ голубымъ фономъ портика, съ живописью снаружи. Почта — римскія аркады съ фресками. Въ громадномъ зданіи роскошной итальянской архитектуры, со статуями и каріатидами — помѣщается національный музей. Передъ нимъ, среди бульвара, скромный памятникъ съ скромною надписью: *Шеллингу, великому философу, отъ благодарнаго ученика* (короля Максимилиана). Около стараго королевскаго замка XIII-го вѣка огромныя аркады, въ родѣ Палеройалы; среди нихъ садъ для народа, а подъ ними, въ прекрасныхъ яркихъ фрескахъ, — всѣ виды Греціи, Испаніи, Италіи и исторія освобожденія Греціи. Всегда и всѣмъ доступный музей, въ которомъ народъ можетъ воспитываться, какъ при Периклѣ, на созерцаніи художественныхъ произведеній.

Но настоящія Аѳины — на королевской площади. Тамъ и Цареевонъ, и Пропилеи. Бѣлыя колонны, античные «гибели» съ прекрасными барельефами и статуями, вырѣзаются на голубомъ небѣ. Фантазіи чудится Акрополь. Кругомъ ни одного дома, только зеленѣютъ сады и зеленныя площадки. Въ этомъ Пареевонѣ знаменитая мюнхенская Глициотека, собраніе античныхъ статуй.

Пинакотеки, и старая, и новая, кажется, одинаково хороши: въ старой — богатство колоннадъ и классическая строгость стиля; въ новой — чудные фрески и стиль таже высокаго благородства. Обѣ онѣ среди широкой зелени садовъ, и ничего вблизи ихъ. Есть что-то аристократическое, что-то истинно-художественное въ этомъ царственномъ уединеніи знаменитыхъ общественныхъ построекъ.

Въ Мюнхенѣ нужно остаться долѣе, чѣмъ въ Римѣ тому, кого интересуютъ сокровища искусства. Со всѣми музеями Мюнхена ознакомиться не легко. Какъ бы ни посмотрѣлся глазъ на европейскія картинныя галереи, въ Мюнхенѣ вы найдете много такого, передъ чѣмъ приходится постоять. Мурильо и вообще испанцы тутъ особенно хороши. Рубенсъ, по выбору, чуть-ли не лучше всѣхъ другихъ галлерей. Тутъ его «Страшный Судъ» въ нѣсколькихъ экземплярахъ, «Магдалина», «пьяный Бахусъ», «Далила», «похищеніе Европы», «битва за Сабинянокъ», и много другихъ прекрасныхъ картинъ. Рубенса многіе бранятъ и еще болѣе многіе не понимаютъ. Его надобно судить, какъ художника-язычника. Его картины — апогеоза тѣла, здоровья, физическихъ наслажденій. Подъ его кистью бушуетъ плоть, сытая, румяная и веселая; онъ широкъ и обиленъ какъ природа, организмы кипятъ на его картинахъ, потому что онъ въ неудержимомъ порывѣ создавать и создавать. Всѣ позы, всѣ полы и возрасты, можно сказать, всѣ породы животныхъ вмѣстѣ. Никто не обладаетъ такою могучею силою изобразить организмъ во всевозможныхъ, даже самыхъ необыкновенныхъ положеніяхъ, съ соблюденіемъ самой поразительной естественности. Рубенсъ будто забавляется этою легкостью и свободою изображенія. Посмотрите на его «Страшный Судъ», на эти вспалзывающія и скатывающіяся тѣла, вытянутыя и упирающіяся, на это кишѣнье людей, будто червей; или на знаменитое его «Quos ego!» дрезденской галлерей. Кисть Рубенса вовсе нейдетъ къ религиознымъ сюжетамъ; ему не слѣдовало писать ни Мадоннъ, ни святыхъ. Этотъ материалистъ-язычникъ боготворитъ грѣховное тѣло и изъ Мадонны нечувствительно дѣлаетъ Діану. Не ищите у него также романтической поэзіи и глубины чувства. Берите то, что онъ самъ даетъ. Мифологическая жизнь древняго грека, веселая, дѣтски-простая, полная осязательныхъ наслажденій и минутныхъ радостей — вотъ истинная сфера Рубенса. Беззаботный эпикуреизмъ — вотъ характеръ его наиболѣе типическихъ картинъ. Толпа прыгающихъ сатировъ съ весело-уродливыми харями, жирныя опьянѣвшія вакханки съ пѣснями, съ хохотомъ; красавцы-мальчишки, плоды без-

порядочной, но и безнечальной любви—снуютъ тутъ же, несутъ сочные грозды винограда, кошницы плодовъ, убитую дичь. Всего вдоволь, всѣмъ достанетъ напиться и наѣсться, а завтра опять та же веселая бѣготня, тотъ же сладострастный разгулъ, пѣніе и игры; все на распахку, все общее: за душею ни у кого ничего, ни тайны, ни мѣдной копѣйки. Коммунизмъ и простота, доведенные до крайняго рубежа. Можетъ быть, такое понятіе о жизни сатировъ и нимфъ сочинилось не даромъ въ фантазіи древняго грека. Можетъ быть, это неясное воспоминаніе тѣхъ первобытныхъ временъ, той *Urleben* челоуѣка, когда обитатель роскошныхъ долинъ Малой Азіи и Греціи еще стоялъ въ ряду зоологической классификаціи, и въ нему еще не было нужды прибавлять видового названія *zariens*. Рубенсъ — живописецъ мяса во всѣхъ смыслахъ. Жизненность изображенія нагого тѣла у него превосходитъ все, что существуетъ въ области живописи. Его колоритъ видѣнъ сразу: это свѣтъ и день. Даже темныя тѣни пышутъ у него краснымъ огнемъ; а розовые и нѣжные тоны женскаго и дѣтскаго тѣла придаютъ этимъ фигурамъ совершенную прозрачность, искупающую даже обычную Рубенсовскую дребезгу формъ.

Хотя я большой поклонникъ старинныхъ мастеровъ и вполне цѣню ихъ глубокія достоинства, однако не могу не сказать, что знаменитыя галереи Европы, наполненныя тысячами этихъ драгоценныхъ старыхъ картинъ, всегда производятъ на меня странное впечатлѣніе. Міръ отжитыхъ чувствъ и передуманныхъ мыслей, несмотря на все совершенство свое, смотритъ все-таки мглою. Васъ давить этотъ тѣсный и бѣдный кругъ, въ которомъ было когда-то такъ широко фантазіи художника и его поклонниковъ. Поразительное однообразіе и повторяемость того же сюжета, той же идеи, даже тѣхъ же позъ и выраженій, утомляетъ впечатлѣніе. Тутъ кругомъ столько ненужнаго вамъ, ребячески-наивнаго и ребячески-бессильнаго; и вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ нѣтъ почти ничего того, чего требуетъ вашъ духъ, въ чемъ онъ находитъ свое удовлетвореніе. Старинные мастера останутся и должны остаться учителями новыхъ художниковъ. Дѣйствительно, сила и вѣрность изображенія у лучшихъ изъ нихъ (хотя далеко не у всѣхъ знаменитыхъ) достигла предѣла совершенства. Пусть ихъ списываютъ, пусть изучаютъ на нихъ тайну краски и рисунка, но пусть не стараются проникаться ихъ духомъ и подражать имъ въ самомъ характерѣ картинъ. Въ этомъ отношеніи наши новые мастера стоятъ на недостигаемой отъ нихъ высотѣ, стоятъ въ положеніи зрѣлаго учителя въ молодыхъ ученикамъ. Мы не будемъ

спорить, будто изображенія Рубенса, Тиціана, Мурильо ниже изображеній новыхъ художниковъ, — будто рисунокъ ихъ не такъ правиленъ и не такъ смѣлъ, или волорить ихъ не такъ близко къ жизненной правдѣ. Но мы не сомнѣваемся ни малѣйшимъ образомъ, что *картины* Каульбаховъ, Деларошей, Лессинговъ, — для насъ, людей XIX-го вѣка, создавшихъ науку и политическую жизнь, — выше всевозможныхъ «Преображеній» Рафаэля, «Страшныхъ Судовъ» Микель Анджело и «Тайныхъ Вечеръ» Винчи. Ни одна изъ этихъ послѣднихъ картинъ или имъ подобныхъ не производитъ непосредственнаго впечатлѣнія на современнаго человѣка и требуетъ довольно настойчиваго размышленія для своей оцѣнки. Я знаю людей съ прекраснымъ художественнымъ образованіемъ, съ живымъ художественнымъ чувствомъ, которые оставались холодны при созерцаніи классическихъ знаменитостей того рода, о которыхъ я говорю, и которые тѣмъ не менѣе умѣли глубоко цѣнить историческое значеніе и мастерство выполненія картины. Но когда эти самые люди стоятъ передъ «Реформаціею» Каульбаха или его «Столпотвореніемъ Вавилонскимъ», или передъ «Константинскимъ соборомъ» Лессинга, тогда они съ глубоко-потрясеннымъ чувствомъ созерцаютъ понятныя имъ и поучительныя драмы, начертанныя во всемъ поразительномъ живѣй кистью художника, мыслящаго мыслію ихъ вѣка и живущаго интересами этого вѣка. Романтикъ Жуковский, описывающій свои впечатлѣнія передъ Сикстинскою Мадонною, весьма искренно, хотя, повидимому, незамѣтно для самого себя, признался въ отсутствіи непосредственнаго художественнаго впечатлѣнія отъ этого *chef-d'oeuvre* итальянскихъ школъ. Я увидѣлъ въ первый разъ эту знаменитую картину въ 1859 году, въ пору самаго слѣпного и беззавѣтнаго поклоненія своего стариннымъ мастерамъ. Помню, меня очень удивило, что со мною повторилась исторія Жуковского; я долженъ былъ возвратиться другой разъ въ залу Мадонны, сѣсть противъ нея и упорно всматриваться и вдумываться, прежде чѣмъ меня объялъ восторгъ отъ ея совершенствъ. Восторгъ этотъ пришелъ, и я былъ доволенъ. А это просто означаетъ, что Сикстинская Мадонна для людей XIX-го вѣка имѣетъ только историческое значеніе.

Идеи Прудона объ искусствѣ не только преувеличены, но, по моему мнѣнію, даже просто невѣжественны. Я съ особеннымъ любопытствомъ бросился во время всемірной парижской выставки 1867 года въ Exposition Courbet, которая дѣлала торжественное *vis-à-vis* выставкѣ всемірной — Exposition universelle, уступивъ ей лѣвый, а себѣ предоставивъ правый берегъ Сены. Эта выставка всѣхъ произведеній Курбе должнаствовала, вѣроятно, убѣдить всѣхъ

женную въ истинѣ прудоновской теоріи, провозгласившей Курбе царемъ искусства и родоначальникомъ истинной живописи. При-
знаюсь, я долго не могъ оправиться отъ изумленія, увидя себя
среди множества небрежно и грубо набросанныхъ картинъ дю-
жиннаго характера, по большей части неконченныхъ и уступаю-
щихъ, даже съ точки зрѣнія прудоновской идеи, множеству со-
временныхъ жанристовъ, далеко не таеъ прославленныхъ. Нашъ
талантливый Перовъ, съ своими глубоко-сатирическими и вмѣстѣ
вполнѣ мастерскими произведеніями, годился бы въ учителя прудо-
новскому царю живописи.

Но какъ ни ошибочна теорія Прудона, въ ней есть одна глу-
бокая и несомнѣнная истина: искусство не можетъ отрѣшиться
отъ жизни вѣка. Оно — живая и великая сила, пока отвѣчаетъ
живымъ понятіямъ и чувствамъ; оно — археологія, драгоценная
рѣдкость, святая реликвія, когда умретъ идея, его одушевлявшая.
Наши дѣды были не безсильнѣе насъ. Они проявили, можетъ
быть, еще болѣе напряженія воли и разсудка въ своихъ дѣлахъ,
тѣмъ мы въ своихъ. Эти полезныя черты ихъ достойны изученія,
подражанія и почета. Но было бы страннымъ и вреднымъ ослѣп-
леніемъ возстановлять ихъ міросозерцаніе и выработанныя ими
системы хозяйственныхъ или политическихъ дѣйствій. Таковъ дол-
женъ быть и взглядъ нашъ на старинныхъ художниковъ. Ихъ
силы были велики, ихъ качества почтенны и достойны стать об-
разцами; но въ цѣломъ они ребята въ сравненіи съ нами, и по-
тому не могутъ сдѣлаться нашими наставниками.

Къ этому надо прибавить, что въ каждой большой галлерей
Европы, въ одной менѣе, въ другой болѣе, значительный про-
центъ такихъ картинъ, которыя даже не имѣютъ достоинства вѣр-
наго изображенія. Цѣлыя поколѣнія художниковъ, оказавшихъ
безомертныя услуги искусству, имена которыхъ высоко чтятся, и
произведенія которыхъ цѣнятся чрезвычайно дорого, теперь уже
кажутся робкими и неумѣлыми дѣтьми: такъ неправиленъ ихъ
рисунокъ, такъ блѣдна и плоска ихъ живопись. Всѣ эти Ванъ-
Дейки, Луи Кранахи, Чимабуэ, Джіотто, Перуджино вызываютъ
только улыбку снисхожденія да историческій интересъ. Совер-
шенно то же чувство, когда просматриваешь гдѣ-нибудь откопан-
ную тетрадку своихъ первыхъ дѣтскихъ опытовъ, гдѣ всѣ члены
фигуръ связаны и непропорціональны, о перспективѣ нѣтъ по-
мини, замыселъ наивно-ограниченный, и все искупается однимъ
теплымъ желаніемъ выразить что-то хорошее. Съ другой стороны,
картины очень многихъ художниковъ до такой степени утратили
первоначальный тонъ своихъ красокъ, что ихъ уже трудно цѣ-

нить. На картинахъ, напримѣръ, Микель Анджело Караваджіо видѣнь не волорить, а грубыя пятна, рѣзко переходящія отъ непріятныхъ черныхъ тѣней къ такому же непріятному желтому цвѣту; Сальваторъ Роза весь вылинялъ, и его пейзажи съ бандитами и пастухами обратились въ какія-то туманныя облака индиго, гдѣ уже ничего не разберешь. Сильно выпцѣлъ также Рюисдалъ и многіе другіе. Если принять во вниманіе всѣ эти обстоятельства, а съ другой стороны вспомнить, что нѣкоторые новые художники дошли въ изображеніи предметовъ и тѣла человѣка до жизненнаго правдоподобія, переходящаго почти въ оптический обманъ, то нельзя не удивляться, какъ мало мы еще цѣнимъ до сихъ поръ наши современныя сокровища и въ какомъ мы находимся ненормальномъ отношеніи къ памятникамъ старины. Наше прошлое должно оставаться всегда предметомъ нашего благоговѣнія. Общество людей, въ которомъ нѣтъ сознанія родственной связи съ своимъ прошлымъ, въ которомъ нѣтъ достаточнаго уваженія къ заслугамъ прежнихъ членовъ общества, недостойно носить имя человѣчества. Только въ стаѣ звѣрей, отцовъ и дѣдовъ забываютъ сейчасъ послѣ ихъ смерти, не тревожа себя ихъ памятью. Но все-таки это уваженіе къ мертвому не должно заслонять и подрывать настоящей жизни. Изъ естественнаго благоговѣнія къ предшественникамъ своимъ на полѣ общаго труда человѣкъ не долженъ строить какаго-то культа, съ обязательнымъ и насильственнымъ символомъ вѣры, не долженъ отрицать всѣмъ очевиднаго и вполне необходимаго преимущества новой жизни изъ-за напраснаго опасенія оскорбить этимъ сознаніемъ тѣни предковъ и потрясти созданный для нихъ культъ. Собственно говоря, это то же грубое заблужденіе, которое раскололо теперь на два лагеря ревнителей народнаго образованія; это вопросъ классицизма и реализма на почвѣ искусства. Тутъ реализмъ не въ томъ, какъ понимаютъ многіе, чтобы замѣнить такъ-называемый историческій родъ живописи такъ-называемымъ жанромъ. Истинный реализмъ искусства, напротивъ того, долженъ требовать широкаго развитія историческаго и политическаго рода живописи, какъ изобразителя высшихъ сторонъ современной дѣйствительной жизни. Такъ-называемый жанръ имѣетъ сферу слишкомъ мелкую, будничную и ограниченную. Онъ не можетъ совмѣстить въ себѣ всѣхъ задачъ живописи, какъ семейная и общественная жизнь не совмѣщаются въ себѣ всей жизни человѣчества. Историческій родъ не только долженъ существовать, но долженъ почти создаться заново; тотъ историческій родъ, къ которому обыкновенно относятъ картины великихъ итальянскихъ мастеровъ XVI-го и XVII-го столѣтій, можетъ

назваться *историческимъ* только по своему значенію, но никакъ не по *характеру*. По характеру, это *мюнхескій* родъ живописи, — мюнхескій съ одной стороны въ религіозно-христіанскомъ, съ другой — въ антично-языческомъ духѣ. Школы позднѣйшія, напр., французская классическая школа Пуссена, Давида, тоже не историческія, а *риторическія*. Онѣ не могли быть историческими уже потому, что въ ихъ время исторія, какъ наука, еще почти не существовала. Настоящая историческая живопись только теперь начинается. «Марія-Антуанетта, осужденная на казнь», «Кромвель передъ гробомъ Карла», «Смерть Валленштейна», «Гусъ на соборѣ», «Христосъ предъ измѣною Иуды» — вотъ образцы современной исторической живописи. Они могли явиться только съ широкимъ развитіемъ и популяризациею исторической науки, какъ ея естественный результатъ и какъ ея пополненіе.

Мюнхенская новая пинакотека обладаетъ дѣйствительными сокровищами новаго искусства, за которыя можно отдать цѣлыя залы древнихъ итальянскихъ мастеровъ до-рафаэлевской эпохи. Тутъ между прочимъ картина Каульбаха «Разрушеніе Іерусалима», фрескъ которой, вмѣстѣ съ другими пятью великими историческими фресками этого царя современной живописи, находится въ знаменитомъ Тгерренгаузѣ берлинскаго музея. Тутъ высоко-драматическая картина Пилоти — «Астрономъ Зени предъ убитымъ Валленштейномъ»; тутъ картины Риделя, дышавшія солнцемъ и нѣгою Італіи; тутъ поразительные пейзажи Ротмана...

III.

...Ночь захватила меня какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы приблизились къ странѣ прелестныхъ маленькихъ озеръ и прелестныхъ маленькихъ горъ, которыми грозная швейцарская красота переходитъ въ смѣющіяся равнины сѣверной Італіи. Я видѣлъ только немногіе уголки этого края, нѣсколько городковъ на утесахъ, съ живописными колокольнями и увѣвленіями, нѣсколько поэтическихъ ущелій съ лѣсами и дачами, но и то видѣлъ мелькомъ, безъ всякихъ эффектовъ освѣщенія. Бурная и дождливая ночь заслонила все, нагоняла тоску; хотѣлось бы промчаться не оглядываясь, не останавливаясь, чрезъ всевозможныя замѣчательности Европы, прямо до своего прозаическаго домашняго очага въ глуши щигровскихъ полей, благо теперь есть возможность выполнить подобную мечту, не выѣзая изъ вагона отъ Неаполя и Мадрида до самыхъ предѣловъ Щигровскаго уѣзда. Я-было

серьезно рѣшился остаться на венеціанскомъ вокзалѣ до триестскаго поѣзда, который долженъ былъ отправиться черезъ $\frac{1}{2}$ часа.

Мрачное настроеніе и дождливая погода убавкиваютъ скорѣе чѣмъ радужныя надежды и веселый блескъ солнца.

Вдругъ, среди дремоты, слышу, что-то сырое прохватило меня. Гляжу въ окно—море подъ самымъ вагономъ; бросился къ другому окну—и тамъ море. Поѣздъ несется по морю цѣлыя версты; отсюда не видно даже насыпи полотна, въ дополненіе иллюзии. Только стукъ колесъ напоминаетъ о рельсахъ, о землѣ. Мы прорѣзаемъ венеціанскую лагуну по безконечной прямой нитѣ изъ камня. Днемъ эффектъ не такой, видны острова, берега; но ночью и лагуна представляется безбрежною, и вы испытываете странное чувство.

Остановились; вокзалъ. Никто не остается. Всѣ идутъ къ выходу, въ Венецію. Машинально двигаюсь и я за своимъ носилщикомъ, который меня даже и не спрашиваетъ, желаю ли я въ городъ. Онъ, конечно, и не подозрѣвалъ возможности такого вандальскаго рѣшенія, какое было-засѣло мнѣ въ голову: пробѣжать Венецію, не видя ее еще ни разу въ своей жизни, и пробѣжать кому же? русскому варвару съ ржаныхъ полей, съ капустниковъ, съ коноплянниковъ!.. Отворилась дверь; ждешь инстинктивно толпы омнибусовъ съ сквозными надписями, ряда лакеевъ изъ гостиницъ съ мѣдными ярлыками на шапкахъ, скромно декламирующихъ: *Hôtel des Princes, H. d'Angleterre, H. Belle-View, H. Britannique etc. etc...*

Никого и ничего. Вода прямо подъ носомъ, и на водѣ качаются гондолы. Не успѣлъ я назвать свой отель, чемоданы уже были перекинуты и я втянутъ подъ шалашъ гондолы. Вскверкнули, я плыву съ быстротой стрѣлы по широкому каналу. Я еще такъ мало оправился отъ своей дремоты и такъ мало думалъ о томъ, что долженъ былъ увидѣть, что, признаюсь, смотрѣлъ на все словно во снѣ. Лежу себѣ въ настоящей венеціанской гондолѣ, которой рисунки всѣ мы такъ часто видѣли, о которой такъ много читали,—и которая дѣйствительно такая точно, какъ ее рисуютъ и описываютъ; и меня везетъ настоящій гондольеръ, который стоитъ съ своею классическою граціею, налегъ всею грудью на весло, и одѣтъ въ свой классическій беретъ, какъ на любой картинкѣ, съ заходящимъ солнцемъ, съ Ріальто вдаль. Каналъ переливаетъ кажимъ-то чернымъ металломъ; отраженіе фонарей трепещетъ въ черной водѣ и рябитъ ее искрами золота. Съ моря дуетъ намъ на встрѣчу, въ открытую пасть канала, свѣжій вѣтеръ. Гондола съ граціозною легкостью, будто на сталь-

ной иглѣ, повернула въ отверстіе узкой улицы. Она не плыветъ, а скользитъ сверху. Мы пробираемся между непрерывными рядами спящихъ гондолъ, пріютившихся подъ стѣнами домовъ. Рѣдкія попадаются навстрѣчу въ этотъ полуночный часъ. Гондольеры мои изрѣдка перекидываются непонятными для меня словами; одинъ стоитъ на кормѣ, другой на носу. Они работаютъ веслами какъ могутъ работать только люди, родившіеся на водѣ и живущіе водою. Гондола ихъ слушается, будто живая. Она пробирается сквозь тѣсноту и огибаетъ углы не убавляя хода, не дѣлая лишняго шага, не задѣвая ни за что ни однимъ волоскомъ. Вы подумаете, она извивается какъ рыба, изъ одной узкой улицы въ другую, то направо, то налѣво, черезъ цѣлый безконечный городъ. Если могъ показаться сновидѣніемъ первый шагъ по каналу, то теперь уже это, дѣйствительно, сновидѣніе. Лабиринтъ темныхъ безлюдныхъ *canaletto*, изъ которыхъ, кажется, никогда не выберешься. Высокіе старинные дворцы тяжелаго камня, оригинальной, еще незнакомой глазу архитектуры, съ висячими мраморными балкончиками, съ мавританскими арками оконъ, съ колоннами, со статуями, стоятъ прямо въ водѣ этихъ каналовъ, осѣняя ихъ своими ночными тѣнями, сплошною отвѣсною стѣною, величественные, мрачные, всѣ похожіе другъ на друга. Вы на днѣ этой каменной безысходной темницы. Изрѣдка огромный фонарь, прикрѣпленный къ стѣнѣ верхняго этажа, бросаетъ отъ себя босыми лучами красноватый свѣтъ, еще болѣе усиливающий впечатлѣніе таинственности и пустынности. Черныя гондолы стоятъ кругомъ какъ черныя гробы. Ежеминутно приходится проѣзжать водъ темными арками мостиковъ, перекинутыхъ черезъ каналы. Иногда видишь на нихъ подозрительныя безмолвныя пары, пробирающіяся на другую сторону. Когда вы проѣзжаете мимо отверстій другихъ улицъ и переулковъ, впадающихъ въ вашу, глазу открываются необыкновенно характерныя перспективы: эти переулки иногда кажутся такъ узки, будто ихъ прорѣзали ножомъ; насколько хватить зрѣнія, вездѣ плескъ и трепетанье черной воды, вездѣ дома сплошною стѣною, вездѣ перекинуты арки мостиковъ и толпа спящихъ гондолъ. Эти боковые каналы и каналчики кажутся издали еще безлюднѣе и мрачнѣе. Все впереди и кругомъ васъ молчитъ, какъ въ могилѣ. Не вѣрится, чтобы вы были въ сердцѣ громаднаго и богатаго города, котораго веселью издавна завидовалъ самъ Парижъ, города нескончаемыхъ карнаваловъ и нескончаемыхъ любовныхъ интригъ. Ни ресторановъ, кышащихъ шумною полуночною толпою, ни ослѣпительно освѣщенныхъ магазиновъ, ни непрерывнаго ряда каретъ съ ихъ не-

молчнымъ топотомъ копытъ и стукомъ колесъ; ничего того, что бы напомнило вамъ парижскіе бульвары, и безъ чего вы почти не мыслите современнаго большого города. Вода—самая безшумная изъ всѣхъ мостовыхъ, и, конечно, ни у кого нѣтъ болѣе покойнаго сна, какъ у обитателей венеціанскихъ палаццо, окруженныхъ водою.

Лежу себѣ, покачиваясь, подъ отрывистый говоръ своихъ гондольеровъ, а узорные балконы, арабскія окна старыхъ палаццо смотреть на меня сверху, провожая отъ одного къ другому. Поглядишь внизъ—тамъ тѣ же палаццо, со всѣми ихъ балюстрадами и мраморомъ, колышатся и гнутся, цѣликомъ перекинутые на голову. Некуда шагу ступить. Вода не только ждетъ сейчасъ за дверью, но даже вливается въ двери, въ подъѣзды. Рѣдко-рѣдко попадется коротенькій и бесполезный отрывочекъ набережной. Мнѣ, жителю твердой и сухой земли, кажется скучно, тѣсно и страшно въ этомъ вѣчномъ плѣну у воды, въ этомъ царствѣ безысходной сырости. Совершая свое полуночное путешествіе по пустынным *canaletto*, я невольно вспомнилъ, что надъ головою моею стоятъ два дюжихъ итальянскихъ малыхъ съ длинными веслами, которымъ ровно ничего не стоить отправить меня подъ свай сосѣдняго дома. Итальянцы — народъ не особенно разборчивый на средства, и Венеція — почти такая же классическая страна кинжаловъ, какъ и Корсика. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ ни одна венеціанская дама не являлась на свиданіе съ возлюбленнымъ безъ кинжала въ карманѣ, не исключая монахинь и даже куртизанокъ. Къ тому же иностранецъ всегда представляется итальянскому пролетарію празднымъ богачемъ, у котораго карманы набиты ненужнымъ ему золотомъ. Вышелъ кто-то въ полночь изъ вокзала, никому неизвѣстный, нигдѣ незаписанный, неизвѣстно куда и откуда идущій; кто будетъ справляться, *вошелъ ли* онъ куда-нибудь потомъ, или окончилъ свои странствованія подъ сваями венеціанскаго палаццо?

Однако я такимъ трагическимъ образомъ не покончилъ своего путешествія, а просто-на-просто позвонилъ съ гондолы у огромной рѣзной двери *Hôtel de l'Europe*. Дверь распахнулась, и прямо съ темныхъ плещущихъ водъ канала я очутился среди мраморовъ, корровъ, зеркалъ и газовыхъ лампъ блестящей гостиной, среди услужливой толпы швейцаровъ и лакеевъ въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ.

Итальянскія гостиницы мнѣ очень по вкусу. Постели — настоящіе алтари богу сна; торжественныя и парадныя, какъ алтари, покойныя какъ перины Гоголевской Коробочки. Столъ едва ли не лучше французскаго. Изобильный, тонкій, разнообразный, съ прекраснымъ десертомъ и роскошною обстановкою столовой. Бѣльшешую часть эти столовыя въ залахъ древнихъ палаццо; оттого они такъ богаты скульптурою и позолотою, оттого они исполнены такого античнаго вкуса.

Гондольеръ меня ждалъ уже съ утра. Къ счастью, дождя не было, и мнѣ можно было предпринять поѣздку по городу. Моя отель оказалась на самомъ эффектномъ мѣстѣ: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ св. Марка, прямо предъ моремъ, и какъ разъ у начала Canale Grande. Характерная Chiesa di Salute съ своимъ греческимъ куполомъ — напротивъ; напротивъ же и таможня съ высокоподнятымъ золоченымъ шаромъ. Гондолы кишатъ у дверей, скользятъ по каналу, по заливу; у большихъ домовъ, особенно у отелей, цѣлыя биржи гондоль. Для этого вбиты въ разсыпную крашеные столбы съ кольцами, между которыми гондолы стоятъ какъ въ стойлахъ во время волненія и бури. Мнѣ прежде всего нужно описать вамъ гондолу, потому что, не видавъ ее на дѣлѣ, я имѣлъ о ней не совсѣмъ точное понятіе. Гондола не похожа на рыбу, какъ наша обыкновенная лодка. Она скорѣе напоминаетъ какую-нибудь граціозную морскую птицу. Она очень длинна, узка и остра. Ея носъ поднять вверхъ какъ лебединая шея, и кончается широкими зубьями изъ стальной доски; эти зубья и придаютъ носу гондолы птичій обликъ. Не только носъ, вся передняя часть гондолы приподнята надъ водою до самой середины; сзади точно также приподнята кормовая часть, хотя ея конецъ не задранъ вверхъ. Только небольшая часть лодки, ея середина, сидитъ въ водѣ. Это сообщаетъ гондолѣ со стороны какую-то воздушную легкость, словно она не прикасается къ поверхности воды. Гондолы всѣ черныя, по старой памяти; указъ строгой республики запрещалъ раскрашивать гондолы въ другой цвѣтъ, чтобы подданные ея, даже до послѣдняго рыбака, не отличались въ этомъ отношеніи другъ отъ друга. Только гондоламъ иностранныхъ пословъ да официальнымъ гондоламъ республики предоставлено было право пестрыхъ и яркихъ красокъ. Однако, и черныя гондолы встрѣчаются очень парадныя: всѣ въ деревянной рѣзьбѣ, съ бронзовой отдѣлкою, бронзовыми гербами. Посреди гондолы, въ той части ея, которая погружена въ воду, шала-

никъ, закрытый со всѣхъ сторонъ. Онъ тоже весь черный, покрытый чернымъ суконнымъ покрываломъ снаружи, обитый чернымъ бархатомъ или сукномъ внутри, съ подушками изъ черной тисненой кожи. Мѣстъ — шесть: два въ глубинѣ, по два съ боковъ, но занимаются обыкновенно только два задніе мѣста. Спереди дверцы съ замкомъ и стекломъ, съ боковъ подъемныя окна, жалюзи, занавѣски, совершенно такъ, какъ въ нашихъ дорожныхъ каретахъ. Хотите — запрягитесь и закройте со всѣхъ сторонъ; хотите — отворите все настежь и любуйтесь видами. Для этого только приходится полулежать, и вообще изъ гондолы не совсѣмъ удобно осматривать городъ. Говорятъ, будто гондольеры — народъ испытанной вѣрности, и что они не выдаютъ тайнъ, которыя такъ часто совершаются и еще чаще совершались въ ихъ гондолахъ. Не знаю, какъ повліяла на венеціанскіе нравы австрійская военная дисциплина и демократическій духъ возрожденія единой Италіи, но въ послѣдніе годы республики нравы венеціанскихъ nobles имѣли широкую славу. Это была смѣсь азіатской ревности и непоколебимаго этикета съ самою циническою распущенностью. Дѣвушка изъ патриціанской семьи, послѣ помолвки своей, не смѣла показываться на глаза мужчине безъ маски, исключая, разумѣется, своего суженаго. Благородная дама, позволившая себѣ самую легкую связь съ человекомъ неродовитымъ, подвергалась жестокому преслѣдованію и осужденію. Но та же самая дѣвушка, цѣломудріе которой сохранялось такъ мусульмански, послѣ замужества своего дѣлалась обыкновенно достойнѣе всѣхъ членовъ семьи и, сверхъ того, была обязываема условіями свѣтскаго приличія непременно имѣть любовника, только не иначе какъ съ громкимъ именемъ и важными связями. Въ то время самые знатные вожди республики не стыдились садиться прямо съ площади св. Марка въ закрытыя гондолы съ извѣстными всей Венеціи куртизанками. Дамы также имѣли обычай ѣздить въ гондолахъ безъ провожатыхъ, но, конечно, не всегда желали оставаться безъ нихъ. Религія, повидимому, не спасала своихъ ревнительницъ отъ общаго удѣла, потому что путешественники XVIII столѣтія вспоминаютъ о прекрасныхъ обитательницахъ венеціанскихъ монастырей съ особенно сладостнымъ чувствомъ. Помню, одинъ изъ нихъ рассказываетъ, какъ во время его посѣщенія Венеціи три ордена инокъ боролись другъ противъ друга за то, кому изъ нихъ выпадетъ честь доставить изъ своей среды подругу папскому нунцію. Безъ сомнѣнія, эта честь была сопряжена съ какими-нибудь политическими выгодами, если изъ-за нея было столько хлопотъ цѣлымъ орденамъ. Такая жизнь оскверненной любви рѣдко могла

кончатся трагическими развязками, благодаря могильной вѣрности гондольеровъ. Если бы одинъ изъ нихъ вздумалъ измѣнить тайнѣ, на другой день его бы утопили въ каналѣ его товарищи по ремеслу. Они слишкомъ хорошо понимали выгоду молчанія для своихъ коммерческихъ цѣлей. Вспоминая о нравахъ старыхъ венеціанскихъ аристократовъ, я не удивляюсь, что такой геніальный развратникъ, какъ лордъ Байронъ, предпочиталъ палатцу венеціанскихъ красавицъ всѣмъ городамъ міра.

Гондола не полна безъ гондольера. Только онъ сообщаетъ ей ту характерную живописность, которая всѣмъ знакома по картинамъ. Гондольеръ не сидитъ, какъ наши лодочники; онъ всегда на ногахъ. Это позволяетъ ему лучше направлять, ловчѣе лавировать; гондольеръ почти всегда строенъ, красивъ, легокъ: безъ сомнѣнія, эту красоту и ловкость развиваетъ въ немъ его привычка работать стоя. Онъ налегаетъ всею грудью на ручку весла, которое вложено въ подвижной стоячій рычагъ. Оттого у него должна быть развитая грудь и сильная нога. Въ эту минуту и гондольеръ и гондола особенно живописны. Впрочемъ, и самъ нарядъ гондольера красивый и ловкій. Синяя матросская куртка съ отложнымъ широкимъ воротомъ, короткіе панталоны съ купалкомъ, на головѣ болѣею частью синій беретъ.

Хотя я объѣхалъ всю Венецію на гондолѣ, однако другимъ совѣтую этого не дѣлать. Гораздо удобнѣе сдѣлать путешествіе въ совершенно открытой баркѣ, особенно если компанія порядочная, а не одинъ человекъ. Барка значительно больше гондолы, а, главное, ничего не скрываетъ, не вынуждаетъ пригнаться или лежать. Но, конечно, въ дождь—гондола спасенье. Барка—слово настоящее итальянское, и они его произносятъ также отчетливо, какъ и мы, русскіе; это пустое обстоятельство меня не мало изумило, хотя бы, казалось, я долженъ былъ давно догадаться о венеціанскомъ происхожденіи нашей бурлацкой барки по одному названію венеціанскихъ баркароллъ. Вообще въ итальянскомъ языкѣ много звуковъ, сродныхъ русскимъ; ясный и отчетливый выговоръ словъ, чуждый вздутыхъ носовыхъ звуковъ французскаго языка, чуждый шипѣнья и гортаннаго хрипѣнья языковъ германскаго корня,—общее свойство итальянскихъ и русскихъ. Легкости и пріятности выговора много способствуетъ быстрое чередованіе гласныхъ съ согласными, чему такъ противорѣчитъ тяжелое стеченіе множества согласныхъ, обычное въ англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Кромѣ того звучныя, твердыя окончанія словъ на *a*, *e*, *o*, *и*, съ предшествующими согласными, очень часто встрѣчаются въ итальянскомъ и русскомъ языкахъ и очень рѣдко

въ другихъ. Тамъ, гдѣ французъ проглатываетъ свое *E muet*, или расплавляетъ свой *l*, или вздуваетъ свой *N nasal*, тамъ итальянецъ произноситъ красиво оконченный слогъ, не оставляющій недоразумѣнія слуху. Картавый *r* француза и всѣхъ грассирующихъ по его подобию у итальянца превращается въ металлически-звонкій и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто русскій *p*. Можетъ быть, по причинѣ этой родственности выговора, мы, русскіе, и сохранили въ гораздо болѣе чистотѣ названія итальянскихъ городовъ, искуверканныя другими иностранцами, и не перекрестили итальянскую Venezia ни въ Venise, ни въ Venedig.

«Большой каналъ» значительно уже нашей петербургской Невы, но за то онъ безъ всякихъ набережныхъ, безъ всякихъ тротуаровъ. Старые дворцы аристократовъ старой республики высятся по обѣ стороны канала прямо изъ воды. Конца имъ нѣтъ! Тутъ что ни окно, что ни балконъ, то исторія или археологія. Весь каналъ—музей рѣдкостей. Замѣчательнаго такъ много снаружи и внутри, что единственно-разумный шагъ, который предстоитъ человѣку, не имѣющему времени и не обътому археологическою маніею—это насладиться Венеціею какъ цѣлымъ, безъ спеціального погруженія въ изученіе безчисленныхъ рѣдкостей, наполняющихъ ея безчисленные дворцы. Нѣсколько типическихъ образцовъ и общая фізіономія города вполне удовлетворяютъ любопытство. Наружный видъ даже знаменитѣйшихъ палаццо Венеціи производить нѣкоторое изумленіе. Несмотря на то, что эти драгоценныя мраморныя шкатулки сплошь наполнены сокровищами художества, что въ нихъ каждая фреска—великое имя, каждая подробность отдѣлки—чудо искусства; несмотря на то, что нѣтъ цѣны всѣмъ этимъ мраморамъ, этой рѣзбѣ по дереву и слоновой кости, несмотря на все это,—знаменитые дворцы смотрятъ такими заплятанными и замазанными нищами, что дѣлается совѣстно за ихъ прошедшее. Все грязно, ветхо, осыпалось, оборвалось; сейчасъ видно, что это не живые, а мертвецы, хотя и съ громкимъ именемъ. Оттого вся Венеція, весь знаменитый Canale Grande—имѣютъ тусклый, поблекшій тонъ. Впечатлѣніе давно изношенной жизни на всякомъ камнѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это господство полинявшихъ и потертыхъ цвѣтовъ сообщаетъ Венеціи глубокую оригинальность. Весь каналъ дрожитъ тѣми же обезцвѣченными красками, и оттого вы нигдѣ не встрѣтите такой струи, какъ въ каналахъ Венеціи, разноцвѣтной, пестрой и, вмѣстѣ, тусклой. Помню, меня это давно поражало на картинахъ Каналетто, графа Мордвинова и др. художниковъ, изображавшихъ Венецію. Чтô я

приписывалъ несовершенству кисти, оказывалось характерною чертою живого пейзажа.

Но и при всей своей изношенности, лучшіе дворцы Венеціи все-таки удивительны. Если вы ихъ не видали, то уже нигдѣ не увидите ничего похожаго. Ихъ архитектуру называютъ часто готическою; и, дѣйствительно, у нихъ почти всегда острая, такъ-называемая готическая, арка оконъ и розетка изъ готическаго портала. Но, мнѣ кажется, на эти постройки вліяла не готика, а азіатскій востокъ. Это дворцы скорѣе мавританскаго, чѣмъ нѣмецкаго стиля. Изобиліе балконовъ, галлерей, террасъ, плоскихъ кровель—напоминаетъ скорѣе Багдадъ или Кордову, чѣмъ Бѣльнѣ. Рисунокъ оконъ, самой типической части дворцовъ, тоже вполне въ арабскомъ вкусѣ, хотя и имѣетъ нѣкоторое кажущееся сходство съ готическими. Замѣтимъ два основные типа венеціанскихъ палаццо, и эти два типа повторяются съ удивительнымъ однообразиемъ. Одинъ типъ—дворецъ Фоскари, можетъ быть, самый характерный и самый интересный изъ старыхъ дворцовъ. Къ тому же онъ стоитъ на очень замѣтномъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ Большой каналъ дѣлаетъ колено, и гдѣ въ него впадаетъ другой каналъ. Такъ какъ рядомъ съ Фоскари стоятъ три-четыре другихъ знаменитыхъ историческихъ палаццо, Бальби, Пизани и др., то немудрено, что этотъ типическій отрывокъ Венеціи изображается чаще всѣхъ другихъ на картинахъ и фотографіяхъ, и поѣтому болѣе знакомъ публикѣ. Въ палаццо Фоскари рядъ островерхихъ арокъ съ окнами занимаетъ только середину фасада, и надъ этимъ рядомъ во 2-мъ этажѣ идетъ рядъ арокъ той же длины, но уже съ сквозными розетками надъ каждымъ окномъ; около каждаго окна особый мраморный балкончикъ; крайнія окна нѣсколько поодаль, удивительно граціозной формы. Этотъ типъ дворцовъ, по-видимому, самый старинный и самый венеціанскій. Балкончики бывають чудной рѣзьбы, а розетки часто просвѣчивають чѣмъ-нибудь цвѣтнымъ. Другой типъ, кажется, новѣе, потому что постройки имѣють болѣе свѣжій видъ и болѣе обширный размѣръ. Тутъ уже весь фасадъ, отъ одного края до другого, состоитъ изъ галлерей колоннъ, двойныхъ или одиночныхъ, завершенныхъ арками; подъ арками окна, а надъ арками новый рядъ колоннъ, арокъ и оконъ во весь фасадъ. Тутъ арка круглѣе и слѣдовъ готики незамѣтно. Таковъ дворецъ префектуры и сосѣдній съ Фоскари роскошный дворецъ, котораго я забылъ имя, и который принадлежитъ теперь одному генералу итальянской арміи.

Двигаясь по Большому каналу, вы поражаетесь его тишиною. Эта главная артерія торговой Венеціи спокойна, какъ деревен-

ская улица. Нѣтъ ни зазывающихъ выѣсокъ, ни соблазнительной *étalage* въ окнахъ магазиновъ. Нѣтъ даже самихъ магазиновъ. Изрѣдка встрѣчаете лаконическую надпись какого-нибудь склада или конторы. Гондолы, барки, правда, двигаются, ходятъ даже пароходы, но все это рѣдко — сравнительно съ обычнымъ движеніемъ экипажей и толпы, а, главное, совсѣмъ беззвучно. Никакъ не привыкнешь къ отсутствію лошади и экипажа. Городъ безъ животныхъ имѣетъ въ себѣ что-то невѣроятное. Пресловутый *Ponte di Rialto* издали не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія, а кажется весьма дюжиннымъ и некрасивымъ мостомъ, весьма нестати загроможденнымъ лавками. Только когда вы подъѣдете подъ него, вы оцѣните смѣлость полета этой блонраморной арки, переброшенной сразу, безъ всякихъ подпиоръ, черезъ весь Большой каналъ, притомъ арки значительной ширины; тяжесть ея огромна: на ней три проулка въ рядъ съ мраморными рѣпотемами по краямъ и два ряда лавокъ, а между тѣмъ кривизна свда ничтожная и не видно никакихъ желѣзныхъ скрѣпъ. Одинъ математическій расчетъ поддерживаетъ эту массу камней, которая должна бы, кажется, раздавить сама себя. За Ріальто вы натываетесь на рынки, такіе же безшумные, какъ и весь каналъ; одинъ рынокъ овощной, другой — рыбный, а овощи и рыба постоянно купаются въ свѣжей водѣ; рыба сохраняется въ круглыхъ плетушкахъ, опущенныхъ въ воду, въ цѣлыхъ лодкахъ, затопленныхъ совсѣмъ съ палубою.

Фабрикація такъ-называемыхъ *articles de Venise* — мозаики, бусъ, пуговицъ, стеклянныхъ нитокъ и пр. — не лишена интереса. Я посѣтилъ извѣстную фабрику Томази. Все по отдѣльности дѣлается чрезвычайно просто и легко; кажется, сѣлъ бы да и сдѣлалъ. Распределеніе труда облегчаетъ задачу каждого работника до невозможности. Одинъ плавить изъ цвѣтного стекла тонкія четвероугольныя палочки всевозможныхъ діаметровъ, другой нарѣзаетъ эти палочки и распределяетъ ихъ по цвѣту и величинѣ въ отдѣльныя коробочки. Третій, самый искусный, имѣя подъ рукою эти коробочки стеклянныхъ красокъ, а въ рукѣ пинцетъ, вставляетъ нарѣзанныя палочки торчмя въ мастику, покрывающую каменную подкладку броши или пуговики; онъ рисуетъ на глазъ безъ модели; фигуры у него вырастаютъ въ одно мгновеніе: ущипнетъ нѣсколько бѣленькихъ, одну голубенькую, двѣ три красненькихъ палочекъ — и предъ вами прекрасно нарисованный бѣлый голубокъ съ голубымъ глазомъ, съ краснымъ клювомъ. Онъ дѣлаетъ только фигуры бабочекъ, цвѣты, виды зданій; потомъ сдаетъ брошь мальчику, который уже пополняетъ оставлен-

ные промежутки палочками одного цвѣта, то-есть дѣлаетъ фонъ. Особый мастеръ дѣлаетъ оправу, особый полируетъ—и вотъ вамъ готовы брошь, серьги, что хотите. Проворство и искусство во всякомъ случаѣ удивительныя. Стекланныя венеціанскія бусы, которыя теперь въ модѣ, дѣлаются еще проще и достигаютъ необыкновеннаго разнообразія. Всякій работникъ имѣетъ передъ собою чрезвычайно сильный паяльный снарядъ, который приводится въ дѣйствіе педалью. На столѣ куча длинныхъ стеклянныхъ палочекъ всѣхъ цвѣтовъ, а въ рукѣ металлическая трубочка. Не успѣетъ работникъ поднести стеклянную палочку къ пламени, уже стекло обращается въ жидкую краску; работникъ то выдуваетъ шарикъ, то раскрашиваетъ его какъ хочетъ, прикладывая на мгновеніе расплавленные концы цвѣтныхъ палочекъ или закатывая шарикъ въ пластинку золота. Маленькій мальчикъ сидитъ у большого стекляннаго колеса, которое вертится одною педалью, въ то время какъ другая раздуваетъ паяльный снарядъ; расплавляющійся конецъ длинныхъ стеклянныхъ палочекъ мальчикъ едва прикасаетъ къ окружности вращающагося колеса, и на это колесо тотчасъ же начинается наматываться гибкая нитка застывающаго стекла. Тутъ же сидятъ прядильницы и кружевницы, которыя мастерятъ изъ этихъ несгораемыхъ стеклянныхъ нитокъ всевозможныя вещи. Конечно, нужно было поплатиться за осмотръ фабрики покупкою разныхъ бездѣлицъ, за которыя, безъ сомнѣнія, взяли втрое, чѣмъ въ любой лавчонкѣ.

Академія художествъ помѣщается въ зданіи такого нехудожественнаго вида, которое гораздо было бы приличнѣе для модельни квакеровъ. Академія довольно однообразна, потому что заключаетъ въ себѣ произведенія одной венеціанской школы, Тиціана, Паоло Веронеза, Тинторетта, Пальмы Векіо, Бассано и др. У всѣхъ у нихъ есть общая типическая черта: широкая, смѣлая, разнообразная группировка, блескъ и движеніе, яркость тона. Богатая республиканская Венеція съ ея всесвѣтною торговлею, съ ея политическою свободою, съ ея аристократическою роскошью—во всемъ живѣе глядитъ съ этихъ громадныхъ полотень и картоновъ, на которыхъ кишать толпы разодѣтаго народа, сверкаетъ парча и золото, и собраны произведенія всѣхъ странъ міра, негры, попуган, обезьяны, восточныя благовонія, перья африканскихъ страусовъ. Особенно типична кисть Паоло Веронеза, который даже сцены Библии умѣлъ превратить въ бытовую сцену родной Венеціи; его волхвы, его пирующіе въ Каннѣ Галилейской, его исторія Эсфири—все это отрывки одной и той же картины—изъ жизни венеціанскихъ патриціевъ. Паоло смѣло наря

жасть библейскія фигуры въ одежды современныхъ ему венеціанцевъ или тѣхъ народовъ, которые имѣли въ его время сношенія съ Венеціею. Съ этой точки зрѣнія, картины знаменитыхъ венеціанцевъ могутъ служить важнымъ пособіемъ для изученія внутренняго быта республики.

Тиціанъ, Павелъ Веронскій, Тинторетто,—въ лучшихъ своихъ картинахъ достигаютъ поразительной силы изображенія. Но, все-таки почти невозможно имъ сочувствовать. Вы видите прекрасное изображеніе пира, мастерское выраженіе страданія, любопытства, ужаса, радости. Вы цѣните это гениальное мастерство, но оно васъ не удовлетворяетъ. Тутъ нѣтъ необходимой вамъ идеи, тутъ ничто не говоритъ глубокой потребности вашего духа и не оставляетъ поэтому глубокаго впечатлѣнія. Если бы я не зналъ заранѣе, что въ великолѣпной залѣ Тиціана, съ чуднымъ потолкомъ золотой рѣзьбы, помѣщается одно изъ величайшихъ художественныхъ сокровищъ Италіи — «Успеніе Богоматери» Тиціана, то, право, прошелъ бы мимо безъ всякаго вниманія.

Оказалось однако, что Венеція далеко не такъ тиха и бѣдна торговлею, какъ это кажется на каналахъ. Оказалось, что Венеція имѣетъ не одни каналы, а и настоящія улицы. Прямо съ Ріальто до самой площади св. Марка тянется цѣлая система узенькихъ улицъ, буквально залитыхъ магазинами. Это *Merceria*, торговая часть города, соотвѣтствующая московскому гостиному двору, Ильинкѣ, Никольской. Тамъ уже непролазная толпа, шумъ и движеніе. Изъ *Merceria* вы проходите черезъ ворота оригинальной башни или колокольни на знаменитую площадь св. Марка, старый центръ торговой, политической и общественной жизни Венеціи. Вы очутились въ огромномъ квадратѣ, обнесеномъ со всѣхъ сторонъ зданіями въ родѣ парижскаго Палеройяля. Три стороны — громадные корпуса съ арками, украшенные скульптурою; прежде это были прокуратуры республики. Теперь въ новой прокуратурѣ дворецъ итальянскаго короля, въ старой чуть ли не частные дома. Подъ широкими благородными аркадами всѣхъ корпусовъ, неисключая и дворца, — безконечный рядъ магазиновъ и кофеенъ замѣчательной роскоши; магазины ювелировъ, полные безцѣнныхъ коралловъ и мозаикъ, и магазины фотографій — можетъ быть, единственные въ Европѣ. Подъ аркадами постоянная несмѣтная толпа. Четвертую сторону квадрата занимаетъ соборъ св. Марка. Дворецъ дожей хотя тутъ же, рядомъ съ нимъ, но заслоняется весьма нестати поставленною и весьма не изящно задуманною колокольнею св. Марка, такъ-называемою *Campanilla*; кромѣ того, онъ дѣлаетъ фасъ не площади, а боко-

вой сторонѣ королевскаго дворца; между этимъ дворцомъ, дворцомъ дожей, кампаниллою и моремъ — другой четвероугольникъ, поменьше главной площади, почему и называется Piacetta (площадка). Это былъ когда-то самый аристократическій уголокъ Венеціи; его называли Broglio, потому что нобили, правившіе республикою, задумывали на этой площадкѣ всѣ козни и интриги другъ противъ друга. Еще въ концѣ XVIII столѣтія никто не осмѣливался гулять по той привилегированной сторонѣ Piacetta, которая была предоставлена для прогулокъ однихъ патриціевъ. Здѣсь же совершались униженные представленія и просительства горожанъ, почтительно цѣловавшихъ широкіе рукава дворянскихъ мантий. Въ старое время путешественники старались посѣщать Broglio и площадь св. Марка въ какой-нибудь изъ карнаваловъ. Эти дни повального сумасшествія повторялись не одинъ разъ въ годъ; по вычисленію одного путешественника XVIII столѣтія, венеціанецъ около шести мѣсяцевъ ходилъ въ маскѣ. Во время карнавала по площади нельзя пройти отъ множества театровъ и толкущихся масокъ. Бѣснованіе до такой степени овладѣвало толпою, что невозможно было никому уклониться отъ общаго безобразія. Монахи, священники, архіепископы — всѣ были обязаны ходить эти дни въ маскахъ, иначе всякій исповѣдникъ потерялъ бы свой приходъ. Сенаторы, входя въ залы совѣта, преважно снимали въ переднихъ свои маски и домино. Ночью развратъ доходилъ до того, что, по выраженію путешественника, котораго мы привели выше, на площади Марка можно было видѣть столько же лежащихъ женщинъ, сколько и на ногахъ.

Соборъ св. Марка большая знаменитость, но, — не во глѣвъ ему будь сказано — и большая безвкусица. Сразу не поймешь, что это такое: христіанскій ли храмъ, индійская ли пагода? Пропорціональности частей, строгихъ геометрическихъ линій — ничего этого не сыщите. Его относятъ къ греческому стилю, и это, пожалуй, вѣроятно, хотя не легко объ этомъ догадаться снаружи. Соборъ пестрѣтъ позолотою, красками, бездѣлшными всякаго рода, напоминая не то разноцвѣтный артосъ съ сусальнымъ золотомъ, который раздають у насъ церквахъ, на Красную Горку, не то персидскій коверъ. По пестротѣ св. Маркъ нѣсколько сходенъ съ нашимъ Василиемъ Блаженнымъ. Василий Блаженный тоже имѣетъ въ себѣ что-то индійское или тибетское, хотя характеръ его пестроты и тѣмъ болѣе архитектуры не тотъ, что у Марка. Въ Маркѣ вы не увидите архитектуры за множествомъ

деталей дурного вкуса, искажающихъ цѣлое. Его семь тяжелыхъ сутуловатыхъ куполовъ сѣрой краски словно раздавили низенькое и широкое основаніе. На этихъ куполахъ не кресты, а высокіе шпильи съ цѣлыми гроздами шаровъ—чистыхъ бубенчиковъ! Теряюсь въ догадкахъ, что за фантазія явилась вдругъ у художника — замѣнить этими игрушками карнавальнаго паяца благородную форму креста. Вся крыша въ уродливыхъ сквозныхъ башенкахъ съ флагами; въ каждой башенѣ статуя, а между башенками неуклюжія мраморныя пальмы и цвѣты. Къ довершенію всего, надъ главнымъ входомъ четверка темныхъ бронзовыхъ коней, а надъ ними, тоже изъ бронзы, крылатый апокалипсическій левъ. Хотя коней этихъ приписываютъ одному изъ великихъ мастеровъ древней Греціи, и хотя крылатый левъ есть символъ святого Марка евангелиста, патрона старой венеціанской республики, однако въ связи съ флажками, башенками, цвѣтками, бубенчиками и раскрашенными стѣнами — всѣ эти мистическіе звѣри гораздо бы болѣе шли для украшенія цирка волтижеровъ, чѣмъ христіанскаго собора. Если вы зайдете сбоку, со стороны Merceria, то вы окончательно примете храмъ св. Марка за что-то азіатское. Порттики въ стилѣ индусовъ, фигуры такого дѣтски-наивнаго и дѣтски-неумѣлаго рисунка, который можно видѣть только на барельефахъ Ниневіи и Египта: аллегорическіе бараны, человѣчки съ простертыми руками, будто окоченѣвшіе, разбросанные арабески. Читатель можетъ здѣсь остановить меня и усумниться, неужели подобная сплошная безвкусица могла прослыть за европейскую знаменитость и привлечь къ себѣ толпы любопытныхъ. Надо сказать всю правду: соборъ св. Марка, все-таки, очень любопытенъ и очень замѣчателенъ. Уже при самомъ входѣ вы поражаетесь необыкновеннымъ богатствомъ его: наружныя арки главнаго входа изъ безцѣнныхъ цвѣтныхъ мраморовъ съ безцѣнными мозаичными картинами по золотому фону. Нѣкоторыя изъ этихъ картинъ такъ живы, ярки и прекрасны, что вы любуетесь ими еще съ половины площади. Особенно прекрасна большая картина Успенія Богоматери, занимающая весь сводъ арки надъ вѣхою отъ входа. Краски ея и рисунокъ напоминаютъ самыя мастерскія произведенія Тинторетто, но я не справлялся объ авторѣ. Затѣмъ, какъ только вы переступили порогъ, вы въ царствѣ мраморовъ и золотой мозаики. Притворы, громадныя галереи кругомъ самого святилища, двери, окна, полы, арки, алковны, колоннады, каѳедры, хоры—все это сплошной мраморъ разныхъ темныхъ тоновъ необыкновенной красоты: вишневаго, зеленого, чернаго, пестраго; это мраморъ разныхъ странъ шира: одна

Греція или одна Италія не дали бы столько разнообразія. Мраморъ этотъ художественно обточенъ, художественно вырѣзанъ. Гдѣ нѣтъ мрамора — тамъ такая же сплошная мозаика изъ золотыхъ камней, по которымъ выведены великими мастерами древности строгіе библейскіе рисунки камнями всѣхъ цвѣтовъ. Это единственныя непогибающія краски, вѣчно одинаковыя, вѣчно яркія. Старѣйшія изъ мозаикъ сдѣланы 800 лѣтъ тому назадъ, по греческимъ образцамъ, греческими художниками; ихъ нарочно выписали, чтобы первый разъ пересадить въ Италію византійское искусство неразрушимой каменной живописи. Вы догадываетесь сразу объ ихъ глубокой древности, но не по яркости, а по окончательному византійскому рисунку. Внутреннее впечатлѣніе собора гораздо цѣльнѣе и гармоничнѣе, чѣмъ наружное. Темнокрасные тоны мраморныхъ частей чрезвычайно ладятъ съ золотыми стѣнами и сводами. Даже вся внутренность громадныхъ куполовъ, опрокинутыхъ надъ храмомъ — сплошная мозаика по тому же золотому фону. Если вспомнить, какую цѣну имѣетъ каждая мозаичная бездѣлушка въ вершокъ величины, безъ золота, безъ имени великаго художника, безъ обаянія древности, то отказываешься составить себѣ приблизительное понятіе о несмѣтной цѣнности этого собора. Общее впечатлѣніе собора св. Марка внутри отчасти напоминаетъ наши древніе кремлевскіе и кievскіе соборы, Успенскій, Киевопечерскую лавру, стѣны и своды которыхъ точно также покрыты старою живописью по золоту. Но сходство это, конечно, такое же близкое, какъ между изящнымъ мраморнымъ ларчикомъ и досчатымъ раскрашеннымъ сундукомъ. Вмѣсто мозаики — известка, вмѣсто мрамора — кирпичъ, вмѣсто Тиціана и Тинторетто — суздальскій богомазъ. Когда вы стоите внутри собора св. Марка вы уже не сомнѣваетесь болѣе, что это храмъ византійскаго стиля и не вспоминаете ни о пагодахъ Индіи, ни о циркѣ. Тутъ все дуга, какъ въ готическихъ храмахъ, все стрѣла: глубокія полушарія куполовъ, круглые своды, круглыя арки, круглыя альковы. Золотая живопись и строгія безгнѣсныя фигуры святыхъ — тоже сразу говорятъ вамъ о Греціи. Даже устройство алтаря болѣе греческое, чѣмъ католическое. Высокая колоннада темнокраснаго мрамора съ прекрасными статуями отдѣляетъ алтарь отъ остальной церкви, нѣсколько на подобіе греческаго иконостаса. Самъ престолъ подъ мраморнымъ рѣзнымъ навѣсомъ на четырехъ мраморныхъ колонкахъ, обвитыхъ тончайшею скульптурою. Мнѣ не случалось видѣть этого въ другихъ католическихъ храмахъ, гдѣ престолъ обыкновенно не по срединѣ, а въ глубинѣ алтаря, всегда открытъ и имѣетъ

не греческую квадратную форму, какъ престолъ св. Марка, а продолговатую. Бродя по храму, я невольно заглядѣлся на мраморную мозаику половъ. Она представляетъ непонятный видъ: это не полъ, а волна морская; зазѣвавшись, не трудно упасть. Можно подумать, что эту драгоцѣнную мозаику разноцвѣтныхъ мраморовъ покорило землетрясеніемъ, но никакъ не хочется вѣрить, чтобы ее такъ выбили и выгнули усердные поклонники или ихъ ноги. Однако, несмотря на это, связь отдѣльныхъ кусковъ нигдѣ не нарушилась, словно весь этотъ громадный полъ сдѣланъ изъ одного куска.

Вдругъ до слуха моего донеслось наше русское дьячковское завыванье, столь знакомое прихожанину деревенской церкви, завыванье, въ которомъ вмѣсто «Господи помилуй» вы слышите торопливую и назойливую дребедень: «паміось, паміось, паміось!» Я бросился на родные звуки, и открылъ въ темномъ алтарѣ цѣлое сборище католическихъ поповъ. Службы не было, а, повидимому, читалось правило для назиданія соборнаго капитула. Скамьи капитула по обѣ стороны алтаря были заняты. Впереди сидѣли черные человѣчки въ бѣлыхъ пелеринахъ, но безъ шапокъ, болѣею частью молодежь съ старческими лицами; повыше ихъ — въ пелеринахъ и черныхъ шапкахъ, люди постарше и повиднѣе, а на самыхъ почетныхъ креслахъ сѣдые старики въ фіолетовыхъ пелеринахъ и фіолетовыхъ шапкахъ, съ золотыми распятіями на шеѣ. Чтеніе шло на почтовыхъ, такъ что невозможно было разслушать словъ, и латынь легко было принять хоть бы за славянщину. То вскочить одинъ, на передней скамьѣ, сорветъ съ себя шапочку и живо отпортуетъ по книжкѣ что ему указано, сядетъ, втянетъ въ носъ понюшку табаку; вскакиваетъ другой, въ другомъ концѣ, читаетъ свое, также однообразно, торопливо и уныло. То фіолетовая шапочка поднимется, провѣнесетъ въ носъ молитву, то гудитъ и гнуситъ безбородый юноша въ родѣ семинариста, но тому нечего съ головы снимать. У всѣхъ носы длинные, какъ на подборъ, у всѣхъ, отъ старца до юноши, набиты табакомъ. Лица, то худыя и злыя съ густыми надвинутыми бровями, то полныя и геморроидальныя; всѣ коротко остриженные, всѣ блѣдныя, на всѣхъ одно и то же выраженіе искренней скуки и фальшиваго смиренія. Эта толпа зрѣлыхъ и старыхъ людей напоминаетъ мнѣ толпу шевальевоу, незнающихъ, какъ высидѣть обычные часы своего урока. Всѣ относятся съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ къ собственнымъ своимъ махинаціямъ и не дождутся конца. То одинъ выскользнетъ изъ алтаря и возвращается съ глубокимъ поклономъ, то другой: не сядетъ на

мѣстѣ этимъ сѣдымъ школярамъ. Одинъ фіолетовый старикъ, вѣроятно, самый почетный, до того старый, что вмѣсто молитвы его виднѣлись только беззвучное чавканье губъ, совсѣмъ спитъ въ своемъ покойномъ креслѣ и даже пересталъ подыматься вмѣстѣ съ другими при возгласахъ старшихъ канониковъ. Должно быть не одинъ десятокъ лѣтъ слушаетъ онъ тѣ же самыя слова и скучаетъ безсмѣнно тѣ же самыя часы. Меня очень забавляло это старческое сборище, и я смѣялся внутренно, вглядываясь и вслушиваясь въ эту бесполезную комедію. Специализація занятій почти всегда дѣйствуетъ губительно на человѣка. Эти служители идеи, высокой и жизненной по своей сущности, оспеціализировались тутъ въ труппу какихъ-то авгуровъ, которые ревниво охраняютъ въ своей средѣ искусство продѣлыванія разныхъ церемоній и произнесенія разныхъ заклинаній, которые за этими механическими процессами позабыли внутреннюю душу и конечную цѣль своего призванія. Эта армія индულгенцій, непогрѣшимости, силлабуса, не имѣетъ ничего общаго съ интересами современнаго человѣчества; эта стая наслѣдственныхъ заговорщиковъ противъ цивилизаціи, позабытая исторію, приноситъ съ собою гибель всякій разъ, какъ только она усиливается вмѣшаться въ нее. Наше православное духовенство, къ великому счастью, никогда не имѣло ни этой болѣзненной отчужденности отъ міра, ни этихъ заговорщицкихъ цѣлей. Вдругъ всѣ повалили вонъ, шумно и дружно, какъ распушенный классъ; откуда взялась прыть даже у дремавшаго старца. Безъ сомнѣнія, для почтенныхъ канониковъ это была самая пріятная статья всего правила. Чуть не на перегонку выбѣгали они изъ храма, съ комическою торопливостью присѣдая передъ алтаремъ, мимо котораго пробѣгали.

Сидѣвшій въ темномъ углу, передъ освященнымъ распятіемъ, худой богомолецъ, съ воспаленными фанатическими глазами, провозжалъ эту прыгающую стаю черныхъ птицъ неодобрительнымъ и сердитымъ взоромъ.

По выходѣ изъ собора непременно взойдите на его колокольню, на эту четырехугольную Campanilla, съ высоты которой вы не только увидите всю Венецію съ далекими окрестностями, но и отлично поймете весь планъ ея. Входить очень легко, хотя и очень высоко. Ступеней нѣтъ до самого верху; все одинъ гладкій наклонный полъ, выходящій кругомъ каменнаго стержня башни. Кампанилла очень бѣднаго вкуса по архитектурѣ, и только фасъ ея нижняго этажа, обращенный ко дворцу и собору, украшенъ роскошною мраморною скульптурою.

Море распалилось въ это утро. Схожу съ колокольни—площади Марка нѣтъ, а на ея мостовой бушуютъ морскія волны. Публика, отрѣзанная внезапнымъ разливомъ, толпится подъ аркадами. Это никого впрочемъ не удивляетъ. Черезъ часъ уже можно было гулять по тѣмъ самымъ камнямъ, черезъ которые на вашихъ глазахъ перебѣгали волны моря.

Дворецъ старыхъ дождей стоитъ однимъ фасадомъ на Пьяцетту, другимъ на море. Около него символы могущественной торговой республики. На огромныхъ колоннахъ въ видѣ маяковъ — крылатый левъ св. Марка. Онъ видѣнъ издали прибывающимъ кораблямъ, которые особенно толпятся въ виду стараго дворца. Тутъ таможня, тутъ входъ въ Большой каналъ, тутъ выходъ въ открытое море. Дубовыя палки огромной толщины цѣлыми пучками, штукъ по 20-ти въ каждомъ, вбиты въ дно моря и разбросаны по всей гавани. Къ ихъ кольцамъ притягиваются корабли. Отъ дворца идетъ широкая каменная набережная, любимое мѣсто прогулокъ, порою она подъ водою, порою суха. Она идетъ на довольно далекое разстояніе и переходитъ при поворотѣ берега тоже въ сухопутную и тоже довольно длинную улицу Гарибальди. Это, кажется, самое большое пространство въ Венеціи, по которому можно гулять пѣшкомъ.

Дворецъ дождей имѣетъ очень странную архитектуру. Больше всего въ немъ восточнаго, мавританскаго. Но бѣдность украшеній, обнаженность стѣнъ на значительномъ пространствѣ, низкое расположеніе оконъ, наконецъ зубцы, его вѣнчающіе, придаютъ ему характеръ какой-то темницы или крѣпости, скорѣе чѣмъ дворца. Впрочемъ это и на дѣлѣ былъ дворецъ-темница, дворецъ-крѣпость. Въ его квадратномъ дворѣ, обнесенномъ высокими корпусами, не трудно было выдерживать осаду какъ въ цитадели. Главная красота дворца — его наружныя галереи арабскаго стиля съ мраморными рѣзными рѣшетками и колоннами; они идутъ въ два этажа кругомъ обоихъ фасадовъ и сообщаютъ фizioноміи дворца ея типическій характеръ. То, что въ другихъ палаццо въ миниатюрѣ и въ отрывкахъ, то здѣсь сплошное и въ размѣрахъ колоссальныхъ. Стѣны сложены шахматомъ, и это нѣсколько оживляетъ ихъ однообразную наготу. Только въ двухъ мѣстахъ, по одному съ cadaго фасада, балконы роскошной мраморной отдѣлки, отъ фундамента до крыши. Съ нихъ провозглашались землѣ и морю избранные дожи. Входныя ворота съ Piazzetta и весь вообще корпусъ, въ которыхъ они находятся, отличаются отъ массы дворца богатствомъ, разнообразіемъ и вкусомъ своей мраморной скульптуры; эта часть не испортила бы и Альгамбры. Во дворѣ нужно

полюбоваться огромными цистернами старой бронзы драгоцѣннаго чекана; галлерей и тутъ со всѣхъ сторонъ опять въ два этажа; кромѣ того одна галлерей изъ воротъ къ заднему (главному) корпусу дворца. Стилъ тотъ же, только надворный фасадъ задняго корпуса въ изящныхъ мраморныхъ украшеніяхъ. Вы входите въ этотъ корпусъ по пресловутой «*лѣстницѣ изантовъ*», увѣнчанной статуями двухъ боговъ, въ которыхъ была сила старой Венеціи: Марса, бога войны, и Нептуна, бога моря. Надъ ними вверху крылатый левъ, символическій патронъ республики. Изъ галлерей входите въ залы совѣтовъ по другой не менѣ знаменитой «*золотой лѣстницѣ*», своды которой—сплошныя тончайшія арабески изъ позолоченной рѣзбы. Залы огромныя, подавляющаго богатства. Потолки, стѣны,—цѣлый музей громаднхъ картинъ и медальоновъ, писанныхъ великими мастерами Венеціи; картины да драгоцѣнная золотая рѣзба — вотъ все что вы видите кругомъ. Полы—мраморная мозаика. Зала Большого Совѣта самая обширная и самая богатая. По стѣнамъ ея и другихъ залъ древнее книгохранилище, собранное дожами, все почти латинскіе и греческіе фоліанты въ пергаментѣ. На картины почти не стоить смотрѣть; они хороши въ общемъ, какъ украшеніе залъ, но нисколько не интересны въ частности; это все почти искусственная и холодная аллегорія, непріятная пестрота, шаржировка, однообразіе сюжета. Битвы безъ конца, безъ перспективы, безъ группировки, всюду официальная лѣсть, официальная религія. Васъ утѣшаютъ только славныя имена, связанныя съ этимъ заказнымъ художествомъ, имена Тиціано, Паоло, Тинторетто, Пальма, Бассано и пр. Пробѣгая эти великолѣпныя залы, поневолѣ вспоминаешь ту бессмысленную систему недоверія, выработанную старою республикою, которая въ корень подорвала ея силы. Зала совѣта нобилей, залы Сената, залы совѣта Десяти, залы совѣта Трехъ, наконецъ залы дожа. Сколько надзору другъ за другомъ, сколько нянекъ за няньками! Государственная инквизиція не оставляла самого верховнаго вождя безъ строгой и подозрительной опеки. Мнѣ показывали въ разныхъ мѣстахъ ящики для анонимныхъ писемъ, въ которые всякій имѣлъ право вкладывать доносы и обличенія на дожа, на сенаторовъ, на всѣ совѣты. Частныя комнаты дожа также богаты, но и также непріютны, какъ всѣ остальные. «Изъ всѣхъ плѣнниковъ республики хуже всѣхъ помѣщенъ ея дожъ» — писалъ одинъ изъ французскихъ путешественниковъ прошлаго столѣтія. Въ залѣ собранія дожа собраны всѣ портреты дожей, даже послѣдняго «дожа минуты» — Даниіла Манина. Это единственныя картины дворца, меня интересовавшія, потому что

подъ кистью Тиціана и Тинторетто, старые вожди Венеціи смотрятъ съ своего полотна какъ живые. Я всматривался въ нихъ съ большимъ любопытствомъ, также какъ всматривался въ прекрасныя статуи знаменитыхъ венеціанцевъ во внутренней галереѣ дворца. Все это строгія, пронипательныя лица, съ желѣзною волею, застывшіе въ рѣзкихъ морщинахъ, характеры, умѣвшіе приказывать и умѣвшіе приводить въ исполненіе свои замыслы, чего бы они ни стоили.

Дворецъ дожей вмѣстѣ и крѣпость, и темница. Таковы были въ старое тяжелое время почти всѣ дворцы. Даже Шильонскій замокъ на Женевскомъ озерѣ, полный подводныхъ темницъ, застѣнговъ и западней, — былъ въ то же время дворцомъ герцога Савойскаго, и вы до сихъ поръ можете любоваться, почти радомъ съ склепами Бонивара — опочивальнями герцога и его супруги, и заломъ пиршества. Во дворецъ дожей цѣлый большой корпусъ посвященъ темницамъ и въ настоящее время, когда уже уничтожены пресловутыя кельи подъ свинцовою крышею. Корпусъ этотъ сзади дворца, черезъ узенькій каналетто; знаменитый «*ponto dei sospiri*», «*мостъ воздыханій*», снаружи весь изъ бѣлаго скульптованнаго мрамора, — ведетъ въ этотъ мрачный корпусъ, высоко надъ каналомъ. Собственно это не мостъ, а мраморный корридоръ съ крышею и окнами, висящій надъ водою; внутри его два прохода, совершенно разобщенныхъ: одинъ въ темницу уголовную, обыкновенную, другой — въ политическую. Первая занята и теперь, а вторую, пустую, только посѣщаютъ любопытные. Я тоже сошелъ въ эти затхлыя и душныя подземелья, пропитанныя кровью мучениковъ, историческихъ и невѣдомыхъ. Я увидѣлъ при свѣтѣ факела могилы живыхъ мертвецовъ, камни, на которыхъ пытали ихъ, черныя дыры, куда бросали ихъ. Даже теперь, когда всѣ эти пещеры отворены и безлюдны, воздухъ въ нихъ невыносимо спертъ и запахъ отвратителен...

Евг. Марковъ.

1873 г.

ПОЗНАНСКІЕ ПОЛЯКИ

ВЪ 1848 ГОДУ.

Если невелика сумма нашихъ свѣдѣній о жизни польскаго народа въ періодъ его государственности,—періодъ, окончившійся за сто лѣтъ предъ нами и, слѣдовательно, дающій возможность исполнѣ спокойнаго отношенія къ нему,—то что сказать о новѣйшей исторіи Польши,—Польши погосударственной, послѣ раздѣла? Нельзя объяснять ограниченности нашихъ свѣдѣній по этому вопросу одними стѣснительными условіями прежней цензуры. Нельзя допустить,—какъ бы щекотлива ни была цензура—чтобы поэтому одному, всѣ событія новѣйшей польской исторіи осуждены были на вѣки оставаться покрытыми мракомъ неизвѣстности. Дѣйствительно, гораздо вѣрнѣе будетъ объяснять причину недостаточности нашихъ свѣдѣній въ этомъ дѣлѣ нашимъ равнодушіемъ вообще ко всему, что касается внутренней политической жизни. Крайніе позитивисты во всемъ другомъ, мы все еще не можемъ отстать отъ метафизическаго метода въ области политики. Въ этой сферѣ у насъ, Богъ вѣсть какъ и почему, составилъ цѣлый лексиконъ положеній а ргіогі. Все-то мы знаемъ, все-то предусмотрѣно, ко всему мы готовы; что ни случись на бѣломъ свѣтѣ, ничѣмъ насъ не удивишь: стоить прикинуть мѣрку—доморощенную политическую схему — и отвѣтъ готовъ.

Съ 1768 года, слѣдовательно, въ теченіи ста съ небольшимъ лѣтъ, Польша семь разъ возставала; въ томъ числѣ пять разъ въ борьбѣ съ нами. Казалось бы—ужь не говорю о любознательности — что очевиднѣе необходимости для русскаго, какъ близко и возможно толково ознакомиться съ такой кровавой ли-

хорадкой Польши? Не наталкиваетъ ли на эту необходимость хотя бы даже одно только чувство самосохраненія? Что поляки возстаютъ, побуждаемые постоянной мыслью о политической независимости, въ этомъ никто не сомнѣвается. Но жизнь поляковъ, какъ и всякая другая, также видоизмѣняется,—каждое изъ возстаній имѣетъ факторомъ новое поколѣніе, каждое изъ потрясеній совершается при различныхъ условіяхъ, подѣ влияніемъ различныхъ идей, событій и данныхъ; каждое поэтому изъ нихъ, независимо отъ общаго характера, носитъ свой, вполне самостоятельный отпечатокъ. Нельзя всѣ эти возстанія гуртомъ подвести подъ одну рубрику: «возстаютъ, молъ, потому, что Рѣчи-Посполитой захотѣлось!» Безспорно, никто больше не теряетъ отъ такого метафизическаго взгляда на вещи, какъ мы же. И никогда, быть можетъ, такая отвлеченность не была болѣе опасна для Россіи, какъ теперь, когда у насъ въ перспективѣ, за горстію польскихъ косиньеровъ, наткнуться на штыки, только-что побѣдившіе «непобѣдимыхъ».

Но намъ возражать, что если историческія изслѣдованія о бытѣ Польши передъ раздѣлами дѣйствительно встрѣчаютъ врага болѣе въ общественномъ равнодушіи, чѣмъ въ строгости прежней цензуры, то этого никакъ нельзя сказать объ исторіи Польши послѣдняго времени. Не публики вина, если она должна довольствоваться въ этомъ отношеніи весьма немногимъ. Но что мѣшаетъ нашей печати ближе знакомить публику съ тѣми изъ польскихъ движеній, которыя вовсе не были направлены противъ Россіи? А между тѣмъ, по нимъ довольно близко узнается характеръ и система польской погосударственной жизни послѣднихъ временъ. Изъ всѣхъ польскихъ возстаній, движеніе познанскихъ поляковъ противъ Пруссіи 1848 года наименѣе непосредственно коснулось Россіи, и въ то же время, это было событіе крайней важности, крупнѣйшее въ новѣйшей исторіи Польши какъ по громадности замысла, такъ и по программѣ организаціи и даже по началу выполненія. Между тѣмъ, не боясь особенной ошибки, можно сказать, что въ русской литературѣ нѣтъ даже самаго легкаго очерка, самаго поверхностнаго разсказа объ этомъ событіи. И немудрено, впрочемъ. Нѣмецкіе писатели,—которые вообще далеко не подвержены, подобно намъ, политической водобоязни по равнодушію, но въ то время занятыя событіями большей для *нихъ* важности (какъ берлинская и вѣнская революціи, какъ франкфуртскій парламентъ и, наконецъ, кровавый финалъ въ вел. герц. баденскомъ),—весьма скупо и поверхностно отнеслись къ эфемерному возстанію *ихъ герцогства по-*

жанская. Еще болѣе важнымъ могло показаться это движеніе для западныхъ писателей, особенно по сравненію съ страшнымъ взрывомъ 1848 года, потрясшимъ до основанія почти всѣ государства Европы. О русскихъ оригинальныхъ памятникахъ той эпохи, трагующихъ о польскомъ возстаніи, нечего и говорить. Остаются польскіе.

Настоящій очеркъ долженъ быть потому основанъ на этихъ послѣднихъ. Что эти источники пристрастны, односторонни, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; но, съ другой стороны, нельзя допустить, что разсказъ объ этихъ событіяхъ, вылившійся изъ-подъ нѣмецкаго пера, былъ бы безпристрастнѣе. Выборъ между двумя одинаково односторонними взглядами обусловленъ тѣмъ, который изъ двухъ ближе, проще относится къ предмету, который сильнѣе выставляетъ на видъ, быть можетъ, вопреки собственной волѣ, тѣ характеристическія подробности, которыя не могутъ закрыться никакими изворотами фразы? А такими именно качествами отличаются польскіе источники данной эпохи.

Надо замѣтить, что вообще польскіе документы послѣднихъ временъ отличаются еще одной крайне важной для изучающаго ихъ особенностью.

Кто сколько-нибудь знакомъ съ характеромъ польскихъ возстаній, тому извѣстно, что въ каждомъ изъ этихъ движеній, параллельно съ войной внѣшней за независимость шла война внутренняя, гражданская. Начиная съ перваго раздѣла Польши, и даже раньше, польское общество рѣзко распалось на два господствующія мнѣнія: 1) одни, объясняя паденіе Рѣчи-Посполитой, искренно или нѣтъ, однимъ фактомъ внѣшняго нашествія, смотреть на борьбу съ точки исключительно національной, то есть понимаютъ *освобожденіе* въ смыслѣ восстановленія государства, такимъ, какимъ оно было, или почти такимъ; 2) другіе смотреть на фактъ потери независимости иначе. Не отрицая важности факта нападенія извнѣ, они объясняютъ успѣхъ нападенія внутренними условіями государственнаго и социальнаго быта древней Польши. Внѣшнее нашествіе съ ихъ точки зрѣнія — слѣдствіе, результатъ; причина же — въ политической и общественной дезорганизации самой страны. Отсюда — отличное отъ первыхъ возвращеніе на борьбу *освобожденія*.

Пруссія, Австрія и Россія, по ихъ мнѣнію, могли уничтожить Польшу потому только, что основа ея — общество — было въ полномъ расстройствѣ ¹⁾. Для восстановленія польской независимо-

¹⁾ «Polska nierządem stoi» (Польша держится безпорядкомъ) — народная поговорка XVII-го вѣка.

сти, освобожденіе отъ внѣшняго врага — не цѣль, а средство. Для восстановленія Польши нуженъ новый базисъ — реорганизація общественныхъ отношеній.

Но такая реорганизація немислима подъ внѣшнимъ давленіемъ. Въ свою очередь, національное освобожденіе немислимо безъ этой перестройки. Такимъ образомъ, по силѣ этой двойной доктрины, Польша осуждена одновременно на двойную борьбу: національную, съ врагомъ внѣшнимъ; политическую и социальную, — съ противниками реорганизаціи.

Такия два крайнія воззрѣнія на постоянно дѣйствующія причину и цѣль создали въ Польшѣ двѣ постоянныя партіи: консервативную, извѣстную подъ именемъ: то *мататовъ*, то *аристократовъ*, то *дипломатовъ*, то партіи *чарторыжскихъ* (*czartoryzszczyzna*), то символистически — партіи *блмыжъ* (1863 годъ), то просто партіи *шляхетской*; родоначальниками же этой партіи были такъ-называемые *республиканцы*, противившіеся еще въ древнемъ польскомъ государствѣ всякой реформѣ, и, въ концѣ концовъ, изъ ненависти къ нововведеніямъ общественнымъ и политическимъ, предпочитавшіе паденіе самого государства (Тарговицкая конфедерация). Другая партія — разбитые на безконечные отѣнки приверженцы реорганизаціи. Члены этой партіи наиболѣе извѣстны подъ слѣдующими популярными наименованіями: «патріоты», «демократы», «революціонеры», «левелисты», «мѣрославчики», а въ эпоху волненій 1863—64 годовъ, вообще пристрастную къ символамъ, подъ именемъ партіи «красныхъ». Въ древней же Польшѣ разсадникомъ этой партіи были *реформисты* Станислава Конарскаго, потомъ *барскіе конфедераты* и, наконецъ, приверженцы *конституціи 3-го мая*. Словомъ, во весь столѣтній періодъ борьбы за независимость, въ Польшѣ вездѣ и во всѣхъ случаяхъ замѣтны слѣды и вліяніе двухъ глубоко враждебныхъ лагерей.

Въ эпоху, которой мы намѣрены посвятить нашъ рассказъ, печать этихъ партій выразилась съ особенной силой и даже съ крайней незастѣнчивостью. Понятно поэтому, что и польскіе документы, касающіеся этой эпохи, носятъ на себѣ двойной характеръ, именно національный и полемическій. По нимъ, такимъ образомъ, внутренній процессъ борьбы выясняется вполне; внѣшній же, если и затемненъ національнымъ пристрастіемъ, то сама полемическая форма этихъ источниковъ, форма доведенная до крайности, до разнузданности даже, выясняетъ внимательному читателю самыя сокровенныя черты лицъ, идей и фактовъ, какъ бы мало этого ни желали рассказчики.

Что же касается до фактовъ внѣшнихъ, умышленно искаженныхъ польскими писателями, то одно простое сопоставленіе ихъ съ официальными реляціями и частными мемуарами нѣмецкихъ источниковъ способно почти безусловно раскрыть истину непредупрежденному и внимательному читателю.

Вотъ тѣ главные источники, по которымъ составлена настоящая статья. Именно:

1) „*Stan rzeczy w W. Ks. Poznańskiem*, przez Jana Koźmię” — точка зрѣнія крайняго консерватизма и перечень тѣхъ изъ официальныхъ документовъ, какіе понадобились для отстоянія консервативнаго взгляда.

2) „*Powstanie Poznańskie w r. 1848*, przez Ludwika Mierosławskiego” — антидотъ предыдущаго какъ въ смыслѣ диаметрально противоположной доктрины, такъ и въ смыслѣ дополненія къ недостающимъ у Козмына официальнымъ актамъ.

3) „*Wypradki Poznańskie w r. 1848*, przez Andrzeja Moraczewskiego” — довольно блѣдный сборникъ анекдотовъ и эпизодовъ, тѣмъ не менѣе драгоцѣнный, какъ ключъ къ разъясненію многихъ недоумковъ двухъ вышеупомянутыхъ авторовъ. Морачевскій на каждомъ шагу наивно пробалтывается именно о томъ, что Козмынь и Мѣрославскій одинаково силились закрыть, несмотря на весь жаръ полемики.

Для сопоставленія польскихъ документовъ съ нѣмецкими, авторъ пользовался, главнымъ образомъ, меморіалами гг. *Фонъ-Арнима* и *Виллисена*, а также официальными реляціями генераловъ: *Коломба*, *Веделя*, *Бюмена* и *Бранта*.

Наконецъ, мнѣ не мало послужилъ чрезвычайно добросовѣстный и подробный военный очеркъ прусскаго офицера-очевидца: „*Das Gefecht bei Miloslaw*, von F. K. von-Rothenburg.”

Мы сказали, что познанское возстаніе 1848 г., въ ряду всѣхъ другихъ политическихъ попытокъ современной Польши, представляетъ особенное значеніе не только по громадности замысловъ, но и по силѣ программы и, особенно, по своеобразному ходу организаціи. До тѣхъ поръ возстанія Польши имѣли корень, — или кружокъ конспираторовъ въ самой странѣ, которымъ удалось въ конкуренціи съ другими подобными кружками одолѣть ихъ, добившись въ свою пользу исключительнаго вниманія страны и вліянія на массу патріотовъ — такъ было въ возстаніе Костюшко и въ возстаніе 1830 года; или же корень революціи таился внѣ страны, въ замыслахъ нѣсколькихъ честолюбцевъ.

а иногда, просто, заинтересованныхъ иностраныхъ правительствъ. Этотъ разъ впервые востали поляки по приготовленному плану не тайнаго кружка нѣсколькихъ юношей и не для осуществленія честолюбивыхъ надеждъ каковой-нибудь одной личности. Планъ востанія, средства и цѣль организациі обдумывались и дебатировались, въ теченіи пятнадцати лѣтъ, специально выдѣлившимся съ этою цѣлью изъ польскаго общества тѣломъ: это былъ дебютъ польской эмиграціи.

Впервые, изъ разсѣянной массы 10,000 выходцевъ 1831 г., сплотилось крѣпкое общество, въ четыре тысячи слѣпого членовъ, безусловно преданныхъ, свободно подчинившихся чисто военной дисциплинѣ, обязавшихся къ слѣпому повиновенію періодически избираемой центральной власти. То было пресловутое *польское демократическое общество* со знаменемъ революціонной централизаціи.

Нѣтъ сомнѣнія, что если общество это не обратило на себя исключительнаго вниманія западной Европы, то только потому, что оно само, съ перваго шага, во всеуслышаніе, строго опредѣлило границы своей дѣятельности: «всей задачей его—Польша, а до Запада ему нѣтъ дѣла»—иначе, безспорно, карбонаризмъ, мацциніевская «Молодая Италія», самое даже франмасонство, встрѣтили бы въ этой демократической организациі польскихъ выходцевъ весьма серьезнаго конкурента. Едва ли, послѣ знаменитаго ордена іезуитовъ, исторія представляетъ гдѣ-нибудь болѣе сильную политическую организацію внѣ государства.

Основанное въ 1832 году небольшимъ только кружкомъ выходцевъ, оно съ безпощадной логикой и послѣдовательностію идетъ къ предначертанной цѣли. Первые 10 лѣтъ оно какъ-бы игнорируетъ родную землю; оно занято исключительно собственной организацией. Но за то горсть основателей въ это время почти безусловно подчинила себѣ эмиграцію и выставила «ди дѣла» 4-хтысячный сплоченный, единодушный легіонъ.

До 1842 года, Польша знала объ обществѣ только по его разрозненнымъ бюллетенямъ о «преніяхъ *централизаціи*» (такъ назывался исполнительный комитетъ общества). Бюллетени эти доходили до мѣста назначенія тайкомъ, контрабандой; судя по нимъ, кипучій патріотизмъ польской молодежи относился къ обществу скорѣе недовѣрчиво: пренія о надѣлѣ крестьянъ землею, о собственности, о свободѣ совѣсти и слова—казались имъ какимъ-то вялымъ доктринерствомъ, абстракціями, но меньшей мѣрѣ не ведущими къ *дѣлу*, а само общество—школою досужихъ философовъ (*parlament studenckiego próżniactwa*). Но затѣмъ, окрѣпнувъ,

общество бросаетъ въ Польшу разомъ сотню своихъ дисциплинированныхъ агентовъ. Это не политическіе иллюминаты, не эмиссары, подобные Волловичу, Завишѣ и Симону Конарскому: холодные, молчаливые, они ничего не имѣютъ въ себѣ миссіонерскаго; они скорѣй напоминаютъ лазутчиковъ враждебнаго лагеря. Они не посвящаютъ, не вдохновляютъ, не пропагандируютъ даже; они только спрашиваютъ и вывѣдываютъ—что?—то, что имъ нужно знать не *a priori*, а *a posteriori*... Они узнаютъ, что Польша, по прежнему и какъ всегда, покрыта сѣтью разрозненныхъ, но одинаково безумныхъ юношескихъ конспираціонныхъ кружковъ;—они видятъ, что не будь этихъ кружковъ, полиція и люди, живущіе этого рода охотой, лишились бы куса насущнаго хлѣба;—они замѣтили, каково отношеніе помѣщиковъ и людей имущихъ къ этому вѣчному культу иллюзій;—они не преминули развѣдать, чего хочетъ крестьянинъ и горожанинъ-мѣщанинъ;—въ ихъ записныхъ книжкахъ всякій приходскій священникъ, каждый монастырь нашелъ свою специальную помѣтку. Тутъ же, мимоходомъ помѣчены статистическія и этнографическія данныя; на живую руку подѣланы топографическія сѣмки, очерчены планы укрѣпленій, обозначены пути сообщеній, собраны свѣдѣнія о дислокаціи войскъ, о настроеніи духа корпуса офицеровъ, о характерѣ и привычкахъ начальствующихъ лицъ... Однимъ словомъ, все и вся.

Затѣмъ, опять, въ обществѣ слѣдуютъ два-три года преній по вопросу о фактическомъ состояніи Польши даннаго момента, преній, правда, нѣсколько болѣе секретныхъ. Только за годъ до взрыва, въ 1845 году, являются въ Польшу настоящіе эмиссары исполнѣ обдуманнаго заговора, основательно приготовленной организациі. Польша изумилась при видѣ такой полной перемѣны декорацій. «Студенты-теоретики» — «заграничные мечтатели» — оказываются изумительно посвященными во всѣ самыя интимныя подробности общественной жизни всѣхъ сословій. Нечего и говорить, что мѣстные эфемерные кружки заговорщиковъ, при первомъ прикосновеніи сильной организациі, лопаются одинъ за другимъ, какъ мыльные пузыри. Крестьяне и мѣщанство (которое, также какъ и русскіе мѣщане, какъ извѣстно, ничего не имѣетъ общаго съ западною буржуазіей) изумлены не менѣе другихъ. Впервые заговорщики-патріоты не только говорятъ съ ними, но говорятъ языкомъ простымъ и практическимъ; не декламируютъ на тему «равенство, братство и свобода», а касаются самыхъ реальныхъ нуждъ этого угнетеннаго класса, по преимуществу. Шляхта не знаетъ что и думать? теоретики революціи не только

не напоминаютъ ей «кровавыхъ призраковъ 1793 года», но дружески призываютъ ее на «общее дѣло»—и не именемъ «высокихъ идей», а именемъ ея же собственныхъ интересовъ. Короче, въ самый непродолжительный періодъ времени все, что было въ Польшѣ живучаго элемента, до деревенскаго есендза включительно, все это становится подъ знамя демократическаго общества, все приноситъ присягу повиновенія «централизаціи». Эта послѣдняя уже отъ своего имени назначаетъ полномочныхъ комиссаровъ и главнокомандующихъ. Въ Познань, въ качествѣ такого военачальника, прибываетъ совершенно еще молодой человѣкъ, хотя уже участвовавшій въ возстаніи 1830 года, (18 лѣтъ отъ роду), въ чинѣ подпоручика пѣхоты. Это столь извѣстный впослѣдствіи,—Людвигъ Мѣрославскій.

Но тутъ оканчивается первый актъ драмы.

Еще прежде нѣкоторые изъ предусмотрительнѣйшихъ вожаковъ общества (Дорангъ), не скрывая своихъ опасеній, относились съ крайнимъ недовѣріемъ къ безрассудному послѣдующему развитію заговора, наперекоръ прежней крайней осмотрительности. Дѣйствительно, на первыхъ же порахъ и по горячимъ слѣдамъ прусская полиція, благодаря болтливости юныхъ конспираторовъ (тѣхъ, которые «не прошли сквозь организаціонную реторту общества», какъ говорилось тогда,—а ихъ было большинство), распутала и раскрыла всѣ нити замысла.

Тѣмъ не менѣе, послѣ ареста и заключенія цѣлой массы людей всѣхъ сословій, драма не только не оканчивается, а напротивъ, принимаетъ еще болѣе серьезный характеръ. Процессъ полутораста поляковъ въ Берлинѣ обращаетъ на себя вниманіе всей западной Европы. Пораженная, но непобѣжденная «централизація» съ прежнимъ хладнокровіемъ руководитъ судебными преніями подсудимыхъ, какъ недавно руководила законодательными преніями организаціи. По ея волѣ, Мѣрославскій, судимый за государственную измѣну, и, какъ таковой, подлежащій смертной казни, принимаетъ на себя роль адвоката всѣхъ подсудимыхъ. Но къ крайнему ужасу многихъ изъ нихъ, о ихъ защитѣ нието и не помышляетъ. Мѣрославскій берется за адвокатуру одной Польши,—конечно, съ точки зрѣнія демократическаго общества. Изъ скамьи подсудимыхъ онъ дѣлаетъ кресло прокурора; вмѣсто защиты онъ представляетъ публикѣ обвинительный актъ «противъ правительствъ, раздѣлившихъ Польшу...»

Берлинскіе суды,—тѣ традиціональныя суды, которыхъ обезсмертилъ извѣстный мельникъ изъ Санъ-Суси,—теряютъ, наконецъ, терпѣніе; они не могутъ долѣе выносить странной метаморфозы,

превращающей ихъ изъ судей въ подсудимыхъ, взятыхъ съ личнымъ. Два раза Мѣрославскій начинаетъ свою рѣчь, и оба раза трибуналъ останавливаетъ его прежде конца. Наконецъ, прусскій судъ произноситъ свой вердиктъ, которымъ больше сотни поляковъ приговаривается, кто къ смертной казни, кто къ каторжной работѣ, кто къ тюремному заключенію. «И все это *безъ выслушанія защиты!*» — кричить европейская пресса, а за ней народныя массы... накануне однако переворота 1848 года.

Такимъ-то образомъ демократическая организація заговора 1846 года оказывается не только непобѣжденной, а, напротивъ, усиленной союзомъ революціи всей Европы. 17-го марта 1848 года, берлинская революція разбиваетъ двери тюрьмы и на рукахъ выноситъ оттуда приговореннаго къ смерти Мѣрославскаго. Толпа привѣтствуетъ его крикомъ: «Да здравствуетъ *воскресшій!*»

Этого еще не довольно. Самая неподатливая часть польскаго консерватизма, не внимавшая до сихъ поръ никакимъ увѣщаніямъ, глухая на призывъ національной агитаціи 1846 года, и та теперь ошеломлена необычайнымъ успѣхомъ демократіи. Ей кажется опаснымъ остаться нѣмой зрительницей такого перелома, предоставивъ судьбы страны «горсти шалопаевъ». И вотъ, столпы познанскаго консерватизма, Хлаповскій, Т. Дзялынскій, Рачинскій протягиваютъ руку нѣмецко-польской революціи.

Остается только изолированное отъ всѣхъ правительство прусскаго короля, правда, пополненное уже либеральными членами, но, тѣмъ не менѣе, переживающее крайне опасный кризисъ. Безъ компромисса и для него нѣтъ выхода изъ этого положенія.

Королевскій патентъ октроируетъ автономію «Великаго Герцогства Позенскаго» и тѣмъ косвенно санкціонируетъ революцію. Королевскій комиссаръ вступаетъ въ переговоры съ Мѣрославскимъ.

Это кульминаціонный пунктъ познанскаго возстанія. Съ этой высоты, очевидно, возможны только два выхода: полное торжество, или полное паденіе.

Съ демократической организаціей польскаго заговора въ этотъ моментъ стояли: молодая и бродячая силы всего народа, если не весь народъ; нѣмецкая революція, съ французской республикой и итальянскимъ движеніемъ въ резервѣ; въ то же время, съ нимъ была, болѣе или менѣе искренно, вся познанская шляхта и, наконецъ, само берлинское правительство. Последнее, конечно, по необходимости и пока была необходимость.

Тутъ начинается движеніе регрессивное. Странная агломерация безусловно чуждыхъ другъ другу элементовъ медленно, но

систематически, распадается на свои составныя части, и въ обратномъ порядкѣ по сравненію съ тѣмъ, въ которомъ механически нарасталъ этотъ уродливый сфинксъ.

Первымъ отстаетъ берлинское правительство, ни одного дня, естественно, не желавшее оставаться въ этомъ «плѣну революціи».

Освободившись, правительство успѣшило парализировать своихъ неудобныхъ союзниковъ. Прежде всего ему удалось отдѣлать въ свою пользу элементъ консервативный отъ элементовъ болѣе революціонныхъ въ Германіи, точно также, какъ и въ Познани. Ловкими и своевременными уступками, данными привилегированному сословію, познанское движеніе съ изумляющей быстротой выродилось въ гражданскую войну. Вражда польскаго шляхетства, вполнѣ довольствовавшаяся сдѣланными правительствомъ уступками, и польской демократіи, вооруженно добивавшейся немедленного и полного осуществленія своего идеала, — вражда эта, въ конецъ парализируя познанское движеніе, дѣлаетъ его непригоднымъ даже, какъ простую диверсію, для германской революціи.

Этимъ положеніемъ опять, какъ нельзя лучше, пользуются друзья берлинскаго правительства. Подъ ихъ влияніемъ, германскіе революціонеры все больше и больше охлаждаются къ дѣлу познанскихъ поляковъ. Ихъ нѣмецкіе патріоты начинаютъ по-немногу упрекать себя въ національной узкости, въ эгоизмѣ, въ равнодушіи къ дѣлу «общаго освобожденія» — потомъ уже дальше, въ аристократизмѣ, въ косности, въ іезуитизмѣ и двуличности. Наконецъ, франкфуртскій парламентъ, эти революціонныя сливки народнаго представительства единой Германіи, устами Вильгельма Іордана, генерала фонъ-Радовица и князя Лихновскаго, произносятъ свой окончательный вердиктъ: «Познань должна остаться навсегда за Германіей, потому что она вспахана плугомъ нѣмецкой цивилизаціи».

Такимъ образомъ, заговоръ очутился съ собственными только силами, какъ въ 1846-мъ году, но съ силами, не прикрытыми никакой тайной, и лицомъ къ лицу съ оправившейся отъ пораженія Пруссіей. Кромѣ сдачи или борьбы отчаянія, ему не было другой альтернативы. Но, естественно, даже въ этой крайности не было и не могло быть единодушія: одни благоразумно не видѣли никакой пользы для страны въ борьбѣ безъ надежды на успѣхъ; другіе не столько надѣялись, сколько хотѣли надѣяться. Началась шестинедѣльная кровавая и жестокая война, ознаменованная двумя значительными, но безплод-

ими побѣдами польскихъ косиньеровъ, борьба, окончившаяся мнѣмъ усмиреніемъ Познани и торжествомъ нѣмецкихъ колонистовъ; но борьба, тѣмъ не менѣе, замѣчательная и крайне учительная. Со временъ Костюшки, тутъ въ первый разъ непосредственно въ борьбѣ принялъ участіе польскій крестьянинъ.

Такова ткань познанскихъ событій 1848 года. По ней, тщательно обозначая главные фазисы и насколько возможно точно главные подробности, мы попытаемся прослѣдить одно изъ самыхъ крупныхъ движеній современной Польши.

I.

Начнемъ бѣглымъ очеркомъ организаціи «демократическаго общества».

Сколько извѣстно, первая мысль подобной организаціи принадлежитъ извѣстному Коллонтаю, современнику и личному другу Костюшки. Мысль эта основывается на слѣдующихъ главныхъ началахъ:

Общество, союзъ постоянныхъ членовъ демократическихъ убѣжденій, выдѣляетъ изъ своей среды два органа: одинъ, коллективный, занятый—въ мирное время (періодъ пропаганды и организаціи) администраціей самого общества,—а, въ періодъ революціонный, концентрирующий въ себѣ всѣ вѣтви гражданскаго правленія въ странѣ; другой органъ, одноличный, именно военный организаторъ, въ періодъ приготовительный, но облакающійся частью военнаго диктатора и главнокомандующаго всѣхъ вооруженныхъ силъ страны, въ періодъ революціонной борьбы. Этотъ дуализмъ балансируется въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ слѣдующимъ образомъ: въ періодъ мирно-органической преобладаетъ коллективный комитетъ, а военный организаторъ остается въ подконтрольной отъ него зависимости; обратно, въ періодъ военно-революціонный господствуетъ диктаторъ, а гражданскій комитетъ подчиняетъ ему свои дѣйствія. Такимъ образомъ, комитетъ ведетъ пропаганду, организацію, заготовляетъ средства для борьбы и даже опредѣляетъ моментъ возстанія; но съ этой минуты онъ сходитъ на роль подчиненнаго по отношенію къ диктатору. Передъ борьбой, комитетъ, какъ руководитель *мысли*, отвѣтственъ передъ обществомъ, какъ-бы передъ «Орденомъ хранителемъ тайной еще воли народа». Послѣ борьбы, диктаторъ, какъ исполнитель этой «тайной воли», отвѣтственъ передъ самимъ народомъ.

Въ извѣстное пасхальное возстаніе, кончившееся третьимъ раздѣломъ Польши, авторъ этой нѣсколько мистической системы, Коллонтай, былъ душою и руководителемъ подобнаго, имъ создано комитета ¹⁾. Диктаторомъ же по этой системѣ, какъ извѣстно, былъ Вацлавъ Костюшко. Во время самой борьбы, Коллонтай самоотверженно держался буквы своего революціоннаго кодекса и ни разу не измѣнилъ самому себѣ, хотя Костюшко далеко не отвѣчалъ его ожиданіямъ.

По мысли Коллонтая, народное освобожденіе должно было совершиться путемъ поголовнаго ополченія, для достиженія котораго, чтобы привлечь въ дѣлу крестьянъ-земледѣльцевъ, онъ намѣревался освободить ихъ, но освободить не только отъ барщинной зависимости, по примѣру современной ему Франціи, но дать крестьянину въ собственность усадебную землю, очиншеваніемъ земли пахатной и выгоновъ въ пользу гмины (общины) ²⁾. До пріѣзда Костюшки и до начала возстанія, комитетъ Коллонтая широко провелъ пропаганду въ этомъ именно смыслѣ. За это, до сихъ поръ еще, шляхетскіе писатели не могутъ хладнокровно говорить объ этомъ человѣкѣ. Только въ послѣднее время польская литература успѣла очистить память Коллонтая отъ самыхъ гнусныхъ обвиненій въ воровствѣ, мошенничествѣ, продажности, въ самой грубой развращенности нрава (Коллонтай былъ священникъ).

Приготовленное имъ, такимъ образомъ, сельское и мѣщанское населеніе Польши отвѣтило, съ небывалымъ до тѣхъ поръ восторгомъ и единодушіемъ, на призывъ революціонной ночи въ Варшавѣ. Но Костюшко только въ теоріи раздѣлялъ мнѣнія Коллонтая; на практикѣ, онъ не рѣшился принять на себя отвѣтственность за водруженіе знамени соціальной революціи въ минуту внѣшней войны. Напрасно Коллонтай увѣрялъ его, что дѣло обойдется проще, почти безъ кровопролитія, что строптивая на словахъ только шляхта, въ сущности, безсильна для сколько-нибудь серьезнаго отпора и немедленно подчинится простому декрету вождя, стоящаго во главѣ вооруженнаго народа. Костюшко не могъ одолѣть ужаса при извѣстіи о первыхъ симптомахъ ярости возстающаго народа; казнь епископа Массальскаго въ Вильнѣ и нѣкоторые другія, менѣе важныя расправы своевольной толпы потрясли до основанія его впечатлительную душу. Первый декретъ Костюшки былъ острасткой противъ своеволия.

¹⁾ См. „*Młotek*“ г. 1869. Lwów. „H. Kollontaj“.

²⁾ „*O stosunkach rolniczych w Polsce*.“ Krysztopor. Digitized by Google

Тѣмъ не менѣе, если это было ударомъ для кровожадныхъ инстинктовъ столько выстрадавшей отъ пановъ «хлопской ватаги», крестьяне еще толпились подъ знаменемъ Костюшки въ надеждѣ на общанную волю. Но Костюшко былъ уже въ рукахъ шляхты, обольстившей его обѣщаніями безусловныхъ жертвъ въ пользу вызванной имъ борьбы за независимость, если только онъ откажется отъ коллонтаевской программы. Давно жданный декретъ, наконецъ, вышелъ. По немъ барщина не сносилась, а только количество рабочихъ дней въ пользу помѣщика было уменьшено. О личной волѣ въ немъ не было помину; напротивъ, даже тѣ изъ крестьянъ, которые уже поступили въ военную службу охотниками, обязывались декретомъ революціоннаго диктатора, по окончаніи войны — вернуться къ помѣщику и отработать дни, проведенные на службѣ отечеству ¹⁾).

Не мудрено, если разочарованные хлопы стали расходиться по домамъ съ поникшей головой; восторжествовавшая же шляхта, конечно, и не думала о данныхъ обѣщаніяхъ. Въ своемъ презрѣніи къ обманутому Костюшке она дошла даже до цинизма. Въ мемуарахъ Огинскаго разсказывается, что помѣщики пріѣзжали въ лагерь и въ глазахъ Костюшки, узнавъ между воинами своихъ мужиковъ, выгоняли ихъ изъ рядовъ домой, въ село: «Do domu, przizniasy, nie do wojny shworzeni, do sochy! do sera!» ²⁾. Чтò думалъ Костюшко въ такія минуты? Быть можетъ, въ умѣ его тогда не разъ мелькнуло то легендарное восклицаніе: «Finis Poloniae!»

Для насъ въ этомъ случаѣ важнѣе то, что Коллонтай, до глубины души огорченный такой слабостью друга, — произнесшій даже желчную фразу: «Польшу погубилъ Костюшко!» — тѣмъ не менѣе, ни разу не попытался посягнуть на власть своего диктатора. Была ли это вѣрность своей доктринѣ *ad absurdum*, — вѣрность понятная въ фанатическомъ священникѣ римской церкви? Или же дѣло было проще: разъ поднявъ Костюшку до этой высоты, коллонтаевскій комитетъ не чувствовалъ въ себѣ силъ для низверженія идола? Какъ бы то ни было, но доктрина, послѣ этой первой неудачной пробы, вмѣстѣ съ крайней непопулярностью ея автора, оклеветаннаго, какъ было сказано, шляхетскими писателями, подверглась полному забвенію въ теченіи тридцати лѣтъ.

¹⁾ Даже извѣстный революціонный коноводъ крестьянства, Гловацкій, бывший личнымъ другомъ Костюшки и произведенный имъ въ чинъ капитана, вынужденъ былъ своимъ помѣщикомъ вернуться на барщину. См. Wiktor Helman, *Demokracja polska*.

²⁾ Домой, глѣбия! не для войны вы созданы; пошли пахать и молотить!

Только во время возстанія 1830 года, историкъ этой эпохи, Маврикій Мохнацкій, съ небольшою кучкой приверженцевъ своего «клуба», попробовалъ-было примѣнить эту доктрину къ генералу Хлопицкому.

Но этотъ генералъ меньше всего напоминалъ Костюшку. Старый наполеоновскій «ворчунъ», недовѣрчиво относившійся даже къ молодому солдату, хотя бы и отлично вымуштрованному, но не *попыхавшему еще пороху*,—а такой была вся тогдашняя армія царства польскаго, Хлопицкій не скрывалъ своего презрѣнія къ волонтерамъ, а къ народному ополченію, къ «рухавѣ» онъ питалъ даже чувство сильнѣйшаго отвращенія. Когда къ нему обратились съ просьбой принять диктатуру, Хлопицкій отвѣтилъ: «Согласенъ, но только съ тѣмъ, чтобы немедленно сложить оружіе передъ императоромъ Николаемъ. Дайте мнѣ триста тысячъ солдатъ, хвастливо добавилъ онъ, но настоящихъ солдатъ, я черезъ два мѣсяца буду въ Москвѣ, а съ этой сволочью я не берусь дать и одно сраженіе». Назойливые патріоты, не отставая отъ генерала, стали умолять его именемъ отчизны: «Сентименты! воскликнулъ Хлопицкій; мое отечество—палатка, и другого я не знаю».

Такого-то человѣка фантазія Мохнацаго изобразила себѣ въ образѣ Костюшки; самъ же Мохнацкій и его «клубисты» брали на себя роль коллонтаевского комитета. Хлопицкій, какъ извѣстно, несмотря на свою далеко недвусмысленную откровенность, тѣмъ не менѣе, былъ облеченъ диктаторскою властью. Но лишь Мохнацкій, съ трибуны клуба, потребовалъ освобожденія крестьянъ и, особенно, когда онъ предалъ «народному правосудію» противниковъ этой мѣры, потребовалъ *головы* князей Чарторыжскаго и Любецкаго,—диктаторъ, не долго думая, повелѣлъ своимъ ликторамъ схватить «крикуна, мелющаго вздоръ» и разстрѣлять его, для примѣра. Надо думать, что Мохнацкій еще сильнѣе Коллонтая раскаявался въ своей ошибкѣ, когда для спасенія своей головы ему пришлось просить убѣжища именно у своего противника.

— Князь, сказалъ онъ Любецкому, врываясь ночью въ его кабинетъ,—вчера я требовалъ у народа вашей головы; но произошло недоразумѣніе, и, вмѣсто васъ, меня хотятъ лишить головы.

— Соболезную, отвѣтилъ саркастически Любецкій; но я тутъ ни при чемъ. Вопросы этого рода не входятъ въ область министра финансовъ.

— Да; но я обращаюсь къ хозяину этого дома, и прошу у васъ убѣжища въ виду преслѣдующихъ меня преторіанцевъ моего диктатора?

— Это другое дѣло, и я счастливъ, что моею уцѣлѣвшей головой предстоить случай спасти вашу. Вы внѣ опасности въ моемъ домѣ.

Послѣ усмирения возстанія, ученики Мохнадцаго, разбѣянные по Франціи, Швейцаріи и Германіи, вдумываясь въ событія, все же не усомнились, однако, въ самой доктринѣ. Они озаботились только утвердить ее на болѣе прочныхъ основаніяхъ. Диктатура Костюшки, человѣка искренно и глубоко любившаго свой народъ, убѣдила ихъ въ той истинѣ, что вождь народнаго движенія не только долженъ быть человѣкомъ принципа, но и обладать характеромъ и сильной волей. Съ другой стороны, комическая диктатура Хлопицкаго еще нагляднѣе убѣдила ихъ въ другомъ, — какъ недостаточны одни личныя качества, честность, мужество и военные таланты, чтобы выдвинуть человѣка, поставить его диктаторомъ. Короче, они пришли къ убѣжденію, что выборъ одноличной военной диктаторской власти — вопросъ капитальный въ преслѣдуемой ими задачѣ.

Двойной опытъ диктатуры не привелъ польскихъ патріотовъ, подобно революціонерамъ современной Франціи, къ полному ея отрицанію, а только обусловилъ самый выборъ. Дѣйствительно, по доктринѣ польскаго демократическаго общества выборъ диктатора не долженъ производиться подъ впечатлѣніемъ минуты, въ рѣшительный моментъ, но долженъ быть постоянной и главной заботой организаци, съ перваго дня ея дѣятельности. Такимъ образомъ, общество, далеко до начала дѣйствія, притягиваетъ къ себѣ цѣлую группу кандидатовъ, военныхъ по ремеслу, и демократовъ по принципу, — которыхъ оно, въ теченіи многихъ лѣтъ, испытываетъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Общество пошло даже дальше и, словно заботливая мать, занялось самымъ воспитаніемъ своихъ будущихъ «генераловъ». Такъ, Мірославскій, Іосифъ Высоцкій и многіе другіе записаны были въ общество еще совершенными юношами и получили военно-теоретическое образованіе въ лучшихъ спеціальныхъ заведеніяхъ этого рода во Франціи, на счетъ общества. Потомъ, молодые люди, все же на счетъ общества, посылались на *практику*, какъ только представлялся случай, — въ Испанію, Сицилію, Баденъ или Венгрію, — не говоря уже о практикѣ «малой войны», случай въ которой представлялся во Франціи первыхъ годовъ царствованія Луи-Филиппа чаще, чѣмъ бы того можно было желать. Такъ выросъ штабъ молодыхъ польскихъ «генераловъ». Изъ нихъ именно общество выбирало надежнѣйшаго, въ качествѣ своего *военнаго организатора*, родъ начальника штаба и военнаго министра въ

то же время,—но, главнымъ образомъ, кандидата въ *диктаторы*, если выдержитъ онъ и этотъ послѣдній экзаменъ.

Что же касается средствъ упроченія гражданскаго комитета, который бы, по прежнему, не будучи нисколько помѣхой для диктатора въ періодъ революціи, тѣмъ не менѣе имѣлъ бы возможность серьёзно контролировать его дѣятельность въ смыслѣ принципиальномъ,—задача была труднѣе. Безспорно, что печальная роль комитетовъ Коллонтая и Мохнацкаго была прямымъ слѣдствіемъ ихъ безсилія, какъ самостоятельнаго органа; но откуда взять такую силу внѣ диктатуры?

Основателямъ демократическаго общества пришло на мысль—окружить комитетъ своего рода ликторской стражей, но ликторовъ мыслящихъ, вполнѣ сознающихъ цѣль и посвященныхъ во всѣ тайны организаціи. По доктринѣ общества, долженъ былъ составиться съ этой цѣлью родъ рыцарскаго ордена демократическихъ крестоносцевъ. Выходцы, сгруппированные на свободной землѣ, должны были во весь періодъ организаціи нести двойную обязанность. Какъ члены какаго-нибудь конституціоннаго собранія, они свободно дебатировали всѣ положенія демократическаго ученія,—тутъ подлежали преніямъ: политика и экономія, гражданское и уголовное право, финансы и военная организація. Но, разъ пренія исчерпаны, положеніе вотировано большинствомъ голосовъ,—оно уже законъ. Комитетъ («Централизація») становится его суровымъ исполнителемъ, а всѣ члены—почти слѣпыми его орудіями. — «Rób coś powiniem, a o koniec, durniów, się nie rутaj!» ¹⁾ говаривалъ секретарь этого общества, старикъ Матвій Стахерскій.

Но этотъ своеобразный орденъ политическихъ трапистовъ не только обязываетъ членовъ къ описанному дуализму въ періодъ организаціи; двойная роль преслѣдуетъ ихъ и въ періодъ самой борьбы. Съ открытіемъ дѣйствій, какъ было сказано, верховная власть «централизаціи» прекращается и переходитъ на диктатора, но не безусловно. Становясь гражданскимъ департаментомъ диктатуры, ступеневаясь передъ ней, комитетъ оставляетъ за собой привилегію бюстителя доктрины, тайнаго цензора всемогущаго военачальника. Онъ не вмѣшивается въ его распоряженія, не санкціонируетъ ихъ, но молча повинуетъ, наравнѣ съ другими. Однако, въ рѣшительную минуту,—въ случаѣ явнаго нарушенія принципа или очевидной измѣны, онъ налагаетъ *velo*

¹⁾ „Дѣлай, дуракъ, что обязанъ, а про конецъ не спрашивай!“

и низлагаетъ диктатора ¹⁾). Средство для этого, силу «централизація» опять находятъ въ тѣхъ же своихъ траппистахъ. Какъ въ періодъ организаціи члены общества были слѣпыми орудіями комитета, но слѣпыми въ границахъ ими же принятаго закона; такъ во все время борьбы они остаются столь же слѣпыми орудіями диктатуры, но опять подъ условіемъ, именно: что сама диктатура останется вѣрной знамени общества. Стоить «централизаціи» бюстительности доктрины произнестъ свое *veto*, и всѣ самые преданные сподвижники вождя должны мгновенно его оставить. По сигналу: «принципъ въ опасности!» вся армія диктатора должна перейти подъ власть «централизаціи»...

Этой теоретической идилліи, не отрицая ея логически строгой послѣдовательности и цѣльности, можно, однако, поставить простой практической вопросъ:—А если эта армія комиссаровъ, генераловъ, полковниковъ и адъютантовъ диктатора не вся послѣдуетъ по условному лозунгу?

Но таково ученіе общества, которому принадлежитъ починъ въ дѣлѣ познанскихъ возстаній 1846—48 годовъ. Съ самымъ же развитіемъ этого ученія, съ путями дѣятельности общества, насъ ознакомить бѣглый взглядъ на его исторію.

Общество, какъ сказано, было основано во Франціи, въ Пуатье, въ мартѣ 1832-го года. Основателями его были десятокъ юныхъ эмигрантовъ, изъ статскихъ, преимущественно студентовъ, усердныхъ поклонниковъ Мохнацкаго и постоянныхъ посѣтителей его *клуба*. Политическая и частная жизнь этихъ людей, или совсѣмъ неизвѣстна, или извѣстна — далеко не къ ихъ чести. Это обстоятельство подало даже поводъ къ слѣдующей шуткѣ, долгое время повторяемой между польскими демократами: говорилось, что демократическое общество, подобно древнему Риму, было основано горстью бродягъ, мошенниковъ и разбойниковъ.

¹⁾ Очевидно, что, по смыслу этой системы, революціонная организація, во весь періодъ борьбы, не допускаетъ нормальнаго представительства страны. Символически, жизнь демократіи раздѣлена на три періода: 1-е. Демократія *страждущая* (періодъ организаціи); 2-е. Демократія *воюющая* (періодъ революціи); и 3-е, наконецъ, Демократія *торжествующая*. Т.-е. только послѣ освобожденія отъ пораженія національнаго и общественнаго, правительство берется созвать нормальнымъ путемъ представителей страны, и переходъ ими, «уже освобожденными и реальными гражданами», диктатору слагаетъ свою власть.

Но во главѣ этого десятка молодыхъ людей стоялъ однако человекъ, до сихъ поръ пользующійся уваженіемъ польской эмиграціи, именно — Викторъ Гельтманъ. Онъ уже въ эпоху основанія общества не былъ юношей. Сколько намъ извѣстно, начало его политическихъ тревоженій должно быть отнесено къ 1821-му году. Уличенный въ одной изъ конспирацій, — если не ошибаемся, въ той именно, которая разразилась потомъ такъ-называемымъ «коронаціоннымъ заговоромъ» 1828-го года, — Гельтманъ, по конфирмаціи тогдашняго намѣстника, В. Р. Константина Павловича, былъ сосланъ рядовымъ на Кавказъ. Тамъ, попавъ въ артиллерію, онъ снискалъ довѣріе и расположеніе начальства какъ своимъ кроткимъ характеромъ и блестящимъ образованіемъ, такъ, въ особенности, усердіемъ, съ какимъ онъ принялся обучать грамотѣ своихъ сослуживцевъ — солдатъ. По ходатайству своего генерала, за отличие въ какомъ-то сраженіи противъ горцевъ, Гельтманъ былъ произведенъ въ офицеры, подавъ въ отставку и вернулся на родину въ самый разгаръ возстанія 1830-го года.

Нѣтъ сомнѣнія, что личность этого человека, бывалаго, — съ одной стороны основательно знакомаго съ силой военной дисциплины, — съ другой стороны, мистическаго поклонника франмасонской символистической, — не мало повліяла на сформированіе тавой именно доктрины, съ какою мы познакомились. Гельтманъ, дѣйствительно, во все время существованія «демократическаго общества», оставался постояннымъ и дѣятельнымъ членомъ *централизации*. Но несправедливо было бы ему одному приписать все ученіе школы; оно было плодомъ четырнадцатилѣтнихъ горячихъ преній всего общества.

Группа основателей, о которыхъ мы говорили, собственно не дала даже никакой доктрины. Она ограничилась заявленіемъ необходимости единодушія демократіи, единства дѣйствія, выработки формулы революціи и, наконецъ, обдуманія системы дѣйствія. Восемнадцатилѣтнее (съ 1832-го по 1850-й г.) существованіе общества было отвѣтомъ на это заявленіе ¹⁾. Все же время этого существованія можетъ быть раздѣлено на пять періодовъ.

¹⁾ Людвигъ Мѣрославскій, въ 1865-мъ году, пытался было воскресить это общество, болѣе или менѣе, на прежнихъ основаніяхъ; но попытка его кончилась полнымъ неуспѣхомъ, въ виду очевиднаго отвращенія послѣдней польской эмиграціи ко всякаго рода дисциплинировкѣ. Послѣ 4—5-тилѣтъ, скорѣе номинальнаго, чѣмъ дѣйствительнаго существованія, новое демократическое общество пало, разбившись на нѣсколько враждебныхъ группъ. Впрочемъ, число его членовъ никогда не превышало 300 человекъ.

Первый періодъ—съ 1832—36-й годъ,—былъ не болѣе, какъ группировкой членовъ демократіи, и не во имя уже признанной программы, а исключительно—въ виду необходимости издать такую программу. Число членовъ возрастало крайне медленно, и въ четыре года едва ли ихъ набралось больше полутора ста человекъ. Общество, однако, успѣло въ это время договориться до нѣкоторыхъ общихъ принциповъ, и въ 1836-мъ году, какъ результатъ такого соглашенія, появился первый манифестъ общества ¹⁾.

Въ этомъ актѣ, хотя далеко не категорически, часто совсѣмъ туманно, выражены слѣдующія важнѣйшія положенія. Въ отношеніи *національномъ*: границы 1771-го года; а аргументъ: «потому что столько именно (sic!) нужно этому народу (польскому) воздуха и пространства, чтобы исполнить свою миссію (?)». Въ отношеніи *политическомъ*: республика, какъ формула равновѣсія «между свободой лица, ведущей въ абсолютъ—къ деспотизму, и свободой всѣхъ, ведущей—въ томъ же абсолютъ—къ анархіи». Въ отношеніи *соціальному*: свобода совѣсти, свобода печати, прогрессъ науки, даровое образованіе и т. п. Въ отношеніи *экономическомъ*: платоническое и неясное заявленіе, что молъ «конечно крестьянина, вѣками въ потѣ лица обработывавшій польскую пашню, не можетъ законно быть ея лишеннымъ».

Численному росту общества въ этотъ первый періодъ особенной помѣхой было явное нерасположеніе къ нему всѣхъ вліятельныхъ членовъ тогдашней польской эмиграціи. Не только Лелевель, пророкъ и первосвященникъ польскаго демократизма 1820—30-хъ годовъ, презрительно смѣялся надъ «школьническими упражненіями недоучившихся студентовъ», но самъ М. Мохнацкій отвернулся отъ нихъ, предпочтя мягкія кресла *отеля Ламберъ* ²⁾.

Второй періодъ (1836—42-го г.). Публикація манифеста, какъ блѣдны ни были высказанные въ немъ принципы, вызвала въ эмиграціи горячіе и продолжительные споры. На «общество» посыпались нападенія со всѣхъ сторонъ; оно отвѣтило. Такъ завязалась многолѣтняя полемика, предпочтительно характеризующая этотъ именно періодъ. Полемика тройная, по тройному характеру критиковъ общества.

¹⁾ См. французскій переводъ въ сочиненіи: «L'Europe sur les bords de la Vistule», par Kaszrail.

²⁾ Дворецъ кн. Чарторижскихъ въ Парижѣ.

Сначала, молодое общество подняло только перчатку, которую ему бросилъ элементъ польскаго консерватизма въ эмиграціи. Въ этомъ спорѣ роль общества была не изъ трудныхъ; ему пришлось отстаивать общіе принципы, присущіе всякой демократіи. Къ тому же, во главѣ этого рода противниковъ стояла фракція Чарторыхскихъ, съ ихъ странными притязаніями на польскую корону. Полемика съ ними вскорѣ и незамѣтно перешла въ беспощадную сатиру. Общество стало издавать періодическую брошюру, родъ польскаго «Фонаря» той эпохи, подъ заглавіемъ: «Pszonka». Редакторомъ памфлета считался Леонъ Зенковичъ, лицо подставное, въ качествѣ отвѣтственной фирмы; но въ дѣйствительности брошюра наполнялась съ крайней свободой всѣмъ, что только могло придти на умъ любому эмигранту—злого или смѣшного, позорнаго или остроумнаго, лишь бы на счетъ честолюбиваго семейства. Сатира выходила тѣмъ болѣе удачной, что «семейство» — какъ вульгарно называютъ поляки партію Чарторыхскихъ, давало возможность тѣмъ болѣе осмѣивать себя, чѣмъ правдивѣе былъ рассказъ. Комизмъ заключался въ серьезной подлинности фактовъ,—сатира въ совершенной дѣйствительности помысловъ. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть есмичнѣе подобнаго явленія:—одно изъ семействъ польской шляхты претендуетъ на польскую корону, а глава семьи, въ какомъ-то лунатизмѣ, принуждаетъ кружокъ своихъ друзей и дворню — признавать и титуловать себя *королемъ de-facto* ¹⁾.

Читая курьезы «Pszonki», вы смѣетесь, словно читая одинъ изъ французскихъ водевилей, — а между тѣмъ все это не фарсы, а факты. На чемъ основано это притязаніе?... Бывшіе удѣльные князья Руси, Чарторыхскіе, — обѣднѣвъ, приняли католицизмъ, и съ тѣхъ поръ играли самую скромную роль въ ряду шляхтичей Рѣчи-Посполитой. Такихъ князей въ Польшѣ было не мало: Массальскіе, Любецкіе, Четвертинскіе, Шуйскіе и т. д. Вдругъ, въ XVIII-мъ вѣкѣ, словно въ сказкѣ, рождаются три брата: одинъ, праздный тунеядецъ, безшабашный волокита, побѣждаетъ сердце французской авантюристки, вдовы съ громаднымъ состояніемъ, женится и вноситъ въ «семью» недостающее ей *богатство*; другой — изящный денди, лихой наѣздникъ, неутомимый болтунъ, тоже женится и роднитъ «семейство» съ однимъ изъ самыхъ аристократическихъ домовъ Австріи, открывая для

¹⁾ Авторъ имѣлъ случай видѣть собственными глазами такого рода визитную карточку: „Ladislas Czartoryski *prince royal*“ — это было еще при жизни его отца кн. Адама Чарторыхскаго.

своихъ салоны всѣхъ вліятельныхъ лицъ Европы, — словомъ, приносить въ даръ семейному дѣлу драгоценныя связи; третій, наконецъ, не женится вовсе, не дастъ «семейству» ни богатства, ни блеска, но за то, — какъ всегда бываетъ въ сказкѣ, — третій братъ дастъ «семейству» *свой умъ*. Дѣйствительно, Михаилъ Чарторыйскій, великій канцлеръ литовскій, былъ человекъ огромнаго ума и настоящій основатель вліянія своего дома на общественныя дѣла Польши. Онъ не мечталъ о коронѣ, — его честолюбію этого было мало; онъ хотѣлъ подчинить себѣ корону. Это былъ геній олигархіи. Его планъ преобразования Польши заключался въ пересозданіи анархической республики въ такого рода оригинальную пирамиду: внизу, въ видѣ прочнаго фундамента, крестьяне-рабы, глубоко вбитые въ землю; на нихъ шляхта нѣсколькихъ слоевъ, въ видѣ разноцвѣтной мозаики, — сѣрая, черная, до пурпуровой включительно (кагмазіну); дальше, избранные этой шляхты, — король, но не правитель, конечно; надъ нимъ, въ видѣ драгоценной короны, олигархія, — маленькій замкнутый кружокъ магнатовъ: они законодатели страны, король ихъ орудіе; но надъ этой еще короной, — перлъ изъ перловъ, вершина зданія, нѣчто въ родѣ японскаго мивадо — *семейство Чарторыйскихъ*. Они не судятъ, не правятъ, не законодательствуютъ даже, — они выше этихъ вульгарностей; они только направляютъ, вдохновляютъ мысль олигархіи, такъ сказать — священнодѣйствуютъ. Для осуществленія такого сложнаго плана, какъ сказано, былъ геній, было богатство, были связи, но не доставало живыхъ машинъ, — арміи. Какъ ни низко упала шляхта того времени, какъ ни дешево покупались ея услуги и преданность, тѣмъ не менѣе, по преданію: «*Szlacheic na zagradzic gówień wojewodzic* ¹⁾». Шляхтичъ не охотно брался затягивать петлю на собственной шеѣ. Мало-помалу, блестящій планъ утратилъ всю прелесть своей оригинальности и преобразился въ скромную и блѣдную конституцію 3-го мая 1791-го г., въ которой оригинальности только и осталось, что въ доктринѣ «систематическаго облагораживанія крестьянъ», такъ что, въ концѣ концовъ, всѣ жители Рѣчи-Посполитой стали бы... шляхтичами. За исключеніемъ же этой маленькой эксцентричности, конституція 3-го мая — копія умѣренной конституціонной монархіи Монтескье. Но на ней, въ сущности, и основываются притязанія потомковъ трехъ братьевъ ²⁾.

У князя Льва Сапѣги была любовница еврейка, съ которой магнатъ прижилъ ребенка, получившаго фамилію *Понятовскій*.

¹⁾ Шляхтичъ въ своихъ владѣніяхъ (у себя въ оградѣ) равенъ воеводѣ.

²⁾ См. „*Les révolutions en Pologne*“ — Рюльера.

Это былъ отецъ знаменитаго посланника Карла XII, надѣлавшаго такого шуму въ Стамбулѣ. Сначала горячій приверженецъ Станислава Лещинскаго, Понятовскій потомъ вернулся съ повинной къ саксонскому дому и женился на княжѣ Констанціи Чарторыжской, поэтической мечтательницѣ,—родной сестрѣ трехъ сказочныхъ героевъ. Братья были глубоко оскорблены такимъ «пятнающимъ ихъ» выборомъ сестры. Констанція была не только мечтательницей, но и фаталисткой,—если вѣрить Рульеу. Во время ея беременности, какая-то скитающаяся цыганка пророчить ей за десять грошей, что если родится сынъ, — быть ему королемъ. Дѣйствительно, рождается сынъ, и госпожа Понятовская не задумывается прибавить къ его, вульгарному въ Польшѣ, имени Станислава, другое: *Августъ* ¹⁾. Мать въ немъ души не чаетъ; холить его, учить всѣмъ наукамъ, внушая ему при этомъ, въ видѣ поощренія, что «королю нужно много знаній!» Мальчикъ учится прилежно, но, подростая, онъ задается, въ сущности, весьма рациональнымъ вопросомъ:—«Если я будущій король, думаетъ онъ, то кому же и веселиться, какъ не королю?» Мать посылаетъ юношу для окончанія наукъ въ Парижъ, и юноша принимается немедленно за осуществленіе своего афоризма. Красавецъ, ловкій кавалеръ, краснорѣчивый салонный ораторъ, будущій король дѣлаетъ въ Парижѣ одновременно до сорока любовныхъ предложеній неразборчивымъ маркизамъ эпохи Людовика XV. При этомъ, не стѣсняясь, вездѣ и всякаго посвящаетъ въ свои будуарныя тайны. Напрасно наивная мать увѣряетъ, что «корона ждетъ его за гражданскіе подвиги, а не за альковныя». Скандальная хроника молодого человѣка доходитъ до крайнихъ предѣловъ; его выгоняютъ отсюду, грозятъ, преслѣдуютъ, и онъ вынужденъ оставить Парижъ. Чарторыжскіе, наконецъ, сжалились надъ сестрой, и, по ихъ просьбѣ, Понятовскій попалъ въ секретари великобританскаго посольства въ С.-Петербургѣ.

Мы не будемъ говорить о похожденияхъ молодого человѣка въ русской столицѣ, хотя тутъ-то именно и положено было серьезное основаніе для осуществленія пошлаго пророчества цыганки. Скажемъ только, что ошибся не юноша, а его мать, и до короны онъ дошелъ строго придерживавшись своего афоризма о короляхъ-весельчакахъ. Извѣстно, что выборы Станислава-Августа Понятовскаго въ короли совершились не только при участіи русскихъ войскъ, но что

¹⁾ Впрочемъ, семейныя хроники иначе объясняютъ мысль этой двукренности: ребенокъ былъ названъ, по ихъ словамъ, Станиславомъ-Августомъ въ честь двухъ королей: Лещинскаго и Августа II.

эти послѣдніе выборы въ Польшѣ окончились только по разогнаніи нѣтыками всѣхъ противниковъ русскаго кандидата. Императрица Екатерина II-я, поддерживая силой избраніе своего кліента, независимо отъ другихъ соображеній, въ сущности руководилась весьма раціональной политической мыслью.

Предложенный Пруссіей планъ раздѣла Польши, а затѣмъ и полнаго уничтоженія ея самобытности, нашелъ сочувствіе императрицы гораздо позже, — несомнѣнно, только подъ впечатлѣніемъ французской революціи. Но русской политикѣ, очевидно, важно было имѣть на тронѣ польскомъ человѣка ей преданнаго, ей обязаннаго своимъ возвышеніемъ, къ тому же, — человѣка тщеславнаго, легкомысленнаго и такъ мало способнаго къ серьезному дѣлу, какъ Станиславъ Понятовскій.

Замѣчательно, что Чарторыжскіе далеко не были польщены этимъ. Въ особенности ихъ олигархическій гоноръ былъ возмущенъ тѣмъ, что кліентомъ императрицы могъ стать «этотъ бездарный *экономчукъ*». Считая выборъ не болѣе, какъ капризомъ, они предлагали императрицѣ въ кандидаты умнаго, милаго, увлекательнаго князя Огинскаго. Но выборъ Понятовскаго не былъ капризомъ только, а обдуманнѣйшимъ политическимъ шагомъ! Чарторыжскимъ осталось смириться, и такъ какъ, очевидно, ихъ политическая система не могла больше примѣняться къ даннымъ обстоятельствамъ, то они рѣшились сами стать королями, но королями — «не малеванными, а настоящими». Такъ явилась конституція 3-го мая, а въ Петербургъ былъ отправленъ Адамъ Чарторыжскій, сынъ одного изъ трехъ братьевъ, — Августа. Этотъ молодой человѣкъ назначался семействомъ въ наслѣдники послѣднему королю Польши; въ Петербургъ онъ ѣхалъ для снисканія санкции на эту кандидатуру. Но Понятовскому, какъ извѣстно, суждено было не имѣть преемниковъ. Тѣмъ не менѣе, послѣ отреченія Станислава-Августа, Адамъ Чарторыжскій сталъ почему-то считать себя «королемъ *de-facto*» — хотя его никто ни приглашалъ, ни избиралъ, — ни народъ, ни русская императрица. Такъ появилась эта юмористическая *династія*, и въ убогой фантазіи горсти блюдолизовъ, живущихъ подачкой «семейства» — ни для кого не вѣдомо, — въ Польшѣ царствовалъ Адамъ I-й, а теперь — Владиславъ V-й...

Если такіе государи, какъ Людовикъ XVIII-й, Генрихъ V-й, Наполеонъ II-й, возбуждаютъ улыбку, то что сказать о польскихъ *короляхъ de-facto*, предки которыхъ никогда не царствовали, а только фантазировали, интриговали и окончательно погубили отечество? Понятно, какъ легка была задача юмористическаго жур-

нала польской демократіи. Успѣхъ публикаціи былъ полный. Эмигранты всѣхъ отбѣнковъ хоромъ присоединились въ смѣху и презрѣнію демократовъ. Съ тѣхъ поръ, еще при жизни Адама Чарторыжскаго, дѣло «семейства» было окончательно проиграно въ общественномъ мнѣніи. Когда, въ 1854-мъ г., безпокойный старикашка взялся трактовать съ западными правительствами по польскому вопросу, — протестація эмигрантовъ, въ 8000 подписей, заявила, что семейство Чарторыжскихъ менѣе важнаго поляка имѣетъ право говорить отъ лица Польши; со смертью же старика, когда главою дома сталъ бездарный и крайне ограниченный его сынъ, даже единственный въ Польшѣ преданный ихъ дѣлу журналъ «Сзас» — больше имъ служить молчаніемъ, лишь изрѣдка пропечатывая рѣчи, писанныя гг. Калинкою, Клячко и Галензовскимъ, но которыя Владиславъ Чарторыжскій выдаетъ за свою импровизацію.

Болѣе трудностей представляла демократамъ полемика съ той частью того же консервативнаго элемента, которая держалась самостоятельно и поодаль отъ дипломатическихъ интригъ отеля Ламберъ. «При старо-шляхетскомъ крикѣ: *Kochajmy się*!» — соединяя жизнь съ смертью, бытіе съ небытіемъ, они, огромнымъ большинствомъ голосовъ, декретировали всеобщее соединеніе для вѣчнаго разъединенія». Такъ характеризуетъ ихъ «Pszonka». Само же общество ограничилось относительно ихъ афоризмомъ: «Чтобы быть, надо родиться; рождаться, значитъ выдѣляться. Мы желаемъ быть и отдѣляемся отъ васъ». Дальнѣйшая же полемика на эту тему опять-таки была предоставлена «Pszonke».

Если, по отношенію къ этой части консерваторовъ, успѣхъ не былъ также безусловенъ, какъ относительно Чарторыжскихъ, — за то эта полемика сильно подняла общество въ глазахъ эмиграціи. Правда, это еще называли успѣхомъ скандала; но, все-таки, что было въ эмиграціи независимаго — сочувственно отнеслось къ демократамъ.

Менѣе благодарной была полемика со вторымъ элементомъ шляхетства. Это были шляхтичи демократствующіе, претендовавшіе, что, «въ принципѣ», они согласны съ обществомъ, но, какъ люди свободы, отвергають «трибуналь студентовъ и сержантовъ». Особенную силу этому элементу придавало то обстоятельство, что во главѣ ихъ стояли такія личности, какъ Іоакимъ Лелевель, Адамъ Мицкевичъ, Богданъ Залѣвскій, генераль Дембинскій и прочіе.

Первый, въ особенности, былъ настоящимъ Авраамомъ этой платонической демократіи. Извѣстный историкъ, какъ нельзя полнѣе,

олицетворяютъ въ себѣ дуализмъ этого элемента шляхты демократовъ. Подобно имъ, въ теоріи, Лелевель благоговѣлъ передъ памятью Робеспьера и Марата, Іоаннъ Зижекъ былъ для него прототипомъ славянскаго революціонера. Но изъ практической его политики, какъ главы демократической партіи 1830-го года, достаточно привести слѣдующіе два примѣра. Въ смыслѣ политическомъ, ему непосредственно принадлежитъ доктрина, что Польша возстала не за независимость, а за свои «поруганныя конституціонныя права»; возстаніе 1830-го года было, по его формулѣ: *войною конституціоннаго короля Николая противъ самодержавнаго императора Николая*. Въ смыслѣ социально-экономическомъ, Лелевель, неутомимый проповѣдникъ освобожденія крестьянъ, краснорѣчиво убѣждавшій свою аудиторію, что безъ этого освобожденія нѣтъ гражданъ, а безъ гражданъ,—Польши, Лелевель, членъ революціоннаго сейма, вотировалъ *противъ освобожденія*, говоря: «это необходимо, но еще рано!»

Представляемый Лелевелемъ элементъ вертѣлся въ подобномъ же хаосѣ понятій и крайнихъ воззрѣній. Всѣ члены огромнаго безпринципнаго союза, называемаго «*Zjednoczenie*»—мыслили и дѣйствовали каждый на свою руку. Одни, съ Товьянскимъ во главѣ, полагали, что Польшу спасетъ горячая молитва, и «небо сошлетъ своихъ архангеловъ для освобожденія своего вѣрнаго народа 1)». Другіе, съ поѣтомъ Мицкевичемъ, полагали, что эти неземныя силы уже воплотились въ лицѣ Наполеонидовъ, и авторъ «пана Тадеуша» проходя съ обнаженной головой передъ Вандомской колонной, писалъ апокалипсическія пророчества «о будущемъ великомъ человѣкѣ». Третьи, наконецъ, съ графомъ Станиславомъ Ворцелемъ, дошли до бѣшенства гайдамацкой теоріи и, вмѣсто молитвы, поэзіи или мысли,—съ усердіемъ, достойнымъ лучшей доли, —точили ножи на шляхту 2); а то, просто, какъ Круликовскій, ублаживались опиумомъ «Иварія» Кабе 3).

Къ этому хаосу демократическое общество, хотя малочисленное, но сильное своимъ единствомъ и, особенно, свѣжей побѣдой надъ шляхетскимъ консерватизмомъ, обратилось не съ сарказмами «*Pszonki*», а съ суровой проповѣдью аскета. «Польская Иварія, писалъ органъ общества «*Demokrata polski*»,—должна быть особенно внимательна и бдительна, чтобы наша революціонная трагедія опять не выродилась въ шутовскую пляску конфедера-

1) См. „Pisma Adama Mickiewicza“: корреспонденція его съ А. Товьянскимъ.

2) См. „Былое и Думы“ А. И. Герцена. Его воспоминанія о Ворцелѣ.

3) Круликовскій, редакторъ Кабетовскаго журнала: „la Fraternité!“

товъ, — чтобы, по случаю Иисуса Христа, мы не увѣровали въ Товьянскаго, чтобы, восторгаясь Робеспьеромъ и Сент-Жюстомъ, мы не принялись обезьянничать Эбера и маркиза де-Сент-Юрюгъ, а идя по слѣдамъ Килинскаго и Коллонтая, не завалились бы пьяными въ кабакъ Гоноратки».

Этотъ отечески суровый тонъ, если вырвать изъ хаоса что способно было увлечься трезвымъ языкомъ небывалыхъ проповѣдниковъ, но за то возмущилъ и возбудилъ беспощадную ненависть въ другихъ. Кадры демократическаго общества пополнились отчасти отпавшими членами разбитаго «zjednoczenia», но большинство перенесло только свою злобу въ среду европейскихъ революціонныхъ кружковъ. Тамъ наполнились полянами общества: «Молодая Италія», «Молодая Германія» — отчасти жандармскія команды Бема, въ Испаніи и Алжирѣ; тамъ, наконецъ, стали на ноги безобразные турецкіе казаки Чайковскаго (Садыкъ-Паши). Шляхетско-демократическій союзъ разбился, правда, — но, падая, натолкнулъ общество на новую полемику, именно — съ элементомъ всеобщаго революціонизма.

Эта послѣдняя полемика не привела ни къ какимъ результатамъ и выродилась въ безконечныя препирательства. Еще наканунѣ заготовляемаго возстанія 1846 года, делегаты разныхъ европейскихъ революціонныхъ союзовъ торжественно упрекали польское демократическое общество, что оно «своимъ сектаторскимъ обособленіемъ нарушаетъ солидарность народовъ» ¹⁾.

Полемическій періодъ существованія общества привелъ его къ слѣдующимъ двумъ результатамъ: увеличилъ число членовъ до 2-3-хъ тысячъ и рѣзкими чертами обозначилъ принципы польской демократіи: Республика въ границахъ 1771 года; полная централизація въ періодъ революціонный, и столь же полная административная и экономическая децентрализація послѣ освобожденія; община, какъ самостоятельная единица въ народной жизни и хозяйствѣ; республика, — федеративный союзъ этихъ общинъ, — какъ конкретная единица, въ смыслѣ политическомъ; всѣ жители Польши полноправные и свободные граждане; земля и «орудія труда» — неотчуждаемой собственностью общины и т. д. Таковы были эти принципы..

Періодъ III. (Съ 1842 по 1845 г.). Упрочивъ свое вліяніе на эмиграцію и выяснивъ совершенно свою задачу, общество, какъ мы говорили, тогда только обратило свое вниманіе на самую страну. Что именно нашли въ Польшѣ той эпохи эксперты —

¹⁾ См. „Konferencye Sekcyi Towarzystwa Demokratycznego“. Августъ, 1844 г.

агенты общества, объ этомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же замѣтимъ, какъ отразились на обществѣ отчеты этихъ соглядатаевъ.

По выраженію «Demokraty polskiego», общество рѣшилось «сомкнуть свою штурмовую колонну и готовиться къ бою». Третій періодъ сталъ, по преимуществу, періодомъ военной организаціи. Члены общества распредѣлили между собой должности; общество выработало революціонную конституцію, военный кодексъ, тактический уставъ и, наконецъ, самый планъ кампаніи. Фигурно вся эта работа выражена Мѣрославскимъ въ его защитительной рѣчи передъ берлинскими судьями, въ слѣдующихъ словахъ:

«Мы рѣшили, что цѣлая польская демократія должна быть штурмовой колонной,—ничѣмъ больше. Мы поняли, что приступить къ нашему Сіону мы можемъ совершить только въ боевомъ порядкѣ, въ молчаніи и въ солдатской субординаціи:—риторику мы предоставили барабану, а дорогую свободу нашимъ дѣтямъ. Мы рѣшили, что всѣ гражданскія права должны оставить на порогѣ революціи, какъ солдатъ снимаетъ ранецъ передъ приступомъ,—чтобы лѣзть на валъ только во всевооружіи долга. Побѣдителю не нужно беспокоиться о потерѣ ранца, побѣжденному—смерть на умѣ, а не запасныя вещи».

IV и V періоды (1845—48—50 г.). Это время самой борьбы и время паденія общества. Побѣжденные въ Познани, польскіе демократы кинулись спасать тухнущій пожаръ европейской революціи. Одни—съ Іосифомъ Высоцкимъ, составили польскій легіонъ въ венгерской арміи 1849 года; другіе—штабъ Мѣрославскаго, призваннаго главнокомандующимъ сначала въ Сицилію, а потомъ къ нѣмцамъ В. Г. Баденскаго. Послѣ окончательнаго паденія революціи, члены грознаго общества печально разошлись, каждый въ свою сторону, словно стыдясь глядѣть другъ другу въ глаза. Только двѣ группы сохранили еще на нѣкоторое время особый родъ солидарности. Именно: одна, которая вовсе не поняла глубины паденія:—это были десятки такихъ самодовольныхъ бездарностей, какъ Леонъ Зенковичъ. Выселившись изъ Франціи въ Лондонъ и унеся съ собой архивы общества, они дѣтски продолжали себя тѣшить призракомъ прежней силы: возстановили между собой, за рюмкой джина, «централизацію», пописывали циркуляры и прокламаціи, словомъ, сидя спокойно у камина и злобствуя на реакцію, были безцѣннымъ вкладомъ для полицейскихъ сыщиковъ, лишенныхъ матеріала для своей дѣятельности послѣ разгрома 1849—50 г.; другая группа, не

болѣе численная, но солидарная,—напротивъ—слишкомъ низкимъ сознаніемъ паденія—были люди, какъ Гельтманъ, какъ Бельтъ, какъ Мѣрославскій. Ихъ соединялъ роковой вопросъ: «Что дальше?..» Большинство изъ нихъ такъ и не додумалось ни до какого отвѣта; одинъ Мѣрославскій, человекъ по изумляющей энергіи, бросился на путь самыхъ крайнихъ экспериментовъ. Но это уже выходитъ за предѣлы нашего очерка.

II.

Познанскія событія 1848 года имѣли главнымъ двигателемъ описанное нами общество, но первымъ союзникомъ заграничной организаціи былъ мѣстный демократизмъ. Чтобы составить понятіе о такомъ доморощенномъ продуктѣ польскаго общества, нужно взглянуть на составные элементы этого послѣдняго.

Польское общество сложилось подъ давленіемъ трехъ культурныхъ токовъ и прежде всего—своего собственнаго, такъ сказать естественнаго, славяно-польскаго.

Неоспоримо, характеристическія черты этого славянскаго элемента — культъ семейственности, миролюбіе, пожалуй косность, безобидно веселый нравъ. Эти черты вполне уцѣлѣли только въ польскаго крестьянина. Его не коснулись вовсе, или весьма мало, приливы иноземной цивилизаціи. Послѣдняя, по требованію самаго идеала, перемолола и стерла только верхній слой польскаго общества: людей сильныхъ вліяніемъ или имуществомъ—горожанъ, мѣстечки, но презрительно обошла село, не коснувшись и польскаго земледѣльца. Отрѣзанные, такимъ образомъ, отъ слящаго общества крестьяне, сквозь цѣлый рядъ вѣковъ, Польшѣ, какъ и въ Россіи, остались, почти безусловно, тѣми, чѣмъ были ихъ предки въ эпоху прѣдисторическую. Крѣпко врожденной славянину нелюбви къ перемѣнамъ, косности въ классѣ польскаго народа способствовалъ самый родъ ихъ занятій. Земледѣлецъ, какъ намъ доказываетъ исторія всѣхъ народовъ, былъ всегда и вездѣ худшимъ проводникомъ прогресса; тѣмъ болѣе это можно сказать о земледѣльцѣ польскомъ, въ примѣненіи къ которому исторія Рѣчи-Посполитой была систематическимъ все дальше и глубже идущимъ порабощеніемъ села.

Древнее государство польское издавна находило своего классъ (крестьянина) свободнымъ членомъ свободной общины. Но и отъ его общинной земли отрѣзываютъ часть въ пользу короля и вѣяштора (монастыря); изъ его полевыхъ плодовъ берутъ...

въ пользу казны и князя; изъ его семьи берутъ юношей для военной службы. Это еще тяжесть, но не насиліе. Однако, болѣе зажиточные изъ этихъ юношей выѣзжаютъ верхомъ, записываются во всадники, — существенно важную часть военныхъ силъ тѣхъ временъ. Въ ихъ пользу логически создается первая привилегія: остающіеся члены общины обязываются обрабатывать поле отсутствующаго «рыцаря». Пѣхотинцы созывались почти исключительно для внутренней обороны республики; далекіе же походы дѣлались предпочтительно конницей. Всадники возвращаются домой съ туго набитой мошной, — съ добычей. Такъ выдѣляется частная поземельная собственность. Первые собственники-рыцари, люди сильные и богатые, *облагороженные войной*, дома уже не унизятъ своихъ рукъ «отъ меча и копья» грязной работой за плугомъ. Силой или по найму, но за нихъ будетъ работать община — къ тому же, политическая сила государства растетъ, а съ ней — вліяніе и могущество рыцарскаго (шляхетскаго) сословія. Правдой или неправдой рыцари-собственники увеличиваютъ свои поземельные участки: не они будутъ ихъ обрабатывать! — правдой или неправдой они заставляютъ кметовъ работать на себя. Такъ рождается барщина; такъ закрѣпощается вольный кметъ — силой одного факта, безъ вписанія этого насилія въ какой-бы то ни было кодексъ, безъ узаконенія его какимъ-нибудь декретомъ законодательной власти. Лучшіе изъ королей, особенно Казимиръ II Справедливый, пробуютъ вступить за крестьянъ; но шляхта уже не слушаетъ своихъ государей. Казимиръ IV Великій, презрительно названный шляхтой «королемъ хлоповъ», не видитъ для крестьянъ другого спасенія, какъ въ насильственномъ переворотѣ.

— Вы спрашиваете правосудія? — говоритъ онъ пришедшимъ къ нему съ жалобой крестьянамъ, — купите огниво, поищите по дорогѣ камень, сдѣлайте трутъ — и добьетесь правосудія!

Однако, тотъ же король, чтобы какъ-нибудь облегчить участь своихъ бѣдныхъ хлоповъ, рѣшается узаконить актъ насилія. По Внипоцкому статуту, кметъ обязанъ къ барщинѣ, но не болѣе двухъ дней въ недѣлю, а земля остается еще, по закону, собственностью общины. Только въ 1573 году Великій (*sic!*) Янъ Замойскій оканчиваетъ процессъ полного порабощенія крестьянъ. Вдохновленный имъ сеймъ записываетъ и крестьянъ, и ихъ землю въ собственность помѣщика... Польское государство только на дѣвяти лѣтъ пережило этотъ экономическій финалъ. Понятно, что крестьянинъ остался съ тѣхъ поръ равнодушнымъ ко всему. Какъ въ началѣ исторіи, такъ и до послѣднихъ ея дней — ро-

дину, отечество, крестьянинъ понималъ въ образѣ своей гмины или околотка, не зная даже, что дѣлается за сто верстъ отъ него.

Однако, какъ бы ничтожно ни было влияние на польскихъ крестьянъ иноземной цивилизаціи, нельзя отрицать, что на нихъ не легла хоть отчасти и ея печать.

Цивилизацію извнѣ польское общество всасывало въ себя непосредственно, путемъ военныхъ столеновеній, торговыхъ сношеній и черезъ колонизацію ¹⁾ — отъ нѣмцевъ; посредственно — черезъ католицизмъ оно усвоило культуру латинской расы. На крестьянствѣ изъ двухъ приливовъ сильнѣе отразился нѣмецкій, повліявъ даже на его языкъ и нравы. Но, въ смыслѣ тенденціи, идеалы нѣмецкаго генія остались безусловно чужды духу польскаго кмета. «*Jak świat światem, nie będzie Niemias Polakowi bratem*» — пословица, пользующаяся искони полнымъ правомъ гражданства въ польскихъ селахъ. Въ суевѣрной фантазіи крестьянина дьяволъ изображается на курьихъ ножкахъ и въ нѣмецкомъ фракѣ.

Менѣе ненавистно народу было вліяніе католическаго латинства. Но тутъ мы обязаны сдѣлать оговорку.

Христіанство вошло въ Польшу двумя путями и двумя методами. Еще въ эпоху доисторическую, задолго до официального крещенія, христіанство проникало въ Польшу мирно, незамѣтно, черезъ Богемію. Это было христіанство мораво-славянское, не столько организованная іерархическая церковь, сколько ученіе, утѣшительное и близкое народному чувству, о загробномъ правосудіи. Трудно сказать, какъ велико было число принявшихъ это мирное ученіе. Исторически несомнѣнно только, что легкость, съ какой официальные проповѣдники католичества, при Мечиславѣ I-мъ, добились всеобщаго признанія новой церкви въ Польшѣ, объясняется именно тѣмъ, что ученіе это давно уже было извѣстно въ народѣ.

Но, если, благодаря этому обстоятельству, введеніе христіанской церкви обошлось въ Польшѣ безъ кровавыхъ сценъ латинскаго «крещенія огнемъ и мечомъ», то католицизмъ въ Польшѣ сразу выразился въ особой формѣ дуализма. Такъ, не оспаривая ни одного изъ догматовъ католицизма (какъ это было у арианъ или альбигойцевъ), безропотно подчинялся іерархіи церкви и требованіямъ культа, словомъ, вполнѣ, повидимому, принимая латин-

¹⁾ Начало колонизаціи относится къ царствованію Казимира IV. Первыми колонистами были голландцы, и это имя (holendry) дается въ Польшѣ вообще всѣмъ почти колонистамъ, какой бы они ни были націи.

скій католицизмъ, народъ понималъ его по-своему, такъ-сказать, безусловимо передѣлывалъ его на свой ладъ. Изъ такого своеобразнаго отношенія къ универсальной церкви, не терпящей, какъ извѣстно, никакихъ послабленій, выродилась въпослѣдствіи національная польская церковь, нѣчто въ родѣ французскаго галликанизма. Естественно, что эта невинная ересь могла быть усмотрѣна римскою куріей лишь настолько, насколько бы ее сформулировали люди теологически компетентные. До такой формулы, и то только въ видѣ отрицанія, дошла польская церковь лишь во времена Гуссовой реформы въ Богеміи; именно: она отнеслась къ ученію чешскаго реформатора весьма спойно, скорѣе дружелюбно. Гусситство стало широко распространяться по Польшѣ, нѣмъ не преслѣдуемое, часто поощряемое польскимъ духовенствомъ ¹⁾. Это заставило папъ, наконецъ, обратить вниманіе на своеволие ихъ «младшей дочери». Преданные Риму епископы потребовали на сеймѣ репрессивныхъ мѣръ противъ еретиковъ; другіе изъ нихъ воспротивились. Такъ закипѣла двухвѣковая борьба польской церкви, присоединившейся къ протестантамъ, съ римскимъ ультрамонтанизмомъ ²⁾. Извѣстно, что, благодаря введенному Стефаномъ Баторіемъ ордену іезуитовъ, борьба эта въ Польшѣ кончилась полнымъ торжествомъ «порядка» и officialнымъ уничтоженіемъ національной церкви.

Но торжество это могло воснуться и воснулось лишь тѣхъ, которые такъ или иначе формулировали народную мысль въ вопросѣ вѣры. До массы польскаго крестьянства ни это торжество, ни это пораженіе не относилось. Ни въ польскомъ духовенствѣ, ни въ польскомъ образованномъ обществѣ, кромѣ развѣ весьма рѣдкихъ исключеній, не найти теперь и тѣни побѣжденной церкви; но населеніе селъ, по прежнему, незамѣтно, безсознательно почти, все сохранило древнюю вѣру. Изъ всего католическаго ученія оно поняло культъ блага, загробной жизни, небеснаго правосудія и покаянія за грѣхи, но за грѣхи, понятые по-своему. Культъ Іисуса сведенъ на второй планъ, но культъ Богородицы сталъ чисто-народнымъ, и именно культъ Матери (Пресвятая Дѣва считается «Королевой Польши»). Также церковная іерархія и внѣшнее богослуженіе перетолкованы своеобразно. Таинство причащенія вышло у нихъ какимъ-то средствомъ отъ физическихъ

¹⁾ Бантье увѣряетъ, что число протестантовъ въ Польшѣ временъ Сигизмунда II доходило до 2/10 населенія. Онъ, вѣроятно, говоритъ только о шляхтѣ.

²⁾ Рафаѣль Леминскій требовалъ даже изгнанія изъ сената римскихъ епископовъ, какъ «попиравшихся иносемной власти (папъ)».

недуговъ. Папа и все высшее духовенство понимается въ народѣ, какъ абстракція зла, какъ геніи преслѣдованія, «терзающіе ихъ добрыхъ всендзовъ». Къ безбрачію этихъ послѣднихъ народъ относится саркастически: «Cóż mi za księdz bez księdzowej, cóż mi bo kropielle bez wody święconej», подшучиваютъ самы богословныя крестьянки ¹⁾.

Но въ нравственно-культурномъ отношеніи главной чертой народно-польскаго католицизма — безусловная вѣротерпимость. Христіанскія сектаторства ему даже непонятны. Въ селахъ смѣшаннаго населенія, католическій крестьянинъ идетъ въ свой костелъ или въ православную церковь, смотря по тому, которая ближе. Такъ объясняется успѣхъ *unii* между католиками. Киреа болѣе чужда, но не столько по отсутствію внѣшняго культа, сколько потому, что приходится «siedzieć na niemieciem kazanie» ²⁾, то-есть слушать проповѣдь, ничего не понимая. Даже къ нехристіанскимъ церквамъ польскій крестьянинъ не чувствуетъ вражды. Татарскія поселенія вполне натурализированы въ странѣ, и самого ненавистнаго (za szachrojstwo — плутовство) еврея развѣ путники — *для смѣху* — окропляютъ святой водой или заставляютъ съѣсть колбасу; и то первый старикъ или старуха не преминутъ остановить проказниковъ словами: «Нехорошо! пусть Бога всякій *хвалить*» (поклоняется) по-своему».

Совершенно иначе отразился римскій католицизмъ и сама нѣмецкая культура на образованномъ слоѣ польскаго общества. Но и тутъ замѣчаются два различія. Мѣщанство (горожане) и мелкая шляхта (Szaraki, Szlachta zagonowa), изъ двухъ вліяній, больше подчинились латино-католической культурѣ, чѣмъ нѣмецкой. Къ тому-же, они далеко не совсѣмъ чужды славянской традиціи, уцѣлѣвшей вполне между крестьянами. Они, по большей части, безусловно, нерѣдко фанатически, преданы католической доктринѣ; они раздѣляютъ всѣ предразсудки католическаго духовенства, включительно до религіозной нетерпимости. Фанатическіе поклонники свободы, но непонимающіе демаркаціонной линіи, отдѣляющей ее отъ своеволія, они считаютъ насиліе и право почти синонимами. Но германская культура, съ ея педантической іерархіей классовъ, кропотливой и мелочной системой экономіи и администраціи, съ ея абстрактными (объективными) взглядами на живую жизнь, имъ также ненавистны, какъ простому народу.

¹⁾ «Что мнѣ за попъ безъ попады» — намекъ на *экономовъ*, великихъ хозяйство польскихъ всендзовъ.

²⁾ Сидѣть на нѣмецкой проповѣди.

Тѣмъ не менѣе, рыцарское кулачное удалство, страстная приверженность къ личной собственности, право сильного, — все это вполне чуждое для польскаго крестьянина, и вполне привившееся въ этому классу, — внесено ими въ жизнь именно подъ нѣмецкимъ вліяніемъ, точно также, какъ рыцарское поклоненіе женщинѣ, совсѣмъ непонятное польско-славянскому змету ¹⁾.

За то нѣмецкая цивилизація восторжествовала и почти безусловно сгладила славянскіе зачатки между крупнымъ шляхетствомъ. У магнатовъ она выразилась не только въ языкѣ и нравахъ, не только въ любви къ войнѣ и культѣ женщины, но и въ формѣ политической и экономической доктрины. Дѣйствительно, крупнымъ собственникамъ изъ рыцарской касты шляхтичей какъ нельзя болѣе по праву приплась германская геральдика. Правда, нѣмцеко-норманскій феодализмъ на польской почвѣ переродился въ олигархію, строптивость и чувство личнаго достоинства бароновъ древней германской имперіи — въ оргію въ частной жизни, и въ анархію — въ жизни политической. Однако, этотъ «гоноръ», часто доходившій до безобразія, и страсть въ боевымъ похожденияхъ, долгое еще время охраняли Польшу, даже подъ эгидой этихъ олигарховъ, отъ внѣшнихъ враговъ и отъ притязаній центральной власти. Къ несчастію, эти качества всегда обусловлены другими. Шляхетскій «гоноръ», съ роскошью и изнѣженностью, выролдился въ самый грубый развратъ — мысли, чувства и поступковъ. Теперешніе потомки олигарховъ, «продавшихъ отечество на сломъ сосѣдямъ» ²⁾, стали изнѣженными сибаритами, грубыми обскурантами, какими-то арендаторами, настолько же чуждыми своему вѣку, насколько они чужды интересамъ своей родины. Заносчивые и гордые, по традиціи, они всегда готовы на самую черную сдѣлку, если того потребуютъ ихъ грубо-матеріальные интересы. Такой именно сдѣлкой съ совѣстью нужно, говоря вообще, считать ихъ наружную принадлежность къ католической церкви. Въ сущности, философскіе и религіозные вопросы ихъ менѣе всего интересуютъ, но въ католицизму ихъ обязываетъ традиція, потребность въ помощи польскаго духовенства и, наконецъ, извѣстное положеніе въ европейскомъ обществѣ, какъ «представителей католическаго народа».

¹⁾ Это обособленіе шляхты отъ народа подамо даже нѣкоторымъ историкамъ основаніе сомнѣваться въ ея польскомъ происхожденіи. Шайноха рѣшительно выводитъ шляхту отъ норманновъ.

²⁾ Между 1-мъ и 8-мъ раздѣломъ, Австрія выдала магнатамъ 46, а Пруссія 5 графскихъ дипломовъ.

Такимъ образомъ, три струи цивилизаціи, только отчасти сѣшиваясь въ одинъ общій характеръ, отличающій *польскую идею*, въ сущности, достигли только того, что разбили еще глубже польскую народность на три класса. Раздѣленіе это гораздо серьезнѣе, чѣмъ это можетъ показаться поверхностному наблюдателю. Магнатъ, шляхтичъ и хлопь, не только три класса одного общества, но три самостоятельныя Польши. Польша нѣмецкаго феодализма, Польша латинскаго (каголическаго) романтизма, Польша земско-общиннаго славянства.

До паденія польскаго государства, три эти Польши жили каждая вполнѣ самостоятельно. Въ Рѣчи-Посполитой понятны были интересы магнатовъ, интересы шляхетства, интересы *хлопства*; но слова «интересы польскіе», какъ странный неологизмъ, послышались между поляками только въ минуту уже очевиднаго упадка республики.

Сама исторія польскаго народа была, поочередно, исторіей этихъ трехъ несмѣшивавшихся элементовъ. Съ эпохи доисторической и почти до Болеслава III-го, Польша выражалась въ формѣ славяно-общинной; это была патриархальная демократія. Затѣмъ, до Людовика Венгерскаго, въ формѣ рыцарски-католическаго шляхетства, а крестьяне отошли на второй планъ, какъ классъ *нешій*, не рыцарскій (*Stan nietycersai, nie szlachecki*); это еще была полиархія. Наконецъ, до избранія саксонскаго дома, крестьяне сдѣлались рабами, шляхта номинальнымъ гражданствомъ, а вся власть очутилась въ рукахъ нѣмецко-феодалной касты магнатовъ: олигархія. Съ развращеніемъ же и нравственнымъ паденіемъ этой послѣдней касты, Польша перешла въ анархію; власть, сила, право — къ каждому, кто хотѣлъ и могъ. Захотѣли и могли содѣй.

Но, странное явленіе! именно съ этой минуты рождается польская мысль, являются польскіе патриоты. Кто они, и во имя идеи которой изъ трехъ Польшъ станутъ они изображать національную мысль и народные интересы?.. По идеѣ, они меньше всего олигархи, по происхожденію, они меньше всего крестьяне; предпочтительно, они шляхтичи-католики. Предпочтительно, но безусловно. Первичная форма польскаго патриотизма выражается въ стремленіи—*примирить классы* (*Pobesczenie Stanów*), и предвозвѣстникомъ этого движенія является шляхтичъ-католикъ, ксендзь (іезуитъ даже) Петръ Скарга, извѣстный проповѣдникъ при Сигизмундѣ III. Вторичной формой того же патриотизма—*просвѣщеніе массы*, какъ средство къ востановленію задавленныхъ классовъ, и во главѣ движенія—опять шляхтичъ, ксендзь, монахъ ордена

пировъ, Станиславъ Конарскій. Наконецъ, третья форма патріотизма, уже въ самую эпоху паденія государства, *уравненіе классовъ* (*Zrównanie Stanów*), и тутъ вождь—ксендзь-шляхтичъ, Гуго Коллонтай. Такимъ образомъ, патріотическая польская часть общества неизмѣнно, почти исключительно, рекрутируется въ классъ шляхетско-католическомъ, въ этомъ, до нѣкоторой степени, среднемъ сословіи Польши, а идея его постоянно больше и больше приближается къ идеаламъ славянскаго крестьянства. Наконецъ, съ упадкомъ государства и подъ очевиднымъ вліяніемъ нивелировки французской революціи и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки ¹⁾ польскій патріотизмъ принялъ демократическій характеръ, хотя съ несмываемымъ знаменемъ своего шляхетскаго происхожденія.

Польскій патріотизмъ нашего вѣка, демократическій по принципу, но шляхетско-католическій по характеру, представляетъ фактъ постоянного балансированія между двумя низшими классами. Онъ видоизмѣняется въ безконечные отгѣнки, начиная отъ инквизиціоннаго нивелизаторства и кастоваго равенства (*Równosc szlachecka*), до крайняго коммунизма, до расправы гайдамаковъ, до самой бѣшеной демагогіи. Если же въ этомъ омутѣ всевозможныхъ и невозможныхъ помысловъ, самыхъ крайнихъ взглядовъ можно добратся до какаго-нибудь общаго принципа, характеризующаго этотъ пестрый элементъ, то имъ, безспорно, присуще всѣмъ общее стремленіе къ независимости и общая ненависть къ магнатамъ, какъ къ предполагаемымъ виновникамъ потери этой независимости.

Патріотизмъ этотъ, впрочемъ, выразился, не какъ примиряющая среда разрозненныхъ классовъ, а скорѣе, какъ самостоятельный, «четвертый» классъ общества. Настоящій шляхтичъ, шляхтичъ касты, къ нему равнодушенъ; крестьянинъ о немъ не вѣдаетъ, или сознательно игнорируетъ; магнатъ презрительно насмѣхается. Между тѣмъ, Польша, какъ Польша, въ наше время именно жила жизнью этого четвертаго сословія. Это классъ самый дѣятельный, неутомимый, конспирація и политическая интрига его хлѣбъ насущный. Всѣ польскія возстанія имъ ведены и имъ начаты. Только во время самаго уже возстанія, косные классы

¹⁾ Главными проводниками этой нивелировки были: съ одной стороны, молодые люди, вернушіеся изъ Франціи, именно изъ Лотарингіи, гдѣ они получили образованіе подъ покровительствомъ Станислава Лещинскаго и его дочери, жены Людовика XV; съ другой стороны, сподвижники Костюшки и Казимира Пулавскаго, принимавшіе дѣятельное участіе въ войнѣ за независимость Соединенныхъ Штатовъ С. Америки.

польскаго общества распеиваются дѣйствіями патріотовъ; равнодушнѣе тогда уступаетъ мѣсто безпокойной дѣятельности, но сама эта дѣятельность, — отношеніе трехъ классовъ къ дѣйствующему уже патріотизму, при каждомъ возстаніи различна, смотря по характеру и господствующей идеѣ каждаго изъ этихъ движеній.

Мы говорили, что демократическое общество, прежде выслыки на родину своихъ эмиссаровъ-пропагандистовъ, посылало въ Польшу своихъ агентовъ-наблюдателей. Это относится къ 1842-му году. Агенты эти, за первымъ прикосновеніемъ къ патріотическому *сословію*, благодаря крайней болтливости и довѣрію поляковъ шляхетскаго зачала, не замедлили открыть десятка два конспирирующихъ кружковъ, которыми, какъ бисеромъ, была усыпана тогдашняя Польша, несмотря на крайнюю суровость правительства, — прусскаго и, особенно, австрійскаго и русскаго. Агентамъ важнѣе всего было развѣдать, какъ относится эта суетливая часть польскаго народа къ доктринѣ ихъ общества, по сколько доктрина эта могла проникнуть въ строго охраняемую страну. Оказалось, что шляхетско-демократическій патріотизмъ принялъ ее, но понявъ по-своему. Реорганизаторская доктрина демократовъ заграничнаго общества понята была мѣстнымъ демократизмомъ исключительно въ смыслѣ ненависти и мщенія. Политическое равенство гражданъ и надѣлъ крестьянъ землею, понаты были «какъ отместка олигархіи»; республиканская форма для возрожденной Польши и мысль о всеславянскомъ освобожденіи, — «какъ отместка тремъ правительствамъ, раздѣлившимъ Польшу»; — самая даже милитарная форма предстоящей борьбы, — «какъ ловко придуманная система, чтобы вооруженный могъ кроваво расчитаться съ панствомъ за свои вѣковыя обиды».

Такое пониманіе доктрины демократическаго общества огорчило и встревожило членовъ централизаціи. «Развѣ одна *Biesiada* (Бесыда) Андрея Товьянскаго (родъ богословско-патріотическаго посланія извѣстнаго мистика, еще и теперь живущаго въ Цюрихѣ), развѣ она одна могла больше оскорбить нашу революціонную школу, чѣмъ этотъ скучный и растнутый катехизисъ конфедерацкой демагогіи», — говоритъ Мѣрославскій по поводу вышедшей тогда въ Польшѣ книжонки подъ заглавіемъ «*Prawdy zywojne*», *Prawdosiękiego*; — это была тайно-распространяемая въ Польшѣ брошюра, отпечатанная мѣстной демократіей, съ цѣлью пропаганды идей демократическаго общества, понатыхъ какъ было сказано. Заграничные организаторы весьма справедливо сочли это «первой своей неудачей». Дѣйствительно, въ Польшѣ судили о демократическомъ обществѣ по этой пошлой брошюрѣ шля-

хетско-демагогическаго пера, тѣмъ болѣе гибельной для общества, чѣмъ искреннѣе были убѣжденія ея автора. Брошюрка, въ тому же, была посвящена членамъ централизаціи «съ чувствомъ сыновней признательности»... Тайный плодъ этой скудной фантазіи проникалъ во всѣ слои общества съ удивительной быстротою. Крестьяне запумѣли... Шляхта пришла въ ужасъ.

Въ это же время шляхетскій демократизмъ въ эмиграціи, какъ нельзя болѣе гармонируя съ мѣстнымъ демократизмомъ, проникшись вдругъ тоже уваженіемъ къ демократическому обществу, и полагая дѣйствовать въ его видахъ, пустилъ въ свѣтъ другую брошюрку въ томъ же духѣ: «*Partyzantka, jago wojna dla narodow prawstajescych najlwsasciwsza.*» Авторомъ этой послѣдней былъ нѣкто Столицманъ. Это была капля, переполнившая чашу. О замыслахъ демократическаго общества заговорила вся тогдашняя Польша—одни съ ужасомъ, другіе съ восхищеніемъ; но подъ этими замыслами исключительно понимались демагогическія идеи Правдовскаго (псевдонимъ) и стратегическіе планы Столицмана; т. е. меньше всего идеи и планы демократическаго общества.

Такія обстоятельства вынудили «централизацію» дѣйствовать съ крайней поспѣшностью, чтобы исправить ошибку, пока есть время. Съ этой цѣлью были посланы, какъ мы говорили, эмиссары, и во главѣ ихъ вліятельнѣйшіе члены общества, какъ Викторъ Гельтманъ и Теофілъ Висневскій.

Эмиссары поспѣли въ самое время. Расшевеленное надеждами крестьянство уже на половину было въ рукахъ агентовъ-подстрекателей. Габсбургская монархія, дѣлами которой въ то время завѣдывалъ знаменитый кн. Меттернихъ, въ виду повсемѣстно распространенныхъ въ имперіи заговоровъ, — въ Ломбардіи и въ Богеміи, въ Галиціи и въ Венгріи, подъ угрозой полнаго разложенія, ухватилась за демагогическую пропаганду мѣстныхъ польскихъ конспираторовъ, какъ за свой послѣдній якорь спасенія. Разнузданная злоба крестьянъ въ Галиціи не только не сдерживалась правительственными агентами, а скорѣе поджигалась¹⁾, и минута кровавой расправы ускориалась. Съ другой стороны, приведенная въ ужасъ шляхта, приписывая все

¹⁾ Известно, что эта политика князя Меттерниха привела австрійскую Польшу къ такъ-называемой „Галиційской рѣзні“. Крестьяне, подъ предводительствомъ Шелля, ходили отъ двора къ двору, безпощадно умерщвляя помѣщиковъ. Движеніе это сообщилось было уже и русской Польшѣ, но остановлено вовремя энергическими мѣрами русскихъ властей.

тому же демократическому обществу, рѣшилась на самыя крайнія сдѣлки съ вѣнскимъ и берлинскимъ правительствами, лишь бы спасти свои головы и привилегіи. Съ этой цѣлью, при посредничествѣ извѣстнаго польскаго поэта Винцента Поля, между галиційской и познанской шляхтой былъ заключенъ «оборонительный союзъ» т.-е. просто, взаимное обязательство—выдавать полиціи всѣхъ эмисаровъ демократіи.

Положеніе эмисаровъ, очевидно, было не изъ легкихъ. Однако, Гельтманъ и Висневскій, дѣйствуя съ большою ловкостью, успѣли хоть отчасти. Ошибочное толкованіе доктрины было исправлено; вожаки крестьянства были успокоены обѣщаніемъ «возвращенія земли безъ кровопролитія», а шляхта тѣмъ, что уступкой крестьянамъ земли, по выкупу отъ всего народа, она можетъ избавиться отъ перспективы печальной социальной войны.

Конечно, соглашеніе это было непрочно; всѣ договаривавшіеся дѣйствовали съ задней мыслью. Во всякомъ случаѣ, эмиграціонному посольству удалось уговорить и шляхту, и крестьянъ, выслать своихъ делегатовъ на общій съѣздъ «представителей всѣхъ классовъ и всѣхъ частей бывшей Рѣчи-Посполитой.» Съѣздъ этотъ имѣлъ мѣсто въ Краковѣ, тогда еще пользовавшемся независимостью вольнаго города. Въ числѣ делегатовъ «частей» должны были находиться и представители эмиграціи; ими были главы эмисаровъ и вызванные туда въ качествѣ военныхъ организаторовъ,—Мѣрославскій и Высоцкій ¹⁾.

Задачей краковскаго съѣзда было условиться на счетъ, рѣшенной въ принципѣ, войны за независимость. Но съ самаго уже начала преній явно обнаружилось два направленія: *крестьянское*, отвергавшее мысль народной войны внѣ своихъ областей: «Пусть всякій воюетъ у себя дома и каждый со своимъ врагомъ», говорили делегаты крестьянъ, хотя и не противились составленію національной арміи изъ охотниковъ; другое — *шляхетское*, допускавшее войну, въ сущности, только противъ одной Россіи, но явно нерасположенное серьезно враждовать ни съ прусскимъ, ни съ австрійскимъ правительствами.—Къ этому надо прибавить вліяніе духовенства, согласнаго на возстаніе «противъ еретиковъ и схизматиковъ», но горячо защищавшаго католическую Австрію.

Въ видахъ такихъ, неподлежащихъ сомнѣнію стремленій классовъ, делегаты эмиграціи предложили политическій планъ

¹⁾ Польскія провинціи подъ скипетромъ русской имперіи своихъ делегатовъ выслать не могли, но мѣсто ихъ заняли, по полномочію, — члены эмиграціи изъ этихъ провинцій.

движенія, принятый съѣздомъ. Планъ заключался въ слѣдующемъ.—Революціонное движеніе начнется одновременно въ Познани и Галиціи, но только какъ средство для организаціи военныхъ силъ противъ Россіи (о чемъ, въ свое время, можно конфиденціально сообщить Берлину и Вѣнѣ). По окончаніи времени, крайне необходимаго для сколько-нибудь серьезной военной организаціи, польскіе инсургенты (мнимые) Пруссіи и Австріи вторгнутся, одновременно съ трехъ сторонъ, въ русскую Польшу. Во время же этихъ организаціонныхъ возстаній въ Познани и Галиціи, шляхта обязывалась миролюбиво разрѣшить земско-крестьянскій вопросъ, *до выступленія народныхъ силъ въ русскую Польшу*, и подъ угрозой, что, въ случаѣ обмана, революціонныя силы народа будутъ обращены противъ нея.

Въ видахъ стратегическихъ, этотъ политическій планъ былъ дополненъ по мысли Мѣрославскаго слѣдующей комбинаціей. Чтобы исключительное движеніе поляковъ, направленное только противъ Австріи и Пруссіи, не возбуждало подозрѣній русскаго правительства, и въ то же время, чтобы помѣшать русскимъ—сконцентрированіемъ своихъ войскъ на прусской и австрійскихъ границахъ, сдѣлать опасную для революціонной организаціи диверсію, Мѣрославскій придумалъ, такъ сказать,—*фигтивное* возстаніе въ русской Польшѣ одновременно съ Галиціей и Познанью. Возстаніе это, предполагавшееся предпочтительно въ Литвѣ и Бѣлоруссіи,—назначалось не для серьезной войны съ русскими, а для отвода ихъ силъ отъ границы. Эти партизаны должны были только безпокоить тылъ русской арміи въ царствѣ польскомъ и разбѣгаться при первомъ выстрѣлѣ, дѣлая только больше шуму; «пуская пыль въ глаза». Для настоящей же «войны» назначались мнимые инсургенты Познани и Галиціи. Вождями серьезной организаціи назначались: Высоцкій (въ Галиціи) и Мѣрославскій (въ Познани), организаторомъ же *фигтивнаго* возстанія въ русской Польшѣ,—Брониславъ Домбровскій.

Планъ былъ утвержденъ собраніемъ, и рѣшено было немедленно приступить въ его осуществленію. Но извѣстно, что эта попытка 1846 года кончилась неудачей. Заговоръ, дебатированный почти при открытыхъ дверяхъ, естественно, не могъ остаться тайной. Если Австрія, въ видахъ подобныхъ же революціонныхъ приготовленій въ другихъ своихъ областяхъ, могла счесть выгоднымъ для себя *дѣлать видъ*, будто она не видитъ махинацій поляковъ своего «вѣрнаго королевства Галиціи съ Лодомеріей», то ничто не обязывало Пруссію къ таковаго рода двуличности, по крайней мѣрѣ, въ то время. Дѣйствительно, прусская полиція,

обо всемъ предупреденная, и дѣйствуя навѣрняка, дала только время организаціи соврѣтъ исполнѣ, а затѣмъ, гуртомъ накрывъ всѣхъ заговорщиковъ.—12-го февраля 1846 г. былъ арестованъ Людвигъ Мѣрославскій—подъ именемъ пивоварскаго сына Шатковскаго; при немъ найдены прокламаціи, планы, инструкціи и пр.

Но этотъ финалъ «патріотическаго» соглашенія—былъ только вступленіемъ къ революціонной драмѣ 1848 года.

Первымъ слѣдствіемъ такого образа дѣйствій прусскаго, а потомъ и австрійскаго правительства (на которыхъ, Богъ вѣдаетъ по какимъ соображеніямъ, шляхетскій патріотизмъ всегда разсчитываетъ, какъ «на естественныхъ союзниковъ Польши противъ Россіи») было полное разочарованіе и упадокъ кредита двухъ правительствъ въ лагерѣ польской шляхты.

Краковское соглашеніе шляхетскихъ и крестьянскихъ делегатовъ, съ обѣихъ сторонъ, было одинаково и весьма неискренно. Среди организаціонныхъ приготовленій къ возстанію 1846 года, крестьяне, принимавшіе въ нихъ участіе, мало таили свою мысль, что, молъ: «Лиха бѣда начать, а тамъ посчитаемся и съ нѣмцами, и съ панами». Быть можетъ, что пылкіе агенты Демократическаго Общества недовольствовались выслушиваніемъ съ улыбкой такихъ сознаній, а ободряли крестьянъ, хотя отчасти. Во всякомъ случаѣ, шляхта, не безъ трепета подписавшая краковское соглашеніе, теперь стала въ ужасѣ думать, какъ бы скорѣе и вѣрнѣе выпутаться изъ этой кабалы. Если мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы повѣрить обвиненію демократовъ,—будто бы успѣхъ прусской полиціи имѣлъ источникомъ самую шляхту,—то, съ другой стороны, не отрицая болтливости, прирожденной шляхтичу, мы имѣемъ нѣкоторые основанія полагать, что при иныхъ условіяхъ шляхта была бы сдержаннѣе. Какъ бы то ни было, а несомнѣнно, дѣятельность познанской шляхты въ этихъ приготовленіяхъ носила печать нежеланія и вялости. Февральскіе аресты 1846 г., одинаково и одновременно поражающіе всѣхъ,—и демократовъ, и шляхту, и крестьянъ, лишая ихъ всѣхъ одинаково свободы и гуртомъ наполняя тюрьмы Зонненбурга и Берлина,—рѣзко и круто перемѣнили ихъ взаимныя отношенія.

Всѣ польскіе и нѣмецкіе писатели той эпохи одинаково согласны между собою, что именно съ этого времени началось *серьезное* соединеніе, гораздо болѣе искреннее, нежели краковскій офиціальныи договоръ. Только шляхетскіе писатели, говоря объ

этомъ, обыкновенно выражаются: «Крестьяне поняли (?), что противъ нихъ не шляхта, не господа (*ich panowie*), а общій нашъ врагъ,—иноземныя правительства». Въ сущности, оно было не совсѣмъ такъ.

Заключенные съ панамъ и съ хлопами демократы, получая строго опредѣленныя инструкціи своей централизаціи,—были единственными, если не виновниками, то проводниками этого соглашенія. Но самое соглашеніе велось на почвѣ далеко не крестьянскаго раскаянія. Скорѣе, напротивъ; демократическая пропаганда, пользуясь фактомъ въ пользу своихъ теорій, исключительно почти «демократизировала» шляхту, убѣждая, не столько крестьянъ, сколько пановъ и особенно паничей, какъ «ложны ихъ надежды на иноземную помощь». Демократы убѣждали шляхту, что ея собственное спасеніе только въ союзѣ съ народомъ; крестьянъ же они не столько приглашали къ соглашенію, сколько къ терпѣливому выжиданію конца борьбы. «Освободите страну, — говорили они имъ,—и тогда, какъ побѣдители и единственная сила, вы устроите отечество на его древнихъ общинныхъ основаніяхъ. Преждевременная же борьба съ панствомъ насъ ни къ чему не приведетъ, такъ какъ иноземныя силы всегда поддержать *насъ* противъ *васъ*».

Тюремныя рѣшетки казались и крестьянамъ, какъ и шляхтѣ, краснорѣчивымъ аргументомъ въ пользу ученія. Словомъ, осторожная пропаганда демократовъ была менѣе пропагандой соглашенія, тѣмъ средствомъ—привлечь къ теоріямъ Демократическаго Общества всѣхъ заключенныхъ крестьянъ и той части шляхты, которая могла еще увлечься теоріями патріотизма, наперекоръ сословнымъ предубѣжденіямъ. Особенно посчастливилось этой пропагандѣ въ берлинской тюрьмѣ, называемой «*Моабитъ*». Вышедшіе оттуда узники словно переродились; вошли они туда панамъ и хлопамъ, а вышли *моабитами*. Подъ этимъ условнымъ именемъ, во все время возстанія 1848 года, былъ извѣстенъ бессловный враждъ патріотовъ, восторженно исповѣдывавшихъ идеи Демократическаго Общества.

Конечно, не всѣ шляхтичи «покаялись», не всѣ крестьяне искренно примирились съ теоріей «терпѣливаго выжиданія»; тѣмъ не менѣе, безспорнымъ результатомъ поголовнаго прусскаго заключенія было торжество Демократическаго Общества въ средѣ познанскихъ патріотовъ, какъ между шляхтой и мѣщанствомъ, такъ и между крестьянствомъ.

САДКО У МОРСКОГО ЦАРЯ

I.

Їдетъ Садко-купецъ на своихъ корабляхъ
По широкому синему морю;
Расходилась вдругъ буря на синихъ волнахъ
Ко великому Садкину горю.

Ходить буря, реветъ, корабли на-бокъ гнетъ,
Паруса рветъ на желія части,
За волною волна въ синемъ морѣ встаетъ,
И трещать корабельныя снасти.

Струсилъ Садко-купецъ предъ бѣдою такою,
И поникъ головою въ кручинѣ:
Не придется, знать, Новгородъ видѣть родной,
А придется погибнуть въ пучинѣ.

Говорить онъ дружинѣ своей удалой:
«Много лѣтъ мы по морю ходили,
А морскому царю дани мы никакой
За проходъ кораблей не платили.»

«Знать за это, на насъ разсердясъ, царь морской
Причинить хочетъ злое намъ горе.
Вы берите боченокъ съ казной золотой
И бросайте его въ синее море.»

И дружина боченокъ съ казной золотой
Въ волны синяго моря кидаетъ...
Волны, пѣнясь, кипятъ надъ морской глубиной,
Корабли точно щепки швыряетъ...

Видитъ Садко, что море все больше бурлитъ,
Все сильнѣй и сильнѣе влокачетъ,
И дружинѣ своей удалой говоритъ:
«Видно, царь головы данью хочетъ!

«Такъ давайте же, братцы, кидать жеребья —
Кому жертвою быть синю морю;
Если вамъ, то быть вамъ, если мой—буду я,
И кидайте меня — не поспору.»

Всѣ берутъ жеребья, Садкѣ въ шапку кладутъ;
Садко въ море съ своимъ ихъ кидаетъ.
Жеребья всей дружины не тонуть,—плывутъ,
Только Садвинѣ во дну упадаетъ.

«Выпаль жеребій мой морю жертвою быть,
Заплатить дань своей головою;
Безъ меня къ Новугороду, братцы, вамъ плыть,
Увидаться съ сторонкой родною.

«Посадите меня на дубовой доскѣ,
Дайте гусли мои золотыя,
На дубовой доскѣ и съ гуслями въ рукѣ
Опустите на волны морскія.»

На дубовой доскѣ посадили его
 И на синее море спустили;
 Не взялъ Садео съ собою добра ничего,
 Съ нимъ одни его гусельки были.

И затихла вдругъ буря на синихъ волнахъ,
 Улеглася морская пучина,
 И безъ Сади-кушца на его корабляхъ
 Понеслася по морю дружина.

~~~~~

П.

На морской глубинѣ, въ свѣтломъ царскомъ дворцѣ,
 Ходятъ рыбы-киты и дельфины,
 И сѣдые усы у царя на лицѣ
 Очищаютъ отъ грязи и тины.

Съ неба солнца лучи свѣтать въ царскій дворецъ,
 Зажигаютъ огни-изумруды,
 Вотъ въ палаты царя входитъ Садео-купецъ,
 За плечомъ у него звонкогуды.

«А! здорово дружище! давно тебя ждемъ,»
 Молвилъ Садеъ морской царь, зѣвая,
 Ротъ широко раскрывъ, и зубчатымъ жезломъ
 Прочь придворныхъ своихъ отгоняя.

«Много лѣтъ ты возилъ на своихъ корабляхъ
 Нашимъ моремъ безъ дани богатство,
 Такъ за это потѣпъ ты игрой на гусляхъ
 Нашу царскую милость въ пріятство.»

Садео кудри съ лица прочь рукою отвелъ,
 Взялъ онъ гусли свои звонкогуды,
 И придворныхъ царя смѣлымъ взглядомъ обвелъ,
 И подумалъ себѣ: «да, не худы!»

«Ладно!» молвилъ царю. «Я потѣшить непрочъ
 Вашу царскую милость игрою.»
 И хватилъ по струнамъ во всю русскую мочь —
 Моря гладъ заходила волною.

Царь ладонями уши закрылъ и кричить:
 «Что за чортъ за игра за такая!»
 Она царскій нашъ слухъ намъ совсѣмъ оглушить;
 Эта штука для насъ, братъ, плохая!»

Садео руку отвелъ—замираетъ струна,
 Звуки тихіе чуть издавая,
 Надъ морской глубиной улеглася волна,
 Передъ солнцемъ горя и сверкая...

Точно муха, кружась, зацѣпляетъ струну,
 Точно мошки, жужжа, гдѣ-то выются,
 Точно капли дождя тихо бьютъ о-волну —
 Звуки стройные, чудные льются.

Точно кто-то, рыдая, глубоко сворбитъ
 О потерянномъ счастьѣ когда-то,—
 Точно тихая рѣчь чья-то грустно звучитъ
 О погибшей любви безъ возврата.

И подъ звуки игры у морского царя
 Голова наклонилась сѣдая,
 Хороша какъ по-утру на небѣ заря,
 Загрустилась царица морская.

Ей припомнился Новгородъ вольный родной,
Ея дѣвичья вышка-свѣтлица,
Что стояла надъ Волховомъ быстрой рѣкой,
И рыдаетъ морская царица.

Загубилъ ея вѣкъ — золотые деньки
Сынъ боярскій, свѣнчавшись съ другою;
Она бросилась въ Волховъ-рѣку отъ тоски,
Да и стала царицей морскою.

И придворные всѣ, ротъ разинувъ, режутъ,
Точно горе какое стряслося,
И изъ рыбьихъ ихъ глазъ слезы льются, текутъ,
Власть въ первой имъ поплавать пришлось.

Садео дернулъ плечомъ и еудрами тряхнулъ,
И забѣгали пальцы быстрѣе,
И отъ струнъ побѣжалъ одурающій гулъ,
Звуки льются живѣй и живѣе.

Точно дождикъ шумить, точно скачетъ волна,
Ударяясь о берегъ скалистый,
Зазвенѣла морская кругомъ глубина,—
Понеслись гоготанье и свисты.

Ошалѣлъ царь морской, головою трясеть,
Плечи сами собой такъ и ходятъ,
И руками вертять, и ногами толчетъ,
И, моргая, глазами поводить.

Скачетъ царь водяной, ходитъ фертномъ кругомъ
И полонъ своей шубы онъ машетъ,—
По хрустальнымъ палатамъ вертится въюномъ,
Присѣдаетъ и съ присвистомъ пляшетъ.

Садко день проигралъ, проигралъ и другой,
Звуки прыгають, скачуть, дробятся,
Все сильнѣй и сильнѣй пляшетъ царь водяной,
Такъ что началъ дворець весь шататься.

Надъ морской глубиной вѣлны, пѣнясь, кипятъ
И, свистя, другъ на друга несутся,
И трещать корабли, мачты въ воду летать,
Крики, стоны кругомъ раздаются.

Корабельщики всѣ предъ бѣдою такой
Затужились о ждущей ихъ долѣ,
Что придется погибнуть имъ въ глуби морской,—
И взмолились святому Николѣ.

III.

Два дня Садко игралъ и играетъ ещё,
На щекахъ разгорѣлся румянецъ...
Кто-то Садку рукой тихо дергъ за плечо...
Глядь—стоитъ передъ нимъ сѣдой старецъ.

«Перестань на звончатыхъ ты гуслихъ играть,»
Говорить ему старецъ сурово:
«Не честно православной душѣ потѣшнать
Не пригоже—царя водяного.»

— Не моя, старче, власть, на морской глубинѣ
Я въ водѣ здѣсь слуга подневольный,
И играя грущу о родной сторонѣ,
Человѣкъ Новагорода вольный.

Не охотой попалъ на морское я дно,
 Съ водянымъ мнѣ не радость воевать,
 Я и самъ пересталъ бы играть ужъ давно,
 Да вѣдь какъ отъ игры мнѣ отбиться?

— «А ты вырви болки изъ гуслей золотыхъ,
 Запхивай ты ихъ въ море далече,
 Возьми струны порви, и скажи, нѣтъ другихъ,
 На чемъ стану играть, человѣче?

«Будетъ царь водяной тебя въ морѣ женить,
 Будетъ дочекъ давать тебѣ въ жены,
 Не бери, а то въ морѣ останешься жить,
 Не увидишь свѣтъ вольный, крещёный.

«Не прельщайся ты, Садко, морской красотой,
 Хороши царя дочки на-славу,
 У царя водяного возьми ты женой
 Некрасивую дѣвку, Чернаву.

«И когда, послѣ свадьбы, отправишься спать
 Со своей молодою женою,
 Ты не смѣй её, Садко, ласкать, обнимать,
 Не цѣлуй—захлебнешься волною.

«А когда спать ты ляжешь въ палатахъ царя,
 Отъ жены молодой отвернешься,
 И какъ только по-утру займется заря,
 Въ Новгородѣ вольномъ проснешься.»

Старецъ сталъ невидимъ,—Садко струны рванулъ,
 На гусляхъ тонно струнъ не бывало,
 И замолкъ подъ водою рокошущій гулъ,
 И въ палатахъ царя тихо стало.

Пересталъ царь морской и скакать и плясать,
Говорить такъ онъ Садкѣ съ грозою:

— Что-жъ ты, Садко, умоля, или насъ потѣшать
Не желаешь ты больше игрою?

— «Я бы тѣшить не прочь,—да вѣдь какъ же мнѣ быть,
На губахъ наиграешь немного,—
Царь, порвались всѣ струны—другихъ захватить
Не пришло мнѣ въ умѣшко убогой.»

— Дѣлать нечего, вижу, вина не твоя,
А хотѣлось еще поплясать бы,—
Ужъ утѣшилъ бы всѣхъ своей пляскою я,
А особенно въ день твоей свадьбы.

За игру твою, Садко, хочу наградить
За большую услугу такую;
Я хочу тебя, Садко, на дочкѣ женить,
Изъ царевнѣ облюбилъ какую!

— «Нѣтъ ужъ, батюшка-царь, не изволь награждать,
Награжденіе твое—мнѣ кручина,
Мнѣ царевна морская женой неподстать—
Я простой новгородской людина.

«Для простого людина мнѣ честь велика,
Взять женою царевну морскую,
Подопью, иногда, раззудится рука—
Ни за что твою дочку отдую.

«За царевною нуженъ великій уходъ,
Одѣвать, обувать, нужны слуги,
А для этого скуденъ мой будетъ доходъ,
Не возьму твоей дочки въ супруги.

«Царь, мнѣ надо жену вотъ такую бы взять,
Чтобы съ ногъ сапоги мнѣ снимала,
Какъ побью, иногда, чтобы стала молчать,
Говорить предо мной не дерзала.

«Чтобы дѣлала то, что ей дѣлать велю,
Моему-бъ не перечила праву,
Дай ты въ жены мнѣ, лучше, прислугу твою,
Некрасивую дѣвку Чернаву.»

И женилъ его царь на Чернавѣ рабой,
На нечесаной дѣвкѣ косматой,
Сорокъ бочекъ казны за Чернавою женой
Далъ въ приданое царь тароватый.

Послѣ свадьбы легъ Садко въ палатахъ царя,
Отъ жены молодой отвернулся,
И какъ только по-утру зажглася заря,
Въ Новѣгородѣ вольномъ проснулся,

И надъ Волховомъ, быстрой рѣкою, стоитъ,
Недалеко отъ дома родного,
И предъ нимъ сорокъ бочекъ съ казною лежить,
Награжденъ царя водяного.

Вотъ и Садки суда принесли по волнамъ.
Удивленье дружинѣ — загадка,
Что за чудо такое? не вѣрятъ глазамъ —
Какъ ни въ чемъ не бывалъ, стоитъ Садко.

Москва.

И. СУРИКОВЪ.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

У

АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА

Разсказы и воспоминанія.

IV *).

Разнокалиберная партія рабочихъ.—Поездка по желѣзной дорогѣ.—Остановка въ Пексенѣ и побѣгъ китайцевъ.—Первый ночлегъ на плантаціи брумъ-корнъ.—Первая недѣля работы на плантаціи.—Мистеръ Треберъ и миссъ Треберъ.—Составъ рабочихъ на плантаціи.—Осѣдлые индѣйцы.—Постройки на плантаціи.—Способъ храненія инструментовъ и машинъ.—Мѣры, принятыя противъ кражи хозяйскихъ вещей.—Распределение дня.—Работы въ сараѣ.—Взаимная ненависть прландцевъ и негровъ.—Постановленіе противъ дракъ и воровства.—Починка паровой машины на русскій манеръ.—Назначеніе меня въ старшіе форманы.—Побочныя отрасли хозяйства на плантаціи.—Вухгалтерія на плантаціи.—Отношенія между хозяиномъ и его работниками.—Похищеніе персикового варенья изъ кладовой миссъ Треберъ.—Посѣщеніе мистриссъ Треберъ на плантаціи.—Прямая выгода хозяина отъ хорошихъ отношеній съ рабочими.

Въ агентствѣ рабочихъ я засталъ самого плантатора и часть моихъ новыхъ товарищей по работѣ. Плантаторъ, мистеръ Треберъ, пожилой человекъ, лѣтъ 40, съ лицомъ, внушающимъ довѣріе. Онъ—янки, говоритъ хорошо по-нѣмецки и по словамъ нѣкоторыхъ рабочихъ, знавшихъ его прежде, очень богатъ. Последнему обстоятельству трудно повѣрить, глядя на его сильно поношенный костюмъ, старую широкополую соломенную шляпу и мозолистыя руки, по которымъ видно, что никакая работа,

*) См. выше: июнь, 681; июль, 19 стр.

какъ бы тяжела она ни была, изъ нихъ не вывалится. Впрочемъ, по наружному виду трудно вездѣ судить о богатствѣ или бѣдности человѣка, а въ Америкѣ это труднѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Трудно себѣ представить болѣе разнокалиберную группу, чѣмъ ту, какую представляла наша партія рабочихъ. Состояла она, главнымъ образомъ, изъ ирландцевъ и нѣмцевъ, какъ и всякая партія чернорабочихъ, но кромѣ этихъ, такъ сказать основныхъ элементовъ, кажется, не было ни одной націи Европы, не имѣвшей здѣсь своего представителя. Тутъ были испанцы и шведы, англичане и португальцы, чехи, мадьяры и я, русскій. Наконецъ, было три китайца и два негра. Относительно слоевъ общества, къ которымъ видимо они принадлежали, было такое же разнообразіе: отъ клерка или художника, которыхъ не трудно было узнать по блѣднымъ лицамъ, мягкимъ, никогда еще невадавшимъ тяжелой работы рукамъ и нѣкоторому щегольству въ костюмѣ, до грубой, обезсмыслившейся отъ пьянства и утомленія фигуры ирландскаго землекопа; отъ красиваго шведа, вся фигура котораго дышетъ непоколебимою твердостью, спокойствіемъ и несомнѣнною честностью до крайнихъ мелочей,—до личности, неизвѣстно къ какой націи принадлежащей, вѣроятно, порождение трущобъ какого-нибудь большого города, способнаго, какъ съ разу видно по нахальнымъ ухваткамъ, испитому лицу и мощеническимъ глазамъ, на всякую гадость. Въ четыре часа вся партія собралась. Намъ сдѣлали перекличку, выдали каждому по билету желѣзной дороги, и мы отправились въ вокзалъ. У многихъ были взяты съ собой довольно тяжелые сундуки, тащить которые было бы очень неудобно. Плантаторъ нанялъ на свой счетъ экспрессо, чтобы отвезти крупную кладь до вокзала, сдать сундуки, но возвратилъ владѣльцамъ кладь соответствующіе чеки. Затѣмъ, попросивши насъ держаться поближе другъ къ другу, чтобы не вышло какой-нибудь ошибки, нашъ новый хозяинъ предоставилъ насъ самимъ себѣ. Усѣлись въ вагоны и черезъ нѣсколько минутъ, послѣ обычнаго крика кондуктора (ол-райтъ), безъ звонковъ или другихъ сигналовъ, поѣздъ отправился въ путь. Кондукторъ пробѣжалъ по вагонамъ, очень проворно прокололъ наши билеты, чтобы сдѣлать ихъ негодными на другую поѣздку и заткнулъ каждому изъ насъ за шляпу по цвѣтному лоскутку бумаги. По цвѣту этихъ лоскутковъ онъ можетъ узнать, не тревожа пассажира, до которой станціи онъ ѣдетъ и во-время предупредить его, когда пора выходить. Существенная разница между европейскими и американскими поѣздами та, что на послѣднихъ нѣтъ такого множества прислуги, какъ въ Европѣ. Такъ,

на цѣломъ поѣздѣ, кромѣ людей на локомотивѣ, всего одинъ кондукторъ и два или три тормозныхъ, заведывающихъ также осѣщеніемъ вагоновъ, топкою и заготовленіемъ воды для питья. Если же служащимъ понадобится помощъ, напримѣръ, при оставленіи поѣзда, они обращаются съ просьбою къ пассажирамъ, причемъ никогда не встрѣчаютъ отказа. Несмотря на то, что, повидимому, хлопотъ съ билетами американскимъ кондукторамъ гораздо больше, они чрезвычайно быстро справляются съ ними, съ помощью очень простыхъ и цѣлесообразныхъ приѣмовъ. При этомъ почти вовсе нѣтъ недоразумѣній, такъ часто встрѣчающихся на европейскихъ дорогахъ, при массѣ служащихъ, безпрестанно повѣряющихъ и билеты пассажировъ и другъ друга. Только на немногихъ дорогахъ въ Америкѣ имѣется два класса вагоновъ, на остальныхъ одинъ классъ для всѣхъ. Пассажиръ не обязанъ сидѣть въ одномъ вагонѣ взаперти цѣлую дорогу и можетъ по произволу мѣнять занимаемое имъ мѣсто на всемъ поѣздѣ. Курить можно вездѣ, кромѣ вагоновъ, на которыхъ крупными буквами написано: «не курить». Стоимость билетовъ на желѣзныхъ дорогахъ съ однимъ классомъ не одинаковая. Для чернорабочихъ дѣлается уступка на $\frac{1}{3}$ стоимости билета. Работниціе билеты выдаются или хозяину, везущему съ собою рабочихъ, или всякому частному лицу, заявившему, что онъ чернорабочій. Несмотря на уменьшенную плату, чернорабочій не подвергается за это никакимъ ограниченіямъ и пользуется тѣми же правами, какъ и другіе пассажиры. За уменьшенную цѣну получаютъ билеты и эмигранты, но тѣхъ везутъ въ особыхъ поѣздахъ, какъ везли и меня изъ Нью-Йорка въ Чикаго. Билеты продаются не только въ кассахъ, на станціи желѣзной дороги, но и въ особыхъ, для этого устроенныхъ, агентствахъ и даже во многихъ частныхъ конторахъ и магазинахъ. Разъ взятый билетъ имѣетъ силу не на одинъ какой-нибудь поѣздъ или опредѣленный срокъ, но до тѣхъ поръ, пока имъ пожелаютъ воспользоваться, до конца существованія компаніи, которой принадлежитъ дорога. Не обязательно ѣхать разомъ все пространство, на которое взятъ билетъ, можно проѣхать часть его, о чемъ заявляютъ кондуктору, который отрѣзаетъ соответствующую проѣзанной дорогѣ часть билета, а остальную возвращаетъ пассажиру, до тѣхъ поръ, пока онъ не вздумаетъ ею воспользоваться. Вагоны передъ отправленіемъ поѣзда отворены для всѣхъ, кто пожелаетъ въ нихъ сѣсть. При входѣ никто не думаетъ спрашивать билета. Куда отходитъ поѣздъ видно по надписи на флагѣ или доскѣ на переднемъ вагонѣ. Чтобы не безпокоить пассажировъ послѣ каждой станціи

осмотрѣ билетовъ, кондукторъ, какъ я уже сказыаь выше, за-
тыкаетъ за ленточку шляпы цвѣтной лоскутокъ бумаги, наръзан-
ной на тонкія полоски. Цвѣтъ этихъ лоскутковъ, назначаемый
по произволу кондуктора, соотвѣтствуетъ станціи, до которой
ѣдетъ пассажиръ. Раздавши такимъ образомъ значки по отпра-
вленіи съ первой станціи, послѣ другихъ кондуктору остается
пройти по вагонамъ и спрашивать билеты только у тѣхъ, у ко-
торыхъ нѣтъ значковъ за ленточкой шляпы. Если у пассажира
нѣтъ билета, то онъ обязанъ тотчасъ же заплатить его стоимость
кондуктору. Сѣсть на поѣздъ можно и между станціями. Для
этого стоитъ передъ проходомъ поѣзда выѣснить бѣлый платокъ,
и противъ подающаго сигналъ поѣздъ идетъ тише, если сѣсть
желаетъ молодой джентльменъ, и останавливается совсѣмъ, если
леди или старикъ. Говорятъ, случается иногда, что на поѣздъ
садаются личности безъ билетовъ, не могущія заплатить нужной
суммы за проѣздъ. Съ ними поступаютъ очень безцеремонно,
т.-е., если кто-нибудь изъ пассажировъ не скалится и не запла-
титъ за такого бѣдняка, его выталкиваютъ изъ вагона, не тру-
дясь остановить поѣздъ. Говорятъ, что такъ же поступаютъ сами
пассажиры съ тѣми изъ своихъ спутниковъ, которые вздумаютъ
безобразничать въ вагонѣ.

Часовъ въ двѣнадцать ночи кондукторъ объявилъ, что сей-
часъ поѣздъ остановится въ Пексенѣ, гдѣ простоятъ всего пять
минутъ. Разбудили спящихъ, собрали свои мѣшки и, какъ только
поѣздъ остановился, вышли на платформу сколоченнаго изъ до-
сокъ вокзала, гдѣ встрѣтилъ насъ м-ръ Треберъ. Онъ помогъ
взять вещи, сданныя въ багажъ, нанялъ экспрессо, на которое
ихъ навалили, и повелъ насъ въ близлежащую гостинницу, гдѣ
уже приготовленъ былъ ужинъ на всю нашу партію, то-есть на
101 человекъ, включая и м-ра Требера. За ужиномъ, неотли-
чавшимся ничѣмъ отъ обыкновеннаго ужина въ лучшихъ бор-
дингъ-гаузахъ Чикаго, оказалось, что вмѣсто 100 человекъ насъ
97. Трое китайцевъ исчезли неизвѣстно куда. Нѣсколько чело-
вѣкъ видѣли, какъ они за нѣсколько станцій вышли съ своими
мѣшками изъ вагона и не возвращались болѣе. На это не обра-
тили особеннаго вниманія, полагая, что они перешли въ другой
вагонъ. Вѣроятно, имъ нужно было доѣхать до какого-нибудь мѣ-
ста, по дорогѣ къ Пексену, а платить за переѣздъ не хотѣлось
или было нечѣмъ, вотъ они и нанялись къ м-ру Треберу, вос-
пользовались данными имъ билетами и, доѣхавъ до мѣста, убѣ-
жились. М-ръ Треберъ нисколько не разсердился на эту недобро-
совѣстную штуку; смѣясь, назвалъ ихъ плутами, и предложилъ

всѣмъ намъ выпить по кружкѣ пива и пожелать, чтобы бѣлые китайцы поскорѣе оправились отъ страха, который они должны чувствовать, зная, что ихъ могутъ начать разыскивать и уличить въ плутнѣ. Послѣ ужина м-ръ Треберъ велѣлъ намъ собираться въ дорогу на плантацію, до которой еще было миль шесть; а такъ какъ идти съ мѣшками было бы затруднительно, то и предложили намъ оставить ихъ въ гостинницѣ, съ тѣмъ, чтобы завтра же прислать за ними лошадей. Почти всѣ согласились на это. Мой мѣшокъ былъ приспособленъ къ путешествію пѣшкомъ и очень нетяжелъ, такъ-что я счелъ за лучшее взять его съ собою, въ чемъ, несмотря на нѣкоторое затрудненіе, сдѣланное имъ при скорой ходьбѣ, имѣлъ уважительную причину не раскаяваться.

Часа два шли мы по укатанной, черноземной, проселочной дорогѣ, среди гладкой преріи, какъ здѣсь называютъ степь. Однообразие преріи, казавшейся при лунномъ освѣщеніи серебристо-сѣраго цвѣта, изрѣдка нарушалось темнымъ пятномъ выступающаго сада какой-нибудь фермы или одинокимъ домикомъ плантаціи. Часто у самой дороги шли на довольно длинное пространство фенсы, или особые американскіе заборы, огораживающіе запаханные поля; но что росло за этими фенсами — рассмотреть было невозможно, при быстрой ходьбѣ и неясномъ свѣтѣ луны. Наконецъ м-ръ Треберъ, шедшій впереди, свернулъ съ дороги, перелѣзъ черезъ фенсъ и запагалъ прямо по высокой травѣ къ двумъ виднѣвшимся въ нѣкоторомъ разстояніи постройкамъ. Это и была его плантація. Попросивъ насъ переночевать какъ-нибудь эту ночь безъ одѣвъ и подушекъ, которые обещалъ выдать на другой день утромъ, онъ подвелъ насъ къ одной изъ построекъ, оказавшейся конюшней, и указалъ намъ лѣстницу на сѣноваль, гдѣ уже находились, по его словамъ, рабочіе, нанятые имъ прежде насъ. Онъ пожелалъ намъ пріятнаго сна и отправился въ другую постройку, гдѣ помѣщалось его семейство. Взлѣзли на сѣноваль. Незанятаго прежними рабочими мѣста оказалось достаточно. Сѣна было заготовлено тоже довольно; такъ-что, устроившись какъ кто съумѣлъ поудобнѣе, мы улеглись отдохнуть и восстановить силы къ предстоящей на другой или, вѣрнѣе сказать, въ этотъ же день работѣ. Но немногимъ пришлось выснаться. Послѣ знойнаго дня наступила, какъ это всегда здѣсь бываетъ, страшно холодная ночь. Въ вагонѣ и при быстрой ходьбѣ холодъ вовсе не былъ чувствителенъ; но когда пришлось пролежать нѣсколько времени безъ одѣвъ, въ легкыхъ лѣтнихъ платьяхъ, холодъ сдѣлался невыносимъ. Сѣна было довольно, чтобы лежать мягко, но недостаточно, чтобы зарыться въ него. Хорошо, что я взялъ съ

собою мѣшокъ, гдѣ у меня было на всякій случай одѣяло, которымъ я и укрылся. Другіе, не взявши съ собою ничего, долго ворочались, старались пристроиться потеплѣе, но видя, что это почти невозможно, разражались громкими ругательствами. Ругательства, прерываемыя смѣхомъ проснувшихся прежнихъ рабочихъ, завернутыхъ въ два теплыхъ одѣяла, не давали долго мнѣ заснуть. Наконецъ, завернувши голову въ одѣяло, я на нѣсколькое времени забылся, какъ вдругъ услышалъ очень близко не то вздохи, не то сдержанные рыданія и всхлипыванія. При слабомъ свѣтѣ, пробивавшемся сквозъ неплотно-сбитыя доски сѣновала, я разсмотрѣлъ, что около меня помѣстился молодой человѣкъ, съ которымъ мы еще познакомились въ вагонѣ, по имени Чарль Вигеръ, родомъ изъ Гамбурга. На видъ ему было лѣтъ семнадцать. По чистенькому платью, нѣжному, почти женскому лицу и такимъ же рукамъ было видно, что ему ни разу не приходилось браться за черную работу и привыкать къ неразлучнымъ съ нею лишениямъ. Онъ долго молчалъ, но наконецъ видно холодеъ пришелся ему не подъ силу, можетъ быть, были въ тому еще и другія причины, и онъ заплакалъ. Мнѣ стало жалко бѣднаго малюга, и я предложилъ ему улечься поближе ко мнѣ, такъ чтобы можно было укрыться обоимъ моимъ одѣяломъ. Скоро онъ согрѣлся, и мы проспали до тѣхъ поръ, пока м-ръ Треберъ не разбудилъ насъ. Было уже девять часовъ утра. Прежде нанятые рабочіе давно уже были за дѣломъ. Ихъ одѣялами воспользовались нѣкоторые изъ нашихъ, вновь прибывшихъ, и крѣпко спали подъ ними, такъ-что м-ръ Треберъ съ трудомъ могъ ихъ разбудить. Послѣ бреквеста, за которымъ не жалѣли кофе и каждому дали по рюмкѣ виски, многіе забыли про неприятно-проведенную ночь. Нѣкоторые же, услышавъ отъ кого-то ночью, что неподалеку есть фермеръ, который охотно платитъ по 2 доллара въ день на его харчахъ рабочему для уборки льна, стали подбивать насъ всѣхъ уйти отъ м-ра Требера, такъ какъ онъ не соблюлъ договора и не далъ на ночь условленныхъ одѣялъ. Завязались горячіе споры, кончившіеся тѣмъ, что партія въ 21 человѣкъ (преимущественно нѣмцы) объявила хозяину, что не желаетъ работать у него, и отправилась въ Пексенъ за своими вещами, а оттуда на льняную плантацію. М-ръ Треберъ на ихъ заявленіе пожалъ только плечами. Такимъ образомъ, изъ 100 человѣкъ, за проѣздъ которыхъ заплатилъ м-ръ Треберъ, осталось всего 76 человѣкъ, которыхъ и отвели на поле съ брумъ-ворномъ.

Поле съ брумъ-ворномъ съ перваго взгляда весьма трудно отличить отъ мансоваго поля: тѣ же высокіе, сажени въ полторы

стебли, съ длинными листьями, только вмѣсто короткаго султанчика на макушкѣ въ брумъ-корнѣ кисть съ длинными волокнами, на которыхъ держатся сѣмена, похожія на просо. Брумъ-корнъ растетъ только на жирномъ, не требующемъ унавоживанья пластвъ чернозема, составляющемъ преобладающій грунтъ центральныхъ штатовъ Союза, начиная съ южной части Иллиноиса до Техаса, гдѣ онъ приобретаетъ наибольшую толщину, и оканчивается у Мексиканскаго залива. Для посѣва землю поднимаютъ съ осени плугами, весною разбороновываютъ тяжелыми желѣзными боронами, переорываютъ другой разъ плугомъ, опять разбороновываютъ и въ концѣ апрѣля или первой половинѣ мая запахиваютъ сѣмена рядами, помощью особой сѣялки. Когда брумъ-корнъ взошелъ и достигъ около двухъ вершковъ роста, его окучиваютъ, какъ картофель. Землю поднимаютъ съ осени только тогда, когда сѣять брумъ-корнъ на нови. Если же передъ тѣмъ было запахано что-нибудь другое, то довольствуются одною вспашкою весною. Съ конца іюля начинается уборка брумъ-корна, продолжающаяся, смотря по количеству засѣва и числу рабочихъ, которое можетъ выставить хозяинъ, до ноября. Чѣмъ ранѣе собранъ брумъ-корнъ послѣ того, какъ зерна пожелтели и приняли нѣсколько красноватый цвѣтъ, тѣмъ лучшихъ онъ качествъ. Собранный же позже даетъ значительно большее количество щеточнаго матеріала, хотя и не такого высокаго достоинства. Уборка брумъ-корна производится слѣдующимъ образомъ: рабочій идя по бороздѣ, между двумя рядами брумъ-корна, ломаетъ обоими руками стволы съ обѣихъ сторонъ, такъ чтобы сломъ приходился футовъ на 2 отъ земли и стебли ложились накрестъ другъ на друга сзади рабочаго. Довольно крѣпкая кожа, покрывающая стебель, не даетъ ему переломиться совсѣмъ и надломленные стебли, опираясь другъ на друга, образуютъ плетенку на нѣкоторой высотѣ отъ земли. Затѣмъ, рабочій помощью ножичка, дюйма два длиною, отрѣзаетъ приходящіяся съ двухъ сторонъ плетенки, концы стеблей съ ихъ кистями, и складываетъ небольшими кучками на ту же плетенку. Отдѣльные рабочіе собираютъ эти кучки, идя рядомъ съ паровозною фуру, ѣдущею вдоль поля, накладываютъ эти пучки кистей на фуру и отвозятъ въ особый сарай, гдѣ онѣ сортируются, молотятся, сушатся и прессуются въ большіе тюки, обтянутые проволочными обручами. Брумъ-корнъ сѣять собственно для полученія кистей, изъ которыхъ дѣлаютъ щетки. Изъ сѣмянъ можно бить масло, но такъ какъ это требуетъ много хлопотъ и не даетъ особенно большой выгоды, то этимъ рѣдко занимаются, а кормятъ ими свиней.

На полѣ намъ выдали по ножу и, разставивши въ рядъ, заставили ломать брумъ-корнъ. Форманомъ къ нашей партіи былъ назначенъ шведъ, одинъ изъ прежнихъ рабочихъ Требера. Какъ ни легка казалась эта работа, но требовала привычки и сноровки. Острые края надломленныхъ стеблей, часто до крови, разрѣзали ладонь, несмотря на покрывающія ее мозоли. Многіе какъ ни старались гнаться за остальными рабочими, а особенно за форманомъ, отстали далеко. Къ этимъ отсталымъ принадлежалъ и я. Напрасно я торопился, старался захватывать по нѣсколько стеблей разомъ. Чѣмъ больше я горячился и дѣлалъ усилій, тѣмъ медленнѣе подвигалась моя работа. Лучше другихъ работали ирландцы. Стебли брумъ-корна не оказывали никакого вліянія на ихъ руки, съ малолѣтства привычныя къ тяжелой работѣ, на которыхъ вся ладонь представляла одинъ сплошной, похожій на подошву мозоль.

Сломавши рядъ до конца участка, мы повернули назадъ и на ходу срѣзали кисти, что хотя очень легко, но требуетъ проворства и здоровыхъ рукъ. А съ изрѣзанными руками это было чистое наказаніе. Послѣ обѣда, состоявшаго изъ свинины, картофеля, развареннаго маиса и молока, насъ всѣхъ присоединили къ партіи прежнихъ рабочихъ, состоявшихъ преимущественно изъ негровъ. Хотя за первыя полѣдня и мы приобрѣли нѣкоторую сноровку, но состязаться въ работѣ съ неграми было невозможно. Пока наша партія успѣвала сломать и срѣзать два ряда не отдыхая ни минуты и торопясь, такъ что рубашки на всѣхъ были мокрыя, несмотря на не очень жаркій день, негры обанчивали по три ряда безъ всякихъ усилій, безпрестанно отдыхая и покуривая трубки. Форманъ такъ пригналъ работу, что къ тому времени, какъ зазвонили на плантаціи въ 6 часовъ, къ ужину послѣдній рядъ былъ срѣзанъ.

Только шесть человѣкъ, 2 янки, бывшіе клерки, 1 испанецъ. Чарль Вигеръ, молодой голыштинецъ по имени Амонъ, да я, значительно отстали отъ другихъ. Естественно, что намъ слѣдовало докончить наши ряды, почему намъ пришлось возвращаться отдѣльно почти часомъ позже другихъ. На дорогѣ мы встрѣтили сына мистера Требера, Чарли. Несмотря на молодость (ему 15 лѣтъ) онъ дѣлательно и толково помогаетъ отцу: дѣльно распоряжается работами, ведетъ книги и ѣздитъ за покупками. Все управленіе плантаціи, на которой работаетъ 250 человѣкъ, а иногда и болѣе, лежитъ на м-рѣ Треберѣ и его сынѣ. На плантаціи нѣтъ ничего похожего на управляющаго или приказчика. Форманы назначаются изъ рабочихъ, за что

ляется жалованье. Теперь, по распоряженію отца, Чарли ѣхалъ приказать намъ бросить работу и идти ужинать. При встрѣчѣ съ нами онъ спросилъ меня о причинѣ того, что мы такъ отстали отъ другихъ. Я показавъ ему вмѣсто отвѣта свои окровавленные руки, другіе сдѣлали то же. Онъ усмѣхнулся, подогналъ лошадей и поѣхалъ впередъ на плантацію. Два янки и испанецъ отказались отъ ужина, объявили, что не могутъ работать этой работы, прося м-ра Требера отпустить ихъ. М-ръ Треберъ, не говоря ни слова, отправился къ себѣ въ горницу, откуда вышелъ черезъ нѣсколько минутъ и, къ великому нашему удивленію, вынесъ не только по 1½ доллара за сегодняшний день, но и рекомендательное письмо въ одному плантатору, гдѣ требовались люди для обыкновенныхъ домашнихъ работъ, болѣе легкихъ чѣмъ на плантаціи, за то и съ платою 1 доллара въ день. Сначала Вигеръ и Амонъ хотѣли также отказаться отъ работы, но когда я рассказалъ имъ, какъ мнѣ трудно было привыкнуть къ черной работѣ, особенно на кирпичномъ заводѣ, рѣшились остаться и терпѣливо преодолѣть первыя трудности всякой работы, за которую берешься въ первый разъ. Послѣ ужина насъ троихъ позвали въ комнату м-ра Требера, гдѣ сестра его миссъ Треберъ, незамужняя леди лѣтъ 60-ти, приложила къ нашимъ рукамъ какую-то примочку, забинтовала ихъ и велѣла придти къ ней на другой день передъ бреквестомъ, отнюдь не смѣя самимъ разбинтовывать руки. «Ничего, что вамъ придется кушать не умывшись», прибавила она; «никакъ нельзя раздражать ранъ при такой жарѣ. Отъ этой примочки руки заживутъ у васъ очень скоро. Я бы совѣтовала даже не работать дня два.» Отъ примочки боль въ норѣзахъ утихла и кровь перестала изъ нихъ сочиться. На другой день миссъ Треберъ опять перевязала намъ руки и услышавъ, что мы непременно хотимъ идти на работу, дала каждому по парѣ старыхъ зимнихъ рукавицъ, нарочно отысканныхъ ею для этого. Несмотря на то, что рукавицы нѣсколько затрудняли работу, мы такъ уже принаровились къ ней, что отставали отъ другихъ бѣлыхъ работниковъ только до обѣда, а послѣ обѣда не только сравнялись, но даже огончили свои ряды одними изъ первыхъ. Дня черезъ три, руки почти зажили такъ, что не было надобности перевязывать ихъ, а безъ бинтовъ и перевязокъ работа пошла еще успѣшнѣе. Къ концу недѣли, форманъ уже поставилъ насъ не рядомъ, какъ мы работали сначала, а на нѣкоторомъ разстояніи, какъ-бы для того, чтобы подзадоривать ирландцевъ, которые сначала принялись работать усердно, а потомъ, подчиняясь природной лѣни, не только не сдѣлали успѣховъ въ

быстротѣ работы, но даже стали работать медленнѣе, теряя много времени на куренье и на отяжки браться за работу. Такимъ образомъ, въ теченіе одной недѣли намъ удалось изъ самыхъ плохихъ работниковъ сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ вторыхъ формановъ. Но недѣльная работа, несмотря на свою легкость, сильно утомила меня. Трудно человѣку, родившемуся въ холодномъ климатѣ, работать почти подъ отвѣсными лучами солнца, а кромѣ первыхъ двухъ дней жара стояла страшная. Ночью пониженіе температуры было такъ замѣтно, что часто, несмотря на три одѣяла, трудно было заснуть отъ холода. Воскресенье я провелъ, какъ его проводить большая часть чернорабочихъ, частью въ безцѣльной ходьбѣ по плантаціи, частью въ лежаньѣ на сѣновалѣ. Пробовалъ-было читать, но мысли какъ-то спутывались и постѣ нѣсколькихъ строкъ такъ и клонило ко сну.

Въ теченіи недѣли, проведенной на плантаціи, я успѣлъ овнакомиться какъ съ ея внутреннимъ устройствомъ, такъ и съ ея обитателями. Мистеръ Треберъ,—сынъ фермера изъ штата Огайо. Занимаясь разными денежными спекуляціями въ разныхъ мѣстахъ Союза, онъ нѣсколько разъ составлялъ значительное состояніе и нѣсколько разъ разорялся до нищеты. Теперь у него состояніе, доходящее, какъ говорятъ, до 30,000 долларовъ. Зимой онъ живетъ въ Чикаго, гдѣ у него свой домъ, а лѣтомъ ему душно въ городѣ и постоянно тянетъ въ преріи и въ сельскимъ работамъ, къ которымъ онъ привыкъ съ малолѣтства. Поэтому въ лѣтніе мѣсяцы онъ занимается дѣломъ, болѣе соответствующимъ его наклонностямъ и врядъ ли уступающимъ своею выгодностію городскимъ спекуляціямъ, предъ которыми оно, во всякомъ случаѣ, имѣетъ то преимущество, что почти не сопряжено съ рискомъ. Онъ скупаетъ большіе участки пустопорожной земли, приводитъ ихъ въ культурное состояніе, и разбивъ на мелкіе участки съ большою выгодною продаетъ мелкимъ фермерамъ. Самое приведеніе первобытной преріи въ культурное состояніе, обходящееся такъ дорого начинающему новое хозяйство, приноситъ мистеру Треберу не убытокъ, а значительный доходъ. Мистеръ Треберъ всегда самъ присутствуетъ при работахъ, часто работаетъ самъ и не упускаетъ случая пріобрѣсти самые совершенные инструменты и машины. Умѣренный и расчетливый для себя, онъ не жалѣетъ денегъ тамъ, гдѣ затрата ихъ полезна. Умѣнемъ обласкать и поощрить работниковъ, вѣрностью и щедростью расчета онъ дѣлаетъ то, что рабочіе, подъ его толковымъ распредѣленіемъ работъ, въ охотку, не замѣчая усталости, вырабатываютъ почти вдвое противъ того, что они выработали

бы у другого, менѣе толковаго хозяина, въ тѣ же десять часовъ. Наша плантація куплена имъ въ прошлую зиму. Весь участокъ состоялъ изъ 30,000 акровъ преріи, по которой не была, искони вѣковъ, проведена ни одна борозда плугомъ, и стоилъ по три доллара за акръ, всего 90,000 долларовъ, изъ которыхъ 20,000 долл. м-ръ Треберъ уплатилъ при покупкѣ, а остальные 70,000 д. обязался уплатить въ 7 лѣтъ, по 10,000 долл. ежегодно. Если бы онъ пожелалъ продать часть этого участка, то обязанъ заплатить передъ продажей сполна количество долга, причитающагося на предназначенное къ продажѣ число акровъ. На приобретенномъ пространствѣ земли м-ръ Треберъ отобралъ тѣ части, которыя не сплошь поросли мелкимъ колючимъ кустарникомъ и бурьяномъ, толстые корни котораго представляютъ затрудненія при первоначальной обработкѣ и дѣлаютъ въ первый годъ тщательную обработку подъ зерновые хлѣба почти невозможною. Онъ выбралъ мѣста хорошія, преимущественно поросшія высокою степною травою, съ жирнымъ, легко перегнивающимъ послѣ орева корнемъ, разбилъ ихъ на участки отъ 200 до 500 акровъ каждый, такъ чтобы въ центрѣ каждаго участка приходилась небольшая болотинка, служащая признакомъ имѣющагося здѣсь ключа. Воспользовавшись тѣмъ, что въ ту зиму не было почти вовсе снѣгу, онъ тотчасъ же по покупкѣ выкопалъ колодцы въ болотинкахъ, сжегъ прошлогоднюю сухую траву и поднялъ плугомъ все разбитое пространство, всего 10,000 акровъ. Въ то же время онъ заказалъ на ближайшемъ лѣсопильномъ заводѣ матеріалъ для 30-ти фермерскихъ домовъ, съ надворными постройками. Въ теченіи апрѣля дома были поставлены, и къ началу полевыхъ работъ у него было готово 30 фермъ съ постройками, обошедшимися ему по 500 долларовъ каждая и съ приготовленными для посѣва маиса, картофеля, льна и травы полями. Въ теченіе лѣта не было охотниковъ покупать фермы, почему м-ръ Треберъ, выбороновавъ всѣ 10,000 акровъ, запахалъ ихъ льномъ. Когда лѣнь поспѣлъ, его скосили косильной машиной, вымолотили сѣмя, давшее урожай въ 11 разъ, а солому сожгли, такъ какъ выработка волоконъ была бы невыгодна при недостаткѣ и дороговизнѣ рабочихъ рукъ. Земля, послѣ снятія льна, была снова поднята плугомъ и выборонована. Осенью нашлось много охотниковъ купить участки земли, и м-ръ Треберъ распродалъ всѣ свои 30 фермъ, частью за наличныя деньги, частью получивъ только половину и разерочивъ остальную лѣтъ на пять. Постройки пошли у него на кругъ по 700 долл., а земля отъ 7 до 10-ти долл. акръ.

Одновременно съ обработкою удобныхъ участковъ, шли подготовкѣ къ обработкѣ остальныхъ 20,000 акровъ, поросшихъ кустарникомъ и бурьяномъ и представлявшихъ, кромѣ того, посрединѣ, по берегамъ извилистаго ручья, большое топкое болото, покрытое высокою жесткою травою, похожею на нашу осоку. Эту подготовку производили такъ: весною сожгли кустарникъ и бурьянъ, причемъ сгорѣли только молодыя вѣтви и побѣги, а толстые стебли обгорѣли и замерли. Лѣтомъ, когда болото нѣсколько просохло, ручей спрямили большой двухсаженной канавой, давши водѣ спускъ къ глубокому оврагу или балкѣ, служащей границей владѣнія м-ра Требера. Для осушенія болота проведены во всѣ стороны отъ главной канавы стрѣлки, сажень въ двадцати одна отъ другой. На осушенномъ болотѣ сожгли жесткую сухую траву и по горѣлому мѣсту, выбороновавъ его особою бороною съ лемехообразными зубьями, посѣяли смѣсь различныхъ кормовыхъ травъ и приготовили, такимъ образомъ, отличный покосъ, могущій давать въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, пока его не найдутъ нужнымъ обратить въ пахоту, огромное количество сѣна лучшаго качества. Уже въ этомъ году м-ръ Треберъ, оставивъ некошенными больше половины, для корма своихъ рабочихъ лошадей и подъ выгонъ скоту, продалъ болѣе 5000 тоннъ прессованнаго сѣна.

Въ августѣ мѣсяцѣ, когда уборка и молотьба льна на фермахъ кончились, приступили къ очисткѣ мѣста отъ обугленныхъ стеблей бурьяна и кустарника. Ихъ срубали гладко, подъ корень, особыми ножами и складывали въ большія кучи. Въ безлѣсной степи, каковы окрестности Пексена, эти стебли охотно покупаются на топливо, такъ какъ они все-таки обходятся дешевле привезеннаго каменнаго угля и хорошо горятъ въ каминѣ, давая яркое, красивое пламя.

Очищенное отъ стеблей мѣсто вздрали большимъ плугомъ, запряженнымъ шестью сильными лошадьми. Плугъ переверотилъ пласть земли толщиною вершковъ на 6, причемъ своимъ толстымъ рѣзавомъ разрѣзалъ и вывернулъ на поверхность большіе корни кустарника и бурьяна. Куски этихъ корней, доходящіе до трехъ вершковъ толщиною, служатъ еще лучшимъ топливомъ, чѣмъ самые стебли. М-ръ Треберъ отдалъ эти корни фермерамъ съ тѣмъ, чтобы они убрали ихъ съ поля. При этомъ въ видѣ преміи онъ давалъ каждому фермеру, убравшему для себя корней съ 250 акровъ и всѣ стебли, собранные на этомъ пространствѣ. Къ нынѣшней веснѣ не осталось ни одного корня не убранымъ. Фермеры запаслись топливомъ, по крайней мѣрѣ, на двѣ

зимы, а земля, гдѣ прежде росли негодныя растенія, послѣ второй обработки плугомъ и бороною, дала великолѣпный брумъ-корнъ, запаханный на 12,000 акровъ этою весною, и который пришлось убирать нашей партіи рабочихъ. Кромѣ брумъ-корна, 2000 акровъ запаханы майсомъ, выросшимъ тоже отлично. Остальная часть, непроданныхъ 20,000 акровъ, занята отчасти болотомъ обращеннымъ въ сѣнокосъ, около 5000 акровъ, отчасти постройками плантаціи, огородомъ и разводящимся фруктовымъ садомъ. Еще одинъ годъ земля будетъ запахана брумъ-корномъ или майсомъ, смотря по тому на что будетъ предвидѣться лучший сбытъ и затѣмъ разобьется на участки и продается. Къ тому мѣсту, гдѣ стоитъ теперь маленькій домъ м-ра Требера и разводится фруктовый садъ, м-ръ Треберъ думаетъ прирѣзать до 2000 акровъ, выстроить хорошую ферму и оставить за собою, или продать за очень хорошую цѣну.

М-ръ Треберъ женатъ на настоящей англійской леди, которая живетъ въ Чикаго и только изрѣдка пріѣзжаетъ къ мужу на плантацію. Домашнимъ хозяйствомъ занимается старшая незамужняя сестра его, миссъ Треберъ. Это очень добрая старуха, всегда чопорно и изящно одѣтая. Она завѣдываетъ 20-ю женщинами разныхъ возрастовъ, занимающихся стираниемъ кушанья, стиркою и другими домашними работами. Несмотря на трудность справиться съ такимъ числомъ женщинъ, помѣщающихся въ одномъ домѣ, въ особенности избалованныхъ американскихъ леди (здѣсь всякая кухарка и прачка леди), она какъ-то умѣетъ держать ихъ въ должной субординаціи, не прибѣгая ни къ какимъ крутымъ мѣрамъ. Къ мистеру Треберу, какъ къ младшему брату, котораго она очень хорошо помнитъ мальчикомъ, она относится какъ-то покровительственно и сильно сомнѣвается въ его опытности и умѣньи вести дѣла, несмотря на то, что въ этомъ отношеніи онъ на практикѣ заявилъ себя мастеромъ. Такъ у нея есть капиталъ въ 40,000 д., котораго она ни за что не довѣряетъ брату и даже не слушаетъ его совѣтовъ о помѣщеніи этихъ денегъ, а заботится объ этомъ сама. Нѣсколько разъ ей удавалось такъ помѣщать свои деньги, что м-ру Треберу стоило много хлопотъ вырывать ихъ обратно и чуть ли не приходилось пополнять сумму изъ своихъ денегъ. Но отъ этого онъ нисколько не подвигался въ довѣріи своей сестры, которая продолжала считать его самымъ юнымъ для такихъ серьезныхъ дѣлъ, какъ выгодное помѣщеніе ея капитала. Вообще братъ и сестра очень любятъ другъ друга и стараются всѣми силами помогать другъ другу, въ чемъ могутъ. Изъ двухъ дѣтей м-ра Требера съ ними

живетъ, въ качествѣ помощника, его сынъ Чарли, о которомъ я уже говорилъ, а дочь, хорошенькая миссъ, лѣтъ 12-ти, живетъ съ матерью въ Чиваго и только иногда прїѣзжаетъ на плантацію. Вотъ семейство нашего хозяина. Затѣмъ переходъ отъ хозяевъ къ рабочимъ составляетъ дальняя родственница мистриссъ Треберъ, очень веселая и недурная собой англичанка. Она живетъ въ качествѣ помощницы миссъ Треберъ. Рабочіе, какъ я уже замѣтилъ выше, представляли пеструю смѣсь всевозможныхъ національностей и слоевъ общества, къ которымъ когда-то принадлежали. Дѣлились они на двѣ группы, на бѣлыхъ и цвѣтныхъ. Цвѣтные состояли, главнымъ образомъ изъ негровъ, бывшихъ невольниковъ южныхъ Штатовъ, откуда они переселились послѣ освобожденія, на сѣверъ, гдѣ заработки гораздо выше. Они отличаются чрезвычайно низкимъ уровнемъ развитія и походятъ скорѣе на какихъ-то животныхъ, нежели на людей. Человѣкъ шесть мулатовъ и два негра, рожденные свободными, рѣзко разнятся отъ остальныхъ умомъ, энергіею и смышленостью. Они пользовались большимъ уваженіемъ со стороны своихъ черныхъ сотоварищей, и назначенные въ форманы, чрезвычайно искусно заставляли ихъ преодолевать лѣнь и работать добросовѣстно. Къ цвѣтнымъ принадлежали четыре китаецъ, неспособные къ тяжелому труду, почему ихъ употребляли для ухода за скотомъ, на накачиванье воды, чистку конюшенъ и тому подобныя, не требующія большого напряженія работы, и два индѣйца, потомки краснокожихъ воиновъ, прежнихъ владѣльцевъ земли, съ которой вытѣснили ихъ блѣднолицые пришельцы. Недалеко отъ Пексена есть небольшая деревня индѣйцевъ, крещеныхъ и приученныхъ къ хлѣбопашеству въ началѣ этого столѣтія католическими миссіонерами. Но видно, спокойная жизнь хлѣбопашцевъ не соответствуетъ организму пустынного охотника. Народонаселеніе, когда-то многочисленное, быстро уменьшается. Крутомъ бѣлые переселенцы быстро достигаютъ благосостоянія и даже богатства, безъ особенно усиленнаго труда, единственно благодаря плодородію почвы, а индѣйцы, несмотря на то, что принадлежать къ однимъ изъ первыхъ, начавшихъ заниматься хлѣбопашествомъ въ этихъ мѣстахъ, едва могутъ выработать столько, чтобы удовлетворить первѣйшимъ потребностямъ и находятся въ постоянной борьбѣ съ нуждою. Одинъ взглядъ на моихъ двухъ товарищей по работѣ, а они, какъ мнѣ говорили, вполнѣ похожи на другихъ осѣдлыхъ индѣйцевъ, ясно убѣждалъ, что не на всѣ расы людей цивилизація дѣйствуетъ одинаково благотворительно. Маленькіе, безсильные, раздражительные и трусливые, они, утративъ физическую силу и дикую энер-

гію свирѣпыхъ воиновъ своихъ предковъ, не пріобрѣли ни одного качества бѣлыхъ, и если переняли отъ нихъ что-либо, то развѣ лѣнь и страсть къ пьянству, въ чемъ далеко превзошли не только своихъ учителей, бѣлыхъ, но даже бывшихъ невольниковъ, негровъ. Въ партіи бѣлыхъ было сначала до десяти природныхъ американцевъ-янки, но къ концу недѣли изъ нихъ не осталось ни одного. Уходя съ плантаціи послѣ работы, каждый день, они составили знакомства и устроились или въ Пексенѣ приказчиками въ складахъ и лавкахъ, или взялись управлять паровыми машинами на фермахъ. Такимъ образомъ, артель бѣлыхъ состояла вся изъ европейцевъ. По численности, главную массу ея составляли ирландцы, болѣе другихъ, послѣ негровъ, способные къ тяжелой работѣ подъ вертикальными лучами солнца. Затѣмъ шли шведы и норвежцы, вѣжливый, честный народъ, отличавшійся особою добросовѣстностью при исполненіи работъ. Нѣмцевъ осталось немного, такъ какъ около 20-ти человѣкъ ушли въ первый же день, не начиная работы, какъ я уже писалъ выше. Затѣмъ шли представители чуть ли не всѣхъ національностей Европы. Это были, частью чернорабочіе по ремеслу, частью люди, которымъ не повезло въ Америкѣ, и волей-неволей пришлось кормиться собственными руками.

Я сошелся ближе другихъ съ Чарли Вигеромъ, очень полюбившимъ меня послѣ того, какъ я подѣлился съ нимъ одѣяломъ, и съ непризнаннымъ живописцемъ Амономъ. Амонъ человѣкъ лѣтъ подъ 30, занимался живописью, но не находилъ сбыта для своихъ произведеній, такъ что долженъ былъ принятъ за черную работу, какъ за болѣе вѣрное средство прокормить себя. Онъ очень неглухъ, остроуменъ и большой весельчакъ.

Число рабочихъ на плантаціи доходило до 250. Всякій день нѣсколько человѣкъ уходило и замѣщалось вновь прибывающими изъ окрестныхъ фермъ. Кромѣ мужчинъ имѣлось еще до 20-ти женщинъ. Это были частью нанятые въ Чикаго, недавно пріѣхавшія изъ Европы, частью приходившія поработать дня на два или на три жены и дочери сосѣднихъ фермеровъ. Женщины не употреблялись не только на полевые, но даже на домашнія работы, которыя требовали напряженія силъ. Онѣ, получая 1½ доллара въ день, занимались приготовленіемъ кушанья, уборкой и мытьемъ посуды, а также стиркою бѣлья для рабочихъ. Постройки на плантаціи состояли изъ наскорою руку сколоченныхъ барачковъ и не были сгруппированы вмѣстѣ, а стояли на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Такъ, баракъ, называвшійся домомъ, помещался у ключа, гдѣ имѣлась сравнительно лучшая вода. Вообще

во всей мѣстности, на нѣсколько десятковъ миль, не было хорошей прѣсной воды. Вода изъ колодцевъ вся болѣе или менѣе содержала желѣзныя соли, отчего на первыхъ порахъ казалась чрезвычайно невкусной. Дня въ три однако къ ней привыкали, и находили ее вполне годною къ употребленію.

Баракъ или домъ былъ двухъ-этажный; внизу помѣщалась комната мистера Требера и Чарли, очень просторная горница, служившая пріемной, и кухня. Во второмъ этажѣ, комната миссъ Треберъ и помѣщеніе для женской прислуги. Съ одной стороны къ кухнѣ была пристроена изъ тесу большая столовая съ деревянными столами и скамейками, за которыми помѣщались всѣ 250 человекъ. Къ дому примыкалъ съ одной стороны огорокъ и садъ; съ другой была оставлена большая площадь съ колодцемъ посрединѣ. Вокругъ колодца проведены жолоба для поенія лошадей, кади съ машинками для стирки бѣлья, длинный столъ съ привѣшенными къ нему въ разныхъ мѣстахъ полотенцами, небольшими складными зеркалами и большимъ запасомъ деревянныхъ лаханей для умыванья. Вода изъ колодца подымалась въ жолоба съ помощью чугуннаго насоса, дѣйствовавшаго такъ легко, что ребенокъ могъ свободно накачать сколько нужно воды. Недалеко отъ дома стояла конюшня на 50 лошадей, употреблявшихся на работу. Остальныя лошади, разныхъ возрастовъ, числомъ до сотни, ходили на свободѣ въ полѣ и загонялись въ особое загороженное мѣсто, называемое здѣсь «кораль». Надъ конюшней сѣноваль, гдѣ спала часть рабочихъ. Въ четверть мили разстоянія отъ дома стоялъ скотный дворъ, надъ которымъ въ сѣноваль спали остальные работники, непомѣстившіеся надъ конюшней. Въ концѣ сада стоялъ сарай, служившій мастерской и складомъ машинъ, ненужныхъ при теперешнихъ работахъ. Сарай, гдѣ производилась молотба и окончательная обработка брумъ-корна, былъ сколоченъ на живую нитеку, такъ чтобы его можно было легко разобрать и перевезти на другое мѣсто, когда работы въ полѣ подвигнутся такъ далеко, что перевозка срѣзаннаго брумъ-корна станетъ затруднительна и стоимость ея превзойдетъ стоимость переноски сарая на болѣе удобное мѣсто. Хозяйство мистера Требера было въ изобиліи снабжено нужными для него машинами и инструментами, содержащимися въ отличномъ порядкѣ. Но было достаточно одного взгляда на способъ храненія этихъ инструментовъ, чтобы убѣдиться, что всѣ рассказы о распространенномъ въ Америкѣ мошенничествѣ и воровствѣ, даже здѣсь, на западѣ, во вновь развивающемся краѣ, лишены всякаго основанія. Только машины и инструменты, ненужныя для работъ,

были заперты въ мастерской, стоящей безъ всякаго караула, далеко отъ жилыхъ построекъ. Машины, нужныя для работъ, не запирались даже на ночь. Такъ, въ сараѣ для обработки, безъ всякихъ запоровъ стояла паровая машина, молотилка, прессы со всѣми принадлежностями и инструментами, могущими понадобится при работѣ. Фуръ, сѣновосилка, конныя грабли, вилы и лопаты ставились по окончаніи работъ рядами, на опредѣленномъ мѣстѣ, противъ конюшни, подъ открытымъ небомъ. Сбруя висѣла на деревянныхъ гвоздяхъ въ стойлѣ лошади, на которую была пригнана. Несмотря на разнокалиберный составъ безпрестанно мѣняющихся рабочихъ, у которыхъ даже почти не спрашиваютъ имени, несмотря на отсутствіе всякаго караула, очень рѣдко пропадаетъ что-нибудь и скорѣе теряется, чѣмъ бываетъ украдено. Обстоятельство, которому съ трудомъ повѣрять тѣ, кому приходится вести хозяйство въ Россіи, гдѣ воровство веревокъ, ремней и желѣза, мало того что причиняетъ значительный ущербъ хозяйну стоимостью пропавшихъ вещей, но даже часто нарушаетъ правильный ходъ работъ, производя остановку для приведенія въ порядокъ оказавшагося неожиданно неисправнымъ инструмента.

Постараюсь выяснитъ причины, по которымъ ничего подобнаго не случается въ хозяйствѣ мистера Требера. Нельзя сказать, чтобы американскіе чернорабочіе отличались всѣ безукоризненною честностью; напротивъ того, состоя преимущественно изъ европейскихкихъ переселенцевъ, они переселили съ собой и недостатки европейскихкихъ рабочихъ. Многіе должны были бѣжать изъ Европы, оттого что прежнія ихъ дѣйствія дѣлали дальнѣйшую жизнь на родинѣ очень затруднительною. Мноѣ не разъ случалось слышать, какъ нѣкоторые хвастались и ставили себѣ въ особое достоинство свое нахальство, безсовѣстность и неуваженіе къ чужой собственности. Подобныя личности, попадающіяся во всякой партіи рабочихъ, набранныя по газетному объявленію, не прочь бы были присвоить себѣ что-нибудь хозяйское и нашли бы возможность сбыть украденную вещь, еслибы ихъ не удерживала самая разнокалиберность партіи, въ которой они работаютъ. Между рабочими всегда найдутся нѣсколько человѣкъ, которые не согласятся принять участіе въ воровствѣ и употребятъ всѣ усилія, чтобы изобличить виновнаго. А рабочій всегда скорѣе усмотритъ за своимъ товарищемъ, чѣмъ хозяинъ. Кромѣ того, столкнувшіеся случайно на работѣ люди рѣдко сходятся близко и, не зная другъ друга, всегда опасаются одинъ другого, чего не бываетъ въ артели, собранной изъ рабочихъ одной мѣстности, знакомыхъ между собой съ малолѣтства. Кромѣ того самыя отношенія между равноправными

американскимъ хозяиномъ и рабочимъ таковы, что рабочіе не имѣютъ основанія быть недоброжелательными въ интересамъ хозяина. Изъ естественнаго, присущаго всякому человѣку чувства справедливости, незаглушеннаго сословною враждою, обязательною работою и гнетомъ со стороны хозяина, сколько-нибудь порядочный рабочій не потерпитъ, чтобы хозяину причинили ущербъ, нравственная отвѣтственность за который падаетъ отчасти и на него. Человѣка, уличеннаго въ воровствѣ, судятъ скоро и строго. Это тоже служить хорошимъ противовѣсомъ желанію присвоить себѣ что-нибудь хозяйское. Кромѣ этой гарантіи со стороны рабочихъ, мистеръ Треберъ съ своей стороны принимаетъ мѣры, несложныя и не требующія большихъ хлопотъ, но все-таки достигающія своей цѣли. Таки: машины, фуры, плуги, лопаты и пр. снабжены четко написаннымъ на нихъ номеромъ и имѣютъ определенное мѣсто, гдѣ должны стоять, когда они не въ употребленіи. Утромъ рабочіе берутъ инструменты по порядку съ мѣста и обязаны вечеромъ, осмотрѣвъ ихъ, поставить на прежнее мѣсто, причемъ всегда присутствуетъ или самъ мистеръ Треберъ или его сынъ. Если инструментъ получилъ поврежденіе, то онъ ставится въ особое мѣсто, предназначенное для инструментовъ требующихъ починки. Обыкновенно, маловажныя поврежденія исправляются тутъ же самимъ рабочимъ, передъ сдачей инструмента, такъ какъ рабочаго, у котораго часто ломаются инструменты и рвется сбруя, не будутъ держать. Въ случаѣ же инструментъ сломается во время работы, днемъ, то рабочій обязанъ, не теряя времени за починкою въ рабочее время, отвезти или отнести его къ ломанымъ вещамъ и взять для работы запасный. Если во время работы потеряется какая-нибудь часть, то вечеромъ рабочій обязанъ, при сдачѣ, объявить объ этомъ хозяину и тогда не подвергается никакой отвѣтственности. Если же рабочій не объявитъ о потерѣ и ее замѣтитъ хозяинъ, то съ рабочаго производится вычетъ стоимости потерянной вещи. Это заведено съ цѣлью заставить рабочихъ внимательнѣе осматривать вечеромъ исправность инструмента, чтобы въ число поступающихъ на другой день въ работу не попало ломаныхъ, могущихъ задержать работу. Ломанья машины или отвозятся для починки въ городъ, или чинятся по распоряженію м-ра Требера самими рабочими въ мастерской. Тотъ же порядокъ относится и къ лошадамъ, причемъ ни подъ какимъ видомъ не допускается работа на больной лошади. Чуть рабочій замѣтитъ, что съ лошадыю что-нибудь случилось, какъ обязанъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Требера или Чарли, которые принимаютъ свои мѣры для леченія. При

такомъ порядкѣ, хозяйство идетъ, какъ заведенные часы, безъ остановокъ и проволочекъ, ходьбы взадъ и впередъ, поглощающихъ столько времени въ нашихъ русскихъ хозяйствахъ.

Рабочіе дни распредѣлялись у насъ слѣдующимъ образомъ: въ шесть часовъ утра, по звонку, рабочіе вставали, умывались у колодца и садились за бреквестъ, состоящій изъ пшеничнаго хлѣба, кофе, картофеля, ветчины или слегка поджареннаго сала, сыра и патоки. Послѣ бреквеста отправлялись на работу и работали до двѣнадцати часовъ. Въ двѣнадцать, по звонку, возвращались на плантацію, умывались, садились за обѣдъ, состоявшій опять изъ тѣхъ же блюдъ, какъ и бреквестъ, но кофе замѣнялся жареною говядиною или, когда ее было трудно достать, солониной или рыбой. Съ часу до шести опять работали. Въ шесть часовъ ужина такой же, какъ и бреквестъ, съ прибавленіемъ молока или простокваши. Говорить нечего, что кушанье подавалось не по порціямъ, а всякій ѣлъ сколько хотѣлъ. Послѣ ужина рабочіе могли располагать своимъ временемъ какъ имъ угодно. Нѣкоторые уходили въ городъ или на сосѣднія фермы; другіе занимались тѣмъ, придется, большею частію читали газеты, каждый день покупаемыя у мальчика, развозившаго ихъ изъ Пексена по плантаціямъ и фермамъ. Въ воскресенье этотъ порядокъ нарушался. Бреквестъ можно было получить въ семь и въ девять часовъ, смотря какъ кто встанетъ. Обѣдъ былъ готовъ въ часъ. Чтобы женская прислуга имѣла тоже время отдохнуть, желающіе могли взять отъ обѣда чего-нибудь въ вечеру, такъ какъ по воскресеньямъ ужинъ не готовился. Въ воскресенье утромъ желающіе заявляли о своемъ намѣреніи ѣхать въ городъ, на каковой предметъ послѣ второго бреквеста снаряжались фуры по числу заявившихъ свое желаніе. Изъ сказаннаго выше видно, какая огромная разница между положеніемъ американскаго и европейскаго рабочаго. Не мудрено, что массы переселенцевъ, оставивъ Старый Свѣтъ, стремятся въ Америку и тамъ, если не погибаютъ по своей собственной лѣни и испорченности на первыхъ же порахъ, скоро достигаютъ благосостоянія, немыслимаго на родинѣ, и изъ несчастныхъ пролетаріевъ, вслѣдствіе измѣненія окружающей ихъ среды, вырабатываются въ полезныхъ, самостоятельныхъ гражданъ.

Описавши порядокъ, заведенный на плантаціи, буду продолжать мой рассказъ. Въ теченіи недѣли мы нарѣзали достаточный запасъ кистей брумъ-ворна, чтобы приступить къ дальнѣйшей его обработкѣ. Кромѣ того, м-ръ Треберъ, привычный опредѣлять качества рабочихъ, достаточно присмотрѣлся къ намъ, чтобы назначать на работу, болѣе подходящую къ способностямъ каждого.

Оставивъ негровъ и ирландцевъ на полѣ, онъ назначилъ шведовъ для возки срубаннаго брумъ-корна на фурахъ въ сарай, такъ какъ эту работу трудно контролировать и обхождение съ лошадьми требуетъ большей внимательности, а, какъ я уже говорилъ, шведы отличались чрезвычайною добросовѣстностію работы, остальныхъ 70 человекъ назначилъ въ сарай для обработки брумъ-корна. Управлять машиной взялся самъ, такъ какъ между рабочими не оказалось ни одного знакомаго съ этимъ дѣломъ. Рабочихъ въ сараѣ разбилъ на три артели: двѣ по 25 и одну въ 20 человекъ, назначивъ къ нимъ форманами Амона, Вигера и меня. Артель Амона должна была сгружать привезенные возы брумъ-корна и вносить ихъ въ сарай, моя—сортировать, подносить въ молотилку и отгребать отъ машины намолоченное сѣмя въ большую кучу внѣ сарая; артель Вигера — относить обмоложенныя кисти и раскладывать ихъ для просушки. Для этого въ сараѣ на стойкахъ были прибиты, въ нѣсколько рядовъ отъ земли до крыши, горизонтальные бруски. На эти бруски поперегъ накладываются легкія жердочки, на которыхъ тонкимъ слоемъ разставлялись обмоложенныя кисти брумъ-корна. При сѣвномъ вѣтрѣ, бывшемъ постоянно въ сараѣ отъ продѣланныхъ для этой цѣли въ стѣнахъ отверстій, кисти высыхали совершенно дня въ три или въ четыре. Сортировка брумъ-корна производилась слѣдующимъ образомъ: охапки привезенныхъ спутанныхъ кистей валились на длинный столъ, у котораго стояли или сидѣли, какъ кому казалось удобнѣе, рабочіе моей артели. Длинные, прямые, зеленые кисти откидывались ими отдѣльно; зрѣлыя, имѣвшія не ярко-зеленый, а желтоватый, иногда красноватый оттѣнокъ, отдѣльно. Такимъ же образомъ раскладывались на два сорта короткія кисти и, наконецъ, въ одну общую кучу кривыя, безъ различія цвѣта, составляющія низшій сортъ. Кисти при сортировкѣ складывались такъ, чтобы комли приходились къ комлямъ какъ можно ровнѣе. Каждый рабочий, набравъ передъ собою такимъ образомъ пять кучъ, по ржаному снопу толщиной, относилъ ихъ въ молотилку, гдѣ складывалъ каждый снопокъ въ соответствующую его сорту одну изъ пяти кучъ, расположенныхъ у молотилки рядами. Моя обязанность была наблюдать за тѣмъ, чтобы рабочіе приносили, по возможности, одинаковое количество хорошо разобранныхъ кистей и, при помощи двухъ рабочихъ, выбранныхъ мною изъ артели, подавали въ молотилку сортированные кисти. Сначала молотили зеленныя, потомъ, когда запасъ ихъ истощался, принимались за желтыя и т. д., давая каждый разъ знать Вигеру, какой сортъ поступаетъ въ молотилку, чтобы онъ могъ распоря-

даться, куда его складывать для просушки и не перемѣшать разные сорта.

Молотилка устроена такимъ образомъ: два горизонтальныхъ деревянныхъ вала, снабженные шипами, или тупыми гвоздями, вбитыми въ нихъ на разстояніи дюйма одинъ отъ другого, въ шахматномъ порядкѣ, вращались въ противоположныя стороны и обмолачивали съ попавшихъ между ними кистей брумъ-корна некрѣпко приросшія сѣмена, нисколько не повреждая самыхъ кистей. Длинное безконечное полотно идетъ по горизонтальному направленію около самыхъ валовъ, составляя съ ними уголъ градусовъ въ 15. Полотно это снабжено по краямъ особыми зацѣпками, между которыми небольшимъ валикомъ, подъ которымъ проходитъ полотно, положенныя на него кисти плотно зажимаются и не могутъ выскочить, когда ихъ подтянетъ подъ шипы обмолачивающихъ валовъ. Кисти брумъ-корна кладутся на полотно такъ, чтобы верхняя часть, покрытая сѣменами, свѣшивалась съ полотна на сторону, гдѣ находятся валы, и попадала между ними. Обмолоченныя кисти, пройдя валы, при поворотѣ безконечнаго полотна, вываливались на полъ, откуда ихъ уносили для просушки. Сѣмена падали по другую сторону валовъ и выгребались черезъ отверстіе въ стѣнѣ наружу сарая, гдѣ складывались въ кучу. Молотилка приводилась въ движеніе ремнемъ отъ 15-ти-сильнаго локобиля, помѣщеннаго внѣ сарая, подъ особо-устроеннымъ навѣсомъ.

Хотя работа въ сараѣ требовала большей внимательности и работать приходилось почти безъ отдыха, все-таки было легче, чѣмъ въ полѣ: не жгло солнцемъ, да и сидя, не употребляя почти усилій руками, не такъ устанешь, какъ отъ постоянной бѣготни по полю между стеблями брумъ-корна. Относительно физическаго напряженія при молотилкѣ мнѣ было легче другихъ, почему, не желая потерять занятого мною положенія формана, я употреблялъ всѣ усилія, чтобы возбуждать находившихся подъ моимъ вѣдѣніемъ рабочихъ къ добросовѣстной работѣ и зорво слѣдить за тѣмъ, хорошо ли разсортированы приносимыя ими охапки брумъ-корна. Тутъ я на себѣ испыталъ преимущество назначенія распорядителя изъ среды самихъ рабочихъ передъ посторонними, специально для этого нанятыми десятниками, или форманами. Тогда какъ послѣдній, увѣренный въ своемъ положеніи, можетъ поддаться лѣни и смотрѣть на работу не съ одинаково напряженнымъ вниманіемъ, рабочій будетъ, какъ говорится, лѣзть изъ кожи, чтобы не потерять своего непрочнаго положенія исправляющаго должность формана, — обязанность, ко-

торая мало того, что всегда сопряжена съ менѣ тяжелой работой, но и льститъ самолюбію.

Когда машина не требовала присутствія м-ра Требера, то онъ приходилъ на нѣсколько минутъ въ сарай и, помогая работать той или другой артели, старался поддержать веселое настроеніе рабочихъ; такъ что при шуткахъ, хохотѣ и разговорахъ рабочіе часы проходили очень быстро, безъ тѣни того томительнаго ожиданія, когда зазвонятъ къ шабашу, проявлявшагося каждый разъ при копаньи глины на кирпичномъ заводѣ или при ломаньи и рѣзаньи взапуски брумъ-корна въ подѣ. Работа въ сараѣ съ перваго раза пошла успѣшнѣе, чѣмъ ожидалъ м-ръ Треберъ, что, видимо, доставляло ему большое удовольствіе, и въ пятницу къ обѣду была окончена молотба, долженствовавшая кончиться въ субботу. По окончаніи молотбы, всѣ три артели заставили снимать и сносить въ кучи просохшій брумъ-корнь къ тому мѣсту, гдѣ предполагалось установить прессы. Потомъ установили и самыя прессы такъ, чтобы можно было приступить съ понедѣльника, тотчасъ по приходѣ на работу, къ прессованію. Все это заняло часа два времени, то-есть отъ часа до трехъ, послѣ которыхъ м-ръ Треберъ объявилъ намъ, что въ этотъ день мы можемъ болѣе не работать. Это очень обрадовало рабочихъ съ соседнихъ фермъ, давъ имъ возможность сходить домой почти на цѣлыхъ полдня.

Въ субботу всѣхъ отправили въ поле, кромѣ Вигера, Амона и меня, которыхъ м-ръ Треберъ, въ видахъ поощренія, захотѣлъ избавить отъ сравнительно тяжелой работы и послалъ въ Пексенъ, отвезти для починки ломаные инструменты и привезти оттуда проволоки для обручей на брумъ-корнь и сѣстныхъ припасовъ. Такъ какъ намъ нужно было пробить въ городѣ до вечера, пока инструменты будутъ починены, то кромѣ записокъ мастерамъ и въ лавки, онъ выдалъ намъ на содержаніе 10 долларовъ, не въ счетъ заработанной платы. Возложенныя на насъ порученія намъ удалось исполнить хорошо. Проволоку мы отыскали и купили новую, а уже бывшую разъ въ употребленіи, что уменьшало работу на разрѣзку и загибаніе концовъ, а стоимостью она была почти на половину дешевле противъ новой. Такъ какъ всѣ трое мы были непьющіе, то вернулись домой не поздно и трезвые, что доставило опять большое удовольствіе м-ру Треберу. А узнавъ, что при покупкѣ проволоки мы воспользовались тѣмъ, что онъ говорилъ во время работы, что бывшая въ употребленіи проволока выгоднѣе новой и составили ему экономію, разсчитавъ какъ велика эта экономія и объявилъ намъ, что половину ея онъ счи-

застъ принадлежащую по праву намъ, почему мы и получимъ при расчетѣ по 23 лишнихъ доллара каждый. Говорить нечего, что намъ приятно было заработать въ какіе-нибудь полчаса лишней ходьбы по желѣзнымъ лавкамъ сумму, изъ за-которой пришлось бы работать почти цѣлыхъ двѣ недѣли. Въ воскресенье пелъ дождь, почему большая часть рабочихъ сидѣла на сѣновалѣ надъ конюшней, куда пришли и помѣщавшіеся надъ скотнымъ дворомъ. Въ своемъ помѣщеніи, на сѣновалѣ, мы постарались окружить себя возможнымъ комфортомъ. Изъ досокъ сдѣлали себѣ ящики, въ родѣ тѣхъ, какіе устроены на корабляхъ въ междупалубномъ пространствѣ. Натаскавъ въ эти ящики сѣна изъ большой скирды, бывшей около конюшни, устроили себѣ отличныя постели. Щели, между досками, въ стѣнахъ законопатели и прорѣзали, съ разрѣшенія м-ра Требера, окошки, снабженныя завѣсками. Посрединѣ сѣновала, на старыхъ бочкахъ отъ соломинны, устроили длинный столъ, у котораго можно было заниматься, сидя на боченкахъ отъ масла, вполне замѣнявшихъ табуреты, такъ что сѣноваль принялъ видъ очень удобнаго жилища.

Послѣ обѣда, въ воскресенье, многіе, въ томъ числѣ и я, сидѣли за импровизованнымъ столомъ и писали письма; вдругъ, послѣ сильнаго взрыва ругательства, у одного конца стола раздался ужасный крикъ, похожій скорѣе на рычаніе звѣря, чѣмъ на крикъ человѣка. Двое рабочихъ, ирландецъ и негръ, поссорились; ирландецъ ударилъ негра до крови въ глазъ, за что негръ хватилъ его ножомъ. Драва могла бы кончиться очень трагично, если бы бывшіе вблизи рабочіе не растащили дерущихся и не поддержали, пока они успокоились. Причина ссоры была слѣдующая: еще въ Чикаго замѣтилъ я, что между нѣмцами и ирландцами существуетъ соперничество, переходящее даже во вражду въ низшихъ слояхъ грубыхъ чернорабочихъ. Но антагонизмъ между нѣмцами и ирландцами можно считать дружескими отношеніями въ сравненіи съ ненавистью и презрѣніемъ, существующими между ирландцами и неграми. До истинной причины этой ненависти я не могъ добраться, но полагаю, что она тождественна съ причиною ненависти въ китайцамъ. Какъ китайцы, такъ и негры довольствуются меньшею задѣльной платою, далеко превосходя способностью работать ирландцевъ: негры на тяжелыхъ работахъ, китайцы на ремеслахъ, требующихъ, при маломъ усиліи, кропотливости и терпѣнія. Ирландцы, привыкшіе на родинѣ къ разнымъ стачкамъ и створамъ, смотрятъ на всякаго, не считающаго для себя выгоднымъ дѣйствовать за-одно съ ними, какъ на непримиримаго врага. Тутъ-же примѣшивается религіозная нетерпимость,

такъ какъ ирландцы фанатическіе католики, а негры, большею частію, протестанты и цвѣтъ ихъ кожи напоминаетъ цвѣтъ дьявола.

Чарли Треберъ, распорядившійся въ полѣ, захотѣлъ воспользоваться этою ненавистью для успѣшнаго хода работъ и потому ставилъ артель негровъ неподалеку отъ артели ирландцевъ съ тѣмъ, чтобы они другъ передъ другомъ торопились работать. Работа, дѣйствительно, пошла успѣшнѣе, но ненависть, выражавшаяся прежде презрительными взглядами, перешла теперь въ насмѣшки и перебранки, которыя, начинаясь на работѣ, продолжались и на сѣновалѣ, гдѣ спали всѣ, безъ различія цвѣта или національности, а по времени поступленія на работу. Въ воскресенье, съ утра, началась перебранка, кончившаяся тѣмъ, что одинъ изъ негровъ назвалъ ирландцевъ ворами, за что и получилъ отъ одного изъ нихъ ударъ въ глаза. Еще и прежде нѣкоторые, болѣе горячіе изъ обѣихъ враждующихъ сторонъ, покушались отъ словъ перейти въ кулачной расправѣ, но болѣе разумнымъ удавалось сдерживать эти порывы. Теперь, когда разъ произошла драка, повтореніе ея можно было ожидать на каждомъ шагу; а разъ начнутъ драться—пойдутъ въ дѣло ножи и можетъ выдти очень плохая исторія. Кромѣ того, послѣдніе дни стали пропадать различныя мелкія вещи, какъ-то: ножи, гребни, галстуки, которые рабочіе, уходя на работу, оставляли на сѣновалѣ незапертыми. Очевидно, между нами были личности, которыя, не смѣя пользоваться вещами хозяина, принимались красть у своихъ товарищей. Безнаказанность мелкаго воровства могла поощрить воровъ къ болѣе крупнымъ предпріятіямъ, что было бы очень непріятно. Все это вмѣстѣ побудило насъ устроить какой-либо порядокъ, могущій гарантировать безопасность какъ нашихъ личностей, такъ и вещей.

Надо замѣтить, что мѣстность около Пексена принадлежитъ къ такъ-называемымъ директоріямъ, то-есть большая часть земель принадлежитъ еще Вашингтонскому правительству, а жители, приобрѣвшіе часть этой земли, слѣшкомъ малочисленны и недостаточно густо заселены, чтобы быть въ состояніи имѣть свою выборную администрацію, чиновники которой назначаются сюда не по выбору, а отъ правительства штата, и то въ весьма ограниченномъ числѣ. Такъ, въ Пексенѣ и его окрестностяхъ имѣется всего одинъ судья, одинъ констебль и два или три полицімена. Поэтому, сами жители заботятся о своей безопасности, нособия другъ другу преслѣдовать личностей, нарушающихъ общественный порядокъ, и расправляются съ ними, по усмотрѣнію, или сами, или доставляютъ ихъ къ городскому судѣ.

Вотъ мы и воспользовались этимъ обычаемъ охранять самихъ себя; пригласили м-ра Требера на сѣноваль, и послѣ долгихъ споровъ постановили: 1) Чтобы во время работъ никто не смѣлъ имѣть при себѣ револьвера, ножа или другого оружія; 2) чтобы ежедневно два человѣка, поочереды между всѣми нами, осматривали сѣноваль послѣ ухода рабочихъ, прибирали оставленные случайно незапертыми вещи и возвращали ихъ хозяину. Если же пропадетъ какая-нибудь вещь, то очередные должны принимать всѣ мѣры къ розысканію ее, имѣя право на этотъ предметъ произвести обыскъ у кого пожелаютъ; 3) всякій, виновный въ нарушеніи двухъ пунктовъ, то-есть уличенный въ ношеніи оружія или въ воровствѣ, долженъ быть тотчасъ же расчиснанъ и отправленъ съ плантаціи, причѣмъ съ укравшаго что-либо удерживается тройная стоимость вещи, въ видѣ штрафа и поступаетъ въ пользу богоугодныхъ заведеній въ Пексенѣ, на постройку которыхъ собираются теперь по подпискѣ деньги; 4) если кто-либо нападетъ на другого и причинить ему побои, тотъ также подвергается высылкѣ съ плантаціи и штрафу, смотря по причинѣ, вызвавшей побои, отъ 10 до 20 долларовъ, причѣмъ побитый не лишается права исказъ удовлетворенія за обиду у судьи въ Пексенѣ; 5) всякій, кто нанесетъ другому рану острымъ оружіемъ, съ цѣлью лишить его жизни, будетъ препровожденъ къ судѣ въ Пексенѣ, а если окажетъ при этомъ сопротивленіе, то безъ дальнихъ разговоровъ будетъ повѣшенъ. Эти пять пунктовъ, написанные крупными буквами въ нѣсколькихъ экземплярахъ, были привѣшены у дома, у двухъ сѣновалей и сарая, чтобы вновь приходящіе рабочіе могли, предъ поступленіемъ на работу, читать ихъ. Кромѣ того, въ предупрежденіе ссоръ, положили, чтобы бѣлые заняли одинъ сѣноваль, а цвѣтные — другой. М-ръ Треберъ, заботившійся о томъ, чтобы не было дѣлаемо никакого различія между рабочими по цвѣту кожи, запротестовалъ-было противъ этого, но долженъ былъ уступить, когда крикандцы стали кричать, что негры издаютъ особый запахъ, дѣлающій ихъ сосѣдство невыносимымъ, и тѣмъ вызвали такой взрывъ негодованія со стороны негровъ, что чуть-было, несмотря на наши новыя постановленія, не пошли въ дѣло ножи.

Мнѣніе, что негръ имѣетъ особый запахъ, распространилось вслѣдствіе ихъ неопрятности во время невольничества, и, по моему, лишено всякаго основанія. Ничѣмъ нельзя такъ разсердить негра, какъ напомнивъ ему о запахѣ, который, будто-бы, издаетъ его тѣло. Кому спать на которомъ сѣновалѣ—предоставили рѣшить жребію. Бѣлымъ пришлось остаться надъ конюшней, а цвѣтнымъ перейти на сѣноваль надъ скотнымъ дво-

ромъ. Мѣры, принятыя нами, оказались дѣйствительными. Драгъ больше не было и вещи перестали пропадать.

Въ понедѣльникъ м-ръ Треберъ растолковалъ мнѣ, какъ производится прессованіе, далъ мнѣ въ распоряженіе 20 негровъ, какъ болѣе способныхъ на эту работу, и назначилъ меня къ прессамъ. Работа производилась такъ: въ шесть стоячихъ ящиковъ, съ опущенными подвижными днами, накладывали рядами сушенныя кисти брумъ-корна такъ, чтобы тонкіе концы приходились одинъ на другой въ срединѣ, а концы доходили до двухъ, стоящихъ одна противъ другой, стѣнокъ ящика, столько, сколько въ нихъ можно было помѣстить кистей уминая ногами. Когда ящики наполнены, ихъ закрываютъ толстыми крышками и закладываютъ крѣпкими закладками. Тогда, надѣвъ на блокъ ремень отъ паровой машины и помощью особаго механизма съ винтомъ, приподнимаютъ къ верху опускаемое дно ящика до тѣхъ поръ, пока пространство между дномъ и крышкою, занимаемое кистями брумъ-корна, не уменьшится на $\frac{2}{3}$ противъ прежняго. Ремень снимаютъ съ блока, откидываютъ одну стѣнку ящика, укрѣпленную на шарнирѣ, и затягиваютъ тую брумъ-корна шестью проволочными обручами, пропуская ихъ въ длинные узкія отверстія стѣнки противоположной съ откидною, и между брусками набитыми на внутреннихъ сторонахъ дна и крышки. Одинъ конецъ проволоки продѣвается въ петлю сдѣланную на другомъ, послѣ чего загибается и закручивается особыми клещами. Въ такомъ туюѣ, имѣющемъ около 4-хъ футъ длины и 3-хъ толщины и ширины и вѣсящемъ отъ 180 до 250 фунтовъ, смотря по качеству матеріала, брумъ-корнъ долго сохраняется, не измѣняя цвѣта и не занимая напрасно мѣста. Онъ перевозится на большія разстоянія, преимущественно въ восточныя штаты. При прессованіи брумъ-корна употребляютъ почти такіе же прессы, какъ у насъ при вязаньи льна въ полу-пудки, то-есть кисти лучшаго цвѣта и съ тонкими стеблями кладутся снаружки, а худшее волокно того же сорта внутрь тюка. Это дѣлается не съ цѣлю надувательства, а просто для того, чтобы пощеголять красивый видъ тюковъ. Подмѣшиванье низшаго сорта къ высшему не допускается ни подъ какимъ видомъ, такъ какъ тюки сдаются на совѣсть, и обманъ, если онъ будетъ открытъ, кромѣ наказанія за мошенничество, во всякомъ случаѣ повредитъ личному кредиту какъ самого продавца, такъ и комиссіонера, чрезъ котораго производилась продажа, а дѣловой человѣкъ въ Америкѣ дорожитъ больше всего на свѣтѣ своимъ личнымъ кредитомъ. При прессованіи брумъ-корна моя обязанность состояла въ томъ, чтобы

наблюдать за правильностью прессованія, т.-е. чтобы прессы на-
 кладывались одновременно, чтобы лучшія висти клались къ краямъ,
 чтобы проволока хорошо стягивалась и загибалась и, наконецъ,
 когда готовые тюки уже вынуты изъ прессы, я долженъ былъ,
 свѣсивъ ихъ на находившихся тутъ же вѣсахъ, записать вѣсъ
 каждого тюка въ особую книгу и надписать на дощечкѣ, при-
 хватченной къ тюку двумя средними обручами, № тюка, его вѣсъ,
 сортъ и имя плантатора. Какъ бывшему русскому сельскому хо-
 зяину, подобная работа была мнѣ очень знакома и не представ-
 ляла никакихъ затрудненій. Только первый день я не зналъ какъ
 поддерживать энергію и охоту къ работѣ въ неграхъ, весьма легко
 поддающихся лѣни. Прибаутками я этого сдѣлать не могъ по
 плохому знанію англійскаго языка, а негры не говорили на дру-
 гомъ. На слѣдующій день я открылъ, что они очень самолюбивы
 и остались очень довольны, когда я не покрикивалъ на нихъ въ
 первый день и не обходился съ ними съ полупрезрительнымъ,
 покровительственнымъ видомъ, какой имѣютъ обыкновеніе прини-
 мать на себя бѣлые рабочіе говоря съ негромъ. Поэтому я сталъ
 прибавлять къ имени каждого изъ нихъ слово *мистеръ* (госпо-
 динъ) и чуть только замѣчалъ, что который-нибудь изъ нихъ на-
 чинаетъ прилѣживаться, я, нисколько не возвышая голоса, просилъ
 одного изъ негровъ, понимавшаго нѣсколько по-французски, пе-
 редать тому джентльмену, что если онъ усталъ, то пусть лучше
 выйдетъ отдохнуть и подышать свѣжимъ воздухомъ внѣ сарая, чтобы
 не задерживать работу остальныхъ, или что ему вѣроятно душно
 въ сараѣ и было бы пріятнѣе работать въ полѣ на открытомъ
 воздухѣ, о чемъ, если онъ желаетъ, я могу передать м-ру Тре-
 беру. Подобныя замѣчанія вызывали дружный хохотъ негровъ;
 черный джентльменъ конфузился, какъ-то смѣшно выпучивалъ на
 меня глаза, умильно улыбался, показывая бѣлые зубы, и прини-
 мался работать съ удвоеннымъ стараніемъ. Этотъ методъ удался
 мнѣ вполне. Негры работали очень хорошо и передали своимъ
 товарищамъ, что бѣлый форманъ обходится съ ними, какъ съ на-
 стоящими джентльменами, за что тѣ стали тоже очень благово-
 лить ко мнѣ, что выражалось умильнымъ ослабленіемъ бѣлыхъ зубовъ,
 появлявшихся бѣлымъ пятномъ на черномъ лицѣ, при встрѣчѣ со мною.

Работа шла успѣшно до пятницы, какъ вдругъ, когда надо
 было спрессовать второй разъ наложенные прессы, надѣтый на
 блокъ ремень отказался работать. На другомъ концѣ сарая, мо-
 лотилка, у которой послѣ меня стоялъ Вигеръ, тоже вдругъ оста-
 новилась. Между тѣмъ слышно было, что машина работаетъ и
 м-ръ Треберъ, управлявшій ею, не останавливалъ ее; напротивъ,

поршни заходили въ цилиндрахъ быстрѣе и быстрѣе. Отправился на машину, чтобы сообщить о случившемся м-ру Треберу и узнать о причинѣ остановки. Оказалось, что чугунный блокъ, приводившій въ движеніе ремни на молотилѣ и прессахъ, по какой-то неизвѣстной причинѣ разлетѣлся на три части. Такъ какъ подобная вещь случается очень рѣдко, то при машинѣ не имѣлось запаснаго блока. На несчастье вблизи Пексена не было ни одного литейнаго завода, гдѣ бы можно было достать блокъ, и приходилось выписывать его изъ Чикаго, на что бы потребовалась по крайней мѣрѣ недѣля; а тѣмъ временемъ машина должна была стоять безъ работы, причемъ остановка молотбы и прессованья могла причинить значительные убытки, какъ въ качествѣ брумъ-ворна, могшаго испортиться отъ долгаго лежанья необмолоченнымъ въ кучахъ, отчего онъ потерялъ бы цвѣтъ и упругость, такъ и въ срокѣ доставки къ коммиссіонеру. Это не-пріятное обстоятельство сильно опечалило м-ра Требера. Онъ тотчасъ же отправилъ на почту письмо на механическій заводъ въ Чикаго, а всѣхъ рабочихъ послалъ на поле, рѣзать брумъ-корнъ. Во время занятій хозяйствомъ въ Россіи, мнѣ часто приходилось чинить сломанныя части машинъ желѣзомъ и деревомъ, при помощи доморощенныхъ кузнецовъ и плотниковъ. Никакъ не ожидалъ я, чтобы пріобрѣтенная мною въ этомъ дѣлѣ опытность пригодилась въ Америкѣ. Но вышло такъ. Я рассказалъ м-ру Треберу какъ это мнѣ приходилось дѣлать и полагаю, что блокъ можно сплечь провернувъ въ немъ дырки и пропустивъ въ нихъ желѣзные прутья, и что хотя я самъ, можетъ быть, не въ состояніи это сдѣлать, такъ какъ не умѣю ковать, но указать какъ сдѣлать—могу. М-ру Треберу понравилась эта мысль, а какъ между рабочими не оказалось ни одного кузнеца, то онъ рѣшилъ, что мы вдвоемъ отправимся въ мастерскую и общими силами какъ-нибудь постараемся починить блокъ. Отнесли куски блока въ мастерскую, проработали до вечера, но неумѣя ковать испортили порядочно желѣза, но все-таки добились своего, починили блокъ, такъ что онъ отлично прослужилъ намъ двѣ недѣли, пока привезли новый изъ Чикаго. Въ это время м-ру Треберу надо было отлучаться часто изъ дому, да и подъ машиной вѣроятно надоѣло сидѣть, почему онъ назначилъ на мое мѣсто къ прессамъ Амона, а меня приставилъ къ машинѣ. Эта новая должность очень мнѣ понравилась. Во-первыхъ, я могъ научиться управлять паровой машиной, что чрезвычайно полезно американскому рабочему, такъ какъ въ Америкѣ паръ примѣняютъ гдѣ только возможно; во-вторыхъ, тяжелой работы мнѣ прихо-

дилось всего какой-нибудь часъ въ день: именно, утромъ до бревеста, заготовить нужное количество каменнаго угля, затопить печь и развести пары, а вечеромъ — высыпать золу въ особую кучу за сараемъ, смазать масломъ и вычистить нѣкоторыя части машины. Затѣмъ въ теченіи цѣлаго дня, поставивъ разъ огонь такъ, чтобы стрѣлка динамометра показывала девяносто, время отъ времени вкидывать лопату или двѣ угля въ печь для равномернаго поддерживанія жара, да еще раза два въ день пособить свалить бочки съ водою, которую конные рабочіе привозятъ для питанія паровика. Остальное время у машины я могъ заниматься чѣмъ хотѣлъ. Въ то же время м-ръ Треберъ, рассчитывая уѣзжать съ Чарли по дѣламъ на нѣсколько дней съ плантаціи, не хотѣлъ оставлять домъ безъ караула ночью, а такъ какъ мнѣ приходилось вставать раньше другихъ рабочихъ, что было несовсѣмъ удобно на сѣновалѣ, то онъ и предложилъ мнѣ перебраться въ домъ съ тѣмъ изъ товарищей, котораго я считалъ благонадежнымъ. Я выбралъ Чарли Вигера. Въ теплой комнатѣ на кровати спать было не въ примѣръ лучше, чѣмъ на сѣновалѣ, гдѣ, несмотря на принятые нами мѣры, по ночамъ часто нельзя было заснуть отъ холода.

Впрочемъ, недолго пришлось мнѣ управлять машиной. Чарли Треберу понадобилось уѣхать недѣли на двѣ въ Чикаго, такъ что въ администраціи надо было сдѣлать преобразованія. Кромѣ того въ полевыхъ работахъ стали замѣтны упущенія. Во время частыхъ отлучекъ Чарли, надзоръ за рабочими въ полѣ лежалъ на форманахъ артелей. Конная артель и артель ирландцевъ, гдѣ форманами были два очень толковые шведа, работали по прежнему. Но артель негровъ, работавшая прежде успѣшнѣе бѣлой, стала сильно отставать. Это происходило оттого, что когда цвѣтныхъ помѣстили отдѣльно отъ бѣлыхъ, мулаты и два негра обидѣлись и ушли съ работы, а изъ оставшихся трудно было выбрать хорошаго формана. Противъ этого надо тоже было принять мѣры.

Мистеръ Треберъ распорядился такъ: поставивъ Чарли Вигера съ помощникомъ по его выбору у машины, поручилъ ему надзоръ за свалкой, сортировкой и молотбой брумъ-ворна, а такъ какъ Вигеръ хорошо владѣлъ англійскимъ языкомъ, то долженъ былъ вести и хозяйственныя книги. Просушку и прессованіе поручили Амону, мнѣ же мистеръ Треберъ довѣрилъ надзоръ за всѣми отраслями хозяйства на плантаціи, прося при этомъ воспользоваться расположеніемъ негровъ и найти способъ заставить ихъ работать успѣшнѣе. Эта новая должность была очень хлопотлива, такъ какъ съ утра до поздняго вечера прихо-

дилось ѡбгаты или скакать верхомъ въ разные концы плантаціи, а также возить миссъ Треберъ въ качествѣ кучера, когда ей вздумается съѣздить къ сосѣдямъ въ гости, сдавать брумъ-корнъ въ Пексенъ и закупать разные нужные въ хозяйствѣ принасы. Но за то эти хлопоты, кромѣ значительной прибавки жалованья, вполне вознаграждались возможностью изучить веденіе американскаго плантаторскаго хозяйства на практикѣ и присмотрѣться къ фермерскому хозяйству на сосѣднихъ фермахъ.

Кромѣ обработки брумъ-корна, составлявшей главный предметъ занятій, на плантаціи были развиты другія отрасли хозяйства, которымъ, по ихъ сравнительно малымъ размѣрамъ, не придавали здѣсь особеннаго значенія, а ставили ихъ на второй планъ, несмотря на то, что сами по себѣ онѣ могли бы составить у насъ въ Россіи огромное хозяйство, съ особою администраціею и массою безтолково суетящихся дешевыхъ рабочихъ. Такъ, у насъ было, кромѣ 50-ти рабочихъ лошадей, преимущественно старыхъ, купленныхъ за возможно дешевую цѣну, лишь бы возили, до 40-ка кобылицъ хорошей полукровной кентукійской породы, негодныхъ на работу, но могущихъ еще имѣть жеребятъ. Эти кобылицы случались съ заводскими жеребцами богатаго фермера Сульвана, миляхъ въ 30-ти отъ Пексена. Кромѣ нѣнѣшнихъ жеребятъ отъ этихъ кобылицъ, было еще скуплено нѣсколько годовалыхъ и двухлѣтокъ. Весь этотъ табунъ постоянно пасся въ полѣ и загонялся на ночь въ кораль, до глубокой осени, къ которому времени предполагалось устроить особую конюшню. Для пастбы и надзора за этимъ табуномъ имѣлся одинъ пастухъ, мулатъ, пріучившій до того лошадей къ себѣ, что они слушались его голоса и не представляли никакихъ затрудненій при пастбѣ и загонѣ. На скотномъ дворѣ имѣлось до 150-ти штукъ скота, изъ которыхъ 20 дойныхъ коровъ, остальные телата разныхъ возрастовъ. Для ухода за скотомъ имѣлось швейцарское семейство, состоявшее изъ отца, трехъ сыновей и пяти взрослыхъ женщинъ. Это семейство не получало жалованья, а довольствовалось помѣщеніемъ, опредѣленнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ и молочными скопами отъ 20 дойныхъ коровъ. Впрочемъ, скопы всѣ покупались мистеромъ Треберомъ на плантацію за наличныя деньги. Какъ лошади, такъ и большая часть скота были скуплены по случаю, поштучно, не приносили дохода и служили, по словамъ м-ра Требера, основаніемъ обширнаго коневодства и скотоводства, которыми онъ думалъ заняться впоследствии. Для улучшенія мѣстной, нѣсколько переродившейся породы скота, м-ръ Треберъ выписалъ одного заводскаго

быка и четырехъ коровъ чистой кентуэйской породы. Пять штукъ обошлись ему до 2000 долларовъ. У скотнаго двора, въ коралѣ имѣлось до 200 овецъ мясной длиннохвостой породы, а за садомъ, въ особой плотной загороди, около 300 свиней разныхъ возрастовъ. Для ухода за овцами и свиньями не было назначено особыхъ людей; овцы ходили въ полѣ со скотомъ, а о существованіи свиней, кажется, забылъ самъ хозяинъ. Когда наеоплялась большая куча сѣмянъ брумъ-корна, такъ что затрудняла откапыванье ихъ отъ молотилки, къ вечеру сами рабочіе нагружали ими нѣсколько фуръ и отвозили къ свиньямъ. Такъ какъ брумъ-корна было много и часто приходилось отвозить сѣмяна, то свиньи не терпѣли недостатка въ кормѣ и сильно жирѣли. Ничтожное число прислуги при домашнихъ животныхъ объясняется тѣмъ, что, въ случаѣ надобности, всякій изъ рабочихъ въ свободное время охотно помогать ухаживать за ними. Такъ, для рабочихъ лошадей нужное количество сѣна рѣдко накапливалось и привозилось въ конюшни по назначенію м-ра Требера. Большою частію послѣ ужина нѣсколько человѣкъ брали возику и фуръ, запрягали не бывшихъ въ тотъ день на работѣ лошадей и заготавливали нужное количество травы. Рабочимъ конной артели оставалось передъ началомъ работы и въ концѣ ея только напоить лошадей. Шипки маиса, дававшіяся по 10 штукъ на лошадь, два раза въ день, всегда наламывались идущими мимо маисоваго поля съ работы и складывались въ особый ящикъ въ конюшнѣ. Разумѣется, забота о томъ, чтобы все заготавливалось какъ бы само собой, лежала на Чарли, а по его отъѣздѣ на мнѣ. Для продовольствія рабочихъ мясо, сыръ, масло, картофель и пр. бралось въ Пексенѣ на счетъ, уплачиваемый каждую субботу. Для записыванья взятыхъ продуктовъ имѣлась особая книга, куда хозяинъ лавки всякій разъ вписывалъ взятое количество. Итакъ, моя новая должность состояла въ томъ, чтобы, принявъ вечеромъ отъ рабочихъ инструменты, объѣхать и осмотрѣть все хозяйство; дома передать Вигеру что сдѣлано въ теченіе дня, для записки въ книги, при чемъ обыкновенно присутствовалъ м-ръ Треберъ, и справиться, какіе запасы приходится купить въ городѣ; на утро разбудить рабочихъ, рассчитать на артели и выдать имъ инструменты; потомъ объѣхать и осмотрѣть порядки на всей плантаціи, принять мѣры для заготовленія недостающаго корма или исправленія какаго-либо случайнаго безпорядка; нарядить нужное число фуръ для отправки спрессованнаго брумъ-корна въ Пексенъ и отправиться для сдачи его, если м-ръ Треберъ не ѣхалъ самъ. Послѣ обѣда обыкновенно приходилось ѣхать съ

миссъ Треберъ куда-нибудь и возвращаться къ ужину. Если же къ ужину мы не успѣвали вернуться, то вечеромъ, инструменты и отчетъ отъ формановъ принималъ или самъ м-ръ Треберъ, или Чарли Вигеръ. Труднѣе всего было справиться съ неграми, сильно лѣнившимися на работѣ. Придумывалъ я разные способы заставить ихъ работать въ мое отсутствіе, пробовалъ награждать самыхъ прилежныхъ и разсчитывать лѣнивыхъ, старался задѣвать самолюбіе, смѣнялъ формановъ—ничто не помогало. На практикѣ подтвердилось, что если нѣтъ внутренней причины, возбуждающей къ работѣ, ни награда впереди, ни страхъ наказанія не могутъ побудить артель работать хорошо, хотя бы рабочіе сами сознавали, что работать слѣдуетъ. Наконецъ, мнѣ удалось выдумать мѣру, которая привела къ желаемымъ результатамъ. Изъ бѣлой артели я отобралъ 20 человекъ лучшихъ рабочихъ и поставилъ ихъ двумя партіями между негровъ. Негровъ разбилъ также на партіи по 11 человекъ, предоставивъ каждой избрать изъ своей среды лучшаго работника въ формана. Форманъ не имѣлъ своего отдѣльнаго ряда для ломанья брумъ-корна, а долженъ былъ помогать отстающимъ, что подвергало послѣднихъ насмѣшкамъ товарищей. Съ одной стороны, конкуренція съ ненавистными ирландцами, съ другой—страхъ подвергнуться насмѣшкамъ и желаніе попасть форманомъ въ свою партію, такъ какъ кромѣ почета эта должность давала возможность погулять,—все это возбуждало охоту къ работѣ, и когда я употребилъ эту мѣру, какъ послѣднюю, отчаяваясь добиться толку отъ черныхъ лѣнтяевъ, безъ помощи мулатовъ, работы вдругъ пошли гораздо успѣшнѣе, чѣмъ я ожидалъ.

Справляться съ такимъ большимъ и сложнымъ хозяйствомъ и содержать его въ порядкѣ, какъ видно изъ моего разсказа, не представляло особеннаго затрудненія. Причиною этого была, во-первыхъ, разумная систематичность разъ заведеннаго порядка, поддерживаемаго потомъ, какъ заведенная машина. Отступленій отъ этого порядка не допускалось, а если таковыя случайно и встрѣчались, то тотчасъ же были исправляемы. Во-вторыхъ, всякое дѣло, какъ бы оно маловажно ни казалось, ни подъ какимъ видомъ не оттягивалось. То, что должно было сдѣлать сегодня, не откладывалось на завтра, если была въ этомъ какая-либо возможность. Наконецъ, въ-третьихъ, строгая отчетность до мельчайшихъ подробностей и правильная бухгалтерія. Бухгалтерія не отличалась сложностью и числомъ повѣрающихъ одна другую книгъ, но при простотѣ и подробности, а главное, по вѣрности вписываемыхъ данныхъ, давала возможность во всякое время

опредѣлить состояніе каждой отрасли хозяйства до малѣйшей мелочи. Такъ какъ подобная бухгалтерія могла бы быть съ большимъ успѣхомъ примѣняема въ русскихъ хозяйствахъ, то стараюсь описать ее подробнѣе. Первая и самая важная изъ книгъ — это дневной журналъ. Въ нее вписывалось, какими работами занимались въ теченіе дня и сколько сработано; общее число рабочихъ и число ихъ, употребленныхъ на каждую работу, имена формановъ каждой партіи; число и имена бывшихъ въ работѣ лошадей и хозяйственныхъ орудій записывалось въ особыхъ для этого сдѣланныхъ графахъ. Дальше писалось предположеніе работъ на слѣдующій день, количество инструментовъ оказавшихся не испорченными при приѣмѣ, количество запасовъ, привезенныхъ изъ города и употребленныхъ въ пищу, особыя работы и посылки рабочихъ, количество сданнаго комиссіонеру брумъ-корна и № приѣмочной квитанціи. Наконецъ, замѣчанія о погодѣ и влияніе ее на хозяйство, и растительность, и разныя другія мелкія замѣтки. Для повѣрки хода работъ, въ началѣ книги было сдѣлано распределеніе работъ по мѣсяцамъ, съ обозначеніемъ количества запаханной земли и числа рабочихъ, нужныхъ въ каждомъ мѣсяцѣ для успѣшнаго хода работъ и ихъ приблизительная стоимость.

Вторая книга, гдѣ записывалось состояніе инвентаря. Она состояла изъ нѣсколькихъ отдѣловъ. Первый отдѣлъ — лошади. Противъ именъ, прописанныхъ въ рядъ вдоль страницы, помѣщались графы для обозначенія масти и примѣтъ, лѣтъ, стоимости при покупкѣ. Далѣе, болѣе просторныя графы, раздѣленные соответственно шестилѣтнимъ мѣсяцамъ, по двѣ графы на каждый мѣсяцъ. Въ одной изъ этихъ графъ отмѣчалось число, въ которое лошадь употреблялась на работу, въ другой — дни, когда она была больна и дни ковки. Наконецъ, въ особой графѣ замѣчанія о ея качествахъ и порокахъ, даже о тѣлности въ разное время. Это для рабочихъ лошадей. Для кобылицъ, послѣ примѣтъ, стоимости и лѣтъ прописывалось время случки, имя жеребца, съ которымъ случена и когда жеребилась. Замѣчанія о характерѣ и молочности. Купленные жеребята записывались съ обозначеніемъ стоимости, лѣтъ и происхожденія, если оно было извѣстно. Въ этомъ же родѣ былъ составленъ отдѣлъ для рогатаго скота. Овцы и свиньи записывались огуломъ, послѣ того, какъ ихъ пересчитывали, что дѣлалось разъ мѣсяца въ два. Затѣмъ шли отдѣлы машинъ, орудій и збруи. Они всѣ прописывались по № съ обозначеніемъ первоначальной стоимости. Въ особыхъ графахъ отмѣчалось, когда они испортились и въ какое время починены и вновь поступили на работу съ обозначеніемъ

стоимости починки, также замѣчаніе о удобствѣ или неудобствѣ въ работѣ. Мелкіе инструменты записывались огуломъ, и каждый день отмѣчалось только число выбывшихъ по негодности или вновь поступившихъ.

Въ концѣ каждой недѣли подводились итоги и свѣрялись съ дѣйствительнымъ состояніемъ хозяйства. По этимъ двумъ книгамъ можно было дать себѣ ясный отчетъ о состояніи хозяйства во всякое время, о томъ, идутъ ли работы успѣшнѣе предположенія или отстаютъ отъ него. Наконецъ, можно было знать впередъ, отправляясь на распредѣленіе работъ, какими средствами можно располагать, что дастъ возможность быстро распредѣлить работы, не останавливаясь изъ-за какой-нибудь неожиданно оказавшейся въ неисправности машины или фуры или по недостатку годныхъ въ работу лошадей. Понятно, что подобныя книги полезны, когда онѣ ведутся вѣрно, а не составляютъ на показъ, иначе онѣ только собьютъ съ толка и принесутъ существенный вредъ. Поэтому на аккуратное веденіе этихъ двухъ книгъ обращалось особенное вниманіе. Если же и вкрадывалась ошибка, то она оказывалась тотчасъ при субботней повѣркѣ. Въ такомъ случаѣ, ни подъ какимъ видомъ не дозволялось подводить или исправлять записанныхъ данныхъ, а просто подъ итогомъ прописывалось, что при повѣркѣ оказалось, что цифры въ книгѣ не сошлись съ дѣйствительностью въ томъ-то и томъ-то, почему для дальнѣйшихъ соображеній принимать такія-то цифры соответствующими дѣйствительности. Кромѣ этихъ двухъ книгъ велась простая приходо-расходная денежная книга, книга расчета съ рабочими и, наконецъ, приходо-расходная книга продуктовъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи миссъ Треберъ. Въ ней же былъ расчетъ съ торговцами, у которыхъ забирали продукты.

По возвращеніи Чарли изъ Чикаго, гдѣ онъ пробылъ всего недѣлю и пріѣхалъ съ матерью и сестрою, ему приходилось сопровождать м-ра Требера въ его поѣздахъ и отлучаться съ плантаціи часто одному. Поэтому м-ръ Треберъ считъ болѣе удобнымъ оставить за мною должность старшаго формана, что очень обрадовало Чарли. Однообразныя занятія на плантаціи не соответствовали еще несложившемуся, живому характеру, да въ его годы врядъ ли полезно было заниматься слишкомъ усидчиво серьезнымъ дѣломъ, когда хочется еще поиграть и пошалить. Къ постояннымъ моимъ обязанностямъ м-ръ Треберъ отнесъ также сдачу прессованнаго брумъ-корна. При сдачѣ ему самому и Чарли, какъ хозяевамъ, неловко было гнаться за каждымъ фунтомъ или полфунтомъ, чѣмъ пользовались пріемщики. Мнѣ же, какъ служа-

щему, гнаться за всякою мелочью было не только не предосудительно, но даже приносило мнѣ личную пользу, такъ какъ самые пріемщики питали большее уваженіе къ человѣку, заботящемуся объ интересѣ довѣрителя, и могли со временемъ, составивъ хорошее мнѣніе о моей добросовѣстности, во многомъ быть мнѣ полезными. Поэтому, при перевѣшиваніи тюковъ, я торговался изъ-за всякаго полуфунта, даже осьмушки. При большомъ количествѣ сдаваемого брумъ-корна эти фунты, могшіе пропасть даромъ, составляли очень почтенную цифру, почти покрывающую прибавку къ моему жалованью, которое мнѣ было назначено за все время форманства, по три доллара въ день.

Увлечшись описаніемъ работъ на плантаціи, я оставилъ въ сторонѣ нашу жизнь внѣ работы. Между тѣмъ, именно въ этой жизни находилось основаніе того порядка и добрыхъ отношеній, существовавшихъ между м-ромъ Треберъ и его рабочими. М-ръ Треберъ избѣгалъ всего, что бы могло напominать намъ разницу между хозяиномъ и наемщиками. За обѣдомъ онъ довольствовался одною пищею съ рабочими, ѣлъ за однимъ общимъ столомъ, притѣмъ миссъ Треберъ прислуживала намъ вмѣстѣ съ женскою прислугою. Въ случаѣ кому-нибудь изъ рабочихъ встрѣчалась какая-либо надобность въ городѣ, онъ предупреждалъ о томъ м-ра Требера и тотъ всегда, при первой поѣздкѣ, исполнялъ желаніе рабочаго или устраивалъ такъ, что въ городъ съ фурами приходилось ѣхать желающему этого. Довольно часто на плантацію пріѣзжали въ гости сосѣдніе плантаторы и фермеры съ ихъ семействами. Въ такихъ случаяхъ, по окончаніи работъ приглашались въ домъ рабочіе. Но такъ какъ не всѣхъ можно было пустить въ общество леди, а приглашеніемъ по выбору можно было обидѣть остальныхъ, то м-ръ Треберъ устраивалъ такъ: пригласивъ къ себѣ на вечеръ всѣхъ, онъ объявлялъ, что кто хочетъ, пусть придетъ къ нему въ домъ, а для остальныхъ будетъ приготовлено виски и пиво въ рабочемъ сараѣ. Кто предпочиталъ виски и вообще считалъ себя не совсѣмъ пригоднымъ для того, чтобы занимать леди, отправлялся въ сарай, гдѣ тоже не обходилось безъ женскаго общества, такъ какъ нѣсколько леди изъ нашихъ работницъ, недавно прибывшія изъ Ирландіи, а также негритянки, чувствовали себя гораздо свободнѣе въ кругу своихъ нѣсколько подгулявшихъ земляковъ. Если же кто-либо изъ чернорабочихъ и заходилъ въ домъ, то видя, что это ему неподходящее мѣсто, скоро уходилъ. Въ очищенномъ, такимъ образомъ, помощію виски и пива отъ грубыхъ элементовъ, обществѣ вечера проходили весело. Многіе изъ сосѣдей и рабочихъ были музыканты, такъ

что составлялся очень порядочный хоръ музыки. Устраивались танцы въ пріемной и столовой, гдѣ на этотъ случай убирались въ сторону столы и скамейки; послѣ танцевъ игры, которыя особенно любили молодыя леди, чтобы пощеголять ловкостью и остроуміемъ, и, право, забывалось, что находишься работникомъ въ мѣстѣ, чуть ли не со вчерашняго дня отнятомъ у индѣйцевъ. Часто м-ръ Треберъ приглашалъ на плантацію ходячихъ комедіантовъ и фокусниковъ, къ великому восторгу негровъ. Заботы м-ра Требера о своихъ рабочихъ не ограничивались тѣмъ, что онъ старался доставить имъ развлеченіе, чтобы они не соскучились. Многіе желали, чтобы часть заработанныхъ денегъ поступала ихъ семействамъ въ Чикаго или помѣщалась въ севингъ-банкъ. Объ этомъ каждую субботу писалось м-ссъ Треберъ и дня черезъ три рабочіе получали квитанцію въ томъ, что ихъ деньгами распорядились по ихъ желанію. У многихъ были процессы, съ которыми имъ, какъ людямъ новымъ въ краѣ, было трудно справиться. М-ръ Треберъ посовѣтовалъ имъ обратиться къ своему знакомому адвокату, за которымъ самъ сѣздилъ въ Чикаго. Всѣ процессы были окончены, нѣкоторые выиграшемъ, остальные, невѣрные, мировою, къ большой радости рабочихъ, уже унававшихъ отчасти, что за расходы и проволочки сопровождаютъ гражданскій процессъ въ Америкѣ. Не знаю, что побуждало м-ра Требера обходиться такъ съ своими рабочими, расчетъ или природная доброта и желаніе пособить каждому въ чемъ можетъ. Вообще въ его характерѣ встрѣчались противорѣчія, которыя я положительно не могу понять. М-ръ Треберъ, нѣсколько разъ разорявшійся и составлявшій себѣ состояніе, человѣкъ, выдавшій въ своей жизни всего и худого и хорошаго, врагъ всякихъ почестей и отличій, отказавшійся быть альдерменомъ, когда его выбрали, обыкновенно небрежный въ своемъ костюмѣ, пришелъ въ ребяческій восторгъ, когда купилъ у петлера запонки въ 20 центовъ. Цѣлый день любовался онъ своею покупкой, показывая ее всѣмъ встрѣчнымъ. Всегда спокойный и ровный, онъ увлекался, какъ десятилѣтній мальчикъ, какой-нибудь школьнической шуткой, которую молодежь продѣлывала съ миссъ Треберъ, и всякій разъ хохоталъ до истерики и часто самъ принималъ участіе, что еще больше утверждало миссъ Треберъ, никогда не сердившуюся за шутку, что ея братъ совсѣмъ еще ребенокъ. Для примѣра разскажу одну изъ продѣлокъ, какими забавлялись въ свободное отъ работъ время цивилизаторы дикаго края.

Садъ нашей плантаціи, посаженный въ прошломъ году, не могъ давать плодовъ, которые составляли у насъ на плантаціи

большую рѣдкость и иногда привозились изъ города или съ фруктовой плантаціи, миль за 10 отъ нашей. Въ одну изъ поѣздокъ на эту плантацію, съ хозяевами которой миссъ Треберъ была хорошо знакома, ей пришла мысль сдѣлать сюрпризъ м-ру Треберу и нѣкоторымъ изъ рабочихъ, чаще другихъ заходившихъ въ домъ. Ей вздумалось угостить насъ персиковымъ вареньемъ, сваривъ его такъ, чтобы никто объ этомъ не зналъ. Но такъ какъ привезти двѣ тяжелыя корзины персиковъ, купленныхъ ею безъ моего вѣдома, было нельзя въ маленькомъ беггѣ, въ которомъ я привезъ ее, то она и рѣшилась сообщить мнѣ свое намѣреніе, обязавъ предварительно общаніемъ не выдавать ея секрета. Улучивъ удобное время по возвращеніи домой, я пронесъ эти корзины въ кладовую, причѣмъ миссъ Треберъ и Алиса, ея помощница, посвященная также въ секретъ, караулили, чтобы кто-нибудь не подошелъ случайно и не увидѣлъ, какъ я проношу корзины, съ такимъ волненіемъ и страхомъ, какъ будто дѣло было богъ-знаетъ какой важности. На другой день Чарли Треберъ былъ дома, и мы отдыхали, распредѣливши работы и обѣхавъ плантацію, откуда заѣхали въ рабочій сарай, чтобы дать вспыхнуть лошадямъ и поболтать съ Вигеромъ и пришедшимъ сюда же Амономъ. Вдругъ къ намъ поспѣшно подходитъ самъ м-ръ Треберъ съ озабоченнымъ видомъ и передаетъ Чарли важное, сдѣланное имъ сію минуту открытіе. Проходя мимо сада, онъ увидѣлъ, что миссъ Треберъ съ Алисой варятъ персики на притащенной въ садъ переносной печи, и такъ увлеклись своимъ занятіемъ, что не замѣтили его. Для какой цѣли варятся персики — онъ не знаетъ; но было бы славно сыграть штуку съ миссъ Треберъ, утащивъ какъ-нибудь ея варенье, и посмотреть, какое она состроитъ лицо, когда откроетъ пропажу. Чарли приплахъ какъ нельзя больше по вкусу мысль отца — пошкольничать и еще при этомъ полакомиться, должно быть, превкуснымъ вареньемъ тетушки. Послѣ обѣда онъ приласкался къ миссъ Треберъ, утащилъ тихонько изъ ея кармана ключъ отъ кладовой и, при помощи Вигера, вытащилъ секретное варенье изъ глинянаго горшка, послѣ чего въ него было положено для вѣса нѣсколько кусковъ дерна. Обвязавъ горшокъ тщательно бумагой по прежнему, онъ его опять поставилъ на мѣсто, стараясь при этомъ не оставить никакихъ слѣдовъ своего посѣщенія въ кладовой. Все было предусмотрено, и продѣлка должна удалась. Варенье было съѣдено въ рабочемъ сараѣ, и м-ръ Треберъ отдать полную справедливость искусству своей сестры варить варенье. За ужиномъ миссъ Треберъ шепнула мнѣ и нѣкоторымъ рабочимъ, къ кото-

рымъ питала особое расположеніе, чтобы они пришли послѣ ужина въ домъ, гдѣ у нея для нихъ приготовленъ сюрпризъ. Когда всѣ приглашенные собрались за столомъ въ приемной, она торжественно внесла тарелочки, ложечки и таинственный горшокъ; прочитала наставленіе м-ру Треберу, что онъ, принадлежа самъ къ обществу трезвости, подчуеъ своихъ рабочихъ спиртовыми напитками и не догадается запастись какимъ-нибудь лавомствомъ для непьющихъ, которые были бы наказаны за свое воздержаніе, если бы не было здѣсь ее, чтобы вознаградить ихъ за его невнимательность относительно послѣднихъ превкусными вареными персиками. При этомъ она развязываетъ бумагу, готовится накладывать варенье на приготовленные блюдечки и... останавливается въ великомъ недоумѣніи, увидавъ, что ея такъ удачно свареннаго варенья въ горшкѣ нѣтъ. Убѣдившись, что оно исчезло, она чуть не пришла въ отчаяніе, но догадавшись по смѣху м-ра Требера и другихъ, принимавшихъ хотя косвенное участіе въ похищеніи, чьи это штуки, оправилась, и сообщивъ, что она только изъ великодушія не наказываетъ насъ и не оставляетъ всѣхъ безъ варенья за такія непростительныя шалости, принесла другой горшокъ, на этотъ разъ дѣйствительно съ вареньемъ, предназначавшійся къ другому разу. Хотя штука удалась не вполнѣ и миссъ Треберъ вывернулась изъ приготовленнаго ей неловкаго положенія, но м-ръ Треберъ былъ въ восторгѣ отъ ея хотя минутнаго замѣшательства, въ особенности когда старая миссъ напустилась на меня, полагая, что я открылъ ея секретъ. М-ръ Треберъ заступился за меня, рассказавъ, что всему былъ причиной онъ, причеъ не упустилъ случая весь вечеръ подтрунивать надъ конфузившейся старой миссъ, по поводу будто давно уже замѣченнаго имъ пристрастія къ русскимъ и желанію имѣть съ ними разные секреты.

Я говорилъ выше, что жена м-ра Требера не жила на плантаціи. По слабому, разстроенному здоровью, она не могла вынести жизни въ преріи и жила въ Чикаго, гдѣ занималась воспитаніемъ дочери и, при помощи стараго слуги англичанина, пріѣхавшаго съ нею изъ Англіи и привязаннаго къ ней, да и ко всему семейству Треберовъ, какъ собака, управляла дѣлами мужа, которыя онъ поручалъ ей на лѣтніе мѣсяцы. Посѣщенія ея на плантацію составляли у насъ праздники. Наканунѣ ея пріѣзда все приводилось въ наилучшій порядокъ. Машины и инструменты чистились, подбрасывались и ставились въ ряды, какъ будто приготовленные на смотръ. Изъ конюшни и скотнаго двора выгребался навозъ, отвозился подальше отъ плантаціи и замѣнялся

сѣжей подстилкой. Рабочія лошади, вытиравшіяся ежедневно просто сѣномъ или травой, чистились подъ скребницу. Площадки около дома посыпались бѣлымъ пескомъ, привозимымъ за нѣсколько миль. Входныя двери, окна въ домѣ, также ворота и столбики въ конюшнѣ и сараяхъ украшались гирляндами цвѣтовъ. Изъ табуна приводили четверку вороныхъ лошадей, кажется, нарочно для этого державшихся на плантаціи, и пробовали ихъ въ запряжкѣ, выбирая тѣмъ временемъ искусѣйшаго кучера, чтобы на другой день везти мистриссъ и маленькую миссъ Треберъ изъ Пексена. Изъ рабочаго сарая доставалась хорошенькая коляска и четверочная сбруя съ бѣлымъ наборомъ, бывшая въ употребленіи только когда м-ссъ Треберъ пріѣзжала къ намъ. Вечеромъ рабочіе, имѣвшіе ружья, отправлялись на охоту, другіе—на ловлю рыбы въ рѣчкѣ, такъ что къ высоко-торжественному дню, кромѣ запасовъ, привезенныхъ изъ города, бывало приготовлено много дичи и рыбы. Въ день пріѣзда, съ ранняго утра м-ръ Треберъ объѣзжалъ плантацію, осматривая, все ли въ такомъ порядкѣ, какъ приведено наканунѣ вечеромъ, причѣмъ безпрестанно посматривалъ на часы, боясь опоздать пріѣхать въ Пексенъ до 9-ти часовъ утра—время, когда приходилъ поѣздъ, на которомъ обыкновенно пріѣзжала м-ссъ Треберъ. Часовъ въ 7 утра запрягалась коляска, бегтѣ—на случай порчи коляски дорогой, сѣдлались лошади для м-ра Требера, Чарли и для пяти или шести человѣкъ, бравшихся тоже на случай порчи моста на дорогѣ или другого непредвидѣннаго обстоятельства. Лошадь для м-ра Джона, стараго англичанина, всегда сопровождавшаго м-ссъ Треберъ, выбиралась погорячѣе, сѣдлалась англійскимъ, а не американскимъ сѣдломъ и велась до Пексена въ поводу. Вся кавалькада отправлялась въ Пексенъ, встрѣчала дорогую гостью и привозила на плантацію, гдѣ м-ръ Треберъ, давъ женѣ нѣсколько отдохнуть и оправиться отъ дороги, водилъ или возилъ по хозяйству, показывая все до мельчайшихъ подробностей и отдавая полный отчетъ въ ходѣ работъ съ послѣдняго ея пріѣзда. За обѣдомъ м-ссъ Треберъ и дочь помогали прислуживать, подчиняясь распоряженіямъ миссъ Треберъ, надѣвавшей въ эти дни шелковый капотъ и бѣлый съ туго накрахмаленными оборками чепецъ, и принимавшей какой-то важный, торжественный видъ, на который м-ръ Треберъ не могъ смотрѣть безъ смѣха.

Послѣ обѣда работъ не было; сѣзжались заранѣе приглашенные сосѣди, и пиръ продолжался до поздней ночи. На другой день м-ссъ Треберъ уѣзжала, и все на плантаціи входило въ обычную колею; только завязлыя гирлянды у подѣзда напо-

минали о прошедшемъ торжествѣ, пока и ихъ кто-нибудь не срывалъ.

Хлопоты и расходы, которые дѣлалъ м-ръ Треберъ на наше угощеніе, съ лихвою вознаграждались выгодами, происходящими отъ хорошихъ, такъ-сказать семейственныхъ отношеній между имъ и рабочими. Такъ, по всѣмъ побочнымъ отраслямъ хозяйства, кромѣ обработки брумъ-корна, ему не приходилось почти вовсе тратить рабочаго времени. Кормъ для лошадей и скота заготавливали, какъ я уже сказалъ, въ свободное время. Постройки, заборы и деревянные части орудій чинились также по вечерамъ рабочими безъ вознагражденія. Когда разстояніе между сараемъ и мѣстомъ, гдѣ рѣжутъ брумъ-корнъ, увеличивалось, такъ что подвозка становилась затруднительна, рабочіе сами предлагали перенести сарай на болѣе удобное мѣсто и, воспользовавшись дождливымъ днемъ или воскресеньемъ, которыя у насъ не особенно строго соблюдались, несмотря на дѣйствующій съ полною силою воскресный законъ въ Пексенѣ, разбирали сарай, перевозили и вновь составляли его на новомъ мѣстѣ. Кто занимался хозяйствомъ, знаетъ, какъ много времени идетъ на эти подѣлки, безъ которыхъ обойтись невозможно, и какъ часто за ними упускается время для главныхъ работъ. Въ нашемъ хозяйствѣ всѣ эти подѣлки дѣлались сами собой и не стоили хозяину ни копѣйки. Кромѣ того, рабочіе не упускали случая сдѣлать на плантаціи какое-либо улучшеніе. Однажды м-съ Треберъ рассказывала, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ, что ей очень понравилось устройство скотнаго двора у одного знакомаго близъ Чикаго. Скотъ тамъ не загонялся въ общій сарай, какъ у насъ, а распредѣлялся по отдѣльнымъ стойкамъ. Къ слѣдующему ея пріѣзду рабочіе, нарубивъ длинныхъ жердей изъ растущихъ по берегамъ рѣчки толстыхъ кустовъ, оскоблили ихъ и устроили на скотномъ дворѣ перегородки въ родѣ стойлъ; причемъ не только позаботились о прочности, но постарались придать возможно изящный видъ. Изъ досокъ, которыхъ на плантаціи былъ порядочный запасъ, устроили желоба для поенія скота на скотномъ дворѣ, въ которые провели воду изъ рѣчки, употребивъ въ дѣло старый насосъ, валявшійся въ рабочемъ сараѣ.

Фруктовый садъ увеличивался также безъ большихъ расходовъ. Ямы для посадки копались въ свободное время. Рабочіе изъ окрестностей приносили дички, сажали, и м-ру Треберу оставалось только купить колировокъ, которыя приколировывались опять-таки рабочими, нѣсколько знакомыми съ садоводствомъ.

ВОПРОСЪ

0

РЕФОРМЪ МОНАСТЫРЕЙ

Наши монастыри, какъ извѣстно, имѣютъ и теперь огромное влияние на массы народа, служа центрами религіозно-общественной его жизни. Наши монастыри привлекаютъ къ себѣ постоянныя массы поклонниковъ-пилигримовъ, ежегодное число которыхъ надо считать цѣлыми десятками тысячъ. Эти пилигримы, путешествуя почти круглый годъ изъ одного монастыря въ другой и всюду находя въ монастыряхъ болѣе или менѣе добрый пріютъ, благодаря существующимъ въ большинствѣ монастырей гостиницамъ и заѣзжимъ дворамъ, получаютъ особенный складъ душевнаго настроенія, обуславливаемого любовью къ монастырямъ. Въ свою очередь эти поклонники монастырей разносятъ по обширному отечеству нашему славу о монастыряхъ и сильно вліяютъ своими разсказами о видѣнныхъ монастыряхъ не только на простой сельскій людъ, но и на городскія сословія. Словомъ, общественное значеніе и вліяніе нашихъ монастырей весьма обширно, и утвердилось, благодаря исторической традиціи, слишкомъ глубоко въ жизнь нашего народа. При такомъ значеніи монастырей, какъ общественныхъ учреждений, которые своеобразно регулируютъ жизнь цѣлыхъ милліоновъ нашего народа, вполнѣ справедливо требовать, чтобы общественное вниманіе зорко слѣдило за тѣмъ, насколько правильно поставленъ бытъ самихъ монастырей и насколько жизнь монашествующихъ въ дѣйствительности соответствуетъ древней христіанской идеѣ монашества вообще. Дру

римъ, столь же важнымъ побужденіемъ къ такому требованію служить и то, что монастыри наши содержатся на счетъ народа и государственнаго казначейства и стоютъ ежегодно нѣсколько милліоновъ рублей. Одна казна отпускаетъ ежегодно на содержаніе монастырей болѣе 407,000 рублей ¹⁾. Что же касается жертвованій нашего народа на монастыри и на монашествующихъ, то ежегодная сумма ихъ простирается до десяти милліоновъ рублей, — сумма весьма громадная. Слѣдовательно и въ этомъ отношеніи вопросъ о монастыряхъ, какъ о потребителяхъ народныхъ пожертвованій, долженъ также имѣть особенно важное значеніе въ интересахъ общественныхъ.

Наша журналистика всегда сознавала, насколько велико вліяніе нашихъ монастырей на народъ, и за послѣдніе годы не мало было говорено о монастыряхъ и о необходимости ихъ реформы. Результатомъ всѣхъ подобныхъ сужденій о монастыряхъ было то, что еще въ 1869 году само духовное начальство, согласившись съ справедливостью разныхъ общественныхъ нареканій на монастыри и на монашествующихъ, возбудило вопросъ о реформѣ монастырей. Что монастыри наши поставлены неправильно, и что монашествующіе часто живутъ въ полномъ противорѣчій съ церковнымъ монашескимъ уставомъ, объ этомъ предметѣ, какъ совершенно несомнѣнномъ, теперь никто не говоритъ; но за то является неменѣе важнымъ вопросъ, въ какомъ именно видѣ нужно реформировать бытъ монастырей, чтобы дать имъ вполнѣ правильное устройство. Въ статьѣ своей мы хотимъ поговорить именно объ этомъ вопросѣ, которому мы придаемъ огромную важность, въ виду тѣснѣйшей связи монастырей съ жизнію темнаго нашего народа.

Скажемъ сначала о томъ, какъ понять и рѣшается вопросъ о реформѣ монастырей въ официальныхъ сферахъ духовнаго вѣдомства. Въ 1869 году св. синодъ при особомъ циркулярѣ разослалъ епархіальнымъ архіереямъ, для обсужденія, записку о реформѣ монастырей. Въ этой запискѣ признавалось необходимымъ реформировать монастыри съ тою цѣлью, чтобы устранить на будущее время въ обществѣ тѣ нареканія, направленные противъ монастырей и монашествующихъ, которыя въ настоящее время продолжаютъ болѣе и болѣе усиливаться. Чтобы устранить всякіе поводы къ подобнымъ нареканіямъ, въ запискѣ проектировалось ввести въ монастыри такъ-называемое *общеежитіе*, уже

¹⁾ По государственной сметѣ на содержаніе монастырей въ 1873 году исчислено всего 407,411 рублей.

существующее въ нѣкоторыхъ, хотя очень немногихъ, монастыряхъ. Надо замѣтить, что монастырское общежитіе, опредѣляемое особымъ византійскимъ уставомъ, гораздо болѣе соотвѣтствуетъ идеѣ монашества, чѣмъ внутреннее устройство монастырей не-общежительныхъ. Монашеское общежитіе состоитъ въ томъ, что монахи живутъ въ монастырѣ одною общею жизнію, не получая на руки денегъ, въ видѣ жалованья или доходовъ, какъ это дѣлается въ монастыряхъ не-общежительныхъ, но получая полное продовольствіе и содержаніе отъ монастыря натурою. Общежительный монастырь, смотря по своимъ средствамъ, даетъ каждому монаху совершенно одинаковое содержаніе, требуя при этомъ, чтобы всякій трудъ каждаго монаха, назначаемый монастыремъ же, приносилъ пользу монастырю, но не личную пользу одному только тому, кто трудится. При такомъ строго-корпоративномъ духѣ братской общины монаховъ въ общежительномъ монастырѣ, является болѣе правильнымъ и положеніе начальника такого монастыря, который (начальникъ) избирается изъ среды монастыря самими монахами и управляетъ монастыремъ при участіи самой общины монаховъ, тогда какъ въ монастыряхъ не-общежительныхъ настоятели не выбираются монахами, но прямо назначаются архіереямъ и потому часто, при неудачномъ назначеніи лицъ на эти должности, представляютъ собою для монастырей тяжелое бремя деспотизма и разныхъ злоупотребленій власти. Строгія правила общежитія примѣняются и къ самимъ настоятелямъ монастырей. Въ запискѣ св. синода о реформѣ монастырей дѣлается исключеніе только въ пользу архіереевъ, какъ настоятелей монастырей и въ пользу архимандритовъ—настоятелей большихъ монастырей; тѣ и другія лица не будутъ подлежать обязанности жить наравнѣ съ монахами и подчиняться правиламъ монастырскаго общежитія. Женскіе монастыри точно также предполагается сдѣлать общежительными. Таковъ проектъ реформы монастырей, предложенный на обсужденіе архіереевъ, какъ начальниковъ монастырей. Въ настоящее время, какъ извѣстно по газетнымъ слухамъ, епархіальные архіереи представили уже въ св. синодъ свои отзывы о реформѣ монастырей и вѣроятно въ скоромъ времени уже осуществится желаемое всѣми, заинтересованными въ судьбѣ монастырей, преобразование ихъ во внутренней жизни.

Хотя введеніе общежитія въ монастыри не представляетъ собою полной и рѣшительной мѣры къ восстановленію правильной жизни монашествующихъ, тѣмъ не менѣе эта мѣра сама по себѣ весьма рациональна. Твердо сплоченная община монаховъ въ об-

щежительныхъ монастыряхъ сдѣлаетъ весьма много въ пользу возвышенія нравственно упавшей жизни монастырей; взаимный контроль монашествующихъ другъ надъ другомъ несомнѣнно повліяетъ на ихъ жизнь. Въ свою очередь выборное начало по отношенію къ настоятелямъ монастырей дастъ монастырямъ возможность поставлять начальниками монаховъ только людей по призванію, монаховъ вполне достойныхъ. Безъ сомнѣнія, тогда исчезнетъ классъ привилегированныхъ монаховъ, которые принимаютъ монашескій санъ только ради выгоднаго положенія въ роли начальниковъ монастырей, такъ какъ по нынѣшнему порядку допускается назначеніе лицъ изъ привилегированныхъ классовъ общества, при принятіи монашескаго званія, прямо на должности начальниковъ монастырей. Очевидно, что такого рода монашествующія лица, ищущія въ монастыряхъ жизни роскошной и привольной, становясь первыми въ ряду монаховъ, своимъ далеко не иноческою жизнію подаютъ всѣмъ монашествующимъ самый дурной примѣръ жизни, совершенно противорѣчащей обѣтамъ монашества.

Мы указали на реформу монастырей, какъ она понимается въ официальной средѣ духовнаго вѣдомства. Но чтобы вполне правильно поставить дѣло монастырской реформы, и чтобы предпринять дѣйствительныя средства къ возстановленію нормальной жизни монашествующаго сословія, для этого, по нашему мнѣнію, нужны болѣе рѣшительныя мѣры, чѣмъ одно введеніе въ монастыри общегита, которое коснется только перемѣны внутреннихъ отношеній между монахами въ стѣнахъ монастырскихъ, безъ перемѣны нынѣшнихъ отношеній монастырей къ нашему народу и обществу. Мы уже говорили, что само духовное начальство обратило вниманіе на тѣ нареканія противъ монастырей и монашествующихъ, какія въ послѣднее время болѣе и болѣе усиливаются въ нашемъ обществѣ. Если посмотрѣть, какія это именно нареканія, то мы увидимъ, что общество наше справедливо обвиняетъ монастыри въ совершенно неправильной обстановкѣ. рѣзко противорѣчащей идеѣ монашества. Всякому извѣстно, что такое монашество и какова должна быть жизнь монаховъ, строго опредѣляемая аскетическимъ уставомъ иночества. Въ силу этого устава, монашествующее сословіе, добровольно заключающее себя въ монастыри для жизни уединенно-религіозной и дающее строгую церковную клятву съ обѣщаніемъ полного отреченія отъ всего мірскаго, должно представлять изъ себя общество истинныхъ аскетовъ, строго признающихъ и выполняющихъ монашескій уставъ. Къ сожалѣнію, мы видимъ, что жизнь монастырей

и живущихъ въ нихъ въ дѣйствительности далеко уклонилась отъ аскетическаго духа монашескаго устава, который однако доселѣ считается вполне и законно-обязательнымъ для монаховъ. Наши монастыри поставлены въ настоящее время въ такое положеніе, что рѣшительно не могутъ давать проживающимъ въ нихъ обстановки, которая вполне соответствовала бы уставамъ монашества. Мы разумѣемъ здѣсь тѣ имущественныя средства монастырей и тѣ способы ихъ содержанія, которые никакъ не сообразны съ истиннымъ духомъ иночества. Хотя средства монастырей составляютъ ихъ тайну, которая какъ-будто намѣренно скрыта отъ вниманія и контроля общества (что уже само по себѣ порождаетъ въ обществѣ неблагоприятное мнѣніе о монастыряхъ), тѣмъ не менѣе извѣстно, что весьма многіе изъ нашихъ монастырей владѣютъ такими богатыми средствами, которыя никакъ не могутъ мириться съ монашескимъ уставомъ, требующимъ отъ иноковъ полнаго аскетическаго отреченія не только отъ богатства, но и даже отъ права на малѣйшую собственность.

Вопросъ о реформѣ монастырей необходимо требуетъ указать на нынѣшнія имущественныя средства монастырей и на способы содержанія монашествующаго сословія; тѣ и другіе главнымъ образомъ служатъ причиною уклоненія монашествующихъ отъ требованій ихъ устава. Мы не имѣемъ здѣсь возможности войти въ подробное разсмотрѣніе тѣхъ богатыхъ имуществъ и доходовъ монастырей, о которыхъ не мало было говорено въ нашихъ газетахъ и журналахъ, относительно нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ монастырей. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытное и добросовѣстное изслѣдованіе представляетъ намъ обширная статья, подъ заглавіемъ:—«Наши монастыри», помѣщенная въ нѣсколькихъ книжкахъ журнала «Бесѣда» за прошлый годъ; авторъ этой интересной статьи весьма обстоятельно и ярко обрисовалъ нынѣшнюю, далеко не нормальную, внѣшнюю жизнь нашихъ монастырей, съ одной стороны снабженныхъ, вопреки духу монашескаго устава, богатыми имуществами разнаго рода, а съ другой—промышляющихъ разнаго рода сборами съ народа, которые составляютъ богатые ежегодные доходы монастырей. Авторъ изслѣдованія о монастыряхъ поставилъ себѣ задачею—фактически, на основаніи цифровыхъ данныхъ (насколько эти данныя возможны при сужденіи о монастыряхъ, тщательно скрывающихъ отъ взоровъ общества свое финансовое состояніе), исчислить съ одной стороны разнаго рода имущества нѣкоторыхъ монастырей, а съ другой—разнообразные виды монастырскихъ доходовъ, собираемыхъ съ народа и общества. Авторъ, при неувѣренности

своихъ цифровыхъ данныхъ, относившихся притомъ же только до нѣкоторыхъ, но не всѣхъ монастырей, старался даже уменьшать цифры монастырскихъ имуществъ и доходовъ, такъ что приводимыя имъ цифры далеко ниже дѣйствительныхъ огромныхъ цифръ монастырскихъ богатствъ. По вычисленію автора, аналогически выведенному изъ подробнаго разсмотрѣнія суммы доходовъ нѣкоторыхъ монастырей, средства которыхъ болѣе или менѣе извѣстны обществу и печати, общая сумма доходовъ всѣхъ монастырей въ 1867 г. была никакъ не менѣе 8.000,000 руб., тогда какъ въ томъ же году на все министерство народнаго просвѣщенія назначено было только 7.255,814 руб.,—менѣе монастырскихъ доходовъ на 755 тысячъ. За этотъ годъ среднимъ числомъ на каждое лицо, проживавшее въ монастырѣ, падаетъ доходу, по расчету автора, по 589 рублей; если же исключить изъ этого расчета число послушниковъ и послушницъ, которыхъ нельзя считать постоянными и обязательными жителями монастырей, имѣющими право на пользованіе монастырскими доходами, то на каждое монашествующее лицо того и другого пола за тотъ же годъ приходится среднимъ числомъ по 975 руб. содержанія, при даровой квартирѣ. Такимъ образомъ, выходитъ, что инокъ—по званію и обязанности самый строгій аскетъ—получаетъ содержанія гораздо больше, чѣмъ, напр., любой провинціальный чиновникъ средней руки, живущій съ семействомъ. Это общее вычисленіе доходовъ монастырей нельзя не признать болѣе или менѣе вѣрнымъ съ дѣйствительностію. Но нельзя не пожалѣть о томъ, что авторъ изслѣдованія о монастырскихъ богатствахъ и о доходахъ монашескихъ, собираемыхъ съ народа, не разъяснилъ съ положительной стороны вопроса о томъ, въ какомъ видѣ монастыри могли бы быть реформированы съ цѣлю болѣе правильной организаціи въ нихъ жизни аскетически-иноческой. Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что огромныя богатства нашихъ монастырей, хотя и тщательно скрываемыя монахами отъ взоровъ общества, но тѣмъ не менѣе извѣстныя обществу, представляютъ поразительную несообразность съ требованіями монашескаго аскетизма, не отмѣненнаго по отношенію къ монастырямъ церковною властью. Въ самомъ дѣлѣ странно видѣть, что тотъ классъ общества, который, по идеѣ, лежащей въ устройствѣ монастырей, долженъ изображать собою представителей строгаго христіанскаго аскетизма, напротивъ, поставленъ въ такія житейскія условія, которыя діаметрально противоположны требованіямъ аскетическаго монашескаго устава. Мы здѣсь не входимъ въ подробное разсмотрѣніе того, что должно быть поставлено за принципъ, какъ

неизмѣнно твердый: уставъ ли церковно-монашескій, требующій отъ принимающихъ иноческій санъ торжественнаго и публичнаго отреченія отъ всего мірскаго, какъ наприм., отъ собственности, самолюбія, всевозможныхъ мірскихъ почестей, удовольствій и проч.,—или же нынѣшняя богатая жизнь монастырей на счетъ государственной казны и главнымъ образомъ—самого народа, которая совершенно не соотвѣтствуетъ монашескому уставу. Мы хотимъ сказать только, что общество наше вправѣ желать и ожидать уничтоженія такой монастырской аномаліи, тѣмъ болѣе вопіющей, что сознательное и намѣренное нарушение монашескаго устава представляетъ собою страшное преступленіе, равняющееся отрицанію религіи, соединенному притомъ съ лицемѣрнымъ ея признаніемъ. Въ подтвержденіе этому намъ достаточно указать здѣсь на церковный обрядъ той присяги, какую, по требованію монашескаго устава, даетъ каждое лицо, принимающее монашескій санъ; эта присяга требуетъ отъ принимающаго монашескій (такъ-называемый «ангельскій») чинъ клятвеннаго обѣщанія предъ Богомъ и алтаремъ—отказаться рѣшительно отъ всего мірскаго. Этотъ обрядъ присяги, называемой постриженіемъ въ монашество, представляетъ чрезвычайно суровый и, можно сказать, страшный обрядъ, поразительно и впечатлительно дѣйствующій не только на лицо, принимающее присягу монашества, но и на всякаго посторонняго; въ этомъ обрядѣ подробно исчисляются принимающему монашескій санъ всѣ строжайшія правила иноческой жизни, требующія отъ монашествующаго безусловнаго отреченія отъ всякаго права на личную свободу и самостоятельность, съ подчиненіемъ исполнѣ аскетическому иноческому уставу. Этотъ уставъ, предъявляемый принимающимъ монашество при самомъ обрядѣ присяги, настолько строгъ въ своихъ требованіяхъ отъ монаховъ полнаго отреченія отъ всякой собственности и умственной, и имущественной, что его строгой буквѣ и духу нисколько не соотвѣтствуетъ нынѣшняя жизнь монастырей, не только достаточно обезпеченная въ средствахъ, но и не рѣдко богатая, роскошная. Въ совершенную противность уставу, требующему отъ иноковъ рѣшительнаго и безусловнаго удаленія отъ общества и отъ дѣлъ мірскихъ, общественныхъ, наши монастыри съ своими землями, домами, лавками, промыслами, торговлей, ведутъ совершенно житейскій, мірской образъ жизни, участвуя даже въ общегосударственной службѣ, какова, напр., служба ученыхъ монаховъ по духовно-учебному и духовно-административному вѣдомству. Словомъ, несоотвѣствіе нынѣшняго быта монастырей съ церковно-монашескимъ уставомъ слиш-

комъ очевидно и рѣзко, чтобы нужно было намъ много распространяться объ этомъ предметѣ. Поэтому, при современной реформѣ монастырей, задуманной духовнымъ начальствомъ, духовнымъ властямъ, естественно, слѣдуетъ прежде всего выяснить тотъ вопросъ: оставить ли на будущее время въ полной силѣ монашескій аскетическій уставъ, завѣщанный древнею церковію византійскаго періода, чтобы затѣмъ уже радикально реформировать нынѣшнюю жизнь монастырей, нисколько не соответствующую духу этого устава, или же, напротивъ, — нашей церкви слѣдуетъ измѣнить строго-аскетическій характеръ монашескаго устава примѣнительно къ болѣе свободнымъ правиламъ и требованіямъ современнаго вѣка, и затѣмъ поставить быть монастырей примѣнительно къ этимъ правиламъ. Мы думаемъ, что невозможно долѣе оставлять нынѣшнее *status quo* монастырей въ совершенно ложной постановкѣ жизни монашествующаго сословія. Мы уже говорили объ огромномъ значеніи монастырей въ жизни нашего народа. Съ этой точки зрѣнія справедливо требовать, чтобы указанная нами аномалія въ быту монашества была уничтожена своевременно и неотложно. Если составъ монашествующаго сословія у насъ самъ по себѣ не великъ для нашей обширной имперіи (именно въ монастыряхъ считается монашествующихъ обоюбого пола, вмѣстѣ съ послушниками и послушницами до 25,000 человекъ) ¹⁾, то важно то, что монашествующіе и монастыри имѣютъ огромное вліяніе на миллионы нашего народа, привыкшаго смотрѣть на монастыри, какъ на образцовыя, болѣе или менѣе идеальныя учрежденія, установленныя для народа, въ образецъ нравственно-религіозной жизни. Въ этомъ отношеніи все, что существуетъ въ мірѣ монашествующемъ, такъ или иначе, съ хорошей ли, или дурной стороны, непремѣнно вліяетъ на религіозно-нравственную жизнь самого народа. При такомъ значеніи монастырей для народа, было бы въ высшей степени вредно оставлять долѣе нынѣшнюю аномалію въ жизни первыхъ. Нечего уже и говорить, какимъ сильнымъ вредомъ отзывается эта аномалія прежде всего на монашествующихъ, которые, при нынѣшней несоответственности монастырской жизни съ иноческимъ аскетическимъ уставомъ, естественно теряютъ свое достоинство, совершенно измѣняя этому уставу своею жизнію, противорѣчащую аскетическому уставу. Въ свою очередь и народъ, доселѣ набожный и преданный монастырямъ, какъ учрежденіямъ религіознымъ, легко

¹⁾ Въ отчетѣ духовнаго вѣдомства за 1870 годъ значится: монаховъ 5529, послушниковъ 5195, монахинь 3093, послушницъ 10,595; итого 24,322.

и скоро можетъ потерять всякое уваженіе къ этимъ учрежденіямъ, видя въ нихъ полнѣйшій соблазнъ, заключающійся въ ложно поставленной жизни монашествующихъ. Нашъ народъ, какъ замѣтно, уже начинаетъ понимать, что монастыри наши при своей нынѣшней обстановкѣ дають монашествующимъ жизнь привольную и роскошную, что нынѣе идти въ монахи и отречься отъ міра—это значить, другими словами, приобрести жизнь благополучную и счастливую, которая даетъ средства жить людямъ ничего недѣлающимъ и ни о чемъ не заботящимся,—что даже приходившимъ поклонникамъ изъ народа монастыри имѣютъ средства давать свободный приютъ и даровое содержаніе и т. п. Въ этомъ отношеніи вредное вліяніе нынѣшней постановки монастырей отражается уже въ томъ пилигримствѣ, которое такъ сильно распространяется въ нашемъ народѣ и которое такъ вредно отражается на его экономическомъ быту; оставляя домашнія занятія, праздные пилигримы, путешествующіе круглый годъ по монастырямъ, привыкаютъ къ бездѣлю, бродяжничеству, нищенству и наконецъ, по тѣсной связи со всѣмъ этимъ, къ самымъ преступленіямъ, какъ напр., воровство, грабежи и убійства, чему бывало уже множество примѣровъ. Всему этому виною служатъ, такъ или иначе, монастырскіе богатые доходы и имущества, которыя составляютъ полнѣйшую аномалію въ жизни монашествующихъ, добровольно призываемыхъ монашескимъ уставомъ къ жизни строго-аскетической, и которые даже соблазняютъ нашъ простой народъ, обыкновенно завидующій обезпеченной и привольной жизни монаховъ. Сопоставляя эти монастырскія богатства съ вопросомъ объ ожидаемой реформѣ монастырей, мы должны придти къ убѣжденію, что духовному начальству прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на эти богатства, какъ рѣзко противорѣчащія уставу и духу монашескаго званія. Самый естественный и правильный исходъ реформы монастырей, каковую задумало духовное начальство, былъ бы, по нашему мнѣнію, тотъ, еслибъ монастыри наши со всѣми ихъ богатствами были преобразованы въ мірскія благотворительныя учрежденія, гдѣ не имѣли бы вовсе мѣста иноческіе обѣты аскетическаго свойства, формально требуемые отъ монаховъ. Эта мѣра могла бы быть приложена если не ко всѣмъ, то по крайней мѣрѣ ко многимъ монастырямъ, для того, чтобы оставить въ нашемъ отечествѣ нѣсколько монастырей такихъ, въ которыхъ бы строго введена была та истинно аскетическая жизнь, которая по взгляду христіанства должна находить себѣ осуществленіе въ монастыряхъ. Въ такомъ случаѣ у монастырей необходимо отнять совершенно несвойственныя отшельникамъ богат-

ства и оставить за монастырями строго опредѣленные и ограниченныя средства къ самому скромному существованію монаховъ, какія, напр., существуютъ теперь въ тѣхъ весьма немногихъ монастыряхъ, которые носятъ названіе монастырей *бѣдныхъ*. Вотъ тогда-то, когда не будетъ болѣе существовать монастырей (такъ-называемыхъ самими монахами) *богатыхъ*, истинно аскетическій духъ монашества водворится въ монастыряхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ возстановится и вполнѣ правильное общественное значеніе монастырей въ жизни народа, какъ пріютовъ строго-подвижнической жизни, любовь къ которой сильна въ нашемъ набожномъ народѣ. Во всякомъ случаѣ отнятіе у монастырей, какъ у обществъ отшельническихъ, огромныхъ богатствъ, является дѣломъ крайне настоятельнымъ и необходимымъ въ государствѣ, которое желаетъ блага народу. Но мы думаемъ, что само духовное начальство не допуститъ того, чтобы монастырское зло могло достигнуть такихъ огромныхъ размѣровъ, что понадобится когда-нибудь такое же энергическое вмѣшательство самого правительства въ это дѣло, какое, напр., было при Екаторинѣ II, принявшей реформу монастырей. Довольно прислушаться теперь же къ общественному мнѣнію о монастыряхъ, чтобы духовное начальство убѣдилось въ совершенной необходимости секуляризаціи монастырскихъ богатствъ, хотя бы въ пользу самой же церкви, которая у насъ на громадныхъ пространствахъ имперіи, при томъ же окруженной по окраинамъ ея различными иновѣрными инородцами, весьма нуждается въ большихъ средствахъ и пособіяхъ на дѣло водворенія повсюду христіанства и истинно-христіанскаго просвѣщенія. Всего лучше, еслибъ святѣйшій Синодъ, съ отнятіемъ монастырскихъ богатствъ, употребилъ всѣ эти богатые средства на просвѣщеніе инородцевъ и нашихъ раскольниковъ, на учрежденіе филантропическихъ учреждений, на улучшеніе быта бѣлаго духовенства, доселѣ осужденнаго на жалкое существованіе, на увеличеніе средствъ духовно-учебныхъ заведеній, чрезвычайно бѣдныхъ въ настоящее время и на другія разныя потребности нашей отечественной церкви, которыхъ у ней весьма и весьма много.

Мы должны сказать еще собственно о монастырскихъ земельных имуществахъ; эти имущества составляютъ самый главный видъ монастырскихъ богатствъ и представляютъ по своему происхожденію своеобразное достояніе монастырей. Отечественная исторія свидѣтельствуетъ, что давно еще наше правительство, и гражданское и церковное, признавало всю ненормальность владѣнія монастырей, какъ учреждений церковно-аскетическихъ, бо-

гатыми поземельными имуществами. Это сознаніе правительства наглядно выразилось въ замѣчательной правительственной реформѣ 1764 года, когда указомъ Екатерины II отобраны были у монастырей вмѣстѣ съ крестьянами громадныя поземельныя имущества и оставлены были за каждымъ монастыремъ только небольшіе опредѣленные земельные участки для продовольствія монаховъ. Конечно, тяжело было тогда монахамъ разстаться съ богатыми имуществами и получить взаменъ ихъ скромныя денежныя *штаты*, по которымъ назначались монастырямъ опредѣленные оклады содержания. Но въ исторіи записано то обстоятельство, весьма поучительное для нашего современнаго монашества, что святѣйшій Синодъ, какъ высшее административно-церковное учрежденіе, съ благодарностью встрѣтилъ монастырскую реформу Екатерины II и послалъ къ ней особую депутацію изъ своей среды, которая благодарила императрицу именемъ Синода за *освобожденіе архіереевъ и монастырей отъ суеты суетствой, отъ вотчинъ*. Благодарственную рѣчь Екатеринѣ говорилъ тогдашній митрополитъ петербургскій Гавріилъ.

Теперь же, спустя болѣе 100 лѣтъ послѣ важной Екатерининской реформы монастырей, тѣ же самые монастыри, какъ бы нарочно въ противоположность историческому опыту, снова являются владѣльцами огромныхъ поземельныхъ имуществъ. Какимъ образомъ это случилось? Указомъ же Екатерины было повелѣно, чтобы лишенные земель монастыри на будущее время приобретали какимъ бы то ни было путемъ новыя земли не иначе, какъ исключительно съ Высочайшаго соизволенія. И дѣйствительно, такой именно порядокъ ведется и доселѣ. Екатерина имѣла въ виду, установивъ такой, болѣе или менѣе затруднительный, порядокъ пріобрѣтенія монастырями поземельныхъ имуществъ, предотвратить на будущее время излишнее обогащеніе монастырей этими имуществами и затруднить для нихъ пріобрѣтеніе даже всякаго ничтожнаго земельного участка. Хотя эта мѣра и достигла своей цѣли въ давнее время, когда правительственный контроль зорко слѣдилъ за выполненіемъ плановъ Екатерины II, однако монастыри за это столѣтіе успѣли вновь обогатиться богатыми поземельными имуществами, постепенно съ годами пріобрѣтая ихъ больше и больше. Быть можетъ, монастыри въ теченіи настоящаго столѣтія нерѣдко пріобрѣтали новыя земельныя участки и путемъ покупки ихъ на собственныя средства; но несомнѣнно то, что болѣшую часть земельныхъ имуществъ своихъ монастыри пріобрѣли за время съ 1764 г. путемъ частныхъ добродѣтельныхъ жертвованій этихъ имуществъ въ ихъ пользу. Въ нашемъ обще-

ствѣ и народѣ доселѣ крѣпко держится любовь и преданность въ отношеніи къ монастырямъ, выражаемая въ щедрыхъ жертвованіяхъ на ихъ пользу разнаго рода имуществъ, и въ томъ числѣ поземельныхъ. Нашъ темный народъ доселѣ строго не отдѣляетъ и не различаетъ собственно религіозныхъ или церковныхъ жертвованій отъ жертвованій въ пользу монашествующихъ, которые, какъ полные хозяева своихъ церквей, употребляютъ всевозможныя жертвованія народа безраздѣльно и безразлично на нужды собственныя и на потребности церковныя. Темные люди еще способны заблуждаться, думая, что такія жертвованія въ пользу монастырей суть жертвы чисто-религіозныя и вполне богоугодныя. Народъ не понимаетъ того, что монахи, какъ добровольные аскеты, всего менѣе должны нуждаться въ такихъ жертвованіяхъ, не имѣя даже, предъ судомъ иноческаго аскетизма, права принимать ихъ въ силу требованій монашескаго устава. Такой неправильный взглядъ народа на монастыри конечно зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что само церковное управленіе не принимало доселѣ мѣръ къ искорененію въ народѣ такихъ странныхъ понятій и не запрещало монастырямъ принимать отъ народа всевозможныя жертвованія въ ихъ пользу. Естественнымъ послѣдствіемъ этого явилось то, что наши монастыри въ настоящее время являются, вопреки уставу и духу монашества, владѣльцами огромныхъ поземельныхъ имуществъ, совершенно обременяющихъ аскетическую иночество и мѣшающихъ ему вести жизнь истинно-монашескую. Эта аномалія монастырей, занимающихся не только владѣніемъ, но и непосредственнымъ управленіемъ домами, землями, лѣсами, озерами, рыбными ловлями, мельницами и проч., привела къ тому странному результату, что въ настоящее время, какъ сообщали газетныя извѣстія, предложено внести на утвержденіе государственнаго совѣта проектъ о правѣ участія монастырей въ земскомъ представительствѣ. Наши государственные законы издавна допускаютъ, конечно въ силу возрѣвнѣй и настояній самого церковнаго управленія, монастыри, или лучше сказать, монашествующую братію, несмотря на ея строго-аскетическіе обѣты, владѣть недвижимою и движимою собственностію. Монастыри наши представляютъ собою въ настоящее время весьма крупныхъ земельныхъ собственниковъ, — и земли ихъ, а равно и лѣса, озера, мельницы и проч., облагаются, на основаніи «Положенія о земскихъ учрежденіяхъ», земскимъ сборомъ. Но такъ какъ доселѣ монастыри, какъ юридическія единицы, не участвовали въ земскомъ представительствѣ и не пользовались правомъ дѣятельнаго участія въ раскладѣ падающаго

на нихъ земскаго сбора, то теперь предполагается законодательнымъ порядкомъ предоставить монастырямъ право участія, въ лицѣ ихъ повѣренныхъ, въ земскихъ учрежденіяхъ. Такимъ образомъ, скоро мы будемъ видѣть монаховъ, а можетъ быть и монахинь, какъ представительницъ женскихъ монастырей, въ земскихъ собраніяхъ среди гласныхъ, а со временемъ, если законодательство наше захочетъ быть послѣдовательнымъ, мы будемъ видѣть представителей монашества, пожалуй, и въ роляхъ—предсѣдателей и членовъ земскихъ правъ, мировыхъ судей и на прочихъ земскихъ должностяхъ. Слухъ о правѣ земскаго представительства монастырей считается въ нашей газетной сферѣ несомнѣнно вѣрнымъ. Но вотъ вопросъ: чѣмъ же въ дѣйствительности станутъ тогда монастыри и монашествующіе, которые доселѣ не освобождены отъ исполненія аскетическихъ требованій своего устава, обязывающаго монаховъ строго удаляться отъ вмѣшательства въ жизнь общественную, и будетъ ли тогда уничтоженъ и измѣненъ церковнымъ начальствомъ этотъ уставъ, всецѣло основывающійся на требованіи отъ монастырей и монаховъ совершеннаго отреченія отъ міра и мірскихъ дѣлъ? При возбужденіи вопроса о земскихъ правахъ монастырей рѣзко бросается въ глаза полная и безусловная несовмѣстность устава, духа и цѣлой системы монашества, внесенныхъ въ наши монастыри цѣликомъ изъ древняго быта византійскихъ монастырей, съ какими бы то ни было общественными правами монашествующихъ. Было бы странно и весьма печально для будущаго, еслибъ нынѣшнее ненормальное status quo монастырей, представляющихъ собой и аскетическіе приюты и въ то же время юридическія единицы крупныхъ собственниковъ, продолжало представлять собою полнѣйшую аномалію. Монастыри—во всякомъ случаѣ учрежденія религіозно-аскетическія, и тѣмъ страннѣе видѣть въ нихъ, вмѣсто образца истинно-аскетической жизни, примѣръ жизни ненормальной, полной внутреннихъ, самыхъ существенныхъ противорѣчій.

При разсмотрѣніи вопроса о реформѣ монастырей, насколько они въ томъ нуждаются, необходимо указать на нынѣшнія отношенія монастырей къ народу, которыя также представляютъ много несообразностей съ духомъ монашества. То несомнѣнно, что наши монастыри могли бы, и съ полнымъ достаткомъ, существовать безпеченно,—насколько это слово можетъ быть примѣнимо къ добровольнымъ аскетамъ, каковы монашествующіе,—только на свое жалованье, отпускаемое изъ казны, и на тѣ поземельные участки, которые нѣкогда изъ казны же даны монастырямъ въ опредѣленныхъ размѣрахъ. Больше этого ничего не нужно монаше-

ствующимъ, въ силу ихъ же устава. Что же касается собственно церковныхъ доходовъ, получаемыхъ монастырями отъ набожныхъ посѣтителей ихъ церквей, то эти доходы даже въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ могли бы покрывать собою расходы собственно церковные, напр., на ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе собственно монастырскихъ храмовъ. Конечно, въ этомъ случаѣ необходимъ строгій общественный контроль надъ правильностію расходованія монастырскихъ церковныхъ доходовъ. Но наши монастыри издавна привыкли, къ сожалѣнію, къ такимъ разнообразнымъ видамъ денежныхъ и всякихъ другихъ сборовъ съ народа, которые никакъ не сообразны съ уставомъ и духомъ монашества. Намъ достаточно только перечислить нѣкоторые изъ этихъ видовъ денежнаго сбора съ народа, чтобы видно было само собою, насколько эти монастырскіе доходы роняютъ достоинство иноковъ, вопреки аскетическому уставу своему измыслившихъ довольно уже давно утвердившуюся въ нашихъ монастыряхъ цѣлую систему эксплуатаціи народа, какая только возможна при полномъ невѣжествѣ и простодушіи нашего темнаго народа. Таковы, напр., доходы отъ народа, приходящаго въ монастыри и останавливающагося въ ихъ гостинницахъ; монахи выставляютъ въ своихъ монастыряхъ повсюду кружки для сбора денегъ, и, кромѣ того, съ выгодой торгуютъ церковными свѣчами, просфорами, иконами, книгами, крестиками и проч., и занимаются даже вообще мелочной торговлей при монастыряхъ. Затѣмъ, монастыри, не исключая даже и находящихся въ центрахъ городовъ, вопреки санитарнымъ правиламъ, почему-то пользуются выгоднымъ правомъ продажи въ своихъ стѣнахъ мѣстъ для могилъ, такъ что каждый монастырь держитъ у себя цѣлое кладбище для погребенія, за весьма высокую плату, людей богатыхъ. Эти кладбища даютъ монахамъ весьма богатые доходы, соединенные съ отправленіемъ монашествующими обрядовъ погребенія и поминовенія умершихъ, погребаемыхъ на монастырскихъ кладбищахъ. Монастыри наши дошли до того, что постоянно изобрѣтаютъ для себя новые доходы, недовольствуясь пользованіемъ денежныхъ богатствъ своихъ; такъ они, напр., пускаются въ хозяйственныя операціи, вновь строя на свои капиталы дома, лабазы, лавки и проч., для полученія съ затраченныхъ такими операціями капиталовъ болѣешихъ выгодъ. Для примѣра довольно указать на вновь выстроенныя Сергіевскою Лаврою палаты въ Петербургѣ, въ Троицкомъ переулкѣ, или на лабазы Александро-Невской лавры. При всемъ богатствѣ своихъ средствъ, монастыри не ограничиваются денежнымъ сборомъ съ народа въ самыхъ стѣнахъ монастыря; напротивъ, всѣ монастыри пользуются

правомъ посылать своихъ сборщиковъ подаяній по городамъ и деревнямъ цѣлой губерніи. Нечего и говорить уже о доходахъ монастырей отъ почивающихъ въ нихъ мощей, отъ чудотворныхъ иконъ, отъ часовень, которыя притомъ строятся монастырями даже въ отдаленныхъ отъ монастыря мѣстахъ, куда обыкновенно командируются для собиранія доходовъ въ пользу монастыря особы лица изъ числа монастырской братіи. Въ Москвѣ есть Иверская часовня, съ чудотворною иконою, приносящая богатые доходы одному изъ московскихъ монастырей, которому она принадлежитъ. Икона эта почти ежедневно берется изъ часовни въ дома москвичей, желающихъ помолиться предъ ней. Между тѣмъ, кто бывалъ въ Москвѣ и видѣлъ Иверскую часовню, тотъ хорошо знаетъ, что въ этой часовнѣ всегда есть на лицо икона, привлекающая массы богомольцевъ, которыми тутъ же въ часовнѣ монашествующіе служатъ почти непрерывно молебны предъ иконою. Монахи, которые постоянно развозятъ по частнымъ домамъ настоящую чудотворную Иверскую икону, ставятъ на мѣсто этой иконы другую, совершенно сходную съ первой, и такимъ образомъ эта копія съ иконы даетъ монахамъ особые доходы ¹⁾. Такимъ образомъ, во имя Иверской иконы монахи собираютъ съ народа двойные доходы. Всматриваясь серьезнѣе въ такую жизнь монастырей, всецѣло занятыхъ собираніемъ и увеличеніемъ разнаго рода сборовъ и доходовъ, нельзя не удивляться, что духовное начальство доселѣ не запрещаетъ монашествующимъ вести такой образъ жизни и дѣйствій, который совершенно противорѣчитъ духу иночества и самъ по себѣ представляетъ видъ утонченной, прикрывающейся религіозностью, эксплуатаціи нашего набожнаго народа. Конечно, нашъ народъ и самъ, съ полученіемъ большаго развитія и образованія, иначе будетъ смотрѣть на монастыри и не будетъ щедръ на подаянія въ пользу монашествующихъ, когда будетъ сознавать, что этимъ онъ дѣлаетъ зло инокамъ, добровольно отрехшимся отъ богатства и даже отъ всякой, малѣйшей собственности; но это было бы вредно для народа въ томъ отношеніи, что тогда онъ вообще утратитъ, съ потерей довѣрія къ монастырямъ, какъ учрежденіямъ религіознымъ, нынѣшнюю религіозную набожность, которая одна только доселѣ сдерживала народъ отъ проявленій грубости и звѣрства, свойственныхъ темному, совершенно невѣжественному люду. Было бы гораздо раціональнѣе, если-бъ само духовное начальство во-время предупредило нравственное паденіе монастырей въ глазахъ народа, и теперь же,

¹⁾ См. «Бесѣда», 1872 г. кн. VI: «Наши монастыри», стр. 138. Digitized by Google

при предполагаемой реформѣ монастырей, совершенно запретило монашествующимъ заниматься крайне неблаговидною эксплуатаціей народа. Если-бъ для монастырей самымъ строгимъ образомъ ограничить тѣ виды собственно церковныхъ сборовъ съ посѣтителей монастырей, какіе еще могутъ быть терпимы въ виду потребностей монастырскихъ храмовъ, тогда мало-по-малу монашествующіе могли бы отвыкнуть отъ нынѣшняго образа дѣйствій, совершенно несообразнаго съ уставомъ и духомъ монашества.

Посмотримъ теперь на составъ лицъ, проживающихъ въ монастыряхъ: въ 1869 году значилось проживающихъ въ монастыряхъ монаховъ и монахинь 8622, послушниковъ и послушницъ 15,790 всего 24,322 ¹⁾. Такимъ образомъ, въ монастыряхъ нашихъ проживаетъ, въ общемъ числѣ ихъ жителей, почти двѣ трети такихъ лицъ, которыя, нося званіе монастырскихъ послушниковъ и послушницъ, не имѣютъ ничего общаго съ людьми монашествующими и не должны бы жить въ монастыряхъ. Какъ извѣстно, въ число монастырскихъ послушниковъ и послушницъ поступаютъ почти исключительно молодые, бѣднѣйшіе и въ большинствѣ случаевъ никуда неспособные люди, и поступаютъ вовсе не съ цѣлю приготовленія къ монашескому званію, что и немислимо по отношенію къ молодымъ несовершеннолѣтнимъ людямъ, а просто за тѣмъ, чтобы найти въ монастырѣ даровой пріютъ и содержаніе, найти тамъ жизнь болѣе или менѣе легкую и беззаботную, не требующую какихъ-либо тяжелыхъ и ответственныхъ трудовъ. Въ свою очередь монашествующіе принимаютъ въ монастыри послушниковъ и послушницъ для того, чтобы на нихъ возложить всю черную, служительскую работу въ монастыряхъ и чтобы самимъ пользоваться готовой прислугой и жить, такимъ образомъ, болѣе или менѣе по-барски. Но, очевидно, что такой порядокъ вещей вовсе не соответствуетъ идеѣ монашества, требующей, чтобы иночествующіе всѣ, отъ перваго—начальствующаго до послѣдняго, вели жизнь самую скромную и строгую въ аскетическомъ смыслѣ и чтобы монастыри были мѣстомъ жительства собственно для отшельниковъ, навсегда отрекшихся отъ общества. Монашескій уставъ требуетъ отъ иноковъ самой простой и смирной жизни, обязывая каждаго монаха исполнять даже самыя низшія, черныя монастырскія работы, или такъ-называемыя *послушанія*, такъ какъ иноки по самому обѣту своему отказываются отъ всякаго самолюбія, честолюбія, сознанія личнаго достоинства и личныхъ правъ, и т. п. мотивовъ, которыми руководствуются въ

моё

самы. См. Отчетъ по духовному вѣдомству за 1870 г.

жизни своей люди мірскіе, общественные. Такимъ образомъ, про- живающій въ монастыряхъ большой классъ послушниковъ и по- слушницъ, изъ которыхъ среднимъ числомъ приходится двое на одно монашествующее лицо, составляетъ очевидную несообразность съ правилами монашества. Естественно, что этотъ классъ мона- стырской прислуги портитъ монашествующихъ, съ одной стороны потому, что вносить въ монастыри духъ уже не аскетически-ино- ческій, отъ котораго этотъ классъ и въ монастыряхъ свободенъ, а съ другой — потому, что, какъ классъ прислуги и чернорабочихъ, онъ дѣлаетъ монашествующихъ избалованными баричами. Что касается до послушниковъ и послушницъ, поступающихъ въ монастыри только ради выхода изъ гнетущей бѣдности, то этотъ людъ дѣ- лается совершенно несчастнымъ и жалкимъ, привыкая въ мона- стырѣ къ бездѣлю и теряя тамъ безцѣльно время, вмѣстѣ того, чтобы внѣ монастыря выучиться въ молодые годы какой-нибудь работѣ, ремеслу и проч. Эти послушники и послушницы, по большей части отъ природы малоспособные, и до поступления въ монастырь не подготовленные ни къ какому роду занятій, въ мо- настырѣ окончательно теряютъ всякую способность къ какому-ни- будь опредѣленному труду и занятію, и потому обыкновенно на цѣлую жизнь остаются жить въ монастырѣ, за неимѣніемъ воз- можности пристроиться внѣ монастыря. Затѣмъ, эти питомцы мо- настырей, свываясь по необходимости съ монастырскою жизнью, за свою продолжительную жизнь и службу въ монастырѣ какъ- бы въ награду получаютъ со временемъ монашескій санъ и по- степенно восходятъ до лучшаго положенія въ монастырѣ, какое только возможно тамъ, напр., въ родѣ начальника монастыря. Мы не ошибемся, если скажемъ, что наше монашествующее со- словіе искусственно поддерживается въ своей значительной чис- ленности именно благодаря этому бѣднѣйшему и несчастному люду, поступающему въ монастыри, какъ въ богадѣльни и прію- ты, на даровое содержаніе, и постепенно достигающему разныхъ монашескихъ чиновъ путемъ первоначальной службы въ монасты- ряхъ въ качествѣ послушниковъ. Такимъ образомъ, монастыри наши скорѣе можно назвать именно пріютами и богадѣльнями, но съ тою только разницей отъ этихъ общественныхъ благотвори- тельныхъ учрежденій, что монастырскій людъ, поступающій въ стѣны монастыря на благотворительныя его средства, дѣлаетъ себѣ тамъ хорошую въ своемъ родѣ карьеру, выслуживаясь до почетнаго и обеспеченнаго положенія заслуженныхъ іеромона- ховъ, или архимандритовъ. Но понятно, что такого рода людъ, ищущій въ монастыряхъ только добраго пріюта, а затѣмъ, обез-

печенной и даже роскошной жизни, всего менѣе можетъ походить на истинныхъ иноковъ, достойныхъ этого имени по взгляду и требованію устава и духа монашества. Что-нибудь должно быть одно: или монастыри должны быть всецѣло преобразованы въ мірскія благотворительныя учрежденія, которые руководятся уставомъ, совершенно отличнымъ отъ устава аскетически-монашескаго, или же монастыри должны быть строго поставлены такъ, какъ того требуетъ ихъ аскетическій уставъ. Во всякомъ случаѣ странно и непріятно видѣть въ жизни монастырей полнѣйшее смѣшеніе двухъ совершенно разнородныхъ началъ: аскетически-монашескаго, которое доселѣ формально признается и выражается въ выполненіи такихъ внѣшнихъ требованій, какъ, напр., безбрачіе, употребленіе постной пищи, ношеніе особой одежды, и проч., — и мірскаго, которое въ дѣйствительности вполне преобладаетъ въ монастырской жизни. Нельзя не радоваться, что духовное начальство обратило вниманіе на нынѣшнюю монастырскую безурядицу, въ которой вмѣстѣ уживаются странныя противорѣчія, нетерпимыя ни въ какомъ другомъ учрежденіи. Въ монастыряхъ не должны имѣть мѣста тысячи молодыхъ мірскихъ людей; въ кандидаты монашества должны быть принимаемы исключительно люди зрѣлаго возраста и притомъ на опредѣленный срокъ испытанія, послѣ чего неспособные къ иночеству должны быть непременно удаляемы изъ монастырей. Можно надѣяться, что введеніе всесословной воинской повинности скоро положитъ конецъ нынѣшнему порядку вещей, допускающему принатіе въ монастыри молодыхъ людей, которые, конечно, ищутъ въ монастыряхъ прежде всего дароваго пріюта и готоваго содержанія, но ужь никакъ не жизни иночески-аскетической.

Еще замѣчаніе о монастыряхъ и монахахъ. Извѣстно, что тогда какъ простые монахи, такъ-называемая монастырская братія, пользуются въ монастыряхъ средствами, хотя и достаточными, но все же не роскошными, — напротивъ, совершенными богачами живутъ монахи-аристократы, начальники монастырей и ихъ ближайшіе помощники, завѣдывающіе управленіемъ монастырскимъ. Монашескій уставъ строго требуетъ отъ всѣхъ безъ различія иноковъ монастыря полнаго равенства и братства, заповѣданнаго въ Евангеліи, и отъ начальника монастыря въ особенности требуетъ примѣра строго-иноческой жизни, то-есть, жизни смиренной, скромной, бѣдной. Такъ и было въ древнихъ византійскихъ монастыряхъ, выработавшихъ уставъ монашества; такъ было и въ нашихъ древнихъ монастыряхъ, напр., въ Кіевскомъ-Печерскомъ,

при игуменѣ св. Θεодосіи, жизнь котораго предлагается нашимъ монахамъ для обязательнаго подражанія. Совсѣмъ не то стало теперь въ нашихъ монастыряхъ, начальники которыхъ почему-то пользуются правомъ брать себѣ цѣлую $\frac{1}{3}$ монастырскихъ доходовъ, что составляетъ въ нашихъ лаврахъ и монастыряхъ богатыхъ 10—30 тысячъ годового содержанія этихъ начальниковъ, а въ монастыряхъ менѣе богатыхъ—отъ 2 до 10 тысячъ. Какъ хотите, такое содержаніе никакъ несообразно съ духомъ аскетическаго монашества. Но мало того, что настоятели монастырей пользуются огромнымъ процентомъ съ суммы общихъ монастырскихъ доходовъ, самое главное для нихъ право заключается въ полнѣйшемъ самовластіи относительно подчиненныхъ имъ монастырей. Съ одной стороны, начальники монастырей единолично пользуются правомъ полной власти надъ монахами своихъ монастырей, а съ другой стороны единолично же распоряжаются монастырскими имуществами. Какъ то, такъ и другое, конечно, ведетъ ко многимъ злоупотребленіямъ этихъ начальниковъ, чему бывали сплошь и рядомъ примѣры, которые даже нерѣдко предавались печатной гласности. Настоятели монастырей, полновластные по отношенію къ подчиненнымъ монахамъ, въ свою очередь вполне подчинены также единоличной власти—именно епархіальнымъ архіереямъ, которые, въ большинствѣ, сами имѣютъ въ собственномъ и непосредственномъ управленіи по одному, а въ нѣкоторыхъ епархіяхъ и по нѣскольку монастырей, преимущественно богатыхъ. Если, какъ мы уже замѣтили, полновластіе начальниковъ въ монастыряхъ само по себѣ несообразно съ духомъ и уставомъ монашескимъ, требующимъ отъ иноковъ истинно-братской и строго-общинной жизни, безъ самовластія одного монаха надъ всѣми прочими, то ясно отсюда, что начальники монастырей, поставленные въ такое ложное положеніе, сами являются первыми примѣрными, хотя и невольными, нарушителями уставовъ и обѣтовъ иночества. Богатые по положенію, сильные властію и, поэтому, нерѣдко деспотичные, какъ и вообще начальники единоличные и полновластные, настоятели монастырей совсѣмъ не похожи на иноковъ-аскетовъ, и вотъ они-то естественно даютъ всему монашествующему люду самый дурной и заразителный примѣръ жизни, совершенно противорѣчащей духу монашества, тѣмъ болѣе, что простой монашествующій людъ, какъ весьма невѣжественный и необразованный, совершенно подчиняется нравственному вліянію своихъ начальниковъ, какъ людей болѣе образованныхъ, сравнительно съ массою простыхъ монаховъ. Мы далеки отъ личнаго осужденія этихъ монаховъ-бо-

тачей и аристократовъ среди земнаго монашествующаго класса; намъ хорошо извѣстно, что нѣхъ богатая и важная обстановка издавна считалась въ тѣхъ и церковнаго начальства и общества какъ-бы естественною, будто бы необходимымъ даже для упроченія почетнаго положенія этихъ монаховъ въ монастырѣ, а равно и въ мѣстныхъ обществахъ, насколько possible восту блану къ жизни монастырей по отношеніямъ религіозно-церковнымъ. Но вотъ это-то и дурно, что церковное управленіе исторически, издавна, допустило такой ненормальный взглядъ на жизнь монаховъ-аристократовъ, какъ-бы уваживши для нихъ жизнь исключительную, высвобожденную изъ-подъ руководства общинческаго устава, почивающаго въ своихъ требованіяхъ всецѣмъ на духъ суроваго аскетизма. На самомъ же дѣлѣ и монахи-аристократы даютъ такіе же аскетическіе образы монашества, при принятіи этого званія, какіе вообще положены безразлично на всѣхъ монашествующихъ.

Намъ остается упомянуть о монахахъ-архіереяхъ, насмѣствующихъ въ одно и то же время надъ двумя, совершенно различными между собой классами, именно надъ духовенствомъ чернымъ и бѣлымъ. Здѣсь опять нельзя не видѣть существенной несообразности: монахъ, по уставу аскетъ и отшельникъ отъ міра и общества, управляетъ судьбой многочисленнаго благаго духовенства, ведущаго жизнь общественную и семейную и неимѣющаго почти ничего общаго съ монашествомъ. Намъ, пожалуй, скажутъ, что, несмотря на эту очевидную и рѣзко бросающуюся въ глаза несообразность, сама церковь издавна установила такой порядокъ — поставлѣть начальниками благаго духовенства монаховъ и слѣдовательно какъ-бы придала каноническое значеніе этому порядку. Но мы хорошо помнимъ, что наша русская, богословская литература не разъ возбуждала церковный вопросъ о томъ, исключительно ли монахи могутъ быть возводимы въ санъ архіерея, какъ начальники надъ бѣлымъ духовенствомъ, или же и лица благаго духовенства могутъ быть возводимы въ архіерейскій санъ, не принимая званія монашескаго. Этотъ каноническій вопросъ рѣшался на основаніи науки въ томъ смыслѣ, что обычай возводить въ санъ архіерея исключительно монаховъ не имѣетъ строго-каноническаго значенія и явился въ христіанской церкви только съ IV вѣка нашей эры, когда усилилось и стало господствовать въ византійской церкви ученое монашествующее сословіе. Что же касается до христіанской церкви первыхъ трехъ вѣковъ, примѣръ которой вообще имѣетъ вполне каноническое значеніе, то тогда, при несуществованіи монашества, поставленіи

были архіереями лица благаго духовенства, какъ женатые, такъ и неженатые, безразлично, и женатые продолжали въ этомъ санѣ вести жизнь брачную; при этомъ не допускались до архіерейскаго сана только вторोजенцы, такъ какъ епископу дозволялся только одинъ бракъ. Но если и каноническія правила церкви допускаютъ существованіе архіереевъ изъ среды не монашеской, но общественной, какова, напр., среда благаго духовенства, то съ точки зрѣнія общественной и государственной представляется даже совершенно нецѣлесообразнымъ принятый порядокъ назначенія монаховъ-отшельниковъ архіереями, которые вмѣстѣ съ принятіемъ этого сана дѣлаются духовными начальниками не только надъ духовенствомъ, но и надъ всѣмъ народомъ, вмѣсто того, чтобы на эти чисто-общественныя должности поставлять лицъ хотя духовнаго сана, но мірскихъ, не монашескихъ, не связанныхъ аскетическимъ обѣтомъ отреченія отъ міра. Мы не будемъ говорить здѣсь о весьма многихъ неудобствахъ высшаго управленія церкви архіереями-монахами, отражающихся на жизни благаго духовенства (которое доселѣ не устроено въ своемъ положеніи главнымъ образомъ потому, что не имѣетъ своихъ представителей въ числѣ главныхъ церковныхъ начальниковъ отечественной церкви), и вообще на жизни всей нашей церкви, которая поставлена далеко не въ лучшемъ, желательномъ видѣ. Наша рѣчь собственно о монашествѣ. Говоря объ архіереяхъ-монахахъ, нельзя не признать, что соединеніе въ одномъ лицѣ и званія отшельника-аскета и званія почетнаго мірскаго начальника, управляющаго судьбою цѣлыхъ тысячъ лицъ благаго духовенства, представляетъ собою явленіе въ высшей степени несообразное и ненормальное. Невозможно даже представить, чтобы одно и то же лицо, которое строго обязано выполнять суровыя аскетическія требованія иноческаго устава, могло въ то же время съ успѣхомъ служить на широкомъ поприщѣ общественной службы, безъ существеннаго ущерба монашескимъ своимъ обязанностямъ. Эта-та несообразность, господствующая въ положеніи самихъ начальниковъ и столповъ монашества, представляетъ едва ли не самую главную и первую причину того, что и быть всего монашествующаго класса весь пасевозь проникнуть и наполненъ всевозможными несообразностями. Естественно, что какъ скоро высшее монашество стало смотрѣть на свое аскетическое званіе только какъ на извѣстную внѣшнюю форму жизни, требующую только условныхъ формальностей, какъ, напр., жительство въ стѣнахъ монастыря, безбрачіе или вдовство, неупотребленіе мясной пищи и только, — вслѣдъ за нимъ и монашество низшее, есте-

ственно, находить для себя основанія понимать свое иночество столь же легко и формально. И что же вышло изъ этого? Монашествующіе, по принципу, съ давнихъ уже временъ проникшему въ монастыри, не думаютъ объ исполненіи требованій аскетизма, на которомъ и основана по идеѣ вся особенность иночества, а между тѣмъ носятъ это званіе, и при этомъ, что всего хуже, совершенно далеки отъ мысли, что ихъ положеніе въ высшей степени ложно и потому крайне неблагоприятно въ общественномъ мнѣніи нашихъ образованныхъ сословій. Опять повторяемъ, что мы ничуть не хотимъ осуждать лично главныхъ представителей монашества и вообще лицъ монашествующихъ; мы говоримъ не о лицахъ, а о существующей системѣ, которая, при всей своей ненормальности и фальши, сильно укоренилась, однако, въ сферѣ монашества.

Мы кончили наше обозрѣніе и указали на самые главные недостатки въ жизни монашествующаго сословія, устраненіе которыхъ было бы весьма полезно при предполагаемой въ настоящее время духовнымъ начальствомъ реформѣ нашихъ монастырей. Мы старались выяснитъ, что монастыри и монашествующіе поставлены въ самое ложное и неправильное положеніе, и что ихъ нынѣшній бытъ не только не соотвѣтствуетъ духу аскетическаго иночества, но и совершенно ему противорѣчитъ. Всѣ условія нынѣшней жизни монастырей ставятъ истиннаго аскета, если бы такой вздумалъ искать въ монастырѣ возможности вести жизнь истинно иноческую, въ самое неудобное положеніе, совершенно непримиримое съ идеаломъ жизни аскета. Мы убѣждены поэтому, что въ наше время истинные аскеты возможны скорѣе въ жизни мірской, среди насъ, — гдѣ они могутъ дѣйствовать на поприщѣ религіозно-нравственнаго аскетизма въ своей частной жизни болѣе безпрепятственно, чѣмъ въ сферѣ монашествующаго сословія, за стѣнами монастырей. Мы однако ограничились въ своемъ обозрѣніи указаніемъ главнымъ образомъ на *имущественную* сторону быта монастырей и монашествующихъ, и съ этой именно стороны выяснили ихъ весьма ложное положеніе. Мы ограничились такимъ обозрѣніемъ потому, что, во-первыхъ, было бы весьма щекотливо разъяснять другія нравственныя стороны жизни монашествующаго люда, напр. относительно того, насколько возможно въ монастыряхъ совершенное безбрачіе, въ смыслѣ самаго строгаго дѣвства или цѣломудрія, и, во-вторыхъ, *имущественныя* усло-

ия сами по себѣ такъ важны, что вполне регулируютъ всякую жизнь, а слѣдовательно и монастырскую, положительно во всѣхъ отношеніяхъ. Что касается того, какая рѣшительная мѣра могла бы уничтожить нынѣшнюю монастырскую ненормальность и несообразность съ духомъ иночества, то, по нашему мнѣнію, необходимо избрать для этого одно изъ двухъ болѣе или менѣе радикальныхъ средствъ, именно нужно — или возстановить въ монастыряхъ строго подвижническую жизнь, требуемую духомъ иноческаго аскетизма, или же — совсѣмъ отвергнуть этотъ строгій аскетизмъ, чтобы затѣмъ сдѣлать изъ монастырей не мнимо-иноческіе пріюты, а обыкновенныя богоугодныя учрежденія, вполне мірскія, опредѣляемыя въ ихъ жизни тѣми положеніями и основаніями, какія дѣйствуютъ въ нашихъ филантропическихъ общественныхъ учрежденіяхъ. Тутъ середины быть не можетъ, какъ мы уже и показали все противорѣчіе между требованіями монашескаго аскетизма и тѣми условіями жизни мірской, въ какія поставлены наши монастыри. Духовное начальство, какъ замѣтно, въ послѣднее время старается поставить монастыри въ видѣ общественныхъ благотворительныхъ учрежденій, требуя отъ нихъ, напр., устройства богадѣленъ и пріюта для лицъ мірскихъ, а также отпуска денежныхъ пособій на поддержаніе духовно-учебныхъ заведеній, существующихъ доселѣ на крайне бѣдныхъ средствахъ. Но что касается устройства при монастыряхъ филантропическихъ учрежденій, то мы уже имѣли случай говорить, что монастырская жизнь, какъ строго аскетическая и отшельническая, и жизнь людей мірскихъ — не имѣютъ почти ничего общаго. Иночество требуетъ исключительно религіозныхъ и аскетическихъ подвиговъ жизни, условленныхъ притомъ же рѣшительнымъ и безусловнымъ удаленіемъ отъ міра и общества; напротивъ, духъ общественной филантропіи требуетъ отъ благотворительныхъ учрежденій чисто-практической дѣятельности, выражаемой въ оказаніи житейской помощи призрѣваемымъ, съ цѣлію поставить ихъ затѣмъ на ноги для труда и занятій въ обществѣ же. Совершенно ненормально то явленіе, что въ нѣкоторыхъ монастыряхъ монахи и монахини съ одной стороны воспитываютъ въ своихъ стѣнахъ пріютскихъ дѣтей и, конечно, въ духѣ монашески-аскетическомъ, а съ другой призрѣваютъ въ своихъ богадѣльныхъ мірскихъ людей, требуя, конечно, и отъ нихъ выполнения правилъ монашеской жизни, напр. въ родѣ запрещенія на мясную пищу, и т. п. Особенно же нераціонально то, что молодые люди того и другого пола принимаются въ монастыри подъ полное вліяніе монашествующихъ, которые, въ силу своеобразныхъ убѣж-

деній, обыкновенно склоняють этихъ молодыхъ людей къ принятію монашескаго званія и чрезъ то навязываютъ ихъ убѣжденію иночество, чрезъ это самое увеличивая число монашествующихъ не по призванію, а по случаю. Такое искусственное навязываніе монашествующими иноческаго аскетизма молодымъ людямъ крайне ложно, вредно и нетерпимо. Совсѣмъ другое дѣло—появившіяся у насъ за послѣднее время *общины*, впрочемъ только женскія; это — учрежденія мірскія, богоугодныя и вполнѣ рacionales. Учрежденіе этихъ общинъ подъ вѣдомствомъ начальства духовнаго даетъ нѣкоторый поводъ заключить, что наше церковное управленіе вмѣстѣ съ обществомъ сознаетъ все преимущество мірскихъ общинъ, какъ учреждений благотворительныхъ, предъ монастырями. Но къ чему приведетъ дальнѣйшая судьба нашихъ монастырей,—къ реформѣ ли ихъ въ духъ истинно-аскетическомъ, или же къ преобразованію ихъ въ учрежденія мірскія, общественныя, не связанныя иночествомъ, объ этомъ судить не намъ. Мы изслѣдовали нашъ вопросъ не столько со стороны церковныхъ законоположеній, сколько со стороны требованій общественныхъ, сознавая съ одной стороны всю огромную силу вліянія монастырей на миллионы нашего темнаго народа, съ другой—громадную стоимость монастырей для государственной казны и въ особенности—для самого народа. При такомъ значеніи монастырей въ жизни нашего народа и государства, вопросъ о правильной постановкѣ быта монастырей, естественно, является столь важнымъ, что нельзя не пожелать, чтобы дальнѣйшая разработка этого вопроса подвинула дѣло практическаго осуществленія необходимой и коренной монастырской реформы.

Д — вѣ.

ВЗЯТІЕ ХИВЫ

■

ХИВИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ 1873 ГОДА

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРИИ ПОХОДА.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Хивинское ханство еще въ началѣ XVII-го столѣтія обращало на себя вниманіе русскихъ, потому что его географическое положеніе, въ низовьяхъ важнѣйшей водной артеріи, всегда представляло вопросъ огромной важности въ отношеніи водяного пути по Аму-Дарьѣ и зависимости отъ этого пути всѣхъ напихъ какъ торговыхъ, такъ политическихъ и административныхъ дѣйствій относительно всей Средней Азии. Хотя топографія мѣстности не составляетъ нашего предмета, но чтобы читателю удобнѣе было слѣдить по картѣ за движеніями войскъ и видѣть то географическое положеніе, которое занимаетъ Хива въ политическомъ отношеніи къ землямъ, занимаемымъ подданными намъ киргизами, остановлюсь на бѣгломъ описаніи мѣстности, прилегающей къ хивинскимъ владѣніямъ, или, вѣрнѣе сказать, составляющей наши окраины. Официально окраинами своими мы считаемъ: съ сѣвера—Мангышлакъ, съ степями киргизовъ оренбургскаго вѣдомства; съ востока—Аму-Дарью, съ хивинскими и бухарскими владѣніями, и съ юга—Альбурзскія горы, съ Черною рѣчкою, выте-

дающею въ Каспійское море и отдѣляющею Туркменію отъ Астрабадской области Персіи; собственно же оренбургское вѣдомство, съ отдѣленіемъ отъ него, въ 1870 году, Мангишлака, считается своей пограничною чертою, впрочемъ весьма фиктивной, линію, идущую отъ Мертваго-Култува по сѣверной окраинѣ Усть-Урта¹⁾ къ Аральскому морю. Къ пограничной чертѣ этой примыкаютъ уѣзды Гурьевскій, Эмбенскій и южная сторона Иргизскаго. До 1869 года, несмотря на столѣтнее владѣніе этими мѣстами и всею за-уральскою степью, мы не знали ни разстояній, ни даже отдѣльных пунктовъ всей этой мѣстности, и только съ этого года, сначала по случаю возмущенія киргизовъ, при введеніи у нихъ новаго положенія, а затѣмъ для водворенія спокойствія въ степи и огражденія отъ часто повторявшихся въ это время набѣговъ мелкихъ шаекъ на орско-казалинскій трактъ, — набѣговъ, которые состояли преимущественно изъ бѣглыхъ нашихъ киргизовъ, оточевавшихъ въ Хиву, и, при участіи самихъ хивинцевъ, вторгавшихся на этотъ трактъ чрезъ Усть-Уртъ, Самъ и Мынгъ-Су-Алмазъ на Эмбу, или чрезъ Каратамакъ, Барсуки и Мугоджарскія горы, оренбургское начальство вынуждено было принять самыя энергическія мѣры и, кромѣ постройки въ періодъ этого времени трехъ укрѣпленій, Уильскаго, Эмбенскаго и Нижне-эмбенскаго, высылать ежегодно самостоятельные отряды, которые преимущественно занимали важнѣйшіе стратегическіе пункты по линіи отъ Нижне-эмбенскаго укрѣпленія въ низовьяхъ Эмбы, близъ оз. Масше, вверхъ по рѣкѣ Эмбѣ, чрезъ Эмбенскій постъ, Чушпакуль и Джебыске къ Каратамаку, поддерживая между собой непрерывную связь посылкою постоянныхъ разъѣздовъ. Одинъ изъ такихъ отрядовъ (конный) еще въ 1870 году, съ цѣлію изслѣдовать пути, ведущіе чрезъ Усть-Уртъ, перешелъ, имѣя при себѣ даже орудіе, на сѣверный чинкъ (чинкомъ киргизы называютъ обрывистый берегъ, которымъ со всѣхъ сторонъ очерчивается плоская возвышенность Усть-Урта). Достигая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительной высоты, чинкъ спускается къ отлогой, низменной степи такими крутыми террасами, загроможденными утесами и каменными глыбами, что доступъ на него дѣлается возможнымъ только по тремъ извѣстнымъ дорогамъ, идущимъ отъ Эмбы: первая чрезъ уроч. Учъ-канъ, лѣвѣе горы Джазлы, вторая между Джиддинскими горами на Ичекакарганъ и далѣе къ Ургенчу, и третья еще лѣвѣе, между оврагами Арсаемъ и Караса-

¹⁾ Усть-Уртъ — плоская возвышенность, обрамляющая западный берегъ Аральскаго моря.

емъ, почти по берегу Аральскаго моря. Всѣ остальные мѣста чинка очень круты, и обнаженные камни, висящіе надъ страшными кручами, дѣлають доступъ туда почти невозможнымъ.

Высылкой этихъ отрядовъ, кромѣ того что достигнута цѣль умиротворенія киргизовъ и удержанія ихъ въ постоянномъ повиновеніи, принесена еще и та несомнѣнная и чрезвычайно важная польза, что въ теченіе этого времени территория нашей степи настолько изслѣдована во всѣхъ ея направленіяхъ, что мы, не краснѣя, можемъ отвѣчать, по крайней мѣрѣ, на вопросы о той мѣстности, которая считается уже болѣе ста лѣтъ въ составѣ имперіи. Рекогносцировочныя партіи при отрядахъ составили довольно точныя маршруты отъ Оренбурга чрезъ Акъ-Тюбя къ эмбенскому посту и чрезъ Илецкъ къ Уильскому укрѣпленію, а отъ сего послѣдняго къ Эмбѣ, Маспе, Акъ-Тюбя и Иргизу. Кромѣ того, произведены рекогносцировки мѣстности внизъ по теченію Эмбы къ морю, въ глубь Усть-Урта до подошвы чинка у уроч. Мынь-Су-Алмаза, и отъ Эмбенскаго поста, чрезъ оврагъ Джебыске, до оз. Самъ, и отъ того же оврага, а равно и отъ залива Перовскаго, вдоль по сѣверо-западному берегу Аральскаго моря, до копаней (колодцы) Акты-венды, южнѣе Каратамака и, наконецъ, до мыса Джаманъ-Мурунь (Акъ-Тумсукъ). При этихъ рекогносцировкахъ оказалось, что мѣстность за Каратамакомъ, исключая скатовъ чинка къ морю, гдѣ встрѣчаются изрѣдка кормовыя травы, но доступъ куда, по чрезвычайной крутизнѣ скатовъ, очень труденъ, — камениста и совершенно бесплодна, лишь кое-гдѣ покрыта полынью и мелкой колючкой. Вода въ колодцахъ встрѣчается хотя въ достаточномъ количествѣ для небольшого отряда (отрядъ въ этой мѣстности, бывшій тамъ въ 1872 году отъ войскъ оренбургскаго округа, состоялъ изъ одной роты пѣхоты и двухъ сотенъ казаковъ), но соленая. Съ приближеніемъ же къ Кунтраду замѣтно улучшается какъ качество воды, такъ и количество ея, а равно и корма. Такимъ образомъ, то установившееся традиціонное понятіе о трудности подъема чрезъ Усть-Уртъ и о невозможности вообще предпринять какое-либо серьезное движеніе къ Хивѣ со стороны оренбургской, по случаю будто бы совершенной бесплодности и безводности Усть-Урта, — отчасти разсѣяно. Хива до сихъ поръ была убѣждена въ недосытаемости ея для нашихъ отрядовъ, и этому она, кажется, приписывала, что и всѣ ея враждебныя дѣйствія противъ насъ оставались безнаказанными. Убѣжденіе это отчасти поддерживалось въ Хивѣ и нашими дальними киргизами, какъ, напримѣръ, адаевцами и чумичли-табынцами и др., которые, перекочевывая зимой на Усть-Уртъ, были

заинтересованы по своимъ личнымъ выгодамъ поддерживать это мѣнѣе, такъ какъ, опасаясь преслѣдованія за безпорядки и грабежи, которые они иногда совершали во время лѣтнихъ кочевокъ на Мангишлакъ, такіе киргизы были принуждены уходить за Усть-Уртъ, къ предѣламъ ханства. Проникнувъ, какъ мы уже видѣли выше, до Аель-Тумсука на югъ по Усть-Урту, отряды наши не встрѣчали тѣхъ непреодолимыхъ препятствій, которыми считались несомнѣнно существовавшими, такъ какъ до этихъ пунктовъ, со временъ Бековича-Черкаскаго, еще ни одна изъ нашихъ командъ не доходила, и всѣ воображали, что Усть-Уртъ—это какое-то чудовище, устроенное сюрioniами, фалангами и змѣями. (Въ іюнѣ 1858 года прошла Усть-Уртъ миссія Игнатъева). Отъ уроч. же Аель-Тумсука до населенной части Хивы оставалось уже нѣсколько переходовъ, а мѣстныя условія по той сторонѣ Усть-Урта извѣстно, что вполне благопріятныя.

Съ 1620 года начали посѣщать Хиву русскія дипломатическія миссіи: Хохловъ, Оедотовъ, Даудовъ, Беневени, Гладышевъ, Муравинъ, Назимовъ, Рукавинъ, Бланкенбургъ, Муравьевъ, Никифоровъ, Данилевскій, Базинеръ, Игнатъевъ и Бутаковъ, отъ 1620 до 1858 года, послѣдовательно посѣтили Хиву, а въ началѣ XVII-го столѣтія начались съ Хивой и вооруженныя столкновенія, но, правду сказать всѣ они были крайне неудачны для насъ и потому легко могли нравственно благопріятно повліять на Хиву. Первый походъ туда произошелъ совершенно случайно. Поселившіеся на берегахъ Урала япцкіе казаки, грабившіе и разорявшіе въ то время всѣхъ и все, что ни попадалось имъ подъ руку, поймали однажды нѣсколькихъ хивинскихъ купцовъ, ѣзжавшихъ съ товарами въ Россію. Разграбивъ товаръ, казаки допытывали хивинцевъ, что и какъ у нихъ въ Хивѣ. Узнавъ о богатствѣ страны и о томъ, что лѣтомъ тамъ войска не бываетъ, лхкіе казаки, недолго думая, скоро собрались и, въ составѣ десяти тысячъ человѣкъ, безъ всякаго обова и только съ тѣмъ, что могло помѣститься на сѣдлѣ, пошли на поживу. Быстро прошли они киргизскую степь и, пользуясь дѣйствительно отсутствіемъ хивинскаго войска, совершенно истребили одинъ изъ главныхъ хивинскихъ городовъ—Ургентъ. Наваливъ до тысячи телѣгъ богатой кладью, забравъ до тысячи женщинъ, казаки возвратились—было уже обратно, но настигнутые хивинцами и отрѣзанные отъ воды, выдержали безпримѣрную и ужасную борьбу. Недостатокъ въ водѣ и палицій зной солнца заставилъ казаковъ утѣлять жажду высасываніемъ крови съ убитыхъ товарищей. Нѣсколько дней отчаянно защищаясь и бросивъ все взатое въ Ургентѣ, казаки, въ

числѣ только ста человекъ, успѣли пробиться въ Аму-Дарьѣ, но и здѣсь, въ дремучихъ камышахъ, ихъ вновь настигли хивинцы и уничтожили окончательно, такъ что преданіе объ этомъ походѣ осталось изъ сочиненія Абулгазы-Богадурь-Хана, да изъ одной переходящей изъ рода въ родъ пѣсни самихъ казаковъ.

Вскорѣ послѣ того, янцкій атаманъ Нечай вновь собралъ казаковъ, и вновь пошли они въ Хиву «счастія пытать», вновь разорили тамъ многіе города, вновь побрали много добра всякаго и женщинъ, и вновь, на обратномъ пути, всѣ казаки и самъ атаманъ уничтожены хивинцами. Была и третья попытка этихъ казаковъ проникнуть въ Хиву, но на этотъ разъ она кончилась еще хуже. Застигнутые суровой зимой, со всѣми ея ужасными здѣсь атрибутами — бураномъ и стужей, и сбившись съ дороги, казаки дошли до такого отчаяннаго положенія, что должны были убивать и ѣсть другъ друга, а часть ихъ взята хивинцами въ рабство.

Четвертый походъ противъ Хивы былъ предпринятъ по инициативѣ Петра Великаго, желавшаго, какъ извѣстно, отереть торговые сношенія съ Индіей, особенно когда (въ 1700 году) самъ хивинскій ханъ Шаніязъ просилъ о принятіи его въ подданство Россіи. Предварительно этого похода было построено нѣсколько опорныхъ пунктовъ, которые могли бы соединять отрядъ съ Астраханью, и, послѣ долгихъ сборовъ, князь Бековичъ-Черкасскій, съ отрядомъ до 3¹/₂ тысячъ при 6-ти орудіяхъ и съ обозомъ изъ 200 верблюдовъ и 300 лошадей, въ началѣ іюня 1717 года, двинулся чрезъ Усть-Урть въ Хиву. Не доходя до этого города 150 верстъ, на берегу р. Аму-Дарьи онъ далъ выступившимъ противъ него хивинцамъ сраженіе, которое продолжалось три дня и кончилось совершеннымъ пораженіемъ непріятеля. Ханъ, видя, что дѣло плохо, вступилъ въ переговоры и обѣщалъ исполнить всѣ требованія князя Бековича, который такъ довѣрился увѣреніямъ хана, что, раздѣливъ отрядъ на нѣсколько частей, вошелъ, по приглашенію хана, въ Хиву. Но едва только онъ сдѣлалъ это, какъ хивинцы измѣннически напали на разрозненные части нашего отряда и перерѣзали всѣхъ до одного человека, а съ самого Бековича, какъ гласятъ преданія, содрали кожу, набили сѣномъ и послали ее въ подарокъ эмиру бухарскому. Пятый и послѣдній походъ на Хиву былъ предпринятъ въ 1839 году главнымъ начальникомъ оренбургскаго края, графомъ Перовскимъ, съ цѣлью занять это ханство, освободить нашихъ плѣнныхъ и дать свободу торговлѣ. Отрядъ гр. Перовскаго состоялъ изъ 3¹/₂ баталіоновъ пѣхоты, 2-хъ полковъ уральскихъ

казаковъ, 5-ти сотенъ оренбургскихъ казаковъ и башеиръ и 22-хъ орудій, всего до 5-ти тыс. человекъ, при обозѣ, въ которомъ было, кромѣ лошадей, до 10-ти тыс. верблюдовъ и до 2-хъ тыс. человекъ верблюдовожатыхъ киргизовъ.

Послѣдній эпизодъ этого несчастнаго движенія нашего на востокъ окончился для насъ болѣйшей неудачей. Несчастливая мысль, что, за неимѣніемъ въ степи воды, походъ легче дѣлать зимой, когда есть снѣгъ, и убѣжденіе, что морозъ для русскаго человека ничемъ, побудили назначить выступленіе изъ Оренбурга въ концѣ осени.

Въ свою очередь, не дремалъ и бывшій ханъ хивинскій Алла-були. Слухи о приготовленіяхъ къ этой экспедиціи вызвали въ Хивѣ энергическія мѣры противодѣйствія. Шайки хивинцевъ были посланы въ разныя мѣста нашей степи для увоза и разграбленія нашихъ киргизовъ, сотни эмиссаровъ возмущали киргизовъ на Эмбѣ и Сыръ-Дарьѣ, чрезъ что поставка верблюдовъ для отряда, несмотря на всѣ принятые мѣры, оказалась очень затруднительною, да и тѣ, которые доставлены, были до того плохи, что вскорѣ послѣ выступленія отряда и половины ихъ не осталось, а до Хивы было еще очень далеко; замѣнить павшихъ верблюдовъ было крайне необходимо, а достать не было никакой возможности; затѣмъ, вскорѣ по выступленіи, наступили до того сильныя холода и бураны, что графъ Перовскій вынужденъ былъ съ половины пути вернуться обратно. Отступленіе его было поистинѣ ужасно. Недостатокъ въ перевозочныхъ средствахъ и продовольствіи, которое не успѣли доставить, какъ было предположено, изъ ново-александровскаго укрѣпленія, страшный холодъ, бураны, возмущеніе киргизовъ-вожаковъ, изъ которыхъ двоихъ даже разстрѣляли,—все это привело къ тому, что отрядъ возвратился на линію въ числѣ только $\frac{1}{3}$ всего своего состава, и то въ изнуренномъ и искалѣченномъ видѣ, а изъ 10-ти тыс. верблюдовъ вернулось не болѣе 1000 штукъ. Такъ кончилась эта послѣдняя экспедиція, не принеся никакой пользы и стоивъ правительству, кромѣ людей, до $6\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей ассигн. Очевидцы говорили намъ, что графъ Перовскій, съ примѣрнымъ героизмомъ выносившій всѣ труды и лишения этого похода, былъ тѣмъ не менѣе такъ нравственно потрясенъ имъ, что возвратился въ Оренбургъ сдѣлымъ.

Послѣ этого похода мы не имѣли съ Хивой никакихъ столкновеній, и она была надолго оставлена въ покоѣ.

II.

Въ 1847 году, когда мы заняли низовья Сыръ-Дарьи и открыли плаваніе по Аральскому морю, было заложено укрѣпленіе Раимское, и извѣстный нашъ морякъ А. И. Бутаковъ, съ свойственною ему энергіею и неустрашимостью, сдѣлалъ на шкунѣ «Николай» обзоръ всего сѣвернаго берега Аральскаго моря, а въ 1848 году, на военномъ суднѣ «Константинъ», имъ же произведена полная опись Аральскаго моря. Во время двухмѣсячнаго плаванія, Бутаковъ осматрѣлъ всѣ берега этого моря, за исключеніемъ восточнаго, а въ 1849 году 5^{1/2} мѣсяцевъ вновь ходилъ по Аральскому морю и произвелъ астрономическое опредѣленіе пунктовъ, съемку береговъ, промѣры и вообще всю опись, такъ что съ тѣхъ поръ Аральское море сдѣлалось намъ совершенно извѣстнымъ.

Въ 1858 году отважный морякъ этотъ, крейсируя на пароходѣ по Аму-Дарьѣ, совершенно неожиданно-негаданно на всѣхъ парахъ подлетѣлъ къ Кунграду и у самаго города всталъ на якорь, изумивъ и приведя въ неописанный страхъ все населеніе. Въ 1863 году, на этомъ же пароходѣ, я, въ числѣ другихъ, совершалъ плаваніе по верхнему теченію Сыръ-Дарьи къ Туркестану, и мнѣ не разъ приходилось слышать отъ очевидцевъ о томъ впечатлѣніи, которое было произведено этой смѣлой выходкой. Говорятъ, что населеніе Кунграда при появленіи парохода въ паническомъ страхѣ бѣжало изъ города и только одни смѣльчаки высматривали изъ камыша на шайтана (чортъ). Когда же послѣ нѣкоторой стоянки жители увидѣли, что имъ ничего не дѣлаютъ, а затѣмъ, когда пароходъ нашъ снялся съ якоря и прошелъ нѣсколько верстъ вверхъ по рѣкѣ мимо города, а потомъ назадъ, то массы народа высыпали на берегъ и долго бѣжали слѣдомъ за удаляющимся пароходомъ.

Такимъ образомъ мы применились почти непосредственно къ хивинскимъ владѣніямъ, а потому столкновенія наши съ Хивой, весьма естественно смотрѣвшей очень недружелюбно на такое сосѣдство, сдѣлались очень вѣроятными и вскорѣ, дѣйствительно, обнаружили со стороны Хивы разграбленіемъ, близъ урочища Кармакчи, болѣе тысячи кибитокъ нашихъ киргизовъ и послѣдовательными нападеніями на нашихъ киргизовъ, вочующихъ по всему протяженію праваго берега Сыръ-Дарьи. Несмотря однако на это, противъ Хивы ничего серьезнаго съ нашей стороны не предпри-

нималось, а вскорѣ затѣмъ сношенія Россіи съ этимъ ханствомъ совсѣмъ прѣрвались.

Съ 1853 же года по 1869 все наше вниманіе, силою сложившихся обстоятельствъ, было обращено на другую сторону. Занявъ низовья Сыръ-Дарьи, открывъ плаваніе по Аральскому морю и двигаясь вверхъ по Сыръ-Дарьѣ, мы взяли Ташкентъ, Самаркандъ и многіе другіе города, всѣ дѣла наши исключительно сосредоточились въ этой части Средней-Азіи. Въ послѣднее время, до 1867 года, и хивинское правительство оставалось, повидимому, въ совершенной съ нами дружбѣ, но этому, нужно полагать, много способствовало то обстоятельство, что въ 1865—1866 году вся торговля Бухары съ Россіею по случаю военныхъ дѣйствій шла чрезъ Хиву, отчего казна хана весьма выигрывала; но какъ только въ 1866 году, послѣ взятія Джизака, прямые торговые сношенія съ Бухарой были восстановлены (съ тѣмъ, чтобы уже болѣе не прерываться, не взирая на продолженіе военныхъ дѣйствій), хивинскій ханъ тотчасъ измѣнилъ свое поведеніе и всякій годъ, все болѣе и болѣе, открыто заявлялъ себя врагомъ нашимъ.

Продолжая не обращать вниманія на враждебныя дѣйствія Хивы, преслѣдуя цѣль развитія нашей торговли въ Средней Азіи и озабочиваясь изысканіемъ удобнѣйшаго и кратчайшаго съ нею пути сообщенія, правительство наше, желавшее устроить укрѣпленную факторію на восточномъ побережьѣ Каспійскаго моря, заняло въ 1869 году Красноводскій заливъ, а по случаю передачи изъ оренбургскаго вѣдомства въ вѣдѣніе кавказскаго начальства Мангиплаескаго полуострова, кавказскія войска упрочились на всемъ восточномъ берегу Каспійскаго моря, основавъ укрѣпленные пункты на полуостровѣ Мангиплакѣ — въ форѣ Александровскомъ, въ Красноводскѣ, на низовьяхъ рѣки Атрек-Чекишлярѣ (на границѣ съ Персіей) и въ Астрабадскомъ заливѣ—Ашуръ-Адѣ, такъ что это послѣднее обстоятельство какъ-бы вновь напоминало Хивѣ возможность распространенія нашего вліянія на нее; но несмотря на временное забвеніе, несмотря и на то, что силою самого положенія средне-азиатскаго дѣла, за послѣднія десять лѣтъ, Хива вдругъ очутилась тѣсно окруженною съ двухъ сторонъ русскими войсками, имѣвшими постоянную возможность, какъ уже въ эти десять лѣтъ видѣла она, безпрепятственно подойти къ ея предѣламъ; несмотря на все это, непріязненное отношеніе этого ханства къ Россіи стало явленіемъ совершенно обыденнымъ. Хивинскій оазисъ, населенный узбеками, сартами, каракалпаками, всегда былъ и есть со-

средоточіемъ кивнаго сброда людей преимущественно изъ нашей орды, нѣимѣющимъ возможности оставаться долѣе не только подъ русскою властью, но даже въ средѣ своего кочевого общества, такъ что и простой разбойникъ и почтенный султанъ, мечтающій о какомъ-то возрожденіи киргизскаго народа, все это бѣжить въ Хиву, находятъ тамъ пріютъ и если не матеріальную, то всегда нравственную поддержку. Такъ, въ 1869 году, недовольные введеніемъ въ киргизской степи новаго положенія султанъ-ескулъ ханъ-Галий Араслановъ и Азбергенъ Мунайтмасовъ, со всѣми своими однородцами откочевали въ Хиву и не только были приняты ханомъ, но Арасланова ханъ возвелъ въ достоинство киргизскаго хана и при его содѣйствіи неоднократно обращался къ нашимъ мирнымъ киргизамъ съ приглашеніями перейти въ его подданство и съ воззваніями, слѣдующаго содержанія:

«Во-первыхъ, во имя Бога, а во-вторыхъ пророка, да будетъ надъ нимъ миръ и благословеніе Божіе!

«Онъ!

«Всемишній Богъ, который есть жемчужина моря совершенства, перлъ меча шаригата (вѣра), роза сада истины, соловей цвѣтника тариката (секта), свѣча фонаря постоянства, чапа общества великодушія, пособіе отъ болѣзни просящаго,—да сохранить отъ всѣхъ бѣдствій!

«Великодуннымъ и храбрымъ, адаевского рода, біямъ и всѣмъ, отъ малаго до великаго, передаемъ слѣдующее:

«Сынъ Гаята, Хошвакъ-Батыръ, сообщилъ намъ о вашемъ добромъ здоровьи и благополучіи, что насъ очень обрадовало. Мы слышали о войнѣ вашей съ подлыми и нечестными русскими. Если это правда, то намъ желательно, чтобы вы объ этомъ извѣстили насъ письменно. Если же вы рѣшаетесь воевать во славу Божію и во имя вѣры пророка, да будетъ надъ нимъ миръ и благословеніе Божіе, уповая единственно на самого питающаго всѣхъ (Богъ), то это послужитъ поводомъ къ тому, что сыны трехъ ордъ соединятся всѣ вмѣстѣ и сядутъ на своихъ коней (вооружатся), и въ такомъ случаѣ вамъ надлежитъ послать письма ко всѣмъ знатымъ лицамъ, пребывающимъ какъ въ разныхъ областяхъ, такъ и въ большой и малой ордахъ. Событіе, которое должно совершиться въ общій намъ вѣкъ, мы должны считать за счастье: уьемъ—прославимся воинами, сражающимися противъ невѣрныхъ, а убьютъ насъ,—тогда причислятъ насъ къ числу мучениковъ. Мы представляемъ себѣ слѣдующую мысль: зачѣмъ намъ, заискивая сей безконечный міръ, лишаться той ста-

сливой доли, которая назначена каждому въ будущей жизни? Радуюсь, что вы, почтеннѣйшіе, уже приступили къ дѣлу, мы денно и ночью пребываемъ, послѣ каждаго намаза (пятивременное богослуженіе), въ молитвѣ о вашемъ здоровьѣ и просимъ Всемогущаго Создателя предопредѣлить намъ свиданіе съ вами. Аминь. О, Господи міровъ! Въ заключеніе же свидѣтельствуемъ вамъ наше почтеніе. Письмо это написано въ 13-й день мѣсяца джумади-эль-аввель, 1286 года. На оборотѣ письма приложена печать со слѣдующей надписью: «Садыкъ, сынъ воина Кенисарихана».

Кромѣ того, на всѣ старанія наши въ послѣднее время войти съ хивинскимъ правительствомъ въ мирныя сношенія и дѣлаемые ему по этому поводу заявленія отъ туркестанскаго генераль-губернатора, ген.-ад. Кауфмана, которому предоставлено было право сношенія со всѣми властелинами Средней Азіи, и который въ своихъ сношеніяхъ предлагалъ хану миръ и дружбу Россіи съ условіемъ: возвращенія всѣхъ нашихъ плѣнныхъ, находящихся въ Хивѣ, запрещенія своимъ подданнымъ вмѣшиваться въ дѣла нашихъ киргизовъ и заключенія равноправнаго для обѣихъ сторонъ торговаго обязательства, ханъ Мухамедъ-Рахимъ отвѣчалъ ген.-ад. Кауфману крайне дерзкими и неприличными письмами и не только не исполнилъ нашихъ законныхъ требованій, но, не стѣсняясь, высылалъ цѣлыя шайки грабителей въ нашу степь и къ низовьямъ Сыръ-Дарьи, которые волновали нашихъ киргизовъ, продолжая взимать съ нихъ именемъ хана закятъ (подать), а въ случаѣ отказа разоряли цѣлыя аулы; кромѣ того, продолжалъ давать у себя убѣжище главнѣйшимъ зачинщикамъ возстанія въ нашей оренбургской киргизской степи и даже награждалъ ихъ. Шайки хивинцевъ и укрывавшихся въ предѣлахъ ханства нашихъ киргизовъ, какъ сказано выше, безпрестанно прорывались на чрезвычайно важный для насъ во всѣхъ отношеніяхъ, орскъ-вазалинскій трактъ — единственное сообщеніе Ташкента съ Оренбургомъ, и разоряли станціи, проходящія по пути караваны, угоняли лошадей, убивали проѣзжающихъ и оставили одно время трактъ этотъ безъ сообщенія. Отсюда понятно, почему хивинцы при врожденной склонности къ разбою и напыльѣ извнѣ отвергнутыхъ закономъ и обществомъ личностей, несмотря на осѣдность, до сихъ поръ преимущественно занимаются грабежемъ, которому весьма способствуетъ, впрочемъ, и окружающая Хиву мѣстность.

Соприкасаясь съ владѣніями нашихъ киргизовъ, Хива постоянно

эксплуатировала ихъ и подъ угрозой мести подстрекала къ неповиновенію русской власти, что всегда было главной причиной ослабленія вліянія нашего на киргизовъ и отчасти было причиной, какъ я уже сказалъ, и тѣхъ безпорядковъ и возмущеній, которые были въ степи съ 1869 по 1871 годъ, во время введенія между киргизами Оренбургскаго вѣдомства новаго положенія управленія ими. Кромѣ того, Хива была постоянно центромъ сбыта нашихъ плѣнныхъ, которые и по сіе время находились тамъ въ рабствѣ; достовѣрно извѣстно и то, что казаки, взятые въ плѣнъ въ извѣстномъ дѣлѣ Рукина, на Мангишлакѣ, проданы въ Хиву, а на требованіе наше выдать плѣнныхъ хивинскій ханъ отвѣчалъ, какъ и прежде, отказомъ и вообще не только не обнаруживалъ желанія исполнить наше требованіе, но дерзкія вторженія отдѣльных хивинскихъ шаекъ въ предѣлы наши стали повторяться еще чаще, такъ что въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1872 года нѣсколько мелкихъ шаекъ хивинцевъ прибыли къ южному склону Усть-Урта, гдѣ обыкновенно кочуетъ въ это время года значительное число кибитокъ нашихъ киргизовъ, съ цѣлью вынудить этихъ киргизовъ: выплатить зябекъ (подать хану), признать власть хивинскаго хана и не подчиняться русскому правительству, причемъ распустили слухъ, что огромное хивинское войско вслѣдъ за ними идетъ въ нашу степь.

Подобныя ежегодныя дѣйствія хивинцевъ не только всегда волновали населеніе, но и очень вредно отзывались на хозяйствѣ киргизовъ, особенно адаевскаго и чумичли-табынскаго родовъ, которое преимущественно заключается въ скотѣ, такъ какъ для сохраненія своихъ стадъ отъ стужи и зимнихъ бурановъ у нихъ есть только одно убѣжище—это южный склонъ Усть-Урта. Такимъ образомъ, киргизы эти, не имѣя почти никакого оружія и разбросанные на огромномъ пространствѣ, рѣшительно не могли защитить себя отъ произвола хивинскихъ шаекъ. Ограждать же зимой нашими отрядами киргизовъ-кочевниковъ не только тѣхъ, которые откочевываютъ за предѣлы досягаемости отрядовъ, но даже кочующихъ за Эмбой—невозможно. Въ свою очередь и киргизы прикочевывать подъ охрану нашихъ укрѣпленій съ громаднымъ количествомъ скота, который находится у нихъ, по неимѣнію достаточнаго корма и по суровости зимы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находятся укрѣпленія,—тоже не могутъ. Въ концѣ 1872 года, во время движенія красноводскаго отряда полковника Марезова для изслѣдованія пути отъ укрѣпленія Джамалинскаго до Хивы, чрезъ колодцы Игды и Ортыкую, на него было сдѣлано открытое нападеніе: партія конныхъ хивинцевъ въ 500 человекъ успѣла отогнать у насъ съ пастбы 146 верблюдовъ и убить 3-хъ.

Необыкновенно пересѣченная мѣстность около Топіатана и очень глубокіе пески помѣшали пѣхотѣ и казакамъ перерѣзать путь хищникамъ, и хотя хвостъ послѣднихъ и былъ достигнутъ нашими войсками, но хивинцы успѣли исполнить свое намѣреніе, оставивъ, по показанію нашихъ туркменовъ, нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Затѣмъ, 8-го октября, по наущенію Хивы у Джамала партія текинцевъ (жители мѣстности, называющейся Теке, по существующему убѣжденію всѣхъ средне-азиатцевъ, до того страшны и воинственны, что противъ нихъ никто и никогда не предпринимаетъ никакихъ враждебныхъ дѣйствій) до 300 человѣкъ, предводимая лично Софи-ханомъ, сдѣлала попытку отогнать у отряда верблюдовъ, дабы такимъ образомъ лишить его возможности двигаться далѣе; но лишь только замѣчено было приближеніе непріятеля, отрядъ нашъ сталъ въ ружье, а казаки, числомъ 32, при 3-хъ офицерахъ, бросились на встрѣчу текинцамъ, которые уже успѣли изрубить 2-хъ пастуховъ-туркменовъ и погнать верблюдовъ. Завязалась перестрѣлка, продолжавшаяся, впрочемъ, недолго, такъ какъ съ приближеніемъ пѣхоты казаки бросились въ пашки. Тогда часть текинцевъ спѣшилась и разсыпавшись по кустарнику, покрывающему почти сплошь бугристые пески окрестностей Джамалы, открыла огонь по пѣхотѣ, а остальные встрѣтили казаковъ на коняхъ холоднымъ оружіемъ, послѣ чего стрѣльба скоро прекратилась, такъ какъ и пѣхота, добѣжавъ до непріятеля, стала дѣйствовать штыками. Верблюды были отбиты обратно и непріятель приведенъ въ бѣгство. Кромѣ оставленныхъ на мѣстѣ боя 23-хъ убитыхъ, мы взяли у непріятеля 10 человѣкъ въ плѣнъ (у насъ убитъ 1 казакъ и 2 туркмена и ранены шайшами — 1 офицеръ, 1 урядникъ и 1 туркменъ). Говорятъ, что непріятель увезъ еще съ собой своихъ убитыхъ 15 и раненыхъ 30 человѣкъ. Въ Игды къ полковнику Маркзову прибыли текинскіе посланцы съ просьбою возвратитъ имъ раненыхъ плѣнныхъ и съ письменными извиненіями хановъ за джамалинское нападеніе; въ письмахъ этихъ, между прочими оправдательными аргументами, приводится то обстоятельство, что войска наши похожи на персидскія.

Всѣ эти враждебныя противъ насъ дѣйствія хивинскаго правительства, явно происходящія отъ того вліянія, направляемаго прямо во вредъ нашего значенія въ степи, которое имѣетъ Хива на туркменскія и киргизскія степи, по самому стратегическому положенію ханства, не могли не вызвать даже въ самой Хивѣ сознанія и убѣжденія, что Россія должна быть недовольна политикою хана, что и побудило его, въ началѣ 1872 года, выслать

для переговоровъ свои посольства чрезъ Александровскій фортъ къ намѣстнику Кавказа и чрезъ Оренбургъ съ подарками къ Государю Императору. На имя великаго князя намѣстника, ханъ написалъ грамоту слѣдующаго содержанія:

«Великій Императоръ, нашъ другъ, да продлится любовь ваша къ намъ навсегда! Брату славнаго, уважаемаго, могущественнаго Его Величества Россійскаго Самодержца, Государя, имѣющаго корону, сіяющую подобно солнцу, Государя Иисусова народа, желаю много лѣтъ сидѣть на престолѣ и продолжать знакомство и дружескую переписку между нами.

«Да будетъ вашему дружескому сердцу извѣстно, что съ давняго времени между двумя нашими высокими правительствами существовало согласіе; отношенія между нами были откровенныя и основанія дружбы день-о-то-дня укрѣплялись, какъ будто два правительства составляли одно, и два народа — одинъ народъ.

«Но вотъ, въ прошломъ году, ваши войска явились къ Челекеню на берегу Харазмскаго залива ¹⁾, какъ мы слышали, для открытія торговли, и недавно небольшой отрядъ этихъ войскъ, приблизившись къ Сары-Камышу, который издавна находится подъ нашей властью, вернулся назадъ. Кромѣ того, со стороны Ташкента и Акъ-мечети ²⁾ подходили войска ваши къ колодцу Минъ-булакъ, лежащему въ нашихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ. Намъ неизвѣстно: знаетъ ли объ этомъ великій князь или нѣтъ?

«Между тѣмъ, съ нашей стороны не предпринималось никогда такихъ дѣйствій, которыя могли бы нарушить дружественныя съ вами отношенія, и только однажды ³⁾ изъ общества Казація, которое находится подъ нашей властью, пять или шесть храбрецовъ были посланы къ вамъ; но они не переходили за нашу границу и, не сдѣлавъ вамъ никакого вреда, возвратились обратно. Въ то же время нѣкоторыми людьми изъ этого же общества были захвачены четыре-пять человѣкъ вашихъ людей, но мы отобрали ихъ и бережемъ у себя.

«Въ прошломъ году темиръ-ханъ-шуринскій заслуженный князь сказалъ объ насъ иману: «если они наши друзья, то по какой причинѣ держать у себя людей нашихъ?»

«Узнавъ объ этомъ, мы поручили тому же иману отвезти одного изъ этихъ людей къ вамъ, другихъ же оставляемъ, пока, у себя.

¹⁾ Красноводскій заливъ.

²⁾ Гор. Перовскъ.

³⁾ Въ подлинникѣ «въ другомъ году».

«И если вы, желая поддержать съ нами дружескія отношенія, заключите условіе, чтобы каждый изъ насъ довольствовался своей прежней границей, то мы въ то же время возвратимъ и остальныхъ вашихъ людей; но если плѣнные эти служатъ для васъ лишь предлогомъ для открытія враждебныхъ противъ насъ дѣйствій, съ цѣлью расширенія вашихъ владѣній, то да будетъ на это опредѣленіе Всемогущаго и Свѣтлаго Бога, отъ исполненія воли котораго мы уклониться не можемъ».

«Поэтому написано это дружественное письмо въ мѣсяцѣ Шавалла».

На печати изображено: «Сейтъ-Магометъ-Сахимъ-Ханъ».

Но хитрость средне-азіатскаго владыки, сознаващаго близость опасности, была предугадана и посольства потерпѣли полнѣйшую неудачу. Кавказское посольство, доѣхавъ до Темиръ-Ханъ-Шуры, а петербургское до Оренбурга, было принято главными начальниками названныхъ краевъ, которые, не вступая ни въ какіе съ посланцами разговоры, заявили представителямъ хана, что прежде чѣмъ вести какіе бы то ни было переговоры съ ханомъ и допустить посланцовъ къ Государю Императору и великому князю, хивинскій ханъ обязывается:

1) Немедленно освободить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, находящихся въ хивинскихъ владѣніяхъ, и 2) написать генералу Кауфману объясненіе своихъ прежнихъ поступковъ, такъ какъ въ отвѣтъ на дружественныя посланія этого генерала ханъ давалъ дерзкіе отвѣты.

Послѣ этого оба посланца возвратились тотчасъ обратно.

Когда же кавказское начальство послало отъ себя въ Хиву довѣренныхъ лицъ, чтобы разяснить, почему хивинское посольство не принято, то наши посланные, хотя и были приняты ханомъ ласково и переговоры ихъ съ приближенными хана и его сановниками подавали въ началѣ надежду на благопріятный исходъ даннаго имъ порученія, но въ послѣдствіи, черезъ три недѣли, нашимъ уполномоченнымъ ханъ лично объявилъ, что не можетъ дать отвѣта на ихъ заявленіе, пока не получитъ таковаго же отъ великаго князя намѣстника, на посланную къ его высочеству ханомъ грамоту. «Если есть у васъ отвѣтъ, сказать ханъ, отпуская уполномоченныхъ нашихъ, то подайте его мнѣ; если же нѣтъ, то привезите назадъ грамоту».

Затѣмъ, вновь начинаются энергическія попытки хивинскаго правительства, особенно послѣ нѣсколькихъ рекогносцировокъ кавказскихъ войскъ по направленію къ Хивѣ, установить внутреннюю связь между имъ и Калькутой, посольства въ Турцію,

Индію и Англію съ просьбой о защитѣ противъ Россіи—все это какъ нельзя болѣе показываетъ, что Хива имѣла основаніе бояться Россіи и принимала потому заблаговременно оборонительныя мѣры.

Англія, которая всегда съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за движеніемъ политики нашей по средне-азіатскому вопросу и которой весьма хотѣлось, чтобы петербургскій кабинетъ призналъ за особенно покровительствуемымъ Англіею кабульскимъ эмиромъ Ширъ-Али непосредственную власть надъ Авганскими провинціями Бадахшаномъ и округомъ Вахшаномъ, заявила притязаніе, относительно тѣхъ границъ, какія мы намѣрены сдѣлать исходною точкою въ нашихъ завоеваніяхъ въ Средней Азіи. Весьма щекотливый и крайне неудобно-опредѣлимый вопросъ этотъ, послѣ долгихъ переговоровъ, рѣшенъ теперь вполне удовлетворительнымъ образомъ. Уступка, сдѣланная нашимъ правительствомъ сентъ-жемскому кабинету въ признаніи правъ кабульскаго эмира Ширъ-Али на принадлежность къ территоріи его владѣній въ Авганистанѣ провинціи Бадахшанъ, съ зависящею отъ нея областью Вахшаномъ, тѣмъ самымъ признавала и за Россіей, со стороны Англіи, полную свободу дѣйствій нашихъ на всемъ пространствѣ, отдѣляющемъ новую демаркаціонную авганскую линію отъ границы нашихъ средне-азіатскихъ владѣній, освобождая насъ вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить заранѣе status quo нашего движенія на востокѣ.

Отвѣтъ князя Горчакова, опубликованный въ газетахъ, не только развязывалъ намъ руки, но какъ нельзя болѣе удовлетворялъ неудовольствія англійской прессы, парламента и даже всѣхъ тѣхъ, которые до сихъ поръ такъ громко протестовали противъ того, чтобы Англія вступала въ какіе бы то ни было договоры съ Россіей.

Между тѣмъ, непріязненные дѣйствія хивинскаго правительства еще въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года поставили главный штабъ въ необходимость составить обо всемъ этомъ подробный докладъ военному министру, и походъ на Хиву былъ уже дѣломъ совершенно рѣшеннымъ, но дальнѣйшія распоряженія не приводились въ исполненіе только потому, что въ теченіи всей осени и зимы 1872 года въ Петербургѣ предполагали, что начальникъ кавказскихъ войскъ на Атрекѣ, полковникъ Маркозовъ, производившій въ то время рекогносцировки и бывший въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Хивы, покончить съ нею. Такъ прошло время до конца 1872 года, когда съѣхались въ Петербургъ по дѣламъ службы генералъ-губернаторы оренбургскій и туркестанскій, а

затѣмъ и намѣстникъ Кавказа, великій князь Михаилъ Николаевичъ, и тогда уже окончательно составилось предположеніе о необходимости приступить къ рѣшительнымъ противъ Хивы дѣйствіямъ. Безотлагательное нанесеніе Хивѣ рѣшительнаго удара было объявлено совершенно необходимымъ, такъ какъ безъ этого рѣшительнаго шага дальнѣйшее пребываніе нашихъ отрядовъ въ Красноводскѣ, или Чекишлярѣ, сдѣлалось бы бесполезнымъ, а движенія ихъ въ степи, если бы ихъ нужно было предпринимать, могли даже представить серьезныя затрудненія. Приготовленія къ походу въ Хиву предполагалось начать немедленно, дабы имѣть возможность окончить ихъ къ марту мѣсяца этого года; а такъ какъ думали вести военныя дѣйствія съ трехъ сторонъ, именно со стороны округовъ кавказскаго, оренбургскаго и туркестанскаго, то имѣя въ виду громадное разстояніе, раздѣляющее эти округа другъ отъ друга, которое могло бы затруднить согласованіе дѣйствій, если бы поставить имъ въ условіе зависимость отъ взаимныхъ дѣйствій, рѣшено было каждому изъ трехъ отрядовъ дать, сколько возможно, болѣеую самостоятельность. Такимъ образомъ, если бы отрядъ кавказскихъ войскъ достигъ Хивы раньше туркестанскаго и оренбургскаго, то тѣмъ самымъ только упростилъ бы этимъ войскамъ исполненіе ихъ задачи и облегчилъ самое слѣдованіе ихъ по степямъ, такъ какъ появленіе русскихъ войскъ въ предѣлахъ Хивы, безъ сомнѣнія, произвело бы громадное нравственное вліяніе на всѣ сопредѣльные кочующіе народы. Численность кавказскаго отряда, который долженъ былъ прибыть къ предѣламъ хивинскаго ханства, предполагалась въ составѣ трехъ баталіоновъ пѣхоты, при 16-ти орудіяхъ, и четырехъ сотенъ кавалеріи. Перевозочныя средства, въ томъ числѣ и продовольствіе отряда до четырехъ мѣсяцевъ, должно было состоять изъ 4—5 тысячъ верблюдовъ, которыхъ предполагалось купить или нанять на Мангишлакѣ.

Ген.-ад. фонъ-Кауфманъ въ общихъ чертахъ предполагать тогда именно слѣдующее: сосредоточить въ Казалинскѣ отъ оренбургскаго округа 4 роты пѣхоты, 3 сотни и 4 конныхъ орудія. Войска эти должны были на Сыръ-Дарьѣ соединиться съ 4-мя ротами пѣхоты, 4-мя горными орудіями туркестанскаго округа и слѣдовать въ концѣ февраля изъ Казалинска и Перовска на урочище Иркибай и Дау-Кара, а оттуда по берегу Аму-Дарьи вверхъ по рѣкѣ, до встрѣчи съ другимъ отрядомъ, который долженъ былъ выйти на берегъ той же рѣчки съ противоположной стороны, то-есть, съ юга, и затѣмъ соединенными силами атаковать Хиву.

Наконецъ, генераль-адъютантъ Крыжановскій находилъ, что если бы дѣйствовать противу Хивы, какъ предполагалъ генераль-адъютантъ Кауфманъ съ двухъ сторонъ, то оставалась бы открытою третья, весьма важная сторона—пространство въ сѣверо-западу отъ береговъ Аральскаго моря, примыкающее къ району жилищъ мало-поворотныхъ намъ усть-уртовскихъ вочевниковъ. Пространство это служило всегда поприщемъ хищныхъ хивинскихъ партій, врывавшихся въ киргизскую степь, и можно съ достовѣрностію полагать, что при движеніи нашихъ силъ на Хиву, если не войска хивинскія, то по крайней мѣрѣ разныя туркменскій или киргизскій сбродъ, стараясь уйти отъ нашихъ ударовъ, направится въ открытое пространство Усть-Урта, сосредоточится по берегамъ Каспійскаго и Аральскаго морей и въ пескахъ Самъ-Матай, и отсюда вмѣстѣ съ бродячимъ элементомъ нашихъ киргизовъ можетъ произвести значительныя замѣшательства въ степи.

Такъ какъ весеннія воды Аму-Дарьи иногда разливаются на значительное пространство и по своемъ спаденіи оставляютъ по берегамъ топкія болота, то въ такомъ случаѣ войска со стороны Ташкента могли бы быть задержаны въ бездѣйствіи, и тогда кавказскія войска, пришедшія въ предѣлы ханства, вынуждены были бы занять его сами; но такъ какъ путь кавказскихъ войскъ лежитъ прямо на городъ Хиву, а затѣмъ внизъ по Аму-Дарьѣ, то, дѣйствуя такимъ образомъ, они вытѣснили бы изъ хивинскихъ предѣловъ боящихся встрѣчи съ ними мелкія шайки хищниковъ, состоящія изъ разнаго сброда, на Усть-Уртѣ и въ предѣлы Оренбургскаго края, такъ что по удаленіи нашихъ войскъ изъ Хивы вся эта сволочь, которая до того укрывалась бы на Усть-Уртѣ и въ туркменскихъ степяхъ, вновь явилась бы въ Хиву и, составивъ тамъ свой оплотъ, съ усиленною дерзостью стала бы дѣлать набѣги въ наши предѣлы.

Принимая все это во вниманіе, генераль Крыжановскій полагалъ, независимо отъ отрядовъ со стороны Ташкента и Кавказа, сформировать еще въ Оренбургѣ отрядъ изъ 9 ротъ, 6 сотенъ и 8 орудій и двинуть его чрезъ пески Самъ и чрезъ Каратамакъ вдоль западнаго берега Аральскаго моря на Кунградъ, съ такимъ расчетомъ времени, чтобы части этого отряда, соединившись на уроч. Касарма (на серединѣ разстоянія между Каратамакомъ и Ургою) подошли къ послѣднему пункту въ одно время съ прибытіемъ войскъ кавказскихъ и туркестанскихъ къ Хивѣ; такимъ образомъ достигалось, во-первыхъ, то, что самая безпокойная для насъ часть хивинскаго населенія, сосредоточиваю-

щанся около Кунграда, была бы въ нашихъ рукахъ, во-вторыхъ, хивинскіе жители были бы окружены со всѣхъ сторонъ, въ-третьихъ, затруднительная переправа чрезъ Аму-Дарью для ташкентскихъ войскъ была бы облегчена, и въ-четвертыхъ, въ случаѣ разлитія Аму-Дарьи и невозможности достигнуть ташкентцамъ хивинскихъ предѣловъ, кавказскія войска не остались бы одни и не были бы поставлены въ затруднительное положеніе.

III.

По обсужденіи всѣхъ предположеній, 12 декабря 1872 года состоялось Высочайшее повелѣніе, чтобы, въ виду явно враждебныхъ къ намъ отношеній Хивы въ послѣднее время и для наказанія этого ханства, предпринять противъ него рѣшительныя дѣйствія съ наступленіемъ предстоящей весны 1873 года. Окончательный ударъ Хивѣ предположено нанести совокупными усиліями трехъ военныхъ округовъ: кавказскаго, оренбургскаго и туркестанскаго. Роль cadaго: округа опредѣлена составленнымъ общимъ планомъ дѣйствій, который, въ главныхъ чертахъ, состоитъ въ слѣдующемъ:

Наступательныя дѣйствія будутъ произведены съ двухъ сторонъ, съ востока войсками туркестанскаго округа и съ запада соединенными силами отрядовъ оренбургскаго и кавказскаго округовъ. Общій предметъ дѣйствія всѣхъ отрядовъ есть столица ханства; наказаніе которой и разсѣяніе хивинскихъ скопищъ должно составлять первую заботу войскъ.

Для этого, изъ Ташкента выступаетъ подъ главнымъ начальствомъ командующаго войсками туркестанскаго военнаго округа, генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, отрядъ изъ 11 ротъ съ саперною командою въ 200 человекъ, 5¹/₂ сотенъ казаковъ, 14 орудій и ракетный дивизионъ. Отрядъ этотъ, слѣдуя чрезъ Джизакъ по дорогѣ, идущей вдоль Бухарской границы на Темиръ-Кудукъ, Тамды и Ильдеръ-Ата, у подошвы Буканскихъ горъ, приблизительно на Дау-Кара или въ уроч. Мынь-Булакъ, гдѣ будетъ удобнѣе, соединится съ другимъ отрядомъ туркестанскаго же округа, который выйдетъ изъ горъ. Казалинска и будетъ состоять изъ 9 ротъ, 1¹/₂ сотни казаковъ, ракетнаго и горнаго дивизионовъ (общая численность туркестанскаго отряда будетъ слѣдовательно въ 20 ротъ; численный составъ въ ротахъ какъ линейныхъ, такъ и стрѣлковыхъ, который взять въ походъ—140 рядовыхъ, 12—14 унтеръ-офицеровъ и 10 нестроевыхъ-воору-

женныхъ, 7 сотенъ казаковъ и 18 орудій). Затѣмъ, общими силами, отрядъ этотъ двинется прямо на Хиву, совершивъ выше Мынъ-Булака переправу чрезъ Аму-Дарью и войдя въ сообщеніе съ войсками оренбургскими и кавказскими, которые къ этому времени (въ первыхъ числахъ мая) должны быть уже на лѣвой сторонѣ Аму-Дарьи и поступать подъ общее начальство генерала Кауфмана.

Со стороны Оренбурга сосредоточивается на Эмбѣ отрядъ подъ начальствомъ наказнаго атамана уральскаго казачьяго войска генераль-лейтенанта Веревкина, силою въ 9 ротъ (2-й оренбургскій линейный баталіонъ и четыре роты 1-го оренбургскаго линейнаго баталіона), 6 сотенъ оренбургскихъ и 3 сотни уральскихъ казаковъ и 6 орудій конно-казачьей артиллеріи, 6 ракетныхъ станковъ и 4 полупуд. мортиры. Отрядъ этотъ долженъ двигаться чрезъ Каратамакъ, вдоль западнаго берега Аральскаго моря на Касарму и Ургу; здѣсь, соединясь съ кавказскими войсками, которыя поступаютъ подъ общее начальство генерала Веревкина, идти впередъ и стараться облегчить переходъ туркестанскихъ войскъ чрезъ Аму.

Кавказскія войска хотя предполагалось выслать изъ Красноводска и форта Александровскаго, но за невозможностью доставить на мѣстѣ сосредоточенія главныхъ кавказскихъ силъ, на Атрекѣ, верблюдовъ для поднятія тяжестей, часть этого отряда съ продовольствіемъ перевезена изъ Атрека моремъ въ Киндерли, и такимъ образомъ, изъ Атрека (Чекишляра), отрядъ подъ начальствомъ полковника Маркозова вышелъ (26 марта) только изъ 12 ротъ, 16 орудій и 4 сотенъ съ продовольствіемъ людямъ до 1 іюня, а лошадямъ до 9 мая, а другой отрядъ вышелъ изъ Киндерли, подъ начальствомъ полковника Ломакина, въ составѣ 16 ротъ, 6 сотенъ и 8 орудій, съ продовольствіемъ на 3 мѣсяца, такъ какъ на всемъ полуостровѣ нельзя было доставить болѣе 1,500 верблюдовъ. Войска эти, подвигаясь съ Атрека на Измышаръ, а изъ Киндерли къ Илъ-Иджи, должны будутъ начать соединеніе съ генераломъ Веревкинымъ, не доходя Айбугирскаго залива.

На расходы по снаряженію войскъ, предназначенныхъ для экспедиціи противъ Хивы, и не могущіе быть отнесенными на смѣтные суммы интендантства, какъ-то: на заготовленіе экспедиціонныхъ вещей, подъѣмныя деньги офицерамъ и чиновникамъ этихъ отрядовъ, на суточные деньги милиціонерамъ или джигитамъ, на наемъ или покупку верблюдовъ и кибитокъ, содержаніе почтарей и на экстраординарные расходы было ассигновано

сверхсѣтнымъ кредитомъ въ распоряженіе генерала Кауфмана 287,300 руб., генерала Крыжановскаго 200 т. р.; снаряженіе экспедиціи со стороны Кавказа отнесено на четырехсотъ-тысячную экстраординарную сумму, отпускаемую ежегодно въ распоряженіе кавказскаго начальства.

Степные походы вообще не имѣютъ ничего общаго съ походами войскъ всего міра, но походы по степямъ оренбургскаго вѣдомства, а также, какъ и нынѣшній, по направленію къ Хивѣ, по трудности своей, вслѣдствіе безводія, безкормицы и климатическихъ условій, не можетъ быть сравненъ ни съ походами со-сѣдственныхъ войскъ туркестанскихъ и кавказскихъ, ни тѣмъ болѣе съ походами другихъ войскъ цѣлаго свѣта. Можно положительно сказать, что труднѣйшія экспедиціи французскихъ войскъ въ Египетъ и Алжиръ и англійскихъ въ Индію, Кабуль, Авганистанъ и даже въ Абиссинію, не могутъ дать точнаго понятія объ экспедиціи въ степяхъ Средней Азіи и особенно въ степи оренбургскаго вѣдомства по направленію къ границамъ хивинскаго ханства. Степь эта представляетъ зимой мѣстность съ страшными морозами и буранами, истребляющими цѣлыя киргизскія стада и уничтожающими все, что имъ попадается по пути, а лѣтомъ абсолютно-безплодную почву, раскаленную жгучими солнечными лучами неизмѣннаго въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ чистаго безоблачнаго неба, отсутствіе всякой растительности, сыпучіе передвижные пески, гонимые почти постоянными вѣтрами, тонкую, всюду проникающую, какъ паръ, пыль, и къ невыносимому жару и совершенному отсутствію не только человѣческаго жилья, но даже признаковъ человѣческой жизни, присоединяется еще и повсемѣстный недостатокъ воды. Уже это одно обстоятельство указываетъ, какъ труденъ долженъ быть степной походъ въ этихъ мѣстахъ, въ особенности относительно перевозочныхъ средствъ. Вода здѣсь составляетъ такой драгоцѣнный матеріалъ, что по вѣрованію киргизовъ «капля воды, поданная жаждущему въ пустынь, смываетъ грѣхи за сто лѣтъ».

Всѣ эти крайне невыгодныя для похода изъ Оренбурга условія и сравнительно даже гораздо худшія чѣмъ походъ туркестанскихъ и кавказскихъ войскъ, наконецъ, неоднократно, какъ мы видѣли выше, предпринимаемыя отсюда прежде экспедиціи и кончавшіяся всегда полною неудачею, именно вслѣдствіе естественныхъ преградъ представляемыхъ природою, дали мнѣ поводъ описывать нынѣшнюю хивинскую экспедицію собственно со стороны Оренбурга, тѣмъ болѣе, что снаряженія войскъ и всѣ приготовленія къ походу, направленные съ цѣлію предотвра-

тить и преодолѣть предстоящія препятствія и трудности, по совершенной, къ тому, исключительности своей какъ въ способѣ движенія, такъ и въ предметахъ снаряженія войскъ, представляютъ совершенно особый интересъ и настолько своеобразны, что достойны занять мѣсто въ походныхъ лѣтописяхъ русскихъ войскъ.

Предполагая въ слѣдующей статьѣ представить движеніе оренбургскаго отряда отъ Эмбы до Хивы, я тѣмъ дамъ читателю возможность видѣть и самое примѣненіе въ походѣ всего того, что было сдѣлано. Все это тѣмъ болѣе представляетъ интереса, что зима 1872—73 годовъ отличалась здѣсь необычайнымъ обиліемъ снѣговъ, суровостью и продолжительными, ужасными буранами.

Распоряженіе о приготовленіяхъ къ походу было получено въ Оренбургѣ 21 декабря 1872 года, и тотчасъ же былъ составленъ комитетъ изъ начальниковъ отдѣльныхъ частей войскъ и управленій, до которыхъ относилось это дѣло. Рѣшено было начать съ временно-квартировавшаго здѣсь 4-го туркестанскаго стрѣльцоваго баталіона, который по составленной дизокладціи долженъ былъ 20 февраля прибыть въ Казалинскъ и поступить въ составъ туркестанскаго отряда; по этому расчету времени баталіонъ этотъ пришлось отправить изъ Оренбурга сколько возможно ранѣе; но чтобы облегчить и сократить крайне трудный зимній походъ этого баталіона, распоряженіемъ оренбургскаго окружнаго начальства были сдѣланы въ здѣшнемъ полуарсеналѣ 235 саней, по 50 на роту, а 11 для офицеровъ были крытыя, въ видѣ возковъ, и всѣ вмѣстѣ стоили съ упряжью около 5800 руб. ¹⁾. Въ эти сани были размѣщены люди баталіона по 4 человѣка на каждыя, со всѣми баталіонными тяжестями, путевымъ довольствіемъ и кромѣ того взято, для доставленія въ Казалинскъ, 169 тысячъ малокалиберныхъ металлическихъ патроновъ.

9-го января двинулся обозъ этого баталіона, а 20 января выступилъ первый эшелонъ, затѣмъ послѣдовательно 22-го, 24-го 26-го января вышелъ и весь баталіонъ. Весь путь этого баталіона, отъ Оренбурга до Терекли (въ предѣлахъ Тургайской области) былъ раздѣленъ на части, приблизительно по 60 верстъ, и это разстояніе назначалось суточнымъ переходомъ. Лошадей подъ свозъ, по 118 штукъ, выставляли на каждой станціи или переходѣ до Орска мѣстные жители, а отъ Орска до Терекли

¹⁾ За выставляемыхъ жителями губерніи и киргизами лошадей заплачено по разсчету прогоновъ.

киргизы Тургайской области. Кромѣ того, такъ какъ отъ Орска начинается уже путь по степи, неизмѣняющей на всемъ пространствѣ жилья, то для укрытія людей отъ холода, вездѣ на ночлежныхъ и промежуточныхъ станціяхъ, назначенныхъ по маршруту, киргизами Тургайской области, по распоряженію оренбургскаго начальства, были выставлены кибитки и топливо, а для казенныхъ лошадей, слѣдующихъ съ обозомъ, — сѣно; киргизами же, въ назначенныхъ по пути слѣдованія пунктахъ, доставлялся баталіону и порціонной скотъ. За все это, конечно, уплачивалось изъ отпущенныхъ войскамъ приварочныхъ (по $6\frac{3}{4}$ коп. на человѣка въ сутки) и фуражныхъ денегъ.

Въ назначенные дни, послѣ напутственныхъ молебновъ, эшелоны вышли въ путь. Слѣдованіе по Оренбургской губерніи производилось съ задержками, по случаю отсутствія на пути слѣдованія полицейскихъ и всякихъ другихъ мѣстныхъ распорядителей, а чрезъ то и несвоевременной поставки мѣстными жителями лошадей; но несмотря на это, въ Орскѣ баталіонъ прибылъ по маршруту. Отъ Орска же до Тереки, хотя и были сильнѣйшіе бураны и холодъ, доходившій до 30^0 , стрѣлки дошли по маршруту совершенно благополучно и 19-го февраля вступили въ Казалинскъ, оставивъ на всемъ пути только трехъ больныхъ и сдѣлавъ менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ походъ въ 1005 верстъ по степи! Нельзя не упомянуть, что во всей степи войска встрѣчали полное содѣйствіе мѣстной власти: юламейки, мясо, сѣно и топливо были вездѣ своевременно выставлены, и вообще киргизы и ихъ старшины, бии и другія власти оказывали особенное усердіе и готовность услужить войскамъ; когда же, въ Илецкомъ уѣздѣ, войска застигъ трехдневный буранъ, то киргизы добровольно предложили солдатамъ укрыться въ ихъ зимовыхъ стойбищахъ (родъ землянокъ); въ сожалѣнію, крайняя нечистота въ жилищахъ этихъ бѣдняковъ была причиной, что солдаты рѣшились потѣсниться и переночевать кое-какъ въ выставленныхъ кибиткахъ и не могли воспользоваться гостепріимствомъ, во всякомъ случаѣ, весьма знаменательнымъ и отраднымъ въ жизни нашихъ степныхъ дикарей.

Благополучное прослѣдованіе этого баталіона въ самое суровое время года свидѣтельствуетъ, что русскій солдатъ, при малѣйшей заботливости и попеченіяхъ о немъ начальства, можетъ перенести всевозможныя лишенія и преодолѣть препятствія, которыя считаются даже выше силъ человѣка.

Одновременно съ приготовленіемъ къ походу баталіона стрѣковаго, начались приготовленія и къ выступленію въ мѣсто со-

средоточенія—въ Эмбенскій постъ, войскъ, назначенныхъ для оренбургскаго отряда. Трудъ этотъ преимущественно палъ на окружный штабъ и интендантство. Много нужно было опытности, энергіи, усердія и труда, чтобы все предвидѣть, не забыть самыхъ мельчайшихъ подробностей и устроить походъ такъ, чтобы солдаты въ состояніи были его сдѣлать.

Впрочемъ, для точнаго понятія о всемъ, что сдѣлано въ снабженіи войскъ всѣмъ необходимымъ для степного похода, а равно и въ снаряженіи ихъ, мы укажемъ ниже всѣ распоряженія, относившіяся до похода.

16-го февраля, послѣ торжественнаго молебствія, совершеннаго епископомъ оренбургскимъ въ присутствіи главнаго начальника края, генераль-адъютанта Крыжановскаго (прибывшаго 28-го января нарочно изъ Петербурга для личныхъ распоряженій по снаряженію экспедиціи) и парада, выступили изъ Оренбурга 4 роты 1-го оренбургскаго линейнаго баталіона, 2 казачьи сотни, 6 орудій казачьей артиллеріи и прислуга отъ мѣстной артиллерійской команды въ четырехъ полупуд. мортирамъ и двумъ наѣзнымъ 4-хъ-фунтовымъ пушкамъ, назначеннымъ на вооруженіе временнаго укрѣпленія, предназначаемаго возвести въ тылу отряда, и въ 6-ти ракетнымъ станкамъ. Пѣхота и пѣшая артиллерія слѣдовала на Эмбу чрезъ Илецкую защиту на Акъ-Тюбя, а 2 сотни и конная артиллерія, чтобы по одной дорогѣ не было слишкомъ большого накопленія людей и чтобы можно было заготовить сѣно, какъ для артиллерійскихъ и казачьихъ лошадей, такъ и для впрягаемыхъ въ подводы, на которыхъ ѣхала пѣхота, — должны были слѣдовать на Эмбу другой дорогой, вдоль рѣки Хобды ¹⁾. Всѣ эти войска отправлены въ трехъ эшелонахъ.

Изъ Орска, 25 февраля, въ четырехъ эшелонахъ выступили на Эмбу (406¹/₄ в.) чрезъ Акъ-Тюбя 5 ротъ 2-го оренбургскаго линейнаго баталіона и 4 оренбургскія казачьи сотни, и, наконецъ, изъ Уральска, 24-го февраля, вышли на Эмбу же чрезъ Уиль (625¹/₂ вер.) три уральскихъ казачьихъ сотни. Всѣ пѣхотныя войска слѣдовали на поставленныхъ интендантствомъ, чрезъ подрядчика, пароконныхъ подводахъ по 4 человѣка на каждой, имѣя при себѣ одинъ комплектъ боевыхъ патроновъ и по 1¹/₂ пуда на человѣка собственныхъ тяжестей (для путевого довольствія были подводы особо). Переходы были назначены до 40 верстъ въ сутки, казаки же слѣдовали форсированнымъ маршемъ.

¹⁾ По первому пути отъ Оренбурга до Эмбенскаго поста считается 496 верстъ, а по второму 543 версты.

Артиллерія казачья и при ней одинъ комплектъ зарядовъ перевезены тоже на саняхъ, тѣла орудій, лафеты, колеса и зарядные ящики все особю; артиллерійскихъ же упряжныхъ лошадей повели въ поводу.

Для безостановочнаго слѣдованія войскъ до Эмбы и для возможнаго сбереженія людей и лошадей, а также для обезпеченія довольствія войскъ въ пути мясомъ, котораго приказано давать непремѣнно по одному фунту на человѣка въ сутки, по распоряженію главнаго начальника Оренбургскаго края, на всемъ пути по киргизской степи Уральской и Тургайской областей, на ночлегахъ было выставляемо киргизами безвозмездно отъ 30—40 кибитокъ, изъ которыхъ снѣгъ обыкновенно вычищался и на землѣ разстилалось сѣно, а съ наружной стороны кибитки оканчивались снѣгомъ; топливо (кизякъ) доставлялось по 12 коп. пудъ въ такомъ количествѣ, чтобы тлѣющаго огня достало съ 5 час. вечера до 8 ч. утра слѣдующаго дня. Равно выставлялся киргизами для продажи на порціи скотъ и бараны по 25 коп. за фунтъ ¹⁾ и сѣно отъ 400—600 пуд. на каждомъ ночлегѣ по 30—50 коп. за пудъ (овса по 4 гарнца въ сутки всѣ лошади имѣли съ собой). Войска, по всему пути, сопровождали должностныя лица изъ киргизовъ, а на ночлегахъ эшелоны встрѣчались старшинами близлежащихъ ауловъ. Все же наблюденіе за тѣмъ, чтобы все было въ должной исправности, было поручено уѣзднымъ начальникамъ и ихъ помощникамъ. При отправленіи съ мѣста, войска, какъ регулярныя, такъ и иррегулярныя, снабжены отъ интендантства теплыми полушубками, мѣховыми воротниками, валенками, обшитыми кожей и третьей парой сапоговъ; кромѣ того, сахаромъ, чаемъ ($\frac{3}{4}$ фун. чая и 1 фун. сахара на 100 чел. въ сутки), спиртомъ (4 получары въ мѣсяцъ на человѣка), мѣдными чайниками, по одному на 10 человѣкъ и по 3 коп. на человѣка для заведенія чайной посуды, сушеной капустой (собственно казакамъ, а регулярныя войска завели ее на свои средства), подстилочной кошмой по $1\frac{1}{2}$ арш. на человѣка, экспедиціонными и противуцынготными вещами, всѣмъ до 7-ми мѣсяцевъ. Приварочныя деньги войска получили по $6\frac{3}{4}$ коп. въ сутки на человѣка ²⁾. Попеченіемъ самихъ войскъ, всѣ люди снабжены теплыми портянками и варежками, равно сдѣланы носилки для раненыхъ (по 2 на роту).

¹⁾ Скотъ или бараны и кибитки выставлялись и далѣе отъ Эмбы до крайнихъ предѣловъ нашей степи: до Чункакуля и Каратамака.

²⁾ Всѣ офицеры получили невзачетъ полугодовой окладъ жалованья и сверхъ того натуральныя и денежныя раціоны по военному времени.

Вся пѣхота оренбургскаго отряда вооружена игольчатыми винтовками системы Карле, 6 оренбургскихъ и 1 уральская казачья сотни имѣють 7-ми-линейныя наръзныя драгунскія ружья, а двѣ уральскія сотни 6-ти-линейныя винтовки, казачья же артиллерія состоитъ изъ 4-хъ-фунт. съ казны заряжающихся пушекъ.

Въ степныхъ походахъ вообще, а, въ степяхъ оренбургскаго вѣдомства въ особенности, продовольствіе отряда и пріисканіе перевозочныхъ средствъ—верблюдовъ, представляетъ самую главную заботу и самое главное затрудненіе; затѣмъ на первомъ планѣ должно быть умѣнье сохранить въ пути здоровье людей, свѣжесть и бодрость перевозочныхъ животныхъ, такъ какъ въ этомъ заключается почти весь успѣхъ дѣла, ибо всѣ неудачи наши прошлыхъ лѣтъ имѣли причиною изнуреніе людей и гибель верблюдовъ и лошадей, потому-то здѣсь въ походахъ дѣлаются приспособленія въ одеждѣ, производится особое довольствіе вещами и пищей, опредѣляемой особымъ положеніемъ: «О военномъ устройствѣ въ киргизской степи», и даже выработана особая система походнаго движенія.

Такъ какъ при настоящихъ мѣстныхъ условіяхъ отряду необходимо имѣть съ собой на все время похода продовольствіе для людей, фуражъ, воду и прочіе предметы, о которыхъ будетъ сказано ниже, то очевидно, что выюннй верблюжій обозъ составляетъ изъ громаднаго числа тяжестей и перевозочныхъ животныхъ, такъ что на двухъ человекъ отряда приходится по 1—2 верблюда, и весь отрядъ въ походѣ представляетъ скорѣе огромный вооруженный караванъ, чѣмъ движущіяся войска.

Всѣ войска, выступившія съ линіи, т.-е. изъ Оренбурга, Орска и Уральска, до Эмбенскаго поста, кромѣ вышеизложеннаго, снабжены по числу дней марша (на одинъ мѣсяцъ и на 7 дней въ запасъ) продовольствіемъ: сухарями, крупой, овсомъ, спиртомъ, чаемъ, сахаромъ и сушено-квашеной капустой.

Приварочныя деньги выданы интендантствомъ при выходѣ войскамъ, а отъ Эмбы и далѣе отпущена на этотъ предметъ находящемуся при отрядѣ чиновнику особая сумма по расчету приблизительно на 6 мѣсяцевъ; такимъ же образомъ устроено и фуражное довольствіе, а равно отпущены деньги на денежные и натуральные раціоны и жалованье и другое довольствіе войскъ. Для указанія пути войскамъ и для посылокъ, при отрядѣ находятся вожаки и чабары и вызваны изъ Тургайской и Уральской областей 100 чел. джигитовъ въ видѣ волонтеровъ, изъ числа наиболѣе богатыхъ и надежныхъ киргизовъ.

Въ Эмбенскомъ посту, для обезпеченія отряда въ дальнѣй-

шемъ движеніи его заготовлено слѣдующее по части интендантской.

За немѣніемъ въ войскахъ оренбургскаго округа обыкновенныхъ лагерныхъ палатокъ; здѣсь употребляютъ вообще въ степныхъ походахъ, такъ-называемыя, «юламейки». Стѣнки этихъ походныхъ жилищъ (а киргизы живутъ въ нихъ круглый годъ) состоятъ изъ 40 крестообразныхъ березовыхъ палокъ, длиною каждая въ 3 арш.; палки эти укрѣпляются въ пяти мѣстахъ сыромятными ремнями. Кромѣ этого, изъ трехъ такихъ же палокъ образовывается дверной косякъ. Верхъ юламейки (въ формѣ конуса) состоитъ изъ 20-ти прямыхъ березовыхъ палокъ, длиною каждая въ 3 арш. 6 вершк. Всѣ эти палки скрѣпляются сверху ремнемъ вмѣстѣ съ крестообразными поперечинами въ 6 вершк. (для увязки означенныхъ палокъ съ поперечинами употребляется сыромятный ремень). Въ нижнемъ концѣ каждой палки приделываются хомутки изъ толстой бичевы.

Установленный такимъ образомъ остовъ, или основаніе юламейки, покрывается кошмою (войлокъ мѣстной киргизской работы) какъ съ боковъ, такъ и сверху, причемъ самый конусъ юламейки обшивается на четверть кожей. Для укрѣпленія юламейки дѣлается въ срединѣ желѣзный приколъ съ кольцами, длиною въ $1\frac{1}{2}$ четверти, и къ нему веревка на аршинъ длиннѣе пространства отъ остроконечной части верха юламейки до прикола и въ двойномъ количествѣ. Входъ въ юламейку прикрывается однимъ концемъ боковой кошмы. Кошма для юламейки должна имѣть полотно не короче 5-ти арш. и мѣряться на погонную въ 3 арш. сажень. Шириною кошма должна быть не менѣе $2\frac{1}{4}$ арш. Построенная такимъ образомъ юламейка имѣетъ 15 арш. въ окружности и назначается обыкновенно на 10 человекъ. Для всего отряда отпущено такихъ юламеекъ 372 штуки (командирамъ баталіоновъ со штабами дано по 3 юламейки, командирамъ ротъ и сотенъ по 1-й, а прочимъ офицерамъ на троихъ по одной). Кромѣ того походному штабу и его отдѣламъ отпущено 19 юламеекъ.

Для продовольствія отряда при выступленіи его изъ Эмбенскаго поста и слѣдованія съ нимъ заготовленъ и доставленъ изъ Оренбурга и Орска на Эмбу запасъ продуктовъ состоящій изъ

Сухарей	2,522 четверти.
Крупъ	434 >
Овса	6,739 >
Спирта	312 ведръ.
Чаю	4,595 ф. 77 зол.
Сахару	344 п. 3 ф. 38 зол.
Сушено-квашеной капусты . .	50 пудовъ.

Съ этимъ количествомъ весь оренбургскій отрядъ будетъ удовлетворенъ: сухарями, крупой и овсомъ на 80 дней, чаемъ, сахаромъ и капустой на 6 мѣсяцевъ, а спиртомъ по 1-е мая (съ 1-го мая по 1-е сентября вмѣсто спирта будетъ чай).

Для приварка, на который отпущено, какъ сказано выше, по 6³/₄ коп. и сдѣлано распоряженіе о выставкѣ киргизами для продажи порціоннаго скота, отпущены еще, на случай, еслибы нельзя было достать мяса, разные консервы, которые были нарочно съ соотвѣствующими наставленіями о употребленіи ихъ высланы изъ Петербурга:

Картофельной крупы — профессора Киттары . .	4,000 порцій.
Сухихъ щей — доктора Данилевскаго	663 >
Сухарей для щей — князя Долгорукова	5,577 >
Мясного экстракта — Либиха	2,500 >

Относительно довольствія лошадей было сказано выше, но имѣя въ виду, что могутъ встрѣтиться случайности, вслѣдствіе которыхъ нужно будетъ давать лошадямъ усиленную дачу овса, въ Эмбенскомъ посту заготовлено его 1,500 четвертей, изъ коихъ 1000 четвертей должны слѣдовать при отрядѣ вмѣстѣ съ 80-дневнымъ запасомъ довольствія, а 500 четвертей останутся на Эмбѣ для запаса.

Наконецъ, весь отрядъ снабженъ экспедиціонными вещами. Экспедиціонныя вещи имѣютъ у насъ свою исторію, которая состоитъ въ томъ, что на снаряженіе изъ Оренбурга въ степь отрядовъ, по причинѣ необходимости заводить весьма многіе предметы, крайне необходимые для войскъ идущихъ въ степь, вслѣдствіе особыхъ мѣстныхъ и климатическихъ условій, и которыхъ не полагалось ни въ табеляхъ о довольствіи и снаряженіи войскъ, ни въ законоположеніяхъ о томъ, — съ давнихъ временъ отпускалась ежегодно въ распоряженіе бывшаго командира оренбургскаго отдѣльнаго корпуса особая сумма въ 25 т. руб. Въ 1867 году отпускъ этой суммы однако прекращенъ, и всѣ расходы, которые падали на эту сумму, повелѣно относить, или вѣрнѣе примѣнять на соотвѣтствующіе §§ интендантской смѣты; такимъ образомъ, заведеніе нѣкоторыхъ экспедиціонныхъ вещей начали относить на § 3-й этой смѣты. Для опредѣленія же нормы всѣхъ этихъ вещей, а равно и для точнаго уясненія всего необходимаго, была составлена особая коммиссія, которая составила подробную табель, на основаніи которой, хотя она еще и не утверждена законодательнымъ порядкомъ, руководствуются при снаряженіи степныхъ отрядовъ. На основаніи этой табели, для оренбургскаго отряда от-

пущены нижеозначенныя экспедиціонныя вещи въ слѣдующемъ количествѣ (въ числѣ этихъ вещей находятся еще вещи, предназначенныя собственно для предупрежденія цынготной болѣзни, весьма распространенной въ степи):

Котловъ чугунныхъ съ та- ми же крышками	80 штукъ.
Тагановъ желѣзныхъ	80 >
Уголовниковъ	80 >
Ковшей	80 >
Ведеръ желѣзныхъ	160 >
Ножей кухонныхъ	50 >
Топоровъ	136 >
Вилокъ	80 >
Мотыгъ	136 >
Кирокъ	136 >
Лопатъ желѣзныхъ	400 >
Гвоздей одностесу	800 >
Ливеровъ бѣлой жести . .	20 >
Косъ съ принадлежностями.	90 >
Горбушей	120 >
Корытъ желѣзныхъ	120 >
Бочать въ 3 ведра	34 >
Чарокъ бѣлой жести	112 >
Баклаги для воды въ 4 ве- дра каждая	3723 >
(Для пѣхоты по 1 на 20, а для кавалеріи по 1 на 10 чел.).	
Къ нимъ воронокъ	163 >
Лопатъ деревянныхъ	204 >
Бредней	5 >
Мѣдныхъ мѣръ въ $\frac{1}{4}$ ведра	19 >
Рогожъ	1868 >
Веревокъ	5111 сажень.
Чайниковъ мѣдныхъ	340 штукъ.
(вѣсящихъ 2040 фунтовъ).	
Вѣсовъ	20 >
Баконъ деревянныхъ	100 >
Ложекъ деревянныхъ	1000 >
Перцу зернистаго	5 пуд. 5 фун.
Уксусной эссенціи	1020 бутылковъ.
Соли поваренной	253 пуда.
Круту *)	800 >
Мыла простого	253 >

*) Круту — овечій сыръ, киргизской выдѣлки, имѣющій свойство утолять жажду: кусочекъ его киргизы разводятъ въ водѣ и пьютъ, или просто кладутъ въ ротъ и сосутъ. Вкусъ крута солоновато-кислый.

Табаку курит. простого . . .	501 пудъ.
Луку рѣчатого	306 »
Хрѣну сушеного	15 » 15 фун.
Перцу стручковаго	10 » 10 »

Кромѣ всего этого оренбургское мѣстное управление Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, желая съ своей стороны улучшить бытъ больныхъ и раненыхъ, могущихъ поступить въ подвижные при отрядахъ госпитали, заготовило на свои средства на 50 человекъ госпитальнаго бѣлья, приготовило 3 лазаретныя повозки, по особому образцу, и купило въ достаточномъ количествѣ чай, сахаръ, сгущенное молоко, клюквенную эссенцію, ромъ, коньякъ, хересъ, сигары, табакъ, папиросы, всѣ канцелярскія принадлежности для писемъ, пашешницы, разные книги и журналы и много другихъ необходимыхъ вещей, поручивъ все это особому уполномоченному своему, въ распоряженіе котораго Общество ассигновало еще на расходы 3000 руб.

Кромѣ удовлетворенія всѣхъ войскъ, при выступленіи ихъ съ мѣста, полнымъ комплектомъ боевыхъ патроновъ и снарядовъ, положенныхъ по закону, въ Эмбенскомъ посту образованъ, для дальнѣйшаго слѣдованія съ отрядами, артиллерійскій паркъ, въ которомъ находилось:

Боевыхъ патроновъ къ ягольчатымъ винтовкамъ	334,800
» » » 6-ти-линейнымъ	23,200
» » » 7-ми-линейнымъ драгунск.	81,200
» » » пистолетамъ	270
Кансюлей ружейныхъ	125,700

Снарядовъ къ 4-хъ-фунтовымъ пушкамъ съ казны заряжающимся:

Обыкновенныхъ гранатъ	600
Зажигательныхъ	120
Картечныхъ шарохъ	530
» гранатъ прежнихъ	190
Картечей соединенныхъ съ зарядами	120
Снаряженныхъ полупуд. гранатъ къ мортир.	600
Зарядовъ въ 1½ ф.	1271
» для навѣсной стрѣльбы	480
» мортиръ 1200 полп. (гранатъ особо)	1200
Боевыхъ ракетъ	750
» 2-хъ-дюймов. съ приводами	220
Пороху артиллерійскаго	15 пуд.

Къ двумъ пушкамъ 4-хъ-фун. парѣзнымъ съ дуза заряжающимся:

Зарядовъ съ обыкновенными гранатами	140
» » картечными »	110
» » картечью	50

и кромѣ того, всѣ необходимыя для артиллерійской лабораторіи и снаряженія принадлежности.

По части инженерной войска оренбургскаго отряда были снабжены 8-ю трубчатыми колодцами, а для облегченія переправъ, во время движенія по хивинской территоріи, изрѣзанной каналами, двумя разборчатыми мостами, однимъ на возлахъ, а другимъ понтоннымъ. Для разбора, наводки и сборки этихъ мостовъ, кромѣ 4-хъ саперныхъ нижнихъ чиновъ, состоящихъ при отрядѣ, обучены еще при оренбургской инженерной дистанціи 32 рядовыхъ и 4 унтеръ-офицера отъ 1-го линейнаго баталіона. Кромѣ того, взять полный комплектъ всѣхъ необходимыхъ инженерныхъ инструментовъ и матеріаловъ для возведенія полевыхъ укрѣпленій.

По недостатку въ степи лечебныхъ учреждений и по случаю сосредоточенія значительнаго числа войскъ за Эмбой, сдѣланы слѣдующія распоряженія: учрежденъ центральный на 50 человекъ подвижной лазаретъ, который будетъ слѣдовать при отрядѣ. Лазаретъ этотъ снабженъ всѣми госпитальными припасами, противуцинготными средствами и другими вещами, въ шестимѣсячной пропорціи. Для помѣщенія больныхъ этого лазарета отпущено 12 ябитокъ съ желѣзными печами. Кромѣ этого, всѣ войска снабжены лазаретными вещами по штатному составу, лазаретъ же Эмбенскаго поста увеличенъ на 15 мѣстъ.

IV.

Несмотря на огромные снѣга, морозы, бураны и ужасное состояніе дороги отъ Оренбурга до Эмбенскаго поста, такъ что даже командующій войсками отряда долженъ былъ бросить на дорогѣ свой экипажъ и слѣдовать въ перекладныхъ саняхъ, всѣ войска совершенно благополучно прибыли въ постъ 18-го марта, не имѣя ни одного ознобившагося и всего до 45-ти человекъ больныхъ. Транспорты съ артиллерійскими и интендантскими тяжестями двигались съ большимъ затрудненіемъ, иногда по цѣлымъ часамъ не имѣя возможности выбраться изъ какого-нибудь ухаба, перевозочныя животныя до того изнурялись, что большая часть тяжестей должна была остаться на дорогѣ и только въ концѣ марта доставлена въ Эмбенскій постъ.

Когда отрядъ уже выступилъ изъ Оренбурга, было получено съ Кавказа свѣдѣніе, что одинъ мангышлакскій наибъ по имени Кафаръ Караджигитовъ, братъ котораго, Калбинъ (одинъ изъ главнѣйшихъ зачинщиковъ возмущенія адаевцевъ въ 1870 году),

жить въ Хивѣ и пользуется особенною милостію хана, по наущенію послѣдняго, дѣйствовавшаго чрезъ посредство Калбина, рѣшился взволновать населеніе всего Мангышлака, для чего собравъ, 26-го минувшаго января, ближайшіе аулы, объявилъ имъ, что русскіе намѣрены, будто бы, потребовать съ населенія громадное количество разнаго скота, что въ конецъ разорить киргизовъ, а потому, именемъ хана, убѣждалъ адаевцевъ немедленно отвѣчать къ хивинскимъ предѣламъ, гдѣ они найдутъ убѣжище, а всѣ сардари и бѣи будутъ щедро награждены. Въ противномъ случаѣ, Кафаръ грозилъ, съ помощью хивинцевъ, предать всѣ аулы огню и мечу, не щадя ни женъ, ни дѣтей.

Устрашенные этими угрозами, несчастные киргизы поспѣшно начали спасаться съ своими стадами на Усть-Уртъ, несмотря на суровое время года, грозившее гибелью ихъ скота, составляющаго главнѣйшее богатство населенія. Необходимо было, какъ можно быстрѣе, предупредить обманутыхъ адаевцевъ отъ бѣдственныхъ послѣдствій бѣгства ихъ на Усть-Уртъ и не дать распространиться волненію.

Съ этою цѣлью, начальникъ мангышлакскаго отряда, полковникъ Ломакинъ, выступившій за нѣсколько дней передъ тѣмъ изъ Александровскаго форта съ небольшимъ отрядомъ, и получившій на пути извѣстіе объ измѣнѣ Кафара, тотчасъ же двинулся на Бузачи, гдѣ вочуютъ самыя дикія адаевскія отдѣленія. У залива Кара-кичу (южная часть Кайдакскаго залива) отрядъ встрѣтилъ множество ауловъ, съ нѣсколькими десятками тысячъ головъ скота, вереницею тянувшихся по направленію къ Усть-Урту. Посланные впередъ казаки успѣли частью успокоить кочевниковъ и уговорить вернуться на свои зимовки. Толпа же въ 400 человекъ киргизовъ, предводимая двумя изъ родственниковъ и сообщниковъ Кафара, не послушавъ мирныхъ увѣщаній, бросились съ пиками и топорами на терскихъ казаковъ, которые, однако, несмотря на свою малочисленность (68 человекъ), сами кинулись на встрѣчу съ кинжалами и мгновенно разсѣяли ее. Стоявшія, во время этого дѣла, на окрестныхъ горахъ массы народа оставались совершенно безучастными зрителями и, несмотря на призывные крики сражавшихся киргизовъ, не трогались съ мѣста.

Послѣ этого дѣла, полковникъ Ломакинъ усиленными переходами продолжалъ движеніе на Бузачи, гдѣ присоединилъ къ себѣ сотню Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, у которой обманомъ отогнанъ былъ ночью паспійся въ степи табунъ лошадей, и затѣмъ вернулся въ фортъ.

И въ настоящемъ случаѣ фактъ участія и подстрекательства Хивы въ произведенномъ волненіи не подлежитъ никакому сомнѣнію. Несмотря на самыя разумныя мѣры мѣстной администраціи и даже на сознаніе самого населенія въ гибельныхъ для него послѣдствіяхъ подобныхъ безпорядковъ, трудно оградить легковѣрныхъ киргизовъ отъ вліянія злонамѣренныхъ людей, поддерживаемыхъ сосѣднимъ ханствомъ, доколѣ отношенія наши къ нему не будутъ поставлены въ болѣе опредѣленное положеніе.

Въ виду такого положенія дѣлъ и такъ какъ съ движеніемъ нашихъ войскъ противъ Хивы юго-западная часть нашей Тургайской области была бы совершенно открыта со стороны Усть-Урта отъ набѣговъ хищническихъ шаекъ, которыя могли бы вновь волновать киргизовъ, если бы между Эмбою и Аральскимъ моремъ, равно между Каспійскимъ и Аральскимъ морями не будутъ выставлены наблюдательные отряды, а также и для охраненія тыла оренбургской экспедиціи, генералъ Крыжановскій приказалъ: 1) на Самѣ, какъ промежуточномъ пунктѣ между Каспійскимъ и Аральскимъ морями и удобномъ для наблюденія этого пространства, выставить наблюдательный постъ изъ 1½ сотенъ казаковъ, состоящихъ на службѣ въ степныхъ укрѣпленіяхъ и одной роты, которая должна быть отдѣлена отъ отряда генерала Веревкина по соединеніи его съ кавказскими войсками; 2) на Джебыскѣ—пунктѣ, гдѣ всего удобнѣе сдѣлать прорывъ шайкамъ на орско-казалинскій трактъ, поставить одну сотню казаковъ, и 3) назначить въ распоряженіе начальника Иргизскаго уѣзда тоже одну сотню казаковъ, для наблюденія за мугоджарскими горами и барсуками. Между всѣми этими пунктами будетъ во все время производиться сношеніе чрезъ безпрестанно высылаемые разъѣзды.

Что же касается до обезпеченія отряда довольствіемъ, по выходѣ его изъ Эмбенскаго поста, то такъ какъ по соглашенію съ генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ полагалось, что обезпеченіе отряда въ предѣлахъ хивинскаго ханства будетъ найденно на мѣстѣ, то заботы оренбургскаго начальства въ этомъ отношеніи должны были ограничиться лишь обезпеченіемъ отряда довольствіемъ до прихода его въ ханство и заготовленіемъ такового для обратнаго слѣдованія изъ Хивы, которое предполагается въ августѣ.

Такимъ образомъ, при выступленіи отряда 30-го марта съ Эмбенскаго поста будетъ взято, кромѣ всѣхъ экспедиціонныхъ вещей, продовольствіе на путь: сухарей и крупъ на 2½ мѣсяца или даже на 105 дней (смотримъ потому, сколько будетъ въ сборѣ

верблюдовъ) и на 2—2½ мѣсяца овса. Считая отъ Эмбы до Хивы 40—45 дней ходу, весь отрядъ будетъ по этому расчету обезпеченъ и по приходѣ въ предѣлы ханства еще мѣсячнымъ запасомъ.

10-го апрѣля изъ Эмбенскаго поста, на 907 верблюдахъ, выйдетъ новый транспортъ съ мѣсячнымъ запасомъ провіанта и полумѣсячнымъ овса. Запасъ этотъ будетъ доставленъ на Ургу, гдѣ предполагается возвести временное полевое укрѣпленіе на 1—2 роты съ казаками и артиллеріей для обезпеченія тыла оренбургскаго отряда.

Здѣсь, то-есть на Ургѣ, будутъ оставлены всѣ освободившіеся отъ тяжестей верблюды, которые слѣдовали съ отрядомъ, и на нихъ-то предполагается доставлять отъ ургинскаго продовольственнаго склада провіантъ и фуражъ къ отряду, а тѣ 907 верблюдовъ, которые доставятъ запасъ, возвратятся обратно на Эмбу и вновь по расчету 25-го мая и 1-го іюня выйдутъ изъ Эмбы въ Ургу съ запасомъ двухъ-мѣсячнаго продовольствія сухарей, крупъ и овса, которые въ крайнемъ случаѣ и обезпечатъ весь отрядъ до 15-го сентября. Все это передвиженіе, конечно, будетъ совершаться подъ прикрытіемъ казаковъ, для чего сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія; отъ Урги же до отряда продовольственный транспортъ пойдетъ подъ прикрытіемъ одной роты, двухъ сотенъ и двухъ орудій.

При оренбургскомъ отрядѣ для научныхъ цѣлей командированъ изъ окружнаго штаба геодезистъ и топографъ, а также состоитъ по Высочайшему повелѣнію генеральнаго штаба офицеръ, для составленія изслѣдованій торговаго и экономическаго значенія всего закаспійскаго края и аму-дарьинскаго бассейна, что, конечно, весьма важно, въ виду могущихъ послѣ хивинской экспедиціи значительно развиваться торговыхъ сношеній нашихъ съ персидско-средне-азиатскимъ рынкомъ.

Русское географическое общество тоже не осталось безучастно при настоящей экспедиціи и составило весьма подробное указаніе для физическаго наблюденія, для собиранія свѣдѣній по нѣкоторымъ вопросамъ, относящимся до общей географіи, до изслѣдованія по части исторической географіи, до собиранія рукописей и монетъ, до наблюденія по части этнографіи и до наблюденія надъ экономическимъ и культурнымъ состояніемъ населенія хивинскаго оазиса.

Изъ предшествовавшаго описанія снаряженія отряда легко можно видѣть, сколько тутъ положено было труда, заботъ и средствъ, но чтобы дать хотя приблизительное общее о томъ понятіе,

скажу, что для доставленія на Эмбенскій постъ изъ Оренбурга продовольственныхъ припасовъ, артиллерійскихъ снарядовъ, экспедиціонныхъ вещей, медикаментовъ и вообще всѣхъ тяжестей, высылаемыхъ для отряда и вѣсящихъ 56,464 пуда, да таковыхъ же припасовъ, отправленныхъ на Эмбу же изъ Орска и вѣсящихъ 35,987 пудовъ, потребовалось, кромѣ значительнаго числа конныхъ подводъ, до двухъ тысячъ верблюдовъ, запряженныхъ въ сани (на каждыя сани клалось отъ 17 до 22 пудовъ), да кромѣ того, изъ Оренбурга и Орска для перевозки 4-хъ ротъ 1-го и 5-ти ротъ 2-го линейныхъ баталіоновъ и мѣстной артиллерійской команды, а равно для больныхъ, могущихъ быть въ казачьихъ сотняхъ, вмѣстѣ съ тяжестями и путевымъ продовольствіемъ для этихъ войскъ, составляющимъ 13,442 пуда, потребовалось 545 паровонныхъ подводъ (кромѣ подводъ для своза изъ Оренбурга до Эмбы шести орудій казачьей артиллеріи съ принадлежностями и другими при нихъ тяжестями, вѣсящими до 1,400 пудовъ).

Въ Эмбенскомъ посту контрагентъ обязанъ былъ выставить ко дню выхода страда, для поднятія и перевозки за войсками 80-ти-дневнаго запаса продовольствія, фуража и всѣхъ другихъ тяжестей отряда, 4970 верблюдовъ (изъ Эмбы всѣ тяжести будутъ слѣдовать на вьюкахъ верблюдовъ, на каждого верблюда полагается тяжести до 17-ти пудовъ) ¹⁾.

Затѣмъ, тотъ же контрагентъ обязанъ доставить въ Эмбенскій постъ къ назначенному времени еще 1,405 верблюдовъ ²⁾, для поднятія и перевозки на складочный пунктъ, въ тылу отряда, вслѣдъ за выступленіемъ его, какъ сказано выше, еще мѣсячный запасъ продовольствія, до 24-хъ тысячъ пудовъ.

Цѣны за перевозку вообще всѣхъ тяжестей изъ Оренбурга (495 версты) и изъ Орска (406¹/₄ версты), до Эмбенскаго поста утверждены военно-окружнымъ совѣтомъ по 1 руб. 50 коп. съ пуда за все разстояніе, а изъ Уральска туда же (584 версты) по 1 руб. 76³/₄ коп. съ пуда.

За подводъ подъ свозъ нижнихъ чиновъ по 60 руб. за каждую паровонную подводу.

За наемъ верблюдовъ, на которыхъ будутъ слѣдовать, какъ выше сказано, всѣ тяжести и продовольствіе отряда, при выступленіи его изъ Эмбенскаго поста, утверждена цѣна за первые два

¹⁾ На каждыхъ 5—7 верблюдовъ полагается по одному верблюдовозному киргизу.

²⁾ Само собой разумѣется, число верблюдовъ будетъ еще больше, ибо нужно имѣть, непременно сверхъ требуемыхъ контрактомъ еще и запасныхъ.

ъ половиною мѣсяца по 23 руб., а послѣдующіе по 18 руб. мѣсяцъ за cadaго.

За верблюдовъ же, нанятыхъ подъ свозъ мѣсячнаго запаса продовольствія изъ Эмбенскаго поста на пункты въ тылу отряда, по 23 руб. въ мѣсяцъ за cadaго.

Кромѣ этихъ расходовъ и тѣхъ, которые пали на смѣты интендантства, израсходовано по 1-е апрѣля изъ 200 тысячъ, отпущенныхъ въ распоряженіе генерала Крыжановскаго:

Въ пособіе чинамъ отряда, закупку подарочныхъ вещей, сдѣланіе саней и упряжи для своза войскъ, приобрѣтеніе водъ свозъ вещей, денегъ и конвоя экипажей, на прогоны нѣкоторымъ чинамъ и разныя другіе расходы . . . . . 117,740 р. 53 к.

За перевозку изъ Оренбурга и Орска въ Эмбенскій постъ на подводахъ войскъ. . . . . 18,402 » — »

На усиленную дачу нижнимъ чинамъ спирта . . . . . 2,089 » — »

На заготовленіе сушено-квашеной капусты для казачьихъ частей и лазарета. . . . . 3,021 » 52 »

На теплую одежду казачьимъ частямъ. . . . . 10,487 » 55 »

На заготовленіе баклагъ для воды . . . . . 21,742 » 32 »

Чабарамъ, за доставку свѣдѣній въ пути слѣдованія отрядовъ, телеграммы, пересылку почтъ и прочіе почтовые расходы . . . . . 2,255 » 90 »

На приспособленіе конюшни въ Эмбенскомъ постѣ для временнаго квартированія войскъ отряда, во время перехода ихъ чрезъ этотъ постъ употреблено . . . . . 528 » — »

Итого . . . 176,275 р. 82 к.

Предъ выступленіемъ отряда въ походъ, генераль-адъютантъ Крыжановскій отдалъ по округу слѣдующій приказъ:

«Предписываю начальникамъ войскъ, входящихъ въ составъ отряда, высылаемаго отъ вѣреннаго мнѣ округа, къ берегамъ Аральскаго моря, обратить особенное вниманіе на знаніе всѣми подвѣдомственными имъ чинами правилъ сторожевой службы, равно и на строгое ихъ соблюденіе при походныхъ движеніяхъ и остановкахъ вѣренныхъ имъ войскъ отъ Эмбенскаго поста да-же по назначенію, какъ необходимаго условія для обезпеченія себя отъ нечаянныхъ нападений со стороны хищниковъ и для сохраненія въ цѣлости своего обоза, продовольственныхъ припасовъ, транспортныхъ животныхъ и казачьихъ табуновъ.

«Въ то же время, имѣя въ виду, что для успѣха дѣйствій отряда, при встрѣчѣ съ непріателемъ, необходимо, чтобы войска дошли до него свѣжими и бодрыми, предписываю всѣмъ начальникамъ частей, не исключая и младшихъ, а равно и находя-

щимся при войскахъ врачамъ, обратить самое строгое вниманіе на все, что можетъ сберечь здоровье и сохранить силы и бодрость духа вѣранныхъ имъ нижнихъ чиновъ. Въ этихъ же видахъ принять надлежащія мѣры, чтобы пища нижнихъ чиновъ была сколь можно болѣе питательна и здорова, чтобы мясо давалось, непремѣнно, не менѣе одного фунта въ сутки на человѣка, не исключая и въ постные дни, а также чтобы оно было всегда свѣжее и хорошаго качества..

«Вмѣняю также въ обязанность начальникамъ частей обращать должное вниманіе на сохраненіе въ надлежащей исправности во вѣранныхъ имъ частяхъ какъ холоднаго, такъ особенно огнестрѣльнаго оружія, а равно и на умѣнне подвѣдомственными имъ нижними чинами обращаться съ своимъ оружіемъ.

«Дабы казачьи сотни во время похода находились постоянно въ возможно-полномъ составѣ, предписываю какъ главному начальнику отряда и начальнику кавалеріи, такъ и сотеннымъ начальникамъ, имѣть постоянно наблюденіе, чтобы отъ казачьихъ сотенъ не дѣлался нарядъ вѣстовыми къ лицамъ и мѣстамъ, коимъ таковыхъ не положено имѣть по закону, а также и въ другія нестроевыя должности.

«Главному же начальнику отряда предлагаю, передъ выступленіемъ изъ Эмбенскаго поста, утвердить нарядъ вѣстовыхъ, какъ отъ пѣхоты, такъ и отъ казаковъ и батареи, въ отрядный штабъ, управленія онаго и въ другія мѣста, ограничивъ его самою крайнею необходимостію и имѣя въ виду, что строевымъ офицерамъ дозволяется давать вѣстовыхъ изъ тѣхъ частей, въ какихъ они состоятъ, въ томъ случаѣ ежели они не имѣютъ деньщиковъ. Для того же, чтобы чины, наряжаемые вѣстовыми, не отставали отъ фронта, требовать, чтобы они перемѣнялись, ежели не каждый день, то непремѣнно чрезъ нѣсколько дней. Засимъ имѣть строжайшее наблюденіе, чтобы сверхъ утвержденного главнымъ начальникомъ отряда наряда, вѣстовыхъ ни въ какомъ случаѣ никуда не наряжать.

«Предписываю также наказнымъ атаманамъ оренбургскаго и уральскаго казачьихъ войскъ обратить строгое вниманіе, чтобы всѣ строевые казаки при выступленіи съ линіи въ степной походъ имѣли вполне способныхъ и надежныхъ къ службѣ лошадей. Для безотлагательной же замѣны на мѣстѣ строевыхъ лошадей, утраченныхъ въ походѣ казаками по случаямъ, указаннымъ въ приказѣ по военному вѣдомству 1870 г., за № 275, предлагаю наказнымъ атаманамъ отпустить изъ войскового военного капитала въ вѣдѣніе командировъ сотенъ на вышеупоми-

нудый предметъ примѣрную сумму денегъ; издержанныя же на покупку утраченныхъ лошадей деньги будутъ возвращены, на основаніи вышеупомянутаго приказа № 275, изъ экстраординарной суммы.

«Для уменьшенія обоза, слѣдующаго при войскахъ, разрѣшаю имѣть въ походѣ офицерскихъ повозокъ: генераламъ не болѣе двухъ, штабъ-офицерамъ по одной, а оберъ-офицерамъ одну на двоихъ, причеиъ предлагаю главному начальнику отряда, при выступленіи войскъ съ Эмбенскаго поста, повѣрить находящійся при нихъ офицерскій обозъ.

«Объявляя о вышеизложенномъ по войскамъ вѣреннаго мнѣ округа, остаюсь вполнѣ увѣреннымъ, что всѣ чины экспедиціоннаго отряда, высылаемаго изъ оренбургскаго военнаго округа, при соблюденіи всѣхъ изложенныхъ выше условій и строгомъ, добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей, окончатъ предстоящій имъ нелегкій походъ — вполнѣ успѣшно и со славою, исполнивъ тѣмъ священную волю Государя Императора».

Ө. Ловысевичъ.

Оренбургъ.

ИЗЪ БАЙРОНА.

I.

There's not a joy the world can give...

Что можетъ міръ въ замѣну дать того, что онъ беретъ,
Когда въ насъ чувство угасать, склоняся, начнетъ?
Румянецъ алый на щекахъ; лѣтъ много впереди, —
Но чувства нѣжные цвѣты увянули въ груди!
Теперь и тѣхъ, кто уцѣлѣлъ и всплылъ поверхъ зыбей,
На рифъ порока волны мчатъ, иль въ океанъ страстей.
Компасъ потерявъ иль вотще показываетъ путь:
Корабль разбитый не придетъ въ портъ прежній отдохнуть!
А тамъ — насъ точно смерть сразитъ: въ страданіямъ другихъ
Участія нѣтъ, и вспомнить мы страшимся о своихъ.
Источникъ слезъ замерзъ, и взоръ, хотя еще блеститъ,
Но это блескъ холодный льда, и чувство въ немъ молчитъ!
Пускай въ пирахъ проходитъ ночь и смѣхъ колеблетъ грудь —
Но имъ веселья прежнихъ лѣтъ, надежды не вернуть!
Такъ башню старую крутомъ гирляндой плющъ обвилъ:
Снаружи зелень, но подъ ней развалины онъ скрылъ!
О, если-бъ стать мнѣ тѣмъ я былъ, и чувства возвратить,
И если могъ бы снова я, какъ прежде, слезы лить —
Тогда — какъ путнику въ степи ключъ горькій даже милъ,
Такъ въ одиночествѣ своемъ я слезы бы цѣнилъ.

II.

There be none of Beauty's daughters...

Нѣтъ изъ красавицъ здѣсь, нѣтъ ни одной,
Кто бы сравнялся съ тобою!
Музыка на морѣ — голосъ мнѣ твой
Тихой ночью порою;

Музыкой той очаровано,
Стихло оно, точно сковано;
Волны въ мерцаньи дрожать,
Вѣтры, мечтая, молчать.

Мѣсяцъ полночный слегка по волнѣ
Цѣпью блестящей колышетъ;
Море, какъ будто младенецъ во снѣ,
Тихо колеблясь, чуть дышетъ.

Сердце тобой такъ смиряется,
Внемля тебѣ, восхищается
И, какъ лѣтомъ морская волна,
Грудь колеблется чувства полна.

В. Поповъ.

ЭСКИЗЫ

ИТАЛЬЯНСКАГО ОБЩЕСТВА.

II *).

Мы имѣли случай познакомить читателя съ разнообразными типами итальянской народности и съ индивидуальностью ихъ характера, какъ выработалось то и другое въ теченіи вѣковъ, подъ совокупнымъ вліяніемъ земли и ея исторіи. Намъ остается теперь очертить тѣ извѣстные слои, которые замѣчаются въ каждомъ обществѣ, но которые въ Италіи имѣютъ опять свой характеръ. Мы имѣемъ, какъ и всѣ, и аристократію, и буржуазію, и народную массу; представляя общія черты съ своими сверстниками въ другихъ странахъ, онѣ тѣмъ не менѣе своеобразны и притомъ представляютъ опять замѣтные этнографическіе отбѣнки.

Начнемъ съ нашей аристократіи.

Итальянская конституція не уничтожила дворянскихъ титуловъ, но ограничила исключительными случаями право короля награждать ими. Такимъ образомъ, революціонный писатель Джузеппе Ричарди изъ Неаполя просилъ у короля и получилъ право именоваться графомъ Камальдоли, по примѣру своего отца. Адмиралъ Персано и генералъ Менабреа получили титулъ графовъ за свои воинскіе успѣхи въ 1860 году. Генералъ Чальдини, нѣсколько лѣтъ спустя, получилъ право именоваться герцогомъ Гатскимъ. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день банкиръ Бистоджи изъ Ливорно очутился графомъ, хотя и безъ графства; самые же

---

*) См. выше: янв., стр. 296.

любіе изъ нашихъ банкировъ, съ помощью небольшой суммы, прибрѣтають право величаться баронами. Эта система знакома нашей западной сосѣдѣ Франціи, гдѣ оба императора, съ цѣлю ли унижить древнее дворянство, нежелавшее признавать дерзкихъ узурпаторовъ, или же въ силу человѣческой слабости, свойственной всякимъ выскочкамъ, напускать на себя аристократическія замашки, дабы импонировать подобострастной толпѣ, сильно злоупотребляли этой системой. Выскочки нуждались также въ придворныхъ, а было бы противно всѣмъ правиламъ приличія, если бы они поручили придворный церемоніаль обыкновеннымъ смертнымъ. Но то, что просто и понятно, когда имѣешь дѣло съ бонапартовскимъ правительствомъ, становится нѣсколько страннымъ, когда оно повторяется при такомъ правительствѣ, какъ наше, которому его подданные могутъ поставить въ упрекъ скорѣе отсутствіе всякихъ претензій на внѣшніе атрибуты королевской власти.

Что касается титуловъ личнаго отличія, тоже облагораживающихъ въ нѣкоторомъ родѣ, то въ нихъ нѣтъ недостатка въ соединенномъ королевствѣ Италіи. Наши два кавалерскіе ордена, св. Маврікія и св. Лазаря, украшаютъ грудь тысячъ двадцати итальянцевъ. Вотъ утѣшительная цифра, если только объяснять ее не щедростью правительства, но личными достоинствами такого значительнаго числа людей, признанныхъ достойными, по своей храбрости и по своей набожности, носить шпагу и эполеты, драпироваться въ красивый пунцовый плащъ, подбитый бѣлымъ, и участвовать въ этомъ костюмѣ въ извѣстныхъ церковныхъ церемоніяхъ, съ обязательствомъ служить ежедневно сокращенную обѣдню, отказаться отъ права на вторичный бракъ и поститься по пятницамъ и по субботамъ.

Если число нашихъ новѣйшихъ кавалеровъ, импровизованныхъ такимъ образомъ, никого не пугаетъ, то я охотнѣе всякаго другого готовъ признать этотъ новый титулъ не потомственного, а такъ сказать личнаго дворянства, какъ самое приличное, самое законное и самое возвышенное выраженіе современной справедливости. Но такъ какъ, благодаря серьезнымъ взглядамъ той счастливой эпохи, въ какую мы живемъ, — эпохи, свободной отъ предрасудковъ, — никто не впадаетъ больше въ смѣшную крайность, которую мы осуждаемъ въ нашихъ дѣдахъ и отцахъ, прицѣплявшихъ даже къ халату тотъ обрывокъ орденской ленточки, который напоминалъ имъ сладкую мечту о долгой и честно прожитой, трудовой, полезной жизни, и который не позволялъ имъ проходить незамѣченными, при концѣ своихъ дней, среди праздной и бессмысленной толпы, — такъ какъ теперь весьма трудно

угадать, напимѣрь, что не ростовщикъ или какой-нибудь кутила тоже сдѣлался *probus miles*,—то я и воздержусь отъ составленія статистики новымъ итальянскимъ дворянамъ. Я ограничусь лишь указаніемъ на тѣ достоинства, которыя я еще усматриваю въ нашей старинной аристократіи, не взирая на то, что она осмѣяна, отгѣснена на задній планъ и, повидимому, осуждена жить только своимъ прошлымъ и ничего не общаетъ намъ въ будущемъ.

И тутъ, помимо воли, мнѣ приходится заняться этнографіей. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя себѣ представить итальянскаго дворянства какъ однородную касту, отличающуюся одной общей фizioноміей, общимъ характеромъ и одинаковымъ значеніемъ. Если у насъ и существуетъ такая каста, которая легко поддается объединенію, то можно безошибочно назвать такой кастой буржуазію; она совершила нашу послѣднюю, удачную революцію, она составила, хорошо ли, дурно ли, наши законы, она чаще всего выступаетъ во главѣ управленія, она, такъ сказать, самая эластичная каста. Витторе Альфіери говоритъ въ одной изъ своихъ сатиръ, что она заразилась вмѣстѣ и недостатками дворянъ, и недостатками плебеевъ. Такъ какъ поэтъ-патрицій писалъ сатиры, то и разсматривалъ вопросъ лишь съ той стороны, которую ему желательно было обличить, но можно расширить его сужденіе и сдѣлать его болѣе или менѣе справедливымъ: если буржуазія заражена предразсудками дворянства и предразсудками простолюдинъ, то она не настолько сжилась съ ними, чтобы не имѣть возможности сбросить ихъ при первомъ удобномъ случаѣ съ большою легкостью. Отъ своей собственности отказываешься съ трудомъ, но легко расстаешься съ чужой собственностью, которую взялъ на-прокатъ или получилъ на храненіе. Такъ какъ у буржуазіи нѣтъ ничего своего, то ей приходится жить политикой; а политика ея заключается въ томъ, что она всюду проникаетъ, всѣмъ завладѣваетъ и умѣетъ при случаѣ всѣмъ воспользоваться. Безцвѣтная сама по себѣ, она живетъ отраженіями, куда входятъ всѣ цвѣта и всѣ оттѣнки радуги, которыми она и украшается, смотря по надобности. При помощи своего здраваго смысла, она зорко наблюдаетъ и угадываетъ направленіе вѣтра. Въ этомъ ея искусство; она соображается въ своихъ движеніяхъ съ направленіемъ вѣтра; такимъ образомъ, она оставляетъ за собой почетныя лазейки; она можетъ сегодня дѣлать видъ, что ухаживаетъ за королемъ, а завтра увѣрить народъ, что собирается взять его приступомъ въ его же дворцѣ; а мораль этой басни та, что благодаря тому, что буржуазія рѣдко прибѣгаетъ къ насилію, власть почти

всегда остается въ ея рукахъ. Эта уступчивость въ образѣ дѣйствій придаетъ буржуазіи неопѣненную силу, и, повторяю, если объединеніе Италіи станетъ дѣломъ возможнымъ, то только благодаря ей. Не отличаясь особеннымъ провинціальнымъ, оригинальнымъ впечатлѣмъ, которымъ бы дорожила, она способнѣе другихъ классовъ справедливо относиться къ другимъ и ловко ассимилировать все, что видитъ кругомъ себя.

Дѣла сложились бы иначе, если бы итальянская революція, зачатая въ Пьемонтѣ, вмѣсто того, чтобы быть буржуазной, оказалась аристократической или демократической. Нашъ аристократъ вообще привязанъ къ своему замку, какъ къ своей раковинѣ. Въ немъ сосредоточивается его жизнь, его обаяніе и его сила; всякая другая жизнь будетъ для него искусственной и тяжелой. Его традиціонная гордость препятствуетъ ему слѣдовать за теченіемъ; онъ не допускаетъ увлечь себя; онъ настолько смущенъ, чтобы понять, что міръ измѣняется и превращается вокругъ него, но не считаетъ возможнымъ отбросить традиціонные принципы и обычаи, какъ какое-нибудь старое платье. Онъ не отказывается отъ уступокъ своему времени, но желаетъ, чтобы онъ такъ и оставался уступками, причемъ не хочетъ поступиться своей гордостью. Нельзя отказать въ уваженіи такой благородной манерѣ уступать силѣ вещей, не склоняясь передъ ней. Тутъ говорить не личное, оскорбленное самолюбіе, тутъ пѣлая каста отрывается отъ историческихъ правъ, стараясь сохранить свое достоинство и не завершать своей невзгоды униженіемъ. Нашъ дворянинъ, даже падая, не забываетъ, что онъ умный человѣкъ; если онъ падъ, то потому, что пожелалъ этого; онъ предпочитаетъ улыбаться, а не роптать. Къ этой улыбкѣ примѣшивается иронія; онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что относится къ дѣлу такъ, какъ будто находитъ его забавнымъ. Обратите вниманіе на нашихъ аристократическихъ писателей, когда они удостоиваютъ говорить о народѣ и объ его правахъ; въ нихъ по большей части замѣтенъ юморъ. Они трогательно великодушны; они уступаютъ народу все то, въ чемъ не могутъ ему отказать, съ любезностью, исполненной граціи. Они дѣлаютъ видъ, что благодѣтельствуютъ своему естественному врагу и воздаютъ добромъ за зло. И въ самомъ дѣлѣ, благодаря своему утонченному воспитанію, своимъ рыцарскимъ инстинктамъ, своему честолюбивому желанію оказывать покровительство, они кончаютъ тѣмъ, что дѣлаютъ много добра, но мало-по-малу и не выдавая своей тайны. Подобная система можетъ быть примѣняема въ небольшомъ размѣрѣ и постепенно, но немыслима въ большихъ размѣрахъ и сразу. Мнѣ кажется поэтому, что было бы не только

трудно, но и невозможно осуществить итальянское объединеніе съ помощью дворянства. Къ тому же каждый дворянинъ стариннаго рода слишкомъ ревниво оберегаетъ свое собственное достоинство, чтобы не уважать чужого и рѣшиться предложить своему собрату, другому дворянину, плясать по его дудочкѣ; а между тѣмъ именно къ этому принудила одна часть итальянской буржуазіи другую часть.

Простонародье, какъ и аристократы, въ свою очередь, отличается своего рода гордостью и ревностью. Оно слишкомъ любить свой очагъ и почву, которую воздѣлываетъ, свое село и свою церковь, своего господина и своего патера, свое нарѣчіе и свои пѣсни, чтобы добровольно отказаться отъ всего этого и объединиться съ народомъ, который фабрикуется въ столицѣ. Оно лучше любить свои недостатки, чѣмъ чужія добродѣтели, и держится ихъ. Оно, можетъ быть, неправо, но до этого ему нѣтъ никакого дѣла. Оно также умѣетъ производить революціи, когда терпѣніе его истощится, но лишь затѣмъ, чтобы добиться того, что ему нужно. Оно идетъ прямо къ цѣли, не заботясь о томъ, плохая то политика или нѣтъ; оно держится своей собственной политики, а отнюдь не политики своихъ сосѣдей или своихъ согражданъ. Народъ не стоитъ ни за объединеніе, ни за провинціальную независимость; отчизна для него — это его приходъ; за его предѣлами онъ ничего не усматриваетъ, кромѣ тумана, а поэтъ сказалъ бы: мечтаній! Пѣсня знаменитаго Мамели заходитъ слишкомъ далеко, когда показываетъ народу въ вихрь археологической пыли *шлемъ Сципіона* (*l'elmo di Scipio*), призывая его къ обновленію. Иностранецъ, который въ 1848 году слышалъ, какъ съ одного конца Італіи до другого раздавалось имя Сципіона Африканскаго, конечно долженъ былъ получить высокое понятіе о впечатлительности и исторической фантазій націи, способной возстать изъ-за имени героя, о существованіи котораго она не подозрѣвала; но и это явленіе слѣдуетъ отнести на счетъ буржуазіи, которая хорошо изучила латынь въ школѣ и хорошо помнила Тита-Ливія и Вѣчный-Городъ. Пришлось будить живыхъ именемъ мертвецовъ, и если революція 1848 года не имѣла счастливаго исхода, то слѣдуетъ упрекнуть въ этомъ риторику буржуазіи (аристократія и народъ не сочиняли риторики, а потому и не любятъ ее) и безучастіе народа. Тамъ, гдѣ народъ выступалъ на сцену, какъ на улицахъ Милана, Венеціи и Рима, онъ творилъ чудеса. Въ заключеніе о революціонныхъ способностяхъ буржуазіи, признавъ за ней рѣдкое искусство направлять революціи и еще болѣе рѣдкое умѣнье ихъ переваривать, я дол-

женъ однако необходимо упомянуть о томъ, что буржуазія нуждается въ особомъ провидѣніи и въ рукахъ, которыя поднесли бы ей тѣ питательныя вещества, вкусъ и запахъ которыхъ оцѣнены ею по достоинству. Но обратимся къ нашей аристократіи.

Я сказалъ выше, что итальянская аристократія не однородна, а теперь это докажу.

Во-первыхъ, ея происхожденіе не вездѣ одинаково. Въ Пьемонтѣ дворянство почти все древнее и феодальное; оно сохранило остатки той бодрости, которой германская имперія обязана своей славой; не взирая на то, что оно предано католицизму, оно напоминаетъ нѣкоторыми своими чертами и нѣсколько суровымъ духомъ свое гибеллинское происхожденіе. Дворянство Венеціи и Генуи составляетъ аристократію въ настоящемъ смыслѣ этого слова; тамъ *optimates* превратились въ *patres conscripti* золотой книги обѣихъ республикъ. Дворянство Флоренціи, за многими исключеніями, купческаго происхожденія и его существенный характеръ составляетъ *плутократія*. Дворяне Рима, болѣе завязанные гвельфы, чѣмъ самъ папа, черпаютъ свою силу въ наслѣдіи св. Петра, которое выпало ему на долю, свое великолѣпіе въ славѣ вѣчнаго города, гдѣ ихъ господство превосходило господство самого папы. Отнимите у этихъ дворянъ ихъ обширныя владѣнія и попросите ихъ послѣдовать за своимъ законнымъ государемъ въ По,—и они превратятся въ простыхъ церемоніймейстеровъ, за весьма немногими исключеніями, какъ на примѣръ, Казтани, Одескальки, Карпенья. Неаполитанское и сицилійское дворянство частью принадлежитъ къ старинной и феодальной аристократіи, но болѣею частью воспроизводитъ передъ нами *militem gloriosum* и Донъ-Кихота. Въ сущности, хотя и предполагаютъ, что Італія особенно ревностно занята дѣломъ централизаціи, но ей никогда не удастся объединить свое дворянство, вылить его въ одну форму, и лишивъ его индивидуальности, придать ему національность. Конечно, здѣсь существуютъ, какъ и во Франціи, Англіи и въ другихъ странахъ, дворяне, которые послѣ своего села отъ души любятъ свое отечество и готовы на всякія жертвы для его благосостоянія, подобно тому какъ они приносили жертвы для его освобожденія, но изъ этихъ разрозненныхъ личностей никакъ не удастся создать одного тѣла: можно собрать матеріалы для созданія колосса, но напрасно старались бы вдохнуть въ него дѣятельную и мощную душу. Элементы, которые бы вошли въ его составъ, не были бы однородны. Прежде всего, весьма сомнительно, на примѣръ, чтобы какой-нибудь пьемонтскій дворянинъ, призванный на первый конгрессъ

итальянскаго дворянства и очутившійся рядомъ съ нѣкоторыми князьями и герцогами (безъ княжескихъ и герцогскихъ помѣстій) изъ южныхъ провинцій—захотѣлъ унизить себя, удостоивъ поклономъ такихъ титулованныхъ особъ, которыя по происхожденію своему недалеко ушли отъ знаменитаго отпрыска *Mimus albus*. Между скромными графами-судьями среднихъ вѣвовъ, которые позволяли своему нотариусу заявлять подъ ихъ собственными декретами, что имъ приходится довольствоваться простымъ изображеніемъ креста, *propter ignorantiam literarum*, и современнымъ пьемонтскимъ дворянствомъ, насчитывающимъ въ своей средѣ такія славныя имена какъ Альфьери, Сантароза, Колленіо, Кавуръ, Ламармора, Склописъ, Азеліо, Бальбо, Салуццо и многія другія, —существуетъ цѣлая бездна!

Первый добрый примѣръ былъ данъ въ прошломъ столѣтіи ломбардскимъ дворянствомъ. Бекваріа и Верри своими собственными произведеніями, меценаты Тривульціо, Аркинто, Паллавичини и Дурини, разумнымъ покровительствомъ, оказываемымъ ими ученымъ и литераторамъ, и миланское патриотическое общество, въ началѣ насчитывавшее на тридцать девять членовъ, тридцать пять дворянъ или священниковъ, своими заботами о земледѣліи начали въ Италіи новую эру. Пьемонтское дворянство въ свою очередь поняло, что истинное благородство человѣка заключается въ благородствѣ души и что умственная культура является его необходимымъ условіемъ. Оно черпало рѣдкую энергію въ твердости и прямотѣ своего характера, который часто заставлялъ его избирать своимъ девизомъ выраженіе одной упорной красавицы: *frangar, non flectar!*

Подобно тому какъ самый могущественный изъ альпійскихъ феодаловъ сдѣлался, благодаря честности, съ какою относился къ своимъ подданнымъ, владѣльцемъ всего Пьемонта; подобно тому, какъ исторія Савойскаго дома представляетъ непрерывный рядъ добрыхъ дѣяній, такъ съ трудомъ можно найти въ средѣ благородныхъ фамилій Пьемонта такую, которая бы запятнала свой дворянскій гербъ. Если мы и встрѣчаемъ въ XIV столѣтіи графовъ и маркизовъ, требующихъ отъ своихъ крѣпостныхъ позорное *jus primae noctis*; если это злоупотребленіе феодальнымъ правомъ вызывало въ Пьемонтѣ кровавыя возстанія, то упрекнуть въ этомъ приходится не столько пьемонтское дворянство, сколько неизвѣстное тогдашнее время и полное отсутствіе понятія о человѣческомъ правѣ. Но какъ только савойскіе графы явились посредниками между инсургентами и ихъ прежними господами, взиманіе налога *jus primae noctis* прекратилось. Пьемонтскіе

дворяне сгруппировались вокруг савоярскаго государя и признали его главенство. Съ той поры пьемонтское дворянство удивляло міръ своею рыцарскою преданностью. Принеся савойскимъ государямъ *osculum fidelitatis*, они постоянно раздѣляли ихъ участь и неоднократно жертвовали своимъ имуществомъ для ихъ спасенія. Савойскіе государи съ своей стороны, послѣ кровавыхъ, дорого стоющихъ и зачастую несчастныхъ войнъ, чтобы выполнить свои обязательства, отдавали все свое имущество дворянамъ и народу, такъ что если войны истощали народъ, за то прежде всего онѣ разоряли государя. Вотъ почему, не взирая на восьмисотлѣтнее царствованіе, савойскій домъ, можетъ быть, — бѣднѣйшій изъ всѣхъ фамилій, которыя царствовали и царствуютъ въ Европѣ, но за то, благодаря этой честности, онъ такъ долго могъ рассчитывать на преданность своихъ подданныхъ. Изъ того, что я сказалъ, легко угадать, что пьемонтское дворянство, въ свою очередь, не можетъ блистать богатствомъ. Къ тому же богатство и власть въ Пьемонтѣ выпадаютъ на долю главы семейства, старшаго брата, главнаго наслѣдника, къ которому переходятъ всѣ права *nobility*, между тѣмъ какъ остальные братья пользуются лишь правами *gentry*, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда отецъ семейства владѣетъ нѣсколькими дворянскими помѣстьями и титулами. Въ томъ случаѣ, напримѣръ, когда глава большой семьи будетъ въ одно время владѣть княжескимъ титуломъ и помѣстьемъ, титуломъ и помѣстьемъ маркиза, титуломъ и помѣстьемъ графа, титуломъ и помѣстьемъ барона и при этомъ имѣетъ нѣсколькихъ сыновей, то старшій сынъ получаетъ титулъ князя, второй — маркиза, третій — графа, а четвертый — барона. Если бы у него оказались и еще другіе сыновья, то имъ пришлось бы удовольствоваться титуломъ *кавалеровъ*, съ ничтожнымъ денежнымъ вознагражденіемъ или клочкомъ феодальной земли. Такъ какъ въ былое время *кавалеры* съ такими жалкими ресурсами не могли бы жить прилично своему званію, то ихъ старались зачислить въ армію короля или въ духовное званіе. Этимъ путемъ надѣялись отвратить ихъ отъ женитьбы и спасти отъ нищеты и пролетаріата: офицерамъ запрещено было жениться безъ позволенія короля, который не могъ дать этого позволенія, если жена не приносила въ приданое своему мужу по крайней мѣрѣ двадцати-четыре тысячъ франковъ. Такимъ образомъ, каждая аристократическая и многочисленная семья въ Пьемонтѣ насчитывала, кромѣ благороднаго наслѣдника, — благороднаго прелата, также и благороднаго воина. На перваго возлагалось продолженіе рода, второй посвящался Богу, чтобы замаливать грѣхи осталь-

ныхъ членовъ семьи, третій отдавался королю изъ рыцарскаго чувства, равно какъ и изъ необходимости. Если кромѣ того были и еще сыновья, и если они проявляли какую-нибудь способность и охоту учиться, то имъ разрѣшали дѣлаться докторами права и даже отправлять свою профессію, единственную, за исключеніемъ духовной и военной, которая въ глазахъ аристократіи не унижала ихъ. Если они не выказывали никакой охоты къ ученью, или же родители — въ видѣ довольно рѣдкаго, къ счастью, исключенія — отказывали имъ въ необходимыхъ для того средствахъ, то имъ приходилось увѣковѣчивать типъ довольно рѣдкой, хотя впрочемъ весьма популярный въ Пьемонтѣ — празднаго и бѣднаго кавалера, толкующаго про свободу, равенство, демократію въ лавѣхъ деревенскаго бакалейщика и проводящаго все послѣобѣденное время за игрой въ кегли вмѣстѣ съ крестьянами, когда его высокородный братецъ не нуждался въ его обществѣ для партіи въ тарокъ, — родъ парій или паразита, приносившаго въ замокъ извѣстія изъ деревни о погодѣ, помогавшаго управителю убирать жатву, а каплану служить обѣдню, въ вознагражденіе за обѣды, которыми кормилъ его старшій братъ, первенецъ его родного отца и родной матери; таковъ былъ *кавалеръ*!

Къ счастью, времена эти миновали; свобода надѣлила своими благодѣяніями даже и тѣ общественные классы, съ которыми, по видимому, находилась въ оппозиціи; кромѣ того, усилія многихъ пьемонтскихъ кавалеровъ доказать на дѣлѣ, что они равны по благородству всякимъ маркизамъ и графамъ, содѣйствовали разсѣянію многихъ предрассудковъ. Массимо д'Азеліо былъ однимъ изъ такихъ кавалеровъ. Въ своихъ «Ricordi», онъ сообщаетъ намъ, что въ Туринѣ его сочли за помѣшаннаго, когда узнали, что онъ собирается стать живописцемъ. Тогда еще не считали возможнымъ, чтобы дворянинъ занимался искусствомъ и зарабатывалъ деньги трудомъ, который смѣшивали съ трудомъ ремесленнымъ. Кавалеръ д'Азеліо предоставилъ злословить и смѣяться надъ собой и продолжалъ рисовать прекрасныя картины, за которыя получалъ много денегъ. Въ затруднительные моменты своей жизни ему приходилось не разъ благословлять свою судьбу за рѣшимость юности, которая помогала ему выходить изъ денежныхъ затрудненій, не прибѣгая къ подачкамъ своей семьи и позволила ему покинуть кресло президента совѣта министровъ, съ утѣшительной надеждой, что искусство доставитъ ему кусокъ хлѣба. Примѣромъ кавалера д'Азеліо воспользовались многіе. Нѣсколько другихъ патриціевъ въ Пьемонтѣ посвятили себя облагороженному имъ искусству живописи; упомяну лишь о графѣ Беневелло, маркизѣ Бреме, князѣ

Сартирана, баронъ Гамбе, графъ Корси, графъ Пасторисъ, которые доказали нашимъ современникамъ, что Пьемонтъ отнюдь не такой врагъ искусствъ, какъ это воображали. Вообще, можно теперь сказать, что все пьемонтское дворянство идетъ въ уровень съ вѣкомъ. Конечно, его *jeunesse dorée*, которая толпится въ извѣстные часы дня у дверей кофейни «Фіоріо» (нѣкогда бывшей кофейни «Германскаго союза») въ Туринѣ, такъ же ничтожна, какъ и всякая другая, а отъ нѣкоторыхъ старичковъ несетъ затхлымъ запахомъ могилы; но изъ этихъ двухъ категорій, первая слабосильна и не обѣщаетъ долгой жизни, а вторая — мельчаетъ съ каждымъ днемъ. Во всякомъ случаѣ, обѣ являются одиночнымъ явленіемъ, котораго легко избѣжать, если боишься сосѣдства труновъ.

Живые между пьемонтскими дворянами, сохраняя изящество манеръ, пользуются своимъ превосходствомъ надъ другими классами общества самымъ законнымъ образомъ и употребляютъ часть своего состоянія на пособія неимущимъ, а въ послѣдніе годы и на поддержку мѣстной промышленности. Они исправляютъ такимъ образомъ ущербъ, нанесенный Пьемонту неожиданнымъ и, отчасти, коварнымъ перенесеніемъ столицы королевства, — перенесеніемъ таинственно-задуманнымъ остроумнымъ флорентинскимъ министромъ и императоромъ Наполеономъ III. Когда извѣстіе о злосчастной сентябрьской конвенціи достигло до Турина, то пьемонтское дворянство не смогло сдержать вопля горести и негодованія; но тѣмъ не менѣе, оно слишкомъ любило и слишкомъ уважало своего короля, чтобы оказывать оппозицію его министрамъ, и продолжало жертвовать ему своей кровью и своими деньгами. Оно заботилось о томъ, чтобы сохранить за стариннымъ маленькимъ государствомъ всю его силу; а Римъ — столица, ему и не снился. Совсѣмъ тѣмъ, оно примирилось бы съ мыслью о новомъ центрѣ, удаленномъ отъ Альпъ, чтобы удовлетворить южныхъ итальянцевъ, съ которыми желательно было составить одну семью; оно и не подозрѣвало, что наступитъ день, когда *insalutato hospite* ихъ король покинетъ ихъ, чтобы поселиться въ тѣни дворца Ферони. Но они вскорѣ убѣдились, что король тутъ ни при чемъ и что штуку эту сыгралъ съ ними хитрый ученикъ стариннаго воспитателя Цезаря Борджіа. Они напутствовали короля своими ревностными пожеланіями и вдали отъ двора своего возлюбленнаго государя, удалились въ свои помѣстья, гдѣ занялись земледѣліемъ на пользу народа; благородная мѣсть, вполне ихъ достойная! Графъ Понца-де-Санъ-Мартино, бывший наканунѣ рьянымъ приверженцемъ абсолютизма, желая отмстить королю,

вздумалъ встать во главѣ оппозиціонной и мнимо-демократической партіи, но это ему не удалось и интриги его ровно ни къ чему не привели. Народъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы лучшимъ политическимъ вождемъ для него могъ быть патрицій, правительственная система котораго, когда онъ находился во главѣ управленія, выражалась въ одномъ словѣ «угнетеніе». Онъ понималъ, что лучшими друзьями для него будутъ тѣ дворяне, которые, вмѣсто того, чтобы возбуждать его противъ флорентинскаго правительства, своимъ примѣромъ доказывали ему, что можно жить вдали отъ правительства, и заботиться о своихъ собственныхъ нуждахъ помощью дѣятельнаго, честнаго и разумнаго труда.

Нельзя представить себѣ ничего демократичнѣе по своему происхожденію, своей исторіи и своему характеру, какъ флорентинское дворянство. Если существуетъ въ мірѣ страна, гдѣ за дворянскими титулами мало гоняются и мало чванятся ими, такъ это Тоскана. И здѣсь, конечно, есть графы и маркизы, но такъ какъ не народъ надѣлилъ ихъ этими титулами (а исторія Тосканы, не взирая на неоднократное существованіе насильственно навязанной монархической власти, оставалась существенно демократической), то они не признаются и фигурируютъ въ весьма рѣдкихъ, совершенно официальныхъ случаяхъ, и можно почти сказать, контрабанднымъ образомъ.

Флорентинскій народъ, не взирая на всю свою испорченность, сохранилъ отъ старинной республики глубокое презрѣніе къ преимуществамъ рожденія. Въ тринадцатомъ столѣтіи онъ постановилъ, что для того, чтобы принимать участіе въ управленіи, необходимо принадлежать къ какой-нибудь аристократической корпораціи; въ четырнадцатомъ столѣтіи, онъ приказалъ разрушить всѣ замки, которыми дворяне владѣли на разстояніи двадцати миль отъ Флоренціи. Феодальное дворянство почти совсѣмъ исчезло при республикѣ; если мы еще видимъ въ настоящее время кое-какіе остатки его, то лишь благодаря Медичи и лотарингскому дому, которые не только прекратили преслѣдованіе, но старались различными уступками привязать къ себѣ это совершенно ничтожное дворянство въ Тосканѣ, гдѣ учрежденія и нравы враждебны ему. То, что я говорю, не относится до дворянъ, которые могли укрыться въ феодальныхъ помѣстьяхъ, изъятыхъ изъ-подъ власти могущественной флорентинской демократіи, и такимъ образомъ сохранили часть своей средневѣковой силы и независимости. Бароны Ривазоли, де-Броліо принадлежатъ къ ихъ числу, за то они нисколько не походятъ на остальныхъ тосканскихъ дворянъ, и народъ, который не стѣсняясь зоветъ маркиза Джинно Кашпони

просто-на-просто *sor Gino*, не рѣшится звать де-Бролио иначе какъ *барономъ*, хотя послѣдній, подчиняясь обычаямъ мѣстной аристократіи, открылъ въ своемъ дворцѣ, во Флоренціи, складъ винъ изъ своего погреба, который, говорятъ, превосходенъ. Оба рода дворянства сталкиваются на одной общей почвѣ, а именно торговлѣ, которая составляетъ настоящій источникъ силы современной тосканской аристократіи; на этой почвѣ всѣ три общественныя касты сливаются въ одинъ народъ, въ одну демократію.

Говорятъ, что Каппони ввели во Флоренцію въ 1216 г. шелководство или, по крайней мѣрѣ, значительно усовершенствовали его. Слѣдовательно, торговля была первымъ источникомъ ихъ могущества и благородства; но они не только не воспользовались имъ съ тѣмъ, чтобы задушить свободу, но употребляли свое вліяніе на защиту, благосостояніе и славу своей дорогой республики. Бывшіе купцы сдѣлались государственными дѣятелями, учеными, и воинами; одинъ историкъ прозвалъ ихъ флорентинскими Сципіонами. Благодаря Каппони, Пиза подпала власти Флоренціи; Козимо и Лоренцо Медичи не могли завладѣть абсолютной властью, король Карлъ VIII принужденъ былъ уважать республику; Джинно, Нери и Піетро Каппони покрыли славой свой родной городъ и гораздо болѣе облагородили свою фамилію, чѣмъ титулъ маркиза, дарованный ихъ потомкамъ. Послѣдній представитель этого славнаго семейства, маркизь Джинно Каппони, является въ теченіи 60 лѣтъ щедрымъ литературнымъ меценатомъ въ Тосканѣ.

Другіе флорентинскіе купцы стали дворянами; знаменитый Лука Питти былъ произведенъ въ кавалеры народомъ, за великія услуги, оказанныя имъ республикѣ, пока онъ былъ гонфалоньеромъ. Онъ получилъ въ даръ 20,000 дукатовъ и нажилъ баснословныя суммы, но истратилъ все свое имущество на то, чтобы уерасить Флоренцію чудомъ между дворцами, извѣстнымъ подъ именемъ дворца Питти, который служилъ впослѣдствіи жилищемъ великихъ герцоговъ Тосканскихъ и перваго итальянскаго короля.

Строцци, прославившіеся своей распрей съ Медичи, были также купцы; они сумѣли сдѣлать благородное примѣненіе изъ своего колоссальнаго богатства. Дворецъ Строцци свидѣтельствуетъ объ ихъ вкусѣ и щедрости и многіе члены ихъ фамиліи выказали способности и любовь къ литературѣ и искусствамъ. Сами Медичи, эти богатые купцы, сдѣлавшіеся знаменитыми государями, были самыми щедрыми и самыми просвѣщенными изъ государей своего времени и если нанесли громадный ущербъ свободѣ, за то связали свое имя съ памятниками искусства, которые будутъ служить вѣчной славой свободной и нѣсколько праздною

Тосканѣ нашего времени. Въ нашемъ столѣтїи Ридольфи и Альбицци много сдѣлали для земледѣлія, Антинори для науки, Джинори для промышленности, Дегори по части экономическихъ учреждений и вообще можно сказать, что плутократическое дворянство Тосканы всегда полезно примѣняло свое вліяніе и богатство.

Въ Пьемонтѣ *noblesse oblige*; въ Тосканѣ богатство облагораживаетъ; но въ южныхъ провинціяхъ дворянство, исключительно ревнующее о своихъ старинныхъ феодальныхъ привилегіяхъ, напугано ходомъ человѣческаго прогресса и горюетъ объ отсутствіи двора, при которомъ оно могло бы влечить свое бесполезное и эгоистическое существованіе и щеголять своимъ отжившимъ *bon ton*. Быть можетъ, ихъ лонгобардскіе, нормандскіе, швабскіе предки и были храбрецами и завоевали эту великую территорію путемъ побѣдъ надъ греками и сарацынами; но они освободили отъ послѣднихъ страну лишь затѣмъ, чтобы подѣлить ее между собой и съ тѣхъ поръ брались за оружіе лишь для защиты своихъ феодальныхъ злоупотребленій. Они также по временамъ протестовали и возставали противъ своихъ государей, но лишь затѣмъ, чтобы помѣшать народу, задавленному ими, получить хоть какія-нибудь права. Заговоръ бароновъ при аррагонской династіи, заговоръ дворянъ противъ Мазаниелло при вице-короляхъ испанскихъ, ихъ подобострастный образъ дѣйствій при Бурбонахъ, покровительство, оказываемое нѣкоторыми изъ дворянъ бандитамъ, послѣ революціи 1860 г., достаточно доказываютъ недостатокъ благородства въ этой южной аристократіи. Разумѣется, существуютъ исключенія, особенно въ Сициліи, гдѣ Торреарсо, де-Грегорио, Рудини, князя Галати и другіе знаменитые патриціи не только не реагировали противъ прогресса, но посвятили часть своихъ богатствъ и своего досуга дѣлу цивилизаціи и свободы. Совсѣмъ тѣмъ, хотя подобныя исключенія весьма почтенны и могутъ возбудить въ насъ надежду, что все южное дворянство, возвысившись до такого же уровня, окажетъ со временемъ такіе же услуги странѣ, но это не должно ослѣплять насъ относительно того зла, какое оно приносило въ прошедшемъ и приносить въ настоящемъ. Бѣдный Неаполь и бѣдная Сицилія! что случилось бы съ ними, если бы имъ приходилось разсчитывать только на своихъ патриціевъ. Число послѣднихъ, правда, незначительно, но вліяніе ихъ на народъ всегда было пагубно. Невѣжественные и лѣнныя выше всякаго описанія, они поощряютъ невѣжество и лѣнность народа, чтобы лучше эксплуатировать его. Такимъ образомъ, народъ въ Неаполѣ и Сициліи остается такимъ же низкимъ, какъ и его аристократія, эгоистическая, дерзкая и грубая. Не будучи въ этихъ

провинціяхъ буржуазіи, въ нихъ невозможенъ былъ бы никакой прогрессъ, никакая культура, никакая цивилизація. Только этому классу, какъ мнѣ кажется, предназначено освободить южное общество; его философы, юрисконсульты, депутаты, журналисты, артисты, школьные учителя внесутъ просвѣщеніе и прогонятъ средніе вѣка, злоупотребленія, привилегіи, предрасудки которыхъ еще настолько сильны, что заглушаютъ всякую жизнь. Благодаря ихъ усиліямъ, южныя провинціи на дѣлѣ сольются съ остальной Италіей и заодно съ ней пойдутъ по пути прогресса и цивилизаціи.

III.

Разсмотримъ теперь ближе характеръ и историческое значеніе буржуазіи въ современной Италиі.

Есть большое различіе между двумя, повидимому, однозначными словами: *bourgeois*, которое происходитъ отъ *bourg*, и *citoyen*, корнемъ котораго служить *cité*. Говоря такъ, я, конечно, не дѣлаю никакого открытія, но дѣло въ томъ, что *bourg* всегда означало нѣчто незначительное, а *cité*—нѣчто крупное; *bourg* не имѣлъ права окружать себя стѣнами (*domogum congregatio, quae mugo non clauditur*, согласно опредѣленію среднихъ вѣковъ), потому что у него нѣтъ вольностей, которыя бы ему приходилось защищать. Бургъ переходитъ безразлично отъ одного господина къ другому; онъ всегда играетъ второстепенную роль и никогда не возвышается до самостоятельности. Напротивъ того, *cité*, ревнуя о своихъ правахъ и о своей независимости принимаетъ всѣ необходимыя мѣры для самообороны, къ тому, чтобы помѣшать вторженію всякаго элемента, враждебнаго ея органической свободѣ, привольному развитію ея внутренней жизни. Все это отразилось и на характерѣ самихъ обывателей. *Bourgeois* (мѣщанинъ) остороженъ; *citoyen* (гражданинъ) смѣлъ; «мѣщанинъ» охотно готовъ служить тремъ четвертямъ рода человѣческаго, лишь бы ему дали вволю повластвовать надъ остальною четвертью; «гражданинъ» самъ распоряжается и служить лишь самому себѣ. Первый добивается многого, употребляя извилистые пути; второй прямо направляется къ цѣли и раздражается всякимъ препятствіемъ, которое можетъ остановить его и задержать. Гражданинъ знаетъ, чего онъ хочетъ, потому что его волѣ приходится иногда бороться съ подводными камнями и ему случается претерпѣвать жестокія испытанія, прежде чѣмъ достигнуть берега. Буржуа дѣйствуетъ такъ, какъ ему удобно: — Здѣсь не пропускаютъ! — Ну,

что же дѣлать!!—онъ отступаетъ назадъ, выжидаетъ другого болѣе удобнаго случая, онъ довольствуется малымъ, онъ охотно идетъ на сдѣлки, онъ принимаетъ всякія мѣры; посылаетъ жену и дочерей въ церковь молить Бога и Мадонну о помощи, а тѣмъ временемъ, памятуя старинную пословицу: «на Бога надѣйся, самъ не плошай»,—начинаетъ дѣйствовать изподтишка. Онъ разъ узнаетъ, нѣтъ ли сильныхъ міра, которымъ можно сдѣлать какое-нибудь одолженіе; нельзя ли примирить кого-нибудь, устранить какія-нибудь затрудненія, сгладить недоразумѣнія и т. п.

Въ наше время итальянскій буржуа, пойманный въ изгибномъ стремленіи къ оппозиціи, неидущей впрочемъ далѣе фронтдерства, изворачивается въ такомъ родѣ:

— Какъ! господинъ министръ, вы думали, что моя газета враждебна вашей администраціи? Нисколько, господинъ министръ; я возставаю не противъ васъ, но противъ системы. Что касается лично васъ самихъ...

И на слѣдующій день министръ предоставляетъ X, лояльному и вліятельному журналисту, мѣсто, котораго онъ давно уже желалъ.

Другой дуэтъ: — Послушайте, господинъ мэръ, устройте мнѣ это, и я вамъ общаю...

— Чтѣ вы можете мнѣ обѣщать? Не вы ли постоянно и громче всѣхъ ругали мое управленіе?

— Прежде, можетъ быть; я былъ тогда очень неопытенъ и сражался въ рядахъ безумной демократіи; мои нападки относились не къ вамъ. Теперь всѣмъ извѣстны ваши способности, господинъ мэръ, и я только удивляюсь... я знаю, что вы не дорожите подобными пустяками... но, откровенно говоря, я просто удивляюсь, что правительство еще не предложило его величеству прислать вамъ орденъ...

На другой день кандидатъ Y успѣваетъ пройти на выборахъ, благодаря содѣйствію мэра, котораго три года тому назадъ онъ хотѣлъ свалить, ради торжества демократическаго дѣла.

А вотъ еще: — Не воображайте, графъ, чтобы это легко было сдѣлать; законъ равенъ для всѣхъ, какъ вамъ извѣстно.

— Я это знаю, но знаю также, что вы образецъ сборщиковъ податей; прошу васъ только помнить, что я хлопочу не о какой-нибудь привилегіи; я доказываю только, что мои доходы оценены не вѣрно и выше того, что они дають въ дѣйствительности. Я желаю только, чтобы проверили эту оценку.

— По правдѣ сказать, графъ, это дѣло агента; но я желаю вамъ заняться вашимъ дѣломъ и устроить его къ вашему удовольствію.

— Благодарю васъ, вы право очень обязательны...

— О, графъ, не говорите этого; вся честь съ моей стороны; желать бы имѣть возможность оказать вамъ какую-нибудь мѣ-
ше незначительную и болѣе существенную услугу. Кстати! изви-
ните, если осмѣлюсь васъ побеспокоить; мнѣ говорили, что вы
волили своего секретаря; такъ какъ я могу свободно распола-
гать своимъ вечеромъ, то если у васъ нѣтъ въ виду другого
словѣка, я былъ бы счастливъ...

И вотъ, близорукій графъ попадаетъ въ западню, разстав-
ленную ему дальнорукимъ буржуа. Еще примѣръ.

•*Конфиденціально.* Милый другъ! такъ какъ наши торговля
ѣла очень расширились и вынуждаютъ къ частой перепискѣ, кото-
рая влечетъ довольно значительный почтовый расходъ, то мнѣ ка-
жется, что стоить обратить на это вниманіе и принесть способъ
ократить ихъ. Итакъ, я васъ спрашиваю: нельзя ли намъ обо-
дно уклониться отъ этихъ непроезжихъ издержекъ. Вы
знаете, милый другъ, что депутатамъ и сенаторамъ разрѣшено
получать письма, неоплаченные на почтѣ. Вы знаете, что де-
путатамъ и сенаторамъ можно посылать по почтѣ даромъ все,
то угодно, даже тюки. Нѣтъ ли въ нашемъ городѣ какого-ни-
будь депутата или сенатора, съ которымъ вы были бы настолько
зрѣлки, чтобы посылать ему вашу товаръ? Что касается меня,
то добрейшій депутатъ N, живущій въ вашемъ городѣ, мой хо-
лющій пріятель, охотно согласится оказать мнѣ эту маленькую
услугу» и т. п.

Само собой разумѣется, что подобные депутаты и сенаторы
оставляютъ въ Италіи столь же рѣдкое, сколько позорное исклю-
ченіе; но такъ какъ все же таковыя существуютъ, то буржуазное
чувство счумѣло ихъ выслѣдить.

Дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ департаментовъ. Я вхожу
и почтительно снимаю шляпу. Сторожъ глядитъ на меня, но не
встаетъ съ мѣста, и вытянувъ ноги, подперевъ рукою голову,
отяжѣвшую отъ глубокихъ думъ и государственныхъ заботъ,
продолжаетъ нѣжиться въ креслѣ, которое нѣкогда убаюкивало
сладкіе бюрократическіе сны начальника отдѣленія.

Я подхожу къ нему и спрашиваю: можно ли видѣть началь-
ника отдѣленія?

— Черезъ часъ, отвѣчаетъ сухо сторожъ, недовольный тѣмъ,
что я нарушилъ его размышленія, и поворачиваетъ голову въ
другую сторону, вѣжливо давая мнѣ понять, что онъ съ удо-
вольствіемъ повернулся бы ко мнѣ спиной. Я ухожу и возвра-

щаюся въ назначенный часъ съ однимъ замѣчательнымъ ученымъ иностранцемъ.

Сторожъ на этотъ разъ былъ на ногахъ и медленно прогуливался вдоль прихожей: онъ увидѣлъ меня, узналъ, однако удостоилъ вторично спросить, что мнѣ угодно. Я ему сказалъ. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ, затѣмъ прибавилъ:—Теперь у него есть посѣтители. Мы терпѣливо ждемъ. Наконецъ, черезъ полчаса сторожъ рѣшился тронуться съ мѣста и идти разыскивать начальника отдѣленія; послѣдній готовился оставить департаментъ. Извѣстie о нашемъ приходѣ ему было непріятно, но такъ какъ еще не наступилъ часъ, когда занятія служебными обанчиваются, то онъ удостоилъ освѣдомиться: кто мы такіе, и съ видомъ усталого Юпитера нырнулъ въ свое необъятное кресло.

Цѣлью моего посѣщенія было представить начальнику отдѣленія моего знаменитаго чужеземнаго гостя, который желалъ лично ознакомиться съ ходомъ дѣлъ въ различныхъ отрасляхъ управленія въ Італіи. Сторожъ пошелъ впередъ и пробормоталъ, какъ съумѣлъ, наши имена. Затѣмъ вернулся и вѣжливо попросилъ насъ войти. Уходя, онъ поклонился такъ низко и такъ подобострастно начальнику отдѣленія, что намъ обоимъ стало противно глядѣть на него. Начальникъ отдѣленія, когда я представилъ ему иностранца, удостоилъ его улыбки и попросилъ садиться. Самъ онъ не вставалъ при нашемъ появленіи и во все время нашего визита сохранялъ невозмутимый апломбъ. Когда онъ узналъ, что иностранецъ пріѣхалъ изучать нашу административную систему, то вообразилъ, что ему представляется отличный случай просвѣтить варвара, и, начавъ съ административной азбуки, кончилъ гнусливымъ изложеніемъ всѣхъ нашихъ административныхъ промаховъ, которые онъ представлялъ, какъ послѣднее слово науки управленія. Рѣчь почтеннаго начальника отдѣленія перешла подъ конецъ въ эпическій тонъ, такъ что мы уже не слышали его словъ, а внимали звукамъ его торжественнаго голоса. Такъ какъ вѣжливость обязывала насъ во всякомъ случаѣ поблагодарить его за трудъ, который онъ на себя принималъ, то добрякъ совсѣмъ разцвѣлъ, всталъ во весь ростъ и прощаясь съ нами завѣрялъ ученаго иностранца, что если послѣднему снова понадобятся его *сводня*, то онъ найдетъ его въ департаментѣ въ извѣстные, опредѣленные часы.

Вотъ она, буржуазія!

Иностранецъ спросилъ меня: всѣ ли наши высшіе чиновники такъ умны и любезны.—Бываютъ исключенія, но рѣдко, вынужденъ былъ я ему отвѣтить. Въ сущности, они славные люди, но

ало образованы и ничего не понимают, кромѣ служебнаго порядка, единственной вещи, которую они хорошо изучили. Ихъ амонадѣянность есть слѣдствіе самодовольства, которое овладѣваетъ каждымъ чиновникомъ, когда онъ добьется конечной цѣли своихъ стремлений,—кресла начальника отдѣленія. Пока онъ не достигнетъ этого мѣста, онъ пресмыкается и давитъ всякого, кто ему попадаетъ на пути или кто желаетъ обогнать его. Достигнувъ вершины своихъ желаній, онъ подымаетъ носъ и торжествуетъ. Министръ, правда, выше его; но министр мѣняется; министр преходящъ; онъ же въ своемъ царствѣ не имѣетъ конца и кажется безсмертнымъ. На долю министра выпадаетъ отвѣтственность; на его же долю—власть. Какое ему дѣло до прогресса, до общаго блага, до науки, свободы и всѣхъ этихъ великихъ словъ: онъ достигъ своего идеала, все остальное представляется ему бесплоднымъ. Геркулесовы столпы буржуазіи возвышаются у шеститысячнаго жалованья, отпускаемаго начальникамъ отдѣленія; затѣмъ—пустота!

Бюрократія—это первенствующая страсть нашей буржуазіи. Всякій буржуа, вообще, добрый мужъ и добрый отецъ семейства. Его главнѣйшая забота заключается въ томъ, чтобы обезпечить себѣ опредѣленный доходъ, на основаніи котораго онъ могъ бы распредѣлить въ новый годъ свой домашній бюджетъ, а ужъ концы съ концами онъ сѣумѣетъ свести—объ этомъ не беспокойтесь. Въдъ въ буржуазной жизни дни идутъ за днями съ строгой однообразностью, за исключеніемъ нѣкоторыхъ торжествъ, когда люди позволяютъ себѣ нѣкоторыя излишества. Такъ, напримеръ, наканунѣ родительской субботы всѣ родственники собираются за ужиномъ въ честь покойниковъ; въ Рождество за обѣдомъ подается жареная индѣйка, а дѣтямъ дѣлаются крохотные подарки, которые яко-бы приносить младенецъ-Христосъ другимъ младенцамъ. Въ новый годъ опять подарки. Въ крещеніе—обычный пирогъ. На масленицѣ предстоитъ: посѣщеніе оперы, посѣщеніе комедіи и театра маріонетовъ для маленькихъ дѣтей и балъ для взрослыхъ дѣвицъ. На пасхѣ—обѣдъ. Затѣмъ, еще подарки въ день именинъ папеньки, маменьки, дядюшекъ, тетюшекъ, братьевъ, сестрицъ, дѣтей, словомъ, всей семьи; обѣдъ въ годовщину свадьбы папеньки и маменьки; по воскресеньямъ же лишнее блюдо за обѣдомъ. Всѣ эти церемоніи трогательны, не отрицаю, но умиленіе всѣхъ родственниковъ по опредѣленнымъ днямъ въ концѣ концовъ набиваетъ оскомину; а всѣ эти чувствительныя слезы, заранѣе предусмотрѣнныя добрымъ папенькой въ ежегодномъ бюджетѣ, поистинѣ могутъ бросить въ дрожъ нескромныхъ

смертныхъ, которые злоупотребили бы этимъ избыткомъ наслаждений.

Такъ какъ у буржуазнаго отца семейства есть прекрасная привычка все предвидѣть въ своемъ бюджетѣ, то онъ имѣетъ также право рассчитывать на опредѣленный доходъ, а въ этомъ отношеніи ничто не представляется ему такимъ вѣрнымъ, какъ служба. На службѣ, онъ увѣренъ: 1) что онъ не изведется отъ чрезмѣрнаго труда; 2) что праздничные дни будутъ у него свободны и онъ можетъ проводить ихъ въ кругу своего добродѣтельнаго семейства; 3) что ему ежегодно будутъ давать двухмѣсячный отпускъ; 4) что характеръ его занятій не будетъ требовать отъ него слишкомъ большого умственнаго напряженія, такъ что ему нельзя опасаться воспаления въ мозгу; 5) что достаточно будетъ въ теченіе двадцати или тридцати лѣтъ нагрѣвать одно и то же кресло и всегда говорить начальству *да*, а подчиненнымъ *нѣтъ*, чтобы съ увѣренностію рассчитывать на дальнѣйшую карьеру и на то, что въ данное время придется просунуть ленточку въ свою петличку; 6) что ни градъ, ни гроза не лишатъ его жалованья; 7) что конецъ его поприща будетъ увѣнчанъ долгимъ, покойнымъ существованіемъ отставнаго чиновника, получающаго пенсію. Шутка ли, сколько радостей!

Не удивительно, послѣ этого, что даже нѣкоторые захудалые члены дворянства и нѣкоторые люди изъ народа, которымъ предназначено выдѣлиться изъ толпы, стремятся порою достигнуть прочнаго, беззаботнаго и почетнаго положенія чиновника.

За то нѣтъ ничего забавнѣе, какъ видѣть нашего буржуа-чиновника въ припадкѣ либерализма, вовсе ему несвойственнаго: непремѣнно дѣло кончится чепухою. Вотъ вамъ одинъ случай.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ моихъ пріятелей-буржуа вдругъ пристрастился къ социалистическимъ идеямъ. Въ одинъ... весьма не прекрасный для него день онъ задумалъ основать типографію на началахъ ассоціаціи, и призвавъ къ себѣ пятерыхъ рабочихъ, сказалъ имъ: «Вотъ, братцы, капиталъ, который мнѣ принадлежалъ; теперь онъ мнѣ болѣе не принадлежитъ. Я основываю типографію; ступайте работать въ нее; будемъ трудиться заодно; будемъ сообща эксплуатировать мертвый капиталъ, который принадлежитъ всѣмъ и никому; я буду исать заказы для типографіи, буду руководить литературной и артистической стороною дѣла; я буду такимъ же работникомъ, какъ вы, только трудъ мой будетъ нѣсколько иной. Что касается барыша, то мы его станемъ дѣлить между собой поровну. Я буду довольствоваться такимъ же заработкомъ, какъ и вы, а такъ какъ въ пер-

вое время трудъ, быть можетъ, не въ состояніи доставить вамъ средствъ, необходимыхъ для существованія, то я согласенъ на это время открыть для васъ кредитъ, пока заведеніе станетъ давать такіе барыши, что ихъ будетъ достаточно для вашихъ нуждъ. Что вы на это скажете?»

Рабочіе поглядѣли другъ на друга, затѣмъ, улыбнувшись вмѣсто всякаго отвѣта, пожали плечами и собрались-было уходить. Предложеніе, повидимому, ихъ испугало. Мой другъ удержалъ ихъ, и въ концѣ концовъ они его признали главнымъ хозяиномъ, а себѣ отвѣли опредѣленное мѣсто, съ опредѣленнымъ жалованьемъ. Одинъ сдѣлался техническимъ директоромъ; другой—начальникомъ первой партіи наборщиковъ; третій—начальникомъ второй партіи наборщиковъ; четвертый произвелъ себя въ начальники машинистовъ; пятый—въ начальники переплетчиковъ: итакъ, оказалось цѣлыхъ пять начальниковъ, не считая владѣльца типографіи, *chef par excellence*; однимъ словомъ, ассоціація сложилась—по образу и подобию департамента! Спустя мѣсяцъ, я посѣтилъ заведеніе моего бѣднаго друга; онъ точно также быстро разочаровался въ своихъ социалистическихъ фантазіяхъ и былъ совсѣмъ разстроенъ.

— Ну, какъ идетъ твоя социальная реформа? спросилъ я его.

— Оставь меня въ покоѣ, отвѣчалъ онъ, если я проживу еще съ мѣсяцъ среди этихъ лѣнтяевъ, — у меня голова пойдетъ крутомъ.

— Что ты говоришь! какъ! да вѣдь это все славные рабочие....

— Погляди на нихъ теперь, и тогда, быть можетъ, ты меня пожалѣешь.

Дѣйствительно, хаосъ! и самый первобытный.

Мнѣ очень хотѣлось подтрунить надъ моимъ другомъ, но не хватило духу; въ виду его кислой фیزیономіи, я въ свою очередь насупился и вышелъ изъ типографіи мрачный, какъ ночь. Картина, которую показалъ мнѣ мой другъ, убѣдила меня въ двухъ истинахъ. Первая нисколько не интересна для читателей, а именно: что мой бѣдный другъ не годился въ хозяева, но какъ истый буржуа, полагалъ, что быть хозяиномъ и быть директоромъ департамента одно и то же; вѣдь дѣлаютъ же всякаго директоромъ, почему же мнѣ самому себя не сдѣлать хозяиномъ;—вторая, болѣе важная, что буржуазія, того и гляди, сообщитъ свои вкусы народу, благодаря тому, что нашъ буржуа и въ самый социализмъ умѣетъ вносить свои бюрократическія привычки и вездѣ видитъ возможность поиграть въ начальники. Быть можетъ, я

придаю здѣсь слову *буржуазный* непривлекательный смыслъ, котораго оно не имѣетъ въ другихъ странахъ, но въ Италіи это такъ. Подъ словомъ *буржуазный* у насъ нужно подразумѣвать *пошлое, вулгарное*. Я вовсе не желаю укорить средніе классы нашего общества; я знаю, что они самыя многочисленные, самыя живучіе, самыя производительныя. Но нашимъ среднимъ классамъ присущъ одинъ порокъ, который заражаетъ его, какъ язва; этотъ порокъ есть *вулгарность*, укрывающаяся подъ именемъ буржуазіи. Среди нашихъ плодородныхъ хлѣбныхъ полей живетъ ядовитый грибокъ, быстро размножающійся; этотъ грибокъ есть умѣренный буржуа, утилитаристъ, бюрократъ, педантъ, эгоистъ. Слѣдуетъ его вырвать и замѣнить полезнымъ гражданиномъ съ горячимъ сердцемъ, впечатлительнымъ умомъ, трудолюбивымъ, восторженнымъ, вѣрующимъ въ будущее, стремящимся *достичи идеала*, а не обезпечить одно свое матеріальное положеніе. Солодъ итальянскаго общества — солодъ по преимуществу буржуазный. Такой порядокъ дѣлъ, такая арена для бюрократизма не можетъ существовать вѣчно; но для того, чтобы она не просуществовала слишкомъ долго, необходимо ее изобличить.

IV.

Между городскимъ населеніемъ и населеніемъ сельскимъ у насъ существуетъ цѣлая бездна; городское населеніе завидуетъ образу жизни буржуазіи; сельское населеніе стремится къ болѣе солидному — а именно желаетъ завладѣть землею разорившагося дворянства. Городское населеніе точно также несетъ тяжелое бремя налоговъ, тяготящее надъ всѣмъ королевствомъ; сельское населеніе мирно наваливаетъ это бремя на землевладѣльца, котораго старается всякими хитростями домашняго издѣлія отвратить отъ его помѣстья. Землевладѣлецъ въ замѣтъ платитъ и зѣваетъ; земледѣлецъ копить деньги и распѣваетъ пѣсни. Въ городахъ народъ больше не поетъ. Ему приходится отказывать себѣ въ винѣ, съ тѣхъ поръ какъ оно стобитъ слишкомъ дорого, но онъ не отказываетъ себѣ въ праздникахъ и зрѣлищахъ; онъ скорѣе откажетъ себѣ въ хлѣбѣ, чтобы сохранить за собою наслажденія *circenses*, — до того крѣпко засѣла въ нашемъ городскомъ населеніи любовь къ общественнымъ развлечениямъ. Эта любовь содѣйствовала отчасти созданію тѣхъ популярныхъ типовъ, которые подъ маской стали каррикатурой различныхъ итальянскихъ населеній. Говорю — каррикатурой, а не характеристичной фізіо-

номіей, потому что было бы несправедливо судить о нашемъ народѣ по тѣмъ маскамъ, которыя онѣ носить. Въ этихъ типахъ есть вѣрныя черты, которыя Морисъ Зандъ хорошо подмѣтилъ, но они не безусловно правдивы. Можно было бы, напримѣръ, отчаяться въ Тосканѣ, если бы всѣ тосканцы были похожи на свой пресловутый флорентинскій типъ *Stenterello*. Какъ и они, этотъ послѣдній охотно смѣется надъ всѣмъ въ мірѣ и надъ самимъ собой; какъ и они, онѣ старается въ своемъ образѣ дѣйствій отличиться скорѣе хитростью, чѣмъ нравственностью. Но онѣ клеветаютъ на тосканцевъ, когда является трусомъ, подлымъ, сребролюбивымъ, обжорой, воромъ, подобострастнымъ, лживымъ, и я удивляюсь, что сами тосканцы, — по крайней мѣрѣ жители Пизы, Сіены, Ливорно и Пистойи — давно не казнили его или по меньшей мѣрѣ не преобразили его, какъ это сдѣлали весьма ловко пьемонтскіе буржуа, присвоивъ идеи независимости и единства, допущенныя при дворѣ и въ министерствѣ, совершенно ничтожному типу *Gianduja*, доброму малому, охотнику выпить, поврать, пошутить, но неспособному ни сдѣлать низость, ни выдумать порока, — честному слугѣ, который не смѣетъ трусить. Въ этомъ типѣ нѣтъ элементовъ для героя, но сущность его была почтенная и съ доброй волей можно было сдѣлать изъ него храбреца и даже надѣлать его извѣстною степенью ума. Легкость, съ какою *Gianduja* преобразовался и усовершенствовался, заставляетъ насъ надѣяться, что онѣ усовершенствуется еще и далѣе, и позволить намъ предсказать ему блестящую будущность. Пожелаемъ теперь такого же превращенія и еще болѣе остроумнаго, если возможно, флорентинскому *Stenterello* и неаполитанскому *Pulcinella*. Такое превращеніе будетъ хорошимъ предназначениемъ для Италіи, и въ тотъ день, когда оно совершится, на берегахъ Арно и у подошвы Везувія повѣетъ болѣе живительнымъ воздухомъ.

Что касается манеры себя держать, то утѣшительно, что нашъ народъ, хотя и стоитъ ступенью ниже, чѣмъ буржуа, однако держитъ себя съ болѣе чувствомъ собственного достоинства, чѣмъ эти послѣдніе. Во-первыхъ, пріятно слышать въ Римѣ, въ Асколи, въ Абрुццахъ, какъ народъ говорить всѣмъ «ты», на римскій ладъ. Испанская манера уснащать рѣчь титуломъ *высокороднаго* очень стѣсняетъ нашъ разговоръ и поощряетъ вѣковыя привычки подобострастія. Мы почти совсѣмъ позабыли великодушное *ты* грековъ и римлянъ, чтобы подчиниться троякаго рода церемоніямъ: французскому, испанскому и нѣмецкому. Эта смѣсь, превратив-

шаяся у насъ въ нѣчто чудовищное, стѣсняетъ, утомляетъ и лишаетъ нашу дружескую бесѣду задушевности.

Впрочемъ, любопытно наблюдать, какъ измѣняются церемоніи въ различныхъ провинціяхъ въ Италіи. Въ Пьемонтѣ имѣютъ обыкновеніе обращаться съ мѣстоименіемъ *мы* только къ крестьянамъ. Употребленіе этого мѣстоименія въ разговорѣ свидѣтельствуешь о недостаточной почтительности къ лицу своего собесѣдника. Въ южныхъ провинціяхъ Италіи почти совсѣмъ не въ употребленіи обращеніе къ собесѣднику въ третьемъ лицѣ. Между людьми высшаго класса въ ходу почти исключительно мѣстоименіе второго лица множественнаго числа. Вслѣдствіе этого, когда неаполитанскіе эмигранты прибыли въ Туринъ, послѣ событій 1849 года, то оскорбили, сами того не подозревая, много почтенныхъ пьемонтскихъ дамъ, обращаясь съ ними съ той фамильярностью, какая, по ихъ мнѣнію, позволительна только съ крестьянами; много времени прошло, прежде чѣмъ онѣ свыклись съ такимъ неприличіемъ, которое доказывало, по ихъ мнѣнію, плохое воспитаніе. Форма привѣтствія также различествуетъ, смотря по общественному положенію лица, произносящаго его. Въ Пьемонтѣ, напримѣръ, крестьянинъ не можетъ, встрѣтивъ своего господина, просто сказать *доброе утро*, или *добрый вечеръ* (*bon di', bona sera*): онъ долженъ всегда прибавить слово *segea* (господинъ); а господинъ отвѣчаетъ ему простымъ *доброе утро* или *добрый вечеръ*. Въ случаѣ, если крестьянинъ молодъ, то господинъ говоритъ ему *ты*; тогда же онъ отвѣчаетъ на почтительное привѣтствіе крестьянина словечкомъ *siau*, которое, быть можетъ, остерегся бы употребить, если бы вспомнилъ его этимологию, такъ какъ *siam* или *siao* есть сокращеніе слова *schiavo* (рабъ). Точно такъ въ Италіи многіе еще сохраняютъ обыкновеніе говорить *seggio* (вапъ слуга), когда уходятъ. Часто употребляютъ при прощаніи восточную формулу *riverisco* (бью челомъ). Латинское *salve* позабыто: его употребляютъ только затѣмъ, чтобы пожелать милость божію всякому смертному, который чихаетъ; но въ Пьемонтѣ его замѣняютъ другимъ привѣтствіемъ, а именно *j'auguro* (желаю вамъ... чего—не говорится, но подразумѣвается—божіей благодати). Легко угадать, какъ всѣ эти китайскія церемоніи стѣсняютъ итальянскую бесѣду и мѣшаютъ фамильярнымъ отношеніямъ. Къ счастью, въ Тосканѣ, истинной колыбели языка, на нихъ меньше обращаютъ вниманія. Обычное привѣтствіе здѣсь «*добрый день*», когда встрѣчаются раньше полудня, и «*добрый вечеръ*», когда встрѣчаются послѣ полудня, а при прощаніи говорятъ «*до свиданія*» и «*прощайте*». Но стоить упомянуть о тѣхъ словахъ, которыя то-

сканецъ заботливо прибавляеъ въ этимъ послѣднимъ привѣтствіямъ, изъ желанія удалить всякое худое предназначеніе. Такъ какъ возможно свидѣться на томъ свѣтѣ, а такое свиданіе желаютъ отдалить по возможности, то когда тосканецъ скажетъ *arrivedersi* или *arrivedella* (до свиданія), онъ спѣшитъ прибавить *per ora* (въ настоящее время, въ непродолжительномъ времени, чтобы не приняли его привѣтствія за торжественное послѣднее прощаніе); такимъ же точно образомъ, когда они поручаютъ васъ Богу привѣтствіемъ *addio*, то прибавляютъ слово *a poi* (послѣ, впоследствии, дабы дать понять, что еще рассчитываютъ свидѣться въ здѣшнемъ мірѣ, что это не есть еще окончательное пожеланіе блаженства будущей жизни). Это—вѣжливость, но не подобострастіе; тосканецъ не преклоняется передъ другимъ человѣкомъ; онъ можетъ иногда сдерживать, смирить себя, съ цѣлью обдѣлать свои маленькія дѣлшки, но я не знаю такихъ тосканцевъ, за исключеніемъ развѣ іезуитовъ и членовъ общества Сень-Венсенъ-де-Поль, которые бы унижали чувство собственнаго достоинства передъ собою подобными или отъ другихъ требовали подобнаго униженія. Въ этомъ отношеніи, въ Италіи не существуетъ болѣе демократическаго населенія, чѣмъ тосканское; и если бы вся Италія объединилась на этомъ пунктѣ, по примѣру Тоскалы, то я охотно сталъ бы проповѣдывать такое объединеніе.

При томъ общемъ демократическомъ характерѣ, который отличаетъ жизнь въ Тосканѣ, среди населенія его попадаются личности эстетически благородныя и которыя заслуживаютъ изученія со стороны тѣхъ критиковъ, которые склонны находить искусственными нѣкоторые типы въ сельскихъ романахъ Жоржъ-Санда. Можно имъ сказать, что оригиналы этихъ типовъ встрѣчаются довольно часто въ Италіи. Ступайте, на примѣръ, въ Фіезоле; спросите про молодого «Сани» у его старшаго брата, извозчика, и вамъ пріятно будетъ слышать, съ какимъ чувствомъ этотъ добрый человѣкъ говоритъ про своего фаворита. Онъ молъ красавецъ, и всѣ дѣвушки наперерывъ стараются отбить его другъ у друга; лицо и торсъ какъ у Аполлона Бельведерскаго. Онъ нравится съ перваго взгляда, а если заговорить, то очаруетъ васъ. Голосъ у него мужественный и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкій, — голосъ, который идетъ прямо изъ сердца, оживляется и васъ оживляетъ. Глядя на него и слушая его, вы готовы побиться объ закладъ, что у Сани есть искра небеснаго огня. Онъ ни въ какомъ политическомъ обществѣ не учился любви въ родинѣ, самъ Богъ внушилъ ее ему и неоднократно призываетъ его на поле битвы, въ рядахъ легендарнаго героя, генерала Гарибальди. Онъ сражался тамъ

левы, получалъ чины на полѣ битвы, но находилъ время дѣлать добрыя дѣла. Вмѣсто того, чтобы мародерствовать, онъ розыскивалъ бѣднѣйшихъ изъ своихъ товарищей, чтобы имъ помочь, чтобы раздѣлить съ ними свой хлѣбъ. Одинъ изъ его друзей палъ раненный; вмѣсто того, чтобы руководствоваться пошлой половицей: «своя рубашка къ тѣлу ближе», онъ сдѣлалъ противное: привелъ своего раненаго друга въ свой родительскій домъ; братъ ждалъ его; молодой герой обнажалъ его и поручилъ ему своего друга, говоря: «возблагодаримъ Бога, который меня спасъ и заслужимъ его милость, пріютивъ нашего несчастнаго друга». Братъ еще больше полюбилъ его за это; но онъ не рассчитывалъ благодѣтельствовать на счетъ другихъ. Онъ самый искусный, быть можетъ, изъ каменотесовъ, и флорентинскіе скульпторы очень дорожатъ имъ. Онъ удвоилъ свою работу, и въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ работалъ за себя и за своего друга. Щедрый, великодушный, краснобай, онъ плѣнителенъ, но лишь какъ сынъ народа. Горе тому, кто вздумалъ бы выдрессировать изъ него пріятнаго въ обществѣ буржуа: онъ утратилъ бы свою оригинальность. Да онъ понимаетъ это самъ, и чуждается буржуазныхъ обычаевъ. Онъ любитъ свой костюмъ рабочаго, любитъ простоту демократической жизни. Если бы къ нему подошелъ буржуа и протянулъ ему руку, ища его дружбы, онъ почтительно снялъ бы шляпу, какъ человѣкъ, который считаетъ себя недостойнымъ такой чести или, лучше сказать, какъ человѣкъ, который не любитъ лицемерія и желаетъ, чтобы всякій оставался на своемъ мѣстѣ, сохранялъ свои вкусы и привычки. Демократическія, республиканскія, социалистическія общества Флоренціи, явныя и тайныя, желали привлечь его въ свою среду. Онъ постоянно отказывался отъ этого и отвѣчалъ имъ: «Я ничего не смыслю въ политикѣ и не знаю *руководителей*, которыхъ вы хотите навязать мнѣ. Если вспыхнетъ революція, *quando si tratterà davvero di menar le mani*, вы меня всегда найдете готовымъ: ружье мое всегда на-готовѣ, но я желаю заранѣе знать, за кого и за что я пушу его въ ходъ. Знайте, что я обращаю его только противъ враговъ моего отечества». Молодой Сани не хочетъ сдѣлаться буржуа или дворяниномъ, потому что любить свой народъ ему пріятно въ его средѣ. Но онъ желаетъ облагородить этотъ народъ и вселить въ него тѣ самыя добродѣтели, которыя создали въ былое время величіе старинной флорентинской республики. Поэтому искусный ремесленникъ жаждетъ сдѣлаться великимъ артистомъ. Въ часы досуга, онъ ударяетъ молоткомъ по громаднымъ кускамъ мрамора и создаетъ изъ нихъ совсѣмъ живыя фи-

гуры, на подобіе своего чудеснаго учителя Микель-Анжело. Я видѣлъ первую его группу; она свидѣтельствовала объ его умѣ и призваніи: «Мать учить читать своего ребенка». Жажда къ образованію, овладѣвшая молодымъ ремесленникомъ, внушила молодому артисту его первый сюжетъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я не вижу больше чуднаго рабочаго; мнѣ говорятъ, что онъ работаетъ теперь въ Константинополѣ. Я желаю ему отъ всего сердца пробить себѣ дорогу, но не могу не пожалѣть, что онъ такъ далеко находится отъ своей родины и своей артистической среды. А пока, подобно тому, какъ уже разъ наша древняя Фіезоле сообщила жизнь и силу старой Флоренціи, я желаю, чтобы современная Флоренція подготовила намъ поколѣніе, которое бы походило на этого молодого ремесленника Фіезоле, который одинъ можетъ вамъ доказать, что боги и герои не вполнѣ покинули Италію и могутъ уживаться и процвѣтать въ ней.

Каждый городъ Италіи насчитываетъ, быть можетъ, десятки Сани; нужно было бы только посѣщать ихъ, чтобы увѣровать въ будущее нашей страны и поучиться сильнѣе любить ее. Я восхищаюсь монументами изъ мрамора, но я могу страстно любить только тѣ красивые монументы изъ мяса и костей, которые зовутся людьми и въ особенности людьми народа, которые ближе всего стоятъ къ нашей великолѣпной и богатой природѣ. Намъ слѣдуетъ въ Италіи запастись фонаремъ Диогена и отправиться на поиски за людьми. Мы ихъ найдемъ, въ особенности въ Тосканѣ, гдѣ они говорятъ на очаровательномъ языкѣ; въ Романьи и въ Мархини, гдѣ они сохраняютъ печать героической красоты. Намъ нужно изучать эти прекрасные «монументы», пробудить ихъ внутренній огонь, прислушиваясь къ языку этихъ полубоговъ. Живительные соки народной жизни не изсякнутъ, пока часть этого населенія останется неиспорченной. Заставимъ его говорить и переймемъ его рѣчь: въ ней мы не найдемъ ничего искусственнаго, приторнаго, низкаго. Прекрасный эллинскій богъ, урѣзвившійся на латинской почвѣ, создалъ эту рѣчь. Итакъ, остережемся, какъ бы буржуазныя кормилицы не задушили намъ божественнаго младенца въ колыбели.

Анж. Де-Губернатисъ.

Флоренція.

ЛЮДИ И ПРАВЫ

ВРЕМЯ

ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

LITTÉRATURE UND GESELLSCHAFT IN FRANKREICH ZUR ZEIT DER REVOLUTION, 1789—94.
VON LOTHKESEN.

VI *).

Въ дополненіе къ общей картинѣ французской печати во время революціи, Лотхейссенъ приводитъ галлерей тѣхъ матадоровъ прессы, въ личномъ характерѣ которыхъ каждое изъ направленій того времени находило себѣ полное осуществленіе. Такъ, необузданность въ увлеченіи и легкомысленная довѣрчивость къ революціонному движенію воплотились въ Камиллѣ Демуленѣ; страстность, нерѣдко принимавшая размѣры свирѣпости—въ Маратѣ. Сюло, съ другой стороны, является представителемъ реакціоннаго духа, а Малле-дю-Панъ—тщетныхъ усилій доставить перевѣсъ партіи умѣренныхъ.

«Кто этотъ блестящій юноша, преисполненный восторга къ Риму и Греціи, который посреди нашей борьбы такъ развязно вызываетъ воспоминанія древности, — который одновременно съ улыбкой и угрозою произноситъ свои смертоносныя шутки, — который такъ пріятно болтаетъ о висѣлицахъ и грабежѣ и языкъ

---

*) См. выше: июнь, 720; июль, 190 стр.

свирѣпыхъ пуасардокъ приправляетъ аттическимъ остроуміемъ, — который съ такой граціей возбуждаетъ себя до послѣдней степени зрости?»

Такъ изображаетъ Луи-Бланъ въ своей исторіи революціи замѣчательнаго человѣка, который болѣе прочихъ воплощалъ въ себѣ юношескую отвагу и легкомысліе массъ, — который въ Пале-Рояльскомъ саду впервые далъ революціи опредѣленный характеръ и цвѣтъ. Наганунѣ еще вовсе неизвѣстный и въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, Камилль Демуленъ разомъ приобрѣлъ себѣ популярность. Еще такъ недавно школьникъ, не знавшій, что ему предпринять съ своими республиканскими порывами, онъ вдругъ очутился во главѣ народа! ¹⁾. День 12-го іюля, писалъ онъ позже своему отцу, былъ счастливѣйшимъ днемъ его жизни; тысячи людей его привѣтствовали, обнимали и орошали слезами ²⁾. Что же удивительнаго, если у него иногда кружилась голова? Душная атмосфера революціи, въ которой онъ отнынѣ жилъ, развила его силы мгновенно. Чѣмъ грознѣе свирѣпствовала буря, тѣмъ бодрѣе и довольнѣе онъ себя чувствовалъ и самому себѣ казался существомъ высшаго разряда. «Вы мнѣ постоянно твердите, — съ упрекомъ писалъ онъ отцу, не дававшему ему денегъ, — что у меня есть еще братья. Правда, но съ тою разницей, что природа дала мнѣ крылья, а мои братья не чувствуютъ, подобно мнѣ, цѣпей, какими нужда приковываетъ меня къ землѣ» ³⁾. Эти слова отлично его характеризуютъ; онъ навсегда остался такимъ: самоувѣреннымъ, но незрѣлымъ и неустановившимся. Воодушевленный всеобщимъ вокругъ него движеніемъ, онъ писалъ газетныя статьи и брошюры, преисполненные ума, огня и изящества, но не умѣлъ ни одному изъ своихъ предпріятій доставить прочнаго успѣха. Его журналъ: «Французскія и Брабантскія революціи» также не долго пользовался вліяніемъ, какъ и его «Патріотическая Трибуна», или его «Фонарь». А послѣднее издательское предпріятіе «Старый Кордельеръ» даже возвело его на эшафотъ. Демуленъ былъ пронивнутъ духомъ Вольтера, но ему недоставало его силы и выдержки въ трудѣ. Это одно можетъ объяснить почему его дѣятельность, въ какомъ бы то ни было направленіи, подъ конецъ непременно терпѣла крушеніе. Его сочиненія въ сущности не болѣе какъ болтовня, хотя и дышущая умомъ и энергіей. Въ нихъ никакой связи, никакой си-

¹⁾ Камилль Демуленъ родился въ Гизѣ (департаментъ Эны), въ 1762 г.

²⁾ Письмо къ отцу отъ 20-го сентября 1789 г.

³⁾ Письмо къ отцу отъ 8-го октября 1789 г.

стемы; они слѣдуютъ одно за другимъ, повинуваясь минутному настроенію автора, умъ котораго перекрещивается множествомъ самыхъ разнообразныхъ идей.

Но какъ часто легкомысленно произносимыя Демуленомъ слова имѣли самыя серьезныя и печальныя послѣдствія! Въ концѣ 1789 г. онъ въ небольшомъ сочиненіи, «Свободная Франція», написанномъ съ цѣлью пріобрѣсти революціи поболѣе приверженцевъ, указывалъ на возможность близкаго грабежа и богатой добычи. Онъ самъ находилъ въ себѣ довольно мужества, чтобы жертвовать собой ради свободы, но массы, по его мнѣнію, могутъ руководствоваться только болѣе наглядными мотивами. Поэтому онъ насчитываетъ до сорока тысячъ дворцовъ и замковъ и множество обширныхъ помѣстій, которые въ случаѣ побѣды достанутся въ руки черни. Онъ рисуетъ обольстительную картину благосостоянія для того, чтобы сильнѣе разжечь алчную фантазію неимущихъ. «Когда не существуетъ больше справедливости и меньшинство начинаетъ притѣснять массу, — восклицаетъ онъ въ другой разъ, — я не признаю никакого иного закона, кромѣ закона возмездія...». «Нѣкоторые философы не осмѣливаются вполне осуждать народъ, когда тотъ въ рѣдкихъ случаяхъ въ 24 часа захватываетъ въ свои руки диктатуру и обращается къ фонарямъ за выполненіемъ своихъ приговоровъ!» Подобно древнему Катону, который каждую изъ своихъ рѣчей въ сенатѣ заключалъ требованіемъ разрушить Карфагенъ, Демуленъ въ своемъ «Фонарѣ» постоянно напираетъ на необходимость скрыть съ лица земли Версаль. Когда, наконецъ, вспыхиваетъ война, онъ предлагаетъ издать чудовищный декретъ, въ силу котораго слѣдовало всякаго плѣннаго врага вѣшать, какъ разбойника, всякому дезертиру, убитому непріятельскаго офицера, выдавать денежную награду и вообще назначить тарифъ за всякую непріятельскую голову, начиная съ маршала и до простого солдата.

Можно ли удивляться, если непросвѣщенный народъ, которому ежедневно предлагаютъ такое ученіе, наконецъ начинаетъ примѣнять его къ дѣлу? Не должна ли въ подобныхъ случаяхъ главная вина въ пролитой крови падать на людей, которые такимъ образомъ льстятъ самымъ низкимъ страстямъ человѣческой природы? Но Камилль Демуленъ не сознавалъ всей важности своихъ подстрекательствъ, потому что никогда не дѣйствовалъ по холодному расчету. Это послѣднее обстоятельство объясняетъ также, почему у него по временамъ вырывались воззванія къ кротости, а также и его печатную борьбу съ Маратомъ. Онъ уже въ началѣ революціи жаловался на то, что большинство его

соотечественниковъ смотрѣло на святую свободу, какъ на способъ къ выгоднымъ спекуляціямъ, и готово было многимъ жертвовать ради тщеславія и личныхъ интересовъ. Демуленъ не былъ, подобно Марату, фанатическимъ приверженцемъ простоты и вовсе не желалъ республики въ духѣ Ликурга, который предписывалъ своимъ согражданамъ всевозможнаго рода лишенія. Онъ находилъ, что задача законодателя не въ томъ, чтобы лишать людей наслажденій, но въ томъ, чтобы не допускать до злоупотребленія ими. Не трудно удержатъ человѣка въ границахъ воздержанія, когда ему ничего болѣе не даютъ кромѣ сыра, да отвратительной похлебки, или когда ему предлагаютъ цѣлый пиръ за десять су. Ликургъ уподобляется доктору, который хочетъ всякую болѣзнь лечить діетой и водой. Но какая болѣзнь можетъ быть хуже такого рода пожизненной діеты? Ликургъ сдѣлалъ всѣхъ лакедемонцевъ похожими одинъ на другого, и въ этомъ отношеніи онъ уподобляется бурѣ, которая равняетъ всѣхъ потерпѣвшихъ крушеніе, или Омару, который довелъ всѣхъ арабовъ до одной степени образованія тѣмъ, что сжегъ Александрійскую бібліотеку. Такое равенство далеко не по сердцу Камиллу. По его мнѣнію правительство должно заботиться о томъ, чтобы дѣлать людей счастливыми. Оно обязано всѣ дары неба, въ томъ числѣ и искусства, обращать на служеніе свободѣ и на украшеніе жизни. Не театры, не роскошь, не дворцы, сады и статуи, не цвѣтущая торговля и не богатства погубили Аѳины, — а ея жестокость на войнѣ, ея деспотизмъ въ Азіи, ея гордость и презрѣніе къ союзникамъ, слѣпое довѣріе къ неопытнымъ предводителямъ, неблагодарность къ героямъ и стремленіе быть не только столицей, но и владычицей всей Греціи.

Пріятно встрѣтитъ у Камилла послѣ его безумныхъ выходокъ мысли, подобныя этимъ. Онъ невольно возбуждаетъ симпатію, когда, весь прониннутый восторгомъ къ вновь завоеванной свободѣ, мечтаетъ о зарѣ новаго счастливаго времени. Тогда, говоритъ онъ, всѣ люди будутъ равны, настанетъ свобода торговли, печати и совѣсти; министры и придворные перестанутъ торговать милостями и съ лица земли исчезнутъ послѣдніе остатки феодализма и фискальнаго произвола, заключающіеся въ церковныхъ доходахъ и въ ограниченіи охотничьихъ правъ.

Камиллъ Демуленъ не могъ не возбудить противъ себя неудовольствій. Онъ вскорѣ сдѣлался подозрителенъ даже собственнымъ товарищамъ по клубу яacobинцевъ, которые начали считать его недостаточно крайнимъ революціонеромъ. Спасти его еще на нѣкоторое время могло только вліяніе Робеспьера, въ защиту

его презрительно сказавшаго, что къ такому вѣзбаломшному чловѣку, какъ Камилль Демуленъ, не слѣдуетъ относиться слишкомъ строго. Робеспьеръ въ юности посѣщалъ одну и ту же пивну съ Демуленомъ, и былъ съ нимъ связанъ тѣсной дружбой. Это и побудило его въ этомъ случаѣ къ снисходительности, которая вообще была такъ чужда его натурѣ.

Но терпимость противниковъ Демулена не долго длилась. Какъ ни казался онъ, въ качествѣ «фонарнаго генерала», иногда кровожаденъ, однако отъ природы онъ не былъ жестокъ. Настало время, когда онъ въ ужасѣ отступилъ, не рѣшаясь далѣе слѣдовать за диктаторомъ. Онъ чувствовалъ, что народъ усталъ отъ кровопролитій и считалъ настоящую минуту удобной для прекращенія жестокостей. Слишкомъ увѣренный въ себѣ, онъ рассчитывалъ на свое личное вліяніе болѣе, чѣмъ то было благо-разумно, и надѣялся одинъ совершить поворотъ къ кротости. Вслѣдствіе этого онъ предпринималъ изданіе новаго листа «Старый Кордельеръ», въ которомъ намѣревался объявить войну терроризму.

Уже въ третьемъ номерѣ своей газеты ¹⁾ онъ напечаталъ поразительную картину положенія вещей въ римской имперіи. Ему удалось, строго придерживаясь Тацита, представить столько же мастерское, сколько ужасное изображеніе условій, въ какихъ тогда находилось его собственное отечество. Каждое слово наносило меткій ударъ въ самое сердце правителей, къ которымъ до сихъ поръ еще никто не осмѣливался обращаться съ упреками. Всѣ знали, что революціонное судилище приговаривало къ смерти по одному подозрѣнію, и всѣ съ изумленіемъ и ужасомъ читали рассказъ Тацита въ передѣлкѣ Камилла. «Все, говорилъ онъ, возбуждало недовѣріе тирановъ. Былъ ли какой-нибудь гражданинъ особенно любимъ народомъ—онъ заговорщикъ, который стремится раздуть пламя междоусобной войны. *Studia civium in se vertere, et si multi idem audeant, bellum esse.* Подозрительно! Убѣгалъ ли онъ, напротивъ, популярности и запирался у себя дома—*quanto metu occultior, tanto famae adeptus.* Подозрительно!» Такимъ образомъ, развѣтывалъ онъ печальную картину своего времени. Онъ, конечно, утверждалъ, что имѣлъ въ виду только изображеніе павшей монархіи, но никто ему не вѣрилъ. Когда рѣчь его касалась тирановъ, всѣ примѣняли его слова къ Робеспьеру. Въ надеждѣ увлечь за собой послѣдняго, онъ, нѣсколько дней спустя, выпустилъ въ свѣтъ четвертый ну-

¹⁾ Quintidi frimaire. 3-me décade II. 16 декабря 1793.

меръ своей газеты ¹⁾, въ которомъ еще смѣлѣе и рѣшительнѣе проповѣдывалъ возвращеніе къ кротости. Нѣкоторыя личности, такъ начинается онъ, неодобрительно отнеслись къ послѣднему номеру «Старого Кордельера», потому что тотъ позволилъ себѣ порицать настоящее положеніе вещей. Эти личности согласны съ тѣмъ, что свобода еще не привилась во Франціи, но они утверждаютъ, будто надо терпѣть въ настоящемъ и надѣяться на будущее. Но затѣмъ Демуленъ спрашиваетъ, развѣ свободѣ необходимо, какъ ребяческому возрасту, переживать періодъ слезъ и болѣзни? Развѣ свобода недостаточно сильна и зрѣла при самомъ рожденіи своемъ? Народъ свободенъ съ той минуты, какъ того захочетъ. Свобода означаетъ счастье, разумъ, равенство, справедливость, человѣчность. «Раскройте,—воскликаетъ онъ съ увлеченіемъ,—раскройте тюрьмы и выпустите изъ нихъ двѣсти тысячъ гражданъ, содержащихся тамъ по подозрѣнію! Гдѣ признается человѣческое право, тамъ нѣтъ домовъ заточенія для подозрительныхъ, а существуютъ только тюрьмы для виновныхъ. Подозрительныхъ вовсе нѣтъ, а есть только люди, совершившіе преступленіе противъ закона». Все это раздражало террористовъ.

Далѣе, Камилль Демуленъ продолжаетъ доказывать, какъ республика можетъ только выиграть, если обратится къ системѣ кротости. Онъ спрашиваетъ у правителей, неужели они думаютъ съ помощью плахи погубить всѣхъ своихъ враговъ? Но за одного убитого возстаютъ десять новыхъ враговъ изъ среды его семейства и друзей. Содержимые въ заточеніи женщины, старики и эгоисты вовсе не опасны. Всѣ смѣлые и храбрые, или эмигрировали, или погибли въ Ліонѣ и въ Вандеѣ. Остальные безвредны. Всѣ умѣренные, собственники и лавочники также безучастны, какъ и римская публика во времена имперіи. Примѣры Трагивула, Брута старшаго и Августа доказываютъ, что только та власть долговѣчна, которая опирается на кротость. «О, мой любезный Робеспьеръ, я къ тебѣ обращаюсь! Я пережилъ минуту, когда Питту оставалось побороть только тебя одного, когда безъ тебя государство потерпѣло бы крушеніе и республика окончательно погибла. О, другъ моей юности, рѣчи котораго станутъ возбуждать удивленіе въ потомствѣ,—вспомни уроки исторіи и философіи! Ты самъ основалъ юридическое заведеніе. Неужели кротость должна отнынѣ числиться между преступленіями? Неужели мы захотимъ быть свободнѣе афинянъ, которые воздвигли алтарь милосердію?»

¹⁾ 30 frimaire, 20 декабря 1793.

Смѣлость была неслыханная. Чтобы говорить такъ въ то время, когда осторожно взвѣшивалось каждое слово,—чтобы взымать къ кротости, когда ежедневно проливалась кровь невинныхъ, требовалось не мало мужества. Демуленъ поставилъ на карту свою жизнь, но онъ разсчитывалъ на свое прошлое, которое онъ надѣялся, его защитить.

Бѣдный мечтатель! Онъ и не подозрѣвалъ, какая ужасная логика управляетъ судьбой людей. Онъ слишкомъ часто требовалъ пролитія крови, чтобы теперь имѣть успѣхъ въ качествѣ апостола кротости. Все, что онъ могъ—это сдѣлаться ея мученикомъ. Самъ Робеспьеръ, даже еслибъ хотѣлъ, не былъ бы въ силахъ его спасти. Ему слѣдовало идти впередъ. Участь Камиллы была рѣшена. Изъ лагеря террористовъ, съ изящнымъ Геберомъ во главѣ, раздался крикъ ярости. Якобинцы исключили Демулена, какъ недостойнаго, изъ своей среды, несмотря на его послѣдующія усилія оправдаться въ ихъ глазахъ. Онъ растерялся въ виду угрожающей бури и пытался себя спасти возобновленнымъ революціоннымъ рвеніемъ. Въ послѣдующихъ нумерахъ «Старога Кордельера» онъ помѣстилъ статьи, въ которыхъ отрекался отъ своихъ еретическихъ воззрѣній и напоминалъ о дѣяніяхъ, какими содѣйствовалъ успѣху революціи. Онъ дошелъ до того, что хвалился воровскимъ поступкомъ. Въ ночь взятія Бастилии онъ помогалъ грабить одну оружейную лавку. Затѣмъ, онъ ставилъ себѣ въ большую заслугу статьи, которыя, по его мнѣнію, были главной причиной паденія Лафайета, Бальи, Мирабо, Ламбета и другихъ. Но все это оказалось тщетнымъ. Люди, стоявшіе во главѣ царства ужаса, не хотѣли ему простить и, напротивъ, были рады случаю заключить его въ тюрьму. Сень-Жюсть, свирѣпый фанатикъ и приверженецъ гильотины, обвинилъ его передъ судомъ въ самомъ страшномъ преступленіи, а именно, въ измѣнѣ въ пользу кротости! Камилль Демуленъ, по его словамъ, прикрываясь маской человеколюбія, отравлялъ общественное мнѣніе, подстрекалъ народъ къ раздору, возбуждалъ надежды въ Вандеѣ и, кто знаетъ, *можетъ быть*, находился въ перепискѣ съ изгнанными «тиранами». Весь міръ считалъ его виновнымъ и судьямъ надлежало, вооружась мужествомъ, неуклонно выполнить свои обязанности.

Приговоренный къ смерти, Камилль пришелъ въ ярость. Въ тюрьмѣ онъ отчаявался, пугалъ, плакалъ и продолжалъ сопротивляться даже на эшафотѣ, куда взошелъ вмѣстѣ съ Дантономъ. Его молодая жена, Люсиль, гораздо спокойнѣе его встрѣтила смерть. Прелестная, исполненная жизни и отваги, она не захо-

тѣла пережить своего мужа. Неосторожными и рѣзкими рѣчами она нарочно старалась обратить на себя вниманіе тирановъ, которые дѣйствительно отправили ее на эшафотъ восемь дней спустя ¹⁾.

Если въ Демуленѣ была еще нѣкоторая доля человѣчности, если ему, несмотря на его преступное легкомысліе, все-таки нельзя было исполнѣть отказать въ симпатіи, то съ другой стороны личность Марата не представляетъ ничего такого, что вызывало бы въ нему снисхожденіе. Какъ Дантонъ былъ представителемъ демонскаго, разрушительнаго духа революціи, а Робеспьеръ бездушнаго, кроваваго педантизма, такъ Маратъ является воплощеніемъ необузданной свирѣпости и безпощадной ненависти въ общественному порядку вещей. Отецъ Жанъ-Поля Марата, итальянецъ по происхожденію, былъ жителемъ герцогства Нѣвшательскаго, а мать его, которой онъ, по собственнымъ словамъ, главнымъ образомъ обязанъ своимъ воспитаніемъ и образомъ мыслей, была уроженка города Женевы. Онъ родился въ Будри 24-го мая 1743 г. и съ раннихъ лѣтъ уже отличался задумчивымъ, почти мрачнымъ характеромъ. Дѣтскія игры, ребяческая веселость были ему противны, и онъ постоянно удалялся отъ своихъ школьных товарищей. Позднѣе онъ изучалъ медицину, много путешествовалъ, провелъ нѣсколько лѣтъ въ Бордо, въ Англіи, Шотландіи и Голландіи и наконецъ получилъ мѣсто доктора при гвардейскомъ отрядѣ графа Артуа въ Парижѣ. Но и это занятіе онъ вскорѣ бросилъ, чтобы исполнѣ отдаться наукѣ. Дѣятельность его выходила изъ разряда обыкновенныхъ. Его сочиненія по части анатоміи и психологіи, метафизики и физики составляютъ обширный, многотомный трудъ. Кромѣ того, онъ печаталъ еще политическіе трактаты и, что заслуживаетъ особеннаго вниманія въ психологическомъ отношеніи, написалъ весьма посредственный, сентиментальный романъ ²⁾. Но эта усиленная работа не принесла ему ожидаемыхъ почестей, и его самолюбіе сильно страдало отъ постоянныхъ разочарованій. Онъ становился все мрачнѣе и угрюмѣе.

¹⁾ Съ прекращеніемъ царства ужаса, Совѣтъ Пятисотъ, декретомъ отъ 25-го флореали IV, положилъ возстановить доброе имя Камиллы Демулена и назначилъ сыну его, Горасу, пенсіонъ въ двѣ тысячи франковъ, который, само собой разумѣется, тотъ никогда не получалъ. Люсиль происходила изъ достаточнаго семейства.

²⁾ Сердечный романъ (roman de coeur). Онъ долго оставался въ рукописи у сестры Марата, которая наконецъ, тѣснимая нуждой, продала его извѣстному писателю Эме-Мартену. Романъ въ первый разъ появился въ печати въ 1849 г. въ фельетонѣ газеты „Siècle“, а въ слѣдующемъ году былъ изданъ въ двухъ томахъ библиофиломъ Жакобомъ.

Настала революція. Марату открылось широкое поле дѣятельности. Ему наконецъ представилось то, чего онъ искалъ. Отнынѣ онъ могъ дѣйствовать на массы. Образованный классъ людей его отвергъ, и онъ выступилъ защитникомъ неимущихъ. Общество дѣйствительно страдало, и въ этомъ заключалась сила, а также отчасти и оправданіе Марата. Но отъ него нечего было ожидать свѣта, или новыхъ, плодотворныхъ идей. Онъ не могъ подать никакого спасительнаго совѣта. У него было одно средство—демація, рѣзкія нападки на собственниковъ, противъ которыхъ онъ возбуждалъ массу, влагая въ ихъ руки оружіе, но ни мало не подвигая ихъ къ цѣли. Онъ повидимому чувствовалъ заодно съ бѣдняками, которые съ трудомъ перебиваются изо дня въ день, пока голодъ и болѣзнь не сразятъ ихъ окончательно. Маратъ гораздо менѣе политикъ, чѣмъ социалистъ. Вслѣдствіе этого онъ мало заботился о томъ, какого рода начѣло стоитъ во главѣ правленія: конституціонное или якобинское, монархическое или республиканское. Его нападки преимущественно обращены на общественный порядокъ, котораго несправедливость и противорѣчія онъ никогда не устаетъ преслѣдовать. Уже въ іюнѣ 1789 г. напечатать онъ просьбу національному собранію, «отъ тѣхъ, которые ничего не имѣютъ, на тѣхъ, которые всѣмъ владѣютъ».

Чтобъ удобнѣе дѣйствовать на умы, онъ, какъ мы уже виѣли выше, основалъ журналъ «Другъ Народа», первый номеръ котораго вышелъ въ сентябрѣ 1789 г. Такимъ образомъ была объявлена ожесточенная война, окончившаяся только со смертію Марата. Его задача заключалась въ томъ, чтобъ все сильнѣе и сильнѣе раздувать пламя революціи, и по мѣрѣ того, что она принимала большіе размѣры, и онъ становился неумолимѣе и безпощаднѣе. Подобно Антею, который, всякій разъ что касался земли, пріобрѣталъ новую крѣпость, Марату необходимо было по временамъ погружаться въ бездну нищеты и отчаянія, чтобы почерпнуть новыя силы для своей ненависти. Тогда онъ еще громче взывалъ къ мести и побуждалъ народъ къ возстанію. Слова его дышали невѣроятной энергіей и по временамъ поражали своей практической мудростью. Такъ онъ по временамъ сильно возставалъ противъ патріотическихъ приношеній, какими, съ страшными для себя лишеніями, бѣдныя старались пополнить государственную казну, въ то время когда тамъ еще царствовала вѣщайшая расточительность ¹⁾. «Несчастный, — восклицаетъ онъ въ

¹⁾ Мерсіе рассказываетъ въ своемъ „Новомъ Парижѣ“ (I, 309, гл. 93) какъ артель башмачниковъ отдала государству всю свою сохранную казну, состоящую въ

концѣ своей статьи:—возьми обратно свое рубище, заставь молчать свой голодъ, и если у тебя еще осталась въ запасѣ кроха, взгляни на братьевъ, которые гибнуть въ нищетѣ!»

Затѣмъ онъ яркими красками изображаетъ расточительность двора, роскошь, какою себя окружаетъ королева, въ одну ночь проигрывающая сумму, которой хватило бы на мѣсячное содержаніе цѣлаго квартала. Онъ предостерегаетъ общество отъ расточительности, старается его запугать, а себя выказываетъ чрезвычайно ловкимъ подстрекателемъ и доносчикомъ. Избравъ кого-нибудь цѣлью своихъ нападокъ, онъ ужъ болѣе отъ него не отстанетъ и можетъ во всякое время сказать, гдѣ скрывается его жертва, причѣмъ даже сообщаетъ улицу, номеръ дома и этажъ квартиры несчастнаго. Ему извѣстно, что генераль Дюморіецъ уже десять дней какъ оставилъ армию и интригуетъ въ Парижѣ. Вотъ онъ уже восьмой вечеръ, съ восьми часовъ, проводитъ у своей нимфы въ улицѣ Св. Марка и т. д. Еслибъ Марать ограничивался только такого рода свѣдѣніями, то на него можно было бы смотрѣть просто какъ на доносчика, но онъ этимъ не довольствовался. Уже въ первый годъ революціи требовалъ онъ, чтобъ на дворѣ Тюльери было воздвигнуто восемьсотъ висѣлицъ, для повѣшенія на нихъ измѣнниковъ и въ особенности Мирабо. Въ слѣдующемъ году ему уже и этого казалось мало. Въ своемъ журналѣ и еще въ отдѣльномъ листѣ онъ восклицаетъ: «Свершилось!» Нѣсколько времени тому назадъ достаточно было бы шестисотъ головъ, чтобы упрочить спокойствіе, свободу и счастье страны; обманчивое чувство безопасности не допустило до этого, и теперь за то должны поплатиться жизнью милліоны братьевъ. Немного спустя, онъ, вмѣсто шестисотъ, требуетъ уже шесть тысячъ головъ, принадлежащихъ министрамъ, генераламъ, бургомистрамъ, муниципальнымъ совѣтникамъ и всему парижскому штабу. Всѣ реакціонеры и приверженцы деспотизма неизбѣжно должны погибнуть — это единственное средство спасти отечество (18-го декабря 1790). Наконецъ онъ перестаетъ ограничивать число своихъ жертвъ. Какъ пьяный, у котораго, по мѣрѣ того что онъ пьетъ, возрастаетъ жажда, такъ Марать съ каждымъ новымъ глоткомъ крови сильнѣе и сильнѣе алчетъ ея пролитія. И все это во имя челоувѣчности, мира, счастья! Самъ Марать защищается отъ упрека въ жестокости, говоря, что ему больно видѣть страданія малѣйшаго изъ насѣбемыхъ. Если онъ совѣтуетъ про-

156,650 ливровъ, удержавъ изъ нея только сумму необходимую для содержанія своихъ больныхъ и стариковъ.

Digitized by Google

ливать кровь каплями, то это единственно потому, что иначе она польется потоками.

Въ качествѣ «друга народа», онъ подстрекаетъ его къ страшнымъ сентябрьскимъ убійствамъ. Онъ заранѣе ихъ подготавливаетъ, потомъ поетъ имъ хвалу и требуетъ ихъ повторенія. Этотъ судъ черни онъ называетъ, правда, жестокимъ средствомъ, но предпринимаемымъ закономъ необходимости тамъ, гдѣ дремлетъ истинное правосудіе.

Проповѣдуя такое ученіе, Марать совершенно естественно и самъ не избѣгъ преслѣдованій. Уже въ первый годъ революціи его нѣсколько разъ пытались арестовать и за нимъ гонялись какъ за дикимъ звѣремъ. Онъ по временамъ оставлялъ Парижъ, перебирался даже въ Англію, но отсутствіе его никогда не длилось долго. Внезапно появлялись новые номера «Друга Народа» и свидѣтельствовали, что онъ вернулся и снова начинать борьбу. Отдѣльный номеръ его журнала, первоначально стоившій 2 су, нерѣдко доходилъ до 18 и 20 ливровъ. Но поймать его самого не было никакой возможности. Онъ нерѣдко жилъ въ подвалахъ, въ невообразимыхъ ямахъ, скрывалъ тамъ свою типографію и бросалъ оттуда въ міръ свои зажигательные снаряды.

Въ Маратѣ было что-то ужасающее, таинственное, особенно сильно дѣйствовавшее на воображеніе народа. Чрезвычайно странное явленіе представлялъ этотъ народный трибунъ, котораго народъ едва зналъ, но одному слову котораго безусловно повиновался. Для бѣльшей безопасности его, даже была устроена стража изъ пятидесяти патріотовъ, находившихся подъ начальствомъ генерала «la Pique». Кто удостоивался приближенія къ фанатику, тотъ находилъ въ немъ маленькаго, невзрачнаго человѣчка, съ желтымъ, изрытымъ оспой лицомъ, черными гладкими волосами, налитыми кровью, постоянно моргающими, глазами, судорожно искривленнымъ ртомъ и въ болѣе чѣмъ простой, поношенной, грязной одеждѣ ¹⁾. Его воодушевляло одно чувство — ненависть, одно стремленіе — создать новое общество по системѣ Руссо, гдѣ не было бы никакого неравенства, гдѣ всякая несправедливость оказывалась бы невозможной. Что при этомъ старому міру неизбежно предстояло рухнуть, было для него ясно, но нисколько его не утешало. Безъ всякихъ средствъ, недоступный подкупу, Марать презиралъ почести и богатства. Чуждый всякаго состраданія, онъ скрывался въ тѣни, но зналъ до послѣднихъ подробностей все, что совершалось вокругъ него. Такая личность сильно

¹⁾ Duval, Mémoires I, 227, Fabre d'Eglantine „portrait de Marat“.

походила на героя легенды, и было много серьёзных людей, которые отказывались верить в его существование.

Только с падением монархии выдвинулся он несколько вперед, и это дало Шарлотте Корде возможность до него достигнуть и вонзить ему в сердце кинжал (13-го июля 1794 г.).

Его сочинения, несмотря на их историческую важность, едва ли могут быть причислены к достоянию истории литературы. Отвергая всякую красоту и утонченность вкуса в жизни, он вовсе не заботился о том, чтобы сообщать своим произведениям литературную форму или хотя сколько-нибудь округлять свой слог. Язык Марата, подобно его идеям, дик, лишён благородства, изобилует грубыми картинками, но носит на себе отпечаток силы и выразительности. Ответы его часто производили неутраченное действие.

Но оставим мрачные фигуры представителей партии террористов и перейдем в лагерь, впрочем, не менее фанатически настроенных ультра-роялистов. Там прежде всего привлекает наше внимание Сюло, наиболее выдающийся человек своей партии. У него мы не встречаем ни нахмуренного чела, ни грома и молнии для поражения людских пороков и страстей. Он берет свет таким, каков он есть, — злым, испорченным, и считает его неисправимым. К чему же печалиться, к чему стараться его изменить? Не лучше ли наслаждаться жизнью: она и без того так скоротечна! Зачем плакать, когда можно смеяться? К чему принимать к сердцу то, что в сущности не боже, как комедия?

Несмотря на такую философию, или, может быть, именно вследствие ее учения, Сюло также сильно ненавидел революцию, как Марат аристократию. Он был неустрашимейшим борцом своей партии и остался верен своему посту даже тогда, когда убедился, что стоять за потерянное дело. Но борьба его, как она ни была жестока, не имела серьезного характера. Он поражает врагов не доказательствами, а сарказмами. Для него нет большого удовольствия, как раздражать своих противников, подобно бойцу быков, который, махая красным сукном, приводит в ярость животное. Встретив на улице разносчика революционной газеты, он бросается на него и бьет его, а затем пишет к президенту округа письмо следующего содержания: «Он, Сюло, имеет честь довести до его сведения, что сейчас наслаждался удовольствием совершить преступление против величества народа.» Его заключают в тюрьму, и когда через несколько времени выпускают, он требует у тюрем-

щика контрмарки, такъ какъ намѣренъ скоро опять вернуться. Во время казни маркиза Фавраса, онъ смѣло вмѣшивается въ толпу и оттуда громогласно посылаетъ осужденному на смерть обѣщаніе мести. «Ни одинъ фонарный столбъ,—самодовольно говоритъ онъ въ своей газетѣ,—не можетъ меня видѣть безъ страстныхъ пожеланій». Онъ былъ слишкомъ смѣлъ, революціонеренъ и самостоятеленъ для собственной партіи, которая называла его «аристократическимъ Маратомъ».

Сюло отлично это понималъ. Онъ какъ нельзя лучше измѣрилъ всю пустоту и малодушіе людей, на защиту которыхъ выступилъ. Однажды онъ посѣтилъ эмигрантовъ въ Кобленцѣ, мало заботясь объ отвѣтственности, какой подвергался вслѣдствіе этого путешествія. Но онъ скоро вернулся оттуда, и вполне разочарованный. Даже его легкомысленное сердце и то преисполнилось горечи. «Разсудокъ и опытъ, пишетъ онъ, убѣдили меня, что человѣкъ, который безъ нужды приноситъ себя въ жертву какому-то неопредѣленнымъ интересамъ общества, есть существо съ извращеннымъ инстинктомъ: неблагодарность и несправедливость рано или поздно его тяжело наказываютъ». Такъ и случилось. Въ страшные августовскіе дни 1792 г., когда народъ осаждалъ Тюльери и окончательно рушилась монархія, Сюло, въ мундирѣ національной гвардіи, отправился въ ратушу собрать свѣдѣнія о настоящемъ положеніи вещей. Онъ былъ узнавъ и палъ отъ руки женщины, которая въ припадкѣ фанатизма нанесла ему ударъ кинжаломъ. Партія, которой онъ принесъ себя въ жертву, поспѣшила его забыть, довольная тѣмъ, что отъ него избавилась.

Малле-дю-Панъ является намъ представителемъ большой партіи умѣренныхъ, которымъ, несмотря на ихъ численность, не удалось организовать никакой послѣдовательной дѣятельности, почему они и не имѣли, почти, никакого вліянія. Тѣмъ не менѣе, Малле былъ самый замѣчательный, умный и добросовѣстный журналистъ своего времени. Онъ происходилъ изъ зажиточнаго женеваго семейства и въ молодости принималъ участіе въ политической борьбѣ, которая тогда возмущала его родную республику. Въ немъ такимъ образомъ рано развился талантъ состояться на словахъ. Привычка вглядываться въ поступки маленькихъ партій сообщила его взгляду проницательность, которая позднѣе помогала ему вѣрно судить о событіяхъ, совершавшихся на его глазахъ во Франціи. Кромѣ того, онъ чрезвычайно какъ изощрился въ отраженіи непріятельскихъ ударовъ. Онъ познакомился съ Вольтеромъ въ Фернеѣ, и тотъ, въ 1772 г., рекомендовалъ его гессенъ-кассельскому ландграфу, который въ то время

искалъ профессора исторіи. Малле, однако, не долго занималъ эту должность. Онъ уже черезъ годъ вернулся на родину, участвовалъ въ изданіи историческихъ лѣтописей Ланга, затѣмъ переселился въ Парижъ и въ 1784 г. вступилъ въ редакцію «Французскаго Меркурія», гдѣ вскорѣ сталъ во главѣ политическаго отдѣла.

У Малле была одна изъ тѣхъ ясныхъ, практическихъ, трезвыхъ головъ, какія нерѣдко встрѣчаются между уроженцами города Женевы. Онъ заслуживалъ полнаго уваженія, не будучи особенно привлекателенъ, отличался благомысліемъ, но не добродушіемъ. Любя свободу, онъ стоялъ за постепенное развитіе, которое не подвергало бы опасности извѣстнаго рода привилегіи. Заботливый объ общемъ благѣ, насколько оно служитъ гарантіей частнаго благосостоянія, онъ былъ расчетливъ, остороженъ, безъ увлеченія и безъ малѣйшей идеальности въ воззрѣніяхъ. Таковы истые потомки старинныхъ фамилій, которыя Кальвинъ сформировалъ по своей системѣ. Природный діалектикъ, въ высшей степени логичный и послѣдовательный, всегда имѣя передъ собой опредѣленную цѣль, Малле составлялъ совершенную противоположность съ своимъ соотечественникомъ Руссо.

Несмотря на свое пристрастіе къ Вольтеру, котораго онъ впоследствии горячо защищалъ, онъ всегда твердо стоялъ на однажды занятой имъ средней позиціи. Однажды рѣчь шла о законахъ терпимости императора Іосифа II-го. Малле возразилъ, что терпимость есть не что иное, какъ «религіозная анархія», которая ему столько же ненавистна, какъ и «деспотизмъ суевѣрія». Его вниманіе было преимущественно устремлено на экономическіе и законодательные вопросы, которые занимали Европу въ годы, предшествовавшіе революціи. Его сжатый, ясный слогъ чрезвычайно много содѣйствовалъ успѣшной разработкѣ подобнаго матеріала. Но и въ вопросахъ чисто политическаго свойства, Малле часто обнаруживалъ изумительную проницательность. Такъ, напримѣръ, критикуя книгу Ренала о колоніяхъ, которая въ то время надѣлала много шума, онъ съ увѣренностью предсказываетъ революцію. «Вы называете себя свободными?» говоритъ онъ въ видѣ ироническаго предостереженія, обращаясь къ крайнимъ приверженцамъ новыхъ идей: «вы будете свободны, когда воздвигнутый на площади эшафотъ обогрится кровью вашихъ властителей!...» «Уберите знамя возмущенія, иначе оно скоро окрасится кровью вашихъ приверженцевъ!» Когда переворотъ совершился и національное собраніе открыло свои засѣданія, «Французскій Меркурій» печаталъ самые подробные и без-

пристрастные отчеты о дѣйствіяхъ депутатовъ. Королевская партія долго его чуждалась, не довѣряя ему, и сблизилась съ нимъ только силой обстоятельствъ. Весной 1792-го г. Малле-дю-Панъ былъ отправленъ королемъ съ тайнымъ порученіемъ въ Кобленцъ и къ германскому императору. Благодаря этому, онъ избѣжалъ грозы августовскихъ дней, которая иначе неизбежно поразила бы его. Послѣ этой катастрофы, сдѣлавшей невозможнымъ существованіе всякаго умѣренного журнала, онъ прекратилъ борьбу и вернулся въ Швейцарію.

Но оттуда Малле постоянно взывалъ къ войнѣ и раздувать ненависть къ республикѣ. Онъ не только ненавидѣлъ французскую революцію, но еще и страшился за независимость своей родины. Чтобъ спасти ее, онъ видѣлъ только одно средство: большую европейскую войну. Его примѣръ доказываетъ, какъ далеко можетъ увлечь человека бурный потокъ страстей. Личность, съ его умомъ и самообладаніемъ, до того забывается, что пишетъ записки прусскому королю и лорду Эльджину, въ которыхъ требуетъ войны! Понятно, что ежедневная рѣзня въ Парижѣ и въ провинціяхъ возбуждаетъ въ немъ ужасъ, но, подѣ влияніемъ ненависти и страха, онъ хочетъ для спасенія одной тысячи жизней пожертвовать сотнями тысячъ. Онъ не боялся навлечь разореніе и гибель на богатые страны и въ своемъ негодованіи упускалъ изъ виду, что этими угрозами войны давалъ тиранамъ въ руки лучшее оружіе, для того, чтобъ отстаивать свою власть и систему. Какъ близко приближался въ этомъ случаѣ нравственный разсудительный Малле къ столь ненавистному ему Марату! Если одинъ требовалъ смерти аристократовъ во избѣжаніе войны и пролитія крови плебеевъ, то другой требовалъ войны для того, чтобы спасти аристократовъ.

Но надежды, которыя Малле возлагалъ на чужеземное вмѣшательство, быстро разсѣялись. Несчастье постигло также и его родной городъ, и онъ въ 1798 г. принужденъ былъ, по призыванію директоріи, покинуть Швейцарію. Онъ бѣжалъ въ Англію, гдѣ и оставался до самой смерти, занимаясь составленіемъ записокъ, которыя служатъ отличнымъ источникомъ для изученія его времени. Онъ умеръ 10-го мая 1800 г.

VII.

Отъ печати и ея вожаковъ въ различныхъ направленіяхъ, авторъ переходитъ къ изученію состоянія другой силы, далеко превосходящей печать по обширности своего вліянія на общественныя массы, именно—къ театру. Но чтобы лучше выяснитъ значеніе театра въ эпоху революціи, ему было необходимо бросить взглядъ назадъ и указать на главнѣйшія черты изъ его предшествовавшаго историческаго развитія.

Сцена не нашла впрочемъ въ революціи, подобно періодической печати и краснорѣчію, ни своей собственной исходной точки, ни какихъ-нибудь новыхъ задатковъ сильнаго развитія. Театръ, напротивъ, подъ вліяніемъ тревожнаго времени, страшно упалъ и вся его дѣятельность въ теченіи революціоннаго движенія представляетъ только скудные остатки предыдущей плодотворной эпохи.

Театръ во Франціи изстари былъ одной изъ главныхъ опоръ образованія и прогресса. Одно время, когда всякое другое слово или умолкло, или было обращено исключительно на прославленіе придворныхъ событій, театръ одинъ сохранялъ за собой право возвыщать міру идеи правды, независимости, терпимости и справедливости. Драматическая поэзія, хотя и безсознательно, была нѣкоторымъ образомъ учительницей народа и служила выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Французская литература изумительно богата драматическими произведеніями, что доказываетъ не только особенный складъ ума народа и его любовь къ театру, но еще и громадное вліяніе послѣдняго на всю жизнь и на образъ мыслей націи. Во время революціи театръ не утратилъ своего вліянія на массы, но вслѣдствіе всеобщаго стремленія заниматься политикой и благодаря распространившемуся въ публикѣ дурному вкусу, онъ лишился всякаго внутренняго содержанія. А между тѣмъ сцена одна выдержала страшную бурю, не подвергшись никакимъ существеннымъ измѣненіямъ и не сдѣлавъ съ своей стороны никакихъ значительныхъ уступокъ. Форма государственнаго и общественнаго строя, основанія, на которыхъ покоились права собственности, были вполне измѣнены революціей. Вкусъ же, господствовавшій на сценѣ, оставался все тотъ же, и прошло еще много лѣтъ, потребовалось много труда, пока она освободилась отъ цѣпей узкаго формализма, который ею управлялъ. Подобное противорѣчіе не доказываетъ ли, что этотъ формализмъ, отчасти, лежитъ въ характерѣ народа, что и должно

до нѣкоторой степени объяснять и оправдывать его пристрастіе къ извѣстнаго рода сценическимъ ограниченіямъ.

До 1789 года развитіе театральнаго искусства, а слѣдовательно и драматической поэзіи были въ высшей степени стѣснены разнаго рода привилегіями. Въ Парижѣ существовало множество театровъ, по каждый изъ нихъ принужденъ былъ ограничиваться весьма небольшимъ кружкомъ дѣятельности. Такъ театръ «Variétés» могъ давать только трехъактные пьесы, «Théâtre de Monsieur» только итальянскія оперы во французскомъ переводѣ, а такъ-называемые «итальянцы» — французская драматическая труппа, расположившаяся въ прежнемъ помѣщеніи итальянской оперы, — должны были предлагать публикѣ только пьесы съ благополучнымъ концомъ. Обмороки, ядъ, слезы могли играть въ нихъ роль, лишь бы никто не умиралъ отъ любви. Другимъ театрамъ была отведена область пантомимы и канатнаго искусства, а въ двухъ актеры даже отдѣлялись отъ публики газовой занавѣсью. Такого рода распредѣленіе имѣло единственной цѣлью избавить отъ всякаго соперничества главный и наиболѣе аристократическій театръ «Французской комедіи» (Comédie française). Подобная мѣра сама себя осуждаетъ. Притѣснять всѣ другія предпріятія, требовать отъ остальныхъ театровъ, чтобы они продолжались одними фарсами или слезливыми драмами, и все это для того, чтобы поднять значеніе одной извѣстной труппы, — не значило ли это умышленно извращать вкусъ публики и оскорблять искусство въ угоду страннаго тщеславія? Если вопреки этой системѣ во Франціи являлись великіе драматическіе писатели, это вовсе не служило оправданіемъ привилегіи, данной «Французской комедіи», а только еще болѣе возвышаетъ заслуги этихъ людей. Неправильная атмосфера, впрочемъ, и на нихъ имѣла вредное вліяніе. Его не вполне избѣгли даже Корнель и Расинъ. Можно безошибочно сказать, что безъ этого покровительства, оказываемаго правительствомъ одному театру преимущественно передъ другими, драматическое искусство во Франціи достигло бы еще гораздо большаго развитія.

«Французская комедія» пользовалась правомъ исключительной собственности во всемъ, что касалось произведеній умершихъ авторовъ, — такимъ образомъ, весь классическій репертуаръ находился въ ея рукахъ. Кромѣ того она одна имѣла право ставить на сцену новыя трагедіи, вслѣдствіе чего большинство и живыхъ писателей находилось у нея въ полной зависимости. Уважаемые и поддерживаемые королемъ, артисты «Французской комедіи» составляли особенное общество, которое управлялось собственными

законами и стояло высоко надъ всѣмъ театральнымъ міромъ. Въ этомъ отношеніи тоже сдѣлала свое дѣло система централизаціи, которая со времени Людовика XIV все болѣе и болѣе стягивала Францію. Совершенно иное видимъ мы въ Германіи, гдѣ въ области искусства, также какъ и на другихъ поприщахъ, всѣ могли свободно состязаться. Каждый театръ могъ надѣяться на побѣду, которая дѣйствительно оставалась то за гамбургской, то за мангеймской, то за веймарской сценой. И та, и другая система, конечно, имѣютъ свои выгоды и свои опасности. Во Франціи установились прочныя традиціи и правила игры и постановки на сцену, а также рѣдкая гармонія въ исполненіи. Въ Германіи большая свобода породила большую простоту, развязность и оживленіе, но, съ другой стороны, постоянное колебаніе въ значеніи и превосходствѣ той или другой сцены не давали выработаться прочнымъ правиламъ вкуса. Во Франціи писателю предписывались границы, за которыя онъ не смѣлъ переступать, что не рѣдко задерживало свободное развитіе его мысли и фантазіи. Въ Германіи полное отсутствіе стѣсненій угрожало противоположной бѣдой. Писатель, не встрѣчая на своемъ пути никакихъ ограниченій, могъ, увлекаясь собственными стремленіями, теряться въ болѣе или менѣе длинныхъ отступленіяхъ. Къ счастью, истинный гений правильно развивается среди всякихъ условій. Никакія стѣсненія не могутъ остановить его полета, и посреди самой безграничной свободы онъ всегда сумѣетъ самъ положить себѣ границы.

Драматическая литература во Франціи до революціи имѣла два цвѣтущихъ періода, въ теченіе которыхъ и сценическое искусство достигало значительной степени развитія. Первый, въ полномъ смыслѣ слова, классическій періодъ, ознаменованный Корнелемъ и Расиномъ, нашелъ себѣ главнаго представителя въ Баронѣ, котораго многіе считаютъ величайшимъ французскимъ актеромъ. Во второмъ періодѣ въ театрѣ господствовали—какъ писатель, Вольтеръ, а на сценѣ его другъ и любимецъ, Лавенъ. Нѣсколько позже, Тальма создалъ третій періодъ процвѣтанія сценическаго искусства, но къ сожалѣнію онъ не находилъ соотвѣтственной опоры въ современной ему драматической литературѣ.

Въ первый періодъ театръ отличался большой простотой. Постановка на сцену ничѣмъ не поддерживала трагедій, успѣхъ которыхъ зависѣлъ единственно отъ ихъ собственной цѣны. Онѣ плѣнили зрителей гармоніей и изяществомъ языка, высотой и достоинствомъ поэзіи. Герои Расина и Корнеля имѣли мало общаго съ характерами, которые изображали, и всѣ болѣе или менѣе говорили языкомъ, употреблявшимся при версальскомъ дворѣ.

Это одинъ изъ главныхъ упрековъ, какіе имъ дѣлають въ Германіи. Но самъ Гёте въ своей «Ифигеніи» влагаєтъ въ уста грубаго скиоскаго царя отборныя рѣчи, что вовсе не мѣшаетъ считать его произведеніе столько же совершеннымъ по формѣ, сколько вѣрнымъ правдѣ въ изображеніи отдѣльных личностей. Нападки Лессинга на французскій театръ и на преувеличенное поклоненіе ему въ Германіи совершенно справедливы, но мы сильно ошиблись бы, еслибъ вздумали руководствоваться исключительно ими въ оцѣнкѣ значенія обоихъ великихъ драматурговъ, искусство которыхъ и изящество въ отдѣлѣ врядъ-ли могутъ быть вполне доступны другимъ.

Что бы сказала нынѣшняя публика, еслибъ, являсь на представленіе «Ифигеніи» Гёте или «Короля Лира» Шекспира, увидѣла вдругъ передъ собой Ореста въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ? Что бы мы сказали, еслибъ лишившійся разсудка англійскій король скитался бы по степи вмѣстѣ съ бѣднымъ Томомъ въ лакированныхъ сапогахъ и лайковыхъ перчаткахъ?

А между тѣмъ, какъ ни кажется намъ забавна мысль о подобной костюмировкѣ, она вовсе не нова, да въ сущности и не всегда одинаково поражаетъ своей странностью. Развѣ мы не видимъ въ концертахъ и собраніяхъ артистовъ, декламирующихъ цѣлыя сцены изъ драмъ и трагедій? Англійскій, французскій и испанскій театры въ самое цвѣтущее время своего существованія не знали другихъ костюмовъ, кромѣ тѣхъ, какіе предписывала современная имъ мода. Еще Гаррикъ исполнялъ шекспировскія роли въ напудренномъ парикѣ, а Людовикъ XIV принялъ бы за личное себѣ оскорбленіе, еслибъ его артисты явились передъ нимъ не въ строго-предписанныхъ этикетомъ придворныхъ нарядахъ.

Тѣмъ не менѣе тогдашніе драматическіе артисты, точно также какъ и современные намъ, умѣли воодушевлять публику. Для полноты иллюзіи во всякое время должна являться на помощь всемогущая волшебница—фантазія. Намъ кажется еще нерѣшеннымъ вопросомъ, кто далѣе отъ истины, семнадцатый или восемнадцатый вѣкъ, выведившій на сцену парики и фижмы, или девятнадцатый, стремящійся поражать зрителей роскошью обстановки и блескомъ декораций. Тогда кое-что предоставлялось воображенію, нынче кажется недоступнымъ пониманію все, что не облечено въ самыя осязательныя формы.

Вольтеръ, находящійся во главѣ второго періода, не можетъ быть поставленъ вполне на равную ногу съ драматическими писателями предыдущей эпохи. Тѣмъ не менѣе многія изъ его трагедій, каковы: «Меропа», «Заира», «Магометъ», отличаются

силой страсти, знаніемъ сцены и благородствомъ языка. Въ немъ замѣтно, съ одной стороны, стремленіе сообщить французской трагедіи побольше свободы и движенія, — съ другой нерѣшимость сдѣлать серьезный шагъ въ отступленію отъ старыхъ традицій. Поэтому онъ ограничивалъ свои реформы только одной внѣшностью, не касаясь сущности и внутреннихъ законовъ трагедіи.

Августъ, Цинна и другіе римскіе герои все еще продолжали являться на сценѣ напудренные, съ длинными перьями на шляпахъ, въ обшитыхъ позументомъ платьяхъ, короткихъ панталонахъ, шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками. Самая большая изъ допускавшихся вольностей заключалась въ панцырѣ для воиновъ, да золоченномъ шлемѣ, который они надѣвали поверхъ напудренныхъ локоновъ. Даже самъ многострадальный Одиссей, выброшенный волнами послѣ кораблекрушенія на островъ Схеріи, выходитъ на берегъ въ полномъ придворномъ нарядѣ и, нисколько не красѣя отъ подобной фальши, рекомендуется царевнѣ Навзикаѣ бѣднѣйшимъ, несчастнѣйшимъ и самымъ голоднымъ изъ смертныхъ, у котораго ничего не осталось даже для того, чтобъ прикрыть свою наготу. Съ меньшей благовоспитанностью и царь Агамемнонъ, сопровождая на смерть свою дочь Ифигенію, снималъ съ головы украшенную длиннымъ перомъ шляпу.

Еще того хуже стало, когда мода времени потребовала отъ мужчинъ широкихъ, выдающихся бедръ, чего они достигали съ помощью подушекъ набитыхъ конскимъ волосомъ. А дамы носили юбки съ широкими обручами, которыя не смѣли скидывать даже представляя молодыхъ гречанокъ. Онѣ во всѣхъ роляхъ являлись разодѣтыя въ перья, флёръ, повязки и съ прической, подымавшейся на цѣлый футъ отъ головы и липавшей лица всякаго выраженія. Можно себѣ представить такимъ образомъ расфранченнаго Одиссея въ бесѣдѣ съ разряженной на французскій ладъ царевной Навзикаей! Но, какъ мы уже говорили выше, всѣ эти личности вполнѣ утратили свой историческій характеръ. Подобно тому, какъ дѣвица Скудери въ своемъ романѣ «Великій Киръ» изобразила принца Конде и его кружокъ, такъ точно и трагедіи того времени, несмотря на содержаніе, заимствованное изъ древняго міра, были не иное что, какъ снимокъ съ версальской жизни. Неудивительно, если ихъ вскорѣ начали выкраивать всѣ по одной мѣрѣ. Народъ и простые граждане были совсѣмъ изгнаны со сцены, которая, казалось, существовала для однихъ принцевъ и королей. Они могли быть дикаго, варварскаго происхожденія, лишь бы по рожденію имѣли право вращаться въ придворной атмосферѣ. Монголъ Чингисханъ говорить тѣмъ же

самымъ языкомъ, какъ и наиболѣе изящные посѣтителѣ версальскихъ гостинныхъ. Такимъ образомъ, чувство правды и простоты совсѣмъ исчезло. Писатели, гоняясь за чистотой и изяществомъ языка, впали въ преувеличеніе и манерность, что, въ соединеніи съ безконечно-скучными и длинными монологами неизбѣжныхъ наперсниковъ и наперсницъ, сообщало трагедіи въ высшей степени монотонный характеръ. Подъ конецъ не удивляло уже и то, когда авторъ простымъ измѣненіемъ именъ превращалъ восточную трагедію въ испанскую. Театръ, какъ и все остальное во Франціи, нуждался въ сильномъ переворотѣ, но онъ совершился гораздо медленнѣе, чѣмъ того можно было ожидать.

Вольтеръ началъ реформы со способа постановки на сцену. Написавъ въ 1755 г. свою пьесу «Китайская сирота», онъ потребовалъ, чтобъ до тѣхъ поръ обычная, для всѣхъ пьесъ одна и та же задняя стѣна была замѣнена китайской декораціей. Кромѣ того, онъ приказалъ заготовить для актеровъ костюмы, имѣвшіе нѣкоторое сходство съ китайскимъ и татарскимъ нарядомъ. Четыре года спустя былъ сдѣланъ новый шагъ впередъ, а именно, наконецъ, рѣшились очистить сцену отъ зрителей, которые до тѣхъ поръ занимали мѣста по самымъ еулисамъ. Одинъ весьма посредственный писатель того времени, Колле, замѣчательный тѣмъ, что велъ чрезвычайно подробный дневникъ театральныхъ событій, 30-го апрѣля 1759 г. сообщаетъ слѣдующее: «я видѣлъ нынче залу «Французской комедіи», на которую никого болѣе не допускають. Дай Богъ, чтобъ это такъ и осталось! Въ результатъ получилось самое лучшее впечатлѣніе. Я самъ замѣтилъ, что голоса актеровъ раздаются несравненно явственнѣе. Театральная иллюзія сдѣлалась гораздо полнѣе. Отнынѣ Цезарь не подвергается болѣе опасности сорвать паріе съ кого-либо изъ возсѣдающихъ въ первыхъ рядахъ франтовъ; Митридатъ не станетъ болѣе умирать въ кругу нашихъ близкихъ знакомыхъ; тѣни Нина не придется болѣе ходить по мозолямъ генеральныхъ откупщиковъ¹⁾!»

Вольтеръ при постановкѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ пьесъ отказывался отъ приходившейся ему авторской части, обращая ее на изготовленіе необходимыхъ костюмовъ. Даже король пожертвовалъ пять тысячъ ливровъ на новую декорацію для Вольтеровой «Семирамиды», а для «Катилины» Кребийлона приваза на собственный счетъ изготовить для всѣхъ актеровъ римскія тоги. То

¹⁾ Journal historique ou mémoires critiques et littéraires sur les ouvrages dramatiques et les évènements les plus mémorables depuis 1748 à 1751, par Charles Collet. Въ первый разъ напечатаны въ Парижѣ въ 1805 г.

была первая робкая попытка къ реформѣ, которая вначалѣ только ухудшила дѣло. Гордые римляне, облекшись въ тоги, продолжали носить подъ ними свои шелковые кафтаны и коротенькіе панталоны. Когда же одинъ изъ актеровъ рѣшился однажды въ роли древняго героя выступить безъ напудренного парика, ему былъ за то сдѣланъ строгій выговоръ директоромъ, который нашелъ этотъ поступокъ съ его стороны чрезвычайно неприличнымъ. Вольтеръ и тотъ не рѣшился въ послѣднемъ актѣ своего «Танкреды» воздвигнуть, какъ ему то предлагали, «на сценѣ эшафотъ». Онъ не понималъ, говорилъ онъ, что общаго между искусствомъ и работой плотника?

Тѣмъ не менѣ Вольтеръ сдѣлалъ уже важный шагъ впередъ. Онъ освободилъ театръ отъ необходимости выводить на сцену только древнихъ героевъ, и самъ нерѣдко заимствовалъ изъ среднихъ вѣковъ содержаніе лучшихъ своихъ произведеній. Геній его провидѣлъ и предсказалъ полное паденіе древней трагедіи. Въ 1764 г. онъ писалъ по этому поводу: «Безъ сомнѣнія, наступитъ время, когда мы будемъ выводить на сцену палъ, и Варооломеевская ночь сдѣлается предметомъ трагедіи». Онъ понималъ и говорилъ, что при этомъ должна измѣниться самая манера драматическихъ писателей ¹⁾. Одного только онъ не предвидѣлъ: что предсказаніе его сбудется такъ скоро и что именно воспроизведеніе на сценѣ Варооломеевской ночи въ пьесѣ Шенье, «Карлъ IX», въ первый же годъ революціи вызоветъ такую страшную бурю.

Въ такихъ общихъ чертахъ знакомить Лотхейссенъ съ положеніемъ драматической поэзіи въ эпоху, предшествовавшую революціи. Онъ только указываетъ, какъ она, несмотря на свои заблужденія, все же выполнила свое историческое назначеніе, подготавливая умы къ приближавшемуся перевороту. Вліяніе новаго времени давало себя чувствовать повсюду: въ философскихъ и историческихъ сочиненіяхъ, въ романахъ, въ лирикѣ и даже въ идилліи. Трагедія и драма тоже провозглашали со сцены «великіе принципы» политической и религіозной терпимости и гражданской свободы. Герои пьесъ, хотя бы они изображали личности самой отдаленной древности, непременно должны были быть знакомы съ ученіями новѣйшей эпохи и нерѣдко держали рѣчи самаго революціоннаго свойства. Съ эстетической точки зрѣнія это было очень плохо,—но это тогда объ этомъ думалъ? Никто также не хотѣлъ видѣть въ

¹⁾ Нѣчто подобное говорить извѣстный аббатъ Гальяни въ своемъ письмѣ къ г-жѣ д'Эпине (1772), когда касается причинъ, вслѣдствіе которыхъ театръ утратилъ всакую естественность.

этомъ направленіи предвѣстника приближавшейся бури. Знатная публика слушала рѣзкія выходки, не пугаясь ихъ, потому что онѣ произносились устами изящныхъ, напудренныхъ кавалеровъ и принцевъ. Она видѣла себя въ хорошемъ обществѣ и съ улыбкой принимала за поэтическую рольность, за невинную мечту то, что вскорѣ должно было самымъ жестокимъ образомъ осуществиться на дѣлѣ.

Попытка Дидро создать буржуазную драму тоже принадлежить къ знаменательнымъ проявленіямъ духа времени. Третье сословіе, которое «было ничѣмъ и хотѣло сдѣлаться всѣмъ», стремилось также къ господству и въ театрѣ. Сійэзъ и Мирабо нѣсколько позже объявили его достаточно зрѣлымъ для участія въ политической жизни. Дидро еще прежде доказалъ, что оно достойно воспроизведенія на сценѣ, откуда даже можетъ со временемъ вовсе вытѣснить высовопарныхъ героевъ древности.

Но ни Вольтеръ, ни Кребилонъ, ни Дидро не были самыми опасными гонителями стараго на театральныхъ подмосткахъ. Настоящимъ предвозвѣстникомъ революціи явился Пьеръ-Огюстенъ Каронъ, названный Бомарше¹⁾. Онъ не подготовлялъ революціи сознательно, подобно Жанъ-Жаку Руссо, но чувствовалъ ея приближеніе и всѣмъ и каждому невольно открывалъ глаза на несостоятельность стараго порядка вещей. Преслѣдуя ѣдкой насмѣшкой пустоту, испорченность и нравственное растлѣніе высшаго французскаго общества, онъ всякому, сколько-нибудь зрячему, долженъ былъ внушать убѣжденіе въ неизбежности катастрофы.

Весной 1784-го г. парижане даже болѣе обыкновеннаго тѣснились у входа въ театръ «Французской комедіи», который недавно нашелъ себѣ помѣщеніе въ Сентъ-Жерменскомъ предместьѣ. Театръ объявилъ о первомъ представленіи новой комедіи Бомарше, «Свадьба Фигаро», и всѣ ожидали увидѣть веселую, нѣсколько скандальную пьесу, направленную противъ аристократіи, которая, вслѣдствіе этого, особенно и заботилась заручиться лучшими мѣстами. Никто изъ всей этой легкомысленной публики, ни даже самъ авторъ не подозрѣвалъ, что настоящий вечеръ есть какъ-бы прелюдія революціи, которая, подобно грозѣ, уже вовзвѣщала о своемъ приближеніи отдаленными раскатами грома.

Мы привыкли съ именемъ Фигаро соединять воспоминаніе о прелестныхъ мелодіяхъ Моцарта, граціозная опера котораго слѣ-

¹⁾ Louis de Loménie, Beaumarchais et son temps, 2 vols. Paris. Lévy frères. Превосходное руководство къ изученію общественнаго положенія вещей въ XVIII столѣтіи и составленное весьма компетентнымъ лицомъ. Digitized by Google

лала вездѣ столь популярной личностъ знаменитаго цирюльника. Но 27-го апрѣля 1784 г. публику привлекала въ театръ первоначальная пьеса, только позднѣе послужившая сюжетомъ для произведенія великаго композитора.

Но кто былъ этотъ Бомарше, взволновавшій весь высшій свѣтъ? Онъ не иное что, какъ первообразъ своего собственнаго Фигаро. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и предприимчивыхъ людей своего времени, онъ былъ столько же извѣстенъ своими комедіями, сколько и похождениями. Низкаго происхожденія, онъ завоевалъ себѣ такое положеніе въ обществѣ, которое позволяло ему не только вращаться въ кругу высшей аристократіи, но и приближаться къ королю. Онъ одно время былъ владѣльцемъ нѣсколькихъ торговыхъ судовъ, потомъ испыталъ крайнюю нужду, но никогда, ни въ какихъ обстоятельствахъ не падалъ духомъ.

Пьеръ-Огюстенъ Каронъ былъ сынъ зажиточнаго часовыхъ дѣлъ мастера. Онъ родился въ 1732 г. и подобно Руссо, съ которымъ, впрочемъ, не имѣлъ никакого другого сходства, отличался музыкальными способностями. Вопреки своимъ наклонностямъ, онъ долженъ былъ принять участіе въ дѣлахъ отца. Руссо въ подобныхъ же обстоятельствахъ бѣжалъ изъ родительскаго дома; Каронъ, сильно похोдившій на своего собственнаго пажа Керубино, распорядился иначе. Онъ скопилъ небольшую сумму денегъ, которая дала ему возможность купить скромное мѣсто при дворѣ, возлагавшее на него обязанность вести счеты и, въ парадной одеждѣ, со шпагой на боку, подавать за королевскимъ столомъ жаркое. Этимъ онъ проложилъ себѣ дорогу къ почестямъ. Ему удалось обратить на себя вниманіе своими музыкальными способностями и прекраснымъ голосомъ, что открыло ему двери въ покои королевскихъ принцессъ, сестеръ Людовика XV. Вскорѣ онъ сдѣлался распорядителемъ ихъ маленькихъ концертовъ и необходимымъ лицомъ при дворѣ.

Въ этомъ положеніи ему удалось оказать важную услугу одному чрезвычайно богатому человѣку, Парису де-Верне. Онъ, съ помощью принцессъ и своей собственной ловкости, склонилъ короля посѣтить военную школу, основанную этимъ банкиромъ. Честолюбивый Верне уже давно тщетно добивался подобной милости. Въ благодарность Карону, онъ сдѣлалъ его участникомъ въ своихъ финансовыхъ предпріятіяхъ, вслѣдствіе чего тотъ не замедлилъ обогатиться. Вступивъ въ бракъ съ богатой вдовой, которая вскорѣ умерла, Каронъ еще увеличилъ свое состояніе. Онъ считался между прочимъ владѣльцемъ имѣнія Бомарше, именемъ котораго и сталъ называться. Имѣніе это впрочемъ ни одинъ

человѣческій глазъ никогда не видалъ. Разъ вступивъ на этотъ путь, ему уже не трудно было, съ помощью денегъ своего покровителя, купить себѣ высоко-аристократическую должность при дворѣ, которая несказанно льстила его самолюбію.

Гораздо болѣе важныя послѣдствія имѣло для него въ литературномъ отношеніи путешествіе въ Испанію, предпринятое имъ въ 1764 г. съ цѣлью защитить честь одной изъ своихъ сестеръ—у него ихъ было пять—отъ оскорбленія, нанесеннаго ей однимъ мадридскимъ писателемъ, Клавиго. Бомарше удалось лишить послѣдняго мѣста, которое тотъ занималъ при дворѣ. Разсказъ объ этомъ происшествіи, помѣщенный имъ въ своихъ мемуарахъ, доставилъ Гѣте предметъ для его извѣстной драмы. Бомарше пробылъ въ Испаніи цѣлый годъ. У него тамъ были значительныя денежныя дѣла. Но главное богатство, вывезенное имъ изъ-за Пиренеевъ, заключалось въ испанскихъ характерахъ, которые онъ отлично изучилъ и нашелъ весьма пригодными для сцены. Но онъ не сразу пустилъ ихъ въ ходъ, а сначала попробовалъ свои силы въ двухъ трогательныхъ пьесахъ, которыя написалъ въ подражаніе манерѣ Дидро. Ни та, ни другая не имѣли успѣха, а вслѣдъ затѣмъ у него завязался процессъ, на долгое время лишившій его возможности думать о литературной дѣятельности.

Парисъ де-Верне, умирая, завѣщалъ Бомарше значительный капиталъ; но наслѣдники его начали оспаривать духовное завѣщаніе, подняли вопросъ о какихъ-то фальшивыхъ счетахъ и потребовали съ Бомарше вознагражденіе въ сто тысячъ ливровъ. Тотъ выигралъ процессъ въ первой инстанціи, но пока дѣло разсматривалось парижскимъ парламентомъ во второй, Бомарше былъ арестованъ по особенному приказу короля. Процессъ его такимъ образомъ былъ проигранъ, и ему пришлось разстаться съ своею должностію при дворѣ. Послѣ этого ему повидимому нельзя было болѣе подняться, но тутъ-то именно и выказалъ онъ свою необыкновенную живучесть и силу характера. Больной, въ заключеніи, лишенный состоянія и положенія въ свѣтѣ, съ пострадавшей честью, онъ не побоялся вступить въ борьбу съ всемогущимъ парламентомъ. Ему удалось довазать подкупность одного изъ судей, жена котораго у него самого требовала денегъ и получила ихъ. Наконецъ, онъ рядомъ статей успѣлъ совсѣмъ уничтожить своихъ противниковъ. Тогда, недовольствуясь отставленіемъ собственнаго дѣла, онъ выступилъ краснорѣчивымъ защитникомъ народныхъ правъ противъ ненавистнаго судебного учрежденія.

Всюрѣ правительство сочло нужнымъ снова употребить въ

свою пользу таланты столь замѣчательнаго человѣка. Съ открытіемъ англо-американской войны, на Бомарше было возложено порученіе устроить агентство, для того чтобъ, съ опасностью жизни, снабжать американцевъ оружіемъ и другими необходимыми средствами. Кругъ его дѣятельности вскорѣ принялъ огромные размѣры. Онъ одно время имѣлъ въ своемъ распоряженіи болѣе сорока судовъ и самъ снарядилъ въ пользу французскаго флота одинъ военный корабль въ пятьдесятъ двѣ пушки. Замѣчательно, что именно въ это время, посреди столькихъ промышленныхъ и финансовыхъ занятій, снова пробудилась въ Бомарше склонность къ литературѣ. Въ февралѣ 1775 г. онъ опять поставилъ на сцену комедію «Севильскій цирюльникъ». Она пала послѣ перваго представленія. Авторъ сдѣлалъ въ ней большія перемѣны и вторично предложилъ ее публикѣ, которая на этотъ разъ приняла ее чрезвычайно благосклонно. Успѣхъ ободрилъ Бомарше и побудилъ его заняться «Свадьбой Фигаро», которая, хотя въ литературномъ отношеніи и ниже «Севильскаго цирюльника», однако надѣлала гораздо болѣе шуму.

Бомарше въ теченіи десяти лѣтъ держалъ въ портфель рукопись своей второй комедіи. Въ Парижѣ много толковали о смѣломъ духѣ, какимъ была проникнута пьеса, и король, опасаясь непріятныхъ послѣдствій, запретилъ ее. Отмѣна этого запрещенія стоила огромныхъ усилій, но Бомарше, не менѣе своего Фигаро искусный въ интригахъ, повелъ дѣло такъ, что вскорѣ привлекъ на свою сторону королеву и самыхъ вліятельныхъ изъ придворныхъ. «Нѣтъ спасенія внѣ свадьбы Фигаро!» писалъ графъ Водреиль, котораго Бомарше увѣрилъ, что онъ вовсе не придворный. Король наконецъ долженъ былъ согласиться. Побѣда, одержанная поэтомъ, доставила ему тѣмъ болѣе торжества, что самыя ядовитыя его стрѣлы были направлены именно противъ двора и придворныхъ.

Первое представленіе «Свадьбы Фигаро» имѣло почти характеръ политическаго событія. Можно было подумать, что то справлялся радостный праздникъ въ честь французской аристократіи! Знатныя дамы собирались въ театръ за нѣсколько часовъ до представленія, спѣша занять лучшія мѣста въ ложахъ. Онѣ предпочитали обѣдать въ сумракѣ театральнаго зала, лишь бы присутствовать при остроумныхъ нападеахъ на самихъ себя и на свой собственный знатный кругъ ¹⁾.

¹⁾ Théodore Muret, l'Histoire par le théâtre. 1789—1851. Paris, 1865. vol. I. стр. 85 и слѣд.

Всѣмъ хорошо извѣстно содержаніе пьесы, хотя бы то было по произведенію Моцарта, оперный текстъ котораго такъ близокъ къ оригиналу, какъ это только возможно. Съ перваго взгляда едва понимаешь, почему она имѣла такое важное значеніе въ глазахъ современниковъ.

«Свадьба Фигаро» представляетъ вѣрную картину въ концѣ испорченнаго общества, причѣмъ авторъ выказываетъ много сатирическаго ума и большое умѣнье вести интригу и оживленные діалоги. Но при дальнѣйшемъ изученіи пьесы изъ-за любовныхъ сценъ и легкихъ, веселыхъ разговоровъ, начинаютъ выдвигаться иного рода свойства. Васъ мало-по-малу охватываетъ пламенное дыханіе страсти; вы чувствуете присутствіе здѣсь безграничнаго честолюбія и глубокой ненависти; у васъ какъ-бы на глазахъ совершается пробужденіе собственнаго достоинства въ лицѣ простолюдина Фигаро, который заставляетъ всѣхъ плясать по своей дудѣ. Когда Бомарше писалъ свою комедію, онъ имѣлъ въ виду личную месть, но то что онъ осмѣлился высказать, многіе думали тогда втайнѣ, и «Свадьба Фигаро» такимъ образомъ получила значеніе политическаго и соціальнаго памфлета.

По формѣ эта пьеса еще принадлежитъ къ разряду старинной комедіи. Фигаро не простой цирюльникъ и камердинеръ. Онъ исполняетъ при графѣ также должность секретаря и доктора, но тѣмъ не менѣе вполне играетъ роль, какую до него играли Арлекинъ, Сганарель и другіе довѣренныя слуги. Онъ и субретка, согласно духу старой комедіи, позволяютъ себѣ вольности, которыя намъ теперь кажутся въ высшей степени плоскими. Но если «Свадьба Фигаро» по внѣшней конструкціи своей принадлежитъ къ произведеніямъ стараго времени, то по воодушевляющему ея духу она составляетъ неотъемлемую принадлежность новой школы. Графу Альмавивѣ надоѣла его жена, и онъ устремляетъ свои взоры на неvěсту Фигаро, который долженъ пустить въ ходъ всю свою хитрость и способность къ интригѣ, чтобы спасти честь своей Сюзанны и свою собственную. Наконецъ, ему удается пристыдить графа съ помощью графини, которая, въ платьѣ субретки, отправляется на заранѣе устроенное ея мужемъ свиданіе съ Сюзанной.

Въ эту узкую раму авторъ сумѣлъ включить широкую сатиру на существовавшій тогда порядокъ вещей. Она затрогиваетъ всѣ стороны общественной жизни. Правосудіе своей страны, которое Бомарше позналъ собственнымъ опытомъ, онъ изображаетъ снисходительнымъ къ сильнымъ міра сего и жестокимъ въ отношеніи къ бѣднымъ и слабымъ. Политика и дипломатія, въ его глазахъ,

не иное что, какъ искусство лести, какъ нѣчто въ высшей степени ничтожное и пустое. Фигаро иронически восхваляетъ свободу печати въ «Мадридѣ». «Лишь бы — рассказываетъ онъ — я не говорилъ въ моихъ сочиненіяхъ о правительствѣ, о церкви, о политикѣ, о нравственности, объ «Оперѣ» и другихъ театрахъ, о комъ-нибудь, находящемся въ связи съ чѣмъ-нибудь, то я могу, подъ надзоромъ двухъ или трехъ цензоровъ, все свободно печатать». Сюзанна, въ свою очередь, бросаетъ дамамъ высшаго круга слѣдующія слова, которыя безъ сомнѣнія вызвали тогда одобрительную улыбку на многія розовыя уста: «Большой свѣтъ и пребываніе въ немъ научаютъ знатныхъ дамъ лгать съ такою легкостью, что этого никто не замѣчаетъ». Далѣе Фигаро спрашиваетъ, сколько знатныхъ господъ могутъ похвалиться тѣмъ, что они лучше своей репутаціи. Въ исполненномъ горечи монологѣ, онъ обращается къ графу и восклицаетъ: «Потому что ты знатный баринъ, ты считаешь себя гениемъ. Высокое положеніе, богатство, почести — вотъ что заставляетъ тебя гордиться! Но что же ты сдѣлалъ, чтобъ все это заслужить? Ты далъ себѣ трудъ явиться на свѣтъ—ничего больше! И все-таки ты человѣкъ самый обыкновенный. Между тѣмъ какъ я, затерянный въ толпѣ, чтобъ имѣть возможность жить, нуждаюсь въ большемъ знаніи и умѣ, чѣмъ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій было потрачено на управленіе цѣлою Испаніею!»

Успѣхъ комедіи возрасталъ съ каждымъ представленіемъ. Для увеличенія торжества автора, не было у него недостатка и въ противникахъ. Въ одномъ изъ шутивныхъ стихотвореній, направленныхъ противъ него, говорится, что каждое лицо его комедіи изображаетъ особенный порокъ, а публика въ концѣ представленія вызываетъ автора, чтобъ увидѣть всѣ пороки, соединенные въ одномъ лицѣ. Эту и еще многія другія эпиграммы Бомарше напечаталъ на свой счетъ, приправилъ ихъ новыми островами и велѣлъ въ одинъ вечеръ разносить ихъ, между антрактами, по ложамъ и въ партерѣ. Публика далась въ обманъ, приняла это за злую выходку со стороны его противниковъ, и вознаградила автора громкими аплодисментами и нескончаемыми вызовами ¹⁾).

¹⁾ Muret (p. 9) приводитъ цѣликомъ стихотвореніе, въ которомъ между прочимъ говорится:

«Dans ce drame effronté chaque acteur est un vice.
«Bartholo nous peint l'avarice,
«Almaviva le séducteur.
«Sa tendre moitié, l'adultère.
«Mais Figaro?... le drôle à son patron

Бомарше въ этотъ моментъ достигъ апогея своей славы. Высшій свѣтъ вовсе на него не сердился за столь безпристрастное воспроизведеніе себя. Онъ не только не былъ оскорбленъ, но, напротивъ, какъ будто считалъ себя польщеннымъ!

Но когда черезъ нѣсколько времени разразилась революція, аристократы въ своемъ наденіи увлекли за собой даже и всѣхъ тѣхъ, кто надъ ними смѣялся. Вслѣдствіе отказа американскаго правительства отъ всякаго рода платежей, Бомарше лишился значительной части своего состоянія. Революціонеры смотрѣли на него, какъ на подозрительнаго. Онъ былъ арестованъ, опять выпущенъ на свободу и наконецъ объявленъ эмигрантомъ, вслѣдствіе путешествія, которое предпринялъ въ Голландію по дѣламъ. Это послѣднее обстоятельство его въ конецъ разорило. Онъ удалился въ Гамбургъ, гдѣ жилъ въ такой крайности, что, какъ рассказываетъ самъ, боялся истратить лишнюю зажигательную свѣчку.

Въ 1796 году онъ выхлопоталъ себѣ позволеніе вернуться на родину, гдѣ прожилъ еще три года въ лихорадочной дѣятельности и постоянной вознѣ съ кредиторами и занмодавцами. Онъ еще разъ попробовалъ выступить на литературное поприще, и написалъ драму, въ которой выставилъ семейство графа Альмавивы въ старости. Онъ еще въ 1792 году ставилъ ее на сцену, подъ названіемъ «Преступной матери». Но ни тогда, ни теперь въ печати она не имѣла успѣха. Ей недоставало смѣлости и остроумія предыдущихъ его пьесъ, да и время перестало быть благопріятнымъ литературѣ.

Апоплексическій ударъ прекратилъ существованіе этого замѣчательнаго человѣка въ маѣ 1799 года. Хотя онъ и объявилъ войну старому, отживавшему порядку вещей, однако онъ самъ имѣлъ гораздо болѣе общаго съ нимъ, нежели съ новымъ поколѣніемъ. Несмотря на всѣ свои революціонныя стремленія, онъ не давалъ себѣ никакого отчета въ томъ, чего новѣйшее время было въ правѣ требовать и что оно могло обѣщать.

«Si scandaleusement ressemble,
 «Il est si frappant qu'il fait peur;
 «Et pour voir à la fin tous les vices ensemble,
 «Le parterre en chœur a demandé l'auteur.»

IX.

Событія 1789 года, отразившіяся на всѣхъ отрасляхъ общественной и частной жизни, не могли остаться безъ вліянія и на театр. Вскорѣ послѣ взятія Бастиліи, послужившаго поводомъ къ сближенію между народомъ и солдатами «французской гвардіи», актеры «Французской комедіи» дали особенное представленіе въ пользу послѣднихъ. Такимъ образомъ, искусство, дотолѣ плававшее въ мирныхъ водахъ, внезапно бросилось въ водоворотъ политической жизни. Зрители мало-по-малу привыкли встрѣчать аплодисментами или свистками всякое произносимое на сценѣ слово, которое имѣло хоть малѣйшее отношеніе къ дѣйствительности. Аплодисменты раздавались чаще въ началѣ, когда будущее представлялось еще въ розовомъ цвѣтѣ. Въ одной старой комедіи Детуша ¹⁾, «Донъ Филиппъ», кто-то говоритъ преданному совѣтнику короля, что онъ заботится только объ интересахъ своего государя, а тотъ настолько проникателенъ, что ни подъ какимъ видомъ не хочетъ съ нимъ разстаться. Публика при этихъ словахъ внезапно поднялась, чтобъ привѣтствовать министра Неккера, надъ паденіемъ котораго сильно трудилась придворная партія. Въ той же пьесѣ говорится объ испанскомъ королѣ, который созданъ небомъ, чтобъ управлять сердцами. Публика обратила эти слова на Лудовика XVI и встрѣтила его радостными восклицаніями.

Но время довѣрія между народомъ и правительствомъ недолго длилось и уступило мѣсто взаимной ненависти. Одинъ изъ поводовъ къ враждебному взрыву подалъ молодой актеръ Тальма, который въ то время игралъ второстепенныя роли и не успѣлъ еще выказать своего огромнаго таланта. Уже нѣсколько ранѣе, видя все возраставшее отвращеніе публики ко всему придворному, онъ осмѣлился сдѣлать рѣшительный шагъ къ измѣненію костюмировки. Другъ его Давидъ, подготовившій торжество античной манеры въ искусствѣ, подстрекалъ его произвести въ пользу ея переворотъ также и на сценѣ. Дѣйствительно, Тальма появился въ вольтеровскомъ «Брутѣ», гдѣ игралъ незначительную роль Провула, одѣтый въ римское платье, съ обнаженными

¹⁾ Destouches, «L'ambitieux et l'indiscrette». — Лучшіе источники для изученія французскаго театра новаго времени представляютъ: «L'histoire par le théâtre» Muret; «Le théâtre français» p. Ch. Maurice. Paris, 1859; Gérozeux, «Histoire de la littérature française pendant la révolution», а также: «Die Geschichte des französischen Theaters während der ersten Revolution». Nach dem Französischen des Toulin u. A. Hamburg, Meissner, 1853.

руками и ногами и въ своихъ собственныхъ каштановыхъ волосахъ, вмѣсто обычнаго напудреннаго парика съ локонами. Его товарищи пришли въ неописанное негодованіе, а дѣвица Конта, одна изъ первыхъ актрисъ «Французской комедіи», съ отвращеніемъ отъ него отвернулась, говоря, что онъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на эти противныя древнія статуи. Зрители въ первую минуту тоже были поражены необыкновеннымъ видомъ Тальмы, но вскорѣ поняли смыслъ подобнаго нововведенія. Если повсюду пробуждалось стремленіе къ правдѣ и простотѣ, зачѣмъ же сценѣ придерживаться долѣе какого-нибудь этикета? Большинство объявило себя за Тальму, примѣру котораго мало-по-малу послѣдовали и другіе актеры. Тѣ изъ нихъ, которые были постарше, конечно не совсѣмъ-то ловко себя чувствовали въ новомъ нарядѣ и вздыхали по прежнему, болѣе удобному. Такъ, напримеръ, извѣстный актеръ Вангофъ постоянно жаловался на необходимость выходить на сцену въ греческомъ платьѣ, гдѣ нельзя даже сдѣлать кармана, куда бы прятать табакерку. Въ былое время вовсе не считалось предосудительнымъ въ роли древняго героя нюхать табакъ.

На среду 4-го ноября 1789 года была объявлена актерами «Французской комедіи» новая пьеса Мари-Жозефа Шенье, «Карль IX, или школа королей». Дѣло шло ни болѣе, ни меньше, какъ о воспроизведеніи на сценѣ вареоломеевской ночи. Любопытство публики дошло до высшей степени возбужденія. И вотъ, какія были послѣдствія этого представленія; они оказались гораздо важнѣе, чѣмъ того можно было ожидать, такъ какъ онѣ именно привели къ распаденію главной драматической труппы во всей Франціи ¹⁾.

Актеръ, которому предназначалась сама по себѣ неблагоприятная и чрезвычайно трудная роль Карла IX, отказался отъ нея,

¹⁾ G. Duval, «Souvenirs de la Terreur», I, 126. Авторъ между прочимъ разсказываетъ слѣдующее о первомъ представленіи драмы «Карль IX»: «... Было два часа. Площадь уже кишѣла народомъ, а въ Люксембургскомъ саду толпились оживленныя группы. Сосѣдніе кафе и рестораны были переполнены; тамъ не хватало болѣе мѣста. Повсюду видѣлось сильное движеніе и нерѣдко встрѣчались мрачныя, угрожающія фигуры. Казалось, каждый, какъ передъ сраженіемъ, изиѣрялъ свои силы. Первое представленіе «Карла IX» имѣло гораздо болѣе характеръ политическаго, чѣмъ театральнаго событія... Я не стану передавать впечатлѣнія, какое производили отдѣльныя сцены; скажу только, что успѣхъ былъ необычайный. Пьеса сначала до конца была исполнена посреди рукоплесканій, топота ногами и криковъ «браво». Я полагаю, что еслибъ кто осмѣлился свиснуть, то врядъ ли вышелъ бы изъ театра живымъ... Мирабо съ нѣсколькими другими депутатами своей партіи занималъ одну изъ ложъ на балконѣ, и первый подавалъ знаки къ одобренію».

и потому она выпала на долю Тальмы. Онъ такъ мастерски изобразилъ личность слабоумнаго, трусливаго и въ то же время кровожаднаго тирана, что сразу занялъ мѣсто въ ряду величайшихъ артистовъ своего отечества. Пьеса выдержала уже болѣе тридцати представлений, когда король вдругъ запретилъ ее, по настояніямъ одного изъ епископовъ. Столь несвоевременная мѣра только еще болѣе усилила пристрастіе публики къ драмѣ Шенье. Въ день празднованія годовщины взятія Бастиліи, въ Парижѣ явились депутаціи со всѣхъ концовъ Франціи. Вечеромъ въ театрѣ партеръ началъ настоятельно требовать возобновленія «Карла IX». Напрасно режиссеръ отговаривался болѣзнью нѣкоторыхъ актеровъ. Тальма, недовольный потерей роли, доставившей ему громкую извѣстность, внезапно выбѣжалъ на сцену и объявилъ, что представленіе драмы «Карль IX» весьма возможно: надо только немного доброй воли.

Этотъ поступокъ молодого актера, въ высшей степени непріятный для его товарищей, ускорилъ вспышку уже давно мало-по-малу накоплавшейся вражды между членами труппы «Французской комедіи». Въ угоду публикѣ, пришлось возобновить «Карла IX»; но немного позже Тальма былъ на нѣсколько мѣсяцевъ удаленъ со сцены. Парижская ратуша отмѣнила этотъ приговоръ; но лишь только національное собраніе объявило 13-го января 1791 года театры свободными, труппа «Французской комедіи» немедленно разсѣялась. Тальма, собравъ вокругъ себя нѣсколькихъ актеровъ, основалъ «Театръ улицы Ришельё», или, какъ онъ его вскорѣ переименовалъ, «Театръ свободы и равенства». Онъ въ немъ съ особенной любовью давалъ пьесы революціоннаго характера, въ которыхъ у него уже болѣе никто не оспаривалъ первыхъ ролей. Остальные актеры бывшей труппы «Французской комедіи» соединились вмѣстѣ и основали другой театръ, который называли «Національнымъ». Они оказывали предпочтеніе высокой комедіи. У нихъ на сценѣ еще сохранились остатки хорошаго тона образованнаго общества, и репертуаръ ихъ, въ противоположность театру Тальмы, составлялъ какъ-бы оппозицію, имѣвшую въ виду поддерживать короля и монархическое начало.

Весьма интересное въ психологическомъ отношеніи явленіе представляла все возраставшая страсть народа къ театральнымъ представленіямъ въ эпоху, которая въ дѣйствительной жизни была уже такъ богата трагическими событіями. Въ 1790 году въ ратушѣ хранилось одновременно до семидесяти-восьми проектовъ вновь открывавшихся театровъ. Большинство ихъ было одинаковаго достоинства съ безчисленнымъ множествомъ тогдашнихъ га-

зеть: то были мимолетныя явленія, которыя умирали въ теченіи того же дня, когда рождались. «Въ пятницу его (театръ) открыли, въ субботу ему несчастливо, а въ воскресенье его закрыли», — поется въ одномъ изъ куплетовъ фарса «Тысяча и одинъ театръ». Была ли то неизвѣстность на счетъ собственной судьбы, которая побуждала cadaго извлекать какъ можно болѣе наслажденія изъ настоящей минуты; или всеобщее движеніе и безпокойное настроеніе умовъ требовало, въ видѣ отдыха, болѣе легкой пищи; или, наконецъ, то было просто слѣдствіе врожденнаго всѣмъ людямъ чувства противорѣчія, которое такъ часто въ жизни народа за погребеніемъ заставляетъ слѣдовать пиръ, — но скорѣе всего должно предполагать послѣднее, иначе чѣмъ объяснить возникновеніе водевиля именно въ самыя тяжелыя, кровавыя времена? Какъ бы то ни было, толпа, посѣщавшая театръ, вовсе не требовала отъ него поэзіи, и драматическая литература быстро падала наравнѣ съ сценическимъ искусствомъ. Небрежность актеровъ вскорѣ превзошла всякое вѣроятіе. Никто не помышлялъ болѣе даже о соблюденіи внѣшняго правдоподобія. Коцебу рассказываетъ въ своемъ «Бѣгствѣ въ Парижъ», какъ онъ однажды вечеромъ въ 1790 году посѣтилъ театръ «Monsieur». Давался «Процессъ Сократа», и жилище аѳинскаго мудреца изображалось современной комнатою съ каминомъ, на карнизѣ котораго лежала трубка!

Наиболѣе выдающимся писателемъ этого года былъ Мари-Жозефъ Шенье, который поставилъ на театрѣ Тальмы цѣлый рядъ трагедій. Но ни его «Генрихъ VIII Англіійскій», ни «Калась», ни «Кай Грахъ», ни «Тимолеонъ» не имѣли того успѣха, какой сопровождалъ представленія «Карла IX». За нимъ слѣдовали: Дюсисъ съ своими передѣлками изъ Шекспира, Арно съ драмою «Марій въ Минтурнѣ», Легуве съ «Смертью Авеля» и съ трагедіей «Эпихарія и Неронъ» (1790 г.). Публика вообще довольно холодно относилась ко всѣмъ произведеніямъ подобнаго рода, ее гораздо болѣе привлекали пьесы, затрогивавшія вопросы дня и современной политики.

На очереди стоялъ вопросъ о важныхъ измѣненіяхъ въ управленіи церковными дѣлами. Шли толки объ уничтоженіи церковныхъ доходовъ, объ упраздненіи монастырей и о подчиненіи духовенства конституціи страны. Жалованье священникамъ отнынѣ должно было опредѣлять и выдавать государство. Значительная часть духовенства возстала противъ такихъ нововведеній. Театръ не замедлил явиться на помощь революціонному правительству и вывелъ на сцену передъ сильно возбужденнымъ народомъ

цѣлый рядъ пьесъ съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ монастырской жизни. Извѣстный литераторъ Лагарпъ еще въ 1770 г. напечаталъ драму «Мелани», направленную противъ монашескаго обѣта, но ему не удалось поставить ее на сцену. Въ разгаръ революціоннаго движенія театръ вспомнилъ о ней и предложилъ ее публикѣ. Вначалѣ она имѣла значительный успѣхъ, но вскорѣ другія, болѣе энергическія пьесы, совсѣмъ вытѣснили со сцены слезливую «Мелани». Пристрастіе публики къ такого рода драмамъ было столь велико, что побудило даже консервативный «Національный театръ» ставить на сцену пьесы, подобныя «Монастырскимъ жертвамъ» (*Les victimes cloitrées*) Монвеля. Содержаніе этихъ драмъ, съ небольшими измѣненіями, почти всегда одинаково: жестокосердые родители заключаютъ въ монастырь любящихъ дѣвушекъ, гдѣ онѣ несказанно страдаютъ, пока, наконецъ, въ послѣднемъ актѣ, къ нимъ является на выручку возлюбленный, отвага и постоянство котораго по истинѣ изумительны.

Еслибъ общественное мнѣніе не было уже давно настроено противъ вопиющей несправедливости, вслѣдствіе которой дочери достаточныхъ семействъ осуждались на одинокую жизнь въ монастырскихъ стѣнахъ, для того, чтобы родительское наслѣдство безраздѣльно доставалось одному любимому сыну, — врядъ ли бы эти драмы имѣли такой большой успѣхъ. Но въ настоящій моментъ онѣ пріобрѣтали политическое и социальное значеніе, которое вполне вознаграждало за отсутствіе въ нихъ поэтическихъ достоинствъ. Еще въ началѣ, авторы, несмотря на всю энергію своихъ нападокъ, все-таки еще сохраняли въ нихъ мѣру и хотъ сколько-нибудь старались держаться въ границахъ, предписываемыхъ искусствомъ. Но мало-по-малу театры наполнились исключительно пьесами, въ которыхъ безвкусіе и грубость достигли крайнихъ предѣловъ. Самые ничтожные фарсы, въ родѣ «Копенгагенскаго монастыря», или «Однаго дня въ Ватиканѣ», могли забавлять публику того времени, но они принадлежатъ исторіи литературы единственно настолько, насколько служатъ выраженіемъ духа данной эпохи и содѣйствуютъ къ уразумѣнію ея. Для того, кто занимается изученіемъ нравовъ, эта театральная дѣятельность имѣетъ свою цѣну. Вотъ почему необходимо указать еще на нѣкоторые произведенія подобнаго рода. Лажонъ, бывшій любимецъ семейства Конде, написалъ драму «Монастырь», въ которой объявляетъ себя «санкюлотомъ на всю жизнь», вѣроятно, съ цѣлью защитить себя отъ подозрѣнія въ приверженности къ аристократамъ. Пьесы «Іоанна или женщина

папа», «Драгуны и Бенедиктинки», «Драгуны на постоѣ», уже одними названіями своими доказываютъ, къ какому рода произведеніямъ онѣ принадлежали. Весьма справедливо сказано, что трагедія въ то время превратилась въ политическое сочиненіе, комедія—въ сатиру низшаго разряда, книга—въ памфлетъ. Кромѣ того, были еще въ большомъ ходу и почетѣ патріотическія пьесы. Таковы: «Низвергнутый деспотизмъ», гдѣ при безконечныхъ ружейныхъ залпахъ и бряцаньѣ сабель изображалось взятіе Бастиліи; «Народы и цари», «Руссо», «Вандейскіе грабители», «Самовластные», «Эмигрантка и якобинецъ», «Смерть Марата». Стремленіе уничтожить всякое воспоминаніе о прошломъ заходило такъ далеко, что даже въ классическихъ произведеніяхъ повсюду, гдѣ было можно, вставлялось слово «гражданинъ», причемъ не обращалось ни малѣйшаго вниманія ни на смыслъ, ни на размѣръ стиха.

Въ началѣ ройалистская партія еще осмѣливалась выказывать нѣкоторое сопротивленіе. Иногда враждебныя партіи вступали въ борьбу во время самыхъ представленій, и локамъ нерѣдко случалось одерживать верхъ надъ партеромъ. Анти-революціонныя демонстраціи чаще всего происходили въ «Національномъ театрѣ» или бывшей «Французской комедіи». Въ «Эдипѣ», Лагарпа, говорится, что король выше своей судьбы, и зрители въ ложахъ приходили въ неописанный восторгъ. Еще съ большимъ одобреніемъ встрѣчали они стихи изъ «Дидоны», Лефранъ де-Понпіньяна, въ которыхъ говорится, что цари, подобно богамъ, стоятъ превыше законовъ. Публика нерѣдко требовала отъ оркестра исполненія арій, которыя служили какъ-бы знаменемъ партій, причемъ сама сопровождала музыку пѣніемъ. Такимъ образомъ, строфы, обращенныя къ «прекрасной Габріэлѣ» или арія изъ «Ричарда Львиное сердце», Гретри: «О, Ричардъ! О, мой король!» превратились въ настоящіе воинственные гимны, къ которымъ еще иногда присоединялись пѣсни съ язвительными насмѣшками надъ либералами. Неудивительно, если другіе театры, въ противоположность «Національному», тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ нападали на ройалистскую партію. Однажды королева присутствовала въ комической оперѣ при представленіи одной оперетки. Извѣстная артистка, госпожа Дюгазонъ, осмѣлилась вставить въ одинъ изъ дуэтовъ небольшую похвалу королевѣ. На слова актера, игравшаго роль преданнаго слуги и говорящаго: «я отъ всей души люблю своего господина!»—госпожа Дюгазонъ, въ роли субретенки, должна была отвѣтить: «О! какъ я люблю свою госпожу!» Она воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы обратиться

въ королевской ложѣ и низко поклониться Марин-Антуанеттѣ. Дѣло происходило не въ «Национальномъ театрѣ». Публика мгновенно поднялась, послышались крики: у насъ нѣтъ болѣе госпожи, да здравствуетъ свобода! Наконецъ, шумъ и смятеніе достигли такихъ размѣровъ, что королева въ испугѣ посгѣшила удалиться ¹⁾. Немного спустя театры буквально превратились въ мѣста сборищъ, гдѣ происходила ежедневная борьба. Туда ходили болѣе не за развлеченіемъ и отдыхомъ. Поэзія, искусство и самые исполнители отодвинулись на задній планъ. Политическая лихорадка охватила всѣхъ, и политическая борьба вытѣснила изъ общества всѣ другіе интересы. Публика сама играла роль; она была довольна только когда могла кричать и шумѣть, и дѣло иногда доходило до драки. Одна газета иронически совѣтовала зрителямъ являться въ театръ вооруженными ружьями, пистолетами, саблями, чтобъ обѣ партіи могли основательно рѣшать свои споры.

Страсти, такимъ образомъ, разгорались все сильнѣе и сильнѣе. Только весьма немногія личности дѣйствовали въ примирительномъ духѣ и со сцены проповѣдывали умѣренность и терпимость. Въ числу ихъ принадлежалъ Луи-Жакъ Беффруа де-Реньи, который свои произведенія подписывалъ псевдонимомъ «Кузень Жакъ». Въ концѣ осени 1790 г. онъ поставилъ на сцену комедію съ куплетами и въ трехъ дѣйствіяхъ: «Никодимъ на лунѣ, или мирная революція». Никодимъ, простой, прямодушный поселянинъ, внезапно переносится на луну, гдѣ онъ чрезвычайно нравится царствующему тамъ королю и женщинамъ, которыя изъ-за него ссорятся. Король разспрашиваетъ Никодима о послѣднихъ событіяхъ во Франціи, просвѣщается съ его помощью на счетъ злоупотребленій, господствующихъ на лунѣ, и совершаетъ тамъ извѣстныя реформы. Пьеса была принята публикой благосклонно, и «Кузень Жакъ», ободренный успѣхомъ, написалъ въ сентябрѣ 1791 г. новую комедію: «Клубъ добрыхъ людей». Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, обитатели которой занимаются политикой и вмѣсто того, чтобъ работать, цѣлые дни проводятъ въ клубѣ. Политическая вражда раздѣляетъ семейства и поселяетъ разладъ между дѣтьми и родителями. Къ счастью является

¹⁾ Duval, Souvenirs de la Terreur I. 340. Вышеописанная сцена находится въ опереткѣ Гретри, «Непредвидѣнные обстоятельства» (Les événements imprévus), которая давалась у «итальянцевъ», какъ тогда называлась комическая опера. Дуэтъ слѣдующаго содержалъ:

J'aime mon maître tendrement,
Ah! que j'aime ma maîtresse!

на выручку во всѣмъ духовный пастырь, человекъ честный, разсудительный, которому удастся всѣхъ умиротворить. Онъ, въ качествѣ тонкаго дипломата, находитъ обѣ партіи правыми, признаетъ клубы весьма полезными учрежденіями, доставляющими гражданамъ средства многому научиться, но въ то же время проповѣдуетъ обоюдное снисхожденіе. Мало того, онъ старается расположить поселянъ въ пользу ихъ помѣщика, который эмигрировалъ, напоминая имъ, что всѣ они братья и братья, осмѣливается даже упомянуть о королѣ, какъ о «лучшемъ изъ отцовъ». Пьеса оканчивается всеобщимъ примиреніемъ и объятіями. Какъ ни невинна сама по себѣ эта комедія, одна публика приняла ее весьма недоброжелательно. Дальнѣйшія представленія ея были запрещены, и ревностные приверженцы революціи даже сожгли изображеніе ея автора. Самъ онъ избѣжалъ смерти только тѣмъ, что долгое время скрывался, а для позднѣйшихъ своихъ сочиненій бралъ предметы исключительно изъ драмы того міра ¹⁾.

Еще гораздо болѣе мужества выказалъ другой писатель того времени Лайя (Laya). Онъ, нѣсколько дней спустя послѣ pronounced смертнаго приговора надъ королемъ, а именно 23-го января 1793-го г., поставилъ на сценѣ «Національнаго театра» сатирическую пьесу: «Другъ закона» (l'Ami des lois). Содержание чрезвычайно просто. Два воплощенные злые духа, граждане Номофагъ и Дурикранъ (пожиратель законовъ и ерѣшеголовы) стремятся осуществить свои политическія воззрѣнія, но это имъ не удается, несмотря на всѣ ихъ интриги. Герой пьесы, характеръ въ высшей степени честный и благородный, возстаетъ противъ нихъ и одерживаетъ надъ ними побѣду. Вся пьеса есть ничего, какъ смѣлый вызовъ революціи, ея каррикатурное изображеніе со множествомъ болѣе или менѣе остроумныхъ намековъ на современныя политическія событія. Авторъ явно старался подражать Аристофану. Главная смѣлость его заключалась въ томъ, что онъ въ Номофагъ и Дурикранъ воспроизвелъ личности двухъ главныхъ республиканскихъ вождей, Робеспьера и Марата. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ему дѣйствительно удалось вознестись до значительной степени высоты и энергіи. «Война», восклицаетъ онъ между прочимъ: «вѣчная война виновникамъ зла! Къ кому бы вы ни были, тираны-роялисты, или тираны-республиканцы, склоняйтесь всѣ передъ законами: вотъ ваши настоящие вѣнцы!»

РОЗЪ Кузень Жакъ умеръ въ 1811 г., но его произведенія, не имѣющія ничего изъ современныя событія, лишены всякаго значенія.

цари¹⁾. Дуривранъ является олицетвореніемъ безстыдства. Онъ стремится по-своему разрѣшить социальный вопросъ и объявляетъ себя врагомъ всякой собственности, въ которой видитъ источникъ всѣхъ пороковъ и несчастій. Еслибъ, говорить онъ, не было собственности, не было бы и воровъ, а слѣдовательно и необходимости въ наказаніяхъ. Безъ собственности не было бы ни воровъ, ни коварства, ни зависти, ни даже супружескихъ не-вѣрностей, потому что женщина принадлежала бы всѣмъ и никому въ особенности. Такимъ образомъ, онъ, чтобы убить пороки, ищетъ истребить добродѣтели²⁾. Въ заключеніе, онъ хвастается еще своей бдительностью, которая помогла ему открыть въ теченіи четырнадцати дней восемь заговоровъ,—по четыре въ недѣлю.

Королевская партія еще не совсѣмъ была уничтожена, и вос-торгъ, съ какимъ она привѣтствовала «Друга закона», можетъ сравниться развѣ только съ негодованіемъ и злобой, съ какими на него отозвались республиканцы. Парижская ратуша запретила комедію. Лайя обратился съ жалобой въ Конвентъ, который въ эту минуту былъ занятъ угрожающей войной съ Англіей. Публика была въ такомъ возбужденномъ состояніи, что Конвентъ счелъ за нужное прекратить свои совѣщанія по поводу войны и заняться прежде театральнымъ вопросомъ. Лайя былъ призванъ въ судъ для отобранія отъ него показаній, и послѣ долгихъ и шумныхъ преній приговоръ ратуши найденъ несправедливымъ³⁾.

¹⁾ Guerre, guerre éternelle aux fauteurs d'anarchie!
Royalistes tyrans, tyrans républicains,
Tombez devant les lois, voilà vos souverains!

²⁾ De la propriété coulent à longs flots
Les vices, les horreurs, messieurs, tous les fléaux,
Sans la propriété point de voleurs, sans elle
Point de supplice donc; la suite est naturelle,
Point d'avares, les biens ne pouvant s'acquérir,
D'intrigants, les emplois n'étant plus à courir,
De libertins la femme accorte et toute bonne
Etant à tout le monde et n'étant à personne.

.....
Tout est commun; le vol n'est plus vol; c'est justice
D'abolir la vertu pour mieux tuer le vice.

³⁾ Засѣданіе Конвента 12-го января 1793 г. „Мониторъ“ говоритъ въ своемъ номерѣ отъ 20-го января 1793 г.: „Генеральный совѣтникъ еще въ прошлый вторникъ поручилъ генералу Сантерру воспрепятствовать представленію „Друга закона“. Его извѣстили актеры, которые имѣли похвальное мужество сопротивляться публикѣ, во что бы то ни стало требовавшей эту пьесу и отказывавшейся слушать всякую другую. Но зрители сумѣли себя утѣшить и повеселить: они въ теченіи всего времени, пока

Послѣдняя, съ своей стороны, не хотѣла отказаться отъ своего рѣшенія, и театръ въ теченіи нѣсколькихъ вечеровъ былъ настоящимъ полемъ сраженія. Молодые аристократы брали сцену приступомъ, и такъ какъ актеры отказывались играть требуемому пьесу, сами громко ее читали. Смерть короля, наконецъ, положила конецъ этимъ демонстраціямъ и пьеса исчезла изъ репертуара ¹⁾.

Оппозиція съ каждымъ днемъ становилась все слабѣе и слабѣе. Вскорѣ и театру пришлось умолкнуть, какъ газетамъ. Давать пьесу, гдѣ на сцену выходили короли и придворные, становилось положительно опаснымъ. 2-го августа 1793 г. Конвентъ объявилъ, что всякій театръ, который станетъ «предосудительными» пьесами отравлять общественное мнѣніе и распространять въ публикѣ суевѣрное пристрастіе къ королевской власти, немедленно будетъ закрытъ, а директоръ его арестованъ и подвергнутъ самымъ строгимъ наказаніямъ.

Такая угроза была достаточно понятна и предписывала величайшую осторожность. Театральная цензура, хотя и не открыто, но снова вошла въ силу. Корнель и Расинъ, и тѣ казались опасными ревностнымъ поборникамъ новаго порядка вещей. Одному изъ зрителей во время представленія «Цинны» не понравился тонъ пьесы, и онъ сталъ требовать, чтобъ авторъ немедленно былъ повѣшенъ на ближайшемъ фонарѣ! Одинъ изъ извѣстныхъ писателей эпохи, Франсуа де-Нёвшато, былъ арестованъ осенью 1793 г., потому что въ своей драмѣ «Памела», переделанной изъ Ричардсонова романа, осмѣлился похвалить англійское правительство. Его заподозрили въ преданности къ аристократамъ. Пьеса была написана годъ тому назадъ, тѣмъ не менѣе авторъ подлежалъ наказанію за то, что избралъ героемъ ея англійскаго лорда! Не только писатели, но и актеры также часто подвергались большой опасности, вслѣдствіе чего они нерѣдко, по своему усмотрѣнію измѣняли стихи, которые могли не понравиться публикѣ ²⁾.

обыкновенно длится представленіе, пѣли и танцовали карманьолу"... Этотъ разсказъ доказываетъ, что „Монитеръ“ уже и въ тѣ дни былъ опытенъ въ искусствѣ сглатывать непріятную истину.

¹⁾ Лайя вскорѣ былъ заключенъ въ тюрьму и обязанъ своимъ спасеніемъ только девятому термидору. Его пьеса и въ провинціи имѣла большой успѣхъ. Въ Марселл число желающихъ ее видѣть было такъ велико, что театръ въ теченіи нѣкотораго времени давалъ ее по два раза въ день.

²⁾ Въ „Тартюфѣ“ Мольера стихъ (V, 7): „Nous vivons sous un prince ennemi de la fraude, былъ измѣненъ слѣдующимъ образомъ: Ils sont passés ces jours d'injus-

Иногда актеръ, когда ему надлежало произнести фразу съ аристократическимъ оттѣнкомъ, останавливался посреди игры, подходилъ къ рампѣ и просилъ зрителей не смѣшивать личности изображаемаго имъ героя съ нимъ самимъ, искреннимъ патриотомъ.

Около этого времени особенно пострастилось четырехъ-актной пьесѣ Сильвена Марешала «Послѣдній судъ королей». Бѣдный старецъ въ теченіе двадцати лѣтъ живетъ въ ссылке на далекомъ вулканическомъ островѣ. У него нѣтъ другихъ товарищей, кромѣ нѣсколькихъ индѣйцевъ, которыхъ онъ, подобно Робинзону, старается просвѣтить. Чтобъ увѣковѣчить свое ученіе, онъ прячетъ его въ нишу, высѣченную въ скалѣ. Но ему мѣшаетъ въ этомъ мирномъ занятіи толпа санкюлотовъ, которые привозятъ въ ссылку на островъ всѣхъ европейскихъ королей. Между послѣдними отличаются король испанскій своимъ длиннымъ носомъ и какая-то королева своими необычными, неистовыми скачками. Она затѣваетъ ссору съ папой изъ-за куска морского сухаря. Затѣмъ поднимается всеобщая драка, островъ разверзается и всѣхъ поглощаетъ.

Но если эта пьеса есть не иное что, какъ образчикъ пошлаго фарса, какимъ въ то время охотно развлекалась публика, то другія произведенія эпохи служатъ доказательствомъ, до какого извращенія дошло тогда нравственное чувство публики. Въ концѣ 1793 г. на сценѣ появилась драма «Мужъ-республиканецъ». Въ ней яебинецъ случайно отерываетъ, что его жена аристократка. Онъ ее любитъ, но тѣмъ не менѣе доносить на нее и тѣмъ самымъ возводить ее на эшафотъ. Публика видѣла въ этомъ поступкѣ только выполненіе патриотическаго долга, неистово аплодировала пьесѣ и многократно вызывала автора.

Драматическое искусство, казалось, стояло на краю гибели. «Мониторъ», и тотъ жаловался на «варварское вторженіе на сцену жалкихъ произведеній». Но онъ приписывалъ это заговору, который, будто бы, составили Питтъ и Кобургъ (главнокомандующій союзными войсками на Рейнѣ) съ цѣлью унижить французскій театръ.

tice et de fraude. Въ „Брутѣ“ Вольтера актеръ не осмѣливался читать слѣдующіе стихи:

Arrêter un Romain sur de simples soupçons
C'est agir en tyran, nous qui le punissons.

Ихъ измѣнили такъ:

Arrêter un Romain sur de simples soupçons
Ne peut être permis qu'en révolution.

Не удивительно ли, что посреди этого хаоса были еще люди, вѣрившіе въ поэзію и въ ея высокое назначеніе? Изъ числа ихъ особенно выдается личность Андре Шенье. Но если другіе писатели одного съ нимъ направленія не могутъ быть поставлены съ нимъ на ряду по силѣ таланта, тѣмъ не менѣе они заслуживаютъ вниманія, вслѣдствіе своихъ усилій вѣрно служить тому, чтó считали свѣтомъ и правдой. На драматическомъ поприщѣ можно, рядомъ съ Мари-Жозефомъ Шенье и Дюссомъ, указать еще на Легуве и Арно для драмы, и на Колена и Фабра для комедіи.

Габріель-Мари-Жанъ-Батистъ Легуве родился въ Парижѣ 23-го іюня 1764 г. Отецъ его былъ довольно извѣстный писатель и передалъ свои литературныя наклонности сыну, который сначала готовился быть адвокатомъ, но не замедлилъ вскорѣ весь отдаться театру. Имѣя средства къ существованію, онъ могъ вполне посвятить себя музамъ. Его идиллическая трагедія «Смерть Авеля», сразу поставила его во главѣ сентиментальной школы, которая пользовалась особеннымъ пристрастіемъ публики въ самый разгаръ царства ужаса. Намъ извѣстно, что пастушескіе рассказы и приторно сладенькія идилліи были уже въ большомъ ходу еще до революціи. Произведенія Флоріана и Геснера находили себѣ почитателей даже въ средѣ санкюлотовъ. Легуве ввелъ это направленіе и въ театръ. Его «Смерть Авеля» есть не иное чтó, какъ передѣлка Геснерова «Авеля», и она также приторна и невыносимо скучна, какъ и ея оригиналъ. Предисловіе Легуве въ этой пьесѣ чрезвычайно интересно, особенно для нѣмцевъ, по снисходительному тону, съ какимъ авторъ говоритъ о нѣмецкой литературѣ въ эпоху, когда она достигла почти высшей точки своего классическаго развитія. Легуве находитъ, что «Авель» Геснера есть «одно изъ мастерскихъ произведеній нѣмецкой литературы, которое, за исключеніемъ немногихъ длиннотъ, могло бы занять почетное мѣсто даже и во французской литературѣ». Въ этомъ же предисловіи онъ старается оправдать свою попытку ввести въ театръ идиллію. Свобода, по его мнѣнію, приводитъ людей отъ роскоши и испорченности къ простотѣ и правдѣ, и поэтому безыскусственный пастушескій міръ долженъ отнынѣ замѣнить на сценѣ выперенныхъ героевъ древности.

Къ сожалѣнію, Легуве, несмотря на все свое отвращеніе къ вычурности, дотогѣ господствовавшей въ драмѣ, самъ тоже никакъ не могъ достигнуть простоты. Онъ не меньше другихъ щеголялъ контрастами, которые въ глазахъ тогдашняго блестящаго общества имѣли особенную поэтическую прелесть, и употреблялъ выраженія: «черная тревога», «ужасная радость», «добродѣтельные слезы».

Но несмотря на все это и даже на свою, почти невыносимую скуку, пьеса его имѣла большой успѣхъ, и совсѣмъ исчезла изъ репертуара французскаго театра только въ 1820 году.

«Смерть Авеля» была дана въ первый разъ въ 1792 году, и за ней послѣдовалъ цѣлый рядъ сентиментальныхъ драмъ, авторы которыхъ нынѣ по справедливости забыты. Въ ужасные сентябрьскіе дни, когда кровь лилась рѣкой и толпы свирѣпыхъ убійцъ осаждали тюрьмы, чтобъ скорѣй лишать жизни свои жертвы, театръ «Фейдо» ставилъ на сцену идиллическую оперу Демустье: «Сыновняя любовь, или деревянная нога». Въ ней нѣжный сынъ воздастъ дань любви и уваженія къ отцу тѣмъ, что во время его сна надѣваетъ ему на сѣдую голову вѣнокъ изъ душистыхъ цвѣтовъ. Сколько изъ зрителей, въ теченіи дня содѣйствовавшихъ подписанію нѣсколькихъ смертныхъ приговоровъ, вечеромъ умилялось, присутствуя при столь трогательномъ зрѣлищѣ! Подобныя пьесы имѣли наибольшій успѣхъ именно во время царства ужаса.

Самъ Легуве подъ-конецъ вернулся къ порицаемому имъ роду старой трагедіи. Онъ написалъ пьесу: «Эпихарія и Неронъ», которая еще имѣла нѣкоторый успѣхъ. Содержаніе пьесы заимствовано изъ Тацита и касается смерти тирана. Теперь эта трагедія кажется намъ пустой и подчасъ даже лишеною смысла декламацией. Въ ней заговорщики собираются во время пира въ саду цезаря, гдѣ нисколько не опасаясь, что ихъ могутъ подслушать, затѣваютъ громкій споръ; это совершенно естественно вѣдетъ къ ихъ открытію. Подобныхъ несообразностей въ пьесѣ еще много, и онѣ не искупаются никакими достоинствами. Впрочемъ, пятый актъ при каждомъ представленіи производилъ довольно сильное впечатлѣніе, чѣмъ былъ обязанъ Шекспиру. Легуве заимствовалъ изъ его «Ричарда III» знаменитую сцену, въ которой передъ тираномъ во снѣ встаютъ образы его жертвъ. Неронъ не спитъ, но видитъ на яву всѣ эти видѣнія въ подвалѣ своего дворца, куда скрывается прежде, чѣмъ рѣшается себя убить. Вся сцена, хотя и лишена значительной части шекспировской силы, однако еще дышетъ достаточной энергіей. Чтобъ возвысить значеніе Легуве, нѣкоторые критики стараются видѣть въ его «Неронѣ» попытку изобразить Робеспьера. Но во время перваго представленія трагедіи въ 1793 году, хотя и было уже пролито много крови, однако народъ еще поддерживалъ Робеспьера, и еслибъ тотъ подмѣтилъ въ ней хотя малѣйшій намѣкъ на себя, то конечно не оставилъ бы автора безнаказаннымъ. А Легуве между тѣмъ благополучно пережилъ царство ужаса и въ 1788 году былъ произведенъ въ члены академіи. Впослѣдствіи,

онъ стихотвореніемъ «На заслуги женщинъ» приобрѣлъ себѣ извѣстность лирика и, написавъ еще трагедіи «Этеовль» и «Генрихъ IV», умеръ въ сумасшедшемъ домѣ 30-го августа 1812 г. ¹⁾.

Антуанъ-Венсенъ Арно своими главными произведеніями тоже принадлежитъ къ исторіи литературы временъ революціи, хотя жизнь его и продолжалась гораздо долѣе этой эпохи. Онъ родился въ Парижѣ въ 1766 году и рано получилъ мѣсто секретаря при дворѣ одной изъ принцессъ. Нѣсколько позже ему удалось за большія деньги купить себѣ должность при особѣ графа Прованскаго. Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, разразилась революція и графъ Прованскій бѣжалъ за границу, Арно остался безъ мѣста и началъ писать для театра. Въ 1791 году онъ поставилъ на сцену драму «Марій въ Минтурнѣ», въ которой напелъ случай высказать свои революціонныя симпатіи и тѣмъ загладить въ глазахъ публики свое прошлое. Марій, въ качествѣ народнаго вождя и героя, преслѣдуемаго римскими аристократами, представлялъ весьма благодарный сюжетъ, но авторъ не доросъ до своей задачи и былъ обязанъ своимъ успѣхомъ гораздо болѣе политикѣ, чѣмъ поэтическому достоинству пьесы. Его слѣдующая трагедія «Лукреція» гораздо выше въ этомъ отношеніи, но публика отнеслась къ ней чрезвычайно холодно. Послѣ катастрофы 10-го августа 1792 года Арно бѣжалъ за границу, но вскорѣ вернулся, применивъ къ Наполеону и, благодаря ему, достигъ важныхъ должностей. При паденіи имперіи, онъ былъ совѣтникомъ министерства народнаго просвѣщенія и главнымъ секретаремъ парижскаго университета, но послѣ ста дней Людовикъ XVIII запретилъ ему въѣздъ въ столицу, изгнавъ его на двадцать миль разстоянія отъ нея. Тогда онъ удалился въ Голландію, гдѣ и пробылъ нѣсколько лѣтъ. Изъ его драматическихъ произведеній заслуживаетъ еще вниманія послѣдняя, написанная имъ, трагедія «Германикъ», которая, при первомъ своемъ представленіи въ 1816 году, надѣлала много шума, вызвавъ со стороны публики сильныя демонстраціи отчасти въ пользу, отчасти противъ его политической дѣятельности ²⁾. Онъ вернулся во Францію въ 1819 году и умеръ въ 1834 году.

Въ комедіи точно также, какъ и въ трагедіи, рамки постепенно все суживались, пока даже самый языкъ принялъ услов-

¹⁾ Нынѣ живущій сынъ его, академикъ Е. Легуве, наследовалъ отъ отца наклонность къ сентиментальности, которая сообщаетъ его сочиненіямъ нѣсколько извѣстную мягкость.

²⁾ Арно писалъ не одни драматическія произведенія; послѣ него остался еще сборникъ басенъ.

ную форму, отъ которой никто не осмѣливался отступать. Въ ней тоже оживленные сцены были замѣнены длинными разсказами. Кромѣ того, она часто грѣшила отсутствіемъ связи; дѣйствующія лица появлялись на сценѣ и исчезали безъ всякой видимой надобности. Стихи почти всегда имѣли одинъ и тотъ же александрійскій размѣръ, что все вмѣстѣ сообщало комедіи утомительное однообразіе. Уже Мольеру приходилось немало страдать отъ всѣхъ этихъ стѣсненій. Но трудности, которыя онъ превозмогалъ силой своего генія и неистощимой веселостію, для его послѣдователей оказались почти непреодолимыми. Нельзя однако отрицать, что французская комедія необыкновенно богата разнообразными талантами. Изобиліе въ ней легкихъ, веселыхъ пьесъ изумительно. Только чѣмъ дальше заглядываемъ мы назадъ, тѣмъ чопорнѣе и однообразнѣе онѣ становятся. Комедія, взятая съ точки зрѣнія картины общественныхъ нравовъ, ясно доказываетъ, какъ не полна была гражданская жизнь французовъ въ прошломъ столѣтіи, иначе она не оставалась бы такъ чужда всѣмъ политическимъ и общественнымъ интересамъ націи. Вполнѣ къ нимъ равнодушная, она почти постоянно удовлетворялась все одной и той же пустой, ничего неговорящей завязкой, подобной мыльнымъ пузырямъ, которые, на мгновеніе сверкая, забавляютъ дѣтей, а затѣмъ безслѣдно исчезаютъ. Во всѣхъ этихъ комедіяхъ повторяются одни и тѣ же положенія, воспроизводятся одни и тѣ же лица безъ крови и жизни, напоминающія китайскія тѣни. Передъ нами постоянно проходятъ добродушные дядюшки, легкомысленные племянники, добродѣтельные любовники, очаровательныя вдовушки, рядомъ съ дерзкими слугами и лукавыми субретками. Все это не иное что, какъ остатки веселой итальянской *Commedia dell'Arte*, съ установившимися въ ней личностями Тартальи, Панталоне и Арлекина. Изрѣдка только авторъ рѣшался касаться такихъ характеровъ, какъ «Тартюфъ» или «Мизантропъ», да и то, въ большинствѣ случаевъ, почти никогда не заглядывалъ глубоко въ человѣческое сердце, а довольствовался маленькими картинками изъ обыденной жизни, въ родѣ блѣдной акварели. Такъ передъ нами по временамъ мелькаютъ характеры «высокомѣрнаго», «непостояннаго», «ревниваго» и т. д.

Революція мало измѣнила въ этомъ отношеніи. Рядомъ съ революціонными фарсами и сатирами продолжали свое существованіе маленькія, скромныя комедійки, между тѣмъ какъ высокая комедія не находила себѣ мѣста ни на одномъ театрѣ. Между писателями, чуждыми всякаго политическаго направленія, особенно выдаются два: Коленъ д'Арлевиль и Фабр д'Эглантинъ.

Андріе, который въ то время уже писалъ для театра, однако гораздо болѣе принадлежить слѣдующему періоду.

Жанъ - Франсуа Колленъ родился въ 1755 г. въ Ментенонѣ, близъ Шартра. Отецъ его былъ небогатъ и вмѣстѣ съ многочисленной семьей существовалъ преимущественно доходомъ съ небольшого помѣстья. Колленъ провелъ первые годы юности въ сельскомъ уединеніи, къ которому въ теченіи всей жизни питалъ особенную любовь. Его кроткій нравъ плохо уживался съ дѣятельностью адвоката, для которой онъ сначала предназначался. Онъ вскорѣ совсѣмъ оставилъ ее и весь отдался театру, гдѣ его пьесы всегда встрѣчали наилучшій приемъ. Его комедіи «Непостоянный» и «Оптимистъ» представляютъ два отлично обрисованные характера, хотя и не отличаются особенно интересной завязкой. Незадолго до революціи, а именно въ февралѣ 1789 г., онъ поставилъ на сцену свои «Воздушные замки» (*les Châteaux en Espagne*). Эта комедія, безспорно, лучшее произведеніе Колленъ д'Арлевиля. Два родственника, по существующему еще и по-сю пору во Франціи обычаю, порѣшили сочетать бракомъ своихъ дѣтей. Послѣдніе никогда не видались. Нареченный женихъ, подъ вымышленнымъ именемъ, отправляется въ домъ своей невесты, чтобы до свадьбы съ ней познакомиться. Ея отецъ узнаетъ о намѣреніи молодого человѣка и приказываетъ слугамъ какъ можно учтивѣе принять незнакомца, который долженъ явиться въ скоромъ времени. Обстоятельства располагаются такъ, что за четверть часа до пріѣзда жениха въ замокъ является другой молодой человѣкъ, по имени д'Орланжъ. Онъ сбился съ пути и проситъ, чтобы ему оказали гостепріимство. Вслѣдствіе этого возникаетъ забавная ошибка. Обитатели замка оказываютъ д'Орланжу, мнимому жениху, преимущество передъ настоящимъ. Одна невеста видитъ себя обманутой въ своихъ ожиданіяхъ и находитъ предполагаемаго посторонняго посѣтителя гораздо болѣе пріятнымъ. Д'Орланжъ добрый малый, но легкомысленный, самодовольный мечтатель, который постоянно строитъ воздушные замки и ежеминутно создаетъ новые планы. Всякая новость приводитъ его въ восторгъ, и лишь только возникнетъ въ немъ мысль о какой-либо новой дѣятельности, какъ онъ уже видитъ себя посреди самой блестящей обстановки и считаетъ успѣхъ несомнѣннымъ. Авторъ чрезвычайно ловко развиваетъ этотъ характеръ. Его герой то воображаетъ себя фельдмаршalomъ, покоряющимъ весь земной шаръ, то министромъ, который пресѣкаетъ всѣ злоупотребленія и раздаетъ милости только достойнымъ людямъ. Когда владѣлецъ замка, къ великому его удивленію, объявляетъ ему о

своемъ намѣреніи выдать за него свою дочь, онъ охотно отказывается отъ всѣхъ предыдущихъ плановъ и начинаетъ уже думать о томъ, какъ онъ, поселясь въ старомъ замкѣ, займется перестройкой его въ новѣйшемъ вкусѣ. Но и эта мечта также быстро разсѣивается: дочь рѣшительно отказывается за него идти. Въ заключеніе ошибка разъясняется, и настоящій женихъ, который уже считаетъ свое дѣло проиграннымъ, наконецъ вступаетъ въ свои права. Д'Орланжъ быстро утѣшается и начинаетъ развивать новый планъ, какъ онъ поселится по сосѣдству, тоже женится и у него будетъ цвѣтущая семья. Но никто не сомнѣвается, что и эта его мечта разлетится, какъ и предыдущія, а на мѣсто ея возникнутъ новыя.

Комедія «Воздушные замки» ясно выказываетъ всѣ достоинства и недостатки Коллена. Почти во всѣхъ его произведеніяхъ, которыхъ числомъ двѣнадцать, начало завязки ведено чрезвычайно интересно, но потомъ дѣйствіе замедляется, интрига слабѣетъ и конецъ пьесы мало удовлетворяетъ зрителя. За то всѣ діалоги идутъ очень живо; у автора нѣтъ недостатка въ счастливыхъ оборотахъ и остроумныхъ выходкахъ, стихи его плавны и почти всѣ его комедіи и теперь еще читаются не безъ удовольствія ¹⁾. Колленъ всегда былъ слабаго здоровья и умеръ отъ чахотки 24 февраля 1806 г., еще далеко не въ преклонныхъ лѣтахъ.

Совершенную противоположность Коллену, какъ по сочиненіямъ, такъ и по характеру, представляетъ другой писатель комедій революціонной эпохи, Фабръ д'Эглантинъ. Если первый нравился простотой и ясностью своего изложенія, то второй отличался запутанностью и неровностями слога, недостатками, которые онъ впрочемъ искупалъ интересомъ завязки и положеній. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ далеко превзошелъ своего соперника. Колленъ имѣлъ кроткій, уживчивый характеръ; Фабръ, напротивъ, былъ неукротимъ и рѣзокъ въ обращеніи. Одинъ любилъ тишину, уединеніе и мирныя занятія; другой, со всѣмъ пыломъ своей южной, натуры, очертя голову, бросился въ водоворотъ политической дѣятельности, лишь только революція сдѣлала ее доступной всѣмъ гражданамъ.

Филиппъ-Франсуа Назеръ Фабръ родился 28-го декабря 1755 г. въ Каркассонѣ. Предоставленный самому себѣ, онъ никогда не посѣщалъ никакого учебнаго заведенія, — лишеніе, котораго онъ не могъ исполнѣ вознаградить даже самымъ усид-

¹⁾ Изъ другихъ комедій Коллена можно еще указать на слѣдующія: „Старый Холостакъ“, „Господинъ Кракъ“, гдѣ онъ предлагаетъ слабую сатиру на гасконскую хвастливость, да „Коварство за коварство“.

чивымъ позднѣйшимъ трудомъ. Это было для него тѣмъ болѣе, что онъ отличался большимъ тщеславіемъ и честолюбіемъ. Въ молодости ему удалось одержать побѣду въ поэтической борьбѣ на заданную тему въ Тулузѣ, за что ему былъ присужденъ главный призъ въ видѣ золотого цвѣтка шиповника (églantier). Онъ немедленно присоединилъ къ своему совершенно простому и обыкновенному имени прозваніе д'Эглантье, которое сообщило ему звучность и своего рода благородство. Вскорѣ ему стало тѣсно на родинѣ. Непреодолимая жажда славы влекла его далѣе, на болѣе широкое поприще, гдѣ ему пришлось вынести жестокую борьбу и испытать много разочарованій. Онъ началъ свое новое существованіе карьерой актера въ странствующей труппѣ, но не имѣлъ успѣха. Тогда онъ, на тридцатомъ году своей жизни, отправился попытать счастья въ Парижъ, гдѣ и принялся писать для сцены, которая его отвергла какъ актера. Но его первая пьеса пала. То была пятиактная комедія: «Писатели, или провинціалъ въ Парижѣ», въ которой онъ съ болѣею энергіей, чѣмъ тактомъ, выразилъ свою досаду по поводу постигшихъ его неудачъ, тогда какъ люди, гораздо менѣе его достойные, пользовались всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ. Не лучшая участь постигла и слѣдующую его пьесу «Самонадѣянный» (Le présomptueux), между тѣмъ какъ въ то же самое время публика чрезвычайно благосклонно отнеслась къ комедіи Коллена «Воздушные замки», въ которой изображался почти точно такой же характеръ. Фабръ возчувствовалъ съ этого дня глубокую ненависть къ своему болѣе счастливому сопернику, на котораго и написалъ въ предисловіи къ своему «Филинту» ядовитую критику. Эта третья пьеса, «Мольеровъ Филинтъ», доставила ему наконецъ столь желанный успѣхъ, которымъ ему и слѣдовало бы удовлетвориться. Написанная въ 1790 г. въ видѣ продолженія Мольерова «Мизантропа», комедія эта многими считается лучшимъ произведеніемъ не только Фабра, но и всей комической литературы того времени. Первый актъ начинается у Фабра послѣдними стихами Мольеровой пьесы. Это была большая смѣлость со стороны автора, который, вступая такимъ образомъ въ состязаніе съ любимѣйшемъ комическимъ авторомъ во Франціи, выказалъ не малую долю самонадѣянности. Впрочемъ, успѣхъ оправдалъ его претензію. Если характеръ Альцеста у него не такъ мастерски развитъ въ психологическомъ отношеніи, какъ у Мольера, тѣмъ не менѣе ему удалось нарисовать весьма хорошую картину нравовъ. Филинтъ—свѣтскій человѣкъ и эгоистъ, и Альцестъ—чудакъ и ворчунъ, который, несмотря на всю свою мнимую ненависть къ людямъ, въ сущности питаетъ къ нимъ

гораздо болѣе любви, чѣмъ всѣ другія лица,—очерчены у Фабра чрезвычайно ловко.

Терзаемый желаніемъ поскорѣе разбогатѣть, Фабръ, какъ кажется, потерпѣлъ большую неудачу въ несчастныхъ спекуляціяхъ. Это дало поводъ его противникамъ, подготовившимъ его гибель одновременно съ паденіемъ Дантона, обвинить его въ составленіи фальшивыхъ документовъ по дѣламъ индѣйской компаніи. Однако обвиненіе это ничѣмъ не доказано, что однако не помѣшало ему быть приговореннымъ къ смерти. Его упрекали еще въ роялистскихъ стремленіяхъ, и онъ вмѣстѣ съ своими друзьями взошелъ на эшафотъ 5-го апрѣля 1794 г. Между тѣмъ какъ Дантонъ шелъ на мѣсто казни съ презрительнымъ равнодушіемъ, а Демуленъ съ отчаяніемъ, Фабръ думалъ только объ участи оставленной имъ недописанною комедіи. Въ виду смерти онъ еще помышлялъ объ упроченіи своей литературной славы и съ телѣжки, везшей его на эшафотъ, бросилъ въ толпу рукопись, прося народъ сохранить для потомства это, столь драгоценное произведеніе. Но нынче никто не помнитъ его стиховъ, да и не многіе знаютъ самое имя Фабра.

Этимъ очеркомъ литературной дѣятельности «матадоровъ» революціонной прессы и описаніемъ положенія сцены того времени заключается существенная часть вполне безпристрастнаго изслѣдованія Лотхейссена, какого можно ожидать только отъ нѣмецкаго ученаго. Изъ труда его оказывается, что это время необычайнаго, повидимому, оживленія, было въ сущности весьма глубокимъ и печальнымъ нравственнымъ паденіемъ литературы и сцены; ореолъ самихъ «матадоровъ» совсѣмъ блѣднѣетъ предъ строгимъ судомъ автора; впрочемъ, рѣдкій изъ нихъ, подобно Камиллу Демулену, и самъ не приходилъ въ ужасъ отъ результатовъ собственнаго ученія. Вообще, вся эта пресса, какъ выражается Лотхейссенъ, была не что иное, какъ «болтовня, хотя и дышащая умомъ и энергіей»,—но тѣмъ не менѣе болтовня людей «незрѣлыхъ и неустановившихся», которые, не умѣя управлять собою, претендовали однако руководить другими и большею частью погибали въ волнахъ ими же безразсудно поднятаго моря человѣческихъ страстей. «Не должна ли,—спрашиваетъ Лотхейссенъ,—въ подобныхъ случаяхъ главная вина въ пролитой крови падать на людей, которые такимъ образомъ льстятъ самымъ низкимъ страстямъ человѣческой природы?» И весь трудъ нѣмецкаго ученаго является именно обвинительнымъ актомъ противъ «матадоровъ» революціонной прессы.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

ВЪ ЕВРОПѢ и АМЕРИКѢ.

По донесеніямъ англійскихъ дипломатическихъ агентовъ и новѣйшимъ результатамъ статистическихъ работъ.

[ФРАНЦІЯ].

IV.—Заработная плата *).

Весьма обильный матеріалъ, которымъ можно было бы воспользоваться для ознакомленія съ размѣромъ заработной платы во Франціи, представляютъ намъ изданныя въ 1863 году французскимъ правительствомъ статистическія изслѣдованія по этому предмету, озаглавленные: „Prix et Salaires à diverses époques“. Но къ сожалѣнію ими слѣдуетъ руководиться съ большою осторожностью. Во-первыхъ, они представляютъ данныя, относящіяся до слишкомъ отдаленнаго времени, а именно до 1857 года, а во-вторыхъ, ихъ собиратели были видимо проникнуты очень сильнымъ желаніемъ представить положеніе рабочаго класса въ возможно розовомъ свѣтѣ, какъ-бы исходившемъ отъ императорскаго правительства. Хотя по провѣркѣ представляемыхъ этимъ сборникомъ данныхъ другими данными, добытыми инымъ путемъ, какъ, напримѣръ, для Парижа—изслѣдованіями коммерческой палаты (Statistique de l'industrie de Paris résul-

---

*) См. выше: июнь, 756; июль, 305 стр.

tant de l'enquête faite par la chambre de commerce), изданными въ 1864 году, и для всей Франціи—изысканіями, лично произведенными на мѣстахъ дипломатическими агентами Англіи по требованію своего правительства, нельзя въ нихъ усмотрѣть явныхъ и намѣренныхъ ошибокъ, но общій тонъ всей работы столь оптимистиченъ, что изъ опасенія сдѣлать невѣрные выводы мы постараемся возможно менѣе ссылаться на эти матеріалы. Но совсѣмъ обойти ихъ нельзя, такъ какъ цѣль, съ которой было предпринято ихъ собраніе, заключалась въ томъ, чтобы изслѣдовать причины возвышенія заработной платы и связь этого повышенія съ одновременнымъ вздорожаніемъ цѣнъ на различныя жизненныя потребности, къ чему, несмотря на весь свой оптимизмъ, французскіе агенты отнеслись добросовѣстно. Пожалуй, судя по этому документу можно заключить, что благодаря наполеоновскому правительству благосостояніе рабочаго класса во Франціи такъ быстро и прочно возвышалось, что нельзя и сомнѣваться въ лучшей будущности французскаго простолюдина, если только онъ сумѣетъ оцѣнить благодѣянія, которыми осыпало его императорское правительство, и подчинится съ любовью и преданностью законамъ и распоряженіямъ, которые отъ него исходили.

„Мы не можемъ не признать, такъ приблизительно говорятъ составители этой книги, что рабочее населеніе нашей страны сдѣлало положительные успѣхи въ нравственномъ отношеніи, стало гораздо болѣе склонно къ порядку, бережливости, и сдѣлалось несравненно предусмотрительнѣе. Невоздержность и расточительность проявляются гораздо слабѣе прежняго. Сберегательныя кассы приучили ремесленника цѣнить экономію и дали возможность вмѣсто того, чтобы растрачивать безплодно свои сбереженія, откладывать ихъ на черный день и извлекать изъ нихъ надлежащую пользу. Благотворительныя учрежденія оказываютъ рабочему существенную поддержку во время болѣзни и старости;—онъ также понялъ, насколько неблагоразумно вступать въ бракъ, не будучи увѣреннымъ въ возможности содержать свою семью, что уменьшаетъ значительно число нищихъ. Всѣ эти причины содѣйствовали правильному развитію физической стороны рабочаго: они ограждаютъ его отъ болѣзни, дѣлаютъ его трудъ производительнѣе, а жизнь продолжительнѣе. Затѣмъ, развитіе нѣкоторыхъ отраслей ремесленной и фабричной промышленности, а главнымъ образомъ устройство различнаго рода пріютовъ, гдѣ матери могутъ оставлять на день маленькихъ дѣтей, требующихъ присмотра, и школъ, гдѣ бѣдныя дѣвушки могутъ получать образованіе, дало женскому труду надлежащее направленіе; и жены и дочери получили возможность оказывать значительную помощь отцамъ семействъ, добывающимъ для нихъ средства къ существованію. Благодаря ма-

теріальнымъ пожертвованіямъ, которыя сдѣлали многіе города для того, чтобы украситься обширными бульварами и садами, въ которыхъ сгруппировано все, что можетъ доставить человѣку развлеченіе и наслажденіе, ремесленникъ сталъ отвыкать отъ посѣщенія кабаковъ и вмѣсто того, чтобы проводить время въ этихъ душныхъ вертепахъ разврата, идетъ со всей своей семьей насладиться прогулкой на чистомъ воздухѣ, гдѣ передъ нимъ растилается зеленая мурава, сверкаетъ прозрачная вода и весело шумятъ густыя душистыя деревья. Отъучая его отъ разврата, это вмѣстѣ съ тѣмъ порождаетъ въ немъ болѣшую любовь къ своему занятію и развиваетъ вкусъ, такъ какъ развитію вкуса всегда содѣйствуетъ созерцаніе прекраснаго. Не станемъ далѣе слѣдить за отрадными картинками, которыя рисовали агенты императорскаго правительства. Приведенныхъ нами очертаній достаточно для того, чтобы дать понятіе о томъ, сколько розовой краски было подмѣшано на палитру художниковъ, писавшихъ эти картины, и обратимся къ другой сторонѣ медали, на которую указываютъ тѣ же самые живописцы.

Другая сторона медали заключается въ томъ, что въ теченіи 30 лѣтъ, предшествовавшихъ изслѣдованію, т.-е., съ конца двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, цѣна на жизненныя потребности возросла во Франціи на 45%, а цѣна на трудъ всего на 17%, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ отрасляхъ труда, которыя, какъ, напримѣръ, строительное мастерство, подвергались наименьшимъ колебаніямъ. Въ теченіи только послѣднихъ пяти лѣтъ, то-есть между 1852 и 1857 гг. цѣна на трудъ возросла на 14%, а цѣна на мясо въ тотъ же промежутокъ времени на 25%. Это возрастаніе, на которое указываетъ officialная статистика имперіи, въ той же приблизительно пропорціи шло до нашихъ дней. Такъ, по исчисленію, сдѣланному въ англійскихъ донесеніяхъ, съ 1853 по 1870 годъ цѣна на трудъ возросла на 25%, а цѣна на нѣкоторыя жизненныя потребности — на 50%. Такъ что, принимая въ соображеніе вышеприведенныя данныя, оказывается, что съ 1824 по 1853 годъ цѣна на трудъ возросла на 3%, а цѣна на нѣкоторые важнѣйшіе жизненные припасы, напримѣръ, на мясо на 20%; съ 1853 по 1857 г. цѣна на мясо возросла еще на 25%, а на трудъ всего на 14%, а съ 1857 по 1869 г. цѣна на трудъ поднялась на 11%, а на одно мясо на 35%. Приблизительно отношеніе возрастанія цѣнъ на то и другое выражается такъ: съ 1824 по 1852 г. цѣна на трудъ возросла ежегодно на 0,1%, а на жизненныя потребности на 0,7%, то-есть второе относилось къ первому какъ 7 къ 1, а съ 1853 по 1857 годъ цѣна на трудъ ежегодно возросла на 3,5%, а на жизненныя потребности на 6,3%, и отношеніе между этими числами 1:1,8; и, наконецъ, въ послѣдній

періодъ между 1857 и 1869 годами это отношеніе выражалось какъ 1:3,2. Казалось бы, что хотя за послѣдніе годы это отношеніе вновь увеличилось, но такъ какъ оно сравнительно съ годами, предшествовавшими 1853 году слабѣе, то измѣненіе цѣнъ за послѣдніе годы должно быть менѣе чувствительно для рабочаго. Но внимательно вглядываясь въ эти данныя, мы должны придти къ иному заключенію. Предположимъ, что въ 1830 году рабочій получалъ въ годъ 200 фр. и столько же издерживалъ; въ 1831 году онъ могъ получить 200,2 ф., а долженъ былъ издерживать, если бы желалъ удовлетворить всѣ свои потребности, точно также какъ въ предыдущемъ году, 201,4 ф. Разница такъ ничтожна, что ее не трудно изгладить при самомъ незамѣтномъ усиленіи труда или совершенно незамѣтномъ уменьшеніи расходовъ. Только черезъ 10 лѣтъ она становится болѣе осязательною, но все-таки не обременительною. Но взявъ примѣръ изъ другого періода, на примѣръ, между 1857 и 1869 годами мы будемъ имѣть слѣдующее. Лицо, получавшее въ 1859 г. 200 ф. и столько же издерживавшее, въ 1860 году должно было уже получать 202 ф., а издержать, не измѣняя своего образа жизни, 206,4 ф., и разница эта въ 10 лѣтъ только возросла бы до (264—220) 44 ф. Ясно, что такое возрастаніе весьма чувствительно и способно вызывать недовольство тѣхъ людей, которымъ приходится вслѣдствіе него или трудиться болѣе прежняго, или, если нельзя увеличить своей работы, то отказывать себѣ и своимъ близкимъ въ крайне-необходимомъ. Правительственные статистики утѣшаютъ себя тѣмъ, что хотя цѣны на жизненные припасы возрастаютъ несоразмѣрно съ цѣнами за трудъ, но за то нѣкоторые предметы потребленія, какъ, наприм., одежда и домашняя утварь, благодаря развитію и удешевленію фабричнаго и заводскаго производствъ, значительно подешевѣли, такъ что рабочій настоящаго времени гораздо лучше и теплѣе можетъ быть одѣтъ и можетъ пользоваться несравненно болѣе домашнимъ комфортомъ, чѣмъ рабочій 30-хъ годовъ. Но, во-первыхъ, какъ мы указали въ предыдущемъ отдѣлѣ нашей статьи ¹⁾, согласно выводамъ д-ра Энгеля въ отношеніи различнаго рода расходовъ въ одномъ и томъ же хозяйствѣ къ общей ихъ суммѣ,—выводамъ, которые съ удобствомъ могутъ быть примѣнены и къ Франціи,—на пищу издерживается наибольшая часть заработка, отъ 60—70%, а на одежду несравненно меньшая; во-вторыхъ, по показаніямъ самихъ же французскихъ статистиковъ, нѣкоторое удешевленіе одежды рабочаго не уменьшаетъ общихъ его расходовъ, потому что вся экономія по этому предмету поглощается огромнымъ возвышеніемъ за

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1873, июль: Рабочія силы. Германія. Digitized by Google

послѣднее время цѣны на квартиры, которыя по предположенію англійскихъ донесеній, послѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія возросла по крайней мѣрѣ на 30%, а слѣдовательно, значительно сидѣнѣе, чѣмъ заработокъ рабочаго класса.

Итакъ, нельзя не признать, что такой характеръ измѣненія цѣнъ на жизненныя потребности и на трудъ не можетъ не возбуждать въ рабочихъ нѣкотораго недовольства своимъ положеніемъ. Посмотримъ теперь, какимъ безусловно заработкомъ можетъ пользоваться французскій рабочій. Обратимся къ Парижу: Самое большое число рукъ въ этомъ городѣ, болѣе 100,000 человѣкъ, занято строительными работами. Къ рабочимъ этой категоріи мы относимъ каменщиковъ, штукатуровъ, плотниковъ, маляровъ и проч. Самые лучшіе рабочіе получаютъ 4 шил. $9\frac{3}{4}$ п. въ день, средній около $3\frac{1}{2}$ шил., наименѣе искусные, но притомъ и наиболѣе многочисленные, около 2 ш. 9 п., такъ что $3\frac{1}{2}$ шил. можно принять за среднюю цифру, выражающую дневной заработокъ такого рабочаго. Большинство остальныхъ парижскихъ рабочихъ, каменоломщики, кирпичники, гончары, каменотесы, портные, бочары, столары, сапожники зарабатываютъ въ день около 4 и $4\frac{3}{4}$ шил. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, на примѣръ, каменотесы, простые швецы (послѣднихъ въ Парижѣ очень много), зарабатываютъ такія деньги только работая поштучно, работая же у хозяина поденно, они едва выручаютъ 3— $3\frac{1}{2}$ шил. Весьма большія деньги сравнительно могли бы получать шляпочники, ибо ихъ дневная плата среднимъ числомъ превышаетъ 4 шил. и для тѣхъ, которые, отличаясь особеннымъ искусствомъ, занимаются окончательною отдѣлкою, доходитъ до 8 шил.; но эти ремесленники любятъ побаловать себя отдыхомъ и кромѣ воскреснаго дня часто проводятъ въ праздности не только понедѣльники, но и вторники, а иногда даже и среду. Настоящимъ образомъ они трудятся только два дня въ недѣлю: четвергъ и пятницу; въ субботу, день полученія жалованья, ихъ энергія уже ослабѣваетъ, поэтому нельзя считать, чтобы они зарабатывали болѣе другихъ ремесленниковъ. Женщины, конечно, получаютъ менѣе мужчинъ, и что замѣчательнѣе, это то, что во многихъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ преобладаетъ женскій трудъ, размѣръ женскаго заработка остался безъ измѣненія въ теченіе весьма большого промежутка времени, что значительно умалляетъ благотѣльное вліяніе учреждений, давшихъ возможность женщинамъ шире развивать свой трудъ, на которыхъ ссылаются составители отчета о „Prix et Salaires“. Напримѣръ, прачки, которыхъ въ Парижѣ считается около 10-ти тысячъ, въ теченіи 20-ти лѣтъ зарабатывали въ день всего по $2\frac{1}{2}$ — $2\frac{3}{4}$ фр. и только въ послѣдніе 13—15 лѣтъ ихъ заработокъ поднялся до $2\frac{1}{4}$ —3 фр. или

2 ш. $4\frac{3}{4}$ п. Цвѣточницы (ихъ въ Парижѣ болѣе 7,000) зарабатываютъ также не болѣе 2— $2\frac{1}{3}$ шил. Этотъ же размѣръ заработка преобладаетъ и въ другихъ отрасляхъ доступнаго женщинамъ труда.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ мы имѣемъ право заключить, что средній дневной заработокъ мужчины равняется 4 ш., а женщины 2 ш. Нельзя думать, судя по свѣдѣніямъ, которыми мы располагаемъ, чтобы парижане проводили за работой болѣе 250 дней въ году. Огромное предложеніе труда въ этомъ городѣ заставляетъ многихъ рабочихъ часть времени проводить безъ дѣла, а тѣ, которые его имѣютъ, не могутъ не увлечься общимъ потокомъ и не бросить работу для удовольствія чаще, чѣмъ бы слѣдовало. Принимая 250 дней среднимъ числомъ рабочихъ дней въ году и взявъ для примѣра семейство, состоящее изъ мужа, жены и двухъ дѣтей, мы предположимъ, что хотя дѣти и не зарабатываютъ ничего сами, но за то не мѣшаютъ родителямъ работать цѣлый день, то-есть предположимъ, что избранное нами семейство пользуется всѣми благодѣяніями устроенныхъ наполеоновскимъ правительствомъ *grèches, sales d'asile* и проч. Затѣмъ предположимъ, что стоимость содержанія двухъ дѣтей равняется стоимости содержанія одного взрослого человѣка. При этомъ семейство это будетъ сравнительно поставлено въ выгодныя условія, ибо, какъ мы видѣли выше, каждому лицу, добывающему непосредственно средства къ жизни, приходится среднимъ числомъ кормить 1,86 лицъ (а надо принять во вниманіе, что многіе рабочіе содержатъ только сами себя и слѣдовательно остальнымъ приходится содержать семьи болѣе многочисленныя, чѣмъ указываетъ этотъ средній выводъ). Въ нашемъ же примѣрѣ каждый рабочій содержитъ, включая самого себя, $1\frac{1}{2}$ человѣка. Общая сумма заработка этого семейства выражается такъ: мужъ зарабатываетъ 1000 ш. или 50 ф. с., жена 500 ш. или 25 ф. с., что составляетъ вмѣстѣ 75 ф. ст. По исчисленію англійскаго донесенія, одинокій рабочій можетъ имѣть въ Парижѣ удовлетворительное помѣщеніе и столъ за 3 фр. или немного болѣе 2 ш. въ день, что составляетъ въ годъ около 36—37 ф. ст., такъ что у одинокаго рабочаго на одежду, уплату податей, леченіе и удовольствія остается около 13 ф. ст., часть которыхъ онъ можетъ отложить на черный день; но для семейнаго рабочаго расчетъ выйдетъ не такой; предполагая, что онъ нанимаетъ квартиру безъ стола, какъ это обыкновенно и бываетъ, и что жена его успѣваетъ, зарабатывая 2 фр. въ день, готовить пищу, мы, согласно съ тѣмъ, что въ Парижѣ можно найти удобное помѣщеніе для рабочей семьи за $2\frac{1}{3}$ —3 ф. ст. въ годъ, откинемъ изъ 37 ф. ст., которые, какъ мы указали выше, издерживаетъ на свое содержаніе одинокій рабочій, $2\frac{1}{2}$ ф. ст.—стоимость

квартиры, у него остается $34\frac{1}{2}$ ф. с., цифра, которая выражает размѣръ остальныхъ расходовъ на одного человѣка, то-есть пищевого довольства, отопленія, освѣщенія и проч. Предположимъ, что размѣръ этихъ расходовъ долженъ быть уменьшенъ на одну третью въ случаѣ, если трое лицъ живутъ семьей, а не отдѣльно и сами готовятъ для себя пищу. Тогда расходы на каждого члена семьи, кромѣ квартиры, выразятся приблизительно 23 ф. ст. или на трехъ человѣкахъ, принимая дѣтей за одного взрослого, 69 ф. ст.; прибавьте къ этому стоимость квартиры $2\frac{1}{2}$ ф. ст., и вы поймете, что при такомъ заработкѣ и существующихъ на жизненные потребности цѣнахъ безбѣдное существованіе разсматриваемой семьи немислимо. Для того, чтобы поддержать нормальнымъ образомъ свое существованіе, такой семьѣ или придется работать болѣе чѣмъ 250 дней въ году, что при самомъ добромъ желаніи далеко не всегда возможно, также какъ и зарабатывать въ день больше того, что мы приняли за среднюю цифру, или подвергать себя и дѣтей большимъ матеріальнымъ лишеніямъ, что обыкновенно и имѣетъ мѣсто, поддерживая въ парижскомъ рабочемъ недовольство своимъ положеніемъ и зависть къ лицамъ, пользующимся лучшими, чѣмъ онъ, средствами къ жизни. Женщины обыкновенно ближе видятъ семейныя язвы, порождаемыя недостаткомъ матеріальныхъ средствъ и потому не удивительно, что ихъ раздраженіе, возбуждаемое плохой матеріальной обстановкой, ихъ ненависть къ зажиточнымъ сословіямъ проявляется гораздо въ болѣе рѣзкой и даже въ болѣе безобразной формѣ, чѣмъ страсти ихъ мужей и отцовъ. Настроеніе же парижскаго рабочаго населенія и его взгляды на отношенія къ правительству и высшимъ классамъ, какъ извѣстно, служатъ камертономъ для населенія остальной части Франціи и оно тѣмъ болѣе имѣетъ вліяніе на провинцію, что Парижъ находится съ нею въ постоянномъ общеніи. Собственно парижскихъ коренныхъ рабочихъ и ремесленниковъ въ этомъ городѣ не существуетъ,—это доказывается, между прочимъ, статистическими изслѣдованіями о распространеніи нищенства въ Парижѣ, на которое мы указывали выше,—такъ на каждые 100 человѣкъ бѣдныхъ, пользующихся общественною благотворительностью и живущихъ въ Парижѣ, собственно парижанъ приходилось въ 1829 году 29 чел., въ 1841—28 чел., въ 1853—27 чел., въ 1861—23 чел.

Со всѣхъ концовъ Франціи стекаются туда люди, ищущіе выгодной работы и жаждущіе увидѣть современный Вавилонъ, французскую Мекку. Прежде во Франціи, какъ и въ Германіи, существовалъ обязательный обычай, въ силу котораго ученики, кончающіе курсъ ученія у какого-либо мастера, ранѣе чѣмъ самому сдѣлаться таковымъ же, совершали путешествіе съ цѣлью на практикѣ

ознакомиться съ избраннымъ ремесломъ. Въ настоящее время этотъ обычай видоизмѣнился, и молодой человѣкъ, обучившись какому-либо ремеслу, бываетъ не прочь попутешествовать, но совершаетъ путешествіе не столько съ дѣловой цѣлью, сколько для удовольствія, и главнымъ образомъ стремится въ Парижъ. Тамъ онъ старается найти себѣ заработокъ, и обезпечивъ себя имъ становится въ ряды парижскихъ *ouvriers*, пренесполненныхъ недовольствомъ своимъ положеніемъ по разнороднымъ причинамъ, и между прочимъ по невозможности поддерживать существованіе своей семьи, не подвергая ее весьма горькимъ лишеніямъ. Для молодого холостяка лично могло бы житъся недурно, но онъ не въ силахъ не сочувствовать положенію своихъ сотоварищей и не опасаться, что рано или поздно ему придется также плохо какъ и имъ. Женитьба въ большинствѣ случаевъ влечетъ за собой нужду и нищету, а любовь внѣ брака весьма часто развратъ, а еще чаще заботы, горечью своей превосходящія заботы семейной жизни. А тутъ передъ глазами блескъ, роскошь, всякаго рода соблазны. Недовольство настоящимъ весьма быстро охватываетъ его, но вмѣстѣ съ тѣмъ его не покидаетъ надежда, что не сегодня—завтра дѣла измѣнятся къ лучшему. Этой надеждой объясняется то обстоятельство, что, несмотря на недовольство своимъ положеніемъ, парижскіе рабочіе отличаются большою веселостью и даже безпечностью. Они чрезвычайно обязательны, добродушны и готовы всегда всѣмъ помочь своему сотоварищу; они способны весьма стойко выдерживать свои невзгоды и добросовѣстно выполняютъ работу, несмотря на то, что столько же враждебно относятся къ своимъ нанимателямъ, сколько дружески къ товарищамъ. За дѣломъ они подчиняются хозяину, его распоряженіямъ и не выказываютъ никакихъ вредныхъ для успѣха труда знаковъ нерасположенія, но внѣ рабочей сферы не оказываютъ своему патрону никакого уваженія. Онъ не только не можетъ имѣть на нихъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ никакого нравственнаго вліянія, но они не иначе смотрятъ на него какъ на вампира, сосущаго изъ нихъ кровь. Если фабрикантъ пожелаетъ, напримѣръ, чѣмъ-либо улучшить бытъ рабочихъ, они принимаютъ улучшеніе только какъ должное имъ, и бываютъ весьма далеки отъ того, чтобы выказывать какіе-либо знаки признательности. Одинъ изъ богатѣйшихъ парижскихъ фабрикантовъ, какъ рассказываетъ англійскій репортеръ, желая доставить живущимъ вблизи его фабрики рабочимъ возможность имѣть всегда подъ рукой чистую холодную и горячую воду, провелъ ее внѣ завода и устроилъ бассейны и краны. Одинъ изъ рабочихъ, котораго англичанинъ спросилъ, какъ было принято такое нововведеніе остальными рабочими, отвѣчалъ весьма просто и спокойно, ви-

димо не желая никого обидѣть, что фабрикантъ такимъ распоряженіемъ выполнилъ только весьма малую долю того, что онъ былъ обязанъ сдѣлать для нихъ, рабочихъ. Одинъ изъ эльбѣфскихъ суконныхъ фабрикантовъ въ неурожайный годъ, когда хлѣбъ очень поднялся въ цѣнѣ, закупилъ въ Гаврѣ большое его количество съ тѣмъ, чтобы распродать его по покупной цѣнѣ своимъ рабочимъ и тѣмъ избавить ихъ отъ необходимости платить въ три-дорога, покупая у другихъ торговцевъ. Но, увы, ни одинъ изъ его рабочихъ хлѣба у него не покупалъ, подозрѣвая, что онъ этимъ путемъ желаетъ ихъ эксплуатировать. При такомъ отношеніи къ капиталу, молодежь, стекающаяся изъ провинціи въ Парижъ, весьма легко поддается всякаго рода увлеченіямъ и жадно слушаетъ всякаго, кто умѣетъ общать имъ достиженія соблазнительныхъ благъ земныхъ. Правительство Наполеона, съ умилегіемъ указывавшее на благотѣльное вліяніе, оказанное на нравственность рабочихъ разведеніемъ въ провинціяхъ садовъ и бульваровъ, прорубившее Парижъ въ разныхъ направленіяхъ съ стратегическими и гигиеническими цѣлями, не позаботилось, однако, дать рабочимъ возможность проводить свободное время за умной книгой или полезной бесѣдой. Оно не устроило и не содѣйствовало нисколько устройству для парижскихъ рабочихъ клубовъ или читальни, и этимъ людямъ оставалось въ свободное время или предаваться разврату, требовавшему денегъ, дѣлавшему рабочаго еще болѣе раздражительнымъ, или слушать пламенные рѣчи социалистовъ и коммунистовъ, тѣмъ болѣе соблазнительныя, что онѣ носили на себѣ характеръ запретнаго плода. Проведя болѣею частью лучшее время своей жизни и молодости въ Парижѣ, рабочие этого города обыкновенно возвращаются на родину, перенося туда парижскія идеи, парижскую веселость и вѣру въ лучшую будущность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и парижское недовольство современнымъ положеніемъ работника и парижскую ненависть къ капиталу. Только весьма немногіе изъ нихъ, которымъ фортуна настолько улыбнулась, что дала возможность и деньгу скопить и отпустить брюшко, осѣдаютъ въ столицѣ, заводятся семьей, обращаются въ достопочтенныхъ буржуа, которымъ ни до чего кромѣ своего *établissement* — нѣтъ дѣла, и которые отъ правительства требуютъ только охраненія ихъ личной безопасности и мѣръ, клонящихся къ увеличенію доходности ихъ ремесла. Относительно общаго числа рабочихъ, приходящихъ изъ провинцій въ Парижъ, число такихъ лицъ весьма ограничено. Вообще же, какъ мы сказали, рабочее населеніе Парижа до такой степени ему не принадлежитъ, что, какъ доказано обстоятельными изслѣдованіями, въ Парижѣ нельзя найти ни одного рабочаго, котораго дѣдъ тоже былъ бы парижскимъ рабочимъ. От-

части такой фактъ приписываютъ развращающему вліянію парижскаго образа жизни, изъ поколѣнія въ поколѣніе убивающаго жизненную силу въ человѣкѣ, а отчасти непрерывному передвиженію рабочихъ въ молодости изъ провинціи въ Парижъ, а въ зрѣлыхъ лѣтахъ изъ Парижа въ провинцію.

Понятно, что при такомъ порядкѣ настроеніе парижскаго рабочаго весьма легко раздѣляется его провинціальнымъ сотоварищемъ, тѣмъ болѣе, что и матеріальное положеніе этого послѣдняго мало чѣмъ лучше, а иногда и значительно хуже чѣмъ парижскаго. Только провинціалъ менѣе податливъ на увлеченія разнаго рода надеждами, менѣе оптимистично смотритъ на свое будущее и потому отличается отъ столичнаго собрата нѣкоторою серьезностію и озабоченностію, качествами, которыя трудно подмѣтить въ парижскомъ *ouvrier*.

Недовольство своимъ положеніемъ, которое парижскіе рабочіе разносятъ по всей Франціи, не оправдывается однако безусловно повсюду тѣми же основаніями, которыя порождаютъ его въ столицѣ. Если нѣкоторые провинціальныя города и даже цѣлыя провинціи находятся въ условіяхъ еще менѣе благопріятныхъ, чѣмъ Парижъ, то существуютъ между ними и такія, гдѣ, какъ мы увидимъ, то же положеніе рабочаго можетъ почестся удовлетворительнымъ. Впрочемъ, эти мѣстности составляютъ меньшинство, и прежде чѣмъ ихъ коснуться мы считаемъ необходимымъ указать на такія, которыя носятъ одинаковый съ Парижемъ характеръ.

Фабричныя и ремесленныя рабочіе сѣверо-восточной части Франціи находятся, судя по англійскимъ донесеніямъ, въ самыхъ невыгодныхъ въ этомъ отношеніи условіяхъ, и въ особенно неблагоприятномъ свѣтѣ представляется положеніе рабочихъ въ Реймсѣ, гдѣ до 40,000 рабочихъ занято обработкою шерсти. До введенія въ употребленіе чесальныхъ машинъ, хорошій рабочій, занимавшійся этимъ дѣломъ, могъ обработать въ годъ съ помощью подручника отъ 325 до 350 кил. ея и зарабатывалъ до 12 фунтовъ стерлин. (300 фран.) въ годъ, причемъ жилъ въ большой нуждѣ, ибо эта сумма не покрывала всѣхъ его весьма скромныхъ расходовъ. Въ настоящее же время, когда дѣйствіемъ одной чесальной машины вычесывается въ годъ до 20,000 кил., цѣна на ручную обработку такъ упала, что годовой заработокъ далеко не достигаетъ и этой цифры 300 фран. За расческу 1 кил. шерсти въ 1860 году платили не болѣе 1 шил. 3 пен. (1½ фран.), а такъ какъ одному человѣку въ день пѣлаго килограмма не расчесать, то его дневной заработокъ никакъ не превосходилъ 10½ пен. (1 фр. 10 сант.), и изъ этой суммы должно еще вычесть безъ малаго 2 пен. (20 сант.) на необходимыя для производства ремесла расходы, какъ-то на топливо, масло и проч.

такъ что чистый дневной заработокъ его едва могъ достигать $8\frac{3}{4}$ п. (90 сан.) При этомъ надо имѣть въ виду, что большинство рабочихъ рукъ не имѣетъ постоянного занятія и тратитъ не мало времени, отыскивая и выпрашивая его то на той, то на другой фабрикѣ. Едва ли работникъ бываетъ занятъ въ году 250 дней, такъ что весь его годовой заработокъ не можетъ превосходить 9 ф. ст. (225 фр.). Между тѣмъ въ Реймсѣ за одну квартиру онъ непремѣнно долженъ дать въ годъ около 3 фун. ст. (75 фр.), такъ что на остальные расходы ему среднимъ числомъ въ день остается $3\frac{3}{4}$ пен. (42 с.) Если рабочий женатъ и его жена можетъ тоже работать, его доходъ увеличивается на одну четверть, а если у него есть сынъ подростокъ, то даже и на одну треть, что однако можетъ довести сумму, которою онъ располагаетъ для своихъ дневныхъ расходовъ, не болѣе какъ до $4\frac{3}{4}$ — $5\frac{3}{4}$ пен. (50—60 сант.). Впрочемъ, въ такомъ крайне бѣдственномъ положеніи находятся только лица, занимающіяся обработкой шерсти; положеніе остальныхъ нѣсколько лучше, ибо они получаютъ въ годъ до 400—500 и даже 600 франковъ. Необходимость вынуждаетъ первыхъ искать въ удобное время занятій внѣ своего ремесла, и то по преимуществу сельскихъ. Положеніе ремесленниковъ въ округѣ Нанта почти такое же, какъ обрабатывающихъ шерсть въ Реймсѣ. Лучшіе изъ нихъ, работая поштучно, могутъ зарабатывать до 1 ш. 7 п.—2 ш. въ день, въ видѣ исключенія даже до 3-хъ шил., и при бережливости и аккуратности сводятъ концы съ концами. Но золотошвейки, наприм., которыхъ въ Миркурѣ въ 1857 году считалось до 40,000, и кружевницы, которыхъ было болѣе 25,000, находятся въ самомъ бѣдственномъ положеніи. При собираніи въ 1857 году французскимъ правительствомъ свѣдѣній о заработной платѣ, эти работницы жаловались на чрезвычайный упадокъ цѣны на ихъ трудъ. По ихъ показаніямъ, въ 1852 году онѣ въ день вырабатывали 40 сан. (почти 4 пен.), тогда какъ прежде получали болѣе $9\frac{1}{2}$ пен. Это показаніе конечно нѣсколько преувеличено, но близко къ истинѣ. Чрезмѣрно низкій размѣръ платы обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что сами капиталисты не входятъ ни въ какія личныя сношенія съ работницами, а передаютъ имъ матеріалъ и получаютъ готовые издѣлія иначе, какъ чрезъ посредствующихъ лицъ (entrepreneur), которыя, конечно соблюдая свои выгоды, держатъ работницъ въ полной зависимости. Тѣ изъ нихъ, у кого хватаетъ духу, совершенно безнаказанно и безконтрольно удерживаютъ иногда по своему произволу часть заработка въ видѣ вознагражденія за дурно исполненную работу, а между тѣмъ за этой работой изъ-за такого скуднаго заработка женщины просиживаютъ въ сутки до 16, 18 и даже, трудно повѣрить, но такъ свидѣлствуютъ англійскія доне-

сенія, до 20-ти часовъ. Заглянувъ въ другой менѣе промышленный уголокъ Франціи, именно Вандею, мы встрѣтимся съ такими же или приблизительно съ такими же условіями. Средній низшій заработокъ фабричнаго рабочаго или городского ремесленника, которымъ конечно пользуется большинство, доходить до 1 шил. 10 пен. (1 фр. 10 сан.), а высшій до 3 1/2 ш. — 4 ш.; правда, нѣкоторые рабочіе, работая поштучно, получаютъ въ день вдвое болѣе. Во всякомъ случаѣ 3 шил. въ день или около 32 1/2 фун. стер. въ годъ можно принять за хорошій средній заработокъ мужчины въ этой мѣстности. По изъ этой суммы рабочій долженъ по дороговизнѣ квартиръ въ городахъ, напр. въ Нантѣ, уплатить за свое помѣщеніе 6 и даже 8 фунт. стер. Конура почти безъ воздуха и свѣта, которая по-французски такъ и зовется *trou*, стоитъ тамъ почти 3 ф. ст., но въ этихъ *trou* семейному чловѣку жить нѣтъ никакой возможности, какъ бы его требованія ограничены ни были. Провизія такъ дорога, что 1/2 килѡ (около фунта) мало-мальски порядочнаго мяса стоитъ 1 шил. Можно купить говядину и за 7 пен. 1/2 кило, но кромѣ дурного качества самой говядины, за эту цѣну продаются только такія части, въ которыхъ съѣдобнаго матеріала гораздо менѣе чѣмъ костей, кожи да жилъ. Такъ что если бы рабочій вздумалъ употреблять въ пищу мясо ежедневно и кормить имъ свою семью, даже въ весьма скромныхъ размѣрахъ, какъ, напр., по 1 ф. на всю семью, то на одинъ этотъ предметъ, почти можно сказать необходимый при такой работѣ, которую имъ приходится выполнять, издержалъ бы въ годъ около 12 фунтовъ стерлинговъ изъ 24, которые могутъ у него остаться за оплатою квартиръ. Ясно, что эта роскошь для него недоступна, и рабочіе почти не знаютъ говядины.

Въ Ліонѣ, какъ извѣстно, мануфактурная промышленность весьма развита, и городъ этотъ по характеру своихъ рабочихъ весьма близокъ къ Парижу. Они также, какъ и парижскіе *ouvriers*, любятъ удовольствія и наряды, въ кабаки, правда, ходятъ рѣдко, но очень склонны посѣщать *café chantant* и тому подобныя увеселительныя заведенія; также какъ парижскіе рабочіе, они весьма добродушно относятся къ своимъ сотоварищамъ и очень недружелюбно не только къ фабрикантамъ, капиталистамъ, но даже къ стоящимъ съ ними на одной общественной ступени владѣльцамъ ткацкихъ станковъ, на которыхъ они работаютъ, и также какъ и парижскіе рабочіе имѣютъ право быть недовольны своимъ матеріальнымъ положеніемъ. Надо замѣтить, что Ліонъ, несмотря на то, что въ немъ существуетъ до 300 шелковыхъ фабрикъ и 175,000 чловѣкъ работающихъ за ткацкими станками, не имѣетъ вовсе непріятнаго вида, отличающаго большинство фабричныхъ городовъ. Вы не увидите тамъ громаднхъ зданій,

выбрасывающихъ изъ своихъ высокихъ трубъ огромныя массы дыма, затмѣвающія солнце, отравляющія атмосферу и покрывающія сѣрымъ, траурнымъ цвѣтомъ пенла дома, деревья и даже людей; васъ не оглушаютъ ни свистъ паровиковъ, ни стукъ работающихъ на фабрикахъ станковъ. Городъ имѣетъ чистый, веселый, опрятный видъ, работа производится въ мелкихъ частныхъ помѣщеніяхъ и всѣ занятія фабриканта сводятся на пребываніе въ извѣстные часы дня вмѣстѣ съ двумя-тремя своими помощниками въ конторѣ, гдѣ онъ выдаетъ матеріалъ хозяевамъ ткацкихъ станковъ, получаетъ отъ нихъ готовыя издѣлія и рассчитывается съ ними за исполненную работу. Конечно, онъ же закупаетъ сырой матеріалъ и отдаетъ его кому слѣдуетъ выпрясть. Владѣлецъ станка, получивъ шелкъ, приноситъ его домой, передаетъ двумъ женщинамъ, *ourdisseuse* и *remetteuse*, которые готовятъ основу.

Почти у каждаго такого владѣльца ткацкихъ станковъ на нихъ работаютъ до 5 или 6 человѣкъ. Но они не состоятъ отъ него ни въ малѣйшей зависимости, ѣдятъ и спятъ, одѣваются и веселятся одинаково, а за пользованіе станками и инструментами уплачиваютъ ему половину своего заработка; заработная же плата получается поштучно. Каждый сотканый метръ оплачивается 88 сант.; каждый рабочій можетъ соткать въ день (работая отъ 5-ти часовъ утра до 10 вечера) около 4 метровъ, такъ что въ день наработываетъ на 3 ф. 85 с. — 4 фр., изъ которыхъ половину, то-есть 1 фр. 92½ с., почти 2 фр., удерживаетъ владѣлецъ станка и столько же, слѣдовательно, получаетъ самъ рабочій. Различія между женщинами и мужчинами, конечно, въ этомъ случаѣ не дѣлается. Этотъ заработокъ, конечно, далеко не удовлетворяетъ въ надлежащей мѣрѣ всѣхъ потребностей рабочаго, ибо жизнь въ Ліонѣ крайне дорога, какъ это легко можно убѣдиться изъ нижеслѣдующихъ цѣнъ. Одинъ кило хлѣба стоитъ 4½ п., одинъ кило говядины 1 ш. 1½ п., одинъ кило баранины 1½ ш.; квартиры въ Ліонѣ также весьма дороги.

Неудовлетворительный размѣръ заработка ліонскихъ рабочихъ англійскія донесенія приписываютъ въ значительной мѣрѣ ихъ собственной винѣ, ихъ недобросовѣстности. По словамъ англичанъ, работники выкрадываютъ изъ каждой партіи передаваемого имъ для тканья шелку нѣкоторое его количество, почти незамѣтное въ частности, но въ общемъ составляющее весьма почтенную цѣнность. Это вынуждаетъ фабрикантовъ уменьшать заработную плату настолько, насколько это мошенничество увеличиваетъ стоимость производства. Вообще англичане приписываютъ винѣ самихъ французскихъ рабочихъ неудовлетворительность платы, которую они получаютъ, и доказываютъ это тѣмъ, что въ тѣхъ отрасляхъ промышленности и въ

тѣхъ промышленныхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ нашли примѣненіе для своего труда англійскіе рабочіе, имъ платятъ гораздо болѣе чѣмъ французамъ. Такъ, въ Бордо плотники, каменщики и проч. французы зарабатываютъ въ день отъ 2 до 5 шил., а англичане, въ тѣхъ же отрасляхъ промышленности, 5—8 шил. На седанскихъ фабрикахъ трудъ англійскихъ рабочихъ оплачивается также одной третью болѣе чѣмъ французскихъ. Англійскія донесенія утверждаютъ, что ихъ соотечественники за то и работаютъ вдвое усерднѣе французовъ.

Марсель по положенію рабочаго класса, то-есть по отношенію заработной платы къ стоимости содержанія, также подходит къ Парижу. Обыкновенный рабочій выручаетъ тамъ въ день $2\frac{1}{3}$ —3 шил., а искусный до 4 и болѣе. Единственное фабричное производство, существующее въ этомъ приморскомъ городѣ, составляетъ мыловареніе, которое даетъ дневной заработокъ отъ $2\frac{2}{3}$ ш. до 4 шил. Цѣны на пищевое довольствіе и одежду разнятся отъ парижскихъ не болѣе какъ на одинъ-два процента; хлѣбъ, мясо, овощи, одежда и домашняя утварь нѣсколько дороже чѣмъ въ Парижѣ, за то цѣна на квартиры, на вино и на фрукты умѣреннѣе, а мы видѣли, что положеніе парижскаго рабочаго далеко не завидно; „жалованье, получаемое ими, говоритъ репортеръ—и слова его можно отнести также къ Марселю,—такъ скудно, что аккуратность и бережливость надо довести до сверхъестественнаго, чтобы свести концы съ концами“. Впрочемъ, другой репортеръ (марсельскій консулъ Маркъ), описывающій Марсель, утверждаетъ, что рабочіе этого города до послѣдней, по крайней мѣрѣ, войны, жили не только безъ нужды, но даже имѣли возможность дѣлать нѣкоторыя сбереженія; но данныя, представляемыя имъ, далеко не вполне въ томъ убѣждаютъ и, главное, недостаточно подтверждаются цифрами. Чтобы покончить съ крупнѣйшими центрами французской промышленности, мы находимъ необходимымъ сообщить нѣкоторыя данныя относительно Бордо и Эдъбѣфа, и заключимъ нашъ очеркъ описаніемъ положенія шарентскихъ рабочихъ, положеніе которыхъ, судя по словамъ англійскаго донесенія, нѣсколько разсѣиваетъ мрачныя мысли, навѣяныя предыдущими фактами, и укрѣпляетъ надежду на возможность улучшенія быта французскаго рабочаго и его успокоенія.

Въ Бордо простые рабочіе зарабатываютъ въ день отъ 2 до 5 ш. или, среднимъ числомъ, принимая въ соображеніе, что высшій заработокъ достается на долю весьма немногихъ—около 3 ш. Заработокъ фабричнаго рабочаго нѣсколько выше; онъ колеблется, для мужчинъ, между 3 ш. 2 п. и $4\frac{2}{3}$ ш., а для женщинъ и мальчиковъ-подростковъ—отъ 1 ш. 7 п. до $2\frac{1}{3}$ ш. Стоимость квартиръ дохо-

дѣть иногда до 20 ш. въ мѣсяцъ, но въ большинствѣ случаевъ не превосходить 12—14 ш. въ недѣлю. Цѣна на хлѣбъ и на мясо, сравнительно съ примѣрами приведенными нами для другихъ мѣстностей и съ размѣромъ мѣстной заработной платы, весьма умѣренная. Одинъ фунтъ хлѣба стоитъ 2 пен., фунтъ говядины 11 п.; такъ что положеніе бордоскаго простолюдина можетъ быть признано довольно удовлетворительнымъ. Эльбѣфъ замѣчателенъ своими суконными фабриками, на которыхъ работаетъ болѣе 10,000 мѣстныхъ жителей и около 20,000 пришлыхъ. Если на Реймсѣ можно указать какъ на примѣръ дурного вліянія, оказываемаго введеніемъ машинъ на положеніе рабочихъ, то Эльбѣфъ доказываетъ совершенно обратное. Въ 1804 году, когда объ употребленіи машинъ въ этомъ городѣ не имѣли еще никакого понятія, въ немъ приготовлялось до 15½ тысячъ кусковъ сукна, каждый метръ котораго стоилъ среднимъ числомъ 24 франка; въ 1853 году, когда механическій трудъ находился уже въ полномъ развитіи, въ Эльбѣфѣ изготавлялось 82 т. кусковъ сукна, и средняя стоимость метра понизилась до 12 фр. Въ 1804 году мужчина на фабрикѣ зарабатывалъ въ день 11½ п., женщина 7¼ п., дѣти около 2—2½ п., а въ 1853 году эти цѣны возросли для мужчины почти до 2 ш. 3 п., для женщины до 1 шил. 5 п. и для дѣтей до 8½ п. При этомъ надо замѣтить, что общее число лицъ работающих на фабрикахъ нисколько не уменьшилось и, что всего утѣшительнѣе, цѣна на работу возросла гораздо болѣе, чѣмъ цѣна на жизненные припасы.

Но самыя утѣшительныя свѣдѣнія о положеніи рабочей силы доставлены консуломъ Керикеромъ изъ Шарентскаго округа, населеніе котораго равняется почти полумилліону. По его словамъ, рабочее населеніе всей этой мѣстности находится въ весьма благопріятномъ матеріальномъ положеніи; крайняя бѣдность почти тамъ неизвѣстна, и если кто доходитъ до нищеты, то или по собственной винѣ, или вслѣдствіе какихъ-либо неотразимыхъ несчастныхъ случаевъ. Всѣ ремесленники и даже простые рабочіе обоего пола отличаются безукоризненною честностью, трудолюбіемъ, умѣренностью и рѣдкимъ воздержаніемъ. Средній дневной заработокъ хорошаго ремесленника колеблется между 3½ и 7½ ш., а простыхъ рабочихъ 2½ до 4 ш. Если рабочій пользуется готовымъ столомъ и помѣщеніемъ, то въ день съ него за это вычитается отъ 1 ш. до 1 ш. 8 п. Каждый рабочій можетъ найти прекрасную квартиру, просторную, чистую и свѣтлую, за 3, 5, 8 фунт. ст. въ годъ. Невысокая цѣна провизіи (напр., англійскій фунтъ мяса стоитъ 7,88 пенса, хлѣбъ 5-ти-фунтоваго вѣса 8,64 пенса) также весьма много содѣйствуетъ хорошему положенію этихъ людей. По мнѣнію консула, причину какъ

этого благосостоянія простолюдина, такъ и прекраснаго качества исполняемой шарентскимъ простолюдиномъ работы, слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ болѣе или менѣе правильнымъ отношеніямъ, установившимся между работниками и ихъ патронами, которые стараются вникать въ нужды рабочихъ и сгладить нравственное различіе существующее между ними. „По справедливости, можно признать, говоритъ репортеръ, что французскій рабочій не только по трудолюбію и знанію дѣла, но и по добросовѣстности можетъ быть поставленъ наравнѣ съ лучшими тружениками въ мірѣ“.

V. П и щ а.

Согласно, основаннымъ на выводахъ науки, расчетамъ, которыми руководилось французское правительство при продовольствованіи арміи, каждый здоровый взрослый человѣкъ долженъ для поддержанія въ нормальномъ состояніи своихъ физическихъ силъ употреблять ежедневно твердой пищи, содержащей 14 унц. углероду и 7 азоту, не менѣе 31—32 унц. Такъ что среднимъ числомъ въ годъ каждый человѣкъ долженъ уничтожить не менѣе 6-ти центнеровъ мяса, хлѣба и другихъ видовъ твердой пищи, между тѣмъ во Франціи среднее потребленіе пищи далеко не соотвѣтствуетъ этому расчету и выражается только 4 центнерами фунтами на каждого жителя старше 5-ти лѣтъ. Дѣти же моложе этого возраста вовсе не приняты въ расчетъ при выводѣ этой цифры, и предположено, что изъ всего потребляемаго во Франціи количества твердой пищи ничего не приходится на ихъ долю. Если принять въ соображеніе, что вся армія получаетъ пищу въ надлежащемъ количествѣ, а высшіе зажиточные классы даже въ изобильномъ, превосходящемъ среднюю норму, то легко убѣдиться, что количество пищи потребляемой низшимъ классомъ далеко не соотвѣтствуетъ потребностямъ нормальнаго человѣческаго организма, хотя нельзя не замѣтить, что въ общемъ итогѣ среднее количество потребленія ея съ теченіемъ времени постоянно возрастаетъ. Докторъ Сенвилье, занимавшійся изслѣдованіемъ вопроса о пищѣ во Франціи выводитъ, что указанное нами среднее количество пищи, потребляемое ежегодно каждымъ французомъ (4 центнера) соотвѣтствуетъ 44 галлонамъ пшеницы, 22 галл. ячменя или ржи, 75 англ. фун. мяса и 88 $\frac{1}{3}$ ф. картофеля, и что количества эти, не удовлетворяя вполнѣ нормальнымъ требованіямъ, тѣмъ не менѣе значительно выше тѣхъ, которыя существовали въ прошломъ столѣтіи. Потребленіе одной пшеницы почти удвоилось въ теченіи 40 лѣтъ текущаго вѣка. Такъ, въ 1821 году среднее количество потребляемой

каждымъ жителемъ Франціи пшеницы равнялось 33 галлонамъ, по разсчету же приведенному нами оно уже возросло до 44 гал., а по нѣкоторымъ другимъ разсчетамъ въ 1862 году оно равнялось 63 галлонамъ. Потребленіе мяса также значительно возросло. Въ 1812 году его приходилось среднимъ числомъ на каждого жителя 22,046 ф.

въ 1830 году	33,069 ф.
„ 1840 „	39,683 „
„ 1852 „	46,297 „
„ 1862 „	52,711 „
„ 1871 „	болѣе 72 „

Эти общія количества заключаютъ въ себѣ мясную пищу всякаго рода, какъ-то баранину, возлятину, телятину, а также и говядину, которая въ 1812 году составляла едва одиннадцатую часть общаго количества мясной пищи во Франціи, а въ 1869 году почти одну седьмую ¹⁾. Изъ всего этого слѣдуетъ, что въ общемъ итогѣ пищевое довольство французовъ за послѣднія 50 лѣтъ улучшилось и продолжаетъ постоянно улучшаться, но далеко все-таки не достигло еще нормальнаго состоянія. Несмотря однако на постоянно увеличивающееся во Франціи потребленіе вообще мясной пищи, низшіе классы, какъ по климатическимъ условіямъ, такъ главнымъ образомъ по его дороговизнѣ пользуются имъ весьма мало. Въ особенности мало мяса потребляется на югѣ Франціи и въ деревняхъ. Сельскіе рабочіе даже въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ частяхъ Франціи вовсе не знаютъ говядины. Въ Бретани городскіе рабочіе не ѣдятъ болѣе одного или двухъ разъ въ недѣлю говядину или рыбу, а сельскіе только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ готовятъ себѣ похлебку изъ свиного сала, а мясо же употребляютъ только нѣсколько разъ въ годъ; въ городахъ, гдѣ рабочіе обезпечены хорошей заработной платой, оно входитъ относительно въ большее употребленіе; въ Марсели, напримѣръ, несмотря на то что онъ принадлежитъ къ южнѣйшимъ городамъ Франціи, потребленіе говядины рабочими почти сравнялось, по показаніямъ англійскихъ донесеній, съ употребленіемъ его въ англійскихъ мануфактурныхъ центрахъ. Вообще же пища французскаго простолюдина далеко непривлекательна. Главную часть ея почти повсемѣстно составляетъ хлѣбъ. Это краеугольный камень стола французскаго рабочаго: онъ его потребляетъ въ день среднимъ числомъ около 2½ фун. и всѣ остальные незатѣйливые сѣстные припасы служатъ только скудной приправой этого рода пищи. Утренній завтракъ фабричныхъ, не говоря уже о простыхъ чернорабочихъ, нерѣдко состоитъ изъ куска хлѣба съ лукомъ; тѣ же, которые получаютъ порядочное жалованье,

¹⁾ По другимъ свѣдѣніямъ даже болѣе одной трети.

стараятся замѣнить такую трапезу, весьма напоминающую наши нравы, чашкою кофе, который входитъ въ большее и большее употребленіе во Франціи и нѣсколько содѣйствуетъ уменьшенію тамъ употребленія спиртныхъ напитковъ. Обѣдъ рабочаго состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ мучной или холодной похлебки, которая иногда готовится, также впрочемъ съ примѣсью хлѣба и муки, изъ различныхъ мясныхъ остатковъ, — по преимуществу вывариваются кости, покрытыя жиромъ, — картофелю, какихъ-либо овощей и иногда куса свинины, а ужинъ изъ остатковъ обѣда. Благодаря прирожденной кажется французамъ способности къ кулинарному искусству, женщины самаго бѣднаго класса умѣютъ приготовить довольно вкусныя блюда изъ такой провизіи, которая не только отличается грубостью, но для иностранцевъ можетъ показаться отвратительною. „Супъ послѣдняго французскаго рабочаго, утверждаетъ англійское донесеніе, положительно вкуснѣе микстуръ составленныхъ изъ горячей воды, перцу и жиру, который подъ названіемъ супа подаютъ англійскимъ милліонерамъ въ провинціальныхъ и даже столичныхъ первоклассныхъ гостиницахъ“. Но за то уже не слѣдуетъ справляться изъ чего французенка приготовила свою похлебку, а тѣмъ болѣе разсматривать употребляемые ею для того матеріалы. Этимъ искусствомъ объясняется отчасти то обстоятельство, что французскій рабочій, имѣя возможность тратить невообразимо мало на свою пищу, бываетъ ею относительно доволенъ, такъ что, напримѣръ, въ Парижѣ, съ французской точки зрѣнія каждый рабочій можетъ найти для себя довольно порядочный и недорогой столъ, въ особенности если онъ живетъ не слишкомъ далеко отъ центра города. Семейные рабочіе обыкновенно закупаютъ для себя провизію, т.-е. овощи и фрукты на рынкѣ по возможности рано утромъ, между 4, 5 и никакъ ни позднѣ 8-и часовъ, причемъ нерѣдко нѣсколько семействъ закупаютъ продукты сообща; это послѣднее обстоятельство вмѣстѣ съ раннимъ временемъ покупки (позднѣ провизія на рынкѣ уже продается дороже) содѣйствуетъ уменьшенію дневныхъ расходовъ рабочаго на столъ по крайней мѣрѣ процентами десятью. Бѣднѣйшіе изъ нихъ скупаютъ въ ресторанахъ и большихъ городскихъ хозяйствахъ остатки и бракъ заготовляемой тамъ провизіи. Для семейныхъ рабочихъ пища обыкновенно готовится дома и они берутъ ее съ собою на работу въ небольшой корзиночекѣ, устроенной такъ, чтобъ содержимое по возможности менѣе остывало; впрочемъ передъ обѣдомъ, покупая себѣ вино, рабочіе обыкновенно ее разогреваютъ у marchand de vin. Если же домъ его находится недалеко отъ мѣста работы, то кто-нибудь изъ семейныхъ приносить ему своевременно горячую пищу. Холостяки работники обыкновенно ѣдятъ у marchand de vin или въ какой-нибудь

дешевой кухмистерской, которыхъ въ Парижѣ по близости промышленныхъ и ремесленныхъ центровъ множество. Иногда эти рабочіе завтракаютъ просто въ колбасной, гдѣ къ ихъ услугамъ есть всегда вареное мясо, сосиски, сардинки, яйца въ крутую и прочее, а запивать свою закуску идутъ все-таки къ *marchand de vin*. Къ позднему обѣду или скорѣе къ ужину, т.-е. въ 7-ми или 8 часамъ вечера женатый рабочій старается возвратиться домой, а холостой идетъ въ излюбленный имъ кабачекъ.

Хотя французъ весьма неприхотливъ на столѣ, тѣмъ не менѣе, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, заработокъ его часто не позволяетъ ему пользоваться въ достаточномъ количествѣ и самою умеренною пищею. Для того, чтобъ придти рабочимъ въ этомъ отношеніи на помощь, образовалось нѣсколько обществъ, имѣющихъ благотворительный характеръ, съ цѣлю доставленія пищи бѣднымъ по удешевленной цѣнѣ или даже даромъ. Учрежденія этого рода, по пользѣ ими приносимой, далеко уступаютъ тѣмъ однороднымъ съ ними учрежденіямъ, которыя чужды всякаго благотворительнаго характера, и образовались съ цѣлю доставлять рабочимъ пищу или провизію по цѣнѣ, соотвѣтствующей наименьшей стоимости ея заготовленія; во многихъ городахъ образовались на паяхъ такъ-называемыя *sociétés alimentaires*, или *fournеaux alimentaires*, которыя снабжаютъ рабочихъ пищею на этихъ основаніяхъ. Одно изъ наиболѣе развившихся обществъ этого рода представляетъ изъ себя С.-Рен-тенское, которое среднимъ числомъ въ годъ продаетъ:

порцій мяса	74 тыс.
„ хлѣба	73 „
„ бульону (<i>bouillon gras</i>) . . .	51 „
„ зелени	48 „
„ пива	32 „
„ душистой говядины (<i>râgout</i>) .	24 „
„ похлебки (<i>potage maigre</i>) . .	11 „

а всего приблизительно до 314 тысячъ порцій.

Во многихъ городахъ, во главѣ которыхъ долженъ быть поставленъ Гренобль, общества эти имѣютъ характеръ потребительныхъ, то-есть они сосредоточиваютъ сбереженія рабочихъ, закупаютъ на нихъ, при возможно-выгодныхъ условіяхъ, все необходимое для продовольствія этого класса и продаютъ товары по заготовительнымъ цѣнамъ и, главное, за наличныя деньги. Это, во-первыхъ, приучаетъ рабочаго не дѣлать долговъ, а во-вторыхъ, доставляетъ ему возможность покупать все необходимое по самой дешевой цѣнѣ. Хотя приготовленіе пищи изъ закупаемыхъ припасовъ собственно не состав-

ляетъ ихъ главнѣйшей цѣли, но нѣкоторые общества приняли на себя и эту обязанность; такъ, напримѣръ, одно гренобльское общество продаетъ ежедневно до 3000 разнаго рода порцій. Общество это, устроенное въ 1851 году Фредерикомъ Танлье, едва ли не было во Франціи первымъ. Примѣру Гренобля послѣдовали многіе города, въ томъ числѣ Ліонъ, Марсель, Бордо, Лилль, Руанъ. Кромѣ того, нѣкоторые общества желѣзныхъ дорогъ (chemin de fer de l'ouest, chemin de fer de midi) поспѣшали также взять на себя заготовку для рабочихъ разнаго рода продуктовъ по дешевымъ цѣнамъ. Чтобы дать понятіе о цѣнахъ, по которымъ эти общества имѣютъ возможность продавать заготавливаемые имъ предметы, мы приведемъ преискурантъ руанской cuisine ouvrière, которую посѣщаютъ исключительно мѣстные фабричные рабочіе:

Мясное блюдо съ овощами	стоить тамъ .	3 пенса.
Хлѣба—сколько съѣсть каждый	1 1/2 „	
1/2 литра сидра, разбавленнаго водой . .	1 „	
1/2 литра сидра чистаго	1 1/2 „	
Чашка похлебки	1 7/8 „	

Что касается употребленія французами спиртныхъ напитковъ, то можно сказать, что если пьянство и не повсемѣстно распространено во Франціи между рабочимъ классомъ, то въ нѣкоторыхъ его частяхъ оно наноситъ все-таки немалый вредъ семейной жизни и благосостоянію простолюдина. Въ Бретани, напримѣръ, крестьяне и даже крестьянки въ воскресные, праздничные и торговые дни никогда не упускаютъ случая напиться до-пьяна сквернымъ мѣстнымъ виномъ или картофельной водкой. То же можно сказать и о бретонскихъ ремесленникахъ и другихъ рабочихъ. Они нерѣдко такъ напиваются по воскресеньямъ, что совершенно не бываютъ способны къ работѣ по понедѣльникамъ, и семья, перебивающаяся изо-дня въ день, бываетъ вынуждаема, чтобы не умереть съ голоду, прибѣгать къ общественной благотворительности. Въ остальныхъ частяхъ Франціи рабочіе хотя въ меньшей степени, но тоже пристрастны къ вину. Впрочемъ, мѣстныя дешевыя и слабыя бѣлыя или красныя вина рѣдко бываютъ вредны, но absinthe (водка, приготовляемая изъ полыни) и petit verget, смѣсь всякихъ дешевыхъ одуряющихъ напитковъ, положительно вредно дѣйствуютъ на здоровье рабочихъ, употребляющихъ ихъ даже не въ особенно большомъ количествѣ. Пиво за послѣдніе годы стало входить въ большое употребленіе во Франціи, и главнымъ образомъ въ Парижѣ, гдѣ въ настоящее время оно составляетъ напитокъ, который больше всѣхъ другихъ уничтожается въ ресторанахъ и кабакахъ. Сначала оно привозилось изъ Страс-

бурга, почему за нимъ и доселѣ осталось нѣмецкое названіе „bosk“. Подъ этимъ названіемъ—un bosk—его обыкновенно требуютъ французы въ ресторанахъ. Теперь же оно готовится во многихъ городахъ Франціи въ весьма большомъ количествѣ. Несмотря на то, что оно вовсе некрѣпко и, какъ слѣдовало бы полагать, должно было вытѣснять изъ употребленія другіе, болѣе крѣпкіе напитки и тѣмъ уменьшать вредное дѣйствіе, производимое на рабочихъ спиртными, англичане видятъ въ распространеніи его иной результатъ и не находятъ причинъ радоваться его распространенію во Франціи, ибо французы выказываютъ наклонность очень сильно пристраститься къ этому напитку.

VI. Жилища.

Невозможно себѣ представить, не убѣдясь собственными глазами, какой жалкій видъ представляютъ жилища нашихъ рабочихъ, говорить одинъ офиціальный французскій документъ, составленный въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. Низкій нравственный уровень и полная безпечность самихъ рабочихъ довели ихъ до ужасающей нищеты. Помѣщенія, которыя они занимаютъ, скорѣе можно назвать подвалами или подземельями, чѣмъ комнатами. Въ нихъ царствуетъ мракъ и отвратительная духота; свѣжая струя воздуха никогда туда не проникаетъ; стѣны покрыты всякаго рода нечистотами; постели, если только онѣ есть, состоятъ изъ нѣсколькихъ грязныхъ досокъ, на которыхъ набросано немного сырой, изгнившей соломы, покрытой простыней, утратившей подъ слоемъ грязи и цвѣтъ, и всякое подобіе ткани. Остальная мебель и утварь, находящаяся въ такомъ логовищѣ, вся переломана, перебита, засалена, заржавлена. Окна, никогда не открывающіяся и часто забиты гвоздями, заклеены бумагой до того почернѣвшей и закоптѣлой, что самый яркій лучъ солнца не можетъ пройти сквозь нее. Полъ невыразимо грязенъ, всякая мерзость валяется на немъ и никогда не выметается, — остатки пищи, гнилыя овощи, зола, уголь, разные черепки и пр., и пр.

Жилища рабочихъ въ Руанѣ однимъ писателемъ описаны приблизительно такъ. Войти туда возможно не иначе, какъ чрезъ низкій, узкій темный корридоръ, въ которомъ взрослый человѣкъ едва можетъ стать во весь ростъ. По полу этихъ корридоровъ обыкновенно изъ всѣхъ этажей и квартиръ бѣгутъ потоки зловонной жидкости, которая, добираясь до дворика, скопляется тамъ въ стоячихъ лужахъ. По спиральной лѣстницѣ, также совершенно темной, со ступенями, покрытыми присохшей къ нимъ грязью, вы можете добраться до низкихъ конуръ. Двери и окна которыхъ ни запираются, ни отво-

ряются. Въ комнатахъ этихъ рѣдко можно найти какую-либо мебель или хозяйственныя принадлежности. Маленькія дѣти спятъ обыкновенно на мѣшкѣ солы, а кто постарше—мать, отецъ, братья и сестры—въ повалку на какой-нибудь отвратительной подстилкѣ. Жюль-Симонъ въ одной изъ своихъ рѣчей, произнесенныхъ по поводу положенія рабочаго класса во Франціи, высказалъ, что безпечность и равнодушіе этихъ людей къ окружающей ихъ обстановкѣ составляютъ большое благополучіе, ибо даютъ имъ возможность спокойно относиться къ такимъ, какъ казалось бы, невыносимымъ сторонамъ своего существованія. Между прочимъ онъ рассказываетъ, что одна бѣдная больная старуха, лежа въ сырѣмъ подвалѣ на ворохѣ истружшей соломы, съ чувствомъ нѣкотораго достоинства говорила своему сосѣду, указывая на окружающій одръ и мокрый, ничѣмъ невооруженный земляной полъ: „Si je ne suis pas riche moi, mais j'ai ma botte de paille, Dieu merci“¹⁾.

Къ счастью, однако, эти ужасныя описанія въ цѣломъ относятся къ прошлому времени, и если могутъ быть примѣнены къ нѣкоторымъ мѣстностямъ современной Франціи, то во всякомъ случаѣ не могутъ быть обобщаемы въ такой мѣрѣ, въ какой это можно было сдѣлать въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ этого столѣтія. Правда, что и теперь еще, какъ свидѣтельствуетъ англійское донесеніе, писанное въ концѣ 1871 года, большинство домовъ, гдѣ живутъ рабочіе, въ деревняхъ и небольшихъ городахъ Франціи не представляютъ никакихъ удобствъ и имѣютъ видъ мазанокъ, построенныхъ на скорую руку и весьма мало защищающихъ своихъ обитателей лѣтомъ отъ зноя, а зимой отъ холода; правда, что и теперь еще мѣстность около этихъ жилищъ не осушена, чистая вода къ нимъ не проведена и пр. Мы между прочимъ встрѣчаемъ въ этихъ донесеніяхъ указанія на то, что рабочіе весьма дурно помѣщены въ Шербургѣ, сѣверо-восточныхъ провинціяхъ, въ особенности въ Шалонѣ на Марнѣ и Брестѣ, въ С.-Валери на Соммѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Недостатки этихъ жилищъ описаны почти тѣми же красками, которыми изображены и приведенныя нами въ началѣ этой главы картины, причемъ указано и на относительно высокую цѣнность такихъ дурныхъ помѣщеній. Въ Шербургѣ, напримѣръ, за право провести одну ночь въ скверномъ углу рабочей платитъ около 7 пенс. (почти $\frac{3}{4}$ фр.), а годовая плата за комнату и кухню весьма непривлекательнаго вида, безъ всякой мебели и утвари, достигаетъ до 4 фунт. стерл. Въ нѣкоторыхъ городахъ сѣверо-западныхъ провинцій цѣна за подобныя же помѣщенія доходитъ до 6 и 8 фунт. стерл. Въ департа-

¹⁾ Правда, я небогата, но охалка соломы у меня, слава Богу, есть. Digitized by Google

ментахъ Финистере, Котъ-дю-Норъ и Морбиганъ комната безъ кухни стоить въ годъ до 6 фунт., а за кухню приплачивается отъ $\frac{1}{3}$ ф. стерл. до 1 ф. въ годъ. Крестьяне въ этой мѣстности живутъ отнюдь не лучше и даже хуже ремесленниковъ. Хижины (chaumières), имѣющія двѣ комнаты и занимаемыя однимъ семействомъ, составляютъ рѣдкость и роскошь; большею же частью каждое семейство тѣснится въ одной комнатѣ, гдѣ и дѣти, и старцы, и матери, и сыновья спятъ вмѣстѣ.

Несмотря однако на приведенные нами примѣры, общій характеръ рабочихъ жилищъ во Франціи значительно улучшился за послѣднія 30 лѣтъ. Въ 1850 году была учреждена особая постоянная коммиссія, на обязанности которой лежало освидѣтельствованіе жилищъ ремесленныхъ и фабричныхъ рабочихъ и изысканіе средствъ къ ихъ улучшенію. Кромѣ того, эта коммиссія имѣла право требовать отъ фабрикантовъ и вообще хозяевъ промышленныхъ заведеній, чтобы они исполняли ея указанія, а въ случаѣ уклоненія отъ исполненія, могла ихъ привлекать къ установленной закономъ отвѣтственности. Нѣкоторыя полицейско-врачебныя мѣры если далеко не устранили всѣхъ золъ, порождаемыхъ неопытнымъ содержаніемъ этихъ жилищъ, то все-таки до нѣкоторой степени ихъ ослабили. Какъ на особенно полезную мѣру, за соблюденіемъ которой полиція наблюдала весьма строго, репортеръ указываетъ на дѣйствовавшее въ большихъ городахъ Франціи правило, воспрещавшее всякаго рода нечистоты и помой держать внутри домовъ болѣе 24-хъ часовъ. Каждый постоялецъ обязанъ ночью вынести ихъ внѣ жилища хоть просто на дворъ, если при домѣ не устроено помойной ямы; нанимаемые на общественный счетъ мусорщики къ утру убираютъ все это съ дворовъ и съ улицъ и свозятъ въ указанныя имъ мѣста.

Фабриканты и хозяева, нѣкоторые вслѣдствіе настояній рабочихъ, а другіе по собственному побужденію, принимаютъ мѣры къ улучшенію этой стороны быта рабочаго люда; правительство и частныя лица, въ видахъ коммерческихъ или въ видахъ благотворительности, устраиваютъ дома и цѣлыя колоніи для простолюдиновъ. Нѣкоторыми изъ нихъ эти люди пользуются, нѣкоторыя же предпріятія этого рода не достигаютъ своей цѣли по причинамъ, о которыхъ мы имѣемъ въ виду говорить въ концѣ настоящей главы; но какъ бы то ни было, всѣ эти мѣры содѣйствуютъ изъ году въ годъ улучшенію рабочихъ жилищъ, и если цѣна на нихъ во Франціи за послѣднія 20—25 лѣтъ и поднялась на 30 процентовъ, то ихъ достоинство въ общемъ итогѣ возросло въ такой же степени, хотя въ частности возвышеніе цѣнъ не вездѣ и не всегда соотвѣтствовало улучшенію. Въ послѣдніе годы сдѣлано весьма много, говоритъ марсельскій ре-

портеръ, для доставленія рабочимъ удовлетворительныхъ квартиръ. Всѣ большіе города подвергались перестройкамъ, причемъ было обращено большое вниманіе на устройство вентиляціи и устраненіе сырости во вновь возводимыхъ или подвергшихся передѣлѣ домовъ. Въ Ліонѣ, Марсели и другихъ большихъ городахъ Франціи рабочіе нынче могутъ находить безъ труда удобныя и здоровыя квартиры вблизи мѣста своей работы.

Въ Ліонѣ отдѣльные домики или квартиры въ старыхъ, почти разрушающихся домахъ, которыя прежде занимали рабочіе, замѣняются и даже замѣнены нынче обширными зданіями, построенными специально съ цѣлю доставленія дешевыхъ квартиръ рабочимъ. Дома построены каждый въ пять-шесть этажей, при чемъ высота каждаго изъ нихъ рассчитана такъ, чтобы въ комнатахъ могли быть свободно помѣщены ткацкіе станки, что вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяетъ и гигиеническимъ требованіямъ; при этомъ однако часть каждой отдѣльной комнаты, занимаемой однимъ семействомъ, бываетъ раздѣлена надвое. Большую половину занимаютъ ткацкіе станки, обыкновенно числомъ 5—6 въ каждомъ помѣщеніи, а то, что не занято ими, раздѣляется по высотѣ еще на двѣ части. Внизу помѣщается самъ владѣлецъ станковъ съ своей женой и этотъ же уголокъ служитъ кухней и пожалуй гостиной, а на антресоляхъ живутъ остальные члены семейства. Какъ самыя комнаты, такъ и корридоры и лѣстницы ихъ соединяющія, свѣтлы, хорошо вентилированы и просторны. Также хорошо относятся англійскія донесенія къ жилищамъ рабочихъ въ Марсели и Бордо. Жители этого послѣдняго города впрочемъ обязаны почвѣ, на которой онъ построенъ, ибо она по своему составу естественнымъ образомъ, при помощи весьма несложныхъ и не цѣнныхъ приспособленій устраняетъ всякую сырость. Зимой, помѣщенія рабочихъ отличаются нѣсколько удушливымъ воздухомъ, но въ этомъ виноваты сами жильцы. Боясь холода и не желая много тратиться на топливо, которое тамъ очень дорого, они тщательно заупориваютъ всѣ отверстія, обыкновенно содѣйствующія освѣженію воздуха въ комнатѣ. Мы имѣли случай упоминать выше о цѣнахъ на квартиры въ Бордо и Ліонѣ. Въ департаментѣ ея округа, гдѣ рабочіе, какъ вѣроятно помнятъ читатели, находятся въ весьма хорошемъ положеніи, они могутъ имѣть квартиры, удобства и цѣны которыхъ соотвѣтствуютъ семейному положенію каждаго жильца. Одну комнату можно нанять въ годъ за 3—4½ фунт. стерл.; за домъ или за часть дома, заключающую въ себѣ двѣ-три комнаты и кухню, платится отъ 5 до 12½ фунт. стерл., смотря по удобствамъ представляемымъ квартирой. Всѣ такія помѣщенія чисты, свѣтлы, сухи, воздухъ въ нихъ здоровый настолько, насколько по

крайней мѣрѣ это возможно при условіяхъ представляемыхъ окружающей мѣстностію, и находятся вблизи рабочихъ центровъ.

Обратимся къ Парижу. До перестройки его Наполеономъ III, какъ фабричные и ремесленники, такъ и другіе его работники, находили себѣ квартиры повсюду. На широкихъ бульварахъ, въ домахъ, нижніе этажи которыхъ заняты были роскошными, блестящими магазинами и средніе зажиточными и даже богатыми людьми, рабочіе находили себѣ пріютъ въ верхнихъ этажахъ; подыматься приходилось высоко, но за то квартиру всегда можно было найти по близости къ своей работѣ. Теперь не то. Перестройка Парижа, доставлявшая работу огромному, неслыханному дотолѣ числу рукъ (напримѣръ, въ одномъ 1867 году, было разобрано 1746 зданій и вновь возведено 3867), создавшая въ центрѣ города около 15,000 новыхъ отдѣльныхъ квартиръ, отодвинула рабочихъ къ окраинамъ города, тогда какъ источники работы, разныя промышленныя и ремесленныя заведенія и даже самыя строительныя работы, занимающія, какъ мы видимъ, множество рабочихъ, группируются болѣе и болѣе въ его срединѣ. Цѣль Наполеона, затруднить по возможности участіе рабочихъ въ революціонныхъ движеніяхъ, была частію достигнута, но другой болѣе опасный элементъ, порождающій революціи—недовольство рабочихъ классовъ своихъ положеніемъ, при этомъ усилился. Прежде работникъ за относительно недорогую цѣну находилъ для себя помѣщеніе рядомъ съ своей мастерской, фабрикой или постройкой, а теперь долженъ или тратить много денегъ на проѣздъ, или терять много силы на переходъ изъ отдаленнѣйшихъ предмѣстій города и иногда извнѣ его къ своимъ ежедневнымъ занятіямъ. Здоровый, сильный, молодой мужчина совершаетъ эти передвиженія безъ большого труда, а люди послабѣе и постарѣе приходятъ обыкновенно на работу совершенно истомленные продолжительной ходьбой по городскимъ улицамъ. Многимъ приходится дѣлать ежедневно по нѣскольку миль. Хотя и существуетъ окружная желѣзная дорога, *chemin de ceinture*, опоясывающая Парижъ, по которой отъ окраинъ можно доѣхать за нѣскольку су до относительно центральныхъ частей города, но ежедневный расходъ на эти переѣзды въ общей сложности составляетъ такую сумму, которую рабочій безъ большого обремененія своего бюджета жертвовать не можетъ. Если предположить среднимъ числомъ взадъ и впередъ, что эта поѣздка будетъ обходиться ему ежедневно не дороже 5-ти су, то въ 200 рабочихъ дней это составитъ (50 фр.) 2 фунт. стерл., тогда какъ стоимость самой квартиры и безъ того такъ высока, что едва выноσιма для рабочаго. Мало-мальски порядочное помѣщеніе въ третьемъ этажѣ какого-нибудь ветхаго дома, состоящее изъ двухъ-трехъ комнатъ.

безъ всякой конечно мебели, едва возможно нанять за 8 фунт. стерл. (200 фр.) въ годъ. Одинокіе рабочіе нанимають для себя комнаты за половинную цѣну, что бываетъ для нихъ особенно выгодно, если они живутъ вдвоемъ, такъ что они безъ большого стѣсненія могутъ себѣ часто позволять роскошь поѣздки по *chemin de ceinture*, но для семейнаго рабочаго это очевидно немыслимо.

Чтобы нѣсколько успокоить рабочихъ, раздраженныхъ такими порядками, вызванными Наполеоновскими распоряженіями, во время его царствованія, по его инициативѣ и даже частію на собственные его средства были устроены въ Парижѣ дома съ дешевыми квартирами для рабочихъ и даже цѣлыя такъ-называемыя рабочія колоніи.

Начало такимъ постройкамъ было положено въ 1849 году. Въ улицѣ Ропшуръ (Rocheschouart) съ большимъ торжествомъ, въ присутствіи президента республики Лудовика-Наполеона Бонапарта и при огромномъ стеченіи народа былъ положенъ архіепископомъ парижскимъ Сибуромъ первый камень въ *Cité Napoléon*. Дѣло было задумано въ широкихъ размѣрахъ, предполагено было собрать выпускомъ акцій, каждая въ 25 фр., до 6 милліон. фр. Предислагали, что рабочіе разберутъ большинство акцій и оцѣнятъ значеніе задуманнаго предпріятія; но случилось не такъ. Акціи не разбирались, постройка по разнымъ причинамъ, а главное по недостатку средствъ, шла вяло, и въ 1851 году было готово только 80 квартиръ. Первоначально образовавшееся общество вынуждено было ликвидировать свои дѣла и передать окончаніе построекъ другой компаніи, которая дѣйствительно достроила дома, при значительной однако помощи со стороны правительства. Компанія эта получила безвозвратно 200 т. фр. и займообразно 450 т. фр. Домъ вышелъ очень красивый, очень прочный, опрятный и удобный, вмѣщающій въ себѣ до 200 квартиръ и 500—600 слишкомъ жителей, пріемный покой для дѣтей, гдѣ ихъ могутъ оставлять родители, уходя на работу, ванны и общую прачешную. Жизненные удобства представлялись для рабочаго въ формѣ недоступной для него при наймѣ квартиръ въ частныхъ домахъ, но устроители упустили изъ виду одно удобство, которое необходимо человѣку—свободу: дома быть какъ дома. Всѣ жители такого дома обязаны были подчиняться весьма стѣснительнымъ правиламъ и бдительному официальному надзору, исключавшему всякій семейный характеръ жизни подъ благодѣтельною кровлею (за квартиры впрочемъ взымалась плата отъ 200 до 600 фр. въ годъ) и придававший ей совершенно казарменный характеръ. Въ 10 часовъ вечера ворота казармъ, *bagtaques*, такъ ихъ рабочіе и прозвали, запирались на замокъ и никто не имѣлъ права выходить на улицу позже этого часа. Это предупреждало быть можетъ, какъ того желалъ Наполеонъ,

участіе рабочихъ въ уличныхъ революціонныхъ движеніяхъ, но далеко не располагало поселяться въ нихъ тѣхъ, для кого именно онѣ были построены. Рабочіе положительно предпочитали менѣе удобныя квартиры въ частныхъ домахъ, гдѣ они не подлежатъ никакимъ стѣсненіямъ и никакому надзору, относительно дешевымъ и удобнымъ помѣщеніямъ въ Cité. „Мы, — говорятъ рабочіе, — цѣлый день проводимъ въ мастерской или на фабрикѣ подъ надзоромъ смотрителей и приказчиковъ, цѣлый день на работѣ подчиняемся разнаго рода стѣснительнымъ правиламъ, за малѣйшее нарушеніе которыхъ насъ штрафуютъ; усталые приходимъ вечеромъ домой, хотѣли бы отдохнуть въ семьѣ, на свободѣ и опять видимъ прибитаго къ дверямъ правила, стѣсняющія положительно нашу семейную жизнь, а въ управляющихъ Cité встрѣчаемъ тѣхъ же фабричныхъ надсмотрщиковъ и приказчиковъ, которые надобѣли намъ днемъ. И дома то у себя мы не хозяева“ ¹⁾). Вотъ причины, вслѣдствіе которыхъ устроенныя французскимъ правительствомъ дома съ дешевыми квартирами для рабочихъ такъ неохотно занимаются послѣдними и не достигаютъ своей цѣли. Та же участь, которая постигла эту первую казарму, досталась на долю многихъ другихъ построенныхъ въ Парижѣ съ благотворительною цѣлію домовъ, какъ напр. cités на Мазасскомъ бульварѣ, въ Батиньолѣ на Avenue Daumesnil, колонію состоящую изъ 50-ти небольшихъ домиковъ, каждый этажъ которыхъ вмѣщалъ только квартиру для одного семейства. Впрочемъ, чѣмъ при постройкѣ такихъ домовъ менѣе имѣлись въ виду благотворительныя цѣли, чѣмъ менѣе содѣйствія оказывало правительство, тѣмъ лучше достигалась цѣль, ибо, не оказывая содѣйствія предпріятію, правительство не вмѣшивалось во внутренніе порядки. Между заведеніями этого рода, созданными на частныя средства, мы можемъ указать колонію, устроенную г-жею Жуфруа Рено, въ Клиши, въ относительно отдаленной отъ центра части города, и на колонію графа де-Мадре, находящуюся въ весьма населенномъ мѣстѣ вблизи Тампльскаго бульвара.

Первая колонія состоитъ изъ двухъ рядовъ небольшихъ, разнообразныхъ по величинѣ домиковъ, построенныхъ по обѣимъ сторонамъ широкой улицы. Каждый домикъ имѣетъ отъ двухъ до четырехъ комнатъ, кухню, погребъ и непремѣнно окруженъ садомъ. Расположеніе квартиръ весьма удобное и стоимость ихъ, относительно, не высока. Собственно за квартиру, необходимую для семейнаго рабочаго, платится въ этой колоніи въ годъ 10 фун. 11 шил. 2 1/2 пен. (264 фран.), что составляетъ 5 1/2 процентовъ на затраченный на изъ

¹⁾ Andiganne. Population ouvrière.

постройку капиталъ; но если жилецъ хочетъ приобрести свое помѣщеніе въ собственность, то къ этой суммѣ прикладываетъ еще 4 фун. 13 шил. 7¼ пен. (117 фран.) въ годъ, въ теченіи 15-ти лѣтъ, по истеченіи которыхъ вступаетъ въ полное владѣніе домомъ и принадлежащимъ къ нему садомъ. Уплата общей суммы, 381 фран. въ годъ, довольно тяжела для рабочаго и поэтому пользоваться удобствами представляемыми колоніей могутъ счастливейшіе, но кто можетъ пользоваться ею весьма охотно. Надо, однако, замѣтить, что денежные расчеты этой колоніи далеко не чужды благотворительнаго характера, ибо Жюфруа Рено получаетъ на капиталъ ею затраченный не 5½ процентовъ, какъ это могло бы казаться по квартирной платѣ, а всего 3½ процента, ибо остальную часть своихъ доходовъ употребляетъ на такіе предметы, которые по всей справедливости должно бы было отнести на счетъ жильцовъ или будущихъ собственниковъ домовъ. Что касается до колоніи графа де-Мадре, то она построена съ чисто-коммерческою цѣлью, что не мѣшаетъ ей приносить рабочимъ пользу не меньшую, чѣмъ вышеупомянутыя нами. Капиталъ затраченный предпринимателемъ приноситъ ему 6½ процентовъ чистаго дохода. Колонія состоитъ изъ 88-ми домовъ, заключающихъ въ себѣ 4000 отдѣльныхъ квартиръ. Годовая наемная плата за одну комнату среднимъ числомъ составляетъ 4 фун. стерл. Большинство квартиръ состоитъ изъ 2-хъ комнатъ и кухни, и отдается въ годъ за 8 фун. 8 шил. 4 пен.; самыя обширныя помѣщенія имѣютъ до трехъ комнатъ съ кухней и стоили въ 1866 году 10 ф. 8 шил. 4 пен., а въ настоящее время около 14 фун. стерл. Цѣны эти соотвѣтствуютъ существующимъ вообще въ Парижѣ цѣнамъ на квартиры въ частныхъ домахъ, но послѣднія далеко не представляютъ для жильцовъ тѣхъ удобствъ, которыми они могутъ пользоваться въ колоніи графа Мадре.

Подобные дома и колоніи устроены во многихъ городахъ Франціи: въ Марселѣ, Ліонѣ, Лиллѣ, Аміенѣ, въ промышленномъ мѣстечкѣ Венто близъ Реймса и многихъ другихъ. Все, что мы сказали о парижскихъ Cités, можно повторить и объ этихъ послѣднихъ, поэтому мы ихъ описывать не будемъ, но считаемъ необходимымъ прибавить, что образцомъ учрежденій этого рода, построенныхъ французами, надо признать мюльгаузенскія, которыя нынѣ принадлежать уже не Франціи, а Германіи.

Англійскія донесенія свидѣтельствуютъ, что устройство этой образцовой колоніи въ Мюльгаузенѣ имѣло самое благотѣльное вліяніе на нравственность рабочихъ, несмотря на то, что жильцы ея не стѣснены никакими уставами и регламентами въ своемъ образѣ жизни. Вообще сознаніе бѣдняка, что онъ, при помощи своего тру-

долюбія, можетъ сдѣлаться владѣльцемъ дома, въ которомъ живетъ, и садива, въ которомъ играютъ его дѣти, что онъ можетъ обезпечить свою семью и спокойно умереть подъ старость, необыкновенно возвышаетъ его нравственное настроеніе. Въ подтвержденіе этихъ указаній, репортеръ рассказываетъ слѣдующій случай.

У одного богатаго фабриканта въ Рубе жилъ кочегаръ, чрезвычайно смѣшленный и способный человѣкъ, но къ сожалѣнію горчайшій пьяница. Однажды, возвращаясь изъ кабака, этотъ бѣднякъ упалъ, сломалъ себѣ ногу и надолго слегъ въ постель. Работать, конечно, уже не могъ. Фабрикантъ его навѣстилъ во время болѣзни и былъ очень тронутъ горестью этого человѣка, которая пробуждалась въ немъ при мысли, что онъ ничего не сберегъ на черный день и ничѣмъ не обезпечилъ семью на случай какого-либо несчастія. Эта горесть тѣмъ была осязательнѣе, что оставаясь безъ работы онъ понималъ, что семья и онъ самъ могутъ умереть съ голоду во время его болѣзни. Хозяинъ успокоилъ его, обѣщая выдавать ему во время его болѣзни жалованье, въ такомъ же размѣрѣ, въ какомъ онъ получалъ его будучи здоровъ, — съ тѣмъ, чтобы онъ уплатилъ долгъ постепенно, когда выздоровѣетъ. Онъ долго былъ боленъ и потому погашеніе долга длилось около года. Это его приучило къ бережливости и умѣренности настолько, что когда долгъ былъ уплаченъ и фабрикантъ предложилъ ему ту же сумму, которая удерживалась для уплаты долга, удерживать ежемѣсячно для того, чтобы скопить 1200 франковъ и купить домъ, въ которомъ онъ помѣщался, кочегаръ весьма охотно согласился, бросилъ пьянство и чрезъ нѣсколько лѣтъ сталъ владѣльцемъ дома, въ которомъ жилъ. Ему такъ это понравилось, что когда домъ уже былъ купленъ и ему стали уплачивать жалованье безъ вычета, онъ попросилъ продолжать удерживать часть денегъ по прежнему, чтобы со временемъ купить другой домикъ.

VII. Количество работы.

Какъ безусловное, весьма присущее человѣку стремленіе улучшить свое положеніе, такъ и непропорціональное вздорожаніе труда, вздорожаніе жизненныхъ потребностей и изъ году въ годъ возрастающее недовольство своимъ житьемъ-бытьемъ, вынуждаютъ французскаго рабочаго прибѣгать къ различнаго рода средствамъ, могущимъ благоприятно повліять на его матеріальную обстановку. Конечно, для этого представляются двѣ дороги: уменьшить свои расходы или увеличить доходы. Первое, вслѣдствіе постоянного возрастанія цѣнъ на жизненные припасы, совершенно стало невозможно. Вздорожаніе

это съ избыткомъ поглощаетъ ту экономію, которая можетъ образоваться въ бюджетѣ расхода рабочаго, вслѣдствіе усвоенія или болѣе воздержнаго противъ прежняго образа жизни. Для увеличенія же своего дохода рабочіе стараются, во-первыхъ, заставить капиталистовъ увеличить размѣръ заработной платы, и мы видѣли, въ какой мѣрѣ происходитъ это увеличеніе; во-вторыхъ, стремятся къ замѣнѣ подневнаго труда поштучнымъ или задѣльнымъ, что съ каждымъ днемъ распространяется во Франціи все болѣе и болѣе и приноситъ дѣйствительно существенную пользу, ибо увеличиваетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дневной заработокъ рабочаго вдвое, причемъ, однако, рабочіе не жалѣютъ своего времени и проводятъ за дѣломъ не по 12-ти час. въ сутки—наиболѣе распространенная норма количества дневной работы—а по 16-ти и болѣе часовъ. Затѣмъ они добиваются, чтобы рабочій день, заключающій нынѣ въ большинствѣ случаевъ 12 часовъ, рѣдко и то только въ городахъ 11, а въ видѣ особыхъ исключеній въ Парижѣ 10 часовъ, длился не болѣе 8-ми часовъ. Это стремленіе весьма рѣзко проявляется въ Парижѣ и только едва становится замѣтнымъ въ провинціяхъ, гдѣ и десяти-часовая норма почти еще неизвѣстна,—ее достигли не многіе изъ парижанъ. Добиваясь установленія 8-часовой дневной работы, ремесленники и фабричные не утверждаютъ однако, что они не будутъ въ сутки работать болѣе этого количества часовъ. Напротивъ, они обѣщаютъ работать гораздо долѣе, съ тѣмъ однако же, чтобы за отработку cadaго, излишняго сверхъ 8-ми часовъ, часа имъ было уплачено по расчету одной восьмой доли дневного жалованья. Понятно, что уменьшеніе рабочихъ часовъ при такихъ условіяхъ было бы равносильно увеличенію подневной платы. Едва ли, однако, парижане скоро добьются достиженія своей цѣли. Какъ мы сказали, 10-часовая норма составляетъ еще въ Парижѣ исключеніе, а въ провинціяхъ, и то въ городахъ, такое же исключеніе составляетъ 11-часовая. Вообще въ весьма недавнее время, то-есть, съ небольшимъ два года тому назадъ, почти на всѣхъ большихъ фабрикахъ и заводахъ Франціи рабочіе были обязаны работать въ день до 12-ти часовъ, а въ нѣкоторыхъ, правда, весьма немногихъ, даже 13 и 14. Въ Парижѣ даже одиннадцати-часовая работа еще была принята далеко не повсемѣстно. Въ этомъ городѣ, а также и въ Руанѣ рабочимъ дозволялось въ теченіи дня два раза отлучаться для завтрака и обѣда, обыкновенно между 9 и 10 часами утра и потомъ между 2 и 3 пополудни, а въ другихъ промышленныхъ городахъ, какъ напримѣръ, въ Ліонѣ, Нанси, Рубе, С.-Кентенѣ по три раза въ день. Зимой, вслѣдствіе короткости дня, работы въ промышленныхъ заведеніяхъ начинаются поздно, за то также и оканчиваются поздно, то-есть,

въ 8, а иногда и въ 9 часовъ вечера, и кромѣ того время отдыха, предоставляемаго рабочимъ для поддержанія себя пищей, сокращается до получаса. Въ сельскихъ промышленныхъ заведеніяхъ рабочій день начинается обыкновенно въ 5 часовъ утра, а оканчивается въ 7 вечера, фабричные становятся на работу чаще всего въ 6 часовъ, а за послѣднее время даже нѣсколько познѣе. Такъ, напримѣръ, на руанскихъ фабрикахъ рабочій день весьма недавно начинался въ 6 часовъ утра, кончался въ 7 вечера, а въ настоящее время, по настоянію рабочихъ, на многихъ фабрикахъ работа прекращается въ 6 час. 15 мин., а на нѣкоторыхъ даже въ 5 час. 15 мин. Въ этомъ заключается уступка, сдѣланная фабрикантами. Уступка весьма значительная и по словамъ самихъ, по крайней мѣрѣ, фабрикантовъ настолько для нихъ невыгодная, что они опасаются разорительныхъ для себя отъ нея послѣдствій. Такъ какъ эти опасенія повуда не подтверждаются еще никакими фактическими доказательствами и новый порядокъ существуетъ еще весьма непродолжительное время, то мы не беремся дѣлать какихъ-либо заключеній по этому поводу и можемъ только, въ видахъ успокоенія руанскихъ и другихъ фабрикантовъ, безпокоящихся за будущность промышленныхъ заведеній, уменьшившихъ величину рабочаго дня безъ уменьшенія размѣра поденной платы, сослаться, по указанію англійскихъ донесеній, на утѣшительный примѣръ больбекскихъ промышленныхъ заведеній. Тамъ число рабочихъ часовъ уменьшено съ 12 до 11, и послѣдствія этого уменьшенія оказываются самыя благоприятныя какъ для успѣховъ промышленности, такъ и для выгодъ капиталистовъ, заботящихся вообще объ улучшеніи быта своихъ рабочихъ. Благодаря этимъ заботамъ, говорятъ донесенія, рабочіе относятся къ своему труду съ гораздо бѣльшей любовью, чѣмъ прежде, лучше ее выполняютъ и этимъ самымъ вознаграждаютъ нанимателя за его вниманіе къ ихъ нуждамъ, ибо увеличиваютъ доходность заведенія и при этомъ сами совершенствуются въ нравственномъ отношеніи.

VIII. Образованіе.

Несмотря на множество прегрѣшеній, совершенныхъ передъ Франціей правительствомъ Наполеона III, нельзя не отдать справедливости этому государю въ томъ, что онъ заботился о распространеніи образованія въ народныхъ массахъ.

Размѣръ денежныхъ суммъ, употребленныхъ на этотъ предметъ правительствами Франціи въ различные періоды ея бурнаго существованія, ясно это доказываетъ. Первая республика, неимѣвшая

времени сдѣлать что-либо существенное въ этомъ отношеніи, не вносила никакой суммы на этотъ предметъ въ государственный бюджетъ; при Наполеонѣ I этотъ пробѣлъ былъ пополненъ суммою въ 160 фун. стер.; во времена реставраціи цифра эта возросла до 2000 ф. стер.; июльская монархія довела ее до 20,050 ф. ст.; правительство Наполеона III—до 72,000. Доставка же средствъ къ образованію возможно большей массѣ народа не только вполне соответствовало современнымъ требованіямъ цивилизаціи, но и желаніямъ французскаго рабочаго сословія. Вездѣ, гдѣ открывались школы, или какіе бы то ни было курсы, желающихъ учиться являлось болѣе чѣмъ достаточно. Школы ремеслъ и искусствъ (*Ecoles des arts et métiers*) составляющія нѣчто въ родѣ среднихъ учебныхъ заведеній для промышленныхъ и ремесленныхъ классовъ, могли принимать, за недостаткомъ вакансій, только четвертую часть заявившихъ на то желаніе. Всѣ низшія школы были переполнены учениками, родители которыхъ, несмотря на свой скромный заработокъ, не затруднялись вносить относительно довольно крупную учебную плату. Вечерніе курсы привлекали повсюду огромное число мастеровыхъ и фабричныхъ, приходившихъ слушать ихъ въ 7—8 часовъ вечера, послѣ двѣнадцати, а иногда и четырнадцати-часового физическаго труда, причемъ профессора находили въ этихъ людяхъ быстрый, сообразительный умъ и большое вниманіе къ преподаваемому предмету. Нѣкто г. Бурхартъ, основавшій въ Гюберлинѣ, незадолго до прусско-французской войны, курсы для фабричныхъ, пригласилъ нѣсколько наиболѣе даровитыхъ рабочихъ изъ Мюльгаузена ознакомиться съ ихъ устройствомъ и программой. Эти лица такъ хорошо поняли пользу дѣла, что немедленно принялись за устройство такихъ же курсовъ въ Мюльгаузенѣ, конечно, не безъ содѣйствія образованныхъ людей, и блистательно достигли своей цѣли. Нѣкто де-Марсильи, президентъ аміенской промышленной палаты, приводитъ ¹⁾ еще болѣе замѣчательный случай въ этомъ родѣ. Въ Аміенѣ было предположено построить особое зданіе для чтенія лекцій ткацкой и прядильной промышленности. Стоимость всего зданія простиралась до 25,000 франковъ слишкомъ. Расходъ этотъ менѣе чѣмъ въ годъ совершенно окупился платою за слушаніе лекцій; но мало того, во время постройки зданія рабочіе, въ свободное отъ обязательныхъ занятій на фабрикахъ время, приходили помогать его строить и, трудясь весьма усердно, упорно отказывались получать какое-либо вознагражденіе.

Учебныя заведенія, которыми могли пользоваться въ послѣдніе годы царствованія Наполеона III рабочія и промышленныя сословія,

¹⁾ Enquête sur l'enseignement professionnel.

главнымъ образомъ заключались въ пріютахъ (*salles d'asiles*), начальныхъ школахъ (*écoles primaires*), школахъ искусствъ и ремеслъ (*écoles des arts et métiers*). Къ высшему разряду этого рода заведеній можно также причислить находящуюся въ Парижѣ, единственную во Франціи, *Conservatoire des arts et métiers*. Кромѣ того, въ различныхъ городахъ устраивалось множество вечернихъ и воскресныхъ курсовъ. Въ организаціи и содержаніи нѣкоторыхъ изъ названныхъ нами заведеній принимали участіе и частныя лица, но главнѣйшіе по этому предмету расходы были отнесены на государственныя, городскія и общественныя средства. *Salles d'asiles*, пріюты, составляли учрежденія, въ которыхъ родители, не имѣвшіе возможности держать цѣлый день при себѣ маленькихъ дѣтей, отъ 2 до 7 лѣтъ, могли ихъ оставлять во время рабочихъ часовъ. Большею частью за это никакой платы не взималось, а въ тѣхъ пріютахъ, для которыхъ она была установлена, бѣдняки безъ всякаго затрудненія отъ нея освобождались. Впрочемъ, къ чести рабочихъ надо сказать, они весьма рѣдко уклоняются отъ взноса установленной платы, въ случаѣ если для нихъ къ тому представляется какая-либо возможность. Въ этихъ пріютахъ за дѣтьми не только смотрять, и не только ихъ кормятъ и обучаютъ ихъ чтенію, письму и закону божію, но также сообщаютъ нѣкоторые доступныя для ихъ возраста свѣдѣнія, при помощи нагляднаго обученія. Уроки длятся не болѣе четверти часа и отдѣляются одинъ отъ другого гимнастикой, подвижными играми, вообще занятіями, развивающими физическую сторону ребенка. Въ 1866 г. всѣхъ дѣтей, пользовавшихся такимъ уходомъ, считалось 432,141. Въ 1867 г., въ одномъ Сенскомъ департаментѣ было 187 пріютовъ, содержавшихъ 25½ тысячъ дѣтей.

Въ начальныхъ школахъ Франціи, доступныхъ не только для городскихъ, но и для сельскихъ жителей, преподаваніе велось болѣе систематически и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ въ пріютахъ, ибо дѣти поступали туда не ранѣе 7-ми лѣтъ. Обязательная программа преподаванія въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ состояла изъ закона божія, чтенія, письма, счисленія и основныхъ началъ французской грамматики. Желавшіе же могли во многихъ изъ этихъ школъ ознакомиться съ началами естествознанія, исторіей, географіей, алгеброй, геометріей, обучаться рисованію и землемѣрію. Въ Парижѣ безусловно не взималось никакой платы за посѣщеніе начальныхъ школъ, а въ провинціяхъ эта плата взималась только съ наиболѣе состоятельныхъ лицъ. По официальнымъ отчетамъ за 1866 годъ всѣхъ дѣтей мужескаго пола, посѣщавшихъ школы, считалось 1.732,412, а женскаго 1,578,290 чел. Надо имѣть въ виду, что на обученіе послѣднихъ во Франціи было обращено вниманіе

только въ шестидесятыхъ годахъ. До тѣхъ поръ дѣвочки почти во-все имѣ не пользовались. Результаты, полученные отъ распростра-ненія во Франціи начальныхъ школъ, могутъ, въ нѣкоторой степени, быть провѣрены числомъ грамотныхъ людей, поступающихъ въ воен-ную службу. Средній для всей Франціи процентъ неграмотныхъ конскриптовъ, въ послѣдніе передъ войной годы, не превышалъ 30%, или, иначе, на каждые 100 конскриптовъ приходилось среднимъ чи-сломъ грамотныхъ 70, и неграмотныхъ 30 человекъ. Наибольшій процентъ грамотныхъ выпадалъ на долю наиболѣе промышленныхъ 14-ти департаментовъ, между прочимъ Сенскаго, ниже- и верхне-Рейнскаго, верхне-Альпійскаго, верхне-Марнскаго и пр.; здѣсь про-центъ грамотныхъ, умѣющихъ читать, простирался до 90 и даже до 96 процентовъ. Наименьшій процентъ 58—50, и ниже, падалъ на наименѣе промышленныя части страны, между прочимъ на департа-менты Вандейскій, Восточно-Пиренейскій, Ландскій. Приюты и на-чальные школы составляютъ общеобразовательныя заведенія, осталь-ныя же, упомянутыя нами, учреждены специально для ремесленни-ковъ и фабричныхъ рабочихъ. Мысль объ учрежденіи ремесленныхъ училищъ принадлежитъ еще Наполеону I. Къ лучшимъ изъ заве-деній этого рода относятъ правительственныя школы, основанныя въ Шалонѣ, Анжерѣ и Э. Въ этихъ школахъ готовятъ теорети-чески и практически какъ ремесленные ученики, такъ и лучшіе фа-бричные и заводскіе рабочіе. Воспитанники ихъ ежедневно посвя-щаютъ пять часовъ теоретическимъ занятіямъ, связаннымъ съ реме-слами и различнаго рода техническими и механическими производ-ствами, какъ, напр., алгебрѣ, геометріи, химіи и 7 часовъ практи-ческимъ занятіямъ въ мастерскихъ. Въ этихъ заведеніяхъ обращается особенное вниманіе на обученіе черченію и рисованію, — предметы весьма важные для ремесленника. Англичане признаютъ эти школы весьма хорошими и считаютъ, что они въ общемъ итогѣ приносятъ большую пользу. Недостатокъ же ихъ заключается, судя по отзы-вамъ нѣкоторыхъ компетентныхъ людей, въ неудовлетворительной специализаціи преподаванія. Ученики получаютъ прекрасное обще-ремесленное образованіе, но не всегда бываютъ достаточно хорошо специально знакомы съ избраннымъ ими ремесломъ или промышлен-ностью; поэтому, оставляя заведеніе, они обыкновенно рассчитываютъ занять видное мѣсто между рабочими той фабрики, или той мастер-ской, въ которую думаютъ поступить, а попадаютъ болѣею частію въ рядовые, что вызываетъ въ нихъ раздраженіе и сразу дѣлаетъ ихъ недовольными своимъ положеніемъ. Затѣмъ, какъ ни достойны по-хвалы эти заведенія и какъ ни способны они приносить извѣстную пользу развитію промышленности во Франціи, вліяніе ихъ ощущается

весьма слабо, потому что ихъ относительно мало числомъ. Изъ всѣхъ правительственныхъ школъ этого разряда выпускается ежегодно болѣе 450—500 человѣкъ, что далеко не удовлетворяетъ потребности въ образованныхъ ремесленникахъ, потребности, которая во Франціи съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Вообще, должно сказать, что хотя французское правительство за послѣднее время относительно и много заботилось о доставленіи рабочимъ, въ особенности фабричнымъ и ремесленнымъ, средствъ получить надлежащее образованіе и соотвѣтствующія свѣдѣнія, средства эти безусловно далеко недостаточны. Лучше всего доказывается это тѣмъ обстоятельствомъ, что законъ, обязывающій хозяевъ (patron) предоставлять своимъ ученикамъ не менѣе 2 часовъ въ день свободнаго времени, съ тѣмъ чтобы они могли посѣщать школу, во многихъ случаяхъ не достигаетъ своей цѣли за недостаткомъ школъ и курсовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ заходила рѣчь о томъ, чтобы этотъ законъ видоизмѣнить. Думали предоставить хозяину право требовать отъ ученика, чтобы онъ эти два часа, свободныхъ отъ физическаго труда, ни на что иное, какъ на посѣщеніе учебнаго заведенія, не употреблялъ. Но отъ этого предположенія должно было отказаться, частію по только-что приведенной нами причинѣ, т.-е. за слишкомъ ограниченнымъ числомъ школъ, и предоставить наблюденіе въ этомъ отношеніи за ученикомъ власти его родителей. Во Франціи существуютъ нѣсколько частныхъ учебныхъ заведеній, имѣющихъ цѣлю давать нѣкоторое образованіе и снабжать специальными свѣдѣніями молодыхъ людей, прошедшихъ курсъ ремесленнаго ученичества. Заведенія эти значительно содѣйствуютъ сформированію изъ ученика хорошаго рабочаго и нравственнаго человѣка; но, во-первыхъ, число ихъ крайне незначительно, а во-вторыхъ, и пользоваться ими могутъ весьма немногіе, ибо посѣщеніе ихъ отнимаетъ время у молодого человѣка, когда трудъ его начинаетъ уже приносить ему матеріальныя выгоды и часто доставлять средства къ существованію его семейству. Уменьшеніе общепринятаго числа рабочихъ часовъ, конечно, не мало могло бы увеличить пользу такихъ дополнительныхъ школъ. Conservatoire des arts et métiers, несмотря на свое одиночество,—ибо парижская Conservatoire составляетъ единственное заведеніе этого рода во всей Франціи,—приноситъ весьма большую пользу и оказываетъ несомнѣнное вліяніе на развитіе французской промышленности. Это огромное и красивое зданіе вмѣщаетъ въ себѣ, во-первыхъ, музей всевозможныхъ предметовъ, могущихъ интересовать ремесленника, технолога и механика, начиная отъ простаго молотка до самыхъ сложныхъ машинъ, отъ сырого матеріала, въ видѣ земли, дерева, шерсти, кусковъ желѣза и проч. до тончайшихъ произведеній фабричной и ремесленной дѣ-

тельности; во-вторыхъ, специальную библіотеку изъ 20,000 томовъ, въ-третьихъ, коллекцію превосходныхъ чертежей и рисунковъ, въ-четвертыхъ, начальную школу и, наконецъ, въ-пятыхъ, двѣ обширныя аудиторіи, изъ которыхъ одна можетъ вмѣстить до 700 слушателей, а другая—360. Лекціи, читаемыя въ этихъ аудиторіяхъ бесплатно, доступны для всѣхъ желающихъ, и несмотря на то, что на каедрѣ являются нерѣдко лучшіе и знаменитѣйшіе ученые Франціи, языкъ, которымъ они бесѣдуютъ съ публикой, доступенъ для всякаго наименѣе образованнаго ремесленника. Читенія эти по преимуществу посѣщаются молодыми фабричными и мастеровыми. Музей и библіотека также открыты публикѣ, и въ воскресные дни въ неперемѣнно встрѣтите тамъ цѣлыя толпы рабочихъ, осмысленно и внимательно изучающихъ тотъ или другой предметъ и помогающихъ взаимными объясненіями и рассказами понимать значеніе различныхъ орудій, машинъ и проч. Понятно, что такое заведеніе при обычаѣ французскихъ рабочихъ эмигрировать изъ провинціи въ Парижъ и изъ Парижа въ провинцію, должно оказывать сильное образовательное вліяніе и содѣйствовать успѣхамъ промышленности во всей странѣ.

IX. Кооперативныя и вспомогательныя общества, сберегательныя кассы и проч.

Какъ ни скуденъ заработокъ французскаго рабочаго и какъ ни бѣдна его матеріальная обстановка, онъ однако въ общемъ итогѣ находитъ возможность дѣлать нѣкоторыя сбереженія относительно даже весьма значительныхъ размѣровъ. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ бережливости и умѣренности французскаго народа, пользующагося, благодаря своему живому характеру и острому уму, репутаціей безпечнаго гуляки. Свойства эти: бережливость и умѣренность выражаются какъ въ стремленіи этихъ людей приобрѣтать собственность, въ видѣ жилищъ, садовъ и огородовъ, что впрочемъ рѣдко бываетъ для нихъ доступно, такъ и въ большомъ числѣ разнаго рода обществъ взаимнаго вспоможенія, ассоціацій производителей и потребителей, требующихъ отъ всѣхъ въ нихъ участвующихъ лицъ денежныхъ взносовъ въ томъ или другомъ размѣрѣ, наконецъ, сберегательныя кассы (*caisses d'épargne*), учрежденныя еще въ 1818 году съ цѣлю доставить бѣдному классу возможность съ нѣкоторою выгодною хранить свои небольшія, припасенныя на черный день деньги, весьма осязательно доказываютъ, что французы вовсе не расточительны.

Ссудныя кассы, судя по ихъ официальнымъ отчетамъ, съ самаго

начала своего существованія постоянно расширяли свои дѣйствія; какъ ихъ обороты, такъ и число членовъ изъ году въ годъ возрастали и достигли къ концу прошлаго десятилѣтія до весьма значительныхъ размѣровъ.

Кассы эти не имѣютъ права хранить вклады, превышающіе 1,000 фран. (25 ф. ст.) на одно лицо и уплачиваютъ вкладчикамъ проценты по истеченіи каждаго мѣсяца. Проценты эти столь невысоки, что они не могли бы служить приманкою для вкладовъ. Такъ, въ 1867 году парижскія кассы выдали своимъ вкладчикамъ дивидендъ въ размѣрѣ только $3\frac{1}{2}\%$, между тѣмъ къ 1-му января 1868 года число всѣхъ кассъ во Франціи приближалось къ 500, общая сумма вкладовъ простиралась до 22,834,767 ф. стер., принадлежавшихъ 1,845,603 вкладчикамъ, такъ что среднимъ числомъ на каждаго изъ нихъ приходилось около 12 фун. стер. 7 шил. $5\frac{1}{2}$ пен. (около 310 фр.). Въ одномъ 1867 году новыхъ вкладчиковъ поступило 271 тысяча слишкомъ. Изъ нихъ рабочіе, какъ по числу такъ и по общему размѣру вкладовъ, составляли одну треть, лица состоящіе въ личномъ услуженіи одну восьмую часть, и на каждыя двадцать человѣкъ жителей Франціи приходилось по одному вкладчику этихъ кассъ.

Мы не имѣемъ въ виду подробнаго описанія кооперативныхъ и вспомогательныхъ обществъ, но для пополненія нашего очерка считаемъ необходимымъ упомянуть о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ нельзя пройти безъ вниманія общества взаимнаго вспоможенія (*sociétés de secours mutuel*), начало которымъ положено было въ 1819 году бронзовщиками, образовавшими между собой союзъ, имѣвшій цѣлью оказывать своимъ членамъ, участвующимъ въ составленіи денежнаго фонда, разнаго рода матеріальныя пособія. Общество это, носившее названіе „*Von accord*“, послужило примѣромъ для множества другихъ, сформировавшихся въ Ліонѣ, Труа, Руанѣ и другихъ городахъ Франціи. Союзы этого рода до 1850 г. преслѣдовались правительствомъ, а съ 1850 года были имъ взяты подъ свое особенное покровительство и наблюденіе. Съ тѣхъ поръ число ихъ очень умножилось, хотя число ихъ членовъ не было особенно велико даже въ 1867 году. Всѣхъ обществъ этого рода было 5,829, въ нихъ состояло дѣйствительными членами мужчинъ 530,203 и женщинъ 120,387; весь капиталъ ихъ, составленный частію изъ добровольныхъ пожертвованій почетныхъ членовъ, приглашенныхъ правительственными властями, простирался къ этому времени до 185,243 фун. ст., ежегодный доходъ же отъ членскихъ взносовъ и добровольныхъ пожертвованій равнялся 560,651 ф. ст., а расходъ 498,845 ф. ст. Значительная часть этой послѣдней суммы (около 350,000 ф. ст.) была употреблена на пособіе больнымъ членамъ общества, на лекарства, плату медикамъ

и похороны умершихъ, затѣмъ, около 60,000 ф. ст. на выдачу пенсій вдовамъ, сиротамъ, калѣкамъ и старикамъ. Несомнѣнно, что общества эти приносили весьма существенную пользу, и должно удивляться отчего, сравнительно, къ нимъ принадлежало такъ мало рабочихъ. Оффиціальныя отчеты агентовъ французскаго правительства видятъ причину этого явленія въ недостаточномъ знакомствѣ населенія съ этими учрежденіями и въ непониманіи рабочими всѣхъ выгодъ, которыя они представляютъ; мы полагаемъ, что такое заключеніе едва ли справедливо. Общества эти были распространены въ такомъ большомъ количествѣ (правительство заботилось, чтобы всякая община завела у себя общество взаимнаго вспомошествованія, и ихъ было основано до 6000), что трудно было простолудину даже случайно не наткнуться на нихъ. Пособія, раздаваемые ими, въ общей сложности были также весьма значительны, и едва ли эта операція могла ускользнуть отъ вниманія рабочихъ или оставаться ими непонятою. Французскіе *ouvriers* умѣютъ понимать и болѣе сложные и гораздо менѣе осязательные предметы, если съ пониманіемъ ихъ могутъ быть сопряжены какія-либо выгоды и надежды улучшить ихъ положеніе. Мы полагаемъ, что причину слишкомъ малаго распространенія этихъ обществъ должно искать или въ недостаткѣ денегъ у рабочихъ, или въ нерасположеніи ихъ къ этимъ учрежденіямъ, потому что Наполеоновское правительство, которому они не очень довѣряли въ особенности за послѣднее время, простерло свою заботливость объ обществахъ взаимнаго вспоможенія до весьма обстоятельной опеки. Президенты всѣхъ обществъ назначались самимъ императоромъ, число членовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ зависѣло отъ власти мѣстнаго президента, размѣръ взносовъ опредѣлялся правительствомъ, въ почетныя лица приглашались особы, правда, внесшія значительныя суммы денегъ, но вмѣстѣ и значительную долю не всегда пріятнаго для большинства рабочихъ правительственнаго вліянія. Словомъ, самодѣятельность этихъ обществъ была значительно подавлена правительственнымъ контролемъ, и едва ли не въ этомъ должно искать причину того, что они не пользовались вполне заслуженнымъ, по цѣли, по основнымъ свойствамъ своимъ, успѣхомъ. Мы полагаемъ даже, что недостатокъ денегъ у рабочихъ не игралъ при этомъ никакой роли. Во-первыхъ, находили же возможность рабочіе дѣлать вклады въ сберегательныя кассы и другія менѣе стѣсненныя правительственнымъ контролемъ предпріятія, отчего же они неохотно участвовали въ *sociétés de secours mutuel*?

Легко можетъ стать, что ихъ довѣріе къ этимъ учрежденіямъ было значительно поколеблено результатомъ покровительства, оказаннаго правительствомъ промышленнымъ ассоціаціямъ. Хотя происхож-

деніе этихъ послѣднихъ учрежденій приписывается вліянію февральской революціи, но въ сущности они существовали во Франціи гораздо ранѣе этого времени. Въ 1831 году, по иниціативѣ и подъ руководствомъ Бюше, образовалось общество столяровъ, а за нимъ нѣсколько другихъ производительныхъ товариществъ; правительство ихъ не воспрещало открыто, но глядѣло на нихъ враждебно, старалось ихъ поставить въ возможно неблагопріятныя условія и при первомъ удобномъ случаѣ подвергло ихъ членовъ судебному преслѣдованію. Республиканское правительство 1848 и 1849 годовъ и президентъ республики взглянули иначе на это дѣло, старались содѣйствовать развитію коопераціи и даже рѣшились оказать ему существенную матеріальную помощь, которая, однако, вовсе не достигла цѣли. Тогда же была организована особая правительственная коммиссія, на которую было возложено распространеніе кооперацій и наблюденіе за ними, въ распоряженіе которой было выдано 2.800,000 франковъ для раздачи ихъ за 5% въ годъ въ видѣ заимообразнаго пособія этого рода учрежденіямъ при ихъ основаніи. Но, увы, съ этими деньгами распорядились иначе. 1.800,000 франковъ было выдано 26-ти крупнымъ капиталистамъ-фабрикантамъ, а коопераціямъ въ числѣ 31, исключительно парижскимъ, досталось менѣе 900,000 франковъ, да и то не за 5, а за 10 процентовъ въ годъ. Послѣдствія такой операціи, въ связи съ вмѣшательствомъ администраціи въ дѣла чисто-экономическаго свойства, были самыя плачевныя. До 1849 года въ одномъ только Парижѣ существовало болѣе 300 товариществъ какъ производительныхъ, такъ и потребительныхъ; въ 1851 году потребительныя общества совершенно исчезли, благодаря разнаго рода стѣсненіямъ, которымъ ихъ подвергали, и изъ остальныхъ осталось не болѣе 100. Это, однако, не мѣшало многимъ учрежденіямъ этого рода, опиравшимся единственно на здравый смыслъ и трудолюбіе своихъ членовъ, довести свои дѣла до весьма цвѣтущаго состоянія. Въ началѣ 60-хъ годовъ въ Парижѣ было около 20-ти товариществъ, имѣвшихъ до 3-хъ милліоновъ франковъ въ годъ оборота, а во всей Франціи производительныхъ обществъ Пфейферъ насчитывалъ до 70-ти. Отличительная черта всѣхъ этихъ обществъ заключается въ настоящее время въ томъ, что всѣ члены ихъ участвуютъ въ прибыляхъ общества не поровну, какъ это было предположено въ началѣ, а соразмѣрно съ количествомъ и качествомъ исполняемой каждымъ изъ нихъ работы.

Кромѣ ассоціацій, образованныхъ только при участіи рабочихъ во Франціи, существуютъ и существовали еще ранѣе 1848 года нѣсколько ассоціацій капиталистовъ съ рабочими. Между ними слѣдуетъ упомянуть о типографіи Поля Дюпонъ, основанной въ 1847 г.,

о маслобойномъ заводѣ Жиске въ С.-Дени, и въ особенности объ устроенной въ 1842 году Леклеркомъ ассоціаціи маляровъ. Леклеркъ пригласилъ 200 рабочихъ, занимавшихся окраскою домовъ, войти съ нимъ въ такого рода сдѣлку. Онъ бралъ на себя хлопоты по пріисканію работы, рассчитамъ за нее, доставлялъ необходимый матеріалъ, а рабочіе выполняли принятые сообща подряды. Рабочіе, участвующіе въ ассоціаціи, рассчитывались по справочнымъ цѣнамъ за исполненныя ими работы, а Леклеркъ получалъ также извѣстное вознагражденіе за свой трудъ въ заранѣ условленномъ размѣрѣ, и кромѣ того процентъ на затраченный имъ капиталъ. Въ концѣ года остающаяся за таковыми расходами прибыль раздѣлялась между товарищами и руководителемъ дѣла. Во-первыхъ, такая организація, по увѣренію по крайней мѣрѣ самого Леклерка, сдѣлала рабочихъ настолько трудолюбивыми, что они по крайней мѣрѣ въ полтора раза болѣе чѣмъ при прежнемъ порядкѣ успѣвали дѣлать въ данное время. Кромѣ того ихъ годовой заработокъ значительно увеличился, даже если принять въ соображеніе лучшія поденныя цѣны при обыкновенныхъ условіяхъ работы. Каждый изъ нихъ могъ въ день заработать не болѣе 4-хъ франковъ, что получали всѣ хорошіе маляры вообще; такъ съ ними среднимъ числомъ Леклеркъ и рассчитывался. Никогда не нуждаясь въ отыскиваніи работы, они могли работать въ годъ не менѣе 300 дней, что не всегда удавалось ихъ сотоварищамъ, не участвовавшимъ въ союзѣ, такъ что они могли въ годъ зарабатывать до 1200 франковъ; но къ этому въ концѣ года прибавлялся дивидендъ въ размѣрѣ до 300 франковъ на каждого товарища, и такимъ образомъ члены этой ассоціаціи зарабатывали вмѣсто 4-хъ франковъ въ день, получаемыхъ хорошимъ маляромъ при обыкновенныхъ условіяхъ, цѣлые 5 франковъ, что весьма благотворительно отражалось на ихъ образѣ жизни и ихъ нравственности.

Н. Ф.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е августа, 1878 г.

Труды Комиссін сельскаго хозяйства.—Значеніе собранныхъ данныхъ.—Вопросъ объ общинѣ.—Вопросъ о пьянствѣ.—Проектъ новаго устройства духовнаго суда.—Кругъ вѣдѣнія специальныхъ судовъ вообще.—Виды наказаній.—Составъ суда.—Прокурорская часть.—Необычайное сосредоточеніе власти.—Что будутъ дѣлать съ Хивой?

Исслѣдованіе положенія сельскаго хозяйства въ Россіи — дѣло весьма трудное, по недостатку вѣрныхъ статистическихъ данныхъ и, прибавимъ, по отсутствію такихъ мѣстныхъ общественныхъ органовъ, которые могли бы помочь правительству въ этомъ дѣлѣ. Въ Англіи, во Франціи работы такого рода несравненно легче, потому что въ этихъ странахъ имѣется множество издавна и повсемѣстно дѣйствующихъ земледѣльческихъ обществъ и сѣздовъ, которыми постоянно собираются и обрабатываются данные. Тамъ, правительственному или парламентскому изслѣдованію стѣснить только обратиться къ этимъ даннымъ и привести ихъ въ систему. Наши земскія учрежденія хотя по личному составу своему весьма близко стоятъ къ сельскому хозяйству, но не имѣютъ его спеціальной цѣлью и собираютъ о немъ свѣдѣнія преимущественно въ виду обложенія; таковы свѣдѣнія земства о количествѣ земли, состоящей въ разныхъ родахъ пользованія у разнаго рода владѣльцевъ; таковы еще свѣдѣнія о количествѣ сборовъ всякаго рода, падающихъ на податное сельское сословіе, собранныя при обсужденіи земствами вопроса о податной реформѣ. Самое количество обрабатываемой земли въ Петербургской губерніи еще не приведено здѣшнимъ земствомъ въ точную извѣстность. Но если бы свѣдѣнія, собранныя земствомъ и были исполнѣ точны, они все-таки были бы совершенно недостаточны для изслѣдованія по нимъ всего положенія нашего сельскаго хозяйства. Такимъ образомъ, администраціи, стоящей въ этомъ случаѣ одиноко, приходится начинать подобное изслѣдованіе съ самаго начала, то-

есть, и собирать данныя, и критически провѣрять ихъ посредствомъ сопоставленія и дальнѣйшихъ запросовъ, и обсуждать ихъ смыслъ, и наконецъ, дѣлать выводъ о практическихъ, законодательныхъ и иныхъ мѣрахъ улучшенія.

Работа эта—громадная и требующая прежде всего осмотрительности по чрезвычайной важности изслѣдуемаго вопроса. Обсуждать положеніе земледѣлія, въ виду предположенія законодательныхъ мѣръ въ такой странѣ, гдѣ положеніе земледѣлія опредѣляетъ основныя условія быта 80 процентовъ населенія,—во всякій моментъ народной жизни должно представляться самымъ труднѣйшимъ и важнѣйшимъ изъ всѣхъ законодательныхъ дѣйствій. Обсуждать положеніе сельскаго хозяйства въ Россіи теперь, черезъ десятокъ лѣтъ по осуществленіи важнѣйшей изъ нашихъ реформъ, существенно измѣнившей условія быта сельской массы, значить до нѣкоторой степени провѣрять самую эту реформу и, буде окажется нужнымъ, дополнять ее новыми бытовыми постановленіями. Эти замѣчанія о трудности дѣла мы высказываемъ никакъ не потому, чтобы считали несвоевременнымъ самое возбужденіе вопроса о нынѣшнемъ положеніи сельскаго хозяйства. Напротивъ, вопросъ этотъ представляется намъ своевременнымъ всегда, и болѣе чѣмъ когда-либо теперь, передъ преобразованіемъ общей системы нашихъ податей. Мы убѣждены даже, что безъ приведенія въ положительную ясность тѣхъ недуговъ, какими страждетъ земледѣліе, основной источникъ всѣхъ силъ Россіи,—невозможны никакія дальнѣйшія законодательныя улучшенія съ общенароднымъ значеніемъ. Останавливаемся же мы прежде всего на самой трудности дѣла для того только, чтобы напомнить, что въ такомъ дѣлѣ важна не спѣшность мѣропріятій, но именно полнота изслѣдованія, всестороннее обсужденіе собранныхъ данныхъ и предлагаемыхъ мѣръ. Мы отдаемъ полную справедливость просвѣщенной инициативѣ нынѣшняго управленія государственными имуществами въ возбужденіи вопроса о положеніи сельскаго хозяйства, но ожидаемъ теперь съ его стороны другой заслуги — осмотрительности въ пользованіи тѣми во многихъ отношеніяхъ недостаточными данными, которыя были доселѣ собраны. По нашему убѣжденію, было бы большою ошибкой видѣть въ оконченныхъ спеціальною комиссіею трудахъ по собранію свѣдѣній нѣчто завершающее вопросъ, нѣчто могущее стать достаточнымъ основаніемъ для немедленнаго осуществленія тѣхъ весьма многоразличныхъ выводовъ, къ какимъ пришла эта комиссія послѣ годичной работы. Труды комиссіи, кажется намъ, должны служить еще только началомъ полнаго изслѣдованія и обсужденія дѣла. Вотъ почему мы остановились теперь преимущественно на громадности и трудности подлежащей комиссіи задачи.

Результатъ трудовъ комиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи лежитъ предъ нашими глазами: это — пять томовъ въ листъ, наполненныхъ таблицами и массою отзывовъ изъ самыхъ различныхъ источниковъ. Матеріалы эти весьма старательно расположены въ сводѣ, и внѣшняя обработка ихъ, то-есть расположеніе, сведеніе къ общимъ мотивамъ, а мотивовъ — къ практическимъ выводамъ, съ обратными ссылками въ видѣ перечней, весьма удовлетворительна. Но нельзя сказать того же о внутренней обработкѣ, то-есть о критической провѣркѣ матеріаловъ. При краткомъ срокѣ работъ комиссіи такая провѣрка едва ли и была возможна, потому что она непременно потребовала бы повторительныхъ запросовъ для объясненія нѣкоторыхъ данныхъ. Сверхъ того, частные отзывы, которыхъ собрано комиссіею множество — въ числѣ ихъ попались и весьма любопытные, и поверхностные, и бездоказательные по узкости наблюдений — въ совокупности своей представляютъ нѣчто совершенно случайное. Комиссіею получены показанія изъ 958 разныхъ источниковъ, и болѣею частью отъ землевладѣльцевъ; само собою разумѣется, это составило нѣчто весьма разнохарактерное. Разнохарактерными показанія останутся и тогда, когда ихъ будетъ собрано вдесятеро болѣе, когда печать и всѣ желающіе выскажутъ свое мнѣніе по поднятымъ вопросамъ; но разница будетъ въ томъ, что тогда показанія имѣющіяся на лицо уже потеряютъ характеръ случайности. Выскажутся уже всѣ, кто имѣетъ мнѣніе и желаніе заявить его. Среди такого всесторонняго, общественнаго обсужденія можно уже будетъ уловить общія черты, сходящіяся къ нѣсколькимъ главнымъ, основнымъ воззрѣніямъ. Сверхъ того, въ такомъ всестороннемъ обсужденіи само собою сдѣлается то, чего комиссія въ годичный срокъ не могла сдѣлать: добытыя ею данныя подвергнутся противорѣчивой провѣркѣ, критикѣ, которой имъ рѣшительно недостаетъ. Вотъ тогда только и будетъ возможно собрать и заложить прочное основаніе для принятія законодательныхъ и другихъ мѣръ. Однимъ словомъ, желательно было бы, чтобъ исполненная работа была принята не за конецъ, а за начало конца, и притомъ довольно отдаленнаго.

Въ подтвержденіе нашего мнѣнія о совершенной необходимости дальнѣйшаго изслѣдованія и обсужденія, мы должны нѣсколько ближе указать характеръ какъ свѣдѣній, собранныхъ комиссіею, назначенною 26 мая 1872 года, такъ и тѣхъ выводовъ, къ которымъ она пришла.

Комиссія, какъ уже сказано, получила свѣдѣнія изъ множества источниковъ; открылась она 21 ноября 1872, закрылась 28 апрѣля текущаго года и имѣла 52 засѣданія для обсужденія своихъ свѣ-

дѣній и формулированія своихъ заключеній. Въ числѣ собранныхъ свѣдѣній надо различать два главныхъ рода: свѣдѣнія сколько-нибудь положительныя, и свѣдѣнія преимущественно гадательныя. Къ числу первыхъ относятся прежде всего свѣдѣнія вполне точныя, какъ, напр., извлеченныя изъ отчетовъ контроля вѣдомости о доходахъ, долгахъ, недоимкахъ; затѣмъ, свѣдѣнія по такимъ предметамъ, о которыхъ администрація могла бы имѣть точныя данныя, какъ, напр., о количествѣ населенія, о числѣ фабрикъ и заводовъ и рабочихъ на нихъ, о числѣ бывшихъ въ разныхъ мѣстностяхъ пожаровъ и т. п. Къ числу свѣдѣній второго рода относятся тѣ, которыя, по существу своему, имѣютъ характеръ преимущественно гипотетическихъ, гадательныхъ, каковы: свѣдѣнія о посѣвахъ и урожаяхъ, количествѣ скота, вырубяемаго ежегодно лѣса и т. д. Слишкомъ ясно, что данныя этого послѣдняго рода, извлеченныя главнымъ образомъ изъ отчетовъ губернаторовъ, составленныхъ на основаніи донесеній мѣстныхъ властей, не могутъ служить основаніемъ для принятія какихъ-либо законодательныхъ мѣръ. Быть можетъ, онѣ и точнѣе, нежели мы думаемъ, но и въ такомъ случаѣ необходимо, чтобы степень точности ихъ была предварительно провѣрена предоставленіемъ всѣмъ желающимъ возможности заявить, въ какой мѣрѣ онѣ соотвѣтствуютъ или несоотвѣтствуютъ дѣйствительности въ каждой отдѣльной мѣстности. Такая провѣрка тѣмъ нужнѣе, что къ числу цифръ, по самому существу своему, очевидно—гадательныхъ, относятся тѣ именно, которыя всего важнѣе для обрисованія истиннаго положенія сельскаго хозяйства и опредѣленія его условий.

Но и тѣ официальныя цифры, которыя мы отнесли къ первой категоріи, за исключеніемъ безусловно-вѣрныхъ цифръ собственно финансоваго хозяйства, необходимо должны быть подвергнуты критикѣ, которою учрежденія, собирающія ихъ, повидимому, не занимаются, а коммиссія заняться не могла за недостаткомъ времени. Возьмемъ въ примѣръ таблицу цифръ о числѣ фабрикъ и заводовъ въ Россіи по губерніямъ и годамъ. Цифры эти доставлены въ коммиссію департаментомъ торговли и мануфактуръ, и тѣ изъ таблицъ, ихъ заключающихъ, которыя относятся къ производствамъ, обложеннымъ акцизомъ, не возбуждаютъ недоумѣній. Но таблицы, въ которыхъ обрисовывается состояніе всѣхъ прочихъ фабрикъ и заводовъ, вызываютъ недоумѣнія, лишаящія эти таблицы всякаго значенія, безъ предварительной критической провѣрки ихъ показаній. Такъ, напр., въ этихъ таблицахъ мы находимъ, что въ Астраханской губерніи число фабрикъ и заводовъ было 30 въ 1851, а въ 1870—91; число рабочихъ также примѣрно утроилось съ 154 до 484 чел.; а сумма производства возросла въ *сорокъ разъ*, съ 32 т. р. до 1.266,000,

рублей (1). Изъ сопоставленія такихъ цифръ, очевидно, нельзя составить даже никакого предположенія о ходѣ развитія промышленности въ Астраханской губерніи. Можно предположить только одно, а именно, что здѣсь большое число мельчайшихъ заведеній, каждое съ какими-нибудь пятью работниками, смѣшано съ однимъ большимъ заводомъ. Въ Костромской губерніи съ 1851 по 1870 годъ, число фабрикъ и заводовъ будто бы возросло въ 15 разъ (съ 80 до 1224), а число рабочихъ только вдвое, наконецъ, сумма производствъ—впятеро! По нѣкоторымъ губерніямъ число рабочихъ, раздѣленное на число фабрикъ, даетъ 5, а такъ какъ нельзя не предположить въ числѣ фабрикъ хоть одной большой, съ сотнями рабочихъ, то затѣмъ на остальные придется по 3, по 2 человека. Какія же это фабрики?! Въ Таврической губерніи прямо показано 869 фабрикъ и заводовъ съ 1610 рабочихъ, такъ что приходится въ общей сложности менѣе двухъ рабочихъ на заводъ или фабрику, а если въ числѣ послѣднихъ предположить хоть 10 болѣе значительныхъ, съ нѣсколькими десятками рабочихъ, то затѣмъ на остальные придется, пожалуй, по одному рабочему на фабрику! Очевидно, такихъ цифръ безъ провѣрки и разъясненія принимать нельзя, нельзя на нихъ ничего и основывать. А между тѣмъ свѣдѣнія о числѣ фабрикъ и рабочихъ въ департаментѣ мануфактуръ, безъ сомнѣнія, все-таки могутъ быть болѣе положительны, чѣмъ тѣ свѣдѣнія, какія могутъ имѣть губернаторы о посѣвахъ и урожаяхъ у крестьянъ.

Переходя къ выводамъ комиссіи относительно мѣръ, которыя, по ея мнѣнію, „надлежитъ“ принять для улучшенія положенія селскаго хозяйства, мы должны замѣтить крайнее разнообразіе этихъ мѣръ, разнообразіе доходящее до того, что еслибы въ самомъ дѣлѣ осуществить ихъ всѣ, то произошли бы нѣкоторыя противорѣчія. Такъ, напр., комиссія находитъ нужнымъ увеличеніе числа мировыхъ участковъ и въ то же время полагаетъ необходимымъ ограничить размѣръ земскаго обложенія земли извѣстнымъ процентомъ относительно казеннаго налога, подобно тому, какъ это сдѣлано закономъ 21 ноября 1866 года въ отношеніи къ земскому обложенію промышленныхъ и торговыхъ заведеній и документовъ. Невозможно требовать въ одно время и значительнаго увеличенія земскихъ расходовъ, и сокращенія главнѣйшаго дохода земства. Вообще, примѣненіе къ земскому обложенію земель закона 21 ноября было бы мѣрой чрезвычайно важной. Обложеніе земли составляетъ до 75% всѣхъ сборовъ земства, и ограниченіе размѣра этого обложенія могло бы повести прямо къ невозможности дѣятельности земства и въ томъ видѣ, какъ она существуетъ теперь. Подобную мѣру нельзя проектировать такъ слегка, въ числѣ полсотни мѣръ, рекомендуе-

мыхъ комиссіею, на ряду, напримѣръ, съ такою мѣрой, какъ „распространить въ массѣ народа правильныя понятія о предосудительности и вредѣ пьянства“.

Въ нашу задачу теперь не входитъ исчислять предлагаемыя комиссіею мѣры и подвергать разбору каждую, или хотя бы главнѣйшія изъ нихъ. Но, чтобы опредѣлить въ совокупности значеніе выводовъ и степень осуществимости уже въ настоящее время мѣръ комиссіи, скажемъ, что ея выводы и мѣры можно раздѣлить на двѣ категоріи. Къ одной принадлежатъ такіе выводы и соотвѣтствующія имъ мѣры, которыя являются только подтвержденіемъ фактовъ и потребностей, уже въ значительной степени выясненныхъ доселѣ въ сужденіяхъ земства и печати. Къ другой категоріи отнесемъ такъ сказать оригинальные выводы и предположенія комиссіи, гораздо менѣе безспорныя, и потому немогущіе ни въ какомъ случаѣ послужить основаніемъ для немедленныхъ мѣропріятій.

Въ первой категоріи мы укажемъ на такіе выводы и мѣры, какъ признаніе несоразмѣрности во многихъ мѣстностяхъ выкупныхъ платежей, признаніе факта, что во многихъ мѣстностяхъ земля положительно не въ состояніи вынести всего бремени лежащихъ на ней повинностей, и затѣмъ указаніе на необходимость уменьшенія общаго бремени, на нестойтельность общей реформы прямыхъ податей, съ болѣе уравнительнымъ ихъ разложеніемъ, неудобства взысканія недоимокъ посредствомъ продажи крестьянскаго скота и инвентаря, необходимости пониженія цѣны на соль, устройства сельскихъ школъ, пользы женскаго преподаванія въ народныхъ школахъ, учрежденіе разныхъ спеціальныхъ школъ, содѣйствіе правительства къ удешевленію сельско-хозяйственныхъ орудій, распространенію полезныхъ свѣдѣній, улучшеніе ветеринарной части и т. д.

Вѣрность этихъ выводовъ и полезность истекающихъ изъ нихъ мѣръ не могутъ подлежать сомнѣнію. Образовался уже довольно обширный списокъ такихъ экономическихъ фактовъ и требуемыхъ ими мѣропріятій, которыя совершенно достаточно уяснились обществу въ настоящее время, въ чемъ большую заслугу оказывала ему и печать, въ первое время послѣ своего освобожденія отъ предварительной цензуры. Признаніе этихъ фактовъ и мѣръ со стороны комиссіи является теперь только подтвержденіемъ, но и это есть немаловажная заслуга комиссіи, едва ли даже не главная ея услуга Россіи. Теперь, когда комиссія изъ просвѣщенныхъ и безпристрастныхъ людей, представителей разныхъ вѣдомствъ, послѣ весьма добросовѣстныхъ трудовъ и въ виду всѣхъ официальныхъ данныхъ подтвердила тотъ кодексъ очевидно-необходимыхъ мѣръ, какой еще ранѣе образовался

въ сознаніи общества, позволительно ожидать, что не замедлится и осуществленіе этихъ мѣръ.

Изъ выводовъ и предположеній комиссіи тѣ, которые хотя и не впервые указаны ею, но менѣе безспорны, а также и тѣ, которые впервые высказываются комиссіею, мы отнесли ко второй категоріи и упомянемъ изъ нихъ только нѣкоторыя для подтвержденія нашихъ словъ, что эти взгляды и мнѣнія комиссіи не могутъ быть приняты за основаніе для немедленныхъ мѣропріятій. На мысль объ ограниченіи размѣра земскаго обложенія земли мы уже указали. Примѣненіе закона 21 ноября 1866 года къ землѣ потребовало бы отміны его въ отношеніи къ торговымъ заведеніямъ и документамъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы говоримъ о необходимости уменьшенія какого-либо государственнаго обложенія, напр., цѣны соли, то при этомъ предполагаемъ, что налогъ этотъ можетъ быть съ пользою замѣненъ возвышеніемъ налога иного рода или установленіемъ новаго налога. Но если мы представимъ себѣ такое положеніе дѣлъ, что государство ограничено въ своей возможности усиливать одну статью смѣты доходовъ взамѣнъ другой, то придемъ къ невозможности и отміны какой-либо существующей подати. Если право земства облагать землю будетъ ограничено, то ему должно быть возвращено право неограниченнаго обложенія торговыхъ заведеній и документовъ, иначе, ограниченное въ обоихъ главныхъ предметахъ, подлежащихъ его обложенію, оно будетъ поставлено въ безвыходное положеніе. Относительно хозяйственной общины комиссія высказалась весьма сдержанно, но все-таки рѣшилась предложить нѣчто такое, что можетъ пожалуй оказаться вредной полумѣрой. Комиссія полагаетъ облегчить выходъ изъ общины, разрѣшивъ его (безъ согласія общества) для лицъ приобретающихъ какой-либо участокъ земли внѣ общины или арендующихъ участки въ продолженіе нѣкотораго времени, или, наконецъ занимающихся извѣстнымъ промысломъ, связаннымъ съ оскѣдностью въ другомъ мѣстѣ; такъ какъ при этомъ не сказано объ отмініи круговой поруки и о вознагражденіи за внесенные выкупные платежи, то мѣра эта не представляетъ опредѣленнаго значенія. Затѣмъ, комиссія полагаетъ еще установить нѣчто, по нашему убѣжденію, весьма нерациональное, а именно: „прекратить частые передѣлы полевыхъ угодій установленіемъ извѣстныхъ, болѣе или менѣе продолжительныхъ сроковъ для таковыхъ передѣловъ и притомъ съ тѣмъ, чтобы передѣлы совершались не иначе, какъ при участіи какой-либо наблюдающей власти“. Спрашивается, рационально ли оставлять общину, какъ сборную хозяйственную единицу, ответственную за поступленіе податей и въ то же время лишать ее возможности распоряжаться во всякое время наиболѣе доходными рас

леніемъ угодій? Относительно общины подумѣры вообще нераціональны потому, что община есть нѣчто цѣльное, связанное съ цѣльнымъ цикломъ общинныхъ хозяйственныхъ условий. Мы понимаемъ отношеніе законодательства только къ коренному факту самого существованія общины. Законодательство можетъ относиться къ факту существованія общины или благопріятно, напр., установленіемъ условія $\frac{2}{3}$ большинства для отміны общины, какъ сдѣлало положеніе 19 февраля, или нейтрально—установленіемъ условія большинства $\frac{1}{2}$ головъ или, наконецъ, неблагопріятно, требуя для самаго удержанія общины большинства $\frac{2}{3}$. Но все это будетъ отношеніе къ самому факту существованія общины, а не къ нарушенію ея органическихъ условий. Разъ община существуетъ, она должна быть полноправна въ распредѣленіи угодій, и никакіе обязательные сроки, а тѣмъ болѣе вмѣшательство посторонней власти не должны быть устанавливаемы. Разъ община существуетъ, то—чѣмъ полноправнѣе она въ передѣлахъ, тѣмъ лучше. Если бы она имѣла право производить передѣлы каждый день, то-есть, если бы она приближалась къ типу земледѣльческой артели, съ общей запашкой, общимъ рискомъ и общимъ барышомъ, то отъ этого она стала бы только рациональнѣе, вѣрнѣе обезпечивала бы и прокормленіе всѣхъ своихъ членовъ и самый взносъ слѣдующихъ съ нея платежей.

Къ числу мѣръ принадлежащихъ собственно комиссіи относится и слѣдующее: „разомъ покончить съ традиціею о кабацѣ, какъ мѣстѣ исключительной продажи водки, и по примѣру большей части европейскихъ государствъ и областей западныхъ окраинъ имперіи, разрѣшить, вмѣстѣ съ продажей водки, производить продажу пива, чая и горячаго кушанья“; мѣра эта должна „по мнѣнію комиссіи, повести къ замѣнѣ кабаковъ бѣлыми харчевнями, трактирами, постоянными дворами и ограничить случаи неумѣреннаго потребленія голы водки“. Мысль эта, какъ можно заключить изъ одной записки, которую мы находимъ въ приложеніяхъ, принадлежитъ члену комиссіи В. И. Вешнякову. Она подкупаетъ своей новизною, такъ какъ доселѣ законодательство руководствовалось, какъ извѣстно, мнѣніемъ прямо противоположнымъ и старалось изгнать изъ кабака всякую постороннюю приманку. Мысль эта заслуживаетъ во всякомъ случаѣ серьезнаго вниманія, но должна еще подлежать зрѣлому обсужденію, до проведенія ея въ законъ. Комиссія приняла ее очевидно потому, что ее убѣдили приведенныя въ докладѣ ея цифры о численности заведеній съ распивочною продажей въ великорусскихъ, южныхъ и западныхъ губерніяхъ Россіи, а также за-границею, изъ которыхъ явствуется, что въ великорусскихъ губерніяхъ такихъ заведеній приходится пропорціонально населенію вдвое менѣе чѣмъ въ губерніяхъ

западныхъ и въ 8 разъ менѣе, чѣмъ напр. во Франціи. Такъ какъ въ числѣ членовъ комиссіи находился г. Бушень, который уже доказывалъ въ печати, что пьянство не находится въ зависимости отъ числа распивочныхъ продажъ, то позволительно думать, что постановка вопроса о пьянствѣ въ комиссіи принадлежала ему, а изъ этой постановки г. Вешняковъ и вывелъ свою мѣру о преобразованіи кабаковъ въ харчевни. Мы не отвергаемъ мѣры этой безусловно, но позволимъ себѣ усомниться въ убѣдительности тѣхъ сравнительныхъ цифръ, которыя послужили основаніемъ его мысли. Когда рѣчь идетъ о вліяніи пьянства на ходъ сельскаго хозяйства, то статистику распивочныхъ заведеній слѣдуетъ дѣлать отдѣльно по городамъ и мѣстечкамъ и отдѣльно по селеніямъ. Тогда окажется, прежде всего, что сравнительная многочисленность распивочныхъ продажъ въ западномъ краѣ и въ особенности за-границей зависитъ отъ многочисленности городовъ и мѣстечекъ. Затѣмъ, нашъ кабакъ, который прикрывается именемъ харчевни, будетъ все-таки имѣть совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ напр. закусовая во Франціи, которая есть *vin-dist* и *débit de boissons*. Французскіе *marchands de vins-traiteurs* и англійскіе *public-houses* по меньшей мѣрѣ настолько же съѣстные лавки, насколько они—продавцы питей. Это обусловливается тамъ какъ огромными, сравнительно съ нашими обстоятельствами, движеніями по дорогамъ, большимъ числомъ странствующихъ ремесленниковъ, почти повсемѣстнымъ присутствіемъ фабричнаго населенія, наконецъ большимъ благосостояніемъ всего сельскаго населенія и привычкою его къ лучшей пищѣ. Нашъ крестьянинъ, которому и чистаго хлѣба часто не хватаетъ, не можетъ содержать такого числа харчевенъ, какое можно найти въ сельскихъ округахъ за-границей. Въ своей деревнѣ онъ въ харчевню обѣдать не пойдетъ, въ дорогѣ у него пища съ собой. Да и какую же пищу онъ сталъ бы покупать въ харчевнѣ? Ъсть ветчину и запивать ее пивомъ онъ не въ состояніи: въ харчевню онъ зайдетъ только выпить. Значитъ, харчевня все-таки останется преимущественно продажей голой водки, и вся разница можетъ оказаться въ томъ, что, прикрываясь удобствами постоялаго двора, ночлежной, харчевни,—кабакъ получить большую возможность торговать заложенными и краденными вещами и въ особенности развратомъ. Подобныя соображенія и побуждаютъ насъ отнести преобразование кабаковъ, предлагаемое комиссіею, къ числу тѣхъ изъ предположенныхъ ею мѣръ, которыя никакъ не могутъ быть немедленно осуществлены, но должны предварительно быть провѣренны всестороннимъ обсужденіемъ.

Изъ всего вышеизложеннаго истекаютъ слѣдующія заключенія:

1) что трудъ комиссіи, какъ прекрасное *начало работъ* для собранія

свѣдѣній о нашемъ сельскомъ хозяйствѣ, есть трудъ почтенный, полезный и заслуживающій полнаго уваженія; 2) что трудъ этотъ, насколько онъ подтверждаетъ своимъ свидѣтельствомъ общезвѣстные уже факты и выясненную уже земствами и печатью необходимость нѣкоторыхъ безспорно полезныхъ мѣропріятій, можетъ послужить рѣшительнымъ толчкомъ къ неотлагательному обсужденію мѣръ для осуществленія такихъ *безспорно-полезныхъ* мѣропріятій; и 3) что собранныя комисіею свѣдѣнія должны быть критически разработаны, повѣрены, дополнены, и мѣры впервые ею предложенныя подвергнуты всесторонней контраверсіи, и только затѣмъ могутъ быть употреблены какъ вѣрныя основанія для выводовъ или же приведены въ исполненіе. Лучшимъ средствомъ для такой разработки должна послужить полная гласность, къ которой уже обратилась комиссія, разославъ экземпляры своего труда органамъ печати. Но необходима была бы рассылка этихъ матеріаловъ по всей Россіи и совершенно свободное обсужденіе ихъ не только въ печати, но и въ земскихъ собраніяхъ и ученыхъ обществахъ. Тогда, чрезъ нѣсколько лѣтъ оживленной полемики въ виду всей Россіи, министерство государственныхъ имуществъ получило бы рядъ надежныхъ данныхъ, на которыхъ можно бы основать дѣйствительно полезныя мѣропріятія, сохранивъ за собою всю славу почина въ такомъ огромномъ и безконечно полезномъ дѣлѣ.

Мы не теряемъ надежды со-временемъ возвратиться специально къ трудамъ комиссіи и ближе всмотрѣться въ массу собранныхъ ею свѣдѣній всякаго рода. Но на это нужны не часы, и не дни, а цѣлыя недѣли. Въ связи съ этими трудами мы рассмотримъ тогда и напечатанное въ нашемъ журналѣ мнѣніе почтеннаго гр. В. П. Орлова-Давыдова подъ заглавіемъ: „Земледѣліе и землевладѣніе“, о чемъ мы тогда же обѣщали высказаться, по возможности, съ полною откровенностью. Эта статья прямо примыкаетъ къ трудамъ комиссіи и можетъ быть разсматриваема, какъ 959-й источникъ, въ дополненіе къ тѣмъ 958-ми, которые вошли въ сборникъ комиссіи. Трудъ гр. Орлова-Давыдова также вызванъ мыслью о томъ, что Россія отстала отъ всѣхъ странъ, и отстала именно въ томъ дѣлѣ, которое составляетъ главную основу жизни ея народныхъ массъ, а именно въ земледѣліи; точно также въ этой статьѣ приводятся различныя наблюденія опытнаго сельскаго хозяина; но авторъ сдѣлалъ именно ту капитальную, по нашему мнѣнію, ошибку, отъ которой, мы увѣрены, избавится комиссія. А именно, онъ въ этой же самой статьѣ попытался отъ отдѣльныхъ фактовъ быстро перейти къ предложенію законодательныхъ мѣропріятій, и притомъ нѣкоторыя изъ нихъ уже

не выдержали или плохо выдерживаютъ испытаніе въ другихъ странахъ. Но обо всемъ этомъ послѣ.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ обнародованы официальные свѣдѣнія о важныхъ законодательныхъ предположеніяхъ относительно преобразования духовно-судебной части. Въ январѣ 1870 года учрежденъ былъ при св. синодѣ особый комитетъ для составленія основныхъ положеній этого преобразования, и притомъ, какъ узнаемъ изъ официального сообщенія, „сообразно тѣмъ началамъ, на основаніи которыхъ совершено преобразование суда по гражданскому, военному и морскому вѣдомствамъ, насколько окажется возможнымъ примѣнить сіи начала къ свойству, цѣлямъ и потребностямъ суда духовнаго“. Итакъ, при нашемъ взглядѣ на условія духовно-судебнаго преобразования, мы должны, согласно самой цѣли указанной предварительнымъ работамъ по этой части, соображаться съ духомъ и смысломъ общихъ судебныхъ уставовъ, стараясь прослѣдить, насколько допущенныя уклоненія отъ нихъ обуславливаются коренными потребностями специально-духовнаго суда.

Въ составѣ комитета духовныя лица составляли меньшинство, именно 5 изъ 16; въ числѣ членовъ были два профессора петербургскаго университета, старшій предсѣдатель здѣшней судебной палаты и нѣсколько юрисконсультовъ, среди которыхъ находились и бывшій предсѣдатель петербургскаго столичнаго мирового съѣзда г. Неклюдовъ. Тѣмъ не менѣе, въ проектѣ выработанномъ комитетомъ, усматриваются весьма значительныя отступленія отъ духа гражданского судоустройства. Весьма важно прежде всего опредѣленіе самой специально-духовной юрисдикціи. Проектъ предполагаетъ подсудность суду только лицъ духовнаго званія, такъ что ему не будутъ подсудны и наемные церковнослужители, и послушники въ монастыряхъ, непостриженные въ монашество. Что касается лицъ свѣтскихъ, то они духовному суду подлежать не будутъ и въ дѣлахъ о расторженіи браковъ; по предположенію комитета, всѣ дѣла касательно браковъ должны быть изъяты изъ вѣдомства духовнаго суда, хотя и не изъ вѣдѣнія епархіальной администраціи. Это изыятіе дѣлъ брачныхъ изъ вѣдомства духовнаго суда, на ряду съ широкимъ примѣненіемъ въ духовномъ судоустройствѣ начала выборнаго, и представляютъ двѣ главныя заслуги комитета, два главныхъ достоинства выработаннаго имъ проекта.

При обсужденіи круга юрисдикціи духовнаго суда, комитетъ нашелъ крайне неточными и неполными существующія доселѣ опредѣленія подсудности суду епархіальному, какъ они выражены въ уставѣ духовныхъ консисторій 1841 года; комитетъ далъ болѣе точное опре-

дѣленіе подсудности духовному суду лицъ духовнаго званія, причемъ расширилъ вѣдомство суда духовнаго относительно преступлений и проступковъ лицъ духовнаго званія въ сравненіи съ нынѣшнимъ. Нельзя однако сказать, что и то опредѣленіе, какое дано комитетомъ, достаточно полно и не подастъ повода къ недоразумѣніямъ. Такъ, въ исчисленіи преступлений лицъ духовныхъ подлежащихъ духовному суду мы находимъ кощунство, отступленіе и отвлеченіе отъ православной вѣры (за которыя доселѣ священникъ подлежалъ суду свѣтскому, по уложенію о наказаніяхъ), но не находимъ ни богохульства, ни святотатства. Подчиненіе всѣхъ этихъ преступлений духовныхъ лицъ суду свѣтскому доселѣ было вполне рационально потому, что епархіальному суду не предоставлялось налагать наказанія, соединенныя съ лишеніемъ гражданскихъ правъ. Тѣ самыя соображенія, которыя приводятся комитетомъ въ пользу подчиненія кощунства и отступленія отъ православія суду духовному, очевидно, относятся въ равной мѣрѣ и къ богохульству и святотатству. А между тѣмъ, такъ какъ духовному суду и нынѣ не предполагается права налагать наказанія соединенныя съ лишеніемъ правъ гражданскихъ, и высшая мѣра наказанія въ новой „лѣстницѣ“ ихъ есть только лишеніе сана и исключеніе изъ духовнаго вѣдомства, то не ясно, какимъ образомъ въ преслѣдованіи преступлений духовныхъ лицъ противъ вѣры можно будетъ и впредь обходиться безъ суда свѣтскаго, а въ такомъ случаѣ и кощунство и отступленіе отъ православія лицъ духовныхъ казалось бы правильнѣе оставить въ вѣдѣніи свѣтскаго суда. Впрочемъ, всего рациональнѣе было бы подвергнуть пересмотру самое уложеніе о наказаніяхъ во всемъ, что касается преступлений противъ вѣры, исключить вовсе изъ уложенія эти преступления и затѣмъ подчинить ихъ исключительно духовному суду, какъ относительно лицъ духовныхъ, такъ и лицъ свѣтскихъ, съ тѣмъ разумѣется, чтобы духовному суду все-таки не было предоставляемо несвойственное ему право налагать такія кары, которыя соединены съ лишеніемъ правъ гражданскихъ. Относительно свѣтскихъ лицъ духовному суду за преступления противъ вѣры могло бы быть предоставлено только право налагать эпитимію, безъ всякаго лишенія свободы и правъ.

По проекту комитета, оскорбленіе чести, угрозы и насиліе, наносимыя духовными лицамъ свѣтскимъ, остаются въ вѣдѣніи суда духовнаго, какъ то было и доселѣ по уставу духовныхъ консисторій 1841 года. Между тѣмъ допущеніе такого изъятія изъ общей юрисдикціи въ чисто-свѣтской, уголовной сферѣ, проведенное также въ военно-судныхъ уставахъ и касательно лицъ военнаго сословія по отношенію къ лицамъ гражданскимъ, составляетъ настоящую со-

словную привилегію, даетъ судамъ военно-сухопутному, морскому и духовному значеніе чисто-сословныхъ судовъ, тогда какъ имъ слѣдовало бы быть только судами по нарушенію военныхъ и духовныхъ постановленій. Существованіе отдѣльныхъ судовъ, вѣдающихъ проступки и преступленія по должностямъ духовной и военной, понятно по тѣмъ особенностямъ военной и духовной дисциплины, которыя обусловливаются спеціальными требованіями той и другой службы. Но существованіе отдѣльныхъ судовъ военно-сухопутнаго, морского и духовнаго въ смыслѣ судовъ сословныхъ устанавливаетъ сословное преимущество, создаетъ въ государствѣ если не неравенство гражданъ, то раздѣленіе ихъ на группы, стоящія не въ равныхъ условіяхъ отвѣтственности предъ закономъ за одни и тѣ же дѣянія. Такъ, въ судахъ военныхъ, по дѣламъ объ оскорбленіи лицъ гражданскихъ, защита всегда приводитъ, а обвиненіе иногда допускаетъ мотивъ прямо-сословнаго преимущества, ссылаясь на то, что такіа-то дѣйствія, хотя и незаконныя, были однако вызваны необходимостью защищать честь мундира, мотивъ совершенно анти-юридическій, такъ какъ законъ не допускаетъ ни понятія о насиліи для возстановленія чести, ни понятія о нарушеніи чести насиліемъ. Сверхъ того, въ глазахъ закона честь всѣхъ гражданъ совершенно равна и неприкосновенна въ совершенно одинаковой степени. То же самое можно сказать и о вѣданіи духовнымъ судомъ дѣлъ по оскорбленію или насилію, причиняемыми лицами духовными лицамъ свѣтскимъ. Необходимо избѣгать, чтобы отдѣльный духовный судъ сталъ судомъ сословнымъ, потому что сословнаго суда не должно быть. Вотъ почему желательно ограничить обширность вѣдомства всѣхъ судовъ спеціальныхъ. Даже не всѣ проступки и преступленія по должности необходимо должны подлежать такому суду. Если лицо служащее растратило казенныя деньги, то не все-ли равно какія это были деньги: духовнаго, военнаго, морского или гражданскаго вѣдомствъ, и не все-ли равно въ какомъ вѣдомствѣ состоялъ обвиняемый? Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, впрочемъ, надо отдать духовному проекту ту справедливость, что онъ не подчиняетъ духовному суду такіе проступки и преступленія по должности, которые свѣтскими законами преслѣдуются, за исключеніемъ нѣсколькихъ правонарушеній спеціально-духовнаго характера. Но военно-судебные уставы—замѣтимъ при этомъ случаѣ—могли бы впослѣдствіи съ удобствомъ быть пересмотрѣны съ цѣлью такого же, и притомъ весьма значительнаго ограниченія круга ихъ вѣдѣнія. Необходимо избѣгать, чтобы судъ имѣлъ характеръ сословнаго, и чтобы въ государствѣ вѣдомству придавалось значеніе сословія. Иначе, для логическаго проведенія мысли противоположной, пришлось бы въ

каждомъ вѣдомствѣ учредить спеціальныя суды и спеціальныя судебныя уставы, такъ какъ „гражданское“ вѣдомство не есть одно вѣдомство, но включаетъ въ себѣ множество вѣдомствъ. Пришлось бы учредить таможенные суды, лѣсные суды, суды желѣзнодорожные, суды банковые, почтовые, акцизно-питейные и табачные суды и такъ далѣе, потому что служба по каждому изъ названныхъ вѣдомствъ имѣетъ свои совершенно особенныя условія, которыми и можно бы мотивировать учрежденіе спеціальныхъ для каждаго изъ нихъ судовъ.

Высказавъ наше убѣжденіе въ необходимости ограничить юрисдикцію спеціальныхъ судовъ, въ томъ числѣ и ту, какаѣ проеѣтомъ предначертана для вѣданія духовнымъ судомъ дѣлъ лицъ духовныхъ, возвратимся къ предположенному проеѣтомъ исключенію изъ вѣдѣнія духовнаго суда брачныхъ дѣлъ свѣтскихъ лицъ. По существующимъ постановленіямъ дѣла о незаконныхъ бракахъ и о расторженіи браковъ вѣдаются частью духовнымъ, частью свѣтскимъ судами, при чемъ нѣкоторыя изъ всѣхъ этихъ дѣлъ первоначально вчинаются въ духовномъ, другія же въ свѣтскомъ судѣ. Проектъ полагаетъ всѣ эти дѣла передать въ вѣдомство суда свѣтскаго, съ тѣмъ чтобы фактъ насилія, обмана, неспособности, прелюбодѣянія или безвѣстнаго отсутствія былъ выясняемъ свѣтской слѣдственной властью и окончательно утверждаетъ свѣтскимъ же судомъ; при этомъ духовному начальству (а не суду) предоставляется только предварительное увѣщаніе къ примиренію и затѣмъ распоряженіе о расторженіи брака, когда состоится рѣшеніе свѣтскаго суда. Въ пользу изъятія бракоразводныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія духовнаго слѣдствія и духовнаго суда, въ запискѣ комитета приводится самая сущность такихъ дѣлъ, сложность нѣкоторыхъ и соблазнительная обстановка многихъ изъ нихъ. Для доказательства есть ссылки на факты, какъ, напримѣръ, что для производства слѣдствія по прелюбодѣянію, по требованію одной изъ сторонъ, лицу, назначенному для производства слѣдствія, протоіерею, пришлось произвести осмотръ такого помѣщенія, въ которое духовное лицо, по каноническимъ правиламъ, не имѣетъ права и входить. Любопытенъ удостовѣряемый комитетомъ фактъ, что доселѣ „для доказательства факта прелюбодѣянія, въ болѣе части бракоразводныхъ дѣлъ выступаютъ свидѣтели, которые за весьма умѣренную плату даютъ показанія подѣ присягою нерѣдко о такомъ событіи, свидѣтелями котораго никогда не были“.

Мы уже упомянули, что въ „лѣстницѣ наказаній“ проекта высшей мѣрою наказанія, налагаемаго духовнымъ судомъ, определено лишеніе сана и исключеніе изъ духовнаго вѣдомства. Наказанія вообще опредѣлены такія, которыя имѣютъ характеръ дисциплинарный, въ томъ числѣ штрафъ до 100 рублей и заключеніе въ мона-

стырь до трехъ мѣсяцовъ. Только относительно одного пункта мы сдѣлаемъ замѣчаніе. Этотъ пунктъ постановляетъ, что „тѣ изъ вышеисчисленныхъ наказаній, которыя по роду своему не могутъ имѣть примѣненія къ обвиняемымъ монашествующаго духовенства, замѣняются одиночнымъ заключеніемъ въ монастырь или перемѣщеніемъ изъ одного монастыря въ другой или монастырскими трудами“. Столь тяжкое наказаніе, какъ одиночное заключеніе, казалось бы должно быть налагаемо не иначе, какъ по формальному опредѣленію суда и непременно съ означеніемъ срока такому заключенію. Редакція этого пункта представляется намъ неполною. Она можетъ подать поводъ какому-либо суду въ приговорѣ за сравнительно легкій проступокъ монаха, за такой напр., который въ лицахъ бѣлаго духовенства наказуется перемѣщеніемъ на другое мѣсто, предоставить епархіальному начальству или игумену примѣнить приведенный пунктъ по усмотрѣнію начальства или игумена. Казалось бы необходимо изложить этотъ пунктъ такъ, что наказанія непримѣнимыя къ монахамъ замѣняются въ приговорѣ суда одиночнымъ заключеніемъ не свыше трехъ мѣсяцовъ, или монастырскими работами не свыше такого-то срока и столькохъ-то часовъ въ день. Иначе, одиночнымъ заключеніемъ или непомѣрной работой можно привести человѣка въ положеніе не лучше того, какому подвергаются осужденные въ военно-исправительныя роты. Извѣстно, что доселѣ монастырское начальство произвольно налагаетъ наказанія въ видѣ неопредѣленнаго числа поклоновъ, а епархіальное начальство по своему усмотрѣнію подвергаетъ бѣлое духовенство „надзору“ и „усугубленію надзора“. Проектъ весьма рационально исключаетъ такіа кары по ихъ неопредѣленности, но по тому же соображенію, тѣ мѣры взысканія, которыя онъ допускаетъ, должны быть по возможности точно опредѣлены.

Переходя теперь къ начертанному въ проектѣ судоустройству, мы должны привести нѣкоторыя критическія замѣчанія комитета на устройство нынѣшняго, епархіальнаго суда, и высказанныя въ немъ основы новаго судоустройства, какъ потому что замѣчанія эти сами по себѣ весьма интересны, такъ и съ цѣлью показать важное значеніе того улучшенія въ бытѣ духовенства, которое будетъ осуществлено введеніемъ новыхъ началъ духовнаго судоустройства. Въ уставѣ консисторій 1841 года указаны въ числѣ законоположеній, на основаніи которыхъ долженъ производиться судъ — правила святыхъ апостолъ, святыхъ соборовъ, святыхъ отецъ и уставы гражданскіе, а относительно видовъ и мѣръ наказаній постановлено, что въ случаяхъ, которые въ уставѣ консисторій не означены, надлежитъ руководствоваться церковными правилами и

сводомъ законовъ. Но, замѣчаетъ записка комитета, „церковныя правила по предмету судопроизводства, при дѣйствіи устава духовныхъ консисторій, никогда не примѣнялись и не могли примѣняться на практикѣ, потому что правила сіи въ самыхъ основныхъ своихъ началахъ не имѣютъ никакого сходства съ уставомъ консисторій, и наоборотъ, едвали можно указать хотя одно дѣло, при производствѣ котораго не былъ бы принимаемъ за основаніе сводъ законовъ“. Понятно, отчего это происходило: въ дѣйствительности епархіальный судъ, на основаніи устава консисторій, былъ судъ секретарей консисторій, и потому, не соотвѣтствуя церковнымъ правиламъ, могъ соотвѣтствовать тѣмъ статьямъ свода законовъ, которыя секретарями приводились въ справкѣ.

Недостатки, какими долженъ былъ страдать такой судъ, очевидны, но для насъ важно показать, какъ ихъ опредѣляетъ самъ комитетъ, потому что имъ онъ доказываетъ необходимость введенія въ судоустройство духовное общихъ юридическихъ началъ. Главнѣйшій недостатокъ нынѣшняго епархіальнаго суда указывается въ томъ, что „власти судебная, обвинительная и административная смѣшаны“. Представляя въ себѣ всѣ недостатки прежняго негласнаго письменнаго гражданскаго суда, епархіальный судъ представляетъ собой еще большее смѣшеніе властей. „Смѣшеніе власти судебной съ властью административною въ духовномъ вѣдомствѣ доходитъ до такой степени, въ какой по гражданскому вѣдомству никогда не было“. Судъ и управленіе производятся чрезъ одно и то же присутственное мѣсто—консисторію, подъ начальствомъ епархіальнаго архіерея, который имѣетъ право, въ случаѣ несогласія съ мнѣніемъ консисторіи, положить собственное рѣшеніе, которое и приводится въ исполненіе. Такимъ образомъ, по единоличному усмотрѣнію начальника епархіи, священники могутъ быть подвергаемы всѣмъ наказаніямъ, указаннымъ въ уставѣ консисторій, въ томъ числѣ и весьма тяжкимъ, каковы, напримѣръ, лишеніе сана и исключеніе изъ духовнаго вѣдомства, которыя сопровождаются запискою въ мѣщане или крестьяне и воспрещеніемъ на время отъ 12-ти до 20-ти лѣтъ вступать въ государственную и даже общественную службу. „Подобное право епархіальнаго архіерея, замѣчаетъ записка, несогласно ни съ церковными правилами, ни съ законами, дѣйствующими по гражданскому вѣдомству. По канонамъ, для суда надъ пресвитеромъ нужно присутствіе семи епископовъ, а для суда надъ дьякономъ необходимо присутствіе четырехъ епископовъ“. „При соединеніи администраціи и суда въ однѣхъ рукахъ“, сказано въ запискѣ далѣе, „ничто не представляетъ ручательства въ томъ, что каждая изъ двухъ властей будетъ держаться въ ея естественныхъ предѣлахъ“. Недостатки самаго судопроизводства,

какъ оно происходило доселѣ въ духовномъ вѣдомствѣ, общи нынѣшнему духовному суду со старымъ гражданскимъ судомъ: онъ изводится въ тайнѣ и безъ бытности подсудимаго, по письменнымъ актамъ, составленнымъ при слѣдствіи, между тѣмъ, какъ сами церковныя правила требуютъ, чтобы обвиняемый непременно былъ вызванъ къ суду и допускаютъ заочное рѣшеніе не иначе, какъ въ случаѣ неявки, то-есть, слушанія. Наконецъ, нынѣшніе духовные суды постановляютъ свои рѣшенія на основаніи теоріи формальныхъ доказательствъ, и безъ принятія въ основаніе личнаго убѣжденія суда. Отдаленность нынѣшняго суда и долговременность его процедуры, то-есть переписки, влекли за собою еще тѣ послѣдствія, что иногда утрачивалась даже возможность открыть какіе-либо слѣды преступленій, и дѣла о маловажныхъ проступкахъ вовсе не возбуждались: многіе пороки оставались безъ преслѣдованія.

Проектъ духовно-судебной реформы принялъ въ основаніе новыя судеустройства и судопроизводства рациональныя, выработанныя теоріею и подтвержденныя опытомъ общія начала нашихъ гражданскихъ судебныхъ уставовъ. Комитетъ поставилъ себѣ задачей: отделить судебную власть отъ обвинительной и административной, учредить суды болѣе близкіе къ подсудимымъ, замѣнить письменное производство устнымъ съ публичностью засѣданій суда, и отмѣнить теорію формальныхъ доказательствъ. Проектъ создаетъ особые судебныя органы изъ лицъ духовнаго сана, „которые, производя судъ, не принимаютъ бы никакого участія въ дѣлахъ административныхъ“, и притомъ изъ лицъ избранныхъ самимъ духовенствомъ, съ утвержденіемъ ихъ въ должности судей епархіальнымъ архіереемъ.

Такимъ образомъ, проектъ предполагаетъ учредить въ каждой епархіи по нѣсколькимъ *духовнымъ судей*, по образцу мировыхъ судей, и съ соответственнымъ опредѣленіемъ круга ихъ власти. Эти духовныя (мировыя) судьи будутъ избираемы духовенствомъ изъ числа священниковъ. Въ запискѣ приведены цифры судимости за послѣдніе годы, изъ которыхъ видно, что огромное большинство судебныхъ дѣлъ имѣли предметомъ именно неважные проступки. Изъ этого выводится заключеніе, что за учрежденіемъ духовныхъ судей, которые будутъ вѣдать маловажные проступки, уже нѣтъ необходимости учреждать коллегіальный судъ въ каждой епархіи и достаточно учредить по одному такому суду на округъ изъ нѣсколькихъ епархій.

При этомъ для облегченія недостаточнаго духовенства допущено по *завѣ*ствованію, что обвиняемый можетъ и не являться въ духовно-окружной судъ, если его не потребуетъ самъ судъ,—правило едва ли можно назвать *нравственнымъ*, такъ какъ обвиняемый, полагаясь на сознаніе своей невинности, можетъ не явиться въ судъ и тѣмъ не *менте* быть осужденъ.

ннымъ, а затѣмъ и расказываться, что не явился самъ къ судебному слѣдствію. Высшей инстанціей надъ окружными судами проектъ лагаетъ поставить судебное отдѣленіе синода, а для нѣкоторыхъ, обо-указанныхъ случаевъ, и общее собраніе синода. Такимъ образомъ, предѣлы вѣдомства будутъ: для духовнаго судьи — участки, уторыхъ будетъ нѣсколько въ одной епархіи; для окружнаго суда — округъ, состоящій изъ нѣсколькихъ епархій, и наконецъ для судебного отдѣленія и общаго собранія синода — вся русская церковь. Собныхъ слѣдователей не учреждается, и слѣдствія будутъ производиться духовными судьями. Но прокурорскій надзоръ учреждается тѣльно. Итакъ, въ духовномъ судоустройствѣ сравнительно съ гражданскимъ не будетъ высшей мировой инстанціи, т.-е., сѣзда мировыхъ судей, судебныя палаты замѣняются однимъ судебнымъ отдѣленіемъ синода; наконецъ, общее собраніе синода будетъ соотвѣтствовать судебному сенату.

Другое. существенное различіе отъ гражданского судоустройства представляется нѣсколько болѣе обширнымъ примѣненіемъ выборнаго начала, такъ какъ не только духовные судьи, но и члены духовно-окружныхъ судовъ будутъ выборные. Духовные судьи и кандидаты къ нимъ избираются на три года всѣми священно-и церковнослужителями участка и представителями отъ приходовъ, по одному отъ каждаго. причемъ въ выборахъ участвуетъ бѣлое духовенство всѣхъ вѣдомствъ, а также и монашествующее. Епархіальный архіерей утверждаетъ въ званіи судей и кандидатовъ тѣ лица, которыя получили наибольшее число голосовъ на выборахъ. Тѣмъ же порядкомъ избираются и утверждаютъ по каждой епархіи отдѣльно, но на шесть лѣтъ. Ценза для избранія никакого не полагается, кромѣ условія бытности въ священническомъ санѣ, безпорочной службы, 30-лѣтняго возраста, а для членовъ окружнаго суда — еще и окончанія средняго курса или прослуженія въ іерейскомъ санѣ не менѣе пяти лѣтъ. Предсѣдатели окружныхъ судовъ назначаются, по представленію синода, верховной властью изъ архіереевъ, но не должны принимать участія въ дѣлахъ администраціи, такъ что епархіальные архіереи не могутъ быть предсѣдателями духовно-окружныхъ судовъ. Первоприсутствующій и члены судебного отдѣленія синода назначаются верховной властью. Въ судебномъ отдѣленіи двѣ трети членовъ, со включеніемъ первоприсутствующаго, должны быть архіерейскаго сана, остальная треть священники. Общее собраніе синода, состоящее изъ членовъ какъ судебного, такъ и административнаго его отдѣленій, подъ предсѣдательствомъ первоприсутствующаго члена синода, будетъ имѣть предметами: разсмотрѣніе дѣлъ по жалобамъ на приговоры судебного отдѣленія синода.

постановленные этимъ учрежденіемъ въ качествѣ первой инстанціи и судъ надъ членами и присутствующими синода. Такимъ образомъ, въ духовномъ судеустройствѣ не будетъ особой высшей инстанціи для разсмотрѣнія законодательныхъ вопросовъ и для наблюденія за правильнымъ исполненіемъ законовъ и соблюденіемъ установленныхъ ими формъ судопроизводства, той инстанціи, которая представляется двумя кассационными департаментами сената, и въ военномъ вѣдомствѣ главнымъ военнымъ судомъ. Разъясненіе законодательныхъ вопросовъ поручается судебному отдѣленію синода, котораго заключеніе въ этомъ случаѣ восходитъ на утвержденіе верховной власти. Что касается наблюденія за правильностью судопроизводства, то особой кассационной инстанціи въ духовномъ вѣдомствѣ не предполагается, потому что число духовныхъ лицъ въ имперіи не превышаетъ 120 тысячъ, а особое кассационное учрежденіе значительно увеличило бы расходи.

Мы уже замѣтили, что въ предполагаемомъ духовномъ судеустройствѣ не будетъ и отдѣльныхъ учреждений, прямо соотвѣтствующихъ мировымъ сѣздамъ и судебнымъ палатамъ. Жалобы на рѣшенія духовныхъ судей будутъ восходить къ окружному суду, который, представляя въ одно время и окружной судъ и мировой сѣздъ, будетъ обремененъ дѣлами, тѣмъ болѣе, что духовнымъ (т.-е. мировымъ) судьямъ власть безапелляціоннаго приговора предоставляется только весьма ограниченная: замѣчанія и выговоры безъ внесенія въ формуляръ (это справедливо) и штрафы въ размѣрѣ не выше 15 рублей (вотъ это казалось бы слишкомъ низкій максимумъ). Судебныя палаты, въ качествѣ второй инстанціи, т.-е. апелляціоннаго суда, представляются судебнымъ отдѣленіемъ синода. Но отсутствіе судебныхъ палатъ весьма будетъ чувствительно на практикѣ въ ихъ качествѣ обвинительныхъ камеръ. По неимѣнію судебныхъ палатъ ихъ функцію, въ смыслѣ обвинительныхъ камеръ, предположено поручить епархіальнымъ архіереямъ, что представляетъ явные неудобства. Такимъ образомъ, епархіальные архіереи хотя не будутъ принимать участія въ рѣшеніи дѣлъ въ духовно-окружныхъ судахъ, но окажутъ вліяніе чисто-административной власти на вѣдѣніе и производство духовно-окружныхъ судовъ, потому что обвинительные акты, составляемые прокуроромъ, т.-е. административнымъ лицомъ, будутъ утверждаемы не судебнымъ учрежденіемъ, но административною же властью — епархіальнымъ архіереемъ, которому, сверхъ того, предоставляется право предавать лицъ своей епархіи суду и безъ обвинительнаго акта; никакое дѣло въ духовно-окружномъ судѣ (въ первой инстанціи) не начинается иначе, какъ по обвинительнымъ актамъ (утвержденнымъ епархіальнымъ архіереемъ) или по постановленію самаго епархіальнаго архіерея о преданіи суду лица имъ обвиняемаго.

Основные условія духовнаго судопроизводства будутъ общи ему съ судопроизводствомъ гражданскимъ: публичность засѣданія, судебное слѣдствіе, постановленіе приговора по внутреннему убѣжденію судей, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при слѣдствіи и судѣ, наконецъ, ограниченіе приговора только двумя видами, т.-е. осужденія или оправданія, съ отмѣною оставленія въ подозрѣніи. Спрашивается только, почему меньшія дисциплинарныя взысканія, какъ-то замѣчанія и выговоры, включены въ атрибуцію духовныхъ судей, когда начальству предоставляется налагать ихъ и безъ суда?

При каждомъ духовно-окружномъ судѣ и при судебномъ отдѣленіи синода состоятъ прокуроры съ товарищами; эти лица, имѣющія тѣ же права и обязанности, какія присвоены имъ въ гражданскомъ судоустройствѣ, опредѣляются не изъ духовныхъ, но изъ гражданскихъ чиновъ, съ юридическимъ образованіемъ или хотя бы однимъ высшимъ образованіемъ. Всѣ они назначаются или непосредственно оберъ-прокуроромъ синода, то-есть начальникомъ духовной администраціи, или верховной властью, по представленію оберъ-прокурора, и всѣ состоятъ подъ его наблюденіемъ. Наконецъ, и общій надзоръ за всѣми духовно-судебными установленіями сосредоточивается въ лицѣ оберъ-прокурора синода. Итакъ, если эти предположенія проекта осуществляются, то оберъ-прокуроръ синода будетъ совмѣщать въ себѣ слѣдующія атрибуціи: органа верховной власти по отношенію къ духовному законодательству, суду и администраціи вмѣстѣ; главнаго начальника всей духовной администраціи и вмѣстѣ органа общаго надзора за духовнымъ судомъ; по его представленіямъ будутъ назначаться административныя лица и вмѣстѣ какъ всѣ члены прокурорскаго надзора, такъ и члены высшаго духовнаго суда. При такомъ чрезмѣрномъ расширеніи круга правъ и обязанностей одного лица, посмотримъ, каково будетъ отношеніе священнослужителей къ этому лицу сравнительно съ отношеніемъ прочихъ гражданъ къ высшему начальству: служащій гражданскій чиновникъ подвѣдомственъ своему министру только въ дѣлахъ службы, въ повышеніи и наградахъ; до частной жизни его начальству нѣтъ дѣла, а если возникаетъ судебное преслѣдованіе за частныя его дѣла, то главою обвинительной власти по отношенію къ нему является не высшій его начальникъ по службѣ, но особое въ государствѣ лицо — министръ юстиціи.

Теперь возьмемъ священника: начальство его слѣдитъ не только за его службою, не только держитъ въ своихъ рукахъ его служебную судьбу, но еще слѣдитъ за его частной жизнью, наблюдаетъ, нѣтъ ли

у него пороковъ, и главою такого всеильнаго начальства священника является главный начальникъ духовной администраціи, оберъ-прокуроръ синода; но это еще не все — самое привлеченіе его къ суду, чрезъ мѣстнаго прокурора, за частную жизнь, составленіе и утвержденіе обвинительнаго акта, чрезъ прокурора и епархіальнаго архіерея, находятся въ зависимости отъ его же главнаго начальника по службѣ, отъ министра духовныхъ дѣлъ, то-есть оберъ-прокурора синода; самый составъ суда, который будетъ судить обвиняемаго, и надзоръ за ходомъ этого суда будутъ зависѣть все отъ того же главнаго начальника обвиняемаго по службѣ. Такимъ образомъ, въ лицѣ оберъ-прокурора синода для священника соединяются — и еще въ высшей мѣрѣ — всѣ тѣ власти, которые, напр., для чиновника министерства финансовъ представляются министромъ финансовъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ и министромъ юстиціи.

Подобное сосредоточеніе власти въ одномъ лицѣ и притомъ властей столь разнообразныхъ, какъ отправленія законодательныя, административныя и вѣдѣнія судебныя, представляются недостаточно рациональными. Оно прямо и самымъ существеннымъ (особенно на практикѣ) образомъ противорѣчило бы тѣмъ принципамъ, какіе были приняты комитетомъ въ основу реформы, именно, что „соединеніе въ одномъ лицѣ или въ какомъ-либо установленіи властей судебной и обвинительной или административной представляетъ весьма важныя неудобства“, что „при соединеніи администраціи и суда въ однихъ рукахъ ничто не представляетъ ручательства въ томъ, что каждая изъ двухъ властей будетъ держаться въ ея естественныхъ предѣлахъ“, и что одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ нынѣшняго устройства есть именно тотъ, что „власти судебная, обвинительная и административная — смѣшаны“. Какъ же не примѣнить этого отзыва къ такому лицу, которое будетъ вѣдать всѣ административныя дѣла, производить всѣ высшія административныя назначенія, управлять и хозяйственною и учебною частями, подносить на утвержденіе верховной власти законодательные проекты и разъясненія законодательныхъ вопросовъ, назначать прокуроровъ, наблюдать за ними и имѣть надзоръ за судомъ, имѣть высшее вліяніе на составленіе и самое утвержденіе обвинительныхъ актовъ, и не говоря уже о раздѣлѣ и лишеніи мѣстъ и наградъ въ административномъ порядкѣ, будетъ подносить къ верховному утвержденію указы о назначеніи самихъ членовъ высшаго суда? Это было бы нѣчто въ родѣ административной власти всемогущей, какой нигдѣ не существуетъ примѣра.

А между тѣмъ устранить это громадное неудобство весьма легко. Соглашаясь съ запискою въ томъ, что учрежденіе особаго кассационнаго суда въ духовномъ вѣдомствѣ было бы сопряжено съ большимъ

расходомъ, мы никакъ не можемъ допустить подобнаго соображенія противъ назначенія одного высшаго представителя прокурорскаго надзора: всѣ атрибуціи оберъ-прокурора духовной судебной власти могутъ быть переданы особому оберъ-прокурору синода по судебной части, совершенно независимому отъ нынѣшняго административнаго оберъ-прокурора. Такое раздѣленіе тѣмъ болѣе необходимо, что дѣйствіямъ обвинительной власти присвоивается, по проекту, болѣе независимость отъ судебныхъ мѣстъ, чѣмъ та, которая установлена судебными уставами. Учрежденіе особаго судебного оберъ-прокурора необходимо уже и потому, что главный начальникъ духовной администраціи легко можетъ быть обремененъ еще и другими обязанностями совершенно внѣ духовнаго вѣдомства. Раздѣленіе, на необходимость котораго мы указываемъ, придало бы духовному судоустройству ту стройность и правильность, какую оно должно имѣть и устранило бы изъ предположеній комитета очевидное и весьма важное взаиморѣчіе.

Судьба Хивы повидимому все еще не рѣшена; по крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ официальныхъ извѣстій о томъ, присоединяется ли Хива къ Россіи, или остается независимой, остаются ли тамъ только на время или окончательно наши войска. Правда, одна изъ петербургскихъ газетъ распространила слухъ объ условіяхъ мнимаго мирнаго договора съ ханствомъ, о сохраненіи его самостоятельности, наложеніи на него контрибуціи, временномъ удержаніи нѣсколькихъ пунктовъ, отмѣнѣ смертной казни и выступленіи массы нацихъ войскъ изъ Хивы уже въ нынѣшнемъ августѣ. Но мы не видимъ основаній придавать этому слуху значеніе. Въ томъ, что касается восстановленія власти хана и удержанія нами нѣсколькихъ пунктовъ, слухъ этотъ весьма сходенъ съ тѣми предложеніями, какія дѣлаетъ Россія г. Вамбери въ послѣдней своей статьѣ аугсбургской „Allgemeine Zeitung“. Даже нѣкоторые пункты подлежащіе удержанію указываются изъ того и другого источника совершенно сходно. Между тѣмъ Вамбери передаетъ не слухъ, а именно высказываетъ свои предположенія, которыхъ польза для Россіи едва ли несомнѣнна. Онъ совѣтуетъ намъ оставить независимость хану и обезпечить себѣ вліяніе на Хиву удержаніемъ нѣсколькихъ пунктовъ и возведеніемъ новыхъ укрѣпленій, отговаривая Россію отъ непосредственнаго управленія Хивой, какъ по трудности (?) этого дѣла, по безпокойному характеру подвластныхъ Хивѣ племенъ, такъ и по неизбежности увеличенія того дефицита, какой представляетъ намъ уже непосредственное владѣніе прежде покоренными областями Средней Азіи.

Признаемся, мы крайне сомнѣваемся въ возможности прямо опре-

дѣлать отношеніе Россіи къ Хивѣ на условіяхъ подобныхъ тѣмъ, какія высказаны русскою газетою и г. Вамбѣри. Признать и возстановивъ хана и заключивъ съ нимъ договоръ, мы тѣмъ самымъ обязались бы поддерживать его власть и власть его преемниковъ, даже по отношенію къ кочующимъ туркменамъ, особенно при наложеніи на Хиву контрибуціи. Контрибуція эта, во всякомъ случаѣ весьма тяжелая для Хивы, была бы разложена частью и на кочевниковъ, и невозможность принудить ихъ къ платежу стала бы отговоркой для хана, въ виду которой намъ пришлось бы быть всегда готовыми къ новому походу. Но это не все. Контрибуція для того, чтобы она соотвѣтствовала нашимъ издержкамъ, должна была бы простираться до двухъ или трехъ милліоновъ рублей. Уплатить такую сумму въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ ханство, котораго весь доходъ составляетъ около 400 т. рублей, было бы не въ состояніи безъ наложенія новыхъ, высокихъ пошлинъ на торговлю. Между тѣмъ торговля съ Хивою уже сильно поражена теперь огромными реквизиціями перевозочныхъ средствъ, то-есть, верблюдовъ, для самого похода. Верблюдовъ взято съ Хивы до 14 тысячъ, а всѣхъ ихъ въ туркестанскомъ краѣ считается только около 100 тысячъ. Уже это одно обстоятельство заставляетъ опасаться за вздорожаніе фрахтовъ въ Россію. Доселѣ фрахтъ отъ Бухары до Пешаура былъ 4 р. 50 к. съ пуда, а до Москвы 3 рубли, и въ этой разницѣ вся выгода нашей торговли съ Хивой передъ англійскою. Если фрахты, вслѣдствіе уменьшенія перевозочныхъ средствъ со стороны русскихъ владѣній, сравнятся, то весьма вѣроятно, что хивинскій рынокъ будетъ захваченъ англійскою промышленностью, съ которою наша не можетъ конкурировать дешевизною издѣлій; вѣдь вывозятъ же къ намъ въ Закавказье изъ Персіи англійскіе ситцы. Наложеніе тяжелой контрибуціи, которая главной частью падетъ на торговлю, можетъ разорить ее хуже чѣмъ самая необезпеченность пути, которая, впрочемъ, все-таки устранена не будетъ.

Такимъ образомъ наложеніе на Хиву контрибуціи милліона въ три рубля, съ одной стороны ослабитъ власть хана, возстановитъ противъ него его подданныхъ, а съ другой — можетъ лишить насъ хивинскаго рынка. Да и спрашивается еще, удобно ли въ одно и то же время устраняться самимъ отъ управленія Хивой, возстановлять власть хана съ обязанностью ее поддерживать, и уменьшить самымъ существеннымъ образомъ ту силу, какою эта власть могла располагать доселѣ. А между тѣмъ незначительною контрибуціи быть не можетъ, потому что, несоотвѣтствуя нашимъ расходамъ на походъ, контрибуція не имѣла бы смысла. Мы же издержали на походъ уже болѣе 600 тысячъ рублей деньгами, да обязались упла-

титъ по 50 рублей за каждаго павшаго верблюда; и такъ какъ по слухамъ, да и судя по официальнымъ реляціямъ погибла большая часть верблюдовъ, которыхъ было взято 14 тысячъ, то выходитъ, что издержки похода уже теперь должны простираться болѣе чѣмъ до 1¼ милліона рублей, а предстоитъ еще походъ обратно и возведеніе укрѣпленій.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, заслуживаетъ еще большаго вниманія вопросъ: не слѣдуетъ ли просто присоединить къ Россіи Хиву, такъ какъ главныя трудности уже преодолены, тѣмъ болѣе, что недалеко время, когда по всей вѣроятности утратитъ тѣнь своей самостоятельности и остальная часть Бухары. Само собою разумѣется, что мы говоримъ здѣсь о самой сущности дѣла, а не объ одной формѣ, которая можетъ быть обусловлена дипломатическими соображеніями. Бухара во всякомъ случаѣ — цѣнное приобрѣтеніе, но и Хива, по увѣренію самого Вамбери, можетъ стать цѣннымъ приобрѣтеніемъ въ будущемъ. Главное же, что было бы достигнуто такимъ окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса, былъ бы именно тотъ важный фактъ, что вопросъ былъ бы рѣшенъ окончательно, такъ что уже не могло бы представиться въ будущемъ хивинцамъ возможности вызывать насъ на бой, а намъ перспективы новыхъ подвиговъ и соединенныхъ съ ними — славы и преимуществъ. Исторія постепеннаго завоеванія Чимкента, Ташкента, Ходжента и Ура-Тюбе, Шахрисабза и Самарканда показываетъ, какъ трудно остановиться на какомъ-либо этапѣ, когда путь лежитъ еще далеко. Зачѣмъ же, пройдя весь путь, возвращаться этапомъ назадъ, когда очевидно, что придется со временемъ пройти его вновь съ новыми пожертвованіями? Говоря такъ, мы, впрочемъ, не хотимъ выразить убѣжденія въ безусловной необходимости окончательнаго присоединенія Хивы. Но такъ какъ въ печати вслѣдъ за проникшими въ нее слухами было уже неоднократно выражено мнѣніе въ пользу восстановленія независимости ханства, то мы сочли не бесполезнымъ указать на другую сторону вопроса. Очень вѣроятно, что и англичане сумѣли бы оцѣнить выгоду прекращенія всякаго дальнѣйшаго поступленія русскихъ войскъ въ Азію, и удовлетворительно объяснили бы себѣ наше намѣреніе остаться при нынѣшнемъ положеніи дѣла и have done with it, то-есть совсѣмъ раздѣлаться съ среднеазіатскимъ вопросомъ.

ОДИНЪ ОТВѢТЪ НА ВСѢ ВОПРОСЫ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Намъ особенно посчастливилось въ іюлѣ мѣсяцѣ: почти одновременно напали на насъ и закидали вопросами и предположеніями „Голосъ“ (6-го іюля) и „Гражданинъ“ (9-го іюля). „Голосъ“ составил предположеніе о переходѣ „Вѣстника Европы“ въ лагерь ретроградовъ и сопричислилъ насъ (ужасно сказать!) къ „Гражданину“. „Русскому Міру“, увѣривъ своихъ читателей при этомъ, что „Вѣстнику Европы“ и такихъ союзниковъ было мало, почему онъ нисходилъ во адъ, чтобъ протянуть руку еще покойной „Вѣсти“. „Итакъ, — восклицаетъ „Голосъ“, — лагерь покойной „Вѣсти“ и здравствующаго „Русскаго Мира“ прибыло: „Вѣстникъ Европы“, наконецъ, открылъ глаза и узналъ, откуда вѣтеръ дуетъ“... „Возрадуйтесь же „Русскій Мір“, „Гражданинъ“ и tutti quanti!“ Все это говорилъ „Голосъ“ 6-го іюля; но не прошло и трехъ полныхъ дней, какъ нашъ новый „союзникъ“, а именно „Гражданинъ“ хотя и не сопричислилъ насъ къ „Голосу“, но все же началъ гнать изъ своего лагеря, обвинивъ чуть не въ измѣнѣ государству, а главное, въ намѣреніи поколебать уваженіе къ православной церкви. Мы могли бы почти не отвѣчать представителямъ „либеральнаго“ лагеря нашей печати и другого лагеря, который принимается первымъ за противоположный ему, и не безъ выгоды для чести остаться на нейтральной почвѣ. Но „Голосъ“ въ томъ же номерѣ усмотрѣлъ въ нашемъ молчаніи по другому вопросу сознаніе въ своей ошибкѣ, и вотъ мы вынуждены отвѣчать хоть въ немногихъ словахъ. „Голосъ“ упустилъ изъ виду то обстоятельство, что каждый органъ, помимо своего направленія, которое можетъ быть либерально, ретроградно и т. д., долженъ поступать въ полемикѣ добросовѣстно. Вышеприведенная тирада построена въ „Голосѣ“ на томъ основаніи, что въ іюньской книжкѣ нашего журнала помѣщена статья гр. В. П. Орлова-Давыдова: „Земледѣліе и Землевладѣніе“; но газета при этомъ совершенно умалчиваетъ о нашемъ заявленіи (см. стр. 813), что наша редакція печатаетъ ту статью въ силу „убѣжденія о необходимости выслушать каждое откровенное мнѣніе въ дѣлахъ общественныхъ“; что настоящее мнѣніе редакція по этому предмету было только-что выражено въ майской книгѣ, а именно въ статьѣ Е. Л. Маркова: „Всесословная волость“; и что, наконецъ, наша „редакція сохраняетъ за собою право выразить и свое мнѣніе о томъ же предметѣ съ полною искренностью“, т. е. по возможности.

При добросовѣстности, хотя бы и на счетъ здраваго смысла, „Голосъ“ могъ бы обвинить насъ въ томъ, что мы убѣждены въ необходимости выслушать каждое откровенное мнѣніе въ дѣлахъ общественныхъ; а онъ вмѣсто того взялся за то, что мы хотѣли сдѣлать сами, и сдѣлалъ это по весьма неодобрительному приему, какъ-бы съ убѣжденіемъ, что бросаніе грязи въ противника и гаерство составляютъ самые вѣскіе аргументы въ полемикѣ. Пусть „Голосъ“ не говоритъ, что онъ-моль не замѣтилъ сказаннаго редакцію на 813-й стр. майской книги! Мы очень хорошо знаемъ изъ „Голоса“ же, что онъ прочелъ на этой самой страницѣ наше увѣщаніе ему отказаться отъ прежняго своего способа дѣйствій по отношенію къ нашимъ „Варшавскимъ письмамъ“; а онъ именно увѣрялъ, что авторъ ихъ „покровительствуетъ польскимъ стремленіямъ, претендующимъ на нашу плоть и кровь“. Онъ отвѣчалъ намъ на это увѣщаніе увѣреніемъ, что въ наше время вовсе не опасно быть полякомъ или благосклонно говорить о польскихъ дѣлахъ. Это совершенно справедливо; но не одно и то же — быть полякомъ и „претендовать на нашу плоть и кровь“; послѣднее — преступно во всякое время, и потому на-обумъ сказать, что какой-нибудь журналъ покровительствуетъ подобнымъ претензіямъ — вовсе не значить высказать невинную мысль, какъ думаетъ „Голосъ“. По нашему мнѣнію, такіа претензіи и безумны, и преступны; неужели „Голосъ“ думалъ иначе, или онъ забылъ собственные слова? Вотъ, было бы другое дѣло, еслибы „Голосъ“ оправдывался тѣмъ, что его толки не имѣютъ никакой цѣны, и что мы напрасно обращаемъ вниманіе на нихъ, такъ какъ на нихъ никто не обращаетъ вниманія. Но „Голосъ“ не приводитъ этого смягчающаго обстоятельства въ свое оправданіе.

Кстати, сообщимъ „Голосу“, что прежнее аналогическое его обвиненіе г. М. Т—ова, автора статьи: „Русскіе въ Галиціи“, найдетъ себѣ отвѣтъ въ новомъ трудѣ того же автора: „Литературное движеніе въ Галиціи“, которое, къ нашему сожалѣнію, по недостатку мѣста мы не могли помѣстить въ настоящей книжкѣ журнала.

Что же касается до упрека намъ со стороны „Голоса“, что въ іюльской книжкѣ мы промолчали о литературномъ бурьѣзѣ по поводу „легкомысленной выходки“ (какой свисходительный отзывъ со стороны органа—представителя нашего либерализма!) г. Истржембскаго, — то и этотъ упрекъ напрасенъ: если наша послѣдняя книжка вышла для публики 1-го іюля, то, какъ понятно „Голосу“, она была совсѣмъ отпечатана 26-го іюня, когда именно этотъ „бурьѣзъ“ только-что появился въ газетахъ. Мы не имѣли физической возможности сдѣлать даже и „намѣкъ“, котораго ожидать отъ насъ, „Голосъ“, и исполняемъ это дѣло теперь, не ограничиваясь за то однимъ „намѣкомъ“.

Едва умолкъ „Голосъ“, какъ раздался противъ насъ другой голосъ „Гражданина“, отрывшаго въ прежнихъ книгахъ „Вѣстника Европы“ критику г. Спасовича на извѣстную книгу г. Стровина. Не говоримъ о томъ, что авторъ этой выходки съ первыхъ словъ наивно сознается, что онъ „незнакомъ съ книгой г. Стровина и потому не можетъ точно провѣрить, насколько вѣрно передано ея содержаніе г. Спасовичемъ“. Затѣмъ, разумѣется, онъ перепутываетъ мнѣнія г. Стровина съ мнѣніями г. Спасовича, возражаетъ первому, думая, что онъ имѣетъ дѣло съ послѣднимъ и т. п.,—однимъ словомъ, все это до крайности юрориво! Оставляемъ также въ сторонѣ всѣ обвиненія въ государственной измѣнѣ; въ нашей современной литературѣ такіа обвиненія стоятъ не дорого самимъ обвинителямъ, и дѣлаются сплеча;—но „Гражданинъ“ заключаетъ всю свою галлюцинацію вопросомъ: „Не потрудится ли намъ объяснить *это* г. редакторъ *Вѣстника Европы*?“. Оказывается, что г. Спасовичъ въ довершеніе всего злокозненно объявилъ ту церковь, которой онъ принадлежитъ самъ вмѣстѣ съ авторомъ обвинительной статьи, „младшею“ изъ всѣхъ церквей. „Удивительно,—воскликаетъ „Гражданинъ“,—что многоученный редакторъ не поправилъ такой грубой ошибки! Исторіку должно быть извѣстно, какъ совершилось раздѣленіе церквей, ему извѣстно, конечно, что восточная церковь въ какомъ видѣ была до раздѣленія, въ такомъ и осталась“. Но редактору „Гражданина“ и его доблестнымъ витязямъ слѣдовало бы къ ихъ обширнымъ познаніямъ присоединить еще одну подробность, извѣстную впрочемъ и гимназисту третьяго класса, а именно, что мы всѣ принадлежимъ не просто восточной и православной церкви, но греко-россійской церкви, которая считаетъ своему самостоятельному существованію не 1873 года, а несравненно меньше. Вотъ почему г. Спасовичъ называетъ ее младшею церковью, и такимъ образомъ инсинуаціи оказываются не съ его стороны, а со стороны „Гражданина“, который притомъ облекъ ихъ въ формы невѣжества, отъ котораго впрочемъ можетъ по этому вопросу освободиться при помощи перваго попавшагося ему въ руки краткаго историческаго учебника; или быть можетъ онъ считаетъ нашу греко-россійскую церковь не самостоятельною церковью? По основательности этого сужденія „Гражданина“, пусть читатель судить объ основательности остальныхъ; а по характеру всѣхъ выходокъ „Голоса“ и „Гражданина“ пусть сообразитъ степень современнаго хаоса отечественной публицистики, среди которой неудивительно, если случилось то, что „своя своихъ не познаша“, и „Голосъ“ за нашу „измѣну“ либерализму выбрали „Гражданиномъ“, а „Гражданинъ“ отдалъ насъ за радикализмъ подъ судъ исторіи и другихъ вѣдомствъ. „Все это было бы смѣшно“...

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е августа, 1873.

Предстоящее родство съ королевскимъ домомъ Англіи. — Конѣцъ сессіи французскаго національнаго собранія. — Отмѣна протекціонизма и очищеніе территоріи. — Правительство Пи-и-Маргалля. — Правительство Сальмерона. — Новые возстанія и война съ карлистами.

Въ послѣднее время такъ много говорили о независимости въ нашъ вѣкъ международныхъ отношеній отъ династическихъ связей, что впали въ преувеличеніе, отвергая всякое вліяніе послѣднихъ. Это правда, что вопросъ о войнѣ мало зависитъ отъ нихъ, но онѣ усиливаютъ мирныя общенія націй и ставятъ въ болѣе близкое соприкосновеніе именно тѣ сферы, которыхъ вліяніе на внутреннюю политику нигдѣ отвергать нельзя. Вотъ почему на первое мѣсто между политическими событіями прошедшаго мѣсяца слѣдуетъ поставить помолвку Августѣйшей Дочери нашего Государя съ сыномъ англійской королевы, принцемъ Альфредомъ. Общественное мнѣніе Англіи и ея государственные люди справедливо оцѣнили всю важность этого счастливаго событія, и да послужитъ оно символомъ дружескаго сближенія двухъ великихъ націй.

Принцъ Альфредъ, герцогъ Эдинбургскій родился 6-го августа 1844 года; онъ пэръ Англіи съ титулами графа Кентскаго, графа Ульстерскаго и герцога Эдинбургскаго, и наслѣдникъ герцога Эрнста саксенъ-кобургъ-готскаго. Принцъ посвятилъ себя морской службѣ и на одной изъ своихъ продолжительныхъ морскихъ экспедицій, какъ извѣстно, уже посѣтилъ Петербургъ. Почтенный г. Гладстонъ, британскій первый лордъ казначейства, по поводу дотации принца, выразивъ въ палатѣ общинъ тѣ чувства, съ какими англійская нація взираетъ на предстоящую родственную связь между августѣйшими домами Великобританіи и Россіи, продолжалъ такъ: „Недавно еще англійскій народъ, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, считалъ Россію враждебнымъ себѣ государствомъ, но надо надѣяться, что новый

родственный союзъ повлечетъ за собой полное измѣненіе въ настроеніи народа Англіи. Надобно радоваться, что союзъ этотъ заключается во время правленія императора, который прославился не завоевательными планами, но дѣлами человѣколюбія, которыхъ однихъ было достаточно, чтобы сдѣлать его имя всѣми почитаемымъ и прославляемымъ, а именно — отмѣною крѣпостного состоянія". Слова Гладстона вполне примѣняются и къ настроенію нашего общества въ настоящемъ счастливомъ случаѣ: мы можемъ также ему отвѣчать, что враждебное чувство къ Англіи и у насъ было явленіемъ переходящимъ, вызваннымъ внѣшними причинами, и оно изгладилось уже много лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ со слѣдами возбудившихъ это чувство причинъ. Прежнее непріязненное настроеніе, подѣ влияніемъ тѣхъ же великихъ реформъ нынѣшняго царствованія, просвѣтившихъ нашъ политическій смыслъ, смѣнилось теперь чувствомъ симпатіи и уваженія къ націи, являющей всему міру примѣръ высокой политической мудрости, и къ ея вѣковымъ учрежденіямъ. Русскій народъ впрочемъ никогда и ни въ чемъ не отдѣлялъ себя отъ своего Монарха, и потому, помимо всякихъ соображеній, вполне будетъ радъ Его радостью и пожелаетъ Дочери Государя всего, что онъ только можетъ пожелать Дочери Россіи.

Сессія французскаго національнаго собранія, наконецъ, прервалась 29-го іюля (н. с.) на продолжительное время, а именно до 5-го ноября. Положеніе дѣлъ въ теченіи послѣдняго мѣсяца измѣнилось только въ одномъ, впрочемъ довольно существенномъ пунктѣ: около 40 членовъ умѣренной лѣвой стороны (лѣваго центра) пристали къ большинству. Явленіе это, весьма любопытное въ отношеніи нравственномъ, имѣетъ и практическое значеніе. Въ нравственномъ отношеніи оно означаетъ, что реакція въ томъ видѣ, какъ ее производить нынѣшнее правительство преобразованиемъ въ консервативномъ смыслѣ личнаго состава администраціи, усиленіемъ преслѣдованія всѣхъ участниковъ возстанія 18-го марта 1871 г., остававшихся доселѣ въ покоѣ, и заявленіемъ всякаго покровительства принципамъ и актамъ религіознаго характера — не только не возбуждаетъ сильной оппозиціи въ большинствѣ французскаго образованнаго общества, но наоборотъ, повидимому, признается имъ соотвѣтствующею положенію дѣлъ, хотя и не особенно пріятною необходимостью. Иными словами, усиленіе правительственнаго большинства въ національномъ собраніи, несмотря на реакціонерное направленіе политики правительства, показываетъ, что большинство образованныхъ достаточныхъ классовъ во Франціи, въ теоріи положительно несочувствующее реакціи, тѣмъ не

менѣе нынѣ, точно такъ какъ при Кавеньякѣ и при Лудовикѣ-Наполеонѣ, считаетъ реакцію необходимою для „спасенія Франціи“. На практикѣ же присоединеніе части лѣваго центра къ правительственному большинству имѣетъ то значеніе, что оно дѣлаетъ менѣе нужнымъ, легитимистамъ и орлеанистамъ собранія, союзъ съ бонапартистами. При помощи нѣсколькихъ десятковъ членовъ лѣваго центра, коалиція будетъ имѣть возможность не всегда уступать требованіямъ незначительной, но весьма энергической группы бонапартистовъ.

Послѣ побѣды 24-го мая, когда коалиція ниспровергла правительство Тьера, и побѣды 10-го іюня, когда коалиція одержала верхъ по поводу циркуляра Паскаля о печати, то-есть укрѣпилась успѣхомъ, одержаннымъ при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, собраніе 24-го іюня выразило довѣріе къ „правительству борьбы“ по поводу распоряженія ліонскаго префекта относительно гражданскихъ похоронъ, оставивъ безъ послѣдствій, большинствомъ 422 противъ 261, запросъ Леройе и принявъ переходъ къ порядку, предложенный Белькастелемъ. Послѣ этого собраніе, обсуждая довольно равнодушно важный законъ о преобразованіи арміи, имѣло засѣданія, въ которыхъ разражалась буря по совершенно ничтожнымъ предлогамъ. Такъ, по поводу пріѣзда шаха въ Парижъ былъ произведенъ президентомъ смотръ, которому придано было значеніе настоящаго событія. Въ свитѣ маршала находились два орлеанскихъ принца въ мундирахъ дивизіонныхъ генераловъ и самъ Макъ-Магонъ надѣлъ мундиръ того же чина, для того, чтобы не казаться ихъ начальникомъ. Это произвело неудовольствіе въ республиканской и, въ особенности, въ бонапартистской партіяхъ. Вскорѣ послѣ того, принцъ Наполеонъ, выѣхавшій-было изъ Парижа, вновь явился туда, какъ говорили, чтобы требовать признанія и за собой чина дивизіоннаго генерала, и въ случаѣ отказа правительства, жаловаться въ государственный совѣтъ. Депутаты, сидѣвшіе въ амфитеатрѣ на смотрѣ, расположились и здѣсь по партіямъ, то-есть тѣмъ либеральнѣе, тѣмъ выше, и старались взапуски апплодировать каждой проходившей части войскъ, такъ чтобы не было полка, который могъ бы замѣтить сравнительную холодность къ нему которой-либо изъ партій собранія. Все это было уже довольно смѣшно, но еще забавнѣе былъ энтузіазмъ, произведенный какъ на публику, такъ и на законодателей Франціи — *парадомъ*. Газеты наперерывъ выражали восторгъ населенія при видѣ такой превосходной, образцовой арміи, какъ будто существенныя качества арміи могутъ обнаружиться на смотрѣ. Но восторгъ былъ столь единодушенъ и силенъ, что президентъ собранія Бюффѣ началъ засѣданіе слѣдующаго дня выраженіемъ этого восторга, хвалою ар-

мин и правительству. Въ засѣданіи 12-го іюля де-Шуазель замѣтилъ, что президентъ собранія нарочно умолчалъ о заслугахъ Тьера, между тѣмъ какъ возсозданіе арміи есть дѣло не нынѣшняго правительства, которое существуетъ всего пять недѣль, но дѣло Тьера. Волненіе, произведенное этимъ замѣчаніемъ, еще не утихло, когда на трибуну взошелъ Гамбетта, чтобы, по поводу одного личнаго нападенія, объяснить нѣсколько словъ извѣстной гренобльской его рѣчи, въ которой упоминалось „о различныхъ общественныхъ наслоеніяхъ (couches sociales)“ во Франціи. Само собою разумѣется, что онъ потребовалъ окончательнаго признанія республики, а министръ Эрнѹ, отвѣчая ему, обѣщалъ „подавить революціонную гидру“ и назвалъ правительственную партію — „союзомъ добродѣтельныхъ людей (la ligue des gens de bien)“. Засѣданіе это было одно изъ самыхъ бурныхъ, а между тѣмъ поводы къ бурѣ были, очевидно, совершенно ничтожны. Президентъ собранія, въ засѣданіи 15-го іюля, объяснилъ, что заслуга возсозданія арміи принадлежитъ и Тьеру, и маршалу Макъ-Магону, и собранію, и генераламъ.

Въ томъ же засѣданіи депутатовъ Паріи внесъ предложеніе объ отсрочкѣ сессіи собранія съ 27 іюля. Предложеніе это было предварительно одобрено правительствомъ, какъ оказалось изъ того обстоятельства, что министръ юстиціи Эрнѹ тотчасъ же внесъ важное дополненіе къ предложенію Паріи, предложивъ собранію предоставить постоянной комиссіи, которая будетъ засѣдать во время перерыва сессіи собранія, право разрѣшать судебныя преслѣдованія противъ тѣхъ депутатовъ, которые навлекли бы на себя обвиненіе въ оскорбленіи собранія. Цѣль этой мѣры усмотрѣли въ томъ, чтобы предупредить возможность агитаціи со стороны членовъ лѣвой стороны въ пользу распущенія собранія. АрагѠ, Гамбетта и де-Прессансе сильно возставали противъ этой мѣры, доказывая, что постоянная комиссія, избираемая большинствомъ, должна представлять одну партію и потому ей не можетъ быть передано собраніемъ принадлежащее ему право разрѣшать судебное преслѣдованіе депутатовъ, тѣмъ болѣе, что засѣданія ея негласны. АрагѠ замѣтилъ, что постоянная комиссія съ такимъ полномочіемъ будетъ имѣть значеніе «комитета спасенія (comité du salut public)», органа революціоннаго деспотизма. Такъ какъ неотлагательность предложенія Эрнѹ была признана, то члены лѣвой стороны рѣшились требовать возможно большаго сокращенія вакацій собранія. Но собраніе приняло 19 іюля предложеніе Паріи и рѣшило, согласно докладу своей комиссіи, что вакаціи будутъ продолжаться съ 27 іюля по 5 ноября, отвергнувъ два предложенія лѣвой стороны о сокращеніи этого срока и одно предложеніе

о дозволѣніи всѣмъ желающимъ депутатамъ присутствовать въ засѣданіяхъ постоянной комиссіи съ правомъ совѣщательнаго голоса.

Затѣмъ, и еще до принятія закона Эрнѹ, а именно въ засѣданіи 21 іюля происходили пренія по запросу Жюль Фавра о внутренней политикѣ правительства.

Жюль Фавръ доказывалъ необходимость положить конецъ нынѣшнему порядку вещей и установить окончательно республику, спрашивалъ „правительство борьбы“, съ кѣмъ оно имѣетъ цѣлью бороться, съ настоящими ли мятежниками только или со всѣми, кто не раздѣляетъ образа мыслей правой стороны, наконецъ, требовалъ отъ правительства объясненій относительно терпимыхъ имъ происксовъ бонапартистовъ. Жюлю Фавру отвѣчалъ первый министръ, герцогъ де-Брольи. Онъ отрицалъ существованіе опасности со стороны бонапартистскихъ заговоровъ и доказывалъ, что республику столь же трудно провозгласить, какъ и монархію, такъ какъ существуютъ не только три монархическія партіи, но и нѣсколько республиканскихъ лагерей.

Для перехода къ очередному порядку предложены были три формулы: формула Шангарнье, выражавшая довѣріе къ правительству, формула Леона Сэ, оговаривавшая необходимость искренняго отправленія республиканскихъ установленій, и формула Ж. Симона, выражавшая сожалѣніе, что правительство неудовлетворительно отвѣчало на предшествовавшій запросъ. Первою, по рѣшенію собранія, была пущена на голоса формула Шангарнье, которая и была принята большинствомъ 400 голосовъ противъ 270.

Если сравнить этотъ результатъ съ цифрами голосованія 24-го мая, основавшаго нынѣшнее правительство, то окажется, что правительственное большинство стало нынѣ въ 130 голосовъ вмѣсто 14-ти, рѣшившихъ участь правительства Тьера. Итакъ, въ этомъ случаѣ весь лѣвый центръ, за исключеніемъ нѣсколькихъ членовъ, перешелъ на сторону коалиціи. То же самое большинство сказалось въ засѣданіи 23-го числа, когда собраніе 396 голосами противъ 263, то-есть перевѣсомъ 133 голосовъ утвердило законъ Эрнѹ относительно права постоянной комиссіи разрѣшать преслѣдованіе депутатовъ, притомъ безъ всякаго измѣненія этого закона. Еще гораздо значительнѣе было большинство, которымъ оно разрѣшило архіепископу парижскому построить на Монмартрѣ церковь по подпискѣ. Въ пользу этого разрѣшенія подано было 382 голоса, противъ только 138; но такое соотношеніе произошло оттого, что многіе депутаты совсѣмъ воздержались отъ подачи голоса по этому вопросу. По поводу этого послѣдняго дѣла не мѣшаетъ сдѣлать замѣчаніе о преувеличеніяхъ, въ какія вдаются всѣ вообще партіи во Франціи въ своихъ отзывкахъ

о противникахъ. Нѣтъ сомнѣнй, что нынѣшнее правительство Франціи заражено клерикальнымъ духомъ, но тѣмъ не менѣ обвиненія его дѣйствій въ этомъ смыслѣ преувеличены, такъ какъ пока оно еще не сдѣлало ничего напоминающаго какую-либо клерикальную тираннію. Оно допускаетъ процессіи и пилигримства, приглашаетъ духовенство къ совершенію богослуженія по поводу возобновленія законодательныхъ работъ, назначило въ армію полковыхъ священниковъ, наконецъ разрѣшаетъ постройку церкви. Все это, правда, весьма необыкновенно во Франціи и потому представляется особенно рельефнымъ. Все это противорѣчитъ принципу строгаго отдѣленія государства отъ церкви, но гдѣ же этотъ принципъ доселѣ проведенъ строгаго? Въ самой Италіи, его провозгласившей, права папы на почести, присвоенныя особамъ государей, вписаны въ конституцію. Но либералы въ Европѣ до такой степени усвоили себѣ, отчасти неосознательно, словарь французскихъ либеральныхъ партій, что въ рѣчахъ своихъ о Франціи впадаютъ въ тѣ же преувеличенія, хотя о своихъ собственныхъ дѣлахъ судятъ иначе. „Pall Mall“, которая пресерььозно разсматриваетъ вопросъ о пользѣ или вредѣ конфессіоналовъ въ англиканствѣ, или по поводу смерти епископа винчестерскаго высказываетъ сожалѣніе, что въ остальныхъ членахъ англиканскаго духовенства мало людей, равныхъ ему по энергіи, мало людей „сильныхъ убѣжденій“ (strong convictions),—говоритъ съ ироніей о Дюпанлѣ и видитъ верхъ клерикализма въ дѣйствіяхъ коалиціи нынѣ правящей Франціею, хотя этой коалиціи не можетъ придти и мысли создать что-либо въ родѣ духовныхъ пѣровъ, присяги членовъ парламента защищать религію и вообще господства церкви, какъ оно существуетъ доселѣ въ Англіи къ полному удовольствію „Pall Mall“. „Indépendance Belge“ увѣряетъ, что назначеніе полковыхъ священниковъ во французскую армію равносильно принужденію солдатъ исповѣдываться, негодуетъ на предложеніе, внесенное въ національное собраніе, чтобы члены его присутствовали при закладѣ церкви на Монмартрѣ, и тутъ же подробно описываетъ религіозное торжество въ Брюсселѣ, въ которомъ участвовала палата депутатовъ in corpore, вмѣстѣ съ королемъ, всѣмъ министерствомъ, войсками и національной гвардіей, рассказываетъ, чью мессу пѣли при этомъ случаѣ и т. д., не выражая по этому поводу никакого удивленія. „Кѣльнская Газета“ иронизируетъ надъ разрѣшеніемъ подписки на постройку монмартрской церкви, забывая, что въ приложеніяхъ къ самой „Кѣльнской Газетѣ“ разсылаются „Листокъ кѣльнскаго собора“, и что всякое приношеніе королей прусскихъ изъ казны на построеніе этого собора было предметомъ самыхъ благоговѣйныхъ выраженій благодарности на страницахъ самой „Кѣль-

ской Газеты". Та же самая газета, объявлявшая не разъ принципъ республиканизма несостоятельнымъ въ Европѣ, искусственно занесеннымъ изъ Америки принципомъ, постоянно ратуетъ за упроченіе республики во Франціи. Такимъ образомъ, либеральные органы Европы, привыкая третировать Францію съ пренебреженіемъ, въ то же время предъявляютъ къ ней несравненно большія требованія, чѣмъ къ собственнымъ своимъ странамъ, и тѣмъ крайне нелогично заявляютъ какъ-будто бы убѣжденіе, что Франція ушла несравненно далѣе остальной Европы, и что то, что въ остальной Европѣ еще не вполне естественно, во Франціи должно казаться возмутительно-реакционнымъ. Въ особенности рѣзко это самопротиворѣчіе выступаетъ въ томъ, что англійскія и нѣмецкія газеты, которыя всегда относятся къ своимъ монархамъ съ похвальнымъ почтеніемъ, называя ихъ не иначе какъ *our beloved Queen* и *unser hochverehrte Kaiser*, не могутъ говорить безъ всегдашней язвительной, — но весьма странной съ ихъ стороны — насмѣшки о преданности французскихъ легитимистовъ претенденту, въ которомъ тѣ видятъ своего законнаго короля. Вообще, кажется, еще не было эпохи, когда политическая двуличность и господство „двоякихъ мѣръ и вѣсовъ“ были бы столь всеобщимъ, характеристическимъ явленіемъ времени, какъ нынѣ.

Національное собраніе, разрѣшивъ постройку церкви, однако, отвергло (равенствомъ голосовъ) предложеніе присутствовать при ея закладкѣ. Въ то же время, сами члены комиссіи, разсматривавшей предложеніе о постройкѣ церкви, отказались обозначить въ законодательномъ актѣ ея специальное посвященіе, хотя извѣстно, что предполагалось посвятить церковь на Монмартрѣ „св. сердцу Иисуса“ во искупленіе грѣховъ Франціи.

Протекціонистская политика, которую Тьеръ навязалъ Франціи, и въ которой лѣвая сторона поддерживала его только потому, что вообще желала сохранить за нимъ власть, рушилась послѣ его паденія. Налогъ на сырые продукты и дифференціальная пошлина на иностранныя суда, входящія во французскіе порты, отменены, торговые трактаты съ Англіею и Бельгіею пересмотрѣны вновь сообразно съ этими измѣненіями таможенныхъ законовъ. Обсужденіе этихъ экономическихъ предметовъ вызвало необходимость продлить сессію. По новому предложенію того же депутата Парі, автора предложенія объ отсрочкѣ засѣданій, собраніе постановило разойтись не ранѣе, какъ по обсужденіи названныхъ сейчасъ мѣръ. Въ засѣданіи 28-го іюля національное собраніе утвердило законъ объ отменѣ дифференціальной пошлыны съ иностранныхъ судовъ, а въ засѣданіи 29-го числа утвердило новые коммерческіе трактаты съ Англіею и Бельгіею. Нынѣшній торговый трактатъ съ Англіею въ основныхъ сво-

ихъ чертахъ сходенъ съ трактатомъ 1860 года, основанномъ на принципѣ свободной торговли. Это дѣло правительства Макъ-Магона произвело замѣтное измѣненіе въ настроеніи англійскаго общества по отношенію къ нему.

При назначеніи членовъ постоянной коммисіи большинство собранія совсѣмъ не выказало того деспотизма, какой былъ предсказанъ преувеличеніями либеральныхъ газетъ. Избраніе это послѣдовало въ засѣданіи 24-го іюля; изъ 24-хъ членовъ коммисіи 2 принадлежатъ къ лѣвому центру (группа Казиміра Перье) и 7 къ лѣвой сторонѣ. Вотъ имена болѣе извѣстныхъ членовъ: герцогъ д'Одиффрѣ-Павье, виконтъ д'Оссонвилъ, маркизъ Жюнье, графъ Кергорле, Лабулѣ, адмиралъ Ла-Ронсьеръ-ле-Нури, герцогъ Ла-Рошфуко-Визача, адмиралъ Сессе, Леонъ Сз, Шереръ. Въ томъ же засѣданіи былъ окончательно утвержденъ законъ о преобразованіи арміи.

Послѣднее засѣданіе собранія было 29-го іюля. Въ немъ прочтено было посланіе президента республики маршала Макъ-Магона. Заявляя собранію, что оно можетъ „разойтись безъ опасенія“, что „общественный порядокъ ничѣмъ не будетъ нарушенъ“, президентъ говорилъ о счастливыхъ результатахъ единогласія между собраніемъ и правительствомъ, упомянулъ утвержденіе закона о преобразованіи арміи и выражалъ удовольствіе по поводу выступленія нѣмецкихъ войскъ, называя освобожденіе территоріи „дѣломъ общимъ, общаго патріотизма, дѣломъ, которому особенно много содѣйствовалъ г. Тьеръ своими переговорами. Миръ намъ теперь необходимъ,—продолжалъ президентъ;—Франція, освободившись отъ чужеземныхъ войскъ, будетъ способнѣе прежняго поддерживать съ иностранными державами отношенія искренней дружбы. Такими чувствами исполнены къ Франціи и другія державы, въ чемъ правительство ея получаетъ ежедневно положительныя увѣренія“. Затѣмъ засѣданія собранія были закрыты.

Между тѣмъ Франція окончила уплату пяти миллиардовъ контрибуціи, и къ сожалѣнію, не Тьеру было дано завершить то дѣло, которое онъ повелъ столь блистательнымъ образомъ. Полное очищеніе всей территоріи Франціи должно было послѣдовать ко 2-му августа (н. с.), за исключеніемъ впрочемъ Вердена и этенской дороги. Правительство воспретило всякія манифестаціи въ очищаемыхъ мѣстностяхъ по поводу удаленія германскихъ войскъ. Однако повсюду вступленіе войскъ французскихъ вызвало радостныя встрѣчи, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ произошли демонстраціи въ честь Тьера. Такъ, столица французской Лотарингіи Нансі пригласила Тьера пріѣхать на устраивавшійся для него праздникъ. Такое же приглашеніе прислалъ ему Вельфоръ, „оставшійся благодаря вамъ французскимъ городомъ“, какъ

было сказано въ приглашеніи. Въ Шарлевиллѣ демонстрація въ честь Тьера приняла шумный характеръ; носили транспарантъ съ надписью: „Тьеру, освободителю территоріи, благодарное шарльвилльское юношество“. Полиція разогнала толпу и отняла транспарантъ. Коалиція сильно опасалась, что Тьеръ совершитъ триумфальное шествіе въ Нансі и Бельфоръ, но онъ съ благоразуміемъ, вполне соотвѣствующимъ его заслугѣ, отклонилъ предложеніе Нансі и Бельфора, а также Дилла, который звалъ его на банкетъ. За то въ Валансьеннѣ, куда онъ пріѣхалъ безъ приглашенія, ему устроена была овація.

Мы давно не говорили объ испанскихъ дѣлахъ, потому что нынѣшнее положеніе Испаніи дѣлаетъ призрачными всѣ отдѣльныя явленія, какъ, напр., образованіе новыхъ министерствъ, новыя назначенія, побѣды надъ мятежниками и побѣды мятежниковъ. Въ промежуткѣ между занесеніемъ этихъ фактовъ, имѣющихъ характеръ волнъ, въ ежемѣсячную лѣтопись и выходомъ ея изъ печати, вся внѣшняя обстановка измѣняется: оказывается другое правительство, а взаимное положеніе его силъ и силъ мятежа представляется въ совершенно новомъ видѣ. Однакоже, повидимому, не скоро еще можно ожидать установленія сколько-нибудь прочнаго порядка въ Испаніи и потому приходится занести въ нашу хронику, по крайней мѣрѣ, главнѣйшіе факты современной исторіи этой страны. Въ Испаніи каждый мѣсяцъ имѣлъ богатую фактами исторію, но факты эти смѣнялись такъ быстро, что излишне было бы излагать съ точностью хотя бы одну смѣну министерствъ. Для примѣра сошлемся на фактъ, что въ теченіе іюня была такая недѣля, на которой въ Испаніи перебывало пять кабинетовъ. Что касается стычекъ съ карлистами и мятежныхъ движеній вообще, то перечислять ихъ невозможно и достаточно охарактеризовать нѣсколькими чертами общій ходъ дѣлъ.

Учредительные кортесы провозгласили въ Испаніи 8 іюня федеративную республику. Фигерась, послѣ тщетныхъ усилій составить новое министерство, самъ подалъ въ отставку и выѣхалъ изъ Испаніи. Кортесы поручили составленіе кабинета товарищу Фигераса Пи-и-Маргаллю. Но такъ какъ никто не былъ увѣренъ въ томъ, что кортесы завтра же не выкажутъ ему недоувѣрія, то составлять Пи-и-Маргаллю кабинетъ пришлось непосредственно самимъ кортесамъ. Умѣренная и крайняя федералистскія партіи были сперва почти равны силами въ кортесахъ и потому обѣ въ равномъ числѣ были представлены въ избранномъ министерствѣ, которое состояло подъ президентствомъ Пи-и-Маргалля изъ Сорни, Эстебанеса, Орейро, Муро, Гонсалеса и проч. Президентомъ кортесовъ былъ избранъ

Николай Сальмеронъ, а Кастеларъ сталъ во главѣ слабого умѣреннаго большинства. Проектъ будущей организаціи федеративной республики былъ начертанъ Кастеларомъ. Согласно его же предложению избрана была коммиссія для составленія конституціи, такимъ образомъ: 12 членовъ по выбору палаты, пополамъ отъ двухъ раздѣляющихъ ее партій, и 13 членовъ—представителей тѣхъ отдѣльных штатовъ, на которые, по проекту Кастелара, должна дѣлиться испанская республика. Штаты эти должны быть: Галисія и Астурія, Старая Кастилья, Бискаія и Наварра, Арагонъ, Каталонія, Валенсія и Мурсія, Новая Кастилья, Эстремадура, Нижняя Андалузія, Верхняя Андалузія, Балеарскіе острова, Канарскіе острова, Куба, Порторико и Филиппинскіе острова. Основныя черты проекта Кастелара заимствованы изъ конституціи Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Президентъ республики избирается всеобщей подачею голосовъ, на 4 года, сенатъ состоитъ изъ представителей законодательныхъ палатъ отдѣльных штатовъ, палата представителей исходитъ изъ всеобщей подачи голосовъ. Центромъ управленія и резиденціею конгресса долженъ быть Мадридъ.

Между тѣмъ, при наступленіи новаго министерскаго кризиса кортесы 21 іюня, по просьбѣ Пи-и-Маргалля, отказались отъ провозглашеннаго ими, вслѣдъ за назначеніемъ кабинета 9—10 іюня, принципа непосредственнаго избранія всѣхъ членовъ правительства собраніемъ и предоставили главѣ правительства самому образовать новое министерство. Огромные успѣхи анархіи, въ особенности крайняя распущенность войскъ, непрерывныя явленія ослушанія солдатъ начальникамъ, отказовъ сражаться и даже насильственныхъ дѣйствій противъ начальниковъ, произвели нѣкоторую реакцію въ самихъ кортесахъ, такъ что умѣренное большинство окрѣпло. Въ виду этого, Пи-и-Маргалль образовалъ 28 іюня министерство нѣсколько болѣе консервативное въ томъ смыслѣ, что изъ крайней партіи въ него включено только двое членовъ. Новое министерство состояло изъ Пи-и-Маргалля, Мэзоннаве, Хиль-Бергеса, Карвахала, Гонсалеса и проч. Относительная умѣренность этого министерства соотвѣствовала появленію такихъ признаковъ анархіи, которые уже начинали страшить самихъ крайнихъ, за исключеніемъ тѣхъ „крайнихъ изъ крайнихъ“, которые называются „отвергающими всякія уступки (intransigentes)“. Такъ, въ Малагѣ волонтеры сперва изгнали регулярныхъ солдатъ, а потомъ передрались между собой и умертвили алькальда (городскаго главу); въ Севильѣ волонтеры овладѣли четырьмя пушками и взяли изъ арсенала все лучшее оружіе; остальное же оружіе было разграблено. Между тѣмъ карлисты въ Наваррѣ разбили 26 іюня, близъ Памплонны, полковника Кастальона, что возбу-

дило общее недовѣріе къ генералу Нувеласу, командующему республиканскими войсками на сѣверѣ. Въ Каталоніи около того же времени бригадиръ Кабринетти одержалъ побѣду надъ карлистами, въ отрядѣ которыхъ былъ и донъ-Альфонсъ бурбонскій; но побѣда Кабринетти не принесла того результата, какой она могла имѣть, потому что альколейскій батальонъ стрѣлковъ, посланный для поддержанія Кабринетти, отказался идти противъ непріятеля и выступилъ нарочно въ противоположномъ направленіи. Храбрый Кабринетти былъ оставленъ и дагѣе правительствомъ безъ поддержки.

Между тѣмъ, конституціонная коммиссія образовала въ своей средѣ редакціонную подкоммиссію, которая составила слѣдующія точнѣйшія предположенія о конституціи: президентъ республики назначаетъ самъ министра-президента, а послѣдній избираетъ себѣ товарищей, т.-е. отдѣльныхъ министровъ. Палата представителей избирается всеобщей подачей голосовъ, сенатъ—законодательными палатами штатовъ. Въ республикѣ дѣйствуетъ общее уголовное положеніе. Управление будетъ имѣть три слоя: община, штатъ (*estado regional*) и союзъ (*estado nacional*). Вѣдѣнію союзной власти подчинены армія, флотъ, почты, телеграфы, государственныя дороги, таможни. Конгрессъ долженъ состоять изъ 406 членовъ, союзный сенатъ изъ 52, конгрессъ каждаго изъ 13-ти штатовъ по 100 членовъ. Въ штатахъ будутъ еще окружныя представительства, такъ что число всѣхъ представителей и сенаторовъ въ Испаніи будетъ болѣе 3700 человекъ. А такъ какъ представителямъ предположено опредѣлить содержаніе, хотя и весьма укрѣпленное, то это было благополучіемъ для той громадной арміи искателей мѣстъ, арміи служащаго непродуцирующаго класса, которая составляетъ коренное зло Испаніи.

Въ виду проявившейся анархіи и успѣховъ карлистовъ, Пи-и-Маргалль нашелся вынужденнымъ потребовать себѣ у кортесовъ права объявлять осадное положеніе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ то окажется необходимымъ. Такая необходимость имѣла именно характеръ "роковой" необходимости для Пи-и-Маргалля. Дѣло въ томъ, что онъ самъ былъ въ числѣ подписавшихъ въ 1869 году декларацію въ смыслѣ отмѣны на вѣчныя времена всякаго пріостановленія дѣйствія законовъ, ограждающихъ личную неприкосновенность и конституціонныя права вообще. Въ той деклараціи подобное пріостановленіе дѣйствія законовъ ограждающихъ свободу было названо актомъ деспотизма, причемъ напоминалось, что всѣ государственные перевороты, т.-е. захваты власти въ Испаніи и во Франціи истекли прямо изъ существованія въ законодательствѣ принципа о временномъ пріостановленіи гарантій свободы. Обстоятельства рѣшительно причуждали Пи-и-Маргалля стать въ такое противорѣчіе съ самимъ

собой, и необходимость права прибѣгать къ осадному положенію была столь очевидна, что кортесы предоставили правительству это право весьма значительнымъ большинствомъ, причемъ часть крайней партіи вотировала за правительство, но съ тѣмъ вмѣстѣ самое существованіе правительства Пи-и-Маргалля теряло свой смыслъ. Съ министерствомъ, составленнымъ изъ сравнительно-умѣренныхъ людей, съ правомъ объявлять осадное положеніе, для чего же стоялъ во главѣ управленія не Фигерасъ, не Кастеларъ, не Николай Сальмеронъ, однимъ словомъ, не кто-либо изъ вождей умѣренныхъ федералистовъ, но именно Пи-и-Маргалль, ученикъ Прудона, рассчитывавшій на поддержку крайнихъ? Крайняя партія раздѣлилась при голосованіи объ осадномъ положеніи; одни члены ея подали голоса въ пользу права объявлять его и такимъ образомъ правительство одержало верхъ значительнымъ большинствомъ, но за то „непримиримые“, человекъ около 50, и во главѣ ихъ Оренсе, остались вѣрны деклараціи 1869 года, и видя въ новомъ законѣ актъ деспотизма большинства, прибѣгли къ той мѣрѣ, которая такъ употребительна въ испанскомъ и австрійскомъ парламентахъ: они удалились изъ кортесовъ. Замѣчательно, что въ то время, какъ одинъ изъ патриарховъ республиканской партіи въ Испаніи, дон-Хосе Оренсе, маркизь д'Альбаида произнесъ рѣшительное осужденіе мысли объ осадномъ положеніи, сынъ его донъ-Антоніо Оренсе, который дрался съ карлистами въ Каталоніи въ качествѣ волонтера и только-что пріѣхалъ въ Мадридъ, горячо отстаивалъ въ кортесахъ необходимость осаднаго положенія. Въ рѣчи чисто-фактической, молодой Оренсе мрачными красками описалъ то состояніе анархіи, въ какое впала страна и въ особенности армія; онъ сказалъ, что карлистъ Сабальесъ въ дѣйствительности господствуетъ въ Каталоніи, что республиканскій бригадиръ Мартинесъ Кампосъ дѣлаетъ что можетъ противъ карлистовъ, но можетъ мало; что Кабринетти, оставленный безъ поддержанія, находится въ большой опасности; что республиканизмъ понижается въ арміи въ томъ смыслѣ, что „каждый волосъ на головѣ солдата дороже головъ десяти офицеровъ“, а въ городахъ въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ сочувствовать контрабандистамъ; что страна начинаетъ забывать, что убійство всегда убійство и убійство вождей безчеститъ армію, а кража все-таки кража, хотя бы называлась и контрабандою.

Правительство сдѣлало нѣсколько новыхъ назначеній, предписало Нувеласу покончить съ карлистами въ двѣ недѣли, въ Севильѣ само населеніе возстановило порядокъ прогнавъ матежниковъ, захватившихъ арсеналъ и ратушу, и отняло у нихъ пушки. За то въ Малагѣ нѣкій Эдуардо Карвахаль (не министръ финансовъ Карвахаль, разу-

мѣется) съ 600-ми волонтерами учредилъ революціонное правленіе, изгнавъ городскія власти. При этомъ были умерщвлены второй алькальдъ и еще одинъ членъ городского совѣта. Въ Алькоѣ, городѣ аlicantской провинціи, около 3-хъ тысячъ рабочихъ сперва прекратили работы, потомъ провозгласили „коммуну“, убили алькальда, сожгли нѣсколько фабрикъ и другихъ зданій, а когда часть солдатъ и волонтеровъ заперлась въ ратушѣ, мятежники пытались поджечь это зданіе. Сгорѣло около 10-ти домовъ и около 50-ти человѣкъ лишились жизни. Республиканскій генераль Беларде вступилъ съ своимъ отрядомъ въ Алькою и восстановилъ тамъ спокойствіе. Но важнѣе было возстаніе въ Картахенѣ и побѣда карлистовъ при Риполлѣ, въ Каталоніи. Картахеною овладѣли „интернационалы“ и главное начальство надъ ними принялъ генераль Контрерасъ, который прежде былъ генераль-капитаномъ Каталоніи. Картахена есть военный портъ съ морскимъ арсеналомъ; мятежники захватили и арсеналъ и военные суда; морской министръ поспѣшно выѣхалъ туда, но не былъ допущенъ. При Риполлѣ 9-го іюля былъ наконецъ разбитъ Кабринетти; побѣду надъ нимъ одержали Сабальсъ и донъ-Альфонсъ бурбонскій; карлисты взяли 2 пушки и около 800 плѣнныхъ; въ числѣ 100 убитыхъ республиканцевъ былъ и самъ Кабринетти. Около того же времени другой республиканскій отрядъ близъ Памплоны сдался карлистамъ безъ бою, и наконецъ, 15-го іюля, самъ донъ-Карлосъ вступилъ въ Испанію и во главѣ 10-ти т. чел. двинулся на Бильбоа.

Между тѣмъ въ правительствѣ произошелъ новый кризисъ. Пи-и-Маргалль, предвидя, что умѣренное большинство не долго потерпитъ его во главѣ правленія, сдѣлалъ опять эволюцію нѣтъ, чтобы сблизиться съ „непримиримыми“. Умѣренные члены его кабинета Мазоннаве, Хиль Берхесъ и Хосе Карвахаль (опытный въ дѣлахъ министръ финансовъ) удалились, для того чтобы Пи-и-Маргалль могъ измѣнить кабинетъ въ смыслѣ крайней лѣвой. Но отношенія свои къ непримиримымъ Пи-и-Маргалль уже испортилъ законами объ осадномъ положеніи; примириться съ „непримиримыми“ ему было возможно не иначе, какъ пожертвовавъ для того своимъ положеніемъ главы правительства. Умѣренное же большинство, въ свою очередь, было разумѣется недовольно новой эволюціею Пи-и-Маргалля и громко требовало, чтобы правительство, наоборотъ, было преобразовано именно въ консервативномъ смыслѣ, и притомъ съ Николаемъ Сальмерономъ во главѣ.

Все это привело къ тому, что Пи-и-Маргалль подалъ въ отставку 18-го іюля, а на другой день кортесы избрали президентомъ Николая Сальмерона, большинствомъ 119 голосовъ противъ 93. Замѣчательно,

что эти 93 голоса, то-есть меньшинство весьма значительное, были поданы въ пользу Пи-и-Маргалля, который стало-быть уже однимъ своимъ прошеніемъ объ отставкѣ искупилъ свой грѣхъ въ глазахъ дѣвой. Сальмеронъ составилъ свое министерство исключительно изъ членовъ правой стороны, то-есть изъ умѣренной федералистской партіи, къ которой принадлежатъ и Фигерасъ, и Кастелларъ. Послѣдній заранѣе объявилъ, что никакой должности не приметъ, но влияние его въ кортесахъ тѣмъ значительнѣе. Мазоннаве, Хосе Карвахаль, Гонсалесъ, Орейро, остались въ кабинетѣ, который дополнили собою Солеръ, Фернандо Гонсалесъ, Паланка. Карлисты, подъ начальствомъ Сабальса, взяли городъ Игваладу и сожгли значительную часть его. Мурсія и Валенсія объявили себя независимыми областями. Это ухудшеніе дѣлъ, впрочемъ, укрѣпило въ умѣренной партіи сознаніе въ необходимости самыхъ рѣшительныхъ мѣръ. Правительство принялось за дѣло съ энергіею; генераловъ Контрераса и Пьерра оно исключило изъ списковъ арміи, образовало 2 образцовыхъ баталіона изъ отпускныхъ и отставныхъ офицеровъ подъ командою генераловъ; эти баталіоны должны подать примѣръ дисциплины, возстановленію которой въ арміи правительство посвятило первыя свои заботы. Въ Андалузіи было сосредоточено 10 тыс. чел. регулярной арміи для прекращенія мятежей; военныя суда, которыхъ экипажи возмутились въ картагенскомъ портѣ: „Альманса“, „Викторія“, „Мендесъ-Нуњесъ“ и „Фердинандъ-Католическій“ декретомъ 21-го іюля объявлены внѣ закона; силамъ дружественныхъ Испаніи державъ предоставлено захватывать ихъ и отправлять находящихся на нихъ людей въ качествѣ пиратовъ къ военному суду. У береговъ Испаніи находились въ это время германскія военныя суда „Фридрихъ-Карлъ“ и „Елисавета“. Капитанъ перваго изъ этихъ судовъ послушался подзадориванія нѣмецкой печати, которая приглашала его воспользоваться этимъ поводомъ къ военному маневру, и захватилъ пароходъ „Вихиланте“, вышедшій изъ картагенскаго порта. Тогда картагенскіе инсургенты угрожали разстрѣлять прусскаго консула и захватить все имущество нѣмцевъ въ портѣ.

Впрочемъ, по требованію испанскаго правительства, германскій корабль привелъ свой призь въ Гибралтаръ, чтобы сдать его уполномоченнымъ правительства Испаніи. Неожиданное вмѣшательство нѣмецкаго капитана было встрѣчено съ замѣтнымъ раздраженіемъ французской печатью; по извѣстію официозной „Сѣверо-германской газеты“, однако, германское правительство потребовало отъ капитана „Фридриха-Карла“ оправдательнаго отчета въ его поведеніи. Самъ Контрерасъ, предводитель картагенскихъ инсургентовъ, не опасаясь, такъ какъ въ его собственномъ лагерѣ и на его судахъ про-

исходить дезертирство массажи, мѣшающее ему предпринять что-либо. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы нынѣшнее правительство имѣло въ своемъ распоряженіи: во-первыхъ, прочное большинство въ кортесахъ, а во-вторыхъ, хоть тысячу тридцать надежныхъ солдатъ, то оно могло бы установить порядокъ, потому что всѣ мятежныя движенія сами по себѣ незначительны и всегда парализованы внутреннимъ разладомъ. Три надежныхъ дивизіи по 10 т. чел. каждая, поставленныя въ трехъ разныхъ пунктахъ, изъ которыхъ онѣ могли бы быстро двинуться въ каждую мѣстность, гдѣ произошелъ мятежъ, такъ что никто не могъ бы рассчитывать на безнаказанность, безъ сомнѣнія скоро поправили бы все дѣло. Но успѣтъ ли нынѣшнее правительство создать какія-либо надежныя силы, хотя оно и издало декретъ о призывѣ къ оружію 80 тысячъ чел.?

Правительственныя войска повели атаку на Севилью, возмущившуюся снова, и на Валенсію; 16 іюля оба эти города предложили покориться на условіяхъ, но правительство потребовало безусловной сдачи. Въ тотъ же день вечеромъ, генераль Павія началъ бомбардировать Севилью. Въ Валенсіи же артиллерія перешла на сторону инсургентовъ.

Съ карлистами справиться труднѣе, чѣмъ съ прочими инсургентами потому что у карлистовъ больше порядка, хотя порядокъ у этихъ „друзей порядка“ не образцовый, какъ о томъ можно судить по декрету донъ-Карлоса, отнимающаго всякую власть у одного изъ начальниковъ отрядовъ, именно у священника Санта-Крусъ, за ослушаніе. Сверхъ того, карлисты получаютъ съ моря на англійскихъ судахъ и изъ Франціи чрезъ Пиренеи оружіе и даже пушки. Въ теченіи первыхъ 10 дней пребыванія „законнаго короля“ въ Испаніи, карлисты однако не одержали ни одного значительнаго успѣха. Они даже еще не осадили Бильбао, они только атаковали городъ Бергу. Впрочемъ, по заявленію лорда Энфильда, помощника статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ въ палатѣ общинъ 28-го іюля, карлисты усиливаются на сѣверѣ.

Кортесы уже получили полный проектъ федеральной конституціи, немного дополненный въ общемъ присутствіи конституціонной комиссіи. Большинство повидимому готово утвердить конституцію однимъ голосованіемъ. Между тѣмъ, меньшинство не возвращается въ кортесы и въ Мадридѣ опасались, что оно явится въ Картахену, къ Контрерасу, чтобы представить изъ себя отдѣльныя кортесы. Говорятъ, что „непримиримые“ сдѣлали бы это непременно, но хотѣли увлечь съ собой Пи-и-Маргалла, который однако отказался. Вотъ куда привело бывшаго президента примиреніе его съ „непримиримыми“. Съ другой стороны, о вождѣ настоящей консервативной пар-

тинъ въ Испаніи маршалъ Серрано, бывшемъ регентъ, сообщаются странныя извѣстія. Сперва было извѣстіе, будто произведено было покушеніе на его жизнь. Затѣмъ изъ Байонны разослана была слѣдующая телеграмма отъ 26-го іюля: „всѣ вліятельные члены испанской либеральной партіи (?) собрались вчера въ Біаррицъ, подъ предсѣдательствомъ маршала Серрано и рѣшили единогласно предложить испанскому правительству, чрезъ адмирала Топете, свою поддержку для спасенія свободы и порядка въ Испаніи“. Подъ именемъ либеральной партіи здѣсь разумѣются, конечно, Сагаста, его друзья и нѣсколько унионистовъ. Такимъ образомъ, монархисты хотятъ идти на помощь республикѣ—явленіе сходное съ тѣмъ, какое происходитъ во Франціи. При успѣхѣ ихъ сходство довершилось бы тѣмъ, что президентомъ испанской республики сталъ бы маршалъ Серрано. Впрочемъ, реакція, въ той или другой формѣ, неминуемо восторжествуетъ въ Испаніи, если нынѣшнее положеніе дѣлъ продлится еще нѣкоторое время: или карлизмъ съ попами, или „либеральная унія“ съ генералами-авантюристами. Правительство Николая Сальмерона едва-ли не представляетъ собой послѣдній шансъ собственного спасенія для федеративной республики въ Испаніи.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12 (24) іюня 1878.

Военный вопросъ въ Пруссіи и въ Германіи.

Нашъ рейхстагъ закрылся еще 13-го (25-го) іюня; продолжительность парламентской сессіи, которая началась въ ноябрѣ, съ открытіемъ прусскаго ландтага, до крайности истощила силы членовъ парламента и участіе народа. Уже начиная съ Троицына дня засѣданія устраивались все труднѣе, отсутствіе необходимаго числа членовъ для составленія какого-нибудь рѣшенія проявлялось все чаще, точно обмороки при иныхъ агоніяхъ. Къ продолжительнымъ до отчаянія и утомительнымъ утреннимъ засѣданіямъ, присоединились еще и вечернія засѣданія, но президентъ имѣлъ за то удовольствіе указать, при заключеніи сессіи, на почтенный по своему объему трудъ, выполненный за настоящую сессію. Изъ 31 законопроекта, предложенныхъ правительствомъ, принято 27, а изъ 23,

предложенных членами палаты — 14, и въ этомъ числѣ находятся нѣсколько важныхъ. Но особенно важныхъ нѣтъ между ними. Хотя „имперскій военный законъ“ былъ предложенъ правительствомъ, но даже и не обсуждался рейхстагомъ, и эта проволочка омрачила конецъ парламентскаго періода, да и теперь вопросъ этотъ стоитъ чернымъ облакомъ на горизонтѣ нашей внутренней политики.

Въ принципѣ дѣло идетъ о первой попыткѣ доставить въ конституціонномъ государствѣ нѣкоторое влияние народному представительству на управление арміей, безъ всякаго ущерба для послѣдней, и если удастся создать такой порядокъ, который бы дѣйствительно удовлетворилъ обѣ стороны, то тяжелая борьба, которой стоила эта попытка, прошла не даромъ.

Для того, чтобы понять настоящій фазисъ процесса, намъ слѣдуетъ вернуться къ эпохѣ „внутренняго кризиса“, и въ краткихъ чертахъ изобразить тѣ метаморфозы, черезъ которыя проходилъ военный вопросъ, и затѣмъ можно будетъ связать съ настоящимъ положеніемъ дѣла обзоръ всего политическаго положенія.

При мобилизаціи прусской арміи въ 1859 г. выказалось, что тогдашній порядокъ далеко не соответствовалъ требованіямъ настоящаго времени. Мобилизація заняла тогда столько времени, что Пруссія опоздала съ своимъ вмѣшательствомъ, и между Австріей и Франціей заключенъ былъ вилафранкскій миръ. Кто присутствовалъ при быстрой мобилизаціи послѣдняго времени, тотъ не повѣритъ какъ дѣла шли въ то время. Быть можетъ, одной чертой удастся лучше обрисовать тогдашнее положеніе, чѣмъ подробнымъ описаніемъ. Врачи, чиновники интендантства и всѣ другіе не боевые члены арміи должны были въ то время на свой собственный счетъ запастись лошадьми. Барышники при этомъ зачастую доставляли имъ самыхъ жалкихъ, „бракованныхъ“ влячъ. Одинъ опытный всадникъ, на глазахъ котораго все это происходило, говорилъ мнѣ тогда: „я желаю одного только, чтобы дѣло окончилось пустынями, потому что послѣ одного перехода всѣ эти господа будутъ валяться въ пыли“.

Дѣло кончилось пустынями, и прусская дипломатія могла занести въ свои анналы новый пропущенный случай. Принцъ-регентъ вознамѣрился исправить зло. Припомнимъ, какимъ грознымъ представлялось тогда политическое положеніе. Въ манифестѣ, которымъ австрійскій императоръ возвѣщалъ своимъ народамъ о заключеніи мира, онъ высказывалъ такіе упреки Пруссіи, какіе обыкновенно высказываются лишь наканунѣ войны, и многіе предполагали, что теперь Франція и Австрія соединенными силами нападутъ на Пруссію. Благодаря отчасти этому обстоятельству, мобилизація войскъ не была поставлена на мирное положеніе, но удерживалась на военной ногѣ,

и необходимыя денежныя средства, которыя отпущены были правительству для мобилизаци и на случай войны, превысили 30 миллионъ талеровъ.

Въ засѣданіи палаты депутатовъ отъ 9-го февраля 1860 г. правительство внесло законопроектъ касательно воинской повинности, предназначенной регулировать желанныя перемены, и другой проектъ, въ которомъ требовался необходимый для реорганизаци арміи дополнительный бюджетъ въ размѣрѣ 9½ миллионъ.

Реорганизаци предполагалась въ такомъ видѣ, что призываемыя во время мобилизаци баталіоны ландвера удерживались на службѣ подъ названіемъ коренныхъ баталіонъ ландвера, и ихъ рекруты предназначались къ военнымъ экзерциціямъ, вслѣдствіе чего вмѣсто 40,000 рекрутовъ, набираемыхъ ежегодно, число ихъ отнынѣ возросло до 60,000.

До сихъ поръ мирный контингентъ арміи состоялъ изъ 120,000 солдатъ; пѣхота насчитывала 4 гвардейскихъ, 32 пѣхотныхъ и 8 резервныхъ полковъ, между тѣмъ какъ теперь формировалось 4 новыхъ гвардейскихъ и 32 новыхъ пѣхотныхъ полковъ. Все это совершалось безъ всякаго шума и только въ военныхъ кружкахъ знали, куда мѣтитъ правительство.

Но палата депутатовъ не могла рѣшиться принять оба вышеупомянутые закона; она не могла также и отвергнуть ихъ, а потому избрала средній путь и 15-го мая 1860 г. порѣшила *„временно удержавъ и дополнивъ тѣ мѣропріятія, которыя необходимы для дальнѣйшаго развитія военныхъ силъ и усилившихся потребностей войска, и которая совмѣстима съ существующими законами“*, сверхъ обычнаго бюджета на періодъ времени отъ 1-го мая 1860 до 30-го іюня 1861, отпустить еще кредитъ въ 9 миллионъ талеровъ.

Какъ видите, палата сдѣлала все, что могла для того, чтобы не поступиться своимъ правомъ и не допустить, чтобы новыя учрежденія могли пройти безъ ея согласія.

Вскорѣ послѣ этого рѣшенія ландтагъ закрылся, прежде чѣмъ приступлено было къ обсужденію закона о воинской повинности.

2-го января 1861 г. умеръ король Фридрихъ-Вильгельмъ IV; перешедшій императоръ Вильгельмъ, бывшій до тѣхъ поръ лишь принцемъ-регентомъ, отнынѣ могъ слѣдовательно свободно дѣйствовать и первой важной мѣрой было освященіе знаменъ новыхъ полковъ, происходившее 18-го января (въ день величайшаго торжества монархической Пруссіи, а именно юбилея коронаціи перваго короля), Подъ-Липами. Этимъ реорганизаци устанавливалась окончательно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и столкновение становилось неизбѣжнымъ, если только палата депутатовъ не сдастся. Въ слѣдующую же сессію въ

палату депутатовъ внесенъ былъ бюджетъ, заключавшій въ себѣ какъ обыкновенныя статьи расхода, такъ и тѣ, которыя обусловливались реорганизаціей арміи. Палата рѣшила не принимать этого бюджета, она вычеркнула изъ него издержки на реорганизацію, удержала такимъ образомъ бюджетъ на 1861 г. и сверхъ того опредѣлила около 4 милліоновъ талеровъ на экстраординарные расходы на второй семестръ 1861 г. и настоятельно потребовала отъ правительства внести законъ о воинской повинности не позже ближайшей сессіи ландтага. Не взирая на это рѣшеніе правительство руководствовалось относительно бюджета по военному управленію тѣми же принципами, какихъ оно держалось относительно бюджета на 1861 г. Одновременно съ этимъ народному представительству предложень былъ законопроектъ о воинской повинности, который хотя и былъ принятъ въ палатѣ господъ, но въ палатѣ депутатовъ, вслѣдствіе ея распущенія, воспослѣдовавшаго 11-го марта, даже не обсуждался, равно какъ и бюджетъ.

Тѣмъ временемъ борьба партій разгорѣлась не на шутку. Рѣчи, раздававшіяся въ палатѣ депутатовъ, въ собраніяхъ и въ прессѣ носили почти революціонный характеръ. Распущеніе палаты депутатовъ произвело дѣйствіе какъ разъ обратное тому, какое желали произвести. Палатѣ депутатовъ сессій 1858—1861 гг., въ которыхъ большинство состояло изъ старо-либераловъ, наслѣдовала палата депутатовъ, въ которой засѣдало всего-на-все 12 консерваторовъ, и умѣренные старо-либералы вытѣснены были „нѣмецкой прогрессивной партіей“, которая изъ незначительной кучки быстро разрослась въ большинство. Она состояла изъ элементовъ прежней демократической партіи и цѣлью себѣ поставила приобрѣсти, путемъ конституціоннымъ, извѣстное вліяніе на правительство. Ибо, подобно тому, какъ великій математикъ древней Греціи говаривалъ: дайте мнѣ одну лишь точку опоры и я поверну землю, такъ и въ конституціи требовалось установить лишь одно единственное, неизмѣнное, ненарушимое право, чтобы получить возможность завоевать всѣ остальные. Это право повидимому заключалось въ прусской конституціи и именно въ статьѣ 99-й, которая опредѣляетъ, что экономическій бюджетъ государства долженъ ежегодно опредѣляться *посредствомъ новаго закона*. Оппозиція утверждала, что это постановленіе абсолютно обязательно и нарушение его со стороны правительства равносильно нарушенію конституціи. Правительство, напротивъ того, утверждало, что въ конституціи существуетъ пробѣлъ, такъ какъ въ ней не предусмотрено тотъ случай, когда законъ о бюджетѣ, для проведенія котораго, какъ и всякаго другого закона, требуется согласіе всѣхъ трехъ законодательныхъ факторовъ: короля, палаты господъ и палаты депутатовъ, — будетъ отвергнутъ.

Составители конституціи вовсе не проглядѣли этого случая, но представляли себѣ ходъ событій такимъ образомъ, что, въ случаѣ отверженія закона о бюджетѣ, министерство выходитъ въ отставку. или же палата депутатовъ распускается и правительство аппелируетъ къ народу. Если выборы окажутся въ пользу правительства, то послѣднее окажется правымъ относительно распущенной палаты депутатовъ, такъ какъ народъ перейдетъ на его сторону; если же случится наоборотъ, то министерство должно будетъ удалиться и уступить мѣсто такому, на сторонѣ котораго окажется парламентское большинство. Но эти конституціонныя теоріи, примѣненіе которыхъ необходимо перенесло бы центръ тяжести въ государствѣ на большинство народа, не допускались правительствомъ. Послѣднее утверждало, что оно остается вѣрно конституціи, но что самая эта вѣрность требуетъ, чтобы права короля никакъ не могли быть нарушаемы.

Быть можетъ, на счетъ военного вопроса и удалось бы столковаться, если бы онъ не былъ усложненъ конституціонными вопросами. и исторія по всей вѣроятности упрекнетъ старо-либеральное большинство ландтага съ 1858 по 1861 г. въ томъ, что оно не согласилось на требованія правительства, которыя въ сущности—и въ особенности съ точки зрѣнія позднѣйшаго опыта—были чрезвычайно умѣренны. Населеніе и благосостояніе Пруссіи въ послѣднія 50 лѣтъ чрезвычайно какъ усилилось, а между тѣмъ расходы по арміи не особенно увеличились, даже и по введеніи реорганизациі они доходили всего до 43½ миллионѣвъ, между тѣмъ какъ гражданское управленіе стоило вдвое, и страна на дѣлѣ могла выдержать безъ труда и усиленіе арміи, и увеличеніе издержекъ по ней. Что „войско — народъ“ вещь совершенно невозможная въ виду грозныхъ армій Франціи, Россіи, Австріи, въ этомъ собственно не могъ сомнѣваться ни одинъ разумный человѣкъ.

Министерство фонъ-деръ-Гейдта, которое 18 марта 1862 г. наслѣдовало либеральному министерству Ауэрсвальда-Шверина, удержалось недолго. 23 сентября палата депутатовъ отвергла военный бюджетъ большинствомъ 308 голосовъ противъ 11 и въ тотъ же самый день Бисмаркъ-Шёнгаузенъ вступилъ на мѣсто Гейдта; 13 октября закрыть ландтагъ; министерство пополнялось постепенно и послѣ распущенія палаты произведены новые выборы при новомъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, графѣ Эйленбургѣ, впервые подъ давленіемъ правительства, которому однако не удалось выжить оппозицію изъ парламента.

Между тѣмъ Бисмаркъ уже провелъ тѣ нити, которыя должны были, помощью внѣшней диверсіи, если не вполне устранить

внутреннее столкновение, то значительно смягчить его. Прусская политика могла сложиться совсѣмъ иначе, послѣ того, какъ реорганизация арміи была бы произведена въ полномъ ея объемѣ. Линейное войско усилено было посредствомъ значительнаго набора и воинскаго обученія ландвера перваго призыва, и насчитывало теперь 203,000 въ мирное время и 609,000 (не считая ландвера позднѣйшихъ призывовъ) въ военное время, слѣдовательно, вдвое больше противъ его прежняго состава; между тѣмъ, какъ благодаря ревностному обогащенію государственной казны и усилению государственныхъ доходовъ по всѣмъ отраслямъ, денежные средства такъ возросли, что уже въ 1862 г. избытокъ доходилъ до 50-ти милліоновъ.

Снова собрался ландтагъ, но даже нѣкоторый успѣхъ въ политикѣ, напр., крайне-либеральная торговая политика—ничто не могло ослабить ожесточенія; вслѣдствіе истиннѣ судорожныхъ спенъ ландтагъ, собравшійся въ январѣ 1863 г., былъ уже снова распущенъ 27-го мая, и 1-го іюля изданъ тотъ законъ о печати, который въ конституціонной исторіи Пруссіи составляетъ такое явленіе, которое всего труднѣе оправдать съ конституціонной точки зрѣнія. Въ ту эпоху Пруссіи дѣйствительно угрожалъ государственный переворотъ, и только честности короля обязаны мы тѣмъ, что онъ не былъ произведенъ. Палата депутатовъ снова была распущена (2 сентября), 9 ноября собрался новый ландтагъ, но большинство палаты депутатовъ было снова оппозиціонное. Не взирая на непрерывное распушеніе, которое должно было утомить избирателей, не взирая на крайнее давленіе, оказываемое правительствомъ на выборы, правительственная партія въ палатѣ депутатовъ едва насчитывала 40 членовъ.

Этому ландтагу снова предложены были бюджетъ и проектъ закона о воинской повинности, тождественный съ тѣмъ, который предлагался раньше, съ тою только разницею, что въ немъ приняты были во вниманіе предложенія коммиссіи, которая обсуждала прежній проектъ. Быть можетъ, здѣсь естатіи будетъ прервать историческое изложеніе событій и заняться самимъ закономъ.

Основаніемъ для организациі арміи въ абсолютномъ прусскомъ государствѣ, принять былъ законъ 3 сентября 1813 г., который опредѣляетъ два самыхъ главныхъ пункта во всякомъ законѣ объ организациі арміи, а именно воинскую повинность, выпадающую на долю личности, и общій составъ арміи. Касательно перваго пункта, законъ опредѣлялъ: каждый двадцати-лѣтній пруссакъ обязанъ нести воинскую повинность, какъ скоро онъ физически годенъ къ военной службѣ; онъ находится три года подъ знаменами, два года въ резервѣ и въ теченіи 14-ти лѣтъ состоитъ въ ландверѣ. Касательно втораго пункта онъ гласитъ: „составъ арміи опредѣляется сообразно

даннымъ государственнымъ отношеніямъ". Кѣмъ? Разумѣется королемъ, пока этотъ послѣдній является единственнымъ законодательмъ, какъ это и бываетъ въ неограниченномъ государствѣ; въ конституціонномъ же государствѣ король дѣйствуетъ при содѣйствіи всѣхъ законодательныхъ властей. Въ силу этого закона съ теченіемъ времени изданъ былъ цѣлый рядъ королевскихъ указовъ, которые ограничивали контингентъ арміи. Такимъ образомъ создались рамки старой арміи: 9 армейскихъ корпусовъ, 18 дивизій и т. д., въ общей сложности 135 баталіоновъ пѣхоты, 152 эскадрона кавалеріи, 115 ротъ артиллеріи и т. д. Впрочемъ, правительство и не отвергало, что король не можетъ больше измѣнить этихъ рамокъ своей собственной властью, безъ согласія палатъ; король ссылаясь главнымъ образомъ на свой долгъ передъ страной, который не позволяетъ ему отложить реорганизацію арміи, сдѣлавшуюся настоятельной потребностью.

Такъ, напр., онъ говорилъ въ тронной рѣчи, которою открылъ вышеупомянутую сессію ландтага (9 ноября 1863 г.):

„Новое образованіе войска вытекаетъ изъ неотразимой необходимости идти въ уровень съ усиленіемъ военныхъ силъ въ сосѣднихъ странахъ и содѣйствовать экономическимъ интересамъ собственнаго населенія, посредствомъ болѣе правильнаго распредѣленія воинской повинности.

„Войско, какъ я уже на этомъ самомъ мѣстѣ высказалъ это въ 1860 г. — даже послѣ реорганизаціи, является прусскимъ народомъ подъ оружіемъ и съ болѣею истинной, чѣмъ прежде, ибо между тѣмъ, какъ усиленная организація линейныхъ войскъ дѣлаетъ возможнымъ облегченіе для ландвера позднѣйшаго призыва, общій составъ ландвера остается неизмѣннымъ. Это преобразование стало уже постояннымъ государственнымъ учрежденіемъ, въ протекшіе годы, на основаніи согласія ландтага, даннаго въ парламентскія сессіи 1860—61 годовъ, и существованіе его не можетъ болѣе оспариваться, не компрометируя самыхъ важныхъ интересовъ страны. Сознаніе этой опасности налагаетъ на меня обязанность дать свое одобреніе, которое необходимо въ силу конституціи, только такому экономическому порядку, который обезпечиваетъ существующія военныя учрежденія“.

Взглядъ короля выраженъ съ величайшей ясностью и точностью.

Законопроектъ о воинской повинности въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ предложенъ ландтагу въ ноябрѣ 1863 г., заключаетъ 22 статьи, изъ которыхъ однако первыя исчерпываютъ все органически важное. Поэтому я привожу ихъ буквально, такъ какъ благодаря этому можно будетъ видѣть, какія перемѣны внесены въ проектъ позднѣе, пока наконецъ (въ 1867) онъ не сталъ закономъ для сѣверо-германскаго союза, а въ 1871—имперскимъ закономъ.

§ 1. Образование вооруженной силы опирается, какъ и доселѣ, на всеобщую воинскую повинность. Каждый пруссакъ, какъ скоро онъ достигнетъ 17-лѣтняго возраста и пока ему не минетъ 49 лѣтъ, обязанъ защищать отечество. Но для того, чтобы привести эту всеобщую воинскую повинность, преимущественно въ мирное время, на такую ногу, чтобы она не мѣшала развитію наукъ и ремеслъ, на счетъ служебныхъ обязательствъ и срока службы, утверждаются слѣдующія градаціи:

§ 2. Вооруженная сила состоитъ изъ арміи, флота и ландштурма. Армія распадается на: а) постоянное войско; б) ландверъ перваго призыва и с) ландверъ втораго призыва. Флотъ распадается на: а) военный флотъ и б) морскую оборонительную силу.

§ 3. Наличный составъ постоянного войска, ландвера и флота всякій разъ опредѣляется согласно существующимъ государственнымъ отношеніямъ.

§ 4. Постоянное войско всегда готово выступить въ походъ. Оно является главной образовательной школой для цѣлой націи, въ дѣлѣ войны, и обнимаетъ всѣ ученыя отдѣлы арміи.

§ 5. Постоянное войско состоитъ: 1-е изъ призывныхъ солдатъ, которые служатъ по требованію; 2-е, изъ годовыхъ волонтеровъ; 3-е, изъ трехгодовыхъ волонтеровъ; 4-е, изъ солдатъ, набираемыхъ властями, завѣдывающими замѣной.

§ 6. Обязательство служить въ постоянной арміи начинается для каждаго пруссака вмѣстѣ съ наступленіемъ того года, въ которомъ ему исполнится 20 лѣтъ, и продолжается 7 лѣтъ. Въ теченіи этихъ 7-ми лѣтъ солдаты пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи и піонеровъ обязаны находиться непрерывно подъ знаменами въ первые 3 года — солдаты, которые назначены къ обозной службѣ въ теченіи полугода; — въ остальной же служебный срокъ могутъ быть отпускаемы на родину (въ резервъ), въ томъ случаѣ, если необходимы для ежегодныхъ маневровъ подкрѣпленія или мобилизація войска не потребуютъ ихъ призыва на службу.

Вотъ, что гласятъ самые главные параграфы. Нижеслѣдующіе содержатъ затѣмъ постановленія о ландверѣ, одногодовыхъ волонтеровъ, службы во флотѣ и т. д.

Палата депутатовъ продолжала быть враждебно настроенной противъ законопроекта, и два пункта въ особенности встрѣчали яростную оппозицію: трехгодичный срокъ службы и униженіе, если можно такъ выразиться, ландвера. Что касается перваго пункта, то я воздерживаюсь отъ всякаго сужденія. Что же касается втораго, то со времени войны 1813 г. къ ландверу относились съ нѣкотораго рода идолопоклонствомъ. Само правительство, конечно, было въ томъ ви-

новато, ибо, съ цѣлью возбудить и оживить патріотизмъ, оно превознесло выше всякой мѣры подвиги ландвера. Въ школахъ преподавали, что ландверъ вездѣ побѣждалъ Наполеона, а линейныя войска оставались въ тѣни. Специалисты военные знали, конечно, что это несправедливо и доказывали въ специальныхъ сочиненіяхъ. Но слово „ландверъ“ приобрѣло популярность, а извѣстно, что всего труднѣе бороться съ предубѣжденіемъ.

Пренія по военному закону начались еще въ послѣднемъ засѣданіи того достопамятнаго ландтага (25 [13] января 1864 г.). Война съ Даніей еще не начиналась, но уже предвидѣлась, и правительство потребовало заключенія займа въ 12 милліоновъ талеровъ. Палата депутатовъ не согласилась исполнить требованіе правительства. Въ парламентскихъ лѣтописяхъ Пруссіи не существуетъ другой эпохи, которую такъ желательно было бы предать забвенію, какъ эта сессія, которая будетъ служить вѣчнымъ аргументомъ противъ парламентскихъ порядковъ: хотя много возвышенныхъ и патріотическихъ словъ произнесено было въ теченіи этой сессіи, однако послѣдующій опытъ показалъ что *иностранная политика*, которую желала провести палата депутатовъ, была чистѣйшей бессмыслицей, и Бисмаркъ представляется единственнымъ трезвымъ человѣкомъ, заблудившимся среди умалишенныхъ. Самыми яростными противниками его были, по странной случайности, два врача, докторъ Лёве, бывшій нѣкогда претендентомъ такъ-называемаго штутгартскаго *rumpf-parlaments* ¹⁾, и докторъ Вирховъ, который въ то время стоялъ на вершинѣ своей научной и политической славы. Послѣдній въ особенности безпощадно металь стрѣлы своего остроумія въ Бисмарка, возбуждая живое сочувствіе всей палаты. Опытъ показалъ, что докторъ Вирховъ былъ несовсѣмъ правъ.

Какъ я уже сказалъ выше, въ засѣданіи отъ 25 (13) января военный законъ былъ отвергнутъ, и президентъ Грабовъ сказалъ послѣ того одну изъ тѣхъ громовыхъ рѣчей, которыя онъ регулярно приносилъ при каждомъ новомъ фазисѣ внутреннего кризиса, и въ тронной рѣчи, которою была закрыта палата депутатовъ, сильно порицался образъ дѣйствія послѣдней.

Нѣсколько дней спустя начались военныя операціи противъ Даніи, причемъ прусскія войска претерпѣли пораженіе, а австрійцы одержали двѣ побѣды при Ягелѣ, а позднѣе при Оверзее. Долго казалось, что Пруссіи не суждено стяжать лавровъ во время этой кампаніи. Затѣмъ произошелъ штурмъ дюппельскихъ шанцевъ, и съ

¹⁾ Такъ назывались остатки франкефуртскаго національнаго собранія, когда этотъ послѣдній переселился съ іюня 1849 г. въ Штутгартъ.

этого дня произошел переворотъ въ общественномъ мнѣніи, хотя онъ и не отразился на настроеніи палаты депутатовъ, когда ландтагъ былъ снова созванъ въ январѣ 1865 г. Во весь годъ внутренняя политика отличалась, конечно, реакціоннымъ характеромъ. и голось партіи „Крестовой Газеты“, проповѣдывавшей „внутренній Дюпелъ“, отнюдь не былъ гласомъ вопіющаго въ пустынь. Но въ тронной рѣчи, которою самъ король открылъ ландтагъ, ясно высказывалось желаніе примиренія. Непремѣннымъ условіемъ этого примиренія ставилась, однако, неприкосновенность новой военной организаціи. Благодаря ей, не представилось необходимости въ минувшую войну призывать ландвера; благодаря хорошему управленію финансами, война могла быть ведена безъ займа. Не безъ гордости, но тѣмъ не менѣе въ примирительномъ тонѣ говорилъ король въ своей тронной рѣчи:

„Самымъ искреннимъ моимъ желаніемъ является то, чтобы разладъ, возникшій въ послѣдніе годы между моимъ правительствомъ и палатой депутатовъ, былъ бы устраненъ. Знаменательныя событія послѣдняго времени должны содѣйствовать тому, чтобы разъяснить взгляды на потребность усовершенствованной организаціи арміи, которая выказалась въ побѣдоносно оконченной войнѣ. Права, которыя даются представительству страны конституціей, я намѣренъ уважать и охранять, какъ и доселѣ. Но если Пруссія желаетъ сохранить свою самостоятельность и подобающее ей мѣсто въ ряду европейскихъ державъ, то ея правительство должно быть крѣпко и сильно, и оно можетъ придти въ соглашеніе съ представительствомъ страны не иначе, какъ подъ условіемъ сохраненія военныхъ учреждений, которыя обезпечиваютъ военную силу, а слѣдовательно и безопасность отечества“.

Сессія открылась при самыхъ неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Грабовъ произнесъ одну изъ вышеупомянутыхъ рѣчей, которая была рѣзче, чѣмъ когда-либо, и немедленно привелъ и правительство, и палату въ сильнѣйшее ожесточеніе. Объ организаціи арміи не говорилось ни слова; тѣмъ не менѣе ландтагъ засѣдалъ до іюня мѣсяца и выработалъ нѣсколько важныхъ законовъ; военный же законъ былъ снова отвергнутъ и при этомъ дѣло не обошлось безъ ужасающихъ сценъ. Профессоръ Гнейстъ сказалъ, въ качествѣ референта, что организація войска „носитъ на лбу отпечатокъ клатвопреступленія Каина“, а фонъ-Роонъ объявилъ, что такое заявленіе безстыдно.

Редакція законопроекта была измѣнена сравнительно съ прежней. Главныя опредѣленія гласили:

§ 1. Всеобщая повинность въ службѣ въ арміи и флотѣ сокра-

щается срокомъ съ 19-ти до 16-ти лѣтъ. § 2. Въ теченіи этого общаго срока службы повинные военной службѣ обязаны прослужить первыя 7 лѣтъ въ постоянной арміи или также въ военномъ флотѣ. Но имъ разрѣшается, если необходимость въ поддержаніи для арміи и флота не требуетъ иного, проводить на родинѣ, вмѣсто обычныхъ двухъ лѣтъ, послѣдніе четыре года. § 3 опредѣлялъ, что причисленіе въ ландверу перваго призыва должно продолжаться четыре года, къ ландверу втораго призыва—пять лѣтъ; съ истеченіемъ 36-ти лѣтняго возраста повинный въ службѣ отчисляется и отъ этого послѣдняго. § 5 опредѣлялъ, что отнынѣ ландверъ можетъ быть призываемъ для укрѣпленія постоянной арміи лишь въ весьма серьезныхъ, грозящихъ отечеству опасностью случаяхъ, но что постановленія закона 3-го сентября 1814 г. касательно ландвера остаются въ силѣ (то-есть правительство могло, не взирая на поддержаніе постоянной арміи, призвать ландверъ въ случаѣ войны). Въ комиссіи происходили весьма обстоятельныя совѣщанія касательно законопроекта, при которыхъ присутствовали также военный министръ и нѣсколько комиссаровъ правительства. Съ самаго начала опредѣлилось разногласіе между правительствомъ и палатой депутатовъ на пяти пунктахъ: 1) Наличный составъ постоянного войска доходилъ въ эпоху изданія конституціи до 131,000 человѣкъ, въ 1858 г. до 151,000 человѣкъ, а послѣ реорганизаціи до 212,000. 2) Число кадровъ было прежде: 120 баталіоновъ пѣхоты, 132 эскадрона кавалеріи, теперь: 243 баталіона и 200 эскадроновъ. 3) Ландверъ перваго призыва имѣлъ прежде такой же наличный составъ, какъ и постоянная армія въ соответствующихъ кадрахъ; теперь же, послѣ реорганизаціи на 243 баталіона постоянного войска приходится 117 баталіоновъ ландвера. 4) Увеличенный съ 5-ти на 7 лѣтъ срокъ службы въ постоянной арміи. 5) Трехгодичный срокъ службы подъ знаменами. Военный министръ мотивировалъ точку зрѣнія правительства. При остромъ характерѣ войнъ новѣйшаго времени, говорилось въ немъ, всего важнѣе обезпечить себя отъ наступательныхъ дѣйствій сосѣда, посредствомъ вполнѣ готоваго къ войнѣ и значительнаго войска, и какъ общее правило, первые удары бываютъ самыми рѣшительными. Поэтому надо стремиться къ тому, чтобы уже въ первой стадіи войны быть равнымъ по силамъ своему сосѣду и при этомъ обезпечить себя организаціей собственнаго войска, не рассчитывая на контингентъ мелкихъ германскихъ государствъ. Благодаря реорганизаціи, Пруссія получаетъ возможность не бояться никого изъ своихъ сосѣдей. Такая увѣренность была невозможной при старинномъ устройствѣ арміи. Совсѣмъ тѣмъ, военному министру не удалось убѣдить комиссію. Нельзя было столковаться на

счетъ постоянного состава мирнаго контингента арміи. Комиссія считала, что 200,000 слишкомъ много, и что вполне достаточно 180,000, хотя 200,000 составляли всего 10% съ тысячи населенія, — отношеніе, далеко превышаемое во Франціи, въ Австріи, въ Россіи и въ Италіи.

Комиссія между тѣмъ была неумолима и единодушно отвергла проектъ. Засѣданіе *in plenum* привело къ тому же результату. Снова созванъ былъ ландтагъ въ январѣ 1866 года, но снова распущенъ уже 23-го (11-го) февраля.

Короткое засѣданіе прошло бурнѣе, чѣмъ когда-либо, и правительство, во избѣжаніе непріятныхъ для него рѣшеній, совѣмъ неожиданно возвѣстило закрытіе ландтага. Хотя въ тронной рѣчи и говорилось, что отношенія Пруссіи къ иностраннымъ державамъ весьма дружественны, но на дѣлѣ напряженныя отношенія между Пруссіей и Австріей росли съ каждымъ днемъ и война казалась неизбежною. Положеніе дѣлъ было далеко не спокойное, и въ то время проявились первые симптомы *національнаго* настроенія, ибо до тѣхъ поръ оппозиція въ парламентѣ и въ странѣ хлопотала только о торжествѣ своихъ принциповъ, не заботясь о томъ, что изъ этого выйдетъ. *Fiat justitia, pereat mundus!* Что станетъ съ прусскимъ государствомъ—это было безразлично для честныхъ, но близорукихъ политиковъ, лишь бы они одержали верхъ, въ томъ ли отношеніи, что правительство нашлось бы вынужденнымъ отказаться отъ военнаго закона, или открыто нарушить конституцію, чего до сихъ поръ, къ счастью, оно избѣгало.

Теперь впервые зародилась мысль, что существуютъ еще высшія цѣли, чѣмъ конституціонныя, спорныя вопросы, и что духъ партій долженъ смолкнуть, когда дѣло коснется существованія государства. Во Франкфуртѣ должно было состояться собраніе депутатовъ со всей Германіи, имѣвшее цѣлью высказать нравственное осужденіе прусскому правительству. Тогда-то Твестень, который велъ ожесточеннѣйшую борьбу съ этимъ правительствомъ, которое дѣйствительно злобно преслѣдовало его, какъ никого другого, выказалъ настолько національнаго сознанія, что отвѣчалъ отказомъ на приглашеніе присутствовать въ этомъ собраніи, говоря, что онъ интересуется не одними только правами народа, но и могуществомъ Пруссіи, и что онъ не желаетъ участвовать въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя направлены противъ Пруссіи, такъ какъ эта послѣдняя единственная держава въ Германіи, которая можетъ что-либо сдѣлать для Германіи. Шлезвигцы, выступавшіе постоянно въ первыхъ рядахъ оппозиціи, прислали адресъ королю, въ которомъ удостовѣрили его, что охотно принесутъ всѣ жертвы, какихъ только потребуетъ отъ нихъ война,

въ случаѣ если она окажется неизбѣжной. Баснословный успѣхъ той семидневной войны измѣнилъ затѣмъ совершенно общественное настроеніе. Пруссія, не задолго до заключенія мира, могла опасаться, что Франція также вмѣшается въ дѣло, и выставила 640,000 чело-вѣкъ въ поле: было бы настоящимъ безуміемъ продолжать бороться противъ реорганизации, давшей такіе блистательные результаты; партія кромѣ того измѣнила свой характеръ, вслѣдствіе образованія національно-либеральной партіи и распада прогрессивной партіи при первыхъ же выборахъ, которые послѣдовали за кампаніей 1866 года.

5 августа (24 іюля)—по окончаніи войны—открылся прусскій ландтагъ. Тронная рѣчь короля возвышала объ образованіи новаго союза, о созваніи общаго народнаго представительства сѣверо-германскихъ союзныхъ государствъ (на сѣверъ отъ Майна) и требовала вознагражденія за безбюджетное управленіе, существовавшее доселѣ, дабы происшедшее столкновеніе могло вполне уладиться, что—какъ говорилось въ тронной рѣчи—тѣмъ необходимѣе, „что политическое положеніе отечества дозволить расширеніе границъ и образованіи однородной союзной арміи, подъ прусскимъ главенствомъ; расходы же по этой арміи будутъ равномѣрно распредѣлены между всѣми членами союза“.

Уже днемъ раньше Пруссія сдѣлала запросъ всѣмъ сѣверо-германскимъ государствамъ о заключеніи союзнаго договора и представила проектъ такового, который былъ одобренъ всѣми, за исключеніемъ Мейнингена и Рейсса, старшей линіи. Тѣмъ временемъ прусскій ландтагъ занялся своей задачей съ патріотическимъ одушевленіемъ. Требуемое министромъ вознагражденіе за безбюджетное управленіе было вотиrowано большинствомъ 230 противъ 75 голосовъ. Требуемый правительствомъ кредитъ въ 60 милліоновъ для пополненія государственной казны и для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, вотиrowается такимъ же большинствомъ голосовъ. Настроеніе было самое благопріятное, и хотя прогрессивная партія все еще ворчала, но за то страна была чрезвычайно довольна, что бесплодная борьба, наконецъ, окончилась. На текущій годъ (1866) правительство не представило никакого бюджета, такъ какъ расходы уже были по большей части сдѣланы, но потребовало просто-на-просто кредита на 154 милліона, сумму, которая покрывала почти всѣ расходы. За то оно своевременно представило бюджетъ на 1867 г., въ который, разумѣется, были внесены и военные издержки. Борьба могла снова разгорѣться. Дѣйствительно, большинство снова стало ненадежно, всякаго рода неожиданныя соображенія начинали возникать, и еслибы разъ умы разгорячились, то нельзя было бы ни за что ручаться. Нѣсколько обстоятельствъ содѣйствовали устраненію

этой опасности. При открытіи сессіи, палатѣ депутатовъ было конфиденціально сообщено, что король приметъ избраніе Грабова, съ именемъ котораго соединялось воспоминаніе о самыхъ непріятныхъ сценахъ, за вызовъ, исключавшій мысль о примиреніи. Вслѣдствіе этого Грабовъ объявилъ рѣшительно, что не приметъ избранія, и палата избрала фонъ-Форкенбека, безстрастнаго и весьма умнаго и ловкаго человѣка, который умѣлъ благополучно обходить всякіе подводные камни. Къ этому присоединялось политическое положеніе, которое дѣлало яснымъ для всякаго, что Пруссіи придется еще бороться для того, чтобы обезпечить результаты послѣдней войны. Но пуще всего выяснилось, что при ожидаемомъ основаніи Сѣверо-Германскаго Союза управленіе военными дѣлами должно перейти въ руки этого послѣдняго и что, слѣдовательно, и военный бюджетъ долженъ будетъ обсуждаться представителями Союза. Прогрессивная партія желала назначить валовую сумму, то-есть вообще отпустить кредитъ, но министерство объявило, что не желаетъ ничего временнаго, а требуетъ настоящаго бюджета, и хотя большинство вычеркнуло при второмъ чтеніи многія статьи бюджета (напр., фондъ, опредѣленный для секретныхъ цѣлей министерства внутреннихъ дѣлъ), которыя правительство считало совершенно необходимыми, но послѣднее объявило при третьемъ чтеніи, что готово принять бюджетъ, если не будетъ сдѣлано никакихъ перемѣнъ въ заключеніяхъ, установленныхъ при второмъ чтеніи. Такъ и случилось, и впервые, со времени послѣднихъ пяти лѣтъ, выработанъ былъ правильный государственный бюджетъ; мало того: впервые, со времени введенія конституціи, онъ своевременно былъ выработанъ въ началѣ того года, на который предназначался.

Но палатѣ депутатовъ пришлось въ послѣдній разъ заниматься военнымъ вопросомъ. 12 февраля 1867 г. избранъ былъ, на основаніи всеобщей, равномѣрной подачи голосовъ, первый парламентъ Сѣверо-Германскаго Союза, 24 февраля онъ собрался и уже къ 17 (5) апрѣля окончилъ свою задачу и могъ разойтись. Конституція Сѣверо-Германскаго Союза была принята рейхстагомъ и правительствами.

Въ союзную конституцію, во II-й отдѣлъ, касающійся союзнаго военнаго дѣла, вошли принципы прусской военной организаціи, которые вызывали такую жестокую распря.

Мы находимъ въ ней:

Стат. 57. Каждый сѣверо-германецъ повиненъ военной службѣ и не можетъ поставить взамѣнъ себя кого другого...

Стат. 59. Каждый сѣверо-германецъ, годный для военной службы, причисляется въ теченіе 7 лѣтъ,—по достиженіи 20-ти-лѣтняго воз-

раста и до 28 лѣтъ—къ постоянной арміи—причемъ въ первые годы находится подъ знаменами, въ послѣдніе 4 года въ резервѣ—а въ теченіе 5-ти слѣдующихъ лѣтъ состоитъ при ландверѣ...

Стат. 60. Нормой наличнаго состава союзной арміи въ мирное время, до 31 декабря 1871 г. принимается одинъ процентъ съ населенія и *pro rata* его доставляется отдѣльными союзными государствами. Въ позднѣйшее время наличный составъ арміи въ мирное время будетъ устанавливаться путемъ союзаго законодательства.

Стат. 61. По обнародованіи этой конституціи во всей союзной области вводится прусское военное законодательство... По введеніи союзной военной организаціи союзное президентство внесетъ въ рейхстагъ и въ союзный совѣтъ для обсужденія, согласно конституціи, обстоятельный союзный военный законъ.

Стат. 62. На покрытіе издержекъ союзной арміи и связанныхъ съ нею учрежденій, до 31-го декабря 1871 г. въ распоряженіе союзнаго главнокомандующаго отпускается ежегодно по 225 талеровъ на человѣка, принимая въ расчетъ наличный составъ арміи въ мирное время, какъ онъ опредѣляется статьей 60-й.

Вотъ опредѣленія союзной конституціи по военному дѣлу, и онѣ вошли безъ измѣненія въ имперскую конституцію. Важное заключительное постановленіе статьи 61-й не находилось въ проектѣ, предложенномъ правительствомъ, но было внесено въ него вслѣдствіе принятія поправки Форкенбека. Въ немъ слѣдуетъ признать настоящую причину теперешняго проекта имперскаго военного закона. Назначеніе валовой суммы въ 225 талеровъ на человѣка съ самаго начала признавалось средствомъ устранить опасность столкновенія въ младенческіе годы германскаго союза. Съ этой суммой военному министру предоставлялось дѣлать то, что ему угодно. Въ 1871 г. долженъ былъ собственно прекратиться временный порядокъ, но правительство и рейхстагъ (ибо сѣверо-германскій союзъ уже въ ту эпоху разросся въ германскую имперію) порѣшили продлить его до конца 1874 г., хотя военный министръ зналъ, что ему собственно не справиться съ валовой суммой, такъ какъ всѣ цѣны необыкновенно поднялись. Но вслѣдствіе войны можно было отнести на счетъ реорганизаціи арміи многое такое, что собственно принадлежитъ къ текущимъ расходамъ по военному управленію. Въ этотъ промежутокъ введены въ Германіи прусскій военный законъ и кромѣ того цѣлый рядъ специальныхъ законовъ, такъ напр. законъ о воинской повинности 9-го ноября 1867 г., почти тождественный съ тѣмъ, который былъ предложенъ въ эпоху кризиса прусскому ландтагу. Слѣдовательно много вопросовъ уже улажено законнымъ порядкомъ.

Главный пунктъ имперскаго военнаго закона заключается теперь въ опредѣленіи наличнаго состава войска въ мирное время.

За исключеніемъ социалистической партіи, никто почти въ парламентѣ не считаетъ возможнымъ заимствовать англійскіе порядки по этому пункту. Существованіе арміи не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ голосованія парламента. Но съ другой стороны конституціонное развитіе невозможно, если парламентъ лишенъ всякаго вліянія на бюджетъ. Умѣренные либералы обуславливаютъ это вліяніе слѣдующимъ образомъ: извѣстный *minimum* расходовъ остается неприкосновеннымъ, но затѣмъ согласіе рейхстага необходимо какъ для опредѣленія численности мирнаго состава арміи, такъ и относительно срока службы подъ знаменами. Вышеупомянутый законъ 3-го сентября 1814 г. весьма мудро постановилъ, что наличный составъ арміи въ мирное время находится въ каждую данную минуту въ зависимости отъ существующихъ государственныхъ отношеній. О томъ же, каковы эти отношенія, рѣшаетъ король. Если положеніе дѣлъ совсѣмъ мирное, то и мирный составъ арміи можетъ быть уменьшенъ. Если финансы плохи, то является двойное основаніе сдѣлать это. Такая же идея лежитъ въ назначеніи процентнаго отношенія къ населенію, но населеніе растетъ, и черезъ нѣкоторое время армія или увеличивается сама собой, или приходится уменьшать процентъ.

Новый военный законъ, внесенный въ рейхстагъ въ маѣ мѣсяцѣ, весьма мало соотвѣтствуетъ однако этимъ конституціоннымъ требованіямъ. Онъ *устанавливаетъ* въ первыхъ параграфахъ перваго отдѣла, трактующаго объ организаціи имперской арміи, численный составъ арміи въ мирное время, въ размѣрѣ 401,659 человекъ (по народной переписи 1867 г. что составляетъ 1% со всего населенія Германіи), и это „до изданія другихъ законныхъ постановленій“. Численный составъ арміи мирнаго времени — такъ гласятъ мотивы, сопровождающіе проектъ — находится въ такой тѣсной связи съ общей организаціей арміи, что такъ же невозможно регулировать закономъ первое, какъ и прочно установить второе. Непостоянный, изъ году въ годъ мѣняющійся наличный составъ арміи мирнаго времени можетъ быть цѣлесообразенъ въ такихъ государствахъ, въ которыхъ удерживается большая часть военныхъ силъ и въ мирное время, но онъ несовмѣстимъ съ кадровой системой, при которой каждое измѣненіе численнаго состава арміи мирнаго времени отзывается на временахъ, политическаго состоянія которыхъ невозможно предвидѣть. Сокращеніе наличнаго состава арміи мирнаго времени на 5000 произвело бы въ теченіи 12-ти лѣтъ сокращеніе военнаго наличнаго состава слишкомъ на 20,000. Сосѣднія съ Германіей государства на-

считываютъ 157 милліоновъ душъ европейскаго населенія; кромѣ того страна ихъ пользуется обширнымъ морскимъ берегомъ. Наличный составъ прусской арміи мирнаго времени составлялъ въ 1816 г. $1\frac{1}{4}\%$ населенія, въ 1861 г. $1,065\%$; въ 1867 г. 1% ; теперь же всего только $0,978\%$, и это процентное отношеніе будетъ все уменьшаться, пока наличный составъ мирнаго времени будетъ оставаться неизмѣннымъ. Офицеры и годовые волонтеры (число послѣднихъ доходить отъ 3500 до 4000) въ наличномъ составѣ мирнаго времени не принимаются въ расчетъ.

Въ слѣдующихъ параграфахъ законопроекта регулируются кадры для различнаго рода оружія и закладывается фундаментъ для общаго расчлененія имперской арміи. Въ законопроектѣ постановляется, что пѣхота формируется въ 469 баталіоновъ, кавалерія въ 465 эскадроновъ, пѣшая артиллерія въ 29 баталіоновъ, піонеры и обозъ въ 18 баталіоновъ, и всякое измѣненіе ставится въ прямую зависимость отъ согласія рейхстага. Весьма важнымъ нововведеніемъ является усиленіе наличнаго состава офицеровъ, почти на 1700 человекъ, что при существующемъ отношеніи составляетъ $40-45\%$. Эта перемена признается необходимой и мотивируется большимъ урономъ, который несетъ офицерскій корпусъ при новѣйшемъ веденіи войны.

§§ 3—5 постановляютъ распредѣленіе арміи на армейскіе корпуса, дивизіи, бригады и т. д.; затѣмъ, число офицеровъ и отношенія офицерскихъ ранговъ. Другіе отдѣлы содержатъ правила, касательно набора, юрисдикціи которой подчинены принадлежащія къ арміи и т. д. Всѣ эти правила соотвѣтствуютъ нынѣ дѣйствующимъ законамъ. Политическій споръ, въ случаѣ, если онъ разгорится, будетъ возбужденъ первыми параграфами и установленіемъ наличнаго состава арміи мирнаго времени.

Въ концѣ мая правительство внесло законопроектъ, послѣ того, какъ онъ былъ одобренъ союзнымъ совѣтомъ, въ рейхстагъ, но послѣдній не имѣлъ никакой охоты имъ заниматься. Со дня на день тицетно ожидали, что президентъ внесетъ законопроектъ въ очередной списокъ для перваго чтенія, послѣ котораго собраніе должно рѣшить, передать ли оно его комиссіи или же рѣшить обсудить при вторичномъ чтеніи *in plenum*, но президентъ этого не дѣлалъ. Тѣмъ временемъ законопроектъ служилъ предметомъ оживленныхъ преній въ правительственныхъ кружкахъ, и вскорѣ установилось мнѣніе, что совершенно невозможно, чтобы проектъ уже въ настоящую сессію допущенъ былъ къ обсужденію, такъ какъ не было ни малѣйшей надежды на то, чтобы его вотировали прямо, безъ всякихъ разсужденій. Даже тѣ изъ депутатовъ, которые въ принципѣ вполнѣ одобряли законъ, считали совершенно необходимымъ основательное

обсужденіе его, а для такового парламентская сессія уже не представляла достаточнаго простора, ряды рейхстага пустѣли съ каждымъ днемъ, и центръ и прогрессивная партія, бывшіе въ принципѣ врагами закона, грозили въ случаѣ преній сдѣлать рѣшеніе рейхстага недействительнымъ.

Многіе проникательные наблюдатели, слѣдящіе за политическимъ положеніемъ, ставили правительству въ упрекъ то, что оно не настаивало болѣе энергично на томъ, чтобы законъ былъ подвергнутъ обсужденію. Они говорили, что врядъ ли снова состоится собраніе, столь симпатично настроенное въ пользу военнаго дѣла, какъ настоящій рейхстагъ, избранный непосредственно подъ впечатлѣніемъ великихъ событій послѣдней войны. Кромѣ того, враги Бисмарка должны были непосредственно воспользоваться совѣмъ непонятной, по крайней мѣрѣ для непосвященныхъ, отсрочкой преній, чтобы обвинить его передъ королемъ въ томъ, что законъ не былъ допущенъ до обсужденія, и было даже обнародовано письмо, которое графъ Роонъ, въ качествѣ предсѣдательствующаго въ комитетѣ союзнаго совѣта по арміи и флоту, адресовалъ канцлеру князю Бисмарку и въ которомъ онъ проситъ послѣдняго употребить свое вліяніе съ тѣмъ, чтобы рейхстагъ не оставлялъ безъ обсужденія закона, обезпечивающаго военную силу и политическую самостоятельность Германіи и мирное, органическое развитіе ея внутреннихъ отношеній. Письмо, конечно, было напечатано съ согласія графа Роона и подтверждало носившіеся слухи о рѣзкой размолвкѣ, существующей между Бисмаркомъ и двумя вождями прусскаго министерства: Роономъ и Эйленбургомъ. По всей вѣроятности, невѣроятно-бурная сцена, вызванная княземъ Бисмаркомъ въ засѣданіи рейхстага отъ ¹⁶/₄ іюня, не имѣла иной цѣли, кромѣ какъ очистить его въ глазахъ двора отъ подозрѣнія въ черезъ-чуръ жаркихъ симпатіяхъ къ парламентаризму. Президентъ Симсонъ внесъ въ вышеупомянутое засѣданіе законъ о печати въ очередной списокъ. Дѣло было вотъ какъ, если резюмировать его въ краткихъ словахъ: уже въ началѣ сессіи гг. Виндгорстъ (изъ Берлина) и Виндгорстъ (изъ Менпена), первый членъ прогрессивной, второй—клерикальной партіи, внесли въ высшей степени либеральные законопроекты о печати. Первый весьма обстоятельно обсуждался въ комиссіи и имѣлъ всѣ шансы быть принятымъ. Князь Бисмаркъ, какъ извѣстно, не изъ поклонниковъ свободы печати; всего же менѣе желалъ бы онъ въ настоящую минуту лишиться репрессивнаго средства, которое даетъ ему прусскій законъ о печати, такъ какъ онъ опасается, что одни только ультрамонтаны и воспользуются имъ для того, чтобы извлечь всѣ выгоды изъ предстоящихъ выборовъ. Самыми важными пунктами для печати является

отмѣна залоговъ и предварительной конфискаціи. Какая-нибудь ежедневная газета, издающаяся въ незначительномъ городѣ, должна вносить по меньшей мѣрѣ 1000 талеровъ залога, между тѣмъ какъ большая, ежедневная газета, издающаяся въ Берлинѣ, вносить всего 5000 талеровъ залога. Для большой газеты это сущіе пустяки, но для маленькой газетки 1000 талеровъ — большіе деньги. Отмѣните залоговѣ, и въ каждомъ ничтожнѣйшемъ городишкѣ можете издавать капелланъ газету; бумага и печать стоятъ недорого, а гонорара онъ платить не будетъ. Такимъ образомъ, католическія области могутъ быть наводнены ультрамонтанской печатью и, — говорю это съ опасностью прослыть въ вашихъ глазахъ за архиреакціонера — долженъ сознаться, что такая свобода печати мнѣ не по вкусу, ибо, какъ скоро ультрамонтаны *посредствомъ* свободы достигнутъ господства, такъ немедленно примутся огнемъ и мечомъ подавлять свободу, и осмѣютъ тѣхъ, кто помогъ одержать побѣду. Всѣмъ, конечно, извѣстенъ *Syllabus*, который почитается за непреложный законъ каждымъ изъ ультрамонтановъ. Вы можете, конечно, возразить мнѣ, что свободномыслящіе люди могутъ основать такое же множество маленькихъ газетъ и что могущество свободы и истины одержитъ верхъ! Но тотъ, кто живетъ не въ сферахъ идеальной жизни, а вращается въ жизни практической, тотъ знаетъ, что это невозможно, потому что либералы дѣйствуютъ въ одиночку, между тѣмъ какъ ультрамонтаны опираются на самую могущественную организацію, какая когда-либо существовала, и каждый капелланъ сознаетъ себя членомъ *ecclesia militans*. Прибавьте къ тому, что эти люди воодушевлены фанатизмомъ! Я не стану утверждать, чтобы они охотно записывались въ мученики, но пока борьба обходится безъ кровопролитія и пока ихъ проклятiя и отлученiя отъ церкви производятъ свое дѣйствіе, до тѣхъ поръ они дѣйствуютъ съ натискомъ, достойнымъ какихъ-нибудь гусаровъ.

Однако мое мнѣніе тутъ ни при чемъ; я говорю про Бисмарка, которому законъ о печати былъ непріятенъ и который охотно бы устранилъ принятіе его. Неразборчивый на средства, лишь бы они приводили его къ цѣли, онъ — если позволено мнѣ будетъ выразиться вульгарно — подставилъ ножку докладчикамъ. Онъ объявилъ, что въ прусскомъ министерствѣ уже вырабатывается законъ о печати, который затѣмъ поступитъ въ союзный совѣтъ и еще въ нынѣшнюю сессію будетъ внесенъ въ рейхстагъ. Тогда будетъ легче столбоваться. Собраніе пошло на удочку и отсрочило пренія. Прошло еще нѣсколько времени, прежде чѣмъ законъ о печати, на который указывалъ опять Бисмаркъ, сталъ извѣстенъ, и ваши читатели знаютъ изъ иностранной хроники послѣдней книжки „Вѣст. Европы“, какое

впечатлѣніе произвелъ здѣсь этотъ проектъ. Я до сихъ поръ остаюсь при убѣжденіи, что онъ задуманъ совсѣмъ не въ серіозъ, а просто въ видѣ военной хитрости. Но прежде чѣмъ дѣло дошло до обсуждения въ конституціонныхъ бесѣдахъ, между президентомъ рейхстага, вліятельными членами рейхстага и президентомъ имперской канцеляріи, Дельбрюкомъ, условлено было, что собраніе отсрочить обсужденіе закона о печати, закона о гражданскомъ бракѣ, а правительство за то отложить пренія по военному закону, такъ какъ невозможно успѣть выработать всего этого. Бисмаркъ довель до свѣдѣнія императора объ этихъ конституціонныхъ переговорахъ и послѣдній изъявилъ свое согласіе, хотя и не охотно пожертвовалъ военнымъ закономъ въ теченіи настоящей сессіи. Но тутъ возникло злополучное недоразумѣніе. Рейхстагъ все еще не могъ разойтись, потому что экономическій бюджетъ не былъ выработанъ окончательно и кромѣ того оставалось провести нѣсколько мелкихъ, но крайне необходимыхъ законовъ. Довѣренные лица поняли вышеупомянутое соглашеніе такъ, что рейхстагъ отсрочить обсужденіе вышеназванныхъ законовъ въ томъ случаѣ, если будетъ имѣть постоянно матеріалъ для занятій, но что въ противномъ случаѣ рейхстагъ можетъ поступить такъ, какъ ему угодно. Подобный случай и произошелъ; Симсонъ внесъ въ очередной списокъ законъ о печати, но Бисмаркъ принялъ это за нарушеніе договора, о которомъ онъ сообщилъ императору и вслѣдствіе этого пришелъ въ вышеописанное настроеніе. Рейхстагъ снова далъ канцлеру доказательство своего миролюбія, и законъ о печати былъ вычеркнутъ изъ очередного списка, но правительство успѣшило закрыть рейхстагъ, прежде чѣмъ даже выяснилось, что оно намѣрено дѣлать съ военнымъ закономъ. Какъ извѣстно, избирательный (трехгодичный) періодъ настоящаго рейхстага истекаетъ будущей весной. Слѣдовательно, если правительство все еще желаетъ предложить ему на обсужденіе военный законъ, то должно созвать его осенью, чего большинство его членовъ вовсе не желаетъ. Къ этому присоединяется еще и то, что уже осенью должны начаться выборы въ пользу депутатовъ и что страна, слѣдовательно, не обойдется безъ политической смуты.

Рѣшеніе правительства будетъ зависѣть оттого: найдетъ ли оно шансы для военнаго закона болѣе вѣрными при настоящемъ или при будущемъ рейхстагѣ, причемъ можетъ играть роль слѣдующее соображеніе: теперешній рейхстагъ во вниманіе къ мнѣнію избирателей можетъ начать дѣйствовать съ болѣею осмотрительностью, чѣмъ будущій. Извѣстный фактъ, что члены собранія, находящагося уже у предѣла своего поприща и которымъ, слѣдовательно, предстоитъ въ непродолжительномъ времени предстать передъ судомъ

своихъ избирателей, больше дорожатъ своей популярностью, чѣмъ въ началѣ своей дѣятельности. Кромѣ того составъ будущаго рейхстага можетъ быть болѣе или менѣе благопріятенъ, чѣмъ составъ настоящаго. Это дѣло гадательное. Правительство повидимому думаетъ, что на его сторонѣ окажется болѣе значительное большинство, такъ какъ страна вообще весьма спокойна и довольна. Ультрамонтаны, конечно, приобретутъ извѣстное число голосовъ, но даже въ соединеніи съ прогрессивной партіей и партикуляристами, имъ далеко еще до большинства. До сихъ поръ правительство еще не приняло никакого рѣшенія, но приметь его въ сентябрѣ, когда вообще политическая жизнь оживляется.

Въ настоящую минуту Берлинъ совсѣмъ замеръ, и политическая жизнь угасла совершенно. Единственное министерство, въ которомъ еще замѣчается нѣкоторая дѣятельность—это министерство народнаго просвѣщенія, въ которомъ принимаются мѣры необходимыя для приведенія церковныхъ законовъ въ исполненіе. Назначеніе школьных инспекторовъ изъ неультрамонтанскаго лагеря идетъ повсемѣстно своей чередой, и духовныя заведенія, которыя не подчиняются требованіямъ закона, не признаются государствомъ. Доселѣ все дѣло еще смахиваетъ на шутку, но оно должно имѣть самыя серьезныя послѣдствія. Если, напримѣръ, ректоръ духовной семинаріи откажется подчиниться школьной программѣ или назначенному отъ государства школьному ревизору, то семинарія утрачиваетъ право образовывать духовныхъ лицъ, которыя бы признавались государствомъ и вслѣдствіе этого, напримѣръ, семинаристы не будутъ уже, какъ прежде, освобождены отъ воинской повинности. Разумѣется, и содержаніе непокорнымъ ректорамъ и духовнымъ лицамъ будетъ прекращено, и съ теченіемъ времени этотъ дефицитъ станетъ ощутителенъ. Ультрамонтаны все еще продолжаютъ надѣяться на побѣду и выказываютъ даже высокомеріе. Всего рельефнѣе доказали они это недавно въ Силезіи. Высшее дворянство этой провинціи по болѣе части католическаго вѣроисповѣданія и тѣ изъ его членовъ, которые принадлежатъ къ мальтійскому ордену (который, какъ извѣстно, требуетъ пространнаго и безупречнаго родословнаго древа), составили, равно какъ и мальтійскіе кавалеры вестфальской провинціи, общество, во главѣ котораго стоитъ герцогъ Ратиборскій. Большинство членовъ этого общества ультрамонтаны, герцогъ же Ратиборскій и нѣкоторые изъ его друзей — нѣтъ. Эти послѣдніе скорѣе принадлежатъ къ такъ-называемымъ вѣрнымъ имперіи католикамъ, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ старо-католиками. Послѣдніе, со времени обнародованія догмата о непогрѣшимости, котораго они не признаютъ, отдѣлились отъ римской церкви; напротивъ того, первые обя-

ляютъ, что дѣло совѣсти каждаго человѣка: вѣрить ли онъ въ догматъ непогрѣшимости или нѣтъ, но что они требуютъ только, чтобы каждый подчинялся власти государственныхъ законовъ. Вотъ звено, соединяющее ихъ, и вы, какъ и я, найдете невѣроятнымъ, что такое повиновеніе законамъ представляется ультрамонтанамъ преступленіемъ.

Герцогъ Ратиборскій составилъ адрессъ къ императору, въ которомъ онъ и его единомышленники объявляютъ, что выходя изъ того убѣжденія, что дѣли императорскаго правительства „не направлены, ни противъ свободы совѣсти католиковъ, ни ихъ равноправности въ государствѣ, ни религіозной жизни церкви въ странѣ, крѣпко стоятъ за имперію и за правительство“, и признаютъ за государствомъ право провести демаркаціонную линію между областью государственной и церковной.

Чтобы наказать герцога Ратиборскаго за этотъ адрессъ, ультрамонтаны не выбрали ни его друзей, ни его самого въ силезское общество, изъ котораго они теперь и вышли. Дѣло это, понятнымъ образомъ, возбуждаетъ много шума, потому что нельзя ничего представить себѣ чудовищнѣе того, когда одна какая-нибудь партія отвергаетъ законы, выработанные совершенно легальнымъ и конституціоннымъ путемъ. Палата депутатовъ и палата господъ самымъ тщательнымъ образомъ обсуждали законы, смягчили во многихъ пунктахъ проекты, предложенные правительствомъ, множество католиковъ въ обѣихъ палатахъ вотивовали за законы, но епископамъ нѣтъ ни до чего этого дѣла! Они отвергаютъ эти законы и становятся въ явную оппозицію власти.

Но событіе въ Бреславлѣ имѣетъ однако ту выгоду, что компрометируетъ положеніе ультрамонтановъ при дворѣ, гдѣ они пользовались значительнымъ вліяніемъ, которое часто парализовало усилія Бисмарка, причемъ они весьма ловко умѣли носить личину вѣрноподданности и увѣрять, что они стремятся установить миръ между церковью и государствомъ, между тѣмъ какъ въ сущности стремились только къ господству.

Что касается наступающихъ выборовъ, то до сихъ поръ лишь незначительное число депутатовъ посѣтило своихъ избирателей и представило имъ отчетъ въ своей дѣятельности. Тамъ-и-сямъ сходились избиратели для переговоровъ, но до сихъ поръ очень трудно составить себѣ вѣрное понятіе о господствующемъ настроеніи, тѣмъ болѣе, что недостаетъ популярнаго лозунга. Всѣхъ дѣятельнѣе, хотя и исподтишка, ультрамонтаны, и недавно еще опасались какъ бы они не приобрѣли 40 или 50 голосовъ. Но теперь утверждаютъ, что шансы ихъ ослабли, такъ какъ народъ утратилъ враждебнаго отношенія

духовенства къ правительству, ибо, хотя я и не стану утверждать, чтобы верхе-силезскій департаментъ вполне ясно сознавалъ то, что происходитъ вокругъ него, но онъ чувствуетъ извѣстнаго рода почтеніе къ королю, быть можетъ даже не меньшее почтеніе, чѣмъ къ своему деревенскому священнику, и когда этотъ послѣдній постоянно толкуетъ о правительствѣ, какъ о безбожномъ и жестокомъ гонителѣ католицизма, а на дѣлѣ, между тѣмъ, этихъ гоненій вовсе не видно, то не мудрено, что крестьянинъ перестаетъ, наконецъ, въ это вѣрить.

Не менѣе дѣятельны также и социалисты-демократы, но они имѣютъ нѣкоторые шансы лишь въ немногихъ избирательныхъ округахъ, гдѣ существуетъ значительное фабричное населеніе, какъ, напр., въ Саксоніи. Національно-либеральная партія дѣлится на правое и лѣвое крыло. Съ послѣднимъ прогрессивная партія охотно заключила бы союзъ, если бы только правое крыло было вытѣснено изъ либеральнаго эдема въ пустыню, гдѣ царить консервативный стонъ и скрежетъ зубовъ. Но національно-либералы лѣваго фланга благодарятъ за отличіе и предпочитаютъ держаться старыхъ союзниковъ, такъ что всѣ партіи выступаютъ подъ старыми знаменами. Только строго-консервативная партія распалась на двѣ части, изъ которыхъ самая значительная, такъ-называемые ново-консерваторы, сдѣлались совсѣмъ правительственной партіей, между тѣмъ какъ крайняя правая живетъ въ открытой враждѣ съ правительствомъ, за то, что это послѣднее слишкомъ либерально. Правительство, надо полагать, не будетъ настолько добродушно, чтобы покровительствовать на выборахъ крайней правой, и вслѣдствіе этого она окончательно распадется, такъ какъ не имѣетъ никакой почвы въ странѣ и только тогда всплываетъ наверхъ, когда ее поддерживаетъ реакціонное правительство.

Но теперь еще преждевременно ломать себѣ надъ всѣмъ этимъ голову; черезъ два мѣсяца мы снова увидимся, и кто знаетъ, что до тѣхъ поръ можетъ случиться. Во всякомъ случаѣ, тогда разъяснятся многія стороны настоящаго положенія дѣлъ въ Германіи.

К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.

12 іюля, 1873.

Политическій кризисъ въ Италіи.

Въ послѣдніе четыре года въ Италіи не поднималось внутреннихъ политическихъ вопросовъ; министерство Селлы и Ланца, прозванное „министерствомъ посредственности“, царило скорѣе по закону инерціи, чѣмъ въ силу своихъ достоинствъ, которыя бы придавали ему власть и силу. Ни одно еще министерство, со времени провозглашенія итальянскаго королевства, не жило такъ долго; ни одно другое министерство не казалось такимъ неспособнымъ къ разрѣшенію всякихъ важныхъ вопросовъ. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы оно состояло все изъ людей совсѣмъ безталанныхъ. Селла, какъ финансистъ, Рикотти, какъ военный министръ, выказали замѣчательныя способности, а Висконти-Веноста заслужилъ славу осторожнаго дипломата. Объ остальныхъ членахъ министерства нельзя отозваться ни худо, ни хорошо. Но характеръ прошлаго министерства всего болѣе зависѣлъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и президента совѣта, доктора Джованни Ланца, человѣка здравомыслящаго, честнаго, въ мѣру энергичнаго, преданнаго королю и конституціи, но—съ умомъ ограниченнымъ. Онъ началъ свою карьеру съ медицины въ Виньяле, городѣ Пьемонта; въ 1848 г. былъ избранъ депутатомъ въ парламентъ и подружился съ Ратацци. Когда составилъ союзъ между Кавуромъ и Ратацци, докторъ Ланца игралъ въ парламентѣ въ нѣкоторомъ родѣ роль звена между обѣими партіями, пока, наконецъ, благодаря своимъ политическимъ заслугамъ, не очутился въ одинъ прекрасный день въ званіи министра народнаго просвѣщенія. Кавуръ не ходилъ далеко за своими министрами; для него было достаточно, если они были усердны; онъ поступалъ отчасти въ родѣ иныхъ первыхъ актеровъ, которые полагаютъ, что ихъ игра выкажется рельефнѣе, если всѣ остальные актеры, вмѣсто того, чтобы блеснуть самостоятельно, будутъ служить лишь фономъ для ихъ собственной игры.

Ланца былъ причисленъ къ свитѣ Кавура; это—честный малый, но онъ имѣлъ странное обыкновеніе писать слово *Italia* при помощи буквы *g*, т.-е. *Itaglia*, что казалось довольно безграмотнымъ для министра народнаго просвѣщенія; но Кавуръ не унывалъ; съ него

было достаточно, что Ланца, взамѣнъ грамотности, былъ хорошимъ администраторомъ, человѣкомъ смирнымъ, не гонявшимся за новизной: Кавуръ, въ дѣлѣ новизны, любилъ только ту, которую самъ вводилъ. Вслѣдствіе всего этого, Ланца, не взирая на свое умственное убожество, могъ оставаться министромъ народнаго просвѣщенія въ Пьемонтѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; можно почти сказать, что въ это время онъ научился искусству министерской долговѣчности. Никогда и ничѣмъ не рискуя, онъ никогда и не компрометировался. Такимъ образомъ, мы видѣли его лицомъ къ лицу съ вопросомъ о франко-германской войнѣ, съ вопросомъ о римской экспедиціи, съ вопросомъ о религіозныхъ корпораціяхъ. Онъ ни къ одному не подходилъ съ фронта. Въ вопросѣ о войнѣ сохранялъ нейтралитетъ, увѣряя, что желаетъ добра пруссакамъ, но не питаетъ зла и противъ французовъ, изъ чего вовсе еще не слѣдовало, чтобы хотя одинъ итальянскій солдатъ двинулся на помощь тѣмъ или другимъ. Въ вопросѣ объ освобожденіи Рима онъ мѣшкаялъ, елико возможно, ждалъ, чтобы удалились французы, чтобы демократическая партія пригрозила, будто она отправится въ Римъ провозглашать республику, прежде чѣмъ выйдетъ приказъ итальянской арміи вступить въ Римъ. Но вступить въ Римъ было одно дѣло, а перенести туда столицу—другое. Онъ прежде пожелалъ выслушать мнѣніе иностранныхъ державъ. Когда убѣдился, что ни одна держава не вмѣшается съ оружіемъ въ рукахъ въ наши дѣла, тогда перенесеніе столицы было рѣшено. Наступилъ вопросъ о гарантіяхъ для папы и о примѣненіи закона о религіозныхъ корпораціяхъ къ Риму, отсюда новыя сомнѣнія, новыя трѣвоги, новыя промедленія. Вопросъ не былъ рѣшонъ окончательно; вышло ни то, ни сѣ, и желая угодить всѣмъ, Ланца не угодилъ никому. Совсѣмъ тѣмъ, Ланца, благодаря своей уклончивой политикѣ, спасъ насъ отъ многихъ бѣдъ. Онъ творилъ на половину волю націи и на половину волю иностранныхъ державъ; такимъ образомъ, хотя и не удовлетворилъ никого, однако не далъ повода итальянскимъ демократамъ возставать противъ своей нерѣшительности, ни ультрамонтанамъ протестовать, съ оружіемъ въ рукахъ, противъ черезъ-чуръ рѣшительныхъ мѣръ. Поддерживая равновѣсіе, министерство Ланцы продлило свои дни, и тѣмъ временемъ нѣкоторые изъ его министровъ успѣли оказать добрыя услуги странѣ: Рикотти—реорганизовать на болѣе современную и научную ногу армію, Селла—стремясь возстановить равновѣсіе между нашимъ приходомъ и расходомъ. (Онъ надѣялся добиться этого черезъ пять лѣтъ). Къ несчастію, въ выборѣ средствъ Селла былъ не всегда счастливъ. Такъ, напримѣръ, онъ довелъ систему взиманія податей до инквизиторскихъ крайностей. Его ревностные

агенты свирѣствовали безъ милосердія и истомили страну своими мелочными, непрерывными придирками. Селла навлекъ на себя сильную общественную ненависть, которая нашла отголосокъ въ Римѣ и даже въ самомъ парламентѣ, въ средѣ наиболѣе умѣренныхъ депутатовъ, изъ которыхъ, напримѣръ, старый герцогъ ди-Сермонетъ перешелъ съ правой на лѣвую изъ ненависти къ Селлѣ и его чрезмѣрнымъ налогамъ. Военный министръ Рикотти реорганизовалъ армию по прусской системѣ, примѣнивъ ее къ своеобразнымъ потребностямъ Италіи, озаботился объ оборонѣ страны на случай нападенія и въ то же самое время ввелъ значительную *экономію*. Ланца, Селла, Рикотти, три ѣеомонта, представляли въ бывшемъ министерствѣ силу; управление въ ихъ рукахъ было обезпечено. Никто изъ нихъ не питался иллюзіями; никто не желалъ потрясеній и насильственныхъ реформъ. Они стремились мало-по-малу привести въ равновѣсіе государственные финансы, установить внутреннее спокойствіе, сдѣлать армию внушительной. Не было никакого основанія мѣнять министерство, если только не желали ввести болѣе энергичную, болѣе предпріимчивую, болѣе оживленную, болѣе демократическую политику. Одна только парламентская лѣвая, поставленная во главѣ управленія, могла бы начать въ Италіи новую политику, менѣе осторожную, быть можетъ, но болѣе характерную. А такъ какъ Ратацци со времени 1869 г. сталъ главой лѣвой, то всѣ предполагали, что съ паденіемъ министерства Ланца-Селла ему наслѣдуетъ министерство Ратацци. Предполагали и страшились! такъ какъ всякій разъ, какъ Ратацци становился во главѣ управленія и руководилъ преобладающей политической партіей въ Италіи, демократическая партія непременно совершала какую-нибудь крупную неосторожность. Главнымъ совѣтникомъ злосчастной экспедиціи противъ Австріи въ 1849 г., которая окончилась пораженіемъ при Новарѣ—былъ Ратацци. Когда Ратацци сдѣлался министромъ, при Кавурѣ, то Мадзини, черпавшій смѣлость въ демократическихъ принципахъ Ратацци, пытался произвести республиканское возстаніе въ Генуѣ, вслѣдствіе котораго Ратацци пришлось выйти изъ министерства; въ 1862 г. министерство Ратацци было потрясено гарибальдійскимъ крикомъ: Римъ, или смерть! который привелъ къ катастрофѣ при Аспромонтѣ; въ 1867 г., когда Ратацци снова вступилъ въ министерство, предпринята была римская экспедиція, окончившаяся катастрофой при Ментанѣ. Все это заставляло опасаться, какъ бы новое министерство Ратацци не привело къ рѣзкому столкновенію съ Ватиканомъ и новому французскому вооруженному вѣдѣтельству. Тѣмъ не менѣе, еслибы Ратацци оставался въ живыхъ, то его министерство, рано или поздно, должно было наслѣдовать министер-

ству Ланца, которое должно было пасть по трѣмъ причинамъ: 1) оно само чувствовало себя старымъ, дряхлымъ, отжившимъ; въ конституціонномъ государствѣ кабинетъ, существующій четыре года, успѣваетъ выдохнуться окончательно; 2) чрезмерность налоговъ, которыми Селла отяготилъ страну, создала въ парламентѣ сильную оппозицію противъ него, преимущественно на скамьяхъ лѣвой; 3) честолюбіе извѣстной части правой и нетерпѣніе, съ какимъ она стремится стать во главѣ управленія, заставили ее вступить въ оппозицію съ министерствомъ Ланца, хотя она и не могла привести въ оправданіе своего поведенія никакой серьезной причины. Правая въ итальянскомъ парламентѣ имѣетъ на своей сторонѣ большинство, но она распалась на двѣ фракціи; одна стояла за министерство, другая его низвергла безъ всякаго серьезнаго основанія. Мингетти стоялъ во главѣ диссидентовъ правой и при первой оказіи, изъ-за финансоваго закона, относительно котораго Селла былъ совершенно правъ, завязалъ битву съ министерствомъ. Мингетти очень хорошо зналъ, что однихъ голосовъ правой было недостаточно для того, чтобы низвергнуть министерство; онъ рассчитывалъ на сильную поддержку лѣвой и не ошибся. Съ помощью лѣвой Мингетти успѣлъ низвергнуть одряхлѣвшее министерство и получилъ отъ короля порученіе образовать новое. Онъ принялся за дѣло, и такъ какъ хорошо зналъ, что ему не обезпечить за собой побѣду безъ помощи лѣвой, а также и по непремѣнному желанію королю, обратился къ депутату Депретису, одному изъ семи пьемонтскихъ депутатовъ, которые постоянно были избираемы въ члены парламента, начиная съ 1848 г. и по настоящее время, и котораго, по смерти Ратацци, лѣвая признала своимъ главой. Депретисъ былъ министромъ финансовъ при Ратацци, морскимъ министромъ при Риказоли. Онъ не особенно даровитый человѣкъ, но пользуется славой хорошаго администратора. Характеръ у него нѣсколько слабый, но эта слабость не доходитъ до безчестности. Онъ не отличается инициативой, но уважается общественнымъ мнѣніемъ; придерживается либеральныхъ принциповъ и если не обладаетъ гениемъ, необходимымъ для того, чтобы руководить партіей, за то можетъ похвалиться такими качествами, которыя необходимы, чтобы умѣрять ее. Лѣвая насчитываетъ въ своей средѣ нѣсколькихъ патріотовъ и нѣсколькихъ фразеровъ, но мало истинныхъ ораторовъ, мало истинныхъ, на дѣлѣ доказанныхъ политическихъ и административныхъ талантовъ.

Если бы изъять изъ ея среды для управленія финансами депутатовъ Сеисмита Дода и де-Лука, для управленія юстиціей Манчини, для управленія народнымъ просвѣщеніемъ Конпино и Феррари, а по части общаго завѣдыванія конституціонной правительственной маши-

ной Депретиса, то немногіе изъ остальной сотни съ небольшимъ депутатовъ, которыхъ насчитываетъ наша парламентская лѣвая, были бы способны къ управленію. Мингетти, повидимому, понялъ это, когда вступилъ въ переговоры съ Депретисомъ, которые однако ни къ чему не привели. Мингетти не трудно было бы предложить пять или шесть портфелей депутатамъ лѣвой; и въ послѣднее время называли имена Депретиса, де-Лука, Коппино, Манчини, Сеисмита Дора, которые могли бы вступить въ министерство Мингетти. Прибавимъ при этомъ, что каждый изъ этихъ депутатовъ лично охотно бы принялъ предложеніе Мингетти, но не могъ, не смѣлъ этого сдѣлать, потому что его собратья изъ лѣвой грозили проклятіемъ всякому перебѣжчику. Лѣвая слишкомъ хорошо понимала, что если четверо или пятеро изъ ея членовъ вступать въ управленіе дѣлами, то она, лишившись самыхъ выдающихся и самыхъ способныхъ изъ своихъ представителей, будетъ осуждена на безсиліе, такъ какъ она не могла бы похвалиться тѣмъ, что стоитъ во главѣ дѣлъ, вслѣдствіе присутствія нѣсколькихъ членовъ въ кабинетѣ, причемъ направленіе политическое давалось бы новому кабинету Мингетти и его сочленами по правой. Лѣвая прекрасно поняла все это и приказала Депретису вести переговоры съ Мингетти единственно лишь въ качествѣ представителя лѣвой и вступить въ кабинетъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, что лѣвая будетъ руководить политикой новаго министерства. Въ виду такихъ притязаній Мингетти прекратилъ свои переговоры съ Депретисомъ.

Такимъ образомъ, лѣвая, не взирая на паденіе дряхлаго министерства, осталась въ сторонѣ отъ управленія и должна была дожидаться болѣе удобнаго случая. Мингетти поневолѣ пришлось искать себѣ помощниковъ между членами правой и онъ разсчитывалъ, что во всякомъ случаѣ тѣ изъ его сочленовъ, которые виѣстѣ съ нимъ вотируютъ противъ министерства Ланцы и Селлы, поспѣшатъ принять отъ него портфель. Мингетти отправился во Флоренцію. Одна фракція депутатовъ южныхъ провинцій и депутаты Тосканы были главными диссидентами въ средѣ правой, вызвавшими кризисъ. Мингетти обратился къ неаполитанскому депутату Пизанелли, который пользуется большимъ авторитетомъ въ южныхъ провинціяхъ, съ просьбой вступить въ министерство. Пизанелли на неоднократныя просьбы отвѣчалъ отказомъ. Мингетти просилъ во Флоренціи Камбрэ Диньи принять портфель финансовъ, Перуджи — портфель внутреннихъ дѣлъ: оба флорентинца улыбались, благодарили... и отвѣтили отказомъ. Какіе мотивы руководили ихъ отказомъ? По всей вѣроятности они были недовольны тѣмъ, что Мингетти обратился прежде къ Депретису, чѣмъ къ нимъ. По всей вѣроятности даже они мало вѣрили

въ прочность министерства, которое, организовавшись при такихъ условіяхъ, имѣло бы, конечно, противъ себя всю лѣвую и значительное число депутатовъ правой, которые стояли за Ланцу съ Селлой. Кромѣ того Камбрэ Диньи долженъ былъ сообразить, что Селла въ свое четырехлѣтнее министерство ввелъ такую финансовую систему, что его преемнику ничего больше не оставалось, если только онъ не хотѣлъ поставить все вверхъ дномъ, какъ идти по стопамъ своего предшественника, въ противность собственнымъ принципамъ. Перуджи долженъ былъ сообразить, что онъ не могъ оставить въ данную минуту муниципалитетъ Флоренціи, котораго онъ былъ синдикомъ, безъ важныхъ неудобствъ; онъ вошелъ въ такіе долги, что оставивъ Флоренцію въ данную минуту, поставилъ бы своего преемника въ большое затрудненіе. Онъ охотно сказалъ бы, но примѣру Меттерниха, *après moi le déluge*, но не желалъ быть свидѣлемъ потопа. Пусть погибаетъ Флоренція, но только тогда, когда его не станетъ. Пока же онъ живъ, всѣ должны превозносить его за то, что онъ сдѣлалъ изъ Флоренціи настоящій рай. Послѣ этого Мингетти не зналъ, что ему и дѣлать. Онъ, вызвавшій кризисъ, онъ, долженствовавшій образовать новый кабинетъ, получалъ отказы отъ всѣхъ, къ кому ни обращался. Тогда кризисъ вступилъ въ третій фазисъ своего развитія. Когда рушилась первая попытка войти въ соглашеніе съ Депретисомъ; когда рушилась вторая попытка привлечь въ министерство Перуджи, Мингетти, надѣясь привлечь хоть часть парламента на свою сторону, обратился къ нѣкоторымъ членамъ прежняго кабинета; съ просьбой удержать свой постъ, при посредствѣ того самаго Ланцы, низверженію котораго главнымъ образомъ содѣйствовалъ. Миролюбіе Ланцы дошло даже до того, что онъ лично упрашивалъ главнаго секретаря Селлы, депутата Велланди, принять портфель финансовъ, тѣхъ самыхъ финансовъ, которые послужили поводомъ для Мингетти вызвать кризисъ, а главнаго секретаря министерства земледѣлія и торговли, депутата Луццати, принять портфель этого министерства. На этой почвѣ Мингетти встрѣтилъ новыя затрудненія; но въ концѣ-концовъ, послѣ неотступныхъ просьбъ, ему удалось удержать Скиалойю министромъ народнаго просвѣщенія, Рикотти — военнымъ министромъ, Висконти-Веноста — министромъ иностранныхъ дѣлъ. Чтобы удержать Скиалойю на его постѣ, достаточно было личнаго честолюбія этого министра; чтобы удержать Рикотти потребовалось вліяніе самого короля, который просилъ его продолжать свои реформы по арміи. Чтобы удержать Висконти-Веноста, кромѣ тѣсной дружбы, существующей между ними и Мингетти, повліяла еще необходимость продолжать иностранную политику въ томъ духѣ, въ какомъ она велась до сихъ поръ. У насъ

настоячиво говорятъ, что Висконти-Веноста составилъ оборонительный договоръ съ одной великой иностранной державой, имя которой намъ легко будетъ угадать, на тотъ случай, если Италия будетъ вовлечена въ войну съ другой сосѣдней державой.

Нельзя также не предположить, что военныя реформы министра Ривотти находятся въ связи съ нѣкоторыми дипломатическими операціями министра Висконти-Веноста. Поэтому мы можемъ быть увѣрены, что новый кабинетъ станетъ продолжать иностранную политику предыдущаго кабинета. Но какое направленіе примутъ внутренняя политика и администрація? Мингетти удержалъ за собой портфель финансовъ, которыми онъ уже управлялъ въ 1862—63—64 годахъ къ великому ущербу для страны; портфель внутреннихъ дѣлъ онъ вручилъ графу Кантелли, хорошему администратору, энергическому человѣку, но который не знаетъ иной системы, кромѣ системы угнетенія. Объ остальныхъ портфеляхъ не стоить и говорить, потому что если ихъ обладатели и переѣбались, то разумѣется къ худшему. Но, спрашивается: стоило ли вызывать кризисъ, чтобы достичь такого ничтожнаго результата? Вся заслуга Кантелли по части управленія внутренними дѣлами ограничится только тѣмъ, что онъ подавитъ всякія революціонныя попытки, въ случаѣ если бы таковыя проявились; но такъ какъ подобной опасности не существуетъ въ настоящую минуту, то абсолютизмъ министра внутреннихъ дѣлъ является совсѣмъ ненужной роскошью. Что касается Мингетти, то въ дѣлѣ финансовъ онъ совершенная противоположность Селлѣ, хотя и согласился, единственно изъ честолюбія, принять въ свой кабинетъ представителя системы Селлы, противъ которой онъ боролся и ради которой вызвалъ кризисъ. Селла былъ безжалостнымъ хирургомъ; онъ не заблуждался на счетъ состоянія итальянскихъ финансовъ и никого не желалъ ввести въ заблужденіе. Вступивъ въ управленіе, онъ ввелъ строжайшую экономію, новые налоги и болѣе быстрый и вѣрный способъ ихъ взиманія. Я уже говорилъ, что агенты его черезчуръ усердствовали, приводя въ исполненіе волю министра, и возбудили въ Италіи крайнее неудовольствіе; но въ сущности Селла шелъ къ тому, чтобы уравновѣсить нашъ приходъ и расходъ, и благодаря такому результату итальянская рента стояла очень высоко при министрѣ Селлѣ. Мингетти же поэтъ, оптимистъ. У него обширныя теоретическія познанія по части политической экономіи; онъ хорошо пишетъ, говоритъ; писанія его и рѣчи ласкаютъ слухъ; ему все представляется въ розовомъ цвѣтѣ. Будучи министромъ финансовъ онъ сдѣлалъ разорительный заемъ, который разстроилъ итальянскіе финансы; онъ обѣщалъ привести въ равновѣсіе приходъ съ расходомъ въ теченіи двухъ лѣтъ, но не только не выполнилъ этого обѣщанія, а такъ плохо

распоряжался финансами, такъ размоталъ общественныя деньги, что отяготилъ итальянскій бюджетъ новымъ, громаднымъ дефицитомъ. Будетъ ли онъ и теперь держаться той же системы? Или же станетъ осмотрительнѣе и осторожнѣе? Будемъ надѣяться на послѣднее. Но пока никакъ не можемъ взять въ толкъ мотивы, по которымъ въ такой несвоевременный моментъ онъ низвергъ министерство, политическіе принципы и административныя мѣры котораго заимствуетъ по всей вѣроятности. Подобный кризисъ создаетъ настоящую пертурбацію въ нашихъ конституціонныхъ порядкахъ. Понятно, что умѣренная партія и партія прогрессивная могутъ вступать въ борьбу между собой и стремиться стать во главѣ управленія, чтобы вызвать торжество своихъ принциповъ; но непонятно, чтобы одна группа правой возставала противъ другой группы, и чтобы онѣ разбивали свои силы, если разъ стоятъ во главѣ управленія. При такихъ обстоятельствахъ невозможно организовать большинства, а безъ большинства невозможно управлять при конституціонныхъ порядкахъ. Мингетти вступилъ въ управленіе въ концѣ парламентской сессіи; пока будутъ длиться парламентскіе каникулы кабинетъ его просуществуетъ; но не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что когда парламентъ соберется вновь, то при первомъ серьезномъ столкновеніи кабинетъ Мингетти, втянутый въ борьбу, проиграетъ ее, потому что противъ него выскажется та часть правой, которая осталась вѣрна Ланцѣ и Селлѣ и вся лѣвая. Въ такомъ случаѣ для того, чтобы создать умѣренное парламентское большинство и реорганизовать конституціонныя партіи, потребуется вступленіе лѣвой въ управленіе дѣлами: можно заранѣе предвидѣть, что въ борьбѣ съ лѣвой вся правая сольется въ одну оппозиціонную партію, фракціи ступаютъ и явится дружное большинство, единодушное въ проведеніи тѣхъ принциповъ, которые депутаты правой съ нѣкоторымъ противорѣчіемъ желаютъ окрестить консервативными и прогрессивными. Въ настоящую минуту, въ средѣ правой заключаются самыя разнообразныя настроенія; пробиваются наружу подозрѣнія, честолюбія, ревность. Одна побѣдоносная кампанія, совершенная правой противъ лѣвой, можетъ внести миръ и единодушіе въ разстроенные ряды нашей правой.

Смерть Ратацци привлекла вниманіе парламента на заслуги этого политическаго дѣятеля: выяснилось, какъ онъ своимъ авторитетомъ, своей ловкостью и дѣятельностью сумѣлъ организовать парламентскую лѣвую, и превратить фракціи недовольныхъ оппозиціонистовъ *quand même* въ правильную политическую партію, которая со дня на день можетъ сдѣлаться правительственной партіей. Пока Ратацци не предпринималъ дисциплинировать лѣвую, въ ея средѣ существовали

лишь личныя мнѣнія, совершенно противорѣчивыя; ей недоставало настоящей политической программы, которая свидѣтельствовала бы объ ея правительственныхъ дарованіяхъ. Подъ руководствомъ Ратацци самыя способныя изъ членовъ лѣвой стали отставать отъ риторическихъ рѣчей, пустыхъ декламаций противъ злоупотребленій правительства, и вмѣсто этого занялись практическими вопросами и на этой почвѣ доказывать заблужденія правительственной партіи и бороться противъ нихъ. Такимъ образомъ, лѣвая представляетъ извѣстный строй политическихъ идей, придающихъ ей опредѣленный характеръ и позволяющихъ надѣяться, что будучи призванной къ управленію дѣлами она будетъ держаться извѣстной нормы, и помощью ея регулировать свои поступки. Если бы Ратацци не оказывалъ другихъ заслугъ отечеству, то этой одной было бы достаточно, чтобы благословлять его память. Но, кромѣ того, онъ заслуживаетъ нашу благодарность за могучее содѣйствіе, оказанное имъ постепенному развитію нашей конституціи, за либеральныя идеи, внесенныя имъ въ управление, за свою горячую вѣру въ національное возрожденіе, которому онъ дѣятельно содѣйствовалъ и какъ депутатъ, и какъ министр. Поэтому понятны почести, оказанныя ему въ Италіи, не взирая на то, что онъ умеръ нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ Италія лишилась самаго знаменитаго, несравненнаго гения своего — Манцони.

D. G.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АНГЛІЙСКІЙ РАБОЧИЙ.

De la situation des ouvriers en Angleterre. Mémoire présenté à la commission d'enquête sur les conditions du travail par M. le Comte de Paris. (О положеніи рабочихъ въ Англіи. Мемуаръ, представленный графомъ Парижскимъ комиссіи, назначенной для изученія условій труда). Paris, Michel Lévy frères, 1873.

Положеніе рабочихъ въ Англіи, какъ предметъ науки и опыта общественной жизни, представляетъ значительный интересъ не для англичанъ только, но для всѣхъ, чья любознательность ищетъ себѣ нищу въ экономическихъ и политическихъ движеніяхъ и вопросахъ современной Европы. Съ 20-хъ годовъ, но особенно съ 40-хъ положеніе рабочихъ въ Англіи стало вопросомъ жизни и смерти для мно-

гихъ экономическихъ теорій въ примѣненіи ихъ къ политической дѣятельности. Рабочее движеніе въ Англіи стало краеугольнымъ камнемъ для многихъ предположеній самаго фантастическаго свойства. Одни увѣряли, что это движеніе должно неминуемо придти къ революціонной катастрофѣ, которая разсм. измѣнитъ весь строй старой, отжившей, *буржуазной* Англіи. Другіе, напротивъ, старались доказать, что агитація, происходившая въ Англіи, должна быть подавлена и уничтожена, такъ какъ она шла будто бы противъ непоколебимаго закона опредѣленія заработной платы посредствомъ спроса и предложенія, и потому ни къ чему путному привести не могла. Но Англія не впала въ революціонную горячку и не только не искугалась рабочаго движенія, но мало-по-малу вводила его въ предѣлы своей политической свободы: она доказала, что экономическая свобода не только не мѣшаетъ политической свободѣ, но что, напротивъ, обѣ онѣ другъ друга дополняютъ и другъ друга обуславливаютъ. Алармисты утверждали, что Англія страна вполне буржуазная и что, поэтому, рабочіе не получаютъ отъ парламента никакихъ правъ и никакихъ льготъ: ни политическихъ, ни образовательныхъ, ни матеріальныхъ. Но это мнѣніе основывалось, въ дѣйствительности, не на серьезномъ изученіи положенія рабочихъ въ Англіи и ея политическаго строя, а на такихъ же крайнихъ заявленіяхъ буржуазной партіи, которая, ссылаясь на знаменитое правило тогдашней экономической школы: „laissez passer, laissez faire“, знать не хотѣла ни о какихъ уступкахъ въ пользу рабочихъ людей. Между тѣмъ, благодаря той политической свободѣ, которою пользовались въ Англіи всѣ граждане, и рабочіе въ томъ числѣ, рабочее движеніе обратило на себя вниманіе всего общества и возбудило къ нему мало-по-малу столь сильный интересъ, что и частные люди и самъ парламентъ принялись за серьезное изученіе всѣхъ фактовъ, касающихся такъ или иначе положенія рабочихъ людей. Изученіе шло успѣшно, и результаты его видны въ важныхъ парламентскихъ работахъ и новыхъ законахъ, въ силу которыхъ рабочіе люди стали въ настоящее время почти полноправными гражданами и въ значительной мѣрѣ обезпечили за своими будущими поколѣніями всѣ блага образованія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тѣ пріобрѣтенія, которыя уже сдѣланы, достались не даромъ, стоили много усилій и многихъ лишеній, но тѣмъ не менѣе они достигнуты путемъ мирной политической агитаціи, безъ всякихъ политическихъ переворотовъ — не кровопролитными стычками разъяренныхъ партій, за которыми неминуемо воцаряется диктатура, но общою болѣе или менѣе согласною дѣятельностью всѣхъ классовъ и всѣхъ партій въ обществѣ, съ справедливымъ охраненіемъ интересовъ каждой изъ нихъ. Цивилизація, такимъ об-

разомъ, развивалась постоянно впередъ, спокойно, и въ умахъ гражданъ не угасала надежда на лучшее будущее, на возможность болѣе или менѣе прочно устроить свои дѣла, а такая надежда, какъ извѣстно, имѣетъ громадное вліяніе на дѣятельность страны, на расширеніе, быстроту и плодovitость этой дѣятельности.

Всѣ ложныя представленія о политической и экономической жизни Англіи поддерживались долгое время тѣмъ, что у ярыхъ экономическихъ полемизаторовъ не было въ рукахъ достовѣрныхъ фактовъ общей соціальной жизни британскаго королевства, и что, съ другой стороны, разнѣе отдѣльные факты и контрасты нищеты и роскоши, не проверенные научною критикою, но озаренные всѣми свойствами для вовлѣденія на фантазію и страсти, служили полемизаторамъ удобнымъ орудіемъ для доказательства своихъ незрѣлыхъ измышлений, то чисто эгоистическаго свойства, то крайне сентиментальныхъ. Только съ тѣхъ поръ, какъ парламентскія коммиссіи собрали цѣлыя десятки томовъ всевозможныхъ свѣдѣній о положеніи рабочихъ людей въ Англіи, объ отношеніи рабочихъ къ капиталистамъ, о вліяніи разныхъ законодательныхъ мѣръ и соціальныхъ вліяній на бытъ рабочихъ классовъ, — только съ этихъ поръ и въ самой Англіи, и въ Европѣ стали появляться болѣе или менѣе здравые взгляды на умственную и матеріальную жизнь англійскихъ рабочихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ на экономическое значеніе политической свободы. Къ сожалѣнію, надо признаться, что надлежащую оцѣнку парламентскихъ рабочихъ сдѣлали пока лишь сами англичане; въ остальной Европѣ мы встрѣчаемъ и теперь широко распространенное невѣжество относительно нравственной и матеріальной силы рабочихъ въ Англіи. Графъ Парижскій не принадлежитъ къ числу распространителей этого невѣщества, и потому къ его новой книгѣ нельзя не отнести съ полнымъ сочувствіемъ, хотя она упустила изъ виду одно изъ важнѣйшихъ англійскихъ учреждений, имѣвшихъ огромное вліяніе на развитіе характера трудящихся классовъ въ Англіи — на приказъ общественнаго призрѣнія (Poor-Law Board), главная цѣль котораго заключается въ непосредственной борьбѣ съ нищетою.

Книга графа Парижскаго не представляетъ никакихъ прочно установленныхъ выводовъ, — она излагаетъ свой предметъ не догматически, безъ всякихъ заднихъ цѣлей, безъ преднамѣреннаго желанія поддержать то или другое экономическое ученіе. Это въ полномъ смыслѣ „мемуаръ“, записка; — это сводъ фактовъ, касающихся всѣхъ стѣронъ рабочаго быта въ Англіи, и потому способныхъ служить читателю отвѣтомъ на всѣ вопросы, возникающіе при обсужденіи рабочаго движенія. Графъ дѣлитъ свою книгу на три отдѣла. Въ

первомъ изъ нихъ онъ излагаетъ разныя свѣдѣнія о заработной платѣ; въ этихъ свѣдѣніяхъ онъ видитъ — и совершенно справедливо — „основу всѣхъ вопросовъ, возбуждающихъ столь опасныя столкновенія въ промышленности“. Во второмъ отдѣлѣ авторъ перечисляетъ разные способы, употребляемые частнымъ починомъ для улучшения быта рабочихъ людей; — къ этимъ способамъ графъ причисляетъ не только усилія высшихъ классовъ, богатыхъ и образованныхъ, но и усилія самихъ рабочихъ, личные и ассоціаціонныя. Въ третьемъ отдѣлѣ описываются усилія парламента въ томъ же дѣлѣ, вмѣшательство законодательной власти въ видахъ охраненія интересовъ рабочихъ людей.

Между многими экономическими положеніями, самыя важныя изъ нихъ побиваются весьма рѣшительно фактами у графа Парижскаго, какъ напримѣръ: вредность замѣны ручного труда машиннымъ, опасность и бесполезность допущенія рабочихъ стачекъ и рабочихъ союзовъ, имѣющихъ цѣлю борьбу труда съ капиталомъ, несостоятельность государственной власти въ дѣлѣ охраненія интересовъ рабочихъ людей и ея вмѣшательства въ организацію фабричныхъ работъ, и т. п.

Въ нашей статьѣ мы не можемъ съ достаточною подробностью доказать несправедливость всѣхъ этихъ предразсудковъ разныхъ экономическихъ школъ, но за то мы постараемся дать по крайней мѣрѣ главныя, наиболѣе поразительныя факты въ опроверженіе хотя нѣкоторыхъ теорій, которыя старались основать свою достовѣрность на положеніи рабочихъ людей въ Англіи.

Англія, какъ извѣстно, начала примѣнять машины къ промышленному дѣлу съ конца прошлаго столѣтія, и въ ней именно это примѣненіе состоялось въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ; въ настоящее время британская промышленность приняла почти исключительно машинный характеръ. Вопросъ о вліяніи машинъ на положеніе рабочихъ былъ поднятъ также давно, какъ само примѣненіе машинъ къ разнымъ отраслямъ мануфактуры. Имѣя въ виду тотъ выводъ экономической науки, что заработная плата опредѣляется спросомъ на трудъ и его предложеніемъ, и тотъ очевидный фактъ, что введеніе машины уменьшаетъ спросъ на трудъ, близорукіе друзья рабочаго класса сразу провозгласили, что введеніе машинъ должно необходимо уменьшить заработную плату и послужить, при наиболѣе сильномъ развитіи машиннаго приспособленія, исключительно однимъ интересамъ капиталистовъ, еще сильнѣе стянувъ узы матеріальнаго рабства, въ которыхъ находились рабочіе до введенія машинъ. Въ доказательство вѣрности своей теоріи, противники машинъ разсказывали массу фактовъ, по которымъ можно было судить о возмож-

ности цѣлаго ряда злоупотребленій при машинной организаціи промышленности: злоупотребленій гигиеническаго и экономическаго свойствъ; они утверждали, сверхъ того, что положеніе рабочаго класса въ Англіи ухудшилось со времени введенія машинъ, и постоянно ухудшается, между тѣмъ, какъ зажиточные классы богатѣютъ все сильнѣе, причемъ рознь между бѣдными и богатыми классами видѣется въ странѣ все глубже и глубже.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что машина, вступая въ соперничество съ ручнымъ трудомъ, дѣйствительно создавала сначала тамъ-и-сямъ временныя замѣшательства между рабочими, но эти замѣшательства происходили вовсе не такъ быстро, чтобы они могли производить *постоянное* ухудшеніе въ бытѣ рабочихъ; а съ другой стороны, англійское законодательство скоро вмѣшалось въ организацію фабричнаго труда, чтобы устранить изъ него всѣ тѣ вліянія, которыя могли вредно отзываться на гигиеническомъ и умственномъ развитіи рабочихъ, нисколько не касаясь одного: экономической борьбы труда съ капиталомъ и, напротивъ, давъ самое широкое примѣненіе свободы къ этой борьбѣ. Благодаря этому обстоятельству, вся агитація рабочаго движенія осталась въ предѣлахъ чисто экономической борьбы, принимая лишь изрѣдка легкій политическій оттѣнокъ. Законодательство потребовало отъ фабрикантовъ хорошаго гигиеническаго содержанія мастерскихъ, сокращенія дневного труда до 10-ти часовъ, ограниченія женскаго и дѣтскаго труда въ нѣкоторыхъ вредныхъ, для женскаго пола и дѣтскаго возраста, промыслахъ, и недопущенія женщинъ и дѣтей къ ночнымъ работамъ; оно понудило фабрикантовъ учредить школы для дѣтей-работниковъ, ежедневный трудъ которыхъ былъ ограниченъ шестью часами. Но этого мало; государственная власть вмѣшалась даже въ столь непосредственныя отношенія между капиталистами и рабочими, какъ плата заработныхъ денегъ и назначала строгія наказанія за такъ-называемую truck-system, то-есть за понужденіе рабочихъ брать за свой трудъ вмѣсто денегъ какіе-либо товары, фабрикуемые или продаваемые нанимателями. Рабочимъ дозволено было составлять между собою всевозможные союзы какъ для улучшенія своего быта путемъ какихъ-либо торговыхъ, промышленныхъ или кредитныхъ операцій, такъ и для прямой борьбы съ капиталистами путемъ конкурентнаго побужденія ихъ къ повышенію уровня заработной платы или къ улучшенію организаціи той или другой части мастерской, или отношеній между разными разрядами рабочихъ, работающихъ на одной и той же фабрикѣ. Наконецъ, государство, въ лицѣ своего собственнаго учрежденія: „приказа общественнаго призрѣнія“ (Poor-law Board), понуждало всѣхъ людей, имѣвшихъ извѣстную собственность, платить особый налогъ въ пользу

бѣдныхъ или, другими словами, содержать на свои средства всѣхъ бѣдныхъ своего района, всѣхъ рабочихъ, случайно брошенныхъ на произволъ судьбы въ моментъ промышленнаго кризиса. Само собою разумѣется, что приказъ общественнаго призрѣнія долженъ былъ въ своихъ заботахъ установить строгія правила для отличенія лѣнтяевъ и бродягъ отъ рабочихъ трудолюбивыхъ и осѣдлыхъ, и есть много фактовъ въ его практикѣ, изъ которыхъ видно, что онъ обижалъ честныхъ тружениковъ и мирволилъ негоднымъ, занимавшимся нищенствомъ какъ ремесломъ, но тѣмъ не менѣе это учрежденіе постоянно напоминало, съ одной стороны, рабочимъ о заботливости государства относительно ихъ матеріальнаго существованія, а съ другой—всѣмъ собственникамъ о необходимости содержать своихъ нищихъ, то-есть, бороться съ нищетою вообще, со всѣми ея причинами.

Пользуясь всѣми этими благами государственнаго вмѣшательства, и приобравъ, наконецъ, добрую долю политической силы въ представительномъ собраніи всей страны, рабочій самъ понялъ, что борьба за улучшеніе его быта въ экономическомъ отношеніи должна быть чисто экономическая, и вотъ онъ создалъ свои двѣ тысячи „Unions“ съ нѣсколькими милліонами членовъ, съ десятками милліоновъ нинглинговъ, которые со временемъ, когда прекратятся несправедливыя попытки фабрикантовъ къ искусственному пониженію заработной платы, могутъ быстро превратиться въ то же число производительныхъ ассоціацій (это предсказываетъ также графъ Парижскій). Англійскій рабочій понялъ уже давно, что политическія учрежденія сами по себѣ, какъ бы совершенны они ни были, не могутъ обезпечить за народомъ полное его благосостояніе, если сами угнетенные, пользуясь политическою свободою, не умѣютъ постоять за себя; они поняли, что такая свобода необходима для всѣхъ классовъ, что она одна обезпечиваетъ нравственный порядокъ въ обществѣ, безъ котораго немислимо ни развитіе общества вообще, ни промышленности въ особенности, и что вопросъ о болѣе равномерномъ распредѣленіи благъ земныхъ между отдѣльными классами не можетъ быть разрѣшенъ иначе, какъ при помощи политической свободы и политическаго почина всѣхъ членовъ общества, а не одного какого-либо класса или союза нѣсколькихъ классовъ противъ всѣхъ остальныхъ. Не будь этой увѣренности въ рабочемъ классѣ, и Англія представляла бы намъ ту же арену кровопролитныхъ столкновеній и сословныхъ стѣсненій, какую мы видимъ еще теперь почти во всѣхъ странахъ Европы. И англійскій рабочій не напрасно питалъ такую увѣренность въ свои собственныя силы и въ политическія учрежденія своей страны, такъ какъ матеріальный бытъ его, хотя медленно, но постоянно улучшался, и такъ какъ въ то же время росло и усили-

налось политическое вліяніе всего рабочаго сословія. Правда, и въ настоящее время въ спискахъ приказа общественнаго призрѣнія числятся тотъ же миллионъ несчастныхъ, нуждающихся въ общественной помощи, какой числился тамъ лѣтъ 40 — 50 тому назадъ, но *относительная* цифра нищеты стала гораздо меньше, такъ какъ съ тѣхъ поръ населеніе британскаго королевства увеличилось на двѣ-лую половину: если въ тотъ историческій періодъ одинъ призрѣваемый приходился на каждыя 20 душъ населенія, то теперь онъ приходится лишь на 30 душъ. Нищета все еще существуетъ, и она громадна, но тѣмъ не менѣе она становится слабѣе, она уменьшается, и это уменьшеніе указываетъ во всякомъ случаѣ, что страна движется впередъ по вѣрной дорогѣ.

Заработная плата, взятая въ среднихъ числахъ, стоитъ въ Соединенномъ Королевствѣ выше, чѣмъ въ остальной Европѣ. По вычисленіямъ извѣстнаго экономиста Леоне Леви, средняя цифра ея представляется въ слѣдующемъ видѣ для:

	Мужчинъ.	Мальчик.	Женщинъ.	Дѣвочекъ.
въ Англіи	28,12 фр.	8,12	15,62	10,62
„ Шотландіи . . .	25,62	9,57	13,12	10,21
„ Ирландіи	17,91	7,81	12,18	9,17
„ Соединенномъ Королевствѣ вообще . . .	23,75	9,06	13,75	9,80

Но заработная плата, выраженная лишь въ цифрахъ, какою бы крупною ни казалась, можетъ имѣть вѣстѣ съ тѣмъ лишь весьма незначительную покупательную силу. Поэтому, для опредѣленія ея дѣйствительной цѣнности для рабочихъ, весьма важно знать много ли можно купить на нее вещей первой потребности въ жизни. Графъ Парижскій увѣряетъ, что ежегодная заработная плата въ 1,250 по 1,750 франковъ „можетъ обезпечивать за семьей рабочаго человѣка въ Англіи существованіе если не вполне удовлетворительное (aisée), то по крайней мѣрѣ довольно далекое отъ нищеты“. Цифры мелкихъ вкладовъ (менѣе 125 франковъ) въ сберегательныхъ кассахъ, въ почтовыхъ конторахъ и обществахъ взаимнаго вспомошествованія доказываютъ весьма положительно, что большинство рабочихъ пользуется такимъ достаткомъ, что позволяютъ себѣ сберегать лишнюю копѣйку на черный день: въ сберегательныхъ кассахъ мелкихъ вкладовъ сравнительно немного: 520,015, въ почтовыхъ конторахъ ихъ уже насчитываютъ до 1.592,344, а въ обществахъ взаимнаго вспомошествованія было въ 1867 году болѣе 3 миллионъ членовъ; общая цифра вкладовъ всѣхъ этихъ бережливыхъ рабочихъ простирается до полуимиліарда франковъ. А какія суммы еще потребляются рабо-

чими для поддержки ихъ trade-unions! Сколько истрачиваютъ они, къ сожалѣнію, на наслажденіе спиртными напитками, которое, какъ мы узнаёмъ изъ книгъ графа Парижскаго, сильно распространилось въ послѣдніе годы!..

Общая цифра всѣхъ мелкихъ вкладовъ простирается, какъ мы видѣли, за пять милліоновъ, а такъ какъ всѣхъ рабочихъ семействъ въ Англіи, считая по 4 человека на семью, тоже не болѣе пяти милліоновъ, то ясно, что почти всѣ они имѣютъ возможность отлагать изъ своей заработной платы кое-что на черный день. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣкоторые рабочіе имѣютъ по нѣсколько вкладовъ, но во всякомъ случаѣ можно предположить, что по крайней мѣрѣ половина всѣхъ рабочихъ семействъ живетъ съ нѣкоторымъ комфортомъ. Французскій рабочій Надо (Nadaud), жившій долгое время среди лондонскихъ рабочихъ, опредѣляетъ, что отдѣльный рабочій, живя экономно, можетъ сократить въ Лондонѣ свои ежегодные расходы до 868 франковъ, и что бюджетъ семьи, состоящей изъ родителей и четырехъ маленькихъ дѣтей, доходитъ среднимъ числомъ до 2,144 фр. въ доходныхъ статьяхъ и только до 2,049 въ расходныхъ. А жизнь въ Лондонѣ дороже, чѣмъ во всей остальной Англіи.

Чтобы еще яснѣе представить отношеніе между заработной платою и цѣнами жизненныхъ средствъ, графъ Парижскій, пользуясь трудомъ Леоне Леви, входитъ въ нѣкоторыя подробности касательно пищи, жилища, одежды, гигиены, наслажденій и образовательныхъ средствъ англійскихъ рабочихъ. Относительно одежды нашъ авторъ находитъ значительное улучшеніе, благодаря сильному удешевленію тканей и машинному приготовленію платья. Медицинскія пособия, наслажденія и образованіе въ разныхъ семьяхъ различны, смотря по величинѣ заработной платы и умственному развитію родителей. Наемная плата за квартиру, отопленіе и освѣщеніе жилищъ значительно повысились въ цѣнѣ лишь въ самое послѣднее время, особенно цѣна на уголь. Что касается до наемной платы, повышение ея отозвалось обременительно лишь въ Лондонѣ; въ другихъ мѣстахъ это повышение сопровождалось значительнымъ улучшеніемъ жилищъ въ гигиеническомъ отношеніи. Большинство семействъ англійскихъ рабочихъ платитъ за квартиру менѣе 175 фр. ежегодно, но подобныя квартиры „далеко не доставляютъ всѣхъ условій, необходимыхъ для здоровья и благосостоянія ихъ обитателей;—это очень важное препятствіе для физическаго развитія и нравственнаго улучшенія семьи“. Относительно пищи бытъ англійскихъ рабочихъ устроенъ лучше. Взрослый сельскій рабочій, получающій сравнительно меньшую заработную плату, тратитъ еженедѣльно на свое прокормленіе въ Ан-

глии—3,74 фр., въ Уэльсѣ:—4,32 фр., въ Шотландіи:—4,08 фр., въ Ирландіи—2,27 фр. Но самые предметы пищи неодинаковы въ разныхъ частяхъ королевства; судя по потребленію мяса, Англія занимаетъ первое мѣсто: только одинъ процентъ ея рабочихъ не пользуется вовсе этимъ родомъ пищи,—въ Уэльсѣ 84 процента ѣдятъ мясо, въ Шотландіи 72, въ Ирландіи не болѣе 59. Въ 1865 году, каждый англичанинъ въ королевствѣ потреблялъ по 3 фунта и 4 унціи чаю и по 36 фунтовъ сахару. Хлѣбъ и мясо составляютъ основу питанія англійскихъ рабочихъ; но тѣ изъ нихъ, которые получаютъ высшія платы, какъ напримѣръ, рабочіе въ рудникахъ и желѣзодѣлательныхъ заводахъ, а также по строительному искусству, живутъ гораздо шире и нерѣдко съ нѣкоторою изысканностью. Многіе собственники угольныхъ копей рассказывали графу Парижскому, что разные „первинки“ появляются на столѣ иного рабочаго прежде, чѣмъ на столѣ хозяина. Но самый главный фактъ тотъ, что по таблицѣ Леви (стр. 91), опредѣляющей цѣны на мясо, хлѣбъ, муку, масло, сыръ, пиво, свѣчи, уголь, сахаръ и чай, съ 1740 года по 1865, ясно видно, что жизнь становилась дороже лишь до окончанія войнъ начала нынѣшняго столѣтія, и что потомъ она стала дешевле, благодаря великимъ реформамъ въ таможенномъ тарифѣ; цѣна на уголь стала возрастать лишь въ самое послѣднее время, послѣ 1865 года.

Даже общая система налоговъ въ Англіи принаровлена такъ, чтобы бѣдные рабочіе классы платили гораздо меньше богатыхъ. Слѣдующая таблица очень хорошо опредѣляетъ процентъ податного бремени, лежащаго на англійскихъ рабочихъ:

Предметы обложенія.	Вся сумма налога.	Средняя цифра на каждаго рабочаго.
Чай	25,000,000 франковъ.	1 фр. 15
Сахаръ	50,000,000 „	2 „ 30
Хлѣбъ и другіе ввозные продукты	18,750,000 „	0 „ 77
Спиртные напитки и пиво	350,000,000 „	16 „ 25
Табакъ	50,000,000 „	2 „ 30
Патенты	18,750,000 „	0 „ 77
Штемпельная пошлина	12,500,000 „	0 „ 63
Мѣстные налоги	75,000,000 „	3 „ 33
Итого	600,000,000 франковъ.	27 фр. 50

Спиртные напитки и пиво составляютъ въ этихъ 27½ франкахъ общаго налога, лежащаго на каждомъ рабочемъ въ Англіи, почти три-пятыхъ всей суммы. Такимъ образомъ, членъ общества трезво

сти, который не пьетъ спиртныхъ напитковъ и не куритъ табаку. платитъ на общія потребности государства не болѣе 9-ти франковъ въ годъ, между тѣмъ какъ средняя цифра налога, падающаго на богатые классы въ Англіи, простирается до 150-ти франковъ на каждую душу. Рабочіе вовсе не участвуютъ ни въ подоходномъ налогѣ, ни въ поземельныхъ податяхъ.

Всѣ факты, касающіеся матеріальнаго быта англійскихъ рабочихъ, если сравнить ихъ съ фактами изъ рабочей жизни въ другихъ странахъ, говорятъ самымъ рѣшительнымъ образомъ въ пользу британскаго законодательства, и потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что изъ всѣхъ европейскихъ государствъ только въ одной Англіи рабочее движеніе не направляетъ своихъ ударовъ въ политическую систему страны. Въ Англіи же, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, стараются о распространеніи солиднаго образованія среди народныхъ массъ путемъ полной свободы печатнаго и устнаго слова и посредствомъ такихъ школъ, программа которыхъ не ограничивается распространеніемъ одной грамотности. Новый законъ (1870-го года) о первоначальномъ образованіи простираетъ уже свои виды, а особенно въ большихъ городахъ, на обязательность обученія всѣхъ дѣтей основнымъ началамъ всякаго серьезнаго знанія. Вообще говоря, англійскій рабочий поставленъ въ положеніе несравненно лучшее того, въ какомъ находятся рабочіе другихъ странъ Европы: сравнительно съ ними онъ получаетъ высшую заработную плату, платитъ меньшую сумму налоговъ, пользуется большимъ равенствомъ передъ закономъ страны, обладаетъ серьезною силою въ политическихъ дѣлахъ, и за его дѣтми обезпечены право и возможность на приобрѣтеніе полезныхъ знаній.

Всякій разъ, когда защитникамъ рабочихъ въ другихъ странахъ приходится доказывать необходимость улучшить бытъ рабочихъ людей, они всегда ссылаются на Англію и ставятъ въ образецъ своихъ требованій по крайней мѣрѣ то, чѣмъ уже пользуются рабочіе въ Англіи. Противники ихъ, не имѣя чѣмъ опровергнуть вышеприведенные историческіе и экономическіе факты, о которыхъ мы уже говорили, стараются пугать будущимъ Англіи и, пользуясь нѣкоторыми экономическими предразсудками партій капиталистовъ, утверждаютъ, что повышеніе заработной платы на англійскихъ рынкахъ должно въ концѣ-концовъ оказать на тамошнихъ капиталистовъ столь подавляющее вліяніе, что они наконецъ бросятъ свое отечество и пойдутъ искать высшей прибыли въ другихъ странахъ, гдѣ рабочіе поставлены въ болѣе невыгодныя условія относительно своей борьбы съ капиталистами. Но при болѣе глубокомъ изученіи этого вопроса, англійскій капиталистъ и инженеръ Брэсси (Brassey) убѣ-

дился прямо въ противоположномъ: въ особомъ сочиненіи онъ доказываетъ, съ массою фактовъ въ рукахъ, что если Англія до сихъ поръ могла выдерживать промышленное соперничество на всѣхъ рынкахъ, то лишь благодаря физической силѣ и ремесленной ловкости своего рабочаго. Англійскій рабочій получаетъ больше рабочаго въ другихъ государствахъ Европы, онъ живетъ и питается лучше ихъ, онъ работаетъ ежедневно въ продолженіи меньшаго, чѣмъ они, числа часовъ, но сумма продуктовъ, которую онъ приготовляетъ въ данную единицу времени, настолько превосходитъ вырабатываемое другими рабочими въ Европѣ, что въ окончательномъ результатѣ оказывается, что наниматель англійскихъ рабочихъ получаетъ болѣе процентъ на свой капиталъ, чѣмъ наниматель другихъ европейскихъ рабочихъ, хотя послѣдніе получаютъ меньшую заработную плату и работаютъ ежедневно въ продолженіи болѣе большого числа часовъ. Даже въ самой Англіи Бресси замѣтилъ, что одно повышеніе заработной платы можетъ увеличить производительность труда; его замѣчательная таблица желѣзнодорожныхъ работъ ставитъ своими цифрами такую параллельность внѣ всякаго сомнѣнія:

	Годы: 1843.	1846.	1849.	1851.	1855.	1857.	1860.	1863.	1866.	1869.
	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.
Средняя заработная плата въ недѣлю...	23,62	34,87	26,25	23,00	27,75	26,00	25,12	27,00	29,37	27,87
Цѣна кубическаго арда кирпичной стѣны..	2,81	4,68	3,43	3,12	3,12	2,91	3,12	3,12	3,33	3,12
Цѣна кубическаго арда земляныхъ работъ..	0,46	0,78	0,52	0,41	0,57	0,54	0,52	0,57	0,60	0,57

Бресси участвовалъ въ построеніи желѣзныхъ дорогъ не только въ Англіи, но почти во всѣхъ государствахъ Европы, и вездѣ онъ находилъ ту же параллель между уровнемъ заработной платы и производительностью труда. Въ Англіи поденщикамъ на желѣзныхъ дорогахъ онъ платилъ по 4 фр. 37 с., а въ Ирландіи по 2,07; между тѣмъ постройка дороги въ Ирландіи обходилась всегда дороже, чѣмъ въ Англіи. На желѣзной дорогѣ въ Руанѣ, во Франціи, англійскій землекопъ получалъ по 6,87 фр. въ день, а французскій только 3,12, и между тѣмъ первый найденъ болѣе выгоднымъ, чѣмъ послѣдній. Въ Канадѣ англійскій рабочій, получавшій по 7,50 фр. въ день, былъ выгоднѣе канадца, получавшаго по 4,37. То же самое было въ Остѣ-Индіи, Италіи, Румыніи и на островѣ св. Маврікія. Такіе же факты Бресси собралъ въ другихъ производствахъ: въ каменноугольныхъ копяхъ, на ткацкихъ фабрикахъ, въ морскомъ судоходствѣ и желѣзномъ производствѣ: въ книгѣ графа Парижскаго они представлены въ большомъ числѣ.

Вообще говоря, графъ представилъ въ своемъ мемуарѣ столько данныхъ о всѣхъ вопросахъ, которыхъ онъ касается, что о каждомъ изъ нихъ можно составить довольно хорошее понятіе.

Russian Folk-tales, by W. R. S. Ralston. London, 1873. Русскія народныя сказки, В. Ролстона.

Подъ этимъ заглавіемъ вышло въ свѣтъ новое сочиненіе г. Ролстона, служащее продолженіемъ его „Пѣсенъ русскаго народа“. По плану автора, за сказками должны послѣдовать былины, такъ что съ появленіемъ третьяго тома европейская публика получитъ возможность ознакомиться съ главными произведеніями русской народной литературы.

Появленіе „сказокъ“ было встрѣчено сочувственно англійскими журналами и возбудило всеобщій интересъ. Поэтическая сторона нашихъ сказокъ высказалась ясно въ мастерскихъ переводахъ г. Ролстона и оцѣнена по достоинству. Намъ, русскимъ, эта сторона знакома давно. На нее указывали лучшіе наши художники: поэтическіе „Вечера“ Гоголя, переложеніе Пушкина и послѣднее драматическое произведеніе Островскаго ¹⁾ заимствованы изъ сказочнаго міра и передаютъ его чарующую прелесть.

Но есть и другая сторона сказокъ, которая представляетъ интересъ научный. Извѣстно, что въ настоящее время особеннымъ вниманіемъ пользуется все, относящееся къ такъ-называемой первобытной культурѣ, къ первичнымъ вѣрованіямъ и преданіямъ народнымъ. Книга г. Ролстона пополняетъ замѣтный пробѣлъ въ европейской литературѣ, касающейся этого вопроса и вѣстѣ съ тѣмъ она служитъ весьма важнымъ приобрѣтеніемъ для всѣхъ изучающихъ русскую народную литературу. Знакомство автора съ сборниками сказокъ почти всѣхъ народовъ дало ему возможность объяснить смыслъ и значеніе нѣкоторыхъ нашихъ легендъ посредствомъ сопоставленій, сближеній и аналогій; онъ воспользовался всѣми новѣйшими трудами, относящимися къ арійской мифологіи, между прочими изданіемъ индѣйскихъ сказокъ и сочиненіемъ г. Де-Губернатиса, флорентинскаго профессора, „Зоологическая мифологія“. Поэтому русскіе ученые найдутъ въ книгѣ г. Ролстона весьма многointересныхъ указаній; авторъ даетъ полный переводъ лишь тѣхъ сказокъ, которыя имѣютъ характеръ оригинальности, ограничиваясь въ другихъ случаяхъ ссылкой на аналогическія сказки другихъ народовъ.

---

¹⁾ „Свѣтулочка“, — печатается въ сентябрьской книгѣ. — Fed. Google

Основная мысль г. Ролстона заключается въ томъ, что между всѣми народными сказками существуетъ сходство и происходило заимствование. Это относится не только къ содержанію, но часто и къ внѣшней формѣ сказокъ. „Русскій, знакомый исключительно съ сказками своей родины—говорить авторъ (стр. 36)—можетъ подумать, что многія прибаутки существуютъ только въ нихъ; а въ дѣйствительности тѣ же самыя прибаутки составляютъ репертуаръ деревенскихъ весельчаковъ среди виноградниковъ Франціи и Германіи; онѣ повторяются на холмахъ Греціи и Норвегіи, на берегахъ Бретани и Аргайлшира; онѣ вызывали много вѣковъ тому назадъ смѣхъ въ Каирѣ и Испани, и въ часъ вечерней прохлады веселили сердце рабочаго, утомленнаго дневнымъ трудомъ подъ палящимъ солнцемъ Индіи“.

На основаніи такого сходства сказокъ, г. Ролстонъ старается отыскать ихъ прототипъ и видитъ его въ той формѣ, которая наиболѣе понятна и получаетъ свой смыслъ въ религиозныхъ вѣрованіяхъ народа; сказка неясная, темная есть непремѣнно заимствованная. Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, происхождение многихъ изъ нашихъ сказокъ слѣдуетъ искать въ Индіи, другія перешли къ намъ съ Востока и пр.

Г. Ролстонъ предоставляет себѣ обратиться впоследствии къ подробному изслѣдованію вопроса о происхожденіи сказокъ; въ настоящемъ трудѣ своемъ онъ даетъ лишь матеріалъ для его разъясненія и группируетъ всѣ сказки около мифологическихъ существъ, которыя играютъ главную роль въ сказкахъ. Таковы олицетворенія злого духа въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, затѣмъ привидѣнія, наконецъ авторъ приводитъ легенды, связанныя съ именами святыхъ, которымъ онъ приписываетъ языческое происхожденіе.

Книга г. Ролстона посвящена памяти А. Н. Афанасьева. Она вся проникнута любовью къ избранному предмету и написана увлекательно. Мы позволимъ себѣ привести послѣднюю страницу этого прекраснаго труда.

„Въ мое первое посѣщеніе Россіи, разъ вечеромъ поѣздъ остановился на небольшой станціи между Петербургомъ и Москвою. Пока чинили машину, пассажиры прохаживались около дороги, а толпа ребятишекъ изъ окрестныхъ деревень собралась поглазѣть на нихъ. Это были первыя русскія крестьянскія дѣти, которыхъ я увидалъ вблизи, и меня поразило сходство ихъ съ англійскими дѣтьми: тѣ же черты и то же выраженіе лица. Съ тѣхъ поръ мнѣ случалось видѣть много крестьянскихъ дѣтей, но у меня сохранились въ памяти мальчики и дѣвочки на станціи, лица которыхъ заходящее солнце обливало своимъ золотымъ свѣтомъ. Казалось, они составляли звено между

страною, которую я покинулъ и обширнымъ государствомъ, съ которымъ я начиналъ мое знакомство. Можетъ быть, подобнымъ звеномъ англійскаго и русскаго чувства послужать сказки, услаждающія англійскихъ и русскихъ дѣтей. Общность сказокъ способна вызвать мысль о всеобщемъ родствѣ. Надѣюсь, что сказки, заключающіяся въ этой книгѣ, возбуждать—по крайней мѣрѣ во многихъ англичанахъ—задушевное чувство къ родственнымъ намъ славянамъ, хотя и живущимъ далеко отъ насъ (стр. 378)“.

М. Капустинъ.

Лондонъ, 4-го іюля 1873.

ПОДДѢЛКА ГОГОЛЯ.

Замѣтка.

Литературная фальсификація у насъ еще большая рѣдкость,—по тому конечно, что наша литература еще очень небогата произведеніями, которыхъ поддѣлка могла бы представить тотъ или другой интересъ и вызвать промышленниковъ этого рода. Тѣмъ не менѣе, недавно произошелъ фактъ подобнаго рода, гдѣ впрочемъ поддѣлка—чего обыкновенно не бываетъ—заявлена и ревниво доказывается самимъ лицомъ, совершившимъ поддѣлку.

По рѣдкости подобныхъ вещей въ нашей литературѣ и оригинальности самаго факта поддѣлки, считаемъ нужнымъ изложить послѣдовательно всю исторію.

Въ январьской книжкѣ „Русской Старины“ 1872 г. напечатаны были „Новые отрывки и варьянты“ къ тремъ первымъ главамъ второго тома „Мертвыхъ Душъ“. По объясненію редакціи „Старины“, эти отрывки сохранились въ рукописи, принадлежавшей извѣстному другу и товарищу Гоголя по Нѣжинскому лицей, Н. Я. Прокоповичу (ум. въ 1857 г.); рукопись была подарена Прокоповичемъ на память его сослуживцу по преподаванію въ одномъ изъ петербургскихъ кадетскихъ корпусовъ, полковнику Н. Ѳ. Я—му (впослѣдствіи эта фамилія оказалась: Ястржембскій). Полковникъ Ястржембскій, живя впослѣдствіи въ губернскомъ городѣ Могилевѣ, познакомился съ директоромъ училищъ Могилевской губерніи М. М. Богоявленскимъ,

нынѣ директоромъ петербургскаго коммерческаго училища, и по его просьбѣ, охотно позволилъ снять точную копію съ своего манускрипта. Эта копія и была напечатана въ „Р. Старинѣ“.

Слививши новый вариантъ съ извѣстными прежними двумя текстами второго тома „Мертвыхъ Душъ“, редакция „Старины“ нашла въ своемъ вариантѣ нѣсколько новыхъ эпизодовъ, напримѣръ, въ первой главѣ — въ разсказѣ о службѣ Тентетникова — столкновение его съ начальникомъ его Лѣбницынымъ, разсказъ дяди Тентетникова о графѣ Сидорѣ Андреевичѣ, рѣчь Тентетникова къ крестьянамъ; во второй — размышленіе генерала Бетрищева о службѣ и о „подлецахъ“, которые ее продолжаютъ; сватовство Чичикова, у генерала, дочери его Уленьки за Тентетникова; обѣдъ Чичикова у генерала; возвращеніе къ Тентетникову, и примиреніе послѣдняго съ генераломъ; въ третьей — предобѣденная закуска у Пѣтуха и сонъ Чичикова. Затѣмъ остальная рукопись вообще сходна съ напечатанными прежде текстами, хотя во многихъ мѣстахъ встрѣчаются отдѣльныя маловажныя различія въ словахъ и выраженіяхъ.

Редакция „Старины“ выразила мнѣніе, что хотя изданные ею новыя отрывки и незначительны по объему, „но въ нихъ искрится неподражаемый, умершій съ Гоголемъ, юморъ, поразительная мѣткость выраженія и художественное воспроизведеніе лицъ, мѣстностей, всего, до чего только касалась кисть гениальнаго мастера“. Редакция находила, что для каждою изъ почитателей Гоголя — а таковы всѣ грамотные русскіе — даже мельчайшіе варианты къ его сочиненіямъ интересны уже потому, что „знакомятъ съ процессомъ творчества безсмертнаго художника“.

Напечатаніе этихъ отрывковъ обратило на себя нѣкоторое вниманіе въ литературѣ: собственно говоря, они мало могли бы прибавить къ извѣстному характеру второго тома, и „процессъ творчества“, который совершался надъ вторымъ томомъ, былъ уже достаточно извѣстенъ изъ напечатанныхъ прежде двухъ его вариантовъ. Г. Чижовъ обратилъ вниманіе на нѣкоторыя частности, которыя показались ему довольно знаменательными, потому что несомнѣнно касались отношеній Гоголя къ Бѣлинскому: именно, въ одномъ изъ прежнихъ вариантовъ находится ясный и очень враждебный намекъ на Бѣлинскаго; этого намека въ третьемъ вариантѣ уже нѣтъ, и въ изображеніи Тентетникова являются, съ другой стороны, новыя черты, по которымъ можно было предполагать новый оттѣнокъ въ мысляхъ Гоголя. Эти подробности упомянуты были нѣсколькими словами и въ „Характеристикахъ литературныхъ мнѣній“, въ главѣ о Гоголѣ.

Прошло почти *полтора года* со времени напечатанія новаго варианта въ „Старинѣ“, и въ литературѣ, — въ которой до сихъ поръ

дѣйствуютъ многіе изъ давнихъ почитателей Гоголя и даже изъ его личныхъ друзей, — не было возбуждено никакого сомнѣнія о томъ, чтобы этотъ третій вариантъ почему-либо не могъ принадлежать Гоголю.

Наконецъ, въ одно прекрасное утро, то самое лицо, которое нѣсколько лѣтъ назадъ сообщило г. Богоявленскому этотъ вариантъ, именно г. Ястржембскій напечаталъ въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ (№ 167, 20-го іюня) заявленіе, что этотъ третій вариантъ никогда не принадлежалъ Гоголю, что это — поддѣлка, мистификація.

Г. Ястржембскій рассказываетъ, что „былъ пораженъ“ появленіемъ въ печати записокъ, сообщенныхъ имъ г. Богоявленскому *тринадцать лѣтъ* назадъ, *подъ условіемъ*, что онѣ *никогда не будутъ напечатаны*. Поразившись, *въ началѣ 1872 года*, г. Ястржембскій „хотѣлъ тотчасъ же“ написать въ редакцію „Р. Старины“, что варианты не принадлежать Гоголю, но „удержался, полагая, что читающая публика сама увидитъ въ нихъ грубую поддѣлку подъ Гоголя и оставить ихъ безъ вниманія“.

Но онъ ошибся: въ *іюльской* книжкѣ „В. Европы“ 1872 г. помѣщена была статья г. Чицова, придававшая большое значеніе новому варианту и заключавшая изъ него объ отреченіи Гоголя отъ идей, высказанныхъ въ „Перепискѣ съ друзьями“. Тогда, „по важности этого заключенія“, г. Ястржембскій „счелъ уже необходимымъ“ заявить редакціи „Р. Старины“ о непринадлежности 3-го варианта Гоголю. (Впослѣдствіи оказалось, что и послѣ того г. Я—ій собрался написать въ редакцію „Р. Старины“ только 31-го октября). Редакторъ „Старины“ въ *февраль 1873 г.* просилъ его сообщить, на чемъ основано его „предположеніе“. Тогда г. Ястржембскій — *съ полною откровенностію*, къ которой его *обязывало уваженіе къ имени Гоголя* — написалъ редактору „Старины“ письмо (копію котораго напечаталъ при письмѣ въ „Спб. Вѣдомостяхъ“) и *выѣстъ* послалъ свою рукопись вариантовъ. Но редакторъ „Старины“ медлил печатаніемъ письма, а между тѣмъ г. Ястржембскій увидѣлъ, что въ „Характеристикахъ“ вновь упомянуто о третьемъ вариантѣ: поэтому онъ и обратился наконецъ съ письмомъ въ „Спб. Вѣдомости“, — „желая положить конецъ этой прискорбной мистификаціи и вывести изъ заблужденія читающую публику“.

Въ приложенномъ письмѣ къ редактору „Старины“, отъ 13-го *февраля 1873*, г. Ястржембскій объясняетъ „откровенно“, что этотъ 3-й вариантъ написанъ имъ *тринадцать лѣтъ* тому назадъ, *никогда не предназначался къ печати*, и написанъ по особенному случаю, состоявшему въ слѣдующемъ. Въ 1859 г., ему случалось въ Могилевѣ спорить съ г. Богоявленскимъ, ему „коротко знакомымъ“, о разныхъ

литературныхъ предметахъ, и между прочимъ о второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“, который г. Ястржембскій считалъ неудачнымъ произведеніемъ.

„Я прибавилъ,—разсказываетъ г. Ястржембскій,—что у меня есть передѣлка трехъ первыхъ главъ 2-й части, гораздо удачнѣе произведенія Гоголя, и что М. М. (Богоявленскій) не узнаетъ, *Гоголь ли это писалъ или кто другой*. М. М. пожелалъ видѣть эту передѣлку, и я общалъ ему отыскать ее въ хламъ старыхъ бумагъ“.

У г. Я—го, по его словамъ, была рукопись 2-й части „Мертвыхъ Душъ“ въ томъ видѣ, какъ она была послѣ напечатана, и онъ, *недовольный этой 2-ю частью*, передѣлалъ три первыя главы ея и сообщилъ г. Б—му. Тотъ прочелъ и объявилъ, что „это не поддѣлка подъ Гоголя, а самъ Гоголь“. Г. Я—ій — по его словамъ—увѣрялъ его въ противномъ, но г. Б—ій стоялъ на своемъ и утверждалъ, что эту драгоценную вещь слѣдуетъ напечатать. Г. Я—ій отвѣчалъ, что, „дорожа именемъ Гоголя, *не осмѣлится никогда* выдать за гоголевское то, что принадлежитъ чьему-то досужему перу“. Онъ позволилъ только г. Б—му списать копію съ его рукописи, но съ условіемъ: никогда не печатать. — Подлинникъ остался у г. Я—го, который и переслалъ его теперь, въ февралѣ 1873, редактору „Старины“—„въ томъ видѣ, въ какомъ былъ написанъ, съ помарками и поправками, доказывающими, что статья была написана на-скоро и вовсе не предназначалась для печати“.

Затѣмъ г. Ястржембскій забылъ о своей рукописи, и теперь, когда она была напечатана и вызвала литературныя сужденія, онъ рѣшился кончить мистификацію: „шутка зашла слишкомъ далеко... Я могъ позволить себѣ шутку въ дружескомъ кружкѣ, *желая испытать литературное чутье* человека, изучавшаго Гоголя; но я не могу вводить въ заблужденіе читающую публику и выдавать за гоголевское то, что не принадлежитъ ему“. О г. Б—мъ онъ заявляетъ, что тотъ, печатая рукопись въ „Р. Старинѣ“, „поступилъ опрометчиво“. Въ заключеніе, г. Я—ій заявляетъ, что въ этомъ — „*вся истина*“.

Благородная откровенность, съ которой г. Ястржембскій заявилъ о своей поддѣлкѣ, заслуживаетъ конечно всякой похвалы. Г. Богоявленскій поступилъ очень опрометчиво, печатая, какъ гоголевское, то, о чемъ ему прямо говорили, что это писано не Гоголемъ. Но, къ сожалѣнію, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, въ разсказѣ г. Я—го на первыхъ же порахъ оказались прискорбныя неточности, трудно объяснимыя,—такъ что „вся истина“ г. Я—го выходила какъ будто бы не „вся“.

Издатели „Старины“ помѣстили въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, № 175, 28-го іюня, свое объясненіе, гдѣ замѣтили при-
скорбныя неточности г. Я—го, и даже представили ихъ въ очень
странномъ свѣтѣ.

Несмотря на то, что г. Ястржембскій, по его словамъ, былъ
такъ „пораженъ“ появленіемъ отрывковъ, оказывается, что прошелъ
почти годъ, пока редакція „Старины“ получила отъ него, въ ноябрѣ
1872-го г., первыя замѣчанія, бросавшія тѣнь подозрѣнія на 3-й
вариантъ. Г. Ястржембскій предлагалъ въ это время редакціи печа-
таніе его „Воспоминаній“, и въ *притиски* къ этому письму выразилъ
удивленіе, какъ г. Богоявленскій безъ его вѣдома и согласія, напе-
чаталъ отрывки: „а что если отрывки поддѣлка? А въ этомъ я почти
не сомнѣваюсь“. Прискорбно, что г. Я—ій въ это время, повиди-
мому, не желалъ говорить „всей истинны“; редакція „Старины“ есте-
ственно было спросить его, на чемъ онъ основываетъ свое „предпо-
ложеніе“. Къ сожалѣнію, и здѣсь опять г. Я—ій обнаружилъ нѣко-
торую медленность, и только въ *февралѣ* 1873-го г. сдѣлалъ свои
первыя признанія въ письмѣ къ редакціи „Старины“, которое потомъ
напечаталъ въ „Спб. Вѣд.“ и содержаніе котораго мы видѣли.

Издатели „Старины“ говорятъ въ своей статьѣ, что г. Я—ій
прислалъ въ редакцію этого журнала, въ томъ же февралѣ 1873-го г.,
другое письмо, гдѣ объяснялъ, что былъ знакомъ съ *Прокоповичемъ*
(ум. въ 1857) по службѣ въ кадетскомъ корпусѣ и *получилъ отъ него*,
для списанія, 2-ю часть „*Мертвыхъ Душъ*“, ходившую тогда въ ру-
кописи; а затѣмъ въ 1859 г., когда у него зашелъ споръ съ г. Бо-
гоявленскимъ, г. Я—ій — по его словамъ — устроилъ и самую
поддѣлку. Именно: „когда я сказалъ, что М. М. Богоявленскій не
узнаетъ поддѣлки подъ Гоголя, я *переписалъ* имѣвшуюся у меня ру-
копись, и *на-скоро сдѣлалъ* извѣстныя вамъ вставки. Я считалъ не-
удобнымъ тогда же сознаться предъ М. М. въ *мистификацію*, кото-
рую онъ могъ бы найти обидною для себя. Я позволялъ ему снять
копію съ моей рукописи, *взявъ съ него слово, что рукопись никогда*
не будетъ напечатана“.

Такъ объясняетъ г. Я—ій. Но рукопись, присланная имъ къ изда-
телямъ „Старины“, написана,—по словамъ послѣднихъ,—на одной и
той же пожелтѣвшей отъ времени бумагѣ „безъ всякихъ слѣдовъ
вставокъ или помарокъ и передѣлокъ, кромѣ исправленія немногихъ
описокъ: такимъ образомъ, чтобъ устроить свою шутку, г. Я—ій,
судя по внѣшнему виду доставленной имъ рукописи, долженъ былъ
предварительно составить тѣ измѣненія и дополненія, какія имъ при-
знаны нужными, и потомъ своею рукою не только написать всѣ

74 страницы тетради въ листъ, но и „разрѣшить“ такую работу г. Б—му.“

Шутка подобнаго рода казалась редакціи „Старины“ не совсѣмъ вѣроятной, — это дѣйствительно была странная шутка между хорошими пріятелями, — но редакція готова была напечатать заявленіе г. Я—го по его желанію, когда другой участникъ дѣла, г. Б—ій сообщил редакціи отыскавшееся старое письмо г. Я—го, которое относилось прямо къ этому предмету.

Письмо, отъ 14-го февраля 1861-го года, изъ Могилева, излагаетъ въ началѣ чувства нѣжнѣйшей дружбы г. Я—го къ г. Б—му, и затѣмъ разсуждаетъ о вариантѣ „Мертвыхъ Душъ“ слѣдующими словами:

„Напечатаніе вариантовъ „Мертвыхъ Душъ“ предоставляю вашему усмотрѣнію, но прошу васъ при изданіи не упоминать обо мнѣ. Хотя я и получилъ этотъ списокъ отъ покойнаго Прокоповича въ сороковыхъ годахъ, но не вполне увѣренъ, что это сочиненіе самаго Гоголя, а ввести публику въ заблужденіе было бы грѣшно.“

„Что же все это значитъ?“ — спрашиваютъ издатели „Старины“ и резюмируютъ дѣйствія г. Ястржембскаго: въ 1859 г. онъ *шутитъ*, представляя своему глубоко уважаемому знакомому свою предполагаемую поддѣлку подъ любимаго автора, для чего не жалѣетъ времени и труда, исписывая, повидимому вдвойнѣ, 74 страницы. Въ 1861, когда шуткѣ пора бы было кончиться, онъ предоставляетъ *усмотрѣнію* того же „дорогаго“ знакомаго напечатать эту поддѣлку какъ произведеніе Гоголя, съ умолчаніемъ только имени его, Ястржембскаго, и положительно говорить, что *именно этотъ*, т. е. сообщаемый г. Богоявленскому, списокъ онъ получилъ отъ Прокоповича, въ сороковыхъ годахъ. Въ 1873 г., онъ печатно обвиняетъ г. Богоявленскаго въ опрометчивости, называетъ *тотъ же списокъ* поддѣлкой, и себя авторомъ.

Въ концѣ-концовъ, редакція „Старины“ убѣждалась, что во всемъ этомъ есть дѣйствительно „прискорбная мистификація“, но совершенно недоумѣвала о томъ, что именно было мистификаціей — то ли, что говорилъ г. Я—ій, передѣлывая — по его словамъ — Гоголя; то ли, что онъ въ 1861 г. увѣрялъ г. Б—го, что именно *этотъ списокъ* онъ получилъ отъ Прокоповича; или же наконецъ мистификаціей было напечатанное теперь покаяніе г. Я—го въ „неосторожной шуткѣ“.

Читатель видѣлъ изъ предыдущаго, что въ показаніяхъ г. Я—го, при всей *полной откровенности* ихъ, вкралось очень странное противорѣчіе. Онъ говоритъ о *справедливомъ негодованіи* своимъ на г. Б—го за напечатаніе отрывковъ, когда г. Б—ій имѣлъ полное

его разрѣшеніе, и могъ негодовать на него самого. Нельзя скрыть, что редакція „Старины“ могла придти въ недоумѣніе относительно владѣльца варианта. Г. Я—ій самъ положительно говоритъ (еще въ письмѣ отъ 22-го февр. 1873 г.), что у него была все-таки въ сороковыхъ годахъ *рукопись, полученная отъ Прокоповича*, о которой въ письмѣ 1861-го г. онъ говоритъ, что *именно она* и была сообщена г. Б—му (по новому разсказу 1873-го г., сообщенъ былъ вариантъ, составленный якобы г. Я—мъ): гдѣ же *эта* рукопись, полученная отъ Прокоповича, была ли *эта* рукопись сообщена тогда г. Б—му? При ихъ дружескихъ отношеніяхъ, при общемъ интересѣ къ Гоголю мудро себѣ представить, чтобы г. Я—ій не сообщалъ ее своему другу.

Теперь г. Богоявленскій долженъ былъ бы, въ виду заявленій г. Я—го, разсказать, въ какомъ видѣ могли происходить споры 1859 г., о которыхъ послѣдній упоминаетъ. Г. Б—му можетъ казаться непріятно вступать въ препирательства съ столь уважающимъ его г. Я—мъ, но онъ долженъ одолѣть это естественное непріятное чувство, онъ долженъ помочь своему другу, которому, повидимому, нѣсколько измѣняетъ память (самъ г. Я—ій подаетъ ему въ этомъ примѣръ: онъ огорченъ, что долженъ говорить противъ своего друга г. Б—го,—но, *amicus Plato*, замѣчаетъ онъ чрезвычайно справедливо, *sed magis amica veritas*). Правда, дѣло было давно, но общее впечатлѣніе, вѣроятно, сохранилось, и г. Б—ій, въ настоящихъ обстоятельствахъ, *обязанъ* собрать свои воспоминанія. Противъ г. Б—го выставляется серьезное обвиненіе, которое ему необходимо разъяснить: правда-ли, что г. Я—ій, какъ онъ говоритъ, тогда прямо увѣрялъ его, что вариантъ не принадлежитъ Гоголю, и что такимъ образомъ г. Б—ій только по упрямству настаивалъ на противномъ и такимъ образомъ впоследствии сознательно выдалъ публикѣ за гоголевскій—тотъ вариантъ, о которомъ такъ или иначе былъ предупрежденъ. Показывалъ-ли ему тогда г. Я—ій одну рукопись, или двѣ, т.е. списокъ полученный отъ Прокоповича и свой собственный; и какъ же онъ объяснялъ себѣ слова г. Я—го въ самомъ письмѣ 1861-го г.

Относительно списка, полученнаго отъ Прокоповича, самъ г. Я—ій допускаетъ еще одну неясность, которой не замѣтили пока его противники, но которая требуетъ точнаго объясненія. Въ письмѣ къ редакціи „Старины“ (13-го февр. 1873 г.) онъ говоритъ, что у него была (Прокоповичева) рукопись 2-й части—, въ томъ видѣ, въ какомъ впоследствии она напечатана. Въ какомъ же это видѣ? Рукопись 2-й части „Мертвыхъ Душъ“, какъ извѣстно, состоитъ изъ текста, переполненнаго нѣсколькими разными слоями поправокъ и измѣненій,

такъ что издатели Гоголя печатають обыкновенно два текста по одной и той же рукописи. Откуда была рукопись Прокоповича, и была ли она только спискомъ съ уцѣлѣвшей рукописи, послужившей для изданія, или у Прокоповича сохранился какой-нибудь особенный текстъ? Это послѣднее было очень возможно. Во всякомъ случаѣ, если рукопись г. Я—го была „въ томъ видѣ, въ какомъ впоследствии она напечатана“, то въ 1859 году, когда было уже нѣсколько изданій 2-й части „Мертвыхъ Духъ“, какая была надобность г. Я—му „перепечатывать имѣвшуюся у него рукопись“ и дѣлать въ ней „наскоро“ вставки—когда проще было бы взять прямо печатную книгу?

Наконецъ, въ № 184-мъ „Спб. Вѣдомостей“, 7-го іюля, г. Я—ій дѣлаетъ еще заявленіе въ отвѣтъ на статью издателей „Р. Старины“, и намѣревается „разъяснить, по возможности, это темное дѣло“.

Дѣло это дѣйствительно темное; но какъ мы увидимъ, г. Я—ій къ сожалѣнію все еще не разъяснилъ его. Онъ повторяетъ вначалѣ свои прежнія объясненія; послѣ отвѣта издателей „Старины“ напоминаетъ „одно обстоятельство“, о которомъ за давностью времени забывалъ. Онъ вспомнилъ, что въ 1861 году г. Б—ій выразилъ желаніе напечатать „интересные“ варианты. „Помнится, — говоритъ г. Я—ій („Р. Старина“ очень это напомнила, напечатавши его собственное письмо), — я отвѣчалъ, что предоставляю это его усмотрѣнію, но прошу не упоминать обо мнѣ, потому что я не увѣренъ, что это сочиненіе Гоголя, а вводить въ заблужденіе публику было бы грѣшно. Я полагалъ, что сказаннаго будетъ достаточно для удержанія М. М. (г. Богоявленскаго) отъ напечатанія вариантовъ, и что если онъ и рѣшится на это, то непременно заявить, что есть сомнѣніе, Гоголь ли это писалъ, или нѣтъ“.

Странное ожиданіе! Г. Я—ій такимъ образомъ предоставлялъ дѣло все-таки чистому случаю. Рукопись оставалась въ рукахъ г. Б—го, не имѣвшаго сомнѣнія о вариантѣ, и могла быть напечатана, — и г. Я—му пришлось бы обличать своего друга: онъ завѣдомо ставилъ его въ фальшивое положеніе, — или, еслибы что-нибудь помѣшало ему поправить дѣло, — оставилъ бы въ литературѣ въ обращеніи фальшивую монету. Впоследствии, онъ молчитъ почти цѣлый годъ, и послѣ появленія статьи г. Чицова ждетъ еще полгода для признанія въ мистификаціи. Теперь г. Я—ій раскрывается, что не сдѣлалъ признанія раньше. Но мы опасаемся, что и послѣ „полной откровенности“, „всей истины“ и раскаянія есть основанія считать дѣло очень сомнительнымъ.

Съ своей стороны, г. Я—ій дѣлаетъ, по поводу напечатанія варианта, слѣдующіе вопросы: 1) отчего г. Б—ій, если не былъ связанъ

словомъ въ 1859, не напечатать статьи, и въ 1861 просить разрѣшенія на это? 2) Отчего, получивъ разрѣшеніе поступить по своему усмотрѣнію въ 1861, г. Б—ій не печатать рукописи до 1872? 3) Почему, печатая вариантъ, онъ не упомянулъ о томъ, что есть сомнѣніе, принадлежитъ ли сочиненіе Гоголю? 4) Почему редакция „Старины“ не печатала четыре мѣсяца заявленія г. Я—го? Наконецъ 5) „если бы статья моя,—говорить г. Я—ій,—была спискомъ съ чьей-нибудь рукописи. неужели въ теченіе 13-ти лѣтъ не нашелся бы другой списокъ этой рукописи? Да и могъ ли бы я рѣшиться выдавать за свое то, что могло быть въ другихъ рукахъ и въ чемъ меня можно было бы легко уличить?“

Для разъясненія дѣла, дѣйствительно нужно, чтобъ г. Богоявленскій отвѣтилъ на относящіеся къ нему вопросы, вмѣстѣ съ тѣми, какіе указаны нами выше. Редакція „Рус. Старины“ слѣдуетъ отвѣтить на 4-й вопросъ, и также разъяснить подробнѣе свойства рукописи,—такъ какъ,—говорить г. Я—ій,—не получая обратно своей рукописи, „я лишился единственнаго документа, которымъ хотя до нѣкоторой степени могъ бы доказать, что статья *писана*, а не *списана* мною. Въ рукописи, сколько мнѣ помнится, есть пометки и поправки, ясно доказывающія, что статья писана, а не списана“.

Все это относится пока къ внѣшней сторонѣ дѣла; но затѣмъ г. Ястржембскій сообщаетъ и свои внутреннія помысленія. Единственнымъ побужденіемъ его обратиться въ редакцію „Р. Старины“ было—разъясненіе дѣла. „Я не *вижу*,—говорить онъ,—*литературной извѣстности*, не придаю никакого значенія написаннымъ мною вариантамъ, удивляюсь, что въ нихъ не узнала сразу неловкая поддѣлка подъ Гоголя“ и проч. Скромность г. Я—го безъ сомнѣнія похвальна, какъ и откровенность; но въ его понятіяхъ и здѣсь есть нѣкоторая ошибочность. „Литературная извѣстность“, о которой можетъ думать здѣсь г. Я—ій, есть извѣстность фальсификатора—единственная, какую онъ могъ бы приобрести. Мы можемъ только одобрить его, что этой презрѣнной извѣстности онъ не искалъ ¹⁾; но должно сказать, что на другую, болѣе почетную извѣстность онъ не могъ бы рассчитывать; мы скажемъ далѣе, почему.

Затѣмъ г. Я—ій объясняетъ,—„какимъ образомъ онъ могъ поддѣлаться подъ Гоголя *до того*, что *многие* не узнали поддѣлки“ ²⁾. Объясненіе состоитъ въ томъ, что Гоголь былъ любимый писатель г.

¹⁾ Г. Ястржембскому вѣроятно извѣстно, что и въ литературѣ поддѣлка цѣнится также, какъ и въ другихъ вещахъ: настоящій алмазъ можетъ стоить сотни и тысячи рублей, а поддѣльному алмазу цѣна—грошъ.

²⁾ Сколько мы понимаемъ, не *многие*, а *никто* не говорилъ въ печати о поддѣлкѣ до заявленія самого г. Я—го.

Я—го, что онъ долго изучалъ Гоголя, зналъ почти наизусть всѣ его творенія, и притомъ сильно негодовалъ на него за „Переписку“ и за 2-ю часть „М. Душъ“. *Подъ вліяніемъ известнаго письма Бѣлинскаго* г. Я—ій долго обдумывалъ, какъ бы слѣдовало передѣлать 2-ю часть „Мертвыхъ Душъ“, чтобы она сдѣлалась „достойнымъ продолженіемъ“ первой. Процессъ поддѣлки описанъ слѣдующимъ образомъ:

„Еще до прискорбной мистификаціи съ М. М. (г. Богоявленскимъ) у меня были наброски вставокъ и передѣлокъ второй части, и я воспользовался ими, когда предстала надобность испытать, до какой степени М. М. изучилъ любимаго имъ и мною автора. Мнѣ не стоило большого труда передѣлать три первыя главы второй части, и я это сдѣлалъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Имѣй я тогда больше времени, я передѣлалъ бы и остальные главы. Я вставилъ извѣстный въ свое время *всему Петербургу анекдотъ* о графѣ Сидорѣ Андреевичѣ, *случившійся* въ 1854 году, т.-е. послѣ кончины Гоголя. Я заставилъ генерала Бетрищева сказать о Михайловскомъ-Данилевскомъ то, что вмѣстѣ со многими *смишалъ въ Витебскъ*, за обѣдомъ, въ 1856 году, отъ одного генерала, участвовавшего въ отечественной войнѣ, и тоже какъ-то забытаго Данилевскимъ; я описалъ завтракъ у Петра Петровича Пѣтуха со сцены, которой, вмѣстѣ съ другими, былъ свидѣтелемъ здѣсь, *въ Могилевѣ*, у одного барина-сибарита, любившаго плотно поѣсть и угостить, и хваставшаго тѣмъ, что онъ не знаетъ что такое скука; я дополнилъ недосказанное у Гоголя примиреніе Тентетникова съ Бетрищевымъ и сватовство Чичикова. Однимъ словомъ я, а не кто другой, написалъ варианты, напечатанные въ „Русской Старинѣ“. На этомъ я *стою твердо* (?)—и останусь навсегда“ и пр.

Прежде, чѣмъ закончить эту исторію, мы должны упомянуть о нападеніяхъ, какимъ подвергся по этому случаю „Вѣстникъ Европы“: вотъ-де на чемъ этотъ журналъ строить свои выводы; вотъ какъ онъ близорукъ, что не разобралъ столь грубой поддѣлки. Газета „Русскій Міръ“ въ № 169 (1-го іюля), принявъ роль какого-то бульварнаго Демокрита, нашла мѣсто для вопроса о неопозволительной шуткѣ надъ Гоголемъ среди фельетонной, какъ всегда мнимо-остроумной, болтовни о персидскомъ шахѣ, г. Егаревѣ, m-me Ривьеръ и т. п. Фельетонистъ, вычитавъ заявленіе г. Я—го, нашелъ, что все это только—забавно; увѣрился, что варианты поддѣльны (онъ называетъ ихъ „довольно удачной поддѣлкой“, но рядомъ же говоритъ объ „относительной ничтожности вариантовъ“), подшутилъ надъ „прогрессирующей критикой“, поторопившейся „воспользоваться поддѣл-

кой для своихъ тенденціозныхъ цѣлей". Демокритъ не потрудился прочесть уже напечатанный тогда (28-го іюня) отвѣтъ издателя „Старини“, гдѣ вопросъ о поддѣлкѣ переставалъ уже быть только забавнымъ¹⁾.

Газета „Голось“, въ № 185 (6-го іюля), одинаково съ „Русскимъ Міромъ“ находитъ дѣло только забавнымъ, и прибавляетъ еще обвиненіе противъ редакціи „Вѣстника Европы“, „хранящей краснорѣчивое молчаніе и ничего не говорящей о ложныхъ выводахъ своихъ критиковъ“. Неужели столь опытная газета не понимала, что заявляла къ „Вѣстнику Европы“ невозможное требованіе? Когда же возможно было „Вѣстнику Европы“ говорить объ этомъ дѣлѣ? Заявление г. Я—го сдѣлано было 20-го іюня. Редакція „Вѣстника Европы“ не могла же говорить о дѣлѣ, не дождавшись отвѣта *другой стороны*, — это и всегда бываетъ необходимо для оцѣнки факта, а въ настоящемъ случаѣ было необходимо особенно, потому что, какъ мы видѣли, г. Я—ій, несмотря на „полную откровенность“ и на „всю истину“, допустилъ въ своемъ разсказѣ нѣсколько весьма прискорбныхъ неточностей, а отвѣтъ другой стороны явился только 28-го іюня, когда іюльская книга „Вѣстника Европы“ должна была уже находиться въ цензурѣ. Наконецъ, послѣдній отвѣтъ г. Я—го, на которомъ онъ „сталъ твердо“, явился уже въ іюлѣ.

Возвращаемся къ г. Ястржембскому.

Итакъ, хотя г. Ястржембскій раскаявается въ своей неосторожности, но въ „темномъ“ дѣлѣ еще остаются темныя стороны, которыя онъ, а не кто другой долженъ разъяснить. Мы отчасти указывали, въ чемъ онѣ состоятъ. Въ его разсказѣ, несмотря и на послѣднее его заявленіе, остаются вещи, вынуждающія недоумѣніе и недоуѣріе, остаются противорѣчія, очень сомнительныя и имъ не разъясненныя.

Главнымъ изъ нихъ остается то, которое не было замѣчено ни имъ самимъ, ни его противниками, ни тѣми газетными фельетонистами, которые поспѣшили воспользоваться скандаломъ поддѣлки для своего ремесла. Вопросъ въ томъ: гдѣ рукопись 2-й части, полученная отъ Прокоповича, какимъ образомъ г. Ястржембскій могъ съ со-

¹⁾ Газета „Русскій Міръ“ получила тогда уже своего новаго редактора: ни по-совѣтовали бы ему — постараться зарекомендовать себя передъ читателями болѣе серьезнымъ отношеніемъ къ литературѣ и отстать отъ бульварныхъ ухватокъ: это было бы очень не лишнимъ для человѣка, который до сихъ поръ имѣлъ въ русской литературѣ положеніе болѣе чѣмъ скромное, потому что извѣстенъ только нѣкоторыми ребяческими стишками.

роковыя годахъ получить ее отъ Прокоповича „*въ томъ видѣ, какъ она была напечатана?*“

Тѣмъ, кто знаетъ способъ писанія или „процессъ творчества“ Гоголя, извѣстно, что надъ 2-й частью „Мертвыхъ Душъ“ онъ работалъ вѣроятно больше, чѣмъ надъ какимъ-нибудь изъ своихъ другихъ произведений. Онъ обдумывалъ и мѣнялъ текстъ множество разъ; переписанная начисто рукопись дополнялась и измѣнялась приписками и поправками, переписывалась начисто снова, потомъ опять на чистомъ экземплярѣ дѣлались новыя поправки и вставки. Извѣстно, что даже въ короткіе промежутки времени его друзьямъ случилось отъ него слышать первую главу въ весьма различномъ видѣ, какъ будто она была имъ послѣ „вновь написана“. Самъ Гоголь говорилъ въ послѣднее время своей жизни, — вѣроятно, чтобы оправдать вѣдую медленность своей послѣдней работы, — что по его мнѣнію писатель долженъ поступать такъ съ своей рукописью до девяти разъ — одинъ изъ людей, его знавшихъ, предполагалъ даже, что со второй частью это было вѣроятно и больше девяти разъ, потому что вторая часть никакъ ему не давалась.

Послѣдняя рукопись, надъ которой работалъ Гоголь, не существуетъ; онъ ее сжегъ. Достаточно прочесть предисловіе г. Кулиша ко 2-й части „Мертвыхъ Душъ“, чтобы видѣть, что если бы сохранилось нѣсколько, двѣ-три, изъ предварительныхъ рукописей Гоголя, то конечно, ни одна не могла быть совершенно сходна съ другой. Та черновая рукопись, по которой 2-я часть была напечатана послѣ его смерти, дала возможность напечатать съ нея два разныхъ текста. Очевидно также, что если у Прокоповича была *въ сороковыя годахъ* рукопись 2-й части, она могла представлять собой только одну изъ предварительныхъ редакцій, и по указанному основанію, — можно положительно сказать — никакъ не могла походить на ту рукопись, которая была впоследствии напечатана: наконецъ „напечатано“ два текста, — который же разумѣть г. Я—ій?

Г. Ястржембскій можетъ сколько ему угодно упражняться въ поддѣлываньи Гоголя — намъ было бы нисколько не трудно признать, что онъ самъ сочинилъ 3-й вариантъ; но онъ обязанъ сказать, *какая же рукопись была имъ получена отъ Прокоповича, и куда она дѣвалась?*

Если г. Я—ій хочетъ доказывать, что имъ сочиненъ 3-й вариантъ, то дѣказательствомъ должна была бы служить не *та* рукопись, которую онъ сообщилъ г. Б—му, а *та*, которую онъ получилъ отъ Прокоповича.

Переходимъ къ объясненіямъ г. Я—аго, какъ онъ производилъ свою поддѣлку. Въ этихъ объясненіяхъ мы также къ сожальнію на-

ходимъ нѣкоторую неточность и такъ-сказать легкость въ мысляхъ. Прежде всего, г. Я—ій — по его словамъ — именно *подъ вліяніемъ* известнаго письма Бѣлинскаго думалъ передѣлать 2-ую часть такъ, чтобъ она была *достойнымъ продолженіемъ* первой. Въ передѣлкѣ его это замѣтно очень мало. Единственная передѣлка, которой можно придать *такой* смыслъ, это — исключеніе прежнихъ намековъ Гоголя на Бѣлинскаго и вставка *одной* фразы о человѣческомъ достоинствѣ. Все остальное нисколько не служитъ для цѣли, на которую ссылается г. Я—ій; все остальное совершенно безразлично, не вноситъ *никакой* новой особенности, которая бы могла доставить „достойное продолженіе“, — такъ что объясненіе г. Я—го далеко не оправдывается дѣломъ.

Прибавки, сдѣланныя г. Я—мъ и, по его словамъ, доказывающія *позднѣйшее* сочиненіе, состоятъ въ „анекдотѣ“ о графѣ Сидорѣ Андреевичѣ, и словахъ о Данилевскомъ, слышанныхъ въ Витебскѣ. Но въ томъ, что сказано объ этомъ графѣ, нѣтъ никакого анекдота, *случившагося* въ 1854 году ¹⁾. То, что сказано о Данилевскомъ, столь безразлично, что могло быть сказано въ 1856 году точно также, какъ и въ 1846, и точно также въ Витебскѣ, какъ во всякомъ другомъ столичномъ и губернскомъ городѣ.

Но еще страннѣе то, что г. Я—ій какъ будто считаетъ своей вдумкой и то, что принадлежитъ настоящему Гоголю. Для описанія завтрака у Пѣтуха (всего нѣсколько строкъ, которыхъ нѣтъ въ известныхъ спискахъ 2-й части и которыя впрочемъ только повторяютъ общую тему этого описанія) вовсе не нужно было моголевскаго „барина-сибарита, хваставшагося тѣмъ, что онъ не знаетъ, что такое скука“. Г. Я—ій забылъ, что разсужденіе Пѣтуха о скукѣ принадлежитъ не ему, г. Я—му, а самому, настоящему Гоголю. Неточность, которой не долженъ былъ допускать человѣкъ, столь глубоко изучившій Гоголя, какъ г. Я—ій.

Еще страннѣе другое совпаденіе г. Я—го съ настоящимъ Гоголемъ. Г. Я—ій говоритъ, что онъ „дополнилъ недосказанное у Гоголя примиреніе Тентентикова съ Бетрищевымъ и сватовство Чичикова“. (NB. Замѣтимъ, что это — *единственная большая вставка* въ 3-мъ вариантѣ, сочиненнаго г. Ястржембскимъ). Что эти сл-

¹⁾ Вставка о графѣ Сидорѣ Андреевичѣ вся состоитъ изъ слѣдующихъ: „Знаешь ли, братъ, каковъ мой начальникъ, графъ Сидоръ Андреевичъ (—говоритъ Тентентикову его дядя). Вотъ ужъ, можно сказать, собака, а добрыйша, благороднѣйшая душа. Сколько разъ онъ меня, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, называетъ дуракомъ, ну что дуракомъ, просто по матерному выругаетъ, и что же? черезъ два часа ничего не помнить, и опять дружески разговариваетъ, спрашиваетъ скоро ли жена опять отелится“.

жеты, „примиреніе“ и „сватовство“, которые остались недосказаны въ сохранившемся текстѣ 2-й части, были однако у Гоголя, это было извѣстно изъ воспоминаній лицъ, слышавшихъ 2-ую часть отъ самого Гоголя: г. Я—ій могъ это узнать изъ примѣчаній Шевырева, повторяемыхъ до сихъ поръ въ изданіяхъ 2-й части. Но чего не могъ узнать г. Я—ій въ 1859 году ни изъ какихъ печатныхъ данныхъ, это — *подробностей*, съ какими эти сюжеты *являются у Гоголя*: эти подробности должны были уже вполнѣ принадлежать фантазіи г. Я—го, и онъ дѣйствительно говоритъ, что самъ „дополнилъ недосказанное“.

И намъ остается признать, что въ самомъ дѣлѣ г. Я—ій изумительно изучилъ Гоголя и изумительно угадывалъ, что могъ бы написать объ этомъ *самъ Гоголь*, — потому что оказывается, что подробности, вставленные г. Я—мъ въ рассказъ о „примиреніи“ въ 1859 году, до чрезвычайности *совпадаютъ* съ тѣмъ, что только въ 1862 году стало извѣстно объ изложеніи этого сюжета у *самого Гоголя*, — изъ напечатанныхъ тогда воспоминаній людей, лично слышавшихъ чтеніе 2-й части отъ самого Гоголя. Для нагляднаго объясненія дѣла мы приведемъ рядомъ и то, и другое, en regard:

Дополненія, сочиненныя г. Ястржембскимъ (въ 1859 г.).

Воспоминанія о чтеніи 2-й части „М. Душъ“ самимъ Гоголемъ. (Напечатано въ 1862 г.).

[Чичиковъ посѣтилъ генерала Бетрищева, говорилъ тамъ въ пользу Тентетникова и посваталъ за него Уленьку:]

Въ тотъ же вечеръ онъ воротился къ Тентетникову. Андрей Ивановичъ встрѣтилъ его на крыльцѣ и повидному ожидать съ нетерпѣніемъ.

— Ну, Андрей Ивановичъ, сердитесь на меня, если хотите, но я обвѣроженъ генераломъ.

— Да, я и самъ нахожу, что онъ человѣкъ почтенный, но гордость его...

— Не договаривайте пожалуйста. Знаете-ли вы, что онъ самъ къ вамъ собирався сегодня?

— Зачѣмъ?

— Доказать вамъ, что онъ не гордъ; что онъ васъ цѣнитъ и уважаетъ; что для него крайне больно, что одно пустое слово поселило между вами разрывъ.

— Онъ хотѣлъ ко мнѣ *прійхать* первый?

— Ужъ были поданы лошади, когда я *пріѣхалъ*.

— Такъ стало-быть я въ немъ ошибся. Я *поправлю мою ошибку и завтра же предупреджу его*. Видѣли вы Уленьку?

Прощаясь съ нимъ (съ Чичиковымъ), онъ (генералъ Бетрищевъ) просилъ его возвратиться скорѣе и привезти съ собою Тентетникова. Пріѣхавъ къ Тентетникову въ деревню, Чичиковъ рассказываетъ ему какъ грустна Уленька, какъ жалѣетъ генералъ, что его не видѣть, что генералъ совершенно раскавается, и чтобы кончить недоразумѣніе, *напрямъ самъ первый къ нему пріѣхать съ визитомъ*, и просить у него прощенія. Все это Чичиковъ выдумалъ. Но Тентетниковъ, влюбленный въ Уленьку, разумѣется, радуется предлогу, и говоритъ, что если все это такъ, то онъ *не допуститъ генерала до этого, а самъ завтра же готовъ ѣхать, чтобы предупредить его визитъ*. Чичиковъ это одобряетъ, и они условиваются ѣхать вмѣстѣ на другой день къ генералу Бетрищеву.

— Дивное, прелестное созданіе. Знаете, Андрей Ивановичъ, вы родились въ рубашкѣ. Соединить въ себѣ и молодость, и умъ, и красоту, и состояніе, и найти подругу жизни, подобную Уленькѣ... Это такіа блага, которыя не всякому посылаются судьбою.

Тентетниковъ вскочилъ со стула и сталъ быстро прохаживаться.

— Такъ вы думаете, что онъ не откажетъ?

— Не думаю, а увѣренъ въ этомъ.

— Увѣрены?

— Увѣренъ, потому что изъ любви къ вамъ, изъ преданности вамъ, я обдѣлалъ за васъ ваше дѣло, (и проч.).

...Тентетниковъ не далъ договорить и бросился на шею Павлу Ивановичу.

— Вы мой благодѣтель, вы мой лучший другъ — я никогда не забуду оказанной вами услуги...

До поздней ночи продолжался разговоръ Чичикова съ Тентетниковымъ. Нужно было сказать про исторію о генералахъ, и это крайне затрудняло Павла Ивановича, знавшаго, что Тентетниковъ мать не любитъ. Однако-жь и это сошло благополучно (и проч.).

— Помилуйте, сказалъ Тентетниковъ, да за что же это, да я никогда и не думалъ заниматься исторіею 12-го года.

— Знаю, любезнѣйшій, знаю, что вы занимаетесь исторіею человечества вообще. Но посудите, генералъ, русский генералъ, пойметъ-ли онъ важность, пользу вашихъ изслѣдованій. Иное дѣло исторія о генералахъ. Это ему понятно, онъ самъ генералъ. Да притомъ же что такое? Вѣдь вы ученый человѣкъ; вѣдь вы можете написать исторію не только 12-го, но какого угодно года! И почему же не написать, когда будущему вашему тестю, отцу вашей Уленьки, желательно имѣть истинную исторію 12-го года... (и проч.).

— Ну вотъ видите, Павелъ Ивановичъ, въ какое положеніе вы меня поставили вашею излишнею ревностію; генералъ станеть говорить со мною о генералахъ 12-го года и о Данилевскомъ, а вѣдь я и не читывалъ Данилевскаго.

— Что же за бѣда, Андрей Ивановичъ. Почему же не угодить вашему будущему тестю... Вы только дайте ему говорить, да соглашайтесь, и, по-

Вечеромъ того же дня Чичиковъ признается Тентетникову, — что совралъ, рассказать Бетрицеву, что будто бы Тентетниковъ пишетъ исторію о генералахъ. Тотъ не понимаетъ, зачѣмъ это Чичиковъ выдумалъ, и не знаетъ, что ему дѣлать, если генералъ заговоритъ съ нимъ объ этой исторіи. Чичиковъ объясняетъ, что и самъ не знаетъ, какъ у него это сорвалось съ языка; но что дѣло уже сдѣлано, а потому убѣдительно проситъ его, ежели онъ уже не намѣренъ мать, то чтобы ничего не говорить, а только бы не отказывался рѣшительно отъ этой исторіи, чтобы его не скомпрометировать передъ генераломъ. За этимъ слѣдуетъ поѣздка ихъ въ деревню генерала...

жалуй, по временамъ вверните, что у Михайловскаго-Данилевскаго это со-
всѣмъ иначе изложено.

Тентетникову не совсѣмъ нра-
вился этотъ совѣтъ; но нечего было
дѣлать. Онъ видѣлъ, что Чичиковъ,
добрѣйшая, благороднѣйшая душа, изъ
усердія зашелъ немножко далеко, и
рѣшился, ради Уленьки, сдѣлаться
исторіографомъ 12-го года.

...Тентетниковъ... рѣшился не от-
кладывать въ дальній ящикъ. На дру-
гой же день, онъ отправился вѣстѣ
съ Чичиковымъ къ генералу...

Сходство очевидно, и до такой степени удивительно, что г. Я—ій
долженъ бы былъ открыть намъ подробнѣе тѣ способы его изученія
Гоголя, какими онъ достигъ такого феноменальнаго отгадыванія
того, что *дѣйствительно было* у Гоголя. Еслибы мы вѣрили въ спи-
ритизмъ, мы подумали бы, что когда г. Я—ій „наскоро“ дѣлалъ свои
вставки, онъ, вѣроятно, бесѣдовалъ съ духомъ Гоголя... Мы повто-
римъ г. Я—му просьбу—подѣлиться съ публикой этимъ удивительнымъ
способомъ изученія великихъ писателей, и повторили бы также же-
ланіе, чтобы онъ разъяснилъ, какова была рукопись, полученная имъ
отъ Прокоповича, и куда она дѣвалась?

Но отдавая справедливость поддѣлкѣ Гоголя, мы должны ука-
зать нѣкоторые заблужденія, въ какія впалъ г. Я—ій въ своемъ те-
перешнемъ мнѣніи объ этой поддѣлкѣ. Онъ удивляется, какъ въ на-
писанныхъ имъ вариантахъ не была *сразу* узнана *неловкая* поддѣлка
подъ Гоголя. Это, напротивъ, очень неудивительно, и вотъ почему:

Во-первыхъ, надо, конечно, приписать скромности г. Ястржемб-
скаго, что онъ называетъ свою поддѣлку неловкой. Мы видѣли сей-
часъ, что *въ нѣкоторыхъ частяхъ* это—поддѣлка очень, даже какъ
будто слишкомъ ловкая. Естественно было нѣкоторымъ слабымъ кри-
тикамъ ошибиться, когда г. Я—ій такъ изумительно совпадалъ съ
настоящимъ Гоголемъ ¹⁾.

Но отдавъ здѣсь справедливость „ловкости“ поддѣлки и невольно
нарушая этимъ ложную скромность г. Я—го, мы должны однако ска-
зать, что вообще г. Я—ій все-таки преувеличиваетъ дѣло. Вставки,
имъ сдѣланныя, по его словамъ,—въ цѣломъ такъ не велики, пред-
ставляютъ такъ мало чего-нибудь яркаго и характернаго, что ихъ
очень легко было потерять въ общемъ впечатлѣніи чтенія: какія-нибудь

¹⁾ Читатель отчасти найдетъ въ этомъ отвѣтѣ на 5-й изъ вопросовъ г. Я-го, при-
веденныхъ нами выше.

6—7 страницъ вставокъ въ разныхъ мѣстахъ на 80 страницъ цѣлаго подлиннаго текста даютъ слишкомъ мало опоры для заключеній объ ихъ подлинности или неподлинности. Рюмка воды на цѣлую бутылку крѣпкаго вина очень мало измѣнила бы его вкусъ и его крѣпость,—эта „поддѣлка“ была бы почти незамѣтна на обыкновенный вкусъ.

Кромѣ того, главное, на что обращали вниманіе въ 3-мъ вариантѣ, была не столько *прибавка*, сколько *исключеніе*, именно исключеніе того мѣста, гдѣ былъ сдѣланъ враждебный намекъ о Бѣлинскомъ и введеніе двухъ словъ о „человѣческомъ достоинствѣ“. Отсюда и было выведено мнѣніе, что въ настроеніи Гоголя могла произойти нѣкоторая перемѣна. Исключеніе этого враждебнаго намека не представляло ничего невѣроятнаго: этотъ намекъ находится во 2-мъ изъ извѣстныхъ текстовъ 2-й части; но въ 1-мъ текстѣ его также нѣтъ, какъ и въ 3-мъ вариантѣ. Этотъ намекъ былъ, безъ сомнѣнія, помѣщенъ въ эпоху переписки Гоголя съ Бѣлинскимъ; и весьма естественно могъ быть выпущенъ послѣ, когда Бѣлинскій умеръ, и Гоголя могли посѣтить другія мысли. *Прибавка* словъ о „человѣческомъ достоинствѣ“, какъ замѣна прежняго, могла имѣть значеніе; и странно было бы говорить, что подобная мысль была бы невозможна для самого Гоголя.

Начало первой главы вообще сокращено; но изъ этой отрицательной передѣлки, конечно, трудно было бы что-нибудь заключать о поддѣлкѣ. Прибавка о ссорѣ Тентетникова съ Лѣницынымъ столь безразлична, что изъ нея также ничего не слѣдовало.

Мы упоминали выше, что г. Ястржембскому не слѣдуетъ заблуждаться о литературномъ значеніи *его* поддѣлки. Правда, издатели „Р. Старины“ нашли въ прибавкахъ новаго варианта искры Гоголевскаго юмора; г. Чижевъ увлекался возможностью найти новую черту изъ послѣдней дѣятельности Гоголя; авторъ „Характеристикъ“ указалъ мнѣніе г. Чижова, но если г. Я—ій, въ роли автора вставокъ, могъ быть польщенъ отзывами „Р. Старины“ и г. Чижова, то отзывъ автора „Характеристикъ“ о 2-й части таковъ, что едва ли г. Я—ій съ своими „вставками“ найдетъ для себя лестнымъ подойти подъ этотъ отзывъ.

Излагая свойства 2-го тома „Мертвыхъ Душъ“, авторъ „Характеристикъ“, повидимому, вовсе не увлекся новыми красотами, которыя г. Я—ій прибавилъ съ цѣлію сдѣлать 2-ую часть „достойнымъ продолженіемъ“ первой. Авторъ „Характеристикъ“, упоминая содержаніе 2-го тома, высказываетъ о немъ (сравнительно съ первымъ) такое общее впечатлѣніе: „... все это такія безжизненные, натянутыя фигуры, все это такъ фальшиво, что бросается въ глаза *явное и жалкое*

паденіе таланта, загнаннаго на совершенно ему несвойственную дорогу—точно, вмѣсто Гоголя, читаешь „нравственно-сатирическій“ романъ тридцатыхъ годовъ“. Авторъ „Характеристикъ“ былъ, конечно, не совсѣмъ справедливъ къ Гоголю, если въ этомъ выводѣ основывался и на вставкахъ, сочиненныхъ г. Ястржембскимъ. Но послѣдній долженъ видѣть, что его поддѣлка имѣетъ не весьма высокую литературную цѣну, если ее нельзя было отличить отъ произведенія, обличающаго „жалкое паденіе“ Гоголевскаго таланта, если въ своихъ вставкахъ онъ могъ сравняться только съ „нравственно-сатирическимъ“ романомъ тридцатыхъ годовъ“, т.-е. романомъ, напр., Ѳаддея Булгарина. Когда авторъ „Характеристикъ“ дѣлалъ свое заключеніе о настроеніи Гоголя въ послѣдніе годы, то и это заключеніе утверждалось главнымъ образомъ вовсе не на 3-мъ вариантѣ, а на томъ впечатлѣніи, которое 2-я часть „Мертвыхъ Душъ“ произвела на *Аксаковыхъ*. Аксаковъ-отецъ считалъ „Переписку“ Гоголя позорной книгой, слѣд., далеко не сочувствовалъ ея тенденціямъ, но послѣ, слушая Гоголево чтеніе 2-го тома, онъ все-таки могъ быть „пораженъ удивленіемъ“. По этому впечатлѣнію Аксакова-отца, повторившемуся при двухъ чтеніяхъ различныхъ текстовъ 1-й главы 2-го тома,—и можно было предполагать, что настроеніе Гоголя становилось иное, чѣмъ то, какимъ отмѣчена эпоха „Переписки“.

Въ ожиданіи новыхъ разъясненій со стороны „Р. Старины“ и г. Богоявленскаго, намъ остается высказать, относительно г. Ястржемскаго, одно желаніе.

Г. Ястржембскій повиновался прекрасному побужденію, когда рѣшился на „полную откровенность“ и на „всю истину“, чтобъ раскрыть мистификацію и вывести изъ заблужденія читающую публику. Побужденіе похвально; такіе почтенные органы нашей печати, какъ газеты „Голось“ и „Русскій Міръ“, привѣтствовали откровенность г. Ястржемскаго и вполне удовлетворились его заявленіями. Но, по нашему понятію, дѣло еще не доведено до конца: какъ выше изложено, мы, съ прискорбіемъ, видимъ въ признаніи г. Ястржемскаго слишкомъ много неточностей, и не можемъ присоединиться къ привѣтствіямъ упомянутыхъ изданій. Мы желали бы, чтобы г. Ястржембскій сказалъ, наконецъ, все, что дѣйствительно слѣдуетъ сказать въ его положеніи, и выяснилъ тѣ пункты „темнаго“ дѣла, о которыхъ выше упомянуто. Иначе, мы опасаемся, онъ можетъ привлечь на себя обвиненія, способныя дать неблагоприятный оборотъ литературной извѣстности, приобрѣтенной его поддѣлкою Гоголя.

Отъ Редакціи. — Ко всему сказанному г-мъ Д. позволимъ присоединить отъ себя еще одно соображеніе. Можно ли себя представить, чтобы кто-нибудь, желая подшутить надъ разсѣянностью пріятеля, спряталъ, напримѣръ, его часы, и потомъ черезъ годъ или два возвратилъ ихъ, объясняя, что это была шутка. Обыкновенно, это бываетъ такъ, что пошутившій пріятель, видя слишкомъ продолжительную недогадливость своей жертвы, самъ начинаетъ наводить ее на развязку, спрашивая, напримѣръ, который теперь можетъ быть часъ и т. п. Въ примѣрѣ же г. Я—го мы не видимъ ничего подобнаго: онъ пошутилъ и не ожидаетъ никакой развязки, для которой и устранивается вся шутка. Потомъ, далѣе, г. Я—ій пытается увѣрить насъ, что теперь онъ признается, повинувся голосу совѣсти; но развѣ г. Я—ій считалъ себя безсмертнымъ? Развѣ онъ не могъ думать, что не только 13 лѣтъ спустя послѣ „шутки“, но 13 дней послѣ того онъ могъ умереть, и теперь было бы некому разсѣять ложь. Да оно такъ и могло бы случиться, еслибъ г. Б—ій пережилъ г-на Я—го. Зная манеру г-на Я—го отвѣчать на возраженія, мы почти впередъ знаемъ, что онъ теперь сдѣлаетъ: вѣроятно, на-дняхъ онъ пошлетъ въ газеты извлеченіе изъ своего духовнаго завѣщанія, которое онъ могъ составить на слѣдующій день послѣ шутки, и гдѣ онъ кается въ своемъ грѣхѣ. Дѣло въ томъ, что г. Я—ій очень хорошо понимаетъ, что его могъ бы поразить окончательно одинъ воскресшій Гоголь; увѣренный въ невозможности такого опроверженія, онъ и взялся стоять „твердо“. Все это походить со стороны г. Я—го болѣе на „утку“, нежели на шутку, и за нимъ пока можно признать не „славу“ поддѣлки Гоголя, а ловкость въ поддѣлкѣ подъ поддѣлку—и то не очень большую.

ВОЗРАЖЕНІЕ НА КРИТИЧЕСКУЮ ЗАМѢТКУ Г-на А. Н.

Письмо въ редакцію.

Въ апрѣльской книжкѣ „Вѣстника Европы“ помѣщена „критическая замѣтка“ о первой части моей книги: „Основы геологій“. Уже съ третьей строки авторъ выражается о моемъ руководствѣ, какъ о еочиненіи, „претендующемъ на оригинальность“, хотя я въ предисловіи къ нему ясно высказался, что „лично своего я внесъ лишь малую долю“. Значитъ ли это „претендовать на оригинальность“? Критику моему не нравится, что я во введеніи отбросилъ

господствующую теорію образованія коралловыхъ острововъ и предпочелъ ей мои собственные воззрѣнія; при этомъ пользуется онъ случаемъ навязать мнѣ бессмыслицу, которую я и не думалъ никогда говорить. Вотъ что онъ пишетъ: „съ перваго взгляда уже можно видѣть, что г. Траутшольдъ понимаетъ опусканіе дна моря отъ тяжести нарастающихъ коралловъ“. Этотъ „первый взглядъ“ — чистѣйшая выдумка автора, такъ какъ у меня сказано: „къ числу несостоятельныхъ объясненій я отношу, напримѣръ, пониженіе дна морского подъ коралловыми рифами по мѣрѣ ихъ возростанія“.

Далѣе критикъ мой торжествуетъ надъ моимъ незнаніемъ, потому что я выразился о доломитѣ какъ о минералѣ, содержащемъ углекислую магнезію, и сильно негодуешь на то, что я назвалъ лаву минераломъ. Ему нѣтъ дѣла, что въ другомъ мѣстѣ моей книги (стр. 37) я подробно привелъ составъ доломита, и онъ умышленно игнорируетъ, что въ учебникахъ минералогіи часто называютъ то минераломъ, что въ учебникахъ петрографіи называется горною породою.

Какъ искажаетъ критикъ мои слова, извращая ихъ въ ошибки, всего лучше доказываетъ ссылка его на то мѣсто, гдѣ говорится о плотныхъ массахъ известняка, которыя я въ своей книгѣ (стр. 36) отношу къ массамъ не кристаллическимъ, въ противоположность не вполне кристаллизованному мрамору, о которомъ рѣчь идетъ у меня нѣсколько выше.

Далѣе, критикъ нападаетъ на меня за то, что я при описаніи образованія глетчеровъ упоминаю только о шрамахъ по бокамъ долины глетчера, и не говорю о знакахъ на днѣ долины. У меня буквально сказано: „обломки скалъ дѣйствуютъ вслѣдствіе давленія ледника въ высшей степени разрушительно и на дно долины“ (стр. 61). Это возраженіе похоже на то, какъ если бы мнѣ былъ сдѣланъ упрекъ, что я, говоря объ уцѣлѣвшихъ стѣнахъ сгорѣвшаго дома, не упомянулъ объ оставшемся фундаментѣ. Слово „щебень“ слыхалъ я часто въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно употреблено у меня, а народъ лучшій судья въ употребленіи словъ.

Представленіе о взаимодействіи въ природѣ; мысль, что дѣятельность человѣка оказываетъ противодѣйствіе процессамъ природы, недоступно, какъ кажется, пониманію моего критика. Сильное развитіе промышленности, благодаря примѣненію силы пара и вызванное этимъ большое потребленіе каменнаго угля, видно неизвѣстно моему противнику, такъ какъ онъ находитъ страннымъ, что я говорю о большемъ развитіи углекислоты въ атмосферѣ въ настоящее время. Онъ не хочетъ понять, что чѣмъ больше жгутъ углерода, тѣмъ больше образуется и углекислоты.

Разбирая главу объ углекислотѣ (стр. 73 „Основы“), критикъ мой

выпустилъ въ цитатѣ частицу *не*; онъ выписываетъ такъ: „испареніе углекислоты происходитъ обыкновенно на склонахъ горъ, но они опасны человѣку только въ углубленіяхъ, гдѣ они могутъ смѣшиваться съ атмосферою“,—тогда какъ у меня сказано: „гдѣ они *не* могутъ смѣшиваться“. Что это: умысленный или случайный пропускъ? Какъ бы то ни было, только противникъ мой обрушивается за это на меня.

Затѣмъ мнѣ дѣлается упрекъ, что я не пользовался сочиненіями Рота и Циркеля при составленіи главы объ образованіи плутоническихъ, метаморфическихъ и осадочныхъ породъ. Отъ такого начитаннаго критика я могъ бы ожидать, чтобы онъ указалъ мнѣ на извлеченіе. Далѣе, новыя нападки на то, что я упустилъ изъ виду методъ микроскопическаго изслѣдованія горныхъ породъ, хотя мой критикъ легко могъ видѣть, что я пишу не подробный учебникъ, а руководство (*Leitfaden*), гдѣ не должны имѣть мѣста отрывочныя наблюденія и изслѣдованія, которыя не привели еще ни къ какимъ общимъ выводамъ.

Г-нъ А. И. нападаетъ на „положительность и авторитетность“, съ какою я высказался объ образованіи гнейса, но не замѣтилъ или не хотѣлъ замѣтить, что я говорю: „полагають“ а не „полагаю“. Сланцеватость гнейса критикъ объясняетъ „отдѣльными скопленіями минераловъ“, но и пласты глинистаго сланца, у котораго никто не станетъ отрицать сланцеватости, не что иное какъ отдѣльныя скопленія, иначе эти пласты не раздѣлялись бы такъ легко на листы.

Нашъ критикъ продолжаетъ такъ: „пропускаемъ нѣсколько невѣрностей до 100 стр.“ Признаться, такъ критиковать легко и удобно! Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „можно было бы указать массу элементарныхъ невѣрностей относительно фактическихъ данныхъ“, и насчитываетъ 23 страницы, гдѣ должны быть эти невѣрности. Такимъ образомъ, критикъ взваливаетъ на плеча своихъ читателей работу, которую долженъ бы былъ выполнить самъ. И онъ ждетъ разрѣшенія задачи не отъ геологовъ, а отъ публики, у которой врядъ ли хватитъ настолько свѣдѣній, чтобы отыскать предполагаемыя невѣрности. И не остроумно ли задавать загадки, не указывая на признаки того, что нужно разгадать. Но критику важно только произвести сильное впечатлѣніе на непосвященнаго читателя „23 страницами“ невѣрностей!

Далѣе критикъ нападаетъ на то, что я на стр. 100 упоминаю, что отъ расширенія полевого шпата образуется глина, хотя уже на стр. 23-й я говорилъ о разложеніи полевого шпата. Но развѣ химическому разложенію полевого шпата не предшествуетъ механическое измелченіе его?

Говоря о вулканахъ, г. А. И. находитъ нужнымъ замѣтить, что

я слишкомъ мало придаю значенія формѣ вулкановъ. Ссылаюсь на моихъ предшественниковъ, которымъ я слѣдовалъ тѣмъ охотнѣе, что, знаю, есть и другія не вулканическія горы конической формы. Въ учебникѣ геогнозіи Наумана сказано, напр.: „самая гора имѣетъ такое же второстепенное значеніе для вулкана, какъ отвалъ руды для шахты“ (томъ I, стр. 67).

Касательно кратеровъ поднятія г. А. И. говорить, что теорія конусовъ поднятія всѣми заброшена. Довольно было бы заглянуть ему въ недавно вышедшій нѣмецкій переводъ сочиненія Poulet Scrope о вулканахъ, и онъ убѣдился бы, что и доселѣ есть еще весьма явные приверженцы этой теоріи, и что вовсе не лишнее упомянуть о ней въ учебникѣ.

Онъ недоволенъ также слѣдующимъ выраженіемъ: „Кратеры поднятія узнаются тѣмъ, что слои находятся въ наклонномъ положеніи“. Фраза эта приведена не такъ, какъ у меня въ книгѣ; тамъ сказано: „когда слои подняты, и поэтому находятся въ наклонномъ положеніи“, смыслъ чего совершенно иной. Я долженъ возразить также на положеніе критика, будто „всѣ конусы сложены изъ наклонныхъ слоевъ: лавы, шлаковъ и пепла“; вулканическіе конусы никогда не слагаются съ математическою правильностью, а шлаки и зола, какъ извѣстно, весьма часто наслоены горизонтально. Выраженіе *кратеръ* поднятія, которое г. А. И. отвергаетъ и желаетъ замѣнить названіемъ *конуса* поднятія, принадлежитъ Л. фонъ-Буху и указываетъ на то, что конусы могутъ быть подняты, не будучи вулканами; горы же съ кратерами — непременно вулканы, изъ чего, въ добавокъ, слѣдуетъ еще, что коническая форма вулкановъ имѣетъ лишь побочное значеніе, какъ сказано уже выше.

Критикъ старается также изобличить меня во лжи относительно того, что Помпеи были засыпаны пепломъ. Помпеи покрыты слоемъ золы толщиною среднимъ числомъ отъ 21 до 25 футовъ; точныя изслѣдованія показали, что $\frac{5}{6}$ этого количества выпало сухого пепла, и лишь верхній слой, около двухъ футовъ толщиною, состоялъ изъ lava d'acqua, т.-е. изъ золы, смѣшанной съ водою (Overbeck. Pompeji, стр. 28). Слѣовательно, свидѣтельство г. А. И., будто Помпеи погибли только отъ lava d'acqua, вполне невѣрно.

Неудачное, по мнѣнію г. А. И., сравненіе огненножидкой лавы съ медомъ или кашей изобрѣтено не мною, а употреблено впервые Фридр. Гофманомъ (см. Наумана Геогнозію, стр. 152).

На стр. 126 моихъ „Основъ“ г. А. И. нашелъ яко-бы извращенные факты, не говоря, впрочемъ, какіе. Читатель могъ уже убѣдиться изъ вышеизложеннаго, что я не слѣдую примѣру моего критика, но выставлю тѣ извращенные факты, какіе покажу въ его замѣткѣ.

Изъ опредѣленія простиранія и паденія пластовъ г. А. И. выво-

дѣть заключеніе, что свѣдѣнія мои объ этомъ предметѣ крайне недостаточны. Я готовъ повѣрить, что онъ обладаетъ свѣдѣніями болѣе обширными, хотя и не нахожу тому доказательствъ въ его критической замѣтѣ, но, не могу открыть, чѣмъ же мое опредѣленіе существенно разнится отъ опредѣленій, принятыхъ въ учебникахъ геологій?

Разбирая строки объ образованіи каменнаго угля, критикъ величаетъ тонъ моихъ основъ „авторитетнымъ, безапелляціоннымъ“, потому только, что я предпочелъ одну теорію образованія каменнаго угля другимъ. Но какъ разъ въ этомъ мѣстѣ постоянно употребляю я слова: почти, вѣроятно, большая часть и т. д., а ими вѣдь не пользуется тотъ, кто „слѣдуетъ догмату непогрѣшимости“. Причина же, почему я предпочелъ теорію образованія каменнаго угля въ прѣсноводныхъ бассейнахъ, заключается въ томъ, что еще не доказано существованіе большихъ массъ каменнаго угля, образовавшагося изъ фукусовъ. Науманъ подробно отстаиваетъ то же воззрѣніе (Геогнозія. Томъ II, стр. 587).

Сравненіе каменноугольнаго бассейна центральной Россіи съ условіями, въ которыхъ находится Голландія, не заслужила тоже одобренія критика потому, что онъ полагаетъ, будто Голландія защищена искусственными плотинами отъ вторженія моря. Пусть поразмыслитъ мой критикъ, не сдѣлается ли и въ настоящее время Голландія хотя отчасти дномъ моря, еслибы она не была почти вся отдѣлена отъ моря естественными плотинами, — дюнами шириною въ 3 версты и вышиною отъ 40 до 50-ти футовъ, и если бы человѣкъ мѣстами не пособилъ тутъ природѣ, хотя (по человѣческимъ силамъ) и въ значительныхъ размѣрахъ (Klöden. Geographie. I. стр. 468).

Моему критику кажется страннымъ, что я сказалъ: „каменный уголь московскаго бассейна покрытъ небольшимъ слоемъ известняка“. Укажу хоть на одинъ примѣръ. У Новоселебно близъ Тулы уголь покрываютъ два слоя известняка: въ 1½ аршина и въ 1 арш. 3 вершка. Такъ какъ система слоевъ горнаго известняка доходитъ до сотенъ футовъ, то слой въ аршинъ съ небольшимъ можно, я полагаю, назвать „небольшимъ слоемъ“.

Далѣе г. А. И. критикуетъ мой взглядъ на образованіе высокаго праваго берега Волги, а за давленіемъ воды многочисленныхъ широкихъ рѣкъ, текущихъ съ сѣвера, не признаетъ естественнаго факта. Не считаетъ ли мой критикъ давленіе воды юридическимъ или теологическимъ фактомъ? Мое опроверженіе теоріи Бэра тѣмъ, что на восточномъ берегу Америки не замѣчается такого явленія, какъ въ Россіи, онъ не удостоиваетъ никакого вниманія: ссылаясь на авторитетъ Бабина, онъ находитъ всякое возраженіе излишнимъ.

Хотя безъ воображенія немислимо никакое открытіе, и хотя воображеніе неизбѣжно нужно геологу, тѣмъ не менѣе г. А. И. находитъ возможность и тутъ привести мнѣ много возраженій. Я сказалъ, что горы Финляндіи и Урала были прежде много выше, чѣмъ теперь. Уже до меня Кемпъ вычислилъ прежнюю высоту ихъ (я не могъ найти этихъ вычисленій въ его трудахъ), но расчетъ такъ простъ, что его можно повторить безъ особыхъ затрудненій. Если принять, что бѣльшая часть Финляндіи и Олонецкой губерніи (говорю—бѣльшая часть, потому что съ сѣверной части этой области продукты разрушенія унесены въ Ледовитый океанъ) и половина Урала (такъ какъ съ восточной половины тѣ же продукты унесены въ Сибирь) составляютъ площадь въ 8—9000 кв. миль, а пространство европейской Россіи, покрытое осадочными породами въ области этихъ горъ, занимаетъ 40—50,000, и если принять еще, что толща этихъ осадковъ составляетъ по крайней мѣрѣ отъ 1000 до 1200 футовъ, то окажется масса въ 5000 футовъ вышиною, если представить себѣ, что осадки (даже безводные) этой части Россіи нагромождены на тѣ плутоническія горы. Эта цифра конечно не преувеличена, потому что, съ одной стороны, не принято въ расчетъ массы осадковъ унесенныхъ въ Балтійское, Черное и Каспійское моря, съ другой — осадки Россіи представляютъ толщи болѣе значительныя. До сихъ поръ неизвѣстно другихъ источниковъ детритуса кромѣ эруптивныхъ породъ, и такъ какъ во время вторичной и третичной эпохъ никакія эруптивныя массы, повидимому, не пробивали земной коры въ области европейской Россіи, то вся масса детритуса на ней могла образоваться только изъ окружающихъ ее плутоническихъ горъ.

Разсуждая о перенесеніи эрратическихъ валуновъ критикъ мой утверждаетъ, что я говорю будто они перенесены съ юга; но на указанномъ мѣстѣ (стр. 63 „Основъ“) я не нахожу ни малѣйшаго на то намека.

Относительно „классической“, какъ выражается г. А. И., гипотезы о поднятіи и опусканіи такъ-называемаго храма Сераписа, я долженъ замѣтить, что именно тотъ авторъ, котораго сочиненіе о вулканахъ такъ настоятельно рекомендуетъ мнѣ г. А. И., Фуксъ, высказываетъ совершенно такой же взглядъ, какъ и я (*Jahrbuch der Mineralogie*. 1865, стр. 39); онъ говоритъ именно, что повторныя поднятія и опусканія этой мѣстности сомнительны; я прибавилъ только объясненіе, какое казалось мнѣ болѣе вѣроятнымъ. Впрочемъ, упомянутое мѣсто моей книги о храмѣ Сераписа я вставилъ во время корректуры моихъ „Основъ“, уже по возвращеніи изъ Италіи, гдѣ я посѣтилъ Пущоли, осмотрѣлъ основательно эту мѣстность и узналъ, что и археологи пришли къ тому же убѣжденію, что тамошніе теплые источники служили мѣстомъ купанья во времена римлянъ, какъ

и теперь. Въ сочиненіи Овербека „Помпей“ на стр. 118 читаемъ: „новѣйшими (археологическими) изслѣдованіями Серапеума въ Пуццолі дознано, что это было зданіе для цѣлебнаго источника, который билъ ключемъ въ центральномъ зданіи, заднія помѣщенія служили для религіозныхъ цѣлей, а маленькія комнатки для гаданій“. Предоставляю моему критику противопоставить этому объясненію „классическую гипотезу“.

Образованіе коралловыхъ острововъ (атолловъ) я пытался объяснить постепеннымъ пониженіемъ уровня моря, а послѣднее постояннымъ переходомъ безводныхъ минераловъ въ водные и инымъ изгнатиемъ воды изъ общаго круговорота. Хотя авторъ критической замѣтки не остается доволенъ моимъ взглядомъ, тѣмъ не менѣе мнѣ крайне пріятно заявить ему, что я установилъ эту теорію и провелъ ее, и насколько мнѣ извѣстно, противъ нея не было сдѣлано никакихъ серьезныхъ возраженій; общее пониженіе морского уровня тѣмъ процессомъ, который я привожу, признается всѣми; оспаривается еще только степень этого пониженія. Безспорно, нѣтъ ничего легче, какъ объяснять разнообразныя явленія въ области геологіи (какъ отверстія камнеточцевъ въ колоннахъ Серапеума, такъ и образованіе атоллловъ) поднятіемъ и опусканіемъ дна, проходя молчаніемъ причины этого поднятія и опусканія. Г-нъ А. И. скорбитъ о томъ, что я изложилъ эту теорію въ учебникѣ; да развѣ это не долгъ нашъ, не обязанность заботиться о распространеніи ученій, которыя мы считаемъ болѣе вѣрными, болѣе основательными, чѣмъ другія? Не стараться же мнѣ въ моей собственной книгѣ развивать такіа ученія, которыя противорѣчатъ моимъ убѣжденіямъ.

Изъ вышеизложеннаго читателю будетъ ясно, что необходимо пожелать автору „Критической Замѣтки“ быть болѣе основательнымъ; онъ говоритъ, напр., о барышахъ, которые доставить мнѣ продажа книги (и которые онъ старается подорвать), хотя на оберткѣ выставлено, что сочиненіе издано книгопродавцемъ Риккеромъ въ С.-Петербургѣ. Даже и тотъ *lapsus calami*, который былъ просмотрѣнъ во время корректуры, не замѣтилъ г. А. И.; на стр. 59, вторая строка снизу, напечатано „выше“, а должно быть „ниже“.

Въ заключеніе мнѣ остается только выразить сожалѣніе, что между моими товарищами по наукѣ нашелся одинъ, который рѣшился написать подобную „Критическую Замѣтку“. Есть, правда, одно смягчающее его вину обстоятельство, а именно, авторъ почувствовалъ настолько стыда, чтобы скрыть свое имя.

Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ возможности принять дѣятельнаго участія въ деталяхъ ученаго спора гг. геологовъ, возникшаго случайно на страницахъ нашего журнала, и позволимъ себѣ коснуться только менѣе ученой его стороны. Если г. А. И. заговорилъ о „барышахъ“, между тѣмъ какъ теперь оказывается, что выгоды изданія принадлежать одному книгопродавцу Риккеру, то безъ сомнѣнія потому, что онъ (г. А. И.) вовсе не догадывался, что авторъ подарилъ свой трудъ г-ну Риккеру, какъ то надобно думать изъ вышеприведеннаго имъ возраженія. Не смѣя касаться геологическихъ теорій г. Траутшольда, мы не можемъ однако согласиться съ его теорією „стыда“: вовсе не по стыду замѣняютъ имя начальными буквами, а именно потому, что желаютъ предоставить говорить однимъ фактамъ. Но какъ бы то ни было, мы считали своимъ долгомъ сообщить своимъ читателямъ доводы почтеннаго автора „Основъ геологіи“ въ пользу своего труда; теперь специалистамъ предоставляется рѣшить возникшій между двумя учеными споръ безапелляціонно. *Ред.*

НЕКРОЛОГЪ.

Евдѣоръ Ивановичъ Тютчевъ.

15-го іюля скончался Ѳ. И. Тютчевъ, на 70-мъ году отъ рожденія, оставивъ надолго жить по себѣ счастливое воспоминаніе о рѣдкихъ своихъ душевныхъ качествахъ; онъ, казалось, весь состоялъ изъ одного сердца, которое только и жило добрымъ и прекраснымъ и для добраго и прекраснаго. Но природа наградила его сердцемъ вовсе не на счетъ ума и таланта, несомнѣннаго поэтическаго таланта, который выпрывался иногда на свободу со всею силою и граціею, достойными той плеяды нашихъ прежнихъ маститыхъ поэтовъ, въ средѣ которой дѣлалъ свои первые шаги нашъ тогда еще юный поэтъ. Все это, конечно, были дары природы, но вотъ что принадлежитъ лично покойному: онъ умѣлъ сохранить въ цѣлости свою сердечность, цѣлость и безмятежность ума, вѣру въ правду, до самаго конца своего жизненнаго поприща, несмотря на всю, повидимому, несоответственность его различныхъ общественныхъ положеній съ его же нравственнымъ обликомъ. Самая старость въ немъ казалась только болѣзненностью, — такъ мало физическое разрушеніе, общее всѣмъ, касалось его умственной и сердечной жизни!

Мы не можемъ, къ сожалѣнію, сообщить біографическихъ подробностей жизни покойнаго; Ѳ. И. принадлежалъ именно къ числу людей,

которые постоянно живутъ въ настоящемъ, и потому знавшіе даже близко покойнаго рѣдко имѣли случай уловить въ его разговорѣ какую-нибудь подробность изъ его прошлаго, какъ то часто бываетъ съ людьми, начинающими уже жить однимъ прошлымъ. Мы знаемъ о немъ только, что онъ получилъ отличное домашнее образованіе и едва-ли не цѣлую половину жизни провелъ за-границей. Въ послѣднее время онъ былъ предсѣдателемъ комитета цензуры иностранной и въ этомъ качествѣ состоялъ членомъ Главнаго управленія по дѣламъ печати. Этою послѣднею карьерою — мы такъ предполагаемъ — онъ былъ обязанъ тому личному интересу, который онъ обнаруживалъ къ вопросамъ о реформѣ старой цензуры, совершившейся въ 1865 году, хотя, очевидно, задолго передъ тѣмъ въ высшихъ правительственныхъ и общественныхъ сферахъ шли обсужденія того, какъ выполнить эту реформу на практикѣ. По крайней мѣрѣ, мы теперь знаемъ, что Ѳ. И. Тютчевъ, еще задолго до новаго закона о печати (1857 г.) обратился съ обширною запискою къ одному изъ членовъ государственнаго совѣта, напечатанною только въ апрѣльской книжкѣ „Русскаго Архива“ за нынѣшній годъ. Эта записка останется лучшимъ памятникомъ покойнаго и вѣстѣ свѣтлымъ зеркаломъ его души. Говоря его же языкомъ, „среди колебаній и сомнѣній“, онъ ясно и просто формулировалъ свои убѣжденія, и притомъ съ полною искренностью, не допускавшею въ немъ самого никакихъ „колебаній и сомнѣній“.

„Если, среди многихъ другихъ — такъ писалъ Ѳ. И. на французскомъ языкѣ ¹⁾ — существуетъ истина, которая опирается на полнѣйшей очевидности и на тяжеломъ опытѣ послѣднихъ годовъ, то эта истина есть несомнѣнно слѣдующая: намъ было жестоко доказано, что нельзя налагать на умы безусловное и слишкомъ продолжительное стѣсненіе и гнѣтъ, безъ существеннаго вреда для всего общественнаго организма. Видно, всякое ослабленіе и замѣтное умаленіе умственной жизни въ обществѣ неизбѣжно влечетъ за собою усиленіе матеріальныхъ наклонностей и гнусно-эгоистическихъ инстинктовъ. Даже сама власть съ теченіемъ времени не можетъ уклониться отъ неудобства подобной системы. Вокругъ той сферы, гдѣ она присутствуетъ, образуется пустыня и громадная умственная пустота, и правительственная мысль, не встрѣчая извнѣ ни контроля, ни указанія, ни малѣйшей точки опоры, кончаетъ тѣмъ, что приходитъ въ смущеніе и изнемогаетъ подъ собственнымъ бременемъ еще прежде, чѣмъ бы ей суждено пасть подъ ударами злополучныхъ событий. Къ счастью, этотъ жестокий урокъ не пропасть даромъ. Здравый смыслъ и благодушная природа царствующаго Императора ура-

¹⁾ Мы приводимъ переводъ редакціи „Русскаго Архива“.

зумѣли, что наступила пора ослабить чрезвычайную суровость предшествующей системы и вновь даровать умамъ недостававшій имъ просторъ“.

Формулируя такимъ образомъ мотивы для необходимости реформы, изъ которыхъ послѣдній не допускаетъ и тѣни возраженія, авторъ не менѣе искренно отвѣчаетъ на тѣ опасенія, которыя, вѣроятно, ходили тогда въ нѣкоторыхъ кругахъ:

„Можно положительно утверждать, что въ настоящую минуту въ Россіи преобладаютъ два господствующія чувства, всегда почти тѣсно связанныя другъ съ другомъ, а именно: раздраженіе и отвращеніе при видѣ закоснѣлости, злоупотребленій, и священное довѣріе къ чистымъ, благороднымъ и доброжелательнымъ намѣреніямъ Монарха. Всѣ вообще убѣждены, что никто сильнѣе Его не желаетъ ихъ испѣленія, но нигдѣ, быть можетъ, это убѣжденіе не существуетъ такъ живо, такъ цѣльно, какъ именно среди сословія писателей, и обязанность всякаго благороднаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы громко провозглашать, что въ настоящую минуту едва-ли въ обществѣ можно найти другой разрядъ людей, болѣе благоговѣйно преданныхъ Особѣ Государя! Не скрываю отъ себя, что подобная оцѣнка, вѣроятно, можетъ встрѣтить недовѣріе со стороны многихъ лицъ въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего officialнаго міра. Во всѣ времена существовало въ этихъ слояхъ какое-то предвзятое чувство сомнѣнія и нерасположенія, и это весьма легко объясняется спеціальностью ихъ точки зрѣнія. Есть люди, которые знаютъ литературу на столько, насколько полиція въ большихъ городахъ знаетъ народъ, ея охраняемый, т.-е. лишь тѣ несообразности и тѣ безпорядки, которымъ иногда предлагается нашъ добрый народъ“.

Нельзя никакъ этого сказать о самомъ Федорѣ Ивановичѣ, вращавшемся одинаково постоянно и въ высшемъ свѣтскомъ обществѣ, и въ литературныхъ кружкахъ какъ прежняго, такъ и новѣйшаго времени, и который самъ занималъ почетное мѣсто въ литературѣ.

Стихотворенія Ф. И. были собраны вмѣстѣ по настоящію и при содѣйствіи И. С. Тургенева въ первый разъ въ 1854 г., и сначала напечатаны въ „Современникѣ“, а потомъ—особою книжкой. Затѣмъ, въ 1868 г. вышло и второе изданіе, дополнившее первое пропущенными тогда и вновь появившимися его стихотвореніями, между которыми весьма многія, при блестящемъ стихѣ, полны неподдѣльнаго поэтическаго вдохновенія и сердечной теплоты и любви. Напомнимъ стихотвореніе на повѣсть И. С. Тургенева „Дымъ“. Поэтъ въ первыхъ строфахъ крупными чертами набрасываетъ картину лѣса, который всѣмъ представлялся нѣкогда могучимъ и зеленѣющимъ лѣсомъ; и вотъ, онъ съ прежнею любовью подходитъ къ этому лѣсу...

Но гдѣ же онъ? Кто опустилъ завѣсу,
 Спустилъ ее отъ неба до земли?
 Что это: призракъ, чары ли какія?
 Гдѣ мы? И вѣрить ли глазамъ своимъ?
 Здѣсь дымъ одинъ, какъ пыталъ стихія, —
 Дымъ безотрадный, безконечный дымъ!
 Кой-гдѣ на-сквозь торчатъ, по обнаженнымъ
 Пожарищамъ, уродливые пни,
 И бѣгаютъ по сучьямъ обожженнымъ,
 Съ зловѣщимъ трескомъ, бѣлые огни.
 Нѣтъ, это сонъ! Нѣтъ, вѣтерокъ повѣетъ
 И дымный призракъ унесетъ съ собой,
 И вотъ, опять намъ лѣсъ зазеленѣетъ,
 Все тотъ же лѣсъ — волшебный и родной!

Гораздо рѣже поэтомъ овладѣвало сомнѣніе, но и оно однако овладѣвало имъ по временамъ, когда онъ въ 1857 году спрашивалъ себя въ глубинѣ своего сердца и не рѣшался окружающую дѣйствительность признать сномъ:

Надъ этой темною толпою
 Непробужденнаго народа
 Взойдешь ли ты когда, свобода,
 Блеснетъ ли лучъ твой золотой?
 Блеснетъ твой лучъ и оживить,
 И сонъ разгонитъ, и туманы...
 Но старина, гнилыя раны,
 Рубцы насилій и обидъ,
 Растлѣныя души и пустота,
 Что сможетъ умъ и въ сердцахъ ноетъ...
 Кто ихъ излечитъ, кто прикроетъ? —
 Ты, риза чистая Христа...

Не можемъ не вспомнить съ признательностью, — въ половинѣ шестидесятихъ годовъ, Ѳ. И. почтилъ и нашъ журналъ своимъ стихотвореніемъ на юбилей Карамзина. Поэта смущалъ опять тотъ же вопросъ:

Какой пошлемъ тебѣ привѣтъ—
 Тебѣ, нашъ добрый, чистый геній,
 Средь колебаній и сомнѣній
 Многотревожныхъ этихъ лѣтъ?

Позже, въ отдѣльномъ изданіи этого же самого стихотворенія онъ дополнилъ свой вопросъ:

При этой смѣси безобразной—
 Безсмысленной правды, дерзкой лжи —
 Такъ ненавистной для души
 Высокой и ко благу страстной...

А къ числу именно такихъ-то душъ принадлежала вселюбивая, незлобивая душа самого поэта; намъ кажется, говоря такъ, мы выражаемъ не одно наше личное мнѣніе, но мнѣніе всѣхъ тѣхъ, кто близко зналъ покойнаго и вмѣстѣ съ нами искренно скорбѣлъ о его утратѣ.

ИЗВѢСТІЯ.

1. Общество для пособия нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 28-го мая, 12-го и 26-го іюня.

1) Доложено письмо г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, которымъ увѣдомляетъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, основанному на представленіи комитета Общества для пособия нуждающимся литераторамъ и ученымъ, въ 16-й день мая, высочайше соизволилъ, чтобъ, за исключеніемъ городовъ, гдѣ имѣютъ свое пребываніе попечители учебныхъ округовъ, во всѣхъ прочихъ — публичныя чтенія въ пользу вышеупомянутаго Общества разрѣшаемы были губернаторами, съ предоставленіемъ имъ, въ случаѣ надобности, поручать просмотръ программъ чтеній и самыхъ статей директорамъ мѣстныхъ гимназій.

2) Выдано, на основаніи п. д § 5-го устава, 150 руб. молодому писателю, для предоставленія ему средствъ къ окончанію образованія.

3) Выдано 50 р. больной переводчицѣ.

4) Выдано въ ссуду: одному лицу 250 руб. и другому — 100 руб.

5) Выданы 4-мъ лицамъ единовременныя пособия въ размѣрѣ: одному 100 р., одному 75 р., одному 50 р. и одному 20 р.

6) Выдано, въ счетъ стипендіи, назначенной молодому писателю для предоставленія ему способовъ къ окончанію образованія, 50 р.

7) Положено ходатайствовать о назначеніи пенсіи матери покойнаго профессора.

8) Удовлетвореніе ходатайства двухъ просителей отложено до представленія ими болѣе точныхъ свѣдѣній о правахъ ихъ на пособие изъ литературнаго фонда.

Годовые платежи членовъ Общества и единовременныя пожертвованія могутъ быть вносимы въ *Москву* — въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (на Страстномъ бульварѣ). Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, комитетъ Общества покорнѣе проситъ членовъ Общества и жертвователей записывать вносимыя ими деньги въ особо заведенную для того въ магазинѣ И. Г. Соловьева книжку.

Засѣданіе комитета 10-го іюля 1878 г.

- 1) Выдано 30 р. писателю, въ видахъ предоставленія ему возможности отправиться на родину.
- 2) Выдано 100 р. писательницѣ, лишившейся мѣста, на уплату долга и на леченіе.
- 3) Отклонено ходатайство одного лица о пособіи, такъ какъ проситель не удовлетворяетъ тѣмъ условіямъ, при существованіи которыхъ выдаются пособія изъ литературнаго фонда.
- 4) Выдано 300 р. писателю, лишившемуся, за оставленіемъ службы, средствъ къ жизни.
- 5) Отпущено 100 р. на воспитаніе сына писателя.
- 6) Изъявлена благодарность Общества В. А. Манассеину за сообщеніе свѣдѣній объ одномъ переводчикѣ и за помѣщеніе въ „Военно-Медицинскомъ Журналѣ“ отчета Общества за 1872 г.

Отчетъ казначея за май и іюнь.

Къ 1-му мая въ кассѣ состояло 63,251 р. 14 к.—Поступило: 2,486 р. 70 к., въ томъ числѣ отъ 53 членовъ Общества 1,195 р. и процентовъ съ капитала 1,241 р. 70 к.—Израсходовано: на пенсіи шести лицамъ 487 руб.; на единовременныя пособія 945 р.; на воспитаніе 3-хъ лицъ 225 руб.; за храненіе процентныхъ бумагъ 14 р. 5 к.—Къ 1-му іюня въ кассѣ находилось 64,066 р. 79 к.—Въ іюнѣ поступили: взносы 6 членовъ 80 руб.; отъ Его Императорскаго Величества 1,000 р.; отъ Ея Императорскаго Величества 300 руб.; проценты съ капитала 179 р. 86 к.—Израсходовано: на пенсіи 225 р.; на единовременныя пособія 379 р.; на ссуды 550 р.; на стипендію 50 руб.—Къ 1-му іюня въ кассѣ состояло 64,422 р. 75 к.

О П Е Ч А Т К И.

Въ послѣдней іюльской книгѣ просятъ сдѣлать слѣдующія исправленія, незамѣченныя въ корректурѣ:

Стр.	Строк.	Напечатано:	Видѣсто:
142	12 св.	Мадарата	Мадараша
179	8 св. и passim	Сечени	Свѣчени
185	13 "	Штаркенфельдъ	Штаренфельсъ
189	7 "	Каппена	Кемпена
221	5 "	Дюмуленъ	Демуленъ

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

ЮЛЬ—АВГУСТЪ 1873.

Книга седьмая. — Июль.

	СТР.
Филиппъ изъ Коноплей. — Разсказъ ВЛ. СЫРОКОМЛИ. Перев. М. П—СКАГО.	5
РУССКІЙ РАБОЧИЙ У АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА. — Разсказы и воспоминанія. — П. — А. К***	19
ВТОРАЯ ИМПЕРІЯ въ романѣ Эмиля Золя. — <i>Les Rougon-Macquart, histoire naturelle et sociale d'une famille, sous le second empire, par Emile Zola.</i> Tome troisième: <i>Le Ventre de Paris</i> . Paris, 1873. — А. Э.	76
НОВАЯ ИСТОРИЯ АВСТРІИ. — Десять лѣтъ реакціи: министерство Шварценберга-ваховское. 1849—1859. — III-IV. — В. Д. СПАСОВИЧА. . .	148
ЛЮДИ И ПРАВЫ ВРЕМЕНИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. — <i>Literatur und Gesellschaft in Frankreich zur Zeit der Revolution, 1789—94, von Lotheissen.</i> — III-V. — С.	190
ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЙ ОТЪ ДВАДЦАТЫХЪ ДО ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ. — Историческіе очерки. — IX. — Заключеніе. — А. Н. ПЫПИНА . .	222
ХРОНИКА. — Передачки судебныхъ уставовъ. — Ъ.	264
ОПЕРАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА. — Г.	278
СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ въ Европѣ и Америкѣ. — По донесеніямъ англійскихъ дипломатическихъ агентовъ и новѣйшимъ результатамъ статистическихъ работъ. — Н. Ф.	305
ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРАЖЕНІЕ. — Возвышеніе виннаго акциза и пошлнны. — Предполагаемое измѣненіе патентнаго сбора и правилъ раздробительной продажи вина. — Еще судебное преслѣдованіе раскольниковъ. — Запросы петербургскому воспитательному дому. — Общество поданія помощи при кораблекрушеніяхъ. — Женскіе курсы при с.-петербургской медицинской академіи и московскомъ университетѣ. — Полезно или вредно осповприваніе? . .	345
ИНОСТРАННОЕ ОВОЗРАЖЕНІЕ. — Занятіе Хивы. — Персидская концессія. — Французскія дѣла. — Циркуляръ о печати. — Германскіе законопроекты о печати. — Записка для газеты «Голось»	362
КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА. — Н.	372
ВАРШАВСКІЯ ПИСЬМА. — Письмо третье. — Л. Л.	384
НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Современный взглядъ на происхожденіе эпилепсій. — <i>Die Seichen, ihre Ursachen, Gesetze und Bekämpfung.</i> Von Dr. Fr. Oesterlen. Tübingen, 1873	402
НОВЫЯ КНИГИ. — Очерки анатоміи и фізіологіи человека. Лекціи профессора Э. К. Брандта. Спб. 1873	423
ИЗВѢСТІЯ. — Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. . .	431
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТЪ.	

Книга восьмая. — Август.

Распоряженіе г. Управляющаго Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, 6 іюля . . .	стр.
Вана, Мюнхенъ, Венеція.—Художественныя замѣтки.—ЕВГ. Л. МАРКОВА . . .	433
Пованскіе поляки въ 1848 году.—В. Л.	460
Садео у морского царя.—Былина.—И. СУРИКОВА	510
Русскій равочій у американскаго плантатора.—IV.—А. К***	519
Вопросъ о реформѣ монастырей.—Д.ВЪ	550
Взятіе Хивы и хивинская экспедиція 1873 года.—Матеріалы для исторіи похода.—Статья первая.—Ф. И. ЛОВЫСЕВИЧА	563
Изъ Байрона.—I—II.—В. П. ПОПОВА	620
Эскизы итальянскаго общества.—II—IV.—АНЖ. ДЕ-ГУВЕРНАТИСЪ	622
Люди и нравы времени французской революціи.—Literatur und Gesellschaft in Frankreich zur Zeit der Revolution, 1789—94, von Lotheissen.—VI—VII.—С	648
Хроника.—Современное положеніе равочей силы въ Европѣ и Америкѣ.—По донесеніямъ англійскихъ дипломатическихъ агентовъ и новѣйшимъ результатамъ статистическихъ работъ.—Франція.—IV—IX. Н. Ф.	669
Внутреннее Овозрѣніе.—Труды комиссіи сельскаго хозяйства.—Значеніе собранныхъ данныхъ.—Вопросъ объ общинѣ.—Вопросъ о пьянствѣ.—Проектъ новаго устройства духовнаго суда.—Кругъ вѣдѣнія специальныхъ судовъ вообще.—Виды наказаній.—Составъ суда.—Прокурорская часть.—Необычайное сосредоточеніе власти.—Что будутъ дѣлать съ Хивой?	786
Одинъ отвѣтъ на всѣ вопросы.—ОТЪ РЕДАКЦІИ	790
Иностранное Овозрѣніе.—Предстоящее родство съ королевскимъ домомъ Англіи.—Конѣцъ сессіи французскаго національнаго собранія.—Отмѣна протекціонизма и очищеніе территоріи.—Правительство Пн-и-Маргалла.—Правительство Сальмерсона.—Новыя возстанія и война съ карлистами	793
Корреспонденція изъ Берлина.—Военный вопросъ въ Пруссіи и въ Германіи.—К.	778
Корреспонденція изъ Флоренціи.—Политическій кризисъ въ Италіи.—D. G.	801
Новѣйшая Литература.—Англійскій равочій. De la situation des ouvriers en Angleterre, par le Comte de Paris.	809
Новыя Книги.—Russian Folk-tales by W. R. S. Ralston.—М. КАПУСТИНА	820
Литературная замѣтка.—Поддапка Гоголя.—Д.	822
Письмо въ Редакцію.—Возраженіе на критическую замѣтку г. А. И.—А. ТРАУТШОЛЬДА	840
Некрологъ. Федоръ Ивановичъ Тютчевъ.—М. С.	847
Извѣстія.—Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ	851
Библиографическій Листокъ	

ВЪСТАНКЪЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 7-ая.

ЮЛЬ, 1873.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 7-ая. — ЮЛЬ, 1873.

I.—ФИЛИППЪ ИЗЪ КОНОНЛЕЙ.—Разсказъ Ва. Сырокомли.—Перев. М. П.—скаго	10
II.—РУССКІЙ РАБОЧИЙ У АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА. — Разсказъ и воспоминанія.—П. III.—А. К***	10
III.—ВТОРАЯ ИМПЕРІЯ ВЪ РОМАНѢ ЭМИЛИ ЗОЛЯ. — Les Rougon-Macquart, histoire naturelle et sociale d'une famille, sous le second empire, par <i>Émile Zola</i> . Tome troisième: Le Ventre de Paris. Paris, 1873.—А. Э.	70
IV.—НОВѢЙШАЯ ИСТОРИЯ АВСТРИИ.—I. Десять лѣтъ реакціи: министерство Шварценберга-Баховское. 1849—1859.—III-IV.—В. Д. Спасовича	148
V.—ЛЮДИ И ПРАВЫ ВРЕМЕНЬ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. — Literatur und Gesellschaft in Frankreich zur Zeit der Revolution, 1789—94, von Lotheissen.—III-V.—С.	180
VI.—ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЙ отъ двадцати до пятидесятихъ годовъ. — Историческіе очерки. — IX. — Заключение. — А. Н. Пыпина	222
VII.—ХРОНИКА.—ПЕРЕДѢЛКИ СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ.—Ъ.	264
VIII.—ОПЕРАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.	278
IX.—СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ ВЪ ЕВРОПѢ И АМЕРИКѢ. — По донесеніямъ англійскихъ дипломатическихъ агентствъ и дошедшимъ результатамъ статистическихъ работъ.—П. Ф.	306
X.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Возвышеніе виннаго акциза и пошлыни.—Предлагаемое помѣненіе патентнаго сбора и правилъ раздробительной продажи вина.—Еще судебное преслѣдованіе раскольниковъ.—Запросы петербургскому воспитательному дому.—Общество поданія помощи при кораблекрушеніяхъ.—Женскіе курсы при с.-петербургской медицинской академіи и московскомъ университетѣ.—Полезно или вредно оспопрививаніе?	346
XI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Занятіе Хивы.—Персидская концессія.—Французскія дѣла.—Циркуляръ о печати.—Германскій законопроектъ о печати.—Замѣтка для газеты «Голосъ»	362
XII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.—П.	372
XIII.—ВАРШАВСКІЯ ПИСЬМА.—Письмо третье.—Л. Л.	381
XIV.—НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.—Современный взглядъ на происхожденіе эпидемій.—Die Seichen, ihre Ursachen, Gesetze und Bekämpfung. Von Dr. Fr. Oesterlen. Tübingen, 1873	402
XV.—НОВЫЯ КНИГИ. — Очерки анатоміи и физиологіи человека. Лекціи профессора Э. К. Брандта. Сиб. 1873.	423
XVI.—ИЗВѢСТІЯ.—Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ	441
XVII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

Греции и Рима. *Б. А. Павловича*. Сиб. 1873. 376 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Эта история составлена съ специальною цѣлю удовлетворить требованіямъ программъ старшаго гимназіи, въ которомъ еще разъ отдѣльно водится курсъ исторіи Греціи и Рима, «для прирѣшенія классическаго образованія». Авторъ, вѣду своей цѣли строго держался программой истерства въ недостатки его труда всецѣло осязаетъ въ недостаткамъ самой программы. Схватывая изъ всего пройденнаго уже курса той исторіи одну исторію Греціи и Рима для торенія ея въ высшемъ классѣ, составители программъ, очевидно, создавали нѣчто среднее, усредненное и неопредѣленное. О критическомъ изученіи исторіи Греціи и Рима здѣсь могло быть рѣчи; ему мѣсто—въ филологическомъ факультетѣ. Ограничиться простымъ повтореніемъ уже однажды пройденнаго не хотѣли; вѣсть въ виду подыять преподаваніе ступенью выше, но возможно ли это сдѣлать при той національной рамкѣ, которая отрываетъ начало еѣи отъ исторіи Востока, а конецъ Рима въ исторіи Среднихъ Вѣковъ? Такимъ образомъ, неизбежно должно было видѣти нѣчто еднее, совершенно произвольное и научно-оправданное: приходилось, напримеръ, взять начальныя курсы Веллера или Дюркя, но съ мѣреніемъ «немного распространиться» на ютъ обичайныя и учрежденія грековъ и римлянъ. Г. Павловичъ добросовѣстно исполнилъ эту программу и книга его представляетъ не что иное, какъ повтореніе начальнаго курса съ нѣкоторыми подробностями относительно культуры. е его книгъ, что вслѣдствіе неумѣренныхъ требованій программы онъ долженъ былъ лишиться грѣшныя гимназическаго главнаго его достоинства—исполнѣи и полноты въ изложеніи событій, а равноводства для критическаго изученія, по источникамъ, дать не могъ, такъ какъ такому изученію мѣсто не въ гимназій. Нельзя не замѣтить, однако, неудовлетворительность приложенной къ книгѣ карты.

Книжки изученія русскихъ древностей и исторіи. Паслѣдованія, описанія и критическія статьи *Ив. Забылина*. Часть II. Изданіе К. Сздателюва. М. 1873. 506 стр. Ц. 2 р.

Это—продолженіе изданія, начатаго въ прошлѣмъ году. Нѣтъ надобности говорить о томъ, какую цѣну имѣють труды г. Забылина по русской исторіи и археологіи; эти труды давно признаны специалистами. Вторая часть «Описанія» заключаетъ въ себѣ двѣ статьи общаго содержанія: «о современныхъ задачахъ русской исторіи и древностей», и «Русская археологія»; затѣмъ, собраны здѣсь многочисленныя, крупныя и мелкія статьи г. Забылина о древностяхъ Москвы, — между прочимъ и обширная статья объ этомъ предметѣ, напечатанная въ «Вѣстникѣ Европы» 1867 г.

Визного и древній сѣлгискій языкъ. *Ив. Забылина*. М. 1873. 256 стр. Ц. 2 р.

Описаніе достопримѣчательностей перваго десяти лѣтъ версты Смоленской дороги изъ Москвы въ специально—исторія села Кушова, съ исторіей его владѣльцевъ; одна изъ такихъ мѣстныхъ историческаихъ монографій, какими такъ бо-

которомъ эрудіція посвящена именно тому, что особенно говорить чувству и воображенію.

Национальный вопросъ въ исторіи и литературѣ. *А. Градовскаго*. Сиб. 1873. 309 стр. Ц. 2 р.

Г. Градовскій соединилъ въ этой книгѣ нѣсколько своихъ статей, помѣщенныхъ въ журналѣ «Бесѣда», и свои недавнія публичныя лекціи о славянофильствѣ.

Объ общей мысли автора здѣсь достаточно сказать, что отрица «раціонализмъ» и государственный или идею націонализма, возводъ національности, которая есть только этнографическій, условный и преходящій фактъ, въ идею, а эту «идею» ставя краеугольнымъ фактомъ политическаго общества, г. Градовскій приходитъ самъ къ фактическому отрицанію этой «идеи», подчиняя ее другой «идеѣ», именно идеѣ о племенѣ, о расѣ, которая требуетъ принесенія себя въ жертву организмовъ національных. Отъ панславизма, панлатинизма и пангерманизма одинъ шагъ—къ пан-индо-европеизму, который уже и будетъ окончательнымъ отрицаніемъ національнаго принципа. О самомъ содержаніи настоящей книги должно сказать, что она имѣетъ и бездоказательна и скучна, какъ всякое теоретическое обобщеніе, не подкрѣпленное достаточнымъ указаніемъ фактовъ. Отъ общихъ, довольно поверхностныхъ разсужденій, авторъ переходитъ къ значенію Фихте въ Германіи и затѣмъ къ славянофильству. Такимъ образомъ онъ опускаетъ всю фактическую подготовку возбужденія чувства національности въ Европѣ, вслѣдствіе захватовъ Австріи и войнъ Наполеона, опускаетъ весь примѣръ Италіи, не объясняетъ отношенія своей теоріи къ такимъ противорѣчащимъ ей фактамъ, какъ Соединенные Штаты и Швейцарія. Однимъ словомъ, книга носитъ на себѣ характеръ поверхностности и разнородности своего случайнаго состава.

Народное образованіе. Народныя школы: ихъ современное положеніе и относящееся къ нимъ законодательство во всѣхъ государствахъ. Соч. *Э. Лавлея*. Сиб. 1873. 560 стр. Ц. 4 р.

Сочиненіе извѣстнаго французскаго публициста представляетъ весьма полную картину положенія народнаго образованія въ странахъ всего свѣта. Переводъ книги Лавлея очень полезное приобритеніе для нашей литературы. Исполненъ онъ нѣкогда удовлетворительно; можно только пожалѣть, что переводчикъ не присоединилъ въ приноскахъ послѣднихъ цифръ по крайней мѣрѣ по главнымъ государствамъ Европы.

Сборникъ писемъ и матеріаловъ Лейбница, относящихся къ Россіи и Петру Великому. Издалъ *В. Герье*. Сиб. 1873. 372 стр. Ц. 1 р. 65 к.

Сборникъ матеріаловъ объ отношеніяхъ Лейбница къ Россіи является въ дополненіе къ сочиненію г. Герье «Отношенія Лейбница къ Россіи и Петру В.» вышедшему въ 1871 г. Въ матеріалахъ этихъ, частью еще не изданныхъ доселѣ, много любопытнаго. Изданы снабжены издателемъ библиографическими указаніями и вариантами текста. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ имѣють первостепенное значеніе, ка-

ОБЪ ИЗДАНИИ
„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

ВЪ 1873-мъ ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ — 12-ТЬ КНИГЪ:

I.—Въ С.-Петербургѣ: 1) *Безъ доставки на домъ 15 руб. 50 коп.* — 2) *Съ доставкой по городской почтѣ 16 р.*

II.—Въ Москвѣ: 1) *Съ пересылкою чрезъ книжный магазинъ Н. Г. Соловьева 16 р.* 2) *Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію 17 р.*

III.—Въ губерніи: *Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію 17 р.*

IV.—*Заграницею:* За пересылку чрезъ Иностранную Экспедицію въ вышеупомянутой цѣнѣ (17 р.) прилагается: а) 2 руб. — въ Германію и Австрію; б) 3 р. — въ Бельгію, Нидерланды и Придунайскія Княжества; в) 4 р. — во Францію и Данию; д) 5 р. — въ Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію и Грецію; е) 6 р. — въ Швейцарію; ф) 7 р. — въ Италію и Японію.

1. — **ПОДПИСКА** принимается: а) отъ городскихъ подписчиковъ въ Главной Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ А. О. Баунова, въ С.-Петербургѣ, Невск. Пр., 30; б) Иногородные и иностранные высылаютъ по почтѣ письменно въ Редакцію (Галерная, 20), съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

2. — **ПЕРЕМѢНА АДРЕССА** сообщается въ Редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло попасть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить Редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой Конторѣ свой новый адресъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а Редакцію извѣстить о перемѣнѣ адреса для слѣдующихъ номеровъ. При перемѣнѣ адреса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого нумера начать переѣздъ.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные — въ городскіе 50 коп.

3. — **ЖАЛОБА**, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою, но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно сноситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе. — Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго номера журнала; въ противномъ случаѣ, Редакція лишится возможности удовлетворить подписчика. — Точно также Редакція не можетъ удовлетворять жалобы такъ называемыхъ подписчиковъ, которые, въ противность первому условію подписки, требуютъ высылки журнала на такія станціи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

М. СТАСЮЛКВИЧЪ

Издатель и отвѣтственный редакторъ

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невск. просп., 30.

INDEXED

INTRODUCTION.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 8-ая.

АВГУСТЪ, 1873.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 8-ая. — АВГУСТЪ, 1873.

РАСПОРЯЖЕНІЕ г. Управляющаго Министер. Внутр. Дѣлъ, 6-го іюля . . .	Стр. 42
I.—ВѢНА, МЮНХЕНЪ, ВЕНЕЦІЯ.—Художественныя замѣтки.—Евг. Л. Маркова . . .	43
II.—ПОЗНАНСКІЕ ПОЛЯКИ ВЪ 1848 ГОДУ.—Б. Л.	46
III.—САДКО У МОРСКОГО ЦАРЯ.—Былина.—И. Сурикова	47
IV.—РУССКІЙ РАБОЧІЙ У АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА.—Разсказы и воспоминанія.—IV.—А. К***	51
V.—ВОПРОСЪ О РЕФОРМѢ МОНАСТЫРЕЙ.—Д-въ	52
VI.—ВЗЯТИЕ ХИВЫ И ХИВИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.—Матеріалы для исторіи по- хода.—Статья первая.—О. Н. Лобьсевича	53
VII.—ИЗЪ БАЙРОНА.—I-II.—В. П. Попова	54
VIII.—ЭСКИЗЫ ИТАЛЬЯНСКАГО ОБЩЕСТВА.—II-IV.—Анж. Де-Губернатисъ	55
IX.—ЛЮДИ И ПРАВЫ ВРЕМЕНЪ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.—Literatur und Gesellschaft in Frankreich zur Zeit der Revolution, 1789—94, von Lotheissen.—VI-VII.—С.	56
X.—ХРОНИКА.—СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ ВЪ ЕВРОПѢ И АМЕРИКѢ.—По донесеніямъ англійскихъ дипломатическихъ агентовъ и новѣйшимъ результатамъ статистическихъ работъ.—Франція.—IV- IX.—П. Ф.	58
XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Труды комиссіи сельскаго хозяйства.—Зна- ченіе собранныхъ данныхъ.—Вопросъ объ общинѣ.—Вопросъ о пшеницѣ.— Проектъ новаго устройства духовнаго суда.—Кругъ вѣдѣнія специальныхъ су- довъ вообще.—Виды наказаній.—Составъ суда.—Прокурорская часть.—Необы- чайное сосредоточеніе власти.—Что будутъ дѣлать съ Хивой?	59
XII.—ОДИНЪ ОТВѢТЪ НА ВСѢ ВОПРОСЫ.—Отъ редакціи	60
XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Предстоящее родство съ королевскимиъ домож- Англіи.—Конецъ сессіи французскаго національнаго собранія.—Отказъ про- тектіонизма и очищеніе территоріи.—Правительство Пи-и-Маргала.—Прав- ительство Сальмерона.—Новыя возстанія и война съ карлистами	61
XIV.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Военный вопросъ въ Пруссіи и Германіи.—К.	62
XV.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.—Политическій кризисъ въ Ита- ліи.—D. G.	63
XVI.—НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.—Англійскій рабочій.—De la situation des ouvriers en Angleterre, par le Comte de Paris	64
XVII.—НОВЫЯ КНИГИ.—Russian Folk-tales, by W. Ralston.—М. Кауцетина	65
XVIII.—ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.—Поддѣлка Гоголя.—Д.	66
XIX.—ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.—Возраженіе на критическую замѣтку г. А. П.— А. Траутшольда	67
XX.—НЕКРОЛОГЪ.—Федоръ Ивановичъ Тютчевъ.—М. С.	68
XXI.—ИЗВѢСТІЯ.—Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученикамъ . .	69
XXII.—БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

Доклады и журналы Высочайше утвержденной комиссии для исследования нынешняго положения сельского хозяйства, съ Приложениями въ 4-хъ томахъ in-folio. Спб. 1873. Ц. 25 р.

Мы познакомили читателей въ нынѣшнемъ „Обзорѣ“ съ общимъ характеромъ этой въ высшей степени замѣчательной работы, значеніе которой усиливается тѣмъ болѣе, чѣмъ внимательнѣе отнесется къ нему наше общество, а она заслуживаетъ полнаго общественнаго вниманія и признательности. Опытъ экспертовъ, записанные стенографически, сообщаютъ оживленіе матеріаламъ. Изданіе выполнено по строгой системѣ, и въ этомъ отношеніи не оставляетъ ничего болѣе желать. Мы можемъ только пожелать наибольшаго распространенія въ публикѣ этихъ „журналовъ“ и нѣкотораго простора для обсужденія и критической проверки матеріала, заключающагося въ нихъ.

Первобытная культура. Соч. Эд. Тайлора. Перев. съ англ. подъ редакціей Д. Корончевскаго. Т. II. Спб. 1873. Стр. 484. Ц. 3 р.

Вторымъ томомъ заключается начатое авторомъ изложеніе въ первомъ томѣ объ „анимизмѣ“, т.-е. жизни души внѣ физическихъ условій, какъ онъ выразился въ представленіяхъ различныхъ древнихъ эпохъ, какъ, постепенно развиваясь, онъ достигъ полнаго ученія о духахъ въ философіи естественной религіи, и легъ потомъ въ основаніе установленій морали. Въ видѣ иллюстрацій къ ученію объ анимизмѣ, авторъ посвящаетъ особую главу разсмотрѣнію обрядовъ и церемоній, въ связи ихъ съ различными фазисами ученія о душѣ. Выходя изъ точки зрѣнія, прямо противоположной ученію: „пусть прошедшее будетъ на-вѣки прошедшимъ“, — авторъ ищетъ въ самыхъ отдаленныхъ изгибахъ древней культуры слѣдовъ вліянія ея на практической складѣ высшей культуры, которая такимъ образомъ нѣрѣдко служитъ хранилищемъ „пережившихъ“ идей культуры дикаго человѣка. Въ этомъ отношеніи, авторъ указываетъ особенно на человѣческій эгизмъ, система котораго изобрѣтена въ соотвѣстствіи вовсе не съ нашей современной культурой и не для удовлетворенія ея нуждъ, а съ культурой варварскихъ эпохъ. „Языкъ — говоритъ Тайлоръ — есть одинъ изъ тѣхъ умственныхъ отбросовъ, въ которыхъ мы мало поднялись надъ уровнемъ дикарей, и въ немъ мы какъ будто до сихъ поръ продолжаемъ рубить каменными топорами и съ трудомъ добывать огонь посредствомъ тренія“, между тѣмъ какъ въ другихъ отправленияхъ высшей культуры мы пользуемся также и орудіями, добытыми этою же самою высшею культурою. Таково въ общихъ чертахъ заключеніе автора.

Бытъ военныхъ арестантовъ въ крѣпостяхъ. В. Н. Никитина. Спб. 1873. Стр. 528.

Въ виду современнаго, впрочемъ, довольно медленнаго движенія тюремнаго вопроса на практикѣ, трудъ г. Никитина пріобрѣтаетъ чрезвычайную важность, и по своей новостѣ въ научной литературѣ, и по основательности личнаго ученія авторомъ мало изданнаго вопроса. При преобладаніи

непн къ нимъ правилъ военно-неправильныхъ ротъ. По трудъ автора весьма убѣдительно доказывается, что такая мысль можетъ повести къ невыгодному результату для гражданскихъ тюремъ, что изучать порядокъ военно-неправильныхъ ротъ нужно также и съ цѣлью устраненія тѣхъ недостатковъ, которые въ послѣднихъ, несмотря на всю добрую волю законодательства, замедляютъ достиженіе главной цѣли тюремъ — не столько карать, сколько исправлять. Авторъ приводитъ съ своей стороны рядъ измѣненій, желательныхъ для ротъ, и весьма справедливо указываетъ, что въ виду всеобщей воинской повинности вообще было бы необходимо заблаговременно пересмотрѣть законы о правахъ, обязанностяхъ и отвѣтственности солдата, разсчитанные очевидно на солдата сословнаго, а не бессословнаго, какимъ ему предстоитъ быть. Г. Никитинъ оживилъ свое изложеніе цѣлыми сценами изъ жизни въ ротѣхъ и записалъ свои бесѣды съ осужденными, изъ которыхъ читатель можетъ знакомиться наглядно съ тѣми причинами, которыя приводятъ иногда человека въ роту, а практикѣ извлекать отсюда способы къ преслѣдованію дальнѣйшаго развитія преступныхъ законностей въ человѣкѣ. Нельзя не радоваться появленію такой книги.

Юнкерскія училища. Г.-М. П. Бобровскаго. Т. II. Спб. 1873. Стр. 614 и IVI.

Авторъ посвятилъ первый томъ своего обширнаго труда историческому изслѣдованію предмета, съ цѣлью доказать необходимость специальныхъ учреждений для образованія строевого офицера изъ военноопредѣляющихся. Впрочемъ, юнкерскія училища въ послѣдніе годы росли съ чрезвычайною быстротою, и изъ 4-хъ училищъ съ 700 обучающихся въ 1864—1865 гг., достигли въ 1872 г. замѣтной цифры 16 училищъ съ 3790 обуч.; всего прошло чрезъ нихъ, за 8 лѣтъ, около 11 тысячъ, давшихъ безъ малаго 5½ тысячъ офицеровъ. Второй томъ авторъ посвящаетъ именно описанію хода обученія и воспитанія юнкеровъ за этотъ 8-ми-лѣтній періодъ, выдѣляя для третьяго тома обзоръ условій благоустройства училищъ. Не будучи спеціалистами, не судимъ о подробностяхъ, но мы не можемъ не отнестись сочувственно къ одному изъ основныхъ излагавъ автора на военное воспитаніе: „Правдивость только одна, — итъ особой военной нравственности, но есть военная дисциплина“, которая складается „изъ уваженія къ закону, къ личности человека и къ исполненію своихъ обязанностей“. О „чести мундира“, которую такъ легко можно понизить превратно, авторъ не говоритъ ничего.

Основаніе ботаники. Руководство для начинающихъ. М. Мастера. Перев. съ англ. Волкенштейнъ. Спб. 1873. Стр. 186. Ц. 75 к.

Составитель руководства имѣлъ главнымъ образомъ въ виду изъ громадной массы подробностей выдѣлить строго одно необходимое для образованія въ ученіи нерушимы общіе понятія. Съ этою же цѣлью онъ ограничился самыми обыкновенными растениями, попадающимися на ка-

ОБЪ ИЗДАНИИ
„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

ВЪ 1873-мъ ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ — 12-ТЬ КНИГЪ:

I.—Въ С.-Петербургѣ: 1) *Безъ доставки* на домъ 15 руб. 50 коп. — 2) *Съ доставкой* по городской почтѣ 16 р.

II.—Въ Москвѣ: 1) *Съ пересылкою* чрезъ книжный магазинъ И. Г. Соловьева 16 р. 2) *Съ пересылкою* чрезъ Газетную Экспедицію 17 р.

III.—Въ губерніяхъ: *Съ пересылкою* чрезъ Газетную Экспедицію 17 р.

IV.—*Заграницею*: За пересылку чрезъ Иностранную Экспедицію къ вышеупомянутой цѣнѣ (17 р.) прилагается: а) 2 руб. — въ Германію и Австрію; б) 3 р. — въ Бельгію, Нидерланды и Придунайскія Княжества; в) 4 р. — во Францію и Данию; г) 5 р. — въ Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію и Грецію; е) 6 р. — въ Швейцарію; ф) 7 р. — въ Италію и Японію.

1. — ПОДПИСКА принимается: а) отъ городскихъ подписчиковъ въ Главной Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ А. О. Базунова, въ С.-Петербургѣ, Невск. Пр., 30; б) Иногородные и иностранцы высылаютъ по почтѣ исключительно въ Редакцію (Галерная, 20), съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтового учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

2. — ПЕРЕМѢНА АДРЕССА сообщается въ Редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло послѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить Редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой Конторѣ свой новый адресъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а Редакцію извѣстить о перемѣнѣ адреса для слѣдующихъ номеровъ. При перемѣнѣ адреса, необходимо уваживать мѣсто прежняго извѣщенія журнала, и съ какого номера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По новымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные — въ городскіе 50 коп.

3. — ЖАЛОБА, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы, и не должна быть сдана въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первымъ почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно сноситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворять только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе. — Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго номера журнала; въ противномъ случаѣ, Редакція лишится возможности удовлетворить подписчика. — Точно также Редакція не можетъ удовлетворять жалобы тѣхъ подписчиковъ, которые, въ противность первому условію подписки, требуютъ аннулирования на такіхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

М. СТАСЮЛЕВИЧЪ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невск. просп., 30.

**This book is under no circumstances to be
taken from the Building**

[illegible]

form 410

APR 12 1927

